VE RI
TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CCXLVI. — 1/13 ІЮЛЯ, 1878.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЪ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

(386)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

УВЯДШІЯ ЛИСТЬЯ.

Не тучи сшиблись грозовыя,
Сошлись двѣ рати боевыя.
Не громъ раскатистый гремитъ,
Ревутъ орудья, не смолкая.
Не ливень прыгаетъ-шумитъ,
Течетъ-сочится кровь людская.
Какъ ураганъ въ лѣсной глуши,
Свиститъ картечь, визжатъ гранаты;
Какъ дубы, рушатся вожди,
Какъ листья, падаютъ солдаты.
Гдѣ дубъ упалъ, остался слѣдъ,
Лежатъ гніющіе обломки;
Ихъ даже послѣ многихъ лѣтъ
Увидятъ дальніе потомки.
Но листья, листья безъ слѣда
Истлѣютъ скоро навсегда.
Одна лишь вѣтвь, осиротѣвши,
Въ вершинѣ плачется по нихъ,
Но боязливъ и скромно-тихъ
Сиротки шопотъ наболѣвшій:
Онъ не встревожитъ сонный лѣсъ,
Онъ не домчится до небесъ.
И только юноша случайно
Въ тотъ лѣсъ, быть можетъ, забредетъ,

Быть можетъ, въ сердцѣ онъ найдетъ
На шепотъ скорби откликъ тайный,
Какъ я, быть можетъ, загруститъ,
Прольетъ слезу, какъ я рыдаю,
Быть можетъ, вздохъ имъ посвятитъ,
Какъ я имъ пѣсню посвящаю...

II.

ПАМЯТИ N.

Непомраченный суетою
Нечистыхъ думъ, недобрыхъ дѣлъ,
Твой взоръ безгрѣшной чистотою
И тихимъ счастіемъ горѣлъ.
Какъ херувимъ, чтó молитъ Бога,
Красой небесной ты цвѣла,
И въ страхѣ черная тревога
Бѣжала свѣтлаго чела.
Увы! Прекрасное созданье,
Недолго жизнь твою щадя,
Судьбы холодное дыханье
Коснулось скоро и тебя...
Но даже полная тоскою,
Ты о земномъ скорбѣла злѣ,
Какъ прежде, чуждая землѣ,
Какъ прежде, ясная душою.
Такъ надъ паденіемъ людскимъ
Скорбѣла дѣва неземная,
Такъ, падшихъ братьевъ вспоминая,
Скорбитъ безгрѣшный херувимъ...

III.

ЗАСУХА.

Я помню: лѣтнею порою
Грозилъ намъ голодъ разъ. Поля
Всѣ были выжжены жарою,
Желтѣя, трескалась земля.
Грозы молили всѣ у неба;
Толпился въ церкви весь народъ,
Кричали дѣти у воротъ:
«Дай, Боже, дождика, дай хлѣба
Для дѣтокъ маленькихъ твоихъ!»
И Богъ мольбу услышалъ ихъ.
Не даромъ въ скорби непритворной
Упала пахаря слеза,
Примчались тучи стаей черной,
И разразилася гроза.
Когда же стихнулъ дождь желанный,
Я вышелъ въ садъ благоуханный
И тамъ нашелъ среди кустовъ
Гнѣздо, размытое грозою.
Надъ нимъ съ безпомощной тоскою
Кружилась мать. Своихъ птенцовъ
Она звала и щебетала,
Ихъ грѣла трепетнымъ крыломъ,
Металась, билась надъ гнѣздомъ,
И возлѣ мертвая упала.
И думалъ я: чтѝ, если-бъ мать
Могла въ тоскѣ своей понять,
Что той грозой неумолимой
Спасенъ весь край?—Чтѝ край родимый!—
Когда не стало навсегда
Гнѣзда, родимаго гнѣзда!

IV.

[illegible]

Гроза прошла... И страха полный,
На міръ ликующій глядитъ.
Дрожа, [illegible] [illegible] [illegible]
И шелеститъ уснувшей глушью.

Гроза прошла... И громы стихли.
Погасли молніи въ тьмѣ.
И лишь по скатамъ съ грязью уличной
Стекаютъ мутные ручьи.

Н. Минскій.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ

ВЪ

ОБШИРНОМЪ СМЫСЛѢ.

I.

Общія начала ученія о борьбѣ за существованіе — Источники и послѣдствія этой борьбы.—Нѣсколько частныхъ примѣровъ.

Прежніе авторы обозначали общимъ терминомъ: «борьба за существованіе» — цѣлый рядъ сложныхъ процессовъ, ведущихъ къ сохраненію организмовъ, процессовъ, заключающихся въ противодѣйствіи разрушающему вліянію разнообразныхъ внѣшнихъ условій. Поэтому они говорили о «борьбѣ» растеній со стужею, съ наводненіями и т. п., равно какъ и о борьбѣ за существованіе въ смыслѣ активной борьбы двухъ животныхъ. Въ то же время они распространяли этотъ терминъ и на сложныя явленія соперничества между однородными организмами изъ-за пищи, жилища и проч.

Еще въ прошломъ столѣтіи была замѣчена зависимость явленій борьбы за существованіе отъ через-чуръ усиленной плодовитости организмовъ. Франклинъ уже указалъ на то, что «воспроизводительная способность растеній и животныхъ не имѣетъ границъ и сдерживается только тѣмъ, что, *размножаясь, они отнимаютъ другъ у друга пищу*». Мальтусъ развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: «Растенія и животныя повинуются своему инстинкту, не заботясь о томъ, какая судьба постигнетъ ихъ потомство. *Недостатокъ мѣста и пищи уничтожаетъ въ*

различныхъ муравейниковъ. Тоже и при соперничествѣ двухъ разновидностей одного и того же вида. Положимъ, напр., что происходитъ борьба за существованіе между окрашенной и бѣлой разновидностью какого-нибудь вида—борьба, вызванная преслѣдованіемъ хищниковъ. Бѣлыя особи, какъ наиболѣе кидающіяся въ глаза, будутъ выловлены и погибнутъ, цвѣтные же экземпляры, какого бы цвѣта они ни были, окажутся въ данномъ случаѣ «наиболѣе приспособленными», и потому выживутъ, давая начало новому многочисленному поколѣнію. Здѣсь, слѣдовательно, на первый планъ выступаетъ соперничество не между наиболѣе близкими родичами, т.-е. недѣлимыми одной и той же расы, а между болѣе отдаленными представителями обѣихъ расъ. Такъ съ точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости и происхожденіи видовъ. Съ точки же зрѣнія вопроса о разновидности главнѣйшую роль играетъ, понятно, конкурренція между нѣсколько болѣе и нѣсколько менѣе темными, или нѣсколько болѣе и менѣе яркими представителями каждой расы.

Сказанное нами ведетъ къ тому, чтобы признать, во-первыхъ, что активную борьбу нельзя строго различать отъ пассивной, а во-вторыхъ—къ тому, что разграниченіе явленій «борьбы за существованіе» съ спеціальной точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости вида можетъ имѣть значеніе только для рѣшенія одного этого вопроса, и потому не должно быть допускаемо въ случаѣ, когда идетъ рѣчь о явленіяхъ борьбы съ общей точки зрѣнія. Ради удобства мы можемъ и тутъ сосредоточить кругъ изслѣдованія на извѣстной части этихъ явленій, но при этомъ не должны забывать, что всякое подраздѣленіе послѣднихъ будетъ дѣломъ чисто искусственнымъ и потому пригоднымъ лишь въ практическомъ отношеніи.

Если мы настаиваемъ на принятіи термина «борьба» въ обширномъ смыслѣ, то то же самое должны мы теперь распространить и на понятіе «существованіе». Нерѣдко къ этой категоріи относятъ только потребность самосохраненія, т.-е. обезпеченіе пищей и избѣжаніе враговъ, но этого, разумѣется, недостаточно. Къ этому понятію нужно отнести и другія, менѣе постоянныя потребности, какъ, напр., половую потребность, инстинктъ перелета, семейныя потребности и многое другое. Съ этой точки зрѣнія такъ-наз. «половая борьба», т.-е. драка или другая менѣе воинственная форма соревнованія между самцами изъ-за обладанія самкою должна быть также точно отнесена къ суммѣ явленій «борьбы за существованіе». Нерѣдко такая драка дѣйствительно кончается смертью, т.-е. прекращеніемъ «существованія»;

въ однихъ случаяхъ кто-нибудь изъ борцовъ загрызается до смерти; въ другихъ случаяхъ половой борьбы побѣжденный кончаетъ смертью отъ водобоязни; борющіеся олени иногда такъ спутываются своими рогами, что не могутъ разойтись и въ такихъ случаяхъ оба умираютъ отъ голода.—То же самое должно быть распространено и на многія другія явленія, какъ, напр., на соперничество изъ-за удовлетворенія честолюбія, различныхъ прихотей и т. п. Какъ ни ничтожными кажутся эти вещи для существованія однихъ, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ быть очень существенны для тѣхъ, кто лишаетъ себя жизни вслѣдствіе неудовлетвореннаго самолюбія, потери части состоянія или кто умираетъ на дуэли изъ-за дѣлъ «чести».

Въ виду того, что «борьба за существованіе», какъ оказывается, захватываетъ собою огромную сумму явленій, невозможно болѣе ограничиваться признаніемъ за усиленнымъ размноженіемъ организмовъ единственнаго стимула этой борьбы. «Борьба за существованіе—говоритъ Дарвинъ—необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой стремятся размножиться всѣ органическія существа». И далѣе: «такъ какъ родится болѣе особей, чѣмъ сколько можетъ ихъ выжить, то во всякомъ случаѣ должна происходить борьба за существованіе либо съ особями того же вида, либо съ особями другого вида, либо съ физическими условіями жизни». Противъ этого нѣсколько разъ выставляли на видъ, что Дарвинъ слишкомъ изолируетъ самое явленіе усиленнаго размноженія и ставитъ его въ основу борьбы и подбора, между тѣмъ какъ оно само подлежитъ измѣненію и вліянію того же естественнаго подбора. Самъ Дарвинъ приводитъ случаи, гдѣ организмы одолѣвали въ борьбѣ за существованіе исключительно ради усилившейся ихъ плодовитости; слѣдовательно, уже поэтому одному на эту способность нельзя смотрѣть какъ на незыблемую и неизмѣнную основу всего процесса борьбы. Можно утверждать, что многочисленные примѣры особенно сильной плодовитости, какъ, напр., милліоны яицъ и личинокъ, производимые солитерами и другими паразитами, или огромное число дѣтенышей, рождаемыхъ травяными вшами и т. п., представляютъ намъ явленія сравнительно поздняго происхожденія, явленія, вызванныя борьбою за существованіе и удержанныя естественнымъ подборомъ. На этомъ основаніи, для того чтобы правильнѣе поставить самый вопросъ объ источникахъ борьбы, необходимо нѣсколько шире взглянуть на дѣло.

Размноженіе, какъ уже много разъ было замѣчено, есть одна изъ функцій питанія. Можно сказать вообще, что излишекъ пи-

тательнаго матеріала, за удовлетвореніемъ нуждъ даннаго существа, идетъ на образованіе новаго поколѣнія. Отсюда тотъ антагонизмъ между индивидуальнымъ развитіемъ и размноженіемъ, на который съ давнихъ поръ обратили вниманіе натуралисты, и который послужилъ основной темой для соображеній о размноженіи какъ Прудону, такъ въ особенности и Герберту Спенсеру. Связь эта въ ея наиболѣе чистой и ненарушенной вторичными измѣненіями формъ замѣчается у низшихъ организмовъ, т.-е. въ томъ мірѣ, гдѣ преобладаетъ размноженіе посредствомъ дѣленія, почкованія и другихъ способовъ такъ-наз. безполаго размноженія. Инфузоріи и монады передъ раздѣленіемъ поглощаютъ обильную пищу и нерѣдко начинаютъ приготовляться къ акту размноженія, прежде чѣмъ у нихъ окончится процессъ пищеваренія. Голодныя гидры перестаютъ производить почки, но послѣ новаго принятія пищи онѣ снова начинаютъ размножаться. И при половомъ размноженіи можно нерѣдко наблюдать случаи очень явственной зависимости размноженія отъ питанія организма. Особенно рѣзкіе результаты даетъ въ этомъ отношеніи сравненіе паразитическихъ животныхъ съ ближайшими къ нимъ по организаціи свободно живущими формами. Такъ, напр., паразитическое поколѣніе одной глисты, водящейся въ легкихъ лягушекъ и жабъ, производитъ тысячи личинокъ, тогда какъ свободно-живущее поколѣніе того же червя даетъ всего три-четыре такихъ же личинки. Правда, первое поколѣніе отличается значительно бо́льшими размѣрами, но это различіе далеко не соотвѣтствуетъ степенямъ плодовитости обоихъ поколѣній.—У такъ-наз. водяныхъ блохъ (дафній) скудость условій питанія вызываетъ и перемѣну въ способахъ размноженія. Вмѣсто того, чтобы производить живыхъ дѣтенышей, которыхъ съ-разу образуется обыкновенно по нѣскольку и образованіе которыхъ потребляетъ огромное количество питательнаго матеріала, при наступленіи неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій,—дафніи начинаютъ производить по одному или по немногу яицъ, на образованіе которыхъ идетъ гораздо меньшее количество вещества.

Сводя, такимъ образомъ, процессъ размноженія къ обособленію излишка питательнаго матеріала, мы естественно приходимъ къ выводу, что въ основаніи перваго лежитъ фактъ способности организма къ принятію бо́льшаго противъ необходимаго для поддержанія жизни количества пищи. Способность эта тоже съ особенной ясностью можетъ быть наблюдаема у простѣйшихъ организмовъ. Какъ ни велика извѣстная всѣмъ прожорливость домашнихъ животныхъ, но сравнительно она представляется далеко не

столь большой, такъ какъ у нихъ количество принимаемой пищи находится въ зависимости отъ такого частнаго и сравнительно съ объемомъ тѣла небольшого органа, какъ желудокъ. Несравненно больше съѣдаютъ различныя насѣкомыя, пауки и другіе болѣе мелкіе организмы. Шелководамъ хорошо извѣстно, какія массы тутовыхъ листьевъ нужны для прокормленія жадныхъ червей, большая часть тѣла которыхъ выполнена длиннымъ желудкомъ. Прожорливость пауковъ, изслѣдованная подробно англійскимъ натуралистомъ Поллокомъ, поистинѣ изумительна.

Если мы спустимся къ еще болѣе низшимъ организмамъ, то увидимъ значительно болѣе поразительную прожорливость. Все тѣло такихъ существъ, какъ корненожки или сходныя съ ними простѣйшія животныя, состоитъ изъ однороднаго живого вещества, которое цѣликомъ способно играть роль пищепріемнаго и пищеварительнаго органа. Окружая подобные организмы мелкими веществами, мы видимъ, что громадныя количества послѣднихъ попадаютъ внутрь ихъ тѣла. Это особенно удобно на такихъ организмахъ, какъ такъ-наз. слизистые грибы, крупное сѣтковидное и подвижное тѣло которыхъ въ самое короткое время наѣдается множествомъ поднесенныхъ ему окрашенныхъ веществъ и само принимаетъ цвѣтъ послѣднихъ.—Въ высшей степени интересенъ слѣдующій случай, видѣнный впервые проф. Ценковскимъ. Одинъ изъ мельчайшихъ микроскопическихъ организмовъ, описанный имъ подъ названіемъ крахмальной монады (Monas amyli), прилѣпляется къ крахмальному зерну, имѣющему приблизительно отъ ста до ста-двадцати-пяти разъ бóльшій объемъ, чѣмъ самая монада; послѣдняя распластывается на поверхности зерна и затѣмъ одѣваетъ его цѣликомъ въ видѣ тончайшей, едва замѣтной оболочки. Этимъ кончается актъ пищепринятія, вслѣдъ за которымъ начинается медленное и постепенное претвореніе крахмальнаго зерна. Обыкновенно процессъ этотъ не успѣваетъ дойти до конца и часть непереваренного зерна отбрасывается, какъ лишняя, между тѣмъ какъ значительно увеличившееся тѣло монады распадается на множество зачатковъ новаго поколѣнія. Тутъ мы воочію видимъ источникъ усиленнаго размноженія.

Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что борьба за существованіе вытекаетъ въ концѣ-концовъ изъ способности организмовъ къ чрезмѣрному принятію пищи, излишекъ которой расходуется на размноженіе. Чѣмъ больше появляется на землѣ организмовъ, тѣмъ сильнѣе и постояннѣе борьба между ними. Разнообразіе же организмовъ само собою вызываетъ и разнообразныя формы борьбы. Такимъ образомъ, усиленное воспроизведеніе, или, какъ

выражаются, «стремленіе къ размноженію въ геометрической прогрессіи» является только частнымъ возбудителемъ борьбы, а при нынѣшнихъ сложныхъ условіяхъ органической жизни это явленіе само въ большинствѣ случаевъ служитъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе.

Всякія стремленія вообще, какого бы свойства они ни были, естественно ведутъ къ борьбѣ, какъ это справедливо было развито Прейеромъ (Der Kampf um das Dasein. 1869, стр. 19—21). Стремленіе получить кратчайшимъ путемъ значительное количество пищи побуждаетъ пчелъ производить набѣги и ведетъ къ ожесточенной борьбѣ между ними. Кровавыя битвы составляютъ обычное занятіе муравьевъ, добывающихъ рабовъ и т. д.—Отсюда понятно, что для объясненія всеобщности и распространенности борьбы за существованіе вовсе нѣтъ надобности прибѣгать къ принятію перенаселенія всего земного шара и думать, чтобы всегда борьба вызывалась крайностью, нуждою «въ кускѣ насущнаго хлѣба». Можно положительно утверждать, что во многихъ мѣстахъ земли (напр., на океаническихъ островахъ) число живого населенія далеко еще не дошло до избытка, что̀, однакоже, не мѣшаетъ самымъ многочисленнымъ и разнообразнымъ проявленіямъ борьбы.

Вообще говоря, въ природѣ проявляется болѣе потребностей, чѣмъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Всѣ организмы такъ или иначе дѣйствуютъ съ цѣлію достиженія этихъ средствъ; слѣдовательно, вступаютъ въ борьбу; а въ силу общаго закона, по которому нѣтъ двухъ существъ совершенно тождественныхъ или находящихся при абсолютно одинаковыхъ условіяхъ, предметъ борьбы достается одной изъ борющихся сторонъ. Такимъ образомъ, являются побѣдители и побѣжденные. Первыми будутъ во всѣхъ случаяхъ существа «наиболѣя приспособленныя» при данныхъ условіяхъ. Установить какія-нибудь общія правила относительно характера этихъ наиболѣе приспособленныхъ побѣдителей, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, едва ли возможно. Дарвинъ пытался доказать, что бо̀льшая сложность организаціи, т.-е. бо̀льшая степень спеціализаціи отдѣльныхъ органовъ—съ одной стороны, и бо̀льшая степень измѣнчивости организма—съ другой, составляютъ капитальныя условія, дающія значительный шансъ побѣды. Отсюда онъ пришелъ къ заключенію, что борьба за существованіе и вытекающій изъ нея естественный подборъ ведутъ, вообще говоря, къ «усовершенствованію организаціи». Въ другомъ мѣстѣ я по возможности разобралъ этотъ вопросъ и выставилъ на видъ, что побѣда въ борьбѣ за существованіе зависитъ не

только отъ качествъ даннаго организма, но еще и отъ внѣшнихъ условій, при которыхъ совершается борьба [1]). Такимъ образомъ, положеніе Дарвина о прогрессированіи организаціи должно было быть ограничено. То же должно быть сдѣлано и относительно правила, по которому наибольшія отклоненія въ признакахъ борющихся сторонъ выгодны въ борьбѣ за существованіе. Безспорно, что въ случаѣ, напр., сильнаго спроса на извѣстную пищу и возникшаго отсюда соперничества — чрезвычайно важно, если какая-нибудь изъ борющихся сторонъ окажется способной къ принятію новаго рода пищи, если, напр., хищное животное, въ случаѣ недостатка въ животной пищѣ, станетъ принимать растительную. Въ подобнаго рода случаяхъ, относимыхъ Дарвиномъ къ его закону «расхожденія признаковъ», борьба временно утихаетъ и получаетъ иное направленіе. Столь же полезнымъ является пріобрѣтеніе способности въ жизни въ новой средѣ въ случаѣ перенаселенія какой-нибудь мѣстности; напр., если, при тѣснотѣ на сушѣ, нѣкоторыя особи получаютъ привычку жить въ водѣ. Въ другихъ же случаяхъ «расхожденіе признаковъ», т.-е. отклоненіе отъ нормы, можетъ быть — напротивъ — губительно въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напр., при соперничествѣ особей даннаго вида въ дѣлѣ избѣжанія враговъ, отклоненіе въ цвѣтѣ и привычкахъ бываетъ часто очень вреднымъ; поэтому альбиносы различныхъ животныхъ обыкновенно первыми попадаются въ жертву хищникамъ. Тѣ самыя особи, которыя вслѣдствіе пріобрѣтенія новой привычки, напр., жизни въ новой средѣ, удачно оканчиваютъ борьбу изъ-за мѣста, могутъ оказаться побѣжденными въ борьбѣ съ другими водяными обитателями, вслѣдствіе незнакомства съ новыми врагами и новыми условіями существованія.

Только-что сказанное должно послужить намъ не только для того, чтобы показать относительное значеніе «расхожденія признаковъ», но также и для разъясненія самаго направленія борьбы за существованіе. Въ однихъ случаяхъ послѣдняя ведетъ къ значительному уравненію переживающихъ формъ, въ другихъ же она, напротивъ, служитъ къ установленію все бóльшихъ и бóльшихъ отличій. При борьбѣ изъ-за какой-нибудь потребности, побѣжденныя особи или вымираютъ, или же приспособляются къ новымъ условіямъ существованія. Такъ, напр., вышеупомянутые альбиносы, при большинствѣ условій, рѣзко кидаются въ глаза хищникамъ и становятся ихъ добычей; на сѣверѣ же и на вы-

[1]) „Вѣстн. Евр.", 1876, іюль, стр. 173—189.

сокихъ горахъ, т.-е. въ мѣстностяхъ, богатыхъ снѣгомъ, они если и не непремѣнно переживаютъ всѣхъ своихъ соперниковъ, то, по крайней мѣрѣ, сами не подвергаются такому истребленію и образуютъ новую породу. Въ случаяхъ первой категоріи, т.-е. при истребленіи побѣжденныхъ, оставшіеся побѣдители уравниваются, вслѣдствіе присущаго всѣмъ имъ общаго признака, того именно, который обусловилъ ихъ побѣду. Такимъ образомъ, изъ первоначально разношерстной массы соперниковъ переживаютъ только болѣе однообразные. Въ случаяхъ же второй категоріи (расхожденіе признаковъ), напротивъ, первоначальныя различія соперниковъ становятся еще болѣе рѣзкими, напр., когда одна изъ борющихся сторонъ поселяется въ новой средѣ и прежняя масса соперниковъ, жившихъ, положимъ, на берегу, распадается на сухопутныхъ и водяныхъ обитателей. Уравнивающему вліянію борьбы за существованіе приписываютъ, напр., тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что дикія животныя и растенія несравненно болѣе однообразны, чѣмъ соотвѣтствующія имъ культивированныя породы. Одно изъ существенныхъ условій культуры состоитъ въ охраненіи одомашненныхъ породъ отъ многихъ сторонъ борьбы за существованіе, въ устраненіи необходимости для животныхъ самимъ добывать себѣ пищу, защищаться отъ враговъ, зимней стужи и проч. Въ виду этого, многіе признаки, которые при условіяхъ свободной жизни повели бы къ гибели въ борьбѣ, подъ охраняющимъ вліяніемъ человѣка, продолжаютъ существовать, обусловливая тѣмъ бо̀льшее разнообразіе. Такъ, напр., нѣкоторыя бѣлыя породы, какъ, напр., бѣлые кролики и крысы, невыдерживающіе конкурренціи на свободѣ, процвѣтаютъ въ человѣческомъ хозяйствѣ. Отсюда понятно, что, въ случаяхъ одичанія многихъ культивированныхъ породъ, послѣднія, какъ говорятъ, возвращаются къ дикой первоначальной породѣ, т.-е. что изъ всѣхъ одичавшихъ особей побѣдителями въ свободной борьбѣ за существованіе окажутся именно такія, которыя всего менѣе отклонились подъ вліяніемъ охранительныхъ условій культуры.

Вопросъ объ отношеніи борьбы за существованіе къ процессу образованія собственно видовъ въ органической природѣ, какъ вопросъ частный и притомъ уже разработанный въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть обойденъ нами. Я ограничусь здѣсь только указаніемъ на главнѣйшіе результаты. Сущность дарвинизма состоитъ, какъ извѣстно, въ установленіи причинной связи между обоими моментами, т.-е. между борьбою за существованіе и образованіемъ опредѣленныхъ группъ организмовъ, связанныхъ общими форменными признаками, т.-е. группъ, называемыхъ «ви-

дами». Положеніе это должно быть признано незыблемымъ вкладомъ въ науку. Отсюда однако же не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто оба названные момента всегда находятся въ зависимости. Напротивъ, можно утверждать, что во многихъ случаяхъ они бываютъ разобщены, т.-е. что есть виды, признаки которыхъ фиксировались помимо борьбы за существованіе, и съ другой стороны, что послѣдняя не необходимо ведетъ къ образованію форменныхъ признаковъ, составляющихъ видовыя отличія [1]). Въ виду этого, на измѣнчивость или постоянство вида вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на указателя степени и силы борьбы за существованіе. Есть виды, отличающіеся замѣчательной живучестью и постоянствомъ, и въ то же время они подвержены сильнѣйшей борьбѣ; въ этихъ случаяхъ боевые признаки не носятъ на себѣ форменнаго характера и кроются въ глубинѣ физико-химической организаціи. Указать на это я здѣсь счелъ нужнымъ для того, чтобы устранить могущее возникнуть недоразумѣніе, которое привело бы къ ограниченію борьбы за существованіе въ случаяхъ ослабленія или остановки собственно видообразовательнаго процесса.

Главную причину неполноты нашихъ свѣдѣній о борьбѣ за существованіе слѣдуетъ искать въ недостаточности фактической подготовки, безъ которой немыслимо прочное установленіе общихъ взглядовъ на столь многообразное и сложное явленіе. Какъ ни распространены всевозможныя проявленія этой борьбы, тѣмъ не менѣе изученіе ея хода сопряжено съ величайшими затрудненіями. Она совершается во всѣ возрасты и можетъ касаться всевозможныхъ, какъ открытыхъ, форменныхъ, такъ и скрытыхъ, составныхъ признаковъ организма. Для сужденія объ ея характерѣ нужно поэтому подробное знакомство съ свойствами организма и, кромѣ того, съ особенностями внѣшнихъ условій борьбы. Даже въ случаяхъ особенно интенсивной борьбы это сужденіе есть дѣло нелегкое, а иногда и вовсе недоступное. Приводя примѣры вытѣсненія однѣхъ формъ другими въ борьбѣ за существованіе, Дарвинъ въ большинствѣ случаевъ не указываетъ на причины побѣды, но нерѣдко ссылается на то, что онѣ должны быть очень глубоки и скрыты. Мнѣ самому привелось быть свидѣтелемъ одного примѣра чрезвычайно энергичной борьбы. Одно

---

[1]) Положеніе это составляетъ основную мысль моего „Очерка вопроса о происхожденіи видовъ“, къ которому я и отсылаю читателя, если бы онъ пожелалъ подробнѣе ознакомиться съ дѣломъ. Главнымъ образомъ сказанное положеніе развито въ главахъ VIII, IX и X. См. „Вѣстникъ Европы“, 1876 г.: май, іюль, августъ.

сложно-цвѣтное растеніе мехиканскаго происхожденія (Eupatorium adenophorum) принадлежитъ къ числу распространеннѣйшихъ представителей флоры острова Мадейры. Посѣянное впервые въ саду бывшаго англійскаго консула въ концѣ тридцатыхъ годовъ, оно скоро перешло оттуда на свободу, заняло скалистые берега рѣкъ и другія свободныя мѣста, но потомъ стало вытѣснять другія растенія и сдѣлалось полнымъ хозяиномъ во многихъ частяхъ острова. Уже въ 1855 году оно заняло возвышенныя мѣста до двухъ или трехъ тысячъ футовъ и перешло на сѣверную часть острова, гдѣ оно сдѣлалось однимъ изъ обыкновеннѣйшихъ растеній [1]). Мѣстные жители обратили вниманіе на это растеніе и дали ему названіе «Abundancia» и «Inça muito» (т.-е. мошка). Несмотря на такую очевидную силу въ борьбѣ за существованіе, ни одному натуралисту, наблюдавшему это растеніе, не удалось опредѣлить, почему именно оно оказывается способнымъ къ побѣдѣ. И я не былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе, хотя и направилъ изслѣдованіе съ спеціальною цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ. Предположеніе, что клейкіе листья и стебли абундансіи составляютъ надежный оплотъ противъ насѣкомыхъ, которымъ открытъ доступъ къ другимъ мадейрскимъ растеніямъ, не оправдалось, такъ какъ я на очень многихъ листьяхъ находилъ гусеницъ бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Въ растительномъ мірѣ изъ числа сухопутныхъ растеній, кромѣ многихъ низшихъ представителей, особенной живучестью отличаются сорныя травы и другія растенія, водящіяся по близости къ человѣку. Де-Кандоль (Géographie botanique, стр. 582) сосчиталъ, что они составляютъ двадцать-пять процентовъ всей суммы распространеннѣйшихъ растеній. Въ теченіи короткаго времени нѣкоторыя сорныя травы, какъ, напр., синякъ, коровякъ, собачки и др., распространились въ Сѣверной Америкѣ, оттѣснивъ туземныя растенія. Такой фактъ подалъ Агасси́ поводъ провести слѣдующую параллель. «Эти завезенныя въ Америку европейскія растенія (т.-е. названныя сорныя травы) распространяются и завладѣваютъ почвой, занятой прежде туземными растеніями, которыя клонятся къ исчезновенію приблизительно такъ же, какъ индійская раса отступаетъ передъ бѣлымъ человѣкомъ и исчезаетъ въ виду цивилизаціи, утверждающейся на землѣ краснокожихъ». На основаніи подобныхъ фактовъ, Де-Кандоль предсказываетъ (l. c. 803 и 807), что со временемъ наиболѣе живучія и между ними сорныя растенія получатъ еще бо́льшее

---

[1]) См. *Lowe*., Manual Flora of Madeira. 1868, стр. 435, 436.

распространеніе, вслѣдствіе чего общій характеръ флоры сдѣлается болѣе однообразнымъ.

Изъ міра насѣкомыхъ, къ числу особенно живучихъ относятся присосѣдившіеся къ человѣку тараканы, потомки однихъ изъ древнѣйшихъ сухопутныхъ животныхъ, свидѣтелей образованія каменно-угольныхъ залежей. Изъ тараканьяго семейства около человѣка водится довольно значительное число видовъ, иногда вступающихъ другъ съ другомъ въ борьбу за существованіе. На сѣверѣ побѣдителями являются мелкіе виды (прусакъ и лапландскій прусачокъ) по всей вѣроятности вслѣдствіе своей способности прятаться отъ зимней стужи въ очень маленькіе и скрытые закоулки, а также, быть можетъ, и вслѣдствіе бóльшей плодовитости (мелкія животныя, вообще говоря, плодовитѣе крупныхъ). На югѣ же побѣдителями оказываются болѣе крупные виды, какъ, напр., черный и американскій тараканы. Примѣръ этотъ особенно ясно иллюстрируетъ упомянутое выше положеніе, что побѣда въ борьбѣ зависитъ какъ отъ особенностей борющихся сторонъ, такъ и отъ свойствъ окружающей обстановки.

Одно изъ животныхъ, отличающихся особенной силой въ борьбѣ за существованіе, есть безспорно наша обыкновенная крыса, такъ-называемый пасюкъ. Явившись въ Европу въ первой, а въ Америку—въ послѣдней трети прошлаго столѣтія, онъ вытѣснилъ нѣсколько другихъ видовъ крысъ, ранѣе его пріютившихся по близости къ человѣку. Въ Европѣ и въ части Сѣверной Америки пасюкъ почти всюду вытѣснилъ черную крысу. Послѣдняя нѣсколько меньше ростомъ, но за то обладаетъ однимъ признакомъ, который долженъ былъ дать ей нѣкоторый перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе, именно черный цвѣтъ. Извѣстно, что ночью черныя крысы менѣе кидаются въ глаза, чѣмъ буровато-сѣрый пасюкъ, который поэтому въ бóльшей степени можетъ быть замѣченъ главнымъ врагомъ крысъ—кошкою. Несмотря на то, пасюкъ оказался побѣдителемъ, отчасти вслѣдствіе превосходства физической силы и способности лучше приспособляться въ водѣ, отчасти же вслѣдствіе бóльшей хитрости и нахальства. Въ Новой-Зеландіи онъ вытѣснилъ туземную крысу, а въ Китаѣ и на Формозѣ онъ побѣдилъ болѣе крупную, чѣмъ самъ, породу (Mus coninga). Эту послѣднюю побѣду пасюкъ одержалъ, по мнѣнію Суанго (зоолога, путешествовавшаго въ Китай), благодаря своей необыкновенной хитрости.

Приведенные здѣсь частные примѣры, также какъ и болѣе общее изслѣдованіе вопроса о естественномъ подборѣ (представленное мною въ цитированной выше статьѣ) не даютъ никакого

права утверждать, чтобы возведенное въ законъ прогрессированіе организаціи находилось въ тѣснѣйшей и необходимой связи съ побѣдностью въ борьбѣ за существованіе.

Не случайно то, что приведенные примѣры явленій вытѣсненія однихъ организмовъ другими, родственными имъ, взяты именно изъ обстановки, окружающей человѣка. Съ одной стороны, это зависитъ отъ того, что такіе организмы особенно выдаются своей силой въ борьбѣ за существованіе; съ другой же стороны, это является результатомъ того, что они поневолѣ обращаютъ на себя вниманіе человѣка и что потому о нихъ собрано бо̀льшее число и притомъ отчасти историческихъ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса. Къ тому же, въ этихъ случаяхъ борьба представляется особенно интенсивной и быстрой, вслѣдствіе связи ея съ такимъ энергическимъ дѣятелемъ, какъ человѣческая культура, которая вообще очень сильно вліяетъ на ходъ борьбы за существованіе во всей органической природѣ. Но, конечно, нѣтъ существа, у котораго это явленіе могло бы быть изслѣдовано съ такой полнотою, какъ у самого человѣка.

II.

Общія начала борьбы за существованіе въ человѣческомъ мірѣ. — Ученіе объ естественномъ неравенствѣ.—Очеркъ апріорическихъ воззрѣній на ходъ борьбы за существованіе между людьми.

Связавъ свое ученіе съ теоріей Мальтуса, Дарвинъ естественно не могъ не коснуться вопроса о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ мірѣ. И здѣсь онъ видитъ существеннѣйшій источникъ борьбы въ значительной плодовитости. При удвоеніи населенія въ двадцатипятилѣтій періодъ, нынѣшнее населеніе земного шара уже черезъ 463 года размножилось бы въ такой степени, что люди должны бы были тѣсно стоять другъ возлѣ друга, не имѣя возможности ни сѣсть, ни двинуться съ мѣста (Г. Фикъ). Отсюда слѣдуетъ, что безпрепятственное возрастаніе населенія должно въ сравнительно короткій періодъ вести къ перенаселенію и усиленной борьбѣ за существованіе и къ установленію различныхъ препятствій съ цѣлью задерживать произрожденіе и уменьшать число народившихся людей.

Вопросъ о «перенаселеніи», какъ въ высшей степени сложный, слѣдовало бы подвергнуть здѣсь обстоятельному изслѣдованію, если бы мы, согласно съ Дарвиномъ, видѣли въ усиленномъ размноженіи главнѣйшій, если не единственный, источникъ борьбы

за существованіе. Слѣдуетъ, однакожъ, указать на то, что понятіе о перенаселеніи въ высшей степени условно: состояніе, которое для одного народа будетъ наитягчайшимъ, для другого, болѣе производительнаго, окажется совершенно сноснымъ. Многіе дикари уничтожаютъ значительную часть своего потомства, чувствуя себя въ состояніи перенаселенія, между тѣмъ какъ европейцы въ тѣхъ же мѣстностяхъ находятъ возможнымъ не только свободно размножаться, но еще и принимать большую массу всельниковъ. Понятіе о перенаселеніи имѣетъ въ значительной степени субъективный характеръ и въ этомъ смыслѣ можетъ быть приложено къ нѣкоторымъ явленіямъ дѣйствительности.

Стимулы, вызывающіе борьбу за существованіе, сложны и разнообразны во всемъ органическомъ мірѣ; но нигдѣ они не доходятъ до той степени усложненія, какъ въ предѣлахъ человѣческаго рода. Всякія человѣческія стремленія ведутъ къ борьбѣ изъ-за удовлетворенія ихъ, и уже то, что человѣкъ, лишенный такихъ стремленій, обыкновенно считается нисходящимъ на степень животнаго, показываетъ, до чего присущи эти стимулы борьбы истинно-человѣческому существованію. Стремленіе къ щеголянію и роскоши составляетъ одно изъ самыхъ раннихъ и распространенныхъ человѣческихъ стремленій и служитъ постояннымъ источникомъ разнообразныхъ явленій борьбы. Чтобы судить о силѣ его, слѣдуетъ припомнить, до чего распространено татуированіе и другія подобныя операціи, которыя всегда причиняютъ сильную боль, а иногда бываютъ даже смертельны. Южно-американскій индіецъ въ теченіи двухъ недѣль исполняетъ тяжелую работу для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти необходимое для размалеванія количество красной краски (Гумбольдтъ). Желаніе нарядиться во множествѣ случаевъ удовлетворяется въ ущербъ питанію и общему здоровью организма. Потребность въ отвѣтной любви ежегодно стóитъ многихъ жертвъ, какъ то показываетъ статистика самоубійствъ.

Ясно, что для объясненія различныхъ явленій борьбы вовсе не необходимо прибѣгать къ принятію усиленной густоты населенія и вытекающаго отсюда недостатка въ жильѣ и пищѣ. Человѣкъ есть существо общественное, а это условіе само по себѣ уже въ высшей степени усложняетъ жизнь, какъ это отчасти было уже показано выше на примѣрѣ борьбы въ мірѣ пчелъ и муравьевъ. Въ человѣчествѣ мы видимъ борьбу между обществами и между отдѣльными лицами. Къ первой категоріи относится война, какъ выраженіе активной борьбы, соперничество народовъ на всемірномъ торговомъ и промышленномъ рынкѣ,

т.-е. борьба, повидимому, болѣе миролюбиваго свойства. Другой формой той же борьбы является чисто физіологическая сторона національной и расовой жизни, т.-е. способность различныхъ человѣческихъ группъ переносить извѣстныя болѣзни, климатическія и другія стихійныя перемѣны. Общественная борьба имѣетъ длинную скалу степеней и подраздѣленій. Она обнимаетъ борьбу между расами, народами, политическими партіями и вообще между всякими группами, соединенными во имя одного какого-нибудь общаго принципа.

То же повторяется и при индивидуальной борьбѣ. Здѣсь мы также встрѣчаемъ активную—мускульную борьбу, затѣмъ—конкурренцію въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и, наконецъ, соматическую борьбу. Борьба возникаетъ между болѣе или менѣе однородными лицами, чтó, конечно, значительно вліяетъ на самый ходъ ея.

Силы, участвующія въ борьбѣ, бóльшею частью, если не всегда—неравны, и потому ведутъ не къ равновѣсію, а къ перевѣсу одной стороны надъ другою. Правило это, приложимое вообще къ органическому міру, въ сильнѣйшей степени примѣнимо и къ человѣчеству. Обыкновенно, чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ болѣе онъ представляетъ индивидуальныхъ особенностей. Уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы указать на то, какъ отличія между людьми должны быть значительнѣе, чѣмъ между другими животными. Многочисленныя измѣренія людей различныхъ расъ показали, что индивидуальныя отличія вообще сильнѣе у высшихъ расъ, нежели у низшихъ, у мужчинъ сильнѣе, нежели у женщинъ, у взрослыхъ сильнѣе, чѣмъ у дѣтей. Индивидуальныя отклоненія замѣчаются притомъ не только на наружныхъ признакахъ человѣка, но также и на внутреннихъ органахъ его. Проф. Зерновъ изслѣдовалъ съ этою цѣлью сто мозговъ, принадлежавшихъ преимущественно взрослымъ мужчинамъ, уроженцамъ средней Россіи, и пришелъ къ заключенію, «что рисунокъ бороздъ у взрослаго человѣка подверженъ множеству индивидуальныхъ видоизмѣненій» (стр. 6). Уклоненія эти настолько значительны, что другой ученый, Вейсбахъ, принялъ ихъ за выраженіе племенныхъ отличій. Признаки, болѣе скрытые въ глубинѣ организма, подвержены еще бóльшимъ колебаніямъ. Гальтонъ замѣтилъ (и я могу подтвердить справедливость этого наблюденія), что близнецы, сходные по виду до неузнаваемости, легко могутъ быть отличаемы по почерку. Сіамскіе близнецы, несмотря на все наружное сходство и неразрывную связь, представляли тѣмъ не менѣе весьма рѣзкія отличія характера.

Отличія между большими человѣческими группами, народами и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю лишнимъ распространяться здѣсь объ этомъ. Вліяніе культуры на усиленіе индивидуальныхъ отличій человѣка такъ же несомнѣнно, какъ и въ мірѣ домашнихъ животныхъ. Вліяніе это по крайней мѣрѣ отчасти зависитъ отъ той же причины, которая была приведена выше для объясненія сравнительной однородности дикихъ животныхъ. Цивилизованные народы употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы охранять людей отъ тѣхъ вліяній, которыя бы непремѣнно погубили ихъ при условіяхъ первобытной жизни. Огромная смертность дѣтей первобытныхъ народовъ представляетъ намъ, быть можетъ, самый крупный примѣръ борьбы за существованіе въ человѣческомъ родѣ, и является актомъ отбора слабѣйшихъ недѣлимыхъ. «Есть основаніе думать,—говоритъ Дарвинъ,—что оспоприививаніе сохранило тысячи людей, которые бы преждевременно умерли отъ оспы вслѣдствіе слабости сложенія». То же самое и по отношенію ко многимъ другимъ болѣзнямъ и болѣзненнымъ расположеніямъ. Цивилизованныя государства не только охраняютъ жизнь своихъ слабѣйшихъ членовъ, но даже даютъ имъ возможность нерѣдко вступать въ бракъ и производить потомство; слѣдовательно, допускаютъ передачу по наслѣдству и фиксированіе особенностей своей слабой организаціи. Съ цѣлью иллюстрировать это, я приведу хотя и исключительный, но за то весьма характерный случай. Въ Баваріи существуетъ деревня Биллингсгаузенъ, населеніе которой, состоящее изъ 356 душъ, пользуется значительнымъ матеріальнымъ довольствомъ; но такъ какъ оно исповѣдуетъ исключительно протестантскую вѣру среди большого католическаго населенія, то всѣ жители деревни въ бóльшей или меньшей степени породнились. Половина изъ нихъ страдаетъ каталепсіей, болѣзнью, передающейся по наслѣдству; все же населеніе Биллингсгаузена, т.-е. со включеніемъ и некаталептиковъ, «хило, слабо и малоросло» [1]). Извѣстны даже случаи браковъ между глухонѣмыми [2]) и слабоумными. По вюртембергскому уложенію 1687 года, если желающій вступить въ бракъ достаточно развитъ, чтобы понимать, «чтó такое супружеское состояніе», то ему не можетъ быть отказано въ вѣнчаніи.

Въ то время, какъ нестѣсненная борьба за существованіе при первобытныхъ условіяхъ даетъ полный просторъ естествен-

[1]) См. статью Фика въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“. 1872. Т. XVIII, стр. 275.

[2]) По Майру, на сто глухонѣмыхъ приходится все-таки четыре женатыхъ. См. „Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. 1877, стр. 207.

ному подбору уничтожать слабыхъ конкуррентовъ и тѣмъ выравниваетъ остающихся членовъ, цивилизація, поставившая своимъ идеаломъ сохраненіе возможно бóльшаго числа людей, несмотря ни на какіе ихъ недостатки, наоборотъ, вліяетъ въ противоположномъ направленіи и тѣмъ самымъ обусловливаетъ накопленіе все бóльшаго числа индивидуальныхъ отклоненій, т.-е., вообще говоря, усиливаетъ неравенство.

Предыдущія замѣчанія могутъ, мнѣ кажется, послужить къ уясненію очень важнаго вопроса «объ естественномъ неравенствѣ», занявшаго столь важную роль въ экономической наукѣ и потому выдвинутаго на самое видное мѣсто въ извѣстномъ спорѣ между Трейчке и Шмоллеромъ. Въ то время, какъ первый пытается свести всѣ явленія общественнаго неравенства къ основному естественному различію между людьми, Шмоллеръ старается всячески умалить значеніе послѣдняго и взвалить большую часть вины на культурныя вліянія. «Вы говорите,—обращается онъ къ Трейчке,—исключительно о неравенствѣ, данномъ природою. Вы полагаете, что всякій, кто не хочетъ насиловать исторію, долженъ начать съ признанія, что природа дѣлаетъ всѣ существа неравными». «Это то же самое ученіе,—продолжаетъ онъ,—которое отрицаетъ единство человѣческаго рода». «Но вообще мы можемъ сказать, что религіозное и философское движеніе, продолжающееся цѣлыя тысячелѣтія, сдѣлало это ученіе невозможнымъ, и что новѣйшее направленіе научной этнографіи, опирающейся на теоріи Дарвина о медленномъ и постепенномъ преобразованіи отдѣльныхъ племенъ, возвратилось къ ученію о единствѣ человѣческаго рода и во всякомъ случаѣ не сомнѣвается въ единствѣ и равенствѣ человѣческаго вида относительно мыслительной способности» (Grundfragen, стр. 21). Здѣсь Шмоллеромъ смѣшаны двѣ совершенно различныя вещи, чтó и ведетъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Первое положеніе, которое онъ вкладываетъ въ уста Трейчке, т.-е. фактъ, «что природа дѣлаетъ всѣ существа неравными», не только не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ воззрѣніемъ Дарвина на единство человѣческаго рода, но, наоборотъ, составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней всего дарвинизма, сущность котораго состоитъ въ «переживаніи наиболѣе приспособленныхъ особей въ борьбѣ за существованіе», гдѣ уже само собою подразумѣвается, что всѣ особи естественно неравны, и что однѣ изъ нихъ болѣе, а другія менѣе приспособлены къ даннымъ условіямъ. Единство же человѣческаго рода есть теорія, по которой всѣ человѣческія расы

произошли отъ одного общаго корня, хотя сами эти расы и разошлись, т.-е. сдѣлались различными во многихъ отношеніяхъ.

Итакъ, естественное неравенство между отдѣльными особями, племенами и расами есть общій принципъ въ организованномъ мірѣ. Это неравенство можетъ, разумѣется, подвергаться различнымъ вліяніямъ и потому колебаться въ ту или другую сторону. Мы уже видѣли, какъ можетъ культура усиливать природныя отличія и вообще обусловливать бо́льшую разнородность членовъ даннаго общества, но все же въ основѣ этого лежитъ первобытное, хотя и меньшее неравенство. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что увеличеніе природнаго неравенства можетъ являться въ результатѣ прямо противоположныхъ стремленій. Чѣмъ больше цивилизація заботится о предоставленіи всѣмъ безъ различія индивидуумамъ, включая сюда и умственно-неспособныхъ, калѣкъ, хронически больныхъ и проч., одинаковыхъ правъ къ пользованію жизнью и ея благами, тѣмъ сильнѣе вліяетъ она на фиксированіе природныхъ, передаваемыхъ путемъ наслѣдственности, различій. Съ другой стороны, цивилизація вліяетъ также и на усиленіе чисто культурнаго неравенства, идущаго часто въ разрѣзъ съ природнымъ, вліяетъ путемъ предоставленія различныхъ правъ и привилегій, дающихъ возможность лицамъ отъ природы слабѣйшимъ одерживать побѣду надъ недѣлимыми, болѣе одаренными.

Эти различные моменты неравенства (во-первыхъ, первобытное естественное неравенство, во-вторыхъ, усиленное культурой природное, и, наконецъ, обусловленное культурой въ разрѣзъ съ природнымъ неравенство) спорящими сторонами нерѣдко смѣшиваются другъ съ другомъ и потому ведутъ къ невозможности соглашенія. Мнѣ придется еще вернуться къ этому предмету, теперь же я затронулъ его только съ цѣлью показать, что естественное неравенство между индивидуумами и группами ихъ вообще присуще человѣческому роду, и что поэтому, при соперничествѣ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, перевѣсъ долженъ быть на какой-нибудь одной сторонѣ, и что въ результатѣ должны (по общему правилу) быть побѣдители и побѣжденные.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли найти какихъ-нибудь общихъ признаковъ, по которымъ бы можно было отличать побѣдителей отъ побѣжденныхъ и, на основаніи ихъ, предсказывать результатъ борьбы? Натуралисты, писавшіе объ этомъ, высказываются вообще очень ясно и опредѣленно на этотъ счетъ, хотя они бо́льшею частью рѣшаютъ вопросъ въ его цѣлости, не расчленяя предварительно на болѣе частныя положенія. Вотъ, напримѣръ, сводъ выводовъ, къ которымъ пришелъ

извѣстный нѣмецкій физіологъ Прейеръ: «дурное—говоритъ онъ—то-есть менѣе способное къ жизни, погибаетъ, тогда какъ лучшее, болѣе способное, то-есть болѣе совершенное, побѣждаетъ и переживаетъ» (33). По отношенію къ человѣку это положеніе примѣняется и развивается имъ слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ глубже мы станемъ проникать въ послѣдствія соперничества между людьми, тѣмъ благодатнѣе они намъ представятся». «Въ борьбѣ за существованіе въ концѣ-концовъ добро и все болѣе совершенное одерживаетъ побѣду надъ худшимъ и менѣе совершеннымъ, такъ что она постоянно переходитъ въ борьбу за болѣе прекрасное и благородное существованіе и постепенно все болѣе приближаетъ насъ къ совершенству, хотя при существующемъ порядкѣ природы мы и не можемъ его вполнѣ достигнуть. Но уже и то имѣетъ не малое значеніе, если это соревнованіе показываетъ намъ, что, поощряя дурное, мы сами вредимъ себѣ, что безнравственное въ то же время и глупо, и что въ сущности только нравственные поступки доставляютъ удовольствіе. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что оружія, которыми мы ведемъ борьбу за наше существованіе, суть не что иное, какъ поступки хорошей нравственности, человѣколюбія и права» (38). Увлекаясь подобнаго рода картинами, Прейеръ восклицаетъ: «развѣ эта мысль объ естественномъ прогрессѣ, о никогда не прекращающемся улучшеніи, облагороженіи и совершенствованіи не представляетъ намъ нѣчто несравненно болѣе драгоцѣнное, чѣмъ слѣпое удивленіе передъ гармоніей природы, которой въ дѣйствительности вовсе не существуетъ? Развѣ другая гармонія, равновѣсіе враждебныхъ силъ природы, непреложность законовъ природы, побѣда лучшаго надъ худшимъ, не безконечно возвышеннѣе, чѣмъ погоня за цѣлями, тамъ, гдѣ никакихъ цѣлей не существуетъ, гдѣ мы принуждены искусственно придумывать ихъ, тамъ, гдѣ, напротивъ, все совершается въ силу причины и слѣдствія?» (31).

Замѣняя такимъ образомъ одинъ идеализмъ посредствомъ другого, Прейеръ не остается безъ единомышленниковъ и послѣдователей. Другой нѣмецкій натуралистъ, извѣстный какъ анатомъ и антропологъ, Эккеръ, произнесъ зимою 1871 года, т.-е. во время франко-прусской войны, рѣчь, въ которой онъ проводитъ въ сущности тѣ же идеи, какъ и его предшественникъ, но только, если возможно, въ еще болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ. «Подобно тому—говоритъ онъ—какъ въ торговой и промышленной конкурренціи истинное превосходство матеріала и ума всегда одерживаетъ побѣду, такъ точно и на болѣе возвышенномъ поприщѣ,

каковы бы ни были отдѣльныя исключенія, добро побѣждаетъ зло, истина пробивается наружу и право остается правымъ. И если законы природы неизмѣнны, то и въ человѣчествѣ существуетъ естественный подборъ, т.-е. накопленіе благихъ качествъ, пріобрѣтенныхъ въ борьбѣ за существованіе» [1]). Выводъ этотъ Эккеръ примѣняетъ въ частности и къ борьбѣ расъ и народовъ.

Къ числу подобныхъ же идеалистовъ-естествоиспытателей долженъ быть отнесенъ у насъ проф. Бекетовъ, развившій впервые свой взглядъ на публичныхъ лекціяхъ (см. «Вѣст. Евр.» 1873, октябрь, особенно главу III), также какъ и его предшественники—Прейеръ и Эккеръ.—Но не между одними натуралистами, т.-е. учеными, стоящими далеко отъ человѣческихъ дѣлъ и судящими о нихъ бо́льшею частью a priori, а и среди представителей науки о человѣческой жизни встрѣчаются не менѣе оптимистическія воззрѣнія. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, Шэффле, одинъ изъ видныхъ современныхъ экономистовъ. Пытаясь вывести основы нравственности и права изъ законовъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, онъ выдвигаетъ слѣдующіе афоризмы: «наиболѣе нравственныя общества суть въ то же время и сильнѣйшія». «Игра естественнаго подбора является не только орудіемъ общественнаго совершенствованія, но также и судомъ, единственной эмпирически-познаваемой долею нравственнаго строя природы, который возвышаетъ болѣе совершенное и уничтожаетъ болѣе низкое» [2]) и т. д.

Легко понять, какъ, идя апріорическимъ путемъ, можно придти къ подобнымъ выводамъ; но для знакомства съ предметомъ необходима и индуктивная повѣрка. «Многіе писатели — сказалъ Маккіавелли—изображали государства и республики такими, какими имъ никогда не удавалось встрѣчать ихъ въ дѣйствительности. Къ чему же служили такія изображенія? Между тѣмъ, ка́къ живутъ люди, и тѣмъ, ка́къ должны они жить—разстояніе необъятное».—Попробуемъ, въ самомъ дѣлѣ, обратиться прежде всего къ дѣйствительности и почерпнуть изъ нея свѣдѣнія для рѣшенія вопросовъ о ходѣ борьбы за существованіе между людьми.

---

[1]) Рѣчь Эккера напечатана во франц. переводѣ въ Revue scientifique, 1872. См. стр. 817.

[2]) См. статью Шэффле о правѣ и нравственности съ точки зрѣнія соціологическаго расширенія теоріи подбора въ Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1878. Тетрадь 1-ая, стр. 46, и другую статью того же автора, въ томъ же обозрѣніи за 1877. Тетр. 4, особенно стр. 553.

III.

Основныя положенія о конкурренціи въ человѣчествѣ.—Слабая роль нравственнаго момента въ конкурренціи, вслѣдствіе недостаточной опредѣленности нравственнаго мѣрила.—Поясненіе этого на примѣрѣ этической школы экономистовъ.

Конкурренція между людьми есть неизбѣжное слѣдствіе несоотвѣтствія между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію. Чѣмъ больше это несоотвѣтствіе, чѣмъ многочисленнѣе потребности и чѣмъ бо́льшее число людей чувствуетъ ихъ, тѣмъ конкурренція должна быть сильнѣе. Культура, при помощи своихъ удивительныхъ открытій, доставляетъ постоянно все новыя и новыя средства къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, но въ то же время, значительно поднимая степень развитія, она въ еще сильнѣйшей степени увеличиваетъ число и силу самыхъ потребностей. Отсюда возникаетъ усиленное столкновеніе интересовъ и усиленная борьба за несравненно болѣе требовательное существованіе. Съ этой точки зрѣнія легко понять, что явленіе всеобщей конкурренціи между членами обширнаго культурнаго общества представляется фактомъ въ высшей степени крупнымъ и существеннымъ и до извѣстной степени сходнымъ съ неизбѣжными естественными явленіями (Naturgemässheit der Concurrenz, по мнѣнію многихъ экономистовъ). Мнѣніе, будто конкурренція не заложена такъ глубоко въ человѣчествѣ и составляетъ нѣчто легко устранимое, чрезвычайно шатко. «Извѣстно — говоритъ Адольфъ Вагнеръ [1]) — что современная система свободной конкурренціи составляетъ продуктъ новѣйшей исторіи, и вовсе не видно, почему она въ настоящей формѣ должна представлять окончательный результатъ историческаго развитія. Какъ сложившаяся исторически, въ зависимости отъ категорій пространства и времени, она, напротивъ, имѣетъ значеніе только для извѣстной фазы развитія и составляетъ нѣчто необходимо преходящее». Мнѣнію этому никоимъ образомъ не слѣдуетъ придавать значеніе возраженія противъ понятія о неизбѣжности конкурренціи, и оно можетъ быть раздѣляемо развѣ только по отношенію къ частностямъ «современной системы свободной конкурренціи». Но и по мнѣнію самыхъ горячихъ приверженцевъ этой системы, послѣдняя не составляетъ нѣчто уже сложившееся, а только идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться. «Въ вполнѣ организованной системѣ мірового хозяйства—говоритъ Эммингсгаусъ—сила кон-

---

[1]) Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre. 1876. T. I, стр. 186

курренціи была бы непреодолима, постоянна, и дѣйствія ея могли бы быть точно опредѣляемы, подобно дѣйствіямъ закона природы». Насколько силенъ принципъ конкурренціи въ человѣчествѣ, можно видѣть отчасти изъ сказаннаго въ началѣ этой главы, отчасти же изъ дальнѣйшаго изложенія.

Конкурренція въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ мірѣ всякихъ другихъ общественныхъ животныхъ, есть явленіе чрезвычайно сложное. Всякое общество слагается изъ разнородныхъ элементовъ, которые приходятъ между собою въ столкновеніе; но, кромѣ того, мы видимъ и соперничество однородныхъ членовъ каждой группы. При торговой конкурренціи, напр., «совершается, во-первыхъ, борьба покупателей съ продавцами; первые хотятъ пріобрѣсть требуемое за возможно низшую цѣну; вторые же стремятся получить елико возможно бо́льшую плату. Во-вторыхъ, покупатели борятся съ покупателями и, наконецъ, продавцы съ продавцами. Во всякой такой борьбѣ побѣду одерживаетъ сильнѣйшая сторона» (Эммингсгаусъ). Изъ всѣхъ категорій борьбы важнѣйшею, какъ и всегда, представляется конкурренція между наиболѣе однородными членами. Ее-то мы, главнымъ образомъ, и будемъ имѣть въ виду.

Конкурренція заставляетъ напрягать всѣ силы и потому въ значительной степени содѣйствуетъ увеличенію человѣческой дѣятельности. Это положеніе можетъ быть принято какъ общеизвѣстное, такъ какъ оно подтверждается ежедневнымъ наблюденіемъ. Ослабленіе конкурренціи ведетъ за собою обыкновенно и ослабленіе энергіи. Но,—какъ замѣчаетъ Рошеръ—«свободная конкурренція освобождаетъ всѣ силы, какъ добрыя, такъ и злыя». Поэтому она содѣйствуетъ увеличенію не только знанія, предпріимчивости, трудолюбія, общительности и проч., но также и изощряетъ хитрость, обманъ и другія стороны умственной природы человѣка, признаваемые обыкновенно безнравственными. Въ то время, какъ активная борьба вліяетъ на увеличеніе различныхъ сторонъ физической силы, т.-е. силу мускуловъ, гибкость членовъ и ловкость движеній, такъ мирная конкурренція содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, развитію всѣхъ сторонъ умственной дѣятельности.

Двойственное вліяніе конкурренціи особенно замѣтно въ современномъ европейскомъ мірѣ, въ которомъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ мотивовъ, чрезвычайно сильна борьба за существованіе. Съ одной стороны, значительное повышеніе ума, знанія и трудолюбія, съ другой же—пренебреженіе кодексомъ нравственныхъ правилъ. Сами приверженцы полной свободы конкурренціи

признаютъ, что «широкая совѣсть помогаетъ одерживать побѣду въ конкурренціи; слишкомъ же большая щепетильность оказывается вредной въ торговомъ дѣлѣ» (Эммингсгаусъ). Гербертъ Спенсеръ въ довольно большой статьѣ «торговая нравственность» (Опыты, т. II), приводитъ достаточно данныхъ, чтобы судить о вліяніи торговой конкурренціи на нравственность и, что еще важнѣе, показываетъ намъ процессъ, которымъ люди, сами по себѣ не лишенные признаваемыхъ за нравственныя побужденій, бываютъ приведены въ необходимость совершать поступки, считающіеся безусловно безнравственными. Гербертъ Спенсеръ сообщаетъ цѣлый рядъ ухищреній, пускаемыхъ въ ходъ торговцами для достиженія своихъ цѣлей, ухищреній, доходящихъ до рафинированнаго симулированія добросовѣстности и честности». Еще болѣе утонченную продѣлку объяснилъ намъ—пишетъ Г. Спенсеръ—человѣкъ, который самъ прибѣгалъ къ ней, когда служилъ въ оптовой торговлѣ и до того наловчился, что его часто призывали на подмогу, когда покупатели колебались, несмотря на всѣ старанія другихъ приказчиковъ. Продѣлка состояла въ томъ, чтобы казаться до крайности простоватымъ и честнымъ; при первыхъ покупкахъ онъ доказывалъ свою честность, обращая вниманіе покупателя на недостатки продаваемаго имъ товара, а затѣмъ, заручившись довѣріемъ, спускалъ дурной товаръ за высокія цѣны (стр. 48). Разнообразныя продѣлки, болѣе или менѣе хитрыя и по общепринятому кодексу безнравственныя, до того распространились въ коммерческомъ мірѣ, что имъ поневолѣ должны подчиняться лица, прикосновенныя къ торговому дѣлу. «Чѣмъ бо̀льшее число лицъ поддалось соблазну—говоритъ далѣе Спенсеръ—чѣмъ шире распространилась продѣлка, тѣмъ труднѣе бываетъ устоять остальнымъ. Натискъ конкурренціи становится все чувствительнѣе и чувствительнѣе. Добросовѣстнымъ людямъ приходится вести войну неравнымъ оружіемъ: они лишены одной изъ отраслей барыша, которой обладаютъ ихъ противники, и невольно должны идти по слѣдамъ остальныхъ» (56). Въ высшей степени важно слѣдующее мѣсто изъ той же статьи: «намъ извѣстна исторія одного торговца суконами, который хотѣлъ во что бы то ни стало дать совѣстливости право голоса въ своей лавкѣ и отказался отъ всѣхъ обмановъ, принятыхъ въ его отрасли»... «То, что конкурренты его сбывали помощью лжи, оставалось у него непроданнымъ, и дѣло стало столь невыгоднымъ, что онъ два раза обанкрутился. Человѣкъ, передававшій намъ обстоятельства этого дѣла, увѣрялъ насъ, что торговецъ этотъ нанесъ гораздо больше вреда ближнимъ чрезъ свое банкротство, нежели бы могъ нанести

обычными торговыми обманами. Вотъ до какой степени усложняется вопросъ, и какъ трудно опредѣлить преступность купца въ подобныхъ случаяхъ. Ему почти всегда приходится бороться съ двумя крайностями. Если онъ ведетъ свое дѣло съ строгой честностью, продаетъ только цѣльный товаръ, отпускаетъ только полныя мѣры, то конкурренты, надувая публику, имѣютъ возможность продавать дешевле: лавка его пустѣетъ, а книги весьма скоро показываютъ, что онъ будетъ не въ состояніи выполнить свои обязательства и содержать свою семью. Что же ему дѣлать?» «... слѣдовать примѣру конкуррентовъ и пускать въ ходъ надувательства... чтб кажется болѣе основательнымъ не только ему, но и другимъ людямъ. Зачѣмъ же онъ станетъ разорять и себя и семейство свое въ попыткахъ вести дѣло иначе, нежели ведутъ его другіе? И онъ рѣшается дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ другіе». Нечего и говорить, что экономисты современной этической школы раздѣляютъ вполнѣ эти взгляды о вліяніи конкурренціи на нравственность. «При свободной конкурренціи — говоритъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей этой школы, Адольфъ Вагнеръ — побѣждаютъ не только болѣе способные, но слишкомъ часто и болѣе безсовѣстные элементы, неограниченно эксплуатирующіе выгодныя для нихъ экономическія условія». «Но и лучшіе элементы частію соблазняются успѣхомъ другихъ, частію же непосредственно вынуждаются конкурренціей поступать столь же безсовѣстно. Такимъ образомъ, почти неизбѣжно ухудшается общее мѣрило промышленной и торговой нравственности» (1. с. 202). Шмоллеръ, другой представитель той же школы, говоритъ: «никто изъ имѣвшихъ случай ближе ознакомиться съ болѣе благородными изъ круга предпринимателей—не станетъ отрицать того, что они сами внѣ себя отъ всего, чтб имъ приходится видѣть, и что они сами должны продѣлывать въ силу конкурренціи» (Grundfragen, 135).

Таково общее мнѣніе знающихъ дѣло и въ то же время научно развитыхъ людей. Нельзя и ожидать, разумѣется, чтобы эта сторона конкурренціи могла быть подвергнута точной, статистической разработкѣ, но во всѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе приподнимается завѣса коммерческой дѣятельности, приходится наблюдать поступки, несоотвѣтствующіе принятому въ Европѣ кодексу нравственности. Нѣсколько уголовныхъ процессовъ за послѣдніе годы значительно послужили къ разъясненію этого явленія. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи процессъ крупнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля въ Австріи, барона Офенгейма, человѣка, о которомъ бывшій министръ-президентъ высказывалъ

на судѣ «величайшую похвалу» и за которымъ другой бывшій министръ не подмѣтилъ «и слѣда какого либо грязнаго поступка». На судѣ обнаружилось, что разныя безчестныя продѣлки въ высшей степени распространились въ мірѣ предпринимателей, какъ это видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго отрывка изъ письма самого Офенгейма. «Мы желаемъ честно, обходительно и прямодушно провести наше предпріятіе. Если же мы съ ихъ стороны (т.-е. со стороны вліятельныхъ и сильныхъ лицъ) не встрѣтимъ подобнаго же взгляда, то они вынудятъ насъ и съ нашей стороны перейти въ область мошенничества и обмана, и, быть можетъ, ученики превзойдутъ тамошнихъ великихъ учителей».

Шмоллеръ довольно мѣтко, хотя и нѣсколько утрированно, охарактеризовалъ побѣдителей въ современной промышленной борьбѣ. «Эти люди—говоритъ онъ—вѣрятъ только въ деньги и биржу, ихъ единственная добродѣтель есть респектабельность, т.-е. случайные обычаи внѣшней жизни хорошаго общества; успѣхъ предпріятій есть единственное, что они уважаютъ, а матеріальныя наслажденія—единственное, къ чему они стремятся» (157). Этотъ послѣдній признакъ выбранъ не совсѣмъ полно и вѣрно, все же остальное очень близко къ дѣйствительности.

Особенно важны для насъ слѣдующія замѣчанія Герберта Спенсера: «Люди самыхъ разнообразныхъ занятій и положеній, люди по природѣ крайне добросовѣстные, негодующіе на униженіе, которому они вынуждены подчиняться,—всѣ въ одинъ голосъ выражали намъ грустное убѣжденіе, что на промышленномъ поприщѣ нѣтъ возможности сохранить строгую честность. Общее мнѣніе всѣхъ и каждаго изъ нихъ—что высоко честный человѣкъ долженъ тутъ погибнуть». «Для жизни въ коммерческомъ мірѣ—говоритъ онъ далѣе—необходимо принять его нравственный кодексъ, стоять не выше и не ниже его—быть не болѣе и не менѣе честнымъ, нежели всѣ. Тотъ, кто падаетъ ниже установившагося градуса, изгоняется; тотъ, кто поднимается выше, сбивается на надлежащую высоту или приводится къ разоренію». Другія слова, сказанныя болѣе трехъ-сотъ лѣтъ назадъ, очевидно, приложимы и къ нашему времени. «Человѣкъ—говоритъ Маккіавелли—желающій въ наши дни быть во всѣхъ отношеніяхъ чистымъ и честнымъ, долженъ погибнуть въ средѣ громаднаго безчестнаго большинства. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій, желающій удержаться, можетъ и не быть добродѣтельнымъ, но непремѣнно долженъ пріобрѣсти умѣнье казаться или не казаться такимъ, смотря по обстоятельствамъ».

Если бы наша задача исчерпывалась указаніемъ на противорѣчіе, въ какомъ находятся апріорическіе выводы теоретиковъ ученія о борьбѣ за существованіе съ фактической дѣйствительностью, то можно было бы ограничиться вышеприведенными замѣчаніями. Но такъ какъ для рѣшенія главныхъ занимающихъ насъ вопросовъ этого недостаточно, то слѣдуетъ постараться проникнуть по возможности глубже въ причины указаннаго результата борьбы между людьми.

Почему такъ часто и нерѣдко совершенно неизбѣжно люди въ борьбѣ съ другими людьми прибѣгаютъ къ средствамъ, которыя ими же самими признаются не вполнѣ нравственными? Въ неоднократно цитированной статьѣ Герберта Спенсера мы встрѣчаемъ соображеніе, которое значительно поможетъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ. «Сочувствіе—говоритъ онъ—достаточно сильное, чтобы предупредить поступки, немедленно наносящіе вредъ извѣстному лицу, можетъ быть недостаточно сильно, чтобы предупредить поступки, наносящіе отдаленный вредъ лицу неизвѣстному. Оказывается, — факты подтверждаютъ въ этомъ случаѣ выводъ, что *нравственныя преграды къ такимъ поступкамъ измѣняются сообразно ясности, какой достигаетъ понятіе о послѣдствіяхъ извѣстнаго зла.* Человѣкъ, который ни за что не согласился бы украсть что-нибудь изъ кармана другого лица, не задумываясь, подѣлываетъ различные товары; человѣкъ, которому и во снѣ не приходилось промышлять фальшивой монетой, принимаетъ силою участіе въ продѣлкахъ акціонерныхъ банковъ» (69).

Чѣмъ сложнѣе данное общество, чѣмъ болѣе перепутаны человѣческія отношенія, тѣмъ и послѣдствія даннаго поступка становятся все болѣе сложными и теряютъ свою первоначальную ясность. Вредъ, причиненный въ одномъ мѣстѣ, можетъ превратиться въ пользу въ другомъ—и наоборотъ. Убійство одного лица можетъ спасти жизнь десятка другихъ, которыя могли бы пострадать или погибнуть отъ зловредныхъ дѣйствій перваго. Подавленіе одной націи совершается нерѣдко во имя предполагаемой пользы для всего человѣчества, и наоборотъ, интересы человѣчества, какъ наиболѣе отдаленные и неясные, приносятся нерѣдко въ жертву интересамъ болѣе мелкихъ человѣческихъ группъ. «Сложность условій человѣческой жизни—говоритъ Дж. С. Милль — виновата въ томъ, что нельзя постановить такихъ правилъ поведенія, которыя бы не требовали исключеній» (Утилитаріанизмъ, стр. 58).

Отсюда, съ одной стороны, вытекаетъ вообще шаткость всякихъ сужденій и, слѣдовательно, неясность представленія о всѣхъ послѣдствіяхъ даннаго поступка, съ другой же стороны—обширное

поле для сдѣлокъ съ совѣстію и оправданія своего поведенія. «Нѣтъ ничего обыкновеннѣе — говоритъ Лекки — какъ то, что люди, представляющіе образецъ честности въ частной жизни, извиняютъ или даже оправдываютъ самыя возмутительныя проявленія политической нечестности и насилія». «Вслѣдствіе удивительнаго нравственнаго парадокса—прибавляетъ онъ далѣе—нерѣдко политическія преступленія связаны съ національными доблестями» (I, 135). Чѣмъ болѣе распространяется общительность и чѣмъ болѣе разливаются на все бóльшія и бóльшія группы людей, тѣмъ труднѣе опредѣлить полезность или вредъ поступковъ. Какъ ни трудно (если только возможно) составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе объ «общемъ благѣ» цѣлаго народа или обширнаго разноплеменнаго государства, но еще неизмѣримо труднѣе опредѣлить общее благо цѣлаго человѣчества настоящаго и будущаго, и на основаніи этого регулировать человѣческіе поступки. Наоборотъ, несравненно легче сообразаться съ интересами небольшихъ группъ, каковы: семья или какое-нибудь замкнутое и опредѣленное общество съ ясными ограниченными цѣлями, какъ напримѣръ, монастырское братство. Въ случаяхъ столкновенія между сложными и неопредѣленными интересами большого общества или цѣлаго человѣчества и интересами небольшой, но опредѣленной группы, побѣда должна быть на сторонѣ послѣдней. Мы уже видѣли это на приведенномъ Г. Спенсеромъ примѣрѣ человѣка, который желаетъ торговать согласно съ правилами строгой честности, но уступаетъ, не желая разорять «и себя, и семейство свое». Семейство и всякая другая ограниченная группа, давая обширный просторъ для дѣятельности, исполненной самопожертвованія и другихъ высокихъ нравственныхъ побужденій, тѣмъ болѣе отнимаетъ силы отъ дѣйствій въ пользу общаго блага большихъ группъ. Этимъ и объясняется указанная Лекки непослѣдовательность многихъ людей и различіе ихъ масштаба нравственности при сужденіи о поступкахъ «честной жизни», вращающейся, главнымъ образомъ, въ сферѣ семьи, и поступкахъ болѣе широкой общественной дѣятельности. Для того, чтобы составить себѣ правильное сужденіе о силѣ семейнаго чувства, по крайней мѣрѣ, въ европейскихъ обществахъ, слѣдуетъ припомнить борьбу, которую противъ него долженъ былъ выдержать католицизмъ, религія съ самыми опредѣленными цѣлями и организаціей, и вообще учрежденіе, отличающееся чрезвычайной силой и живучестью. «Едва ли какая либо мѣра—говоритъ Гольцендорфъ [1])

[1]) Der Priester-Cölibat: 1875, стр. 9. (Изъ собранія современныхъ вопросовъ Гольцендорфа и Онкена).

— вызвала въ средѣ самой церкви и со стороны духовенства столь упорное противодѣйствіе, какъ запрещеніе вступленія въ бракъ священникамъ. Во всѣ времена—прибавляетъ онъ—насильственное вторженіе закона въ семейную жизнь представлялось одною изъ труднѣйшихъ задачъ».

Экономисты прежней школы, очевидно, имѣли въ виду это неравенство условій борьбы между стремленіемъ къ благу семьи и къ общему благу обширной соціальной группы. Отсюда ихъ основное воззрѣніе на личный интересъ (къ которому относится не только эгоистическій интересъ данной личности, но и интересы цѣлой семьи) какъ на главную пружину экономической дѣятельности. Вотъ, напр., какъ это выражено у Мальтуса: «настоящее наше положеніе требуетъ, чтобы каждый имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, свои собственныя потребности». По отношенію къ дѣтямъ, которыя имѣютъ несомнѣнное право на заботы и попеченія родителей, очевидно, что привязанность, побуждающая послѣднихъ къ исполненію этой священной обязанности, почти равносильна любви ихъ къ самимъ себѣ. И мы имѣемъ полное право утверждать, что, за исключеніемъ немногихъ, рѣдкихъ случаевъ, послѣдній кусокъ будетъ раздѣленъ между ними поровну. Вслѣдствіе этого благодѣтельнаго инстинкта, самые невѣжественные люди трудятся для общей пользы, чего не было бы, если бы главнымъ побужденіемъ ихъ было благотвореніе. Чтобы благотвореніе было великимъ и непрерывнымъ побужденіемъ для нашихъ поступковъ, и чтобы принципъ этотъ былъ неизмѣнной основой нашего поведенія, для этого *необходимо, чтобы мы были вполнѣ знакомы съ причинами и ихъ слѣдствіями.* «Такое ограниченное существо, какъ человѣкъ, заблудилось бы, если бы руководствовалось, исключительно, имъ однимъ, и вскорѣ возмутило бы господствующій вокругъ него порядокъ: изобиліе уступило бы мѣсто нуждѣ, а воздѣланныя плодородныя нивы пришли бы въ запустѣніе» (Опытъ о законѣ народонас., II, 359). Это положеніе оправдывается многочисленными примѣрами вредныхъ послѣдствій, поступковъ, въ основаніи которыхъ лежало самое искреннее желаніе добра. Извѣстно, какъ часто благотворительность, вмѣсто облегченія человѣческихъ страданій, ведетъ къ укорененію пороковъ и зла. Въ виду такого обстоятельства Бокль и пришелъ къ столь парадоксальному, съ перваго взгляда, выводу, что, «ослабляя добродѣтель, вы сдерживаете зло», и построилъ свое извѣстное ученіе о незначительности вліянія нравственности въ дѣлѣ историческаго прогресса.

Другіе представители манчестерской школы держатся того же

принципа. «Для споспѣшествованія экономическому благу народа вообще — говоритъ Принсъ Смитъ — фритредеръ видитъ только одинъ возможный путь, именно свободу каждаго отдѣльнаго лица по мѣрѣ силъ способствовать своему благу. Каждый понимаетъ споспѣшествованіе своему благу лучше, чѣмъ другіе, лучше, чѣмъ все другое». Въ этомъ-то и заключается этическая основа прежней школы. Она зиждется именно на положеніи, что «общее благо» само по себѣ есть вещь слишкомъ туманная и неопредѣленная, тогда какъ «частное благо», наоборотъ, понятно и опредѣленно. Новая нѣмецкая школа экономистовъ, называющая себя «этической» и утверждающая, что «экономическая дѣятельность подчиняется нравственной», возстала противъ этого ученія. Но для того, чтобы вести борьбу по возможности равнымъ оружіемъ, ей было бы необходимо войти въ прямое и обстоятельное изслѣдованіе положеній какъ теоретической, такъ и практической этики, и установить какой-нибудь общій руководящій принципъ. Еще Ланге, котораго можно считать однимъ изъ провозвѣстниковъ этической школы экономистовъ, выставилъ слѣдующее требованіе: «такъ какъ мы уже достаточно знаемъ дѣйствія эгоизма, а последствій морали, напротивъ, не знаемъ, то мы не получимъ улучшеннаго народнаго хозяйства, прежде чѣмъ не будемъ имѣть началъ научной теоріи нравственности, но и этихъ началъ мы имѣть не будемъ безъ большого прогресса въ экономической наукѣ» [1]). Успѣхъ послѣдней во всякомъ случаѣ немыслимъ при такой неопредѣленности и шаткости этическихъ основъ, какая встрѣчается у лучшихъ представителей этическихъ экономистовъ. Шмоллеръ, котораго неоднократно цитированное сочиненіе признается «лучшимъ обще-философскимъ основаніемъ молодой этической школы національной экономіи» (А. Вагнеръ, l. c., 3) и котораго воззрѣнія почти цѣликомъ раздѣляются приверженцами этой школы, нигдѣ не ставитъ прямо вопроса о свойствѣ нравственнаго принципа, который бы могъ быть положенъ въ основаніе новой политической экономіи. Только мимоходомъ, полемизируя противъ пяти основныхъ правъ, признаваемыхъ Трейчке, онъ высказываетъ, что «краеугольнымъ камнемъ современной этики вообще можетъ быть признано слѣдующее положеніе Шлейермахера: ни одинъ человѣкъ не долженъ быть только средствомъ для другого; каждый человѣкъ, напротивъ, хотя онъ, между прочимъ, и исполняетъ роль для другихъ цѣлей, долженъ быть въ то же время признанъ имѣющимъ свою собственную цѣль, при-

[1]) J. St. Mill's Ansichten über die sociale Frage. 1866, стр. 23.

ваніъ монадой» (l. c. 121). Принципъ этотъ настолько неопредѣленъ, что не годится даже для той цѣли, ради которой его приводитъ Шмоллеръ. Ни Трейчке, ни кто другой и не утверждаетъ, чтобы личность всецѣло поглощалась для какихъ бы то ни было внѣ ея лежащихъ цѣлей; степень же поглощенія ея вовсе не опредѣляется вышеозначеннымъ изреченіемъ. Поэтому понятно, что Шмоллеръ и не пользовался имъ для установленія своихъ теоретическихъ воззрѣній. При этомъ онъ и вообще не затрогиваетъ глубокихъ слоевъ вопроса. Высшій нравственный принципъ, на который онъ ссылается во время своей аргументаціи, резюмированъ имъ слѣдующимъ образомъ: «суть заключается и всегда будетъ заключаться въ томъ, чтобы мы вообще шли впередъ въ дѣлѣ экономическаго развитія, чтобы мы больше производили, правильнѣе распредѣляли бы производимое, чтобы наше потребленіе увеличивалось какъ въ дѣлѣ удовлетворенія благороднѣйшихъ и высшихъ, такъ равно и низшихъ потребностей, чтобы мы становились болѣе образованными, прилежными, умными и справедливыми людьми» (стр. 51). Здѣсь, что ни слово, то ссылка на ходячія въ обыденной жизни понятія, подлежащія, однакоже, самымъ разнообразнымъ, нерѣдко противорѣчивымъ опредѣленіямъ. Какъ философскій принципъ, это во всякомъ случаѣ не годится, именно вслѣдствіе этой неопредѣленности и доступности разнородному толкованію. Верховный этическій принципъ, выставляемый Ланге, отличается во всякомъ случаѣ несравненно бо̀льшей цѣльностью и опредѣленностью. «Жизнь, разъ произведенная — говоритъ онъ — должна быть сохраняема». Это положеніе Ланге считаетъ принципомъ всякаго цивилизованнаго человѣка, и потому на немъ онъ думаетъ основать прекращеніе или по крайней мѣрѣ ослабленіе борьбы за существованіе въ человѣческомъ родѣ.

Одно изъ основныхъ положеній этической школы состоитъ въ ограниченіи свободнаго соперничества, — и съ этой точки зрѣнія она представляетъ для насъ еще и спеціальный интересъ. Но по отношенію къ этому вопросу, равно какъ и по отношенію къ основнымъ нравственнымъ принципамъ, эта школа не даетъ намъ цѣльнаго и ясно опредѣленнаго взгляда. Главный представитель ея, Шмоллеръ, очевидно признаетъ благотворное дѣйствіе конкурренціи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и притомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ, онъ говоритъ о хорошихъ послѣдствіяхъ ея при соперничествѣ развитыхъ представителей крупной торговли (стр. 81). То же вытекаетъ и изъ слѣдующихъ его словъ: «увеличивающееся неравенство имущества справедливо, по-

скольку оно обусловлено различіемъ талантовъ; но это различіе объясняетъ скорѣе, почему банкиръ X заработалъ въ послѣдніе годы только одинъ, а банкиръ Y—двадцать милліоновъ, или почему рабочій A сдѣлался подмастерьемъ съ шестью-стами ежегоднаго содержанія, а рабочій B остался носильщикомъ съ двумя-тремя стами талеровъ» (109). Тутъ, слѣдовательно, признается справедливость побѣды одного соперника надъ другимъ; то же заключается и въ слѣдующихъ его словахъ: «я всегда готовъ стоять за преимущества образованія, но не за привилегію кошелька или рожденія». Да и самая теорія «справедливаго распредѣленія» (vertheilende Gerechtigkeit), т.-е. вознагражденія по заслугамъ, обязываетъ давать сильнѣйшему конкурренту болѣе, чѣмъ слабѣйшему. «Чѣмъ болѣе увѣренъ человѣкъ, — говоритъ Шмоллеръ, — что добродѣтель вознаграждается на этомъ свѣтѣ, что прилежаніе, бóльшая дѣятельность и бóльшее напряженіе пропадутъ не даромъ, тѣмъ болѣе напрягаются всѣ струны энергіи».

Сводя все это, слѣдуетъ придти къ заключенію, что Шмоллеръ признаетъ пользу конкурренціи, поскольку она состоитъ въ соперничествѣ личныхъ и притомъ признаваемыхъ нравственными качествъ, но возстаетъ противъ нея, когда пускаются въ ходъ безнравственныя силы, т.-е. хитрость, обманъ и пр., — или же преимущества, даваемыя рожденіемъ и состояніемъ. Правда, онъ нигдѣ не высказываетъ категорически этого воззрѣнія и нерѣдко впадаетъ съ нимъ въ противорѣчіе. Такъ, напримѣръ, онъ возстаетъ противъ свободы конкурренціи «во всѣхъ областяхъ, гдѣ богатый конкуррируетъ съ бѣднымъ, лицо, могущее ждать, съ другимъ, которому необходимо торопиться, *умный съ глупымъ, сильный съ слабымъ*» (81). Первые два случая еще могутъ находиться въ согласіи съ резюмированной выше теоріей, но кáкъ согласить признаніе преимуществъ таланта и вознагражденіе по личнымъ заслугамъ съ этимъ возставаніемъ противъ побѣды умнаго надъ глупымъ и сильнаго надъ слабымъ? Кáкъ согласить, далѣе, теорію справедливаго распредѣленія и конкурренціи, основанной на признаніи преимущества таланта и образованія, съ признаваемымъ Шмоллеромъ правомъ наслѣдственной собственности? «Я защищаю наслѣдственное право, — говоритъ онъ, — поскольку оно полезно, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи» (65).—Отсутствіе ясно формулированнаго взгляда и противорѣчивость основныхъ положеній Шмоллера дѣлаютъ невозможнымъ признать его замѣчанія о конкурренціи вкладомъ въ положительное знаніе. Постоянныя же ссылки

его на нравственныя начала («добродѣтель должна рѣшать» вопросы о распредѣленіи, участіе вознагражденной добродѣтели въ напряженіи экономической дѣятельности, признаніе наслѣдственнаго права, поскольку оно полезно въ нравственномъ отношеніи, и т. д.) и подведеніе къ нимъ основныхъ положеній экономической науки оставляютъ читателя тѣмъ менѣе удовлетвореннымъ, что онъ тщетно сталъ бы искать у Шмоллера точной постановки и развитія этическихъ принциповъ.

Взглядъ, отчасти сходный съ тѣмъ, который былъ извлеченъ нами изъ различныхъ цитатъ Шмоллера, но только отличающійся несравненно бóльшей цѣльностью, опредѣленностью и послѣдовательностью, былъ высказанъ еще за десять лѣтъ до появленія его «Grundfragen» извѣстнымъ популяризаторомъ и общественнымъ дѣятелемъ—Бюхнеромъ. Онъ считаетъ немыслимымъ уничтоженіе борьбы за существованіе, и потому задается только вопросомъ объ уравненіи средствъ этой борьбы. «Пусть отыщутъ формулу, — говоритъ онъ, — которая бы уничтожила или, по крайней мѣрѣ, уменьшила до извѣстной степени неравенство соціальной борьбы за существованіе,—и общественный, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и рабочій вопросы будутъ вполнѣ или, по крайней мѣрѣ, приблизительно рѣшены». — «Такая формула найдена, — продолжаетъ онъ: — мы не имѣемъ никакого основанія ее скрывать, такъ какъ она заключаетъ средство удобоприменимое, не нарушающее непосредственно ничьихъ личныхъ интересовъ, не противорѣчащее прямо нынѣ существующимъ условіямъ,—къ тому же, средство, которое при постепенномъ усиленіи становится все болѣе дѣйствительнымъ, которое значительно облегчаетъ неимущихъ, не вредя непосредственно имущимъ, поэтому, — средство, по возможности, сглаживающее общественныя неравенства и притомъ не только не притупляющее, но, напротивъ, *усиливающее стимулъ къ конкурренціи, ведущій ко всему великому*. Средство это состоитъ въ реформѣ или медленномъ, постепенно увеличивающемся преобразованіи наслѣдственнаго права въ пользу общую» [1]). Сущность этого воззрѣнія, поскольку оно касается нашего вопроса, совершенно ясна: Бюхнеръ стоитъ за соперничество, основанное на природномъ неравенствѣ, и, наоборотъ, возстаетъ противъ участія въ борьбѣ за существованіе момента чисто-культурнаго неравенства.

---

[1]) См. цитаты у Ланге: „Mill's Ansichten", стр. 105, 106. Статья Бюхнера напечатана въ „Deutsches Wochenblatt" и въ подлинникѣ мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна.

Несравненно менѣе радикально мнѣніе Мауруса. Подобно Бюхнеру, онъ тоже не считаетъ возможнымъ уничтоженіе борьбы за существованіе. «Въ разрѣзъ съ соціалистическимъ мнѣніемъ о необходимости уничтоженія всякой конкурренціи и устраненія капиталистическаго производства вообще, — говоритъ онъ, — мы, вмѣстѣ съ буржуазною экономіею, считаемъ конкурренцію экономическою необходимостью, и думаемъ, что было бы ошибочно лишить общество выгодъ этой экономической силы, прямого продукта раздѣленія труда и человѣческаго эгоизма, и замѣнить ее другою, еще менѣе экономическою организаціею производства» [1]). Неравенство условій борьбы Маурусъ, подобно многимъ другимъ экономистамъ, сводитъ, въ концѣ-концовъ, къ естественному неравенству. «Стремленіе къ установленію матеріальнаго равенства между людьми, — говоритъ онъ, — всегда останется тщетнымъ, потому что оно потерпитъ крушеніе вслѣдствіе различія индивидуальной человѣческой природы. Объ эту скалу разбивались и будутъ разбиваться всѣ попытки даже самыхъ геніальныхъ системъ, основанныхъ на матеріальномъ равенствѣ и общей собственности» (стр. 11). Въ виду неизбѣжности конкурренціи, Маурусъ предлагаетъ только мѣры для устраненія нѣкоторыхъ ея вредныхъ послѣдствій и, съ этой цѣлью, проповѣдуетъ вмѣшательство закона, который долженъ опредѣлить заработную плату, «подвергнуть устройство фабрикъ государственнымъ ограниченіямъ, руководствуясь при этомъ правомъ и благомъ рабочихъ, и такимъ образомъ оградить ихъ отъ эгоизма капитала» (284) и т. д.

Совершенно иначе смотритъ на дѣло Адольфъ Вагнеръ. «Правда, — говоритъ онъ, — что люди уже отъ природы неравны, что личное или индивидуальное неравенство, подобно тому, какъ у всѣхъ представителей одного рода или вида, такъ равно и у человѣка составляетъ законъ природы. Отсюда можно бы было вывести относительно всѣхъ другихъ случаевъ, но именно не относительно человѣка, необходимость и желаніе побѣды недѣлимыхъ, болѣе одаренныхъ отъ природы. Я это утверждаю на томъ основаніи, что у людей, по крайней мѣрѣ — отчасти, возможно *уравненіе этого природнаго неравенства, путемъ воспитанія и культуры и посредствомъ охраненія*, которое общество можетъ и должно *оказать своимъ слабѣйшимъ членамъ.* Естественное неравенство недѣлимыхъ ведетъ къ требованію, чтобы не всѣ элементы безъ разбора были предоставлены конкурренціи и чтобы слабые не были отданы ей въ жертву. Именно отсюда и должно быть

---

[1]) „О свободѣ въ политической экономіи". Рус. пер., стр. 274.

введено дальнѣйшее *ограниченіе* свободной конкурренціи, что въ новѣйшее время и проводится все болѣе и болѣе на практикѣ (учрежденія для охраны дѣтей, стариковъ и т. п.)» (l. с. 200).

Приведенныя воззрѣнія могутъ быть сгруппированы въ двѣ категоріи. Къ первой относятся мнѣнія ученыхъ, признающихъ борьбу за существованіе явленіемъ чрезвычайно глубоко заложеннымъ въ природѣ человѣка и потому неустранимымъ, и, въ виду этого, стремящихся уничтожить чисто-культурное неравенство и заставить конкурренцію войти въ ея естественное русло. Эта точка зрѣнія порицаетъ борьбу, успѣхъ которой зависитъ отъ какой-нибудь культурной привилегіи, напримѣръ, побѣду богатаго дурака надъ бѣднымъ, но умнымъ соперникомъ, и, напротивъ, она признаетъ правильнымъ соперничество между людьми, одинаковыми въ смыслѣ общественнаго положенія и матеріальной обстановки, но различными по степени природныхъ способностей. Въ такомъ видѣ воззрѣніе это можетъ быть соглашено съ взглядами нѣкоторыхъ представителей манчестерской школы. Одинъ изъ горячихъ приверженцевъ ея и, въ то же время, ожесточенный противникъ этической школы, которой онъ предсказываетъ ближайшее крушеніе, Дамѣтъ, заявляетъ, «что естественные законы общественной экономіи не оправдываютъ иного неравенства», какъ неравенство личнаго участія. «Развѣ неравенство, какъ принципъ, — говоритъ онъ, — не проявляется всюду въ человѣчествѣ, равно какъ и вообще во всемъ мірѣ? Развѣ естественные законы общественной экономіи могутъ уничтожить это неравенство?—Скажете ли вы, что существуетъ антагонизмъ между Рафаелемъ и обыкновеннымъ живописцемъ, потому что первый создаетъ великія творенія, а второй только посредственныя картины, и потому что покупатели предпочитаютъ первыя послѣднимъ? Если хотите, это тоже антагонизмъ, борьба производства, а слѣдовательно, и распредѣленія, — борьба между искусными и неискусными, но, по совѣсти, развѣ вы можете вмѣнить ее естественнымъ законамъ общественной экономіи? — да и какъ вы, наконецъ, излечите ее? [1]). Дарвинъ также можетъ быть причисленъ къ этой категоріи. Разбирая вопросъ о вліяніи культуры на борьбу за существованіе, онъ указываетъ на усиленное накопленіе богатства и майоратъ, какъ на обстоятельства, отклоняющія въ вредную сторону естественный ходъ этого процесса;

1) „Journal des Economistes“, ноябрь, 1877, стр. 207.

но онъ не придаетъ особеннаго значенія первому препятствію, такъ какъ число очень богатыхъ людей никогда не бываетъ особенно большимъ и, къ тому же, нерѣдко они, по неумѣнію, растрачиваютъ все свое состояніе.

Соглашеніе между партіями возможно, слѣдовательно, на признаніи не теперешней формы «свободы конкурренціи», совершающейся на почвѣ привилегій и другихъ моментовъ чисто-культурнаго неравенства, но такой формы борьбы за существованіе, которая бы наиболѣе приближалась къ условіямъ безпрепятственнаго естественнаго подбора. При этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Бюхнеръ, стимулъ къ борьбѣ не уменьшится, а скорѣе увеличится, и въ сильнѣйшей степени освободятся всѣ личныя силы, «какъ добрыя, такъ и злыя». При этомъ также возможно достиженіе той же степени природнаго равенства, которое вообще получается при безпрепятственномъ ходѣ подбора въ живой природѣ, такъ какъ въ борьбѣ, основанной на природномъ неравенствѣ, побѣдителями останутся лица «наиболѣе приспособленныя къ борьбѣ», а соперники, не представляющія этого свойства, будутъ побѣждены. Въ результатѣ такого процесса борьбы, всѣ воспринимающія участіе въ ней силы, а между ними и «злыя», должны постепенно все болѣе и болѣе развиваться.

На совершенно иной почвѣ стоитъ воззрѣніе А. Вагнера. Онъ не хочетъ безпрепятственной борьбы между людьми, различно одаренными отъ природы; онъ возстаетъ противъ закрѣпленія естественнаго неравенства и, слѣдовательно, стоитъ за культурное неравенство, какъ средство для сглаживанія природныхъ различій. Онъ требуетъ, чтобъ культура давала слабому отъ природы средство для выдерживанія борьбы съ болѣе сильнымъ соперникомъ, и потому хочетъ расширенія и теперь уже существующихъ учрежденій съ цѣлью охраненія слабыхъ. Воззрѣніе это непосредственно вытекаетъ изъ формулированнаго Ланге нравственнаго принципа, по которому всякій цивилизованный человѣкъ желаетъ, чтобы «жизнь, разъ произведенная, была сохраняема»,—принципа, который Дарвинъ признаетъ «благороднѣйшей частью нашей природы». Ставъ на такую точку зрѣнія, Вагнеръ приводится ею, естественно, къ системѣ благотворительности (caritatives System), которая должна ослаблять зло, происходящее вслѣдствіе природнаго неравенства. Но, говоря о примѣненіи этой системы, онъ не можетъ не видѣть многочисленныхъ источниковъ злоупотребленія. Пробѣжавъ нѣкоторые изъ

нихъ, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Правда, — говоритъ онъ, — что всѣ эти бѣды могутъ быть устранены при *правильномъ* примѣненіи «каритативной» системы, особенно если строго держаться принципа осторожнаго индивидуализированія при допущеніи къ удовлетворенію потребностей, допускаемыхъ системой. Но съ перваго взгляда понятно, и весь опытъ подтверждаетъ это, что ошибки въ этомъ отношеніи не всегда могутъ быть устранены, и *съ теченіемъ времени скорѣе увеличиваются, чѣмъ уменьшаются*» и т. д. (l. c. 222). Ка́къ собственно установить «правильное» примѣненіе каритативной системы, мы у Вагнера не находимъ, равно какъ не находимъ у него и устраненія возраженій, сдѣланныхъ впервые англійскими учеными. Эти возраженія Дарвинъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «У дикарей слабые тѣломъ и духомъ скоро устраняются и переживающіе обыкновенно бываютъ одарены крѣпкимъ здоровьемъ. Мы, цивилизованные народы, дѣлаемъ все возможное, чтобы задержать этотъ процессъ уничтоженія: мы строимъ пріюты для слабоумныхъ, калѣкъ и больныхъ; мы издаемъ законы въ пользу бѣдныхъ, и наши врачи употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы продлить жизнь каждаго до послѣдней возможности. Есть основаніе думать, что оспопрививаніе сохранило тысячи людей, которые, при своемъ слабомъ сложеніи, прежде погибли бы отъ оспы. Такимъ образомъ, и слабые члены цивилизованнаго общества распространяютъ свой родъ. Ни одинъ человѣкъ, знакомый съ законами разведенія домашнихъ животныхъ, не будетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это обстоятельство крайне неблагопріятно для человѣческой расы. Насъ поражаетъ, до какой степени быстро недостатокъ ухода или неправильный уходъ ведетъ къ вырожденію домашней породы; и за исключеніемъ случая, касающагося самого человѣка, едва ли найдется столь невѣжественный заводчикъ, чтобы допустить къ размноженію худшихъ животныхъ». «Мы бы не могли — замѣчаетъ онъ дальше, — сдерживать нашего сочувствія, слѣдуя голосу разсудка, безъ уничтоженія благороднѣйшихъ свойствъ нашей природы... и мы должны *безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія переживанія и размноженія слабыхъ*».

Геккель называетъ это самое охраненіе физически слабѣйшихъ «медицинскимъ подборомъ» и, ударяя на его вредныя послѣдствія, намекаетъ даже на средства къ его устраненію. Самымъ умѣреннымъ изъ возможныхъ средствъ слѣдуетъ считать запрещеніе лицамъ, страдающимъ хроническими болѣзнями, всту-

пать въ бракъ. Такая мѣра во всякомъ случаѣ наименѣе расходится съ современнымъ нравственнымъ строемъ, т.-е. съ желаніемъ во что бы то ни стало сохранить жизнь, хотя бы и сопряженную съ величайшими страданіями. «Но не будетъ ли самымъ ужаснымъ ядомъ, который только можно влить въ больного, вмѣненіе ему безнадежной любви», спрашиваетъ докторъ Гартзенъ, горячій защитникъ status quo медицинскаго подбора [1]).

Во всякомъ случаѣ очевидно, что, давая полный просторъ нашему сочувствію, т.-е. дѣйствуя наперекоръ естественному подбору, мы тѣмъ самымъ ослабляемъ нашу силу въ борьбѣ за существованіе, подобно тому, какъ мы ослабляемъ ее у животныхъ, охраняемыхъ въ нашемъ домашнемъ хозяйствѣ. Если бы даже и удалось включить проявленіе нашего сочувствія въ извѣстные предѣлы и поставить его въ равновѣсіе съ условіями борьбы въ данную минуту, то при усиленіи борьбы, вслѣдствіе ли перенаселенія, или какихъ-либо другихъ причинъ, это равновѣсіе легко могло бы быть нарушено. На выборъ представляется два пути. Слѣдуя по одному изъ нихъ, указываемому «благороднѣйшими свойствами нашей природы», мы можемъ не «сдерживать нашего сочувствія» и всѣми силами перечить естественному подбору, но въ такомъ случаѣ «мы должны безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія» такой системы и безъ боязни идти къ пораженію въ борьбѣ за существованіе. «Слѣдуя голосу разсудка», т.-е. избирая другой путь и заставляя подавлять и ограничивать наше сочувствіе, можно быть гораздо болѣе увѣреннымъ въ побѣдѣ, но за то слѣдуетъ мириться съ настоящимъ зломъ, вытекающимъ изъ приниженія благороднѣйшей стороны нашей природы. При этомъ въ большихъ размѣрахъ передъ нами возникаетъ тотъ же вопросъ, который, какъ мы видѣли, неизбѣжно рождается и у каждаго, выступающаго на поле промышленной и торговой борьбы: или ограничить требованія высокой нравственности и побѣдить, или же дѣйствовать сообразно съ этими требованіями и остаться побѣжденнымъ. Выходъ изъ этой альтернативы зависитъ уже отъ чисто-субъективнаго момента, отъ той сложной смѣси, которая составляетъ сущность характера.

Все, сказанное нами до сихъ поръ, служитъ доказательствомъ разлада, существующаго между побѣдностью въ борьбѣ за суще-

---

[1]) См. его статью объ отношеніи теоріи происхожденія видовъ къ нравственности и политикѣ, въ Athenaeum, 1875, стр. 32. О вредномъ вліяніи цивилизаціи на укорененіе непредусмотрительности и безпечности, см. Г. Спенсера „Изученіе Соціологіи", II, 556 и слѣд.

ствованіе и удовлетвореніемъ широкихъ нравственныхъ стремленій. Осязательность и отчетливость интересовъ отдѣльнаго лица или небольшой тѣсно связанной съ нимъ группы составляетъ главную причину того, что въ практической жизни эти интересы одолѣваютъ всѣ другіе, т.-е. интересы большихъ группъ, благосостояніе которыхъ (т.-е. цѣль высшихъ нравственныхъ стремленій) представляется задачей въ высшей степени сложной и неподдающейся ни точному научному изслѣдованію, ни рѣшенію непосредственнаго чувства. Вотъ почему всякая теорія, основывающаяся на узкихъ интересахъ лица и семьи (Selbstinteresse), имѣетъ больше шансовъ получить практическое примѣненіе, чѣмъ теорія, созидающаяся на этическихъ началахъ, такъ какъ они сами по себѣ еще чрезвычайно непрочно установлены.

Ил. Мечниковъ.

СТАРИННЫЯ ДѢЛА

Разсказы и воспоминанія.

> **А иное бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы.**
> *Соф. Лѣт. I, 19.*

II *).

БЕРЕЗАЙ.

I.

....— Вася никогда не рвалъ своихъ тетрадокъ и не пачкалъ лица и рукъ; за это его папа̀ подарилъ ему хорошенькую копилку, и въ ней былъ новенькій полтинникъ. Тогда Вася сказалъ, что онъ будетъ беречь этотъ полтинникъ и класть въ копилку всѣ деньги, которыя ему будутъ давать. Васинъ папа̀ позволилъ каждому изъ своихъ дѣтей...

— А къ нимъ приходили нищіе?—перебиваю я разсказщицу, нашу гувернантку, Наталью Васильевну Кустыркину.

— Ахъ, да не перебивай же!—конечно, ходили; мало ли вездѣ лѣнтяевъ, которые не хотятъ работать, а только попрошайничаютъ. Оттого-то Васинъ папа̀ и училъ своихъ дѣтей бережливости, чтобы они не сдѣлались со временемъ нищими...

— И Вася не подавалъ нищимъ?—опять замѣчаю я уже нѣсколько враждебно.

Наталья Васильевна колеблется: ей хочется какъ-нибудь обойти вопросъ,—не можетъ же она, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что Вася

---

*) См. выше: іюнь, 474 стр.

не подавалъ нищимъ; она знаетъ, что подавать милостыню великая добродѣтель, а благонравный Вася, конечно, долженъ былъ обладать всѣми добродѣтелями;—въ то же время она не можетъ допустить, чтобы онъ потакалъ лѣнтяямъ и попрошайкамъ, какъ она сама только-что обозвала нищихъ... Ну какъ тутъ быть?...

— Вотъ видите ли,—съ торжествомъ заключаю я:—вашъ Вася «нарочный!» И отчего это вы все «нарочное» разсказываете? Вонъ—Михайлычъ, тотъ всегда только «всамдѣлишное» говоритъ—и то его и весело слушать, а васъ скучно.

— Ахъ, ты Господи!—восклицаетъ Наталья Васильевна:—что это за дѣвочка...

— Да,—упрямо продолжаю я:—вы это про Васю все выдумали, и теперь сами не знаете, какъ лучше сказать: помогалъ онъ нищимъ или нѣтъ; а если бы вы не выдумали, то знали бы, былъ ли онъ добрый или скупой... Михайлычъ всегда знаетъ.

— Бѣда мнѣ съ тобой,—скажетъ, бывало, тутъ Наталья Васильевна:—я тебя къ Михайлычу пускать не буду, вотъ что! — Богъ его знаетъ, чтó онъ тебѣ тамъ насказываетъ.

Угроза не пустить къ Михайлычу повторялась не разъ; дѣйствовала она на меня различно: иногда я, скрѣпя сердце, дослушивала разсказъ про умнаго Васю, или послушную Катеньку, причемъ они, какъ и всѣ благонравные герои повѣстей Натальи Васильевны, всегда кончали тѣмъ, что дѣлались богаты и знатны,—что меня, однако, трогало очень мало и не мѣшало заявлять, что они, все-таки, скучные и «нарочные». Иногда же я начинала «капризиться», и все дѣло разрѣшалось горькими слезами, проливаемыми въ углу, куда меня ставили непремѣнно носомъ, и гдѣ я продолжала твердить:—А все-таки у Михайлыча все всамдѣлишное, а у васъ нарочное.—Я была глубоко убѣждена во «всамдѣлишности» Михайлычевыхъ разсказовъ, даже когда онъ говорилъ про вѣдьмъ, лѣшихъ и домовыхъ, которымъ я въ обыденной жизни не вѣрила; но, вѣдь, то, чтó говорилъ старикъ, относилось больше къ «старымъ временамъ прошлымъ»,—къ тѣмъ временамъ, разсказы о которыхъ начинаются словами: «жилъ-былъ»... Никогда не слыхала я отъ него ничего о Васяхъ и Петяхъ, Катенькахъ и Машенькахъ съ завитыми волосками, чистенькими платьицами, копилками... О, какъ я ненавидѣла ихъ всѣхъ, со всѣми ихъ добродѣтелями!

Еще стоя въ углу я начинала придумывать какъ бы улизнуть къ Михайлычу. Размышленіями по этому поводу обыкновенно прекращались мои всхлипыванія; не слыша ихъ болѣе, Наталья Васильевна прощала меня и выпускала изъ угла до новыхъ ка-

призовъ. Черезъ нѣсколько времени я таки-ухитрялась исчезнуть и пробраться на застольную къ Пареену Михайлычу Морозову, или дѣдкѣ Михайлычу, какъ звалъ его въ Березкѣ старъ и малъ.

Не великъ чинъ былъ на Пареенѣ Михайлычѣ—онъ былъ не болѣе, какъ отставной кучеръ. Служилъ онъ сначала моему прадѣду, а потомъ дѣду; отецъ мой уже мало ѣзжалъ съ нимъ, такъ какъ Михайлычъ, по старости лѣтъ, находился на покоѣ. Въ то время, о которомъ я говорю — въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—ему уже было далеко за семьдесятъ лѣтъ. Года не сгорбили его, даже не убѣлили его русыхъ кудрей, которыя только порѣдѣли, да развились немного и какъ-то странно оттѣняли его бѣлую какъ снѣгъ бороду. Макушку онъ брилъ, хотя по старой вѣрѣ не былъ; ходилъ въ сѣромъ армякѣ домашняго тканья и въ лаптяхъ; подпоясывался поясомъ по-кучерски. На палку опираться не любилъ—бралъ ее развѣ когда шелъ въ село къ обѣднѣ или за грибами въ лѣсъ—и то больше отъ собакъ, да отъ лихого человѣка. Михайлычъ былъ старикъ степенный; смѣялся рѣдко, никогда и никого не ругалъ худымъ словомъ, несмотря на то, что былъ изъ кучеровъ: — «ругатели они, прости Господи», — говорила про нихъ моя нянюшка, Марья Дементьевна. Разсердясь на кого-нибудь отойдетъ, бывало, старикъ въ сторону и только скажетъ: «Эхъ, пабалки васъ возьми!»—Значенья этихъ «пабалокъ» я такъ отъ него и не добилась; на всѣ мои разспросы по этому поводу онъ отвѣчалъ: «Да, какъ-те сказать что такѣ пабалки.... пабалки онѣ, вотъ-те и весь сказъ!...».

Занимался старикъ тѣмъ, что лапти ковырялъ, или индюшатъ пасъ, сидя на завалинкѣ. Изба его примыкала къ скотному двору, который стоялъ какъ разъ у озера, подъ горой; тутъ же помѣщался и птичный дворъ, и конюшня, и все это составляло западную ограду большого барскаго сада, особенно густо разросшагося тутъ, благодаря близости озера, скотнаго двора и конюшни. Одно изъ оконъ избы выходило въ садъ; около него заканчивался слѣва рядъ елей и рябины, посаженныхъ, чтобы скрыть отъ ясныхъ господскихъ очей хозяйственныя службы,— справа росло двѣ-три кудрявыхъ березки и нѣсколько кустовъ бузины и черемухи. Подъ самымъ окномъ прилѣпилась завалинка, заворачивая и на лицевую сторону избы, смотрѣвшей, также какъ и барскій домъ и всѣ остальныя избы усадьбы, на югъ. Изъ Михайлычевой избы видны были: прямо—поднимавшіяся вверхъ на отлогую гору поля, въ сторонѣ поёмные луга, и за ними, за рѣкой, далеко-далеко синѣющія вершины сосноваго бора, за старою трактовою Екатерининскою дорогой.

До садовой части завалинки можно было добраться только съ трудомъ: такъ густо разрослись тамъ черемуха и бузина. Михайлычева завалинка вызываетъ цѣлый рядъ воспоминаній въ моей душѣ: сидя на ней, уплетала я въ дни ранняго дѣтства ватрушки бабушки Акулины Вахрамѣевны, жены Михайлыча, лѣтъ на двадцать его моложе; позднѣе я тамъ же слушала и его разсказы, нравившіеся мнѣ уже гораздо болѣе ватрушекъ. Дружба моя со старикомъ началась еще въ такія времена, которыхъ я и сама не запомню,—меня приносила къ дѣдкѣ няня, когда я еще ходить не умѣла. Старикъ бралъ меня на руки, и я его ни капельки не боялась, теребила за бороду и обнимала, часто даже засыпала у него на рукахъ,—чему весьма рада была моя Марья Дементьевна, имѣвшая мало сходства съ другими нянюшками, такъ какъ, повидимому, не чувствовала никакой привязанности къ тяжелой здоровой ношѣ, которую должна была день-деньской таскать на рукахъ, между тѣмъ какъ пятеро ея собственныхъ дѣтей и тонули, и горѣли и въ лѣсу блуждали... Михайлычъ словно чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ чего-то, и няньчился со мною съ тою же простодушной любовью, съ какой возился съ ввѣренными ему Вахрамѣевной индюшатами. Съ годами дружба росла и крѣпла, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Старику повѣряла я всѣ свои дѣтскія радости и горести, шалостей моихъ онъ не выдавалъ никогда, а иногда и самъ помогалъ въ различныхъ проказахъ. Если я пропадала изъ дому, то искать меня шли къ дѣдкѣ, а если оказывалось, что мы оба исчезли, то уже, навѣрно, либо уплыли на лодкѣ рыбу удить, либо въ лѣсъ за грибами ушли. «Извѣстно: старый да малый»,—говорила тутъ Вахрамѣевна. По возвращеніи начинались наставленія и старику, и мнѣ: ему отъ бабки—мнѣ отъ подлежащаго начальства, Натальи Васильевны, надзору которой мы были поручены въ отсутствіе отца, командовавшаго полкомъ на Кавказѣ. Мать моя умерла, когда мнѣ было всего три года.

Наталья Васильевна была очень добра, очень недалека и почти ничего не знала. Вся ея наставническая дѣятельность по отношенію ко мнѣ ограничивалась тѣмъ, что она задавала мнѣ изъ разныхъ учебниковъ «отсюда и досюда». Что касается до меня, то я выучивала или не выучивала заданное, смотря по настроенію. Я, впрочемъ, любила Наталью Васильевну, хотя не ставила ее въ грошъ и была ея «мученьемъ». Мои вѣчно изорванныя платья, грязныя руки, спутанные волосы и промоченныя ноги приводили ее въ отчаяніе. Михайлыча она просто возненавидѣла бы, если бы кроткое, любящее существо было въ состоя-

ніи ненавидѣть кого бы то ни было—она все приписывала винѣ этого «потатчика». Дѣло дошло, наконецъ, до того, что нужно было предпринять что-нибудь рѣшительное, такъ какъ, помимо Михайлыча, у меня завязалась дружба со всевозможными деревенскими мальчишками и дѣвчонками, и я совершенно отбилась отъ рукъ. Требуетъ, напримѣръ, отъ меня Наталья Васильевна, чтобы я сѣла учить уроки. Заниматься ими я соглашаюсь только подъ однимъ условіемъ, именно, оставаться на балконѣ—я ни за что не хочу запереться въ душную комнату; тутъ уже не помогаютъ ни выговоры, ни наказанія. Итакъ, право «зубрить» на балконѣ отвоевано, я усаживаюсь и открываю книгу съ искреннимъ намѣреніемъ углубиться въ заданное... вдругъ внизу, въ кустахъ, что-то начинаетъ шевелиться и до моего слуха доносится осторожный шопотъ:

— Слышь, слышь, Машенька Миколавна, рачкóвъ бы половить съ нами... ась? асеньки?

Ну, кто могъ бы противостоять подобному зову? У кого хватило бы воли уткнуть носъ въ Греча, либо Ободовскаго, и твердить непремѣнно на распѣвъ и съ своеобразными удареніями. Въ Ни-дер-лàн-дахъ глав-ный гó-родъ Ам-стер-дáмъ, глав-ный гó-родъ и Га-гá и сто-ли́-ца ко-ро-ля́!—Если бы я не передѣлывала прозы учебниковъ на свой ладъ, въ нѣкоторое подобіе стиховъ, я вовсе не была бы въ состояніи выучивать своихъ уроковъ.

— Господи!...—съ отчаяніемъ восклицала я:—да какое мнѣ-то дѣло до того, что «Гагà и столица короля». И на что это ему два главныхъ города понадобилось?—точно одного не довольно; это все для того только, чтобы труднѣе учиться было маленькимъ дѣвочкамъ, которымъ хочется гулять и играть.

Какъ нарочно въ такія минуты слышался зовъ какого-нибудь искусителя:—«а нуткось за рачкáми!...». Тихо-тихо, сама едва слыша дѣлаемый мною шорохъ, запрятывала я ненавистнаго Ободовскаго за кадку съ олеандромъ и кралась ползкомъ по балкону, подъ окнами гостиной—все вдоль стѣнки, чтобы не увидала ненарокомъ Наталья Васильевна, сидѣвшая у окна за нескончаемымъ филейнымъ вязаньемъ. Ползкомъ пробиралась я и по террассѣ, опять-таки тѣсно прижимаясь къ стѣнѣ.—Стой! что-то скрипнуло наверху—окно или балконная дверь...

— Машенька, — зоветъ Наталья Васильевна: — нѣтъ?... и книжки нѣтъ—ушла, значитъ, доучивать урокъ въ бесѣдку... ну Богъ съ ней... и жарко же сегодня!...

— Ухъ, слава тебѣ Господи!—ушелъ рябой чортъ!—Признаюсь, у меня тогда не было другого названья для доброй души,

по убѣжденью терзавшей меня Гречами и Ободовскими.—Ну, теперь ближайшая опасность миновалась; теперь нужно только добраться до рощи такъ, чтобы не увидали, а тамъ: держи вѣтра въ полѣ! Аксютка и Степка и Наташка ужъ тутъ.

— Чаго-жъ ты застряла! гляди, вонъ уже и обѣдъ скоро; ну, шевелись же!—подгоняютъ меня сообщники.—И вотъ мы уже и въ рощѣ и за рощей; кубаремъ скатываемся мы подъ горку на лугъ, къ рѣкѣ, гдѣ насъ ждетъ не богатая добыча, а просторъ, звонкій ребячій хохотъ, нестерпимо палящее полуденное солнце и свобода, свобода!...

Широко разстилается береговой лугъ, рѣка быстро струится по песчаному дну, такъ быстро, что въ омутáхъ и зимой не замерзаетъ. Кулики свистятъ; надъ озеромъ, чрезъ которое подальше на-лѣво, по пути, протекаетъ рѣка, съ крикомъ носятся чайки; въ полуверстѣ на-право, на шоссе, звенитъ колокольчикъ; по новому шоссейному мосту громихаетъ пустая телѣга... потомъ все на минуту смолкаетъ, и слышны только тихій плескъ воды о берегъ, да шелестъ камыша.

— Ты, Степка, тамотко, на-лѣво становись, да полбжь кошель-то подалѣ отъ берега, неровенъ часъ—спихнешь въ воду. Я на-право пойду, а ты, барышня, тутотко съ Наташкой оставайтесь,—не горазды вы обѣ рыбачить-то, ну вдвоемъ-же, дастъ Богъ, парочку рачкóвъ изымаете.

Такъ распоряжается Аксютка, она старше всѣхъ, ей уже одиннадцать лѣтъ. Я ужасно обижена ея недовѣріемъ къ нашему съ Наташкой умѣнью ловить раковъ, но молчу и думаю: «погоди, мы съ Наташкой больше вашего наловимъ».

Воцаряется глубокая тишина. Мы ловимъ раковъ прямо руками: каждый изъ насъ ложится ничкомъ, во всю длину, на берегъ; голова надъ водою; какой сказочно-причудливый видъ все принимаетъ въ водѣ—камушки, водоросли... камыши стоятъ поодаль отъ берега, между ними подъ водою темная чаща,—ни въ ней, ни за ней, ничего уже не видно; за камышами рѣка глубокая-преглубокая,—тамъ черные, глухіе омутà. У самаго берега песокъ, тутъ все дно видно. Почва берега песчаная, какъ и рѣчное дно, но ее превратили въ зеленый лугъ ежегодные разливы рѣки, нанесшіе на песокъ толстый слой ила, превратившагося въ богатый черноземъ. Слой этотъ подрытъ; подъ нимъ, между вполовину обнаженными корнями прибрежныхъ кустовъ, образовались подводныя норы и ходы; тамъ, притаившись, сидятъ черные раки и поводятъ усами въ ожиданіи добычи. Подъ берегъ, въ нору, нужно засунуть голую руку,—уходитъ она туда по

локоть—надо успѣть схватить рака, пока онъ не устрѣльнулъ въ камыши. Я опускаю руку въ воду,—рѣка такъ быстра, что теченье ощутительно даже у самаго берега; я чувствую, какъ влага охватываетъ мою руку и струится дальше; сверху вода теплая, поглубже прохладная; — теперь скорѣе руку въ нору: щелкъ, щелкъ, щелкъ, хлопъ, хлопъ... трепещется и щелкаетъ хвостомъ пойманный ракъ.

— Анъ, видишь, я-то прежде всѣхъ рака поймала—съ торжествомъ восклицаю я,—и сердце мое бьется такъ скоро, скоро... отъ радости, что ракъ и попался, и не ущемилъ моихъ пальцевъ.

— Тьфу, провались ты стамши!—раздается испуганный голосъ одного изъ товарищей, — ишь какъ спужала, ракъ-то вѣдь мой ушелъ — эво ли какъ стрѣлянулъ въ особу́, и не видать ужъ...

— Охъ-ти мнѣ-тушки, охъ...—визжитъ другой ловецъ и изо всѣхъ силъ трясетъ надъ берегомъ рукой, въ которую впился ракъ, отчаянно защищаясь.

Ну какіе же Гречи въ состояніи удержать отъ участія въ такихъ наслажденіяхъ!

Возвращеніе домой бывало, конечно, не такъ весело, какъ отправленіе: дома ждали и переодѣванья—я была вся перемазана и перемочена—и поученія и наказанія въ родѣ того, напримѣръ, чтобы переписать сто разъ слова: «я опять ушла безъ спросу».— «Изъ-подъ самаго твоего носу»—шептала я при этомъ, въ видѣ отчаянной мести за нестерпимую необходимость сидѣть и писать —писать: «эти глупости!»

Какъ бы то ни было, но такія шалости, такое непослушаніе, привели, наконецъ, Наталью Васильевну въ полнѣйшее отчаяніе, и она рѣшилась написать о моихъ продѣлкахъ отцу. Я не придавала особеннаго значенія ея словамъ, и когда она пригрозила пожаловаться «папа́» и попросить его отдать меня въ институтъ, я про себя рѣшила, что это все глупости, и что отецъ либо пришлетъ мнѣ только письменный выговоръ, либо не отдастъ привезенныхъ гостинцевъ, когда пріѣдетъ, а спрячетъ ихъ до поры до времени, пока я исправлюсь. Это случалось уже и раньше, и однажды привезенныя игрушки были въ конецъ изгрызены мышами—такъ долго я не хотѣла исправляться.

Но на этотъ разъ случилось иначе: отецъ написалъ Натальѣ Васильевнѣ, что черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ самъ, и если окажется нужнымъ, отвезетъ меня въ институтъ. Когда отецъ пріѣхалъ и увидалъ меня, то, по его мнѣнію, это дѣйствительно оказалось

необходимымъ и пришлось мнѣ разстаться и съ любимымъ Михайлычемъ и со всѣми моими березайскими друзьями.

II.

Шесть лѣтъ институтской жизни прошли скоро. Дологъ и тяжелъ показался мнѣ только первый годъ. Своенравная, дикая, какъ степной жеребенокъ, я сначала чуть не задохнулась въ четырехъ стѣнахъ заведенія. Училась я хорошо; по-французски и по-нѣмецки болтала бойко, такъ какъ до Натальи Васильевны у насъ была гувернантка швейцарка, говорившая на обоихъ языкахъ, а впослѣдствіи, когда Наталья Васильевна ее замѣнила, я стала читать иностранныя книги, крадя ихъ изъ отцовской библіотеки, когда дурная погода задерживала меня дома, или же выходилъ рѣшительный запретъ по отношенію къ Михайлычу и деревенскимъ друзьямъ. Вздумалось же мнѣ читать иностранныя книги потому, что Наталья Васильевна дѣлала для моего чтенія слишкомъ строгій выборъ русскихъ — у меня прошла охота читать ихъ, и я стала таскать, сквозь разбитыя стекла книжныхъ шкафовъ библіотеки, книги нѣмецкія и французскія, увѣряя Наталью Васильевну, что беру ихъ изъ дѣтскаго шкафа. Обманъ мой удавался, благодаря ея незнанію языковъ.

Итакъ, я въ институтѣ училась хорошо, и тѣмъ болѣе времени оставалось у меня на мечты, а мечтала я до боли о своемъ родномъ гнѣздѣ, Березаѣ, и всѣхъ его обитателяхъ. Ночью подруги иногда будили меня, говоря, что мой плачъ во снѣ не даетъ имъ спать... мнѣ же все снилась родина, поля, лѣса, просторъ и свобода, и я плакала отъ счастія, что я опять тамъ, опять среди всего милаго, своего, а не далеко, между чужими.

Прозвали меня въ классѣ «мужикомъ», и не мужикомъ даже, а «le mougik».

— Je te reconnais à ta marche légère!—напѣвала мнѣ вслѣдъ которая-нибудь изъ подругъ.

— Мнѣ душно здѣсь — я въ лѣсъ хочу! — декламировала другая.

— Отстаньте, пострѣлята!—кричала я съ досадой.

— Mesdames, qu'est ce que ces—«пострѣлята»?

— Черти, право черти!—огрызалась я.

Раздавался хохотъ, и начинались новыя поддразниванія, новыя мученія.

Казенное камлотовое платье растирало мнѣ плечи до крови;

башмаки были узки... но ужаснѣе всего былъ корсетъ. Этой послѣдней пытки я не забуду никогда, а меня въ теченіи года каждое утро, несмотря на прбсьбы и слезы, затягивали въ корсетъ по приказанію и въ присутствіи классной дамы. Только къ концу перваго года я догадалась сбрасывать его потихоньку отъ моихъ мучителей.

Все это, конечно, осталось не безъ вліянія какъ на душевное, такъ и на тѣлесное мое здоровье. По прошествіи года-двухъ, чуткіе дѣтскіе умы нашли нужнымъ измѣнить мое прозвище «мужика» и стали звать меня «щепкой», что̀ чрезвычайно вѣрно выражало и мою худобу, и какое-то деревянное отношеніе ко всему окружающему. Не узналъ бы тутъ Михайлычъ своего вѣрнаго товарища.

Мало-по-малу, однако, тоска по родинѣ притупилась; я стала сживаться съ институтскими порядками; потомъ они начали занимать меня, и въ концѣ-концовъ, черезъ шесть лѣтъ, личинка превратилась въ куколку, ничѣмъ не отличавшуюся отъ сотни ей подобныхъ, получающихъ воспитаніе въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я была вполнѣ пропитана тою же безпредметною мечтательною грустью, какъ и всѣ мои подруги, тою же женственною стыдливостью, тѣмъ же окончательнымъ незнаніемъ жизни и людей. Въ головѣ и въ душѣ было пусто—коегдѣ только, въ далекихъ уголкахъ ихъ, копошились узко-личныя, самолюбивыя, мелкія заботишки и чувствьица.

Къ счастію — я говорю такъ въ настоящее время, тогда я считала это ужаснымъ несчастіемъ—судьба забросила меня, по выходѣ изъ института, въ тотъ же Березай.

Я почти задохнулась отъ наплыва впечатлѣній, когда очутилась дома, — я такъ давно отвыкла что-либо дѣйствительно чувствовать. Извнѣ налетали и толпились новыя ощущенія, изнутри —призраками прошлаго вставали воспоминанія.

Заплакалъ старыми очами Михайлычъ, когда я, забывъ напускные институтскіе пріемы, по прежнему бросилась ему на шею, а не дала «подойти къ ручкѣ», какъ онъ намѣревался, увидавъ во мнѣ высокую, принаряженную барышню.

Что̀ говорить о деревенской жизни барышни-помѣщицы того времени? Вездѣ и для всѣхъ она была одна и та же: однообразно, безцѣльно тянулись дни за днями, недѣли за недѣлями. Безцвѣтный строй обыденной жизни прерывался развѣ выѣздомъ къ сосѣдямъ или пріѣздомъ какихъ-либо гостей — больше ничѣмъ. Какъ ни дорогъ былъ мнѣ родной Березай, какъ ни мило все, что̀ меня тамъ окружало, но мнѣ хотѣлось для себя другой об-

становки, въ которой я могла бы веселиться, блистать, жить— однимъ словомъ. Я была въ сущности вполнѣ оторвана отъ жизни своего родного гнѣзда, жизни, представлявшей что-либо самобытное уже никакъ не въ господскихъ хоромахъ. Между мною и тою частью Березая, гдѣ трепетала живая жизнь, гдѣ люди дѣйствительно работали, отдыхали, радовались и печалились въ самомъ дѣлѣ, а не «нарочно», глубокою пропастью легли шесть тепличныхъ институтскихъ лѣтъ. Вернувшись въ Березай, я, конечно, отнеслась съ любовью не только въ болѣе близкимъ мнѣ людямъ: я, такъ-сказать, вспомнила и о прежней своей любви къ простому русскому человѣку, но это было уже не то... это уже не было чувство равнаго къ равнымъ, а какое-то—не то снисхожденіе, не то сожалѣніе. Да если сказать по совѣсти, то простой человѣкъ занималъ меня лишь настолько, насколько разгонялъ свирѣпую скуку, которая начала овладѣвать мною, какъ только я освоилась и пообжилась въ деревнѣ. Мы не получали ни газетъ, ни журналовъ; приходилось довольствоваться тѣми же романами и путешествіями, которыми я наслаждалась въ дѣтствѣ.

Я стала читать романы запоемъ, и сама начала мечтать о любви, о женихахъ... Но ни любовь, ни женихи не являлись, а если какой-нибудь женихъ и подвертывался, то былъ до такой степени далекъ отъ того превосходства, котораго я считала себя въ правѣ требовать отъ избранника своего сердца, что я чувствовала только горькую обиду за дерзкія, по моему мнѣнію, притязанія тѣхъ, кто осмѣливался за меня свататься. По прошествіи трехъ-четырехъ лѣтъ такая жизнь сдѣлалась мнѣ совершенно невыносимою и я начала стремиться и рваться куда бы то ни было, только вонъ изъ этого «болота». Но средствъ жить всей семьей въ Петербургѣ и поддерживать тамъ «достоинство своего дома» у отца не было, — онъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы изыскивать ихъ, да и вообще находилъ, что нужды въ этомъ нѣтъ: живемъ мы и здѣсь, слава Богу! Отпустить меня одну гостить къ кому-нибудь изъ родныхъ? На это нужно было рѣшаться, а рѣшался отецъ на всякое новое дѣло съ трудомъ. Потомъ же, разъ отпустишь—захочется и еще, и еще—конца этому не будетъ. Послать пожить у тётокъ для ловли богатаго жениха? Старикъ мой былъ слишкомъ честенъ, да и мнѣ подобная вещь не пришла бы въ голову; ну, я и жила, какъ жилось: скучно! Въ это время въ Петербургѣ устроились педагогическіе курсы; узнала я объ этомъ нечаянно, изъ насмѣшливаго разсказа одной сосѣдки. Вотъ случай уѣхать для дѣла,—я съ трудомъ уговорила отца, но, видя въ этомъ возможность разъ навсегда разогнать тоску, начинав-

щую дѣйствовать уже и на мое здоровье, старикъ согласился, заставивъ замолчать даже дворянскую гордость, не могущую помириться съ мыслью, что я буду готовиться въ учительницы. Я, впрочемъ, успокоила его, обѣщавъ, что займусь только для пополненія собственнаго образованія. Дѣло, начатое ради скуки, заняло меня. Я прожила въ Петербургѣ у тётокъ двѣ зимы и усердно работала. На лѣто я возвращалась домой, въ деревню, куда меня, съ тѣхъ поръ, какъ я не была тамъ прикована, начала тянуть не только любовь къ семьѣ, но, благодаря вѣянію времени, и та сторона жизни, связующимъ звеномъ съ которой былъ для меня Михайлычъ и прежніе друзья. Въ началѣ 1866 г. занятія мои прекратились, повидимому, окончательно, и я воротилась подъ свои сосны съ тѣмъ, какъ я думала тогда, чтобы долго не покидать Березая.

III.

Не такою радостной и привѣтливой встрѣтила меня родная картина, какою я оставила ее въ прошломъ году. Уже выйдя изъ вагона на желѣзно-дорожной станціи, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Березая, меня поразило какое-то смутное выраженіе не то тревоги, не то заботы на лицахъ крестьянъ, толпившихся на станціонной платформѣ.

— Охъ, родимые! — плакался какой-то женскій голосъ въ сторонѣ, гдѣ толпа была всего гуще:—охъ, крещеные, довезла я свово жадóбнаго касатика, почитай, что до самаго дому... и вотъ что поприключилось! Охъ, батюшка, кормилецъ ты мой, на кого ты покинулъ меня, горемычную?.. Взовьюсь я сѣрой кукушечкой, горюшечкой—закукую, заплачу: пролью слезы вдовьи горькія, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать одной, горемычноей, безъ моей безъ услады, безъ государя мово, Петра Иваныча...

Жгучей болью, тоской отзывались ноющія причитанія съ визгливыми выкриками.

— Матушка, Микалаевна, насилу разыскалъ я тебя!—смѣялся мнѣ на встрѣчу рыжебородый станціонный стоечникъ, Никита, обыкновенно отвозившій меня со станціи въ Березай, но и его улыбка не была на этотъ разъ такъ широка и безпечно привѣтлива, какъ прежде.—Все ли здорова будешь, барышня? Слышу я, папенька твой знать далъ, ѣдетъ-де Микалаевна, заложилъ троечку, да и подкатилъ за тобой къ станцыи — искалъ-искалъ,

касилушку нашелъ: ишь что народу-то, валомъ конѣ валитъ домой съ Питера.

— Скажи, ради Бога, Никита, что тутъ такое?

— Да, что: везла баба Медвѣдевска мужа въ горячкѣ съ самаго Питера, думала, отстанетъ хворь-то дома; довезла доседова—а тутотко до Медвѣдева всего верста—вынесла на рукахъ съ вагону, положила на платформу... за лошадью сбѣгать хотѣла—нанять, а онъ тутъ и кончился... грѣхи, я тебѣ скажу!

— Да, что же всѣ-то словно въ горѣ ходятъ; вѣдь не всѣ же объ этомъ мужикѣ убиваются?

— А ты развѣ не слыхала, что и у насъ тутъ горячка, да холера по деревнямъ народъ все одно что косой косятъ?

— Слыхать-то я слыхала, да неужели такъ ужъ очень много помираетъ?

— Охъ, матушка, страсти-что мретъ народу; да, вотъ, пріѣдешь домой, спросишь папеньку да сестрицъ, они тебѣ разскажутъ.

Мнѣ собственно уже писали, что въ окрестностяхъ Березая свирѣпствуютъ тифъ и холера, но въ Петербургѣ я обратила мало вниманія на это извѣстіе.

— И-ахъ, какъ лютуетъ она, эта самая горячка: скрутитъ тебѣ бабу, аль-бо мужика—живо: въ день-въ два лежитъ онъ будто пластъ, и горитъ весь; и выступаютъ по ёмъ пятна красныя съ синивой, а то и совсѣмъ темныя—станетъ во всемъ тѣлѣ рябой, а отъ самого жаромъ такъ и пашетъ, такъ и пашетъ... Бредятъ тожно, только болѣ смирно лежать, ничего не говорятъ и не помнятъ. Помираетъ ихъ много. Насъ пока Господь милуетъ на станціи: баютъ люди ученые оттого это, что-де на высокоемъ мѣстѣ живемъ, и жилье не больно тѣсно другъ околъ дружки.

Много разсказывалъ мнѣ Никита.... Мнѣ сдѣлалось невыносимо больно за весь этотъ беспомощно-болѣющій и безъ утѣшенія-умирающій народъ: окрестные священники, по словамъ ямщика, не успѣвали навѣщать всѣхъ хворыхъ,—отъ станціоннаго же доктора никто не ждалъ и не требовалъ помощи.

Часа черезъ два съ половиною мы подъѣзжали къ Березайскимъ огуменникамъ и, круто повернувъ на красный дворъ, быстро подкатили къ крыльцу. Было часовъ одиннадцать утра; ярко зеленѣли лужайки двора, залитыя іюньскимъ солнцемъ. Въ усадьбѣ все смотрѣло такъ же спокойно и беззаботно, какъ и встарь: сѣрый домъ съ зеленой крышей; старыя деревья, перевѣсившіяся за высокую ограду сада; голуби въ слуховомъ окнѣ чердака;

воробья до того смѣлые, что взлетали почти изъ-подъ копытъ лошадей и стаями опять тотчасъ поналетали на дорогу, позади подъѣхавшаго къ крыльцу тарантаса....

Поздоровавшись съ вышедшими мнѣ на встрѣчу отцомъ и сестрами, я вошла въ дѣвичью, гдѣ меня, по обыкновенію, ожидала вся домашняя и дворовая челядь. Впереди стоялъ Михайлычъ съ Вахрамѣевной. Старикъ поразилъ меня своимъ видомъ: онъ весь какъ-то опустился — глаза смотрѣли тускло; на лицѣ осеннею мглою легла тяжелая забота.

— Здравствуй, дѣдушка, — сказала я, — по старинному цѣлуясь съ нимъ трижды.

— Здравствуй, родная, здравствуй, Машенька, моя Миколаевна.

— Чтò ты, здоровъ ли, дѣдушка! не веселъ ты что-то, на мой взглядъ.

— Не отъ чего веселымъ быть, желанная; да, вотъ отпустишь народъ, такъ я тебѣ словечко скажу, коль милости твоей угодно будетъ.

— Въ чемъ же дѣло, дѣдушка? — спросила я, когда окончила здороваться съ остальными и дѣвичья опустѣла.

— Охъ, матушка, вѣдь безъ тебя тутъ и Глафира наша помирать собралась, — проговорилъ тоскливо старикъ.

— Что-ты, дѣдушка, неужели и она?

— Да, родная ты наша; кабы ты раньше пріѣхала, може и помогла бы чѣмъ. Спервоначалу какъ стала Глафира хворать, такъ все поминала: «Нанеси, Господи, нашу больнуху скорѣе! дюже мнѣ неможется, дѣдушка»... Я къ ней кажинный день хожу, али Вахрамѣевна, а то и ночевать остаемся который-нибудь. Ахъ, ты, Господи, и что только теперичко на деревнѣ у насъ дѣется... весной пашню міромъ пахали за больныхъ, кто здоровъ оставался; болѣ половины народу—кто и по сейчасъ безъ памяти лежитъ, а кто такъ еле бродитъ.

Глафира была вдова Михайлычева внука. Не мало воспоминаній моего дѣтства было связано и съ нею. Жизнь ея не тянулась однообразной сѣренькой полоской, какъ у другихъ крестьянскихъ женщинъ. Глафирѣ и въ дѣтствѣ, и впослѣдствіи пришлось испытать много душевныхъ бурь. Дѣдушка часто разсказывалъ мнѣ про нее—онъ любилъ ее крѣпко, кажется, даже больше всѣхъ самыхъ близкихъ ему людей. Глафира была чрезвычайно хороша собою. Больше всего въ ней нравились мнѣ ея глаза: темно-синіе, нѣсколько впалые, пытливо и строго глядѣвшіе на все окружающее. Волосы у ней были свѣтло-русые и

вились, что рѣдко встрѣчается у русскихъ женщинъ. Когда она вышла замужъ, она, по обычаю, стала прятать ихъ подъ повойникъ. Я какъ-то разъ зашла къ ней нечаянно на прогулкѣ —она расчесывала волосы: густой волной разсыпались изъ-подъ гребня длинныя кудри съ золотистымъ теплымъ отливомъ.

— Ахъ, какая ты красавица, Глаша! — вскрикнула я невольно.—Она засмѣялась.

— Было, родная, было, да и быльемъ поросло. Глядико-ся, не много у нашей сестры красоты остается, какъ этакую ораву робятъ народишь, да выкормишь. Двоешекъ-то своихъ я въ полѣ на жнитвѣ родила, да въ подолѣ домой съ полосы принесла. Послѣ первинькаго хворала тожно, второго да третьяго легко Господь пронесъ, а вотъ четвертымъ совсѣмъ бы померла, кабы бабушка Вахрамѣвна день да ночь, глазъ не смыкаючи, не сидѣла надо мною. Надоть родить ихъ — это разъ; объ хозяйствѣ же своимъ чередомъ позаботиться нужно; работать такъ-то отъ зари до зари, рукъ не покладаючи. Сама знаешь, долго и мужъ-то мой, Степанъ Ѳеимычъ, хворалъ, пока померъ. Гдѣ ужъ тутъ красивой быть, аль оставаться. А какъ Степанъ Ѳеимычъ померъ, такъ у меня вдвое противъ прежняго работы прибавилось: не хотѣла я въ бобыльки, тяготы мірскія всѣ несу съ мужиками наравнѣ. Какъ большакъ вотъ мой подростетъ, такъ хозяйство какъ быть слѣдуетъ отъ матери приметъ.

Большаку было тогда около восьми лѣтъ; онъ молча слушалъ материнскую рѣчь и, только когда она упомянула о немъ, счелъ долгомъ и самъ дать знать о себѣ, фыркнувъ и вѣжливенько утеревъ носъ рукавомъ.

— Рости же, смотри, скорѣй, Васютка,—сказала я.

— Лан-но, неужъ не выросту.

— Да, онъ и теперь мнѣ подмога,—гордо и любовно глядя на сына, промолвила Глафира. — Онъ ужъ и теперичко коё-что по-дому, да околъ скота мнѣ помогаетъ. Грѣхъ мнѣ на робятъ на своихъ жаловаться,—не обидѣлъ меня ими Господь. Васютка вонъ ужъ и читать, и писать начинаетъ... и такой это у ихъ съ Алёнкой промежъ собой споръ идетъ, индо до слезъ надъ ими нахохочешься. Знаешь, чай, Архипыча—солдатъ у насъ отставной, школу завелъ — міръ на томъ порѣшилъ, чтобы дозволить ему,—по рублю съ мальченка, за выучку беретъ: это читать-писать и молитвы: Отче, тамъ, ну, Богородицу и други, каки слѣдоваетъ;—такъ Алёнкѣ завидно, что я Васютку къ Архипычу посылаю: и что это, говоритъ, мамушка, быдто дѣвчонки ужъ и нé-люди; я тоже, говоритъ, учиться хочу; я, погляди, скорѣй

Васюткина вычусь. Стану я ей на это смѣяться: тебѣ, говорю, рано; тебѣ всего сёмый годъ идетъ,—такъ она вся такъ и пріобидится: погоди, скажетъ, дай Богъ Марьюшкѣ, большухѣ-то нашей, Миколаевнѣ, пріѣхать — я къ ей схожу; она выучитъ, небось, лучше Архипычева. Тобой все и стращала. Дѣлать нечего, стала и ее въ старику посылать; такъ споры у ихъ, да переборы завелись съ Васюткой: ты-де не такъ читаешь,—нѣтъ, ты не такъ. Разъ, вотъ-те Христосъ, разнимать пришлось. Грѣхъ съ ими, да и только!

Алёнка сидѣла въ углу, на лавкѣ, уткнувшись носомъ въ стѣну.

— Что-жъ, вотъ и большуха пріѣхала, Марьюшка твоя, Миколаевна,—застыдилась теперь, небось!

— Аль загордилась, Алёнка?—спросила я.

— Нѣ, не загордилась, — отвѣчала она, улыбаясь все-таки въ стѣнку.

— Приходи-ка ко мнѣ ужо съ дѣвчонками; пойдемъ вмѣстѣ за ягодами.

— Лан-но, приду.

— Смотри же, приходи.

Возиться съ крестьянскими ребятами входило и раньше въ число немногихъ моихъ развлеченій. Но съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣзжала въ Березай только на лѣто, меня сближали съ деревенскимъ людомъ и нѣсколько иныя побужденія. Я заходила иногда и къ больнымъ, и безпомощнымъ, стараясь сдѣлать что-нибудь для нихъ—помощь моя принималась всегда охотно, хотя я очень сомнѣвалась, чтобы она въ дѣйствительности приносила кому бы то ни было пользу. Тѣмъ не менѣе крестьянскія женщины стали частенько-таки захаживать и ко мнѣ, кто за лекарствомъ, кто зачѣмъ. Ребятишки прибѣгали, чтобы пойти съ нами въ лѣсъ, за ягодами или за грибами; имъ было не скучно съ нами, тѣмъ болѣе, что насъ всегда сопровождала сытная закуска, которою мы съ ними охотно дѣлились. Глафирины ребята чаще другихъ прибѣгали въ усадьбу, то къ дѣдкѣ, то ко мнѣ.

— Барышня, а барышня, я-те зайчатъ пару изловилъ, да принесъ, — мнѣ неколи съ ими баловаться, да и кормить ихъ нечѣмъ; сказывала мамушка, что ты до всякіихъ животовъ охоча, ну, я тебѣ и принесъ.

— Давай, Васенька, давай.

Притащилъ мнѣ Вася и журавля молодого, и, хоть некогда ему было баловаться, однако, онъ иногда прибѣгалъ изъ деревни, кажется, столько же для того, чтобы повидаться съ Журкою,

сколько и съ дѣдушкой. А Журка выросъ на славу, и на зиму не улетѣлъ. Ходилъ онъ горделиво, словно панъ какой по двору и по саду. Мы за ягодами — и онъ съ нами; мы малину обираемъ—и Журка прямо съ кустовъ ягоды клюетъ. Мы въ озеру: смотрѣть, какъ рыбаки, дядя Ѳедоръ колченогій, съ сыномъ Сидоромъ, рыбу изъ лодки на берегъ выгружаютъ—и Журка тутъ-какъ-тутъ. Станетъ Ѳедоръ рыбу на пять кучъ раскладывать: себѣ четыре, барину пятую,—Журка, не стѣсняясь, то изъ той, то изъ другой кучи, знай-себѣ, рыбку подбираетъ. Мы его гнать, а онъ увернется, да опять къ рыбѣ, а Ѳедоръ и скажетъ: «не трожьте его, онъ—птица—тоже свое знаетъ, понимаетъ толкъ въ рыбушкѣ; небось, гляди, съ хвоста никоторую не клюнетъ, а особливо ерша опасается». Идемъ ли мы въ лѣсъ за грибами,—Журка опять-таки съ нами: сестры мои, ребятишки и я идемъ впереди; по бокамъ шныряютъ въ кустахъ Цампа, Валетка и Бѣлька; сзади, неслышно, крадется по песочку Розетта, жирный, желтый котъ, окрещенный меньшою сестрою въ припадкѣ романтической мечтательности именемъ Розетты!... Подъ ногами вертится щенокъ-Жукъ, а рядомъ съ нами степенно выступаетъ Журка, вѣчно враждующій съ Жукомъ за то, что тотъ непремѣнно каждый вечеръ стремится завладѣть его гнѣздомъ—корзиной съ сѣномъ, стоящій подъ дѣвичьимъ крыльцомъ.

— Охочи-таки наши барышни до всякихъ животовъ,—скажутъ, бывало, встрѣчные крестьяне.—Ишь, вѣдь, прости Господи, какого только звѣрья не ведутъ съ собой!

IV.

«Каково-то теперь Глафирѣ и ея дѣтямъ?»—думалось мнѣ, услыхавъ Михайлычеву печальную вѣсть. Бѣдные ребята! Вотъ, когда Васюткѣ и совсѣмъ ужъ баловаться не придется! Надо бы навѣстить Глафиру, непремѣнно, сегодня же.

Съ Михайлычемъ вмѣстѣ отправилась я къ ней въ тотъ же день. Мы выбрали ближайшую дорогу въ Березай-село, гдѣ она жила. Дорога эта шла по лѣсу, по узкому, извилистому песчаному наносу, между озерами и моховыми болотами, и мѣстами перерѣзывалась топкими оврагами, гдѣ приходилось пробираться по бревнамъ, наполовину увязшимъ въ полужидкой грязи. Носила она названье Волчьяго-перегона и огибала лѣсистый песчаный холмъ, весь покрытый могильными курганами, и называемый окрестными крестьянами «татарскими могильниками». По описанному про-

селку, гдѣ можно было, впрочемъ, идти только пѣшкомъ, до Березая-села было не болѣе четырехъ верстъ; проѣзжая же и притомъ плохая дорога, минуя озера и топи, растянулась верстъ на двѣнадцать; ѣхать по ней взяло бы больше времени.

Дойдя до могильниковъ, старикъ убавилъ шагу.

— Гляди, Миколаевна, вотъ онъ самый и пень, околъ котораго я Глафиру притулимши нашелъ... Ой, да и жалко-жъ мнѣ бабу—больно разумна, да работяща. Схоронилъ я сына, внука схоронилъ, а ее всѣхъ жальчѣе хоронить будетъ—лучше бы самъ въ сыру-могилу легъ... и слезъ нѣтъ у меня,—всѣ высохли. Вахрамѣвнѣ—той легче: у ней еще слезно горе есть, а у меня и слезъ, у стараго, нѣту-ти больше....

И вправду тяжело было глядѣть на старика, подавленнаго глубокой душевной печалью, не могшей вылиться наружу слезами.

Лѣсное мѣсто, по которому мы шли, и связанныя съ нимъ воспоминанія имѣли важное значенье для всей Глафириной жизни, хорошо извѣстной мнѣ, отчасти по разсказамъ Михайлыча, отчасти потому, чему я сама была свидѣтельницей.

Старикъ охотно говорилъ о прошломъ, особенно часто толковалъ онъ о Глафирѣ, любовно вспоминая свою первую встрѣчу съ ней, происшедшую при довольно странныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Вотъ какъ онъ разсказывалъ мнѣ прежде объ этомъ, а теперь дополнилъ нѣкоторыми подробностями:

— Чудны дѣла дѣются на свѣтѣ: вотъ хоть бы какъ я Глашутку въ лѣсу нашелъ. Былъ я уже и тогда не молодъ, на покоѣ, почитай, находился, — только развѣ въ Христовъ день, при большомъ паратѣ, выѣзжалъ съ бариномъ; а такъ-то, въ будден-день, въ просто время, болѣ дома сидѣлъ, да кое-что ковырялъ: сбрую чинилъ, аль-бо лапти плелъ, также какъ и теперичка—знамо, старый человѣкъ. Любилъ я и тогда сидѣть на заваликѣ—все, бывало, забредетъ кто-нибудь: богомолочка старенька, либо человѣкъ добрый проходящій—шло ихъ въ тѣ-поры много, былъ трахтъ шоссейнымъ единымъ путемъ съ Москвы на Питеръ—чугунка еще проведена не была. Захаживалъ такъ-то народъ бредучій—и отдохнуть, и напитаются, и посидятъ, бывало, со мной, старикомъ. Разсказывали они много про Святы мѣста и про пути-дороги дальнія, а кто и сказки сказывалъ и пѣсни пѣлъ. Говорили тоже про воровъ-разбойниковъ и про старинныя времена, когда добрые люди клады въ землю хоронили отъ лихого человѣка. Баяли прохожіе, что прежнія времена не нонѣшнимъ чета: было тогда по всей Руси во крестьянствѣ богачество—

варили по селамъ, по поселкамъ, пивá, медá, пьяныя, курили зелено вино; скота держали много: кормить его чѣмъ было. Пчелу тоже держали—ульевъ по сту на дворъ и болѣ. Рыбушка водилась по рѣкамъ, по озерамъ, не въ примѣръ противъ теперешняго. Охотились хрещеные тоже на звѣря лѣсного, пушистаго—наживали себѣ злато-серебро. Пріѣзжали тогда въ наши мѣста купцы съ Новагорода, покупали, вымѣнивали товары наши—мѣхà и кожи и медá—и везли ихъ на дальній сѝверъ, до самаго Бѣлаго моря, а туда àгличанинъ корабли посылалъ торговые и мѣнялся съ купцами съ Новогороцькими, за свои товары заморскіе...

— А, должно быть, давно это было! — перервалъ самъ себя на минуту дѣдушка, и опять принялся разсказывать.

Жили дѣды такъ-то богато и вольно, какъ вдругъ стали насъ тѣснить злы татаровья; только мы ихъ въ свою сторону далеко не пустили—тѣи-же, кои подалѣ зашли, отъ своихъ отбилися—всѣ тутъ и костьми полегли: дюже доставалось имъ отъ народу русскаго-хрещенаго. Было у тѣихъ ли злыхъ татаровьевъ много добра понаграблено, и какъ зарывали они своихъ убитыхъ, да надъ ими курганы въ полѣ насыпали, такъ и добро награбленное—злато-серебро—въ тѣи же курганы хоронили, и слово тако приговаривали, чтобы не доставаться кладу въ руки народу христіанскому. Ну, однако, есть такѝ люди, что противу этого слова другò знають, и находятъ тогда татарскіе клады—все это рублевики старинные, дольгонькѝ какъ рыбицы, и оттого они рублями прозываются, что отъ кованаго серебра рублены. И все-то это у тѣихъ злыхъ татаровьевъ на Руси, на святой, награблено было! Ну, а кто не знаючи нáговорнаго слова татарску могилу разрывать зачнетъ, тотъ тоже до клада добирается и горшки находитъ, и какъ только выйметъ горшокъ, и возьметъ его въ руки, да заглянетъ туда... а тамъ рублевики-то прахомъ сѣрымъ разсыпались, а по-подъ горшками стрѣлы громóвы лежатъ... Все такое сказывали мнѣ прохожіе люди. Послѣ злыхъ татаровьевъ стала насъ тѣснить Литва, да Москва, и много мы тутъ горя натерпѣлися. Тутъ также люди добрые клады хоронили по лѣсамъ, по полямъ, только энти клады труднѣе отыскивать, потому тутъ для кажиннаго особыя примѣты и особое слово знать надо.

Наслушамшись я такъ-то объ кладахъ, и стали они мнѣ что ночь сниться. И вижу я, приходитъ ко мнѣ вьюношъ младъ, весь въ бѣломъ, словно бы Егорій Побѣдоносецъ, и говоритъ: «иди ты рабъ Божій, Пареенъ, на востокъ солнца, и какъ дойдешь до татарскихъ могильниковъ, пойди ты направо, въ третьей

могилѣ—тутъ и найдется тебѣ счастье всему дому твому». Ты, вѣдь, братецъ ты мой, могильники знаешь: кустовьемъ поросши они густымъ-прегустымъ: — ель, да сосна молодая, а мѣстами торчатъ промежъ кустовья сосны такі старыя, что, кажись, можно бы имъ рости уже и тогда, когда еще и сами злы татаровья не народилися, кои тутъ своей братьѣ на могилахъ курганы насыпали. Глухое это мѣсто — страсть какò глухое: налѣво, сама, знаешь, Кузино — большое, направо Кузина—малое озеро, —межъ ними, да вокругъ, болото моховое, а посередь, да около болота— высоки рѣлки [1]) песчаныя, тоже сосновнимъ лѣсомъ поросшія. Направо, не доходя Кузина малаго, и есть та рѣлка, на коей пять кургановъ, и прозывается она татарскими могильниками. Все же мѣсто околъ рѣлки, да въ межозерьѣ, по коему тропка вьется, зовется Волчьимъ-перегономъ, потому много ихъ тутъ перебѣгаетъ—нѣтъ имъ лѣтомъ, да осенью дороги никакой другой по сосѣдству: налѣво большо Кузино — тутъ негдѣ ихнему брату разгуляться; направо—можно бы имъ мала Кузина обѣжать, такъ за имъ большá дорога—а по ей, нѣтъ-нѣтъ, кто со звонкомъ и проѣдетъ—ну, этого они тоже не любятъ...

Михайлычу хорошо было извѣстно, что я знакома съ описанною имъ мѣстностью не хуже его самого; не разъ хаживали мы туда съ нимъ же вмѣстѣ за груздями, да за боровиками; — старикъ только по словоохотливости не могъ не поговорить всласть о Волчьемъ-перегонѣ и татарскихъ могильникахъ, разъ заведя рѣчь о нихъ. Тамъ же случилось съ нимъ и со мною одно происшествіе, которое мы не забыли, какъ не забывали ни одного изъ сколько-нибудь выдающихся событій нашей бѣдной впечатлѣніями жизни. Это было еще до моего поступленія въ институтъ. Проходивъ какъ-то цѣлое послѣобѣда за грибами, мы возвращались со старикомъ домой, съ корзинами, полными бѣлыхъ грибовъ; вечерѣло:—въ лѣсу начинало темнѣть. Дружелюбно бесѣдуя, подходили мы уже къ самымъ могильникамъ, какъ вдругъ, шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ кустовъ на болотѣ раздался такой отчаянный и неистовый ревъ, что у насъ волосы встали дыбомъ. Старикъ опомнился прежде меня и съ крикомъ: «волкъ корову рѣжетъ!» бросился въ кусты, на помощь. Оказалось, что никакого волка нѣтъ, а просто корова, отбившаяся отъ стада, заблудилась въ болотѣ, и теленокъ ея завязъ въ топкомъ мѣстѣ,

---

[1]) Рѣлка—песчаный холмъ, окруженный болотомъ.—Новг. нарѣчіе.

около одного изъ ключей, которыхъ тамъ много. Корова ревѣла съ отчаянія, а, можетъ быть, дѣйствительно, звала пастуха на помощь. Михайлычъ вытащилъ теленка изъ грязи и корова принялась его обнюхивать и лизать, причемъ шершавымъ языкомъ лизнула въ щеку и меня, вертѣвшуюся около дрожащаго и еле стоящаго на ногахъ теленка. Михайлычъ увѣрялъ меня, что она сдѣлала это изъ благодарности: «она-де животная, а свой умъ имѣетъ, не хуже иного человѣка!» Не мало удовольствія доставило мнѣ и то, что мы пригнали корову въ усадьбу, гдѣ я никому ни за что не хотѣла уступить обязанности напоить ее и задать ей корму на ночь...

— Вотъ, братецъ ты мой, вижу это я во снѣ Егорья разъ, и наутро говорю Вахрамѣвнѣ: какой, молъ, мнѣ сонъ чудной приснился! — и разсказалъ ей... а старуха мнѣ: «помолись, дѣдка, Богу, да свѣчку поставь Егорію-то и жди, чтó дальше будетъ». Исполнилъ я все такъ-то, и снится мнѣ черезъ день все тотъ же сонъ, и говоритъ мнѣ Побѣдоносецъ: «не ходи ты туда ночью, а пойди въ сумерки». Таково мнѣ радостно стало, даже во снѣ: — я и съ вечера-то все думалъ, что ночью ни за что не пойду на то нехрещеное мѣсто. На утро разсказываю я это опять старухѣ моей, а она мнѣ: «погоди еще, Михайлычъ-батюшка, еще разъ свѣчку чудотворцу ставь и жди чтó будетъ». Послушался я ее вдругорядь, и опять мнѣ въ третій разъ тотъ же самый сонъ снится. Ну, сталъ я тогда и впрямь подумывать, какъ бы мнѣ на могильники сходить. А тутъ, будто нарочно, случись кака-то нужда у моей старухи до кумы до одной въ Березаѣ-селѣ, и проситъ меня Вахрамѣвна: «сходи, дескать, дѣдка, къ кумѣ, къ Степанидѣ Игнатьевнѣ, такъ и такъ, молъ, скажи ей»... Ну, а какá тамъ нужда была, я теперичка ужъ и запамятовалъ.

Была въ тòе время осень глубокая на дворѣ: осина да береза давно уже безъ листу стояли — холодно было... Надѣлъ я полушубокъ, взялъ палку, прицѣпилъ кошель берестяный за спину, — а лопаты не бралъ, потому: не говорилъ мнѣ Егорій, чтобы землю рыть. Старуха до околицы меня проводила... а вѣтеръ-то такъ и кружитъ и вьетъ листъ палый, да хвою старую, — того и гляди самого съ ногъ свалитъ;.. стонетъ-воетъ непогода, ну, ровно кто по покойникѣ голоситъ...

— Ахъ, ты Господи! — говоритъ Вахрамѣвна: — возьми-ка ты, старикъ, хоть платокъ мой на шею надѣнь — вишь ты какъ разыгралась погода: свищетъ, да закручиваетъ — а на то, кажись, еще

и дождь пойтить собирается — накрапываетъ. — А то вернись добрó, ну ее—и куму, и клады!..

Взялъ я платокъ—не хотѣлось обижать старуху:—больно она у меня жалостна, да заботна,—пойтить же все-таки пошелъ, а она домой вернулась. Сталъ я уже и въ лѣсокъ заходить, что за гумнами, и слышу бѣжитъ кто-то сзади: глядь, это моя старая опять меня догоняетъ: «ой, вернись лучше, Михайлычъ, безъ грѣха — сердце-то у меня такъ и заныло, какъ ты за огуменники зашелъ—не быть бы чему нежданому—бѣдѣ какой!..

— Нѣтъ, говорю, старуха, не вернусь... Господь намъ свою волю провѣщалъ:—хочетъ онъ нашему дому счастье послать,—не слѣдъ намъ отъ счастья своѣ́ отказываться... Такъ и ушелъ я отъ нея.—Иду все далѣ въ лѣсъ, самъ про себя молитву читаю: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его, и яко таетъ воскъ отъ лица огня...—ну и дальше, какъ слѣдуетъ быть. Только подхожу я уже къ Волчьему-перегону и могильники впереди чернѣются, и слышу вдругъ плачетъ будто что голосомъ дѣтскимъ. Слышу, а самъ думаю: это кладъ татарскій плачетъ, что ему въ руки христіанскія доставаться; и сталъ я молитвы читать всѣ, каки зналъ, одну за одной,—а самъ все впередъ иду. Иду и слышу: плачетъ дѣтскій голосъ все громче, все жалостнѣй,—ажъ меня за сердце хватаетъ. Ну, думаю, плохо дѣло, когда меня жалость брать начинаетъ: значитъ, поддаюсь я проклятому наважденью... и сказалъ я тутъ, таковó громко: святъ, святъ, святъ! Наше мѣсто свято. И смолкъ голосъ. Ага, думаю, испугалось! Подошелъ я ужъ тутъ къ самымъ могильникамъ—вьюга такъ и закручиваетъ, дождемъ не дождемъ, а холоднымъ сиверкомъ прямо въ лицо мнѣ хлещетъ, и вдругъ мѣсяцъ изъ-за тучъ проглянулъ и видится мнѣ у са́мой дороги, у пня придорожнаго, словно бы дитя прижамшись—дѣвочка. Рветъ съ нея вѣтеръ сарафанишко худенькій, посконный,—ноги босы, сама простоволосая и теребитъ ей погодой космы... Чуръ меня, говорю, разсыпься передо мной златомъ, либо серебромъ, а не то сгинь-пропади!—И вдругъ слышу голосокъ такой тоненькій: дядюшка, возьмите меня съ собой. — Таковó мнѣ тутъ страшно стало... даже пóтомъ всего прошибло, даромъ, что холодная погода, осенняя... и сталъ я пуще прежняго твердить: святъ, святъ, святъ!—Дяденька,—проситъ опять дѣвочка, Христà ради, возьмите меня съ собою... Ну, какъ она Христа помянула, Царя небеснаго, догадался я, что не видится мнѣ это, а что впрямь я на дитя заблудшее набрелъ. Подошелъ я къ ней, а она и не пошевелится: «я, говоритъ, дя-

денька, смерзла совсѣмъ». Поднялъ я ее, взялъ на руки; пригодился мнѣ тутъ платокъ Вахрамѣвнинъ: надѣлъ ей.

— Откуда, говорю, такая будешь?

— Съ Мотовилихи,—отвѣчаетъ—съ малой, отъ Прыгунцевыхъ.—А это, сама знаешь, верстахъ въ пятнадцати отъ насъ будетъ.

— Какъ же ты сюда-то попала?

— Ушла я съ дому, дядюшка, и бѣжала, сама не знала куды.

— Ахъ, грѣхъ какой! да въ умѣ ли ты? вѣдь тебя въ лѣсу волки разорвать могли бы. Какъ тебя звать-то?

— Глашуткой,—говоритъ.

— Ты не Орефьевнина ли дочка-то будешь?

— Ейна... Я бы, дядюшка, рада, коли-бъ меня волки разорвали...

— Ахъ, ты Господи! да что же это у тебя въ таки малы годы ужъ мысли таки грѣшны, чтобъ безъ покаянья померетъ... Который тебѣ годокъ-то?

— Одиннадцатый,—говоритъ:—съ Покрова пошелъ...

Да какъ заплачетъ опять, столь же жалостно, сколь и раньше, ажъ у меня опять душу защемило... Ой, дѣдушка, дѣдушка... только и сказала... Какъ бороду мою нащупала, такъ дѣдушкомъ звать стала, а я ее, какъ на руки спервоначалу взялъ, такъ всю дорогу домой и несъ... и не то что объ Вахрамѣвниной Березайской кумѣ, а и объ кладѣ у меня изъ головы вонъ: тороплюсь домой, хочется мнѣ дѣвчоночку поскорѣе обогрѣть да накормить. Обернулъ я ей ноженки босыя полушубкомъ—застывши была почитай совсѣмъ. Стала она ужъ и по дорогѣ отогрѣваться.

Ну, сказала она такъ-то: «Ой, дѣдушка, дѣдушка»... какъ стонъ простонала и не дѣтскимъ даже голосомъ, а потомъ, какъ переплакалась: не было, говоритъ, силъ моихъ терпѣть долѣ: взяли меня отъ мамушки, съ кухни, въ горницу—чулки вязать заставляютъ. Когда не на посылкахъ я у господъ, такъ все время и сиди въ дѣвичьей одна... Оба барина, промежъ собой разсердимшись, и на меня все сердятся: одному что сдѣлаешь—отъ другого пинокъ... другому угодишь—отъ того толчокъ... Мамушку тожно зовутъ—за меня выговариваютъ, а то и въ щеку: плохо-де дочку учишь; рвутъ ее такъ-то отъ дѣла, а потомъ съ нея же дѣло спрашиваютъ. Мамушку изобидятъ, да измучаютъ, а она меня за космы, аль сѣчь... Бита, я бита, дѣдушка, болѣ всѣхъ ребятъ Мотовилихинскихъ. И ни въ будденъ, ни въ праздникъ меня ни отдохнуть, ни поиграть не пустятъ. Прежде-то, какъ поменѣ я была, такъ съ сосѣдскими дѣвчонками тоже по

грибы въ лѣсъ бѣгала, рыбу въ рѣкѣ у бережка бродили, за ягодами ходили... а тутъ посадили въ горницу и никуда не пускаютъ. И стало у меня, дѣдушка, нутро какъ каменное...»

И такъ она это опять сказала, будто ей и не одиннадцатый годъ, а словно бы она старуха старая, древняя. Ну, все это она мнѣ не съ-разу разсказала, а помаленьку: все я ее разспрашивалъ. Какъ-же ты, говорю, изъ дому сбѣжала?

«Охъ, дѣдушка, былъ у меня котеночекъ махонькій—игрунъ таковъ... выкинули его отъ кошки сосѣдски ребята на огуменники, а Машутка, сестрёнка моя, и найди его — ей-то всего сёмый годокъ идетъ, и хворая она, такъ ее въ горницу еще не берутъ; нашла она его и принесла домой... Мамушка хотѣла-было выбросить, такъ Машутка выпросила: дай, говоритъ, мамушка, мы его выростимъ. Стали мы его поить-кормить, и таковъ онъ выровнялся игрунъ... Какъ уйдутъ куда господа наши, аль по сосѣдямъ поѣдутъ, Машутка его ко мнѣ и принесетъ, а мнѣ и безъ господъ не велѣно изъ горницы уходить, добро барское стеречи приказано. Инымъ часомъ урвусь и я зачѣмъ на кухню,—ну, только тамотко играть мнѣ съ нимъ не приходилось,—только и есть мнѣ радости, какъ Машка его въ горницу принесетъ... и таковъ онъ, дѣдушка, уменъ... Только разъ принесла его Машутка, а онъ и заберись куды-то, да и залегъ — не нашли мы его, какъ ни искали. А тѣимъ временемъ господа съ гостей воротились, и нашелся Васенька у старшо̀ва барина за подушками: спитъ. Осерчалъ баринъ страсть какъ, да котеночка-то... котеночка... и повѣсилъ... меня же и за веревкой спосылалъ... я и не знала, дѣдушка, на что веревка, а то бы убѣгла̀, схоронилась бы гдѣ ни на есть... Пытала я плакать, убиваться... а онъ... повѣсилъ, при мнѣ повѣсилъ... я не глядѣла дѣд...»

Таково ли тутъ горько сплакнула опять моя находочка, не по себѣ — по котеночкѣ-игрунѣ.

«Потомъ билъ меня баринъ, мамушка тожно сѣкла, да мнѣ тутъ ужъ все ничего—мнѣ Васеньку жалко, Васеньку... игрунъ былъ такой, ласковый... ой, дѣдушка, ой, родимый... Вотъ и думаю я:—уйду я на край свѣта, пропаду гдѣ ни на есть—все легче. Въ рѣку бы бросилась, да мелкая она у насъ: вытащутъ—хуже прежняго бить станутъ... и ушла я... бѣгу куда глаза глядятъ, а тутъ попадись мнѣ дядюшка съ чужой, съ дальней деревни — ѣдетъ съ возомъ».

— Куды бредешь, дѣвушка?

— Въ Лохо̀во, къ попу господа посылаютъ.

— Да ты не туды. Ахъ, грѣхи! Въ таку погоду дѣвчонку

махоньку, босу, да простоволосу за десять верстъ посылаютъ и дороги порядкомъ не покажутъ. Садись, говоритъ, я-те подвезу. Подвезъ онъ меня, почитай, доседова. Ну, говоритъ: поворачивай ты вправо—въ верстѣ тутъ и Лохово будетъ, а на-лѣво не ходи; тамотко, говоритъ, въ лѣсу заблудишься, тамъ и дорогъ нѣту, а въ межозерьѣ, въ таку-то осеннюю пору, и днемъ волкъ бродитъ.

«Еще свѣтло было, какъ меня проѣзжій дядюшка съ возу ссадилъ, я же изъ дому чѣмъ свѣтъ ушла. Какъ сказалъ онъ мнѣ, да уѣхалъ, а я сюда повернула: меня въ Лохо̀вѣ-то знаютъ, сейчасъ къ господамъ назадъ сведутъ; а тутъ, думаю, лѣсомъ и нивѣсть куды уйду,—и волки мнѣ не страшны показались, какъ подумала, что съ Лохо̀ва меня домой свести могутъ. Бѣжала я, бѣжала, а тамъ устала, да озябла, а тамъ мнѣ страшно сдѣлалось: притулилась я ко пню и стала голосить... Какъ молчу, такъ мнѣ еще страшнѣе... тутъ ты дѣдушка и пришелъ, а я сначала думала волки...»

Какъ разсказывала, такъ съ послѣднимъ словечушкомъ и заснула, руками меня за шею обнявши. Принесъ я ее такъ и домой: гляди, говорю, Вахрамѣвна, каковъ такой я кладъ въ лѣсу нашелъ! Диву далась старая, однако: «На все, говоритъ, Божья воля; сподобилъ тебя Господь дитя неповинное отъ смерти лютоей спасти».

На утро присылаетъ барыня, маменька твоя, за мной:

— Что это такое мнѣ разсказываютъ, Михайлычъ, будто ты дѣвочку въ лѣсу нашелъ?

— Точно такъ, матушка, Анна Петровна...

Ну, и разсказалъ барыни все какъ есть: какъ я нашелъ Глашутку и все, что̀ мнѣ дѣвчонка сказывала. Добрая душа была маменька твоя—прослезилась даже... Посылаетъ дѣвушекъ горничныхъ:

— Подите, приведите сюда Михайлычеву находочку.

Привели Глашутку: не хотѣла было идтить сначала отъ Вахрамѣвны, словно бы къ матери родной къ ней припала... ну, и та съ ней къ барыни въ горницу пришла.

— Ахъ!—сказала это барыня, дѣвчоночку увидамши:—какая красавица: глаза синіе, какъ васильки, а волосы золотые, кольцами вьются!..

Вахрамѣвна же причесала и обрядила ее какъ быть слѣдуетъ, какъ къ барынѣ идтить.

— Разскажи же мнѣ, бѣдная дѣвочка, какъ ты въ лѣсу блуждала...

А Глашутка только въ полъ смотритъ, ничего не отвѣчаетъ, даромъ чтó съ нами, на застольной, все утречко щебетала, ровно пташечка: рада, небось, теперь, что волки не съѣли. Только барыня и говоритъ:

— Что же мы съ ней дѣлать станемъ, Михайлычъ, и не хотѣлось бы отсылать ее въ Мотовилиху, а вѣдь придется-таки воротить ее къ господамъ, да къ матери?

Какъ взвоетъ тутъ моя дѣвка: уцѣпилась зá-полу за мою и голоситъ... даже барыня испугалась:

— Ахъ, уведите ее, уведите скорѣе, она Машеньку испугаетъ! Это тебя-то, а тебѣ еще и годочка тогда не было.

Какъ ни добры были баринъ съ барыней, а велѣли-таки заложить лошадь, да меня самого и послали Глашутку назадъ отвозить. Плакала она сначала, а какъ въ телѣжку сѣла со мной— и замолчала; вотъ, думаю, чтò значитъ умъ робячій: рада прокатиться—и молчитъ. Ну, только отъѣхали мы съ полверсты отъ усадьбы, а она и говоритъ: «Ахъ, дѣдушка, дѣдушка!.. вотъ велѣли,—ты самъ меня и повезъ...» да таковó ли жалостно глянула на меня, что повернулъ я лошадь назадъ, и кáкъ ни привыкъ господамъ служить,—не прекословить, а тутъ прямо къ барынѣ пошелъ, въ ноги ей повалился: «не вели, матушка-государыня, грѣха на душу брать, не вели дѣвку на мученье везти,—не по нашей волѣ она къ намъ попала,—по Божьей...»

Былъ въ это самое время у господъ братецъ въ гостяхъ, — Павелъ Матвѣичъ; проживалъ онъ завсегда болѣ по чужимъ краямъ, — совсѣмъ на барина, на русскаго, непохожъ сдѣлался: лакею своему крѣпостному «вы» говорилъ и жалованье ему платилъ, словно какому чужому человѣку. Только и было у него крѣпостныхъ людей, что одинъ лакей тотъ, — съ имъ и по чужимъ землямъ ѣздилъ; другихъ же — ни крестьянъ, ни дворовыхъ — у Павла Матвѣича не было: не захотѣлъ онъ ихъ, — деньгами свою долю отцовскаго имѣнья забралъ.

Вышелъ онъ тоже въ дѣвичью, какъ я съ барыней говорю, и спрашиваетъ: «въ чемъ дѣло?» Барыня сказала. «Ахъ», говоритъ Павелъ Матвѣичъ, «не отсылайте дѣвочку Прыгунцамъ: ее тамъ замучатъ дò-смерти; мы лучше пошлемъ письмо, что я купить ее готовъ,—они (это Глашуткины-то господа) деньгамъ обрадуются, — имъ деньги, да еще хорошія, вѣдь въ диковинку». Дозволено-то не было дозволено покупать дочь отъ матери, да въ тѣ поры промежъ себя—это еще бывало: не пойдетъ же проданный-то жалиться. Ну, а кто, да каковы Глашуткины господа были,—это я тебѣ сейчасъ скажу.

V.

— Видишь ли, много лѣтъ прожилъ я на бѣломъ-свѣтѣ, много чего повидалъ,—ну, а удивительнѣе Глашиныхъ господъ, двухъ братьевъ Прыгунцевъ, не доводилось ничего видѣть. Мотовилиху знаешь? — ну вотъ отъ насъ въ пятнадцати верстахъ, какъ по коломенской дорогѣ поѣдешь, да отъ Лебяжьей лужи свернешь влѣво по первому проселку, такъ второ̀ село и будетъ она, эта самая Мотовилиха. Она-то не Прыгунцевыхъ, а большого барина Назарова, Василья Петровича, — объ Назаровыхъ я тебѣ тоже, когда на досугѣ, разскажу; а была у нихъ тутъ, у Прыгунцевъ, десятинъ двадцать земли, да усадебка. Вотъ, братецъ ты мой, село-то прозывается Большая-Мотовилиха, а Прыгунцева усадебка будетъ Мотовилиха Малая. Ка̀къ ихъ настоящее прозвище было, господъ этихъ,—ужъ я по-старости и запамятовалъ; да и то сказать: мало ихъ по-настоящему звали,—все, бывало, Прыгунцы, да Прыгунцы; та̀къ и по всей округѣ верстъ на пятьдесятъ слыли. Стали же ихъ Прыгунцами звать по ихней по собственной дурости, не тѣмъ будь помянуты, померли обое теперичка, — царство имъ небесное... Да ты постой, не перебивай, всему свой чередъ будетъ... Отецъ-то ихъ, Прыгунцевъ, безпутный, да пьяный человѣкъ былъ, служилъ сначала гдѣ-то въ полку, потомъ выгнанъ былъ со службы,—и увязался въ нашъ край съ Васильемъ Петровичемъ Назаровымъ. Проживалъ онъ сначала у Назарова въ домѣ, да за что-то разъ съ Васильемъ Петровичемъ на охотѣ не поладилъ,—ну, тотъ возьми и прогони его, да еще, слышно было, и побилъ-таки порядкомъ: не самъ, а — что̀ того хуже — лакеямъ приказалъ. Прыгунцевъ отецъ, не будь глупъ, да въ судъ, — и затѣялось дѣло. Богатъ былъ Назаровъ и силенъ, ну—только много грѣховъ за нимъ принакопилося, — Прыгунцевъ же родитель про все это зналъ... Пришлось Назарову отъ судовъ большими деньгами откупаться — немного бы — и совсѣмъ не осилилъ; просадилъ онъ тутъ деньжищъ страсть что̀... чуть только отъ острога ушелъ, да благо за умъ взялся: помирился со своимъ съ докащикомъ. А тотъ еще и надругайся надъ имъ: «Хочу», говоритъ, «надъ самой твоей усадьбой свою имѣть, и чтобы тоже Мотовилихой прозывалася». Такъ дѣло и устроилось, и на Назаровой полюбовницѣ прежней женился, изъ однодворокъ. Далъ за ей Назаровъ приданое хорошее, да не надолго его хватило. Родила она мужу двухъ сыновъ, Прыгунцевъ этихъ, и померла. Онъ и при ней

не то чтобы больно остепенился, а какъ она-то померла, такъ и во всѣ тяжкія пустился,—покончилъ тѣмъ, что пьяный въ гнилой канавѣ на болотѣ утонулъ, а тамъ и воды-то не болѣ какъ на аршинъ было. Остались бы тутъ Прыгунцы, по пятому да четвертому году, одни-одинешеньки на свѣтѣ, кабы не переѣхала къ имъ материна сестра, тётенька ихняя. Пожилая ужъ была, дотолѣ у богатаго господина въ губерніи въ барскихъ барыняхъ находилась; набралась она тамъ спѣси да гордости и пожелала тутъ настоящей барыней стать,—надъ своими собственными крѣпостными покуражиться. Было же у Прыгунцевъ, да у ей, крѣпостныхъ людей всего-то двѣ души съ половиною, да и тѣи имъ грѣхомъ досталися; были это: Глашуткинъ отецъ, Коронатомъ звали, да жена его Орефьевна, и ужъ позднѣе—Глафира съ Машуткой;—вотъ-те и вся дворня и все село. Я съ этимъ самымъ Коронатомъ водился, пока онъ у настоящихъ господъ своихъ, у Назаровыхъ, находился — ѣзжалъ я кое-когда туда съ бариномъ — ну, потомъ, какъ оставленъ я былъ на покоѣ, рѣдко приходилось видать Короната... да, семъ, я тебѣ все по порядку скажу. Былъ Коронатъ человѣкъ нравомъ суровый, ремеслу иконописному выученъ, — живописецъ, одно слово; находился онъ на оброкѣ и завсегда, почитай, въ отлучкѣ. Орефьевна же въ барскомъ домѣ въ экономкахъ состояла. Тогда не было у ихъ еще ни Глафиры, ни Марьи, а одинъ только сынъ — Семенъ, лѣтъ этакъ двѣнадцати, шустрый парнишка, да веселый, — взятъ тоже былъ въ горницу, въ казачкахъ у Василья Петровича находился. Только дюже не любилъ Коронатъ господъ своихъ: придетъ, бывало, домой на побывку—жену повидать—ну, господа его къ себѣ требовають, спрашиваютъ: принесъ ли, молъ, оброкъ хоть на этотъ разъ? — Какой вамъ оброкъ?—скажетъ Коронатъ, и таково сурово глянетъ на нихъ: — нѣтъ вамъ отъ меня оброку никакого: вамъ Орефьевна вѣрой, правдой и неправдой служитъ,—какой, говоритъ, вамъ еще оброкъ нуженъ?

— Эхъ-ма,—скажетъ, бывало, мнѣ-то, какъ свидится:—кабы меня, дядя Пареенъ, съ малыхъ годовъ учили, да не на посылкахъ только я у господъ состоялъ — не холопами, не хамами мы уже въ утробѣ у матери были — быть бы мнѣ у батюшки бѣлаго-царя, на святой на Руси министеромъ, либо гнить въ рудникѣ сибирскомъ... — Умная былъ голова, нѐчего говорить, разсудительная.

Съ Орефьевной ласковъ былъ,—не билъ ее никогда; только и скажетъ, бывало, порой да времячкомъ: «дура ты, дура: чего своей барынѣ-то, срамницѣ, потакаешь?» Орефьевна же барыню

свою дюже любила—поди, вотъ!—а та-то нельзя сказать, чтобы честно жила: баринъ въ одной сторонѣ гуляетъ, а барыня отъ него въ другой не отстаетъ,—худо таковó говорили про нее по всей округѣ. Вотъ, какъ Орефьевна всѣ эти барынины грѣхи покрывала, такъ та, всякій разъ, какъ Коронатъ чтó согрубитъ, его изъ бѣды передъ бариномъ и выручаетъ,—это чтобы Орефьевна ей служила вѣрнѣй. И, ахъ, какъ замаливала Орефьевна грѣхъ свой, что таковымъ дѣламъ помогаетъ, а пуще того молила Господа за госпожи своей грѣхи. Сама же она была женщина степенная, честная,—ничего худого за ей не водилося, окромя́ того, что барыню покрывала. И ка́къ убивалась объ томъ Орефьевна, я тебѣ и сказать не могу... Ну, только думается мнѣ, что простилось ей все на томъ свѣтѣ, — милосердъ Господь и многомилостивъ: Ему батюшкѣ, Царю-Небесному, извѣстно было, что любя она такъ дѣлала, и не токма ради барыни, а и мужа своего ради, господамъ непокорнаго... Да чтó это я тебѣ-то объ такихъ дѣлахъ говорю? — одурѣлъ я на старости лѣтъ, прости Господи!

Ну, вотъ: приходитъ разъ Коронатъ на побывку, а Сенька-то евонъ и сблуди что-то, и велѣно его на конюшнѣ выдрать отъ барина, отъ Василья Петровича. Узналъ про это Коронатъ, услыхалъ: разсвирѣпѣлъ, словно звѣрь какой, вбѣжалъ къ барину ажъ въ самый кабинетъ: «я», говоритъ, «не токма̀ что васъ, да я всякаго уничтожу, кто Сеньку мовó пальцемъ тронетъ!» — любилъ мальчонку оченно... Только этой грубости Василій Петровичъ ужъ не стерпѣлъ, — разсердился, людей позвалъ: связали Короната, да рядомъ съ сыномъ разложивши, на той же конюшнѣ обоихъ и высѣкли. На тотъ разъ Прыгунцева эта тётенька тутъ же подвернулась: продайте намъ, молъ, этого человѣка,—я его вымуштрую... «Бери ихъ и всѣхъ даромъ!» — это Василій Петровичъ. А и до него слухи дошли, что Орефьевна барынѣ въ худыхъ дѣлахъ потатчица, — тутъ ужъ и барыня ничего подѣлать не могла. И—чтó же, братецъ ты мой?—словно бы одурѣлъ Коронатъ Власьичъ со всего съ этого. Хмѣлемъ зашибать сталъ, высохъ весь, ходитъ будто ошалѣлый,—слова ни съ кѣмъ не промолвитъ; а и скажетъ чтó,—ровно бы оно непутевое. Стала его Прыгунцева барыня дома держать — не понадѣялась, чтобы онъ ей оброкъ доставлять сталъ — та́къ коё-что околъ дома работать заставляла. Ну, ничего: молчитъ онъ; чтò прикажутъ, то и дѣлаетъ. Сеньку въ ученье въ Питеръ отослали, — думали, какъ выучится тамъ столярному рукомеслу, такъ будетъ господамъ своимъ денежки добывать. Однако не долго онъ въ Питерѣ пожилъ: помёръ въ скорости въ больницѣ. Убивалась объ емъ

Орефьевна крѣпко, — утѣшилась только, какъ ей, почитай, на старости лѣтъ, Господь Глашутку послалъ. А тамъ и Машутка родилась; да какъ Коронатъ Власьичъ тутъ ужъ порядочно хворъ былъ, такъ послѣдня-то дѣвчонка, Марья эта самая, не больно здорова уродилася,—тоже скоро померла; Глашутка же на-славу дѣвка вышла. И вся-то она въ отца, и все-то съ нимъ. Всего ей восьмой годокъ шелъ, какъ померъ онъ, а она словно бы старуха старая сидитъ надъ имъ,—не отойдетъ, какъ плохъ онъ больно сдѣлался. Съ ней съ одной только и разговаривалъ.

— Объ чемъ это татька съ тобой говоритъ?—спроситъ, бывало, Орефьевна.

— Такъ,—отвѣчаетъ дѣвчонка:—объ хворости объ своей мнѣ тятенька сказываетъ. — Это мнѣ коё люди, коё сама Глашутка разсказывала. Отъ нея же узналъ я, что не токмà объ хворости своей говорилъ съ нею Коронатъ, а всячески ее на путь наставлялъ: кáкъ жить, кому вѣрить, кого опасаться. «Больно господъ своихъ клялъ», сказывала Глафира: «не своихъ только, да и не господъ однихъ, а всякаго злого человѣка, кто чужимъ пóтомъ-кровью упивается». Все это слушала дѣвчонка и запоминала, словно бы и не дитя малое. — Ну, такъ и померъ Коронатъ Власьичъ. Молодые господа Прыгунцы тутъ ужъ выросши были, и стали на Орефьевну все болѣ да болѣ дѣла наваливать, — и кухарка она, и прачка, и ключница... Сама-то тётенька господска старѣться стала, и, почитай, ни въ чемъ отъ нея Орефьевнѣ помощи,—а допрежь того, хоть и спѣсива и крута была, ну, все болѣ сама по хозяйству по домашнему хлопотала. Молоды́ же господа, чѣмъ бы тоже за чтò путёвое взяться — видючи, что имѣнья отцовскаго не много, да и чтó есть не ахти какó золотое дно — временемъ покучивать стали... а денегъ-то у ихъ нѣтъ и добыть неоткудова: ничему они толкомъ не выучены, ничего дѣлать не умѣютъ—да и то сказать: и не хотятъ—ну, сладкаго же куска тоже урвать хочется, ровно какъ и большіимъ господамъ. И пошло у ихъ тутотка страсть чтó! другъ дружку попрекаютъ,—спорятся: ты-де домъ отцовскій разоряешь! — Нѣтъ, ты! говоритъ. — Это братья-то! — Ты, молъ, никуда не годенъ. — Нѣтъ, говоритъ, изъ тебя проку нѣтути никакого. — Стали они по сосѣднимъ помѣщикамъ ѣздить, — другъ на дружку жалиться. И глядѣть-то на ихъ не хочется, и жалость тебя беретъ,— ну, и смѣхъ тоже. Стали, по малу-маленьку, сосѣди, кто побогаче, надъ ими шутки шутить, а подъ конецъ и совсѣмъ шутами на весь уѣздъ сдѣлалися. Обмажутъ ихъ въ иномъ мѣстѣ дегтемъ, въ перьяхъ валяютъ, собаками травить станутъ... Ну,

тоже подарки имъ за то дѣлали,—тѣмъ только они и жили, и кормилися, какъ тётенька ихняя померла. А она, какъ увидала, что они таки-то непутевые, чтó у самой было поприпрятано, еще съ житья у богатаго барина,—все племянницѣ одной оставила, коя за чиновника въ губерніи замужъ òтдана была.

И, Господи, чего-чего только не приставятъ эти самые Прыгунцы. Пріѣзжали тожно къ намъ: поссорившись-то, они наймутъ въ деревнѣ крестьянску телѣгу, сядутъ въ нее другъ къ дружкѣ задомъ и пріѣдутъ. Пріѣхамши, слѣзутъ съ телѣги, одинъ на другого не глядятъ, и войдутъ—старшій съ крыльца паратнаго,—молóдшій съ черного: уступалъ въ этомъ брату,—а ужъ въ одну дверь—ни за что. Какъ войдутъ это,—да зайчиками, зайчиками, на корточкахъ, и проскачутъ по всему дому; тáкъ изъ разныхъ дверей и въ гостиную пожалуютъ. За эту за самую дурость и дано имъ по округѣ прозвище: «Прыгунцы». Прискакамши въ гостиную, подойдутъ къ обѣимъ барынямъ — къ маменькѣ твоей, да къ бабушкѣ, коли тутъ же гоститъ—къ ручкѣ, а тамъ и зачнутъ то да сё приставлять. Не любила покойница, маменька твоя, гаерства этого, — и папенька не любилъ: велитъ имъ въ телѣгу муки да коё-чего положить, и скажетъ: «ну, теперь пора бы, гости дорогіе, и по домамъ». А у нихъ, истинно сказать, хоть не велики хоромы, а все равно что на два дома живутъ; потому, какъ поссорились они, такъ домъ-то на двѣ половины подѣлили: ты-де на мою не ходи, и я на твою заглядывать не стану. Чего-чего не натерпѣлась только у нихъ Орефьевна съ дѣвчонками — сама ты понимать можешь.

Такъ вотъ каковы Глашуткины господа были.

— Какъ это дяденька твой, Павелъ Матвѣичъ, слово свое вымолвилъ, что хочетъ онъ Глашутку у Прыгунцевъ откупать, я и возрадовался, потому у нашихъ господъ тó-ли не житье было, какъ съ другими посравнишь;—не били у насъ, не сѣкли, работой тоже не замаривали... Конечно, не тебѣ будь сказано, неволю свою человѣкъ все-жъ-таки чувствовалъ, только не столь она была горька, какъ по другимъ мѣстамъ. Глашуткѣ же, наша-то жизнь должна бы раемъ показаться, опосля того, какъ надъ ей въ Мотовилихѣ куражились, а особливо такí пустí господа, каковы Прыгунцы эти самые были.

Такъ и поѣхалъ я въ Мотовилиху одинъ: замѣсть Глашутки — письма повезъ. Пріѣхалъ:—вижу ходитъ Орефьевна сама не своя, и лица на ей нѣту; а Прыгунцы, слышно, и рвутъ и мечутъ:—какже, вѣдь полъ-дворни это у ихъ въ бѣгахъ оказалося, какъ Глашка ушла. Ну, сказалъ я старухѣ, что жива, да цѣла

дочка, и въ горницу къ господамъ пошелъ. И смѣхъ это на нихъ глядѣть, я тебѣ скажу: вышелъ кажиный со своей половины въ сѣни—а въ сѣняхъ по полу углемъ черта по самой середкѣ проведена:—здѣсь-де старшо́го, а тутъ моло́дшаго брата угодья—и за черту ни тотъ, ни другой не переступаетъ. Подалъ я обои́мъ по письму—ну, прочитали и видно рады, рады, а показать другъ дружкѣ радость свою не хотятъ, и мнѣ не говорятъ ничего, потому боятся, что коли одинъ согласится, такъ другой перечить будетъ. Такъ ничего и не сказали... велѣли только Орефьевну позвать, отрядили ее за мужикомъ съ телѣгой, а потомъ къ намъ въ Березай поѣхали, другъ къ дружкѣ спиной повернувшись. Какъ и что они пріѣхавши съ нашими господами говорили, этого я доподлинно не знаю, и сколько имъ за Глашутку дадено, тоже въ точности сказать не могу:—потому при томъ не находился, — только осталась Глашутка у насъ, а я страсть радъ, потому, сама знаешь, жалостливъ я больно сердцемъ до ребятъ, особливо до сирыхъ, до обиженныхъ, какова и была внучка моя найденная.

VI.

Такъ и оста́лась Глашутка у насъ. И кака́ душевна дѣвчонка оказалася, и сказать я тебѣ не могу. Спервоначалу тосковала она, какъ будто, маленько по матери, да по сестрёнкѣ. И какъ возьметъ ее эта самая тоска, она и придетъ ко мнѣ, на завалинку, сядетъ, прижмется этакъ близко-близко ко мнѣ старому, и скажетъ: «скучно мнѣ больно по мамушкѣ, да по Машкѣ, дѣдушка... да такъ-то все-жъ-таки лучше, что меня съ ими нѣту: меньше грѣха;—никто теперичка мамушку бить за меня по щекамъ не станетъ». А сама все-таки плачетъ.

Соберемся это мы съ ей въ большой праздникъ къ обѣднѣ въ Мотовилиху; чѣмъ свѣтъ выйдемъ изъ дому и идемъ себѣ полями, да лядинами,—гдѣ придется и темнымъ боромъ проходимъ... И не устанетъ Глашутка ни эстольки, только радуется, да смѣется:—Ахъ дѣдушка, ахъ желанный ты мой! И какъ на свѣтѣ хорошо бываетъ... кажется жилъ бы, все жилъ, вотъ какъ теперичка, не годъ, не два, а сотни лѣтъ, да тысячи!... А и впрямь хорошо было: полями идемъ,—рожь колоси́тся-колышется; лугами идемъ—зеленѣютъ вокругъ насъ луга, разстилаются; въ лядиное, въ рощи зайдемъ,—пробирается солнышко скрозь березовы, да рябиновы вѣтки; играетъ по травкѣ, по кустовью низ-

кому-частому. Ино зайко изъ лѣсу на дорогу выскочитъ—запримѣтитъ насъ:—остановится, на дыбки встанетъ, не шелохнется; —только ушками поводитъ чуть-чуть. «Дѣдушка, дѣдушка, гляди зайка-то... шепнетъ мнѣ Глашутка, а сама и не дышетъ—боится не спугнуть бы косо́го. А то войдемъ мы въ боръ:—тихо тамъ, словно въ церкви Божіей; сосны высокія, какъ свѣчки прямыя стоятъ; солнышко въ боръ и не заглядываетъ, такъ только скрозь часты иглы сосновыя, какъ скрозь сито свѣтъ сѣетъ... и не сумрачно въ бору, а свѣтло, только-что всего—блеску деннаго нѣту. И таково́ тамъ тихо, что тебѣ ажъ жутко становится... только верьхушки у деревьевъ далекія, все что-то промежъ собой шепчутъ, никогда не умолкаютъ—ни днемъ, ни ночью, хоть бы и вѣтру не было. Прижмется тутъ ко мнѣ моя находочка и скажетъ: «Страшно будто, дѣдинька, а все-таки хорошо!» И идемъ мы съ ней такъ-то по дорогѣ, не часъ, не два—пятнадцать вѣдь верстъ до Мотовилихи-то:—вьется себѣ дорога полями, да рощами, да лугами, да боромъ, далёко промежду сосенъ видно, песками желтыми разсыпается. Взбираемся, гдѣ придется, на пригорки и ручьи вбродъ переходимъ и добираемся въ Мотовилиху къ обѣднѣ къ поздней — къ ранней не поспѣвали. Простоимъ обѣдню, помолимся, а тамъ и къ Орефьевнѣ въ гости заходимъ. Чествовала она насъ, рече сказать, какъ дорогихъ гостей. Охватитъ это, кажинный разъ, дѣвку, да плачетъ,—плачетъ надъ ей... Машутка тутъ ужъ совсѣмъ на ладонъ дышала, да и померла скоро, такъ Орефьевнѣ одна утѣха только и есть, что Глашутка. А эта, бывало, и скажетъ:—«не плачь, молъ, мамушка, вотъ я выросту: у господъ откуплюсь и тебя откуплю, будешь ты жить у меня на покоѣ, да въ холѣ».—«Ахъ, ты, дѣвушка, дѣвушка, дочка ты моя милая,—отвѣтитъ старуха:—да гдѣ же ты денегъ возьмешь, чтобы откупиться?

— Я, мамушка, заработаю.

— Какъ-же ты заработаешь?

— Стану узоры вышивать учиться... Вонъ, тятенька, какъ писать умѣлъ! не токма́ что образа... а я не красками писать буду — шелками шить разноцвѣтными, узоры разные... денегъ наберу:—тебя и себя выкуплю...

Покачаетъ тутъ только головой Орефьевна. А Коронату Власьичу, покойнику, и впрямь отъ Бога таланъ былъ даденъ— писать: онъ, вѣдь, домъ-то господскій въ Мотовилихѣ росписалъ, сама знаешь, таково́ хорошо:—будто живые со стѣнъ, да потолковъ глядятъ на тебя птицы, да цвѣты разные. Глашутка же, бывало, все шьетъ старается и тогда—какъ умѣла — дитя была

малое, ну, каки-ни-на-есть, а тоже узоры выводила. Какъ постарше стала, да попала къ намъ, такъ и настоящей мастерицей сдѣлалась, если съ другими дѣвками посравнить. Выпросить это у Вахрамѣевны, у моей, бумаги красной, да синей, да такихъ коли пѣтуховъ на полотенцы насажаетъ, что всѣ только диву даются, откуда чтó у дѣвки берется.

— Охъ дѣда, ты мой дѣда сердечный,—скажетъ, бывало:— гдѣ-бъ это мнѣ вышивать поучиться?

— Пойди, скажу:—къ барынѣ, она мастерица: поклонись ей въ ножки, попроси, чтобъ поучила.

— А ну ее, отвѣтитъ: — не пойду — станетъ она меня въ горницѣ держать.... А въ горницу ей пуще всего не хотѣлось. Какъ купилъ ее Павелъ Матвѣичъ, такъ хотѣли ее тоже сперво-началу въ горницу, въ дѣвчонки, взять — ну, такой-коли ревъ подняла дѣвка, такой плачъ, что барыня..... добрая была, страсть слезъ боялася, жалѣла кто плачетъ: холопскихъ слезъ и тѣхъ на душу брать не хотѣла—маменька-то твоя и говоритъ: пусть дѣвочка сначала у Михайлыча поживетъ, да попривыкнетъ. И Павелъ Матвѣичъ тоже сказалъ, взять же къ себѣ ее не взялъ, потому у его и дому своѐ не было — жилъ онъ, сама знаешь, по чужимъ краямъ, одного только и держалъ при себѣ человѣка. Глашутку же онъ только такъ, жалѣючи, по барской охотѣ, купилъ, сулилъ даже на волю отпустить... и пожалуй, что и отпустилъ бы тогда же, да должнó дѣла тутъ у его поважнѣе повстрѣчалися, и забылъ онъ объ ей, — такъ и уѣхалъ. По барскому приказу, стала Глашутка у насъ съ бабкой жить, пока привыкнетъ, а сама рада-рада и мы съ бабкой рады.

Только стала и ты тутъ подрастать, а нянюшка твоя, Марья Дементьевна, частенько-таки приноситъ тебя, бывало, подъ садóво окошко наше, а инà и оставитъ у насъ же наподóльше— своихъ ребятъ у ей куча: нужно и обшить и обмыть ихъ, а некогда—бросишь барское дитя безъ присмотру, такъ за это отвѣтишь: добры́, добры́ были господа, ну, а за васъ тоже строго съ нашего брата взыскивали. Вотъ и принесетъ тебя, бывало, къ намъ, Дементьевна, коли ей у себя дома дѣла много, особливо-же ежели господа въ гости уѣхамши, али у нихъ гости— знаетъ и она, что больно жалостливъ я до ребяточекъ и съ глазъ со своихъ тебя не спущу. Посадитъ это тебя на коврикъ, аль-бо прямо на песочекъ сухой, солнышкомъ нагрѣтый, и приставитъ насъ съ Глашуткой тебя стеречи. Сижу я на завалинкѣ: лапти плету,—индюшатки молóденьки въ песочкѣ роются и ты тутъ же, и твердишь: дѣда, дѣда... и Глашутка околъ насъ же вьется, а

ты и ластишься—то ко мнѣ, то къ ей... Любила она тебя: начнетъ тебя ходить учить... Изъ-за тебя же я ей разъ и волосянку задалъ—разъ, это только и было: ушелъ я за чѣмъ-то непадолючка въ йзбу и вдругъ слышу, кричишь ты не своимъ голосомъ... выбѣжалъ — вижу Глашутка вся испугамшись, а ты съ крику посинѣла даже... Ахъ грѣхи, говорю:—что тутъ такое?

— Ой, дѣдушка,—отвѣчаетъ Глафира,—это я Машеньку въ ножку укусила....

— Что ты, говорю:—очумѣла, что ли? да за косма ее...

— Дѣдушка, — говоритъ Глашутка, — разулась Машенька, ножка така́ маленька, бѣленька, да толстенька... стала я ее цѣловать, сама барышню стращаю шутемъ... гамкаю абы Жучка, да такъ, играючи и укусила, сама не знаю какъ...

— Ахъ, говорю:—дура ты, дура, ну, развѣ, можно такъ съ ребенкомъ — вѣдь это доведись хоть и не господскому, такъ не хорошо!—А самому-то ужъ и жалко, что за космы ее потрясъ—тоже, вѣдь, ребенокъ и сама-то. Ну, не на все у нея такой-то разумъ былъ—въ другу пору и говоритъ, и дѣлаетъ все, словно старуха старая, и таково́ чудно на тебя смотритъ глазищами своими синими.

По времени стала она горницы ме́нѣ бояться—заглядывала туда... ну, не то, чтобы отъ себя, а такъ, пошлетъ ее, бывало, Вахрамѣевна зачѣмъ къ Дементьевнѣ; а ты какъ увидишь ее галотка, говорила Глашутка, та́къ вся и затрепещешься съ радости, и прочь отъ нея нейдешь. И увидь это барыня: «Приходи, говоритъ, чаще, Глаша, съ барышней играть». Царство небесное, маменькѣ твоей, какъ распознала она, что Глашутка до смерти горницы боится — не стала ее туда нудить. Ну, и начала Глашутка частенько-таки къ тебѣ побѣгивать, какъ перестала бояться, что ее въ дѣвчонки возьмутъ; да ты, чай, сама ужъ это помнишь?

Я, конечно, помнила мои игры съ Глашей, только не при жизни матери—мнѣ не было и четырехъ лѣтъ, когда она умерла, а позднѣе. Неразрывно съ Глафирой были связаны мои первыя представленія о природѣ: звѣряхъ, птицахъ, цвѣтахъ. Глаша бѣгала со мною по саду, рвала цвѣты, ловила букашекъ и давала мнѣ, уча не бояться ихъ. Она сажала мнѣ божію коровку на руку и приговаривала: «Божія коровушка, распусти ты крылушки: полети на небушка, принеси намъ хлѣбушка!» Она же находила улитокъ и заставляла меня припѣвать имъ: «Улйта, улйта, высуни рога—дамъ кусокъ пирога!»

Если шелъ дождь, она пѣла: «Солнышко—вёдрышко, выглянь въ окошечко!»

А сказки ея: все про звѣрей—про Котофея Иваныча и Лису Патрикѣевну; про собачку-пустолаечку, да котища сѣраго-попрошаечку; или же: про козу-дерезу, за два гроша кýплену... про пѣтушка, мáсляну головушку... да много ихъ было...

Отца въ это время съ нами тоже не было: послѣ смерти матери онъ уѣхалъ служить на Кавказъ, а насъ поручилъ пожилой уже дѣвушкѣ, Натальѣ Васильевнѣ Кустыркиной. По порученію отца же, она сначала поѣхала съ нами къ бабушкѣ, у которой мы и прожили года полтора, послѣ чего вернулись домой, такъ какъ намъ, и въ особенности нашей бѣдной Натальѣ Васильевнѣ, приходилось терпѣть слишкомъ много отъ сестеръ отца — озлобленныхъ на свою судьбу старыхъ дѣвокъ, противъ которыхъ бабушка, слѣпая и больная старушка, была не въ силахъ защищать насъ. Когда мы вернулись въ Березай, Глафира была высокая, худая дѣвочка и находилась, по старому, на застольной, гдѣ помогала уже въ стряпнѣ бабушкѣ Вахрамѣвнѣ. Глашѣ некогда было теперь много возиться со мною, но за то я постоянно бѣгала на застольную къ ней и къ дѣдкѣ. Отецъ, повидимому, полюбилъ кавказскую службу; дядя Павелъ Матвѣичъ «рыскалъ по заграницамъ, ищучи гдѣ лучше», по выраженью Михайлыча, двѣ меньшія сестры мои не отходили отъ Натальи Васильевны, а я не отставала отъ дѣда и Глаши, шалила и росла... росла до того, что Наталья Васильевна съ ужасомъ, не иначе звала меня какъ: «наша Бобелина», что̀ меня страшно обижало, такъ какъ я, по дорогѣ отъ бабушки, на постояломъ дворѣ, видѣла лубочную картинку съ изображеніемъ уродливой великанши, которую кто-то при мнѣ назвалъ Бобелиною.

Пока я такъ росла и бàловалась до десяти лѣтъ, когда меня отдали въ институтъ на исправленіе, Глафира успѣла выровняться въ красивую, взрослую дѣвушку. Ровесницы ея одна за другою выходили замужъ; она же, несмотря на свои восемьнадцать лѣтъ, не выказывала никакого желанія послѣдовать ихъ примѣру. Почему это такъ было—я предоставлю разсказать Михайлычу.

— Какъ выросла наша Глафира, такъ такá коли дѣвка выровнялась, что лучше нея и нѣту: глаза эти самые синіе, да коса русая, свѣтлая, густая, а по затылку, да околъ лба кудерьки вьются — пытала она ихъ водой примачивать, чтобъ не торчали, да ничего не подѣлаешь, такъ и бросила... Сама бѣ-

лая, да румяная, ростомъ высокая, станомъ гибкая—чтò березка молоденька... ну, красавица-красавицей... Работяща же какъ и говорить нечего. Управится это съ бабкой по-утру и уйдетъ на сѣнокосъ, али на жнитво, и вездѣ-то у ей дѣло спòрится — въ рукахъ горитъ. И вожевата и ласкова; первая сказочница на бесѣдахъ, первая что-ни-на-есть пѣсельница, да плясунья въ хороводахъ. Пытали парни за ей увиваться, такъ и не глядитъ на нихъ. Засылали и сватòвъ: «не пойду, говоритъ, дѣдушка, ни за кого». Ну, принуждать ее не могли, потому, надоть бы отъ Павла Матвѣича дозволенья, а какъ намъ ему объ этомъ писать въ чужіе-то края, не знали мы, гдѣ онъ и есть... зналъ баринъ, папенька твой, а намъ—гдѣ же. Ну, еще и тò: работница была хорошая, такъ прикащику и любо, что она замужъ нейдетъ, во дворѣ остается.

И тогда все полотенцы вышивала, да строчила по вечерамъ, и таковò хорошо, что сказать нельзя... только ужъ объ томъ, чтобы этимъ самымъ деньги на выкупъ заработать, ничего не говорила — поняла, что пустыя это у нея ребячьи думы прежде были.

И веселая же, я тебѣ скажу, иной порой была... какъ засмѣется звонкимъ своимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, да вскинетъ на тебя глазами, да тряхнетъ головушкой, будто всѣ невеселыя думы далеко прочь отъ себя гонитъ, такъ и сдѣлается тебѣ, словно въ ненастный день красно солнышко изъ-за тучъ выглянетъ... возрадуюсь я тутъ, бывало, на нее глядючи, всей-то душой своей старой, усталою. Про Вахрамѣвну и говорить нечего: души въ ней не чаяла — любила оченно. Шутница тоже была дѣвка-потѣшница, только никогда чтобы надъ убогимъ, али старымъ шутки шутить. Да вотъ я тебѣ скажу, какъ она дядю Миколая печника поддѣла. Былъ онъ балагуръ тожно, ну и испивалъ, а какъ напьетъ, такъ ино супружницу свою, Ивановну-то, и всклычетъ, да такъ-то-ли, что и лучше не надо. Не любила этого Глаша: «что это, говоритъ, дѣдушка, будто на человѣка палка нужна... скотину и тỳю бить жалко—и тàя слово понимаетъ». И вѣрно она это говорила, знаю самъ, что вѣрно, не даромъ я лѣтъ сорокъ слишкомъ при конюшнѣ состоялъ — конь и тотъ доброму слову внемлетъ.

Ну, конечно, не со зла билъ дядя Миколай жену свою, а такъ, — винище это въ емъ дурило. Когда тверезъ, бывало,— душа-человѣкъ,—одно слово. Игралъ онъ на балалайкѣ больно хорошо. Соберутся это хрещеные о праздникѣ, выйдутъ на улицу гулять, а дядя Миколай тутъ же,—любилъ повеселиться на на-

6*

родѣ, поиграть на бандурѣ на своей. А какъ станетъ народъ плясать, такъ такóго ли трепака Миколай съ Ивановной со своей отчешуть, что всѣ йнда въ покатушку. Знаешь, чай, сама,—не бабье дѣло трепакъ плясать, ну, дѣвушки да молодухи и опасаются, а инá бабочка, кáя такъ ужъ въ годахъ, да ежели еще и хлебнетъ малéнько, такъ и-йхъ, держись только, какъ отчеканивать начнетъ! Такъ-то и Миколаева Ивановна. Вотъ и стали разъ, въ сѣнокосъ, послѣ господской помочи́, дѣвки на дворѣ на барскомъ, пообѣдавши, да отдохнувши, хороводы водить; и Миколай приполѣзъ, и Ивановна... ну, и мы тутъ же съ Вахрамѣвной, да съ Глашуткой. И вдругъ какъ крикнетъ Миколай: «А и чтó вы, хрещеные, лебедью своей бѣлою изъ насъ душу тянете, — не гоже такъ-то, какъ-будто... это чтó же за веселье? Дайте-ка я вамъ лучше казачка сыграю, да, семъ, мы съ Ивановной пройдемся»... Встали тутъ дѣвки,—пѣть перестали, и заигралъ Миколай,—да какъ заюлитъ, какъ завертится, — а самъ балалайки изъ рукъ не выпускаетъ, знай наигрываетъ. Ну, про Ивановну чтó и говорить!.. знатно плясала! Кончили, — народъ смѣется: «баско,—говорятъ,—пляшешь, дядя Миколай, да самъ себѣ подыгрываешь!» А Глашутка и выскочи: «ахъ,—говоритъ,—дяденька, больно ужъ вы хорошо играете!»

— А чтò? нравится, что-ль, тебѣ, красавица? — отвѣчаетъ Миколай.

— Какъ, молъ, не нравится,—это Глафира: — балалайка-то ваша словно бы человѣчьимъ голосомъ поетъ!

— Ну, и чтó-жъ поетъ она тебѣ, дѣвушка? — спрашиваетъ Миколай, а самъ народу подмигиваетъ: хотѣлъ надъ Глафирой шутку каку ни-на-есть сшутить, да не на тýю наскочилъ...

— А вотъ чтò,—говоритъ Глафира:—поетъ она, да словно бы не мнѣ, дяденька...

Ай ты, дядя Миколай, Миколай, —
Рукамъ воли не давай, не давай...
Ты винища пьянаго не пей, ты не пей;
Ты Ивановну, сердечную, не кličь, да не бей!..

Какъ загогочетъ тýтотка народъ, — ржутъ, одно слово, катаются, за бока держутся...

И кто же бы, ты подумала, обидѣлся?—Ивановна! «Чтой-то,—говоритъ,—дѣвушка ты молодая, и осрамила меня, женщину пожилую, степенную, при всéимъ при честнóмъ народѣ!»

Глашутка ажь застыдилась, да прочь скорѣй въ кухню.

И—вѣришь ли?—долго опосля того не игралъ Миколай на

балалайкѣ. «Ишь, вѣдь, — скажетъ: — лѣшій-дѣвка заговорила, надо-быть, бандуру-то мою: какъ зачну играть, а струна мнѣ голоскомъ тоненькимъ дѣвичьимъ:

Ай ты, дядя Миколай,
Рукамъ воли не давай!

— Даже Ивановну мéнѣ бить сталъ.

Ну, только не всегда такимъ кóзыремъ была наша Глафира. Призадумается инó, пригорюнится, воздыхаетъ тяжко таковó, будто и у ей какó горе есть... а какому у нея горю быть? — было одно, какъ мать померла, такъ ей всего толѝ пятнадцатый годокъ ишелъ—утѣшилась она давно въ тоемъ ли гòрюшкѣ: въ тý пору, про кóю я говорю, было ей лѣтъ, почитай, восемнадцать, а не то и болѣ. Какó такó горе въ тѣи года у дѣвушекъ бываетъ?.. развѣ мòлодецъ какой приглянется, — зазнобушка... ну, за Глафирой этого не было,—дивились мы тому съ Вахрамѣвной и толковали промежъ собой, что видно такой ей отъ Бога придѣлъ положенъ: замужъ нейти,—во міру спасаться. Это, чтобы въ монастырь, — объ томъ и рѣчи не было: такѝ ли красавицы, да работницы въ монастырь уходятъ.

VII.

Жили мы себѣ такъ-то потихонечку, да помаленечку: молодое росло, — старое старилось...

Васъ тутъ, барышень, порядочно ужъ какъ кого куда развезли: тебя въ ученье отдали, сестрицъ Наталья Васильевна къ маменькиной сестрицѣ, къ тётенькѣ отвезла... Скучалъ я, старикъ, тожно тогда по тебѣ, — что-то, думаю, Машенька моя, Миколаевна, вспоминаетъ ли меня, старика?..

— Какъ не вспоминать? — вспоминала, дѣдушка! Тосковала я больно по тебѣ, да и по всему въ Березаѣ...

— Тосковала? на что тосковать... такъ бы вспоминать нужно, полегонечку; а тосковать на что же?—тоска сердце сушитъ... Ну, да то дѣла прошлыя; вотъ и опять сидимъ мы съ тобой вмѣстѣ, и ведемъ рѣчи дружныя про тѣи времена, про давнишнія... охъ, и много-много ихъ, годовъ этихъ самыхъ, прошло съ тѣихъ ли поръ, какъ я въ такихъ лѣтáхъ былъ, какъ ты тапéря, аль какъ Глашутка, какъ Стёпушка—внучекъ нашъ изъ Ярославля, изъ ученья, къ намъ въ Березай воротился... И скажу я тебѣ: былъ нашъ Ефимъ молодецъ, а Стёпа куды лучше его выровнялся.

Видалъ я такихъ молодцовъ, когда самъ былъ молодъ, ну, да и тогда ихъ не много было; въ стары же годы, сказываютъ люди, и весь былъ таковъ народъ новогороцькій,—ну, тогда ни болѣзней этихъ не было, какъ теперичко, ни тяготы такой въ работѣ...

Былъ Стёпушка росту высокаго, лицомъ бѣлый, — и не то, чтобы румянъ больно, а такъ,—видно, что кровь въ емъ здоровая, хоть въ щекѣ и не играетъ. Вились у него кудри русыя, темныя, и округъ лица бородка корóтенька, гýстенька, курчавилась и усъ вился русый, тоже темный и будто только малёнько съ рыжинкою,—глаза же голубые, да такíй ли веселые, да ласковые. Жилъ нашъ-то Ефимушка по оброку—и жена съ нимъ же, и сынъ—болѣ все по Волгѣ, въ Нижнемъ, да въ Ярославлѣ; тамъ, въ Ярославлѣ, и былъ отданъ Стёпа къ огороднику въ ученье. Ефимъ столярнымъ дѣломъ занимался, попалъ какъ-то, ненарокомъ, по подряду, въ Ярославль, да тамъ и жить остался: полюбилась ему, видишь ли, мѣщаночка тàмошня, дѣвушка вольная, и пошла за него, за раба крѣпостного, не погнушалася... ну, конечно, бѣдная была, а онъ-то жилъ хорошо, оброкъ доставлялъ господамъ въ точности и они его не обижали, не нудили ничѣмъ: не требовали передъ очи свои ясныя. Кàкъ померъ Ефимушка, и почему такъ рано, — Господь его вѣдаетъ... баялъ потомъ Стёпа, что хворость какá-то приключилась съ-разу, да и скрутила въ недѣлюшку. И Маланья, жена его, тожно померла въ скорости, только она-то еще ранѣ и при мужѣ чахла — тяжко ей оченно жить было въ бѣдности сиротой, пока за него вышла; и сыночка ему одного только и родила — Стёпушку нашего. Жилъ Стёпа у огородника еще при батькѣ, по барскому велѣнью; умеръ Ефимъ, а тамъ и Маланья, и вышелъ отъ господъ приказъ доживать мальчонкѣ у хозяина—доучиваться. Ну, какъ выучился онъ мастерству огородному, стали его господа требовать—папенька твой—это больше не папенька, а прикащикъ-управитель. Провели у насъ въ ту пору чугунку, станцію построили большую—селится народъ служащій околъ станціи, и овощъ туда всякая требовается. Вотъ, прикащикъ нашъ, Яковъ Афрасимовичъ, барину и отписываетъ: — а былъ баринъ въ тѣ поры еще въ полку — выгодно-де намъ свой большой огородъ заводить: садить овощу всякаго по многу, станцію продовольствовать; у насъ-де свой огородникъ въ Ярославлѣ доучивается; какъ выйдетъ ему срокъ контракту, нужно его выписать, — препоручить ему тое огородное дѣло. Баринъ свое согласіе далъ, и велѣно Стёпѣ въ Березай пріѣзжать, какъ ученью срокъ придетъ. Ну, и пріѣхалъ. Сплакнули мы съ Вахрамѣвной, какъ его уви-

дали, вспомнили Ефимушку, — похожъ былъ на него, какимъ Ефимъ былъ, какъ ушелъ отъ насъ въ чужу-дальню сторону. Откупаться на волю тоже все думалъ сынокъ-то нашъ, — ну, да самъ Господь свободилъ его...

Пріѣхалъ Стёпа по послѣднему пути санному, какъ-разъ передъ постомъ великимъ, передъ масляной. Сидимъ это мы съ Вахрамѣвной и толкуемъ:

— Наступаетъ, — говоритъ старуха, — завтра мáсляна, и будетъ же у насъ опять грѣха съ Авдотьей съ Егоровной, — это съ прикащиковой женой: — станетъ она меня за муку на блины, да за масло припирать, да стыдить, что много-де извожу... и не дай Господи никому въ стряпухахъ жить, — не берешь ты никакого грѣха на душу, а все словно бы грѣхъ какой за тобой есть: всякъ такъ на тебя и смотритъ, будто утаиваешь ты господское добро.

Только промолвила — Глашутка тутъ же сидитъ: полотенце ковыряетъ — и слышимъ — скрипятъ съ горы полозья санные, — за песокъ задѣваютъ.

— Ой, батюшки, никакъ ктой-то къ намъ подъѣзжаетъ, — говоритъ Вахрамѣвна, — и видимъ стали у воротъ у нашихъ дровни, а съ дровней-то молодéцъ сходитъ и къ намъ на крылéцъ идетъ. Ну, вошелъ въ избу: образамъ, какъ быть слѣдуетъ, помолился... а за имъ Никиты стоечника сынокъ вошелъ, парнишка лѣтъ этакъ пятнадцати... «Это, — говоритъ, — я вамъ, дѣдушка, Пароенъ Михайловичъ, Степана Ефимовича, внучка вашего, привезъ» — шустрый пареневъ, Миколка-то, весь въ отца...

Какъ всплеснетъ Вахрамѣвна руками, какъ заголоситъ: «Соколокъ ты мой ясный! Солнышко красно!..» А молодецъ-то нашъ словно бы и застыдился сначала, ну, а тамъ и обошелся: поклонился намъ, дѣдкѣ съ бабкой, низехонько, чуть не до земи; поцѣловались мы съ нимъ трижды, — поздоровались. Подходитъ онъ потомъ и къ Глафирѣ: «А эта, — говоритъ, — дѣвица какъ: тоже сродственница къ намъ приходится?» И кланяется ей такъ ли важевато, а самъ улыбается. Поклонилась ему и Глафира, а у самой румянецъ то вспыхнетъ, то пропадетъ... «Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — Степанъ Ефимовичъ, не сродственница, а дѣдушкѣ съ бабушкой по душѣ дочка покорная».

Ну, сѣли мы тутъ, стали рѣчи вести разныя... бабка хлопочетъ: внучка съ дороги чайкомъ отогрѣваетъ... и объ блинахъ позабыла... и вдругъ бѣжитъ сама Егоровна къ намъ на застольню: «Никакъ ты, Акулина Вахрамѣвна, очумѣла — народъ крещеный на первый день масляной безъ блиновъ оставить со-

бралась!»... и расходилась-было... ну, увидамши чужого человѣка, ругаться не стала,. а то лютá была, зубастая: не то, что всякаго тамъ мужика, аль бабу, перекричитъ—пса—и того перелаетъ! Отдохнувши денёкъ-другой, принялся Стёпушка и за работу—было ее много: всѣмъ, почитай, сызнова заводиться приходилось. Сталъ онъ гряды облаживать, а какъ тёпло время пришло—садить да сѣять... и должнó зналъ онъ дѣло свое хорошо, и рука у его легкая: все такъ-то ли у его росло, да распускалося, что всѣ только диву давались. Ну, и старателенъ былъ, даже ночью выходитъ поглядѣть, все ли въ порядкѣ—знаешь, чай, какъ у насъ инымъ годомъ до самой Троицы по утречкамъ приморaживаетъ—вотъ и пойдетъ онъ смотрѣть, не морозитъ ли и, коли нужно, такъ гряды, на коихъ овощъ понѣжнѣе, соломой и прикроетъ. Одно слово—себя не жалѣлъ.

Съ нами, стариками, ласковъ былъ—покоренъ: замѣстъ отца съ матерью почиталъ,—Глафиру же за родну сестру, а звалъ ее не иначе, какъ Глафирой Коронатовной, и никакихъ съ ей шутокъ не шутилъ, какъ другіе парни, бывало... и уважалъ ее во всемъ.

Прошелъ постъ великій:—Степанъ маленько у насъ ужъ обжился,—а какъ Троицынъ день наступать сталъ, такъ ужъ всѣмъ намъ казалося, будто и вѣкъ Стёпа съ нами жилъ. Была въ тотъ годъ Пасха ранняя, а весна поздняя—сталъ снѣгъ таять будто бы и рано, а морозцы все приморaживали по ночамъ. Травушка-то муравушка, правда, давно уже зеленѣла—снитка, да дубки тоже изъ-подъ листу прошлогодняго, пàлаго, по кустамъ развивались... прилетѣли и жаворонки давно... ну, а березки только передъ самымъ Троицынымъ днемъ, какъ надо быть, распустились, а настоящая весна тутотко только и установилася. И радуется же всяка душа человѣческая новой веснѣ, даже старому веселѣе становится, а про молодого и говорить нечего.

Сходили мы со Стёпой въ лѣсъ: березокъ нарубили—разубрали и́збу и крылецъ, и завалину, и пошли въ село къ обѣднѣ всей семьей—только Вахрамѣвнѣ не удалось: нужно народъ кормить,—и въ праздникъ ей работа хуже будня-дня.

Три дня у насъ Троицу празднуютъ—веселится народъ, отъ трудовъ отдыхаетъ—къ новымъ трудамъ готовится. Водятъ тутъ молоды́ люди хороводы, а мы, старики, на ихъ глядя, радуемся, тутъ же, на улицѣ, по завалинкамъ, да бревнамъ сидимъ, а и по бесѣдочкамъ [1]) подъ окнами, у кого подѣланы. Пытала тутъ

[1]) Бесѣдка въ этомъ разсказѣ вездѣ означаетъ: скамья.—Новг. нарѣчіе.

наша Глашутка плясать, да пѣть. И скажу я тебѣ, какъ пріѣхалъ Степанъ, ни съ кѣмъ не плясала, окромя̀ его—отстали съ-разу парни всѣ отъ нея, будто почуяли, что не чета они нашему мо̀лодцу.

Помню, пошли мы на эту самую Троицу, на второй день праздника, въ Березай-село—стоялъ день словно бы лѣтній: теплынь—благодать! Приходимъ мы въ село послѣ обѣда, а дѣвки и собираются хороводы водить—ну, Стёпа да Глаша сейчасъ къ нимъ, а я къ старикамъ сѣлъ... и поютъ это дѣвушки про море про синее, да про лебедь про бѣлую: какъ плыла лебедь по синему морю съ лебедятками, какъ ушибъ-убилъ ее добрый молодецъ... какъ подъ ей тогда волна всколыхнулася,—желты̀-пески привозмутилисъ... какъ разбилъ мо̀лодецъ перья по чистому по полю, а мелкій пухъ по зелёну по лугу... И тутъ вдругъ, гдѣ ни взялась кра́сна дѣвица душа: брала перья на перинушку, а мелкій пухъ на подушечку... и плыветъ Глаша посере́дь кругу, сама словно лебедь бѣлая. Гдѣ ни взялся опять удалъ-добрый молодецъ, сталъ за ей виться-увиваться, а она отъ его уходитъ, черезъ плечо на него глядитъ... беретъ онъ ее за руки бѣлыя, а она все уходитъ, не дается... и поютъ дѣвушки:

Спѣси́вая, спѣси́вая,
Спѣсивая̀-непоклонливая!..
Смотри́, дѣвица̀,
Смотри́, дѣвица̀,
Смотри, дѣвица, спока̀ешься,
Спока́ешься, да не во́ время̀!..

Да, хорошо играли!..

Подъ эту самую пѣсню лучше всѣхъ Глашутка плясала; а вотъ подъ другую, такъ тамъ Стёпушкѣ никто не чета. Плясовая это тоже пѣсня: какъ собрался мо̀лодецъ жениться, идетъ онъ, выбираетъ себѣ ласковую тёщу, да тестя богатаго,—милую сестрицу, да шурина моло́дого—а дальше:

Хожу я, гуляю,
Вдоль по хороводу—
Заинька бѣлая—
Вдоль по хороводу.
Хожу выбираю:
Любушку-голубушку—
Заинька бѣлая—
Любушку-голубушку.

Ходитъ это Стёпа, выбираетъ, и выберетъ безпремѣнно Глашутку... Какъ возьметъ ее въ кругъ, и затянутъ дѣвушки звонкими голосами:

Осѣдлаю коня,
До шурина со двора! —
Заинька бѣлая —
До шурина со двора...
Милая сестрица,
Прошу не сердиться! —
Заинька бѣлая —
Прошу не сердиться.

Проводятъ такъ-то и тестя, и тёщу, а тамъ и опять зальются:

Веселъ я, веселъ,
Сегодняшній вечеръ:
Что одинъ остался
Съ тобой, моя любушка!

Такъ-то-ся!

— Ну, не все праздники были; въ будень-день не водилася Глашутка со Степаномъ и вовсе: ласкова была съ нимъ завсегда, разговаривала, коли чтó придется, степенно, и тоже его не иначе, какъ Степаномъ Ефимовичемъ величала, какъ и онъ ее — Глафирой Коронатовной... а такъ, чтобы какі смѣшки у нихъ промежъ собой, да хаханьки — этого, нѣтъ не было. Развѣ это только и было, что пошутила съ имъ Глашутка, да такъ онъ ей отвѣтилъ, такъ пристыдилъ, что навсегда закаялась, а тоже не робкаго была десятка, сама знаешь. Было это, братецъ ты мой, въ троицкій мясоѣдъ — играютъ у насъ тутъ свадьбы, кто побогаче; и были мы тоже званы на свадьбу на одну: женился прикащикъ сосѣдскій. Ѣзжали мы съ бариномъ въ старинные годы къ тѣмъ сосѣдямъ и водился я тоже съ жениховымъ дѣдомъ — живъ онъ былъ еще какъ свадьбу внука играли; у сына на свадьбѣ пировали вмѣстѣ и къ внуку тóже, старую дружбу вспоминаючи, позвали меня съ семеюшкой. На дворовой же дѣвушкѣ женился прикащикъ-то, на сиротѣ, — у него въ домѣ и свадьбу справляли. Ну, Вахрамѣвнѣ и тутотка нельзя изъ дому отлучиться, и взялъ я съ собою только Степана да Глафиру: пусть, думаю, повеселятся — молоды, вѣдь, оба. Пріѣхали мы-таки поздненько, тоже, вѣдь, дѣло подневольное: когда-то выпросишься, да когда доѣдешь — а играли ту свадьбу отъ насъ верстахъ въ восемнадцати. Ну, однако, добрались. Какъ вошли мы во флигерь къ прикащику — хорошо жилъ, хоть и крѣпостнымъ былъ — сидятъ ужъ нарѣченны молоды за столомъ — кругомъ дѣвушки стоятъ, поютъ пѣсни, а то и орѣхами, да пряниками угощаются... юлитъ, вертится околъ ихъ дружка, шутитъ шутки разныя, а то вдругъ крикнетъ: «охъ, дѣтушки, горько!» — ну, и поцѣлуются молодые

и застыдятся... вспомнишь тутъ и про свою про молодость. Какъ пылью вошли мы, дѣвушки и затянули пѣсню:

На горѣ-то стоитъ елочка...

Да ты, може, знаешь эту пѣсню-то? Нѣтъ,—ну такъ я тебѣ ее всю скажу: хорошая пѣсня—оттого и спросилъ, что хотѣлось мнѣ ее всю сказать, ты до пѣсень до нашихъ охо́ча, да и пѣсня хороша́, слушай же:

На горѣ-то стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ бесѣдочка;
На бесѣдкѣ сидятъ дѣвицы,
Съ ними свѣтъ сидитъ Ивановна,
Что Ивановна, да Марьюшка...

Ну, тамъ кого нужно вспоминаютъ.

Приходилъ къ ней ея батюшка:
Ты пойдемъ, пойдемъ домой со мной!
Я нейду, нейду домой съ тобой,
Я нейду, нейду домой съ тобой:
Ночи темныя-немѣсячныя,
Рѣки быстры—перевозовъ нѣтъ...
Рѣки быстры—перевозовъ нѣтъ,
Лѣса глухи, карауловъ нѣтъ.

Ну, вотъ и съ матушкой и съ братцемъ не пошла, а какъ пришелъ свѣтъ Пётра Даниловичъ: стали ночи свѣтлыя, да мѣсячныя,—на рѣкахъ на быстрыихъ перевозы проявилися, во лѣсахъ караулы откликнулись.

Стоитъ тутъ Глашутка неподалечку отъ меня, да и шепчетъ: «Небось, велѣли бы господа, такъ не то что съ батюшкомъ, да съ матушкой, а и просто одна по лѣсамъ, да по болотамъ побѣжала бы и нивѣсть куды!»

Охъ, думаю, дѣвушка, круто̀ въ тебѣ сердце; ишь, вѣдь, до сей поры не позабыла Прыгунцевъ своихъ. Ну, какъ тебѣ съ такимъ крутыимъ сердцемъ вѣкъ вѣченскій безъ своей воли изжить. Все вѣдь подъ началомъ, всю-то жизнь быть придется: теперичка у господъ, а какъ замужъ выйдешь, такъ окромя господъ еще и у мужа—хошь не хошь—исполняй весь вѣкъ мужнину, да господскую волю—да!

Ну, повеселились мы на свадьбѣ на той и домой воротились, и вспоминали объ томъ частенько, сидючи вечеркомъ на заваленкѣ. А объ этой свадьбѣ вспоминаючи, и о другомъ, чемъ рѣчи вели: говорилъ Стёпушка про отца съ матерью, да про

своѐ хозяина-огородника,—да про то, какъ спервоначалу нелюбо ему было изъ Ярославля уходить; и какъ у хозяина дочки да племянницы: одна дочка тоже замужъ выходила, а онъ на свадьбѣ въ дружкахъ былъ. Говорилъ тоже, что въ Ярославлѣ по пригородамъ хорошо больно парни да дѣвушки пѣсни играютъ— какъ у насъ на бесѣды ходятъ. И махни тутъ Глашутка: «Може вамъ оттого и жалко было изъ Ярославля уходить, что вамъ тамъ которая изъ дѣвушекъ приглянулась?..» Ахъ, грѣхи, думаю, вотъ такъ дѣвка! Порой такá разумница, а инымъ часомъ что дитенко малое — чтó на умѣ, то и на языкѣ. Глянулъ на ее Стёпа таковó чуднó: «нѣтъ, говоритъ, не было у меня зазнобы никакой...» И тряхнулъ кудрями... «Да если бы и была, то васъ увидамши, Глафира Коронатовна, я объ той бы зазнобѣ всяку дýмушку бросилъ...» Говоритъ, а самъ глядитъ ей въ очи и не усмѣхнется, словно бы и не шутитъ.

Сгорѣла тутъ дѣвка моя—устыдилася, и по-дѣломъ: не суйся къ парню съ такими рѣчами, да еще и на народѣ. Ну, тоже правду сказать, меня не опасалася, больно жалѣлъ я ее, а Вахрамѣевны на тотъ часъ съ нами не случилося. Съ той самой поры и закаялась Глаша со Степаномъ шутить, и даже будто сторониться его стала.

VIII.

Живемъ мы такъ-то, и только гляжу я словно бы дѣвушка наша сама не своя стала: сидитъ ино за прошвами за своими, за строчками, и руки опуститъ, а допрежь того горѣла у ей работушка въ рукахъ: золотќ рученьки на всяко дѣло были. Вижу я это и думаю: аль и на нашу лебедку младъ ясенъ соколъ охотничекъ нашелся? Думаю такъ-то, ну только ничего не говорю, ниже Вахрамѣевнѣ, потому: придетъ пора-времячко, само дѣло покажется. Гляжу, сталъ это будто и Стёпушка призадумываться... вспомнилъ я тутъ и свои молодќ годы. Эхъ-ма! были вѣдь и мы съ Вахрамѣевной не все-то такѝ стародревніе, какъ теперичка, — тоже любилися... я-то тогда хоть и не оченно молодъ былъ, а полюбилъ ее что и молодому развѣ только впору. Ну, и она меня полюбила крѣпко... Да и какъ же хорошо живемъ мы съ ей, который ужъ десятокъ... была она мнѣ повсегда женой вѣрной,—не повѣрятъ сказать: не то что бить, слова не пришлось съ ей во весь-то вѣкъ худого вымолвить. Да, истинно сказать, не всякаго такъ Господь милуетъ, какъ насъ съ Аку-

мною. А сначала-то, какъ мы только слюбилися, такъ другъ дружкѣ объ томъ не говоримъ ни словечушка: ходимъ оба, будто в туманѣ, не ѣдимъ, не пьемъ, только одинъ объ другомъ сокрушаемся—а какъ нелюбъ я своей зазнобѣ, тогда что?

А весна межь тѣмъ своимъ чередомъ идетъ, за собой ведетъ красно лѣтичко. Вотъ распустились-расцвѣли липы въ саду и хмѣль по огородамъ вьется-зацвѣтаетъ... Вывернулся изъ-подъ листу осенняго темнаго и ландышъ бѣлый—обсыпалъ мать сыру землю, словно снѣгомъ душистымъ... и соловьи прилетѣли: залили-защелкали по ладинамъ, по рощамъ молоденькимъ, частымъ... Не спится тутъ молодымъ парнямъ да дѣвушкамъ, словно и у нихъ душа цвѣтомъ весеннiимъ зацвѣтаетъ-убирается, не покою, а веселья да радости хочетъ. Не спалось и мнѣ, на молодыхъ глядя—стары годы вспоминаючи. И выхожу я такъ-то разъ ужъ поздненечко и побрелъ въ садъ; дай, думаю, посижу и тамъ околъ озера, гдѣ три липы стоятъ старыя—еще бариновымъ дѣдушкой покойнымъ посажены; есть тамъ и скамеечка дерновая, и хмѣль вокругъ по тычинкамъ вьется, по липамъ вверхъ ползетъ, и съ вѣтокъ съ нижнихъ опять же надъ дерновой скамьей виситъ, колыхается... Иду себѣ такъ-то въ саду помаленечку, полегонечку—тишь така́, благодать—и́зрѣдка только зашуршитъ что: надо быть ящерка, меня же испугамшись, въ кустовье частое стрѣлянётъ... Вдали́, на острову, на калинникѣ, соловей щелкаетъ-заливается, а самого-то меня всего липовымъ духомъ обдаетъ, будто медомъ... ахъ, хорошо! Лѣтъ словно бы пятьдесятъ у тебя съ плечъ долой свалится...

Подхожу я ужъ къ липамъ и вдругъ слышу тамъ рѣчи тихiя... ахъ ты Господи! да это Степанъ съ Глафирою... стоятъ оба, другъ противъ дружки, не въ самой въ тѣни подъ липами, а такъ неподалечку, и свѣтитъ на нихъ мѣсяцъ, а они въ свѣтѣ томъ стоятъ, бѣлые-бѣлые... И слышу говоритъ Глафира:

— Напрасно нудите и себя и меня, Степанъ Ефимовичъ!... напрасно и сюда пришли... не затѣмъ я въ садъ вышла, чтобы васъ за собой выманить.

— Что же, Глафира Коронатовна,—отвѣчаетъ Стёпа,—какъ за собой ходить не приказываете, такъ и сватовъ засылать не велите?...

— Нѣ, Степанъ Ефимовичъ, не присылайте, потому одинъ у меня для всѣхъ отвѣтъ: не пойду замужъ ни за кого—и за васъ не пойду.

— Глафира Коронатовна,—говоритъ опять Стёпа,—за что же вы меня такъ обижаете... будто ужъ мы и нé-люди... что такъ

гордитесь-спѣсивитесь? Охъ, дѣвушка, дѣвушка! Я-ли тебя не люблю, голубка ты моя ненаглядная!...

А самъ дрожмя-дрожитъ и назадъ отступаетъ, и лицо у его будто еще бѣлѣй стало... схватился рукой за сукъ за березовой, такъ сукъ ажъ затрещалъ.

Смотритъ ему Глаша въ глаза прямо-прямёхонько, а у самой лицо такое чудное—ну вотъ какъ Богородицу пишутъ скорбящую... слезъ не льетъ она, не плачетъ, а видится тебѣ, будто она внутрѣ вся слезами исходитъ.

— Стёпа,—отвѣчаетъ она,—и я тебя люблю, желанный мой. Пока не видала я тебя, было у меня только одно горе—печаль великая: неволя—доля наша рабская... ну, той печали мнѣ не помочь было... и жила я такъ-то, будто какъ и всѣ люди живутъ: инымъ часомъ даже веселилася, хотя не вовсе свое горе забывала... Ну, какъ узнала я тебя, увидѣла—стала моя печаль больше прежняго... такъ велика, столь тяжка, что не известь ее, не изжить, не вынести...

И опять заговорилъ Стёпа, а самъ къ ней придвигается: —

— Ой, Глашенька, коли любишь, такъ чего же печалиться? Вѣдь я-то тебя, какъ душу свою... а самъ ужъ близко околъ ее, и обнимаетъ, и къ себѣ прижимаетъ и въ губы цѣлуетъ... а она какъ рванется отъ него назадъ...

— Побойся ты Бога, — говоритъ: — Степанъ! Ни тебя, ни себя мнѣ жалко—всѣхъ, всѣхъ хрещенныихъ! а больше всего жалко мнѣ душки дѣтскія, ангельскія... Придется ихъ, ребяточекъ родить на горе... поить, кормить, выняньчивать на мученье на лютое... Мало еще мы съ тобой терпѣли? Мало еще надъ нами, да надъ отцами, надъ дѣдами нашими куражились?... А на тѣ же мученья дѣтей родить неповинныхъ... нѣтъ, этого не будетъ!... лучше сейчасъ и тебѣ и мнѣ камень на шею, да въ воду.

И говоритъ это таково горько и на Степана ужъ не смотритъ, а будто такъ сама съ собой говоритъ. Потомъ замолчала.

Молчитъ тутъ и Стёпа; одначе опять ее обнялъ и къ себѣ прижалъ... она не противится... и заговорилъ онъ тутъ голосомъ почти неслышнымъ, будто его кто за грудь схватилъ—давитъ:

— Ой, Глаша, горитъ у меня все нутро... изболѣла у меня, измучилась вся душа по тебѣ, моя желанная, любимая... выходи ты за меня замужъ—откуплюсь я у господъ: заживемъ мы съ тобой людьми вольными—счастливыми.

— Пустое говоришь ты, Стёпа,—отвѣчаетъ Глафира, а сама его опять тихонько отъ себя отстороняетъ;—знаю, ты и дѣдушкѣ и мнѣ сказывалъ, что есть у тебя сотня рублей завѣтная, отцомъ-

батюшкой принакопленная... такъ развѣ той сотни на выкупъ хватитъ? А колибы на тебя хватило, такъ вѣдь я еще остаюся... нѣтъ, чего тутъ говорить: несчастные мы, крѣпостной народъ, безталанные... Въ бѣги уйдтить думала — такъ вѣдь тоже весь вѣкъ маячиться придется, да и дѣдку съ бабкой жалко. А мы вотъ что: лучше рѣчи тѣ бросимъ объ любови, да объ замужствѣ... спервоначалу трудно намъ будетъ, а тамъ окаменѣемъ мы — не будемъ ничего чувствовать, а тамъ помремъ и снесутъ насъ въ сырў могилу на вѣчный спокой — и не возьмемъ мы того грѣха непрощенаго на душу, не пустимъ дѣтски души невинныя по свѣту мучиться-убиваться, къ землѣ сырой вѣкъ свой гнуться подъ тяготой подъ великой.

Прижалъ ее Стёпа къ себѣ, а самъ стонетъ:

— Люба ты мнѣ, моя ненаглядная, люба, вотъ что!...

А у Глаши личико просвѣтлѣло, словно бы свѣтомъ неземнымъ — небеснымъ: — «обняла она его тоже руками за шею, смотритъ ему въ глаза и говоритъ почти-что шопотомъ:»

— И ты мнѣ любъ, такъ любъ, что какъ увижу тебя, какъ только голосъ твой заслышу, такъ сердечушко мое, будто соловей въ клѣткѣ затрепещется — запоетъ сладкимъ голосомъ. Взяла бы я тебя такъ, обняла бы крѣпко, навѣчно, — отъ всякаго горя-печали заслонила бы... отогнала бы отъ тебя всяку тоску-заботу... а замужъ за тебя не пойду, того грѣха не возьму на душу. — Дрогнулъ тутъ Степанъ, словно бы его кто въ грудь ножомъ рѣзанўлъ—оттолкнулъ ее отъ себя: — Ой, дѣвушка, дѣвушка, — говоритъ; — извела ты меня, изсушила... ну, Богъ съ тобою! — И пошелъ прочь: идетъ, шатается на кусты, на деревья натыкается, — самъ не оглядывается... И Глафира ему въ слѣдъ не смотритъ... повалилась лицомъ на скамью на дерновую, заломила рўченьки надъ головушкой и лежитъ, только плечики вздрагиваютъ, словно бы кипитъ у ней внутрѣ горе, наружу просится, а я за кустами стою, самъ себя не помню и плачу, старый, плачу, ажъ слезы всю мою сѣдую бороду смочили... Вижу я, лежитъ она долго такъ, не встаетъ, и позвалъ я ее тихонечко: —Глаша, а—Глашенька?... не отвѣчаетъ. Подошелъ я, взялъ ее за руку, поднялъ: — встала, слова не молвитъ, а только глядитъ на меня и ликъ опять точь въ точь у скорбящей... да вдругъ какъ крикнетъ: — хочу и я жить какъ люди!... люблю я Стёпушку больше жизни, люблю его, желаннаго, ненагляднаго!...—да какъ заломитъ опять рученьки... и полились у ней тутъ слезы горючія—плакала долго, меня обнявши, лицомъ къ моему лику старому, бородатому, припавши...

Далъ я ей тѣ слезы выплакать и домой повелъ и говорю: напрасно, дочка милая, убиваешься, твоему-то горю еще помочь можно; дай срокъ, погоди: помолимся мы Богу, пораскинемъ умомъ, авось Господь насъ просвѣтитъ и научитъ, какъ намъ въ томъ дѣлѣ быть. — Ну объ томъ, чтобы ее уговаривать такъ-то, какъ теперь, за Степана идтить, я и не пыталъ—потому, истинно сказать, вѣрное это ея слово, чтó Степану говорила:—не слѣдъде намъ того грѣха на себя брать, что дѣтей неповинныхъ на мученье на свѣтъ родить.

Спрашивалъ я ее потомъ: какъ, молъ, ты, дѣвушка, до мыслей до такихъ дошла, что въ пору старику думному, а не тебѣ — человѣку молодому, почитай, еще малому. И отвѣчаетъ Глафира:

— Охъ, дѣда, дѣдушка!—не на моихъ ли глазахъ Короната,—батюшку, извели — сгубили?... надо мной-ли не куражились, да надъ матушкой?... И кто-же? что ни-на-есть пустые, дурашные людишки.—Прыгунцы эти самые... А какъ я-то отъ нихъ избавилась? купилъ меня Павелъ Матвѣичъ, словно бы каку утварь домашнюю... и нигдѣ-то нѣтъ для нашего брата ни правды, ни заступы... Вотъ хоть бы теперичко и Степанъ: выросъ онъ въ Ярославлѣ городѣ—привыкъ тамъ, прижился... приказали господа—и пріѣхалъ. Ну, а чтобъ это ему было, коли-бы у него тамъ дѣвушка любимая осталась? Ой да и тяжко было бы ему отъ нея идтить; ой да и больно бы отъ любимаго своего отрываться... Такъ-то дѣдушко! Ну, а какъ я до этого дошла? какъ все такое замѣчать стала, что для другихъ ни зà что проходитъ?—на томъ батюшкѣ, Коранату Власьичу, спасибо. Малà я была, мала, какъ онъ помиралъ, ну, а рѣчи его горькія и по сейчасъ на сердцѣ у меня огнемъ горятъ—палятъ нутро мое...

Вотъ тàкъ и отвѣтила мнѣ.

Сталъ я тутъ умомъ раскидывать, какъ ихнему горю со Степаномъ помочь, и слышимъ вдругъ, что опять сбирается Павелъ Матвѣичъ на времячко изъ чужихъ дальнихъ сторонъ къ намъ гостить пріѣхать. Только вижу кручинятся у меня больно парень съ дѣвицей, и говорю имъ такъ-то:

— Коли ежели кто можетъ нашему горю помочь, такъ это Павелъ Матвѣичъ: было у него колись обѣщаньице дадено Глафиру на волю отпустить, попытаю у него, какъ пріѣдетъ, не отпуститъ ли, какъ сулилъ въ старо времячко... А на счетъ тебя, Стёпушка, такъ есть у тебя припасено сотня рублей и, семъ-ка, сходимъ мы еще къ свату Андрею, богатый мужикъ онъ, вольный, съ плотницкой артелью изъ году въ годъ въ Питеръ ходитъ, деньгá

у его водится—не выпросимъ ли въ долгъ сотню, другу́, може и согласится тебя Миколай Матвѣичъ за выкупъ отпустить... Снимешь ты огородъ близъ станціи, разживешься, Богъ дастъ, на милѣ —долгъ выплатишь. А покамѣсть, говорю, хоть сватовъ и не засылали, почитай ты Глафиру нарѣченной своей невѣстой. Повеселѣли оба, а Глафира и говоритъ:—Ладно, дѣдушка, что Степанова, что Христова—все одно, ни за кого замужъ не пойду, окромя его.

IX.

— Тутъ въ скорости пріѣхалъ и Павелъ Матвѣичъ, и слышно, папенька твой, Миколай Матвѣичъ, тожно съ Кавказа ворочается—война ужъ порядочно какъ покончилась. Перво-на-перво какъ пріѣхалъ Павелъ Матвѣичъ, такъ всѣхъ сосѣдей объѣздилъ, и потомъ дѣлами какими-то занялся... и не могу я времячка выбрать къ нему съ нашимъ дѣломъ сунуться. Стали тутъ домъ убирать и садъ чистить по господскому распоряженью:—нагнали съ деревни бабъ да ребятъ захребетниковъ—шумъ въ саду: чистятъ, скребутъ, кусты обстригаютъ, подвязываютъ... Слышно было, что Павелъ Матвѣичъ жениться ладитъ, даромъ, что четвертый десятокъ на исходѣ, и перво время опосля свадьбы желательно ему у насъ въ деревнѣ съ молодой женой прогостить. Только убрали это садъ, насадили цвѣтовъ разныихъ — сѣмена-то всѣ Павелъ Матвѣичъ съ собой привезъ и самъ Степану все показывалъ, ка́къ и что. И велѣно бабамъ да дѣвкамъ дворовыимъ Степану на подмогу выходить—а его тутотко ужъ и въ садовники произвели—велѣно тѣимъ бабамъ да дѣвкамъ цвѣтники полоть, а вечеромъ воду носить—все въ саду поливать. Только рѣшился это я, наконецъ, въ одинъ день послѣ обѣда, подъ вечеръ, къ Павлу Матвѣичу сходить за Глафиру попросить, и сталъ къ барскому дому садомъ пробираться: ближе оно, да и думаю, не встрѣчу-ли барина въ саду, такъ оно какъ будто вольготнѣе мнѣ тамъ потолковать съ имъ:—они, господа, что Миколай Матвѣичъ, что Павелъ Матвѣичъ, никогда меня, бывало, не пропустятъ, чтобы не поговорить со мной, старикомъ. Пошелъ я и дохожу уже до тѣихъ самыихъ липъ, а тамъ ужъ и хмѣль повырванъ, и скамья дерновая новыимъ дерномъ обложена, и цвѣты кругомъ каки́-то заморскіе понасажены... и вдругъ слышу Глашуткинъ голосъ, да такой-ли сердитый, да громкій, а съ кѣмъ говоритъ, того не вижу. Подался я ближе, по за кустами меня не видно, пораздвинулъ

бралась!».. и расходилась-было... ну, увидамши чужого человѣка, ругаться не стала,. а то люта была, зубастая: не то, что всякаго тамъ мужика, аль бабу, перекричитъ—пса—и того перелаетъ! Отдохнувши денёкъ-другой, принялся Стёпушка и за работу—было ее много: всѣмъ, почитай, сызнова заводиться приходилось. Сталъ онъ гряды облаживать, а какъ тёпло время пришло—садить да сѣять... и должно зналъ онъ дѣло свое хорошо, и рука у его легкая: все такъ-то ли у его росло, да распускалося, что всѣ только диву давались. Ну, и старателенъ былъ, даже ночью выходитъ поглядѣть, все ли въ порядкѣ—знаешь, чай, какъ у насъ инымъ годомъ до самой Троицы по утречкамъ примораживаетъ—вотъ и пойдетъ онъ смотрѣть, не морозитъ ли и, коли нужно, такъ гряды, на коихъ овощъ понѣжнѣе, соломой и прикроетъ. Одно слово—себя не жалѣлъ.

Съ нами, стариками, ласковъ былъ—покоренъ: замѣстъ отца съ матерью почиталъ,—Глафиру же за родну сестру, а звалъ ее не иначе, какъ Глафирой Коронатовной, и никакихъ съ ей шутокъ не шутилъ, какъ другіе парни, бывало... и уважалъ ее во всемъ.

Прошелъ постъ великій:—Степанъ маленько у насъ ужъ обжился,—а какъ Троицынъ день наступать сталъ, такъ ужъ всѣмъ намъ казалося, будто и вѣкъ Стёпа съ нами жилъ. Была въ тотъ годъ Пасха ранняя, а весна поздняя—сталъ снѣгъ таять будто бы и рано, а морозцы все примораживали по ночамъ. Травушка-то муравушка, правда, давно уже зеленѣла—снитка, да дубки тоже изъ-подъ листу прошлогодняго, палаго, по кустамъ развивались... прилетѣли и жаворонки давно... ну, а березки только передъ самымъ Троицынымъ днемъ, какъ надо быть, распустились, а настоящая весна тутотко только и установилася. И радуется же всяка душа человѣческая новой веснѣ, даже старому веселѣе становится, а про молодого и говорить нечего.

Сходили мы со Стёпой въ лѣсъ: березокъ нарубили—разубрали избу и крылецъ, и завалину, и пошли въ село къ обѣднѣ всей семьей—только Вахрамѣвнѣ не удалось: нужно народъ кормить,—и въ праздникъ ей работа хуже будня-дня.

Три дня у насъ Троицу празднуютъ—веселится народъ, отъ трудовъ отдыхаетъ—къ новымъ трудамъ готовится. Водятъ тутъ молоды люди хороводы, а мы, старики, на нихъ глядя, радуемся, тутъ же, на улицѣ, по завалинкамъ, да бревнамъ сидимъ, а и по бесѣдочкамъ [1]) подъ окнами, у кого подѣланы. Пытала тутъ

[1]) Бесѣдка въ этомъ разсказѣ вездѣ означаетъ: скамья.—Новг. нарѣчіе.

наша Глашутка плясать, да пѣть. И скажу я тебѣ, какъ пріѣхалъ Степанъ, ни съ кѣмъ не плясала, окромя́ его—отстали съ-разу парни всѣ отъ нея, будто почуяли, что не чета опи нашему мо̀лодцу.

Помню, пошли мы на эту самую Троицу, на второй день праздника, въ Березай-село—стоялъ день словно бы лѣтній: теплынь—благодать! Приходимъ мы въ село послѣ обѣда, а дѣвки и собираются хороводы водить—ну, Стёпа да Глаша сейчасъ къ имъ, а я къ старикамъ сѣлъ... и поютъ это дѣвушки про море про синее, да про лебедь про бѣлую: какъ плыла лебедь по синему морю съ лебедятками, какъ ушибъ-убилъ ее добрый молодецъ... какъ подъ ей тогда волна всколыхнулася,—желты́-пески привозму́тилисъ... какъ разбилъ мо̀лодецъ перья по чистому по полю, а мелкій пухъ по зелёну по лугу... И тутъ вдругъ, гдѣ ни взялась кра́сна дѣвица душа: брала перья на перинушку, а мелкій пухъ на подушечку... и плыветъ Глаша посерёдь кругу, сама словно лебедь бѣлая. Гдѣ ни взялся́ опять удалъ-добрый молодецъ, сталъ за ей виться-увиваться, а она отъ его уходитъ, черезъ плечо на него глядитъ... беретъ онъ ее за руки бѣлыя, а она все уходитъ, не дается... и поютъ дѣвушки:

Спѣси́вая, спѣси́вая,
Спѣсивая-непоклѐнливая!..
Смотри́, дѣвица̀,
Смотри́, дѣвица̀,
Смотри, дѣвица, спокаешься,
Спока́ешься, да не во̀ время́!..

Да, хорошо играли!..

Подъ эту самую пѣсню лучше всѣхъ Глашутка плясала; а вотъ подъ другую, такъ тамъ Стёпушкѣ никто не чета. Плясовая это тоже пѣсня: какъ собрался мо̀лодецъ жениться, идетъ онъ, выбираетъ себѣ ласковую тёщу, да тестя богатаго,—милую сестрицу, да шурина моло́дого—а дальше:

Хожу я, гуляю,
Вдоль по хороводу—
Заинька бѣлая—
Вдоль по хороводу.
Хожу выбираю:
Любушку-голубушку—
Заинька бѣлая—
Любушку-голубушку.

Ходитъ это Стёпа, выбираетъ, и выберетъ безпремѣнно Глашутку... Какъ возьметъ ее въ кругъ, и затянутъ дѣвушки звонкими голосами:

сказалъ, что каково теперь Глафирѣ вольной за крѣпостного замужъ идти.., и нельзя ли Степану у барина на волю откупиться. И вижу, что опять нѣлюбы рѣчи мои Павлу Матвѣичу, ну, однако, опять обошелся; задумался только спервоначалу этакъ на минуточку, а тамъ и говоритъ:

— Ладно, старикъ, вотъ пріѣдетъ братъ, тогда приходи, а я поговору съ нимъ о вашемъ дѣлѣ.—Вышелъ-было опять изъ прихожей и сейчасъ же назадъ вернулся... — Ты-де намъ, Михайлычъ, старый, вѣрный слуга—я постараюсь за тебя передъ братомъ... Впрочемъ, я думаю, что онъ и безъ моей просьбы согласится наградить твою долгую службу.

Старъ я былъ, старъ, а скорѣй молодого добѣжалъ до застольной. Глашутки на ту пору въ избѣ не случилося—вышедши была за чѣмъ-то. Только и говорю я Вахрамѣвнѣ, что мнѣ баринъ сказывалъ.

— Охъ,—говоритъ старуха:—пойтить позвать дѣвку скорѣй..— вѣришь-ли, маковой она росинки въ ротъ съ утра не брала, и всяко у ей дѣло изъ рукъ валилося, даромъ что не лѣнива...

А тутъ Глафира-то и входитъ—увидала ликъ мой радостный и спрашиваетъ:

— Что-жъ тебѣ, дѣдушка, баринъ сказывалъ?—А у самой губы ажъ посинѣли и трясутся... и какъ крикнетъ, вдругъ не своимъ голосомъ:—не томи ты меня, дѣдушка! Аль не видишь, чтó со мной дѣется?

— Христосъ надъ тобой, моя касатушка, говорю: — наше дѣло ладно: отпускаетъ тебя Павелъ Матвѣичъ на волю и у Миколая Матвѣича за Степана просить будетъ...

Ничего не отвѣтила—зашаталася... кабы бабка не подскочила, такъ бы óземь и ударилась... побѣлѣла какъ полотно. Ну, отошедши маленько—мы на лавку ее посадили, спрыснула ее бабка водицей съ уголька—залилась слезами, не горькими, а такъ это— радость нежданая у ей слезами оборотилася. Потомъ поклонилась мнѣ въ ноги:

— Прости, говоритъ,—меня, дѣдушка желанный, изобидѣла я тебя въ мысляхъ своихъ, не знала я тебѣ всей цѣны и о сю пору... А кáкъ обидѣла, того я ни тебѣ и никому не скажу...

Сѣла потомъ на лавку:

— Говори, дѣдушка сердечный, чтó баринъ сказывалъ, все кáкъ есть...—проситъ. Ну, я разсказалъ.—А какъ, говоритъ, Миколай Матвѣичъ не согласится?

— Согласится: дадимъ мы ему выкупъ хорошій, Павелъ

Матвѣичъ свое слово скажетъ, и сыграемъ мы веселый пиръ, да и свадебку.

Заторопилась тутъ Глаша:

— Господи, а Степанъ-то, Степанъ ничего вѣдь не знаетъ! Еще болитъ, ноетъ у его душа. А и скажу же я вамъ теперичка, дѣдушка съ бабушкой, коли бы мнѣ еще день-другой такъ ждать, да маяться, такъ истомила бы, сокрушила бы меня въ конецъ тоска, змѣя подколодная.

Отыскали мы Степана—на огородѣ околъ грядъ копается... только онъ раньше, чѣмъ мы ему что сказали, самъ догадался— все по веселому Глафирину лицу узналъ. А и сіяла-то она, словно бы солнышко красное яснымъ днемъ лѣтніимъ.

Ну, при гòрѣ да печали долго времячко тянется, а при счастьи да весельи стрѣлой летитъ! Не успѣли мы оглянуться, какъ и папенька твой, Миколай Матвѣичъ, съ Кавказа прикатилъ. Сходилъ я къ ему: сначала не съ большой быдто охотой меня слушалъ.

— Какъ же это такъ вдругъ,—говоритъ:—Степанъ тутъ при усадьбѣ нуженъ. Дѣло заведено, сдѣланы большія затраты на огороды—какъ-же я теперь безъ огородника останусь?

Ну, и говоритъ ему Павелъ Матвѣичъ:

— Тебѣ, братъ, Степанъ хорошій выкупъ даетъ; это твои затраты покроетъ, а огородное дѣло настолько хорошо со Степановой руки пошло, что оно и съ наемнымъ огородникомъ не только окупится, но и доходъ дастъ.

Говорилъ онъ это барину въ сторонкѣ, а я хотя и старъ, а разобралъ—сердцемъ болѣ, неежели ухомъ.

Ну, потолковали еще, и сòгласился баринъ. Павелъ Матвѣичъ ему чтой-то по-французски говорить сталъ, а баринъ нашъ:

— Ахъ, вздоръ, говоритъ, вздоръ все это — по-русски ужъ..—Я тебѣ говорю не вздоръ,—перебиваетъ его Павелъ Матвѣичъ:—заграницей только и рѣчи, что объ этомъ,—а вы тутъ, да по войскамъ своимъ, сидите, ничего не знаете, ни къ чему не готовитесь. .—А тамъ опять тише это Павелъ Матвѣичъ-то:— чтò теперь возьмешь, то твое и будетъ,—черезъ два-три года и радъ бы былъ, да само изъ рукъ уйдетъ.—А Миколай Матвѣичъ ему на меня глазами указываетъ.—Опосля я ужъ только и догадался, что они про волю говорили, а до тѣихъ поръ у насъ и слуху ни про каку волю не было; такъ, черезъ годъ съ небольшимъ стали объ этомъ и промежъ нашего брата поговаривать, а допрежь того ни о чемъ такомъ мы и не слыхивали.

Ну, какъ тамъ ни было, а согласился баринъ и собрались мы со Степаномъ къ свату Андрею за деньгами.

Хоть и былъ Андрей мужикъ прижимистый, однако, согласился—триста рублей серебра далъ, и надать ему за нихъ четыре года по сту рублевъ платить;—а ежели какой годъ не всё сто сполна заплатишь, такъ за недоплачёное на будущій годъ вдвое. Бумаги мы на то никакой не писали, а при свидѣтеляхъ, при кумѣ Иванѣ Кузмичѣ, да при племянникѣ при Андреевомъ Севастьянѣ дѣло дѣлалось, и брали мы его на совѣсть... Ну, да Андрей родъ-то нашъ зналъ издавна; зналъ, что мы тутъ грѣха никакого на душу не возьмемъ — а что отдать слѣдуетъ, отдадимъ сполна.

Нечего говорить, сдѣлалъ съ нами и баринъ по-божески: всего двѣсти-пятьдесятъ рублей серебра взялъ: — за твою, Михайлычъ, за службу вѣрную, я бы, говоритъ, и такъ отпустилъ, да больно мнѣ убытковъ по огороду много.—Ну, и выговорилъ, чтобы Степа у него до зимы прожилъ и положилъ ему жалованья пять рублей серебра въ мѣсяцъ. По осени мы и свадьбу сыграли. И Господи, кака у насъ тутъ радость въ домѣ! Бабы, кои пожилыя, даже Глафиру осуждать стали: — Что это, говорятъ, — испоконъ вѣку это водится, что невѣсты плачутъ, а у эфтой ни слезиночки! Безстыдница, этакая, говорятъ. — А Глашутка только улыбается и ходитъ, словно земли подъ собой не чуетъ. Ну, тоже не вовсе на радость шла, да только тогда-то объ этомъ не думано, не гадано.

X.

Прожили они,—Степанъ да Глафира, до весны у насъ;—баринъ тому не препятствовалъ, да ему отъ этого убытковъ не было: Глафира за троихъ работала—то бабкѣ помогаетъ, то на скотномъ дворѣ—скотницѣ... Ну, подъ весну маленько и умаялась;—стали и мы ее тоже отъ тяжелой работы попридерживать. Начала она тутъ кое-что заготовлять на будущаго: пеленки да шапочки... стану я ихъ, бывало, разглядывать—и все-то на мой кулакъ налѣзаютъ... ну, хоронила ихъ отъ людей, да меня вѣдь не опасалася:—все одно, что я ей и отецъ и мать, любила меня. Степанъ же все для новой теплицы прилаживалъ да для парниковъ.

По веснѣ снялъ онъ у барина одного двѣ десятины земли подъ огородъ близъ станціи, нанялъ себѣ избушечку: — своей-

то не изъ чего было строить, да и не охота свою избу на наемной землѣ ставить. Ну, на свадьбу да на обзаведенье и ушли всѣ остатни отъ выкупа денежки. Сладилъ Стёпа парники, сталъ кое-что уже и по веснѣ продавать. Купили корову, куръ... задолжали и еще кое-кому помимо Андрея маленечко, да молоды были и заботящіе: отдать всѣмъ все сполна ладились. Стала Глафира на людей бѣлье стирать, полы мыла у служащихъ станціонныхъ. По вечерамъ шила, строчила полотенца—сидитъ чуть не до полночи, сказывалъ Стёпа, ну, и опять до свѣту на ногахъ. Жили такъ-то обои—своимъ трудомъ неустаннымъ питалися.

Какъ пришла осень, да продали что нужно съ огороду, да посчитали кому что отдать слѣдоваетъ, глядь: и не хватаетъ у нихъ для Андрея тридцати рублей. Ну, заняли еще кое-у-кого, сладились—заплатили Андрею, больно бы имъ убыточно ему-то не отдать. Тутъ зима наступать стала:—Глафира Васютку, перьвинькаго, родимши была и похворала послѣ родовъ—не можно ужъ ей по старому много у чужихъ людей работать, и закручинились мои голуби. Только послалъ имъ тутотка самъ Господь счастье: стали служащіе къ Глафирѣ на харчи напрашиваться. А она, опричь того, что ласкова да обрядна, отъ бабки нашей, какъ слѣдуетъ быть, и куховарить научена; и пошло у ей дѣло ладно: не токмо что сама сыта, а еще и барышъ остается. Прожили, надо правду истинну сказать, зиму припѣваючи и даже тридцати-рублевый новый долгъ уплатили. И корова, что куплена была, оказалась здоровая, молочная; продавала Глаша молоко, не токмá что на себя его не жалѣли.

Какъ попадешь къ нимъ, бывало—не нарадуешься: оба все въ дѣлѣ—Стёпа зимой кое-что для весны готовитъ.... ходилъ тожно на служащіихъ работать, когда время было: то дровъ порубитъ, то чтó. Случалось на станціи работа и казенная. Ну, какъ же другъ дружку жалѣли, какъ одинъ другому уважали, того и сказать я тебѣ не могу:—голуби, одно слово. Васютка тутъ же ползаетъ—не кричитъ, не плачетъ, смирный, весь въ Стёпу уродился... тоже чтó возьметъ въ рученки, такъ цѣлымъ часомъ молчкóмъ забавляется, только твердитъ: тятя, да мама, да дѣда, и смѣется.

Второй годъ прошелъ лучше перваго.—Къ осени все Андрею заплатили. Завелъ на третій годъ Степа огородъ болѣ прежняго. Глашутка же что годъ, то робятъ носитъ, а куховарить все куховарила... и опять къ осени все уплатили.

Только стали тутъ ужъ больно много про волю твердить—шестидесятый годъ наступалъ—слышимъ мы уже и въ скорости

ладитъ царь-батюшка намъ волю дать... Радуется народъ хрещеный, а кои сумлеваются: не можетъ этого быть, говорятъ; особливо изъ господъ не вѣрили. И какъ тутъ наша Глафира расцвѣла, я тебѣ и сказать не могу. Никого я лучше на своемъ вѣку не видалъ, а долго жилъ. Кажинное воскресенье въ церковь ходила молебны служить за здравіе царя-освободителя.

— Тебѣ-то,—скажешь ей, бывало:—что же такá за великая радость, вѣдь ты вольная?

— Ахъ, дѣда, дѣда! — отвѣтитъ: — спадаетъ теперь съ меня вся печаль горькая, коя сушила мнѣ душу-сердце съ лѣтъ съ малыихъ. Я-то вольная, да счастливая, а сколько еще безсчастныхъ въ неволѣ томятся. И глаза у ей ровно бы звѣздочки свѣтятся.

И откуль бы тутъ горя ждать? А оно, горе-злочастіе, недалеко было: за угломъ притаилося.—Шло, да шло себѣ времячко, и было это уже лѣто шестидесятаго года на исходѣ. Стояла тутъ дня два-три погода дождливая, а тамъ и прояснѣвѣло, и выползъ я на свою завалинку на солнышкѣ погрѣться,—былъ, этакъ, часъ дня пятый. Сижу-себѣ, да подумываю, каковó-то тамъ, на станціи голуби мои поживаютъ, и какъ-бы теперичко мнѣ провѣдать ихъ хотѣлося, и слышу, вдругъ, звенятъ бубенцы, словно бы ихніе. А Степанъ ужъ и лошадку завелъ—нельзя ему—дѣло у его большое, нужно тó—другó привести, отвезти... Гляжу и впрямь—ихня телѣжка: дуга расписная; упряжъ цыганская, пестрая. Подкатили—вижу одна Глашутка съ робятами: троечка у ихъ была въ тѣ поры. Слѣзла съ телѣги, гляжу: и сама она будто не своя, — какъ робятъ ссаживаетъ, такъ руки ажъ трясутся. Ну, поздоровалась.

— Что,—говорю,—такое? Что ты такà смутная, да невеселая. Да, что же Степанъ? Аль дѣлá какú задержали спѣшныя.

Какъ всплеснетъ руками: — Охъ, дѣдушка, во всемъ-то я, окаянная, виновата!

— Да что же такое? говори, не томи.

— Взяли Степана въ городъ, въ острогъ,—становой увезъ...

— За что такое, что ему приключилося?

И разсказала мнѣ все, какъ есть, правду истинну. Какъ сталю, это, все болѣ да болѣ слуховъ про волю ходить, стала Глаша Степана нудить: выпиши, да выпиши, молъ, изъ Питера газету; будемъ мы все въ газетѣ читать про волю, и другіимъ скажемъ. Стёпа же мастеръ былъ — и читать, и писать, до всего дошелъ. Выписали газетину: сталъ къ имъ народъ валомъ валить — собираться по вечерамъ. Читаетъ имъ Стёпа, разсказы-

ваетъ; ну, и прослышали объ томъ господа сосѣдніе, осерчали: Степанъ-де огородникъ на станціи народъ бунтуетъ! А и впрямь сталъ народъ строптивѣе противъ прежняго, только не отъ Стёпушки — смирный онъ былъ человѣкъ, степенный... До того дѣло доходило, что начнетъ кого баринъ какой чубукомъ по зубамъ чесать, али барыня башмаками по щекамъ лупить — ну, и говорятъ: не долго, молъ, вамъ теперичко еще надъ нами куражиться дозволяется... намъ царь-батюшка волю даетъ.

Спервоначалу удивлялись этому господа, толковали промежъ собой: — отчего бы, да почему народъ таковъ непокладный сталъ?... А какъ узнали про Степанову газету, и что онъ народу про волю сказываетъ, и свалили все на его. Дали знать становому — пріѣхалъ: забралъ Степана, въ кандалы заковали бунтовщика, въ острогъ посадили....

Взвыли мы со старухою, какъ это услышали — не знаемъ, что и дѣлать. Побѣжалъ я въ горницу къ своимъ господамъ; ну, дай имъ Богъ на томъ здоровья, заступилися. Были они опять всѣ тутъ въ сборѣ: Миколай Матвѣичъ теперичко дома жилъ, только, бывало, къ вамъ, въ Питеръ, съѣздить — повидается; сказывалъ, что и тебя скоро ждать надоть. И Павелъ Матвѣичъ на тотъ разъ тутъ же съ молодой женой лѣто догащивалъ. Пришелъ я въ горницу, въ прихожую, сталъ у двери въ залу, поклонился, и стою, — и нѣту на мнѣ лица, самъ чую, — и папенька твой съ-разу увидалъ, и говоритъ:

— Что такое случилось, Михайлычъ? говори скорѣе, какая тамъ у тебя бѣда... — самъ трубку отставилъ, а курилъ, какъ я-то пришелъ. И Павелъ Матвѣичъ тутъ же цыгарку куритъ, и барынька его молодая за чайнымъ столомъ сидитъ, чашки перетираетъ, ложечками побрякиваетъ... Палъ я Миколаю Матвѣичу въ ноги — до земи поклонился... былъ онъ человѣкъ прохладный, а живехонько тутотка на ноги вскочилъ, испугался ажно....

— Что, что это ты, старикъ, Богъ съ тобой! вѣдь, ты мнѣ въ отцы годишься... — И самъ меня своей рукой поднимаетъ.... Да что случилось? говори же.

Заплакалъ я тутъ, пролилъ слезы горькія, разсказалъ свою бѣду господамъ. Слушали оба барина молча, а барынька молоденька: ахъ, какъ, говоритъ, жалко: старичокъ такой старенькій плачетъ... надоть ему помочь непремѣнно, ахъ, надоть! — Какъ разсказалъ я, стали господа промежъ собой совѣтываться — много толковали, не по-нашему, особливо Павелъ Матвѣичъ, — нашъ-то баринъ будто хомяковатъ маленько былъ, на рѣчи не скоръ и повсегда, и тутъ сидитъ больше молча, словно объ чемъ-то ди-

вуетъ, вдаль смотритъ,—Павелъ же Матвѣичъ такъ-то-ли разсыпается, и молода-барынька тожно словцо свое вставляетъ. Кончили они промежъ собой толковать — я все въ дверяхъ стою у притолка—и говоритъ мнѣ Миколай Матвѣичъ:

— Не горюй, Пареенъ, я думаю, что твоему дѣлу еще можно помочь — мы тоже не послѣдніе въ уѣздѣ люди; — удивляюсь, какъ насъ не спросили въ этомъ случаѣ: насъ бы первыхъ спросить надо, вѣдь Степанъ нашъ бывшій человѣкъ. Ну, да мы имъ покажемъ, что это дѣло безъ насъ не рѣшится....—А Степана-то обвинили ближніе къ станціи помѣщики — отъ насъ же это въ двадцати-пяти верстахъ будетъ. Наши господа, хоть и водились съ ими и кое-съ-кѣмъ въ родствѣ были, однако, не то, чтобы ужъ оченно часто туда ѣзжали, или ихъ къ себѣ звали: Миколай Матвѣичъ по неохотѣ; Павелъ же Матвѣичъ у насъ только наѣздомъ у братца гостилъ, и того рѣже по сосѣдямъ бывалъ, разъ какой-нибудь толечко и во все лѣто. И видно пріобидѣлись наши господа, что ихъ совѣта на этотъ разъ не спрошено, и порѣшили ѣхать Павлу Матвѣичу въ городъ объ Степанѣ хлопотать. Пока собирались, пока что—прошло денька съ три:—Глафира и мѣста себѣ не находитъ,—скорбенъ таковъ сталъ ликъ у ей. Пыталъ я ее уговаривать, и бабка уговаривала... и впрямь не послѣдни люди въ уѣздѣ господа наши, самъ я знаю, и что — коли у ихъ обѣщано, то крѣпко держутъ—не пусты люди, дѣловитые.

Поѣхалъ Павелъ Матвѣичъ въ городъ, хлопоталъ тамъ недѣльку-другу: пришлось ему и благодарность тому, да другому поднести—не поскупился, спасибо ему на томъ, подсунулъ кому надо было, и вызволилъ-таки Степушку:—вернули его къ намъ. Глафира спервоначала какъ увидала мужа, такъ и обмерла—а потомъ въ ноги ему кинулась: — прости, ты, меня — прости — бабу глупую.... я одна всей той бѣдѣ виноватая!... А Степанъ посередь избы стоитъ сумраченъ — не видалъ я его такимъ ни допрежь того, ни опосля—и говоритъ онъ ей:—нѣтъ ни на тебѣ, ни на мнѣ вины никакой: всему виной наша доля тяжкая... Вотъ мы и вольные, а захотѣли: въ острогъ посадили,—захотѣли: вызволили...—Сѣлъ потомъ на лавку — голову на грудь опустилъ и во весь-то вечеръ словечушко не вымолвилъ. И Глафира околъ его не увивается... подозвала только робятъ къ ему старшенькихъ, и тѣ смирехонько къ ему притулилися; сама же съ меньшимъ къ бабкѣ за перегородку ушла.

Пошелъ я къ господамъ: низехонько имъ поклонился; спасибо, говорю, батюшка, Павелъ Матвѣичъ и Миколай Матвѣичъ, что не

оставили насъ въ горѣ—помогли намъ, безпомощнымъ.—Смѣются: —На здоровье, дѣдушка; пойдетъ теперь дѣло у твоихъ внучатъ по старому.—Только не вышло по ихнему слову: перво-на-перво какъ уѣзжали на друго утро Степанъ съ Глафирою, она и шепчетъ: —ой, дѣдушка, сердечный ты мой, начинается у насъ мука-мучинска: у Степана-то весь таковъ взглядъ, какъ у Короната-батюшки годами былъ долгими, до самой смертыньки.

— Христосъ надъ тобой, говорю, не поминай лучше, не накликай бѣды; обойдется, все по старому пойдетъ,—перемéлется—мукá будетъ.—А у самого-то сердце ноетъ, тоже бѣду чуетъ.

XI.

Пріѣхали они домой, сказывала опосля Глафира, — работы страсть что принакопилось; былъ у ихъ тутъ и работникъ нанятъ, да ему одному всего не справить было, хоть и хорошъ и работящъ былъ парень, и со Стёпой душа въ душу жили. Нужно бы теперь работать рукъ не покладаючи, а у Степана всяко дѣло изъ рукъ валится. Стали тоже отъ ихъ люди быдто сторониться: съ тобой, Степанъ, говорятъ, и мы еще бѣды наживемъ. И у Глафиры съ харчей болѣ половины народу ушло: — Богъ васъ, говорятъ, знаетъ, что вы за̀-люди:—може за вами и впрямь что-худое водится. Степана теперичко отпустить отпустили и быдто и на самомъ дѣлѣ не за вину въ городъ возили—ну, а все же онъ въ острогѣ находился, въ кандалахъ закованъ былъ, не гоже это быдто дѣло!

Стали Степана по-малу-маленьку люди «рестантомъ» звать—спервоначалу съ досады, аль въ шутку, а тамъ и повсегда—ну, а ему-то каковó? Горько это нашимъ роднымъ было — тяжко сначала,—потомъ, одначе, попривыкли; опять пошла у ихъ работа, только не по старому... нéчего и говорить, что не по старому. Родúла тутъ Глафира четвертаго и чуть не померла; только и вы́ходила ее что Вахрамѣевна.... дай Богъ здоровья господамъ, отпустили старуху къ внучкѣ на цѣльныхъ на шесть недѣль.

— Ну, Андрею-свату на этотъ годъ остатнихъ ста рублей отдать не смогли,—откупался въ городу тожно и Степушка, помимо того, что Павелъ Матвѣичъ своихъ денежекъ потратить изволилъ. Тяжела имъ—Степану съ Глафирой—эта зима пришлась. Работника отпустили: платить ему жалованье не изъ чего было. Много работалъ тутъ Степанъ и на сторонѣ, и дома,—

Глафира же сама еле-жива бродила. Ну, къ веснѣ она-то поправилась, за то онъ будто прихварывать сталъ.

Прочитали этой самой зимой, послѣ Рождества, по церьквамъ волю, и словно бы ожили тутъ, да повеселѣли мои голуби маленечко, радуются:—авось-де,—говорятъ:—новая жизнь теперь на святой на Руси для всего народу хрещенаго начнется.—И что-жъ ты думаешь, самый этотъ годъ ихъ въ разоръ разорилъ. Пошли тутъ господа чудить: — Мы, говорятъ, теперича нищіе; самимъ намъ приходится и въ полѣ работать, и торговать, и все-такое.... Продаютъ лѣсъ—землю... Лавочки строятъ, — кои кабаковъ наставили... Сурмиловы господа, баринъ съ барыней, недалечко отъ станціи,—сами даже за стойкой стали... Други-кто огороды завели: развелось на станціи овощу всякаго—дѣвать нѣкуда. Стёпа хоть и не сажай ничего, такъ дешево все стало огородное: продаютъ господа, почитай-что, въ убытокъ—имъ что?—въ тѣ поры у ихъ, хоть и прибѣднивались они и плакались, а все по старому тѣи же даровы рабочи руки подъ началомъ были. Только и держался еще Стёпа стараньемъ, да умѣньемъ. Однако, доѣхалъ его-таки тутъ и сватъ Андрей: требоваетъ долгу, а долгъ, сама ты знаешь, ростъ сталъ—чтó Степанъ въ прошломъ году не доплатилъ, то нынѣ плати вдвое... Андрей своѐ не упускаетъ:—Ты-де мнѣ, такъ-то и такъ, при свидѣтеляхъ въ томъ божился.... —Бился, бился Стёпа — не въ моготу—а самъ все прихварываетъ, чтó далѣ, то болѣ:—Сохну я, говоритъ: вяну, дѣдушка, словно бы матушка-покойница послѣ батюшковой смерти.

На тую ли еще бѣду баринъ-то, у коего онъ аренду снималъ, тожно ему за землю надбавить захотѣлъ. Ну, може какъ-нибудь и упросилъ бы его Стёпушка той надбавкой годокъ-другой повременить, и пробился бы какъ ни-на-есть, — да стали у нихъ тутъ люди новые разные проявляться съ Москвы, да съ Питера: шныряютъ это по уѣзду—ищутъ себѣ добычи: разнюхиваютъ все, разглядываютъ. Видятъ промышленники эти,—чтобъ ихъ пабалки взяли!—что заселяется станція—на городокъ похожа становится—и стали у барина того, гдѣ Стёпа огородъ снималъ, тую самую землю торговать, что подъ огородомъ, и она, почитай, ужъ вокругъ домами обстроена. Ну, баринъ ее и продалъ за хорошія деньги. Построили на ней потомъ тѣи проходимцы гостинницу и садъ насадили увеселительный... У Стёпушки же контракту съ бариномъ не было—на совѣсть у ихъ дѣло дѣлалось—не сталъ Степанъ и спорить, бросилъ все. Что у его тамъ поналажено было — парники, то-что, продалъ коѐ-кому — держало огороды тогда ужъ окромя его народу много—и воротился онъ къ намъ

въ Березай-село, къ міру приписаться пожелалъ. Такъ опосля и сдѣлали, когда отъ господъ Березайскимъ крестьянамъ уставная грамата вышла.

Ну, Глафира ему ни въ чемъ не перечила, а онъ—что̀ далѣ, то хуже хворалъ. Построились они въ Березаѣ—опять господамъ спасибо: дали лѣсу въ долгъ и не нудили никогда тымъ долгомъ—знали, что мои сердечные голуби сами о кажинной копѣйкѣ сумлѣваются, какъ бы не задержать—въ срокъ отдать.

Промаялся Степанъ года три, коли не болѣ, пока Богу душу отдалъ. Ну, каково Глафира себя тутъ показала, я тебѣ и сказать не могу. Была она у насъ и жать и сѣно убирать выучена, однако ни пахать, ни молотить, ничего такого ей не приходилось; ну, а какъ переѣхали они въ Березай, такъ все самой дѣлать пришлось, ни до чего Степану касаться не дозволяла: водился онъ только дома съ робятами, да и то ему объ иную пору не въ моготу было. Высохъ весь, грудь ввалилася, сгорбился,—хуже меня старика,—руки какъ плети висятъ, въ кудряхъ сѣдина пробивается... А Глафира молодецъ-молодцомъ... и не плакала, ни дома, ни къ намъ пришедши. Засталъ я ее только одинъ разочекъ на полосѣ: лежитъ—припала головой къ матери сырой землѣ, а какъ окликнулъ я ее—и вижу весь ликъ у ней слезами горькими смоченъ... ну, тоже тою-жъ минутою слезы вытерла, и мнѣ объ томъ молчать заказала, особливо-же передъ Стёпушкой. Какъ померъ Степанъ, некогда было и убиваться бабѣ — работала она, я тебѣ скажу, болѣ неежели иной воръ-разбойникъ на каторгѣ,—да и не она одна—многимъ,—почитай, всякому—въ крестьянскомъ дѣлѣ весь вѣкъ въ такой страдѣ изживать приходится. Тяготы мірскiя несла Глафира наравнѣ съ мужиками, и нечего сказать—міръ ее не обиждалъ —уважали, какъ женщину степенную, даромъ что молода. Ужъ опосля Стёпушкиной смерти она свату Андрею остатнiй долгъ выплатила... Господь ему судья—помогъ тоже чужого вѣку заѣсть.

XII.

Часть всей этой горькой Глафириной повѣсти Михайлычъ разсказывалъ мнѣ раньше—часть досказалъ по дорогѣ въ Березай.

При входѣ въ деревню онъ говорилъ:

— Какъ ни билася, какъ ни крѣпилася Глафира, а не выдержала: подкосила ее теперичко хворость лютая. Охъ, Господи-Боже, пронеси ты еще эту бѣду, не дай ей, Милостивый, помереть.

безъ времени: — оставить однихъ-одинёшенекъ сиротъ горемычныхъ на свѣтѣ!

Мы пришли въ деревню около четырехъ часовъ вечера. Она смотрѣла какъ-то не по старому, а еще унылѣе, хотя въ ней, повидимому, ничего не измѣнилось. Какъ прежде, такъ и теперь вытянулись, какъ по веревкѣ, два ряда сѣрыхъ неприглядныхъ избъ, вдоль большой столбовой дороги,—при въѣздѣ въ деревню одинъ полосатый верстовой столбъ,—при выѣздѣ—другой;... кругомъ: голое болото, обросшее по краямъ рѣдкой брединой;... дальше: плохо вспаханныя полосы, а еще дальше, за широкою трактовою Екатерининскою старою дорогой—сосновый боръ, тянущійся верстъ на сорокъ и болѣе, до самаго Осташкова. Тамъ, близъ лѣса, близъ старой дороги, стояло когда-то зажиточное старинное Березай-село, посреди богатыхъ хлѣбныхъ полей, на высокомъ пригоркѣ, спускающемся луговымъ скатомъ къ озеру — Лебяжьей-лужѣ, названномъ такъ потому, что на немъ когда-то— разсказываютъ старики — водились лебеди. Били орлы залетные бѣлыхъ лебедей,—били охотники-молодцы лебедей и орловъ, но... все это было и быльемъ поросло. Лебеди вовсе не прилетаютъ болѣе на свое озеро, и залетные орлы рѣдко показываются... Уныло проклегчетъ какой-нибудь одинъ, попавшій сюда, самъ не зная зачѣмъ, отдохнетъ на песчаномъ пригоркѣ, на старомъ пепелищѣ, напрасно подождетъ добычи и летитъ далѣе... Перевелись и охотники молодцы... зато безъ страха приходятъ пить къ Лебяжьей-лужѣ дикія козы и лоси, — и только нежданый звукъ пѣсни прохожаго, или лай собаки спугиваетъ ихъ и заставляетъ скрываться въ тѣни вѣковыхъ сосенъ, гдѣ они быстро исчезаютъ изъ виду, беззвучно мчась по мягкой хвоѣ, толстымъ ковромъ устлавшей лишенную всякой растительности почву стараго лѣса. Не слышно въ немъ ни звука, ни шороха, развѣ гдѣ на опушкѣ треснетъ сухой сучокъ надъ прыжкомъ бѣлки, и только вверху раздается неумолчный, стройный шелестъ вѣчно неспокойныхъ вершинъ.

Близъ этого бора стоялъ въ старые годы Березай и хорошо жилось въ немъ, но... прошла новая столбовая дорога—и село перенесено на новое мѣсто: выстроены избы по ранжиру рядомъ съ гнилымъ болотомъ, далеко отъ воды и ровно въ шестнадцати верстахъ отъ другого такого же села, тоже перенесеннаго откуда-то, — за которымъ въ шестнадцати верстахъ лежитъ такое же третье—и такъ до самой Москвы... Со времени перенесенія Березая къ шоссе и болоту, населенье его начало хворать: года

не проходило, чтобы не являлась весной и лѣтомъ то лихорадка, то горячка, то поносы на дѣтей, отъ которыхъ бѣдняги мерли по нѣскольку человѣкъ въ день — а въ селѣ насчитывается, за послѣдніе годы, всего-то не болѣе семидесяти-пяти—восьмидесяти избъ. Но этотъ годъ выдался хуже всѣхъ. Откуда шелъ моръ? крестьяне не знали; пришло двое-трое больныхъ изъ Питера, — но въ то же время хворало уже нѣсколько человѣкъ и на деревнѣ... и разыгралась лихорадка, горячка, холера, словно стараясь перещеголять одна другую.

Изба Глафиры стояла съ самаго краю, у входа въ деревню. Она была построена уже не изъ той старой красной сосны, изъ какой строились прежнія крестьянскія избы, переживавшія каменныя строенія, и у которыхъ насчитывается много-много восемь-девять вѣнцовъ, а то и не болѣе семи, какъ въ «толстой харчевнѣ» по Бѣжецкой дорогѣ... Глафирина изба была сложена изъ тонкихъ сучковатыхъ бревенъ—видно было, что мѣстность сдѣлалась столь же немилостива и къ деревьямъ, какъ къ людямъ... Она словно не въ состояніи производить болѣе тѣхъ растительныхъ великановъ, остатки которыхъ мы видимъ еще въ заповѣдныхъ господскихъ и казенныхъ лѣсахъ,—какъ не носитъ она, не вскармливаетъ болѣе и тѣхъ богатырей-молодцовъ, память о которыхъ ушла въ сказки... Все измельчало: орлы улетѣли, корявыя молодыя сосны хирѣютъ по болотамъ, и люди выродились—ослабѣли.

Глафирина изба смотрѣла бѣдно—сѣро... однимъ окномъ на дорогу—другимъ на болото; плетень огорода развалился,—гряды истоптаны, изрыты сосѣдними курами; кусты смородины обглоданы козами; на крышѣ двора безъ страха усѣлся ястребъ и выглядываетъ себѣ легкой наживы.

Мы поднялись на крылечко; сѣни были отворены, изба заперта. Михайлычъ дернулъ веревку щеколды: дверь отворилась, и на насъ пахнуло такою тлетворной затхлью, что я невольно подалась назадъ. Въ углу, почти у порога, лежала, свернувшись, Алёнка.—Услыхавъ скрыпъ отворявшейся двери, она повернула къ ней страшно исхудалое личико, затѣмъ встала и, опираясь о стѣну, добрела до насъ. Узнавъ меня, она сдѣлала слабое усиліе улыбнуться, но ей это не удалось.

— Спитъ мамушка, спитъ и Васютка,—заговорила она какимъ-то жалкимъ протяжнымъ полушопотомъ.—Я вошла за Михайлычемъ, крадучись, чтобы не разбудить больныхъ. Васютка лежалъ на печи; онъ стоналъ и бредилъ во снѣ. Глафира помѣщалась за перегородкой, на доскахъ, примощенныхъ къ подокон-

и то: дѣло твое господское—захочешь послушаешь, захочешь—нѣтъ, меня бабу темную... а и выслушаешь, такъ поймешь ли?..

— Говори, Глафира, передъ Богомъ даю тебѣ слово, что постараюсь понять тебя и завѣтъ твой исполню, если смогу.— Много я сегодня видѣла такого, что прежде мнѣ и во снѣ не снилось: — растаяла у меня душа отъ твоихъ словъ крестьянскихъ.

Глаза Глафиры блеснули: казалось, что вся еще оставленная ей болѣзнью жизнь сосредоточилась въ нихъ.

— Видѣла такое, чего и во снѣ не снилось... охъ, родная, та́къ-то и всѣ вы... А то́, что ты сегодня видѣла, это изъ году въ годъ наша мужицкая доля. Мы́-то, вотъ, все это хорошо знаемъ: ноетъ грудь отъ заботы повсегдашней, отъ работы непосильной, страдной. А вашъ братъ, кой и душой добёръ, такъ все одно, что сонный посередь насъ бродитъ — не видитъ ничего, не слышитъ, не понимаетъ свову нашего вѣковѣчнаго. И отчего это? Може все отъ книжекъ отъ вашихъ. Вотъ, хоша-бы и ты: мало-ль бы тебѣ дѣла и тутъ-то нашлюсь, дома-то, да околъ насъ... а ты, вонъ, въ Питеръ уѣхала, тамъ дѣла новаго искать стала. Любила я тебя махоньку, все забывала, что ты роду дворянскаго, какъ ты дѣдку обнявши, аль меня, на завалинкѣ, бывало, сидишь съ нами... да не куражишься надъ рабами крѣпостными, а отъ нихъ же себѣ ласки ждешь... Выросла ты, не та стала,—настоящей какъ есть барыней — госпожой выровнялась, хоть и не злой, не вздравной, того не говорю, нѣтъ — а такъ, чужой ты намъ стала... А я тебя все махонькой, да ласковой вспоминаю, и какъ ни сокращаю себя, чтобы тебя не любить, а не могу... тоже и старикъ нашъ больно тебя жалѣетъ, словно бы меня самоё,—ну, и я на него глядючи, да старое вспоминаючи, нѣтъ, нѣтъ, да любовно объ тебѣ и подумаю: и кляла́ же я себя за это. Ну, вотъ, привелъ меня Господь проститься съ тобой, Миколаевна; прости ты меня передъ смертью—всю я тебѣ правду истинну сказала про тебя, какъ на исповѣди попу говорила... А остальное, хочешь слушаешь—хочешь нѣтъ, твоя воля...

— Глубоко взволнованная словами Глафиры, я опять повторила ей, что даю слово исполнить все, чего она потребуетъ, если это будетъ въ моихъ силахъ.

— Видишь-ли, — заговорила она своимъ слабымъ, прерывистымъ голосомъ:—сказано ужъ, не жила я, душой горѣла, какъ и батюшка Коронатъ Власьичъ, покойный. Бился онъ весь вѣкъ свой — супротивничалъ тому, кто сильнѣй его былъ, и давилъ и

грабилъ... ну, и свалился: сила соломушку ломитъ. Билась такъ-то и я; ну, спервоначалу, было мнѣ полегче неежель ему... Вышла воля: вотъ-то, думаю, заживемъ не только-что мы со Степаномъ, а и весь народъ хрещеный по новому, по хорошему—возрадовалась я, взыграло во мнѣ сердце: вольный, бѣлый свѣтъ шире, краше прежняго мнѣ показался,—анъ тутъ меня и подкосило. Былъ допрежь того у кажиннаго одинъ баринъ, а теперичко развелись ихъ несмѣтныя тысячи: и купецъ тебѣ баринъ, и становой баринъ,—баринъ тебѣ и кулакъ деревенскій... и кругомъ, да около, выше, да далѣ, все-то господа, и всякъ съ тебя грошъ твой трудовой тянетъ, да еще и поклона въ придачу требоваетъ... Было намъ и со Степаномъ вдвоемъ трудно, а какъ пошли робята, да бѣды, да онъ померъ—и совсѣмъ не въ моготу стало. Сильна я была баба, здоровая,—а вотъ видишь, какимъ нонѣ пластомъ лежу. Ты думаешь меня хворь скрутила—думала и я такъ-то спервоначалу, такъ и дѣдкѣ говорила: не поможетъ ли чѣмъ Миколаевна, какъ прiѣдетъ; ну, а какъ соскочила съ меня эта самая горячка, что меня палила, такъ я и почуяла, что не встать мнѣ—силушки нѣтъ болѣ: осталась моя силушка на полосѣ, и собралъ ту силушку богатѣй въ мошну свою и трясется надъ ей, какъ кащей надъ кладомъ. И вездѣ и у всѣхъ все такъ же въ крестьянствѣ, какъ и у меня. Все-то дурость наша—темнота. И разгнѣвались на темноту на нашу силы небесныя: наслали на насъ моръ, а за моромъ гладъ наступаетъ,—стоятъ поля не паханы, полосы неораны. И что дальше будетъ, то все хуже, все народу хрещеному тяжельше...

Я слушала ее напряженно, боясь проронить слово изъ этой странной для меня рѣчи:—никто изъ крестьянъ не говорилъ еще такъ со мною, барышней; я чувствовала, что тутъ не я умнѣе, что не я въ правѣ поучать, а что мнѣ самой слѣдуетъ учиться понимать жизнь у этой истощенной, умирающей, темной женщины, весь вѣкъ гнувшейся—подъ тяжестью непосильной работы, подъ гнетомъ—всяческаго произвола...

— Слушай же,—отдохнувъ,—продолжала Глафира,—да подойди поближе, больно трудно мнѣ говорить-то; а ужъ коли разъ начала, скажу я тебѣ всѣ свои мысли, горемъ вымученныя. Проста ты и любовна по сердцу, Миколаевна, хоть и госпожа,—болитъ теперичка и у тебя душа отъ горя нашего, мужицкаго... вишь ты какъ, ноне, по больнымъ бродила, сказывалъ дѣдка... и прежде ты нами не гнушалася, особливо какъ махонька была... ну, и какъ выросла, тоже робятъ нашихъ къ себѣ приближала, наградилъ тебя Господь на это разумомъ... помогала тоже кое-

кому, чѣмъ могла—бѣднымъ и больнымъ, только, Христовая ты моя, не того намъ надобно. Не поможешь ты ничѣмъ такимъ горю нашему, ни ты, ни другiя люди одинакiе... Наше горе извести, наши слезы мужицкiя вытереть—все одно, что окiянъ-море высушить... Нужна на то не твоя сила... нужна любовь великая... сила могучая...

Она говорила все тише, такъ тихо, что я могла разслушать ее, только близко нагнувшись надъ ней, почти припавъ лицомъ къ ея лицу... Иногда рѣчь ея становилась уже совершенно безсвязна...

Когда Глафира замолчала — было уже темно. Михайлычъ давно ушелъ въ усадьбу, чтобы потребовать для меня экипажъ и привезти Вахрамѣвну на ночь къ внучкѣ. Скоро я услышала звукъ приближающаго колокольчика, а тамъ заскрипѣло и крыльцо подъ тяжкою и неровною поступью стариковъ.

Я простилась съ Глафирой безъ слезъ, какъ-то благоговѣйно.

— А помирать не хочется, ахъ, какъ не хочется...—было ея послѣдними словами мнѣ: — робятъ больно жалко, изболѣло по нимъ все нутро мое: махонькiе они, неразумные — не оставьте вы ихъ, пока сами живы, дѣдушка съ бабушкой, не оставь ихъ и ты, Миколаевна!

Усталая физически, прiѣхала я домой и заснула только подъ утро. Когда я проснулась, было уже поздно; около моей кровати, въ ногахъ, сидѣла Вахрамѣвна и беззвучно плакала.

— Что Глафира?—было первымъ моимъ вопросомъ.

— Кончилась, моя голубушка, подъ самое утречко,—отвѣчала всхлипывая старуха.—Увидала это зорюшку новую на небушкѣ и только молвила: «Заря-де молодá занимается! скажи ты Миколаевнѣ»... а чтó сказать—такъ и не докончила, може ей что съ хворости примерещилось. Только и сказала: «Молодá заря занимается!»

А. Л.

СРЕДНЕАЗІАТСКАЯ КУЛЬТУРА

и

НАША ПОЛИТИКА НА ВОСТОКѢ.

Turkistan. Notes of journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara, and Kuldga. By Eugene Schuyler, Phil. Dr. Member of the Amerikan Geographikal Society and of the Imperial Russian Geographikal Society, etc. London. 1876.—Туркестанъ. Путевыя замѣтки о русскомъ Туркестанѣ, Коканѣ, Бухарѣ и Кульджѣ, Е. Скайлера.

Окончаніе.

IV *).

Несмотря на то, что мы живемъ вѣками въ сосѣдствѣ и въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ народами Средней Азіи, трудъ г. Скайлера, — иностранца, посѣтившаго въ первый разъ наши новыя владѣнія и взявшагося за перо для своихъ соотечественниковъ въ далекой Америкѣ,—этотъ трудъ не менѣе любопытенъ и для насъ: такъ мало распространены въ массѣ нашего общества свѣдѣнія о томъ, что живетъ рядомъ съ нами. Г-нъ Скайлеръ, приступивъ къ описанію бытовой стороны населенія Средней Азіи, поставилъ себѣ цѣлью изложить дѣло со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ: для американца тутъ все является новымъ; но мы увѣрены, что и для нашего общества весьма немногое изъ сообщеній г. Скайлера окажется излишнимъ, какъ общеизвѣстное. Пріемъ автора дѣлаетъ чтеніе его книги весьма

*) См. выше: іюнь, 578 стр.

интереснымъ: мы у него всегда находимъ или краснорѣчивый и краткій языкъ цифръ, или живыя описанія сценъ и картинъ, схваченныхъ съ натуры. Вотъ, напримѣръ, какъ живутъ зажиточные люди въ Средней Азіи, у себя, дома, въ обыденной домашней обстановкѣ, съ своимъ понятіемъ о комфортѣ.

— Мы подошли—такъ разсказываетъ г. Скайлеръ—къ небольшой калиткѣ, полуоткрытой; на нашъ стукъ къ намъ вышли три красивыхъ мальчика въ длинныхъ распущенныхъ рубахахъ, опоясанные ручными платками, и съ шапочками на головахъ, съ улыбающимися лицами. Они привѣтствовали насъ своимъ обычнымъ: «аманъ!» и взяли нашихъ лошадей. Мы вошли; передъ нами открылся большой дворъ, почти весь окруженный навѣсами, наполненными лошадьми; другой формы стойла здѣсь не бываетъ. Чрезъ другую дверь мы вошли на другой дворъ, на двухъ сторонахъ тамъ были балконы. Этотъ дворъ называется «мужскимъ» (tish-kari), позади него, тоже черезъ дверь и черезъ узкій проходъ,—дворъ «женекій» (itch-kari). Дода Могаммедъ, купецъ богатый, имѣетъ три двора, а у другихъ бываетъ только два, но во всякомъ случаѣ женщины должны имѣть отдѣльное для себя помѣщеніе, гдѣ имъ бы ничего не мѣшало, и куда мужчинамъ входить недозволено. У мужчинъ гладкій полъ изъ твердой глины и на ней полоски дерна; съ одной стороны, стоитъ платформа въ 1—1½ фута высоты и возлѣ квадратный прудъ, отѣняемый деревьями, вода котораго натекаетъ въ маленькій ровъ изъ главныхъ каналовъ города и снабжаетъ водою для питья и для омовенія.

— Насъ вводятъ въ гостиную, гдѣ всѣ сидятъ на туркменскихъ коврахъ, покрывающихъ весь полъ; между тѣмъ внѣшній воздухъ становится пріятнѣе, выносятся другіе ковры и помѣщаются на платформу, а вдоль ея края кладутся тонкіе полосатые шелковые матрасы; намъ даютъ подушки, чтобы положить на нихъ локти, когда мы почувствуемъ, что сидѣть слишкомъ утомительно. Туземцы сидятъ иногда на накрестъ-сложенныхъ ногахъ, но гораздо болѣе приличнымъ считается, стоя на колѣняхъ, сидѣть на ногахъ. Такое сидѣніе кажется съ перваго раза слишкомъ утомительнымъ, но можно привыкнуть къ этому; если пріобрѣсть національные шаровары, тогда каждый европеецъ можетъ легко обойтись безъ стульевъ. Всѣ дома почти устроены одинаково: есть большая комната, открывающаяся на балконъ, гостиная, и одна или двѣ маленькія, противоположныя большой. Женскія комнаты въ женскомъ дворѣ совершенно такія же, какъ и мужскія. Въ каждой комнатѣ двѣ или три двери

съ двойными створками, открывающимися внутрь, и висятъ онѣ на чемъ-то въ родѣ стержня, который проходитъ въ притолоку и порогѣ; двери украшены не рѣдко нѣжными арабесками. Оконъ нѣтъ, но есть продольныя отверстія надъ дверями, иногда закрытыя рѣшетками, а рѣшетки—бѣлою бумагою. Стѣны оштукатурены и иногда обдѣланы красивымъ карнизомъ изъ алебастра; обыкновенно на нихъ много нишъ съ верхушкою на аркѣ, и эти ниши служатъ полками для книгъ, для платья, для конфектъ и сластей, кувшиновъ и чайниковъ. Стѣны часто окрашиваютъ искусственными цвѣтами или букетами или горшками чудесныхъ цвѣтовъ и иногда маленькими арабесками; въ рѣдкихъ случаяхъ тамъ бываетъ изображеніе какого-нибудь животнаго, и вообще такихъ изображеній избѣгаютъ, какъ запрещенныхъ кораномъ. Потолокъ дѣлается изъ небольшого круга ивовыхъ вѣтвей, прилаживаемыхъ между стропилами, и обыкновенно окрашивается въ блестящій ультрамариновый голубой цвѣтъ.

— Кромѣ ковровъ и матрасовъ, мебели никакой, за исключеніемъ небольшого круглаго стола, въ нѣсколько дюймовъ вышины, на который кладутъ сласти и фрукты для гостей, или вырѣзанный изъ дерева и окрашенный ящикъ для чашекъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду одну особенность: въ углу комнаты весьма часто бываетъ тазикъ, опущенный немного ниже пола, для омовенія передъ молитвами; подлѣ него помѣщается кувшинъ съ водою. Въ первомъ дворѣ содержатся всѣ необходимыя вещи для лошадей, уздечки, сѣдла и т. п. Во внутреннемъ, женскомъ дворѣ—кухонная утварь и спеціальныя вещи для женщинъ: нитки, шелкъ и всѣ предметы, которыми онѣ окружаютъ себя. У женщинъ также мало мебели, какъ и у мужчинъ, если не считать особеннымъ предметомъ широкую деревянную постель, поднимающуюся съ полу на нѣсколько дюймовъ; надъ нею натянута сѣтчатая сѣть изъ веревки. Многіе спятъ просто на коврѣ, тонкомъ стеганомъ одѣялѣ или матрасѣ, разостланномъ на полу... Съ улицы домá не имѣютъ украшеній. Крыша плоская, сдѣланная изъ камыша или тростника, и затѣмъ густо обмазана глиною, сквозь которую легко пробиваются безчисленные скорпіоны—эти постоянные гости въ домахъ туземныхъ жителей Ташкента. Случайно залѣзаютъ въ дома и тарантулы, и другіе ядовитые пауки. Дома по бóльшей части одноэтажные, причемъ бываетъ и одна верхняя комнатка, называемая: *balakhana*, это нашъ *балконъ*, по-персидски *bala*.

— Весь день проходитъ въ ѣдѣ и питьѣ, въ омовеніи и въ разныхъ дѣлахъ и разговорахъ. Прежде всего былъ постланъ

передъ нами полосатый кусокъ шелковой или бумажной ткани и на немъ появились разныя яства: миндальные и фисташковые орѣхи, иногда засахаренные, пасты и леденцы разныхъ вкусовъ, *халва*, небольшіе пирожки, вафли, фрукты, миндали въ сахарномъ сиропѣ и т. п. Отвѣдавъ всѣ эти разные деликатессы, мы стали толковать о различныхъ предметахъ, о нашихъ общихъ знакомыхъ и о новостяхъ дня, о вопросахъ религіи или о мѣстной исторіи. Меня много занималъ одинъ туземецъ, высокій добродушный человѣкъ лѣтъ сорока; онъ выучился русскому языку, вступилъ въ русское общество и теперь знаетъ всѣхъ русскихъ дамъ въ Ташкентѣ, какъ ихъ зовутъ; онъ поймалъ нѣсколько французскихъ фразъ, и постоянно вводитъ ихъ въ свои рѣчи.

— Но вотъ скоро солнце сядетъ, и всѣ туземцы, нисколько не извиняясь, подходятъ по-одиночку къ завѣтному мѣсту—совершить свои омовенія: вымыть лицо, пальцы и руку до локтя. Интересно видѣть, съ какою ловкостью исполняется эта пріобрѣтенная привычка: рука поднимается вверхъ, одинъ поворотъ ручной кисти — и вода ровно бѣжитъ по рукѣ къ локтю. Когда туземецъ пьетъ воду изъ ладони, онъ прилагаетъ свой ротъ такимъ образомъ, что выпиваетъ всю воду, не теряя ни одной капли. Каждый локоть вымывается три раза, и лицо столько же разъ, включая всѣ семь отверстій: глаза, уши, носъ и ротъ, и на затылокъ назадъ. Затѣмъ идетъ омовеніе ногъ; мужчины обыкновенно не снимаютъ своихъ сапоговъ, но только проводятъ свои мокрые пальцы по пальцамъ ногъ, символически разумѣя, что вымыты и ноги. Потомъ они надѣваютъ чалмы, подергиваютъ качающійся конецъ на лѣвой сторонѣ, и, стоя на коврѣ или чистомъ платьѣ, распростертомъ на полу, лицомъ къ Меккѣ, повторяютъ свои молитвы. Молитвъ этихъ пять: 1) въ моментъ появленія солнца; 2) около полудня или часомъ, двумя позже; 3) до захода солнца; 4) сейчасъ послѣ захода; 5) около 9 часовъ вечера. Народный обычай придумалъ всѣ ежедневныя обязанности напоминать себѣ въ стихотворной формѣ, напримѣръ: поставь котелъ (намазъ дигаръ кари дигаръ)! ступай спать (хофтанъ-хорафтанъ)! зажги свѣчи (шамъ)!

Одежда азіата весьма простая. Онъ носитъ широкія шаровары изъ грубаго бѣлаго бумажнаго сукна, твердо прикрѣпленнаго къ поясницѣ веревкою съ кистью; это необходимое платье, которое снимается съ тѣла лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, но никогда не въ присутствіи другого. Часто бываетъ, когда люди на работѣ, это—ихъ единственное платье, и въ этомъ случаѣ оно постепенно оборачивается около веревки или ногъ, такъ что ра-

бочій стоитъ почти голый. Надъ этими распускающимися шароварами носится длинная рубаха, бѣлая или свѣтлаго цвѣта, достигающая почти до конца ногъ и съ весьма узкимъ отверстіемъ на шеѣ, такъ что нѣсколько трудно пройти въ него съ головою. Туфли длинныя и свободныя. Кромѣ этого бываетъ еще *чапанъ*, смотря по погодѣ или по желанію самого рабочаго. Чапанъ—это открытый плащъ, за которымъ удобно скрывать руки, какъ требуетъ азіатское приличіе. Плащъ этотъ имѣетъ косые воротники, съ шнурками, для завязыванія спереди, и необыкновенно широкими рукавами, сдѣланными съ огромнымъ клиномъ и вдвое длиннѣе, чѣмъ нужно. Лѣтомъ эта одежда дѣлается обыкновенно изъ русскихъ ситцевъ или туземной *алачи*, полосатой бумажной ткани, или изъ шелковой ткани, тоже полосатой, или изъ какой-нибудь роскошной ткани восточнаго образца съ блестящими красками: непремѣнно съ красною, желтою и зеленою. Скайлеръ видѣлъ и такихъ, у которыхъ эти плащи и мантіи одѣвались не по три только, но по четыре и даже по пяти; они его увѣряли, что лѣтомъ сквозь эти мантіи солнечный жаръ не допускается къ тѣлу. Зимою достаточно одного плаща, но изъ сукна подбитаго барашкомъ или мѣхомъ. Обыкновенный поясъ—или кушакъ, длинный платокъ, или небольшая шаль; иногда носятъ кругомъ поясницы нѣсколько разъ перевитый, длинный шарфъ. Евреямъ, при прежнемъ азіатскомъ управленіи, дозволяли носить, какъ поясъ, только веревку или шнурокъ, какъ знакъ ихъ униженія. У пояса висятъ разные ножи, кошельки, сумки, футляры для разныхъ дневныхъ потребностей. На головѣ небольшая шапочка,—въ Ташкентѣ всегда шелковая, а въ Бухарѣ — разработанная шелкомъ или англійской шерстью, крестообразнымъ швомъ. Чалма, называемая *чилъ-печъ* или «сорокъ оборотовъ», очень длинна, и если носитель ея имѣетъ притязаніе на элегантность нѣжнаго и тонкаго матеріала, то онъ покупаетъ непремѣнно только тѣ, которыя привозятся изъ Англіи. Нужно большое искусство, чтобы свить такую чалму вокругъ головы во столько складокъ, чтобы она была и хорошо сдѣлана и имѣла фешенебльный видъ. Одинъ конецъ долженъ падать надъ лѣвымъ плечомъ, но это въ обыкновенное время, а во время молитвы онъ долженъ быть воткнутъ надъ верхушкою. Если этотъ конецъ будетъ на правой сторонѣ, то его называютъ афганскимъ шитіемъ. Большинство чалмъ бѣлаго цвѣта; купцы предпочитаютъ голубой и полосатый. Дома мужчины ходятъ обыкновенно босоногими, но, выходя на улицу, одѣваютъ или туфли съ совершенно

низкими каблуками, или длинные мягкіе сапоги, подошвы и голенища которыхъ сдѣланы изъ одного матеріала.

Одежда женщинъ и по формѣ и по фасону своему почти ничѣмъ не отличается отъ мужской; женщины носятъ тѣ же шаровары, рубахи и длинныя платья отъ шеи до земли, но всегда шелковыя, яркаго цвѣта. Онѣ носятъ неисчислимое количество шейныхъ ожерелій и мелкихъ амулетовъ, подвѣски въ волосахъ, серьги и даже кольцо въ носу. Скайлеръ говоритъ, что это не такъ дурно, какъ многіе полагаютъ: «красивая дѣвица съ бирюзовымъ кольцомъ въ ноздрѣ хотя и кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ, но тѣмъ не менѣе явленіе это очень интересное и представляетъ въ себѣ много пикантнаго». Въ центральной Азіи всѣ уважаемыя женщины, выходя на улицу, покрываютъ свое лицо густымъ чернымъ вуалемъ, достигающимъ до таліи; поверхъ всего набрасывается темно-голубой или зеленый халатъ, рукава котораго, связанные вмѣстѣ на концахъ, волочатся позади. Цѣль этого мрачнаго одѣянія состоитъ въ томъ, что женщина желаетъ избѣжать постороннихъ наблюденій. Но сами женщины весьма любопытны, и случайно въ переулкѣ иной способенъ подсмотрѣть ихъ въ ту самую минуту, когда онѣ не успѣваютъ спустить свой вуаль. Взоръ гяура или кафира не считается столь вреднымъ для нихъ, какъ взоръ мусульманина.

Въ городахъ при туземномъ управленіи за нравственностью женщинъ строго смотрѣли магометанскія власти, но въ Ташкентѣ и другихъ городахъ, принадлежащихъ теперь Россіи, число женщинъ распущеннаго характера и нравовъ расплодилось очень много, такъ какъ многія туземныя женщины предпочитаютъ жить вольною жизнью, чѣмъ съ нелюбимымъ мужемъ, и ищутъ развода до такой степени, что идутъ въ русскіе госпитали для освидѣтельствованія врачами, что́, разумѣется, не нравится мужьямъ, и разводъ становится возможнымъ и легкимъ. Такія женщины всегда ходятъ безъ вуалей, постоянно гуляютъ на улицахъ, ѣздятъ въ экипажахъ на пикники и въ разныя мѣста для удовольствія. «Это очень жаль,—говоритъ Скайлеръ,—что сниманіе вуалей женщинами началось съ такого класса, потому что теперь никакая уважаемая женщина не осмѣлится идти безъ вуаля, и даже еврейскія и татарскія женщины стали ходить съ вуалями, чтобы предохранить себя отъ непріятныхъ замѣчаній, когда онѣ ходятъ по улицамъ.»

Главное турецкое кушанье—*пилавъ*, состоящее изъ риса и баранины. Приготовленіе его весьма простое: извѣстное количество бараньяго сала или жира растоплено въ горшкѣ, потомъ бара-

дина разрѣзается на куски, кладется въ горшокъ и жарится въ немъ; когда говядина выварена такимъ образомъ, тогда въ нее кладутъ рисъ, предварительно хорошо вымытый и очищенный, и все это подвергается общему варенію, причемъ подмѣшиваютъ туда мелкую изрубленную морковь, и, наконецъ, все вываливается на обширное глиняное блюдо, а куски мяса и кости распредѣляются артистически на верхушкѣ всего. Кто-нибудь изъ обѣдающихъ беретъ тогда изъ-за своего пояса ножъ и рѣжетъ мясо на болѣе мелкія части, чтобы ихъ распредѣлить на всѣ стороны риса, для удобства всѣхъ гостей. Каждый ѣстъ правою рукою (а лѣвая употребляется только для низкихъ службъ), беря рисъ пальцами, сжимая его въ ладони ручной кисти и искусно отправляя его въ ротъ. Если это большой праздникъ, то въ пилавъ вставляютъ, вмѣсто баранины, вареныхъ цыплятъ, а также изюмъ, фисташковые орѣхи. Обыкновенный пилавъ, съ обиліемъ соли и перца, пріятенъ, но слишкомъ жиренъ и безвкусенъ, чтобы долго нравиться европейскому нёбу... Другія туземныя кушанья: *кавардакъ*, составленный изъ рубленной баранины, изъ остатковъ ея, изжаренной съ саломъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ;—*кавапъ* дѣлается изъ небольшихъ кусковъ мяса, жаренаго на вертелѣ, и рубленой баранины съ морковью. Баранина въ Средней-Азіи замѣняетъ всѣ роды говядины; конину ѣдятъ почти исключительно одни татары; Скайлеръ ее не ѣлъ, и кого онъ ни спрашивалъ въ Туркестанѣ, всѣ говорили, что у нихъ лошадей не ѣдятъ. Разъ, проѣзжая по одной киргизской деревенькѣ, онъ видѣлъ, что жители рѣзали лошадиное мясо, повидимому, для ѣды, и ему говорили, что лошадиныя сосиски и жареный молодой жеребенокъ почитаются въ Коканѣ весьма вкуснымъ кушаньемъ. Хлѣбъ всегда пшеничный и дѣлается круглымъ и небольшимъ; иногда онъ большой, но тонкій какъ вафля, и когда свѣжъ, — очень хорошъ.

Для питья нѣтъ ничего, кромѣ воды и зеленаго чаю. Туземцы всегда говорятъ, когда съѣдятъ пилавъ, что послѣ него слѣдуетъ напиться воды, такъ какъ рисъ растетъ въ водѣ и варится въ кипяткѣ. Черный чай явился въ Среднюю-Азію вмѣстѣ съ русскими, но туземцы продолжаютъ пить зеленый. Его пьютъ весь день, и онъ оказывается превосходнымъ средствомъ въ жаркій день, потому что, вызывая испарину, охлаждаетъ тѣло и не приносятъ никакого вреда нервной системѣ. Любимый напитокъ, особенно утромъ, — ширинъ-чай, зеленый чай съ густыми сливками или съ растопленнымъ саломъ. Коранъ запрещаетъ употребленіе винъ и другихъ крѣпкихъ напитковъ, но, несмотря

на это, въ настоящее время туземцы, за исключеніемъ людей, придерживающихся строгихъ принциповъ, рѣдко отказываются отъ стакана вина, когда имъ предлагаетъ русскій, евреи же всегда пили грубыя красныя вина. Странно, однако, что при всемъ разнообразіи фруктовъ, которыми такъ изобилуютъ эти страны, туземцы не изобрѣли никакого прохлаждающаго питья, которое не заключало бы въ себѣ чего-нибудь неопьяняющаго. Одинъ напитокъ, изъ зерна и называемый *бузою*, весьма опьяняющаго свойства и употребляется въ огромномъ количествѣ среди киргизовъ... Въ Средней-Азіи курятъ и табакъ и опіумъ; употребленіе кальяна тоже въ большомъ ходу среди туземной аристократіи и купцовъ. Пить бузу было запрещено русскимъ солдатамъ.

Всѣ удовольствія у мусульманскаго общества въ туркестанскихъ владѣніяхъ заключаются въ конскихъ скачкахъ, въ охотахъ на звѣрей и птицъ. На большихъ празднествахъ, гдѣ иногда происходятъ танцы, нѣтъ никакого другого наслажденія, и люди проводятъ свои дни только въ спячкѣ и въ разговорахъ. А что дѣлаютъ дѣти? — спросилъ Скайлеръ своего туземнаго знакомаго муллу Хаиръ-уллаха. «Наша религія — отвѣчалъ онъ, — запрещаетъ дѣтямъ играть въ игрушки. Ихъ наука должны быть направлена къ религіи и войнѣ, и по этой причинѣ имъ позволяютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ луковъ, изъ ружья и даже изъ пушки, и больше ничего». Такой способъ обученія напомнилъ Скайлеру тѣхъ персовъ, о которыхъ говорилъ греческій историкъ и воинъ Ксенофонтъ: онъ разсказывалъ, что персидскіе мальчики учились верховой ѣздѣ, стрѣлять изъ лука и говорить истину, но, къ сожалѣнію, послѣднее мало входило въ настоящую практику. Мулла также, повидимому, оказался не совсѣмъ справедливымъ, такъ какъ въ городахъ, гдѣ стоятъ русскія войска: въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и въ другихъ,—тамъ коканскіе и бухарскіе мальчики научились играть даже въ бабки, а дѣвочки — въ куклы и въ мячикъ; взрослые познакомились съ картежными играми и игорными домами.

Средне-азіатскіе народы — хорошіе стрѣлки, но, къ сожалѣнію, у нихъ все старыя ружья; съ древнихъ временъ осталась и соколиная охота. Большая часть ружей имѣютъ замокъ съ фитилемъ: это очень длинное и тяжелое ружье, стволъ очень длинный и узкій, и заряжать его приходится очень долго. Одинъ изъ бековъ, Юра-бекъ, съ которымъ былъ знакомъ Скайлеръ, стрѣлялъ превосходно. Разъ, онъ взялъ именно ружье съ фитилемъ, — Юра-бекъ стоялъ у портика, и упершись при-

кладомъ въ колонку, выстрѣлилъ въ воробья, сидѣвшаго на верхушкѣ большого дерева: у воробья отлетѣла голова. Юра-бекъ отлично стрѣлялъ изъ духового ружья, и Скайлеръ въ первый разъ узналъ, что такія ружья есть вещь весьма обыкновенная въ небольшой горной долинѣ Шарисабсъ, гдѣ правилъ, въ 1870 году, Юра-бекъ, одинъ изъ лучшихъ людей среди азіатской аристократіи, и, что̀ еще важнѣе, одинъ изъ честнѣйшихъ. Это духовое ружье—длинная трубка камыша, въ которую вкладываютъ небольшую пулю въ одинъ конецъ и изгоняютъ сильнымъ вдыханіемъ.

Лошади въ центральной Азіи принадлежатъ къ тремъ породамъ: киргизской, аргамакской и туркменской. Киргизская лошадь—это небольшое животное, но за то она неутомима во всякихъ продолжительныхъ походахъ и переѣздахъ; она одинаково терпѣлива и зимою, и лѣтомъ. Аргамакская лошадь—смѣшанной породы; лучшія изъ нихъ находятся въ Бухарѣ. Животное не особенно большое, но легкое по своему устройству; на короткомъ пространствѣ эти лошади бѣгутъ очень быстро, онѣ пригоднѣе для гонокъ, чѣмъ для настоящаго дѣла. Есть еще одна порода: смѣсь киргизской съ аргамакской—*кара-баиръ:* она и хорошо и быстро бѣгаетъ, но можетъ и хорошо работать. Туркменскія лошади—это лошади арабскія, самыя лучшія изъ всѣхъ, онѣ не уступятъ никакимъ лошадямъ ни въ неутомимости, ни въ усталости, ни въ быстротѣ бѣга. Туркмены дорожатъ своими лошадями и никогда не продаютъ ихъ.

Важнѣйшія стороны нравственной и религіозной мусульманской жизни представляютъ обрѣзаніе, бракъ, смерть и похороны, образованіе дѣтей, суды, религіозные обряды.

Начнемъ съ самаго рожденія ребенка. Если родился мальчикъ, акушерка не извѣщаетъ матери о полѣ родившагося, пока не выйдетъ дѣтское мѣсто; этого требуетъ преданіе, будто отъ радости рожденія сына—матери будетъ трудно выдержать послѣднія боли. Отецъ можетъ присутствовать во все время совершенія родовъ. Затѣмъ, акушерка поздравляетъ родителей и получаетъ подарки. Въ продолженіи первыхъ пяти дней на ребенка не надѣваютъ рубашки. На девятый день мать матери ребенка приноситъ колыбель, со всѣми ея принадлежностями, къ числу которыхъ принадлежитъ и ячмень. Ребенка кладутъ въ колыбель на 9-й день, и вмѣстѣ съ тѣмъ при немъ ставится постоянно горящая свѣча, чтобы сохранить отъ дурного глаза. Въ тотъ же самый день мать встаетъ съ постели, и для нея дѣлается по этому случаю большой праздникъ, соотвѣтственно со средствами семьи.

Чтобы дитя не подвергнуть злымъ вліяніямъ, его не выносятъ на улицу ранѣе сорокового дня. Когда у ребенка срѣзаютъ въ первый разъ волосы, ихъ вовѣшиваютъ на мѣру золота или серебра и раздаютъ деньги бѣднымъ. Въ Ташкентѣ и вообще въ центральной Азіи, мальчики подвергаются обрѣзанію отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ; эту операцію можно сдѣлать и прежде, но иногда этому мѣшаетъ бѣдность. Праздникъ обрѣзанія обходится весьма дорого, такъ какъ на такую церемонію приглашаются всѣ друзья семьи, и вотъ почему праздникъ этотъ дѣлаютъ нѣсколько семействъ вмѣстѣ, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ. Друзья мальчика собираются въ процессію, и вооружившись бумажными щитами, киверами и деревянными саблями, одѣваютъ маски изъ дынныхъ коровъ. Наиболѣе сильный изъ мальчиковъ несетъ на своей спинѣ обрѣзаннаго, находящагося уже въ совершенно безчувственномъ состояніи отъ данныхъ ему наркотическихъ средствъ. Когда всѣ гости соберутся, — начинается банкетъ, съ пилавомъ и всякими возможными угощеніями, а иногда это бываетъ цѣлый жареный баранъ. Являются національные комедіанты и представляютъ разные фарсы и фокусы на потѣху мальчишекъ; ихъ награждаютъ деньгами и платками. Въ продолженіи всего этого праздника мальчикъ находится въ женскомъ отдѣленіи и одѣтъ въ женское платье, и когда, наконецъ, настаетъ операція, его приносятъ изъ женской комнаты къ мужчинамъ, гдѣ уже приготовлена постель изъ лучшаго бѣлья; около кровати паціента сидятъ кругомъ всѣ самые важные гости... Операція дѣлается острою бритвою, и на рану сейчасъ же послѣ операціи кладутъ порохъ или тонкій деревянный пепелъ: заживленіе ея происходитъ на 2-й или 3-й день. Крики мальчика заглушаются криками: «Эй, мусульманъ, бульгаръ кафиръ» (Будь мусульманиномъ, пропади невѣрный!) Съ этого дня онъ членъ ислама, и только величайшіе грѣхи могутъ ему препятствовать не войти въ рай блаженныхъ.

Дѣвочки въ азіатскихъ странахъ выходятъ замужъ съ 11—15 лѣтъ; по строгому закону, дѣвушка можетъ выдти замужъ даже 9-ти лѣтъ, но это не вездѣ. Въ средне-азіатскихъ странахъ женщины развиваются очень рано: въ 25 или 30 лѣтъ она уже стара и некрасива. Если кто хочетъ жениться, онъ долженъ внести *калымъ*—это или деньги, или какое-нибудь имущество, которое женихъ приноситъ въ даръ своей женѣ для ея обезпеченія. Прежнее мнѣніе, что калымъ отдается отцу какъ выкупъ — мнѣніе невѣрное. Послѣ брака, этотъ калымъ дѣлается собственностью жены, и она можетъ имъ воспользоваться, если

найдетъ нужнымъ развестись съ мужемъ и выдти за другого. Въ Ташкентѣ вошло въ обычай, — если молодой человѣкъ дастъ торжественное обѣщаніе, что онъ имѣетъ полное желаніе жениться на дѣвушкѣ, то онъ можетъ во всякомъ случаѣ видѣть ее безъ вуаля, и это есть не одно любопытство. Въ другихъ мѣстахъ осмотръ поручается желающимъ жениться своему другу прежде брака; этотъ другъ долженъ тщательно посмотрѣть и разспросить, какая у нея наружность и какіе у нея нравы, какъ будущей жены... Когда получается согласіе съ обѣихъ сторонъ относительно калыма, тогда женихъ долженъ прислать извѣстную сумму денегъ или всѣ тѣ обязательства, какія сопряжены съ заключеніемъ калыма, и представить, сверхъ того, все, что требуетъ брачный обрядъ, и свадебные подарки. Правда, что бракъ можетъ состояться и прежде уплаты калыма, но вмѣстѣ съ тѣмъ жена можетъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ мужемъ, пока калымъ не заплаченъ. Если же, послѣ заключенія брачныхъ условій, мужъ хочетъ отказаться отъ контракта, то онъ обязанъ заплатить женѣ половину суммы, назначенной по калыму. Для опредѣленія цифры свадебныхъ подарковъ, получаемыхъ невѣстою, играетъ роль число девять, какъ число священное: девятью девять самое большое число. Это значитъ, что каждаго предмета, необходимаго для свадебнаго контракта, должно быть по девяти. Число девять употребляется и для другихъ подарковъ: подарки гостямъ и подарки въ обмѣнъ за гостепріимство. Послѣ полученія свадебныхъ подарковъ назначается день брака. Невѣста тогда даетъ праздникъ своимъ друзьямъ, а женихъ — своимъ товарищамъ, каждый изъ нихъ въ своемъ домѣ. Въ день свадьбы, большой праздникъ устраивается въ домѣ семьи невѣсты, и всѣ друзья и родственники съ обѣихъ сторонъ получаютъ приглашеніе въ домъ невѣсты: женщины въ одномъ дворѣ, а мужчины въ другомъ. Мулла приглашается изъ мѣстной мечети. Невѣста и женихъ не присутствуютъ при настоящей брачной церемоніи, которая совершается за нихъ ихъ свидѣтелями, исключительно изъ числа мужскихъ родственниковъ. Свидѣтели со стороны невѣсты — ея отецъ или дядя, или кто-нибудь изъ той же фамиліи; а если этого нѣтъ, то лицо, рекомендуемое въ свидѣтели, признается настоящимъ лишь брачнымъ судьею. Если невѣста невольница, то ея хозяинъ можетъ быть такимъ свидѣтелемъ. Мулла, находящійся въ одной комнатѣ съ свидѣтелями, спрашиваетъ ихъ: «Особы, которыхъ вы представляете, соглашаются ли жениться между собою? Калымъ и приданое правильно ли выданы?» Получивъ утвердительные отвѣты, онъ читаетъ сперва

молитву въ честь пророка и его послѣдователей, потомъ брачный контрактъ и затѣмъ повторяетъ молитву, которая стоитъ на первомъ мѣстѣ контракта: «Хвалимъ Господа, который дозволилъ бракъ и запретилъ всѣ прелюбодѣйныя преступленія; пусть всѣ небесныя и земныя существованія хвалятъ Магоммеда и его чистое и честное прошлое». Затѣмъ, онъ произноситъ слова: «Я совершилъ бракъ между мужчиною и женщиною, женщиною и мужчиною, согласно съ властью, которая дала мнѣ ихъ свидѣтелями, и согласно съ условіями, постановленными въ этомъ контрактѣ». Затѣмъ, мулла и свидѣтели ставятъ свои печати подъ контрактомъ, просятъ помощи Божіей и читаютъ Zatha, первую главу Корана... По окончаніи праздника брака дѣлаютъ приношенія въ мечеть и милостыню бѣднымъ людямъ.

Въ Персіи и нѣкоторыхъ другихъ мусульманскихъ государствахъ допускается бракъ временной, но въ центральной Азіи этого не позволяютъ. Есть брачныя постановленія, запрещающія бракъ кровнымъ родственникамъ. Мужъ не можетъ жениться на родственникахъ жены ни въ восходящей линіи, ни въ нисходящей; точно также сынъ не можетъ жениться на одной изъ женъ своего отца, какъ и отецъ на женѣ сына; не позволяется жениться на двухъ сестрахъ въ одно и то же время: первая должна быть разведена прежде, и только потомъ можно сдѣлать предложеніе другой; но если будетъ пріобрѣтено согласіе со стороны жены, то мужъ можетъ жениться на племянницѣ своей жены.

По мусульманскому закону, каждому мужчинѣ позволяется имѣть четыре жены въ одно время, но имѣть больше нельзя безъ развода съ одной изъ прежнихъ. Богатые люди имѣютъ массу любовницъ, но женами законными онѣ не считаются... Жена обязана повиноваться мужу во всемъ и избѣгать всего, что непріятно ему; безъ его согласія она не можетъ дѣлать никакихъ договоровъ. Она имѣетъ, однако, право на пищу, на одежду, на квартиру и на содержаніе слугъ, а также на деньги для расходовъ, какіе требуются ея положеніемъ въ обществѣ: на бани, на пріемъ разныхъ посѣтителей и для пріема своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Если мужъ не исполняетъ этихъ требованій, жена имѣетъ право обращаться къ суду, къ кадіямъ; этотъ судъ можетъ позволить женѣ дѣлать долги на счетъ слишкомъ разсчетливаго мужа, онъ можетъ также продать имущество мужа, чтобы удовлетворить жену въ справедливыхъ требованіяхъ денегъ, которыя судъ находитъ для нея необходимыми. Она обязана также сохранять свою красоту, насколько она можетъ, и должна нравиться мужу; судъ можетъ найти и въ этомъ требованіи жены

ея право на полученіе денегъ. Кромѣ жены, мужъ обязанъ содержать своихъ дѣтей и даже своего отца и дядей, если они не могутъ содержать сами себя. Бракъ можетъ быть разрушенъ, если одна изъ сторонъ измѣнитъ магометанской религіи, или если мужъ будетъ въ отсутствіи извѣстное время, оставляя жену безъ всякихъ извѣстій о себѣ, или если мужъ сойдетъ съ ума или заболѣетъ заразительною болѣзнію... Мужъ всегда имѣетъ право развестись съ своею женою, не приводя никакихъ причинъ. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ возвратить своей женѣ всю ей принадлежащую собственность, а также и ту часть калыма или весь калымъ, если онъ его еще не отдалъ. Какъ бы то ни было, такой разводъ долженъ быть произведенъ при свидѣтеляхъ и съ соблюденіемъ извѣстной формы. Мужъ можетъ также дать разводъ женѣ по ея собственному желанію, и онъ долженъ такъ поступить, если она ему скажетъ, что хочетъ выдти замужъ за другого человѣка, который лучше его. Но если мужъ запретитъ женѣ требовать развода по ея собственному желанію, а она окажется способною дать достаточную причину, почему этотъ разводъ долженъ быть, то кадій заставитъ мужа дать женѣ разводъ. Въ случаѣ ея прелюбодѣянія, мужъ не только даетъ ей разводъ, а и проклинаетъ ее; въ этомъ случаѣ она теряетъ право выдти замужъ вторично, хотя мужъ можетъ вновь жениться на ней, давъ ей одинъ и два развода, но никогда послѣ третьяго развода. Есть нѣкоторыя выраженія пренебреженія, употребляемыя мужемъ противъ жены, которыя даютъ ей право требовать развода и позволяютъ ей предупреждать его отъ всякаго доступа къ ней, если онъ не купитъ этого права посредствомъ дара, который называется *кеффоретъ*, и посредствомъ чтенія извѣстныхъ молитвъ.

Положеніе женщины, на которую ея мужъ смотритъ какъ на орудіе своихъ наслажденій или какъ на послушную служанку для управленія его домомъ, не можетъ быть пріятнымъ, когда она можетъ быть отпущена по какой-нибудь прихоти мужа или его желанію замѣнить ее другою. Однако, если она личность съ способностями или даже кокетка, то можетъ пріобрѣсть надъ мужемъ такое вліяніе, что онъ будетъ у нея въ полномъ контролѣ, точно также, какъ это устраиваютъ жены съ своими мужьями и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ. Какъ жена, она имѣетъ привилегію посѣщать своихъ друзей, — какъ женщина, она естественно способна собирать сплетни и скандалы, и посредствомъ своихъ исторій и бесѣдъ можетъ заставить своего мужа проводить гораздо болѣе пріятныхъ часовъ въ ея обществѣ, чѣмъ онъ проводитъ въ чужомъ дворѣ. Кромѣ этого, она можетъ

черезъ своего мужа пріобрѣсть вліяніе надъ многими людьми, и такимъ образомъ вмѣшиваться въ дѣла различнаго рода; а если мужъ будетъ помѣщенъ на высокое мѣсто, она можетъ имѣть тогда даже большое вліяніе на политику страны. Бываютъ женщины такія способныя, что ихъ мужья совѣтуются съ ними почти о всѣхъ предметахъ; но это по бо̀льшей части женщины исключительныя. Изслѣдовать такіе факты трудно, такъ какъ совершенно противно мусульманскому этикету—говорить другому о своей женѣ, хотя бы они находились въ крайне близкихъ отношеніяхъ. Жены рѣдко живутъ въ хорошемъ отношеніи одна къ другой, не столько отъ ревности—такъ какъ въ такихъ дѣлахъ ревность или любовь не развиваются сильно—сколько отъ зависти къ привилегіямъ, которыми другая наслаждается, а также къ подаркамъ, которые она получаетъ. Каждый мужъ пытается насколько возможно удерживать своихъ женъ въ отдѣльности. Жены называютъ другъ друга особымъ выраженіемъ: (кюн-дамъ) дневная сотоварка или компаньонка.

Магометанское воспитаніе въ центральной Азіи 'строго-религіозное. Все оно находится въ рукахъ духовенства; учительское сословіе, которое не занимается церковными дѣлами, считаетъ себя ученымъ сословіемъ, но въ дѣйствительности ихъ самихъ учили только религіи и церковному праву. Кромѣ этого, ихъ не учатъ ничему. Всѣ школы двухъ родовъ: первоначальныя школы (мактабъ), по одной въ каждомъ приходѣ, подчиненномъ мечети; коллегія (медрессé), гдѣ проходятъ высшую религію и юридическія науки,—такихъ коллегій 17 въ Ташкентѣ, шесть изъ нихъ большія и процвѣтающія. Изъ этихъ коллегій Куколъ-Таша основана 450 лѣтъ тому назадъ. Коллегія Баракъ-хана основана 320 лѣтъ тому назадъ и имѣетъ 100 студентовъ; эта коллегія однажды была почти разрушена, но Канаятъ-шахъ, одинъ изъ ґенераловъ Малла-хана, завѣщалъ ей огромную собственность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіи всей своей жизни. Коллегія Бекларъ-бека, построенная 40 лѣтъ тому назадъ, одна изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ; въ ея владѣніи состоятъ многія лавки и дома, кромѣ мельницъ и земель, и содержитъ 200 студентовъ... Учители мактабовъ получаютъ добровольныхъ взносовъ отъ родителей ученика по 20 и 40 копѣекъ въ годъ, и спеціальный даръ или платье передъ праздниками, бывающими два раза въ году, передъ Рураэшъ и Курбанъ-эшъ. Кромѣ того, они получаютъ по фунту хлѣба или какой-нибудь подарокъ въ каждый четвергъ... Въ медрессахъ ученики не платятъ ничего, но они, какъ и ихъ профессора, поддерживаются изъ *вакуфа*, то-есть изъ земель и соб-

ственности для религіозныхъ цѣлей. Разныя пожертвованія въ пользу мечетей и коллегій признавались въ продолженіи многихъ столѣтій дѣломъ благочестія и благотворительности; многіе посвящали свои капиталы въ продолженіи всей своей жизни на такія добрыя дѣла. И то же самое происходитъ и теперь, и будетъ происходить въ будущемъ, если не измѣнятся умственныя воззрѣнія азіатскихъ народовъ, и если воспитаніе магометанскихъ дѣтей не приметъ другого направленія.

Теперь мальчики начинаютъ учиться въ первоначальныхъ школахъ на 5—6-лѣтнемъ возрастѣ, и курсъ ихъ ученія продолжается семь лѣтъ. Они начинаютъ съ азбуки, за которою слѣдуютъ нѣкоторыя части корана, затѣмъ они изучаютъ 6—7 книгъ, эти книги ихъ заставляютъ читать и списывать. Еще позже имъ даютъ читать разныя книги на персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Первыя немногія книги они читаютъ громко всѣ въ одно время и учатся писать обыкновенными индійскими чернилами на деревянныхъ дощечкахъ въ видѣ лопаточекъ. Учитель, съ громадными очками на носу, сидитъ на одной сторонѣ, а возлѣ него лежитъ пачка книгъ,—вокругъ его сидятъ на колѣняхъ мальчики, согнувшись надъ книгами, лежащими передъ ними на полу. Изъ всѣхъ книгъ, которыя они читаютъ, только одна или двѣ доступны ихъ пониманію. Ученіе начинается при восходѣ солнца и продолжается до пяти часовъ съ короткими перемѣнами для отдыха и для ѣды. Праздниковъ очень мало. Когда ученикъ начинаетъ читать коранъ, его отецъ долженъ подарить учителю платье. Окончивъ курсъ первоначальной школы, онъ переходитъ въ коллегію, гдѣ его обучаютъ церковному закону. Курсъ коллегіи дѣлится на три класса: тамъ изучается не менѣе 26 книгъ, хотя это число можетъ быть увеличено до 137; а продолжается 15 лѣтъ. Но только очень немногіе кончаютъ весь курсъ:—такіе ученые удостоиваются должностей имамовъ, приходскихъ муллъ, учителей школъ, муфтій и секретарей кадіевъ, то-есть судей. Доходы коллегіи довѣряются *мутеваламъ*, директорамъ высшей школы, которыя платятъ назначенное профессорамъ и воспитанникамъ и разнымъ слугамъ коллегіи.

Воспитанники коллегіи обыкновенно приготовляютъ свои уроки или дома, или въ зданіяхъ медрессе. Скайлеръ присутствовалъ нѣсколько разъ на лекціяхъ профессоровъ (мударисъ) и на экзаменахъ воспитанниковъ. Профессоръ обыкновенно читаетъ изъ книги текстъ и потомъ комментируетъ его, а его слушатели разрѣшаются время отъ времени восклицаніями: ахъ, охъ! и киваютъ головою. Потомъ они дѣлаютъ свои замѣчанія и спорятъ между

собою, причемъ профессоръ тоже выражаетъ свое одобреніе тѣми же звуками. Посторонніе слушатели тоже могутъ принимать участіе въ этихъ спорахъ. Скайлеръ слышалъ двухъ муфтій, которые были такими зрителями, какъ и онъ. Споръ дошелъ до большого вдохновенія, а вопросъ, подлежавшій разрѣшенію, былъ законъ о разводѣ. Когда воспитанники прекращаютъ свои споры, профессоръ формулируетъ истинную доктрину и переходитъ къ другому тексту книги. Такой методъ преподаванія имѣетъ свои преимущества, хотя продолжительныя пренія иногда о пустякахъ отнимаютъ много времени у студентовъ, и этимъ объясняется, что курсъ дѣлается такимъ продолжительнымъ. Кромѣ обыкновенныхъ медрессé, есть спеціальныя: въ одномъ учатъ исключительно однимъ молитвамъ: Саліаватъ-Кана; въ другомъ изучаютъ изустно коранъ для поприща судьи: Карикъ-Кана; въ третьемъ: Маснави-Кана,—изучаютъ труды поэта Маснави.

Дѣвочки тоже учатся читать и писать, и для нихъ есть еще курсы трехъ- и четырехлѣтніе. Ихъ учатъ также шитью.

Юридическія учрежденія въ Средней Азіи двоякаго рода: 1) для осѣдлаго населенія, для городскихъ и сельскихъ людей — кади, которые судятъ на основаніи писанныхъ законовъ, по шаріату, основанному на ученіяхъ корана и введенному въ турецкія племена центральной Азіи вмѣстѣ съ магометанскою вѣрою; 2) для кочевыхъ племенъ служатъ судьями «біе», которые судятъ на основаніи неписанныхъ преданій и обычаевъ — *адатъ*. Хотя эти преданія не написаны и не формулированы, но они извѣстны всѣмъ, какъ частое произведеніе національной жизни, безъ всякой примѣси иностраннаго вліянія, и во многихъ отношеніяхъ стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ ученіями мусульманскаго законодательства. Самою характеристичною чертою этого обычнаго права является то, что оно не отличаетъ гражданскихъ преступленій отъ уголовныхъ, оно относится ко всѣмъ преступленіямъ какъ къ простымъ отношеніямъ между собою,—его наказанія имѣютъ цѣлью удовлетвореніе обиженной стороны. Бій, это—посредникъ, свѣдущій человѣкъ въ обычаяхъ своего народа, онъ не стѣсненъ въ приговорахъ никакими формальностями. Судъ происходитъ устно, никакихъ отчетовъ не записываютъ, и рѣшенія дѣлаются безапелляціонно. Біи, до 1869 года, до введенія среди русскихъ киргизовъ выборныхъ судей, не были постоянными судьями, но избирались на каждый случай; въ бóльшей части случаевъ разъ избранный человѣкъ, оказавшійся справедливымъ и честнымъ во мнѣніи мѣстнаго населенія, судилъ до тѣхъ поръ, пока его терпѣли. Иногда киргизы отдаютъ свой споръ первому пришед-

шему во время спора. Скайлеру разсказывали объ одномъ русскомъ казакѣ, приходившемъ ежегодно ловить рыбу въ озерѣ Иссыкъ-Куль. Познакомившись съ киргизами, онъ пріобрѣлъ у нихъ такую репутацію честнаго судьи, что они его признали своимъ біемъ и стали платить ему за его приговоры; многія дѣла оставались нерѣшенными, пока не приходилъ казакъ. Наши власти до послѣдняго времени не трогали учрежденія біевъ, и все шло хорошо. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ задались системою обрусенія, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ее нашли нужнымъ вносить и въ киргизскіе народы. И вотъ, у киргизовъ явились и волостныя правленія, и выборы волостныхъ старостъ, и аппеляціонный судъ въ видѣ волостного суда, но кончилось все это тѣмъ, что несчастные киргизы попали въ руки странствующихъ татарскихъ муллъ, которые умѣли читать и писать по-русски, и потому могли служить писарями и даже переводчиками между киргизами и русскими. Какъ всякое нововведеніе, оно, разумѣется, сначала пошло и криво, и косо, и смутило невѣжественныхъ киргизовъ: они отвѣчали сопротивленіемъ власти, но ихъ усмирили. Среднеазіатскіе узбеки въ своихъ земледѣльческихъ кланахъ отказались отъ шаріата и до сихъ поръ остаются при своемъ узбецкомъ *чилыкѣ*, особенно въ семейныхъ дѣлахъ. Точно также въ области Шарисабса мусульманскаго закона не было; тамъ управляли два бега: Юра и Баба, и они служили біями и не хотѣли платить дани бухарскому хану, эмиру Насруллаху, страшному фанатику мусульманства. Ханъ изгналъ беговъ и занявъ Шарисабсъ ввелъ своихъ чиновниковъ и кадіевъ съ шаріатомъ.

Кадіи назначаются ханами и бегами; каждый кадій судитъ отдѣльно, и всѣ, кто хочетъ судиться у кадія, выбираетъ себѣ того, кому онъ больше довѣряетъ. Въ большихъ селеніяхъ и городахъ есть кадій-каліанъ, предсѣдатель всѣхъ кадіевъ города или селенія. И въ этихъ судахъ все происходитъ устно, но приговоръ судьи и документальныя улики записываются въ особенныя книги *муфтіями*, секретарями кадіевъ, и припечатываются оффиціальными печатями кадія. Ссылки на такіе приговоры очень часто дѣлаются алыямасами, которые приставлены къ кадіямъ въ качествѣ совѣтниковъ. Область юридическихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію кадіевъ — гражданскія дѣла и мелкія уголовныя; крупныя уголовныя дѣла подлежатъ рѣшенію беговъ. Недовольные рѣшеніемъ обращаются съ аппеляціонною жалобою къ мѣстному бегу, который въ иныхъ случаяхъ оставляетъ эти жалобы безъ всякихъ послѣдствій, а случается и такъ, что онъ созываетъ всѣхъ кадіевъ

данной мѣстности для изслѣдованія дѣла. Въ сессію 1863 года въ Ташкентѣ президентомъ былъ кадій-каліанъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ ему подчиненныхъ;—въ большей части случаевъ всѣ кадіи считаютъ своимъ долгомъ, не только въ силу опытности и знаній главнаго кадія, но и по собственному желанію, быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Только смертныя и тяжкія наказанія посылаются на утвержденіе бега.

Когда русскіе заняли Ташкентъ и стали составлять правила для управленія городомъ, генералъ Черняевъ счелъ нужнымъ оставить туземные суды неприкосновенными. Ясно, что, имѣя дѣло съ мусульманами, отмѣнить мусульманскую юрисдикцію, напримѣръ, по такому важному дѣлу, какъ бракъ, едва ли возможно, не пренебрегая ихъ религіозными чувствами. Въ 1864 году, сэръ Джонъ Лоренсъ, пуританинъ по своимъ убѣжденіямъ, губернаторъ Остъ-Индіи, задумалъ уничтожить кадіевъ у мусульманскихъ подданныхъ; это произвело сильное неудовольствіе среди мусульманъ, и именно тѣмъ, что безъ кадіевъ всѣ брачныя дѣла пришли въ полное разстройство. Спустя три года, королева Викторія смѣнила губернатора Остъ-Индіи, послѣ огромнѣйшей полемики не только въ мусульманской остъ-индской прессѣ, но и въ англійской прессѣ, и въ англійскомъ парламентѣ. Распоряженіе губернатора, такимъ образомъ, осталось безъ всякихъ послѣдствій, и было потомъ совсѣмъ отмѣнено. Въ Россіи были другого рода примѣры на Кавказѣ и въ Крыму: тамъ кадіи были удержаны, но право аппеляціи на рѣшенія кадіевъ въ русскій судъ было распространено и на мусульманъ. Такимъ образомъ, важность суда кадіевъ постепенно уменьшалась въ глазахъ мусульманъ Кавказа и Крыма, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ семейныхъ и брачныхъ дѣлахъ кадіи остались въ полной силѣ. Въ Средней Азіи, со вступленіемъ въ должность военнаго генералъ-губернатора съ особенными полномочіями — фонъ-Кауфмана, должность кадія-каліана была уничтожена. Всѣ кадіи уравнены между собою, и туземные жители, живущіе въ округѣ каждаго кадія, обязаны судиться у него во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, не выше ста рублей, и въ уголовныхъ—меньшей степени; въ важныхъ же дѣлахъ уголовныхъ и въ гражданскихъ всѣ туземцы должны обращаться въ русскіе суды. Положено устраивать съѣзды всѣхъ кадіевъ въ каждомъ округѣ, и дано право аппелировать въ эти съѣзды на отдѣльныхъ кадіевъ обѣимъ сторонамъ,—и русскимъ, и туземцамъ; но, сверхъ того, можно обжаловать и приговоръ общаго съѣзда кадіевъ въ русскихъ судахъ. Отъ должности ка-

дія не требуется никакихъ особенныхъ юридическихъ качествъ, кромѣ хорошей репутаціи отъ мѣстныхъ жителей, 25-ти лѣтъ отъ роду,—и не быть ни обвиненнымъ, ни осужденнымъ ни въ какомъ судѣ. Со стороны правительства не полагается никакого жалованья, но дозволено избирателямъ, которые его выбираютъ, назначать ему жалованье, или позволять ему получать плату за наложеніе печатей.

Въ городѣ Ташкентѣ въ первое время русскаго господства и послѣ наступленія правленія генерала Кауфмана было четыре кадія, рѣшенія которыхъ были вообще одобрены, и въ русскіе суды поступило очень мало жалобъ; но послѣ второго выбора были уже случаи, что кадіевъ обвиняли въ вымогательствѣ взятокъ и несправедливости приговоровъ, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ удалили съ мѣстъ. Но въ одномъ случаѣ кадій оказался замѣшаннымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими чиновниками, въ спекуляціяхъ землею; пользуясь однако покровительствомъ чиновниковъ, онъ продолжалъ исполненіе суда надъ недовольными имъ избирателями, и это недовольство дошло до того, что избиратели грозили возстаніемъ: тогда только кадій былъ смѣненъ.

Когда судъ кадія происходитъ между мусульманами только, то въ ихъ показаніяхъ много значитъ клятва. Кадій никогда не подозрѣваетъ ни обмана, ни злости въ дѣйствіи обвиняемаго, пока дѣйствіе не доказано какимъ-нибудь фактомъ или свидѣтельствами другихъ. Если въ судѣ передъ кадіемъ защищающійся не допускаетъ справедливости въ жалобѣ жалующагося, онъ обязанъ или привесть свидѣтелей съ своей стороны, или принять присягу въ доказательство, что жалоба несправедлива. Если онъ приметъ присягу, — его освобождаютъ. Есть случаи, когда защищающійся имѣетъ право требовать къ присягѣ жалующагося, что онъ неправильно составилъ свою жалобу. Если тотъ присягнетъ, дѣло рѣшается въ его пользу. Если защищающійся безусловно требуетъ, чтобы его обвинитель принялъ присягу, а самъ отказывается принять ее, послѣ троекратнаго предложенія со стороны кадія, то дѣло рѣшается противъ него. Страхъ принять ложную присягу такъ великъ у мусульманъ въ ихъ общихъ сношеніяхъ между собою, что требованіе клятвы отъ кого-нибудь считается оскорбленіемъ, и часто обвинитель, хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что его требованіе справедливо, предпочтетъ потерять процессъ, чѣмъ уронить свое достоинство въ собственныхъ глазахъ и своихъ друзей произнесеніемъ клятвы въ защиту своей чести или жалобы. Скайлеръ, говоря о честности мусульманъ между собою, прихо-

дить къ такому заключенію: «надо отдать имъ справедливость, что они проявляютъ во всѣхъ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ огромное довѣріе и что судебныя тяжбы между ними далеко не такъ обыкновенны, какъ въ большинствѣ цивилизованныхъ націй».

Главный принципъ магометанской религіи, отличный отъ всѣхъ другихъ, это—безусловное единство Бога. Но въ коранѣ, кромѣ религіозныхъ доктринъ, повторяемыхъ во многихъ формахъ, есть еще рядъ правилъ относительно ежедневной жизни и дѣятельности, и даже для политическихъ отношеній. Эти правила, какъ мы видимъ изъ жизни магометанъ, постоянно напоминаютъ о разныхъ обрядахъ, и цѣлый день побуждаютъ мусульманина къ религіознымъ представленіямъ и наставленіямъ. Такимъ образомъ, долгъ каждаго мусульманина не только вѣрить въ ученіе ислама, но еще совершать всѣ внѣшнія обрядности, молитвы, посты, которые налагаются духовными учителями, и слушать молитвы въ мечети непремѣнно по пятницамъ. Какъ въ большинствѣ восточныхъ странъ, такъ и въ ранней христіанской церкви день считался отъ одного солнечнаго захожденія до другого. 300 мечетей въ Ташкентѣ были всегда наполнены въ четвергъ вечеромъ и въ пятницу утромъ, особенно для молитвы 11-го часа; послѣ нея остаются въ мечети лишь немногіе привычные ежедневные посѣтители ихъ, такъ какъ между мусульманами присутствовать ежедневно въ церкви считается дѣломъ похвальнымъ. Мечети — небольшія продолговатыя зданія, открытыя на улицу только съ одной стороны; передъ этимъ входомъ есть большой портикъ, стѣна котораго обращена во входъ по направленію къ Меккѣ, и по этому направленію стоитъ въ мечети *киблегъ*, въ подражаніе мекксвой *каабѣ* — жертвеннику. Внутренность мечети обыкновенно лишена всякаго украшенія,— иногда тамъ налѣплены грубыя литографіи или печатные листки, присылаемые, вѣроятно, изъ Индіи и представляющіе святыя зданія Мекки съ писаными описаніями и объясненіями. По временамъ на стѣну налѣпливаютъ изукрашенныя буквы извѣстныхъ текстовъ и сентенцій изъ корана. На землѣ каждой мечети есть свой прудъ для употребленія тѣхъ молельщиковъ, которые не имѣли случая совершить свои омовенія дома. Въ каждой мечети есть одинъ *имамъ* или приходскій священникъ, который говоритъ молитвы, и *сюфи*—нѣчто въ родѣ діаконовъ у христіанъ. Имамы получаютъ добровольныя приношенія отъ обывателей прихода во время рамазана, но сюфи только остатки отъ праздника и плащъ въ плату за умываніе мертвыхъ. Оставивъ свои башмаки у двери, мусульмане, молодые и старые, идутъ на свои мѣста и разсти-

лаютъ на полу принесенный ими коверъ, такъ какъ при молитвахъ молельщикъ долженъ стоять на совершенно чистой ткани, и, если можно, то на чемъ-нибудь принадлежащемъ ему самому. Когда моленіе началось, они не должны думать ни о чемъ другомъ и все свое вниманіе обратить на молитву. Тѣлодвиженія и молитвы въ центральной Азіи тѣ же самыя, которыя употребляются во всѣхъ суннитскихъ странахъ, съ нѣкоторыми слабыми измѣненіями въ положеніи рукъ или въ манерѣ поклона. Тутъ можно замѣтить — даже скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ — глубокое религіозное рвеніе, которое, повидимому, проникаетъ всѣхъ. Вошло въ обычай у молельщиковъ становиться на колѣни или просто стоять другъ подлѣ друга въ правильной линіи въ мечети или портикѣ, и они не позволятъ никому вводить какія-нибудь перемѣны въ такомъ священномъ мѣстѣ, какъ церковь. Это было бы нарушеніемъ принципа равенства, который постоянно руководитъ мусульманами въ ихъ жизни.

Скайлеръ припоминаетъ случай неравенства въ мечети, который причинилъ толки въ одномъ приходѣ въ Ташкентѣ, къ которому принадлежалъ Саидъ-Азимъ, весьма ловкій интриганъ въ торговыхъ дѣлахъ, выучившійся русскому языку на ярмаркахъ въ Троицкѣ и въ Оренбургѣ. Пріѣхавъ обратно въ Ташкентъ, онъ увидѣлъ, какъ нѣкоторые сарты и татары пріобрѣтали своимъ знаніемъ русскаго языка большой почетъ у русскихъ властей, въ качествѣ переводчиковъ и посредниковъ,—онъ сдѣлалъ то же, но только съ другими намѣреніями: посредствомъ вѣжливости и лести съ оффиціальными крупными людьми, онъ создалъ себѣ хорошее положеніе среди нихъ, и вообще сталъ держаться съ ними въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, дѣлая разныя услуги. Онъ постоянно жилъ въ долгахъ, но одѣвался богато и ѣздилъ верхомъ на великолѣпной лошади. Онъ вошелъ въ дѣло провіантскихъ контрактовъ и исполнялъ ихъ съ большою аккуратностью, хотя для этой цѣли онъ сильно задолжался. Такимъ образомъ, онъ скоро сталъ посредникомъ между туркестанскимъ правительствомъ и туземцами, которыхъ онъ обманывалъ и бралъ съ нихъ большія взятки по казеннымъ подрядамъ, угрожая постоянно своимъ вліяніемъ у русскихъ властей. Самъ Скайлеръ потерпѣлъ отъ него, такъ какъ, благодаря дружбѣ Саида-Азима съ вице-губернаторомъ Ташкента, праздникъ, который хотѣли сдѣлать сарты и молодой купецъ Азимъ-бей въ честь Скайлера, превратился въ простой обѣдъ. Когда мы вернулись съ хивинской экспедиціи, Саидъ-Азимъ задалъ такой пиръ, съ такими увеселеніями и танцами, которые сильно опозорили его въ общемъ

мнѣніи ташкентскихъ туземцевъ. Но ставъ въ отличное положеніе съ вліятельными русскими лицами, которыя конечно не особенно дорожатъ мусульманскими обычаями, Саидъ-Азимъ пожелалъ показать, что онъ и въ самой мечети можетъ проявить свою важность. Онъ видалъ, какъ у насъ знатные люди становятся на первомъ мѣстѣ, а потому, придя въ мечеть своего прихода, сталъ впереди всѣхъ. Имамъ сказалъ ему, что онъ не на своемъ мѣстѣ, но Саидъ-Азимъ все-таки продолжалъ стоять не въ одной линіи съ другими. Когда служба окончилась, имамъ выразилъ ему въ болѣе суровыхъ выраженіяхъ свое негодованіе и пригрозилъ ему, что онъ можетъ изгнать его изъ прихода. Всѣ прихожане приняли сторону имама, и съ того времени Саиду-Азиму не оставалось ничего, кромѣ подчиненія своему приходу—или не ходить въ мечеть.

Исламъ имѣетъ свои религіозные ордена, монастырскіе и немонастырскіе, которые, хотя подвержены менѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ монастырскія братства христіанской церкви, но больше по своему числу и выше по вліянію на народный умъ. Къ одному изъ такихъ различныхъ орденовъ принадлежатъ дуване или дервиши, которыхъ такъ часто видишь въ городахъ центральной Азіи. Въ Ташкентѣ они запрещены, какъ люди, опасные для общественнаго порядка,—ихъ проповѣди и возбужденія бываютъ часто мятежнаго характера, въ ихъ восторженныхъ изліяніяхъ высказываются иногда серьёзные призывы къ истребленію гяуровъ. Въ Ходжентѣ и Бухарѣ имъ свободнѣе. Въ монастырскихъ братствахъ (сулгукъ) есть лица всѣхъ состояній; они вѣрятъ въ мистическія начала своего ордена, какъ въ самый вѣрный путь къ спасенію. Такія братства существуютъ и въ Ташкентѣ; ихъ тамъ пять: Накшбанди, Хуфіа, Яхріá, Кодріé и Чистіа, — послѣднее, однако, имѣетъ всего болѣе приверженцевъ въ Ходжентѣ и Коканѣ. Трудно опредѣлить ихъ происхожденіе и время основанія, такъ какъ каждое изъ этихъ братствъ имѣетъ свою отдѣльную легендарную исторію, въ которую оно строго вѣритъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ своимъ покровителемъ своего святого. Накшбанди, напримѣръ, считаетъ своимъ покровителемъ Бага-Уддина, знаменитаго святого Бухары. Яхріá—Газрета-Ясави, прославившагося святостью; онъ похороненъ въ городѣ Туркестанѣ. Каждое братство имѣетъ свой методъ и пріемъ для достиженія вѣчнаго блаженства, для очищенія своей души и для достиженія вѣчнаго счастія. Братство Хуфіá вѣритъ, что его духовное очищеніе можетъ быть пріобрѣтено въ молчаніи, а Кодріé предпочитаетъ достиженіе вѣчнаго счастья посредствомъ

упражненій голоса и громкими криками. Накшбанди, по своимъ правиламъ, много отличается отъ другихъ,—тутъ всѣ живутъ какъ монахи. Братство Яхріа́ имѣетъ ежедневныя службы въ разныхъ мѣстахъ Ташкента: каждое воскресенье до утра понедѣльника въ мечети Ишанъ-Ходжа, а въ понедѣльникъ отъ восьми часовъ утра до двухъ часовъ послѣ полудня въ мечети Ходжа-Акраръ; —съ девяти часовъ вечера, въ четвергъ, до пяти или шести утра въ пятницу, служба происходитъ въ мечети Ишанъ-Сагибъ-Ходжа, вблизи базара Урда, гдѣ Скайлеръ смотрѣлъ ихъ церемоніи и записалъ слѣдующія сцены.

— Около десяти часовъ вечера, въ четвергъ, я, въ компаніи моихъ друзей, отправился въ эту мечеть, и насъ приняли безъ всякихъ вопросовъ. Здѣсь, въ Ташкентѣ, русскіе не имѣютъ никакихъ затрудненій входить въ каждую мечеть, и ихъ не просятъ снимать свои сапоги; вѣжливость туземцевъ къ русскимъ людямъ доходитъ до такой высокой степени, что они молчатъ и тогда, когда русскіе курятъ папиросы и сигары во время богослуженія въ мечети...

— Когда мы вошли, въ мечети стояли на колѣняхъ впереди *кiблеза* (человѣкъ тридцать), молодые и старые, читавшіе молитвы съ громкими криками и съ сильными движеніями тѣла, а вокругъ нихъ былъ кругъ въ два или въ три ряда, и тутъ дѣлали тѣ же движенія. Мы стали въ одномъ углу и наблюдали, что́ происходило передъ нами. Наибо́льшая часть этихъ исполнителей сняли съ себя свои плащи и чалмы, такъ какъ ночь была теплая, а движенія были сильныя. Они повторяли такія фразы: «Моя защита—это Богъ. Да будетъ прославленъ Аллахъ. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ ничего, кромѣ Бога. Мой свѣтъ, Могаммедъ, Богъ благослови его. Нѣтъ Бога, есть Аллахъ»... Эти фразы они пѣли на разные полумузыкальные мотивы низкимъ голосомъ, и сопровождали ихъ сильнымъ движеніемъ головы надъ лѣвымъ плечомъ къ сердцу, потомъ назадъ, потомъ къ правому плечу, и, наконецъ, внизъ, какъ-бы направляя всѣ движенія къ сердцу. Эти тексты были повторены сотни и сотни разъ, и такой кругъ обыкновенно продолжался часъ или два, хотя онъ зависитъ отъ воли ишана, который руководилъ всѣми исполнителями. Сперва движенія были медленныя, но постоянно увеличивались въ быстротѣ, такъ что исполнители становятся неспособными выдерживать долѣе. Если кто-нибудь изъ нихъ устанетъ до-нельзя или станетъ убавлять свои движенія, то ишанъ, управляющій этими движеніями, бьетъ такихъ по головѣ или выбрасываетъ вонъ изъ круга и замѣняетъ другими изъ второго или третьяго ряда.

Когда исполнитель падаетъ безъ чувствъ отъ усталости и постояннаго крика, то сейчасъ же являются другіе на его мѣсто. Когда ихъ голоса́ становятся совершенно хриплыми, и когда, наконецъ, они начинаютъ кричать: «живи, Аллахъ безсмертный» (Гей, гей, аллахъ, гей!), сперва медленно и съ наклоненіемъ тѣла къ землѣ, тогда ритмъ дѣлается все быстрѣе и въ кадансѣ тѣло становится все болѣе и болѣе вертикальнымъ, пока всѣ не станутъ прямо. Тогда движеніе и крики увеличиваются въ быстротѣ, и каждый исполнитель кладетъ свою руку на плечо сосѣда, образуя такимъ образомъ нѣсколько концентрическихъ круговъ, и они движутся въ массѣ съ одной стороны на другую по всей продолговатой мечети, прыгая кругомъ съ криками: «Гей, аллахъ, гей!» Съ этого времени вся эта сцена дѣлается чѣмъ-то дикимъ и ужаснымъ,—зрители нервные не могутъ переносить ее, и изъ моихъ друзей двое принуждены были уйти изъ мечети. Хотя я былъ достаточно равнодушенъ, и видѣлъ скорѣе смѣшную сторону въ этомъ кривляньи, чѣмъ ужасную, но я не могъ, однако, отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что эти братства были просто какіе-то умалишенные, чувства у которыхъ совершенно независимы отъ ихъ собственной воли. Наконецъ, они вполнѣ лишились своихъ чувствъ, и съ прежними криками бросились въ бѣшеный танецъ. Но когда исчезли всѣ ихъ физическія силы, они усѣлись вокругъ и погрузились въ молчаливое созерцаніе, а ишанъ читалъ молитву. Послѣ молитвы было патетическое чтеніе изъ поэта Гафиза о трогательномъ эпизодѣ въ жизни одного изъ святыхъ, но бываютъ и размышленія о смертности человѣка или объ огняхъ геенны. Переливы голоса были весьма замѣчательные и сопровождались часто очень странными жестами, — рука или книга прилагалась часто ко рту для того, чтобы выбрасывать голосъ, какъ можно дальше. Часто такія повѣствованія представляютъ собраніе словъ безъ всякаго значенія, но, несмотря на то, они производятъ на слушателей такое же впечатлѣніе, какъ и на исполнителей: и слушатели кричатъ тоже непонятныя слова: хи, хо, очь-очь, бо-ба! испускаютъ стоны и вздохи, плачутъ, бьютъ въ свою грудь кулаками и падаютъ на землю. Когда кончается одинъ гафизъ, начинается другой, и за нимъ слѣдуетъ другая молитва ишана, прерываемая отъ времени до времени то пѣснью братства: «Я гей я, Аллахъ»! или: «Аллахъ Окбаръ»! то жестами и ударами по лицу и бородѣ, а слова безмолвно повторяются про себя. Потомъ крики и движенія начинаются снова, за ними танцы, пока, наконецъ—и крики, и движенія, и танцы, все сливается въ одно, и каждый членъ общества пытается перекричать

голоса́ другихъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ новое утомленіе, и молчаніе опять воцаряется; такъ попеременно они то кричатъ, и поютъ, и танцуютъ, то молчатъ до утра. Если крики были самыми громкими и движенія самыми сильными, ишанъ остается совершенно довольнымъ и даже спрашиваетъ васъ, понравилось ли вамъ? Эту секту мусульманъ русскіе администраторы въ Ташкентѣ тоже хотѣли уничтожить, какъ самую фанатичную въ центральной Азіи...

Мусульманская религія въ центральной Азіи требовала, чтобы нарушеніе обрядностей религіи подвергалось строгимъ наказаніямъ; и въ Коканѣ, и въ Бухарѣ были прежде особые туземные чиновники, называемые рейсами, долгъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы они слѣдили за всѣми гражданами, которые, бывъ увлечены своими дѣлами, совершенно забывали о посѣщеніи мечетей. Такимъ рейсамъ дали право понуждать всѣхъ такихъ гражданъ присутствовать въ мечетяхъ, и рейсы эти поэтому могли даже выгонять людей изъ ихъ собственнаго дома, отнимать ихъ отъ работы и даже закрывать ихъ лавки. Когда русскіе заняли Ташкентъ, они уничтожили этихъ рейсовъ, какъ людей совершенно вредныхъ въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ мечети опустѣли, и, какъ говорятъ, теперь въ мечетяхъ нѣтъ и половины того числа молящихся прихожанъ, какое было прежде. Ежедневныя омовенія и молитвы исчезаютъ совершенно изъ употребленія у мусульманъ.

Г-ну Скайлеру кажется, что русскій оффиціальный людъ въ Туркестанѣ слишкомъ злоупотребляетъ словомъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ разнымъ явленіямъ магометанской религіи: въ каждомъ муллѣ и дервишѣ они видятъ какого-то страшнаго фанатика, готоваго всегда подстрекать туземцевъ къ избіенію гяуровъ, какъ потому, что въ нихъ проникъ духъ касты, такъ и потому, что они всегда готовы преслѣдовать собственный общій интересъ, какъ особеннаго сословія. Но развѣ не то же проявляется и въ христіанскихъ государствахъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ церкви исключительно, какъ отдѣльной корпораціи: тогда духовные готовы разрушить даже самое государство, еслибъ они могли. Папство, константинопольскій православный патріархатъ и мусульманство, всѣ они имѣютъ въ виду одинъ интересъ, и въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Съ ними, разумѣется, слѣдуетъ бороться, но только не насильственными средствами. И пусть себѣ будутъ фанатиками муллы и дервиши, нужно отдѣлять отъ нихъ народную массу, въ которой фанатизма никакого нѣтъ. Все остальное населеніе въ централь-

ной Азіи хотя и предано своей религіи, но фанатизмъ у него можетъ быть только мнимый, не имѣющій въ себѣ ничего реальнаго. Простой народъ и всѣ другія сословія преслѣдуютъ грѣхи въ другихъ, но своихъ не видятъ; каждый человѣкъ знаетъ свои слабости, но продолжаетъ предаваться имъ, лишь бы другіе ничего не видѣли, а сами всегда рады кого-нибудь уличить и наказать. Если мы не преслѣдуемъ магометанства въ Россіи, и назначаемъ общаго муфтія магометанства, имѣющаго свою резиденцію въ Уфѣ и принадлежащаго къ русскому дворянству по своему происхожденію, то съ какой стати преслѣдовать мусульманство въ Туркестанѣ; этого, разумѣется, нѣтъ въ Ташкентѣ, гдѣ самъ генералъ-губернаторъ Кауфманъ запретилъ миссіонерскую пропаганду среди туземцевъ. Во время холеры 1862 кадіи и важнѣйшіе изъ туземцевъ-жителей Ташкента обратились къ правительству съ просьбою о прекращеніи пляски мальчиковъ по улицамъ и разныхъ другихъ обычаевъ, несогласныхъ съ постановленіями религіи. Они желали также, чтобы русскія власти принудили ташкентскихъ мусульманъ идти въ мечети молиться о ниспосланіи милости Бога на ихъ страну. Разумѣется, русскія власти не согласились принуждать магометанъ; но музыку и пляску мальчиковъ они запретили, такъ какъ такія зрѣлища всегда собираютъ около себя огромную толпу зрителей, а большія собранія людей могутъ увеличить распространеніе такой эпидемической болѣзни, какъ холера. Такъ было объяснено рѣшеніе правительства.

Прежнія холеры были въ центральной Азіи одновременно съ Европою: въ 1832 и въ 1848—49 гг. Холера прежде всего зарождается въ Персіи, такъ какъ въ Персіи очень часто бываютъ большіе голода. Доктора въ центральной Азіи — софты; въ своемъ леченіи они придерживаются предписаній весьма распространенной въ азіатскихъ городахъ медицинской книги, которая называется «Тукпатулъ Муммнинъ». Эта книга поучаетъ, что всѣ люди принадлежатъ къ четыремъ темпераментамъ, и что леченіе болѣзни должно согласоваться съ этими темпераментами. Опредѣливъ вашъ темпераментъ и соединивъ его съ припадками вашей болѣзни, докторъ вынетъ изъ кармана или изъ шарфа, который служитъ ему поясомъ, свернутыя бумажки съ лекарствами, и даетъ принимать внутрь въ двухъ формахъ: въ порошкахъ и декоктахъ. Самъ докторъ всегда пробуетъ лекарство, чтобы паціентъ не опасался отравленія. Профессоръ Драгендорфъ, бывшій въ Туркестанѣ, нашелъ, что и въ центральной Азіи, какъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, существуютъ лекарства тѣхъ

арабовъ, которые завоевали центральную Азію въ VII вѣкѣ. Изъ 226 растительныхъ лекарствъ, которыя изслѣдовалъ докторъ Драгендорфъ, 210 были извѣстны современникамъ великаго арабскаго врача Эбнъ Баітара, и 172 изъ нихъ были открыты Діоскоридесомъ и Галеномъ. 12 лекарствъ получаются изъ Китая и 62 изъ Остъ-Индіи, 71 растетъ дико въ центральной Азіи или культивируется въ Ташкентѣ, 50 въ Самаркандѣ и Бухарѣ, и нѣсколько другихъ привозятъ изъ Хивы, Кокана и Афганистана, 7 изъ Персіи, 6 изъ Аравіи и Турціи, одно изъ Египта и 4 изъ Европы; эти послѣднія уже давно привозились русскими купцами и продавались имъ дешевле и лучшаго качества.

Когда умираетъ человѣкъ въ центральной Азіи, трупъ его вымываетъ женщина, называемая *киранда;* всѣ заботы о трупѣ возлагаются на нее, и она же оплакиваетъ покойнаго во время похоронной церемоніи. Хоронятъ какъ можно скорѣе, обыкновенно въ тотъ же самый день. Послѣ омыванія его одѣваютъ, покрываютъ саваномъ, кладутъ трупъ въ наклонномъ положеніи, съ руками прямо вытянутыми по обоимъ бокамъ тѣла, и связываютъ его кругами длиннымъ бандажемъ, который у богатыхъ сдѣланъ изъ шелковой матеріи. Въ Ташкентѣ молитва дается въ домѣ муллою, но въ Шарисабсѣ и Бухарѣ тѣло, которое лежитъ на носилкахъ, снабженныхъ сверху соломенною покрышкою, и даже покрыто богатымъ сукномъ, несется въ мечеть, гдѣ и совершается похоронная служба. Если покойникъ—женщина,—живой женщинѣ не позволяется появляться въ мечети,—ее также отпѣваютъ. Когда тѣло несутъ на кладбище, за нимъ слѣдуютъ женщины, плачущія и испускающія разные вопли въ похвалу покойнаго и для выраженія сожалѣнія о его смерти. Тѣло останавливается передъ каждой мечетью, мимо которой оно несется, и къ нему вызывается мулла, котораго просятъ помолиться за усопшаго. Могила приготовляется заранѣе и состоитъ изъ глубокаго рва, на одномъ концѣ котораго вырытъ подземный покой. Когда носилки поднесены ко рву, тѣло — гроба нѣтъ — валятъ внизъ и пихаютъ въ пустой покой вмѣстѣ съ кувшиномъ воды, изъ котораго мыли этотъ трупъ. Затѣмъ ровъ наполняется землею, и накладывается земляной валъ. Въ большинствѣ случаевъ вотъ все, что нужно; иногда всунутъ палку для мѣтки; у другихъ такая могила дѣлается квадратною или продолговатою, и облагается со всѣхъ сторонъ кирпичами, утрамбованными съ жирною глиною, въ разныхъ формахъ, и иногда съ павильономъ или съ часовнею надъ могилою. Часто ставятъ маленькую лампу на могилу, а иногда и предметы, принадлежавшіе покойнику,

напримѣръ, колыбель умершаго ребенка. Кладбища въ городахъ устраиваются въ большей части случаевъ за городскимъ валомъ и представляютъ весьма печальный видъ, такъ какъ не видно, чтобы кто-нибудь украшалъ ихъ, даже зелени никакой нѣтъ. Женщины обязаны ходить въ траурѣ въ продолженіи одного года, въ тотъ же годъ онѣ обязаны являться надъ могилою на седьмой день послѣ похоронъ, потомъ на сороковой день, на полугодовой и въ день смертнаго дня, и тамъ плакать и выть.

V.

Посмотримъ теперь, какъ живутъ русскіе въ Ташкентѣ, по наблюденіямъ г-на Скайлера.

Дворецъ генералъ-губернатора въ Ташкентѣ самое лучшее зданіе изъ всѣхъ: онъ очень великъ, покрытъ желѣзною крышею и построенъ въ огромномъ саду, который весьма красиво снабженъ холмами, деревьями, цвѣтами, прудами, каналами и даже водопадами. Здѣсь три вечера въ недѣлю играетъ военный оркестръ музыки, и садъ открывается для посторонней публики. На это время садъ обращается въ мѣсто свиданія всѣхъ русскихъ и городскихъ туземцевъ, — особенно сарты любятъ музыку. Близъ дворца генералъ-губернатора есть большой новый фортъ, построенный для охраненія города, на верху котораго разставлены тяжелыя пушки и большой гарнизонъ... Есть въ городѣ, конечно, общепринятое число правительственныхъ зданій, безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ русскій городъ. Есть небольшая русская церковь и въ то время былъ положенъ фундаментъ для огромнаго каменнаго каѳедральнаго собора, хотя русскихъ въ городѣ не болѣе 3,000, если не считать 6,000 гарнизона. Миссіонеры здѣсь запрещены. Маленькая церковь вполнѣ удовлетворяетъ настоящей потребности, но находится въ такомъ положеніи, которое указываетъ на необходимость ремонта. Русскіе ходятъ въ церковь не въ большомъ числѣ и не часто; такая небрежность удивляетъ набожныхъ мусульманъ. Новому русскому собору здѣсь будутъ угрожать землетрясенія, впрочемъ они бываютъ лишь изрѣдка сильными. Когда г. Скайлеръ былъ въ Ташкентѣ, въ тотъ день было три удара въ пять часовъ утра: стѣны дрожали, картины падали, и даже мелкіе предметы сбрасывались на полъ.

Въ Ташкентѣ нѣтъ собственно отеля, но есть одно или два мѣста, какъ Громовское напримѣръ, съ меблированными комнатами

и со столомъ; впрочемъ, оба эти мѣста грязны и неудобны. Есть порядочный ресторанъ поляка Живлуцкаго, и у него двѣ или три комнаты для пріѣзжихъ. Рынокъ въ Ташкентѣ такой же, какіе устраиваются во всей Россіи. Мяса мало и дурное, но баранины изобиліе, дешевая и вкусная. Прежде жаловались на недостатокъ въ картофелѣ; но гдѣ заживутся русскіе солдаты, тамъ непремѣнно растетъ капуста, а за капустою являются и другія овощи, такъ что теперь обиліе всѣхъ огородническихъ произведеній. Дичи тоже въ обильномъ количествѣ, но рыба рѣдкость, такъ какъ рѣка Сыръ, которая изобилуетъ осетрами, до сихъ поръ остается безъ ловли. Отличные фрукты всякаго рода очень дешевы. Скайлеръ слышалъ жалобы на затрудненія въ разведеніи ржи и вмѣстѣ съ тѣмъ на недостатокъ чернаго хлѣба. Вино, конечно, можно достать, но по четверной цѣнѣ С.-Петербурга; можно достать и англійскій портеръ и эль, но по 10 шиллинговъ за бутылку! Здѣсь дѣлаютъ очень плохое вино, крѣпкое и кислое.

Въ Ташкентѣ есть и клубъ, скучный и неклубный, какъ всѣ русскіе клубы. Тамъ можно ежедневно получить плохой обѣдъ; люди собираются въ клубъ немножко почитать газеты, а главное поиграть въ карты и на билліардѣ; зимою тамъ бываютъ общественныя собранія, танцы и концерты. Теперь къ клубу присоединена отличная библіотека въ 4,000 томовъ, собранныхъ первоначально въ канцеляріи генералъ-губернатора, и съ тѣхъ поръ постоянно расширяется подарками отъ другихъ лицъ: тамъ можно найти классическія сочиненія русской, французской и нѣмецкой литературы, и чрезвычайно хорошую коллекцію книгъ и статей, касающихся центральной Азіи. Между другими учрежденіями въ городѣ достойна серьёзнаго вниманія химическая лабораторія, которая устроена очень хорошо и снабжена всѣмъ, что необходимо для такого учрежденія. Въ Ташкентѣ издается еженедѣльная газета, изданіе которой обходится въ 20,000 руб. въ годъ, а подписчиковъ у нея было въ 1873 году не болѣе 300. Въ этой газетѣ можно найти иногда интересныя статьи о разныхъ событіяхъ въ Туркестанѣ; въ ней же помѣщаются извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ Европѣ и Россіи.

Что касается до оффиціальнаго міра, въ Ташкентѣ подражаютъ въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ восточнымъ владѣтелямъ, которыми здѣсь окружены. Генералъ-губернаторъ никогда не выѣзжаетъ одинъ, безъ конвоя изъ казаковъ, и даже женѣ его и дѣтямъ давали казацкій конвой. Скайлеру разсказывали, что послѣ замѣчанія одного недавно прибывшаго въ Ташкентъ офицера, который, увидя жену губернатора, окруженную казаками, наивно

спросилъ: «неужели эта дама находится подъ арестомъ?» —жена губернатора стала ѣздить, какъ и всѣ.

Кромѣ генералъ-губернатора, есть военные губернаторы и вице-губернаторы, генеральный штабъ и другія крупныя оффиціальныя лица, такъ какъ Ташкентъ есть центръ здѣшней администраціи съ ея разными департаментами и министерствами. Жены и семейства старѣйшихъ въ оффиціальной іерархіи воображаютъ себя *верхушками* общества и ставятъ себя гораздо выше другихъ дамъ. Большинство офицеровъ привезли своихъ женъ изъ Россіи. Общество здѣсь дѣлится на клики и котеріи, хотя всѣ эти оффиціальные люди и дамы, за исключеніемъ высшихъ оффиціальныхъ лицъ, наѣхали въ Ташкентъ изъ С.-Петербурга; очень многіе скрылись сюда, убѣгая отъ своихъ кредиторовъ, другіе были удалены изъ службы, иные ищутъ здѣсь повышенія жалованья или тепленькаго мѣстечка, а многіе поѣхали въ Ташкентъ, увлекаясь полученіемъ въ короткій срокъ хорошей пенсіи, или просто надѣялись составить себѣ хорошій капиталецъ. Поэтому и здѣсь живутъ по-петербургски. Люди встрѣчаются на вечерахъ и театральныхъ любительскихъ представленіяхъ, въ клубѣ или во дворцѣ генералъ-губернатора, но каждый кружокъ держится въ сторонѣ отъ другихъ, и такимъ образомъ настоящей общественной жизни тутъ быть не можетъ. Эти нелѣпыя раздѣленія въ такомъ небольшомъ обществѣ, и тотъ фактъ, что Ташкентъ представляется всѣмъ лишь временнымъ мѣстомъ ссылки, дѣйствуютъ очень дурно на юныхъ офицеровъ и на служащихъ въ гражданской службѣ. Удовольствій здѣсь мало, обществу скучно, и оно разрознено; ученыя и литературныя стремленія или придавлены, или не поощряются; юные офицеры не находятъ никакихъ другихъ занятій, кромѣ картежной игры и вина, и многіе изъ нихъ довели себя до того, что ихъ изгнали даже изъ Ташкента; иные прибѣгали къ самоубійству. Въ самомъ началѣ Ташкентъ былъ дѣйствительно тѣмъ, какимъ онъ описанъ въ разсказахъ г. Каразина, который самъ служилъ офицеромъ въ центральной Азіи. Въ настоящее время есть нѣкоторое улучшеніе: открытый развратъ, кутежи поубавились, но тотъ же общій тонъ преобладаетъ; общественное мнѣніе молчитъ или выражается слишкомъ слабо, и многіе позволяютъ себѣ такія вольности въ своемъ поведеніи, какія въ порядочномъ обществѣ невообразимы. Г-на Скайлера сильно поражало русское общество въ Ташкентѣ не только недостаткомъ знанія о странѣ, но и полнымъ равнодушіемъ къ естественнымъ интересамъ жизни; многимъ трудно было понять, какимъ образомъ онъ могъ заинтересоваться такою страною,

въ которой они только скучаютъ, и какъ онъ могъ отправиться такъ далеко для того только, чтобы осмотрѣть подобную страну. «Правда, были и исключенія, но я говорю о моемъ общемъ впечатлѣніи,—заключаетъ г. Скайлеръ. Число русскихъ, знающихъ турецкій или персидскій языкъ, или сколько-нибудь интересующихся изученіемъ исторіи, древностей или естественныхъ произведеній страны или жизни людей, ихъ окружающихъ, до того мало, что просто не вѣришь самому себѣ...»

Между тѣмъ, центральная Азія представляетъ великій интересъ, хотя бы только въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

VI.

Главный центръ торговли въ центральной Азіи, въ которомъ сосредоточивается вся иностранная торговля—это городъ Бухара. Тамъ можно найти и русскіе, и англійскіе товары, хлопчатобумажныя и каленкоровыя произведенія,—тамъ есть и французскіе и нѣмецкіе товары. Англійская торговля называется кабульскою по той причинѣ, что она производится черезъ Афганистанъ. Англійскіе товары идутъ въ Бухару подъ покровительствомъ греческихъ фирмъ Ралли и Шиллизза и нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ въ Калькуттѣ. Между разными предметами, г. Скайлеръ нашелъ тамъ американскіе револьверы, которые въ Бухарѣ пріобрѣтаются дешевле, чѣмъ въ Ташкентѣ. Русскій сахаръ также продается дешевле, чѣмъ въ Ташкентѣ. Между разными людьми, которыхъ нашелъ онъ на ярмаркѣ въ Бухарѣ, онъ увидѣлъ только одного русскаго, агента фирмы братьевъ Быковыхъ, Шмелева, который живетъ тамъ въ двухъ комнаткахъ и торгуетъ хлопчато-бумажнымъ товаромъ, но, главнымъ образомъ, мелкими и модными вещами. Изъ его объясненій оказалось, что большинство русской торговли находится въ рукахъ татаръ. Торговецъ съ небольшими средствами имѣетъ въ Бухарѣ много преимуществъ въ сравненіи съ крупными, если онъ живетъ тамъ, продаетъ лишь такія европейскія вещи, на которыя тамъ есть запросъ, и если онъ самъ занимается своимъ дѣломъ. Такой мелкій торговецъ можетъ продать свой товаръ почти немедленно, собрать свои долги съ-разу и оборотить свой капиталъ по-крайней-мѣрѣ три раза въ годъ, дѣлая каждый разъ по 50 процентовъ барыша. Въ самой Бухарѣ, агентъ, постоянно пребывающій, можетъ собирать свои долги безъ всякихъ затрудненій. Но другое бываетъ съ русскими купцами,

если они торгуютъ въ Оренбургѣ, Троицкѣ, Петропавловскѣ, гдѣ они продаютъ на большой кредитъ купцамъ, пріѣзжающимъ туда изъ Бухары, и теряютъ свои деньги, отдавая товары въ долги. Къ несчастію русскихъ купцовъ, мелкіе русскіе торговцы, по русскимъ законамъ, лишены права вести свои торговыя операціи въ городахъ центральной Азіи, такъ какъ въ Россіи позволяется торговать съ иностранцами только купцамъ первой гильдіи, ходящимъ по улицамъ въ туземномъ одѣяніи. Но мелкій купецъ не можетъ угоняться за большимъ, и ему очень трудно заплатить 250 рублей за одно только позволеніе открыть лавку. Съ мелкаго купца берутъ въ Туркестанѣ по $2^1/_2$ процента за привозные товары, да еще другой налогъ въ 3 процента съ хлопчатобумажныхъ произведеній.

Генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ хотѣлъ сдѣлать Ташкентъ торговымъ центромъ, но сильно ошибся въ этомъ. Ташкентъ остался административнымъ городомъ, политическимъ: въ немъ нѣтъ ни промышленности, ни земледѣлія, ни торговли; онъ лежитъ на дорогѣ отъ Кокана къ Оренбургу и Троицку — вотъ и все. Ташкентъ занимается только транзитною торговлею, и то потому только, что коканскіе купцы, вынужденные ѣздить въ Ташкентъ для своихъ дѣлъ, тащутъ туда же и свои товары. Но если бы столицу Туркестана перенесть въ другое, дѣйствительно торговое мѣсто, тогда, можетъ-быть, и явилась бы ярмарка не фиктивная, а дѣйствительная. Коканъ несетъ въ Ташкентъ всего больше—на 4.092,291 руб., но всѣ эти товары не остаются въ Ташкентѣ, а уходятъ въ Россію. Въ отпечатанныхъ «Матеріалахъ для статистики азіатской торговли», г. Скайлеръ нашелъ, что ввозъ въ провинцію Сыръ-Дарьи со всѣхъ сторонъ достигалъ въ 1872 году до 13.400,000 рублей, а вывозъ до 9.185,000,—общая сумма 22.585,000. Изъ этихъ итоговъ нужно, однако, вычесть по-крайней-мѣрѣ 10.000,000 для торговли съ киргизскою степью, а весь остатокъ въ 12,585,000 будетъ означать дѣйствительную цифру торговли ханствъ. Если мы возьмемъ самую высшую цифру обоихъ путей: ввоза и вывоза, то мы получимъ общую сумму нашей нынѣшней торговли съ центральною Азіею въ 15.000,000 рублей. Если мы эту сумму сравнимъ съ таможенною 1867 года, то увидимъ, что вывозъ и ввозъ Ташкента (считая и Коканъ), Бухары и Хивы доходятъ до 10.175,000 и 8.504,000; общая сумма будетъ—19.370,000 р. Отсюда ясно, что общая русская торговля съ 1867—1872 годъ уменьшилась на 5.000,000 рублей....

Въ дальнѣйшія подробности мы не пойдемъ: цифры сами

говорятъ. Многіе русскіе купцы, и въ числѣ ихъ Хлудовъ и Первушинъ, разорились или значительно потерпѣли. Не терпѣли только ташкентскіе администраторы, потому что если они сдѣлаютъ какое-нибудь невыгодное предпріятіе, торговое ли, или политическое—это имъ все равно. Такъ, напримѣръ, была устроена разъ въ Ташкентѣ ярмарка съ удивительною стремительностью; для этой цѣли не пожалѣли даже солдатъ. Но эта ярмарка была устроена не потому, что ее желали купцы, участвовавшіе въ коммиссіи, которую собралъ генералъ-губернаторъ для обсужденія вопроса о необходимости ярмарки въ Ташкентѣ. Сторона администраціи была составлена вся изъ военныхъ людей, которые выразили свое мнѣніе въ слѣдующихъ предложеніяхъ: «обмѣнъ мануфактурными произведеніями изъ внутреннихъ провинцій имперіи сырого матеріала (хлопокъ и шелкъ) азіатскихъ странъ происходилъ до-сихъ-поръ, главнымъ образомъ, на двухъ ярмаркахъ: въ Ирбитѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣсныя сношенія между потребителями и производителями и послѣдовательная устойчивость цѣны и коммерческихъ сношеній будутъ несомнѣнно много облегчены перенесеніемъ центра обмѣна ближе къ рынкамъ центральной Азіи». Въ первомъ же собраніи купцы заявили, что «ирбитская ярмарка, по своей отдаленности и слабому вліянію на центральную Азію, всегда была предметомъ ихъ жалобъ, но ярмарка въ Нижнемъ-Новгородѣ имѣетъ такое великое вліяніе, что было бы безполезно основывать новую въ Ташкентѣ, такъ какъ ташкентскія цѣны неизбѣжно будутъ управляемы въ Нижнемъ». Ясное дѣло, что купцы понимали, что́ говорили, и ясно также, что военные члены коммиссіи, не обращая никакого вниманія на экономическія сужденія, рѣшали все по-своему. Ярмарку устроили въ концѣ 1873 года, какъ-разъ послѣ хивинскаго похода, и она обошлась въ 377,247 рублей. Что же изъ этого вышло? Когда ярмарку открыли, изъ туземцевъ никто на нее не пріѣхалъ, да и русскіе купцы явились нехотя. Туземцамъ обѣщали даровыя мѣста, если они согласятся изъ своего рынка переѣхать въ русскій, но они, разумѣется, и съ мѣста не сдвинулись. Тогда самъ генералъ-губернаторъ издалъ приказъ, что въ продолженіи всей ярмарки, — двухъ мѣсяцевъ въ году, — всѣ туземные купцы, за исключеніемъ тѣхъ, которые торгуютъ провизіею, должны закрыть свои лавки на старомъ базарѣ и перенести свою торговлю въ лавки ярмарочнаго зданія. Большая часть отказалась совсѣмъ торговать, а другіе рѣшились создать тайную торговлю и разносили свои товары по домамъ. Сперва генералъ-губернаторъ приступилъ къ штрафамъ,

но и это неудалось: штрафные разбѣжались; тогда явились казаки, но эта мѣра собрала уже всѣхъ купцовъ, и они просили губернатора оставить туземцевъ въ покоѣ. Базаръ этотъ остается пустымъ и донынѣ.

Самая главная дорога къ Бухарѣ идетъ въ Россію черезъ Казале и Оренбургъ; всѣ караваны такъ идутъ. Коканская торговля имѣетъ изъ Ташкента двѣ дороги: одна, прямо по горамъ черезъ Телау, въ 170 верстъ, на что́ требуется 5—6 дней, а другая,—по которой ѣздятъ въ телѣгахъ, по пути изъ Ходжента, въ 250 верстъ, 8—10 дней... Прежде почти всѣ караваны ѣхали изъ Ташкента въ Петропавловскъ и Троицкъ; теперь уже они избираютъ почтовую дорогу и идутъ по ней прямо до Оренбурга—1,300 верстъ въ 60 дней. Всѣ находятъ, что эта дорога и ближе, и дешевле дороги черезъ Ташкентъ.

Дорога изъ Бухары чрезъ торговый бухарскій городъ Карши въ Баякъ, пограничный пунктъ съ Афганистаномъ, опредѣляется въ 100 англ. миль, и требуетъ 73 дня. Въ Кабулъ отъ Баяка 350 миль больше и еще 13 дней. Если караваны пойдутъ въ Кабулъ, минуя Баякъ, черезъ Кулумъ, то путешествіе сократится на 20 дней. Отъ Кабула до Пемэуоръ, въ Остъ-Индіи, караваны идутъ въ 12 дней. Весь путь отъ Бухары до Остъ-Индіи 45 дней; для каравана плата за этотъ путь на русскія деньги 34 р. 49 к., а на англійскія: 4 ф. 14 ш. 7 п., не считая таможенныхъ и транзитныхъ пошлинъ, а также большихъ требованій эмира кабульскаго. За путь отъ Москвы до Бухары цѣна та же.

Перейдемъ къ промышленности, въ основаніи которой лежатъ хлопчатые товары и шелковые. Туземныя хлопчатобумажныя ткани, некрашеныя и вообще небѣленыя, спеціально потребляются для приготовленія рубашекъ и подштанниковъ. Этотъ хлопокъ для грубой ткани называется *бузъ*, а русскими купцами—матою, потому что мѣра его—мата, а по-англійски мата составляетъ восемь ярдовъ [1]) (по-русски 10,29 арш.). Дака—болѣе тонкій матеріалъ, родъ муслина, грубый сортъ котораго употребляется на одежду, а тонкій сортъ на чалмы. Алатча—это полосатый матеріалъ на голубомъ фонѣ. Калама—нѣсколько лучшаго качества, съ полосками на бѣломъ фонѣ. Туземцы красятъ хлопчатобумажные товары, иногда въ три различныхъ цвѣта, посредствомъ деревянныхъ штамповъ, налагаемыхъ рукою... Въ 1869 году испытывали, насколько можно хлопковыми запасами въ Средней Азіи удовлетворить потребности арміи, и было рѣшено употребить ту-

---

[1]) Одинъ ярдъ—три фута, 1,286 аршинъ.

земный *бузъ*, вмѣсто русскаго бѣлаго хлопковаго сукна, для солдатской одежды. Требовалась ширина въ 14 дюймовъ, между тѣмъ какъ бузъ никогда не можетъ быть шире 11 дюймовъ. Подрядчики, поэтому, нашли невозможнымъ достать въ Ташкентѣ желаемый матеріалъ, и должны были обратиться въ Бухару, гдѣ хлопчатая промышленность производится въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ результатѣ оказалось, что цѣна *бузы*, спеціально заказанной для арміи, оказалась столь же высокою, какъ для русскихъ товаровъ изъ Москвы и съ включеніемъ издержекъ на провозъ; сверхъ того, московскій хлопокъ былъ тяжелѣе туркестанскаго и долѣе носился.

Лучшіе шелковые товары получаются изъ Бухары, затѣмъ изъ Кокана и Ходжента, а также изъ Хивы; всѣхъ хуже изъ Ташкента. Вслѣдствіе запрещенія кораномъ, употребленіе чистаго шелковаго фабриката ограничено исключительно женщинами и дѣтьми; для мужчинъ шелкъ можетъ потребляться лишь въ смѣси. Ежегодное производство шелка въ Средней-Азіи оцѣнивается, при тщательныхъ вычисленіяхъ, до 4,500,000 ф., изъ которыхъ 1½ милл. идетъ изъ Бухары, столько же изъ Кокана; 100,000 ф. изъ Хивы, 4000 изъ Кашгара, и цѣлый милліонъ изъ русскихъ владѣній Туркестана. Климатъ центральной Азіи въ высшей степени благопріятенъ шелковому производству. Тамъ въ продолженіи лѣта почти нѣтъ ни дождя, ни града; грозовыя бури и сильные вѣтры—явленія рѣдкія; всѣ эти причины дѣлаютъ возможнымъ работу безъ всякаго искусственнаго тепла и вентиляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ изобиліе неизбѣжной пищи для червя—тутовое дерево. Причины, которыя ограничиваютъ количество и качество производства шелка, заключаются въ методахъ въ выводѣ червей и въ образѣ жизни мѣстныхъ жителей. Все производство шелковичнаго червя находится въ рукахъ женскаго труда: и уходъ за червемъ, и уходъ за тутовымъ деревомъ. Успѣшное шелководство больше всего зависитъ отъ ухода за червями; оно требуетъ со стороны женщинъ большого вниманія, можно сказать, тутъ нужна нѣжность любви: воспитаніе червя, по своей сущности, занятіе домашнее, и чѣмъ мельче червь, тѣмъ заботливѣе долженъ быть за нимъ уходъ... Но тутъ и прекращается дѣйствительность женскаго труда. Когда приходитъ время наматывать шелкъ, на сцену является механическій трудъ, требующій, главнымъ образомъ, хорошаго порядка и дисциплины среди рабочихъ. Русскіе купцы, если бы они серьёзно хотѣли завести въ Туркестанѣ шелковое производство, должны были бы прежде всего научить туземцевъ луч-

шимъ методамъ и потомъ создать среди нихъ спросъ на лучшіе сорты коконовъ. Увеличенный спросъ на лучшіе шелка увеличитъ и предложеніе. Между тѣмъ, всѣ усилія, которыя употребляли русскіе купцы въ Туркестанѣ въ продолженіи пяти лѣтъ, съ 1867—72, кончились тѣмъ, что изъ семи предпріятій удалось только одно, несмотря на то, что имъ помогало деньгами само правительство. Они не имѣли успѣха въ соревнованіи съ туземцами. Когда г. Скайлеръ былъ въ Туркестанѣ въ 1873, тогда была еще одна филатура въ Ходжентѣ, принадлежавшая компаніи московскихъ купцовъ. Она была основана на 200,000 руб., и ея успѣху ревностно содѣйствовалъ самъ генералъ-губернаторъ Кауфманъ. Но ею управляли неспособные люди, и ихъ дѣла находились въ большомъ пренебреженіи, вслѣдствіе отдаленности самихъ владѣльцевъ: они жили въ Россіи. Позже, въ ноябрѣ 1875 года, г. Скайлеръ видѣлъ въ газетахъ объявленіе о ликвидаціи этой фабрики съ потерею четырехъ-пятыхъ основного капитала. Одну изъ причинъ этой неудачи г. Скайлеръ находитъ въ томъ, что самъ управитель не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о шелковомъ дѣлѣ, а, во-вторыхъ, была дана очень большая цѣна за коконы.

Туземцы центральной Азіи обладаютъ живымъ коммерческимъ инстинктомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отличаются большою опытностью въ торговлѣ коконами. Слабѣйшій добавочный запросъ на рынкѣ, появленіе новой торговли или какихъ-нибудь новыхъ предметовъ въ продажѣ, — все ихъ такъ сильно поражаетъ, что они вдругъ начинаютъ поднимать цѣны до нелѣпыхъ размѣровъ. Въ 1869 году, въ продажѣ поднялась цѣна на таннинъ, и таннинный корень достигъ громадной цѣны. Требованіе этого товара распространилось на базарахъ; крестьяне, жившіе въ Бричъ-мулла и въ сосѣднихъ деревняхъ, гдѣ таннинъ росъ, слыша о высокихъ цѣнахъ, какъ бѣшеные, бросили свои поля и стали вырывать искомый корень; продавали свой скотъ, чтобы купить лошадей и ословъ, и помчались на нихъ въ Ташкентъ, съ цѣлью обогатѣть отъ огромной массы вырытаго ими корня. Пріѣхавъ въ Ташкентъ, они узнали тамъ, что таннинъ прежде дѣйствительно покупали, но теперь болѣе не нужно. Такимъ образомъ, бѣдные люди должны были продать свой таннинъ за самую дешевую цѣну, нѣкоторые изъ нихъ погибли зимою съ голоду. Та же самая исторія происходила въ другой разъ, когда пріѣхали какіе-то итальянцы и стали скупать яйца шелковичныхъ червей. Коконы тогда поднялись до 30—50 руб. за пудъ; но изъ Россіи весною 1871 года присланъ былъ указъ, чтобы не продавать иностранцамъ яйца шелковичныхъ червей. Въ томъ же году таш-

кентское правительство открыло школу для изученія шелководства съ химическою лабораторіею, и поставило въ программу этой школы: изслѣдованіе разныхъ породъ шелковичныхъ червей, причинъ ихъ болѣзней; опыты надъ пищею шелковичныхъ червей и раціональные методы для вывода червей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе шелководства съ научной точки зрѣнія — дѣло полезное; но еще бы лучше было, еслибъ при научной школѣ была устроена хотя бы небольшая филатура, которая бы могла создать изъ туземныхъ рабочихъ людей мастеровъ шелковаго дѣла, и затѣмъ эти мастера устроили бы и фабрику на настоящихъ научныхъ и вмѣстѣ практическихъ началахъ.

VII.

Центральная Азія всегда представлялась какимъ-то золотымъ дномъ; о ней говорили, какъ о необыкновенно богатой странѣ. Въ 1867 году былъ представленъ докладъ, въ которомъ было сказано, что военная администрація въ новой провинціи, со всѣми ея мѣстными военными управленіями, окупится на мѣстѣ, и что государственная казна отъ этого ничего не потеряетъ, такъ какъ всѣ издержки могутъ быть покрыты деньгами, находящимися уже въ распоряженіи министра военныхъ дѣлъ, и что, кромѣ того, состоится сбереженіе въ администраціяхъ военныхъ округовъ Оренбурга и Западной Сибири, отъ территоріи которой отнималась тогда цѣлая провинція — Семирѣчье. Говорили тоже, что военно-гражданская администрація, хотя и будетъ составлять предметъ новыхъ расходовъ въ значительныхъ размѣрахъ, но особеннаго вліянія на государственный бюджетъ не окажетъ, такъ какъ всѣ издержки будутъ покрыты самой провинціею. Но уже въ 1868 году дефицитъ оказался въ 3.188,024 руб., а черезъ пять лѣтъ—въ 1872 году—дефицитъ дошелъ до 18.908,955 руб.: издержки были 29.497,414 руб., — доходъ только 10.588,459 руб. Въ 1872 году дефицитъ достигъ 5.567,000, а въ 1873 году—7.000,000.

Приложимъ къ этимъ издержкамъ издержки на войну. Первоначальныя издержки дѣйствительно были очень ничтожны. При первомъ движеніи въ центральную Азію генералъ Черняевъ получилъ на свои расходы 15,000 рублей, а генералъ Веревкинъ 200,000 рублей, къ которымъ было потомъ прибавлено еще 50,000, но употреблено только 234,000, — остальные 16,000

были переданы ген. Черняеву. Кампанія генерала Романовскаго въ 1866 году оцѣнена въ 250,000 руб. Экспедиція, овладѣвшая Самаркандомъ, стоила 150,000, а вся территорія, которая была пріобрѣтена до 1873 года, обошлась въ 900,000; но изъ этой суммы бухарскій ханъ заплатилъ 500,000 рублей контрибуціи на военныя издержки. Захватъ Шарисабса и Карши, а также Кульджи, стоилъ не дорого.

Но за то послѣднія экспедиціи обошлись не такъ дешево. Когда хивинская экспедиція обсуждалась въ Петербургѣ, генералъ Кауфманъ, обращаясь къ министру финансовъ, просилъ у него 300,000 рублей, но въ дѣйствительности, въ Ташкентѣ, эта сумма была истрачена прежде, чѣмъ войска покинули Ташкентъ. Единственная цифра, которая была обнародована по этому обстоятельству, это — издержки на провіантъ и перевозъ оренбургскаго отряда; сумма ихъ достигаетъ 1.423,735 рублей. Если эту цифру принять за истинную, то, сосчитавъ по одной и той же цѣнѣ расходы арміи Кауфмана и кавказской арміи, вся стоимость хивинской войны окажется въ 7.000,000 рублей.

Коканское возстаніе 1875 года продолжалось шесть мѣсяцевъ,— сколько оно стоило, объ этомъ знаютъ туркестанскія власти.

Вообще говоря, статистика расходовъ ведется въ Ташкентѣ по старому, какъ это было въ 1868 году, когда явилась первая попытка образовать общій статистическій комитетъ для центральной Азіи. Но онъ не состоялся по полному невѣдѣнію членовъ мѣстной администраціи, которые, поэтому, ничего не могли сообщить. Въ 1869 году, по приказу главнокомандующаго, статистическіе комитеты были основаны въ различныхъ округахъ. Въ сыръ-дарьинскомъ округѣ, въ 1870 году, собрался первый комитетъ и обратился къ оффиціальнымъ лицамъ мѣстной администраціи съ циркуляромъ, въ которомъ были поставлены вопросы о статистикѣ мѣстностей, которыми они управляли; но эти вопросы, касавшіеся подробностей, произвели въ коммиссіи веселое настроеніе. Статистическое сообщеніе отъ уѣздныхъ начальниковъ провинціи Семирѣчье содержало, между прочими извѣстіями, такія: «климата — нѣтъ; производительныя силы—неизвѣстны». Такія показанія были даваемы всего семь лѣтъ тому назадъ.

Судя по расходамъ, завоеваніе Туркестана является дѣломъ чрезвычайно невыгоднымъ; оно не только не приноситъ никакихъ доходовъ государству, но мѣшаетъ развиваться даже сосѣднимъ губерніямъ Россіи: оренбургской и западной Сибири. Постоянное увеличеніе войскъ въ Туркестанѣ отзывается и на

нихъ, а этихъ войскъ до 30—40 тысячъ. Между тѣмъ содержаніе солдата въ Туркестанѣ стоитъ очень дорого: 32½ рубля на человѣка, и въ эту сумму входитъ только мука и крупа; — четверть стоитъ 10—12 рублей. Содержаніе кавалеріи еще дороже. Число лошадей, принадлежащихъ правительству, доходитъ до 4—5 тысячъ, и цѣлый милліонъ рублей тратится на фуражъ; каждая лошадь, такимъ образомъ, обходится въ 200 рублей, и это дѣлается въ такой странѣ, о которой намъ постоянно говорили, что жатва тамъ бываетъ иногда самъ-80 и 100 — и притомъ два раза въ году — а клеверъ и сѣно можно косить четыре раза въ годъ. Въ центрально-азіатскихъ степяхъ главное занятіе жителей — скотоводство, и, несмотря на то, правительство платитъ не менѣе 2 руб. 40 коп. за пудъ мяса и баранины, — цѣна столь высокая, что можно думать, будто въ той странѣ нѣтъ никакого скотоводства... Еще одна странность относительно цѣнъ на провизію: хлѣбъ — дорогъ, потому что подвергается налогу въ 10 процентовъ всего производства съ земли. Само правительство, по этой причинѣ, уплачивало въ казну 276,000 руб., а тратило два милліона на муку и фуражъ. Предположимъ, что три-четверти этой провизіи произведены въ провинціи Сыръ-Дарьи, слѣдовательно, правительство заплатило 150,000 рублей своего налога, передавая ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Остальная сумма въ 126,000 рублей пала на населеніе Сыръ-Дарьи, число котораго 800,000, и, слѣдовательно, оно кормилось на 1.260,000 рублей, между тѣмъ какъ 30-ти тысячная армія обошлась въ 2.000,000 рублей. Ясное дѣло, что тутъ что-то не такъ не только въ коммиссаріатѣ, но и во всемъ финансовомъ управленіи. Если даже — какъ этого хотятъ туркестанскія власти и какъ это и дѣлается въ дѣйствительности — всѣ издержки по арміи и флоту идутъ на счетъ государственной казны, то хотя и нѣтъ никакого сомнѣнія, что государство дѣйствительно можетъ взять на себя такія издержки, но все же это не должно дѣлаться совершенно безконтрольно, и не должна содержаться цѣлая армія въ 40,000 только для того, чтобы охранять границы; это значило бы, что все назначеніе этой арміи состоитъ только въ томъ, чтобы укрощать и повелѣвать населеніемъ всего Туркестана.

Но въ дѣйствительности, когда это дѣло предпринималось, люди, стоявшіе во главѣ его, имѣли совершенно другія цѣли: они стремились не къ укрощенію только, но и къ просвѣщенію того населенія, которое покорялось само русской власти, ища безопасности и свободы отъ прежнихъ деспотовъ.

Указывая на главныя причины, разстраивающія всѣ источ-

ники нашего нравственнаго вліянія въ центральной Азіи, г. Скайлеръ разсматриваетъ подробно вопросъ о нынѣшней организаціи туркестанскаго управленія. Общая администрація страны не имѣетъ единообразія и не показываетъ ни въ чемъ присутствія установленнаго принципа объединенной силы. Разнообразіе взглядовъ и поведенія чувствуется на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы и поддерживаетъ постоянный антагонизмъ между различными органами правительства, что̀ возбуждаетъ партіи и дѣлаетъ прочную политику невозможною. Каждая партія составляетъ центръ группы лицъ, гоняющихся за мѣстомъ и прибылью. Подобное состояніе вещей разслабляетъ мораль и, благодаря этому, наши гражданскіе и военные чиновники постоянно заняты, но не исполненіемъ своего долга, а проведеніемъ интригъ, для которыхъ наша административная система въ Туркестанѣ представляетъ огромное поле. Каждый думаетъ только о быстрой карьерѣ, о занятіи важнаго поста и достиженіи высокаго ранга, и никто не даетъ себѣ труда принять въ разсчетъ обязанности, наложенныя на него тѣмъ фактомъ, что онъ русскій и преслѣдуетъ цивилизующую миссію въ Средней Азіи. Благодаря самому положенію нашей администраціи, наши чиновники присвоиваютъ себѣ право объяснять свои обязанности, какъ имъ самимъ хочется. Въ Ташкентѣ, центрѣ администраціи, нѣтъ общественной жизни, тамъ даже нѣтъ общества, тамъ ничто не соединяетъ людей, которые вполнѣ поглощены своими собственными интересами. Главное зло состоитъ въ смѣшеніи военныхъ и административныхъ властей и въ полномъ отсутствіи всякаго различія между ними. Высшая военная и гражданская власть сконцентрировывается въ лицѣ генералъ-губернатора, который въ то же самое время и главнокомандующій войскъ всего района; но въ низшихъ инстанціяхъ она раздѣлена между начальникомъ канцеляріи генералъ-губернатора и начальникомъ штаба. Согласно съ закономъ, дѣйствія перваго должны ограничиться чисто-административными дѣлами, но въ дѣйствительности онъ пользуется всѣми прерогативами начальника штаба спеціально во всемъ, что̀ касается мѣстной администраціи страны. Офицеры, которые управляютъ страною, зависятъ гораздо болѣе отъ начальника канцеляріи генералъ-губернатора, чѣмъ отъ начальника штаба. Въ провинціяхъ двѣ власти, опять соединенныя въ лицахъ военныхъ губернаторовъ, которые въ то же самое время начальники войскъ въ ихъ провинціяхъ. Они соединяютъ двѣ различныя власти, отдѣленныя въ предшествовавшихъ инстанціяхъ, интересы которыхъ, благодаря существующему режиму, постоянно сталкиваются и иногда

становятся непріязненными. Въ округахъ военно-административныхъ власть дальше дѣлится между администраторами округовъ и начальниками войскъ, тамъ расквартированныхъ. Эти послѣдніе находятся иногда въ большомъ затрудненіи, не зная къ кому обратиться, къ военнымъ ли начальникамъ, отъ которыхъ они прямо зависятъ, или къ представителямъ административной власти, которая пользуется значительнымъ вліяніемъ, и въ этихъ случаяхъ они предпочитаютъ повиноваться тому, кто въ данный моментъ имѣетъ бо̀льшій вѣсъ.

Армія, представительница нашихъ силъ, и администрація, выразительница цивилизующаго порядка, который мы ввели въ страны, завоеванныя нашимъ оружіемъ, образуютъ собою два различныхъ элемента, которые не могутъ сливаться, не задерживъ прогресса дѣла, преслѣдуемаго нами въ центральной Азіи. Начальникъ войскъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи страны, пользуясь въ своей сферѣ дѣятельности полною независимостью, такъ какъ чисто-военная администрація тоже необходима. Созданіе же смѣшанной администраціи, — военной и гражданской, — что̀ мы ввели въ центральную Азію — представляетъ только накопленіе военныхъ и административныхъ должностей. Чтобы результаты нашего завоеванія могли упрочиться, административный элементъ долженъ быть удаленъ отъ вмѣшательства въ военныя дѣла. Обѣ власти должны дѣйствовать отдѣльно, должно быть полное отдѣленіе между гражданскою и военною администраціями, или, наоборотъ, гражданская администрація должна быть совершенно замѣщена военнымъ элементомъ. Такъ какъ мы чувствуемъ сами себя слишкомъ слабыми, чтобы управлять безъ помощи военной силы, то мы должны, поэтому, уступить чисто-военной организаціи. Въ настоящее время, единственною опорою нашей политической *роли* можетъ служить только охраненіе силою оружія, и только эта роль оказываетъ престижъ на туземное населеніе при испорченности нашей администраціи въ Туркестанѣ. До тѣхъ поръ, пока эта администрація существуетъ, мы не можемъ ожидать отъ туземцевъ какого-нибудь уваженія, и наша армія должна дѣлать неслыханныя усилія, чтобы возстановить почву, которую потеряла администрація. Полномочія, которыми пользовались люди, называвшіеся администраторами, въ разныхъ мѣстностяхъ, ободряли ихъ къ злоупотребленію произвольнымъ авторитетомъ, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному положенію вещей или справедливымъ интересамъ нашего положенія въ Туркестанѣ. Многіе присвоиваютъ тамъ себѣ политическія *роли*, и сильные своею протекціею, позволяютъ себѣ

иногда угрозы, которыя они неспособны осуществить посредствомъ оружія, и все это сопровождается самыми тяжкими послѣдствіями для невинныхъ людей. Подобныя дѣла могутъ насъ только унижать въ глазахъ туземцовъ. Таковы выводы г. Скайлера, посторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, изъ всего, что онъ видѣлъ въ Туркестанѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Дѣйствительно, пока многое не перемѣнится въ общихъ принципахъ нашего колоніальнаго управленія, всѣ наши административныя усилія въ центральной Азіи останутся безплодными, и ожидаемая торговля не вознаградитъ даже издержекъ, дѣлаемыхъ на поддержаніе этой торговли. Открывая нашу цивилизаторскую миссію на Востокѣ, мы не могли не сознавать, что на избранномъ нами пути мы не выдержимъ конкурренціи Европы. Въ сравненіи съ Азіею, Россія всегда будетъ, конечно, цивилизованною державою, но она можетъ упрочить свое военное и политическое вліяніе только тогда, когда ея администрація изберетъ для себя новые пути. Всего болѣе затруднительно противоборствовать вліянію, какое оказываетъ тамъ могущественная и первостепенная торговая нація, рессурсы которой далеко выше тѣхъ, какіе существуютъ теперь въ распоряженіи нынѣшней нашей администраціи для успѣховъ своего призванія въ центральной Азіи.

Юр. Россель.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СТРАНА СНОВЪ.

Изъ Эдгара Поэ.

По тропинкѣ одинокой
Я вернулся изъ страны,
Гдѣ царитъ во тьмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ —
Внѣ пространства и вѣковъ.

Тамъ деревья-великаны,
Облеченные въ туманы,
Невидимками стоятъ;
Скалы темныя глядятъ
Съ неба краснаго—въ озёра,
Безпредѣльныя для взора...
Льютъ безмолвные ручьи
Воды мертвыя свои,
Воды сонныя, нѣмыя
Въ рѣки темно-голубыя.
Тамъ, бѣлѣя въ тьмѣ ночной,
Надъ холодною водой,
Точно спутанныя змѣи,
Вьются нѣжныя лилеи.

И во всякомъ уголкѣ, —
И вблизи и вдалекѣ, —
Гдѣ виднѣются озёра,
Безпредѣльныя для взора, —
Гдѣ, бѣлѣя въ тьмѣ ночной,
Надъ холодною водой,
Точно спутанныя змѣи,
Вьются нѣжныя лилеи, —
Возлѣ дремлющихъ лѣсовъ, —
Близъ плѣснѣющихъ прудовъ,
Полныхъ гадовъ и драконовъ, —
Вдоль вершинъ и горныхъ склоновъ,—
Съ каждымъ шагомъ на пути
Странникъ можетъ тамъ найти
Въ дымкѣ бѣлыхъ одѣяній
Тѣни всѣхъ Воспоминаній...
Чуть замѣтная на взглядъ,
Дрожь колеблетъ ихъ нарядъ;
Кто пройдетъ близъ тѣни дивной,—
Слышитъ вздохъ ея призывный.
То—давнишніе друзья,
Лица, нѣкогда живыя, —
Тѣ, что́ Небо и Земля
Взяли въ пыткахъ агоніи.

Кто, судьбой не пощаженъ,
Вынесъ бѣдствій легіонъ,
Тотъ найдетъ покой желанный
Въ той странѣ обѣтованной.
Этотъ дальній, темный край
Всѣмъ печальнымъ—чистый рай!
Но волшебную обитель
Заслонилъ ея Властитель
Непроглядной пеленой;
Если-жъ онъ душѣ больной
Разрѣшитъ въ нее пробраться, —
Ей придется любоваться
Всѣмъ, что́ нѣкогда цвѣло—
Въ закопченное стекло.

По тропинкѣ одинокой
Я вернулся изъ страны,

Гдѣ царитъ во тьмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ, —
Внѣ пространства и вѣковъ.

II.

ИЗЪ ДРАНМОРА.

1.

Молитва.

Все тихо спитъ,—но съ утренней зарей
Опять нужда придетъ ко мнѣ стучаться,
Она вползетъ зловѣщею змѣей:
Не дай, Господь, мнѣ въ жертву ей достаться.
Мой гордый духъ смирился предъ Тобой, —
Сомкни-жъ уста коварному злословью,
Отъ язвъ его мой уголъ огради
И—пусть въ борьбѣ исходитъ сердце кровью,
Но пусть блеститъ надежда впереди.

Когда-жъ меня Ты къ новымъ испытаньямъ
Рѣшилъ призвать для блага моего,
То въ этотъ разъ внемли моимъ страданьямъ
И къ нимъ не шли въ придачу ничего.
Мнѣ нуженъ срокъ... Оправившись немного,
Подъ градомъ стрѣлъ я бодро устою,
Но такъ трудна пройденная дорога,
Что я теперь объ отдыхѣ молю.
Пускай затѣмъ грядущее настанетъ,
Мой духъ къ борьбѣ съ отвагою воспрянетъ,
Когда хоть разъ я жажду утолю.

Мои друзья подъ дальнимъ небомъ юга
Всѣ мирно спятъ на родинѣ своей...
Но я любимъ: святой молитвы друга
Я не лишенъ среди скорбей.

Иль Ты, Господь, не внемлешь ей?
Я видѣлъ въ ней могучую охрану...
Иль за меня потерпятъ и друзья?
Пусть шлютъ невинные заклятья урагану:
Безъ нихъ одинъ погибну я!

2.

Я-бъ тамъ заснуть хотѣлъ,
Въ тѣни высокихъ елей,
Найти мечтамъ предѣлъ,
Не знать безплодныхъ цѣлей,
Сквозь сѣть густыхъ вершинъ
Лишь разъ одинъ
На синій сводъ взглянуть
И тамъ на вѣкъ уснуть.

О! тамъ бы я забылъ
Легко печаль земную
И жадной грудью пилъ
Въ травѣ росу лѣсную:
Листва со всѣхъ сторонъ—
Послѣдній сонъ—
И духъ бы отлетѣлъ:
Я-бъ такъ заснуть хотѣлъ.

Довольно на яву
Извѣдалъ я страданій:
Сошли въ нѣмую тьму
Всѣ звѣзды упованій;
Я долго не роптал,
Но все-бъ желалъ,
Закончивъ трудный путь,
Подъ елями заснуть.

С. Андреевскій.

ПОСЛѢДНІЯ

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ

П.-Ж. ПРУДОНА.

IX *)

Переписка Прудона съ Бергманомъ возобновляется опять въ 1857 году. Отъ 2-го января, пишетъ онъ старому другу поздравительное письмо съ новогодними пожеланіями, и подводитъ, при этомъ, итоги своей трехлѣтней дѣятельности. Тихая, но глубокая грусть сказывается въ короткой фразѣ этого письма: «Я не очень-то счастливъ!» Но онъ признаетъ, что и среди всевозможныхъ испытаній не чувствуетъ себя лишеннымъ нравственной поддержки нѣсколькихъ друзей, которыми и дорожитъ, съ каждымъ днемъ, все сильнѣе. Въ тотъ же день пишетъ онъ г. Клэру, благодаря его за то, что тотъ распозналъ въ страстныхъ полемикахъ Прудона идею *нравственнаго возрожденія*, которой проникнуты всѣ его труды.

«Мы съ вами,—говоритъ Прудонъ,—вѣримъ въ справедливость, въ честь, въ добродѣтель, мы желаемъ, чтобъ онѣ существовали для всѣхъ и противъ всѣхъ; все же остальное — лишь средство и орудіе. Таково мое мнѣніе; поэтому-то вы меня искали, и за это я вамъ особенно благодаренъ!

*) См. выше: іюнь, 522 стр.

«Да, вы совершенно правы, надо вернуться къ Вольтеру, т.-е. къ настоящему французскому уму. Развѣ вы не видите, что съ тѣхъ поръ, какъ мы отреклись отъ него, мы не переставали падать все ниже и ниже? Во Франціи есть двѣ литературныхъ традиціи: одна проходитъ черезъ Раблэ, Монтэна, Мольера, Лафонтена, Бэля, Вольтера, Бомарше, Вольнея, Поля Луи (онъ хочетъ сказать Курье), Беранже;—другая слѣдуетъ романтической линіи: Руссо, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Шатобріанъ, Ламартинъ. Первая дѣлаетъ французскую націю несравнимой; по второй же она похожа на всѣ другія націи. И какъ это такъ случилось, что вотъ ужъ болѣе пятидесяти-восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Бонапартъ, итальянецъ, клерикалъ, человѣкъ читавшій Оссіана и Маккіавели, налегъ на нашу несчастную страну—мы совершенно забыли свой народный геній, свой характеръ, чтобы слѣдовать по загрязненной колеѣ сентиментальщиковъ, описателей и плаксъ?»

Изъ письма къ Морису, отъ 8-го января, видно, что здоровье Прудона все еще слабо, хотя онъ и приступаетъ къ печатанію своего большого труда. Въ это же время вышло третье изданіе его книги «О биржевой спекуляціи», о которой онъ проситъ Даримона сказать нѣсколько словъ въ газетѣ «Presse»—не для себя, а для своего издателя. Эту книгу, сначала скомпилированную, онъ превратилъ при дальнѣйшихъ изданіяхъ въ бойкій и глубокій по мысли экономическій памфлетъ и подписалъ его своимъ именемъ. Онъ ею вообще доволенъ, что̀ и выражаетъ г-ну Ларрамá, въ письмѣ отъ 2-го февраля. Въ этомъ письмѣ находимъ мы и мнѣніе Прудона по вопросу тогдашнихъ выборовъ. Онъ стоитъ за необходимость соціально-демократическихъ кандидатуръ; но, какъ мы увидимъ дальше, не остается при этомъ взглядѣ, а радикально его измѣняетъ. Состояніе его здоровья замѣтно отражается на тонѣ и содержаніи всей переписки этого періода. Мы можемъ довольно ясно прослѣдить всѣ симптомы его нездоровья по письму къ д-ру Кретену, съ которымъ онъ видится рѣдко, а потому и долженъ въ корреспонденціи разсказывать ему про всѣ свои болѣзненные симптомы. Такъ, въ письмѣ отъ 7-го февраля, онъ жалуется все на то же ослабленіе жизненныхъ силъ, а, главное, на мозговую тяжесть, сходную, по его мнѣнію, съ началомъ парализаціи; ему все кажется, что эта продолжительная нервная болѣзнь есть слѣдствіе того ужаснаго припадка холеры, отъ котораго онъ еле спасся. Онъ, все-таки, продолжаетъ работать, хотя и сознаетъ, что ему слѣдовало бы воздержаться на долго отъ всякаго умственнаго напряженія. Его поддерживаетъ

меннаго успѣхъ книги «О биржевой спекуляціи»; но печатаніе его большого труда «О справедливости» оттянулось къ концу февраля. И замѣчательно, что, находясь въ постоянныхъ тискахъ нужды и живя исключительно умственной работой, Прудонъ и въ вопросѣ денежнаго вознагражденія писателей является съ чрезвычайно широкимъ и великодушнымъ взглядомъ. Въ письмѣ отъ 1-го марта пишетъ онъ Бергману на эту тэму: «Раздѣляю совершенно твое мнѣніе о *непродажности* произведеній ума; поэтому-то я и не перестаю проповѣдывать знакомымъ мнѣ литераторамъ противъ заблужденій, въ какія они такъ легко впадаютъ. Въ принципѣ, говорю я имъ, произведенія искусствъ и таланта стоятъ *внѣ тарифа*, внѣ *задѣльной платы*, и авторы находятъ вознагражденіе за нихъ, а иногда составляютъ себѣ и состояніе по чистой случайности. Сдѣлать себѣ изъ таланта средство разбогатѣть, значитъ уменьшить, унизить, я скажу даже—проституировать его. Конечно, бѣдный писатель можетъ извлекать изъ своего труда законный заработокъ или, по крайней мѣрѣ, *покрытіе* собственныхъ расходовъ и времени; но браться за литературу изъ-за ея доходности, за философію или науку изъ-за барыша—это такая аномалія, которая должна непремѣнно привести къ извращенію и паденію всѣхъ этихъ областей труда».

Разсуждая далѣе въ томъ же направленіи, Прудонъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ для всякаго бѣднаго труженика: «не только книги, но и журналы, если они не превратятся въ орудіе спекуляціи, не могутъ поднять матеріальнаго положенія литератора»; но онъ кончаетъ надеждой, что еслибъ ему когда-нибудь удалось основать ежемѣсячное обозрѣніе съ такими сотрудниками, какъ Бергманъ и другой пріятель его Феррàри, такой журналъ занялъ бы первое мѣсто въ Европѣ.

Кромѣ Бергмана, у Прудона остается почти одинъ только корреспондентъ, г. Ларрамá, съ которымъ онъ охотно переписывается объ общихъ вопросахъ, дающихъ намъ возможность видѣть движеніе его идей. Такъ, въ письмѣ отъ 21-го марта, онъ говоритъ о слухахъ, возбуждаемыхъ его книгой, еще до ея появленія:

«Ужъ не собираются ли, спрашиваетъ онъ, анатомировать мою книгу по одному только предположенію того, чтó она должна заключать въ себѣ? Жалкій народъ! Ужъ лучше бы они подумали о томъ: какъ имъ защитить себя! Никакая доктрина, ни древняя, ни новая, никакая философія, никакая школа, не можетъ дать понятіе о томъ, чтó такое мой трудъ. А между тѣмъ это самая старая, избитая, вульгарная вещь, къ несчастью, до сихъ поръ всего менѣе понятая: она-то и составляетъ основу и содержаніе

всего. Мнѣ принадлежитъ только изложеніе, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно доступнѣе, примѣняя его къ обстоятельствамъ.

«Мнѣ нельзя было забыть ни о своихъ современникахъ, ни о своихъ противникахъ. Къ первымъ я, какъ можно больше, обращаюсь съ воспоминаніями, вторыхъ же я поджигаю. Горе, говорю это впередъ, великое горе тому, кто окажется внѣ той революціонной категоріи, которую я стараюсь демонстрировать: онъ погибнетъ неизбѣжно! Но много ли есть правовѣрныхъ изъ тѣхъ котерій, которыя стремятся къ тому, чтобъ управлять умами! Ни одной. Много ли противниковъ найду я внѣ всѣхъ этихъ глупостей, внѣ различныхъ церквей, партій, школъ? Также ни одного.

«Мой трудъ будетъ, между прочимъ, имѣть результатомъ—повѣдать всѣмъ, кто не принадлежитъ ни къ какой церкви, сектѣ, партіи или котеріи: какое великое общество составляютъ они, какимъ духомъ руководятся и изъ какихъ принциповъ составлено ихъ *Credo*. А потомъ мы покажемъ, чтó такое всѣ эти котеріи, церкви и секты».

Какъ всегда, Прудонъ глубоко убѣжденъ въ великомъ значеніи своего послѣдняго труда, и не предвидитъ тѣхъ новыхъ непріятностей, какія этотъ трудъ готовилъ ему. Да и вообще, желанія его такъ же умѣренны, какъ и всегда были. Совершенно искренно говоритъ онъ Морису, въ письмѣ отъ 28-го апрѣля, что ничего не хочетъ—больше какъ—освободиться отъ долговъ въ 50 лѣтъ, имѣть на полгода или на годъ впередъ обезпеченное содержаніе и сохранить способность работать. На успѣхъ своего сочиненія онъ сильно разсчитываетъ и надѣется получить отъ него отъ 12 до 14 тысячъ франковъ.

Въ первый разъ встрѣчается въ письмѣ къ г. Ларрамá отъ 19-го мая просьба никому не показывать его писемъ. Онъ говоритъ прямо, что ненавидитъ нескромность публики, почему и проситъ своего корреспондента разрывать и сжигать все, чтó онъ отъ него получитъ. Это объясняется, однако, тѣмъ состояніемъ мозговой слабости, которую Прудонъ все еще не могъ побороть ни лекарствами, ни образомъ жизни. Прежде, когда увѣренность въ умственныхъ силахъ была у него безусловной, онъ и не думалъ обращаться къ знакомымъ и пріятелямъ съ подобными просьбами. Не больше, какъ на другой день, отъ 20-го мая, онъ говоритъ Альфреду Даримону въ маленькой запискѣ, что голова его «ниже посредственности». Тому же Даримону высказываетъ онъ свой взглядъ на тогдашніе выборы въ письмѣ отъ 16-го іюля, гдѣ, въ одно и то же время, считаетъ возможнымъ

для демократовъ-республиканцевъ выступать кандидатами, а себя ставить въ нравственную невозможность слѣдовать ихъ примѣру. Его доводы нѣсколько запутаны и показываютъ, прежде всего, что ему лично тяжело было бы броситься опять въ политическую жизнь. Онъ выдѣляетъ себя совершенно изъ группы республиканскихъ представителей, единственныхъ выразителей настоящаго соціализма. Въ такихъ противорѣчіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы сообразимъ, что его мозговое нездоровье все еще продолжалось, и не дальше какъ на другой день, 17-го іюня, онъ извѣщаетъ г. Трюша, что долженъ былъ оставить печатаніе своей книги, потому что состояніе его мозга не позволяетъ ему въ эту минуту ни думать, ни писать. Отрицая для себя возможность выступить кандидатомъ оппозиціи, онъ поддерживаетъ Даримона въ томъ же качествѣ и пишетъ ему отъ 29-го іюня:

«Что́ должно случиться—случится. Вы, вопреки стараніямъ, кандидатъ оппозиціи и останетесь кандидатомъ, если не сдѣлаете какой-нибудь ошибки. Ничего не говорите, ничего не пишите, ожидайте съ терпѣніемъ и не удивляйтесь, если послѣ выборовъ злоязычіе удвоится. Та̀къ оно должно быть и та̀къ будетъ.

«Разъ вы будете признаны демократической оппозиціей, дѣйствуйте по ея побужденіямъ, не въ качествѣ раба, ищущаго только ея приказовъ и ожидающаго ихъ, но въ качествѣ свободно мыслящаго человѣка, который угадываетъ все, что̀ нужно, и подчиняется этому.

«Никогда не удаляйтесь отъ такого правила: *представитель долженъ всегда становиться на точку зрѣнія своей партіи, высказывать свою мысль, выражать свое мнѣніе, но, если это мнѣніе не возьметъ верхъ, слѣдовать общему движенію*».

Самъ же онъ отказался отъ кандидатуры въ Ліонѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, о чемъ и пишетъ г. Пиллуа́, отъ 30-го іюня, говоря, что ему слишкомъ долго было бы приводить мотивы такого отказа; а задержку въ печатаніи своего сочиненія онъ опять-таки объясняетъ «мозговымъ истощеніемъ», явившимся вслѣдствіе холеры.

Политическіе выборы въ Парижѣ заставляютъ его измѣнить свой взглядъ на поведеніе демократической оппозиціи. Онъ былъ всегдашній противникъ системы «отказа»; но на этотъ разъ находитъ, что депутаты республиканской партіи не могутъ отправиться въ законодательный корпусъ, не умаляя той идеи, какая сказалась въ парижскихъ тогдашнихъ выборахъ: такъ онъ пишетъ къ г. Ларрама̀ отъ 12-го іюля, а на другой день, въ неболь-

шомъ письмѣ къ г. Вильомэ, замѣчаетъ про себя: «оказывается, что я не былъ знакомъ почти ни съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ моего времени: ни съ Шатобріаномъ, ни съ П. Л. Фурье, ни съ Жофруа, ни съ Кузеномъ, ни съ Нодэ, ни съ Бюрнуфомъ, ни съ Гизо, ни съ Тьеромъ, ни съ Баро, ни съ Руайе-Колларомъ, ни съ Ламартиномъ, ни съ Альфредомъ Мюссе, ни съ Девинемъ, ни съ Беранже, ни съ Ламенэ, ни съ Араго и т. д.

«Съ тѣми немногими личностями, съ какими я сталкивался, долженъ былъ я препираться: П. Леру, Люи-Бланъ, В. Консидеранъ и еще кое-кто.

«Развѣ я не отлученъ отъ всей нашей эпохи?

«Ужъ, конечно, никто не придетъ на мое погребеніе. Поговорка гласитъ: Vos soli!.. Горе тому, кто одинокъ!.. Раздумывая объ этомъ, я спрашиваю иногда себя: не влачу ли я цѣпь какого-нибудь великаго злодѣя, осужденнаго за прежнюю жизнь, какъ это выходитъ по ученію Ж. Рено?

«Я сильно начинаю тяготиться жизнью и хочу лишь одного: передъ смертью высказать все, что̀ у меня лежитъ на сердцѣ, и послѣ того я скажу: Foin de moi et du genre humain!»

Въ началѣ августа Прудонъ съѣздилъ къ себѣ на родину, что̀ видно изъ его письма къ г. Ларрамá отъ 10-го августа, хотя предыдущее письмо къ Морису отъ 6-го было все-таки помѣчено Парижемъ. Эта поѣздка немного поправила его здоровье, но онъ находитъ, что возстановить его можетъ только девятимѣсячный отдыхъ, а онъ принужденъ работать какъ каторжный. Его корреспондентъ удивился абсолютной перемѣнѣ Прудонова взгляда на поведеніе республиканскихъ депутатовъ. Прудонъ старается объяснить ему, что онъ не впадаетъ ни въ какія непослѣдовательности, и что его мысль получила другое направленіе сообразно съ событіями. Онъ не только доказываетъ необходимость устраняться отъ всякаго участія въ законодательствѣ, но смотритъ иначе и на присягу, которой прежде вовсе не придавалъ особаго значенія. Странно, что онъ раньше не хотѣлъ придти къ выводу болѣе соотвѣтствующему всему строю его политическихъ мнѣній; теперь же онъ рѣзко и опредѣленно говоритъ, что для республиканцевъ — вопіющая нелѣпость являться въ такія собранія, гдѣ сидятъ императорскіе совѣтники, и что имъ не слѣдуетъ ни принимать присяги, ни участвовать въ дебатахъ, а нужно довести себя до призыва къ порядку, послѣ чего выйти въ отставку. Вообще же тогдашнее политическое положеніе Франціи не особенно его одушевляетъ, и онъ гово-

рить въ письмѣ къ г. Сюшѐ, отъ 21-го сентября: «ничего у насъ нѣтъ занимательнаго, ни на столѣ, ни подъ столомъ. Все застыло, скучаетъ, пресыщено, испытываетъ тошноту, а иногда порывается, какъ арестантъ, выдти на воздухъ погулять».

«Но!... идти не въ чемъ, и при малѣйшемъ признакѣ эмансипаціи, раздаются крики: *стой, берегись императорской гвардіи!*

«Право—потѣшный народъ: жалуются на то, что не могутъ болтать, а когда у нихъ спрашиваютъ, изъ-за чего такъ сильно чешется ихъ языкъ, они не умѣютъ отвѣтить.

«Вотъ въ какомъ мы положеніи».

Общее нездоровье Прудона, судя по его письму къ д-ру Кретену отъ 16-го октября, получило съ наступленіемъ осени новый характеръ. Прежде онъ чувствовалъ какъ-бы онѣмѣніе въ нервной системѣ, а теперь это перешло въ невральгическія страданія съ необычайной раздражительностью кожи на черепѣ и вдоль всего станового хребта. И все-таки онъ не можетъ перестать работать и продолжаетъ заниматься печатаніемъ своей большой книги. Мало того, онъ долженъ помогать брату, чтѐ для него чрезвычайно затруднительно, такъ что въ одномъ письмѣ къ Морису онъ на это жалуется и все-таки пишетъ ему отъ 19-го октября, чтобъ онъ передалъ опять брату, отъ его имени, 50 франковъ. Въ сущности, одна только работа поддерживаетъ его сколько-нибудь, потому что политическая и соціальная жизнь его соотечественниковъ не представляютъ, по его мнѣнію, никакого просвѣта. Ему остается—мириться съ дѣйствительностью, какъ онъ дѣлалъ это и прежде, искать въ качествѣ мыслителя роковыхъ причинъ подобнаго порядка вещей. Онъ это и дѣлаетъ въ письмѣ къ г. Боннону, отъ 24-го октября.

«Дѣла идутъ обычнымъ путемъ и не нужно изумляться имъ. Васъ огорчаетъ то, чтѐ вы видите, но я такъ давно уже предаюсь подобнымъ же соображеніямъ, что помирился съ необходимостью—совершенно такъ, какъ медикъ съ болѣзнью. Повторяю: пускай какъ-нибудь идутъ событія, только бы они шли впередъ. Мыслитель, государственный человѣкъ отмѣчаютъ всѣ симптомы, чтѐ имъ помогаетъ предупреждать когда нужно съ большимъ авторитетомъ и указывать пособія съ бѐльшей увѣренностью.

«Мы видимъ теперь такіе примѣры рабства и пошлости, какихъ не представляютъ даже первые годы старой имперіи и реставраціи, но, не взирая на эти лицемѣрныя демонстраціи, зданіе все-таки подрыто; придетъ день, когда власть будетъ покинута, и все рухнетъ.

«Что всего печальнѣе, это то, что, благодаря насильственному

молчанію прессы и бездарному нерадѣнію тѣхъ писателей, которымъ еще позволено что-нибудь говорить, здоровье общественнаго тѣла вовсе не двигается впередъ. Опытъ ничему не служитъ, и мы рискуемъ оказаться послѣ новой катастрофы такими же глупыми, какъ и на другой день послѣ паденія Луи-Филиппа».

Дальнѣйшее развитіе его политическихъ и соціальныхъ идей въ этомъ же направленін находимъ мы въ письмѣ къ Марку Дюфрессу, отъ 28-го октября. Возвѣщая ему скорое появленіе въ свѣтъ своего большого труда, онъ говоритъ слѣдующее:

«Старый міръ былъ въ полномъ комплектѣ: у него была своя теологія, своя философія, своя піитика, своя эстетика, экономія, политика, мораль и т. п. Теперь надо показать, что или революція ничего не значитъ, или же она должна замѣнить все это, т.-е. вполнѣ пересоздать общество. Сдѣлала ли она это до сихъ поръ? Увы! Революція была съ первыхъ же дней предана своими людьми; эти люди отдавались могучимъ порывамъ, но не понимали ея идей, не осмыслили своего поведенія. Революція насытилась старыми понятіями, сдѣлалась союзницей клерикаловъ, стала ханжить, заявила себя во всемъ и вездѣ своими противорѣчіями. Вышло это, конечно, не по отсутствію доброй воли, а вслѣдствіе общаго невѣжества. Самое дѣло было слишкомъ обширно!..

«Смѣю думать, что въ первый разъ выяснена будетъ синтетическая идея революціи, показана ея совокупность, и сама она будетъ поставлена съ-глазу-на-глазъ передъ старымъ свѣтомъ, который все еще до сихъ поръ правитъ и обладаетъ нами, intus et in cute. То, что я вамъ возвѣщаю, до такой степени громадно (онъ говоритъ о своемъ произведеніи), что какъ только идея будетъ заявлена, немыслимо, чтобъ существующая система могла дольше держаться, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она должна была бороться только съ пожирающимъ вліяніемъ одной *идеи*. Заглавіе моей книги, которое прошу васъ держать въ секретѣ вплоть до публикаціи, такое: «О справедливости въ революціи и въ церкви». Справедливость для меня правитъ всѣмъ: государствомъ и семействомъ, экономическимъ бытомъ, трудомъ, даже литературой и искусствомъ. Католичество, какъ органъ религіозной мысли, представляетъ собой органъ стараго свѣта. Справедливость касается всего, преобладаетъ надъ всѣмъ, опредѣляетъ все; такъ что человѣческій порядокъ зависитъ оттого, какъ она понята и истолкована католичествомъ и революціей.

«Къ сожалѣнію, я готовлюсь къ тому, что на меня нападутъ со стороны демократіи; хотя она и не заражена бонопартизмомъ или іезуитизмомъ, признаетъ, однако, всѣ принципы, развитіе

которыхъ, на протяженіи вѣковъ, привело къ феодальности, къ имперіи, къ теократіи. Для полнаго торжества революціи надо было очистить демократію отъ всей этой ложной примѣси, и, конечно, такая операція, способная задѣть множество самолюбій и тщеславныхъ интересовъ, не пройдетъ безъ возгласовъ. Придется выдержать послѣдній штурмъ, послѣ чего міръ волей-неволей долженъ будетъ войти въ извѣстныя рамки, hi quidem a dextris, illi autem at sinistris».

Кончаетъ онъ свое письмо такими крупными соображеніями: «Наши три истинныхъ врага: банкъ, католичество, магистратура. Первый очень расшатанъ, второй — въ забросѣ, третья представляетъ собой орудіе настолько же безотвѣтственное, какъ и солдатъ на часахъ. Посредствомъ какой же комбинаціи эти три силы держатъ насъ подъ своимъ игомъ? Моя книга повѣдаетъ вамъ это: метафизическій и практическій принципы, выражаемые этими тремя учрежденіями, признаются всѣми подъ обманчивыми именами и формулами, приводящими въ сущности къ тому же самому. Моя философская эпопея разорветъ всѣ эти покрывала; тогда я надѣюсь, что міръ узнаетъ самого себя и можетъ выбрать сознательно то, чтò ему нужно».

Словомъ, онъ ожидаетъ громаднаго эффекта отъ своей книги и не безъ удовольствія сообщаетъ объ одновременномъ переводѣ ея на нѣмецкій языкъ. Такой же строй воззрѣній находимъ мы и въ письмѣ къ г. М***, отъ 4-го ноября. Прудонъ говоритъ прямо, что если общественное мнѣніе Франціи будетъ становиться съ каждымъ днемъ все равнодушнѣе, если оно будетъ мириться съ идеей императорской династіи, будетъ вдаваться въ феодальныя традиціи, тогда онъ рѣшится на добровольное изгнаніе и перенесетъ за границу печатаніе своей книги. Онъ не хочетъ мѣнять ни одного слова въ трехъ ея томахъ, и думаетъ, что если печатаніе произойдетъ за границей, сочиненіе его сдѣлаетъ еще болѣе вреда императорскому правительству, чѣмъ совокупная ненависть враждебныхъ ему партій, чѣмъ двѣсти такихъ выборовъ, какіе произошли въ трехъ округахъ сенскаго департамента. А тѣмъ временемъ полиція взволновалась еще до появленія книги въ свѣтъ, прослышавши черезъ нѣмецкія газеты, будто бы Прудонъ желаетъ выпустить памфлетъ подъ заглавіемъ: «Le Bon Dieu au dix-neuvième siècle». Типографы и книгопродавцы были обысканы, а самъ Прудонъ протестовалъ противъ этого обыска письмомъ, которое, какъ онъ сообщаетъ Шарлю Белэ отъ 13-го ноября, благосклонно принято. Онъ продолжаетъ держаться своего новаго взгляда на поведеніе республиканской партіи и де-

путатовъ демократіи и повторяетъ его въ письмѣ къ Сюше отъ 10-го декабря, что республиканцы «если уважаютъ себя, не могутъ идти въ законодательный корпусъ». Онъ считаетъ это вопросомъ политической честности, которая должна преобладать надъ всѣмъ остальнымъ. И не только въ политикѣ, но и въ частной жизни, онъ напираетъ на чистоту совѣсти въ томъ же письмѣ, говоря про себя: «каждый день я копаюсь въ самомъ себѣ и спрашиваю: увѣренъ ли я въ томъ, что въ теченіи дня не сдѣлалъ какого-нибудь сквернаго дѣла? Жизнь становится все тяжеле отъ той трудности, съ какой человѣкъ поддерживаетъ свою честность!»

Къ концу 1857 г. книга Прудона все-таки не была окончена, и вдобавокъ онъ заболѣлъ горломъ передъ самымъ новымъ годомъ.

II.

По поводу покушенія Орсини на жизнь Наполеона III, Прудонъ замѣчаетъ въ письмѣ къ г. Сюше, отъ 20-го января 1858 г.: «мы будемъ обязаны имъ (т.-е. заговорщикамъ Орсини, Піетри и другимъ) новыми репрессивными законами: такъ все на свѣтѣ и дѣлается. Вотъ ужъ три тысячи лѣтъ какъ политика идетъ этимъ путемъ. Наполеоновское правительство конспирируетъ, страсти производятъ взрывъ; и чѣмъ сильнѣе, тѣмъ больше это правительство предается своимъ заговорамъ, и vice versa».

И дѣйствительно, правительство Наполеона III приступило къ цѣлому ряду такихъ мѣръ, которыя не могли вызвать въ Прудонѣ ничего, кромѣ самаго безпощаднаго протеста. Мы находимъ въ письмѣ, отъ 8-го февраля, къ Шарлю Эдмону такое мѣсто:

«Вступительная рѣчь Наполеона—безумie, рапортъ министра Бильо—безумie!

«Проектъ закона подозрительныхъ личностей—безумie!

«Законъ о регентствѣ, устраняющій почти совсѣмъ принца Наполеона—безумie!

«Адресы гражданскихъ властей, говорящіе, что со смертью Наполеона все погибло бы — безумie!

«Адресы національной гвардіи и арміи—безумie!

«Адресъ Морни отъ имени законодательнаго корпуса, заключающій въ себѣ угрозы Англіи—безумie!

«Запрещеніе журналовъ, пристращиванье прессы—безумie!

«Удаленіе отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ—безумie!

«Замѣщеніе его Эспинасомъ—безумie!

«Проектъ закона о присягѣ,—безуміе!

«Я пропускаю многое, что еще получше, но вы сами можете продолжать эту литанію».

Тотчасъ за этимъ, онъ переходитъ къ своей книгѣ и говоритъ, что вовсе не боится за ея судьбу, и еслибъ онъ не былъ отцомъ семейства, то почти желалъ бы преслѣдованія. Онъ не надѣется выпустить ее раньше марта мѣсяца, и находитъ, что раньше было бы и неудобно: надо переждать, пока реакціонное волненіе поуляжется. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Морису, отъ 26-го февраля, онъ уже опредѣлительно говоритъ, что книга можетъ появиться между 15-мъ и 25-мъ марта, и разойтись въ три недѣли въ количествѣ шести-тысячъ экземпляровъ, изъ которыхъ должно состоять первое изданіе. Но его издатель и типографъ уже начинаютъ сильно трусить, и предвидятъ неминуемое преслѣдованіе и приговоръ трибунала исправительной полиціи,— до такой степени подѣйствовали на нихъ: рѣчь императора, рапортъ Бильо, циркуляръ Эспинаса, донесеніе Морни и законъ о подозрительныхъ личностяхъ.

«Что же до меня,—говоритъ Прудонъ,—я ничего не боюсь: я глубоко убѣжденъ въ томъ, что моя книга—чистая находка для власти, что правительство само наложитъ на себя руки, если будетъ ее преслѣдовать; во всякомъ случаѣ, если преслѣдованіе и состоится, врядъ ли правительство не остановится передъ той защитой, какую я приготовлю.

«Таково, милый другъ, положеніе дѣлъ. Не нужно было бы слишкомъ много говорить о немъ: подождите еще недѣль шесть.

«Если же, вопреки всѣмъ моимъ соображеніямъ, книга будетъ захвачена, а я призванъ къ суду, приговоренъ и т. д.,—что же? и отъ этого я плакать не буду: я чувствую себя въ настоящую минуту римляниномъ наканунѣ сраженія; завѣщаніе мое написано,—я привелъ въ порядокъ и собственную совѣсть, и всѣ дѣла свои. Ничто не можетъ смущать меня, и будьте увѣрены, что я не ослабѣю передъ лицомъ моихъ судей».

Въ небольшомъ письмѣ къ г-ну Тюлуà, мы находимъ мнѣніе о Ренанѣ, какъ писателѣ-лингвистѣ: «мнѣ совсѣмъ не нравится,—пишетъ Прудонъ,—эта смѣсь нѣмецкой эрудиціи и литературничанья. Не такъ дѣйствовали наши истинные филологи, люди въ родѣ Абеля Ремюза, Эжена Бюрнуфа и Летронна. Они были вполнѣ преданы наукѣ и истинѣ». И тутъ онъ, возвращаясь къ своей книгѣ, еще разъ говоритъ, что она должна появиться между 15-мъ и 20-мъ марта. Черезъ двѣ недѣли, въ запискѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 10-го марта, Прудонъ надѣется

даже на то, что имперія не устоитъ въ борьбѣ съ нимъ, если вздумаетъ преслѣдовать его книгу или, по крайней мѣрѣ, не успѣетъ закончить этого преслѣдованія, такъ какъ всѣ ожидают какого-нибудь новаго государственнаго переворота. Но книга нѣсколько запоздала, и въ запискѣ къ Шарлю Эдмону отъ 8-го апрѣля Прудонъ говоритъ, что только на другой день онъ ожидаетъ послѣднюю корректуру. Книга вышла въ свѣтъ 22-го апрѣля 1858 года, а наканунѣ Прудонъ счелъ нужнымъ отправить одинъ экземпляръ къ принцу Наполеону съ письмомъ, которое мы должны сообщить здѣсь текстуально, чтобъ дать читателю полную возможность судить: въ какой степени Прудонъ поступилъ въ этомъ случаѣ сообразно своимъ гражданскимъ принципамъ, — отъ себя же мы скажемъ, что если онъ не хитрилъ съ пріятелемъ и не боялся за судьбу своей книги, то ему врядъ ли слѣдовало, дойдя до совершенно отрицательнаго взгляда на тогдашнее императорское правительство, обращаться съ подобнымъ посланіемъ къ двоюродному брату императора, либерализмъ котораго онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять за чистую монету.

«Принцъ,—пишетъ ему Прудонъ,—я имѣю честь предложить вамъ экземпляръ моего новаго сочиненія: «О справедливости въ революціи и церкви».

«Вы не прочтете, конечно (и хорошо сдѣлаете), всѣ эти тысячу-семьсотъ страницъ нравственной философіи, выведенной изъ принципа французской революціи; вообще нѣтъ ничего скучнѣе моралистовъ, и такъ какъ я не совершаю чудесъ, то и не имѣю претензіи быть въ этомъ случаѣ исключеніемъ.

«Но вамъ могутъ изложить содержаніе моей книжищи, и если докладчикъ будетъ уменъ, онъ вамъ сообщитъ, между прочимъ, слѣдующее:

«что принципъ династической законности—потерянной или непризнаваемой со времени паденія стараго порядка—приведенъ въ ясность въ моей книгѣ; что этотъ принципъ, бывшій до 1789 года олицетвореніемъ *божественнаго права* въ избранной семьѣ или же олицетвореніемъ религіозной мысли, составлявшей основу общества, въ настоящее время можетъ быть опредѣляемъ, какъ олицетвореніе, въ такой же избранной семьѣ, *человѣческаго права* (я разсуждаю въ смыслѣ монархической формы), или же раціональной идеи революціи. Докладчикъ можетъ прибавить еще:

«что для осуществленія подобной законности нужно было первоначально узнать, существуетъ ли революціонная идея; но

познаніе это не было еще никогда достигнуто, и моя книга есть первая серьёзная попытка проникновенія въ эту тайну;

«что настоящая причина политическихъ революцій, волнующихъ насъ вотъ уже 70 лѣтъ, происходитъ отъ невѣжества всей страны на-счетъ того: какая же ей предстоитъ судьба и какая заключается сила въ ея призваніи,—и

«что то же роковое невѣжество колеблетъ имперію и въ настоящую минуту.

«Въ чемъ же заключается эта идея революціи?

«Я употребилъ тысячу-семьсотъ страницъ на ея разъясненіе. Выводъ заключается въ томъ, что подобно тому, какъ старое общество, основанное на божественномъ правѣ, было вполнѣ организовано и въ политикѣ, и въ экономіи, и въ нравственномъ строѣ, и въ метафизикѣ, и въ эстетикѣ и т. д., точно также и революція, являющаяся противоположностью этому старому обществу, должна быть вполнѣ организована по каждой изъ этихъ категорій.

«Я стараюсь все это показать. Такая задача огромна для одного человѣка; но она сдѣлается чрезвычайно легкой тогда, когда вопросъ будетъ поднятъ и всѣ займутся имъ».

До сихъ поръ, какъ читатель видитъ, во всемъ этомъ сказывается авторъ, желающій, чтобъ идея его книги была хорошо понята; но и въ самомъ этомъ изложеніи есть уже совершенно ненужная постановка вопроса о новой формѣ законности «въ избранной семьѣ», отзывающаяся поддѣлкой подъ династическую претензію фамиліи Бонапартовъ. Слѣдующія же строки представляютъ собой весьма грубый диссонансъ, и каждый почитатель Прудона искренно пожалѣетъ, что онѣ были написаны такимъ честнымъ человѣкомъ и мыслителемъ по собственному желанію:

«Простите, принцъ, автору его тщеславную выходку, если онъ скажетъ, что для царствованія Наполеона III будетъ честью появленіе подобнаго труда или, лучше сказать, постановка такого страшнаго вопроса, несмотря на строгость правительственнаго режима и разнузданность общественной совѣсти.

«Но для правительства будетъ пятномъ, если въ минуту появленія моей книги произойдетъ слишкомъ глубокій разладъ между властью и революціонной совѣстью, въ которой заключается единственная законность: идея о покушеніи на жизнь Наполеона разлита повсюду до такой степени, что даже настолько независимый умъ, какъ мой,—даже писатель, слова котораго принимаются серьёзно, принужденъ пускать въ ходъ, обращаясь къ публикѣ, всевозможныя предосторожности, чтобы бороться съ такой чудовищной идеей.

«Орсини сдѣлался парижской модой, заражающей даже англійскихъ монархистовъ; внѣ императорской прессы нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ меня, способнаго протестовать противъ подобнаго извращенія нравственнаго смысла.

«Принцъ, я боюсь, чтобъ не пришли для васъ тяжелые дни. Вы когда-то были моимъ благосклоннымъ товарищемъ въ учредительномъ собраніи; вы выказали себя и для моихъ несчастныхъ друзей, и для меня самого крайне обязательнымъ со времени возстановленія имперіи; еще недавно вы создали между мною и вами, приславъ мнѣ вашъ докладъ о всемірной выставкѣ, родъ литературнаго товарищества. Что бы ни случилось, принцъ, я не забываю ни оказанныхъ мнѣ услугъ, ни добраго со мной обхожденья; почему и прошу васъ взглянуть, какъ на новое доказательство моихъ чувствъ, на эту книгу, преисполненную смѣлости, но, въ сущности, болѣе смѣлую по содержанію, чѣмъ по формѣ».

Заключительное слово письма, какъ читатель видитъ, нѣсколько объясняетъ мотивъ обращенія Прудона въ принцу Наполеону; но еслибъ онъ даже и желалъ почтить своего бывшаго товарища по учредительному собранію и человѣка, лично къ нему расположеннаго, онъ могъ бы это сдѣлать въ формѣ обыкновеннаго обращенія при посылкѣ экземпляра, а не входить въ философско-политическія соображенія, весьма двусмысленнаго характера.

Выпустивъ книгу, Прудонъ, въ письмѣ къ Морису отъ 23-го апрѣля, спрашиваетъ: будутъ ли ее преслѣдовать?—и отвѣчаетъ, что сомнѣвается въ этомъ. Преслѣдованіе состоялось не вдругъ. Черезъ четыре дня, 25-го апрѣля, онъ пишетъ большое письмо другу своему Бергману, благодаря его за желаніе посвятить ему какое-то сочиненіе; но остерегаетъ Бергмана, занимавшаго въ то время оффиціальное положеніе въ университетскомъ мірѣ. Черезъ два дня книга Прудона была захвачена, и онъ проситъ Шарля Эдмона, въ запискѣ въ три строки, оповѣстить объ этомъ вечеромъ въ газетѣ «Presse». Вѣроятно, по этому поводу получилъ онъ и письмо отъ бывшаго своего сотрудника и единомышленника Даримона,—благодаритъ его, но прямо высказывается за необходимость остаться вдалекѣ другъ отъ друга. Такое поведеніе опять становится настоящимъ Прудономъ, человѣкомъ принципа, не стѣсняющимся даже съ пріятелями въ выраженіи своихъ идей и симпатій: «говоря вполнѣ откровенно,—пишетъ онъ Даримону, отъ 30-го апрѣля:—если ваше политическое поведеніе и не имѣетъ ничего лично-предосудительнаго (онъ намекаетъ на депутатство

Даримона), такъ какъ оно было мотивировано крупными примѣрами и поддержкой сорока-тысячъ избирателей, если вы имѣете даже нѣкоторый поводъ думать, что я самъ подвинулъ васъ къ нему, — я все-таки убѣжденъ въ томъ, что можно было сдѣлать кое-что иное, почему и нужно, чтобъ мы не были солидарны въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

«Все это грустно: идеи и чувства соединяютъ людей, а общество и вызываемая имъ разница взглядовъ заставляютъ расходиться. Надо съ этимъ помириться, потому что безъ того мы перестали бы быть свободными».

X.

Тотчасъ по выпускѣ своей книги, Прудонъ пишетъ, отъ 1-го мая, Матею, что правительство затѣяло противъ него процессъ. Онъ, повидимому, не ожидалъ такого скораго преслѣдованія; но, судя по тону письма, процесса онъ не особенно боится и говоритъ, что только 500 экземпляровъ были захвачены въ Парижѣ, а шесть-тысячъ спасено, и въ Брюсселѣ предполагается второе изданіе. Книга такъ заинтересовала всѣхъ, что на бульварахъ предлагали по тридцати и по пятидесяти франковъ за экземпляръ. Въ тотъ же самый день онъ пишетъ Дюбуа, что приготовляется уже къ защитѣ, составилъ цѣлую систему и подумалъ объ адвокатѣ. Онъ сначала хотѣлъ добиться того, чтобы дѣло разбиралось не въ обыкновенномъ трибуналѣ, а въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ и проситъ г. Дюбуа быть его защитникомъ. Тѣмъ временемъ справляется онъ у пріятеля своего, Шарля Эдмона, отъ 30-го мая: чѣмъ, главнымъ образомъ, мотивировано было его преслѣдованіе: давленіемъ ли клерикальной партіи, или же собственной инициіативой правительства, желавшаго предупредить мщеніе іезуитовъ? Вторая дѣловая записка, отъ 4-го мая, г-ну Дюбуа показываетъ, что Прудонъ все еще надѣялся отклонить компетентность простого трибунала и перенести дѣло въ государственный совѣтъ, что ему, однако, не удалось. Черезъ день его допрашивалъ судебный слѣдователь, и подробности этого дѣла сообщаетъ онъ Шарлю Эдмону, отъ 6-го мая, характеризуя, въ трехъ пунктахъ, задуманное противъ него обвиненіе, которое распадалось на обвиненіе въ оскорбленіи закона, семейнаго начала, нравственныхъ принциповъ, на изобличеніе въ защитѣ цареубійства и на желаніе поймать его въ выдумкѣ относительно корреспонденціи пасквилянта Миркура съ архіепископомъ безан-

сонсвимъ, къ которому, какъ извѣстно, обращена вся книга Прудона. Онъ продолжаетъ говорить бодро и весело о грозящихъ ему непріятностяхъ и мѣняетъ планъ защиты, прося Эдмона повидаться съ адвокатомъ Кремьё, котораго онъ желалъ бы имѣть защитникомъ въ апелляціонномъ судѣ, а для защиты въ судѣ исправительной полиціи онъ избираетъ своего единомышленника, земляка и пріятеля, Густава Шодэ, того самаго, который былъ разстрѣлянъ заложникомъ въ послѣдніе дни парижской коммуны. То, чтó случилось въ первую недѣлю мая мѣсяца, Прудонъ резюмируетъ въ небольшомъ письмѣ къ Морису, гдѣ сознается, что было бы гораздо лучше, если бы ничего подобнаго не случилось. Безъ этой исторіи можно было бы ужъ приступить къ печатанію второго изданія и къ концу года продано бы было двадцать-пять тысячъ экземпляровъ. Вообще же, онъ и теперь доволенъ успѣхомъ книги, говоря, что успѣхъ этотъ превосходитъ всѣ его ожиданія: «Я рѣшительно,—добавляетъ онъ,—одинъ изъ тѣхъ писателей, слова которыхъ получаютъ вѣсъ; если по таланту я далеко не ровняюсь Ламартину, Тьеру и т. д., то по положенію я могу считаться равнымъ имъ».

Желая все-таки попытаться перенести дѣло изъ простого трибунала въ государственный совѣтъ или, во всякомъ случаѣ, поставить его на другую почву, Прудонъ обращается, отъ 11-го мая, съ петиціей въ сенатъ, гдѣ подробно высказываетъ всѣ мотивы своей книги. Онъ говоритъ, что пораженный противорѣчіемъ между принципомъ 89-го года, стоящимъ во главѣ французской конституціи, и оффиціальнымъ признаніемъ церкви, принципъ которой стремится къ ниспроверженію основаній французскаго публичнаго права—онъ напрягъ всѣ свои умственныя силы на изысканіе средствъ—устранить это противорѣчіе, представляющее собой постоянный источникъ тревоги для совѣсти отдѣльныхъ лицъ, постоянную причину непрочности общественнаго порядка. Онъ пришелъ къ признанію того, что настоящая общественная конституція основывается на справедливости, что принципъ справедливости прирожденъ человѣческой природѣ и не требуетъ никакого внѣшняго вліянія, что семейство и государство—естественные органы этого самаго принципа, что въ немъ сосредоточиваются, какъ въ центрѣ, всѣ идеи 89 года, всѣ декларація и конституціи, какія слѣдовали во Франціи съ той эпохи; но что этотъ принципъ абсолютно несогласимъ съ продолженіемъ того оффиціальнаго положенія католичества, какое создалъ конкордатъ 1802 г. Изъ этого вытекла для него необходимость: совершенно передѣлать современное законодательство во всемъ томъ, что ка-

сается отношеній между католичествомъ и государствомъ. Такая передѣлка,—напоминаетъ онъ сенату,—не представляетъ ничего ужаснаго. Она вытекаетъ даже прямымъ конституціоннымъ путемъ изъ высокой прерогативы самого сената и принадлежитъ, по духу конституціи, всѣмъ гражданамъ посредствомъ права подачи петиціи. Тутъ онъ приводитъ соотвѣтственныя мѣста изъ конституціи 52 года. Принимая эти законоположенія за нѣчто совершенно серьёзное, онъ и писалъ свою книгу «О справедливости въ революціи и церкви». Онъ желалъ, чтобы эта книга заключала въ себѣ изложеніе мотивовъ для той петиціи, какую онъ собирался подать въ сенатъ: о необходимости пересмотра церковнаго законодательства. А такъ какъ для него невозможно было отдѣлить дѣло подобной петиціи отъ прямого обращенія къ общественному мнѣнію, то онъ и долженъ былъ сначала подѣйствовать, какъ можно сильнѣе, на мнѣніе общества и приготовить его преніями въ сенатѣ, т.-е. въ учрежденіи, спеціально предназначаемомъ для выработки законодательныхъ проектовъ.

Прилагая свое сочиненіе къ петиціи, онъ проситъ, чтобы сенатъ разсмотрѣлъ: слѣдуетъ ли измѣнить положеніе, данное церкви конкордатомъ 1802 г. и послѣдующими конституціями, для того, чтобы обезпечить право, созданное революціей, и возстановить конституцію въ единственномъ ея принципѣ, постановивши, въ случаѣ отказа со стороны духовенства—примкнуть къ такой реформѣ, по которой церковь лишается всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ, какими она обязана революціи. Просьбу эту Прудонъ мотивируетъ слѣдующимъ положеніемъ: «Общество человѣческое (какъ онъ старается доказать въ своей книгѣ) заключаетъ въ самомъ себѣ, въ силу прирожденныхъ ему свойствъ, всѣ принципы, всѣ понятія, всю энергію, необходимые для своего поступательнаго движенія; совѣсть вовсе не нуждается въ какой-нибудь высшей санкціи, и древнее общество дошло до порчи какъ разъ вслѣдствіе признанія такой санкціи, которая и до сихъ поръ представляетъ собой причину ослабленія публичныхъ и домашнихъ нравовъ. Революція имѣла во Франціи цѣлью помочь недостаточности нравственнаго воспитанія, даваемаго церковью, поднять достоинство человѣка, обезпечить равновѣсіе общественныхъ силъ, создать свободу и благо гражданъ; католическая церковь, по существу своему, не заключаетъ въ себѣ никакой опредѣленной нравственной доктрины, совершенно лишена юридическихъ идей, какъ относительно *церкви*, такъ и относительно соціальной экономіи, политическаго порядка, воспитанія, труда, направленія ума; она не признаетъ и не допускаетъ ни *свободы*,

12*

ни равенства, ни прогресса, ни достовѣрности; она ничего не знаетъ опредѣленнаго, ни про *бракъ*, ни про семейство; если революція 1789 г. выказала относительно церкви терпимость, если она позаботилась о средствахъ существованія духовенства, окружила богослуженіе извѣстнымъ почетомъ, воздержалась относительно его отъ всякой оффиціальной полемики, даже отдала церкви извѣстную долю вліянія въ воспитаніи юношества и въ направленіи общественныхъ нравовъ, то всѣ эти дѣйствія революціи никоимъ образомъ нельзя приписывать какой-нибудь ретроградной мысли, желанію отречься отъ свободы или справедливости: во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть только мудрость законодателя, принужденнаго обращаться съ новыми генераціями сообразно съ ихъ развитіемъ, и идти впередъ, шагъ за шагомъ. И такъ какъ церковь, имѣвшая прежде власть равную государству, въ революціонной Франціи представляетъ собой низшее учрежденіе, стоящее внѣ конституціи; такъ какъ церковь эта, осужденная въ силу своего догмата на фатальную неподвижность, отрицаетъ все болѣе и болѣе систему правъ, развитыхъ революціей; такъ какъ она постоянно клевещетъ на революцію, отрицаетъ принципъ народнаго правительства и, не довольствуясь, что сдѣлала изъ себя государство въ государствѣ, добивается того, чтобы каждое государство превратилось только въ отдѣльную церковь, принадлежащую къ общему лону одной римской церкви, то изъ этого постояннаго антагонизма между нею и государствомъ вытекаетъ опасность безпрестаннаго волненія, ведущаго къ общественной и междоусобной войнѣ; постоянная опасность для собственности, постоянная близость возмущенія; почему продолженіе такого порядка вообще и не можетъ не тревожить всѣхъ друзей революціи, компрометтируя въ глазахъ націи то государство, которое терпитъ его».

Изъ новой записки къ Шарлю Эдмону, отъ 12-го мая, мы видимъ, что Прудонъ продолжаетъ хлопотать о томъ, чтобы заручиться защитой адвоката Кремьё во второй инстанціи, а на другой день онъ пишетъ къ своему защитнику первой инстанціи, Гюставу Шодэ, и намѣчаетъ ему систему защиты, которая должна, прежде всего, выяснить хорошенько главные мотивы книги, доказывая, что церковь во Франціи съ 1789 года *находится внѣ общества.* Слѣдующее письмо къ тому же Шодэ, отъ 17-го мая, содержитъ новое соображеніе Прудона въ томъ смыслѣ, что нужно добиться признанія некомпетентности обыкновеннаго трибунала, такъ какъ въ его книгѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ гражданъ къ церкви, находящейся *внѣ публичнаго права, установленнаго*

революцией. Онъ разсчитываетъ также на петицію въ сенатъ и сообщаетъ о томъ, что за-границей книгу его начинаютъ уже преслѣдовать: въ Берлинѣ полиція запретила ея продажу, а гамбургскій сенатъ не дозволилъ печатать нѣмецкій переводъ. Петицію въ сенатъ Прудонъ желаетъ распространить возможно больше, не пуская ея въ продажу, о чемъ онъ пишетъ Шарлю Белэ, отъ 19-го мая.

Съ каждымъ днемъ процессъ затягиваетъ его больше и больше, а между тѣмъ мы видимъ, что онъ далеко еще не возстановилъ свои физическія и, въ особенности, мозговыя силы: «Вотъ уже три года,—пишетъ онъ г-ну Николь, отъ 20-го мая, —какъ я страдаю мозговымъ утомленіемъ, которое, однако, не мѣшаетъ мнѣ работать, ибо *нужно* работать. Да, *нужно:* у одного побудительнымъ мотивомъ служитъ ширина замысла, у другого—потребности будничной жизни, для многихъ и то и другое разомъ. Бѣденъ ли человѣкъ, или богатъ, все-таки нужно идти, бороться, побѣждать, или умирать. Я въ такомъ положеніи, и вы, и всѣ мы. Въ настоящую минуту у меня, вдобавокъ, политическій процессъ, который, по всей вѣроятности, принесетъ мнѣ, вмѣстѣ съ большимъ почетомъ со стороны зѣвакъ, три новыхъ года тюремнаго заключенія, безъ которыхъ я могъ бы очень легко обойтись».

Этотъ отрывокъ, какъ читатель видитъ, дышетъ извѣстнаго рода бодростью; но въ то же самое время къ доктору Магэ Прудонъ пишетъ нѣсколько инымъ тономъ: «Я совершенно подавленъ и разбитъ. Вотъ у меня на рукахъ большой процессъ, и мнѣ очень трудно направить, какъ слѣдуетъ, адвокатовъ, непонимающихъ въ немъ ровно ничего; а моя голова чувствуетъ себя хуже, чѣмъ когда-либо. Я нуждаюсь въ абсолютномъ спокойствіи, по крайней мѣрѣ, на пять или на шесть дней, и вы единственный человѣкъ, способный дать мнѣ его». Онъ и собрался въ концѣ мая, на нѣсколько дней, къ д-ру Магэ: погостить въ тихой деревенской обстановкѣ; а тутъ продолжается еще безконечный разсчетъ съ другимъ пріятелемъ, Морисомъ. Въ письмѣ, отъ 21-го мая, Прудонъ, подводя итоги изданію, надѣется, все-таки, выручить до 16-ти тысячъ франковъ, изъ которыхъ, за вычетомъ денежной пени, грозившей ему по процессу, и другихъ расходовъ, у него останется до 8-ми тысячъ. На нихъ надо будетъ жить, и если возможно, расплатиться съ тѣмъ же Морисомъ. Передъ отъѣздомъ въ деревню, онъ каждый день пишетъ дѣловыя письма. Получивши повѣстку изъ суда, онъ увидалъ рѣшительное желаніе правительства: присудить его

къ *максимуму* наказанія, т.-е. къ трехлѣтнему тюремному заключенію, о чемъ онъ сообщаетъ доктору Кретену. Эта пріятная перспектива не мѣшаетъ ему, въ томъ же письмѣ, отъ 21-го мая, разсуждать о своей книгѣ слѣдующимъ образомъ:

«Вы находите, что книга моя будетъ слишкомъ медленно входить въ умы, вслѣдствіе ея трудности; я же говорю, что это-то и поможетъ распространенію заключающихся въ ней идей.

«Кто же читалъ, напримѣръ, «Систему мірозданія Лапласа?» А между тѣмъ, кто не знаетъ этой системы? Много-ли людей знакомыхъ съ теоріей паровыхъ машинъ; а между тѣмъ она вульгарнѣе всякаго «буки-азъ—ба». Найдите мнѣ ученаго, который бы похвалился, въ настоящую минуту, тѣмъ, что обладаетъ совершенно точной и опредѣленной теоріей электричества? А мѣшаетъ-ли это дѣйствію электрическаго телеграфа?...

«Наука, нравы и право идутъ такимъ же путемъ, какъ и всѣ остальныя отрасли знанія. Они также трудны; они будутъ казаться труднѣе съ каждымъ днемъ; но глубина этой науки отнынѣ обезпечиваетъ ея *достовѣрность*, а достовѣрность, въ свою очередь, поведетъ къ быстротѣ ея поступательнаго движенія.

«Сколько нужно читателей, чтобъ перевести эту теоретическую достовѣрность въ общественное сознаніе? Не больше, какъ нѣсколько дюжинъ. Остальная масса подхватитъ, чтò можетъ, и, удовольствовавшись этимъ, увѣруетъ въ остальное. Таковъ ходъ идей въ этомъ мірѣ. Совсѣмъ иное было, конечно, съ сомнительными гипотезами. Но философія революціи—другое дѣло. Народъ, хотя и не читаетъ меня, но и не читая понимаетъ; сердце его бьется во имя революціи. Да и кромѣ того, насъ подталкиваютъ событія: быть можетъ, не пройдетъ и трехъ лѣтъ, а книга моя сдѣлается руководствомъ человѣка и гражданина, судьи и государственнаго мужа. Я знаю, что не мало еще весьма сильныхъ предубѣжденій въ томъ классѣ, который представляетъ собой *интересы* по преимуществу; но когда интересы стоятъ въ одиночку и даже оспариваются совѣстью, вызываютъ гнѣвное отвращеніе, скуку и т. д., ихъ сопротивленіе дѣлается очень слабо, такъ же слабо, какъ и сопротивленіе штыковъ. Вы все это увидите, если ужъ и теперь не замѣчаете».

Въ концѣ письма онъ говоритъ про своего адвоката Шодэ, котораго онъ, однакожъ, никогда не слыхалъ на судѣ: онъ—совершенно подходящій для него защитникъ, принимаетъ его систему защитительной рѣчи, т.-е. будетъ гораздо болѣе ратовать за революціонную справедливость и человѣческое право, чѣмъ за

оправданіе подсудимаго. «Не нужно общихъ мѣстъ!» восклицаетъ Прудонъ, «не нужно *рисовки*, не нужно адвокатской шумихи во вкусѣ Жюля Фавра, когда тотъ защищалъ Орсини!! Письмо это заканчивается сильной и прочувствованной фразой: «а, впрочемъ, надо умѣть и умирать».

Въ тотъ же самый день Прудонъ успѣваетъ написать своему адвокату Шодэ большое письмо съ новой инструкціей на счетъ защиты въ томъ духѣ, какой мы уже характеризовали, но съ бо́льшими подробностями. Онъ надѣется если не на оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, на большой философскій и соціальный эффектъ защиты, построенной по его плану. На другой день, онъ пишетъ Шодэ, почти такое же письмо по размѣру и наполняетъ его новыми соображеніями. Дни, проведенные имъ у д-ра Магэ, не проходятъ также безъ дѣловыхъ заботъ, и отъ 26-го мая онъ опять пишетъ своему адвокату. Въ этомъ письмѣ есть уже и лирическія мѣста, возгласы человѣка, искренно возмущеннаго тѣмъ, что его обвиняютъ въ нападкахъ на общественную мораль, семейство, въ неуваженіи къ закону и въ возбужденіи ненависти гражданъ между собою. А въ это время въ Парижѣ снова захватили его петицію въ сенатъ, что̀ и ускорило его возвращеніе въ городъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ пишетъ отъ 30-го мая Шарлю Эдмону о захватѣ его петиціи, о новомъ процессѣ, какое правительство собирается затѣять по этому поводу. Черезъ три дня онъ былъ вызванъ на судъ. На засѣданіи 6-й камеры «исправительной полиціи» 2-го іюня Прудона приговорили къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ платежу пени въ 4,000 франковъ, т.-е. къ высшей мѣрѣ наказанія, придравшись къ тому, что онъ былъ *рецидивистъ*, т.-е. сидѣлъ уже по политическому дѣлу въ тюрьмѣ. Этотъ результатъ сообщаетъ Прудонъ нѣсколькимъ пріятелямъ на другой день послѣ приговора; а д-ру Магэ прибавляетъ еще:

«Пренія не имѣли никакого смысла. Президентъ безпрестанно прерывалъ адвоката и выказывалъ этимъ опасеніе, чтобъ защита не перенесла дѣло на его настоящую почву, т.-е. на почву церковную, а теперь выходитъ, что я приговоренъ во имя церкви. Приговоръ прямо говоритъ это:

«Изъ столкновеній между трибуналомъ и защитой вышла настоящая *путаница*, результатъ которой вы уже знаете. Надо, однако, какъ-нибудь выпутаться изъ нея, о чемъ я въ настоящую минуту и хлопочу.

«Вообще же, я нисколько не удивленъ и даже не раздра-

женъ. Борьба была неизбѣжна, предвидѣна; будемъ идти дальше, сохраняя спокойствіе».

Тутъ же онъ сообщаетъ политическія новости, упоминая даже о ложномъ слухѣ, разнесшемся тогда по Парижу: будто бы кто-то стрѣлялъ въ императора, въ Фонтенбло. Слухъ о приговорѣ Прудона дошелъ и до его пріятеля Бергмана. Прудонъ отвѣчаетъ ему, отъ 9-го іюня, и не согласенъ признать въ своей книгѣ *неумѣренности языка*, въ которыхъ его обвиняетъ Бергманъ. Онъ развиваетъ Бергману идею сочиненія и настолько владѣетъ собой, что, на нѣсколькихъ страницахъ, обсуждаетъ вопросъ лингвистики по поводу какой-то монографіи своего друга. Приговоръ трибунала исправительной полиціи показалъ Прудону, что преслѣдованіе его вышло исключительно отъ клерикальной партіи. Въ письмѣ къ Морису, послѣ дѣловыхъ подробностей, есть мѣсто, гдѣ онъ прямо говоритъ, что въ правительственныхъ сферахъ къ нему не чувствуютъ особенной ненависти, что даже прокуратура не желала его такъ сильно преслѣдовать, но что императоръ не хотѣлъ раздражать церковь, и вдобавокъ процессъ этотъ случился послѣ дѣла Орсини. Онъ не смущается тѣмъ, что его защитнику Шодэ президентъ не далъ развить его тэмы, и хочетъ изложить свои мысли въ новомъ мемуарѣ. Пока дѣло пошло на аппеляцію, Прудона съ разныхъ сторонъ стали упрашивать покинуть Францію; но онъ еще не согласенъ на это и, въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 21-го іюня, говоритъ, что даже серьёзно страдаетъ отъ подобныхъ увѣщеваній и угрозъ своихъ пріятелей. Ему весьма прискорбно видѣть такое малодушіе: «Видно такъ-то мы ободряемъ своихъ, во Франціи!—восклицаетъ онъ.—Я несу знамя, какъ Бонапартъ на Аркольскомъ мосту на встрѣчу непріятелю; а меня и не думаютъ поддержать. Изумляются мнѣ, точно будто я совершилъ невѣсть какой подвигъ, и въ то же время покидаютъ меня! Что за генерація, что за Франція!»

Не теряя мужества, Прудонъ обращается къ императорскому прокурору отъ 3-го іюля, съ просьбой позволить ему напечатать тысячу экземпляровъ петицій въ сенатъ, чего онъ, конечно, не добился. Онъ продолжаетъ борьбу, собираясь защищаться передъ публикой, въ видѣ особаго мемуара; но ни одинъ типографъ не соглашался печатать что либо, исходящее изъ-подъ его пера. Вотъ это-то обстоятельство и было первоначальнымъ мотивомъ его отъѣзда изъ Парижа въ Брюссель, о чемъ онъ говоритъ въ письмѣ къ г. и г-жѣ **** отъ 16-го іюля. То же самое подтверждаетъ онъ, обращаясь къ Матею, въ тотъ же самый день: онъ рѣшился довести процессъ до конца, но отказъ

типографовъ печатать его защитительный мемуаръ и отказъ генеральнаго прокурора позволить ему выпустить петицію въ количествѣ, большемъ двадцати экземпляровъ, оффиціозное запрещеніе всѣмъ издателямъ и типографамъ имѣть съ нимъ какое либо дѣло,—все это заставило его отправиться въ Брюссель. Но онъ еще не думаетъ объ эмигрированіи, онъ хочетъ остаться тамъ только на время печатанія своего мемуара. Третье письмо, отправленное 16-го іюля, наканунѣ отъѣзда въ Брюссель, адресовано новому корреспонденту, Эжену Ноэлю, извѣстному теперь русской публикѣ по недавно напечатаннымъ «Запискамъ дурака». Письмо это чисто литературное; въ немъ Прудонъ говоритъ о брошюрахъ Ноэля, полученныхъ имъ въ даръ отъ автора. Ноэль выпустилъ въ свѣтъ три брошюры: о Мольерѣ, Вольтерѣ, Раблэ, и Прудонъ, сочувствуя вообще направленію его идей и обработкѣ сюжета, дѣлаетъ ему нѣкоторыя замѣчанія съ обычной своей искренностью и смѣлостью. Кончаетъ онъ возвратомъ къ себѣ, къ своимъ обстоятельствамъ и говоритъ:

«Когда вы получите это письмо, я буду или въ тюрьмѣ, или внѣ Франціи. Рѣшившись напечатать мемуаръ въ собственную защиту, я не могу найти ни одного типографа въ Парижѣ и принужденъ обратиться къ иностраннымъ станкамъ. Тщетно стараются дать мнѣ понять, что гораздо безопаснѣе было бы для меня молчать, притворяться мертвымъ или добрякомъ и предоставить адвокату добиваться *смягчающихъ обстоятельствъ*, ожидая прощенія отъ императорскаго великодушія. У меня есть слишкомъ важныя причины на то, чтобъ хорошенько подкрѣпить то, что̀ я уже сказалъ; въ настоящую минуту я защищаю законность революціи, ея нравственность, ея право противъ обычаевъ стараго католицизма; я не могу отказаться отъ своего долга; мнѣ необходимо печатать. Впрочемъ, вы сами въ состояніи будете разсуждать: мы найдемъ средство доставить вамъ одинъ изъ моихъ мемуаровъ».

Слѣдующее письмо написано уже въ Брюсселѣ, отъ 18-го іюля, и адресовано къ Шарлу Белэ. Прудонъ, явившись туда, хочетъ взять комнату и засѣсть сейчасъ же за работу. Въ слѣдующемъ письмѣ, къ тому же Шарлю Белэ, онъ уже сообщаетъ свой брюссельскій адресъ и прибавляетъ, что назвался *Дюрфоромъ*, профессоромъ математики. Псевдонимъ этотъ онъ взялъ не столько затѣмъ, чтобъ скрываться отъ полиціи, сколько для того, чтобы сохранить инкогнито передъ французской и бельгійской публикой, необходимое, какъ онъ выражается, «для его мелкихъ операцій». Онъ еще не желаетъ остаться въ Бельгіи навсегда

и въ этомъ же письмѣ говоритъ о г. Кремьё, которому хочетъ писать по дѣлу своей защиты, во второй инстанціи. Но уже для своего возврата онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ: пропускъ его мемуара во Франціи, какъ только онъ будетъ напечатанъ въ Брюсселѣ; если же императорскій прокуроръ не дозволитъ этого, онъ не вернется: «я могу согласиться на тюремное заключеніе, если моя защита, въ которую я полагаю всю свою душу, останется свободной; но было бы черезъ-чуръ много: — выдавать разомъ и тѣло, и душу: это все равно, что хоронить себя два раза».

Черезъ день, онъ пишетъ Шарлю Бело, что ему пришлось обращаться уже къ начальнику полиціи въ Брюсселѣ, чтобъ добиться позволенія жить въ этомъ городѣ: бельгійское правительство въ то время, какъ и позднѣе, сильно побаивалось Наполеона III, и дѣло не обошлось безъ различныхъ формальностей. Но Прудонъ все еще смотритъ на свое пребываніе въ Брюсселѣ, какъ на временное, и желаетъ писать даже президенту парижскаго аппеляціоннаго суда и министру внутреннихъ дѣлъ, прося у нихъ отсрочки, чтобъ имѣть время напечатать въ Бельгіи свой мемуаръ. Онъ опять ставитъ ихъ согласіе условіемъ своего появленія на судѣ второй инстанціи; иначе онъ принужденъ будетъ остаться. А пока онъ еще не считаетъ себя *бѣглецомъ*, хотя и мало надѣется на то, чтобъ ему позволили вернуться во Францію вмѣстѣ со своимъ мемуаромъ. Здоровьемъ же своимъ онъ вообще доволенъ. Письмо къ бельгійскому министру юстиціи, помѣченное тѣмъ же числомъ, заключаетъ въ себѣ фактическую сторону преслѣдованія, обрушившагося на Прудона за его книгу «De la Justice». Кончая его, онъ говоритъ:

«Я, какъ вы сами видите, въ тѣсномъ смыслѣ слова *не* политическій эмигрантъ; я скорѣе эмигрантъ философскій. — Я прошу у васъ позволенія философствовать такъ, какъ Спиноза философствовалъ въ Гагѣ, Декартъ къ Стокгольмѣ, Вольтеръ въ Ферне, и очень буду удивленъ, если, рано или поздно, императорское правительство, устыдившись войны, поднятой *противъ идеологовъ*, не пригласитъ меня и мнѣ подобныхъ, вернуться философствовать въ Парижъ».

Адвокатъ Кремьё извѣстилъ его, что парижскій аппеляціонный судъ не дастъ ему никакой льготы; но онъ этимъ не смутился, судя по его письму отъ 24-го іюля къ Шарлю Бело, и въ тотъ же день обращается къ президенту аппеляціоннаго суда съ оффиціальной запиской. Но уже на другой день, отъ 25-го іюля, онъ пишетъ пріятелю своему Пильсу, что будетъ «продол-

жать великую борьбу заграницей», другими словами, онъ уже *рѣшился на эмиграцію* и на пропаганду своихъ идей, прибавляя даже, что, вмѣсто большихъ книгъ, станетъ выпускать брошюры отъ 250 до 350 страницъ. Первая вещь, какая появится, будетъ его «Мемуаръ». Сообщаетъ онъ также, что нашелъ въ Бельгіи много людей, сочувствующихъ ему. Тамъ знаютъ *кто онъ* и вовсе не страшатся его парадоксовъ. Онъ надѣется даже, что можетъ очень недурно повести свои дѣла, но не скрываетъ, что расположеніе его духа вообще грустное: ему недостаетъ семейства, о переселеніи котораго онъ уже подумываетъ. При этомъ, несмотря на волненія эмиграціи, Прудонъ работаетъ неутомимо, такъ что 30-го іюля пишетъ уже Шарлю Белэ, что его «Мемуаръ» долженъ на другой день поступить къ типографу, а въ этой брошюрѣ предполагалось двѣсти страницъ. Онъ разсчитываетъ ввезти, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи экземпляровъ во Францію и помышляетъ даже о второмъ изданіи. Хочется ему только совершенно возстановить свои мозговыя силы, чтобъ предаться съ новой энергіей воинствующей публицистикѣ. Мемуаръ его дѣйствительно началъ печататься, что мы видимъ изъ письма къ г. Гувернэ отъ 2-го августа, а въ это время, т.-е. съ самаго пріѣзда въ Брюссель, Прудонъ, кромѣ того мозгового ослабленія, на какое онъ такъ давно жалуется, началъ страдать еще сильнѣйшимъ разстройствомъ желудка. Онъ не скрываетъ того, что ему приходится минутами очень круто, и самъ сознаетъ, что безъ его желѣзной натуры онъ не вынесъ бы подобныхъ волненій и усилій; но, все-таки, посадивши себя на лучшій режимъ, онъ добился относительнаго здоровья и надѣется устроиться порядочно.

Прудонъ вошелъ уже въ дѣловыя сношенія съ мѣстными книгопродавцами; ему обѣщаютъ даже найти недорогое помѣщеніе и устроить его по-бельгійски, т.-е. маленькимъ домикомъ; но жизнь въ Брюсселѣ не особенно ему улыбается: онъ недоволенъ тамошнимъ воздухомъ и сомнѣвается, чтобъ, при вліяніи клерикаловъ на бельгійское правительство, его не стали безпокоить по малѣйшему поводу. Перспектива скитанія по Европѣ съ женой и дѣтьми невольно приводитъ его въ смущеніе, и онъ дожидается печатанія своей защиты, чтобъ рѣшить окончательно: куда дѣться и какъ устроить свою жизнь. Адвокату своему Гюставу Шодэ, пишетъ онъ о печатаніи мемуара отъ 4-го августа и проситъ добиться: согласна ли прокуратура дать ему отсрочку или нѣтъ, прибавляя, что его мемуаръ разсчитанъ на всякаго рода случайности, дурныя или хорошія, мирныя или воинственныя. Упоми-

наетъ онъ и про слухъ объ амнистіи, которую ждутъ въ 15-му августа; онъ, конечно, былъ бы ей очень радъ, но даже и при амнистіи желаетъ, все-таки, выпустить въ свѣтъ свою защиту, что и показываетъ еще разъ, что для Прудона вопросы общіе всегда стояли на первомъ планѣ и преобладали надъ личными интересами. Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же Шодэ, отъ 8-го августа, мы видимъ, что его хлопоты остались безъ результата: онъ отправляетъ ко всѣмъ духамъ тьмы парижскую прокуратуру и хочетъ только, чтобъ его пріятель-адвокатъ рѣшилъ два вопроса: насчетъ возможности обыска на парижской квартирѣ Прудона съ цѣлью описи имущества и продажи ея, и насчетъ возможности кассаціи. Въ тотъ же день онъ пишетъ Пильсу о появленіи черезъ двѣ недѣли своего «Мемуара», какъ человѣкъ почти рѣшившійся остаться въ Брюсселѣ; но адвокатъ Кремьё извѣстилъ его, что дѣло будетъ перенесено въ высшую инстанцію и отложено до ноября мѣсяца. Въ такомъ случаѣ Прудонъ поѣдетъ въ Парижъ, напечатавши свой «Мемуаръ» дней черезъ двадцать, что мы видимъ изъ записки къ Шарлю Белэ отъ 10-го августа; но въ слѣдующей запискѣ къ тому же корреспонденту, отъ 13-го, онъ говоритъ, что вернется во Францію тогда лишь, когда «Мемуаръ» его будетъ допущенъ правительствомъ. А жизнь его проходитъ, тѣмъ временемъ, въ корректированіи своей брошюры, причемъ онъ старается издерживать какъ можно меньше и пишетъ тому же пріятелю, отъ 18-го августа, въ какой ужасъ пришелъ, онъ увидавши, что ему нужно тратить въ Брюсселѣ, вслѣдствіе недостаточности ресторанной ѣды, *по три франка въ день на обѣдъ и завтракъ*. Только на одну ѣду три франка! — восклицаетъ онъ, когда и четвертая доля всей массы бельгійскихъ рабочихъ не заработываетъ трехъ франковъ въ день». Не трудно представить себѣ душевное состояніе Прудона за все это время: одинъ, въ чужомъ городѣ, полуэмигрантомъ, съ ничтожными денежными средствами, въ ожиданіи окончательной необходимости превратиться въ изгнанника, вдали отъ семейства, въ постоянномъ безпокойствѣ за жену и дѣтей, за цѣлость своего домашняго очага, гдѣ со дня-на-день могли произойти обыскъ и опись имущества. Но такая натура умѣла приспособить себя ко всякимъ обстоятельствамъ и въ письмѣ отъ 27-го августа къ г. Бутвилю мы читаемъ:

«Я привыкъ уже къ мысли: устроиться заграницей и создать себѣ какую-нибудь жизнь. Разумѣется, это будетъ жизнь, посвященная борьбѣ, но, по крайней мѣрѣ, у меня будутъ развязаны руки, и я стану говорить почти такъ, какъ мнѣ хочется. Вотъ

уже семь лѣтъ, какъ ничего, рѣшительно ничего, серьёзнаго не было предпринято путемъ прессы противъ императора; *вотъ эту-то задачу я и возьму на себя*. Надо покончить съ нею, и если мое предчувствіе меня не обманываетъ, я думаю, что мнѣ удастся дать настоящій толчокъ. До сихъ поръ я занимался экономіей и критикой, теперь попробую приняться за *политику*. Свои дѣла не мѣшаютъ ему входить въ интересы людей, съ которыми онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, и мы находимъ, отъ 28-го августа, довольно большое письмо къ книгопродавцамъ, братьямъ Гарньé, его парижскимъ издателямъ. Онъ уговариваетъ ихъ не хлопотать больше о смягченіи того наказанія, которому они подверглись вмѣстѣ съ Прудономъ, но въ гораздо меньшей степени. Онъ прямо говоритъ имъ, что судейскій міръ ненавидитъ ихъ, а другіе книгопродавцы завидуютъ успѣху ихъ торговаго дома. Онъ сожалѣетъ о томъ, что не можетъ больше уже работать на ихъ фирму, хотя въ настоящую минуту ему и было бы болѣе чѣмъ необходимо продолжать съ ними дѣловыя сношенія. Косвенно спрашиваетъ онъ ихъ: не думаютъ ли они, что возможно новое изданіе нѣкоторыхъ его старыхъ сочиненій, приспособленное къ обстоятельствамъ минуты?

«Мое положеніе,—продолжаетъ онъ,—какъ вы сами можете судить, скверно—и самое лучшее: отказавшись отъ надежды возобновить съ вами какія-нибудь дѣла, начать борьбу съ тѣмъ режимомъ, который душитъ насъ, и выказать себя во всеоружіи своей свободы и оригинальности своего ума». Адвокату Гюставу Шодэ онъ повторяетъ опять, отъ 30-го августа, что согласенъ будетъ вернуться во Францію *съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ министръ внутреннихъ дѣлъ допустилъ свободное обращеніе въ публикѣ его Мемуара*, причемъ онъ желаетъ поставить дѣло такъ, чтобъ свобода обращенія этого мемуара во Франціи нисколько не предрѣшала дальнѣйшаго судебнаго разбирательства. Такимъ путемъ, если императорское правительство не допуститъ его брошюру, оно этимъ прямо покажетъ грубый произволъ и полную свою несостоятельность во всякомъ дѣлѣ, разумно и честно поставленномъ. А пока, онъ собирается уже въ походъ противъ императорскаго правительства и проситъ Шодэ доставить ему всякаго рода факты по судебному вѣдомству, по администраціи и политикѣ, способные характеризовать въ настоящемъ свѣтѣ Наполеоновскій режимъ: «вы не забыли, — напоминаетъ онъ Шодэ,—нашихъ послѣднихъ разговоровъ. Надо создать республиканскую политику, изложить органическіе принципы и прежде всего прямо сказать: чѣмъ отличается монархія отъ той формы

правленія, какой родъ человѣческій добивается вотъ уже шесть тысячъ лѣтъ, какъ идеала, и не можетъ до сихъ поръ опредѣлить его основной идеи... Какъ только идея республики будетъ определена, я отыщу ея практическое отношеніе въ текущей эпохѣ, къ существующимъ правительствамъ, а это дастъ толчокъ, съ одной стороны, къ сліянію буржуазіи, а съ другой—къ симпатіи между отдѣльными государствами Европы, и тогда имперія, лишенная корня со всѣхъ концовъ, повалится».

Заканчивая корректуру своего «Мемуара» Прудонъ еще разъ говоритъ въ письмѣ къ Гуверно, отъ 30-го августа, что французская прокуратура, по всей вѣроятности, не позволитъ ему ввезти во Францію даже двадцати экземпляровъ, почему онъ и долженъ будетъ остаться въ Бельгіи. На свой «Мемуаръ» смотритъ онъ, какъ на первый опытъ той систематической войны, какую онъ собирается объявить второй имперіи: «нелѣпость, безсмыслица, безнравственность имперіи,—поясняетъ онъ,—ея несогласимость съ правомъ, все это будетъ показано, объяснено интереснымъ, даже занимательнымъ образомъ. Признаюсь, я возлагаю большія надежды на задуманную мною кампанію, во-первыхъ, для себя самого, а, во-вторыхъ, и для общественнаго дѣла, и не сомнѣваюсь почти въ успѣхѣ». Онъ прибавляетъ далѣе, что предпочелъ бы Швейцарію, какъ мѣсто своей эмиграціи, но тамъ гораздо труднѣе будетъ для него зарабатывать хлѣбъ насущный, а въ Брюсселѣ онъ разсчитываетъ на возможность поддерживать себя перомъ; и тутъ, входя въ разныя мелкія подробности матеріальной жизни, выказываетъ себя все тѣмъ же спартанцемъ, какъ и прежде, не желающимъ тратить ни одного су больше, чѣмъ необходимо для самой суровой трудовой жизни. Но хотя онъ и не надѣется на успѣхъ своихъ судебныхъ домогательствъ, онъ все-таки проситъ Шарля Белэ, въ письмѣ отъ 1-го сентября: устроить консультацію адвокатовъ, въ которой бы былъ разсмотрѣнъ вопросъ о правѣ частныхъ лицъ печатать защитительные мемуары. Какъ тутъ, такъ и ниже, мы видимъ, что Прудонъ пользуется своими столкновеніями съ юстиціей, чтобъ разъяснить существенный вопросъ личной защиты и ставитъ общее дѣло гораздо выше своихъ интересовъ, почему съ большой настойчивостью и будетъ еще нѣкоторое время добиваться выясненія этого вопроса.

Какъ эпизодъ, весьма характерно его большое письмо къ Гуверно, отъ 7-го сентября, гдѣ онъ описываетъ поѣздку въ окрестности Брюсселя и Ватерлоское поле, которое онъ въ подробности изучилъ съ извѣстной книгой полковника Шарраса подъ мыш-

ной. И тутъ Прудонъ рѣзко отличается отъ большинства своихъ соотечественниковъ, и, не переставая быть французомъ, добрымъ патріотомъ, смотритъ на Наполеона критически, нападаетъ на легендарную болтовню, сдѣлавшую изъ Ватерлоо какое-то фатальное побоище, гдѣ геній Наполеона ничего не могъ противъ судьбы, между тѣмъ какъ онъ *доложенъ* былъ потерять сраженіе, и все, что случилось, было заранѣе предвидѣно союзниками.

«Во Франціи,—кончаетъ Прудонъ свое письмо,—никто не видалъ *Монъ-Сенъ-Жана* (такъ называется равнина, на которой произошло сраженіе въ трехъ верстахъ отъ деревни Ватерлоо); политическіе изгнанники совѣстятся даже посѣщать его, они *ревутъ какъ телята* отъ этого воспоминанія. Наполеона приравниваютъ къ Роланду, убитому въ Ронсево, а Монъ-Сенъ-Жанъ приравниваютъ къ Термопиламъ; осуждаютъ роковую судьбу, измѣну; прославляютъ знаменитую выходку Камброна, и не мало людей мечтаетъ даже о возмездіи за этотъ печальный день, бывшій въ концѣ-концовъ и для императора, и для его бѣшенныхъ солдатъ, и даже для Франціи, достойнымъ наказанія. Конечно, мы очень пострадали отъ второго нашествія; но я смотрю на это нашествіе, какъ на меньшее зло, чѣмъ на закрѣпленіе имперіи. И если ужъ о чемъ сожалѣть въ настоящую минуту, то, конечно, о томъ, что, заплативъ жизнью пятидесяти тысячъ французовъ за паденіе имперіи, мы дожили, 37 лѣтъ спустя, до ея воскрешенія,—точно такъ и слѣдовало. Стало-быть, нужно кое-что побольше картечи, чтобъ стереть съ земли подобное чудовище!»

Вернувшись съ этой исторической прогулки, Прудонъ продолжалъ корректировать «Мемуаръ», который разросся у него въ брошюру слишкомъ въ десять печатныхъ листовъ. Его планъ остался все тотъ же: добиться ввоза во Францію «Мемуара» и, въ случаѣ отказа, остаться въ Брюсселѣ и начать цѣлую серію политическихъ брошюръ, направленныхъ на вторую имперію. Въ этомъ смыслѣ пишетъ онъ д-ру Кретену отъ 13-го сентября, сообщая, что типографія печатаетъ уже обертку его «Мемуара». И такъ какъ переписка его значительно оживилась съ переѣздомъ его въ Бельгію, то онъ многимъ пріятелямъ долженъ повторять въ письмахъ одни и тѣ же факты и соображенія, что мы видимъ, напр., въ довольно большомъ письмѣ къ Шарлю Эдмону отъ 13-го сентября, не заключающемъ въ себѣ никакихъ новыхъ фактовъ; но за то въ этомъ пріятельскомъ посланіи находится цѣлая тирада, показывающая, что желѣзный характеръ Прудона все-таки подался, и онъ съ горечью говоритъ о преслѣдованіи, которому подвергся, объ общей ненависти, возбуждаемой имъ и

въ оффиціальномъ мірѣ, и въ буржуазіи, и въ прессѣ. «Неужели я, съ самаго моего рожденія,—восклицаетъ онъ,—обездоленъ и природой и человѣчествомъ? А вѣдь отецъ мой былъ прекрасный человѣкъ, моя мать—достойная женщина, предки мои—честные крестьяне, я же самъ никогда въ жизни моей не обманулъ ребенка, не обидѣлъ ни одной дѣвушки, не выказалъ себя непочтительнымъ ни къ одному старику, не клеветалъ ни на одного противника. Я хорошо работалъ, жертвовалъ собой, учился сколько могъ, и все это затѣмъ, чтобъ обо мнѣ говорили: *въ сущности добрый малый, но обезумѣлъ отъ гордости и опасенъ, не нынче завтра попадетъ въ Кайенну!*

«Все это такъ мнѣ противно, такъ меня выводитъ изъ себя, что я завтра же натурализировался бы бельгійцемъ, еслибъ для этого требовали только заявленія передъ судьей. Интересно было бы знать: измѣнится ли хотя немного судьба моя съ перемѣной отечества».

Но выполненіе судебно-дѣлового разбирательства шло своимъ чередомъ, и Прудонъ обратился съ письмомъ къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го сентября, прося его разрѣшить ввозъ во Францію 25 экземпляровъ «Мемуара», предназначенныхъ оффиціальнымъ лицамъ и адвокатамъ. Ожидая отвѣта, Прудонъ предпринимаетъ новую прогулку въ окрестности Спа́ и Льéжа. Отвѣта на свое оффиціальное письмо онъ не получаетъ, и 5-го октября проситъ Шарля Белэ отправиться въ таможню, и, если тамъ будутъ задерживать посланный имъ тюкъ съ книгами, начать объ этомъ дѣло, изъ котораго опять-таки ничего не вышло, такъ какъ брошюры были нѣсколько позднѣе возвращены.

Въ это время въ Брюсселѣ собрался конгрессъ по вопросу о литературной собственности. Защитникомъ наслѣдственности въ авторскихъ правахъ и представителемъ интересовъ парижскихъ издательскихъ домовъ явился Жюль Симонъ, противъ котораго Прудонъ выступаетъ и печатаетъ цѣлую брошюру, гдѣ защищаетъ идеальный принципъ литературнаго труда. Онъ пишетъ къ Шарлю Белэ отъ 24-го октября, что какъ эта статья, такъ и «Мемуаръ» его читаются съ большимъ интересомъ: бельгійская печать относится къ нему хорошо, и въ различныхъ кружкахъ ему высказываютъ явныя симпатіи. Успѣхъ его статьи о литературной и артистической собственности, заставившій, по его мнѣнію, конгрессъ вотировать въ духѣ его идей, его очень порадовалъ, что́ мы видимъ изъ письма къ Густаву Шодэ отъ 26-го октября, въ которомъ онъ, возвращаясь къ ихъ дѣлу, настаиваетъ, главнымъ образомъ, на необходимости выяснить письменно

вопросы защиты; онъ предлагаетъ своему пріятелю-адвокату вдвинуть въ этотъ общій вопросъ весь процессъ и высказываетъ этимъ еще разъ свое желаніе поставить общій интересъ выше собственнаго. То же самое повторяетъ онъ и въ письмѣ къ Шарлю Белэ отъ 26-го октября, прося его переговорить на эту тэму съ другими его двумя защитниками: Кремьё и Дидье. «Мемуаръ» и статья о литературной собственности: вотъ два пункта, на которыхъ его интимная переписка вертится въ это время. Онъ говоритъ о томъ же и въ письмѣ къ Ланглуà, отъ 27-го октября, прибавляя, что бельгійская магистратура находитъ основную идею и аргументацію его «Мемуара» совершенно состоятельными. Онъ сообщаетъ также Ланглуà, что какъ только высланные имъ во Францію экземпляры были задержаны и отправлены обратно на границу, онъ началъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ новый процессъ въ трибуналѣ первой инстанціи, обвиняя его въ посягательствѣ на свободу прессы. Переходя же къ вопросу о литературной собственности, Прудонъ говоритъ:

«Тутъ заключается высокій интересъ; я его задѣлъ первый и разработаю его рельефно въ новой статьѣ. Дѣло идетъ о непродажности всего, относящагося къ уму и совѣсти. Въ этомъ смыслѣ міръ полезнаго и міръ справедливаго, истиннаго, прекраснаго составляютъ двѣ отличныя одна отъ другой области. Экономисты до такой степени утратили нравственный смыслъ, что не понимаютъ этого. Они не видятъ, что истинное, прекрасное, справедливое представляютъ собой религію будущаго, что эта религія, точно также какъ христіанство, *священна*, и что если признàютъ на общихъ основаніяхъ литературную собственность, все погибнетъ». Другими словами, Прудонъ выступилъ противникомъ литературной собственности, защищая особенную натуру умственнаго и художественнаго труда. Онъ требовалъ, конечно, вознагражденія за всякій трудъ, но не желалъ допустить, чтобы произведенія ума и таланта подчинялись однѣмъ и тѣмъ же правиламъ купли и продажи и наслѣдственнаго права, какъ всякая другая цѣнность. Разумѣется, такой рѣзкій протестъ, имѣвшій успѣхъ на конгрессѣ, повелъ за собой новыя нападки на Прудона, и даже бельгійская пресса, въ лицѣ журнала «Bien-être social», объявила, что онъ сдѣлался орлеанистомъ на основаніи словъ, сказанныхъ имъ о Жюль Симонѣ. Прудонъ сообщаетъ объ этой сплетнѣ въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 27-го октября, гдѣ выставляетъ себя все такимъ же врагомъ всякаго политическаго доктринаризма, для котораго партіи, кружки не имѣютъ никакого серьёзнаго значенія: «*клянусь всей моей душой!* — восклицаетъ онъ, — и прошу васъ помнить

объ этой клятвѣ, что еслибъ я могъ завтра, съ помощью Наполеона III, подвинуть хотя на одинъ шагъ впередъ революцію, я бы сдѣлалъ это безъ малѣйшаго колебанія, рискуя, что красные произнесли бы надо мной безповоротный приговоръ». Вообще же онъ скорѣе доволенъ своимъ положеніемъ въ Бельгіи и надѣется даже, что его дѣла пойдутъ въ Брюсселѣ лучше, чѣмъ въ Парижѣ, о чемъ онъ въ тотъ же день сообщаетъ г. Бонноrну. На Бельгію смотритъ онъ какъ на страну, приготовленную для умственной борьбы, хотя взглядъ его на ея внутреннія дѣла лишенъ малѣйшаго оптимизма. Онъ пишетъ на другой день къ Буттвилю, что' нашелъ въ Брюсселѣ цѣлую кучку независимыхъ людей, очень образованныхъ и раздѣляющихъ его принципы. Они-то и выражаютъ ему симпатіи, оказываютъ ему гостепріимство и позволяютъ надѣяться, что личныя его дѣла пойдутъ недурно. Но, собираясь ратовать противъ Наполеоновскаго режима, онъ все-таки хочетъ держаться серьёзной манеры, безъ всякихъ излишествъ и разсчетовъ на эффектъ. Въ такомъ смыслѣ пишетъ онъ Шарлю Белэ, отъ 6-го ноября: «На этотъ счетъ я рѣшился. Не нужно ругательствъ, рѣзкихъ діатрибъ, но не нужно также и смягченія: полная свобода — вотъ мой законъ. Моя книга не войдетъ во Францію, я это знаю и мирюсь съ этимъ. Положимъ, даже французская публика меня забудетъ! Я буду отнынѣ работать для публики бельгійской, швейцарской, пьемонтской, нѣмецкой, англійской, американской и т. д., для всего, чтó на земномъ шарѣ, внѣ Франціи, понимаетъ по-французски. Къ этой публикѣ присоединится нѣсколько сотенъ французовъ, которымъ полицейская застава не помѣшаетъ ознакомиться съ моими мыслями; больше мнѣ ничего и не нужно. Я былъ бы отъявленный глупецъ, еслибъ я, увлекаясь приманкой бойкой продажи, снова захотѣлъ извращать мою мысль. Еще въ Парижѣ, допустимъ, были разные подходы и умолчанія, но теперь, въ Бельгіи, они будутъ совершенно непонятны».

Въ тотъ же день онъ пишетъ Шарлю Белэ по поводу тюковъ съ брошюрами, вернувшимися изъ Франціи. Теперь ему нельзя уже затѣять процесса о задержкѣ брошюръ въ таможнѣ; но онъ рѣшается обратиться съ новой жалобой къ императорскому прокурору, гдѣ будетъ просить въ интересахъ прессы преслѣдовать таможню за то, что она не допустила брошюры во Францію, а если можно, то привлечь къ этой отвѣтственности и полицейское управленіе. На случай отказа Прудонъ предположилъ обратиться съ новымъ протестомъ къ президенту трибунала и требовать впуска его «Мемуара», какъ орудія защиты. Все это

считаетъ онъ чрезвычайно важнымъ какъ «антецедентъ», какъ средство воспользоваться такимъ антецедентомъ на будущее время. Тотчасъ же приводитъ онъ въ исполненіе свой планъ и обращается съ очень большой дѣловой бумагой къ императорскому прокурору, помѣченной 10-мъ ноября. Обстоятельность и дѣльность не оставляютъ Прудона и среди всѣхъ его волненій. Пробѣгая этотъ документъ, никакъ нельзя подумать, что его составлялъ человѣкъ, постоянно погруженный въ философскія и публицистическія соображенія. Въ тотъ же день онъ пишетъ также Шарлю Белэ, которому и поручаетъ доставить куда слѣдуетъ прилагаемые документы. Переписка съ этимъ пріятелемъ дѣлается чрезвычайно оживленной и вращается почти исключительно около борьбы Прудона съ парижской магистратурой или, лучше сказать, съ правительствомъ Наполеона III. Послѣ бумаги къ императорскому прокурору, Прудонъ составилъ такой же протестъ на имя президента апелляціоннаго суда исправительной полиціи, отъ 15-го ноября, и далъ своему адвокату Гюставу Шодэ, въ письмѣ отъ 18-го, подробную инструкцію для дальнѣйшихъ дѣйствій. И опять-таки общій интересъ преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ, что̀ сказывается въ такой тирадѣ: «припомните, что лучшая сторона моего тезиса, какъ въ предисловіи къ «Мемуару», такъ и въ самомъ изложеніи, это—то, что̀ я говорю о произволѣ законовъ и объ искусствѣ уклоняться отъ нихъ. Но развѣ въ хорошей юриспруденціи не держатся того принципа, что законъ, точно также какъ и соглашеніе, долженъ быть объясняемъ въ смыслѣ огражденія всякихъ правъ, а не затѣмъ, чтобъ увертываться!» При этомъ Прудонъ проситъ пріятеля-адвоката: проникнуться смысломъ своихъ статей о *литературной собственности*. Онъ говоритъ, что тутъ дѣло идетъ о человѣческой совѣсти, о религіи будущаго, обо всемъ, что̀ только слѣдуетъ сохранить какъ нѣчто священное и ненарушимое. Все, по мнѣнію Прудона, будетъ потеряно, если утилитаризмъ, защищающій принципъ «купли-продажи» въ поэзіи, наукѣ и искусствѣ, восторжествуетъ!

Такая усиленная дѣловая переписка, въ связи съ другими занятіями, дала Прудону воспаленіе вѣкъ, на которое онъ жалуется въ письмѣ къ Шодэ, говоря, что не можетъ еще подробно развить свои идеи; а въ тотъ же день онъ пишетъ къ Шарлю Белэ, не жалѣя своего зрѣнія; и на другой день, видя вѣроятно, что его борьба съ парижской магистратурой ничѣмъ не кончится, рѣшается нанять квартиру, купить мебель и выписать жену съ дѣтьми. Черезъ недѣлю, отъ 26-го числа, онъ, тому же Шарлю Белэ, пишетъ о разныхъ хозяйственныхъ подробностяхъ для пере-

дачи женѣ и прибавляетъ, что теперь, когда ему уже нечего больше заботиться о своихъ личныхъ дѣлахъ, ихъ корреспонденція приметъ болѣе общій характеръ. Замѣчаетъ онъ также, что либеральный клерикалъ Монталамберъ, котораго приговорили въ это время по процессу печати къ шестимѣсячному тюремному заключенію и тремъ тысячамъ франковъ пени, наказанъ сильнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать; но прибавляетъ, что разница между Монталамберомъ и имъ, Прудономъ, огромная; что онъ не нападалъ ни на императора, ни на правительство, что онъ не дѣлалъ оскорбительной параллели между французскимъ и англійскимъ правительствомъ; онъ нападалъ только на систему теологіи; а приговоренъ къ тремъ годамъ тюрьмы! И какъ бы подводя итогъ всѣмъ своимъ послѣднимъ испытаніямъ, Прудонъ резюмируетъ, въ письмѣ къ д-ру Маге, отъ 28-го ноября, все, что съ нимъ случилось, съ конца мая до конца ноября, дѣлая въ этомъ письмѣ характеристику тогдашней Бельгіи и опредѣляя такъ свою будущую роль, какъ публициста: «я разсчитываю воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобъ помочь сближенію старыхъ партій, немного вразумить ихъ, вырвать у буржуазіи нѣсколько уступокъ, добиться отъ красныхъ немного спокойствія:— все это такія вещи, которыя мое теперешнее положеніе позволяетъ мнѣ сдѣлать лучше, чѣмъ кому-либо».

О пріѣздѣ всего своего семейства въ Брюссель Прудонъ извѣщаетъ Шарля Белэ письмомъ отъ 3-го декабря и находитъ, что давно уже пора совершить этотъ переѣздъ, такъ какъ онъ самъ въ послѣдніе дни не могъ хорошенько приняться за работу; а дѣла у него по-уши. Первые дни въ его квартирѣ все еще стояло вверхъ дномъ, о чемъ онъ полукомическимъ тономъ разсказываетъ доктору Кретену, черезъ два дня. И тутъ же, по поводу странной судьбы одного ихъ общаго пріятеля, Прудонъ обозрѣваетъ житейскую дорогу разныхъ членовъ ихъ кружка, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ Европы и принужденныхъ снискивать себѣ хлѣбъ насущный чѣмъ попало, благодаря, какъ онъ выражается, «друзьямъ порядка», т.-е. режиму 2-го декабря. Онъ замѣчаетъ также д-ру Кретену, что тотъ придаетъ слишкомъ большое значеніе двумъ статьямъ Прудона о литературной собственности, которыя онъ хочетъ слить въ одну брошюру и дожидается только благопріятнаго случая, т.-е. преній въ бельгійской палатѣ по этому вопросу. Туземные мальтузіанцы все еще не могли оправиться отъ эффекта, произведеннаго статьями Прудона и обвиняли конгрессъ въ коммунизмѣ, въ анархіи, въ увлеченіи прудоновскими идеями, повторяя, разумѣется, на разные

лады его пресловутое изреченіе: «*собственность — кража*». Все это, конечно, ни мало его не смущаетъ, и онъ спрашиваетъ пріятеля:

«Не находите ли вы занимательнымъ то, что соціальная революція одержала неожиданную и первую свою побѣду въ самой консервативной странѣ, какая только существуетъ на свѣтѣ, въ миролюбивой и буржуазной Бельгіи?

«Видно, правда, любезный другъ, что кстати сказанное слово занимаетъ очень большое мѣсто въ произведеніяхъ ума и что три-четверти успѣха писателей происходятъ отъ настроенія общественной совѣсти.

«Да, другъ мой, могу вамъ сказать безъ всякой ложной скромности, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что слава автора держится, главнымъ образомъ, за то, что онъ представляетъ собой *эхо*. Если онъ желаетъ быть чѣмъ-нибудь побольше, онъ уходитъ въ *науку*. Тогда его могутъ величать человѣкомъ инииціативы, профессоромъ, но онъ не произведетъ уже того могучаго впечатлѣнія, которое составляетъ гордость ораторовъ, поэтовъ, а иногда и журналистовъ. По той же самой причинѣ, мнѣніе, составляемое читателемъ объ извѣстной вещи, зависитъ отъ его собственныхъ умственныхъ расположеній гораздо болѣе, чѣмъ отъ внутренняго достоинства произведенія; поэтому-то сужденія современниковъ недостаточно; надобенъ судъ потомства».

Онъ не согласенъ съ Кретеномъ, полагавшимъ, что его «Мемуаръ» написанъ въ разсчетѣ на судейскій успѣхъ. Прудонъ же увѣряетъ пріятеля, что «Мемуаръ» этотъ имѣлъ въ виду иностранныхъ *легистовъ*, и въ немъ онъ желалъ доказать, что осужденъ не въ силу закона, а вопреки этому самому закону, и показываетъ ту юридическую пропасть, въ какую во Франціи упала церковь со временъ революціи; а сдѣлать это онъ могъ только за предѣлами Франціи. Онъ увѣряетъ, что въ Бельгіи, въ Швейцаріи, въ Пьемонтѣ всякій присяжный станетъ на его сторону, что множество лицъ раздѣляетъ его мнѣнія въ этихъ странахъ, и что онъ чрезвычайно быстро занялъ положеніе, позволяющее ему начать за границей новую карьеру и обойтись безъ Франціи.

«Не бойтесь,—увѣряетъ онъ Кретена,—что я вернусь во Францію; даже помилованный и покрытый амнистіей, даже если мнѣ и простятъ тюрьму и денежную пеню, какъ простили гр. Монталамберу, я могу вернуться только *съ моей книгой и свободой прессы*. А если нѣтъ, то и нѣтъ! Мнѣ довольно Бельгіи и Европы. Еще до печатанія своей книги (онъ разумѣетъ книгу *О Справедливости*) я уже составилъ этотъ планъ, а наблюденія,

собранныя въ теченіи четырехъ съ половиной мѣсяцевъ, доказали мнѣ, что планъ мой былъ вѣренъ.

«Я откладываю теперь въ сторону перо трибуна; во мнѣ остались лишь, — философъ, космополитъ и утилизаторъ идей. *Я профессоръ прикладной философіи:* вотъ мой титулъ, съ этимъ я и вернусь когда-нибудь къ вамъ, и не думаю, чтобъ этого очень долго пришлось ждать. Обстоятельства слагаются слишкомъ хорошо, по моему мнѣнію, чтобъ я могъ, подобно Данту, кончить жизнь свою въ изгнаніи». Письмо это кончается новыми соображеніями по поводу его «Мемуара» и ѣдкой выходкой противъ Монталамбера, котораго правительство Наполеона III унизило своимъ прощеніемъ, дарованнымъ ему императоромъ *въ память 2-го декабря.*

Къ началу декабря Прудонъ устроился съ семействомъ, обзавелся кое-какимъ хозяйствомъ, разумѣется въ предѣлахъ строжайшей экономіи и отдалъ даже своихъ дочерей въ школу, радуясь тому, что эта школа чисто свѣтская, свободная отъ всякаго клерикальнаго вліянія. Къ нему возвращается обычное настроеніе духа, и переписка, кромѣ личныхъ дѣлъ, начинаетъ касаться и политическаго настроенія минуты, чтò мы видимъ въ довольно большомъ письмѣ къ Гувернэ 5-го декабря. Политическій интересъ продолжается и въ дальнѣйшей перепискѣ. Такъ и 10-го декабря онъ говоритъ Шарлю Белэ, что вторая имперія видимо падаетъ, и приводитъ цѣлый рядъ фактовъ внутренней политики. Своимъ же личнымъ положеніемъ онъ не доволенъ только въ томъ смыслѣ, что судъ оставляетъ его безъ приговора, въ какомъ-то двойственномъ званіи: не то изгнанника, не то добровольнаго эмигранта.

Ему хочется какъ-нибудь покончить это, хотя внутренно онъ долженъ былъ уже давно рѣшить, что въ тѣхъ условіяхъ, какихъ онъ добивался возврата во Францію, ему уже не было возможности вернуться туда. Всего больше поддерживаютъ его симпатіи либеральныхъ кружковъ въ Брюсселѣ и то вліяніе, какое онъ началъ пріобрѣтать на международную публику, такъ что своему земляку и пріятелю Морису, въ письмѣ отъ 15-го декабря, онъ прямо говоритъ, что никогда, быть можетъ, его нравственное положеніе не было лучше, и собирается энергически дѣйствовать на «иностранномъ рынкѣ» послѣ того, какъ французскій для него закрытъ. Разсчетъ на составленіе капитала онъ оставилъ и очень хорошо сознаетъ, что въ матеріальномъ положеніи безъ Франціи нельзя уже мечтать и о половинѣ того, чтó даетъ въ Парижѣ настоящій книжный успѣхъ. Но все это не только не

отнимаетъ у него мужества, но, напротивъ, по его собственному сознанію, удвоиваетъ его. Онъ чувствуетъ гораздо больше прочности въ своемъ положеніи, зная, что его въ Бельгіи не ожидаютъ никакія случайности, серьёзно разрушающія всѣ планы. И тутъ онъ опять, но уже въ нѣсколько другомъ видѣ, резюмируетъ свою будущую, публицистическую роль:

«Все, что мнѣ нужно было высказать міру *жестокаго*—уже сказано; моя карьера полемиста уже покончена и, благодаря Богу, не безъ чести. Мнѣ остается лишь развивать и вульгаризовать принципы, которые, какъ я думаю, не могли иначе быть выяснены, какъ посредствомъ долгой и опасной полемики; но теперь, разъ ужъ они явились на свѣтъ, эти принципы не могутъ встрѣчать ни въ комъ серьёзной оппозиціи. Наконецъ, очевидно, что міръ начинаетъ обращаться вокругъ своей оси, что вамъ трудно замѣтить изъ вашего захолустья. И я былъ бы слишкомъ несчастливъ или, лучше сказать, слишкомъ неумѣлъ, еслибъ не добился здѣсь какого-нибудь благосостоянія, какъ разъ въ ту минуту, когда общественное мнѣніе начинаетъ мнѣ улыбаться».

Онъ окончательно рѣшается остаться въ Брюсселѣ и, сравнивая этотъ городъ съ Женевой, находитъ, что онъ подходящій для него во всѣхъ отношеніяхъ.

Слѣдующее письмо отъ 18-го декабря помѣчено Парижемъ. По всей вѣроятности это ошибка. А если Прудонъ и ѣздилъ въ Парижъ тайкомъ (что трудно допустимо), то въ послѣдующихъ письмахъ нѣтъ на это ни малѣйшаго намека. Правда, что между этимъ письмомъ и 30 декабря мы находимъ перерывъ совсѣмъ безъ писемъ. Въ этотъ день онъ обращается къ Гюставу Шодэ съ довольно большимъ посланіемъ и спрашиваетъ его: будетъ ли, наконецъ, ихъ дѣло разбираться или нѣтъ? Охарактеризовавши ему внутреннее положеніе Бельгіи, Прудонъ повторяетъ еще разъ, что въ Брюсселѣ нашелъ цѣлый кружокъ, сочувственный ему и желающій всякими мѣрами противодѣйствовать клерикальному и буржуазному вліянію. По этому поводу онъ жалуется на одно, что не можетъ организовать хорошенько сношеній съ друзьями во Франціи: письма еще доходятъ, но о пересылкѣ книгъ нечего и думать.

«Ахъ,—восклицаетъ онъ,—почему у меня нѣтъ лишнихъ ста тысячъ франковъ! Какъ бы было хорошо потрясти эту тираннію, но все молчитъ, ничто не двигается, всѣ точно сговорились, что даже послѣ смерти Бонапарта будутъ душить соціальную республику; вотъ почему мы въ теченіи семи лѣтъ не сдѣлали ни одного

шага къ освобожденію». Его возмущають также разныя изданія по вопросу любви и супружеской жизни, вызванныя отчасти его книгой «О Справедливости». Онъ называеть все это «хроническимъ враньемъ».

Послѣднее письмо, написаное наканунѣ новаго года и адресованное г. Гувернэ, проникнуто вообще спокойнымъ и добродушнымъ тономъ. Прудонъ говоритъ, что совсѣмъ уже устроился въ своей квартиркѣ, въ одномъ изъ предмѣстій Брюсселя — въ Иксѐлѣ, гдѣ онъ и продолжалъ жить. Вопросъ объ исходѣ его парижскаго процесса все еще занимаетъ его; онъ проситъ Гувернэ повидаться съ адвокатомъ Шодэ и добиться какого-нибудь отвѣта. По части текущихъ трудовъ онъ приготовляетъ цѣлую серію этюдовъ или популярныхъ бесѣдъ, которую хочетъ издавать, когда представится къ тому удобный случай, брошюрами отъ 150 до 200 страницъ. Онъ надѣется, въ теченіи года, выпустить, по крайней мѣрѣ, полдюжины. «Иная изъ этихъ брошюръ, — говоритъ онъ, — разошлась бы во Франціи, въ настоящую минуту, въ сорока тысячахъ экземпляровъ, а другая не пошла бы далѣе четырехъ тысячъ. Но надо съ публикой обращаться какъ съ дѣтьми: намазать ей на хлѣбъ масла, если желаешь, чтобъ она ѣла».

XI.

Письмомъ къ Шарлю Эдмону, съ которымъ переписка сдѣлалась вообще гораздо рѣже, открывается 1859-й годъ. Оно не помѣчено никакимъ числомъ, но должно было быть написано тотчасъ послѣ новаго года и посвящено исключительно критикѣ сатирической книжки, которую Шарль Эдмонъ желалъ выпустить и просилъ Прудона написать предисловіе. Слѣдующее, уже помѣченное 5-го января, письмо къ Гувернэ показываетъ, что Прудонъ, по прежнему, безпокоится на счетъ исхода своего процесса; но это безпокойство имѣетъ чисто теоретическій или, лучше сказать, общій, а не личный характеръ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что прокуратура, пользуясь его отъѣздомъ или, попросту говоря, бѣгствомъ, ограничится приговоромъ суда первой инстанціи и запрещеніемъ книги. «И выходитъ, — объясняетъ самъ Прудонъ, — что я ни осужденъ окончательно, ни оправданъ, ни изгнанъ!» Но онъ этимъ не довольствуется; ему, все-таки, хочется найти какое-нибудь средство: добиться исхода и посмотрѣть, можетъ ли власть до такой степени злоупотреблять юридической механикой, какъ онъ выражается въ своемъ письмѣ. Но, въ

сущности, въ это время онъ уже снова принадлежитъ своимъ умственнымъ трудамъ, и въ письмѣ къ Шодэ, отъ 15-го января, излагаетъ подробно цѣлый планъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Бельгіи, — пишетъ онъ, — я уже подготовилъ продолженіе моихъ трудовъ и изданій на весь конецъ моей писательской карьеры, и сдѣлалъ это такимъ образомъ, чтобъ ввести въ эти труды все, что̀ мнѣ угодно, не покидая однако же руководящей мысли и не разстраивая общаго замысла. Около двадцати лѣтъ работалъ я *по критикѣ и логикѣ* и напечаталъ послѣднее свое произведеніе, гдѣ заключается въ первый разъ развитіе моихъ положительныхъ принциповъ, совокупность моихъ утвержденій, насколько они въ ихъ общемъ характерѣ могли вытекать изъ предшествовавшихъ данныхъ: — произведеніе это есть моя книга *О Справедливости*. Въ ней, конечно, критика занимаетъ еще довольно большое мѣсто, но не больше того, сколько слѣдовало, чтобъ мотивировать выводы.

«Въ настоящую минуту пора *вульгаризировать* все это, т.-е. размѣнять на мелкую монету. Вотъ какъ я думаю поступить въ этомъ случаѣ:

«Подъ общимъ заглавіемъ «Популярной философіи» я начинаю неопредѣленную серію изданій на различные сюжеты: исторія литературы, политическая экономія, мораль, географія и т. д.; сюда войдутъ и вещи и люди. Все это будетъ обсуждено, оцѣнено, объяснено посредствомъ новаго философскаго принципа, самаго возвышеннаго и благотворнаго, въ одно и то же время объективнаго и субъективнаго, заключающаго въ себѣ идеи и чувства, законы человѣка и природы — т.-е. *справедливостью*. Дайте мнѣ поработать пять лѣтъ надъ этой вульгаризаціей, и я смѣю думать, что публика, теперь такая усталая, скептическая, равнодушная, ободрится и пойметъ, что̀ такое значитъ философская система, что̀ такое энциклопедія, гдѣ принципомъ, закономъ, методомъ, конечной цѣлью и средствомъ является *право*.

«У меня есть уже чрезвычайно занимательныя вещи — за это я ручаюсь».

Онъ прибавляетъ, что намѣтилъ уже шестьдесятъ отдѣльныхъ сюжетовъ такихъ популярныхъ бесѣдъ; между прочимъ характеристикой Вольтера и Дидро займется онъ спеціально, посвятивши первому два, а второму одинъ выпускъ. Такая программа потребуетъ, конечно, новой подготовительной работы, и Прудонъ собирается засѣсть за XVIII вѣкъ, перечитать Вольтера, энциклопедистовъ и т. д. Сообщая пріятелю-адвокату свой планъ, Прудонъ проситъ его войти, по этому ряду изданій, въ дѣловые

переговоры съ какимъ-то г. Б*** и устроить дѣло при содѣйствіи его постоянныхъ издателей, братьевъ Гарнье. Соображая шансы успѣха, онъ говоритъ: «нѣтъ ничего уродливѣе публики, нѣтъ ничего труднѣе для писателя какъ захватить ея расположеніе; нѣтъ ничего менѣе прочнаго, какъ успѣхъ. Труда, знанія, даже слога недостаточно: надобно—и вотъ этимъ-то никакъ нельзя овладѣть по произволу — *сочетаніе авторскаго вдохновенія съ аппетитомъ публики*».

Прудонъ желаетъ, для выполненія своего обширнаго плана, имѣть отъ издателя единовременную субсидію въ 500 или 1,000 франковъ и затѣмъ получать ежемѣсячно триста франковъ въ видѣ задатка, съ вычетомъ этихъ денегъ изъ чистаго барыша. Всѣ эти разсчеты онъ излагаетъ очень обстоятельно; а вторую половину письма посвящаетъ текущей политикѣ Франціи, въ томъ духѣ, который сказывался всегда въ его перепискѣ, т.-е. въ духѣ, противномъ идеѣ національности. Предвидя итальянскую кампанію, Прудонъ смотритъ на это какъ на величайшую *глупость* и надѣется, что такая затѣя Наполеона III, необходимая ему для поддержанія династіи, ускоритъ паденіе имперіи. Его взглядъ на единство Италіи извѣстенъ, и, со свойственнымъ ему упорствомъ, онъ, и въ эту минуту, и позднѣе, держался его, какъ и всѣхъ остальныхъ парадоксальныхъ или, просто, отсталыхъ воззрѣній. Точно такую же нетерпимость показываетъ онъ и относительно всѣхъ книгъ о любви и женскомъ вопросѣ, вызванныхъ его послѣднимъ сочиненіемъ, что̀ мы видимъ въ письмѣ къ книгопродавцамъ братьямъ Гарнье, помѣченнымъ 16-го января. Въ тотъ же день, резюмируя въ письмѣ къ новому корреспонденту, г-ну Невё, свое положеніе въ Бельгіи, онъ прибавляетъ къ тому, что̀ мы уже знаемъ: «съ самаго пріѣзда моего въ Бельгію, я охладилъ свое воображеніе, сужденія мои сдѣлались спокойнѣе: всего этого лишало меня непосредственное лицезрѣніе императорскаго режима». Но и переѣздъ въ Бельгію не помогъ ему нѣсколько пошире взглянуть на общее европейское движеніе. Онъ даже наканунѣ итальянской войны не желаетъ въ нее вѣрить и говоритъ это очень опредѣленно въ письмѣ къ г. Бутвиллю, написанномъ въ тотъ же день. По его мнѣнію, война не можетъ состояться, и онъ радуется этому не только для Франціи, но даже для *цивилизаціи и свободы*. Въ третьемъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день къ Шарлю Белэ, онъ опять-таки возвращается къ войнѣ и спрашиваетъ своего корреспондента, вѣрятъ ли въ нее во Франціи и будутъ ли настолько безумны, чтобъ ей рукоплескать? Въ четвертомъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день,

Прудонъ обращается къ какому-то г. Д*, желавшему написать книгу въ защиту идей Мишлэ о любви и женщинѣ.—Прудонъ съ особой рѣзкостью высказывается противъ всякаго исключительнаго чувства, направленнаго на женщину. Нѣкоторыя мѣста этого письма ярко дополняютъ характеристику Прудона, какъ ненавистника всего того, что̀ отзывается любовью къ женщинѣ, внѣ извѣстныхъ суровыхъ рамокъ, въ какія онъ самъ себя вставилъ.

«Обожаніе женщины, какое бы ни было,—говоритъ онъ,—порокъ; жертвы, приносимыя этой женщинѣ въ ущербъ своему долгу—гнусность. Если вы честный и работящій человѣкъ, вы могли и помимо сердечнаго выбора найти женщину, способную внушить вамъ уваженіе. Я скажу больше: настоящій демократъ, истинный праведникъ охотно женится на той, у кого менѣе всего достоинствъ, затѣмъ именно, чтобъ поднять ее до своей высоты или, по-крайней-мѣрѣ, воздержать ее отъ окончательной порчи.

«Словомъ, я охуждаю эту мнимую героическую любовь, не видящую ничего дальше любимаго предмета. Я говорю, что она есть замаскированная чувственность, чистый развратъ, преступленіе, идолопоклонство».

А воздерживая своего знакомаго отъ сочиненія книги безъ должной начитанности, подготовки, труда, онъ говоритъ про себя:

«Знаете ли вы, что я, рожденный отъ крестьянина, также какъ и вы, и не переставшій жить съ крестьянами и рабочими, продолжая мои умственныя занятія, знаете ли вы, что когда я выступилъ на литературное поприще, я уже прошелъ чрезъ семь лѣтъ школьной жизни, три года занятій въ Парижѣ на счетъ моего родного города, десять лѣтъ провелъ въ типографіи, гдѣ поглотилъ массу книгъ, и послѣ всего этого прошло *восемь лѣтъ*, прежде чѣмъ я добился какой-нибудь извѣстности?» Это письмо, написанное молодому человѣку, проникнуто той заразительной и могучей искренностью, которая не покидала никогда Прудона. Онъ могъ односторонне взглянуть на извѣстный вопросъ, но, давая совѣтъ, воздерживая кого-нибудь или указывая на что-либо, влагалъ въ письмо всю свою душу, точно будто это была его прямая и ближайшая обязанность. Тѣмъ временемъ его вызвали въ аппеляціонный судъ; но онъ желаетъ, чтобъ вопросъ былъ разбираемъ на основаніи его «Мемуара», чего, конечно, добиться не могъ. Въ такомъ смыслѣ пишетъ онъ Шарлю Белэ, отъ 17-го января, и сейчасъ же переходитъ къ итальянской войнѣ, возмущаясь шовинизмомъ своихъ соотечественниковъ и предсказывая Франціи новое Ватерлоо,—на этотъ разъ не совсѣмъ удачно. Въ письмѣ отъ 22-го января, къ братьямъ Гарнье, онъ прямо го-

воритъ, что не явится на вызовъ суда къ 25-му января и, возвращаясь опять къ войнѣ, пишетъ: «что же касается до возстановленія *итальянской національности*, то это — вранье шовинистовъ, пущенное въ ходъ, чтобъ возбудить общественное мнѣніе. Почему же, послѣ того, не начать толковать о воскрешеніи этрусской національности, друидской церкви и кареагенскаго сената?» Онъ знать не хочетъ никакого историческаго давленія идеи народности и продолжаетъ смотрѣть на готовящуюся войну, какъ на средство укрѣпить династію Наполеона III. Окончательное же свое рѣшеніе—не явиться на судъ—онъ формулируетъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 22-го января, гдѣ сообщаетъ, что одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, именно Мадье-Монжо, принявшійся въ Бельгіи читать литературныя лекціи, взялъ предметомъ своихъ новыхъ бесѣдъ книгу Прудона «О Справедливости» и возбудилъ въ публикѣ большой интересъ. Про свое же физическое состояніе Прудонъ прибавляетъ, что хотя онъ мозгомъ и болѣе доволенъ, но начинаетъ страдать приливами крови къ головѣ. Къ концу января Прудонъ извѣщаетъ г. Гуверне о скоромъ выходѣ въ свѣтъ брошюры, подъ названіемъ: «Какъ идутъ во Франціи дѣлà, и почему у насъ будетъ война?». Но, какъ мы увидимъ ниже, брошюра эта не появилась: Прудонъ сильно заболѣлъ и, недовольный своей работой, уничтожилъ ее. Общую мысль этого памфлета онъ высказываетъ въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 6-го февраля: «Я взялъ на себя трудъ—выразить мнѣніе республики въ этомъ обстоятельствѣ (т.-е. въ дѣлѣ итальянской войны) и формулировать идею революціи. Но надо было рѣшительно отказаться отъ задачи согласить между собою десять или двѣнадцать эмигрантовъ, чтобъ добиться подобной декларація. Еслибъ они сошлись на основной мысли, то не согласились бы на печатаніе. Они увѣряютъ, что не могутъ хорошенько знать, въ какой степени, высказываясь противъ Бонапарта, взваливаютъ отвѣтственность на всю свою политическую партію!... Они, конечно, готовы бороться съ имперіей; но хотятъ быть чрезвычайно сдержанными въ вопросѣ *національности*. — Я же доказываю, что этотъ мнимый вопросъ національности, такъ, кáкъ они его понимаютъ, ложный принципъ, ложное данное, анахронизмъ, который я уничтожаю и разрываю въ куски. Впрочемъ, вы сами это увидите».

Онъ прибавляетъ, что въ Брюсселѣ очень многіе желаютъ, чтобъ онъ высказался печатно по вопросу войны; но, желая этого, всѣ находятъ, что чрезвычайно трудно—не задѣть всевозможныхъ патріотическихъ традицій и щекотливостей; самъ Прудонъ не того

мнѣнія, и прямо говоритъ, что для него не существуетъ, въ этомъ смыслѣ, никакихъ трудностей, такъ какъ онъ становится на почву революціоннаго права и экономическихъ принциповъ. Выступая противъ войны, онъ не скрываетъ своихъ воззрѣній и въ пріятельскомъ письмѣ къ г. Феррари, отъ 6-го февраля, прося извинить за то, что задѣваетъ въ немъ чувство патріота; но тутъ же прибавляетъ, что между ними рознь заключается не въ цѣли и не въ принципахъ, а только въ средствахъ и въ избраніи удобной минуты. Прудонъ не хочетъ никакъ помириться съ возможностью возстановленія итальянской свободы *помощью арміи Бонапарта*, и въ послѣдующихъ письмахъ развиваетъ все тѣ же идеи, въ которыхъ здравая логика перемѣшивается съ одностороннимъ взглядомъ на международныя отношенія и съ слишкомъ большой дозой политическаго пессимизма. Переписка останавливается на 8-мъ февраля, и въ теченіи двадцати дней Прудонъ, по всей вѣроятности, не написалъ ни одного письма, потому что простуда, схваченная имъ въ концѣ января, превратилась въ сильнѣйшій катарръ. Между 28-мъ февраля и 11-мъ марта опять перерывъ въ двѣ недѣли. Про свою болѣзнь онъ разсказываетъ г. Бутвиллю въ письмѣ, помѣченномъ послѣднимъ числомъ; но даже и къ этому времени онъ еще не совсѣмъ поправился. Болѣзнь, съ безсонницей и ужаснѣйшимъ кашлемъ, не отняла у него умственной бодрости, и онъ все съ той же искренностью относится къ главному политическому интересу того момента, къ войнѣ. Его возмущаетъ то, что республиканцы сочувствуютъ ея идеѣ, а Прудонъ хочетъ, чтобъ они становились, въ этомъ случаѣ, на сторону большинства, которое, по его мнѣнію, враждебно войнѣ. Онъ огорчается также, но гораздо менѣе, тѣми нападками, которые вызвала его книга «О Справедливости» въ той ея части, гдѣ онъ говоритъ о любви и женщинѣ.

Только-что оправившись, Прудонъ возобновляетъ опять дѣловыя сношенія съ Гюставомъ Шодэ, поручая ему покончить съ какими-то издателями гг. Б*, которымъ онъ предлагаетъ цѣлую серію этюдовъ по вопросамъ практической философіи, что мы уже видѣли въ предыдущей перепискѣ; но онъ побаивается, что сдѣлка эта не состоится по милости войны. Возвращаясь къ своей брошюрѣ, не появившейся вслѣдствіе его болѣзни, Прудонъ говоритъ: «надо показать и другимъ правительствамъ, что принципы революціи, если ихъ хорошенько понимать, даютъ имъ гораздо больше гарантій, чѣмъ туманныя консервативныя и монархическія идеи; надо повѣдать этимъ самымъ правительствамъ то, чего они не знаютъ, научить ихъ философіи войны, растолко-

вать имъ смыслъ трактатовъ и достоинство слова: *національность*. Въ настоящее время значеніе всѣхъ этихъ словъ чрезвычайно темно; и ни пресса, ни иностранная дипломатія не съумѣли освѣтить ихъ. И съ обоихъ береговъ Рейна и Ламанша точно взапуски стараются только запутать все еще больше».

Въ слѣдующемъ письмѣ, къ тому же Шодэ, отъ 22-го марта, онъ уже совершенно опредѣленно говоритъ, что его ужасный катарръ былъ причиной того, что онъ уничтожилъ свою брошюру въ семь печатныхъ листовъ, даже когда половина ея была напечатана, и вся она была набрана. Хотя и совершенно больной, съ несноснымъ кашлемъ и лихорадкой, Прудонъ почувствовалъ, что не должно выпускать этой вещи въ такомъ видѣ въ публику. Подобный фактъ еще разъ показываетъ, ка́къ онъ, несмотря на свою постоянную матеріальную нужду, серьёзно и честно относился къ роли публициста. А болѣзнь его все еще продолжалась, и къ концу марта онъ еще не вполнѣ отъ нея избавился. Забавно, что въ подробномъ письмѣ къ д-ру Кретену, отъ 22-го марта, онъ оправдывается передъ этимъ пріятелемъ-гомеопатомъ въ томъ, что долженъ былъ обратиться въ Брюсселѣ къ врачу аллопату. Но даже его пріятельская снисходительность къ гомеопату облечена, и въ этомъ письмѣ, въ самую симпатичную философскую терпимость. Утѣшая доктора Кретена въ его разныхъ невзгодахъ по практикѣ и въ нападкахъ, которымъ гомеопатія подвергалась въ то время отъ нѣкоторыхъ знаменитостей, Прудонъ говоритъ: «хотя я и позитивенъ въ своихъ взглядахъ, но не желаю допустить, чтобы такъ безцеремонно относились ни къ гомеопатіи, ни къ животному магнитизму, ни даже къ *духамъ постукивателямъ*. Я хочу, чтобъ во всемъ шли до самой глубины заблужденій, до сути всѣхъ вопросовъ, всѣхъ утопій, всѣхъ таинствъ». Выздоравливая, онъ съ каждымъ новымъ письмомъ интересовался все больше и больше внѣшней политикой, и настолько забываетъ себя, свое нездоровье и неблистательныя дѣла, что шлетъ большое посланіе къ пріятелю своему Морису, отъ 1-го апрѣля, гдѣ всячески утѣшаетъ его въ потерѣ матери и жены. Но на перепискѣ его, помимо болѣзни, начинаетъ отражаться жизнь эмигранта. Видно, что онъ не проникнутъ теоретическими идеями, какъ въ былое время, что внѣшнія событія, возбуждая его интересъ, скорѣе тревожатъ его, чѣмъ направляютъ на какой-нибудь крупный публицистическій замыселъ. Вопросы войны и національности развиваются въ его головѣ въ одномъ направленіи, съ тѣмъ упорствомъ, которое очень часто доводило Прудона до парадоксовъ и одностороннихъ воззрѣній. Онъ не желаетъ

сдѣлать хотя какую-нибудь уступку національному движенію, которое составляло, помимо личныхъ замысловъ Бонапарта, несомнѣнную подкладку въ тогдашнемъ итальянскомъ волненіи. Въ письмѣ къ Матéю, отъ 11-го апрѣля, возвращаясь къ этой тэмѣ, Прудонъ обозрѣваетъ мотивы войнъ XVII и XVIII столѣтій и находитъ, что всѣ эти войны имѣли опредѣленный, хотя и не симпатичный смыслъ.

«Но теперь, — спрашиваетъ Прудонъ, — есть ли чтó-нибудь? существуетъ ли какой-нибудь опредѣленный вопросъ, какой-нибудь новый фактъ, какой-нибудь принципъ помимо того, чтó въ 1848 году называли соціалистичéскимъ?..—Говорятъ объ Италіи, но тутъ добиваются простого дѣлежа, только по-другому;—говорятъ о *національности*, но всемірная исторія есть не что иное, какъ картины національностей, взаимно себя разрушающихъ и поглощающихъ; — говорятъ объ естественныхъ границахъ, но, вглядываясь поближе, ихъ не находишь; — говорятъ, наконецъ, о трактатахъ 1815 года, но эти трактаты суть законы, выведенные изъ борьбы націи противъ императорскаго деспотизма».

Тѣ же почти мысли развиваетъ онъ и въ письмѣ къ Шодэ отъ 11-го же апрѣля, и прибавляетъ, что къ нему обращались очень многіе съ вопросомъ объ его брошюрѣ, судьба которой уже извѣстна читателямъ. Онъ дожидается отвѣта отъ Шодэ по сдѣлкѣ съ издателемъ, на которую, въ сущности, мало надѣется, и говоритъ про себя, что прежній его молодой темпераментъ уже замѣтно ослабъ, умъ сдѣлался яснѣе, но извѣстнаго рода инерція овладѣваетъ имъ, и онъ начинаетъ хандрить, глядя на глупость и недобросовѣстность людскую. Работать все-таки надо, и мы видимъ, въ письмѣ отъ 8-го мая, къ г-ну Гувернэ, что Прудонъ снова принялся за перо и написалъ уже половину брошюры изъ той серіи, которая должна была явиться подъ общимъ заглавіемъ: «Популярной философіи». Такая работа, еслибъ она ему удалась въ матеріальномъ отношеніи, могла бы, конечно, въ извѣстной степени и интересовать его; но крупный нервъ дѣятельности былъ уже надорванъ, и переписка продолжаетъ имѣть болѣе тревожный характеръ, обращаясь то-и-дѣло къ внѣшнимъ вопросамъ! Эта первая брошюра и есть его этюдъ «Война и миръ». Послѣ него онъ желалъ обработать вопросъ *литературной собственности*. Война раздражала его болѣе и болѣе, и онъ не въ состояніи отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ, въ которыхъ здравая логика не всегда торжествуетъ, хотя основной мотивъ его критики, направленный на замыслы бонапартизма, и остается вѣрнымъ.

«Мы будемъ продолжать въ Италіи,—говоритъ онъ,—эру конституціонныхъ мистификацій, а сами ни малѣйшимъ образомъ не вѣримъ въ этотъ государственный порядокъ, почему и уничтожили его частью въ 1848 году и совсѣмъ въ 1851!.. Хороши государственные люди, воображающіе, что *національность* существуетъ, когда нація имѣетъ честь одна доставлять персоналъ для своего правительства!.. Мнѣ было бы стыдно за французскую глупость, еслибъ я не видѣлъ, что повсюду торжествуетъ такая же глупость. Что̀ это за цивилизація! О, Фурье! мой достойный соотечественникъ! какъ ты былъ правъ, проклиная ее: твой мизинецъ зналъ, въ этомъ смыслѣ, больше, чѣмъ весь этотъ народъ знаетъ всѣмъ своимъ тѣломъ».

Въ письмѣ къ Гувернэ отъ 26-го мая онъ выражается также сильно: «въ этомъ предпріятіи, — восклицаетъ онъ, — нѣтъ ни смысла, ни политики, ни удачнаго случая, ни цѣли! это — послѣдствіе стараго вранья о принципѣ національностей, объ естественныхъ границахъ, о трактатахъ 1815 года, къ которому надо прибавить затѣи Наполеона III: драться и одерживать побѣды, и желаніе правительства разсѣять чѣмъ-нибудь умы». На итальянскую войну онъ смотритъ, какъ на еще болѣе противную мистификацію, чѣмъ на крымскую кампанію, и не можетъ, о чемъ бы онъ ни писалъ, не возвращаться къ этому предмету.

Его дѣло съ издателемъ Б* разстроилось,—и разстроилось какъ-разъ къ тому времени, когда здоровье позволило ему приняться за работу съ должной энергіей. Въ первыхъ числахъ іюня брошюра его «Война и миръ», разросшаяся въ своемъ объемѣ, была уже готова, и онъ говоритъ, по поводу этого этюда, въ письмѣ къ Шодэ отъ 5-го іюня: «то, что̀ происходитъ теперь, отвлекло мое вниманіе къ международной политикѣ, и я спросилъ себя прежде всего: что̀ такое эта политика, на чемъ она основывается, какіе ея принципы? — и нашелъ, что ни во Франціи, ни внѣ ея, въ этой политикѣ нѣтъ принциповъ. Я справлялся съ авторитетами, напримѣръ, съ Гроціусомъ. Много эрудиціи, преданій, обычаевъ; но совершенное отсутствіе принциповъ. Гроціусъ потрясъ, такъ-сказать, дерево науки (De Jure belli ac pacis), но съ этого дерева ему не удалось уронить ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Онъ не дошелъ даже до азбуки. Добивался я и отъ нашей революціонной традиціи. Нѣтъ ничего. Тогда я углубился въ самого себя, сталъ читать журналы, брошюры, историческія вещи и т. д. Я принялся опять за свои формулы антиномій и добился того, что сталъ кое-что понимать. Это не что

иное, какъ самый простой здравый смыслъ, а между тѣмъ вы этого не найдете нигдѣ».

Французскія побѣды не вліяютъ на направленіе его мыслей. Онъ видитъ впереди только однѣ потери и ожидаетъ даже вмѣшательства Германіи; а Наполеону предсказываетъ западню. Тѣмъ временемъ, его этюдъ все разростался. Онъ хочетъ и въ послѣдующихъ этюдахъ держаться должной обстоятельности и надѣется до конца года выпустить шесть отдѣльныхъ вещей той серіи, которую онъ желалъ назвать «Популярной философіей». Его дѣловыя сношенія съ издателями Гарнье опять завязались черезъ посредство Гюстава Шодэ, которому онъ и сообщаетъ, въ подробностяхъ, о планѣ своихъ этюдовъ въ письмѣ отъ 18-го іюня. Слѣдующій этюдъ онъ хочетъ посвятить Вольтеру и пишетъ по этому поводу въ томъ же письмѣ:

«Вольтеръ, это—*тѣсное сліяніе науки и ума*,—ума, отличнаго отъ поэзіи, но имѣющаго, пожалуй, еще больше достоинства; умъ этотъ не составляетъ истины, но прибавляетъ къ ней многое. Настоящій французскій писатель дѣлается французскимъ настолько, насколько онъ приближается къ Вольтеровскому складу. Руссо мѣстами въ своемъ «Эмилѣ» достигъ этого, но вообще онъ слишкомъ страстенъ, ударяется въ ораторство, въ декламацію, въ поэзію; онъ обозначаетъ собой ретроградную тенденцію».

Намѣреніе Прудона не осуществилось, но тѣмъ не менѣе его слова о Вольтерѣ тѣмъ болѣе приходятся теперь кстати, что въ настоящую минуту мы только-что были свидѣтелями попытки клерикаловъ во Франціи задушить память Вольтера, которому нація устраивала торжество по случаю годовщины его смерти.

Д—въ.

НОВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ДЕКАБРЬСКАГО ПЕРЕВОРОТА ВО ФРАНЦІИ.

Victor Hugo. Histoire d'un crime. Déposition d'un témoin. Два тома.

Окончаніе.

II *).

Второго декабря Бонапартъ попробовалъ-было выглянуть на улицу. Онъ рискнулъ поглядѣть на Парижъ. Парижъ не выноситъ иныхъ взглядовъ. Они кажутся ему оскорбительными, а оскорбленіе раздражаетъ его сильнѣе, чѣмъ боль. Онъ дастъ зарѣзать себя, но не снесетъ насмѣшливаго взгляда убійцы. Луи-Бонапарту не поздоровилось.

Въ девять часовъ утра, въ тотъ моментъ, какъ гарнизонъ Курбвуа спускался въ Парижъ, а афиши, возвѣщавшія о государственномъ переворотѣ, еще не высохли на стѣнахъ, Луи-Бонапартъ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца, проѣхалъ черезъ площадь Согласія, Тюльерійскій садъ, затѣмъ черезъ рѣшетчатый дворъ Каруселя и выѣхалъ изъ воротъ улицы Эшель. Немедленно набралась толпа. Луи-Бонапартъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ; дядя его, бывшій король Жеромъ, сопровождалъ его,

---

*) См. выше: іюнь, 618 стр.

а также и Флаго (Flahaut), державшійся нѣсколько поодаль. На Жеромѣ былъ надѣтъ парадный мундиръ маршала Франціи и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ; лошадь Луи-Бонапарта была цѣлой головой выше лошади Жерома. Луи-Бонапартъ былъ угрюмъ, Жеромъ сосредоточенъ, а Флаго веселъ. За ними слѣдовалъ большой конвой уланъ. Эдгаръ Ней сопровождалъ ихъ. Бонапартъ разсчитывалъ проѣхаться до ратуши. Тутъ случился нѣкто Жоржъ Бискарра̀. Булыжникъ былъ выворочень на улицѣ; ее покрывали макадамомъ; онъ взлѣзъ на груду камней и закричалъ: *Долой диктатора! долой преторіанцевъ!* Солдаты глядѣли на него съ тупымъ видомъ, а толпа—съ удивленнымъ. Жоржъ Бискарра̀ (онъ самъ мнѣ это разсказывалъ) сообразилъ, что онъ слишкомъ литературно выражается — его не понимаютъ, и закричалъ: *Долой Бонапарта! долой улановъ!*

Крикъ оказался заразительнымъ.

— *Долой Бонапарта! долой улановъ!*—закричалъ народъ, и вся улица преобразилась, стала бурна и грозна. *Долой Бонапарта!* крикъ походилъ на начинающуюся расправу. Бонапартъ круто осадилъ лошадь, поворотилъ назадъ и вернулся во дворъ Лувра.

Аресты умножались.

Около полудня, полицейскій коммиссаръ, по имени Будрѐ, явился въ кофейню улицы Лепеллетье. Его сопровождалъ агентъ Делагоддъ (Delahodde). Делагоддъ былъ тотъ самый вѣроломный писатель-соціалистъ, который, будучи уличенъ въ предательствѣ, вынужденъ былъ перейти изъ тайной полиціи въ явную. Я его знавалъ и отмѣчаю слѣдующій фактъ: въ 1832 г. онъ былъ учителемъ въ школѣ, которую посѣщали мои два сына, мальчики, и посвятилъ мнѣ стихи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ шпіонилъ за мной. Кофейня улицы Лепеллетье была сборнымъ пунктомъ многихъ республиканскихъ журналистовъ. Делагоддъ зналъ ихъ всѣхъ. Отрядъ республиканской гвардіи занялъ всѣ выходы въ кофейнѣ. Послѣ того начался смотръ всѣхъ посѣтителей. Делагоддъ шелъ впереди, а коммиссаръ сзади. За ними слѣдовали два муниципальныхъ гвардейца. Время отъ времени Делагоддъ оборачивался и говорилъ: *Empoignez celui-ci!* Такимъ образомъ было арестовано около двадцати писателей, и въ числѣ ихъ Геннетъ де-Кесслеръ, умершій въ изгнаніи, на Герней. Кесслеръ былъ наканунѣ на Сентъ-Антуанской баррикадѣ. Кесслеръ сказалъ Делагодду: «Вы негодяй».—«А вы неблагодарный,—отвѣчалъ Делагоддъ:—*я вамъ спасаю жизнь*». Странныя слова, потому что

трудно повѣрить, чтобы Делагоддъ былъ посвященъ въ тайну того, чтó должно было произойти въ роковой день 4-го декабря...

Отъ полудня и до двухъ часовъ въ этомъ громадномъ городѣ, преданномъ на жертву неизвѣстности, царствовало какое-то зловѣщее ожиданіе. Все было спокойно и угрюмо. Полки и запряжонныя баттареи выступали изъ предмѣстьевъ и размѣщались безъ шума вокругъ бульваровъ. Ни одного возгласа не было слышно въ рядахъ солдатъ. Одинъ свидѣтель говоритъ: «солдаты шли *съ добродушнымъ видомъ*». На набережной Феронри, съ утра 2-го декабря, запруженной батальонами, оставался только одинъ постъ муниципальныхъ гвардейцевъ. Все отхлынуло къ центру, народъ такъ же, какъ и войско; безмолвіе арміи сообщилось, наконецъ, и народу. Обѣ стороны, молча, наблюдали другъ за другомъ.

Солдатамъ розданы были трехдневные раціоны и запасъ патроновъ.

Впослѣдствіи дознались, что въ это время тратилось на десять тысячъ франковъ водки въ день на каждую бригаду.

Около часа, Маньянъ отправился въ ратушу, велѣлъ запречь у себя на глазахъ орудія резервнаго парка, и ушелъ только тогда, когда всѣ баттареи были готовы къ выступленію.

Разныя подозрительныя приготовленія умножались. Около полудня, работники администраціи и лазаретные служители пришли устроить въ домѣ подъ № 2, въ Монмартрскомъ предмѣстьѣ, родъ обширнаго подвижнаго госпиталя; заготовлена была куча носилокъ.

— Къ чему все это?—спрашивала толпа.

Докторъ Девилль, лечившій Эспинаса отъ раны, увидя его на бульварѣ, спросилъ его:

— *Jusqu'ou irez-vous?*

Отвѣтъ Эспинаса историческій.

Онъ отвѣчалъ:

— *Jusqu'au bout.*

Это можно написать такъ: *jusqu'aux boues.*

Въ два часа, пять бригадъ: де-Котта, Бургоина, Канробера, Дюлака, Рейбелля, пять артиллерійскихъ баттарей, шестнадцать тысячъ четыреста солдатъ, пѣхоты и кавалеріи, уланы, кирасиры, гренадеры, канониры были разставлены—хотя никто не могъ бы догадаться, съ какой цѣлью—между улицей Мира и фобургомъ Пуассоньеръ. Пушки стояли при входѣ во всѣ улицы. Пѣхотинцы держали ружья на-плечо, кавалеристы — сабли на-голо. Чтó все это означало? Зрѣлище было любопытное и привлекало

всеобщее вниманіе; и по обѣ стороны троттуаровъ, со всѣхъ пороговъ магазиновъ, изо всѣхъ этажей домовъ толпа, удивленная, насмѣшливая, довѣрчивая смотрѣла во всѣ глаза.

Мало-по-малу, однако, довѣріе пропадало; иронія уступала мѣсто изумленію; изумленіе переходило въ недоумѣніе. Кто пережилъ эту необыкновенную минуту, тотъ ее не забудетъ. Было очевидно, что тутъ что-то кроется. Но что же именно? Совершенныя потёмки. Представьте себѣ Парижъ, засаженный въ погребъ? Всѣми чувствовались надъ головой его низкіе своды. Всѣхъ какъ будто замуровали въ чемъ-то неожиданномъ и неизвѣстномъ. Всѣ угадывали чью-то таинственную волю. Но вѣдь мы же, въ сущности, сила; мы, вѣдь, республика, мы Парижъ, мы Франція; чего намъ бояться? Нѣчего. И всѣ кричали: «Долой Бонапарта!» Войска продолжали безмолвствовать, но сабли держались на-голо́, и зажженный фитиль пушекъ курился на углу улицъ. Облако съ каждой минутой становилось все темнѣе, все глуше и нѣмѣе. Этотъ сгущавшійся мракъ былъ трагиченъ. Въ немъ чувствовались близость катастрофы и присутствіе злоумышленника; измѣна струилась въ этой ночи.

Что̀ должно было выдти изъ этого мрака?

Вдругъ распахнулось окно.

Въ самый адъ.

Дантъ, если бы онъ наклонился надъ бездной, могъ бы увидѣть въ Парижѣ восьмой кругъ своей поэмы: зловѣщій бульваръ Монмартръ.

Парижъ—добыча Бонапарта: чудовищное зрѣлище!

Жалкіе вооруженные люди, столпившіеся на этомъ бульварѣ, почувствовали, какъ въ нихъ вселяется ужасный духъ; они перестали быть самими собой и стали демонами.

Солдатъ французскихъ не стало больше; явились какіе-то привидѣнія, совершавшія отвратительное дѣло въ призрачномъ свѣтѣ.

Не стало больше знамени, не стало больше закона, ни гуманности, ни родины, не стало больше Франціи: настала рѣзня.

Дивизія Шиндерганна, бригады Мандрена, Картуша, Пулье, Трестальона и Тропманна появились во мракѣ, стрѣляя картечью и убивая.

Нѣтъ, мы не приписываемъ французской арміи то, что̀ совершилось во время этого мрачнаго затмѣнія чести.

Въ исторіи бывали бойни отвратительныя, конечно, но имѣющія свой *raison d'être*. Варѳоломеевская ночь, драгоннады объясняются религіей, сицилійскія вечерни и сентябрьскія убійства

объясняются патріотизмомъ: уничтожаютъ врага, истребляютъ чужеземца; это преступленіе *pour le bon motif*. Но рѣзня на Монмартрскомъ бульварѣ—преступленіе безпричинное.

Причина, однако, существуетъ. Она ужасна.

Скажемъ ее.

Двѣ вещи живутъ въ государствѣ: законъ и народъ. Человѣкъ убиваетъ законъ. Онъ чувствуетъ, что близка кара. Ему остается теперь одно только: убить народъ. Онъ убиваетъ народъ.

2-го декабря—существовалъ рискъ, 4-го декабря—наступила увѣренность.

Просыпающееся негодованіе подавляется ужасомъ.

Эвменида—правосудіе,—останавливается въ остолбенѣніи передъ Фуріей—истребленіемъ. Противъ Эринисъ высылаютъ Медузу.

Обратить въ бѣгство Немезиду — какое страшное торжество! Луи-Бонапарту досталась эта слава, и въ ней верхъ его позора.

Разскажемъ про него.

Разскажемъ про то, чего исторія еще не видывала.

Убійство народа, совершённое однимъ человѣкомъ!

Внезапно, по данному знаку, кто-то гдѣ-то выстрѣлилъ изъ ружья, картечь осыпала толпу. Картечь тоже толпа; это—искрошенная смерть. Она сама не знаетъ, куда идетъ и что́ дѣлаетъ. Она убиваетъ и проносится мимо.

Въ то же самое время въ ней есть своего рода душа; въ ней есть преднамѣренность; она выполняетъ чью-то волю. Моментъ былъ неслыханный. Точно пригоршня молній упала въ народъ. Ничего не можетъ быть проще. Рѣшеніе ясное, какъ божій день: картечь раздавила толпу. Къ чему вы пришли сюда? Умрите. Вы прохожій—да это преступленіе! Зачѣмъ вы вышли на улицу? Зачѣмъ вы попадаетесь на дорогѣ бонапартизму? Бонапартизмъ—это вертепъ разбойничій. Вѣдь онъ вамъ возвѣстилъ о своемъ дѣлѣ, надо же его совершить; надо докончить начатое; вѣдь, когда спасаютъ общество, то необходимо истребить народъ.

Развѣ не существуетъ государственной необходимости? Развѣ не нужно, чтобы у Бевилля было восемьдесятъ-семь тысячъ франковъ дохода въ годъ, а у Флёри девяносто-пять тысячъ? Развѣ полковому священнику Манжо, епископу Нанси, не надо получать триста-сорокъ-два франка въ день? а Бассано и Камбасересу развѣ не надо получать каждому по триста-восемьдесятъ-три франка въ день, а Вальяну—четыреста-шестьдесятъ-восемь франковъ, а Сентъ-Арно — восемьсотъ-двадцать-два франка въ день?

Развѣ не нужно Луи-Бонапарту получать въ день семьдесятьшесть тысячъ семьсотъ-двѣнадцать франковъ? Развѣ можно стать императоромъ за болѣе дешевую цѣну?

Въ одно мгновеніе ока на бульварѣ воцарилась бойня на протяженіи четверти версты. Одиннадцать пушекъ разгромили отель Салландрузъ. Ядра пробуравили насквозь двадцать-восемь домовъ. Бани Жувансъ были разгромлены. Тортони сокрушенъ. Цѣлый кварталъ Парижа обратился въ отчаянное бѣгство и оглашалъ воздухъ воплемъ ужаса. Вездѣ ждала неожиданная смерть. Ничего ровно не подозрѣваешь и вдругъ падаешь. Откуда это? Съ неба,—говоритъ *Te Deum* епископовъ. Съ земли, говоритъ истина.

Хуже, чѣмъ изъ каторги; хуже, чѣмъ изъ ада.

Это мысль Калигулы, выполненная Папавуаномъ.

Ксавье Дюррьё пришелъ на бульваръ. Онъ самъ это разсказываетъ: «*Я прошелъ шестьдесятъ шаговъ и увидѣлъ шестьдесятъ труповъ*». И ушелъ назадъ. Выдти на улицу—преступленіе, сидѣть дома — преступленіе. Убійцы входятъ въ дома и рѣжутъ. Это называется *chaparder* на подломъ языкѣ разбойниковъ.

— *Chapardons tous!*—кричатъ солдаты.

Кофейню Леблонъ опустошили. Домъ Биллькокъ до такой степени пострадалъ, что на другой день его пришлось подпереть подпорками. Передъ домомъ Жувенъ набралась груда мертвыхъ тѣлъ и въ томъ числѣ трупъ старика съ зонтикомъ и молодого человѣка съ лорнетомъ. Отель де-Кастиль, *Maison-Dorée, La Petite-Jeannette, Café de Paris, Café Anglais* въ продолженіи трехъ часовъ служили мишенью для орудій. Домъ Ракнò обрушился подъ гранатами; ядра разрушили базаръ Монмартръ.

Никто не могъ укрыться. Ружья и пистолеты работали въ упоръ.

Дѣло подходило къ новому году; уже открылись лавки съ подарками; въ пассажѣ Сомонъ, тринадцатилѣтній ребенокъ, спасаясь отъ ружейнаго огня, спрятался въ одной изъ этихъ лавокъ подъ грудой игрушекъ. Его схватили и убили! Убійцы со смѣхомъ растравляли его раны саблями. Одна женщина говорила мнѣ: — *во всемъ пассажѣ были слышны крики бѣднаго мальчики*. Четверыхъ людей разстрѣляли передъ той же лавкой. Офицеръ говорилъ имъ:—*впередъ наука: не шатайтесь безъ дѣла*. Пятый, по имени Мальере, оставленный на мѣстѣ, замертво былъ отнесенъ на другой день въ «Charité»; у него оказалось одиннадцать ранъ; онъ умеръ.

Солдаты стрѣляли въ погреба черезъ отдушины.

Одинъ рабочій, кожевникъ, по имени Муленъ, укрылся въ одинъ изъ такихъ обстрѣливаемыхъ погребовъ и видѣлъ черезъ отдушину въ погребѣ, какъ прохожій, раненый въ ногу, сѣлъ на мостовую, и хрипѣлъ, прислонясь къ стѣнѣ. Солдаты, услышавъ это хрипѣніе, подбѣжали и докончили раненаго штыками.

Одна бригада убивала прохожихъ между улицей «de la Madeleine» и Оперой, другая между Оперой и театромъ «Gymnase»; третья отъ бульвара «Bonne Nouvelle» до воротъ Сенъ-Дени; 75-й линейный полкъ взялъ баррикаду у воротъ Сенъ-Дени, гдѣ не было битвы, а была рѣзня. Рѣзня торжествовала—страшное слово, но вѣрное—отъ бульвара и по всѣмъ улицамъ. Бѣжать? Зачѣмъ? Прятаться. Къ чему? Смерть бѣжала за вами по пятамъ и обгоняла васъ. Въ улицѣ Пажвенъ одинъ солдатъ спросилъ у прохожаго:—что вы здѣсь дѣлаете?—Иду домой.—Солдатъ убилъ прохожаго. Въ улицѣ Марэ убили четырехъ молодыхъ людей, на ихъ собственномъ дворѣ. Полковникъ Эспинасъ кричалъ: — *Послѣ штыковъ, пускайте въ ходъ пушки!* Полковникъ Рошфоръ кричалъ: *колите, рѣжьте, рубите!* И прибавлялъ:—*этакъ меньше пороху и шума.* Передъ магазиномъ Барбедьеннъ, одинъ офицеръ хвастался своимъ ружьемъ передъ товарищемъ и говорилъ:—*Этимъ ружьемъ я попадаю какъ разъ въ переносицу.* И, говоря это, онъ прицѣливался и убивалъ перваго встрѣчнаго. Бойня была ожесточенная. Въ то время какъ подъ командой Карреле шла рѣзня на бульварѣ, бригада Бургона опустошала Тампль, а бригада Марула улицу Рамбютó; дивизія же Рено отличалась на лѣвомъ берегу. Ренó былъ тотъ самый генералъ, который въ Маскарá отдалъ Шаррасу свои пистолеты. Въ 1848 г. онъ сказалъ Шаррасу: — *надо взбунтовать всю Европу!..* А Шаррасъ ему отвѣтилъ: — *какой прыткій!* Луи-Бонапартъ произвелъ его въ дивизіонные генералы въ іюлѣ 1851 г. Улица «Aux Ours» была особенно опустошена. Морни вечеромъ говорилъ Луи-Бонапарту:—*15-й полкъ заслужилъ хорошую отмѣтку. Онъ очистилъ улицу Aux Ours.*

На углу улицы Сантье, одинъ офицеръ спаговъ, съ приподнятой саблей кричалъ: — *Не такъ! вы ничего не понимаете! Стрѣляйте въ женщинъ.* Женщина убѣгала, беременная, и упала; ее добили прикладами. Другая, обезумѣвшая отъ страха, готова была скрыться за уголъ улицы. У ней на рукахъ былъ ребенокъ. Двое солдатъ прицѣлились. Одинъ сказалъ:—*Въ женщину!* и убилъ женщину. Ребенокъ покатился по мостовой. Другой солдатъ сказалъ:—*Въ ребенка!*—и убилъ ребенка.

Человѣкъ, извѣстный въ наукѣ, докторъ Жерменъ Сэ, объявляетъ, что въ одномъ домѣ, гдѣ помѣщались бани Жувансъ, къ шести часамъ набралось въ сараѣ, во дворѣ, около восьмидесяти раненыхъ, и все почти «старики, женщины и дѣти». Докторъ Сэ оказалъ имъ первую помощь.

Въ улицѣ Мандоръ,—говоритъ одинъ очевидецъ,—набралась цѣлая вереница мертвыхъ тѣлъ, доходившая до улицы «Neuve-Saint-Eustache». Передъ домомъ Одье лежало двадцать-шесть труповъ. Тридцать передъ отелемъ Монморанси. Передъ театромъ «Variétés» пятьдесятъ-два; изъ нихъ одиннадцать женщинъ. Въ улицѣ Гранжъ-Бательеръ три голыхъ трупа. Домъ подъ № 19 въ Монмартрскомъ предмѣстьѣ былъ полонъ мертвыми и ранеными.

Женщина, обратившаяся въ бѣгство, обезумѣвшая, съ распущенными волосами, поднявъ руки къ небу, бѣгала по улицѣ Пуасоньеръ, крича: — Убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ!

Солдаты бились объ закладъ. — Побьемся объ закладъ, что попаду вотъ въ этого! Такимъ образомъ былъ убитъ, возвращаясь къ себѣ домой въ улицу Мира, графъ Понинскій.

Я пожелалъ убѣдиться во всемъ собственными глазами. Чтобы передавать о злодѣяніяхъ, надо ихъ видѣть. Я отправился на мѣсто, гдѣ происходили убійства.

Я пришелъ на бульваръ; видъ его былъ неописанный. Я видѣлъ это преступленіе, эту бойню, эту трагедію. Я видѣлъ косу слѣпой смерти; я видѣлъ какъ падали вокругъ меня толпой несчастныя жертвы. Вотъ почему я подписался подъ этой книгой, какъ *свидѣтель*.

Это истребленіе, которое одинъ англійскій очевидецъ, капитанъ Уильямъ Жессъ, называетъ «стрѣльбой здорово живешь», продолжалось отъ двухъ до пяти часовъ. Въ эти ужасныхъ три часа Луи-Бонапартъ выполнилъ свой планъ и довершилъ свое дѣло. До этой минуты жалкая, мѣщанская совѣсть была чуть ли не снисходительна. Ну вотъ, экая важность; это фарсъ, выкинутый принцемъ, своего рода политическая продѣлка, фокусъ въ обширныхъ размѣрахъ; скептики и самодовольные люди говорили: —Ловко подшутилъ надъ этими дураками. Вдругъ, Луи-Бонапартъ, испугавшись, обнаружилъ всю свою политику.—*Скажите Сентъ-Арно, чтобы онъ исполнилъ то, что я ему приказывалъ.* —Сентъ-Арно повиновался, государственный переворотъ сдѣлалъ то, что̀ ему подобало сдѣлать, и съ этой ужасной минуты громадные потоки крови оросили это преступленіе.

Когда я уходилъ съ бульвара, вмѣстѣ съ обезумѣвшей отъ страха толпой, и шелъ куда глаза глядятъ, внезапно надъ мо-

имъ ухомъ раздался голосъ:—Я хочу вамъ что-то показать. Я узналъ голосъ. Онъ принадлежалъ Е. П.

Е. П. драматическій писатель, талантливый человѣкъ, котораго при Луи-Филиппѣ мнѣ удалось освободить отъ военной службы. Я не видѣлся съ нимъ уже года четыре или лѣтъ пять, и вдругъ встрѣтился въ этой суматохѣ. Онъ говорилъ со мной такъ, какъ если бы мы разстались наканунѣ. Таково дѣйствіе политическихъ смутъ. Нéкогда соблюдать всѣ десять тысячъ китайскихъ церемоній.

— Ахъ! это вы!—сказалъ я.—Что вамъ угодно?

Онъ мнѣ отвѣчалъ:—Я живу вотъ въ этомъ домѣ.

И прибавилъ:

— Пойдемте.

И увлекъ меня въ темную улицу. Мы остановились передъ высокимъ и темнымъ домомъ. Е. П. толкнулъ входную дверь, которая была не заперта, затѣмъ другую дверь и мы вошли въ низкую залу, гдѣ царствовала тишина и горѣла лампа.

Комната эта, повидимому, прилегала въ какому-то магазину. Въ глубинѣ виднѣлись двѣ кровати рядомъ, одна большая, другая маленькая. Надъ маленькой кроваткой висѣлъ портретъ женщины, а надъ портретомъ верба.

Лампа стояла на каминѣ, въ которомъ горѣлъ огонь.

Возлѣ лампы, на стулѣ, сидѣла старуха, согнувшись въ три погибели надъ чѣмъ-то, что держала въ рукахъ и чего не было видно. Я подошелъ. На рукахъ у ней былъ мертвый ребенокъ.

Бѣдная женщина безмолвно рыдала.

Е. П., котораго она знала, тронулъ ее за плечо и сказалъ:

— Покажите.

Старуха подняла голову, и я увидѣлъ у нея на колѣняхъ маленькаго мальчика, блѣднаго, полу-раздѣтаго, хорошенькаго, съ двумя кровавыми дырками на лбу.

Старуха поглядѣла на меня, но, очевидно, она меня не видѣла и пробормотала, какъ-бы говоря съ самой собой:

— И подумать только, что сегодня утромъ онъ звалъ меня бабушкой.

Е. П. взялъ руку ребенка, ручка выскользнула изъ его руки.

— Ему было семь лѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ.

На полу стоялъ тазъ. Ребенку обмыли личико; двѣ струйки крови текли изъ двухъ дырочекъ.

Въ глубинѣ комнаты возлѣ полуоткрытаго шкапа, гдѣ виднѣлось бѣлье, стояла женщина лѣтъ сорока, степенная, бѣдно, но чисто одѣтая, довольно красивая.

— Сосѣдка,—сказалъ мнѣ Е. П.

И объяснилъ мнѣ, что въ домѣ живетъ медикъ, что онъ приходилъ и сказалъ:—ничего не подѣлаешь. Ребенка сразили двѣ пули въ голову въ то время, какъ онъ бѣжалъ по улицѣ «спасаясь». Его принесли къ бабушкѣ, у которой онъ былъ единственный внукъ.

Портретъ покойной матери висѣлъ надъ маленькой кроваткой.

У ребенка глаза были полуоткрыты и онъ глядѣлъ тѣмъ невыразимымъ взглядомъ мертвыхъ, въ которомъ созерцаніе видимаго міра замѣняется созерцаніемъ безконечнаго. Бабушка, сквозь рыданія, говорила минутами:—Боже милостивый, неужто это возможно!—Можно ли повѣрить!—Ахъ! разбойники, просто разбойники.

И закричала:

— Такъ вотъ что значитъ правительство!

— Да,—отвѣчалъ я.

Мы помогли раздѣть ребенка. У него былъ въ карманѣ кубарь. Головка его склонялась съ одного плеча на другое; я поддержалъ ее и поцѣловалъ въ лобъ. Мы сняли съ него чулочки. Бабушка вдругъ встрепенулась.

— Не ушибите его,—сказала она.

Она взяла въ свои старыя руки обѣ маленькія бѣлыя и холодныя ножки и старалась отогрѣть ихъ.

Когда бѣдное маленькое тѣльце раздѣли, — стали думать о погребеніи. Изъ шкапа вынули простыню.

Тутъ бабушка разразилась горькими слезами. Она кричала: —отдайте мнѣ его!

И вдругъ, вскочивъ на ноги и поглядѣвъ на насъ, стала говорить горькія вещи; она толковала и про Бонапарта, и про Бога, и про внучка, про школу, въ которую онъ ходилъ, и про дочь, которую она потеряла, и осыпала насъ упреками, блѣдная, помертвѣлая, съ безуміемъ въ очахъ, болѣе похожая на привидѣніе, чѣмъ само мертвое дитя.

Потомъ она взяла его голову въ руки, уперлась локтями въ свое дитя и начала рыдать.

Женщина, присутствовавшая въ комнатѣ, подошла ко мнѣ и, не говоря ни слова, вытерла мнѣ ротъ платкомъ. У меня губы были въ крови.

Что было дѣлать, увы!—мы вышли въ унынія.

Ночь уже совсѣмъ наступила.

Трупы, брошенные на мостовой, валялись истерзанные, блѣд-

ные, замученные, съ вывернутыми карманами. Рѣзня, совершаемая солдатами, всегда сопровождается этимъ мрачнымъ crescendo. Утромъ — убійца, вечеромъ — воръ.

Сгустилась ночь; въ Елисейскомъ дворцѣ все радовалось и ликовало. Эти люди торжествовали. Коннб наивно разсказывалъ эту трагедію. Приближенные были внѣ себя отъ восторга. Фіаленъ говорилъ «ты» Бонапарту. «Отвыкайте отъ этой привычки», шепнулъ ему Вьельяръ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзня произвела Бонапарта въ императоры. Онъ сталъ теперь величествомъ. Пили, курили, какъ и солдаты на бульварахъ; послѣ дневного убійства наступила ночная попойка; вино потекло по крови. Въ Елисейскомъ дворцѣ восторгались удачей. Какая блистательная мысль пришла принцу въ голову! какъ хорошо было обработано дѣло! Вѣдь это гораздо пріятнѣе, нежели убѣжать черезъ Діеппъ, какъ *d'Haussez*, или черезъ Манброль, какъ *Guernon-Ranville*, или переодѣтымъ лакеемъ чистить башмаки m-me де-Сенъ-Фаржб, какъ этотъ бѣдный Полиньякъ! «Гизо оказался не умнѣе Полиньяка!» восклицалъ Персиньи. Флёри обратился къ Морни: «ваши доктринёры не съумѣли бы произвести государственнаго переворота».—«Да, это правда: они не очень ловки», отвѣчалъ Морни. И прибавилъ: «однако все это умные люди: Луи-Филиппъ, Гизо, Тьеръ...»

Луи-Бонапартъ, вынувъ изо-рта папиросу, перебилъ: «если это умные люди, то я предпочитаю быть глупымъ...»

— Звѣремъ,—поправляетъ исторія.

Я вернулся въ свое убѣжище, въ улицѣ Ришельё, № 19.

Рѣзня, повидимому, прекратилась; стрѣльбы не было больше слышно.

Въ ту минуту, какъ я готовился постучать въ дверь № 19, мною овладѣло сомнѣніе: тамъ стоялъ какой-то человѣкъ и какъ-будто кого-то дожидался. Я прямо подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы, кажется, кого-то ждете?

Онъ отвѣчалъ:

— Да.

— Кого?

— Васъ.

И прибавилъ, понижая голосъ:

— Я пришелъ съ вами переговорить.

Я поглядѣлъ на этого человѣка. Свѣтъ фонаря падалъ на него, и онъ не старался скрыть свое лицо.

То былъ молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородой, въ синей блузѣ, съ кроткимъ мыслящимъ лицомъ и сильными руками рабочаго.

— Кто вы?—спросилъ я его.

Онъ отвѣчалъ: «я принадлежу къ ассоціаціи формовщиковъ. Я васъ хорошо знаю, гражданинъ Викторъ Гюго».

— Кто васъ ко мнѣ прислалъ?

Онъ отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ:

— Гражданинъ Кингъ.

— Хорошо,—сказалъ я.

Тутъ онъ мнѣ сказалъ свое имя и объяснилъ, что не все еще погибло; что онъ и его пріятели намѣрены продолжать борьбу; что мѣста для сборища ассоціацій еще не назначены, но что они будутъ назначены сегодня ввечеру; что мое присутствіе всѣмъ желательно, и что если я соглашусь придти въ девять часовъ въ пассажъ Кольберъ, то онъ или другой кто изъ нихъ будетъ тамъ находиться и проведетъ меня. Мы условились, что узнаемъ другъ друга по паролю: «что́ дѣлаетъ Жозефъ?»

Не знаю, показалось ли ему, что во мнѣ родилось нѣкоторое сомнѣніе или подозрѣніе, но только онъ вдругъ сказалъ мнѣ:

— Постойте, вѣдь вы не обязаны мнѣ вѣрить. Мнѣ бы слѣдовало придти съ запиской. Въ такую минуту, какъ настоящая, никому не довѣряешь.

— Напротивъ,—сказалъ я,—всѣмъ довѣряешь. Я буду въ девять часовъ въ пассажѣ Кольберъ.

И я разстался съ нимъ.

Я вернулся въ свое убѣжище. Я былъ утомленъ, голоденъ и закусилъ шоколатомъ и кусочкомъ хлѣба, который еще у меня оставался; затѣмъ бросился въ кресло и заснулъ. Бываютъ мрачные сны. Такой сонъ посѣтилъ и меня въ эту ночь; мнѣ привидѣлся мертвый ребенокъ съ двумя красными дырочками на лбу, которыя были какъ бы два рта; одинъ говорилъ: «Морни», а другой: «Сентъ-Арно». Но исторію пишутъ не затѣмъ, чтобы разсказывать сны; буду кратокъ. Внезапно я проснулся, — и вздрогнулъ: не проспалъ ли я девять часовъ! Я забылъ завести свои часы, и они стояли. Я поспѣшно вышелъ. Улица была безлюдна, лавки еще заперты. На площади Лувуа я услышалъ какъ били часы, и прислушался. Я насчиталъ девять часовъ. Въ два прыжка я очутился въ пассажѣ Кольберъ. Оглядѣлся въ потёмкахъ. Никого.

Я сознавалъ, что нельзя стоять тутъ и показывать всѣмъ, что кого-то поджидаешь; возлѣ пассажа Кольберъ есть кордегардія и

патрули безпрестанно проходили мимо меня. Я углубился въ улицу. И никого на ней не встрѣтилъ. Я прошелъ до улицы Вивьеннъ. На углу улицы Вивьеннъ стоялъ человѣкъ передъ афишей и старался сорвать ее или отклеить. Я подошелъ къ этому человѣку, который, вѣроятно, принялъ меня за полицейскаго, потому что убѣжалъ со всѣхъ ногъ. Я вернулся назадъ. Около пассажа Кольберъ, на томъ мѣстѣ улицы, гдѣ приклеиваютъ театральныя афиши, мимо меня прошелъ рабочій и поспѣшно сказалъ мнѣ: «что̀ дѣлаетъ Жозефъ?»

Я узналъ формовщика.

— Пойдемте,—сказалъ онъ мнѣ.

Мы пустились въ путь, не говоря другъ съ другомъ и дѣлая видъ, что мы незнакомы; онъ шелъ впереди меня въ нѣкоторомъ разстояніи.

... Мы пришли въ кварталъ рынка. Тамъ вчера весь день дрались. Фонарей больше не было на улицахъ. Время отъ времени мы останавливались и прислушивались, чтобы не попасться на встрѣчу патрулю. Мы перелѣзли черезъ досчатый заборъ, совсѣмъ почти сломанный — изъ него, по всей вѣроятности, строили баррикады — и по обширнымъ сломкамъ, загромождавшимъ въ эту эпоху нижній конецъ улицъ Монмартръ и Монторгёйль. На верхушкѣ высокихъ, обнаженныхъ трубъ дрожалъ красноватый отблескъ, должно быть, отраженіе бивуачныхъ огней войска, размѣщеннаго вокругъ рынка и близъ «Saint-Eustache». Это отраженіе свѣтило намъ. Со всѣмъ тѣмъ, формовщикъ чуть не упалъ въ глубокую яму, которая была не чѣмъ инымъ, какъ погребомъ сломаннаго дома. Покинувъ это пространство, покрытое развалинами, среди которыхъ виднѣлись тамъ-и-сямъ деревья, остатки старинныхъ садовъ, мы пришли въ узкія, кривыя и совсѣмъ темныя улицы, гдѣ ничего не было видно. Однако формовщикъ шелъ по нимъ такъ же непринужденно, какъ бы среди бѣлаго дня. Разъ онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Весь кварталъ баррикадированъ, и если наши друзья откликнутся, какъ я надѣюсь, то я вамъ ручаюсь, что они здѣсь долго продержатся.

Вдругъ онъ остановился:

— Вотъ первая баррикада,—сказалъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами, шагахъ въ семи или восьми, возвышалась баррикада изъ булыжника, не выше человѣческаго роста и походившая въ потемкахъ на какую-то полуразрушенную стѣну. Узкій проходъ былъ продѣланъ на одномъ концѣ. Мы прошли въ него. За баррикадой никого не было.

— Здѣсь недавно дрались,—сказалъ мнѣ формовщикъ тихимъ голосомъ, и прибавилъ, послѣ минутнаго молчанія:—мы сейчасъ придемъ.

Улица была вся изрыта, и намъ приходилось перескакивать черезъ ямы. Какъ ни глубоки бываютъ потёмки, въ нихъ всегда мелькаетъ какой-то свѣтъ; двигаясь дальше, мы увидѣли передъ собой на землѣ, возлѣ троттуара, что-то такое, чтó походило на распростертаго человѣка. «Чортъ побери!» проворчалъ мой вожакъ,—мы чуть-было на него не наступили. И, вынувъ толстую восковую спичку изъ кармана, зажегъ ее объ рукавъ. Свѣтъ упалъ на блѣдное лицо, глядѣвшее на насъ неподвижными взорами. Тутъ лежалъ трупъ старика; формовщикъ торопливо провелъ спичкой съ головы до ногъ трупа. Мертвецъ лежалъ въ положеніи распятаго человѣка; обѣ руки его были вытянуты; бѣлые волосы, красные по концамъ, купались въ грязи; подъ нимъ была лужа крови; широкая черная полоса показывала мѣсто, гдѣ пуля пробила его грудь; одна изъ его подтяжекъ была спущена; на ногахъ у него были надѣты толстые башмаки со шнуровкой. Формовщикъ приподнялъ его руку и сказалъ: «у него сломана ключица». Отъ этого движенія голова пошевелилась, ротъ повернулся къ намъ, словно хотѣлъ что-то сказать. Я глядѣлъ на это видѣніе и невольно прислушивался... Вдругъ оно исчезло.

Лицо скрылось во мракѣ, спичка потухла.

Мы молча удалились. Шаговъ черезъ двадцать, формовщикъ, какъ-бы разсуждая съ самимъ собою, сказалъ вполголоса: «не знаю, кто такой».

Мы все шли впередъ. Съ погребовъ и до самой крыши, съ нижняго этажа и до мансардъ, въ домахъ не видно было ни одного огонька. Казалось, что мы блуждаемъ по громадной могилѣ.

Твердый, мужественный, звучный голосъ внезапно раздался среди мрака и закричалъ намъ:

— Кто идетъ?

— Ахъ! они здѣсь!—сказалъ формовщикъ и засвисталъ на особый ладъ.

— Идите!—отвѣчалъ голосъ.

То была новая баррикада. Эта послѣдняя, немного повыше первой и отдѣленная отъ нея разстояніемъ шаговъ во сто, была, насколько можно было разглядѣть, выстроена изъ бочекъ, наполненныхъ булыжникомъ. Сверху виднѣлись колеса телѣжки,

застрявшей между бочками. Для постройки ея послужили также матеріаломъ доски и столбы. Въ ней оставили отверстіе еще болѣе узкое, чѣмъ въ первой баррикадѣ.

— Граждане,—сказалъ формовщикъ, проходя черезъ баррикаду:—сколько васъ тутъ?

Голосъ, закричавшій: «кто идетъ?» отвѣчалъ:

— Насъ двое.

— Только всего?

— Только всего.

Ихъ было въ самомъ дѣлѣ двое; два человѣка въ глухую ночь, въ безлюдной улицѣ, за грудой булыжника, ждали натиска цѣлаго полка.

Оба были въ блузахъ, два работника, съ нѣсколькими патронами въ карманѣ и ружьемъ на плечѣ.

— Ну вотъ,—началъ формовщикъ съ нетерпѣніемъ въ голосѣ,—пріятели еще не пришли!

— Что-жъ,—отвѣчалъ я ему,—подождемъ ихъ.—

Формовщикъ шопотомъ переговорилъ съ защитниками баррикады и вѣроятно назвалъ меня одному изъ нихъ, который подошелъ и поклонился мнѣ:—гражданинъ-депутатъ,—сказалъ онъ, здѣсь сейчасъ будетъ жарко.

— А пока здѣсь холодно,—отвѣчалъ я, смѣясь.

Въ самомъ дѣлѣ было очень холодно. Улица, мостовая которой была снята позади баррикады, превратилась въ клоакъ и вода доходила до щиколки.

— Говорю вамъ, что будетъ жарко,—началъ работникъ,— и вы хорошо сдѣлаете, если уйдете отсюда.

Формовщикъ положилъ ему руку на плечо: — Пріятель, мы должны здѣсь оставаться. Вѣдь тутъ рядомъ въ лазаретѣ назначено мѣсто сборища.

— Все равно,—подхватилъ другой работникъ очень маленькаго роста, взгромоздившійся на булыжникъ,—гражданинъ-депутатъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ ушелъ.

— Я могу быть тамъ, гдѣ вы находитесь,—отвѣчалъ я ему.

Улица была погружена въ непроглядный мракъ; даже неба не было видно. По ту сторону баррикады, по лѣвую руку, со стороны прихода, виднѣлась высокая перегородка, изъ плохо сбитыхъ досокъ, и сквозь нихъ мѣстами просвѣчивалъ слабый свѣтъ. Надъ перегородкой возвышался шести или семи-этажный домъ; нижній этажъ его поправляли и загородили досками. Полоска свѣта, пробивавшагося изъ за досокъ, ложилась на противо-

положную стѣну и озаряла старую разорванную афишу, на которой стояло: «Asnières. Grand bal».

— Есть ли у васъ еще ружье?—спросилъ формовщикъ у самаго высокаго изъ рабочихъ.

— Если бы у насъ было три ружья, насъ было бы трое,—отвѣчалъ рабочій.

Маленькій прибавилъ:—развѣ вы думаете, что охоты не хватаетъ? Были бы музыканты, да играть-то не на чѣмъ.

Возлѣ досчатой перегородки виднѣлась узкая и низенькая дверь. Лавочка, куда вела эта дверь, была герметически заперта. Дверь тоже казалась запертой. Формовщикъ подошелъ къ ней и тихонько ее толкнулъ. Она была отперта.

— Войдемъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Я вошелъ первый, онъ послѣдовалъ за мною и затворилъ за собой дверь. Мы очутились въ низкомъ покоѣ. Въ глубинѣ, по лѣвую руку, въ полу-открытую дверь проходилъ свѣтъ. Покой освѣщался только этимъ отблескомъ. Въ немъ смутно виднѣлся прилавокъ и что-то въ родѣ печки, раскрашенной чернымъ и бѣлымъ.

Слышалось глухое, отрывистое хрипѣніе, доносившееся, повидимому, какъ и свѣтъ, изъ сосѣдней комнаты. Формовщикъ торопливо прошелъ въ полураскрытую дверь. Я прошелъ черезъ весь покой за нимъ слѣдомъ и мы очутились въ обширномъ сараѣ, освѣщенномъ сальной свѣчкой. Мы находились по ту сторону досчатой перегородки. Только эта перегородка отдѣляла насъ отъ баррикады.

Сарай этотъ былъ нижній этажъ разрушеннаго дома. Въ углу виднѣлись инструменты каменьщика, груда замазки и большая складная лѣстница. Вмѣсто пола, сырая земля; тамъ и сямъ соломенныя стулья. Возлѣ стола, на которомъ стояла сальная свѣчка среди аптечныхъ стклянокъ, старуха и маленькая дѣвочка лѣтъ восьми,—старуха сидя на стулѣ, а дѣвочка примостившись на землѣ у большой корзины, наполненной старымъ бѣльемъ, щипали корпію. Глубина сарая, терявшаяся во মракѣ, устлана была соломой, на которую брошено три матраца. Оттуда доносилось хрипѣніе.

— Это лазаретъ,—сказалъ мнѣ формовщикъ.

Старуха повернула голову и конвульсивно вздрогнула, затѣмъ, успокоенная вѣроятно блузой формовщика, встала и подошла къ намъ.

Формовщикъ сказалъ ей что-то на ухо. Она отвѣчала: — Я никого не видѣла.

И затѣмъ прибавила:—Но что меня безпокоитъ, такъ это то, что мой мужъ еще не вернулся. Весь вечеръ то и знай, что стрѣляли изъ ружей.

Двое людей лежало на матрацахъ въ глубинѣ комнаты. Третій матрацъ былъ еще свободенъ и дожидался постояльца.

У раненаго, лежавшаго ближе ко мнѣ, засѣла картечная пуля въ животѣ. Это онъ хрипѣлъ. Старуха подошла къ матрацу со свѣчкой и сказала намъ шопотомъ, показывая свой кулакъ:—если бы вы видѣли, какая дыра у него въ животѣ. Мы ему забили цѣлую кучу корпіи въ животъ.

И добавила:—Ему еще нѣтъ двадцати-пяти лѣтъ отъ роду. Онъ умретъ завтра утромъ.

Другой былъ еще моложе. Ему едва исполнилось восемнадцать лѣтъ. — На немъ хорошенькій черный сюртукъ, —сказала старуха. Онъ, должно быть, студентъ.

У молодого человѣка весь низъ лица былъ обмотанъ окровавленными тряпками. Она объяснила намъ, что ему попала пуля въ ротъ и разбила челюсть. У него былъ страшный жаръ, и онъ глядѣлъ на насъ блестящими глазами. Время отъ времени онъ протягивалъ правую руку къ тазу, наполненному водой, въ которой плавала губка, бралъ губку, подносилъ ее къ лицу и самъ смачивалъ свою перевязку.

Мнѣ показалось, что взглядъ его особенно упорно обращался на меня. Я подошелъ къ нему, наклонился и протянулъ ему руку, которую онъ захватилъ въ свою.—Развѣ вы меня знаете?—спросилъ я его. Онъ отвѣтилъ мнѣ пожатіемъ руки, которое отозвалось въ моемъ сердцѣ.

Формовщикъ сказалъ мнѣ: — Подождите меня здѣсь минуту, я сейчасъ вернусь. Я пойду погляжу въ кварталѣ, нельзя ли достать ружье.

И прибавилъ:

— Достать и вамъ ружье, хотите?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я.—Я останусь здѣсь, но какъ посторонній зритель. Я лишь на половину участвую въ междоусобной войнѣ. Я согласенъ умереть, но не хочу убивать.

Я спросилъ его:—Какъ онъ думаетъ, придутъ ли его друзья? Онъ объявилъ мнѣ, что ничего ровно не понимаетъ, что члены ассоціацій должны бы были уже прибыть, что, вмѣсто двухъ бойцовъ на баррикадѣ, ихъ должно было бы быть двадцать, и что, вмѣсто двухъ баррикадъ на улицѣ, ихъ должно было бы быть десять; должно быть, что-нибудь случилось; онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я пойду погляжу, обѣщайте мнѣ подождать меня здѣсь.

— Обѣщаю, — отвѣчалъ я: — буду ждать, если нужно, всю ночь.

Онъ ушелъ.

Старуха снова усѣлась возлѣ маленькой дѣвочки, которая, повидимому, не много понимала въ томъ, что вокругъ нея происходило, и время отъ времени поднимала на меня свои большіе, спокойные глаза. Обѣ были бѣдно одѣты, и мнѣ показалось, что дѣвочка безъ чулокъ. — Мой старикъ не ворочается, — говорила старуха, — мой бѣдный старикъ не ворочается! лишь бы съ нимъ чего не случилось! И съ возгласами: — Ахъ! ты Боже мой! раздиравшими душу, и торопливо щипля корпію, она плакала. Я невольно думалъ съ замираніемъ сердца про того старика, котораго мы видѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, распростертымъ на мостовой.

На столѣ лежала газета. Я взялъ ее и развернулъ. То была «la P.....» остальное заглавіе было оторвано. Кто-нибудь изъ раненыхъ, по всей вѣроятности, войдя, оперся рукой на столъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала газета. Глаза мои упали на слѣдующія строки;

« — г. Викторъ Гюго обнародовалъ воззваніе къ грабежу и убійству».

Этими словами органъ Елисейскаго дворца характеризировалъ прокламацію, продиктованную мною Бодену.

Въ то время какъ я бросилъ газету на столъ, вошелъ одинъ изъ защитниковъ баррикады. То былъ маленькій.

— Стаканъ воды, — сказалъ онъ. Возлѣ стклянокъ стоялъ графинъ и стаканъ. Онъ жадно выпилъ воды. У него былъ въ рукѣ кусокъ хлѣба и колбасы, которые онъ ѣлъ.

Вдругъ мы услышали нѣсколько выстрѣловъ, раздавшихся одинъ за другимъ и, повидимому, не въ дальнемъ разстояніи. Среди безмолвія этой черной ночи звукъ выстрѣловъ походилъ на то, какъ бы вывалили телѣгу дровъ на мостовую.

Спокойный и солидный голосъ другого бойца закричалъ съ улицы:

— Начинается.

— Успѣю ли я доѣсть мой хлѣбъ? — спросилъ маленькій.

— Да, — отвѣчалъ другой.

Маленькій обратился ко мнѣ.

— Гражданинъ-депутатъ, — сказалъ онъ мнѣ, — вотъ огонь пѣхоты. Баррикады берутъ приступомъ. Право, вамъ пора уйти.

Я отвѣчалъ:

— Да вѣдь вы остаетесь.

— Мы вооружены, а вы нѣтъ. Васъ могутъ только убить безъ всякой пользы для дѣла. Будь у васъ ружье, другое дѣло, а такъ какъ у васъ его нѣтъ, то уходите.

— Я не могу, я жду одного человѣка.

Онъ продолжалъ настаивать. Я пожалъ ему руку.

— Оставьте меня дѣлать, какъ я знаю,—сказалъ я.

Онъ понялъ, что долгъ велитъ мнѣ остаться и пересталъ настаивать.

Наступило молчаніе. Онъ доѣдалъ хлѣбъ. Слышалось только хрипѣніе умирающаго. Въ эту минуту глухой, но сильный гулъ долетѣлъ до насъ. Старуха привскочила на стулѣ, бормоча:

— Это пушечный выстрѣлъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ маленькій человѣчекъ,—это заперли гдѣ-то ворота. Потомъ продолжалъ:—Ба! я доѣлъ свой хлѣбъ, и поколотивъ руки одну о другую, вышелъ.

Однако выстрѣлы продолжались и повидимому близились. Въ лавкѣ послышался шумъ, Это вернулся формовщикъ. Онъ появился на порогѣ лазарета. Онъ былъ блѣденъ.

— Вотъ и я,—сказалъ онъ,—я пришелъ за вами. Надо идти по домамъ. Сейчасъ идемъ.

Я всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ.—Что это значитъ? Развѣ они не придутъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—никто не придетъ. Конченъ балъ.

И поспѣшно объяснилъ мнѣ, что обѣгалъ весь кварталъ, чтобы найти ружье, что трудъ оказался напраснымъ, «что онъ говорилъ съ «двумя или тремя товарищами», что нечего разсчитывать на ассоціаціи, что онѣ не придутъ, что событія дня устрашили всѣхъ, что самые смѣлые застращены, что бульвары полны труповъ, что «солдаты» натворили ужасовъ, что баррикада будетъ сейчасъ аттакована, что, подходя, онъ слышалъ шумъ шаговъ на перекресткѣ, и что это подходятъ солдаты, что намъ нечего больше здѣсь дѣлать, что надо уходить, что этотъ домъ «выбрали сдуру», что въ немъ нѣтъ задняго выхода, что намъ уже трудно будетъ выбраться изъ улицы, и что время не терпитъ.

Все это было сказано задыхающимся, отрывистымъ голосомъ, въ перемежку съ восклицаніями:

— И сказать, что нѣтъ оружія! Подумать только, что у меня нѣтъ ружья!

Пока онъ говорилъ все это, мы услышали крикъ на баррикадѣ:—прицѣливайся!—и почти немедленно раздался выстрѣлъ.

Жаркій залпъ отвѣчалъ на ружейный выстрѣлъ. Нѣсколько пуль ударились о перегородку лазарета, но вкось, и ни одна ее не пробила. Мы услышали, какъ со звономъ попадало на улицу нѣсколько разбитыхъ стеколъ.

— Поздно бѣжать,—сказалъ формовщикъ спокойно.—Баррикада аттакована.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ. Оба работника были, очевидно, превосходные стрѣлки. Два залпа встрѣтили баррикаду одинъ за другимъ. Баррикада оживленно возражала. Затѣмъ огонь прекратился. Наступила тишина.

— Они идутъ въ штыки! бѣгомъ!—кричалъ голосъ на баррикадѣ.

Другой голосъ произнесъ:—бѣжимъ! Раздался послѣдній выстрѣлъ изъ ружья. Затѣмъ послышался стукъ, отъ котораго потряслась наша досчатая перегородка. Одинъ изъ работниковъ, уходя, бросилъ свое ружье; ружье, падая, задѣло за перегородку лазарета. Мы услышали торопливые шаги уходившихъ бойцовъ.

Почти въ ту же минуту баррикада наполнилась шумомъ голосовъ и стукомъ ружейныхъ прикладовъ о мостовую.

— Взята,—сказалъ формовщикъ, и задулъ свѣчу.

Тишина, царившая въ улицѣ за минуту передъ тѣмъ, смѣнилась грознымъ шумомъ. Солдаты ударяли прикладами ружей въ двери домовъ. Какимъ-то чудомъ дверь въ лавку была ими не замѣчена. Если бы они толкнули ее локтемъ, то увидѣли бы, что она не заперта, и вошли бы въ нее.

Голосъ, принадлежавшій, должно-быть, офицеру, кричалъ: —Освѣтите окно. Солдаты ругались. Мы слышали, какъ они говорили:—куда дѣлись эти негодяи, красные? Обыщемъ домà. Лазаретъ былъ погруженъ во мракъ. Въ немъ не говорили ни слова, всѣ притаили дыханіе; самъ умирающій словно сознавалъ опасность и перестаъ хрипѣть. Я чувствовалъ, что маленькая дѣвочка прижималась къ моимъ ногамъ.

Солдатъ колотилъ по бочкамъ, говоря со смѣхомъ:

— Вотъ намъ топливо на сегодняшнюю ночь.

Другой подхватилъ:

— Куда они дѣвались? Ихъ было, по крайней мѣрѣ, человѣкъ тридцать. Обыщемъ дома.

Мы услышали, какъ другой возразилъ:

— Ба! что ты подѣлаешь въ такихъ потёмкахъ? Врываться въ квартиры мирныхъ людей! Тамъ вонъ есть пустыри. Они убѣжали.

— Все равно,—говорили другіе,—обыщемъ дома.

Въ эту минуту въ глубинѣ улицы раздался ружейный выстрѣлъ.

Этотъ выстрѣлъ насъ спасъ.

По всей вѣроятности, то выстрѣлилъ одинъ изъ двухъ рабочихъ, чтобы выручить насъ.

— Вотъ откуда стрѣляютъ,—закричали солдаты,—они тамъ! и всѣ бросились къ тому мѣсту, откуда раздался выстрѣлъ и оставили баррикаду.

Мы встали, формовщикъ и я.

— Они ушли,—сказалъ онъ мнѣ шопотомъ,—скорѣе, бѣжимъ!

— Но эта бѣдная женщина! неужели же мы ее оставимъ здѣсь одну!

— О!—вскричала она,—за меня не опасайтесь, мнѣ нéчего бояться: я—перевязочный пунктъ, у меня раненые. Я даже зажгу свѣчу, когда вы уйдете. Но меня безпокоитъ, что мой бѣдный мужъ не ворочается!

Мы прошли черезъ лавку на-цыпочкахъ. Формовщикъ потихоньку отворилъ дверь и заглянулъ на улицу. Нѣкоторые жильцы повиновались приказу освѣтить окна, и пламя четырехъ или пяти зажженныхъ свѣчей колыхалось тамъ и сямъ на вѣтру, на выступахъ оконъ. Улица была мало освѣщена.

— Ни души больше!—сказалъ мнѣ формовщикъ,—но идемъ скорѣе, потому что они, по всей вѣроятности, вернутся.

Мы вышли; старуха затворила за нами дверь, и мы очутились на улицѣ. Мы выбрались изъ баррикады и скорыми шагами удалились отъ нея. Мы прошли возлѣ мертваго старика. Онъ все еще лежалъ на мостовой, смутно озаряемый колеблющимся свѣтомъ оконъ: онъ точно будто спалъ. Подходя ко второй баррикадѣ, мы услышали за собой шаги возвращавшихся солдатъ.

Намъ удалось добраться до пустыря съ разрушенными домами. Тамъ мы были въ безопасности. До насъ только долеталъ звукъ ружейной перестрѣлки. Формовщикъ говорилъ:

— Въ улицѣ Клери дерутся.—Выйдя изъ пустыря, мы обошли рынокъ, не безъ опасности наткнуться на патруль, по цѣлой сѣти маленькихъ переулковъ. И добрались до улицы Сентъ-Оноре.

На углу улицы «de l'Arbre Sec» мы разстались, формовщикъ и я.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ мнѣ,—вдвоемъ идти опаснѣе, чѣмъ одному.—И я вернулся въ свой № 19 улицы Ришельё.

Гастонъ Дюссубъ былъ однимъ изъ самыхъ мужественныхъ членовъ лѣвой. Онъ былъ представителемъ департамента «de la

Haute-Vienne». Въ первыя времена своего пребыванія въ собраніи, онъ носилъ, какъ Теофиль Готье во времена бны, красный жилетъ, и подобно тому какъ жилетъ Готье повергалъ въ дрожь классиковъ 1830 г., такъ и жилетъ Дюссуба заставлялъ трепетать роялистовъ 1851 г.

Гастонъ Дюссубъ жилъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, въ сосѣдствѣ съ собраніемъ.

2-го декабря мы его не видали на нашихъ засѣданіяхъ. Онъ былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ, «прикованный къ ней ревматизмомъ въ сочлененіяхъ», какъ онъ мнѣ писалъ.

У него былъ братъ моложе его, котораго звали Денисомъ. Утромъ 4 декабря этотъ братъ навѣстилъ его.

Гастонъ зналъ про государственный переворотъ и негодовалъ на то, что долженъ лежать въ постели. Онъ кричалъ:

— Я обезчещенъ. Будутъ выстроены баррикады, а мой шарфъ будетъ на нихъ отсутствовать!

— Нѣтъ!—сказалъ братъ,—онъ будетъ тамъ!

— Какимъ образомъ.

— Передай его мнѣ.

— Возьми.

Денисъ взялъ шарфъ Гастона и ушелъ... Двѣ баррикады, запиравшія улицу «Montorgueil» на разстояніи метровъ сорока, были выстроены близъ улицы «Mauconseil».

Три другія баррикады, но очень слабыя, пересѣкали также улицу «Montorgueil» въ томъ мѣстѣ, которое раздѣляетъ улицу «Mauconseil» отъ «Pointe Saint-Eustache».

Ночь надвигалась. Перестрѣлка затихала на бульварѣ. Можно было ожидать нападенія врасплохъ. Защитники баррикады учредили караулъ на углу улицы «du Cadran», и послали другой патруль по направленію улицы Монмартръ...

Тѣмъ временемъ генералы готовились къ послѣдней аттакѣ, къ тому, что маркизъ де-Клермонъ-Тоннеръ называлъ въ 1822 г. «le coup de collier», а въ 1789 г. принцъ Ламбесъ называлъ «le coup de bas».

Во всемъ Парижѣ одинъ только этотъ пунктъ еще сопротивлялся. Этотъ узелъ баррикадъ, эта сѣть улицъ, укрѣпленныхъ какъ редутъ, оставалась послѣднимъ оплотомъ права и народа. Генералы медленно, шагъ за шагомъ и со всѣхъ сторонъ, окружали его...

Затишью, всегда предшествующему рѣшительному столкновенію, наступалъ конецъ. Приготовленія были окончены съ обѣихъ сторонъ. Солдаты готовились аттаковать баррикаду.

— Къ дѣлу,—сказалъ одинъ изъ ея защитниковъ, и зарядилъ свой карабинъ.

Денисъ Дюссубъ, явившійся на баррикаду за часъ передъ тѣмъ, остановилъ его за руку.

— Постойте,—сказалъ онъ.

И тогда произошелъ слѣдующій эпическій эпизодъ.

Денисъ медленно вскарабкался по булыжникамъ баррикады до самой ея вершины и сталъ на ней безоружный и съ непокрытой головой.

Тамъ онъ, повернувшись лицомъ къ солдатамъ, закричалъ имъ:

— Граждане!

Въ этомъ словѣ было что-то такое, чтó какъ электрическая искра пробѣжало съ одного конца баррикады до другого. Шумъ замеръ, голоса смолкли и съ двухъ сторонъ воцарилось глубокое, религіозное, торжественное безмолвіе. При отдаленномъ свѣтѣ нѣскольких освѣщенныхъ оконъ, солдатамъ смутно виднѣлся человѣкъ, выдѣлявшейся надъ тучей мрака, точно привидѣніе, говорившее съ ними среди ночи.

Денисъ продолжалъ:

— Граждане-солдаты! выслушайте меня.

Тишина стала еще глубже.

Онъ началъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Вы и мы, — всѣ мы, собравшіеся въ этой улицѣ, въ этотъ часъ, съ саблей или ружьемъ въ рукѣ, чтó мы сбираемся дѣлать? Убивать другъ друга! убивать другъ друга, граждане! Зачѣмъ? Потому что между нами поселили недоразумѣніе! Потому что мы повинуемся, вы—дисциплинѣ, мы—своему праву! Вы думаете, что выполняете свой воинскій долгъ, а мы думаемъ, что выполняемъ свой гражданскій долгъ. Да, общая подача голоса—это право республики, это наше право, которое мы и защищаемъ, а наше право вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше право, солдаты! Армія — вѣдь это тотъ же народъ, какъ и народъ—та же армія. Мы принадлежимъ одной націи, одной странѣ, мы одни и тѣ же люди, Боже мой! Слушайте, развѣ въ моихъ жилахъ течетъ русская кровь? развѣ въ вашихъ жилахъ течетъ прусская кровь? Нѣтъ! Съ какой же стати мы деремся? Всегда печально, когда человѣкъ стрѣляетъ въ человѣка. Но если стрѣляетъ французъ въ англичанина, — это понятно, но когда французъ стрѣляетъ въ француза, о! это оскорбительно для разума, оскорбительно для Франціи, оскорбительно для нашей матери!

Его слушали съ замираніемъ сердца. Въ эту минуту съ противоположной баррикады чей-то голосъ закричалъ:

— Когда такъ, то разойдитесь по домамъ!

При этомъ нахальномъ перерывѣ среди товарищей Дениса пробѣжалъ раздраженный трепетъ, и послышалось, какъ нѣкоторые стали заряжать ружья. Денисъ сдержалъ ихъ жестомъ.

Этотъ жестъ былъ властительный.

— Кто этотъ человѣкъ? — спрашивали себя на баррикадѣ. Вдругъ многіе вскричали:

— Это представитель народа.

Денисъ въ самомъ дѣлѣ внезапно облекся въ шарфъ своего брата Гастона.

То, чтó онъ задумалъ, должно было совершиться, насталъ часъ героическаго обмана,—онъ вскричалъ:

— Солдаты, знаете ли кто говоритъ съ вами въ настоящую минуту! Не только гражданинъ, но и законодатель! Избранникъ всеобщей подачи голоса! Меня зовутъ Дюссубъ, и я представитель народа. Во имя національнаго собранія, во имя самодержавнаго собранія, во имя народа, во имя закона, я приглашаю васъ разойтись. Солдаты, вы сила. Ну, такъ знайте! когда законъ приказываетъ, сила повинуется.

Денисъ Дюссубъ говорилъ долго: «онъ говорилъ минутъ двадцать», сообщаетъ намъ одинъ очевидецъ. Другой передавалъ: — «онъ говорилъ громкимъ голосомъ, вся улица его слышала». Онъ былъ краснорѣчивъ, горячъ, глубокъ, судья Бонапарта, другъ солдатъ. Онъ старался расшевелить въ нихъ всѣ струны; напомнилъ имъ про славныя войны, славныя побѣды, національную славу, про воинскую честь, знамя. Онъ говорилъ имъ, что пули ихъ убьютъ все это. Онъ умолялъ ихъ, приказывалъ имъ присоединиться къ защитникамъ народа и закона; затѣмъ вскричалъ:

— Но къ чему всѣ эти слова? Не это намъ нужно, намъ нужно пожать другъ другу руку! Солдаты! вотъ вы стоите напротивъ насъ, въ ста шагахъ, на баррикадѣ, съ обнаженными саблями, съ заряженными ружьями, вы прицѣливаетесь въ меня, а вѣдь мы всѣ, здѣсь находящіеся, любимъ васъ! Нѣтъ ни одного изъ насъ, кто бы не отдалъ свою жизнь за васъ. Вы крестьяне французскихъ селеній, мы парижскіе работники. Въ чемъ дѣло? А просто въ томъ, чтобы понять другъ друга, столковаться, не убивать другъ друга! Попробуемте-ка, а! Ахъ! Что касается меня, то я лучше хочу пасть на этомъ ужасномъ полѣ междоусобной войны, нежели убивать. Послушайте, вотъ я сойду съ этой баррикады и пойду къ вамъ, у меня нѣтъ оружія, я знаю только, что вы мои братья, я силенъ, я спокоенъ, и если кто изъ васъ выставитъ противъ меня штыкъ, я протяну ему руку.

Онъ умолкъ.

На противоположной баррикадѣ раздалась команда:—впередъ! маршъ!

Тогда увидѣли, что онъ медленно спускался съ вершины слабоозаренной баррикады и съ высоко-поднятой головой углубился въ темную улицу.

На баррикадѣ за нимъ слѣдили съ замираніемъ сердца. Всѣ притаили дыханіе.

Никто не старался удержать Дениса. Всякій понималъ, что онъ шелъ туда, куда долженъ былъ идти. Шарпантье пожелалъ сопровождать его.—Хочешь, я пойду съ тобой?—закричалъ онъ ему. Денисъ отрицательно покачалъ головой.

Онъ одинъ направился къ баррикадѣ Mauconseil. Ночь была такъ темна, что его почти тотчасъ же потеряли изъ виду. Только въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній можно было слѣдить за его смѣлыми и спокойными движеніями. Затѣмъ его не стало видно. То была страшная минута. Ночь была черна и безмолвна. Слышенъ былъ лишь во мракѣ звукъ удалявшихся мѣрныхъ и твердыхъ шаговъ.

Спустя нѣкоторое время, когда — никто бы не могъ опредѣлить, настолько всѣ были очарованы этой чрезвычайной сценой— на солдатской баррикадѣ показался огонь: то былъ по всей вѣроятности фонарь, который принесли или снова поставили на мѣсто. При его свѣтѣ Дюссуба снова стало видно; онъ былъ совсѣмъ у баррикады; онъ подходилъ къ ней, раскрывъ объятья.

Вдругъ послышалась команда: — пли! Раздался ружейный залпъ.

Они выстрѣлили въ Дюссуба почти въ упоръ.

Дюссубъ упалъ.

Потомъ приподнялся и вскричалъ:—да здравствуетъ республика!

Новая пуля сразила его: онъ снова упалъ. Потомъ еще разъ приподнялся и закричалъ громкимъ голосомъ:—Я умираю вмѣстѣ съ республикой.

Это было его послѣднее слово.

Такъ умеръ Денисъ Дюссубъ.

Онъ не напрасно сказалъ своему брату: твой шарфъ будетъ на баррикадѣ.

Онъ пожелалъ, чтобы этотъ шарфъ исполнилъ свой долгъ. Онъ рѣшилъ въ глубинѣ своей великой души, что этотъ шарфъ восторжествуетъ или путемъ закона, или путемъ смерти.

То-есть, что въ первомъ случаѣ онъ спасетъ право, а во второмъ — честь.

Умирая, онъ могъ сказать себѣ: я успѣлъ совершить то, что хотѣлъ.

Изъ двухъ возможныхъ тріумфовъ, о которыхъ онъ мечталъ, мрачный тріумфъ не менѣе прекрасенъ.

Бунтовщикъ Елисейскаго дворца вообразилъ, что убилъ народнаго представителя и похвалился этимъ. Единственная газета, издаваемая государственнымъ переворотомъ подъ различными заглавіями: «Patrie», «Univers», «Moniteur Parisien» и проч. возвѣстила на завтра, въ пятницу, 5 декабря, что «эксъ-депутатъ Дюссубъ (Гастонъ)» убитъ на баррикадѣ улицы *Neuve-Saint-Eustache*, и что онъ несъ «красное знамя въ рукѣ».

Убійства, совершённыя 4 декабря, произвели все свое дѣйствіе лишь на другой день, 5 декабря; духъ борьбы, вдохнутый нами, продержался еще нѣсколько часовъ, и при наступленіи ночи, въ сѣти домовъ, начиная съ улицы *du Petit-Carreau* и до улицы Тампль, дрались. Баррикады *Pagevin*, *Neuve-Saint-Eustache*, *Montorgueil*, *Rambuteau*, *Beaubourg*, *Transnonain*, храбро держались; тутъ шла непроницаемая путаница улицъ и перекрестковъ, баррикадированная народомъ, тѣснимая арміей.

Приступъ былъ безпощадный и ожесточенный.

Баррикада улицы *Montorgueil* держалась всего долѣе. Понадобился цѣлый батальонъ и пушки, чтобы смести ее. Въ послѣдній моментъ ее защищали только три человѣка: два приказчика изъ магазина и лимонадчикъ изъ сосѣдней улицы. Когда начался приступъ, мракъ былъ непроницаемый, и всѣ три борца спаслись бѣгствомъ. Но они были окружены. Выхода ни откуда. Ни одной отпертой двери. Они перелѣзали черезъ рѣшетку пассажа Вердо и спаслись въ пассажъ. Но рѣшетка по ту сторону пассажа была заперта, и у нихъ не хватило времени перелѣзть черезъ нее. Къ тому же, они слышали, что солдаты окружили пассажъ съ обѣихъ сторонъ. Въ углу пассажа лежало нѣсколько досокъ, и они забились за эти доски.

Солдаты, взявшіе баррикаду, обыскавъ улицы, вздумали обыскать также и пассажъ. Они тоже перелѣзли черезъ рѣшетку и смотрѣли съ фонарями во всѣ стороны, но ничего не находили. Они уже собрались уходить, когда кто-то изъ нихъ увидѣлъ изъ-подъ досокъ ногу одного изъ трехъ бѣдняковъ, торчавшую наружу.

Ихъ всѣхъ троихъ стали колоть тутъ же штыками.

Они кричали:—убейте насъ съ-разу! разстрѣляйте насъ! не томите!

Торговцы сосѣднихъ лавокъ слышали эти крики, но не смѣли отворить ни оконъ, ни дверей, изъ боязни, какъ сказалъ одинъ на другой день, «чтобы и съ ними не было того же».

Окончивъ казнь, палачи оставили всѣ три жертвы на мостовой пассажа плавающими въ крови. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ умеръ лишь на слѣдующій день, въ восемь часовъ утра.

Никто не осмѣлился просить о пощадѣ; никто не осмѣливался оказать помощи: его оставили умирать.

Одинъ изъ бойцовъ баррикады въ улицѣ *Beaubourg* отдѣлался счастливѣе.

Его преслѣдовали. Онъ бросился на какую-то лѣстницу, добрался до крыши, а оттуда пролѣзъ въ корридоръ отель-гарни. Въ одной двери торчалъ ключъ. Онъ смѣло отворилъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который ложился спать. То былъ усталый путешественникъ, который въ тотъ самый вечеръ пріѣхалъ въ отель. Бѣглецъ сказалъ путешественнику: — я погибъ! спасите меня! и объяснилъ ему все дѣло въ трехъ словахъ. Путешественникъ сказалъ ему: — раздѣньтесь и лягьте въ мою постель. Затѣмъ, зажегъ сигару и спокойно принялся курить. Не успѣлъ преслѣдуемый лечь въ постель, какъ постучались въ дверь. То были солдаты, которые обыскивали домъ. На сдѣланные ими вопросы, путешественникъ указалъ на кровать и сказалъ:—насъ здѣсь только двое. Мы недавно пріѣхали. Я курю сигару, а братъ мой спитъ. Служитель гостинницы подтвердилъ слова̀ путешественника. Солдаты ушли, и никто не былъ разстрѣлянъ.

Скажемъ кстати, что побѣдоносные солдаты убивали меньше, чѣмъ наканунѣ. Не всѣхъ, взятыхъ на баррикадахъ, избили. Въ этотъ день отданъ былъ приказъ забирать плѣнными. Можно было подумать, что проснулась нѣкоторая гуманность. Чтó это была за гуманность, мы это сейчасъ увидимъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера все было кончено.

Всѣхъ, кого забрали на оцѣпленныхъ улицахъ, арестовали,— все равно: сражались они или нѣтъ; всѣ кабаки и кофейни заставили отпереть; всѣ дома обыскали, забрали въ нихъ всѣхъ мужчинъ, оставя только женщинъ и дѣтей. Два полка, выстроенные въ каре, уводили всѣхъ этихъ плѣнныхъ. Ихъ отвели въ Тюльери и заперли въ обширномъ погребѣ, расположенномъ подъ террассой на берегу воды.

Входя въ этотъ погребъ, узники почувствовали себя успокоенными. Они вспомнили, что въ іюнѣ 1848 г. инсургенты были заперты здѣсь въ большомъ числѣ и позднѣе сосланы. Они говорили себѣ, что ихъ тоже вѣроятно сошлютъ или отдадутъ подъ военный судъ, и что у нихъ есть время впереди.

Имъ хотѣлось пить. Многіе изъ нихъ дрались съ утра, а ни отъ чего такъ не пересыхаетъ въ горлѣ, какъ отъ драки. Они попросили пить. Имъ принесли три кружки воды.

Они совсѣмъ успокоились. Между ними были іюньскіе ссыльные, которые уже сидѣли въ этомъ погребѣ и сообщили: — въ іюнѣ не были такъ человѣколюбивы. Насъ продержали три дня и три ночи безъ пищи и питья.

Нѣкоторые, завернувшись въ пальто или въ плащи, легли и заснули. Въ часъ пополуночи раздался большой шумъ на улицѣ; солдаты съ факелами въ рукахъ появились въ погребѣ; спавшіе узники проснулись, и офицеръ приказалъ имъ встать.

Ихъ вывели изъ тюрьмы безпорядочной толпой, какъ и привели. Но при выходѣ ихъ разставили попарно и сержантъ громко пересчиталъ ихъ. У нихъ не спрашивали ни имени, ни профессіи, ни фамиліи, ни откуда они пришли; ихъ только пересчитали. Для того, что́ имъ предстояло, было достаточно одной цифры.

Ихъ насчитали триста-тридцать семь человѣкъ. Сосчитавъ, ихъ выстроили колонной, по-двое человѣкъ въ рядъ. Они не были связаны, но по обѣ стороны колонны шли солдаты въ три ряда съ заряженными ружьями, въ головѣ—батальонъ, въ хвостѣ — другой.

Въ ту минуту, какъ колонна трогалась съ мѣста, одинъ молодой студентъ-юристъ, бѣлокурый и блѣдный эльзасецъ, двадцати лѣтъ, спросилъ у капитана, шедшаго рядомъ съ нимъ съ саблей наголо́:

— Куда насъ ведутъ?

Офицеръ не отвѣчалъ.

Выйдя изъ Тюльери, они свернули на-право и пошли по набережной до моста Согласія. Они прошли мостъ Согласія и взяли вправо. Такимъ образомъ они прошли передъ плацомъ Инвалидовъ и дошли до пустынной набережной *du Gros-Caillou*.

Ихъ было, какъ уже мы сказали, триста-тридцать-семь человѣкъ, и такъ какъ они шли попарно, то одинъ остался лишнимъ въ хвостѣ. Случай устроилъ такъ, что сержантъ, шедшій возлѣ него, оказался его «землякомъ». Проходя у фонаря, они узнали другъ друга. И поспѣшно обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Куда мы идемъ?—спросилъ арестантъ.

— Въ военную школу,—отвѣчалъ сержантъ. И прибавилъ:— Ахъ, ты бѣдняга!

Потомъ нѣсколько отстранился отъ арестанта.

Такъ какъ тутъ кончалась колонна, то образовался нѣкоторый промежутокъ между послѣднимъ рядомъ солдатъ, изъ которыхъ состояла цѣпь, и первымъ рядомъ отряда, замыкавшаго шествіе.

Когда они подходили къ пустынному бульвару du Gros-Caillou, сержантъ торопливо подошелъ къ узнику и шопотомъ и скороговоркой сказалъ ему:

— Здѣсь ничего не видно. Видишь, какая темень. По лѣвую руку растутъ деревья. Улепетывай!

— Но,—сказалъ арестантъ,—мнѣ станутъ стрѣлять въ догонку.

— Не попадутъ.

— А если меня убьютъ.

— Это будетъ не хуже того, чтó тебя ожидаетъ.

Арестантъ понялъ, пожалъ руку сержанту и, воспользовавшись промежуткомъ между цѣпью и аррьергардомъ, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ рядовъ и скрылся въ тѣни деревьевъ.

— Одинъ сбѣжалъ! — закричалъ офицеръ, командовавшій послѣднимъ взводомъ.—Стой!... Пли!

Колонна остановилась. Отрядъ въ аррьергардѣ выстрѣлилъ на-удачу въ томъ направленіи, куда убѣжалъ арестантъ и, какъ предвидѣлъ сержантъ, не попалъ въ него. Въ нѣсколько секундъ бѣглецъ достигъ улицъ, примыкающихъ къ табачной мануфактурѣ и скрылся въ нихъ. Его не преслѣдовали, потому что было нѣкогда.

Къ тому же, вся колонна могла разстроиться, и чтобы поймать одного, рисковали упустить триста-тридцать шесть.

Колонна продолжала свой путь. Дойдя до Іенскаго моста, повернули налѣво и вступили на Марсово поле.

Тамъ ихъ всѣхъ разстрѣляли.

Эти триста-тридцать-шесть труповъ были въ числѣ тѣхъ, которыхъ снесли на Монмартрское кладбище и зарыли тамъ, оставивъ головы наружу.

Такимъ образомъ родные могли признать ихъ. Объ ихъ имени и званіи узнали уже послѣ того, какъ ихъ убили.

Въ числѣ этихъ трехсотъ-тридцати-шести жертвъ было много защитниковъ баррикадъ въ улицахъ Pagevin и Rambuteau, улицы Neuve-Saint-Eustache и Porte Saint-Denis. Было также и чело-

гибнутъ сто прохожихъ, взятыхъ за то, что они попались подъ руку, и больше ни за что.

Впрочемъ, скажемъ тутъ же, казни толпой, начиная съ 3-го декабря, возобновлялись почти каждую ночь. Иногда онѣ происходили на Марсовомъ полѣ, иногда въ полицейской префектурѣ, иногда и тутъ, и тамъ.

Когда тюрьмы переполнялись, Мопá говорилъ: разстрѣляйте! Въ префектурѣ разстрѣливали то во дворѣ, то на улицѣ Jérusalem. Несчастныхъ, которыхъ разстрѣливали, прислоняли къ стѣнѣ, на которой наклеиваютъ театральныя афиши. Это мѣсто избрали потому, что оно соприкасается со сточной трубой: кровь стекала въ нее и оставляла меньше слѣдовъ. Въ пятницу, 5-го декабря, возлѣ этой сточной трубы разстрѣляли сто-пятьдесятъ арестантовъ. Маркизъ Сарразенъ де-Монферрье сказывалъ мнѣ: «На другое утро я проходилъ тамъ, мнѣ показали на это мѣсто, я раскопалъ кончикомъ сапога грязь между камнями мостовой. и увидѣлъ кровь».

Въ этихъ словахъ вся исторія государственнаго переворота и вмѣстѣ съ тѣмъ исторія Луи-Бонапарта. Раскопайте эту грязь— и вы найдете кровь.

Итакъ, пусть исторія занесетъ на свои страницы слѣдующее.

Уличныя убійства завершились тайными казнями. Государственный переворотъ, высказавшись звѣрскимъ, надѣлъ затѣмъ маску. Онъ перешелъ отъ наглой рѣзни среди бѣлаго дня къ тайному убійству въ глухую ночь.

Свидѣтелей не оберешься.

Эскиросъ, спрятанный въ Gros-Caillou, слышалъ каждую ночь выстрѣлы на Марсовомъ полѣ.

Шамбаль, въ Мазасѣ, на вторую ночь по прибытіи туда, слышалъ отъ полуночи до пяти часовъ утра такіе частые залпы, что вообразилъ, что на тюрьму сдѣлано нападеніе.

Какъ и Монферрье, Демуленъ видѣлъ кровь на мостовой Іерусалимской улицы.

Подполковникъ Кайльо, изъ прежней республиканской гвардіи, проходитъ по Pont-Neuf и видитъ какъ городскіе сержанты, съ ружьями въ рукахъ, прицѣливаются въ прохожихъ, и говоритъ имъ: «Вы безчестите мундиръ». Его арестуютъ. Обыскиваютъ. Одинъ городской сержантъ говоритъ ему: «Если мы найдемъ на васъ хоть одинъ патронъ, мы васъ разстрѣляемъ». На немъ ничего не находятъ. Отводятъ его въ полицейское депо и запираютъ тамъ. Директоръ депо приходитъ и говоритъ: «Полковникъ, я васъ знаю. Не жалуйтесь на то, что вы сюда попали.

Вы отданы мнѣ подъ стражу. Радуйтесь этому. Видите ли, я свой человѣкъ, хожу туда, сюда, все вижу, все слышу, знаю, что̀ происходитъ, знаю, что̀ говорится, угадываю то, чего не говорятъ. По ночамъ я слышу кое-какой шумъ, днемъ вижу кое-какіе слѣды. Я не золъ. Я васъ похитилъ, я васъ укралъ. Будьте довольны, что находитесь теперь со мной. Если бы вы были не здѣсь, то лежали бы въ сырой землѣ».

Отставной судья, зять генерала Лефло, разговариваетъ на мосту Согласія, передъ крыльцомъ палаты, съ офицерами; на него накидываются полицейскіе: «Вы подстрекаете армію». Онъ отрекается отъ взводимаго обвиненія, его сажаютъ въ фіакръ и привозятъ въ полицейскую префектуру. Въ ту минуту, какъ его подвозятъ къ ней, онъ видитъ, что по набережной проходитъ молодой человѣкъ въ блузѣ и фуражкѣ, подгоняемый прикладами трехъ муниципальныхъ гвардейцевъ. Дойдя до углубленія парапета, одинъ изъ гвардейцевъ кричитъ ему: «зайди туда». Тотъ заходитъ. Двое гвардейцевъ разстрѣливаютъ его въ спину. Онъ падаетъ. Третій добиваетъ его выстрѣломъ въ ухо.

13-го декабря убійства еще не были окончены. Въ этотъ день, въ сумерки, одинъ прохожій, шедшій вдоль улицы Сентъ-Оноре, увидѣлъ три грузныхъ фургона, медленно шествовавшихъ между двумя рядами конницы. Можно было прослѣдить дорогу этихъ фургоновъ по каплямъ крови, которая изъ нихъ сочилась. Они ѣхали съ Марсова поля на Монмартрское кладбище. И были нагружены мертвыми тѣлами.

3-го декабря все стремилось къ намъ, 5-го—все отхлынуло отъ насъ. Это было похоже на морской прибой и отбой. Грозныя волны нахлынули, а затѣмъ отхлынули. Грозныя народныя волны!

И кто нашёлъ въ себѣ силу сказать этому океану: ты не пойдешь дальше?—Увы, пигмей.

Это бѣгство бездны неисповѣдимо.

Бездна ужаснулась. Чего?

Того, что̀ еще глубже ея. Преступленія.

Народъ отступилъ. 5-го декабря онъ отступилъ, 6-го—исчезъ.

На горизонтѣ ничего не стало видно, кромѣ зачинающейся ночи.

Ночь эта была имперія.

5-го числа мы очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были 2-го. Одинокими.

Но мы упорствовали. Состояніе нашей души было такое: мы въ отчаяніи, да; но не въ уныніи. Худыя вѣсти приходили къ намъ, какъ третьяго-дня—хорошія, одна за другой. Обри (du Nord) былъ посаженъ въ Консьержери. Нашъ краснорѣчивый и милый Крёмье въ Мазасъ. Луи-Бланъ, который хотя и изгнанникъ, спѣшилъ на помощь Франціи и приносилъ намъ великую силу своего имени и своей души, долженъ былъ, какъ и Ледрю-Ролленъ, остановиться передъ катастрофой 4-го декабря. Его не пропустили дальше Турнэ.

Что касается генерала Неймайера, то онъ не «пошелъ на Парижъ», но пріѣхалъ въ него. Зачѣмъ? затѣмъ, чтобы заявить о своей покорности.

У насъ не было больше пристанища. № 15 въ улицѣ Ришельё былъ подъ надзоромъ полиціи, № 11 улицы Монтаборъ тоже. Мы бродили по Парижу, сталкиваясь то тамъ, то сямъ, обмѣниваясь шопотомъ нѣсколькими словами, не зная, гдѣ проведемъ ночь и гдѣ будемъ обѣдать, и среди этихъ людей, незнавшихъ куда преклонить голову, у одного она была оцѣнена.

Встрѣчаясь, вотъ какія рѣчи вели мы:

— Куда дѣвался такой-то?

— Онъ арестованъ.

— А тотъ-то?

— Убитъ.

— А этотъ?

— Пропалъ безъ вѣсти.

Мы однако еще разъ собрались всѣ вмѣстѣ. Это было 6-го декабря, у депутата Раймона, на площади Мадлены. Мы сошлись тамъ почти всѣ. Я могъ пожать руку Эдгару Кине, Шофуру, Клеманъ Дюлаку, Банселю, Версиньи, Эмилю Пеану и другимъ. Изъ оконъ комнаты, въ которой мы совѣщались, видны были площадь Мадлены и бульвары, занятыя войсками, суровыми и ожесточенными, выстроенными въ боевомъ порядкѣ и какъ будто еще готовившимися вступить въ бой. Пришелъ Шарамоль.

Онъ вынулъ изъ-подъ своего широкаго плаща два пистолета и положилъ ихъ на столъ, говоря:

— Все кончено. Теперь возможно только какое-нибудь безумное предпріятіе. Я его и предлагаю. Могу ли я разсчитывать на васъ, Викторъ Гюгó?

— Да,—отвѣчалъ я.

Я не зналъ, чтó онъ скажетъ, но зналъ, что это будетъ нѣчто великое.

И въ самомъ дѣлѣ:

— Насъ здѣсь,—сказалъ онъ,—около пятидесяти представителей народа, еще не-арестованныхъ и собранныхъ вмѣстѣ. Мы единственные представители національнаго собранія, всеобщей подачи голоса, закона, права. Гдѣ будемъ мы завтра? Мы этого не знаемъ. Разсѣянные по лицу земли или мертвые. Сегодня принадлежитъ намъ; пропустивъ его, мы имѣемъ впереди одинъ мракъ. Случай единственный. Воспользуемся имъ.

Онъ остановился, пристально поглядѣлъ на насъ своимъ твердымъ взглядомъ и продолжалъ.

— Воспользуемся той случайностью, что мы живы и собрались вмѣстѣ. Группа, находящаяся здѣсь, выражаетъ собой всю республику. Итакъ, предъявимъ арміи республику въ нашемъ лицѣ и заставимъ армію отступить передъ республикой, а силу передъ правомъ. Пусть въ эту роковую минуту кто-нибудь да дрогнетъ: сила или право; если право не дрогнетъ, то сила содрогнется. Если мы не испугаемся, то солдаты испугаются. Аттакуемъ преступленіе. Если законъ будетъ наступать, преступленіе обратится въ бѣгство. Во всякомъ случаѣ, мы исполнимъ свой долгъ. Если мы останемся въ живыхъ, то будемъ спасителями; если умремъ, то героями. Вотъ что я предлагаю...

Воцарилось глубокое молчаніе.

— Опояшемся своими шарфами и пойдемъ процессіей, подвое въ рядъ, на площадь Мадлены. Вы видите этого полковника, который стоитъ вонъ тамъ, передъ большимъ крыльцомъ, со своимъ полкомъ, размѣщеннымъ въ боевомъ порядкѣ. Мы подойдемъ къ нему и, въ присутствіи солдатъ, я прикажу ему исполнить свой долгъ и передать республикѣ ея полкъ. Если онъ откажется...

Шарамоль взялъ въ руки оба пистолета.

— Я размозжу ему голову.

— Шарамоль,—сказалъ я,—я иду съ вами.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ Шарамоль.

И прибавилъ:

— Это пробудитъ народъ.

— А если нѣтъ?—вскричали нѣкоторые.

— Мы умремъ.

— Я съ вами,—сказалъ я.

И мы пожали другъ другу руки.

Но возраженія посыпались со всѣхъ сторонъ.

Никто не трусилъ, но всѣ критиковали. Вѣдь, это просто глупость, и глупость безполезная! Не значитъ ли это ставить на карту, безъ малѣйшаго шанса на выигрышъ, послѣднія силы

республики? Какое благополучіе для Бонапарта: съ-разу раздавить все, что̀ остается отъ его противниковъ и борцовъ! Съ-разу покончить съ ними. Положимъ, мы побѣждены, но къ чему же намъ еще уничтожать себя? Нѣтъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Цѣлой арміи не размозжишь головы. Сдѣлать то, что̀ предлагаетъ Шарамоль, значитъ, расчистить себѣ путь къ могилѣ, ничего болѣе. Это будетъ великое самоубійство, но все же самоубійство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть только героемъ, значитъ, быть эгоистомъ. Одно мгновеніе, и вы знамениты и ваше имя принадлежитъ исторіи; это удобно. А другимъ вы оставляете тяжелый трудъ долгаго протеста, несокрушимую борьбу въ изгнаніи, горькую и тяжкую жизнь побѣжденнаго, продолжающаго бороться съ побѣдой. Извѣстное терпѣніе нераздѣльно съ политикой. Умѣть выждать отмщенія иногда бываетъ труднѣе, нежели поторопиться съ развязкой. Есть два рода мужества: храбрость и стойкость. Первая есть удѣлъ солдата, вторая—гражданина. Какой-нибудь конецъ, хотя бы и геройскій—этого недостаточно. Выпутаться изъ хлопотъ смертью—это слишкомъ легко; что̀ необходимо, что̀ трудно—это вывести изъ бѣды отечество. Нѣтъ, говорили благородные спорщики Шарамолю и мнѣ, вы намъ предлагаете воспользоваться сегодняшнимъ днемъ, но это значитъ отказаться отъ завтрашняго дня; берегитесь: въ самоубійствѣ есть нѣкоторая доза измѣны...

Слово «измѣна» болѣзненно задѣло Шарамоля.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—я отступаюсь.

Эта сцена была велика, и Кинé, впослѣдствіи, въ изгнаніи, говорилъ мнѣ о ней съ глубокимъ волненіемъ.

Мы разстались. И больше уже не видѣлись.

Я бродилъ по улицѣ. Гдѣ ночевать? — вотъ вопросъ. Я подумалъ, что № 19 улицы Ришельё былъ по всей вѣроятности также подъ надзоромъ полиціи, какъ и № 15. Но ночь была холодна; я рѣшился идти на удачу въ это убѣжище, хотя, быть можетъ, и опасное. Я не напрасно понадѣялся на него. Я въ немъ поужиналъ кускомъ хлѣба и провелъ отличную ночь. На другое утро, на разсвѣтѣ проснувшись, я вспомнилъ про обязанности, ожидавшія меня, подумалъ, что я выйду изъ этой комнаты съ тѣмъ вѣроятно, чтобы больше въ нее не возвращаться, взялъ остававшійся у меня хлѣбъ и накрошилъ его на окнѣ для птицъ.

Такъ какъ преступленіе увѣнчалось успѣхомъ, то все къ нему примкнуло. Можно было упорствовать, но не сопротивляться. По-

ложеніе становилось все болѣе и болѣе отчаяннымъ. На горизонтѣ какъ-бы выростала громадная, глухая стѣна.

Исходъ—изгнаніе.

Великія души, слава народа, эмигрировали. Міръ узрѣлъ мрачное дѣло: Францію, изгнанную изъ Франціи.

Но утрата въ настоящемъ служитъ на пользу будущему: рука, которая сѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рука, которая и оплодотворяетъ землю.

Депутаты лѣвой, преслѣдуемые, гонимые, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, бродили нѣсколько дней изъ одного убѣжища въ другое. Тѣ, которые обратились въ бѣгство, выбрались изъ Парижа и изъ Франціи лишь съ большимъ трудомъ. У Мадье де-Монжб были очень черныя и очень густыя брови; онъ на-половину выбрилъ ихъ. Жанъ Пельтье, Жендріе, Дутръ сбрили усы и бороду. Версиньи пріѣхалъ въ Брюссель 14 декабря съ паспортомъ на имя Морена. Шельхеръ переодѣлся священникомъ. Этотъ костюмъ очень присталъ къ его строгому лицу и внушительному голосу. Одинъ почтенный священникъ помогъ ему переодѣться, ссудилъ его сутаной и заставилъ его за нѣсколько дней передъ тѣмъ сбрить свои бакенбарды, чтобы его не могла выдать бѣлизна кожи на свѣже-выбритомъ мѣстѣ, отдалъ ему свой собственный паспортъ и проводилъ его на желѣзную дорогу.

Де-Флоттъ переодѣлся слугой и переѣхалъ въ этомъ видѣ границу въ Мускронѣ. Оттуда онъ пріѣхалъ въ Гентъ, а затѣмъ въ Брюссель.

Въ ночь на 26-е декабря, я вернулся въ маленькую комнатку безъ печки, которую я занималъ во второмъ этажѣ гостинницы «de la Porte-Verte», № 9; наступила полночь, я только что легъ въ постель и уже началъ засыпать, когда въ мою дверь постучались. Я проснулся. Я никогда не запирался. — Войдите, —закричалъ я. Вошла служанка со свѣчей и ввела двухъ господъ, мнѣ незнакомыхъ. Одинъ былъ адвокатъ изъ Гента, а другой де-Флоттъ. Онъ взялъ мои обѣ руки и съ нѣжностью пожалъ. — Какъ? это вы? — сказалъ я. Де-Флоттъ въ собраніи, съ своимъ выпуклымъ и задумчивымъ лбомъ, глубокими глазами, коротко остриженными волосами и длинной бородой, походилъ на твореніе Себастіана дель-Піомбо, выскочившее изъ картины Лазаря; а передо мной стоялъ маленькій, худой и блѣдный человѣчекъ въ очкахъ.

Эдгаръ Кине увезенъ былъ 10-го декабря одной благородной молдаванкой, княгиней Кантакузенъ, которая взялась перевезти его за границу и сдержала слово. Это было нелегко. У

Кине былъ иностранный паспортъ на имя Грубеско, онъ слылъ за валаха и рѣшено было, что онъ ни слова не говоритъ по-французски, онъ, первоклассный французскій писатель. Паспорты осматривались вдоль всей линіи, на каждой станціи, начиная съ дебакардера. Въ Амьенѣ начальство выказалось особенно придирчивымъ. Но въ Лиллѣ опасность была еще грознѣе. Жандармы обходили вагоны одинъ за другимъ, съ фонаремъ въ рукѣ и провѣряли примѣты пассажировъ. Многіе, показавшіеся подозрительными, были арестованы и немедленно засажены въ тюрьму. Эдгаръ Кине, сидя рядомъ съ г-жей Кантакузенъ, дожидался, пока наступитъ очередь его вагона. Наконецъ, дошло дѣло и до него. Г-жа Кантакузенъ поспѣшно наклонилась къ жандармамъ и подала свой паспортъ. Но ефрейторъ оттолкнулъ паспортъ г-жи Кантакузенъ, говоря: «Намъ его не нужно, сударыня. Мы не осматриваемъ женскихъ паспортовъ». И грубо спросилъ у Кине: «ваши бумаги?» Кине держалъ свой паспортъ развернутымъ. Жандармъ сказалъ ему: «выходите изъ вагона, мы провѣримъ ваши примѣты». Онъ вышелъ. Но валашскій паспортъ какъ нарочно не содержалъ никакихъ примѣтъ. Ефрейторъ наморщилъ брови и замѣтилъ своимъ сбирамъ: «паспортъ неправильный! Позовите коммиссара».

Все, повидимому, было потеряно, но г-жа Кантакузенъ принялась болтать съ Кине на самомъ валашскомъ языкѣ необычайной скороговоркой и съ полнымъ убѣжденіемъ, такъ что жандармъ, увѣрясь, что имѣетъ дѣло съ воплощенной Валахіей и видя, что поѣздъ готовъ тронуться, возвратилъ Кине паспортъ, говоря: «Ну, убирайтесь!» Нѣсколько часовъ спустя Эдгаръ Кине былъ уже въ Бельгіи.

Арно де-л'Аріежъ тоже прошелъ черезъ огонь и воду. На него донесли; ему пришлось скрываться. Такъ какъ Арно былъ католикъ, то m-me Арно обратилась къ священникамъ; аббатъ Дегерри уклонялся, но аббатъ Маре согласился помочь преслѣдуемому. Арно де-л'Аріежъ скрывался у него въ продолженіи двухъ недѣль. Онъ написалъ изъ своего убѣжища письмо къ парижскому архіепископу, убѣждая его отказаться отъ Пантеона, который Луи-Бонапартъ декретомъ отнималъ у Франціи и отдавалъ Риму. Это письмо разсердило архіепископа. Арно изгнанный пробрался въ Брюссель.

Въ этомъ калейдоскопѣ приключеній и эпизодовъ на долю каждаго выпала своя драма. Драма Курнэ была необыкновенна и ужасна.

Курнэ былъ морской офицеръ. То былъ одинъ изъ тѣхъ рѣ-

шительныхъ людей, которые вдохновляютъ другихъ и которые въ извѣстныя рѣшительныя минуты увлекаютъ за собой толпу. У него была гордая осанка, широкія плечи, мускулистыя руки, здоровые кулаки, высокій ростъ, внушающіе довѣріе толпѣ, и умный взглядъ, внушающій довѣріе мыслителю. Стоило только поглядѣть на него, чтобы признать въ немъ силу; стоило послушать его, чтобы почувствовать, что у него есть воля,—а это важнѣе силы. Въ юности онъ служилъ на военныхъ корабляхъ. Въ немъ было извѣстное душевное равновѣсіе — и это-то и дѣлало изъ этого энергическаго, хорошо направленнаго и употребленнаго въ дѣло человѣка и рычагъ, и точку опору—онъ соединялъ въ себѣ народный порывъ и военную выдержку. То была одна изъ натуръ, созданныхъ для урагана и для толпы; онъ началъ изучать народъ по океану и такъ же освоился съ революціей, какъ и съ бурей.

Онъ принималъ большое участіе въ борьбѣ, выказался смѣлымъ и неутомимымъ. Уже съ середы нѣсколько полицейскихъ охотились за нимъ; имъ было поручено выслѣдить его во что бы то ни стало, схватить и доставить въ полицейскую префектуру, гдѣ былъ отданъ приказъ немедленно разстрѣлять его.

Между тѣмъ Курнэ съ своей обычной смѣлостью свободно расхаживалъ по всѣмъ кварталамъ, даже тѣмъ, которые были заняты войскомъ. Въ видахъ предосторожности онъ ограничился тѣмъ, что сбрилъ усы.

Утромъ въ четвергъ онъ былъ на бульварѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кавалерійскаго полка, выстроеннаго въ боевомъ порядкѣ. Онъ спокойно разговаривалъ съ двумя товарищами по оборонѣ баррикады, Гюи и Лорреномъ. Вдругъ ихъ окружаетъ отрядъ городскихъ сержантовъ, какой-то человѣкъ трогаетъ его за руку и говоритъ ему:

— Вы Курнэ. Я васъ арестую.

— Вотъ еще!—отвѣчаетъ Курнэ,—меня зовутъ Лепенъ.

Человѣкъ настаиваетъ.

— Вы Курнэ. Вы меня не узнаете, не правда ли? Ну, а я васъ узналъ; я былъ вмѣстѣ съ вами членомъ соціалистическаго избирательнаго комитета.

Курнэ поглядѣлъ ему прямо въ лицо и припомнилъ его. Человѣкъ говорилъ правду. Дѣйствительно онъ былъ членомъ конклава улицы Saint-Spire. Шпіонъ подхватилъ, смѣясь:

— Я вмѣстѣ съ вами избралъ Эжена Сю.

Запираться было безполезно, а сопротивляться неудобно. По близости были, какъ мы уже сказали, отрядъ городскихъ сержантовъ и драгунскій полкъ.

— Идемъ,—сказалъ Курнэ.

Подозвали фіакръ.

— Кстати,—сказалъ шпіонъ:—садитесь-ка вы всѣ трое.

И посадилъ Гюи и Лоррена на переднюю скамейку, а самъ вмѣстѣ съ Курнэ, сѣлъ на заднюю и закричалъ кучеру:

— Въ префектуру.

Городскіе сержанты окружили фіакръ. Но случайно или по самоувѣренности, или же торопясь получить награду за свою добычу, человѣкъ, арестовавшій Курнэ, закричалъ кучеру: «скорѣе! скорѣе!» и фіакръ поскакалъ въ галопъ.

Между тѣмъ Курнэ зналъ, что будетъ разстрѣлянъ на дворѣ префектуры въ самый моментъ прибытія. Онъ рѣшилъ, что туда не поѣдетъ.

При поворотѣ въ улицу Сентъ-Антуанъ, онъ глянулъ изъ окна и увидѣлъ, что городскіе сержанты слѣдили за фіакромъ издали.

Ни одинъ изъ четырехъ людей, сидѣвшихъ въ фіакрѣ, не раскрывалъ рта.

Курнэ бросилъ на своихъ товарищей, сидѣвшихъ напротивъ, взглядъ, означавшій: «насъ трое, воспользуемся этимъ, чтобы бѣжать».

Оба отвѣчали чуть замѣтнымъ подмигиваньемъ, указывавшимъ на то, что улица полна прохожихъ, и говорившимъ: «нѣтъ».

Нѣсколько минутъ спустя, фіакръ выѣхалъ изъ улицы Сентъ-Антуанъ въ улицу Фурси. Улица Фурси бываетъ обыкновенно безлюдна, никто по ней не проходилъ въ эту минуту.

Курнэ внезапно повернулся къ шпіону и спросилъ его:

— У васъ есть приказъ арестовать меня?

— Нѣтъ, но у меня есть мое свидѣтельство.

И онъ вынулъ изъ кармана и показалъ Курнэ свидѣтельство о томъ, что онъ агентъ полиціи. Тогда между этими двумя людьми произошелъ слѣдующій діалектъ:

— Это неправильно.

— А мнѣ какое дѣло?

— Вы не имѣете права меня арестовать.

— Все-равно, я васъ все-таки арестую.

— Послушайте, если вамъ нужно денегъ, то возьмите, со мной есть деньги, отпустите меня.

— Если бы вы мнѣ предложили груду золота, я бы не согласился. Вы самая дорогая моя добыча, гражданинъ Курнэ.

— Куда вы меня везете?

— Въ префектуру.

— Тамъ меня разстрѣляютъ?

— Можетъ быть.

— И моихъ двухъ товарищей?

— Не стану отрицать.

— Я не хочу туда ѣхать.

— Однако, поѣдете.

— Говорю тебѣ, что не поѣду—закричалъ Курнэ.

И быстрѣе молніи схватилъ шпіона за горло.

Агентъ не успѣлъ крикнуть, онъ сталъ-было бороться, но желѣзная рука держала его словно въ тискахъ.

Языкъ у него высунулся изъ рта, глаза стали ужасны и выкатились изъ орбитъ; вдругъ голова его опустилась и красноватая пѣна показалась изъ горла на губахъ; онъ былъ мертвъ.

Гюи и Лорренъ, неподвижные и словно сами сраженные громомъ, глядѣли на это мрачное зрѣлище.

Они ни слова не говорили, не шевелились, фіакръ продолжалъ катиться.

— Откройте дверцу, закричалъ имъ Курнэ.

Но они не двигались, точно окаменѣли.

Курнэ, державшій правой рукой негоднаго шпіона, попытался отпереть дверцу лѣвой рукой, но не смогъ и вынужденъ былъ выпустить изъ рукъ шпіона. Тотъ упалъ лицомъ впередъ и опустился на колѣни.

Курнэ отворилъ дверцу.

— Бѣгите,—сказалъ онъ.

Гюи и Лорренъ выскочили на улицу и убѣжали со всѣхъ ногъ.

Кучеръ ничего не замѣтилъ.

Курнэ далъ имъ время убѣжать, затѣмъ придавилъ пуговку звонка, остановилъ фіакръ, вылѣзъ не спѣша, заперъ дверцу, спокойно вынулъ сорокъ су изъ кошелька, отдалъ ихъ кучеру, который не слѣзалъ съ козелъ, и сказалъ ему:—ступайте дальше.

А самъ ушелъ бродить по Парижу. На площади Побѣды, онъ встрѣтилъ бывшаго члена учредительнаго собранія Исидора Бювинье, своего пріятеля, выпущеннаго недѣль шесть тому назадъ изъ тюрьмы «des Madelonnettes», куда былъ посаженъ по дѣлу «de la solidarité républicaine». Бювинье былъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей крайнихъ скамей лѣвой стороны; бѣлокурый, остриженный подъ гребенку, съ строгимъ взглядомъ, онъ напоминалъ *круглоголовыхъ* Англіи и болѣе походилъ на одного изъ пуританъ Кромвеля, нежели на монтаньяровъ Дантона. Курнэ разсказалъ ему про свое приключеніе; у него не было другого выбора.

Бювинье покачалъ головой.

— Ты убилъ человѣка,—сказалъ онъ.

Въ «Marie Tudor», я заставляю въ подобномъ случаѣ Фабіани отвѣтить: — Нѣтъ, жида.

Курнэ, который по всей вѣроятности не читалъ «Marie Tudor», отвѣчалъ:

— Нѣтъ, шпіона.

Затѣмъ прибавилъ:

— Я убилъ шпіона, чтобы спасти трехъ человѣкъ и себя въ томъ числѣ.

Курнэ былъ правъ. Борьба кипѣла, его везли, чтобы разстрѣлять; шпіонъ, арестовавшій его, былъ, собственно говоря, убійцей и, разумѣется, Курнэ имѣлъ право обороняться. Прибавлю, что мерзавецъ, демократъ для народа, шпіонъ для полиціи, былъ предатель вдвойнѣ. Наконецъ, шпіонъ былъ палачомъ государственнаго переворота, а Курнэ борцомъ за законъ.

— Надо тебя укрыть,—сказалъ Бювинье, поѣдемъ въ Жювизи.

— У Бювинье была небольшая квартирка въ Жювизи, расположенномъ по дорогѣ въ Корбейль. Его тамъ знали и любили. Курнэ и онъ пріѣхали туда въ тотъ же вечеръ.

Но не успѣли они туда пріѣхать, какъ крестьяне пришли сказать Бювинье:

— Жандармы уже приходили, чтобы васъ арестовать, и вернутся сегодня ночью.

Пришлось уѣхать.

Курнэ, въ опасности болѣе чѣмъ когда-либо, разыскиваемый, безъ пристанища, преслѣдуемый, съ трудомъ скрывался въ Парижѣ. Онъ пробылъ въ немъ до 16 декабря. Не было никакой возможности достать паспорта. Наконецъ, 16 декабря пріятели, служившіе на сѣверной желѣзной дорогѣ, прислали ему слѣдующій спеціальный паспортъ:

«Пропустите М.... дежурнаго инспектора».

Онъ рѣшился уѣхать на другой день и непремѣнно днемъ, полагая, быть можетъ основательно, что за ночными поѣздами строже надзираютъ.

Онъ выѣхалъ изъ Парижа въ восемь часовъ утра.

17 декабря, на разсвѣтѣ, пользуясь не вполнѣ разсѣявшимися потёмками, онъ пробрался на сѣверную желѣзную дорогу. Высокій ростъ могъ его выдать. Однако онъ дошелъ до желѣзнодорожной станціи. Кочегары взяли его вмѣстѣ съ собой на тендеръ машины, которая готовилась уйти. На немъ было только то

платье, въ какомъ онъ былъ одѣтъ со 2 декабря; ни бѣлья, ни чемодана,—немного денегъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ день наступаетъ поздно, а ночь приходитъ рано, и это благопріятствовало изгнанникамъ.

Онъ безъ помѣхи прибылъ на границу съ наступленіемъ ночи. Въ Neuvéglise онъ уже находился въ Бельгіи и счелъ себя въ безопасности; у него спросили его бумаги, онъ велѣлъ отвезти себя къ бургомистру и сказалъ ему: — я политическій эмигрантъ.

Бургомистръ, бельгіецъ, но бонапартистъ — такая разновидность существуетъ — по-просту безъ затѣй велѣлъ препроводить его на границу жандармамъ, съ приказаніемъ передать французскимъ властямъ.

Курнэ счелъ себя погибшимъ.

Бельгійскіе жандармы препроводили его въ Армантьеръ. Если бы они обратились къ мэру, то Курнэ пропалъ бы, но они спросили инспектора таможни.

У Курнэ пробудилась надежда.

Онъ подошелъ къ инспектору таможни, высоко поднявъ голову, и протянулъ ему руку.

Бельгійскіе жандармы все еще не отставали отъ него.

— Милостивый государь,—сказалъ Курнэ таможенному чиновнику,—я желѣзнодорожный инспекторъ. Воронъ ворону глаза не выклюетъ, чортъ побери! Добряки бельгійцы чего-то взбудоражились и препроводили меня къ вамъ съ жандармами, самъ не знаю зачѣмъ. Меня прислала сѣверная компанія исправить здѣсь по близости перила моста, которыя не совсѣмъ крѣпки. Я прошу васъ пропустить меня дальше. Вотъ мой паспортъ.

Онъ представилъ паспортъ таможенному чиновнику. Тотъ прочиталъ его, нашелъ въ порядкѣ и сказалъ Курнэ:

— Г. инспекторъ, вы свободны.

Курнэ отдѣлавшись отъ бельгійскихъ жандармовъ, съ помощью французскаго начальства, побѣжалъ на дебаркадеръ желѣзной дороги. У него тамъ были друзья.

— Живо,—сказалъ онъ,—наступила ночь, но все равно. И даже тѣмъ лучше. Найдите мнѣ какъ-нибудь контрабандиста, который бы переправилъ меня черезъ границу.

Къ нему привели небольшого роста молодого мальчика, восемнадцати лѣтъ, розоваго, свѣжаго, валлона, говорящаго по-французски.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ Курнэ.

— Анри.

— Вы похожи на дѣвушку.
— Но это не мѣшаетъ мнѣ быть мужчиной.
— Вы беретесь перевести меня черезъ границу?
— Да.
— Вы были контрабандистомъ?
— Я и теперь контрабандистъ.
— Вы знаете дороги?
— Нѣтъ. Мнѣ дороги не нужны.
— Что же вы знаете?
— Я знаю проходы.
— Есть двѣ таможенныхъ линіи.
— Знаю.
— И вы проведете меня черезъ нихъ.
— Разумѣется.
— Вы, значитъ, не боитесь таможенныхъ?
— Я боюсь собакъ.
— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Курнэ, мы возьмемъ палки.

И дѣйствительно, они вооружились палками, Курнэ далъ Анри пятьдесятъ франковъ и обѣщалъ дать еще пятьдесятъ, когда они пройдутъ вторую таможенную линію.

— Значитъ, въ четыре часа утра,—сказалъ Анри.

Была полночь.

Они пустились въ путь.

То, чтó Анри называлъ «проходами», другой назвалъ бы преградами. Это былъ рядъ выбоинъ и ямъ. Шелъ дождь. Всѣ ямы превратились въ лужи.

Невообразимая тропинка извивалась черезъ непроходимый лабиринтъ, то тернистый, какъ терновникъ, то илистый, какъ болото.

Ночь была тюрьмы чернѣй.

Время отъ времени, вдали, во мракѣ слышался лай собаки. Тогда контрабандистъ дѣлалъ обходы, кружилъ вправо, влѣво, и иногда возвращался назадъ.

Курнэ, перескакивая черезъ изгороди, перепрыгивая черезъ ямы, спотыкаясь на каждомъ шагу, сваливаясь въ лужи, цѣпляясь за тернія, съ платьемъ въ лохмотьяхъ, съ руками, изрѣзанными въ кровь, умирая съ голоду, истерзанный, усталый, измученный, выбиваясь изъ силъ, весело шелъ за своимъ вожакомъ.

Каждую минуту онъ оступался, падалъ въ лужу и вставалъ, забрызганный грязью. Наконецъ, онъ попалъ въ прудъ. Въ немъ было нѣсколько футъ воды. Въ ней онъ омылся.

— Браво,—сказалъ онъ,—я теперь совсѣмъ чистъ, но мнѣ очень холодно.

Въ четыре часа утра, какъ Анри обѣщалъ, они прибыли въ Мессину, бельгійское селеніе. Обѣ таможенныхъ линіи были пройдены. Курнэ нечего было болѣе бояться ни таможни, ни государственнаго переворота, ни людей, ни собакъ.

Онъ далъ Анри еще пятьдесятъ франковъ и пошелъ, отчасти куда глаза глядятъ.

Къ вечеру онъ достигъ желѣзной дороги. Сѣлъ въ вагонъ и съ наступленіемъ ночи прибылъ на южную станцію въ Брюссель.

Онъ оставилъ Парижъ наканунѣ, не спалъ ни одного часа, шелъ всю ночь и ничего не ѣлъ. Онъ порылся въ карманѣ и не нашелъ тамъ своего портфеля, но нашелъ корку хлѣба. Онъ больше обрадовался коркѣ хлѣба, нежели огорчился потерей портфеля. Онъ держалъ деньги въ поясѣ; пропавшій портфель, упавшій, по всей вѣроятности, въ прудъ, содержалъ письма и въ томъ числѣ весьма нужное рекомендательное письмо Эрнеста Кёхлина, его пріятеля, къ депутатамъ Гильіо и Форель, бѣжавшимъ въ Бельгію и поселившимся въ отель де-Брабанъ.

Выходя изъ дебаркадера желѣзной дороги, онъ взялъ извощика и закричалъ ему:

— Въ отель де-Брабанъ.

Онъ услышалъ голосъ, повторившій «отель де-Брабанъ» и, высунувшись изъ фіакра, увидѣлъ человѣка, записывавшаго что-то карандашомъ при свѣтѣ фонаря.

То былъ, по всей вѣроятности, полицейскій.

Безъ паспорта, безъ писемъ, безъ бумагъ, онъ побоялся быть арестованнымъ ночью, а ему очень хотѣлось спать.

— «Только бы выспаться сегодня на хорошей постелѣ,» подумалъ онъ, «а завтра хоть свѣтопреставленіе!» Подъѣхавъ къ отелю де-Брабанъ онъ расплатился съ извощикомъ, но не вошелъ въ гостинницу. Да и то сказать, что онъ тщетно бы сталъ розыскивать тамъ депутатовъ Фореля и Гильіо; оба стояли тамъ подъ вымышленными именами.

Онъ принялся бродить по улицамъ. Было около одиннадцати часовъ вечера, и онъ совсѣмъ съ ногъ сбился.

Наконецъ, увидѣлъ зажженный фонарь, и на немъ слѣдующую вывѣску: «Hôtel de la Monnaie.

Онъ вошелъ.

Хозяинъ подошелъ къ нему и подозрительно взглянулъ на него. Тогда онъ догадался оглядѣться.

Съ небритой бородой, растрепанными волосами, въ фуражкѣ,

запачканной грязью, съ окровавленными руками, изодраннымъ платьемъ, онъ былъ страшенъ.

Онъ вынулъ изъ пояса двойной луидоръ и положилъ на столъ, сказавъ хозяину:

— Я буду говорить безъ утайки; я не воръ, я изгнанникъ; вмѣсто паспорта, у меня деньги. Я прибылъ изъ Парижа. Я бы хотѣлъ поѣсть сначала, а затѣмъ выспаться.

Хозяинъ взялъ луидоръ и, растрогавшись, далъ ему постель и ужинъ.

На другое утро, пока онъ еще лежалъ въ постели, хозяинъ вошелъ въ его комнату, потихонько разбудилъ его и сказалъ:

— Знаете, сударь, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то повидался бы съ барономъ Годи.

— Кто такой баронъ Годи? — спросилъ Курнэ, еще не совсѣмъ проснувшійся.

Хозяинъ объяснилъ ему, ктó такой баронъ Годи.

Что касается меня, то когда мнѣ пришлось сдѣлать тотъ же вопросъ, то я услышалъ отъ троихъ жителей Брюсселя слѣдующіе три отвѣта:

— Собака.

— Ищейка.

— Гіена.

По всей вѣроятности, въ этихъ трехъ отвѣтахъ было нѣкоторое преувеличеніе.

Четвертый бельгіецъ, не вдаваясь въ болѣе подробную характеристику, ограничился словомъ:

— Животное.

Съ точки зрѣнія общественнаго званія, баронъ Годи былъ то, что въ Брюсселѣ называется администраторъ общественной безопасности, то-есть родъ префекта полиціи, не то Карлье, не то Мопà.

Баронъ Годи, съ тѣхъ поръ оставившій этотъ постъ, былъ, какъ и Монталамберъ, «прежде всего іезуитъ». Въ эпоху, о которой мы говоримъ (въ декабрѣ 1851 г.), клерикальная партія примкнула ко всѣмъ формамъ монархизма; и баронъ Годи равно покровительствовалъ какъ орлеанизму, такъ и легитимистамъ. Я разсказываю, чтó было. И только.

— Повидаться съ барономъ Годи, хорошо, — сказалъ Курнэ.

Онъ всталъ, одѣлся, вычистился, какъ могъ, и спросилъ у хозяина:

— Гдѣ помѣщается полиція?

— Въ министерствѣ юстиціи.

И дѣйствительно, въ Брюсселѣ полицейское управленіе составляетъ отдѣленіе министерства юстиціи, что не особенно возвышаетъ полицію и немного унижаетъ правосудіе.

Курнэ велѣлъ отвести себя къ барону Годи.

Баронъ сдѣлалъ ему честь сухо спросить:

— Кто вы такой?

— Эмигрантъ, — отвѣчалъ Курнэ, — я изъ числа тѣхъ, кого государственный переворотъ изгналъ изъ Парижа.

— Ваше званіе?

— Отставной морской офицеръ.

— Отставной морской офицеръ, — возразилъ баронъ Годи смягченнымъ голосомъ: — вы знавали его королевское высочество принца Жуанвильскаго?

— Я служилъ подъ его начальствомъ.

Это была правда. Курнэ служилъ подъ начальствомъ принца Жуанвильскаго и гордился этимъ.

При этомъ заявленіи администраторъ бельгійской безопасности совсѣмъ просіялъ, и сказалъ Курнэ съ самой любезной улыбкой, какую только можетъ изобразить полиція:

— Очень радъ это слышать, милостивый государь; оставайтесь здѣсь до тѣхъ поръ, пока вамъ будетъ угодно; мы запираемъ Бельгію для монтаньяровъ, но раскрываемъ ее настежъ для такихъ людей, какъ вы.

Порою мрачный комизмъ примѣшивался къ этимъ трагедіямъ. Бартелеми Террье былъ депутатомъ и изгнанникомъ. Ему выдали спеціальный паспортъ съ обязательнымъ маршрутомъ въ Бельгію для него и для его жены. Вооруженный этимъ паспортомъ, онъ уѣхалъ съ женщиной. Эта женщина была мужчина. Превро, землевладѣлецъ изъ Донжона, одинъ изъ нотаблей Аллье, доводился зятемъ Террье. Когда государственный переворотъ совершился въ Донжонѣ, Превро взялся за оружіе, исполнилъ свой долгъ, боролся противъ преступнаго покушенія и защищалъ законъ. За это его осудили на смерть. Надо было спасти Превро. Онъ былъ малъ ростомъ и худъ; его переодѣли женщиной. Онъ не былъ настолько хорошъ собой, чтобы обойтись безъ густого вуаля. Его отважныя и сильныя руки запихнули въ муфту. Подъ вуалемъ и съ помощью ваты, подшитой мѣстами, Превро превратился въ премиленькую даму. Онъ сдѣлался m-me Террье, и зять увезъ его съ собой. Парижъ проѣхали благополучно и безъ особенныхъ приключеній, кромѣ одной неосторожности, совершённой Превро, который, видя, что у одной телѣги сломалось дышло, отложилъ въ сторону муфту, приподнялъ вуаль и юбку, и если

бы испуганный Террье не остановилъ его, то онъ помогъ бы извощику поднять лошадь. Случись по близости городской сержантъ, и Превро былъ бы взятъ. Террье поспѣшилъ усадить Превро въ вагонъ и съ наступленіемъ ночи они выѣхали въ Брюссель. Они были одни въ цѣломъ вагонѣ и усѣлись въ уголку другъ противъ друга. Все шло хорошо до Амьена. Въ Амьенѣ остановка; дверца отворилась и жандармъ усѣлся возлѣ Превро. Жандармъ потребовалъ паспортъ, Террье предъявилъ его; дамочка въ своемъ уголку, съ опущеннымъ вуалемъ и безмолвная, не шевелилась, и жандармъ нашелъ все въ порядкѣ. Онъ сказалъ только:

— Я поѣду съ вами; я отряженъ по службѣ до границы.

Поѣздъ, послѣ указанной остановки, поѣхалъ дальше. Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Террье заснулъ. Вдругъ Превро почувствовалъ какъ чье-то колѣно сжимаетъ его ногу. То было колѣно полиціи. Чей-то сапогъ нѣжно прикасается къ его ногѣ, то сапогъ блюстителя порядка. Идиллія созрѣла въ душѣ жандарма. Сначала онъ только нѣжно сжималъ колѣно Превро, затѣмъ, ободренный темнотой и сномъ мужа, онъ рискнулъ дотронуться рукой до матеріи платья—случай, предвидѣнный Мольеромъ; но дама подъ вуалемъ была добродѣтельна. Превро, удивленный и раздосадованный, осторожно оттолкнулъ руку жандарма. Опасность была крайняя. Влюбленный порывъ жандарма, его предпріимчивость могли привести къ неожиданной развязкѣ; эта неожиданная развязка внезапно превратила бы эклогу въ протоколъ, фавна въ сбира, Тиресиа въ Видока, и міръ былъ бы свидѣтелемъ такой диковинной вещи: прохожій гильотинированъ за то, что жандармъ преступилъ законы общественной нравственности. Превро отодвинулся, забился въ уголъ, придерживая платье, подобралъ ноги подъ скамейку и продолжалъ быть энергично добродѣтельнымъ. Между тѣмъ, жандармъ не унимался, и опасность все увеличивалась. Борьба шла молчаливая, но упорная, ласковая съ одной стороны и разъяренная—съ другой; сопротивленіе подстрекало жандарма.

Террье спалъ. Вдругъ поѣздъ остановился, послышался возгласъ:—«Quievrain!» и дверца отворилась. Поѣздъ прибылъ въ Бельгію. Жандармъ, вынужденный выйти изъ вагона и вернуться во Францію, всталъ, и въ ту минуту, какъ онъ сошелъ съ подножки на землю, онъ услышалъ позади себя слѣдующія выразительныя слова, вылетавшія изъ-подъ кружевной вуалетки:—*Убирайся, или я разобью тебѣ морду!*

Государственный переворотъ, увѣнчанный успѣхомъ, не церемонится. Такого рода успѣхъ развязываетъ руки.

Фактовъ не оберешься. Но мы должны быть кратки и представимъ ихъ въ извлеченіи.

Учреждено было два рода суда: военныя коммиссіи и коммиссіи смѣшанныя.

Военныя коммиссіи судили при закрытыхъ дверяхъ. Полковникъ предсѣдательствовалъ.

Въ одномъ Парижѣ было три военныхъ коммиссіи. Въ каждую поступило тысячу дѣлъ. Судебный слѣдователь присылалъ дѣло прокурору республики Ласку, который передавалъ ихъ полковнику—предсѣдателю. Коммиссія призывала подсудимаго. Подсудимый и былъ само дѣло. Его обыскивали, то-есть перелистовывали. Обвинительный актъ былъ кратокъ. Двѣ-три строчки. Слѣдующія, напримѣръ:

— Имя. Отчество. Званіе.—Человѣкъ интеллигентный — посѣщаетъ кофейню.—Читаетъ газеты.—Разсуждаетъ.—Опасенъ.

Обвиненіе было немногословно. Самый приговоръ былъ еще лаконичнѣе. Онъ выражался однимъ знакомъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, переговоривъ съ судьями, полковникъ бралъ перо и ставилъ въ концѣ обвинительной строчки одинъ изъ слѣдующихъ знаковъ:

— + O

— означало ссылку въ Ламбессу.

+ означало ссылку въ Кайенну (сухую гильотину. Смерть).

O означало оправданіе.

Въ то время какъ правосудіе такимъ образомъ работало, человѣкъ, надъ которымъ оно работало, былъ иногда еще на свободѣ, жилъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало; внезапно его арестовывали, и, не зная, чего отъ него хотятъ, онъ отправлялся въ Ламбессу или въ Кайенну.

Семья его зачастую не знала, что̀ съ нимъ случилось.

Спрашиваютъ, бывало, у жены, у сестры, дочери, матери:

— Гдѣ же вашъ мужъ?

— Гдѣ же вашъ братъ?

— Гдѣ же вашъ отецъ?

— Гдѣ же вашъ сынъ?

Жена, сестра, дочь, мать—отвѣчаютъ:

— Не знаю.

Одна фамилія въ Аллье, фамилія Превро изъ Донжона, на-

считывала одиннадцать изъ своихъ членовъ пострадавшими; кто былъ казненъ, кто осужденъ на изгнаніе или на ссылку.

Винный торговецъ въ Батиньолѣ, по имени Бризаду, былъ сосланъ въ Кайенну за слѣдующую строчку въ его дѣлѣ: — *его кабачокъ посѣщается соціалистами*.

Вотъ достовѣрная бесѣда, записанная на мѣстѣ, между полковникомъ и подсудимымъ:

— Вы осуждены.

— Вотъ какъ! За что это?

— По правдѣ сказать, я самъ хорошенько не знаю. Испытайте свою совѣсть. Подумайте, въ чемъ вы провинились.

— Я?

— Да, вы.

— Какъ! я?

— Вы въ чемъ-нибудь да провинились.

— Вовсе нѣтъ. Я ничего не дѣлалъ. Я даже не исполнилъ своего долга. Я долженъ былъ бы взять ружье, выдти на улицу, обратиться съ рѣчью къ народу, строить баррикады; я остался у себя дома, какъ пошлякъ, какъ лѣнтяй (подсудимый смѣется), вотъ въ чемъ я себя обвиняю.

— Вы не за это осуждены. Поищите хорошенько.

— Ничего не придумаю.

— Какъ! вы не были въ кофейнѣ?

— Да! я завтракалъ.

— Вы не разговаривали?

— Да. Можетъ быть.

— Вы не смѣялись?

— Можетъ быть, смѣялся.

— Надъ кѣмъ? надъ чѣмъ?

— Надъ тѣмъ, что̀ происходитъ. Правда, я напрасно смѣялся.

— И въ то же время вы разсуждали.

— Да.

— О комъ?

— О президентѣ.

— Что вы говорили?

— Да только то, что̀ можно сказать, — что онъ нарушилъ свою присягу.

— А еще?

— Что онъ не имѣлъ права арестовать депутатовъ?

— Вы это сказали?

— Да. И прибавилъ, что онъ не имѣлъ право убивать людей на бульварахъ...

Тутъ подсудимый перебиваетъ самого себя и восклицаетъ:

— И за это меня отправляютъ въ Кайенну?

Судья пристально на него смотритъ и—отвѣчаетъ:

— Еще бы?

Другая форма отправленія правосудія:

Три какихъ-нибудь субъекта, три чиновника, боящіеся увольненія: префектъ, солдатъ, прокуроръ, у которыхъ роль совѣсти играетъ звонокъ Луи-Бонапарта, садятся за столъ и начинаютъ судить. Кого? Васъ, меня, насъ, весь свѣтъ. За какія преступленія? Они изобрѣтаютъ преступленія. Во имя какихъ законовъ? Они сочиняютъ законы. Какія показанія примѣняютъ они? Они измышляютъ наказанія. Что-жъ, они знаютъ, кто такой подсудимый? Нѣтъ. Но они выслушиваютъ его? Нѣтъ. Какихъ адвокатовъ выслушиваютъ они? Никакихъ. Какія пренія ведутъ они? Никакихъ. Какую публику призываютъ они? Никакой. Итакъ, ни публики, ни преній, ни защитниковъ, ни свидѣтелей; судьи, не принадлежащіе къ магистратурѣ, жюри безъ присяжныхъ засѣдателей, судъ, который и не судъ вовсе, вымышленная вина, придуманная кара, подсудимаго нѣтъ на лицо, законъ въ отсутствіи;—изъ всѣхъ этихъ вещей, представляющихся какимъ-то сномъ, слагалось однако реальное дѣло: осужденіе невинныхъ.

Ссылка, изгнаніе, разореніе, тоска по родинѣ, смерть, отчаяніе сорока тысячъ семей.

Вотъ что исторія зоветъ «смѣшанными коммиссіями».

Обыкновенно великія государственныя преступленія обрушиваются на великія головы и довольствуются этимъ; они катятся какъ обрывокъ утеса, цѣлой глыбой и давятъ всѣ сильныя препятствія; они довольствуются знаменитыми жертвами. Но второе декабря отличалось особаго рода утонченностью; оно требовало и мелкихъ жертвъ. Его страсть къ истребленію не пощадила бѣдныхъ и неизвѣстныхъ людей; оно гнѣвалось и ненавидѣло маленькихъ людей; оно забиралось въ соціальную подпочву, примѣняя къ ней ссылку; мѣстные тріумвираты, называемые «смѣшанными коммиссіями», послужили ему для этого. Никакая личность, какъ бы ни была она жалка и смиренна, не ускользала. Нашли средство обобрать неимущихъ, разорить голодныхъ, ограбить обездоленныхъ; государственный переворотъ совершилъ чудо: усугубилъ бѣдствія нищеты. Можно было подумать, что Бонапартъ даетъ себѣ трудъ ненавидѣть поселянина; винодѣла отрывали отъ его виноградника, земледѣльца отъ его нивы, каменщика отъ его постройки, ткача отъ его станка. Люди взяли на себя порученіе отравить громадной общественной бѣдой безконечное число

самыхъ незамѣтныхъ существованій. Гнусное дѣло! схоронить маленькихъ и слабыхъ людей подъ обломками катастрофы.

Папа одобрилъ.

Когда курьеры привезли въ Римъ извѣстіе о событіяхъ 2-го декабря, папа отправился на смотръ, сдѣланный войскамъ генераломъ Жемо и попросилъ его поздравить отъ его имени принца Луи-Наполеона.

Этому былъ прецедентъ.

12 декабря 1572 г., Сенъ-Гоаръ, посланникъ французскаго короля Карла IX при испанскомъ королѣ Филиппѣ II писалъ изъ Мадрида своему повелителю Карлу IX: «Извѣстіе о событіяхъ, совершившихся въ день св. Варѳоломея, дошло до католическаго короля; онъ противъ своего характера и обыкновенія выказалъ столько веселости, что можно подумать, что это извѣстіе пріятнѣе ему всѣхъ удачъ и благополучій, какія когда-либо съ нимъ случатся. Такъ что, когда я отправился къ нему въ воскресенье утромъ къ св. Іерониму и подошелъ къ нему, онъ засмѣялся, и въ выраженіяхъ крайняго удовольствія принялся хвалить ваше величество».

Длань Пія IX осталась распростертой надъ Франціей, ставшею имперіей.

И вотъ, подъ сѣнью его благословенія, начался періодъ благоденствія.....

Викторъ Гюго заканчиваетъ свою книгу Седанской трагедіей, отдаленнымъ эхомъ дней декабрьскаго переворота и достойнымъ ихъ возмездіемъ.

А. Э.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ *).

I.

1) *William Stubbs:* The Constitutional History of England, in its origin and developments. Oxford: at the Clarendon press. 3 vol. in 8°, 638, 624 and 653 pages. 1878.—2) *Edward A. Freeman*: The History of the Norman Conquest of England. Oxford: Clarendon press. vol. V. in 8°, 901 pages. 1876.—3) *Materials for the History of Thomas Beckuet*, edited by J. C. Robertson. London: Trübner etc. 3 vol. 8°, 1875—1878.—4) *J. R. Green:* History of the English people. London: Mac Millan. 4 vol. in 8°, 1878.

По какой книгѣ изучать исторію Англіи? — Лѣтъ двадцать тому назадъ отвѣтъ былъ легокъ: Юмъ, продолженіемъ которому служилъ Смоллетъ, съ одной стороны, и съ другой—Лингардъ удовлетворяли всѣмъ потребностямъ. Въ настоящее время эти книги кажутся такими же устарѣвшими, какъ «Исторія Франціи» Мезерé. Наука пошла впередъ гигантскими шагами или, лучше сказать, въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, она заняла мѣсто фантазіи; даже дѣдушки заговорили болѣе серьёзнымъ тономъ, пересказывая отечественныя хроники своимъ внукамъ,—что нисколько не вредило интересу ихъ разсказовъ, доказательствомъ

*) См. „Вѣстникъ Европы", мартъ, 1878 года, стр. 230.

чему служитъ послѣдняя книга старика Гизо, встрѣтившая такой лестный пріемъ у публики.

Но не будемъ заблуждаться. Историческая наука, получившая такое необыкновенное развитіе въ настоящее время, родилась не вчера, и, оставаясь на англійской почвѣ, скажемъ, напримѣръ, что Гиббонъ и его великолѣпное сочиненіе: «Decline and Fall of the Roman Empire», такъ же мало состарѣлись, какъ и Тацитъ съ его лѣтописями. Но въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, историкъ долженъ соединять качества ученаго и литератора со всѣми ихъ сложными аттрибутами. Затрудненія представляются при этомъ громадныя; всякій разсудительный человѣкъ это понимаетъ, и вотъ почему напрасно было бы искать въ настоящую минуту исторію Англіи, достойную этого названія: я говорю про полную исторію, написанную однимъ человѣкомъ, отъ начала Англіи и до новѣйшаго времени.

Но если этого сочиненія и не существуетъ, за то имѣются матеріалы къ нему, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ эпохъ,— и изъ отдѣльныхъ сочиненій и отрывковъ можно составить довольно полный отдѣлъ библіотеки. Во-первыхъ, по исторіи конституціи остается исторія Галлама («Constitutional History of England» 3 vol. 8^0), начинающаяся съ воцаренія Тюдоровъ и до конца царствованія Георга II (1760); послѣ нея слѣдуетъ обратиться къ исторіи Эрскина Мея [1]), которая приводитъ насъ къ 1860 году. Что касается полной и подробной исторіи, то слѣдуетъ взять обширное и подробное сочиненіе Фруда [2]) о Генрихѣ VIII и Елисаветѣ. Маколей разскажетъ намъ о томъ важномъ періодѣ англійскихъ лѣтописей, который идетъ отъ реставраціи Стюартовъ и до смерти Вильгельма III-го и обнимаетъ собой революцію 1688 года. Царствованіе королевы Анны вполнѣ описано графомъ Стенгопомъ [3]), а эпоха Георговъ до версальскаго мира—лордомъ Магономъ [4]). Гарріетъ Мартино [5]) приводитъ насъ къ 1846 году; и, наконецъ, по части современной

---

[1]) The Constitutional History of England (1760—1860), by *T. Erskine May*. Longmans: 2 vol. 8o, 1863.

[2]) History of England from the fall of Wolsey to the defeat of the spanish Armada, by *J. A. Froude*. Longmans: 12 vol. 8o, 1836—1870.

[3]) History of England (1701—1713), by Earl Stanhope. Murray: 1 vol. 8o, 1870.

[4]) History of England from the peace of Utrecht to the peace of Versailles. Murray: 7 vol. 8o.

[5]) History of England during the thirty years peace (1816—1846), by Harriet Martineau. C. Knight: 2 vol. 4o, 1849.

исторіи и въ ожиданіи лучшаго,—у насъ есть недавно изданное сочиненіе Молесуорта [1]).

Но чего до сихъ поръ не хватало всему этому зданію, такъ это—фундамента: и этотъ-то важный пробѣлъ пополняетъ Stubbs «regius professor» [2]), въ Оксфордѣ занимающій каѳедру исторіи, сочиненіемъ, заглавіе котораго мы выставили во главѣ настоящаго письма. Сочиненіе это, по общему приговору, весьма замѣчательно, должно составить эпоху, и съ-разу ставитъ автора въ число великихъ историковъ современной Англіи.

Выраженіе «исторія конституціи» было пущено въ ходъ Галламомъ, напечатавшимъ свою книгу въ 1827 году, въ эпоху, когда историческая наука озарилась такой славой,—въ тотъ самый моментъ, когда Гизо выпустилъ свою знаменитую «Исторію цивилизаціи» во Франціи. Бокль изучилъ этотъ предметъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, лучше подходящей къ слову *цивилизація*, — у Гизо же это слово имѣетъ ограниченное значеніе, совершенно точно передаваемое выраженіемъ «исторія конституціи», которое такъ нравится по сю сторону пролива. Тутъ, собственно говоря, идетъ рѣчь объ исторіи учрежденій, и оставляются въ сторонѣ вопросы о расѣ, средѣ, климатѣ и другіе этого рода.

Это самое имѣетъ въ виду новый историкъ. Онъ беретъ учрежденія своей страны при ихъ возникновеніи на германской почвѣ и изучаетъ ихъ развитіе до конца XV-го столѣтія, т.-е. до воцаренія Тюдоровъ. Онъ доказываетъ вмѣстѣ съ Фриманомъ — и это придаетъ общій интересъ его книгѣ — что англичане самые типичные, самые прямые представители германской расы съ политической и конституціонной точки зрѣнія. «За исключеніемъ готической библіи Ульфилы,—говоритъ онъ,—англо-сак-

---

[1]) The History of England from the year 1830—1874, by W. Molesworth. Chapman: 8 vol. 8⁰, 1874.—Какъ мы видимъ, предстоитъ пополнить довольно значительный пробѣлъ между Фрудомъ и Маколеемъ, т.-е. для XVII вѣка, до самой реставраціи. Одинъ замѣчательный историкъ, Сэмюель Гардинеръ, собирается его пополнить; онъ уже довелъ свою исторію, съ эпохи воцаренія Іакова I-го, до 1637 года: мы поговоримъ о ней позднѣе. А пока она не окончена, можно изучать времена республики по „History of the commonwealth“ Годуина, не упуская изъ вида великолѣпнаго сочиненія Карлейля о Кромвелѣ.

[2]) Такъ называютъ профессоровъ англійскихъ университетовъ, занимающихъ каѳедры, основанныя Генрихомъ VIII. Достопочтенный Уилльямъ Stubbs, родившійся въ 1825 году, *fellow* коллегіи Оріеля, затѣмъ викарій въ Нэвестокѣ, библіотекарь архіепископа Кентербёрійскаго и проч., былъ до сихъ поръ извѣстенъ лишь какъ ученый, благодаря изданію старинныхъ документовъ и хартій, какъ, напримѣръ, „Memorials of St.-Dunstan“.

сонскіе документы являются древнѣйшими образцами германскаго языка и германской литературы, и развитіе современнаго англичанина изъ англо-сакса есть фактъ, принадлежащій наукѣ, такъ же какъ и исторіи. Саксонскія учрежденія въ Германіи, долго спустя послѣ завоеванія Британіи, какъ-разъ соотвѣтствуютъ системѣ, наблюденной и описанной Тацитомъ въ своей «Germania», — а организація ихъ братьевъ въ Англіи, хотя она восходитъ не далѣе салическаго закона, гораздо болѣе свободна отъ англійскихъ вліяній. Въ Англіи общіе зачатки развились и созрѣли безъ всякой примѣси чужеземныхъ элементовъ. Не только всѣ послѣдовательныя вторженія, отмѣчающія исторію Британіи отъ VIII-го до IX-го вѣка, были произведены одноплеменными народами, но если исключить церковь, то мы не увидимъ примѣси никакого посторонняго вліянія, которое бы не было германскимъ по своему происхожденію. Языкъ, законы, нравы, религія сохраняютъ свой первобытный складъ. Германскій элементъ является творческимъ элементомъ нашей системы, естественной и политической» (т. I, стр. 10—11).

Знаменитый французскій историкъ — черезъ-чуръ превознесенный, по моему мнѣнію — котораго я сейчасъ приводилъ, не колеблясь, объявляетъ, «что Франція вѣрнѣе, чѣмъ всякая другая страна, воспроизводитъ основную идею цивилизаціи. Это самая полная, самая основательная, самая истинная и самая цивилизованная, такъ-сказать, цивилизація» [1]. Безъ сомнѣнія, это сказано отъ души и очень патріотично; къ несчастью, многіе знаменитые историки — германскіе, славянскіе и другіе — говорятъ то же самое о національностяхъ, чуждыхъ Франціи. Геродотъ дѣйствовалъ иначе: не превознося съ первыхъ же словъ своихъ соотечественниковъ, онъ просто возвѣщалъ, что станетъ воспѣвать «достопримѣчательные и славные подвиги какъ грековъ, такъ и варваровъ». Стёббсъ, повидимому, держится середины между двумя крайностями: онъ не объявляетъ во всеуслышаніе о безусловномъ превосходствѣ Англіи надъ всѣми народами міра, — онъ довольствуется заявленіемъ, что она самая типичная представительница германской расы и цивилизаціи.

Но при этомъ онъ намекаетъ, что германское вліяніе играетъ преобладающую роль въ образованіи того, что̀ онъ называетъ четырьмя великими національностями, т.-е. Англіи, Германіи, Франціи и Испаніи. И такъ какъ эти національности «великія», и такъ какъ германская цивилизація считается идеальной, то вы-

[1]) *Guizot.* Histoire de la civilisation en France, t. II, p. 21.

ходить, что авторъ окольнымъ путемъ приходитъ къ не менѣе высокомѣрнымъ и патріотическимъ выводамъ. Но безполезно препираться объ этомъ пунктѣ: къ тому же, ничего не можетъ быть противнѣе, какъ видѣть, что народныя страсти разыгрываются тамъ, гдѣ онѣ вовсе не у мѣста, и что люди, именующіе себя учеными, вносятъ въ историческіе вопросы свой квасной патріотизмъ. Эта манія достигла кульминаціоннаго пункта на континентѣ, послѣ франко-нѣмецкой войны: историки обѣихъ странъ набросились на великаго западнаго императора и рвутъ его изъ рукъ другъ у друга. Для однихъ онъ «Charlemagne», для другихъ — «Karl der Grosse», что составляетъ тезисъ и антитезу. А между синтезисомъ очень хорошо можетъ быть «Carolus magnus», такъ какъ въ тѣ времена еще не существовало французовъ, а Карлъ, германецъ по происхожденію, былъ, тѣмъ не менѣе, гораздо скорѣе «римскій императоръ», чѣмъ нѣмецкій король. Въ сущности, французскіе историки глупо дѣлаютъ, что отрицаютъ германское вліяніе, которое несомнѣнно: вѣдь безспорно, что страна ихъ утратила свое названіе и приняла имя племени или, если хотите, конфедераціи германской.

Этотъ фактъ — плачевный и не мало содѣйствовалъ искаженію взгляда у писателей; потому что германское вліяніе во Франціи было гораздо мимолетнѣе, чѣмъ это воображаетъ м-ръ Стёббсъ. Если бы «Gallia» сохранила свое названіе «Gaule», какъ Италія и Испанія сохранили свое латинское названіе, то дѣло было бы яснѣе: объ этомъ лучше всего судить по литературѣ, которою никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ вопросахъ историческихъ и которая несомнѣнно носитъ отпечатокъ римскаго вкуса. Что касается Испаніи, то если авторъ непремѣнно хочетъ видѣть въ ней развитіе и преобладаніе германскихъ вліяній, то это не дѣлаетъ чести ея цивилизаціи: къ счастію, что это заявленіе крайне рискованное.

Сдѣлавъ эти оговорки съ общей точки зрѣнія, остается только восхищаться тѣмъ, какъ Стёббсъ разбираетъ до ниточки свой сюжетъ. И во-первыхъ, онъ не тратитъ времени на описаніе бриттовъ, пиктовъ, скоттовъ и др.: всего три страницы въ обширномъ сочиненіи отведены этимъ злосчастнымъ представителямъ кельтической расы. Сліянія народностей тутъ не происходило: они искали себѣ убѣжища въ княжествѣ Уэльскомъ и въ Корнваллисѣ, и съ 577 г., когда совершилось завоеваніе, ни одного бритта не оставалось на англійской почвѣ, ни въ качествѣ подданнаго, ни въ качествѣ раба.

Завоеватели: англы и саксы, поселились на ней на просторѣ,

и понятно, почему ихъ учрежденія естественно развивались и даже еще правильнѣе, нежели въ отечествѣ, гдѣ вліянія императоровъ и папъ нарушили, между прочимъ, единство традиціи. Надо прочитать въ первыхъ семи главахъ разборъ, посвященный авторомъ «Germania» Тацита и перенесенію въ Британію нравовъ и обычаевъ, столь превосходно описанныхъ латинскимъ историкомъ. Воспользовавшись трудами Вайца и Конрада Маурера, онъ доказываетъ тожественность *princeps* и *ealdormen, ingenuus* (свободный человѣкъ) и *ceorl* (произносится *kurl*), *servus* и *theow;* онъ показываетъ, какъ *vicus* превратился въ *township* [1]), между тѣмъ какъ *pagus* превратился въ *hundred,* союзъ извѣстнаго числа *townships* ради общей обороны и отправленія правосудія. Здѣсь мы имѣемъ эквивалентъ *Hundari* или *Härad* скандинавовъ, римской *curia* и греческой *phratria.*

Ученый профессоръ далеко не столь обстоятеленъ въ томъ, что касается системы *mark* или сельской общины германскихъ народовъ, которую вполнѣ выяснили превосходныя изслѣдованія фонъ-Маурера.

«Невозможно утверждать, — говоритъ онъ, — что германскіе завоеватели принесли съ собой полную систему организаціи, извѣстной подъ названіемъ *mark,* или что эта система служила основаніемъ мѣстнаго управленія въ эпоху англо-саксовъ» (т. I, стр. 83). Но онъ, однако, не отрицаетъ существованія этой системы у англо-саксовъ; онъ даже находитъ слѣды ея во многихъ мѣстахъ; но полагаетъ, что отъ этого учрежденія, уже устарѣвшаго, остались одни только признаки. «Во всякомъ случаѣ,— прибавляетъ онъ, — только въ качествѣ владѣльца земли, а не какъ членъ *mark-community,* свободный человѣкъ (freeman) пользуется правами или исполняетъ обязанности, и ничто не доказываетъ, чтобы въ Англіи нужно было быть членомъ общины, чтобы владѣть землей. «Township» въ томъ видѣ, какъ онъ появляется въ исторіи, учрежденъ или аллодіальными владѣльцами, переросшими стадію коллективнаго владѣнія землей, хотя и сохранившими нѣкоторые слѣды этой организаціи, или же нѣсколькими *tenants* какого-нибудь лорда, который руководитъ ихъ управленіемъ или же допускаетъ ихъ самоуправленіе на аналогичныхъ началахъ».

Непосредственно вслѣдъ за *Hundred* идетъ *shire,* обнимающій нѣсколько ихъ. Слово *scir* или *shire* обозначаетъ просто-напросто дѣленіе, часть (*share*) цѣлаго: такимъ образомъ говорили

---

[1]) Отъ *tûn,* *заборъ* или вообще *ограда.*

«bishop's scire», чтобы обозначить епархію епископа. Историческія *shires*, или графства, обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ причинамъ. Такимъ образомъ, Кентъ и Суссексъ — два старинныхъ гептархическихъ королевства: Кентъ извѣстенъ какъ «Cantescyre» въ эпоху Этельстана или въ началѣ X столѣтія; Эссексъ, Мидльсексъ и Суррей тоже старинныя королевства; Норфолькъ и Суффолькъ два подраздѣленія *East Anglia*, представляющія по всей вѣроятности двухъ «fylkis» или «folks», между которыми они были раздѣлены и проч.

Организація shire крайне интересна: то было королевство въ миніатюрѣ, нѣчто цѣлое. Два должностныхъ лица стояли во главѣ его организаціи. Во-первыхъ, *ealdorman—princeps* Тацита, сатрапъ или *subregulus* хроникера Беды, *comes* норманновъ: онъ командовалъ военной силой. Избираемый первоначально народнымъ собраніемъ, онъ вскорѣ сталъ передавать свое званіе своему наслѣднику. Рядомъ съ нимъ засѣдалъ *scir-gerefa* [1]) (sheriff), интендантъ короля и законный президентъ *shire*, администраторъ королевскихъ доменовъ, наблюдавшій за исполненіемъ законовъ. Онъ точно также вначалѣ избирался народнымъ собраніемъ (*folcmot*), а въ историческія времена назначался королемъ.

Но капитальнымъ явленіемъ этой организаціи является *shiremoot*, собраніе графства. Шерифъ созываетъ его два раза въ годъ: оно состоитъ изъ всѣхъ «lords of the land», всѣхъ общественныхъ чиновниковъ, и каждый *township* представляется четырьмя человѣками, и, кромѣ того, своимъ *gerefa* (главный судья). Это было, значитъ, несомнѣнно представительное собраніе: въ этомъ смыслѣ оно также и *folcmot*, то-есть настоящее народное собраніе, пользовавшееся до конца IX вѣка чѣмъ-то въ родѣ законодательной власти. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется въ исторіи, это собраніе является главнымъ образомъ юридическимъ корпусомъ, трибуналомъ.

Если вы обратите вниманіе на то, что шерифъ представляетъ короля въ этомъ собраніи, гдѣ онъ не пользуется иной властью, какъ властью президента, что епископъ и всѣ лорды присутствуютъ на немъ вмѣстѣ съ свободными людьми городовъ съ совѣщательнымъ голосомъ, то признаете въ миніатюрѣ англійскую конституцію, и такимъ образомъ оправдаются до нѣкоторой степени слова Монтескьё: «кто захочетъ прочитать великолѣпное со-

---

[1]) Мнѣнія насчетъ этимологіи этого слова расходятся, его связываютъ обыкновенно съ нѣмецкимъ *graf*, но безъ достаточнаго основанія, по словамъ Макса Мюллера. Нѣкоторые производятъ его отъ *reafan*, что довольно хорошо согласуется съ словомъ *exactor*, употребляемымъ хроникеромъ для перевода *gerefa*.

чиненіе Тацита *о нравахъ германцевъ*, тотъ увидитъ, что англичане отъ нихъ заимствовали идею своего политическаго управленія. Эта прекрасная система родилась въ лѣсахъ» [1]).

Монтескьё—котораго недостаточно читаютъ въ настоящее время — высказалъ геніальное предположеніе. Общая идея вѣрна: но детали совсѣмъ иныя, и значило бы притягивать за волосы выводы, если вмѣстѣ съ Фриманомъ [2]), напримѣръ, считать теперешнюю британскую конституцію прогрессивнымъ и неизбѣжнымъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ «Germania». Вотъ что̀ говоритъ Тацитъ, описывая германскихъ предковъ: «De minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes». *Shiremoot*, описанный выше, осуществляетъ одну сторону этого идеала въ томъ смыслѣ, что представители всѣхъ—если не всѣ—участвуютъ въ совѣщаніи, да и то еще дѣло идетъ только объ отправленіи правосудія.

Но обратимся къ самому краю, къ англійскому, саксонскому или норманскому государству, такъ какъ новѣйшіе историки въ одинъ голосъ объявляютъ, что норманское завоеваніе только ускорило ходъ развитія англо-саксонской цивилизаціи. Намъ нужно, главнымъ образомъ, отыскивать вездѣ знаменитую тріаду: «King, Lords and Commons». Между тѣмъ, мы видимъ во всѣ періоды короля и лордовъ «regem et principes», но въ теченіи долгихъ вѣковъ не видимъ и слѣда общинъ—*omnes*. Не только свободныхъ людей, націю не спрашиваютъ о важныхъ дѣлахъ, и не совѣщаются съ нею даже и по тѣмъ, которые совсѣмъ не важны.

Тутъ выступаетъ на сцену пресловутое *Witenagemot, concilium principum,* собраніе мудрецовъ (*Witan, wise*). Фриманъ утверждаетъ, что всякій свободный человѣкъ сохранялъ въ теоріи, по крайней мѣрѣ, право являться на собранія королевства; что въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, при коронованіи королей напримѣръ, большая толпа народа стекалась, чтобы присутствовать на совѣщаніи *Witenagemot* и рукоплескать или шикать, смотря по обстоятельствамъ. Стёббсъ, отличающійся болѣе научнымъ умомъ, видитъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допуская фантазіи отвлекать его отъ фактовъ и дѣйствительности. «Ничто не доказываетъ, чтобы эти собранія хоть сколько-нибудь участвовали въ конституціонной власти *witan*,—возражаетъ онъ, — не видно, чтобы у нихъ была хоть какая-нибудь связь съ организаціей *folkmoot*, чтобы они располагали какими-нибудь полномочіями, или бы участвовали въ отпра̀вленіи правосудія:

---

[1]) *Montesquieu*. De l'Esprit des lois. Liv. XI, ch. 6.

[2]) *Freeman*. The gronth of the Englisch Constitution.

они, повидимому, вліяли на рѣшенія вождей только одобрительнымъ или порицательнымъ ропотомъ» (т. I, стр. 123).

Впрочемъ, стóитъ лишь посмотрѣть, изъ кого состоялъ *Witenagemot*. Онъ состоялъ обыкновенно изъ: 1) короля, котораго иногда сопровождали жена и сыновья; 2) епископовъ королевства, 3) *ealdormen*'овъ графства, нѣкотораго числа пріятелей и слугъ этихъ послѣднихъ, описанныхъ подъ именемъ *ministri thegns* [1]) короля. Спрашивается: гдѣ, въ такомъ собраніи, *теоретическое* мѣсто, отведенное свободнымъ людямъ? При преемникахъ Вильгельма Завоевателя *Witenagemot* продолжаетъ существовать подъ названіемъ великаго совѣта. *Thegns* замѣняются здѣсь *баронами* [2]), титуломъ, созданнымъ завоеваніемъ, и подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать *tetants-in-chief* прямыхъ вассаловъ короля; къ этому же классу причисляются вообще и рыцари, *Knights*, которые тоже прямые вассалы, но второстепеннаго ранга, въ особенности со стороны территоріальныхъ владѣній. Что крупные граждане, нотабли Лондона и Йорка, присутствовали иногда на совѣтѣ— это несомнѣнно; но эти важныя особы сами владѣли землей и принадлежали бóльшею частію къ классу рыцарей и могли играть роль бароновъ.

Дѣло въ томъ, что въ теченіи долгихъ вѣковъ вольности и права, «our german forefathers», какъ здѣсь говорятъ, оставались схороненными въ самомъ глубокомъ и безспорномъ забвеніи. Да и могло ли быть иначе? какимъ чудомъ германцы британскихъ острововъ ухитрились бы спастись отъ угнетенія и уничиженія, обрушившагося на всѣ западныя націи Европы? Историки употребляютъ всѣ усилія, чтобы открыть у германцевъ или въ римскомъ мірѣ источники феодализма. Ихъ нѣтъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Безъ сомнѣнія, у всѣхъ народовъ арійской расы были благородные, свободные люди и рабы; но у нихъ никогда не существовало такого безвыходнаго ига, какъ тотъ, какой тяготѣлъ надъ миромъ съ VII по XVI вѣкъ христіанской эры. Истинная виновница въ этомъ римская церковь: она облекла государей такой властью и такимъ обаяніемъ, о которыхъ никогда и не грезилось даже тѣмъ императорамъ, которые за-живо провозглашали себя богами. Она, не довольствуясь тѣмъ, что предписы-

---

[1]) *Thegn* отъ *thegen*, *vir fortis*, *miles*, *minister*.

[2]) Это слово означаетъ по сущности *homo*, homme (homme du roi, hommage и пр.). Оно, повидимому, происходитъ отъ *wer*, человѣкъ (какъ и *wergild*), и впервые появляется въ 744 г. въ формѣ *paro*, для обозначенія свободнаго человѣка. Начиная съ Генриха I, это выраженіе употребляется въ хартіяхъ, для обозначенія королевскихъ *tenants-in-chief*.

вала свои законы міру съ высоты оскверненнаго ею Капитолія, занимала первенствующее мѣсто въ совѣтахъ королей. Первыми баронами Англіи были епископы: Уильдамъ Руфусъ произведенъ въ рыцари Лофраномъ; словомъ—всюду, церковь, освящая феодальный порядокъ, придаетъ ему характеръ абсолютизма и безспорнаго авторитета, составляющаго сущность ея организаціи, и котораго онъ никогда бы безъ нея не пріобрѣлъ.

Это мнѣніе уже высказывалось въ этихъ очеркахъ, и нельзя не подумать, что историки спасли бы себя отъ многихъ усилій, худо направленныхъ, если бы захотѣли разобрать безпристрастно и съ философской точки зрѣнія всякаго рода документы. Этихъ документовъ безъ конца въ книгѣ Стёббса, и стоило бы, какъ говорится, только нагнуться, чтобы подобрать ихъ. Понятно конечно, что онъ, будучи «достопочтеннымъ» и «бенефиціантомъ», не можетъ смотрѣть на вещи съ философской точки зрѣнія: за это нельзя на него сердиться, но слѣдуетъ черпать матеріалы въ арсеналѣ, такъ старательно заготовленномъ имъ.

Словомъ, возвращаясь къ исходной точкѣ нашихъ разсужденій, вполнѣ достовѣрно, что «Witenagemot», никогда не бывшій вполнѣ народнымъ собраніемъ, превратился при норманскихъ короляхъ въ простой совѣтъ крупныхъ вассаловъ. И что бы ни думали о тенденціяхъ и способностяхъ, свойственныхъ англо-саксонской расѣ, онѣ были безусловно заглушены и подавлены; зачатки англійской конституціи впервые появились въ собраніи епископовъ, бароновъ и представителей городовъ, состоявшемся въ Сентъ-Албансѣ, 4 августа 1214 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до провозглашенія великой Хартіи (magna charta).

«Собраніе Сентъ-Албанса—первое, относительно котораго исторически доказано, что представители созваны были въ національный совѣтъ. *Reeve* (*gerefa*—родъ мэра) и четверо горожанъ были, безъ сомнѣнія, призваны единственно лишь затѣмъ—чтобы дать необходимыя свѣдѣнія о цѣнности королевскихъ земель; но ихъ присутствіе получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что на немъ обсуждалась масса другихъ вопросовъ, и что важныя рѣшенія, касавшіяся всей націи вообще, были прямымъ результатомъ дѣйствій этого совѣта. На первомъ представительномъ собраніи возникъ первый проектъ реформъ, осуществившихся позднѣе въ хартіи; это собраніе было первымъ, хотя еще и не твердымъ шагомъ къ тому великому акту, въ которомъ церковь, бароны и народъ заключили свой конституціонный договоръ съ королемъ, и впервые сознали свое единство и тожество своихъ правъ и интересовъ» (т. I. стр. 527).

Наконецъ, появляется знаменитая хартія 1213 г., настоящій фундаментъ англійскихъ вольностей. Бароны не побоялись соединенія съ народомъ противъ короля: и такимъ образомъ общей охраной явились 39 и 40 статьи, гласящія слѣдующее: «ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ взятъ или посаженъ въ тюрьму, или объявленъ внѣ закона, или сосланъ или казненъ какимъ бы то ни было способомъ: и мы (король) не наложимъ на него руку и не велимъ его арестовать иначе какъ въ силу законнаго приговора его равныхъ или согласно законамъ края. Никому не будемъ мы продавать правосудіе, никому не будемъ въ немъ отказывать, никого не заставимъ его дожидаться».

Забота наблюденія за честнымъ выполненіемъ хартіи была поручена двадцати-пяти выборнымъ баронамъ, которымъ были даны полномочія, въ случаѣ необходимости, объявлять войну самому королю, обращаясь въ такой крайности ко всему королевству вообще «communa totius terrae». Вотъ гдѣ настоящее начало англійскихъ общинъ.

Но это еще не парламентъ [1]). Первымъ собраніемъ, заслуживающимъ это названіе, было то, которое было созвано въ Вестминстерѣ 20 января 1265 г. графомъ Симономъ де-Монфоръ, побѣдителемъ Генриха III. На него были призваны не только свѣтскіе и духовные бароны, но также и рыцари изъ каждаго графства, по два горожанина изъ каждаго города, по два обывателя изъ каждаго мѣстечка. И каковы бы ни были побужденія этого графа, а надо признать вмѣстѣ съ Фриманомъ, что онъ игралъ важную роль въ образованіи англійской конституціи.

Останавливаюсь на этомъ, такъ какъ я только хотѣлъ выяснить запутанное и сложное происхожденіе этой конституціи. Въ книгѣ Стёббса найдутся всѣ необходимыя данныя касательно ея дальнѣйшаго развитія; въ ней показано образованіе палаты общинъ и ея роль въ этотъ первый періодъ. Съ особеннымъ интересомъ читается глава XX (въ 3-мъ томѣ), которая подъ заглавіемъ *Parliamentary Antiquities* даетъ самыя полныя и самыя неоцѣненныя подробности объ обычаяхъ и традиціяхъ, корою такихъ диковинныхъ, англійскихъ собраній. Безполезно прибавлять, что по части организаціи и развитія отправленія право-

---

[1]) Засѣданія великаго совѣта обозначались иногда латинскимъ словомъ colloquium. Выраженіе „парламентъ“ употребляется въ половинѣ XII столѣтія у Отто Морена, по поводу сейма въ Ронкальи, собраннаго Фридрихомъ I, въ 1154 г. Въ Англіи къ нему впервые прибѣгаетъ Маттьё Парисъ въ 1246. Собраніе Рунимедское, на которомъ дана была великая хартія, заднимъ числомъ названо „Parliamentum Runimedae“ въ одномъ документѣ въ царствованіе Генриха III.

судія, арміи, флота и пр. авторъ исчерпываетъ вопросъ до дна: иная изъ его главъ сама по себѣ цѣлая книга, а само сочиненіе является настоящей и полной энциклопедіей о происхожденіи англійской націи и англійской политики. Источники приводятся на каждой страницѣ и въ подробности; словомъ, это вполнѣ научное произведеніе. Въ этой картинѣ есть одинъ только недостатокъ: слогъ, форма, которые часто не соотвѣтствуютъ величію содержанія. Я знаю—предметъ довольно сухъ: но я утверждаю, что истинная наука — не говорю чистая эрудиція — не исключаетъ ни изящества, ни ясности.

Оба эти качества отличаютъ Фримана, о которомъ я упомянулъ по поводу пятаго тома его исторіи «Norman Conquest». Это очень обширное сочиненіе; начало его издано было десять лѣтъ тому назадъ, а конецъ только въ 1876 г.—вотъ почему я ограничусь этимъ послѣднимъ томомъ, посвященнымъ спеціально описанію слѣдствій завоеванія. По словамъ автора, который сходится въ этомъ съ Стеббсомъ, эти слѣдствія были вполнѣ благотворны, и онъ усматриваетъ чистѣйшій романъ, вдохновленный «Ivanhoë» Вальтеръ-Скотта, въ знаменитой и замѣчательной «Исторія завоеванія Англіи» Огюстена Тьерри. Безъ сомнѣнія, этотъ послѣдній смотритъ на дѣло съ преувеличенной точки зрѣнія, и было бы смѣшно отрицать благотворныя послѣдствія норманнскаго владычества, сказавшіяся на послѣдующемъ развитіи Англіи. Но, допуская это, нельзя утверждать, что иго было очень легко для побѣжденныхъ. Вѣрю, что главнѣйшія возмущенія по смерти завоевателя всегда производились норманскими баронами, а не саксонскими theigns; но тутъ нѣтъ ничего мудренаго, такъ какъ послѣдніе были обезземелены и лишены своихъ правъ побѣдителями. Безъ сомнѣнія, наступилъ также моментъ, когда норманны слились съ англійскимъ населеніемъ, которое ихъ поглотило: но это поглощеніе совершилось не безъ привитія сильной дозы норманнской цивилизаціи.

Возьмемъ для доказательства хотя бы только языкъ. Извѣстно, что въ царствованіе Эдуарда I общественные акты писались вообще по-французски, а не по-англійски. Угадайте, какое заключеніе выводитъ изъ того Фриманъ? «Это одинъ изъ многочисленныхъ признаковъ полнѣйшаго слiянія между норманнами и англичанами,—восклицаетъ онъ.—Французскій языкъ все еще былъ роднымъ языкомъ для людей, принимавшихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, но употребленіе его не имѣло въ себѣ ничего обиднаго и не казалось больше оскорбленіемъ, наносимымъ по-

бѣдителемъ побѣжденнымъ» (Freeman, vol. V, p. 531). Надо бы просто сказать, что этотъ обычай все болѣе и болѣе распространялся по мѣрѣ того, какъ латынь выходила изъ употребленія; а главное — не слѣдовало бы намекать на то, что Вильгельмъ и его преемники ждали этого момента, чтобы писать на своемъ языкѣ общественные акты, съ единственной цѣлью пощадить англійскую щекотливость.

Замѣтьте, что надо говорить «англичане», а не «англо-саксы», и этого съ самаго начала. Это тоже одно изъ чудачествъ нашего автора: «наши предки, — говоритъ онъ, — звали сами себя англичанами съ древнѣйшихъ временъ и нелѣпо звать ихъ саксонцами». — Можетъ быть, фактъ вѣренъ, но онъ нисколько не убѣдителенъ: возьмемъ хотя бы языкъ, напримѣръ; ясно, что существуетъ разница между англо-саксонскимъ и англійскимъ языкомъ. Эта разница могла произойти лишь съ теченіемъ вѣковъ, и вполнѣ понятно, что современники Этельстана звали себя англичанами, но это не мѣшаетъ намъ по праву возстановить за ними ихъ настоящее имя англо-саксовъ. Для Фримана должно быть чистое горе, что Стёббсъ постоянно употребляетъ и чествуетъ это названіе.

Такія критическія замѣчанія нисколько не мѣшаютъ общему достоинству книги. Читатели уже знаютъ Фримана, замѣчательное сочиненіе котораго о сравнительной политикѣ было разсмотрѣно на страницахъ этого журнала [1]; это человѣкъ замѣчательной эрудиціи, вполнѣ знакомый со всѣми новѣйшими изслѣдованіями, одаренный большимъ талантомъ, какъ писатель, но слишкомъ увлекающійся легкостью и неутомимостью своего пера. Онъ ревностно отстаиваетъ и фанатически пропагандируетъ свои теоріи. Это отлично, когда теоріи вѣрны, но и въ противномъ случаѣ онъ дѣйствуетъ съ такимъ же увлеченіемъ. Онъ можетъ сказать, какъ Монтань — о всѣхъ своихъ сочиненіяхъ: «это добросовѣстныя книги». Но этого качества недостаточно, когда рѣчь идетъ о наукѣ и объ исторіи. Во всякомъ случаѣ ему будетъ многое прощено за превосходныя вещи, высказанныя имъ въ своей «Comparative Politics», гораздо лучше написанной.

Что касается матеріаловъ для исторіи «Ѳомы Бекета», то лишь мимоходомъ упомяну о нихъ для тѣхъ, которые пожелаютъ черпать изъ самыхъ источниковъ исторію Англіи. Эти три, недавно вышедшихъ тома содержатъ всѣ оригинальные, важные документы

---

[1]) См. Письмо второе въ „Вѣст. Ев.“, іюль, 1875 г.

о жизни, смерти—страстяхъ, какъ они выражаются—о чудесахъ епископа Кентербёрійскаго, написанныхъ бóльшею частію современниками. Отмѣчаю мимоходомъ слѣдующую черту католической преданности.

Рѣчь идетъ о смерти прелата, о которой повѣствуетъ Уилльямъ, кентербёрійскій монахъ, бывшій свидѣтелемъ убійства. Въ тотъ моментъ какъ предводитель убійцъ вскричалъ, обращаясь къ своимъ сподвижникамъ: «бейте!»—«Я, разсказывающій это,—говоритъ добрый Уилльямъ,—услыхавъ это слово и думая, что я также предназначенъ къ гибели, но, съ другой стороны, сознавая свою грѣховность и чувствуя себя недостаточно подготовленнымъ къ мученичеству (*minus idoneus martyrio*), я проворно поднялся по ступенькамъ и убѣжалъ».

Эти три тома принадлежатъ къ серіи, изданной на счетъ казны стараніями и подъ руководствомъ *Master of the Rolls* (начальникъ архивовъ). Начатое въ 1857 г., это изданіе дѣятельно продолжается, подъ заглавіемъ: «Medii aevi scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the middle ages». Въ числѣ недавно появившихся томовъ, надо упомянуть о сочиненіяхъ Жирò-де-Барри (*Giraldus Cambrensis*), которыя такъ интересны для изученія Ирландіи въ средніе вѣка: «Memorials of st. Dunstan», изданные Стёббсомъ и пр. Администрація, вѣроятно затѣмъ, чтобы не возбуждать ничьей зависти, поручила матеріальную сторону изданія заботамъ главнѣйшихъ лондонскихъ издателей: Трюбнера, Лонгманса и др.

Говоря выше, что не существуетъ полной исторіи Англіи, я не имѣлъ въ виду сокращенныхъ учебниковъ, которые, напротивъ того, весьма многочисленны. Ими отнюдь нельзя пренебрегать, когда они хорошо составлены, чтó, къ несчастію, бываетъ весьма рѣдко. «Исторія англійскаго народа», въ 4-хъ томахъ, Грина, заслуживаетъ всякихъ похвалъ. Пока вышелъ еще только одинъ томъ, но мы уже впередъ знаемъ, каковы будутъ и остальные, такъ какъ настоящее сочиненіе—не что иное, какъ болѣе пространное изданіе «Краткой исторіи», появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и заслужившей громадный и заслуженный успѣхъ [1]). Говорятъ даже, что авторъ гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бы не разводилъ своей превосходной маленькой книжечки на четыре in-8^0, все преимущество которыхъ состоитъ только въ томъ, что они гораздо дороже. Это мнѣніе кажется мнѣ основательнымъ. «Краткую исторію» слѣдуетъ рекомендовать какъ самое ясное и

---

1) *Green.* Short History of the English people. London: Macmillan. 1 vol. in 8°.

самое полное резюмé событій, театромъ которыхъ была Англія со времени вторженія саксонцевъ и до первыхъ годовъ XIX вѣка.

II.

1) *Lewis H. Morgan:* Ancient Society, or researches in the lives of human progress from savagery through barbarism, to civilisation. London, Macmillan. 1 vol. in 8°, 560 pages. 1877.—2) *Mac Lennan:* Studies in ancient history.— 3) *Herbert Spencer:* The principles of Sociology. London, Williams and Norgate. Vol. I. 1876.

«Самое древнее изъ всѣхъ обществъ и самое естественное,— говоритъ Ж. Ж. Руссó,—это семья... семья, значитъ, представляетъ, если хотите, первый образецъ политическихъ обществъ: глава изображаетъ отца, народъ—дѣтей, и всѣ, будучи рождены свободными и равными, стѣсняютъ свою свободу лишь ради своихъ выгодъ» [1]).

Человѣчество долгое время довольствовалось, чтó касается происхожденія общества, данными въ родѣ вышеприведеннаго. Знаменитый женевскій софистъ, ожесточенный врагъ Вольтера, Дидрó и философіи, неутомимый поборникъ спиритуалистической метафизики, не мало содѣйствовалъ сгущенію мрака и увѣковѣченію невѣжества въ этомъ отношеніи. Люди такъ привыкли видѣть прогрессивнаго человѣка въ этомъ апостолѣ теоріи *Савойярдскаго викарія,* что либеральные и великодушные умы приняли безъ всякой критики самые нелѣпые изъ его выводовъ.

Къ счастію, времена перемѣнились: къ подобнымъ бреднямъ въ настоящее время относятся не серьёзно, и тайну происхожденія общества стараются изслѣдовать научнымъ путемъ. Этому трудному дѣлу посвящены три важныхъ сочиненія, которыми мы теперь займемся.

Морганъ—американецъ: родившись въ штатѣ Нью-Йоркъ, въ 1818 году, онъ очень поздно занялся изученіемъ научныхъ вопросовъ. Но въ 1870 г. онъ съ-разу занялъ почетное мѣсто въ наукѣ, издавъ очень замѣчательное сочиненіе: «System of Consanguinity and affinity of the human family».

Макъ-Ленанъ составилъ себѣ извѣстность, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весьма интересной статьей: «Primitive marriage», статьей, перепечатанной въ книгѣ, которую онъ недавно издалъ, подъ заглавіемъ: «Ancient history».

---

1) *Contrat social.* Chap. II.

Что касается Герберта Спенсера, то онъ не нуждается въ рекомендаціи: достаточно сказать, что передъ нами VI-й томъ полной системы синтетической философіи.

«Principles of Sociology» являются продолженіемъ началъ біологіи и психологіи и составляютъ самую интересную часть произведенія, о которомъ мы поговоримъ еще подробнѣе, когда появится послѣдній томъ настоящей серіи.

Если всегда существовали метафизики и мечтатели въ родѣ Ж.-Ж. Руссо, то всегда существовали также и серьёзные люди, съ настоящимъ философскимъ умомъ и способностью обогащать сокровищницу человѣческихъ знаній. Мудрость — *Sophia*, т.-е. наука — такъ же стара, какъ и міръ, или, точнѣе сказать, какъ разумъ. Такимъ образомъ, открытія, считавшіяся новыми, не только предугадывались, но даже были намѣчены нашими славными предками, арійцами, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: теорія происхожденія религій цѣликомъ находится у Лукреція.

То же самое приходится сказать и о вопросѣ, который здѣсь разбирается: о происхожденіи общества и цивилизаціи. Несравненный учитель — *Il maestro di color che sanno* [1]) — не проходитъ его молчаніемъ, какъ большинство современныхъ писателей; онъ приступаетъ къ нему въ самомъ началѣ своей *Политики* и разрѣшаетъ знаменитымъ афоризмомъ: ἀνθρώπος φύσει πολιτικὸν ζῷον «человѣкъ по своей природѣ предназначенъ жить въ обществѣ» [2]). Затѣмъ, онъ отправляется отъ семьи, естественной и первѣйшей ассоціаціи: нѣсколько семей, соединившись, образуютъ селеніе, а изъ союза селеній возникаетъ государство, «появляющееся первоначально вслѣдствіе жизненныхъ потребностей и существующее потому, что всѣмъ имъ удовлетворяетъ».

Поставьте на мѣсто семьи — *gens*, на мѣстѣ города — *phratrie* или *curia*, на мѣсто государства или города — племя, и вы получите во всей ихъ полнотѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій. Аристотель является человѣкомъ науки и прогресса, Руссо, съ его естественнымъ бытомъ, апостоломъ невѣжества и реакціи. Вѣдь вопросъ этотъ рѣшенъ въ наши дни, и доказано, что первобытный человѣкъ, предшествовавшій всякой цивилизаціи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ тожественъ съ дикаремъ нашего времени. Впрочемъ, слово *естество*, которое кажется на первый взглядъ такимъ простымъ, всегда истолковывалось на самые различные лады. Человѣческій родъ способенъ къ усовершенствованію: про-

---

1) *Dante*. Inferno. Cant. IV, vers. 131.

2) *Aristoteles*. Politique. Livr. I. ch. I.

шедшее это доказываетъ. Настоящимъ *естественнымъ* бытомъ для человѣка будетъ, значитъ, тотъ, при которомъ онъ достигнетъ наивысшаго развитія всѣхъ своихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей. А это можетъ осуществиться лишь въ цивилизованномъ быту, и поэтому весьма вѣрно утвержденіе, что человѣкъ, по своей природѣ, «животное общественное», существо, предназначенное жить въ обществѣ.

Вотъ точный, безспорный выводъ, провозглашенный еще въ древности: новѣйшимъ ученымъ оставалось только дѣйствовать въ этомъ направленіи, слѣдовать по проторенной дорожкѣ. Задача все еще оставалась громадная; потому что, если человѣкъ и есть животное общественное, то онъ началъ съ того, что былъ такимъ же звѣремъ, какъ и всѣ остальные, и жилъ войной и насиліемъ, потому Гоббесъ основательно описываетъ человѣка какъ дикаго звѣря въ его первобытномъ состояніи: *homo homini lupus*. Нужно было, слѣдовательно, взять его въ самомъ началѣ и прослѣдить за нимъ въ его прогрессивномъ развитіи, восходя къ эпохамъ несказанной древности, отъ которыхъ не осталось иныхъ слѣдовъ, кромѣ разрозненныхъ остатковъ, зарытыхъ тамъ и самъ въ различныхъ слояхъ земной коры.

Но, къ счастію, въ настоящее время существуютъ—хотя это и можетъ показаться парадоксальнымъ — до-историческія расы; дикари одинаковы во всѣ времена: единственное различіе, какое между ними существуетъ, это то, что одни способны къ развитію и цивилизаціи, между тѣмъ какъ другіе осуждены на безвыходный застой. Основываясь на этихъ данныхъ, сэръ Джонъ Лэббокъ, Тайлоръ и другіе могли достичь того, что указали главные пункты касательно начала цивилизаціи.

Многіе факты остаются еще темными; другіе не вполнѣ выяснены. На первомъ планѣ и въ числѣ самыхъ интересныхъ надо поставить вопросъ о происхожденіи и развитіи семьи. Еще не такъ давно дѣло казалось очень просто: всѣ ссылались на *патріархальную* семью, которая все разрѣшала. Эта семья разрослась въ *gens*, а тотъ, въ свою очередь, въ государство, причемъ отецъ, затѣмъ глава, сталъ королемъ.

Наконецъ, замѣчено было, что эта теорія оставляетъ безъ объясненія пропасть фактовъ. Напримѣръ, патріархальная семья признаетъ прежде всего родство только въ мужскомъ колѣнѣ: если она и признаетъ дочерей членами семьи, то все же главной родственной связью съ дѣтьми служитъ отецъ, а не мать. Между тѣмъ, въ безчисленныхъ случаяхъ мы видимъ племена и цѣлыя націи, у которыхъ вначалѣ существовало родство лишь

въ женскомъ колѣнѣ—то, что англичане называютъ: *female kinship*. Въ настоящее время у дикарей западной Австраліи, у громаднаго большинства индійцевъ Сѣверной Америки дѣти принадлежатъ материнскому роду. Нѣтъ сомнѣнія, что такой же порядокъ существовалъ и у первобытныхъ грековъ, и у народовъ Малой-Азіи. Геродотъ утверждаетъ, что такъ было у ликійцевъ. «Они принимаютъ,—говоритъ онъ,—имя матери, а не отца, и если у нихъ спросятъ свѣдѣнія объ ихъ семьѣ, они немедленно перечислятъ свою генеалогію, упоминая единственно лишь о женщинахъ» (*Геродотъ*, I, 173). Повидимому, такъ же было и у аѳинянъ въ первобытныя времена: знаменитый споръ между Орестомъ и фуріями въ третьей части великой трилогіи Эсхила нисколько не противорѣчитъ этому предположенію. Когда сынъ Клитемнестры оспариваетъ утвержденіе Эвменидъ и объявляетъ, «что въ немъ нѣтъ крови его матери», то онъ высказываетъ новое, преувеличенное въ противномъ смыслѣ мнѣніе, замѣнившее древнюю идею объ исключительномъ родствѣ съ матерью [1]).

Мало того: если размыслить хорошенько, если сказать себѣ, что существовало время—и это вполнѣ доказано—когда царствовало самое безграничное кровосмѣшеніе, то непремѣнно признаешь, что система родства по женскому колѣну должна была быть въ извѣстную эпоху повсемѣстной; потому что если, какъ говоритъ Бридуазонъ, «*on est toujours le fils de quelqu'un*», то этотъ фактъ никогда не бываетъ сомнительнымъ и вовсе не труденъ для разъясненія, что касается матери; относительно отца—иное дѣло. Бахофенъ основалъ на этомъ свою теорію трехъ состояній, изложенныхъ въ книгѣ, отличающейся самой изумительной эрудиціей и озаглавленной «Das Mutterrecht»: первобытное состояніе есть собственно кровосмѣшеніе, которое авторъ называетъ черезъ-чуръ поэтическимъ и утонченнымъ названіемъ *гетеризма*. Женщины, недовольныя такимъ положеніемъ дѣлъ, въ концѣ-концовъ возмутились и установили систему брака, въ которой мужчины подчинены имъ, а имя и наслѣдство переходитъ въ женское колѣно: наступило торжество и повсемѣстное господство амазонокъ—второе состояніе. Наконецъ, въ третьей стадіи, трансцендентальное и отвлеченное значеніе отца беретъ верхъ надъ болѣе матеріальнымъ вліяніемъ матери: и отсюда рождается система, существующая и по наше время. Критика чувствуетъ себя обезоруженной

---

[1]) См. любопытный отрывокъ Варрона, приводимый Св. Августиномъ („De civitate Dei", lib. 18, cap. 9), въ которомъ онъ разсказываетъ, что послѣ спора между Посейдономъ и Аѳиной дѣти перестали носить имя матери (*Mac Lennan*, p. 292, 19).

передъ этимъ громаднымъ трудомъ, этой сокровищницей любопытнѣйшихъ фактовъ, заимствованныхъ у древнѣйшихъ и у новѣйшихъ временъ и собранныхъ въ этомъ объемистомъ in-4⁰ въ два столбца; но трудно, однако, не улыбнуться въ виду диковинной идеи — чтобы не сказать больше — женскаго первенства и всеобщаго преобладанія амазонокъ.

На ряду съ общимъ фактомъ *female kinship* стоитъ другой, не менѣе общій: я говорю про *бракъ* путемъ *умыканія невѣстъ*, существующій и понынѣ у многихъ дикихъ племенъ. Извѣстно, какъ поступаетъ австраліецъ, когда заберетъ въ голову жениться: онъ бродитъ вокругъ поселка другого племени и какъ только замѣтитъ какую-нибудь дѣвушку, отдалившуюся отъ остальныхъ жителей, такъ немедленно бросается къ ней, оглушаетъ ее ударомъ въ голову и тащитъ за волосы въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ терпѣливо дожидается, чтобы его импровизованная *невѣста* пришла въ себя. Послѣдняя находитъ вполнѣ естественнымъ наградить такое доблестное предпріятіе и сдается во власть своего побѣдителя — и вотъ бракъ заключенъ.

У многихъ народовъ повторяется то же самое, хотя и не въ такой варварской простотѣ, но обставлено нѣкоторыми формами и церемоніями, завѣщанными первобытными временами. У кхудовъ въ Индіи, въ Бразиліи, въ Чили, у каффровъ, у тунгузовъ, калмыковъ и черкесовъ существуютъ церемоніи, въ которыхъ женихъ дѣлаетъ видъ, что похищаетъ невѣсту. Олафъ Магнусъ сообщаетъ о такихъ же обычаяхъ среди литовцевъ и ливонцевъ [1]). Съ другой стороны, Макъ-Леннанъ не сомнѣвается, что легенда о похищеніи сабинянокъ передаетъ традицію о первобытной системѣ брака путемъ умыканія, существовавшей у римлянъ (*Макъ-Леннанъ*, стр. 671). Въ Спартѣ, по словамъ Плутарха, всегда представляли похищеніе невѣсты и пр. Даже англійскій обычай, по которому женихъ немедленно увозитъ свою молодую жену послѣ брачной церемоніи, считается отголоскомъ традицій этого рода.

Но на этомъ пути можно зайти очень далеко: и увидѣть, напримѣръ, въ похищеніи Елены символъ того же рода. Безъ сомнѣнія, безусловно отрицать этого нельзя, но ни одному еще Донъ-Жуану не приходило въ голову прикрыть свои поступки плащомъ традиціи и утверждать, что онъ только вѣренъ системѣ брака черезъ умыканіе первобытныхъ народовъ. Вотъ къ какимъ нелѣпостямъ можно придти, отступивъ отъ условій чисто-научной

---

1) Historia de gent. septent. Lib. XIV, cap. 9.

гипотезы. Точно будто приключенія Елены, Менелая и Париса не выражаютъ собой вѣчной исторіи *женатаго* человѣчества, доисторическаго или историческаго—все равно, точно будто это не первое и классическое изданіе «La femme, le mari et l'amant» знаменитаго и правдиваго Поль-де-Кока!

Какъ бы то ни было, а нужно было найти объясненіе этимъ древнимъ и почти всеобщимъ обычаямъ: родству черезъ женщинъ и браку путемъ умыканія. Такъ какъ вышеприведенная теорія Бахофена оказывалась со всѣхъ сторонъ несостоятельной, то пытались придти къ болѣе серьёзнымъ выводамъ. Въ этомъ отношеніи и, чтó бы о томъ ни думали Гербертъ Спенсеръ, сэръ Джонъ Лэббокъ и Морганъ, пальма первенства принадлежитъ, по моему мнѣнію, Макъ-Леннану. Создавъ слова *Exogamie* и *Endogamie*, онъ въ то же самое время познакомилъ съ диковинными обычаями, выражаемыми этими словами. У многихъ австралійскихъ племенъ, у краснокожихъ Сѣверной Америки, запрещено членамъ одного племени или, лучше сказать, одного *gens*, вступать въ бракъ между собой: они должны искать себѣ женъ на сторонѣ (*exogamie*). Подобные же факты наблюдались и кхудовъ въ Ориссѣ, у юракскихъ самоѣдовъ, у каффровъ (*Макъ-Леннанъ*, стр. 74); затѣмъ Тайлоромъ — въ Сіамѣ, въ Борнео и въ Суматрѣ, и у остяковъ. Въ извѣстную эпоху и въ извѣстныхъ границахъ такое же правило существовало и у католиковъ. Григорій I запрещаетъ бракъ между родными, въ какомъ бы то ни было колѣнѣ, лишь бы родство было доказано. Это чистая *экзогамія*.

Что между экзогаміей и бракомъ путемъ умыканія существуетъ связь—этого никакъ нельзя отрицать. Какъ скоро бракъ между членами одного племени, одного *totem*, говоря на языкѣ краснокожихъ, запрещенъ, такъ необходимо является похищеніе женщинъ: ясно, напримѣръ, чтó у ирокезовъ, которыхъ такъ хорошо изучилъ Морганъ, — если «Сѣрые Волки», «Медвѣди», «Большія Черепахи» не могли вступать въ бракъ между собой, то эти племена необходимо должны были взаимно похищать своихъ женъ. Впрочемъ, экзогамія и бракъ путемъ умыканія или, по крайней мѣрѣ, традиціи этого обычая существуютъ совмѣстно и у большинства вышеупомянутыхъ народовъ.

Но по какой причинѣ, въ силу чего дикія орды приходятъ къ тому, что издаютъ законы, приравнивающіе къ кровосмѣшенію бракъ между членами одного племени, — законы, нарушеніе которыхъ зачастую наказывалось смертію? Потому что мы имѣемъ тутъ *законъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, и заслуга Макъ-Леннана въ томъ и заключается, что онъ доказалъ его су-

ществованіе. Морганъ и Гербертъ-Спенсеръ напрасно отрицаютъ важность этого открытія, и, по правдѣ сказать, досадно видѣть, что личныя чувства и дурно направленный эгоизмъ замѣшиваются въ священное дѣло науки и истины. Возможно, что смѣлые воины похищали себѣ женъ и гордились этимъ, какъ побѣднымъ трофеемъ: но чтобы такіе подвиги перешли въ обычай и стали затѣмъ закономъ—этого никогда не докажетъ Гербертъ-Спенсеръ, несмотря на весь свой авторитетъ. Что касается Моргана, то онъ отвергаетъ терминъ экзогаміи безъ всякой причины: онъ допускаетъ, онъ доказываетъ фактъ, который объясняетъ своей системой *единокровной семьи.* Экзогамія, называемая имъ «tribal organisation», была реформой и въ то же самое время протестомъ противъ системы брака между братомъ и сестрой. Самъ Гербертъ-Спенсеръ придаетъ извѣстное значеніе чувству женской стыдливости, игравшему будто бы роль въ происхожденіи этихъ доисторическихъ обычаевъ: это очень любезно, но недостаточно серьёзно. Мюллеръ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о дорійцахъ, высказалъ подобное же мнѣніе по поводу мнимаго похищенія женщинъ въ спартанскихъ брачныхъ церемоніяхъ. «Трудно было бы, — говоритъ основательно Макъ-Леннанъ, — указать на какое-нибудь первобытное племя, въ которомъ застѣнчивость молодыхъ женъ обусловливала бы необходимость прибѣгать къ насилію (*Макъ-Леннанъ*, стр. 16).

Сэръ Джонъ Лэббокъ въ своемъ «Origins of Civilisation» предлагалъ другое объясненіе. Онъ предполагаетъ существованіе въ началѣ того, что онъ называетъ *communal marriage*». Всѣ женщины принадлежатъ сообща, какъ и всѣ имущества, всѣмъ членамъ племени. Между тѣмъ, когда какой-нибудь воинъ похищалъ жену у сосѣдняго племени, она принадлежала только ему одному и никому болѣе. Такъ какъ это показалось пріятнымъ, то мало-по-малу установился обычай брака, путемъ умыканія, и экзогамія.

Ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ объяснить существованія самаго факта и его всеобщность. Макъ-Леннанъ предлагаетъ въ своей книгѣ идею, которая представлялась болѣе серьёзной: дѣтоубійство есть искомая причина. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что дикари съ замѣчательной безцеремонностью истребляютъ своихъ новорожденныхъ дѣтей—въ особенности дѣвочекъ, такъ какъ послѣднія считаются болѣе стѣснительными, нежели мальчики. Отсюда проистекаетъ большой недочетъ въ женщинахъ, и за ними приходится охотиться по сосѣднимъ племенамъ: отсюда также и *поліандрія*, т.-е. союзъ одной женщины съ нѣсколькими

мужчинами. Но Макъ-Ленаннъ, повидимому, самъ отказался отъ этого объясненія, которое считаетъ теперь недостаточнымъ [1]) и обѣщаетъ намъ болѣе полное рѣшеніе не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Такимъ образомъ, и у этого автора, самаго обстоятельнаго на этотъ счетъ, недостаетъ основанія, начала. Морганъ пополняетъ пробѣлъ: онъ начинаетъ съ ужасно отдаленныхъ временъ, относящихся къ ледяному періоду, къ *«promiscuous intercourse»*, слѣпому смѣшенію половъ, переходитъ къ единокровной семьѣ или союзу между братьями и сестрами, и приходитъ, проходя черезъ нѣсколько промежуточныхъ степеней, которыя было бы слишкомъ долго перечислять, къ патріархальной семьѣ, затѣмъ, наконецъ, къ моногаміи. Гербертъ-Спенсеръ не признаетъ никакого строгаго преемственнаго порядка; впрочемъ, выводовъ своихъ онъ не даетъ въ настоящемъ томѣ. Надо подождать слѣдующаго, хотя неопредѣленность его теперешнихъ данныхъ не обѣщаетъ окончательнаго вывода.

А между тѣмъ, онъ нуженъ: безъ него и вопреки утвержденіямъ позитивистовъ невозможна никакая соціологія. Мнѣ кажется, что, опираясь на интересныя и глубокія изслѣдованія этихъ различныхъ писателей и тщательно избѣгая ревнивой исключительности, ихъ отличающей, можно составить научную формулу развитія семьи, а слѣдовательно, и общества. Сперва въ самомъ началѣ должны были существовать ассоціаціи мужчинъ и женщинъ, жившихъ попарно въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ это мы видимъ у многихъ животныхъ: есть обезьяны, живущія попарно, и всѣмъ извѣстна супружеская вѣрность аистовъ. Въ этомъ сожитіи попарно играетъ роль инстинктъ. То былъ періодъ *временной моногаміи.*

Затѣмъ наступаетъ второй періодъ *кровосмѣшенія.* Далѣе, человѣкъ возвышается нѣсколько надъ состояніемъ животнаго, и въ его мысляхъ совершается нѣкоторый прогрессъ: его начинаютъ озабочивать дѣти; онъ спрашиваетъ себя—чьи они. Отвѣтъ внѣ сомнѣнія: одна только мать извѣстна. Отсюда возникаетъ *третій періодъ*, характеризуемый тѣмъ, что Бахофенъ не совсѣмъ точно называетъ правомъ матери: это—эпоха преобладанія *«female kinship»*, которую можно считать первымъ шагомъ въ отступленіи отъ безусловно дикаго состоянія. Тогда образуется первобытный *gens*, тотъ, который ведетъ свое потомство въ женской

---

[1]) См. статью, подъ заглавіемъ „Endogamy and Exogamy“, въ „Fortnightly Review“, June, 1877.

линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается обычай, впослѣдствіи законъ *экзогаміи*; дѣтоубійство ли вызываетъ недочетъ въ женщинахъ, который былъ бы во всякомъ случаѣ недостаточной причиной для объясненія этого явленія, или реакція происходитъ противъ брака между братьями и сестрами, не въ силу цѣломудрія, чувства искусственнаго и новѣйшаго происхожденія, но скорѣе въ силу не особенной привлекательности подобныхъ браковъ, причемъ члены одного *gens*, нося одно и то же имя, считались братьями и сестрами. Въ этомъ третьемъ періодѣ, длившемся весьма долго, существовала также и *поліандрія*.

Но сама поліандрія насчитываетъ нѣсколько ступеней: первою, самой грубою, является та, когда мужья не родня между собой: что́ до сихъ поръ существуетъ у нейровъ (Nairs) Малабара, а также и у коніагасовъ Сѣверной Америки. У этихъ послѣднихъ женщина можетъ имѣть двухъ мужей: одинъ глава или главный супругъ, другой простой адъюнктъ, дѣйствующій въ качествѣ мужа и властелина только въ отсутствіе настоящаго главы. Когда этотъ послѣдній возвращается въ домъ, онъ не только уступаетъ ему свое мѣсто, но дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ его слугой [1]).

Предположимъ теперь, что мужья—братья и владѣютъ женщиной въ своемъ собственномъ жилищѣ; отъ этого возникаетъ важный фактъ. Отнынѣ становится извѣстенъ если не отецъ, то по крайней мѣрѣ *кровь* отца,—вотъ поворотный пунктъ, съ котораго все пойдетъ по новому. Хотя совсѣмъ безполезно восторгаться надъ чудесами этого новаго, отвлеченнаго вліянія, или дивиться высокому мужеству человѣка, который первый сказалъ: «этотъ новорожденный моей крови!» въ ожиданіи, пока онъ воскликнетъ: «то мой ребенокъ!» Природа не подготовляетъ такихъ театральныхъ эффектовъ, но ея дѣло не менѣе прекрасно и удивительно отъ того, что все совершается медленно и постепенно.

Эта форма поліандріи существуетъ и понынѣ въ Тибетѣ. Она существовала нѣкогда и въ Индіи; это несомнѣнно: невозможно иначе истолковать прелестный эпизодъ брака пятерыхъ братьевъ Пандавасъ съ прекрасной Драупади въ Магабхаратѣ. По мнѣнію Макъ-Леннана, она господствовала у первобытныхъ евреевъ, древнихъ персовъ и пр. (*Макъ-Леннанъ*, стр. 809). Не утверждая, что она была повсемѣстна, какъ онъ говоритъ, слѣдуетъ признать, что она была очень распространена, и въ большинствѣ случаевъ служила связью между старинной системой

---

[1]) *Bancroft*. Native races of the Pacific, t. I, p. 81.

родства черезъ женщинъ и противоположной системой. Во всякомъ случаѣ она составляла переходное звено: съ помощью идеи и чувства собственности приходимъ къ *двумъ послѣднимъ періодамъ*, во время которыхъ семья основана на прочномъ основаніи права и власти отца: я говорю о *полигаміи* и *моногаміи*.

Итакъ, мы видимъ, что племя, затѣмъ *gens*, предшествовали семьѣ, главнымъ образомъ, въ семьѣ арійскихъ народовъ; линія потомства измѣнялась постепенно изъ женской въ мужскую, откуда произошла генеалогія по мужскому колѣну, существовавшая у римлянъ. Реакція была не менѣе сильна и въ Греціи, гдѣ мы видимъ, что Орестъ отрицаетъ даже, чтобы въ его жилахъ текла кровь его матери, и отнынѣ отецъ занялъ первенствующую роль, отведенную ему въ правильномъ и естественномъ развитіи вещей. Въ книгѣ Моргана находятся обильныя подробности въ постепенномъ превращеніи *gens* и семьи въ Греціи и Римѣ. Я могу только указать на источникъ, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что въ такихъ важныхъ, столь необходимыхъ сочиненіяхъ, какъ тѣ, которыя я только-что разбиралъ, форма недостаточно отдѣлана. Попадаются во множествѣ повторенія, неясности, противорѣчія, и вообще не приложено послѣдняго старанія, весьма тяжкаго, я это знаю, но безъ котораго могутъ быть только наброски, вмѣсто совершеннаго и законченнаго произведенія, какого читатель въ правѣ ожидать и требовать.

III.

1) *D-r Schliemann:* Mycenae, a narrative of researches and discoveries at Mycena and Liryns, the preface by the right hon. W. E. Gladstone, with maps and illustrations. London. Murray. 1 vol. 8°, 384 pages. 1878. — 2) *General di Cesnola:* Cyprus, its ancient cities, tombs and temples, with maps and illustrations. London. Murray. 1 vol. 8°; 448 pages. 1877.

16 (28) ноября 1876 года греческій король получилъ отъ д-ра Шлимана слѣдующую телеграмму изъ Микенъ: «Съ чрезвычайной радостью возвѣщаю вашему величеству, что я открылъ гробницы, въ которыхъ, по преданію, на какое указываетъ Павзаній, схоронены Агамемнонъ, Кассандра, Эвримедонъ и ихъ товарищи, всѣ убитые за пиршествомъ Клитемнестрой и ея любовникомъ Эгистомъ. Они были окружены двойнымъ обручемъ параллельныхъ пластинокъ, которые могли быть сооружены лишь въ честь вышеназванныхъ высокихъ особъ. Я нашелъ въ гробницахъ кучу сокровищъ по части архаическихъ предметовъ изъ

чистаго золота. Однихъ этихъ сокровищъ достаточно для наполненія цѣлаго музея, который будетъ самымъ чудеснымъ въ мірѣ и въ продолженіи многихъ грядущихъ вѣковъ будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностранцевъ. Такъ какъ я работаю только изъ любви къ наукѣ, то, разумѣется, не имѣю ни малѣйшаго притязанія на эти сокровища и съ живымъ восторгомъ уступаю ихъ Греціи. Дай Богъ, чтобы эти сокровища послужили краеугольнымъ камнемъ громаднаго національнаго богатства».

Д-ръ Шлиманъ весь въ этихъ строкахъ, слишкомъ наивно восторженныхъ въ своемъ преувеличеніи, чтобы не быть безусловно искренними. Но вѣдь за то, какой это счастливый смертный! и какъ не извинить эту необузданную радость! Вотъ человѣкъ, помѣшавшійся на Иліадѣ и Одиссеѣ: богатый, нажившій состояніе собственными трудами, онъ сказалъ себѣ, что отыщетъ мѣстá, прославляемыя въ несравненныхъ поэмахъ. Сказано — сдѣлано, точно въ волшебныхъ сказкахъ. Онъ отправляется въ Гиссарликъ, роется въ землѣ и отрываетъ Трою. Этого ему мало: найдя пропасть горшковъ и другихъ предметовъ, представляющихъ болѣе или менѣе грубо изображеніе совы, онъ, не колеблясь, признаетъ въ нихъ изображеніе γλαυκῶπις 'Αθένη и спѣшитъ возвѣстить, что найдетъ въ Пелопоннезѣ фигурки съ коровьей головой, изображающія "Ηρη βοῶπις или волоокую Юнону. Немедленно отправляется онъ въ Микены, приступаетъ къ раскопкамъ и находитъ не только фигурки съ коровьими головами, но цѣлыхъ коровъ и, сверхъ того, бренные останки Агамемнона, Кассандры и *tutti quanti*, которыхъ отправила въ свое время на тотъ свѣтъ—эта типичная прелюбодѣйка, буйная Клитемнестра съ помощью своего любовника Эгиста. *Audaces fortuna juvat!* Никогда еще эта пословица не получала болѣе блистательнаго подтвержденія.

Но общій законъ въ здѣшнемъ мірѣ таковъ, что за великой удачей всегда слѣдуетъ неудача. Многіе отказались вѣрить въ подобныя находки, и не одинъ критикъ свысока отнесся — *horresco referens!* — къ Агамемнону, его бреннымъ останкамъ и всему прочему. Д-ръ Шлиманнъ ухудшилъ дѣло, благодаря своему отличительному качеству, которое не есть скромность. Съ своей стороны, я ни гроша не дамъ за это притворное уничиженіе, которое въ такой модѣ нынче, а сквозь него безпрестанно проглядываютъ ничѣмъ неоправдываемыя претензіи; это отличительная черта посредственности. Но нельзя же самому себѣ говорить комплименты, и въ особенности въ спорныхъ вопросовъ вредишь своей репутаціи, когда притягиваешь за волосы выводы, не подкрѣпляя ихъ достаточными доказательствами.

Счастливый докторъ придумалъ весьма неудачно просить предисловія у Гладстона, которому посвятилъ свою книгу, безъ сомнѣнія, изъ благодарности. Если есть человѣкъ безвозвратно-погибшій, какъ въ политикѣ, такъ и въ археологіи, то это какъ-разъ этотъ эксъ-государственный человѣкъ, авторъ статей о Гомерѣ, въ настоящее время болѣе извѣстный подъ именемъ «Гоуарденскаго дровосѣка». И въ какую минуту ловитъ его д-ръ Шлиманнъ! какъ-разъ въ ту минуту, когда вышеупомянутый *scholar* напечаталъ въ «Contemporary Review» мемуаръ о генеалогіи Ирисы Гомера, этой граціозной служанки боговъ, производя ее изъ 9-ой главы Бытія. Уже не мало имѣлось образчиковъ маніи Гладстона отыскивать въ греческой миѳологіи слѣды откровенія. Но это уже показалось черезъ-чуръ нелѣпымъ, и вся пресса покатилась со смѣха.

Одушевленный подобными стремленіями, авторъ предисловія не преминулъ раздуть рискованныя гипотезы ученаго изслѣдователя. Напримѣръ, этотъ послѣдній нашелъ въ одной изъ гробницъ, открытыхъ въ Микенахъ, трупъ-мумію, превосходно-сохранившійся, съ щеками, вѣками, которыя отлично видны, съ раскрытымъ ртомъ, гдѣ сидятъ всѣ тридцать-два зуба. «Плачевнѣе всѣхъ была смерть Кассандры», говоритъ Гладстонъ, «которую Клитемнестра убила своей рукой, въ то время какъ она цѣплялась за колѣни Агамемнона; она не оказала даже своему мужу послѣдней услуги: закрыть ротъ и глаза мертвецу. Удивительное дѣло! Д-ръ Шлиманнъ увѣряетъ меня, что правый глазъ (трупа, о которомъ идетъ рѣчь) не вполнѣ закрытъ, тогда-какъ зубы верхней челюсти тоже не притиснуты къ зубамъ нижней. Это можно приписать, по его мнѣнію, тяжести, давившей на нихъ. Но если бы отъ этой тяжести дѣйствительно открылись челюсти, то отверстіе, по всей вѣроятности, было бы гораздо значительнѣе» (Mycenae, p. XXXVII). Отсюда выводится, что, по всей вѣроятности, мумія, представленная на стр. 297, ничья иная, какъ сына Атрея, короля людей — ἄναξ ἀνδρῶν — Агамемнона. Въ этомъ отношеніи его можно только поздравить съ тѣмъ, что ему такъ счастливо удалось сохранить всѣ свои зубы, послѣ долгой, боевой жизни, не считая послѣдняго удара, какимъ его почтили; а его почтили, — такъ говоритъ Гомеръ, — тѣмъ самымъ способомъ, какимъ убиваютъ быка на бойнѣ: ὥς τίς τε κατέκτανε βοῦν ἐπὶ φάτνῃ [1]). Но, высказавъ это, остережемся подражать возмутительной несправедливости и безцеремонности нѣкоторыхъ критиковъ, усматриваю-

[1]) *Одиссея*, IV, ст. 335.

щихъ во всѣхъ открытіяхъ д-ра Шлиманна одинъ предлогъ къ нескончаемымъ шуткамъ Чтб забавно, такъ это теорія Гладстона и въ нѣкоторой мѣрѣ самого доктора; но, помимо всякихъ толкованій, фактъ остается на лицо, и не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ съ такимъ авторитетомъ, какъ м-ръ Ньютонъ, изъ Британскаго музея, напечаталъ въ «Times» полный отчетъ о микенскихъ раскопкахъ и отводитъ имъ значительное мѣсто въ археологической исторіи Греціи.

Что до меня касается, то меня особенно поражаетъ одинъ фактъ: увѣренность, съ какой д-ръ Шлиманнъ, послѣ того, какъ открылъ идоловъ съ совиной головой въ Гиссарликѣ, сталъ утверждать, что въ Микенахъ, въ Арголидѣ, вѣрной Юнонѣ, онъ откроетъ идоловъ съ коровьей головой, символомъ богини «Boôpis», т.-е. Юноны, подобно тому, какъ первые характеризовали богиню *Glaukôpis,* Минерву. И, дѣйствительно, онъ нашелъ ихъ множество, превосходно нарисованныхъ въ его книгѣ: я видѣлъ два или три образчика въ музеѣ *South Kensington*, гдѣ они выставлены вмѣстѣ съ троянскими древностями. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ изображаютъ настоящихъ коровъ, очень грубо сдѣланныхъ; въ другихъ случаяхъ это маленькія статуэтки еще грубѣйшей работы, въ которыхъ можно признать женскія очертанія. Голова изображается шарикомъ; на одной сторонѣ его пальцами выдавлено что-то въ родѣ носа; на уровнѣ съ плечами виднѣются два придатка, закругленныхъ въ формѣ полумѣсяца, которые авторъ выдаетъ намъ за рога — а все это, вмѣстѣ взятое, изображаетъ, по его мнѣнію, Юнону. Между тѣмъ въ важной коллекціи глиняныхъ горшковъ и другихъ вещей, имѣющейся въ Британскомъ музеѣ и найденной на островѣ Родосѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ двѣ или три фигурки точь-въ-точь такія, какъ двѣ вышеописанныхъ. Я не хочу сказать, что д-ръ Шлиманнъ вывелъ заключенія на основаніи этихъ фигурокъ, которыя, быть-можетъ, были ему неизвѣстны; но во всякомъ случаѣ, это сильно уменьшаетъ значеніе его открытія, по-крайней-мѣрѣ въ томъ отношеніи, что отнимаетъ у него всякій спеціальный и мѣстный характеръ.

Съ другой стороны, такъ-называемые рога вышеупомянутыхъ статуэтокъ, кажется, просто-на-просто руки, которыя сдѣланы не лучше носа и всего остального. Въ сочиненіи генерала Чеснола мы найдемъ такія же статуэтки [1]), но менѣе грубыя, и въ нихъ можно очень ясно признать руки, хотя на первый взглядъ

[1]) *Cyprus*, planche VI.

и на нѣкоторомъ разстояніи эти придатки, загнутые вверхъ съ каждой стороны, могутъ быть приняты за рога. Быть можетъ, что Юнона грековъ имѣетъ много общаго съ Изидой, съ головой коровы, у египтянъ: «Гомеръ,—говоритъ Гладстонъ,—выбралъ въ числѣ аттрибутовъ рогатой породы тотъ, который наилучше отвѣчалъ его цѣли, и надѣлилъ Юнону, такъ какъ она никогда не была особенно умной богиней, спокойными большими глазами коровы» (Mycenae, p. VII). Это, быть можетъ, правда, хотя и не особенно лестная для супруги величественнаго Юпитера: во всякомъ случаѣ вопросъ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Но возвратимся къ великому открытію сокровищъ и гробницъ: Павзаній во второй книгѣ, глава 16, своего сочиненія говоритъ такъ: «Тамъ (среди развалинъ города Микены) находится гробница Атрея и спутниковъ Агамемнона, которые, по возвращеніи изъ Трои, были убиты на пиршествѣ Эгистомъ... Тамъ есть гробница Агамемнона, возницы Эвримедона и Электры». Микены, древняя столица Аргосскаго королевства, была разрушена въ 468 г. до Р. Х., если вѣрить тому же Павзанію. Но тутъ есть очевидная ошибка: Эсхилъ, жившій почти въ эту самую эпоху, повидимому, и не подозрѣваетъ о существованіи этого города. Говорили, что онъ изъ политическихъ причинъ отдалъ предпочтеніе Аргосу въ своей трагедіи «Агамемнонъ», тогда какъ у Гомера сцена убійства происходитъ, какъ и слѣдовало, въ столицѣ, т.-е. въ Микенахъ. Во всякомъ случаѣ два другихъ великихъ трагика, Софоклъ и Эврипидъ, различающихъ эти два города, повидимому, не имѣютъ о нихъ очень яснаго представленія. Разрушеніе Микенъ совершилось, должно быть, гораздо раньше.

Какъ бы то ни было, д-ръ Шлиманнъ заключаетъ изъ замѣчаній Павзанія, что могилы находились въ оградѣ Акрополя. Онъ произвелъ раскопки въ этомъ направленіи на глубинѣ около тридцати футъ, и имѣлъ счастіе найти покои, пробитые въ скалѣ, пять могилъ, содержащія пятнадцать труповъ различнаго возраста и различнаго пола. Вмѣстѣ съ тѣмъ было найдено всякаго рода оружіе, вазы, драгоцѣнные уборы, золотыя маски, изображающія человѣческія лица и надѣтыя на лица труповъ, и большія тонкія пластинки тоже изъ золота, облекающія ихъ грудь, не считая множества колецъ и другихъ драгоцѣнностей, тоже изъ массивнаго золота. Это въ самомъ дѣлѣ Микены *Polychrysas* гомеровскихъ поэмъ, «ditesque Mycenas» Горація.

Въ великолѣпной и дорогой книгѣ, изданной Джономъ Мурраемъ, мы найдемъ точное описаніе и изображенія всѣхъ этихъ

сокровищъ, перечислять которыя было бы слишкомъ долго. Но самъ собой возникаетъ вопросъ, требующій непремѣнно отвѣта. Оставляя въ сторонѣ Агамемнона, Кассандру и волоокую Юнону, спросимъ, къ какой эпохѣ принадлежатъ всѣ эти интересные остатки? Лучше всего будетъ, если я приведу заключеніе изъ замѣчательнаго отчета м-ра Ньютона, затерявшіяся въ громадной кипѣ «Times» за 1877 г.

«Разборъ не только самыхъ сокровищъ, — говоритъ ученый археологъ,—но и фактовъ, относящихся къ ихъ открытію, заставляетъ меня думать, что если не всѣ, то большинство предметовъ, найденныхъ въ могилахъ, принадлежатъ эпохѣ, предшествующей 800 г. до Р. X. Это произвольное число; но я разсуждаю на основаніи такой весьма законной гипотезы: періодъ, который можно назвать *греко-финикійскимъ*, продолжается отъ первой Олимпіады, или немного раньше 560 г. до Р. X. Въ продолженіи этого періода, греки ближе познакомились съ египетскимъ и ассирійскимъ искусствомъ, черезъ посредство финикіянъ на морѣ и лидійцевъ на азіатскомъ континентѣ. Мы находимъ тогда, вмѣстѣ съ греческимъ архаическимъ искусствомъ, финикійскія и египетскія глиняныя издѣлія, драгоцѣнные разные каменья изъ Ассиріи и ювелирныя произведенія, показывающія большое искусство въ рѣзьбѣ и плавкѣ металловъ. Анатомія, строеніе человѣческаго тѣла и животныхъ, гораздо лучше наблюдается въ нихъ, нежели въ предметахъ, найденныхъ въ микенскихъ гробницахъ. Въ этотъ періодъ Дедалъ, или, выражаясь другими словами, геній азіатской цивилизаціи, повидимому, привилъ грубымъ предкамъ эллинской расы живительные соки, изъ которыхъ должно было развиться будущее искусство» («Times», апрѣль 20, 1877).

Пока я довольствуюсь протестомъ противъ радикально ошибочнаго вывода, заключающагося въ послѣдней фразѣ, и остановлюсь только на слѣдующемъ фактѣ: древности микенскія восходятъ раньше 800 г. до Р. X., и, слѣдовательно, раньше греко-финикійскаго періода нашего автора. Это уже важный пунктъ: но вопросъ все еще остается нерѣшеннымъ. Другой ученый, Стюартъ Пуль, корреспондентъ французской академіи наукъ, полагаетъ, что можетъ высказать болѣе точныя данныя. Но тутъ необходимо упомянуть о самомъ любопытномъ предметѣ въ этой коллекціи: о золотомъ кольцѣ, найденномъ возлѣ гробницы, и на которомъ выгравированы удивительныя фигуры, не похожія ни на какія доселѣ извѣстныя (Mycenae, 334, № 530). Подъ деревомъ, въ которомъ одни признаютъ пальму, а другіе виноградную лозу, сидитъ женщина и держитъ въ лѣвой рукѣ три ма-

ковыхъ головки: она, повидимому, предлагаетъ ихъ другой женщинѣ, а между ними двумя находится еще третья фигура, тоже женская, поменьше первыхъ, и предлагаетъ цвѣтокъ первой. Совсѣмъ направо стоитъ четвертая женщина и держитъ цвѣты. Наконецъ, на лѣвой сторонѣ съ края находится еще маленькая фигурка, какъ будто рвущая плоды и протягивающая руки къ выше названному дереву. Надъ ними изображены солнце и луна, затѣмъ волнистая линія, представляющая море: по срединѣ два обоюдоострыхъ топора. У одной изъ фигуръ висятъ длинныя косы по плечамъ и у всѣхъ надъ лбомъ двѣ или три букли, похожія на хохолокъ какаду.

Стюартъ Пуль усмотрѣлъ въ этомъ сходство съ однимъ египетскимъ рисункомъ временъ Тотмеса III (XV вѣкъ до Р. Х.), найденномъ въ одной гробницѣ въ Ѳивахъ и на которомъ изображены обитатели *Кефы*: этимъ именемъ обозначаются «острова посреди большого моря». Д-ръ Бёрчъ не безъ основанія находитъ тожество между *Кефой* и *Кипромъ*. Заглянувъ же въ рисунокъ IV, т. I книги Уилькинсона «The ancient Egyptians», мы можемъ удостовѣриться, что обитатели Кефы представлены съ длинными косами и съ этими же диковинными хохолками волосъ надъ лбомъ. Но костюмъ, кажется, не одинаковый: съ другой стороны, въ рисункѣ фигуръ, выгравированныхъ на кольцѣ Микенскомъ, замѣчается та округлость формъ, тѣ изящныя, хотя и нѣсколько произвольныя, очертанія, какія характеризуютъ рисунки на вазахъ, найденныхъ на островѣ Родосѣ, и позднѣе встрѣчаемые въ усовершенствованномъ видѣ у грековъ переходной эпохи, около 500 г.

Г-нъ и г-жа Шлиманнъ при видѣ сцены, выгравированной на кольцѣ, въ одинъ голосъ воскликнули, что Гомеръ навѣрное видѣлъ ее, когда описывалъ щитъ Ахиллеса. Все та же фантастическая манера ставить и рѣшать вопросы! Одинъ фактъ несомнѣненъ и онъ достаточно важенъ, чтобы задуматься надъ нимъ, — микенскія древности могутъ быть отнесены къ X вѣку до Р. Х. Иные предметы, кажется, даже еще древнѣе, тогда какъ другіе ближе къ періоду греко-финикійскому. Ясно также, что вопросъ очень сложенъ; археологи не скоро придутъ къ соглашенію. Съ другой стороны, если бы въ самомъ дѣлѣ и существовала троянская война—что̀ отнюдь не невозможно — и могущественный царскій домъ въ Микенахъ,—что́, повидимому, несомнѣнно—то изъ этого нельзя вывести никакихъ опредѣленныхъ заключеній относительно Гомеровскихъ поэмъ. Онѣ не что иное, какъ народная эпопея, сто разъ передѣлываемая и усовершенствованная въ эпоху, близ-

кую къ Пизистрату, различными поэтами, если только не заблагоразсудять почтить именемъ Гомера послѣдняго ея редактора. Въ своемъ настоящемъ видѣ поэма въ сю разъ прекраснѣе и нѣсколькими вѣками опередила микенскія сокровища.

Дѣло въ томъ, что эти открытія бросаютъ совсѣмъ новый свѣтъ на то, что̀ можно назвать до-исторической эпохой Греціи. И точнаго рѣшенія невозможно будетъ произнести до тѣхъ поръ, пока искусно направленныя изслѣдованія не познакомятъ насъ въ достаточной мѣрѣ съ археологіей Малой-Азіи и, въ особенности, Лидіи. Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить—каковы бы ни были его личные взгляды—человѣка, который, помимо всякаго другого интереса, кромѣ славы, посвящаетъ свои дарованія, свое состояніе и время на труды, до сихъ поръ постоянно увѣнчивавшіеся блистательнымъ успѣхомъ, и значеніе которыхъ можетъ не признаваться только невѣжествомъ или завистью.

Великолѣпная книга генерала Ческолы «Cyprus» явилась какъ-разъ кстати, чтобы пополнить свѣдѣнія объ этихъ совсѣмъ новыхъ вещахъ. На радость всѣмъ антикваріямъ, которымъ слѣдовало бы прыгать отъ удовольствія—если бы зависть не повергала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мрачное отчаяніе — вышли два изданія, биткомъ набитыя фактами, касающимися археологіи первобытной Греціи, и оба невольно пополняютъ другъ друга, служатъ поддержкой другъ другу.

Тутъ мы опять имѣемъ дѣло съ весьма новымъ и крайне интереснымъ сюжетомъ, лишь бы имъ не злоупотребляли. Идалія, Паѳосъ, Аматузія! эти имена звучатъ гармонически, и будятъ влюбленное воспоминаніе о Венерѣ-Афродитѣ; и были бы еще поэтичнѣе, если бы ими не злоупотребляли до тошноты въ эпоху миѳологическаго рококо̀ начала нынѣшняго столѣтія. А между тѣмъ только въ послѣдніе годы начаты изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда стояли эти знаменитые города. Результаты оказались совсѣмъ не такими, какихъ ожидали; но чтобы понять ихъ, надо оставить въ сторонѣ Гомера и Виргилія и заняться настоящей исторіей Кипра.

Населенный вначалѣ смѣшанными колоніями грековъ и финикіянъ, что̀ достаточно объясняется его центральнымъ положеніемъ между островомъ Родосомъ и Финикіей, онъ былъ непосредственно подчиненъ ассирійцамъ VII-го и VI-го вѣковъ до Р. Х., затѣмъ египтянамъ, въ періодъ около 550 г., наконецъ, персамъ, отъ 525 по 323 г. Послѣ побѣдъ Александра онъ достался

Лагидамъ, которые владѣли имъ до 58 г., когда его завоевали римляне. Позднѣе онъ входилъ въ составъ византійской имперіи до конца XII вѣка. Завоеванный въ эту эпоху Ричардомъ Львиное Сердце, подарившимъ его Гвиду-Люзиньяну, чтобы вознаградить его за потерю іерусалимскаго королевства, онъ оставался владѣніемъ этой фамиліи до 1489 г., когда перешелъ къ венеціанцамъ, а затѣмъ въ 1573 г. къ туркамъ, которые и владѣютъ имъ понынѣ.

Въ 1865 г., генералъ ди-Чеснола [1]), американскій консулъ на островѣ, началъ раскопки, прославившіе его, и продолжалъ ихъ до 1876 г. Раньше того какъ онъ обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій, одинъ англичанинъ, по имени Лангъ, раскопалъ одинъ храмъ въ Идаліи (Дали) и прислалъ въ Британскій музей нѣсколько вазъ и статуэтокъ, дающихъ возможность лондонскому жителю отдать себѣ точный отчетъ о характерѣ вышеупомянутыхъ открытій (1868). Между прочимъ онъ прислалъ директорамъ знаменитаго національнаго учрежденія Англіи надпись на финикійскомъ и кипрскомъ нарѣчіяхъ, съ помощью которой Джоржъ Смитъ разобралъ этотъ послѣдній языкъ, и отнынѣ признано, что онъ одинъ изъ греческихъ діалектовъ, съ мѣстной азбукой [2]).

Но если языкъ одной части кипріотовъ былъ греческій, за то искусство кипріотское отнюдь не было греческимъ: оно было преимущественно финикійскимъ. Вотъ важная и безспорная истина, обнаруженная послѣдними открытіями. Но что же такое финикійское искусство? И неужели мы обязаны чудесами греческаго искусства этимъ отъявленнымъ купцамъ, этимъ семитамъ, которымъ мы уже обязаны азбукой? Успокойтесь! И во-первыхъ, эту азбуку они заимствовали у египтянъ. Затѣмъ подъ именемъ финикійскаго искусства англійскіе археологи подразумѣваютъ произведенія, выполненныя финикіянами, въ странахъ ими занятыхъ, какъ, напр., въ Кипрѣ, подъ вліяніемъ египетскимъ, ассирійско-египетскимъ или ассирійскимъ. Таковы, въ самомъ дѣлѣ, три стиля, преобладающіе въ древностяхъ острова Кипра: первый царилъ, повидимому, до XII вѣка до Р. Х., а послѣдній около X вѣка; переходный же стиль занималъ, само собою, мѣсто между ними. Впрочемъ, всѣ три могутъ быть прослѣжены въ періоди гораздо

---

[1]) Графъ Луиджи Пальма-ди-Чеснола, изъ старинной фамиліи, родился въ Туринѣ въ 1832 г., принималъ участіе въ первой войнѣ за независимость Италіи, переселился въ Америку въ 1860 г. и сталъ однимъ изъ генераловъ федеральной арміи въ междоусобную войну.

[2]) См. труды Ланга въ „Transactions of the royal soc. lit. 2-nd series, XI, pt. I.

позднѣйшіе, и они проявлялись, разумѣется, и въ болѣе раннія эпохи, соотвѣтствующія дѣйствительному, de facto, владычеству Ассиріи и Египта.

Ученый американскій консулъ производилъ свои раскопки главнымъ образомъ въ Идаліи, въ Паѳосѣ, въ Голгоѣ, гдѣ онъ открылъ развалины необыкновенно любопытнаго храма въ Аматузіи и пр. Его коллекція была куплена въ 1872 г. для «Metropolitain Museum of fine arts» въ Нью-Іоркѣ: вслѣдствіе чего она довольно недоступна. Но, къ счастію, рисунки въ его книгѣ даютъ достаточное понятіе объ оригиналахъ, не считая коллекціи Ланга, которая въ этомъ случаѣ можетъ служить для сравненія. Глиняныя издѣлія столь же многочисленны, какъ и интересны: отсылаю читателей къ описаніямъ и рисункамъ книги. Скажу только одно слово о скульптурныхъ и глиняныхъ произведеніяхъ.

Вообще говоря и за нѣкоторыми почетными исключеніями, нельзя представить себѣ ничего безобразнѣе того, что̀ выставлено за витринами Британскаго музея, отведенными киприотскимъ древностямъ. Нельзя вообразить себѣ болѣе отвратительной коллекціи идоловъ. То мы видимъ женскую фигуру, вышиной съ футъ, съ четырехугольнымъ носомъ, съ локтями, доходящими до колѣнъ; лѣвая рука ея покоится на какомъ-то струнномъ инструментѣ и такъ же велика, какъ и животъ. Надпись гласитъ: «женская фигура, по всей вѣроятности Афродита, играющая на лирѣ». Никогда Оффенбаху, написавшему «Орфея въ аду», не пригрезилась бы подобная Венера. То мы видимъ фигуру, въ натуральную величину, съ нелѣпо выдавшимися скулами, глупо осклабляющуюся себѣ въ бороду, подстриженную на ассирійскій манеръ, а надпись поучаетъ васъ, что это Геркулесъ! Пропасть бюстовъ и головъ, величаемыхъ «божествами»; всѣ отличаются тѣмъ же выраженіемъ блаженной глупости. Это гораздо незначительнѣе антикварскаго египетскаго музея и въ тысячу разъ монотоннѣе: судите объ эффектѣ!

И это-то и есть «вліяніе ассирійско-египетское», которое, какъ насъ увѣряютъ, «послужило плодотворнымъ зерномъ», изъ котораго родилось будущее искусство Греціи! Здѣсь опять мы наталкиваемся на злополучныя послѣдствія *специализации*, примѣняемой къ рѣшенію вопросовъ, касающихся вообще всего человѣчества... Эстетика становится подспорьемъ археологіи.

Возможно, что произведенія египетскаго и ассирійскаго искусства имѣли нѣкоторое вліяніе на грековъ, современниковъ каменнаго вѣка и первыхъ временъ бронзоваго вѣка. Но дикія или монотонныя произведенія двухъ великихъ азіатскихъ циви-

лизацій оказали не болѣе вліянія на позднѣйшее развитіе искусства Фидіевъ и Праксителей, чѣмъ книга ритуала и хроники ассирійскія на произведенія Эврипидовъ и Софокловъ. Арійцы Греціи носили въ самихъ себѣ верно понятія о пластической красотѣ; греческое искусство такъ же независимо, какъ и неподражаемо, и восточнымъ его можно назвать лишь въ томъ смыслѣ, что и сама раса имѣла колыбелью страны, гдѣ восходитъ солнце? [1]).

Не могу, въ заключеніе, не замѣтить, какія хищническія наклонности проявляетъ англійская литература: обѣ вышеупомянутыя книги — творенія нѣмца и итальянца, именующихъ себя американскими гражданами, и изданы лондонскимъ издателемъ. Поэтому онѣ тѣмъ бóльшее вниманіе заслуживаютъ со стороны ученаго міра, что въ полномъ смыслѣ слова космополитныя.

IV.

The Russians of to-Day, by the author of «The member for Paris» etc. London, Smith. 1 vol. 8°. 304 pages. 1878.

Вотъ книга, которую пожираетъ весь Лондонъ, и это самый рѣзкій памфлетъ, хотя и въ шутливой формѣ, какой только появлялся за послѣднее время. Суета суетъ, сказалъ бы царь Соломонъ: годъ тому назадъ на расхватъ читалось «Russia», Мекензи Уоллэса—серьёзное произведеніе! Въ настоящее время все перемѣнилось, и лондонская публика смотритъ глазами Гренвилля Муррея.

Такъ зовутъ автора—не будетъ нескромностью извѣстить объ этомъ русскихъ читателей—поочередно скрывавшагося подъ псевдонимами «Roving Englishman», «M-r Trois-Etoiles» и другими. Принадлежа косвенно къ знатной фамиліи, онъ служилъ сначала въ дипломатическомъ корпусѣ, но вынужденъ былъ оставить заодно и свою должность, и Англію, вслѣдствіе одного непріятнаго дѣла, хотя честь автора при этомъ не пострадала безусловно: во всякомъ случаѣ книга его посвящена, разумѣется, съ надлежащаго разрѣшенія, герцогу Сотерлэндскому, что́, безъ сомнѣнія, достаточная «reference».

Онъ впервые сталъ извѣстенъ въ литературѣ лѣтъ тридцать тому назадъ — и значитъ, его слѣдуетъ причислить по мéньшей

---

[1]) Немногія статуи, истинно греческія, найденныя на островѣ Кипрѣ, только подтверждаютъ это мнѣніе: онѣ въ самомъ дѣлѣ носятъ греческій характеръ и не имѣютъ ничего общаго съ вышеописанными безобразіями.

мѣрѣ къ людямъ не первой молодости — изданіемъ небольшой юмористической книжки, озаглавленной «Roving Englishman», за которой вскорѣ послѣдовало болѣе серьёзный трактатъ о дипломатіи (*Embassies-foreign courts*). Около того же времени появилось сочиненіе о Турціи, изданное вторично въ прошломъ году [1]. Лордъ Пальмерстонъ говаривалъ, что статьи «Roving Englishman» показываютъ болѣе близкое знакомство съ Турціей, нежели какая-нибудь другая книга, попадавшаяся ему на глаза. То же самое выражалъ и лордъ Даллингъ, бывшій нѣсколько лѣтъ посланникомъ при Портѣ. Это самъ Муррей расточаетъ себѣ эти похвалы въ послѣднемъ изданіи, и, оставляя скромность въ сторонѣ, надо признать, что онѣ заслуженныя. Книга его, хотя и написана четверть столѣтія тому назадъ, несомнѣнно интересна и полезна.

Съ той поры авторъ проживалъ главнымъ образомъ во Франціи, и его послѣднія сочиненія относятся къ этой странѣ. Послѣ многолѣтняго молчанія, онъ напомнилъ о себѣ романомъ «Member for Paris», изданнымъ вскорѣ послѣ франко-прусской войны и заключающемъ забавную картину нравовъ и общества при второй имперіи; затѣмъ «Men of the thirl Republic» и, наконецъ «French pictures in English Chalk» — легкіе и очаровательные эскизы той же эпохи, гдѣ фигурируютъ городъ «Touscrétins» съ своимъ префектомъ «Monsieur de Feu-contenu» и другими того же разряда.

У Гренвилля Муррея насмѣшливый нравъ и, набросившись на Россію, какъ на «модное кушанье», онъ всласть лакомится имъ. «Русскіе, — говоритъ онъ, — крайне чувствительны къ мнѣнію иностранцевъ и, благодаря этому, они такъ любезны, что пріѣзжіе всегда бываютъ безусловно очарованы». Гренвилль, если онъ бывалъ въ Россіи, не даетъ себѣ однако труда щадить эту чувствительность. Но видно, что авторъ наизусть знаетъ Тургенева, и копируетъ его, съ тою разницей, что тамъ, гдѣ великій русскій романистъ рисовалъ жизнь и создавалъ характеры, авторъ рисуетъ каррикатуры.

Несомнѣнной каррикатурой является портретъ генерала Фалутинскаго, «возбуждающаго всеобщее восхищеніе тактомъ и смѣлостью, выказанными имъ въ своихъ щекотливыхъ обязанностяхъ по части ангажированія итальянскихъ примадоннъ и французскихъ комиковъ», и который отправляется съ 30,000 солдатъ,

---

[1]) *Turkey* being sketches from life, by the *Roving Englishman*. A new edition. London: Routledge in-8°, 376 pages. 1877.

столькимъ же числомъ пушекъ и съ дюжиной корреспондентовъ карать несчастнаго Багальу-хана на берега Каспійскаго моря. Безполезно входить въ подробности этой экспедиціи, напоминающей экспедицію знаменитаго генерала Фрица въ «Герцогинѣ Герольштейнской». Въ сущности это уже слишкомъ смѣшно, а потому не очень зло.

Иное дѣло то, что повѣствуетъ авторъ про «judicial business», употребляя его выраженіе. Тутъ сочинитель, поднимая на-смѣхъ другихъ, въ сущности смѣется надъ самимъ собой. Русскіе присяжные, по его мнѣнію, такъ чувствительны, что судьямъ приходится штрафовать ихъ, когда они начинаютъ охать и ахать всѣ разомъ. Имъ такъ тяжело произнести обвинительный приговоръ, что часто слышно, какъ они говорятъ подсудимому: «обѣщаете ли вы не дѣлать этого больше?» Разъ присяжные оставались запертыми въ продолженіи трехъ часовъ, и нетерпѣливый судья послалъ судебнаго пристава, чтобы узнать, что съ ними дѣлается: оказалось, что всѣ присяжные удрали въ окно, чтобы уклониться отъ непріятности произнести обвинительный вердиктъ.

Какая забавная исторія, но какое мерзкое чувство сказывается въ ней! «Ничтожный долженъ быть тотъ адвокатъ,— восклицаетъ авторъ, — который не заставитъ плакать русскаго присяжнаго!»

Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Развѣ не самая прекрасная, не самая возвышенная сторона въ человѣческой природѣ—то великое состраданіе, которое дѣлаетъ насъ снисходительными къ проступкамъ и преступленіямъ ближнихъ, которые зачастую слѣдуетъ приписать если не самому обществу, то необходимому и роковому ходу вещей? Прибавьте, что нѣсколько далѣе этотъ же авторъ (стр. 147) рѣзко порицаетъ безчеловѣчность всего русскаго народа вообще. Надобно было бы быть, по крайней мѣрѣ, логичнымъ и, во всякомъ случаѣ, не рекомендовать или не выставлять образцомъ, достойнымъ подражанія, невозмутимую жесткость своихъ соотечественниковъ. Въ Англіи оплакиваютъ и жалѣютъ животныхъ, съ которыми дурно обращаются, въ Россіи — людей: мнѣ кажется, что смѣшны при этомъ совсѣмъ не русскіе.

Вотъ дурная сторона автора: все ему смѣшно, и во всемъ онъ видитъ случай поскалить зубы. Онъ поднимаетъ на-смѣхъ прежнія учрежденія Россіи,—и тѣхъ, кто ихъ поддерживаетъ, и тѣхъ, кто желалъ бы ихъ усовершенствовать. Онъ повторяетъ всѣ старыя побасёнки про «нѣмецкую науку», «грубый матеріализмъ, убивающій всѣ юношескія иллюзіи», и пр. и пр. Съ другой стороны, онъ носится съ допотопными шутками, кото-

рыя такъ же мало пристали русскому обществу, какъ и всякому цивилизованному обществу Стараго и Новаго свѣта. Напримѣръ, по поводу брака, на который смотрятъ какъ на аферу; по поводу «вдовъ, которыхъ такъ же много, какъ мало старыхъ дѣвъ; а вдовъ, чьихъ мужей никто никогда не видѣлъ, больше всего». Единственная разница съ Англіей тутъ та, что если вдовъ въ ней много, то и старыхъ дѣвъ достаточно.

Но гдѣ авторъ всего больше вредитъ самому себѣ, такъ это—при этнологическихъ и историческихъ замѣчаніяхъ, разсыпанныхъ въ его книгѣ. Не безъ изумленія узнаёмъ мы, что «славяне, самый древній народъ въ Европѣ, имѣли въ жилахъ примѣсь индійской крови», обычаи ихъ восточные, религія — смѣсь браминства съ лѣснымъ культомъ германцевъ» (forest worship) (стр. X). Мы находимъ также, что «христіанство организовало феодальную систему въ Россіи», и что «Новгородъ первый освободился изъ-подъ московскаго ига и устроился свободной республикой подъ покровительствомъ монголовъ», и что, наконецъ, «тамъ, по общему мнѣнію, сложилось соціалистическое устройство современнаго міра» (стр. XIII).

Гренвилль Муррей можетъ утѣшаться тѣмъ, что достигъ своей цѣли и насмѣшилъ читателей. Напрасно только не далъ онъ своей книгѣ того заглавія, какое ей, по-настоящему, приличествуетъ: «Россія на-изнанку».

А. Реньяръ.

Лондонъ, 1878 г.

ЭТАПНЫЙ

ЛАЗАРЕТЪ ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ

ВЪ ТУРЕЦКУЮ КАМПАНІЮ 1877—1878 гг.

...Я состоялъ старшимъ врачомъ „Өтапнаго лазарета Государыни Цесаревны". Вотъ какова была первоначальная цѣль учрежденія этого частнаго лазарета, его, такъ сказать, исторія, а также средства и условія къ существованію. Разъясненіе всѣхъ данныхъ по этому предмету можетъ современемъ послужить къ болѣе правильному отвѣту на вопросъ: въ чемъ состоитъ польза подобнаго рода учрежденій и желательно ли ихъ существованіе въ будущемъ?

Еще до начала кампаніи, „Краснымъ Крестомъ" предположено было устроить на пути эвакуаціи рядъ лазаретовъ или этапныхъ пунктовъ, которые служили бы мѣстомъ временнаго отдыха для больныхъ, утомленныхъ транспортомъ. Здѣсь должна была производиться смѣна повозокъ, выдача лекарствъ, а равно и постоянная сортировка больныхъ, для которыхъ транспортъ оказался вреднымъ. Само-собою разумѣется, что эти лазареты въ то же время были бы и питательными пунктами.

Вслѣдствіе исключительныхъ условій, нашему лазарету дано было другое назначеніе. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что опытъ кампаніи не оправдалъ предположеній относительно устройства вышеупомянутыхъ этапныхъ пунктовъ въ Болгаріи. Лазареты частныхъ обществъ „Краснаго Креста" расположены были въ Систовѣ и въ его окрестностяхъ и имѣли значеніе военно-временныхъ госпиталей. Назначеніе предполагаемыхъ этаповъ исполняли военно-временные госпитали и питательные пункты „Краснаго Креста", находящіеся въ вѣдѣніи санитаровъ, подъ наблюденіемъ уполномоченныхъ. Къ со-

жалѣнію, эти питательные пункты не были снабжены въ Болгаріи ни аптечными, ни перевязочными средствами. Недостатокъ этотъ давалъ себя чувствовать много разъ, и о немъ говорили мнѣ врачи и фельдшера, сопровождавшіе транспортъ.

Въ половинѣ іюля прошлаго года, когда, по рекомендаціи профессора Боткина, мнѣ предложено было завѣдываніе этапнымъ лазаретомъ, я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и узналъ, что почти всѣ принадлежности лазарета уже упакованы и отсылаются черезъ нѣсколько дней въ Бухарестъ. Затѣмъ, дальнѣйшія указанія, относительно мѣста открытія лазарета, его содержанія и т. п., я долженъ былъ получить уже въ Бухарестѣ, отъ главнаго уполномоченнаго П. А. Рихтера. Тогда еще предполагалось, что лазаретъ будетъ направленъ въ рущукскій отрядъ.

Лазаретъ предназначался для 30-ти больныхъ; для другихъ 30-ти еще не было приготовлено кроватей и нѣкоторыхъ принадлежностей бѣлья; но ихъ обѣщали доставить въ непродолжительномъ времени. Переданный мнѣ списокъ упакованныхъ вещей, а равно и тѣ, которыя мнѣ удалось видѣть, убѣдили меня въ необыкновенной роскоши и богатствѣ, съ какими обставлялся лазаретъ. Неудовлетворительнымъ оказалось только снабженіе нѣкоторыми лекарствами, что, впрочемъ, было пополнено при первомъ моемъ заявленіи.

27-го іюля, транспортъ, въ 1,000 пудовъ вѣса, съ частью лазаретной прислуги, отправился изъ Петербурга по варшавской дорогѣ. Я долженъ былъ выѣхать двумя-тремя днями позже, но за день до этого мною было получено увѣдомленіе отъ предсѣдателя исполнительной коммиссіи, чтобы я отложилъ свой отъѣздъ.

2-го августа, уполномоченному „Краснаго Креста“, А. С. Петлину, и мнѣ предложено было заняться выработкою проекта и снаряженіемъ трехъ летучихъ санитарныхъ отрядовъ, по числу трехъ гвардейскихъ дивизій, отправлявшихся въ Болгарію, на мѣсто военныхъ дѣйствій.

А. С. Петлинъ только-что вернулся тогда изъ своей спеціальной командировки въ Болгарію и на Кавказъ, и, лично познакомившись съ характеромъ военныхъ дѣйствій въ той и другой мѣстности, могъ какъ нельзя болѣе помочь своими указаніями при выполненіи возлагаемаго порученія. Такимъ образомъ, согласно указаніямъ А. С. Петлина и моимъ, въ то время еще чисто-теоретическимъ, соображеніямъ, выработанъ былъ проектъ, который много разъ обсуждался и былъ окончательно редактированъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Каждый летучій отрядъ состоитъ изъ 2-хъ врачей, 4-хъ фельдшеровъ-студентовъ и 10-ти санитаровъ.

„Отрядъ снабжается всѣмъ необходимымъ для подачи первоначальной помощи раненымъ и передвигается на фургонахъ. При этомъ врачи ѣдутъ верхами, а остальной персоналъ идетъ пѣшкомъ.

„Посланный этапный лазаретъ Цесаревны, помимо своего назначенія какъ дивизіонный или военно-временный госпиталь, служитъ въ то же время складомъ, изъ котораго пополняются летучіе отряды всѣмъ необходимымъ.

„Врачи по очереди будутъ работать въ этапномъ лазаретѣ и въ летучихъ отрядахъ".

Вся хозяйственная часть (перевозочныя средства, шатры, палатки, продовольствіе и т. п.), содержаніе медицинскаго персонала и внѣшняя сторона сношеній санитарнаго отряда — были переданы въ вѣдѣніе уполномоченнаго А. С. Петлина, которому главное управленіе ассигновало съ этою цѣлью 10,000 р. ежемѣсячно.

Мнѣ лично поручался выборъ лицъ медицинскаго персонала, а равно и снабженіе всѣхъ трехъ летучихъ отрядовъ: перевязочными средствами, лекарствами, инструментами, бѣльемъ и пр.

Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться относительно распоряженій А. С. Петлина, который наблюдалъ за дѣятельностью всего санитарнаго отряда, а буду говорить только о томъ, что касается меня лично, въ томъ или другомъ отношеніи.

Составъ медицинскаго персонала, а именно студентовъ и санитаровъ, мнѣ удалось пополнить безъ особеннаго труда, такъ какъ 12 студентовъ медико-хирургической академіи и с.-петербургскаго университета уже спеціально подготовляли себя въ фельдшерской школѣ, по случаю военныхъ дѣйствій. Студенты-медики были со второго и третьяго курсовъ, университетскіе—съ естественнаго факультета, кончающіе курсъ. Къ нимъ прибавлены были еще трое студентовъ пятаго курса медицинской академіи, двое фельдшеровъ, два лекарскихъ помощника и провизоръ, г. Данцигъ. Изъ той же военной фельдшерской школы поступили въ нашъ отрядъ обучавшіеся въ ней 40 санитаровъ или такъ-назыв. *братьевъ милосердія*.

При выборѣ лицъ, желавшихъ поступить въ санитары, обращалось, къ сожалѣнію, слишкомъ много вниманія на такъ-наз. „образованность" и всего меньше на природную смѣтливость, здоровье и привычку ко всякаго рода физическому труду. Люди всевозможныхъ профессій: лавочники, парикмахеры, наборщики, портные и пр., они не удовлетворяли своему назначенію даже потому, что были недостаточно подготовлены. Въ короткое время занятій въ школѣ (два мѣсяца), безъ практики въ госпиталѣ, не могли они пріобрѣсти над-

лежащихъ свѣдѣній и умѣнья ухаживать за больными и ранеными. Быть же простыми рабочими для всякаго дѣла, подчасъ тяжелаго и непріятнаго, мѣшала имъ своеобразная степень умственнаго развитія, при которой всякая, сколько-нибудь черная, работа имъ казалась унизительною. Къ тому же, они могли сослаться на правила для „братьевъ милосердія", которыми они предназначались только для „ухаживанья за ранеными и больными".

Такимъ образомъ, за немногими отрадными исключеніями, можно положительно сказать, что опытъ послѣдней кампаніи доказалъ полную непригодность санитаровъ, выбранныхъ и подготовленныхъ вышеупомянутымъ способомъ. Непригодность ихъ высказывается еще нагляднѣе, если принять во вниманіе сравнительную стоимость ихъ обученія и содержанія.

Вмѣсто предполагавшихся семи врачей, отправилось въ Болгарію всего пятеро: гг. Бабаевъ, Гаусманъ, Куколь-Яснопольскій, Янковскій и я. Еще два приглашенные доктора: гг. Веймаръ и Головачовъ, присоединились къ нашему отряду только въ началѣ октября.

Первоначальное снабженіе летучихъ отрядовъ необходимыми лекарствами, инструментами, перевязочными средствами и пр. было произведено мною при усердномъ содѣйствіи начальницы центральнаго склада въ Петербургѣ, баронессы Раденъ. Весь транспортъ, около 200 пудовъ вѣсомъ, былъ раздѣленъ на три аналогичныхъ отдѣла, по числу отрядовъ, и отправился вмѣстѣ съ нами.

16-го августа часть персонала выѣхала изъ Петербурга въ составѣ: насъ, 5-хъ врачей, 1 провизора, 1 лекарскаго помощника, 10 студентовъ, 2 фельдшеровъ и 10 санитаровъ.

Остальные прибыли послѣ съ помощникомъ уполномоченнаго г. Флавицкимъ.

По прибытіи въ Бухарестъ, въ транспортѣ летучихъ отрядовъ оказался недостатокъ въ нѣкоторыхъ необходимыхъ вещахъ, которыя и были взяты нами изъ центральнаго склада, по указанію г-жи Демидовой.

На другой же день мы выѣхали въ Зимницу, по предложенію П. А. Рихтера, который получилъ телеграмму отъ профессора Чудновскаго, заявлявшаго о недостаткѣ медицинскаго персонала. Такой недостатокъ дѣйствительно былъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, но къ нашему прибытію уже больше не требовалось увеличенія врачебнаго персонала; и мы отправились въ Систово, гдѣ, по слухамъ, было огромное скопленіе больныхъ и раненыхъ.

Изъ Систова А. С. Петлинъ долженъ былъ немедленно ѣхать съ спеціальнымъ порученіемъ къ князю Черкасскому, а равно и для установленія отношеній нашего отряда къ военнымъ властямъ.

Въ Систовѣ дѣйствительно оказалось такое огромное скопленіе раненыхъ и больныхъ въ госпиталѣ, что ординаторы съ большимъ трудомъ успѣвали дѣлать визитаціи; и нашлось не мало раненыхъ, нуждавшихся въ наложеніи сложныхъ повязокъ и въ серьёзной оперативной помощи. Одинъ изъ домовъ былъ немедленно очищенъ; на его балконѣ устроена операціонная зала, а комнаты обращены въ палаты, съ кроватями, на которыхъ помѣщались оперированные. Запасъ перевязочныхъ средствъ, бѣлья, вина и пр., доставленный старшей сестрой Полозовой изъ склада „Краснаго Креста", отъ уполномоченнаго А. А. Лебедева, далъ возможность обставить больныхъ надлежащимъ образомъ.

Начиная съ 8 часовъ, каждое утро дѣлались три-четыре большихъ операцій, подъ наркозомъ, при которыхъ всегда ассистировалъ д-ръ Филькенштейнъ и присутствовали врачи нашего отряда и нѣкоторые изъ ординаторовъ госпиталя. Операціи состояли, главнымъ образомъ, въ резекціи суставовъ, резекціи на протяженіи, некротоміи, ампутаціи и вылущеніи. Чисто-лихорадочная дѣятельность, къ которой всѣ мы еще мало были пріучены въ то время, лишаетъ меня возможности говорить подробно объ этихъ операціяхъ и числѣ ихъ, такъ какъ онѣ не записывались. Большая часть операцій произведена мною; кромѣ того, оперировалъ д-ръ Янковскій и нѣкоторые изъ ординаторовъ 50-го госпиталя.

Въ послѣобѣденное время, если не было новыхъ операцій или наложенія гипсовыхъ повязокъ, — врачи наши раздѣляли трудъ ординаторовъ и визитировали больныхъ въ палаткахъ; тутъ-же при общей консультаціи производили выборъ оперативныхъ случаевъ.

Студенты и санитары нашего отряда помогали также при операціяхъ, исполняли обязанности фельдшеровъ и несли ночныя дежурства при постели оперированныхъ.

Эта почти исключительно оперативная дѣятельность наша нѣсколько уменьшилась, когда пріѣхалъ изъ Булгарени д-ръ Тауберъ, ассистентъ профессора Склифасовскаго; — и окончательно прекратилась съ пріѣздомъ проф-въ Грубе и Склифасовскаго и помощниковъ послѣдняго. Тогда мы обратили все свое вниманіе на питательный пунктъ, устроенный А. А. Лебедевымъ, у второго Систовскаго моста. Послѣ дѣла 30-го августа подъ Плевною, черезъ Систово почти ежедневно проходили транспорты раненыхъ въ 500—800 человѣкъ. При дѣятельномъ участіи старшей сестры Полозовой съ сестрами и уполномоченнаго А. А. Лебедева, транспорты эти снабжались горячею пищею, виномъ, чаемъ и табакомъ. Кромѣ того, у насъ возобновлялись нѣкоторыя перевязки, подчасъ извлекались пули, ампутировались совершенно гангренозные пальцы и сортировались больные, изъ

которыхъ большая часть шла въ Зимницу, а другіе оставались въ Систовѣ и отсылались въ 50-й госпиталь, больницу императрицы Маріи и евангелическій лазаретъ. Въ иные дни, съ утра до поздняго вечера, приходилось намъ работать на питательномъ пунктѣ, при страшной жарѣ, безъ всякаго прикрытія отъ солнца. Здѣсь каждый изъ насъ могъ вполнѣ оцѣнить трудъ своихъ товарищей, взвѣсить пригодность студентовъ-фельдшеровъ и санитаровъ нашего отряда. Здѣсь же мы познакомились въ первый разъ съ условіями походной жизни, такъ какъ персоналъ нашъ, за неимѣніемъ квартиръ, помѣщался въ мечети, служившей складомъ „Краснаго Креста", и въ совершенно разрушенномъ турецкомъ домѣ, не представлявшихъ, разумѣется, ни малѣйшихъ удобствъ.

Вообще, работа въ Систовѣ была какъ-бы пробнымъ камнемъ пригодности нашего отряда на войнѣ, и поселила въ насъ нѣкоторую увѣренность въ возможность приносить извѣстную пользу.

Съ возвращеніемъ А. С. Петлина сдѣлалось извѣстно, что нашъ отрядъ назначенъ въ распоряженіе начальника штаба гвардейскаго корпуса. Тогда рѣшено было устроить въ Систовѣ складъ вещей, привезенныхъ изъ Бухареста, а равно и для слѣдующихъ транспортовъ, ожидаемыхъ изъ Петербурга. Этотъ „складъ этапнаго лазарета Государыни Цесаревны",—въ устройствѣ котораго принималъ дѣятельное участіе только-что пріѣхавшій изъ Бухареста, уполномоченный В. Е. Бокъ,—былъ неоцѣнимъ для нашего дѣла, благодаря неусыпному вниманію лицъ, завѣдывавшихъ отсылкою вещей изъ Петербурга. Мы не только получали сами все необходимое, но еще могли снабжать дивизіонные лазареты и военновременные госпитали. 10-го сентября, имѣя въ своемъ распоряженіи 15 наемныхъ подводъ г. Варшавскаго, 7 собственныхъ фургоновъ и нѣсколько верховыхъ лошадей, мы, по приказанію начальника гвардейскаго штаба, двинулись въ полуразрушенную деревню Митхадъ-пашу (въ 4-хъ верстахъ отъ Горнаго-Студеня), и здѣсь, 15-го сентября, въ первый разъ былъ открытъ этапный лазаретъ.

Трудно себѣ представить мѣстность, менѣе пригодную для открытія лазарета:—недостатокъ воды, расположеніе деревни на скатѣ небольшого пригорка, близость болота и полная невозможность достать что либо въ деревнѣ, кромѣ кукурузы,—и вдобавокъ чуть ли не ежедневный туманъ, вслѣдствіе дождливаго мѣсяца...

Подъ складъ и помѣщеніе медицинскаго персонала заняты были 4 полуразвалившіеся дома, приведенные общими силами только до возможности укрыться отъ дождя. Для больныхъ раскинутъ былъ громадный шатеръ, предназначаемый для походной церкви и поднесенный Государынѣ Цесаревнѣ кавалергардскимъ полкомъ. Шатеръ

этотъ оказался въ высшей степени неудобнымъ. Помимо огромнаго числа рукъ, какое потребовалось для его постановки, оказалось, что онъ уже до этого употреблялся нѣсколько разъ и былъ разорванъ во многихъ мѣстахъ, не имѣлъ сукна для боковыхъ стѣнокъ, а равно и двойной верхней крыши, — и потому плохо защищалъ отъ дождя и вѣтра. Больные помѣщались на желѣзныхъ кроватяхъ, съ двойными тюфяками изъ морской травы, и, несмотря на три-четыре одѣяла и теплые халаты, постоянно зябли,—и только чай нѣсколько согрѣвалъ ихъ.

Благодаря дурнымъ условіямъ мѣстности, а частью и усиленной работѣ въ Систовѣ, большая часть медицинскаго персонала перехворала здѣсь, и я первый подалъ этому примѣръ. Раненыхъ у насъ не было въ то время, а больныхъ всего 10 человѣкъ, кромѣ лежавшихъ въ лазаретѣ студентовъ и санитаровъ нашего отряда. Недостатокъ въ больныхъ объясняется тѣмъ, что ближайшія войска, едва зная о нашемъ существованіи, посылали большую часть своихъ больныхъ въ военновременный госпиталь въ Горномъ-Студенѣ.

Несомнѣнно, что такое положеніе дѣла, въ связи съ избыткомъ ничѣмъ незанятыхъ рукъ, огорчало насъ и вело къ неизбѣжнымъ недоразумѣніямъ между нами. Мы подчасъ задавали себѣ вопросъ: не есть ли весь этапъ тяжелая безполезная обуза, стоившая много денегъ,—и не лучше ли раздѣлить наши силы и средства по дивизіоннымъ лазаретамъ. Профессоръ С. П. Боткинъ, видя наше уныніе, совѣтовалъ запастись терпѣніемъ, безусловно необходимымъ при періодическомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, — и постоянно говорилъ уполномоченному и намъ о важномъ значеніи хорошо снабженнаго лазарета во время войны.

Этотъ періодъ нашего бездѣйствія, съ 15-го по 24-е сентября, показавшійся намъ чуть ли не цѣлою вѣчностью, употребленъ былъ на окончательную сортировку вещей. Многое (составляющее необходимую принадлежность хорошо устроеннаго госпиталя въ мирное время), напримѣръ, ванны, грѣлки, полога, паровыя кухни, ледодѣлательныя машины и прочее, были отправлены въ Систово, какъ совершенно ненужныя. Двое врачей ѣздили въ это время въ Бухарестъ, для покупки теплаго платья, такъ какъ у насъ, врачей, ничего не было въ запасѣ для наступающаго холоднаго времени. Нѣкоторые больные санитары были отправлены обратно въ Систово; а партіи санитаровъ въ 10—15 человѣкъ нѣсколько разъ посылались въ Горный-Студень для занятій въ военновременномъ госпиталѣ. Затѣмъ, по просьбѣ уполномоченнаго „Краснаго Креста“, князя Щербатова, въ его распоряженіе окончательно откомандировано нами 4 студента.

Наконецъ, 24-го сентября, получено было приказаніе одному ле-

тучему отряду слѣдовать за гвардіей въ Эни-Баркачъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней долженъ былъ отправиться и нашъ этапный лазаретъ.

Масса имѣющихся у насъ вещей еще больше увеличилась привезенными тогда изъ Москвы дивизіонными шатрами и 12 палатками. Подводы, нанятыя у г. Варшавскаго, а равно и наши фургоны, оказались недостаточными для перевозки; необходимо было добыть еще воловьи подводы у болгаръ,—а это было нелегкое дѣло...

По ужасной грязи, подъ проливнымъ дождемъ, двинулся нашъ медицинскій персоналъ съ частью склада на волахъ и тощихъ лошадяхъ. Студенты и санитары сдѣлали часть пути пѣшкомъ. Изъ Митхада-паши въ Порадимъ (менѣе 50 верстъ) мы ѣхали въ продолженіи трехъ сутокъ. Въ Порадимѣ намъ пришлось остановиться на нѣсколько дней, въ ожиданіи приказаній, гдѣ открыть лазаретъ. По счастью, погода измѣнилась къ лучшему, и нашъ больной персоналъ началъ понемногу поправляться. Въ Порадимѣ, бывшемъ тогда главной квартирой румынскаго князя, отрядъ нашъ нѣсколько разъ оказывалъ медицинскую помощь только-что открытому здѣсь питательному пункту „Краснаго Креста“ и снабжалъ лекарствами и перевязочными средствами. Вскорѣ было получено В. Е. Бокомъ приказаніе, черезъ г-на Петлина, двинуть насъ къ Боготу, гдѣ и былъ открытъ, 8-го октября, этапный лазаретъ, и гдѣ уже у насъ не было недостатка въ больныхъ; но о нихъ будетъ говорено ниже.

Лазаретъ состоялъ изъ двухъ дивизіонныхъ шатровъ и третьяго, большого шатра (бывшей походной церкви, о которой я уже имѣлъ случай говорить), раздѣленнаго перегородкой на 2 половины: въ одной помѣщались больные; другая служила и операціонной комнатой и главнымъ складомъ, которымъ завѣдывалъ лекарскій помощникъ Чекуверъ. Кромѣ того, было 12 палатокъ: изъ нихъ 7 служили для больныхъ, 2 для малаго склада и аптеки, 2 для помѣщенія медицинскаго персонала и 1 для покойниковъ. При недостаткѣ рукъ понадобилось не мало труда и хлопотъ, чтобы поставить эти шатры и палатки, правильно окопать ихъ, заготовить ямы и пр.

За день до открытія лазарета въ Боготѣ, прибылъ отрядъ сестеръ милосердія „Краснаго Креста“, съ старшей сестрою Товаревою, спеціально назначенный въ распоряженіе А. С. Петлина. Изъ этого отряда въ нашъ лазаретъ поступили три сестры: Крылова, Эбенштернъ и Крупицына. Послѣдней поручено было наблюденіе за хозяйственными запасами лазарета. Первыя двѣ, помимо перевязокъ, имѣли на своихъ рукахъ раздачу пищи, вина и чаю;—такъ какъ это дѣлалось 4 раза въ день, и, къ тому же, были приходящіе транспорты, то сестрамъ было не мало хлопотъ. Я лично придаю большое значеніе этого

рода дѣятельности сестеръ, убѣдившись, что при раздачѣ пищи никто лучше ихъ не можетъ контролировать ея качество и количество.

Медицинскія силы наши въ Боготѣ состояли: изъ 3-хъ врачей, одного провизора, 3-хъ только-что упомянутыхъ сестеръ, 5-хъ студентовъ, двухъ лекарскихъ помощниковъ и 20 санитаровъ. Число послѣднихъ стало потомъ еще меньше. Остальной медицинскій персоналъ поступилъ въ летучіе отряды, куда отправился и А. С. Петлинъ съ В. Е. Бокомъ. Отъѣздъ уполномоченныхъ заставилъ д-ра Куколь-Яснопольскаго, помимо врачебныхъ обязанностей, взять на себя всю хозяйственную часть госпиталя, чтб доставляло ему не мало хлопотъ, вслѣдствіе совершенной непригодности большинства санитаровъ, исполнявшихъ должность прислуги, а равно и трудности доставить хлѣбъ и другіе припасы. Здѣсь ежедневно для дезинфекціи сожигалась солома въ ямахъ, и я лично слѣдилъ также за правильнымъ ежедневнымъ сжиганіемъ всѣхъ снятыхъ повязокъ.

Обиліе хорошей воды, положеніе шатровъ и палатокъ на небольшой покатости, среди деревьевъ, порядочныя гигіеническія условія дѣлали нашъ лазаретъ въ Боготѣ привлекательнымъ съ внѣшней стороны, а хорошо приготовленная разнообразная пища удовлетворяла больныхъ и въ другомъ отношеніи.

За отсутствіемъ желѣзныхъ кроватей, которыя были отправлены въ Систово, раненые офицеры и солдаты помѣщались въ шатрахъ и палаткахъ на соломѣ, поверхъ которой для офицеровъ положены были тюфяки, набитые морской травою, а для нижнихъ чиновъ—соломенные. Подушки также были набиты морской травой или перьями. Солома возобновлялась каждую недѣлю. Лазаретъ въ Боготѣ былъ сравнительно не великъ и могъ вмѣстить одновременно не болѣе 100 чел. больныхъ.

12-го октября прибыли къ намъ первые раненые изъ Чирикова, пришедшіе пѣшкомъ.

Здѣсь мнѣ слѣдовало бы для хронологической послѣдовательности упомянуть вообще о дѣятельности летучихъ отрядовъ въ Чириковѣ, но я предоставляю говорить о нихъ товарищамъ, принимавшимъ въ нихъ прямое участіе, такъ какъ они могутъ лучше описать свою крайне интересную и нелишенную опасности дѣятельность. Я собственно буду говорить о летучихъ отрядахъ, насколько я лично работалъ въ нихъ съ д-ромъ Куколь-Яснопольскимъ.

На другой день послѣ прибытія больныхъ изъ Чирикова пришелъ транспортъ раненыхъ офицеровъ въ вѣнскихъ фургонахъ князя Черкасскаго. Съ этого времени, до 8 ноября, когда этапъ былъ закрытъ въ Боготѣ, въ немъ перебывало 320 чел. раненыхъ; изъ нихъ 55 офицеровъ. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что въ нашемъ лазаретѣ, во время

его пребыванія въ Боготѣ, не умеръ ни одинъ раненый послѣ большой операціи. Всѣхъ умершихъ прямо отъ ранъ было 4 чел.; изъ нихъ одинъ офицеръ и трое солдатъ, которые были привезены къ намъ въ безнадежномъ состояніи.

Въ началѣ ноября, А. С. Петлинъ получилъ приказаніе усилить летучіе отряды и идти съ ними за штабомъ гвардейскаго корпуса. Тогда же, на общемъ совѣтѣ съ д-ромъ Приселковымъ, рѣшено закрыть этапный лазаретъ въ Боготѣ и передать больныхъ, которыхъ нельзя было отправить въ транспортъ, въ вѣдѣніе 69-го военновременнаго госпиталя, и сдѣлать это подъ наблюденіемъ д-ра Бабаева, возвращавшагося въ Россію по домашнимъ обстоятельствамъ.

Намъ двоимъ, д-ру Куколь-Яснопольскому и мнѣ, предложено было, съ частью студентовъ, войти въ составъ летучихъ отрядовъ и отправиться вслѣдъ за отрядомъ Гурко. Складъ лазарета, съ тремя сестрами, двумя студентами, остальными санитарами и прислугой долженъ былъ выѣхать нѣсколько времени спустя и открыться на новомъ мѣстѣ, сообразно ходу военныхъ дѣйствій. Къ намъ вскорѣ присоединился В. Е. Бокъ, возвратившійся обратно изъ Телиша, такъ какъ усиленная канонада подъ Плевной заставила насъ безпокоиться о судьбѣ оставленнаго этапа. Кромѣ того, В. Е. Бокъ имѣлъ въ виду доставить намъ новые запасы изъ Систовскаго склада.

Выѣхавъ изъ Богота 2 ноября поздно вечеромъ, мы на другой же день выступили съ войсками въ походъ изъ Дольняго-Дубняка.

Превосходная теплая погода, новизна мѣста, своеобразный способъ передвиженія съ войсками,—заставляли насъ забывать усталость. Уполномоченный и врачи ѣхали верхами, а студенты, фельдшера и санитары большую часть пути шли пѣшкомъ, потому что всѣ наши 6 фуръ были заняты вещами. Здѣсь опять-таки недостатокъ перевозочныхъ средствъ далъ себя почувствовать.

Въ Блаженицѣ намъ въ первый разъ пришлось получить понятіе о „ночной тревогѣ“, которая, по счастью, оказалась ложною. Весь медицинскій персоналъ собрался въ нѣсколько минутъ. Но въ памяти каждаго изъ насъ осталось по этому поводу не мало комичныхъ сценъ, особенно на другое утро, когда мы увидѣли, между прочимъ, котелъ съ похлебкой, въ который, вслѣдствіе поспѣшности, втиснутъ былъ самоваръ, полушубокъ и свѣчи.

Въ Яблоницахъ мы стояли нѣсколько дней и хотѣли-было по предложенію корпуснаго врача взять на себя завѣдываніе пріемнымъ покоемъ, устроеннымъ д-ромъ Побѣдовымъ, какъ вдругъ получено было отъ генерала Гурко приказаніе снарядить летучій отрядъ для слѣдованія за генераломъРаухомъ, во время его обходнаго движенія на Правецъ. Доктора Янковскій и Гаусманъ, съ общаго согласія

взяли на себя по жребію участіе въ этомъ трудномъ и интересномъ походѣ.

Послѣ ихъ отъѣзда, въ тотъ же день вечеромъ, отрядъ нашъ, по предложенію А. С. Петлина, двинулся впередъ и долженъ былъ ночевать въ деревнѣ Осиковцѣ. Предполагалось сдѣлать это съ тою цѣлью, чтобы на случай работы въ слѣдующій день (ожидалось дѣло) имѣть въ запасѣ неутомленный медицинскій персоналъ.

Передвиженіе это, вслѣдствіе ночного времени, едва не кончилось для насъ очень печально.

Осиковецъ оказался только-что очищеннымъ отъ турокъ, и нашъ передовой аванпостъ располагался въ двухъ верстахъ отъ деревни, такъ что если бы насъ не остановилъ казачій пикетъ, то мы очутились бы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ.

Мы остановились ночевать, не доѣзжая Осиковца. На другой день, отрядъ нашъ долженъ былъ, по диспозиціи дѣла, взять на себя устройство главнаго перевязочнаго пункта, при отрядѣ генерала Рауха, въ деревнѣ Калугерово, куда А. С. Петлинъ и отправился вмѣстѣ съ нами. При этомъ оказалось, что Калугерово удалено отъ нашей стоянки не на 12 — 14 верстъ, а на всѣ 30; и вдобавокъ не было никакой дороги. Горная тропинка, по которой двигался генералъ Раухъ съ орудіями и зарядными ящиками, которые везли на себѣ люди,— оказалась невозможною для проѣзда простой фуры на лошадяхъ. Наконецъ, сломавъ на дорогѣ одну изъ фуръ, двѣ воловьихъ подводы, и утомивъ окончательно лошадей, мы рѣшили бросить весь нашъ обозъ, и, взявъ съ собою пять лошадей, на которыхъ были импровизованы вьюки изъ постельныхъ мѣшковъ, мы—4 врача верхами, а студенты пѣшкомъ—отправились дальше. Помимо безпрестаннаго подъема или спуска съ горъ, намъ пришлось переходить четыре раза рѣку вбродъ; а дорога мѣстами шла у такихъ обрывовъ, что, того и гляди, слетишь внизъ. На пути попадались неизбѣжные отсталые солдаты; и, наконецъ, мы встрѣтили офицера, который съ своими людьми хлопоталъ у завалившагося зараднаго ящика. Онъ сообщилъ намъ, что генералъ Раухъ уже вышелъ изъ Калугерова, и что онъ самъ направляется туда, а посланный имъ верховой долженъ завтра утромъ доставить ему свѣдѣнія о томъ, гдѣ находится генералъ Раухъ.

Было около 8 часовъ вечера и совершенно темно, когда мы, усталые и голодные, добрели до Калугерова. Въ довершеніе всего уходившая отсюда рота сообщила намъ, что въ деревнѣ никого нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ саперныхъ солдатъ; а отъ болгарскаго священника, у котораго остановились мы ночевать, узнали, что турки находятся по близости. Въ деревнѣ нельзя было ничего достать, кромѣ кукурузнаго

хлѣба. Какъ вкусенъ показался онъ намъ тогда, и какъ хорошъ былъ чай, сваренный въ котлѣ, который мы распивали въ высушенныхъ тыквахъ!...

На разсвѣтѣ, намъ было дано знать, что генералъ Раухъ съ своимъ отрядомъ находится въ 5—6 верстахъ отъ Калугерова, и я, вмѣстѣ съ д-ромъ Веймаромъ и однимъ проводникомъ, отправились туда. На казачьемъ бивуакѣ мы встрѣтили врачей нашего отряда, которые сообщили намъ, что генералъ Раухъ еще подвинулся впередъ, по крайней мѣрѣ версты на три. Пробраться дальше было крайне затруднительно, вслѣдствіе загроможденія дороги зарядными ящиками и фурами; и мы, вмѣсто личнаго свиданія, просили д-ра Гаусмана передать генералу Рауху, что, по нашему мнѣнію, деревня Калугерово ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить главнымъ перевязочнымъ пунктомъ. Во-первыхъ, оттуда нельзя отправлять транспорта раненыхъ, при полномъ отсутствіи перевозочныхъ средствъ и невообразимой дорогѣ; во-вторыхъ, невозможно доставать продовольствіе для раненыхъ; въ-третьихъ, наше снабженіе, вслѣдствіе брошенныхъ фуръ, до такой степени скудно, что мы едва-ли можемъ служить какою-нибудь серьёзною помощью.

Вернувшись въ Калугерово, мы получили съ казакомъ извѣстіе, что генералъ Раухъ вполнѣ раздѣляетъ наше мнѣніе, и мы можемъ двинуться обратно, что̀, конечно, было немедленно исполнено. Мы, врачи, верхами, пріѣхали въ деревню Осиковецъ уже поздно вечеромъ [1]), и здѣсь вмѣстѣ съ А. С. Петлинымъ, я немедленно явился къ корпусному врачу, передалъ ему правдивый разсказъ о нашемъ путешествіи и крайнее сожалѣніе, что, въ случаѣ скопленія раненыхъ, мы, съ своей стороны, не можемъ служить ему ни носильщиками, ни другими приспособленіями для перевозки. Къ счастью, въ этомъ и не оказалось никакой надобности, такъ какъ раненыхъ подъ Правцомъ было всего 27 чел., и они доставлены другой дорогой. Здѣсь было получено извѣстіе отъ уполномоченнаго гр. Соллогуба, что нашъ лазаретъ закрытъ въ Боготѣ, что В. Е. Бокъ отправился въ Систово для пополненія склада, а оставшійся медицинскій персоналъ и складъ подвигаются на подводахъ „Краснаго Креста" и уже должны быть въ Радомірцахъ. Тогда представился серьёзный вопросъ: гдѣ опять открыть лазаретъ. Въ Осиковцѣ уже былъ лазаретъ 1-ой гвардейской дивизіи, и сюда черезъ день ждали прибытія лазарета 2-ой гвардейской дивизіи; слѣдовательно, въ третьемъ лазаретѣ пока не было никакой нужды. Въ Радомірцахъ открывать его было неудобно, такъ

---

[1]) Остальной медицинскій персоналъ, сдѣлавшій все это путешествіе пѣшкомъ, прибылъ на другой день.

какъ сама деревня расположена на шоссе, на разстояніи 3-хъ верстъ ужасающей проселочной дороги. Въ дер. Яблоницахъ, почти совершенно разрушенной, былъ также устроенъ пріемный покой; къ тому же, развалившіеся дома представляли мало удобствъ для открытія лазарета. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, на нашемъ общемъ совѣтѣ рѣшено было направить транспортъ въ Осиковецъ и обождать здѣсь нѣсколько дней съ открытіемъ лазарета, тѣмъ болѣе, что по случаю быстраго взятія Этрополя была надежда занять въ скоромъ времени Орханіэ, которое, конечно, какъ болѣе населенное мѣсто, представляло всѣ удобства для выбора помѣщенія.

Собравшійся въ это время въ Осиковцѣ весь нашъ санитарный отрядъ, черезъ нѣсколько дней, опять раздѣлился вслѣдствіе письма А. С. Петлина изъ Этрополя, куда онъ потребовалъ немедленнаго прибытія 4-хъ врачей, съ студентами, санитарами и перевязочными средствами. Одновременно съ этимъ главный врачъ 1-ой гвардейской дивизіи д-ръ Фовелинъ предложилъ мнѣ, совмѣстно съ д-ромъ Куколь-Яснопольскимъ, помогать д-ру Галанину, тогда больному, въ работѣ по дивизіонному лазарету, имѣвшему около 100 больныхъ и раненыхъ. Самъ же д-ръ Фовелинъ съ тремя другими врачами долженъ былъ отправиться, по распоряженію корпуснаго врача, въ Этрополь. На этомъ основаніи я взялъ на себя въ дивизіонномъ лазаретѣ хирургическихъ больныхъ, а д-ръ Куколь-Яснопольскій терапевтическихъ. Тогда же мнѣ пришлось съ однимъ студентомъ съѣздить въ Яблоницы, гдѣ мы приготовили для транспорта около 50 чел. раненыхъ и снабдили пріемный покой различными перевязочными средствами и лекарствами изъ нашего склада. Помимо занятій въ лазаретѣ, намъ пришлось принимать 2 транспорта: одинъ слишкомъ въ 100 чел.; другой гораздо меньше, такъ какъ часть его по ошибкѣ прошла прямо въ Яблоницы; послѣдній транспортъ былъ накормленъ нами. Наконецъ 21 ноября, одновременно съ приказомъ двинуть въ Орханіэ летучій отрядъ изъ второго дивизіоннаго лазарета, мы получили также приглашеніе отправиться въ Орханіэ и открыть тамъ нашъ лазаретъ.

Транспортъ нашъ въ это время, благодаря фургонамъ гр. Соллогуба и повозкамъ, полученнымъ отъ инспектора госпиталей, съ 10-ю юртами, доходилъ до 70 подводъ. Со всѣмъ этимъ мы двинулись 22-го числа, а 23-го уже работали въ Орханіэ, въ доставшемся на нашу долю помѣщеніи (бывшей болгарской школѣ), имѣя на своихъ рукахъ 125 раненыхъ и больныхъ. Помѣщеніе это, какъ мы узнали послѣ, служило и для турокъ госпиталемъ. Персоналъ нашъ въ Орханіэ состоялъ изъ уполномоченнаго В. Е. Бока, двухъ врачей, 1 провизора и двухъ лекарскихъ помощниковъ; кромѣ того, у насъ было здѣсь

3 сестры, 3 студента, 2 фельдшера, 12 санитаровъ, затѣмъ прачки, кухарки и 5 чел. кучеровъ. Къ этому числу нужно прибавить еще работавшаго прежде въ Систовскомъ складѣ швейцарца Тардана, который поступилъ въ лазаретъ по собственному желанію и не уступалъ въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей нашимъ сестрамъ и студентамъ фельдшерамъ.

Первою нашею мыслью по прибытіи въ Орханіэ было: привести госпиталь въ надлежащій видъ, т.-е. устроить болѣе удобное помѣщеніе для больныхъ, отдѣлить операціонную комнату и пр. Но все это удалось сдѣлать только съ прибытіемъ командующаго отрядомъ, генерала Гурко, отъ котораго мы получили разрѣшеніе разгрузить нашъ транспортъ, потому что, до его прибытія, этого не бралъ на себя ни одинъ изъ находившихся здѣсь генераловъ, считая наше положеніе недостаточно обезпеченнымъ.

Госпиталь помѣщался въ большомъ деревянномъ зданіи, оштукатуренномъ внутри и снаружи; въ немъ были устроены три палаты въ нижнемъ этажѣ и двѣ въ верхнемъ; третья комната верхняго этажа занята складомъ и служила мѣстомъ для операцій. Вмѣстить въ госпиталѣ болѣе 120 чел. больныхъ и раненыхъ я не считалъ возможнымъ, избѣгая печальныхъ послѣдствій скученія хирургическихъ больныхъ. Въ двухъ палатахъ больные помѣщались на койкахъ; одна изъ нихъ, меньшая, назначалась для офицеровъ и была снабжена нашими желѣзными кроватями; другая—для солдатъ, вмѣщавшая 30 чел., имѣла прекрасныя деревянныя турецкія койки, найденныя нами въ чуланахъ и на дворѣ. Впрочемъ, въ послѣдней палатѣ перебывало также не мало офицеровъ. Въ другихъ палатахъ раненые и больные лежали на полу, на такихъ же матрацахъ и подушкахъ, какъ въ Боготѣ. Впослѣдствіи намъ удалось и въ третьей большой палатѣ поставить койки. Помимо этого для больныхъ приготовлено было 8 юртъ, благодаря любезности генерала Косинскаго, пославшаго намъ 10 юртъ на своихъ подводахъ. Но мы не пользовались юртами, по случаю страшныхъ холодовъ и невозможности поставить въ нихъ желѣзныя печи, вдобавокъ 4 изъ нихъ сломались отъ выпавшаго ночью снѣга. Такимъ образомъ, когда явилась надобность, наша общая столовая, въ теченіи нѣсколькихъ дней, служила помѣщеніемъ для больныхъ.

Желѣзныя печи были вначалѣ поставлены въ двухъ палатахъ; но наступившіе сильные холода заставили устроить простыя кирпичныя печи и въ остальныхъ палатахъ;—я лично отдаю предпочтеніе кирпичнымъ печамъ. Какъ ни покажется страннымъ, но поставить печи было гораздо легче, чѣмъ протапливать ихъ, потому что болгары ни подъ какимъ видомъ не продавали своихъ дровъ,—и приходилось по-

сылать за топливомъ нашихъ кучеровъ съ казаками за нѣсколько верстъ.

Въ виду крайняго неудобства вести хозяйство одновременно съ леченіемъ больныхъ, такъ какъ насъ было только двое врачей, а больные ежедневно прибывали, В. Е. Бокъ взялъ на себя хозяйство и завѣдываніе складомъ, вмѣстѣ съ г. Чекуверомъ, и производилъ ежедневную раздачу теплыхъ вещей, бѣлья и пр. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, а равно посылалъ разныя вещи на позиціи и въ дивизіонные госпитали. Провизоръ И. М. Данцигъ, помимо отпуска лекарствъ въ нашъ лазаретъ, снабженія летучихъ отрядовъ, какъ въ Боготѣ,—особенно занимался здѣсь приготовленіемъ лекарствъ для полковыхъ лазаретовъ по частнымъ рецептамъ врачей, а подчасъ и для дивизіонныхъ лазаретовъ. Въ Орханіэ запасъ лекарственныхъ веществъ былъ пополненъ медикаментами, выписанными изъ Бухареста, взятыми заимообразно у военнополевого медицинскаго инспектора, полученными В. Е. Бокомъ изъ Женевы, привезенными уполномоченнымъ Вуичемъ, и, наконецъ, изъ только-что прибывшей нашей походной аптеки, которою мы до сихъ поръ не пользовались, такъ какъ она затерялась на одной изъ станцій Румынской желѣзной дороги, и за нею пришлось посылать нарочнаго.

Вслѣдствіе полнаго отсутствія (по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣкотораго времени) подводъ для транспорта больныхъ, невозможности найти большое помѣщеніе, совмѣстно съ недостаткомъ котловъ для приготовленія пищи и прислуги,—мы принуждены были во все время пребыванія нашего въ Орханіэ, съ 23 ноября по 8 февраля, ограничить число нашихъ больныхъ до 560 чел. Намъ могутъ поставить въ вину: какимъ образомъ мы могли ограничить нашу дѣятельность такимъ небольшимъ числомъ, въ то время, когда въ дивизіонныхъ лазаретахъ бывало больныхъ по 800, по 1000 чел. въ день. Только-что указанныя причины служатъ на это достаточнымъ объясненіемъ. Помѣщая бо̀льшее число (у насъ обыкновенно бывало всего 150 чел. въ день и только нѣсколько дней 175 ч.), мы ставили бы нашихъ больныхъ въ условія дивизіонныхъ госпиталей, а потомъ и военно-временнаго госпиталя въ Орханіэ. Эти условія въ этапномъ лазаретѣ Цесаревны, какъ частномъ учрежденіи, были немыслимы, потому что они исключали бы всякую возможность какой-нибудь серьёзной помощи тяжелораненымъ и больнымъ. Отказываться отъ болѣе широкой дѣятельности приходилось только по необходимости, и было для насъ тѣмъ болѣе обидно, что весь нашъ персоналъ вполнѣ свыкся съ своей работой, и медицинскихъ рукъ было бы достаточно и на двойное число больныхъ.

Въ Орханіэ пища больнымъ распредѣлялась такимъ же образомъ, какъ и въ Боготѣ, но была довольно однообразна, потому что, несмотря

на всѣ заботы уполномоченнаго, ничего нельзя было добыть, кромѣ говядины и баранины. За 10 яицъ платили отъ $1^1/_2$ до 2 фр. Молока можно было достать небольше нѣсколькихъ стакановъ въ день. Немалымъ подспорьемъ былъ для насъ рисъ и пшенная крупа, добытая изъ турецкихъ запасовъ [1]). Но, разумѣется, еще важнѣе былъ для насъ хорошо выпеченный хлѣбъ, посылаемый къ намъ ежедневно изъ полковыхъ пекаренъ, такъ что сухарями и турецкими галетами пришлось продовольствовать больныхъ не болѣе 2-хъ недѣль. Бѣлаго хлѣба, и то черстваго и подчасъ кислаго, кромѣ купленнаго за дорогую цѣну у маркитантовъ, мы почти не видали. Разнообразіемъ для офицерскаго стола служили консервы Азибера; изъ нихъ лучшими оказались: куриный бульонъ, щи, борщъ и зелень. Въ спиртѣ, водкѣ, винѣ, а равно и чаѣ не было недостатка. Приготовленіе пищи представляло сперва не мало затрудненій, которыя были устранены тѣмъ, что для нижнихъ чиновъ она варилась особымъ солдатомъ—кашеваромъ, а для офицеровъ и насъ удалось, наконецъ, отыскать повара, такъ какъ прежній сбѣжалъ отъ насъ къ румынскому князю.

Около половины января, согласно письму А. С. Петлина изъ Филиппополя, мы уже совсѣмъ приготовились сдать нашихъ больныхъ въ вѣдѣніе 64-го военно-временнаго госпиталя, прибывшаго тогда въ Орханіэ, и двинуться дальше, какъ получено было новое письмо съ извѣстіемъ о перемиріи, которое заставило насъ остаться на мѣстѣ. А. С. Петлинъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ намъ, что онъ прибудетъ въ первыхъ числахъ февраля въ Орханіэ, и мы двинемся въ обратный путь.

6 февраля, опять получено было письмо, изъ котораго мы узнали, что отрядъ нашъ съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій поступаетъ въ распоряженіе князя Черкасскаго; намъ, врачамъ, предлагается, если мы признаемъ возможнымъ, отправиться въ Адріанополь, а всему остальному персоналу, вмѣстѣ съ В. Е. Бокомъ (кромѣ санитаровъ)—въ Филиппополь для присоединенія къ летучему отряду.

Мое разстроенное здоровье требовало прекращенія работы; то же чувствовалъ и докторъ Куколь-Яснопольскій,—и потому мы отказались отъ дальнѣйшей поѣздки. Къ тому же, самое существованіе этапа въ Орханіэ, вслѣдствіе измѣненія въ направленіи эвакуаціи, оказывалось излишнимъ. Къ намъ присоединились: три студента, двѣ больныхъ сестры [2]) и два фельдшера.

---

[1]) Изъ турецкихъ же запасовъ получены были, кромѣ ячменя для лошадей, теплые чулки и около 300 болгарскихъ коврковъ, служившихъ первое время одѣялами и для больныхъ; потомъ мы ихъ отпускали въ транспортъ.

[2]) Сестра Крылова изъ всѣхъ насъ, работавшихъ при этапномъ лазаретѣ, поплатилась серьёзнѣе другихъ, такъ какъ пролежала около 5-ти недѣль въ сыпномъ тифѣ.

7-го февраля, передавъ все наше помѣщеніе съ 40 челов. больными въ вѣдѣніе военно-временного госпиталя, мы на другой же день двинулись въ путь, а 15-го уже плыли на пароходѣ по Дунаю въ Журжево. Остальной составъ нашего персонала отправился въ Филиппополь. Половина вещей была взята ими, а другая передана въ 64-й госпиталь и послана въ Систово, подъ наблюденіемъ лекарскаго помощника Чекувера. Одновременно съ этимъ послѣдовало распоряженіе князя Черкасскаго о передачѣ въ Систовѣ „Склада этапнаго лазарета Государыни Цесаревны" въ вѣдѣніе уполномоченнаго, завѣдывающаго складомъ „Краснаго Креста".

Перехожу теперь къ медицинской сторонѣ дѣла.

Нашъ лазаретъ, какъ совершенно самостоятельное учрежденіе, работалъ 116 дней и открывался три раза: въ первый—на 14 дней; во второй—на 25; въ третій—на 77. Общее число лицъ, лежавшихъ въ лазаретѣ, было—891; сюда не включены приходящіе. Общее количество больничныхъ дней — 7,243 [1]), и распредѣляется: на долю деревни Митхадъ-паши—84 дня, Богота—865, и, наконецъ, Орханіэ — 6,304. Такимъ образомъ, среднее число больныхъ на день приходится 63. Само-собою разумѣется, что это число не даетъ никакого дѣйствительнаго представленія о работѣ за короткій промежутокъ времени, потому что рядомъ съ днями, гдѣ въ лазаретѣ было болѣе 175 челов. больныхъ — напримѣръ, въ Орханіэ — случались и дни, гдѣ число ихъ, какъ въ Митхадъ-пашѣ, не превышало 10 человѣкъ.

Число механическихъ повреждeній достигло 578: изъ нихъ офицеровъ—83; нижнихъ чиновъ—494; разночинцевъ—1. На 578 раненыхъ приходилось 663 раненія:

Съ 1-й раной	. . . . . .	506	человѣкъ.
„ 2-мя „	. . . . . .	64	„
„ 3-мя „	. . . . . .	5	„
„ 4-мя „	. . . . . .	1	„
„ 5-ю „	. . . . . .	2	„

А вотъ списокъ больныхъ, числомъ всего 313:

Отмороженіе	74	человѣка.
Перемежающіяся лихорадки	34	„
Тифъ	36	„
Дизентерія	12	„

---

[1]) Число это не абсолютно точное, такъ какъ день отправленія и прибытія нѣкоторыхъ больныхъ не включенъ въ общее число дней ихъ пребыванія въ лазаретѣ, а въ эти дни они несомнѣнно получали пищу.

Венерическое заболѣваніе	8	„
Свѣжее заболѣваніе пищеварительныхъ органовъ	41	„
Свѣжее заболѣваніе дыхательныхъ органовъ	40	„
Простое заболѣваніе костей, суставовъ и мышцъ	33	„
Легочная чахотка	4	„
Наружное заболѣваніе кожи, подкожной клѣтчатки, слизистыхъ оболочекъ и уха	13	„
Глазныя болѣзни	4	„
Простые переломы и ушибы	14	„

Изъ этого числа 313 больныхъ: офицеровъ было 37; нижнихъ чиновъ—265; разночинцевъ—11.

Изъ всего числа 891 раненыхъ и больныхъ умерло въ лазаретѣ 32, чтó составляетъ 3,6% смертности.

Число это, впрочемъ, неодинаково для терапевтическихъ и хирургическихъ больныхъ. Терапевтическихъ умерло 13: изъ нихъ 12 нижнихъ чиновъ и 1 разночинецъ, чтò составляетъ 4,15% смертности на общее число ихъ.

Изъ числа 13,—умерло:

Отъ тифа	5	человѣкъ.
„ дизентеріи	1	„
„ остраго перитонита	2	„
„ крупозной пневмоніи	1	„
„ легочной чахотки	1	„
„ капиллярнаго бронхита	1	„
„ скопленія гноя и воздуха въ области плевры	2	„

Хирургическихъ больныхъ умерло 19, чтó даетъ къ общему числу ихъ 3,3% смертности. Изъ нихъ: офицеровъ—4; нижнихъ чиновъ—14; разночинцевъ—1.

Изъ этого числа 19,—умерло:

Отъ остраго малокровія	1 [1]	человѣкъ.
„ воспаленія мозговыхъ оболочекъ	1	„
„ нарыва въ головномъ мозгу	1	„
„ скопленія гноя и воздуха въ полости плевры	3	„
„ гнойнаго воспаленія плевры	1	„
„ гнойнаго воспаленія сердечной сорочки	1	„
„ остраго воспаленія брюшины	1	„
„ острой піэміи	1	„
„ хронической піэміи	6 [2]	„
„ дизентеріи	1	„

[1]) См. № 573 *пріем. кн. этап. лаз.* Доставленъ въ безнадежномъ состояніи, съ оторванной правой рукой въ плечѣ и лѣвой ногой въ бедрѣ отъ разрыва гранаты.

[2]) Относительно большого числа смертности отъ хронической піэміи нужно замѣтить, что въ нашъ лазаретъ въ Орханіэ доставлены были одновременно со всѣми признаками піэміи трое больныхъ, съ огнестрѣльнымъ переломомъ бедра, спустя мѣсяцъ послѣ поврежденія, и умерли очень скоро послѣ поступленія въ лазаретъ.

Изъ общаго числа 891 челов. возвратились къ своимъ частямъ—162; переданы въ военно-временные госпитали въ Горномъ-Студенѣ, Боготѣ и Орханіэ—55; отправлено въ транспортъ—642 человѣка.

При назначеніи въ транспорты, мы съ нашими больными изъ Орханіэ отпускали только санитаровъ, потому что нашъ транспортъ всегда присоединялся къ транспорту дивизіонныхъ госпиталей, при которыхъ уже была медицинская помощь. Относительно назначенія больныхъ въ транспортъ обращалось всегда самое строгое вниманіе на возможность его вреднаго вліянія на раненыхъ; поэтому, всѣ серьёзныя поврежденія головы, груди, живота служили для этого противопоказаніемъ. Большія огнестрѣльныя поврежденія суставовъ если не подвергались операціи, то посылались въ транспортъ только въ случаѣ полной надежды на консервативное леченіе. То же дѣлалось и съ огнестрѣльными переломами длинныхъ трубчатыхъ костей. Понятно, что для тѣхъ и другихъ больныхъ наложеніе гипсовой повязки было необходимымъ условіемъ отправленія въ транспортъ.

Однако, несмотря на всѣ принимаемыя предосторожности, мы, къ сожалѣнію, узнали потомъ, что нами были сдѣланы въ этомъ направленіи неизбѣжныя ошибки, и транспортъ дурно отозвался на нѣкоторыхъ раненыхъ.

За неимѣніемъ собственныхъ перевозочныхъ средствъ для транспорта раненыхъ и больныхъ, служили воловьи подводы, конныя интендантскія повозки, фуры „Краснаго Креста", облегченныя полковыя линейки и фургоны (въ послѣднихъ двухъ обыкновенно привозили раненыхъ); наконецъ, вѣнскіе рессорные фургоны князя Черкасскаго. Изъ всѣхъ этихъ перевозочныхъ средствъ, на основаніи опыта, я лично отдаю предпочтеніе фургонамъ „Краснаго Креста" (посланнымъ П. А. Рихтеромъ изъ Румыніи), по ихъ относительной легкости и удобству починки. При этомъ не подлежитъ сомнѣнію, что конструкція ихъ для полнаго достиженія цѣли должна подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ, а именно: 1) повозка должна имѣть болѣе широкій ходъ; 2) рама для помѣщенія тюфяка должна лежать ниже, для приданія фурѣ бо́льшей устойчивости; 3) верхняя часть ея должна откидываться сбоку; 4) извѣстное число фуръ должно быть снабжено для особенно трудно раненыхъ пружинными подушками, вмѣсто тюфяковъ, набитыхъ соломою.

Не считая себя въ правѣ говорить что-либо о своеобразности заболѣванія и леченія терапевтическихъ больныхъ, которые были исключительно на рукахъ у доктора Куколь-Яснопольскаго, я перейду къ хирургическимъ, такъ какъ это прямымъ образомъ касается моей спеціальности, тѣмъ болѣе, что и лазаретъ, по своей цѣли и снабженію, предназначался едва ли не исключительно для раненыхъ.

Всякій прибывающій раненый получалъ въ лазаретѣ прежде всего теплую пищу или чай, смотря по часу дня. Первая перевязка производилась обыкновенно при слѣдующихъ условіяхъ: всѣмъ больнымъ, которые могли двигаться сами, перевязка дѣлалась на открытомъ воздухѣ или въ операціонной комнатѣ, сообразно времени года. При этомъ весь медицинскій персоналъ: доктора, студенты и сестры, дѣлился на три группы: одна снимала старыя повязки и бѣлье, пропитанное гноемъ и кровью; другая ставила діагнозъ, дѣлала необходимыя малыя операціи и накладывала простыя повязки; а третья— накладывала шинныя и гипсовыя повязки. Понятно, что при такомъ раздѣленіи работы каждый раненый, переходя изъ рукъ въ руки, подвергался необходимымъ образомъ тщательному осмотру, — и работа шла быстрѣе, такъ какъ мы не мѣшали другъ другу. Съ лежачими больными поступали такимъ же способомъ.

Богатое снабженіе лазарета бѣльемъ и перевязочными средствами позволяло намъ совершенно истреблять повязки, бывшія хоть разъ въ употребленіи, а равно и сжигать первое бѣлье, бывшее на больномъ въ моментъ раненія.

Наша обыкновенная перевязка состояла изъ компресса мягкой марли, смоченнаго 2, 5, 10% растворомъ карболовой кислоты; поверхъ компресса клалась гигроскопическая вата и кусокъ вощенной бумаги, если не было особенно обильнаго или дурного нагноенія въ ранѣ. Также часто поверхъ марлеваго компресса, если оказывалась воспалительная реакція въ окружности, мы употребляли обыкновенный согрѣвающій компрессъ. Корпія шла въ дѣло только въ случаяхъ особенно сильнаго нагноенія при *anus praeternaturalis* и при *pyopneumothorax*, и то въ избѣжаніе слишкомъ частой смѣны бѣлья. На этомъ основаніи, я лично считаю совершенно излишнимъ снабженіе лазаретовъ, подобныхъ нашему, большимъ запасомъ корпіи и окончатыхъ компрессовъ.

Изъ безконечнаго разнообразія бывшихъ у насъ шинъ, самыми практичными оказались: деревянныя шины Фолькмана, жестяные жолоба для нижнихъ конечностей съ подставками и проволочныя шины для верхнихъ, которыя прикладываются къ внутренней поверхности руки. Хирургъ — имѣя ихъ подъ рукою, а также достаточное количество лубковъ различной длины и толщины, обыкновенный картонъ и нѣсколько блоковъ — никогда не встрѣтитъ затрудненія, даже при наложеніи самой сложной повязки.

Превосходный способъ накладыванія гипсовой повязки заранѣе приготовленными бинтами требуетъ особеннаго вниманія при ихъ заготовкѣ и сохраненіи, потому что если нагипсованный бинтъ скрученъ очень крѣпко, то онъ не пропитывается водою, и всѣ выгоды наложенія повязки этимъ способомъ, конечно, теряются. Къ сожалѣ-

нію, рядомъ съ превосходными гипсовыми бинтами были и никуда негодные.

Операціонный столъ Пасельцера сохраняетъ не мало времени и избавляетъ отъ лишнихъ страданій больныхъ съ огнестрѣльными переломами бедра.

Всѣхъ гипсовыхъ повязокъ было наложено въ нашемъ лазаретѣ 112 штукъ. Въ первое время всѣ сложныя повязки накладывались исключительно мною; но потомъ наши студенты и сестры такъ наловчились въ нихъ, что я счелъ полезнымъ поручить каждому изъ нихъ нѣсколько постоянныхъ больныхъ, и моя роль ограничивалась совѣтомъ и наблюденіемъ. Благопріятное теченіе ранъ при вышеописанномъ способѣ перевязки (которая обыкновенно оставлялась на сутки) заставляло меня рѣдко прибѣгать къ другимъ способамъ. Само собою разумѣется, что при этомъ обращалось особенное вниманіе на свободный выходъ гноя. Въ случаѣ гнойныхъ затековъ при огнестрѣльныхъ переломахъ костей я не скупился глубокими разрѣзами и проведеніемъ очень толстаго дренажа, иногда во всю толщу бедра, голени, плеча и предплечья. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ я прибѣгалъ особенно охотно къ открытому способу леченья огнестрѣльныхъ ранъ, а также употреблялъ его при ампутаціяхъ, когда замѣчалъ на культѣ во время операцій существованіе межмышечной флегмоны. При этомъ лоскуты не сшивались; и вся перевязка ограничивалась прикрытіемъ мягкою марлею, смоченною растворомъ карболовой кислоты. Результаты способа были благопріятны.

Способъ Листера, примѣненный во всей строгости, какъ я видѣлъ его въ Эдинбургѣ, употреблялся только въ двухъ случаяхъ резекціи колѣннаго сустава и ампутаціи въ половинѣ предплечья; поэтому я и воздерживаюсь отъ какихъ-либо заключеній.

Что же касается до катгута, то имъ перевязывались всѣ сосуды, за исключеніемъ перевязки *ar. femoralis*, и мнѣ никогда не приходилось раскаяваться въ этомъ, потому что при его употребленіи ни разу не наблюдались послѣдовательныя кровотеченія. О постоянномъ вытяженіи и орошеніи я не имѣю права распространяться, такъ какъ они употреблялись у насъ только три раза.

Въ виду того, что весь мой опытъ военной хирургіи ограничивается настоящей кампаніей, я не рѣшаюсь высказывать мое мнѣніе относительно многихъ спорныхъ и интересныхъ вопросовъ, какъ, напр., степени опасности раненія отъ ружейныхъ пуль различныхъ системъ, внѣшней формы раненій разнаго рода пулями, объ особенно благопріятномъ теченіи огнестрѣльныхъ поврежденій груди, преимущественно леченія огнестрѣльныхъ переломовъ бедра вытяженіемъ, съ

примѣненіемъ постояннаго орошенія или безъ него передъ гипсовыми повязками и т. д. Все это вопросы, удовлетворительное рѣшеніе которыхъ возможно только на основаніи обширнаго ряда наблюденій и долгаго основательнаго изученія.

Съ своей стороны, я рѣшаюсь высказать мои личныя соображенія только относительно того, насколько полезны подобныя учрежденія и желательно ли вообще ихъ существованіе во время войны и въ какомъ видѣ.

Частныя учрежденія въ непосредственной близости военныхъ дѣйствій важны по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) Опытъ показалъ, что характеръ всякой войны представляетъ много своеобразностей, и потому заранѣе предвидѣть то или другое нѣтъ никакой возможности. Не подлежитъ сомнѣнію, что частное учрежденіе, которое не имѣетъ необходимости испрашивать разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и вдобавокъ хорошо обставленное съ матеріальной стороны, всегда обойдетъ встрѣчающіяся затрудненія быстрѣе и лучше, чѣмъ учрежденіе, существующее на другихъ началахъ. 2) Непосредственная зависимость подобнаго частнаго учрежденія отъ одного войскового начальства заставляетъ его быть крайне чуткимъ ко всѣмъ требованіямъ военнаго времени, потому что въ противномъ случаѣ оно становится ненужнымъ и неизбѣжно должно прекратить свое существованіе. 3) Небольшое частное учрежденіе даетъ возможность строгаго выбора лицъ, которымъ поручается завѣдываніе его, а потому и довѣрія къ нимъ. Завѣдывающія лица, въ свою очередь, имѣютъ полную возможность контролировать какъ медицинскую помощь, такъ и всю хозяйственную часть, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ они поставлены.

Упрекъ, который обыкновенно дѣлается этимъ учрежденіямъ относительно ихъ будто бы громадной стоимости, по моему мнѣнію, лишенъ основанія. Если стоимость больничнаго дня въ подобномъ частномъ учрежденіи будетъ значительнѣе, то это прямо обусловливается *лучшимъ* содержаніемъ, а равно и уходомъ за больными. Если же мы примемъ во вниманіе стоимость первоначальнаго обзаведенія военно-медицинскихъ учрежденій во время войны, то легко можетъ оказаться, что стоимость частнаго хорошо устроеннаго учрежденія съ опредѣленнымъ числомъ больныхъ будетъ равная, а можетъ быть и меньше.

Другимъ возраженіемъ противъ существованія частныхъ самостоятельныхъ учрежденій на самомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій служитъ ихъ предполагаемое и будто бы неизбѣжное препирательство съ военно-медицинскими учрежденіями, которое должно дурно отозваться на ходѣ всего дѣла. Опытъ нынѣшней войны показалъ, что если частное учрежденіе, въ какомъ бы то ни было видѣ, оказывается

дѣйствительно полезнымъ, то такого препирательства на дѣлѣ почти не существуетъ. Если бы оно и существовало, то, по моему мнѣнію, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ вредить дѣлу, вслѣдствіе прямого подчиненія частныхъ учрежденій только одному войсковому начальству. Вдобавокъ конкурренція въ этомъ случаѣ лучше всего поможетъ въ будущемъ устройству учрежденій, вполнѣ удовлетворяющихъ своей цѣли во время войны.

Но мы, разумѣется, можемъ говорить только о настоящемъ, и, по моему личному убѣжденію, необходимо внести нѣкоторыя дополненія и измѣненія въ этихъ учрежденіяхъ частной благотворительности.

Одновременно съ существованіемъ главнаго уполномоченнаго въ извѣстномъ отрядѣ, въ рукахъ котораго находятся денежныя средства, отчетность и непосредственныя сношенія съ войсковымъ начальствомъ, съ тою цѣлью, чтобы силы медицинскаго персонала были употреблены съ наибольшею пользою, необходимо существованіе извѣстнаго числа помощниковъ, завѣдующихъ хозяйственною частью, продовольствіемъ больныхъ и персонала, перевозочными средствами и своевременною доставкою транспортовъ со всѣмъ необходимымъ. Для успѣха дѣла чрезвычайно важно, чтобы лица эти были вполнѣ знакомы съ дѣломъ, которое возлагается на нихъ, и чтобы ни одно изъ ихъ существенныхъ распоряженій не проходило — какъ это неизмѣнно соблюдалось у насъ—безъ согласія врачей, какъ лицъ, которые только тогда и могутъ дѣйствительно исполнять свою обязанность, когда ихъ законныя требованія, касающіяся больныхъ и раненыхъ, будутъ по возможности удовлетворяться.

Для того, чтобы частное небольшое учрежденіе могло приносить пользу въ болѣе широкихъ размѣрахъ, необходимо, чтобы въ составъ лицъ собственно лазарета входило четыре или по крайней мѣрѣ три врача. Это условіе необходимо въ виду болѣзни и другихъ случайностей, которыя могутъ разстроить все дѣло. Лучшими помощниками врачей, какъ показалъ опытъ, могутъ быть студенты и сестры, число которыхъ опредѣляется размѣрами учрежденія.

Что касается летучихъ отрядовъ, на долю которыхъ въ этой кампаніи выпала видная роль быть связующимъ звеномъ между перевязочнымъ пунктомъ и дивизіоннымъ лазаретомъ, то я лично не имѣю ничего возразить противъ сказаннаго д-ромъ Гаусманомъ въ его отчетѣ, напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Народной Помощи“, и признаю вполнѣ цѣлесообразными тѣ частности устройства летучихъ отрядовъ, какія предлагаются имъ на будущее время. Я также думаю, что летучіе отряды могутъ быть вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ безъ всякаго лазарета, имѣя съ собою одни склады. Къ этому я хотѣлъ только добавить, что одновременно съ ними могутъ быть и другіе летучіе отряды собственно при лазаретѣ и составлять съ нимъ

одно цѣлое, отдѣляясь въ случаѣ надобности и опять входя въ составъ его. Такое устройство я считаю необходимымъ, въ виду громаднаго числа раненыхъ, которые при настоящихъ условіяхъ войны съ-разу выбываютъ изъ строя, а также въ виду правильной эвакуаціи лазарета.

Равнымъ образомъ, мнѣ кажется, что численность медицинскаго персонала летучихъ отрядовъ при лазаретѣ не должна превосходить численность персонала самаго лазарета, потому что этимъ окончательно подрывается существованіе послѣдняго, какъ основного учрежденія.

Мнѣніе д-ра Гаусмана о выборѣ лицъ для прислуги въ летучіе отряды вполнѣ приложимо и для лазарета. Къ составу ея необходимо только прибавить еще нѣсколько человѣкъ: повара, кашеваровъ, прачекъ, кузнеца, плотника, столяра и печника. Послѣдніе въ свободное время могли бы исполнять обязанности обыкновенной прислуги.

Лазаретъ, какъ мобильное учрежденіе, вовсе не нуждается во многихъ приспособленіяхъ хорошо устроеннаго госпиталя въ мирное время. Но, съ другой стороны, необходимо обратить особенное вниманіе на то, чтобы имѣлись въ немъ достаточные запасы лекарствъ, предметовъ продовольствія, какихъ не всегда легко достать на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, а равно и надлежащее количество шатровъ, палатокъ, котловъ и пр.

Наконецъ, необходимо, чтобы лазаретъ обладалъ достаточнымъ количествомъ собственныхъ перевозочныхъ средствъ и притомъ по возможности приспособленныхъ къ мѣстности, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія. Это весьма важно для своевременной доставки раненыхъ въ лазаретъ, ихъ правильной дальнѣйшей эвакуаціи, снабженія лазарета транспортами. Этимъ обусловливается возможность отдѣленія летучихъ отрядовъ отъ лазарета и передвиженія самого лазарета.

Во всемъ этомъ меня убѣдилъ опытъ послѣдней кампаніи, въ которой я находился въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, знакомясь на мѣстѣ со всякаго рода медицинскими учрежденіями въ военное время. Я пришелъ къ окончательному убѣжденію въ цѣлесообразности частныхъ учрежденій, не только въ тылу арміи, но и въ непосредственной близости къ мѣсту военныхъ дѣйствій, гдѣ великая идея частной помощи „Краснаго Креста“ находила вполнѣ свое примѣненіе и гдѣ она должна быть несомнѣнно признана и допущена.

А. Гинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1878.

Новый сводъ уголовной статистики за 1876 г. — Медленное развитіе нашей судебной территоріи. — Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части. — Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи. — Общая картина судебнаго дѣлопроизводства и ея частности.—Сумма преступности въ 1876 г., и ея распредѣленіе по родамъ преступленій. — Цифра религіозныхъ преступленій.—Кража и ея топографія.—Процентъ оправданій и осужденій.—Значеніе уголовной статистики для законодателя.—Матеріалы для будущей уголовной статистики: апраксинское побоище и т. п.

Публичный судъ вездѣ и всегда занимаетъ, можно сказать, центральное мѣсто въ нравственной экономіи общества, какое принадлежитъ больницѣ въ его физической жизни: всѣ нравственныя тревоги, всякая болѣзнь воли, всѣ попытки къ нарушенію и фактическое нарушеніе того, чтó признано нормою, всякое выступленіе изъ общепринятаго русла,—все это наблюдается судомъ, анатомируется и разрѣшается его приговоромъ. Отсюда—важность уголовной статистики, этого нравственнаго показателя, съ которымъ необходимо справляться, какъ съ манометромъ паровой машины, если желаешь знать степень напряженности нравственныхъ силъ общества, скрытыхъ обыкновенно отъ непосредственнаго наблюденія. Пять лѣтъ тому назадъ мы привѣтствовали открытіе и у насъ статистическаго бюро при министерствѣ юстиціи; теперь исполнился первый lustrum его дѣятельности, и надобно думать, что это полезное и необходимое дѣло пустило и у насъ свои корни достаточно, чтобы не сомнѣваться въ его дальнѣйшей прочности. Это пятилѣтіе было вмѣстѣ и первою школою для тѣхъ, которымъ пришлось полагать основаніе судебной статистики въ Россіи; конечно, въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, мы имѣли готовые образцы на Западѣ, но оттуда можно было заимствовать развѣ однѣ внѣшнія формы; самое же осуществленіе дѣла, приведеніе, такъ-сказать, статистической машины въ дѣй-

ствіе, требовало не одной дѣятельности самихъ членовъ бюро, а также и добросовѣстнаго содѣйствія со стороны всѣхъ членовъ суда. Такое содѣйствіе, выражающееся въ наполненіи цифрами бланокъ, разсылаемыхъ отъ имени бюро, должно казаться работою излишнею сравнительно съ прямымъ и существеннымъ призваніемъ суда; въ первое время такая безпрерывная отчетность не могла не представляться обремененіемъ, какъ и каждый былъ бы стѣсненъ, если бы медикъ заставилъ его все съѣденное и выпитое въ теченіи дня не только свѣсить и смѣрить, но еще и записать. Сами первые результаты статистическихъ наблюденій какъ разъ показали именно то, что наши суды едва успѣваютъ судить, а тутъ еще приходится найти время для наполненія бланокъ статистическаго бюро. Но надобно думать, что со временемъ привычка сдѣлаетъ свое, т.-е. превратится во вторую природу; и уже теперь можно сказать, что судебная статистика перестала, наконецъ, быть для насъ новымъ дѣломъ. Впрочемъ, все же изъ послѣдняго, пятаго „Свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1876 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 года“ (С.-Петербургъ, 1878), оказывается, что къ 1-му января 1877 года судебными установленіями не было доставлено своевременно свѣдѣній относительно 13,440 дѣлъ. Хотя составители „Свода“ и приводятъ смягчающія обстоятельства для такой несвоевременности, говоря, что „по всей вѣроятности“ большинство этихъ дѣлъ уже совершенно окончено; но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, и именно говоритъ о томъ, что статистическое бюро еще не успѣло преодолѣть всѣхъ трудностей дѣла.

За то наше статистическое бюро юстиціи, въ первый періодъ своей дѣятельности, имѣло для себя значительное облегченіе въ томъ обстоятельствѣ, что до сихъ поръ ему еще не приходилось дѣйствовать на всемъ пространствѣ Россіи и считаться со всѣмъ ея населеніемъ: послѣдняя цифра „Временника“ (1870 г.) показываетъ на территоріи, обнимаемой новыми судами, всего около 48 милл. чел. обоего пола. Конечно, это удобство для статистики не составляетъ удобства для самой юстиціи: если новые суды считать самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ неправдою и всяческимъ зломъ, то надобно признаться, что еще многіе милліоны людей у насъ охраняются старымъ, забракованнымъ способомъ, и внутренній ихъ миръ далеко не обезпеченъ настолько, насколько обезпечиваютъ новые суды жизнь и имущество другихъ, болѣе счастливыхъ 48 милліоновъ населенія. Между тѣмъ, внутренній миръ не менѣе важенъ внѣшняго, хотя, надо сказать правду, онъ всегда цѣнится менѣе: для войны, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можно найти

деньги и тогда, когда ихъ нѣтъ; а для быстраго распространенія благодѣяній правильнаго суда всегда оказываются препятствія въ недостаткахъ бюджета. Говоря такъ, мы не хотимъ сдѣлать какого-нибудь упрека министерству юстиціи; въ самомъ обществѣ существуетъ такое же настроеніе: мы можемъ представить множество примѣровъ подписки и общественнаго содѣйствія военнымъ предпріятіямъ, устройству крейсеровъ и т. п.; но едва ли мы отыщемъ примѣръ чего-нибудь подобнаго для проведенія той или другой внутренней реформы, которая не осуществляется только ради недостатка въ деньгахъ. Какъ-то даже странно представить себѣ, напримѣръ, общественную подписку для повсемѣстнаго открытія судовъ, если на это не хватаетъ бюджетныхъ средствъ, или на погашеніе выкупныхъ платежей, обременяющихъ сельское сословіе, или на покрытіе всей страны сѣтью народныхъ школъ; а пожертвованія на войну всегда кажутся какъ-то болѣе естественными. Мы указываемъ на этотъ фактъ изъ общественной жизни съ тѣмъ, чтобы въ обществѣ не удивлялись, что такой же взглядъ можетъ существовать и внѣ общества.

Въ теченіи 1876 года область новыхъ судовъ не представила собою новаго распространенія, а потому и пятый „Сводъ" за 1876 г. обнимаетъ ту же самую территорію, какъ и четвертый — за 1875 годъ: большое удобство—повторяемъ—для статистическихъ наблюденій, но важное неудобство для другой, также обширной территоріи, которая ожидаетъ новыхъ судовъ. Округъ варшавской судебной палаты не введенъ въ нынѣшній „Сводъ" потому, что новая система судебной отчетности примѣнена къ нему только съ іюля 1876 года, а вслѣдствіе того полугодовые его результаты, по справедливому замѣчанію составителей „Свода", могли бы только повредить общимъ выводамъ, если бы были присоединены къ годовымъ результатамъ дѣятельности другихъ округовъ. Впрочемъ, не придется ли вообще составителямъ „Свода" отказаться и на будущее время отъ введенія варшавскаго округа въ общій сводъ, такъ какъ судебная его реформа представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ той же реформы въ имперіи, а потому и статистика этого округа, для бóльшей правильности, должна быть ведена отдѣльно.

Составители „Свода" особенно настаиваютъ на томъ, что въ ихъ послѣднемъ трудѣ въ формахъ таблицъ не сдѣлано уже никакихъ измѣненій сравнительно съ 1875 годомъ, и такая устойчивость составляетъ важное достоинство ихъ труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ доказательствомъ, что новыя формы получили окончательную отдѣлку, выработанную по указаніямъ опыта. Хотя „Сводъ"

раздѣленъ на три части, но, въ сущности, самое его дѣло представляетъ только двѣ стороны: одна часть „Свода“ предназначается на службу самому министерству юстиціи и потому сообщаетъ статистическія свѣдѣнія о производствѣ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. Въ этой части министерство можетъ найти указанія для себя, въ какой мѣрѣ личный составъ различныхъ судебныхъ установленій и самое движеніе дѣлопроизводства удовлетворяютъ потребностямъ правосудія, и дозволяютъ ли они на дѣлѣ назвать судъ „скорымъ“. Вторая часть въ „Сводѣ“ подраздѣлена на двѣ части, но онѣ обѣ относятся къ объекту суда, къ подсудимымъ, какъ являющимся предъ окружными судами и судебными палатами, такъ и предъ мировыми судьями и ихъ съѣздами. Эта вторая часть „Свода“ и есть самая существенная: насколько показанія первой части важны для самого министерства юстиціи, въ томъ смыслѣ, что отъ него одного зависитъ воспользоваться ими для улучшенія дѣла, настолько важны для законодателя, для публициста и моралиста, результаты второй части: въ ней, какъ въ наблюденіяхъ метеорологическихъ, скрыты указанія на ходъ и развитіе нравственныхъ началъ въ обществѣ, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ представляются чѣмъ-то индивидуальнымъ, случайнымъ, а будучи собраны въ массу, указываютъ на общіе законы, которыми управляются общества.

Годъ тому назадъ, въ іюльскомъ обозрѣніи, которое было посвящено четвертому выпуску „Свода“ уголовной статистики за 1875 годъ, у насъ была высказана между прочимъ общая мысль, по поводу первой его части, а именно, что для министерства юстиціи указанія цифръ, выражающихъ быстроту или медленность дѣятельности судовъ, не должны служить удовлетвореніемъ одной любознательности, но и вызывать рѣшимость воспользоваться этими указаніями на практикѣ, съ цѣлью увеличить силы, гдѣ на опытѣ обнаружилась ихъ недостаточность. Иначе, можетъ выдти то, что статистика будетъ сама по себѣ, а практика сама по себѣ: scio meliora proboque, deteriora tamen sequor. Мы отдавали справедливость важности дѣла уголовной статистики, предпринятаго министерствомъ юстиціи, и добросовѣстности, съ какою оно ведется, — но мы желали имѣть свѣдѣнія, успѣло ли воспользоваться министерство наиболѣе ясными указаніями сводовъ для практическихъ цѣлей,—или же „Сводъ“ составляетъ одну роскошь въ настоящемъ, и только въ будущемъ послужитъ матеріаломъ для публицистовъ, которымъ вздумается возвратиться къ размышленіямъ о нашемъ времени? Было бы очень жаль, если бы справедливымъ оказалось послѣднее—заключали мы; но и изъ пятаго „Свода“ видно, что цифры продолжаютъ жало-

ваться мѣстами на ту же неуспѣшность въ надлежащей быстротѣ дѣлопроизводства, или указываютъ только на то, что въ одномъ округѣ сдѣлалось немного получше, чѣмъ было, но за то въ другомъ дѣла пошли хуже. Въ прошедшемъ году, мы указали, наприм., на слѣдующій странный фактъ, замѣчаемый въ производствѣ дѣлъ у судебныхъ слѣдователей: въ то время, какъ, въ 1875 году, по ржевскому окружному суду на каждаго изъ 6-ти судебныхъ слѣдователей приходилось въ годъ по 61 дѣлу, въ усть-медвѣдицкомъ — по 366 дѣлъ, и также на каждаго изъ шести! Понятно, каково должно быть различіе оказаться обвиненнымъ въ Ржевѣ или въ Усть-Медвѣдицкѣ, когда въ послѣднемъ только въ високосный годъ приходится на слѣдователя по одному дѣлу каждый день! Мы не знаемъ, что̀ было предпринято по поводу такого указанія статистики, и продолжали ли и въ 1876 году во Ржевѣ 6 судебныхъ слѣдователей благодушествовать, въ то время какъ другіе 6 оставались заваленными въ Усть-Медвѣдицкѣ. Но вотъ что̀ мы узнаёмъ изъ пятаго „Свода", за 1876 годъ: по ржевскому суду на каждаго слѣдователя приходится по 72 дѣла (немного побольше), а по усть-медвѣдицкому—315 дѣлъ—немного меньше прежняго, такъ что судебный слѣдователь получилъ, по крайней мѣрѣ, свободу настолько, насколько бываетъ воскресныхъ дней въ году. Сами составители „Свода" не ограничились простымъ приведеніемъ этихъ голыхъ цифръ и рѣшились, такъ-сказать, подчеркнуть это обстоятельство: „По усть-медвѣдицкому окружному суду,—говорятъ они,—хотя въ отчетномъ году и приходится на слѣдователя на 55 дѣлъ меньше, чѣмъ въ 1875 году, но *все-таки* этотъ судъ по обремененности слѣдователей стоитъ на первомъ мѣстѣ и *значительно* выдѣляется передъ другими окружными судами". Посмотримъ, кончится ли это „все-таки" въ слѣдующемъ „Сводѣ", за 1877 годъ, а въ ожиданіи того постараемся изъ данныхъ нынѣшняго „Свода" составить общую картину дѣлопроизводства нашихъ судовъ за 1876 годъ, и затѣмъ перейдемъ къ его существеннѣйшей части, гдѣ отразилось внутреннее состояніе нравственныхъ силъ общества.

Въ теченіи 1876 года, во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ, въ средѣ населенія почти въ 48 милліоновъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, производилось свыше 160,000 уголовныхъ дѣлъ. Изъ этого числа всего болѣе пало на окружные суды (всего 7) казанскаго округа, по 5,300 дѣлъ слишкомъ на каждый; а всего менѣе на петербургскій, съ небольшимъ по 2,000 дѣлъ на каждый изъ его 6 окружныхъ судовъ. Таковы средніе выводы; но по отдѣльнымъ судамъ были примѣры чрезвычайнаго повышенія и крайняго пониженія, сравнительно съ среднимъ уровнемъ: московскій окружный судъ имѣлъ сверхъ 8,300

дѣлъ, въ кашинскомъ — всего 583 дѣла. Замѣтимъ при этомъ, что вышеупомянутая общая цифра дѣлъ за 1876 г. включаетъ въ себѣ слишкомъ 60,000 дѣлъ, оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ. Принявъ въ соображеніе, что не всѣ свѣдѣнія были доставлены за 1876 годъ, приходится заключить, что хотя общая цифра 1876 года меньше итога 1875 года на 2,700 дѣлъ, но количество новыхъ дѣлъ было выше въ 1876 году, чѣмъ въ предыдущемъ, а именно оно приблизилось къ цифрѣ 145,000 дѣлъ.

Изъ этой новой массы уголовнаго матеріала, въ 1876 году было разрѣшено окончательно около 93,000 дѣлъ, а около 52,000 дѣлъ досталось въ тяжелое наслѣдство слѣдующему 1877 году, что̀ составляетъ 36%. Впрочемъ, сравнительно съ 1875 годомъ вездѣ замѣчается улучшеніе въ процентномъ отношеніи рѣшенныхъ дѣлъ къ нерѣшеннымъ, кромѣ петербургскаго округа, гдѣ 1876-ой годъ стоитъ ниже предъидущаго на 1%. На первомъ мѣстѣ въ 1876 г. очутился казанскій округъ, гдѣ окончено 121% возникшихъ дѣлъ,—т.-е. значительно уменьшилась масса дѣлъ, оставшихся отъ прежнихъ годовъ; въ петербургскомъ —только 96%, т.-е. увеличилась прежняя масса неразрѣшенныхъ дѣлъ вновь неразрѣшенными дѣлами.

Общій выводъ, изъ сравненія движенія дѣлопроизводства въ 1875 и въ 1876 годахъ, дѣлаемый составителями „Свода", тотъ, „что движеніе дѣлопроизводства, въ отчетномъ (1876) году, оказывается успѣшнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ (1875), въ особенности по казанскому и саратовскому судебнымъ округамъ". Но, говоря безотносительно, все-таки нельзя назвать это „болѣе успѣшное" движеніе дѣлопроизводства просто успѣшнымъ; скорѣе, необходимо признать его недостаточно успѣшнымъ, такъ какъ изъ общаго числа возникшихъ въ 1876 году дѣлъ 84,410—осталось неоконченными въ теченіи года 36,210 дѣлъ, т.-е. 43%; и при этомъ нужно замѣтить, что, сверхъ того, болѣе 15,000 дѣлъ продолжались болѣе одного года, двухъ лѣтъ, и даже трехъ лѣтъ: для уголовныхъ дѣлъ это̀ громадные сроки, особенно если подумать, что такія дѣла сопряжены нерѣдко съ предварительнымъ арестомъ обвиняемаго.

Спеціально въ дѣятельности прокурорскаго надзора поражаетъ чрезвычайная неравномѣрность по округамъ въ отношеніи оконченныхъ дѣлъ къ неоконченнымъ и въ отношеніи продолжительности срока: въ то время какъ въ московскомъ округѣ не было ни одного дѣла, которое продолжалось-бы свыше 2 мѣсяцевъ и всего только 4 дѣла (изъ 9,300), длившихся отъ одного до двухъ мѣсяцевъ,—въ харьковскомъ такихъ было 539 дѣлъ, а болѣе 50 дѣлъ продолжались отъ 2 до 6 мѣсяцевъ. Причины такихъ явленій и другихъ имъ подобныхъ можетъ лучше всего понять и изслѣдовать само вѣдом-

ство, устроившее въ своемъ статистическомъ бюро хорошую обсерваторію для наблюденій; но, повторяемъ, въ подобномъ жизненномъ дѣлѣ нельзя ограничиваться тѣмъ, чѣмъ довольствуются астрономы, а именно, однимъ занесеніемъ цифръ на бумагу и разсмотрѣніемъ ихъ; министерство юстиціи можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ дозволено астроному: оно можетъ оказать и вліяніе на ускореніе движенія подвѣдомственныхъ ему планетъ; а особенно въ уголовныхъ дѣлахъ необходимо нужно стараться достигнуть максимума быстроты, такъ какъ иногда ждать три года можетъ выпасть на долю человѣка, который будетъ потомъ признанъ этимъ же самымъ судомъ невиновнымъ.

Относительно судебныхъ слѣдователей, цифры говорятъ въ пользу двухъ столичныхъ судебныхъ округовъ, гдѣ осталось по 10 и 14 дѣлъ неконченныхъ на каждаго слѣдователя, а въ казанскомъ—по 34 дѣла.

Изъ судебныхъ палатъ, въ качествѣ обвинительной камеры, въ петербургской и харьковской „замѣчается нѣкоторая медленность въ ихъ дѣлопроизводствѣ“ — какъ выражаются составители свода; но, судя по цифрамъ, слѣдовало бы даже сказать: „чрезвычайная медленность“—ибо изъ общаго числа 1111 неоконченныхъ дѣлъ приходится на московскую всего 1 дѣло, а на петербургскую—171 дѣло; на харьковскую же—596 дѣлъ! Такъ какъ тутъ дѣло идетъ о судебныхъ палатахъ въ ихъ качествѣ обвинительной камеры, то медленность въ обвиненіи, можетъ быть, найдутъ и добрымъ качествомъ, но все же разница между харьковскою палатою и московскою слишкомъ поразительна.

Дѣятельность окружныхъ судовъ — самая важная и самая существенная. Въ 1876 году, общая сложность уголовныхъ дѣлъ мало увеличилась, сравнительно съ предыдущимъ годомъ — всего на 611 дѣлъ; такимъ образомъ, два года сряду производилось почти одно и то же число дѣлъ, около 75,000, и при томъ главное увеличеніе дѣлъ пало на казанскій (почти на 2,300 дѣлъ) и одесскій округъ (почти на 500 дѣлъ), а въ прочихъ, и особенно по харьковскому (на 850 дѣлъ), число уголовныхъ дѣлъ уменьшилось. Сравнительно съ 1875 годомъ, цифры 1876 года свидѣтельствуютъ о томъ, что „дѣятельность 32-хъ окружныхъ судовъ *улучшилась*“.... а „въ 17-ти окружныхъ судахъ процентъ оконченныхъ дѣлъ *уменьшился*“ (выражаясь менѣе дипломатически, слѣдовало бы сказать: дѣятельность этихъ судовъ ухудшилась); „результатъ дѣятельности казанскаго и новгородскаго окружныхъ судовъ *остался безъ измѣненія*“. Всѣ окружные суды, вмѣстѣ взятые, оставили 1877-му году въ наслѣдство болѣе 16,000 дѣлъ, изъ этого числа минимумъ, около 900 дѣлъ, принадлежитъ петербургскому, а максимумъ, по 3,000 дѣлъ, одесскому и казанскому округамъ.

Если бы мы захотѣли знать отношеніе судебной власти къ об-

винительной, то это намъ могли бы лучше всего выяснить цифры оправданій и осужденій въ окружныхъ судахъ: въ 1876 году постановлено всего слишкомъ 37,000 приговоровъ, и изъ этого числа осужденныхъ 24,500, а оправданныхъ 12,500 лицъ, т.-е. почти *треть* числа обвиняемыхъ была освобождена отъ суда; все это говоритъ весьма краснорѣчиво о необходимости заботиться объ увеличеніи осторожности въ обвиненіи.

Мы до сихъ поръ всегда обращали особенное вниманіе, при разсмотрѣніи нашихъ сводовъ уголовной статистики, какъ распредѣляются оправдательные приговоры между судами съ присяжными и безъ присяжныхъ, въ виду тѣхъ непрекращающихся и до сихъ поръ нареканій противъ суда присяжныхъ. И вотъ, пятый разъ сводъ приноситъ подтвержденіе тому, что судъ присяжныхъ у насъ вовсе не отличается такою снисходительностью, какую ему приписываютъ иные, судя по одному или двумъ какимъ-нибудь процессамъ, обратившимъ на себя по чему-либо всеобщее вниманіе оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ. Изъ общей массы, судъ присяжныхъ осудилъ 18,000 лицъ, и оправдалъ около 10,400; а безъ присяжныхъ — осуждено было 6,500 лицъ, и оправдано 2,200: значитъ, присяжные оправдываютъ 36%, а судъ — 25%; разница не такъ велика, чтобы можно было говорить объ особой мягкости судовъ съ присяжными. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что, напримѣръ, въ 1876 году кассаціонный департаментъ изъ 17,721 приговора, постановленнаго окружными судами по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ, кассировалъ самое ничтожное число: 134 (0,8%) — всего чаще по харьковскому и московскому (47 и 41), и всего рѣже по петербургскому и саратовскому округамъ (8 и 7); въ то же самое время, судебныя палаты изъ 6,242 приговоровъ окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ измѣнили 219 приговоровъ — всего чаще по московскому и харьковскому (74 и 58), а всего рѣже въ казанскомъ и саратовскомъ (15 и 2). Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ составителями „Свода“, что процентъ измѣненныхъ приговоровъ окружныхъ судовъ, безъ участія присяжныхъ, „незначителенъ“; этотъ процентъ незначителенъ только безотносительно, но онъ довольно высокъ, если сравнить его съ вышеприведеннымъ процентомъ кассаціи приговоровъ тѣхъ же окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ.

Дѣятельность судебныхъ палатъ, въ качествѣ судебной инстанціи, имѣла въ 1876 году своимъ предметомъ 891 дѣло; изъ нихъ окончено 548 дѣлъ, а 343 дѣла (38½%) перешли въ 1877 годъ. Всѣхъ успѣшнѣе дѣйствовала одесская палата; а позади всѣхъ осталась петербургская, „такъ что—заключаютъ составители „Свода“—жела-

тельно было бы видѣть болѣе удовлетворительные результаты дѣятельности этой палаты". Если харьковская стоитъ еще ниже петербургской, то она имѣетъ въ свою пользу смягчающія обстоятельства: въ ней дѣлопроизводство увеличилось почти въ три раза, сравнительно съ предшествовавшими годами.

Таковы общіе результаты первой части пятаго „Свода" уголовной статистики, которую мы назвали бы формальною; эта часть даетъ всѣ необходимыя данныя для характеристики самихъ судовъ, говоритъ о степени напряженности ихъ дѣятельности, о недостаточности силъ или ослабленіи энергіи и т. п. Мы далеки отъ мысли дѣлать, на основаніи статистическихъ данныхъ, какіе-нибудь приговоры въ этомъ смыслѣ; все это могло бы быть правильнымъ, еслибъ мы имѣли подобныя же статистическія данныя не для одной юстиціи, а вообще для всѣхъ функцій въ государствѣ. Впрочемъ, и не имѣя такихъ точныхъ данныхъ, можно безъ особеннаго риска утверждать, что едва ли какая-нибудь другая дѣятельность у насъ, при статистическомъ обзорѣ, представитъ даже и такіе результаты, какіе мы находимъ въ дѣятельности нашихъ судовъ; если статистика указываетъ намъ, что суды оставляютъ слѣдующему году извѣстный процентъ невыгоднаго наслѣдства въ видѣ нерѣшенныхъ дѣлъ, то какой процентъ остается у насъ въ видѣ неустроенныхъ школъ, больницъ, непроложенныхъ дорогъ и т. п.? Если въ 1876 году многіе не получили скораго удовлетворенія отъ юстиціи, то, можетъ быть, въ удовлетвореніи потребностямъ образованія было отказано еще бо́льшему числу. Пятый „Сводъ" уголовной статистики показываетъ, что въ этомъ же году 1 уголовное дѣло приходилось на 567 человѣкъ общаго населенія судебной территоріи Россіи (въ 48 милл. жителей); при такомъ градусѣ наклонности къ преступленію тѣмъ печальнѣе для насъ тотъ фактъ, что въ нашихъ народныхъ школахъ учится 1 изъ 80 и приходится одна школа на 3,345 жителей обоего пола. По поводу такихъ явленій юстиція можетъ намъ сказать, что однимъ постояннымъ увеличеніемъ судебнаго состава нельзя достигнуть облегченія судовъ; необходимо также заботиться и объ уменьшеніи матеріала для судимости: все, что́ стѣсняетъ ходъ образованности, все, что́ затрудняетъ промышленную и торговую дѣятельность, — все это ведетъ къ увеличенію умственной и матеріальной бѣдности и предрасполагаетъ къ нарушенію порядка правовой жизни. Итакъ, будемъ осторожнѣе въ указаніи недостатковъ въ дѣятельности нашихъ судовъ.

Вторая часть пятаго „Свода" уголовной статистики—мы сказали—самая существенная, такъ какъ въ ея таблицахъ выражается или степень нравственнаго элемента въ обществѣ, или намекается на

присутствіе условій, вызывающихъ преступность. Для моралиста и законодателя въ этой массѣ цифръ найдется множество указаній, которыми слѣдуетъ воспользоваться въ будущемъ съ цѣлью повліять на улучшеніе нравственнаго быта общества.

Въ 1876 году общая цифра преступности нѣсколько понизилась: было на 577 человѣкъ, а теперь на 567 по одному дѣлу; но по отдѣльнымъ группамъ преступленій результатъ выходитъ иной. Преступленія *противъ чужого имущества* не только занимаютъ опять первое мѣсто, но и столь же значительны, какъ и въ 1875 году (изъ 144,000 общей цифры уголовныхъ дѣлъ болѣе 83,500 противъ чужого имущества); преступленія *противъ личности* относительно другихъ правонарушеній въ томъ же году нѣсколько увеличились; увеличились также случаи *служебныхъ преступленій*, *самоуправства* и *изслѣдованія причинъ смерти и пожаровъ*. Самое незначительное число дѣлъ производилось, между прочимъ, о *преступленіяхъ противъ печати* (121), о нарушеніи *уставовъ въ фабричной и заводской промышленности* (54), о *поединкахъ* (14). Мы не имѣемъ права подвергать сомнѣнію вѣрность послѣднихъ цифръ, но все же думаемъ, что эти цифры имѣютъ совершенно спеціальное значеніе. Число преступленій противъ закона печати, хотя и увеличилось въ 1876 году на 30, и дошло, такимъ образомъ, до 121, но все же оно такъ ничтожно, что, безъ оговорки, можно бы счесть нашу печать за самую добродѣтельную въ мірѣ; но такая малая цифра доказываетъ совсѣмъ другое, — а именно, что у насъ только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ суду по дѣламъ печати; точно также весьма уменьшилась бы цифра и по всѣмъ преступленіямъ, если бы полиція могла кончать съ ними безъ суда; но такое уменьшеніе произошло бы только въ судебной статистикѣ, а не на дѣлѣ. Читая въ газетахъ очень часто разсказы о порядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, мы не менѣе должны были изумиться, узнавъ, что на всей судебной территоріи Россіи было въ теченія года всего 54 случая нарушенія уставовъ фабричной и заводской промышленности. Это былъ бы золотой вѣкъ; но и тутъ, мы думаемъ, цифра 54, совершенно вѣрная сама-по-себѣ, говоритъ о томъ, что у насъ встрѣчается рѣдко не нарушеніе уставовъ фабричныхъ и заводскихъ, а случай доведенія такихъ нарушеній до суда; другими словами, уголовная статистика въ настоящемъ случаѣ свидѣтельствуетъ не о добродѣтели нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, а о крайней недостаточности контроля у насъ надъ фабриками и заводами; иначе мы не можемъ объяснить причину слабости упомянутой цифры.

Въ другомъ совершенно смыслѣ поражаетъ насъ цифра религіозныхъ преступленій, на которыя приходится болѣе *одного* процента

изъ общаго числа дѣлъ,—выше даже случаевъ самоуправства, на которые не приходится и одного процента; поджигательство—и то стоитъ гораздо ниже религіозныхъ преступленій. Но и это не все: изъ общаго числа, около 1700 преступленій противъ религіи, почти одна треть падаетъ именно на московскій округъ, и за нимъ непосредственно слѣдуютъ казанскій и харьковскій; позади всѣхъ саратовскій, одесскій и петербургскій. Безъ всякой статистики, мы знаемъ, что въ нашемъ обществѣ очень широко развито самоуправство, и на это есть свои причины; теперь вдругъ оказывается, что наклонность къ религіознымъ преступленіямъ среди народа, считающагося обыкновенно религіознымъ, идетъ еще далѣе наклонности къ самоуправству. Но намъ кажется, что и въ настоящемъ случаѣ большой процентъ религіозныхъ преступленій имѣетъ такое же спеціальное значеніе, какъ и вышеприведенный ничтожный процентъ нарушенія фабричныхъ уставовъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло можетъ объясняться чрезвычайною слабостью контроля, а въ первомъ—количество религіозныхъ преступленій говоритъ только о необходимости пересмотра у насъ закона о „религіозныхъ преступленіяхъ" и объ уменьшеніи контроля надъ свободою совѣсти. Еще не такъ давно, мы читали въ „Голосѣ" (№ 148), какъ вредно дѣйствуютъ на умы одни слухи, распускаемые на основаніи общаго недовѣрія къ нашимъ законамъ о свободѣ совѣсти. По занятіи нами Добруджи, въ то время турецкой области, тамошнія старообрядческія поселенія находились въ частыхъ сношеніяхъ съ нашими московскими старообрядцами. „Какъ вдругъ,—говорится въ „Голосѣ",—возгорается русско-турецкая война, русскіе переходятъ Дунай и занимаютъ Добруджу. Съ этого времени точно отрѣзало: владыка (старообрядческій, въ Москвѣ) пересталъ получать оттуда письма; до него доносились лишь отрывочныя извѣстія, что всѣ тамошнія старообрядческія поселенія заняты русскими... Корреспондентъ московскаго старообрядческаго владыки, нѣкто Безсоновъ, изъ Браилова, сообщилъ преосвященному, что, съ занятіемъ русскими Добруджи, религіозная свобода, дарованная турецкимъ правительствомъ старообрядцамъ, будетъ, безъ сомнѣнія, ограничена!" Пусть соображенія Безсонова фантастичны, но несомнѣнно то, что онъ безошибочно разсчитывалъ на то, что его сообщенія будутъ найдены правдоподобными.

Составители „Свода" замѣчаютъ, что „въ отчетномъ году (1876), сравнительно съ 1875 г., преобладаніе кражи надъ другими преступленіями еще болѣе увеличилось", и дѣла, возбужденныя этимъ преступленіемъ, превысили половину общаго числа уголовныхъ дѣлъ, и въ нѣкоторыхъ округахъ превысили значительно:

Въ Петербургскомъ	— изъ	10.900	дѣлъ	— по	кражѣ	6.300 (58%).
„ Московскомъ	— „	35.600	„	—	„	20.500 (57%).
„ Харьковскомъ	— „	34.000	„	—	„	19.600 (57%).
„ Одесскомъ	— „	18.900	„	—	„	11.100 (58%).
„ Казанскомъ	— „	32.700	„	—	„	18.800 (57%).
„ Саратовскомъ	— „	12.500	„	—	„	7.100 (56%).

Въ подобной преступности, какъ кража, на увеличеніе статистическаго показателя вліяетъ главнымъ образомъ экономическое положеніе дѣлъ въ странѣ, а также бо́льшая или меньшая степень охраны имущества со стороны публичной власти. Но чтобы вѣрно судить о кражѣ, необходимо было бы имѣть еще другого рода данныя, а именно, распредѣленіе кражи по ея объему, чтобы не смѣшивать въ одну массу и случаи украденной булки голоднымъ, и случаи похищенія сотни тысячъ или даже милліона; частое повтореніе послѣдняго рода похищеній говоритъ, конечно, не объ экономическомъ положеніи дѣлъ, но о паденіи общаго уровня нравственности и о равнодушіи самихъ собственниковъ, которые цѣнятъ не собственность, а легкость наживы отъ нея, и потому не стѣсняютъ дѣятельность своихъ довѣрителей внимательнымъ изученіемъ своихъ дѣлъ. За то мы находимъ въ „Сводѣ" любопытную таблицу, которая ясно говоритъ, что въ преступленіяхъ кражи играетъ весьма важную роль экономическое положеніе человѣка; составители „Свода" распредѣлили случаи кражи по временамъ года, и оказалось, что наибольшее число преступленій, $25^1/_2\%$, падаетъ на декабрь, январь и февраль, зимніе мѣсяцы, когда нужда даетъ чувствовать себя сильнѣе; осенью и весною оно спускается на $21^1/_2\%$, а лѣтомъ—на $18^3/_4\%$.

Средняя напряженность преступленій кражи въ 1876 году выразилась довольно сильною цифрою, а именно, одно воровство приходилось почти на 1000 человѣкъ населенія; но по различнымъ мѣстностямъ эта цифра представляетъ значительныя колебанія: въ таганрогскомъ и одесскомъ округѣ она достигла ужасающаго максимума; въ таганрогскомъ округѣ 1 дѣло пришлось на 430 человѣкъ, а въ одесскомъ 1 дѣло на 488 человѣкъ; минимумъ же получается въ кашинскомъ округѣ, гдѣ было 1 дѣло на 2584 человѣка.

Отношеніе суда къ подсудимымъ въ 1876 году представило, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, значительную разницу: въ прошедшемъ году мы указывали на то, что судъ безъ присяжныхъ рѣже (24%) произноситъ оправдательные приговоры, нежели судъ съ присяжными (36%), а судебныя палаты занимали въ этомъ отношеніи средину (38%); мы выводили изъ этого обстоятельства заключеніе о неосновательности воплей противъ суда присяжныхъ,

какъ суда недостаточнаго для цѣлей правосудія. Но что скажутъ теперь противники ихъ, когда въ 1876 году оказалось, что судебныя палаты занимаютъ уже, по количеству оправдательныхъ приговоровъ, не средину, какъ прежде, а стоятъ на одной степени съ судомъ присяжныхъ: изъ общаго числа почти 39,000 подсудимыхъ, въ 1876 г., было оправдано окружными судами, безъ участія присяжныхъ—около 2000 человѣкъ (изъ 30,100 подсуд., т.-е. 25%); съ присяжными—около 11,100 (изъ 7850 подсуд., т.-е. нѣсколько болѣе 36½%), и почти такой же процентъ оправданныхъ представляютъ судебныя палаты—350 человѣкъ (изъ 970 подсуд., т.-е. 36½%). „Такимъ образомъ,—говорятъ составители „Свода",—по результатамъ судебнаго разбирательства, судебныя установленія различныхъ наименованій весьма близки между собою, что, подтверждаясь изъ году въ годъ, показываетъ, что основныя данныя русской уголовной статистики выяснены сводами и представляются надежными для дѣланія изъ нихъ общихъ выводовъ". И по нашему мнѣнію, первый надежный выводъ, какой выходитъ самъ собою, будетъ состоять въ томъ, что судъ, произносимый представителями общественной совѣсти, присяжными, ни въ чемъ не уступаетъ приговорамъ, произносимымъ профессіональными судьями, подготовленными къ своему дѣлу и путемъ науки, и путемъ судебной практики. Подсудимые въ 1876 году имѣли одинаковые шансы быть оправданными и судомъ присяжныхъ, и судебными палатами. При дальнѣйшемъ распредѣленіи оправдательныхъ приговоровъ по судебнымъ округамъ, составители „Свода" были даже вынуждены признать важное преимущество суда присяжныхъ надъ судомъ профессіональнымъ: „для присяжныхъ,—говорятъ они,—разность между крайними судебными округами составляетъ 13,10% (въ харьковскомъ оправдано менѣе всего—33%, а въ одесскомъ болѣе всего—46%); а для окружныхъ судовъ (безъ присяжныхъ) и судебныхъ палатъ—25,68%, т.-е. почти въ два раза больше (въ казанскомъ оправдано менѣе всего—17%, а въ саратовскомъ болѣе всего—43%). Эти цифры весьма характеристичны, и, повторяясь изъ году въ годъ, доказываютъ, что *уголовная юстиція, врученная присяжнымъ засѣдателямъ, отправляется ими по прочнымъ нравственнымъ началамъ, весьма слабо видоизмѣняющимся подъ вліяніемъ мѣстныхъ различій*". Нельзя того же сказать о профессіональномъ судѣ, котораго основы, значитъ, менѣе прочны: осужденный по одному и тому же преступленію въ саратовскомъ округѣ имѣетъ чуть не въ три раза болѣе шансовъ къ оправданію, чѣмъ въ казанскомъ, если онъ судится у профессіональныхъ судей; но для суда съ присяжными нѣтъ большой разницы, въ какомъ бы округѣ ни судиться: въ харьковскомъ было оправдано 33%; въ московскомъ 34%; въ казанскомъ 35%;

въ петербургскомъ 36%; въ саратовскомъ 38%, и только въ одесскомъ 43%.

Наклонность къ преступленію по поламъ сохраняетъ въ 1876 г. почти прежнія отношенія: женщины болѣе чѣмъ въ десять разъ менѣе склонны къ преступленію, чѣмъ мужчины; точно также и процентъ оправданныхъ у насъ, какъ и вездѣ, значительно въ пользу женщинъ—и причина того ясна сама собою. Замѣчательно при этомъ одно, что такая гуманная причина, какъ снисхожденіе къ слабости пола и его впечатлительности, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на присяжныхъ, чѣмъ на профессіональныхъ судей: присяжные оправдывали 52 женщины и только 35 мужчинъ на 100; между тѣмъ, суды безъ присяжныхъ оправдывали 25 женщинъ и 24 мужчины на сто. Но нельзя сказать того же объ оправдательныхъ приговорахъ суда присяжныхъ по различнымъ родамъ преступленій: присяжные дѣйствовали слабѣе въ случаяхъ преступленія противъ безопасности (56% оправд. приговоровъ), противъ порядка управленія (50%), подлоговъ (51%) и противъ нравственности (51%); особенно же часты случаи оправданія по дѣламъ служебныхъ преступленій (60%); но и въ 1876 году, какъ и прежде, число оправдательныхъ приговоровъ по преступленіямъ религіознымъ (48%) почти равняется—по тѣлеснымъ поврежденіямъ (46%), которыми всего чаще выражается насиліе надъ слабымъ, и преимущественно надъ женщинами и дѣтьми; судъ безъ присяжныхъ, правда, еще строже къ преступленіямъ религіознымъ, такъ какъ по нимъ было оправдано безъ присяжныхъ 35%, а по тѣлеснымъ поврежденіямъ 43%. Въ преступленіяхъ противъ чести было вынесено оправдательныхъ приговоровъ болѣе безъ присяжныхъ (53%), чѣмъ съ присяжными (43%).

Отъ оправданныхъ перейдемъ теперь къ осужденнымъ, общее число которыхъ въ 1876 году достигло 25,500 человѣкъ. По мѣсту рожденія самый бóльшій контингентъ осужденныхъ поставили вятская и владимирская губерніи (по 5%), а наименьшій—новгородская, область донского войска, петербургская, вологодская и таврическая. Географически важнѣйшіе изъ преступленій располагаются слѣдующимъ образомъ: преступленія религіозныя всего чаще встрѣчались въ московскомъ, харьковскомъ и казанскомъ округахъ; противъ порядка управленія—въ московскомъ; тамъ же—святотатство, служебныя преступленія, поддѣлка ассигнацій, тѣлесныя поврежденія, противъ личной чести, разбой и вообще всѣ корыстныя преступленія; въ петербургскомъ округѣ преобладали преступленія противъ нравственности.

По возрасту и семейному быту осужденныхъ, новыя цифры близко повторяютъ прежнія отношенія и потому служатъ только подтвержденіемъ сдѣланныхъ уже выводовъ. Цифры по образованію осужденныхъ могли бы представить интересъ, если бы у насъ было сдѣлано что-нибудь вообще для статистики образованія въ Россіи, а безъ того уголовная статистика по этому отдѣлу останется безъ всякаго результата. Напримѣръ, мы узнаёмъ, что въ петербургскомъ округѣ на каждые 100 человѣкъ приходится 4% образованныхъ, 34½% грамотныхъ и 61½% неграмотныхъ; но изъ этого никакъ нельзя вывести какого-нибудь результата, пока не будетъ извѣстна вообще цифра всѣхъ образованныхъ, грамотныхъ и неграмотныхъ. Положимъ, въ петербургскомъ округѣ было осуждено всего около 2,800 человѣкъ; въ круглыхъ цифрахъ, по указанной выше операціи, это число по образованію распредѣляется такъ:

Образованныхъ	100	человѣкъ
Грамотныхъ	1,000	„
Неграмотныхъ	1,700	„

Если 1,700 неграмотныхъ осуждаются изъ сотенъ тысячъ, а 100 образованныхъ изъ десятковъ тысячъ, то, конечно, эта послѣдняя цифра, какъ она ни мала, можетъ еще оказаться гораздо менѣе выгодною, чѣмъ 1,700.

Изъ цифръ, которыя распредѣляютъ осужденныхъ по религіи, обратимъ вниманіе на слѣдующее явленіе: въ рубрикѣ раскольниковъ мы видимъ, что у нихъ по всѣмъ преступленіямъ процентъ самый ничтожный, кромѣ поддѣлки ассигнацій (18%), а въ отдѣлѣ религіозныхъ преступленій огромный процентъ: 44,21. „У раскольниковъ,— замѣчаютъ составители „Свода“,—по отношенію къ которымъ *явленіе преступности прямо обусловливается вѣроисповѣднымъ ихъ отличіемъ*, наиболѣе замѣтны цифры религіозныхъ преступленій“. Не означаетъ ли этотъ выводъ того, что если бы преступность „не обусловливалась вѣроисповѣднымъ отличіемъ раскольниковъ“, то и цифра религіозныхъ ихъ преступленій уничтожилась бы сама собою; или, наоборотъ, если бы, напримѣръ, у магометанъ вѣроисповѣдное ихъ отличіе „обусловливало явленіе преступности“, то мы у магометанъ въ „Сводѣ“ нашли бы, вмѣсто ½ процента религіозныхъ преступленій, несравненно больше? Мы указываемъ на это обстоятельство съ тѣмъ, чтобы уголовная статистика не ввела кого-нибудь въ заблужденіе относительно религіознаго чувства раскольниковъ; въ настоящемъ случаѣ она говоритъ только о томъ, что, по выраженію составителей „Свода“, у нихъ преступность въ этомъ отдѣлѣ есть явленіе условное. О евреяхъ замѣчаютъ составители, что они изъ всего насе-

ленія „отличаются наибольшею преступностью, почти въ пять разъ больше процента ихъ въ составѣ общаго населенія"; но, разсматривая по отдѣламъ преступленій, мы находимъ, что евреи особенно отличаются въ разныхъ нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій, въ нарушеніяхъ благоустройства, лжесвидѣтельствѣ, мошенничествѣ, подлогахъ, и имѣютъ самый ничтожный процентъ въ такихъ преступленіяхъ, какъ убійство, дѣтоубійство (при всей бѣдности еврейской массы и обиліи дѣтей), увѣчье. Вспоминая то, чтó высказали составители „Свода" по поводу раскольниковъ, мы готовы думать, что и чрезмѣрная преступность евреевъ въ упомянутомъ родѣ, при слабомъ ея процентѣ въ настоящей уголовщинѣ, также обусловливается особеннымъ бытомъ евреевъ, и уже только вслѣдствіе того они „отличаются наибольшею преступностью". Точно также, наоборотъ, если мы видимъ, что евреи, сравнительно съ христіанами, почти непогрѣшимы въ преступленіяхъ служебныхъ (0,79%), то это говоритъ не объ отличныхъ ихъ служебныхъ качествахъ, а только о томъ, что евреи имѣютъ рѣдкій случай и нарушать служебныя обязанности, такъ какъ они рѣдко и допускаются къ нимъ. У протестантовъ, магометанъ и евреевъ совершенно отсутствуютъ преступленія противъ брака; но и это не говоритъ ничего въ пользу семейныхъ добродѣтелей со стороны тѣхъ, которые исповѣдуютъ упомянутыя религіи, а объясняется очень просто тѣмъ, что принадлежащія къ этимъ вѣроисповѣданіямъ пользуются, хотя и въ разныхъ формахъ, правомъ развода.

Всѣ эти послѣднія стороны уголовной статистики имѣютъ особенную важность не столько для публициста, сколько для законодателя: въ языкѣ этихъ цифръ онъ найдетъ ясныя указанія о необходимости —повторяемъ опять выраженіе составителей "Свода"—позаботиться о о томъ, чтобы „явленіе преступности" все менѣе и менѣе „обусловливалось вѣроисповѣднымъ отличіемъ" или вообще какими-нибудь исторически сложившимися обстоятельствами, которыя иногда, существуя наперекоръ духу времени, искусственно вызываютъ тѣмъ и самыя „явленія преступности".

За статистикою, этою „остановившеюся" исторіею, не надобно, однако, забывать исторію, въ ея качествѣ „двигающейся" статистики: исторія подготовляетъ данныя для послѣдней и не менѣе интересна и. назидательна сама по себѣ. Года два спустя, напримѣръ, исторія текущихъ дней сдѣлается добычею статистики, и составители „Свода" дадутъ намъ къ началу 1880 года новый выпускъ за настоящій 1878 годъ, если ихъ почтенная и полезная работа будетъ продолжаться съ тою же настойчивостью, съ какою она велась до сихъ поръ. Но исторія имѣетъ одно большое преимущество предъ

статистикой, такъ какъ для нея не всѣ единицы равны. Въ судебномъ „Сводѣ", — мы уже теперь это знаемъ,—въ рубрикѣ судимыхъ по петербургскому округу, вѣроятно, опять повторится, какъ и въ 1876 г., та же цифра производимыхъ дѣлъ за 1878 г. по преступленіямъ „противъ общественнаго благоустройства и благочинія", а именно, около 675 дѣлъ; но статистика не разскажетъ намъ содержанія этихъ самыхъ дѣлъ, а очень можетъ быть, что многія изъ 675 дѣлъ 1876 года, вмѣстѣ взятыя, не стоютъ того одного, которое совершилось на нашихъ глазахъ 4-го іюня, въ домѣ № 5, по Апраксину переулку. Въ отношеніи качественнаго значенія фактовъ статистика значительно уступаетъ исторіи; вотъ потому мы и сказали, что за статистикою не слѣдуетъ забывать исторію. Въ этомъ отвратительномъ и постыдномъ дѣлѣ, какое можно было бы ожидать отъ подонковъ развѣ мусульманской черни, есть весьма много сторонъ, въ которыя необходимо бываетъ всмотрѣться ближе; а между тѣмъ, наша ежедневная печать, за весьма немногими исключеніями, ограничилась простымъ разсказомъ этого ужасающаго факта; въ одной газетѣ дѣйствующія лица даже не названы настоящимъ ихъ именемъ, а очень нѣжно — „буянами"; другая газета, еще болѣе распространенная, имѣла куражъ назвать избіеніе *пятерыхъ* нѣсколькими стами—„крупнымъ побоищемъ." Преступленіе совершено въ центрѣ города, среди бѣлаго дня; въ преступленіи участвовали цѣлыя сотни людей, но тѣмъ не менѣе изъ оффиціальнаго извѣщенія оказалось, что полиція нашла возможнымъ арестовать не болѣе *пяти* человѣкъ; итакъ, изъ сотенъ виновныхъ въ руки правосудія, а потомъ и въ рубрику уголовной статистики попадаетъ всего пять подсудимыхъ и пять жертвъ, безчеловѣчно избитыхъ. Мы не имѣемъ права предупреждать голоса правосудія по отношенію тѣхъ, которые достались въ его руки; а потому ограничимся только тѣми, которые ускользнули изъ его рукъ —и это цѣлая громадная толпа существъ, которыхъ едва можно признать вообще людьми, а всего менѣе исповѣдующими христіанство. „Московскія Вѣдомости" еще не такъ давно проводили теорію, въ силу которой уличные безпорядки оказываются выраженіемъ „здраваго народнаго смысла"; но событія слишкомъ скоро поспѣшили показать оборотную сторону медали.

Впрочемъ, все это мимоходомъ. Въ настоящемъ дѣлѣ принимала участіе громадная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ; нѣтъ сомнѣнія, въ ней много было лицъ въ состояніи винной невмѣняемости, но и злой врагъ Россіи не допуститъ такой статистической цифры, чтобы у насъ въ простомъ народѣ на сто человѣкъ, хотя бы и по праздникамъ, приходилось сто пьяныхъ! Это — невозможно. Итакъ, въ этой остервенившейся толпѣ былъ процентъ людей вовсе

не пьяныхъ. А въ такомъ случаѣ это „крупное побоище“ должно дать невыгодные отвѣты на самые разнообразные вопросы относительно состоянія нашей народной нравственности и умственнаго развитія: какъ у насъ народъ проводитъ вообще праздники, и особенно такой торжественный праздникъ, какъ Духовъ день, когда именно все это случилось? Проходитъ ли онъ въ эпоху своего дѣтства школу, хотя бы одной грамотности? Придя въ возрастъ, слушаетъ ли онъ въ праздникъ утромъ такую проповѣдь, которая могла бы служить ему школою жизни, или посѣщаетъ ли онъ настоящую воскресную школу, которая поддерживала бы въ немъ брошенныя сѣмена школою дѣтства? Наконецъ, вечеромъ въ праздникъ находитъ ли народъ для отдыха и вмѣстѣ для своего развитія народные театры, гдѣ на сценѣ продолжалось бы дѣло того же нравственнаго и умственнаго развитія? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно, но не въ томъ смыслѣ, что народъ отказывается отъ всѣхъ этихъ благъ: эти блага вовсе не существуютъ для него. У насъ слишкомъ крутой переходъ отъ образованности къ полнѣйшей умственной тьмѣ; для однихъ, весьма немногихъ, существуетъ даже роскошь образованности—итальянская опера и иностранные театры, а громадное большинство остается при извѣстномъ единственномъ способѣ „отведенія души“. Изъ всего этого слагается тяжелая атмосфера, которая невольно налагаетъ особый отпечатокъ и на самую нашу общественную цивилизацію, которая не исключаетъ самодурства, самоуправства въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и сферахъ, именно потому, что даже и образованный не можетъ быть вполнѣ образованнымъ, по общественному характеру, по нравамъ—тамъ, гдѣ онъ осужденъ вращаться въ массѣ непроходимой необразованности.

Газеты исполнили уже печальную обязанность разсказа подробностей этого апраксинскаго дѣла, возникшаго, какъ извѣстно, изъ мысли, что „надо бить татаръ“ и только за то, что они татары, хотя бы даже эти татары и хотѣли сдѣлать доброе дѣло, какимъ является въ настоящемъ случаѣ задержка вора,—но христіанина. Многія изъ нашихъ газетъ, разсказывая это событіе, конечно, не могли не вспомнить, что дикій крикъ пьяной толпы не разъ находилъ отголоски и на ихъ столбцахъ, разумѣется, въ болѣе благовидной формѣ „принципа національности“ и „принципа вѣроисповѣднаго“, а иногда, впрочемъ, и въ откровенно-грубой: у насъ дѣйствительно можно услышать не только на улицѣ слово „татаринъ“ въ смыслѣ ругательномъ—разъ какъ-то еще весьма недавно мы прочли въ одной здѣшней, не московской газетѣ: „съ позволенія сказать, жидъ“. Не повторяя теперь жестокихъ подробностей этого чудовищнаго дѣла, ограничимся только приведеніемъ изъ него одного подвига материнской любви, который стоитъ выше всякихъ похвалъ.

Когда изверги ворвались въ квартиру № 43, преслѣдуя спрятавшагося тамъ дворника-татарина, и требовали у мѣщанки Мушняковой выдачи преслѣдуемаго ими, угрожая въ противномъ случаѣ выбросить изъ окна ея малолѣтнюю дочь, и уже схватили ребенка,—несчастная мать успѣла вырвать бѣдную жертву и съ истинно геройскимъ мужествомъ сказала злодѣямъ: „Если выбрасывать ребенка, то выбрасывайте и меня съ нимъ!“ Были ли злодѣи поражены твердостью этой достойной женщины, или ихъ вниманіе отвлекло великодушіе дворника Джеманидала Ахтанова, который, не желая быть виновникомъ чужого бѣдствія, выскочилъ изъ-за перегородки и бросился изъ окна 3-го этажа, гдѣ стоявшая толпа подхватила его и избила до-полусмерти, —но мать и ребенокъ были спасены. Мы приводимъ разсказъ объ этомъ прекрасномъ подвигѣ г-жи Мушняковой, по словамъ „Спб. Вѣдомостей“; если бы материнская любовь могла быть вознаграждаема, то ея мужество заслуживало бы всякой награды; спася свою дочь, она спасла и самихъ изверговъ отъ величайшаго и гнуснѣйшаго изъ преступленій—варварски убить ни въ чемъ неповиннаго ребенка.

Но какъ ни ужасна апраксинская исторія, все-таки нельзя еще сказать, что она будетъ самою худшею единицею въ уголовной статистикѣ за текущій годъ. Вскорѣ за нею мы прочли въ „Голосѣ“ еще двѣ исторіи, гдѣ дѣйствующимъ лицемъ является не полупьяная толпа, увлеченная собственною дикостью нравовъ и убѣжденій, а люди болѣе или менѣе образованные.

Изъ Кіева сообщили „Голосу“, 9-го іюня, событіе, почти невѣроятное или возможное въ какомъ-нибудь домѣ умалишенныхъ. Одинъ изъ профессоровъ тамошняго университета, гуляя около Лавры вмѣстѣ съ своими слушателями, набрёлъ на зрѣлище, по-истинѣ возмутительное: на деревѣ была повѣшена дѣвочка лѣтъ 12-ти и уже посинѣла. Оказалось, что это было наказаніе за какую-то провинность, и злодѣи хотѣли даже помѣшать профессору спасти ее; въ газетѣ указано званіе этихъ злодѣевъ, но мы не повторяемъ того, —въ надеждѣ, что къ чести человѣчества все это событіе окажется слишкомъ преувеличеннымъ или даже — чего искренно желаемъ — вымышленнымъ.

Но въ томъ же нумерѣ „Голоса“ приводится другое событіе, съ полными именами и съ точнымъ указаніемъ мѣстности; къ сожалѣнію, оно не столь невѣроятно, какъ предыдущее, а потому и мы не въ правѣ подвергнуть его сомнѣнію. Повидимому, это неизбѣжная единица нашей уголовной статистики за текущій годъ.

Въ Вязникахъ, владимірской губерніи, въ исправительномъ отдѣленіи, арестантъ Маторинъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ 18-ти рублей у другого арестанта. Начальнику арестантскаго отдѣленія, г-ну

Г., слѣдовало бы, конечно, выразить прежде всего изумленіе, какимъ образомъ, въ противность всѣмъ правиламъ тюрьмы, арестантъ могъ имѣть на рукахъ деньги; но на это-то именно онъ и не обратилъ вниманія,—и вотъ какъ передается въ „Голосѣ“ дальнѣйшая, возмутительная исторія:

„Несмотря на то, что пытка считается давно уже утратившею роль въ нашемъ правосудіи, не обращая вниманія на положительное запрещеніе закона вымогать сознаніе у обвиняемаго, г-нъ Г. принялся сѣчь арестанта Маторина. Эту энергическую операцію почтенный смотритель повторялъ до шести разъ, такъ что Маторинъ, по вычисленію, получилъ до трехъ-сотъ ударовъ! Понятно, что нужно обладать желѣзною натурою и необыкновенною силою воли, чтобъ не уступить такого рода допросу. Г-нъ Г. добился своего: истязуемый Маторинъ, наконецъ, выполнилъ желаніе искавшаго истину начальника и *сознался* въ кражѣ 18-ти рублей у арестанта. На вопросъ: „гдѣ же деньги?“ сознавшійся указалъ, что онъ передалъ ихъ старостѣ, то-есть на оговоръ отвѣчалъ оговоромъ. Но едва экзекуція прекратилась и стали дѣлать обыскъ въ сундукѣ старосты, какъ Маторинъ схватилъ съ верстака ножъ и нанесъ себѣ двѣ опасныя раны въ животъ. Объясняя покушеніе на самоубійство, несчастный сказалъ: „лучше умереть отъ своей руки, чѣмъ подъ розгами начальства...“

Кстати, при этомъ, позволимъ себѣ вторично выразить почтеннымъ составителямъ „Свода“ уголовной статистики нашу мысль о необходимости открыть особую рубрику для самоубійствъ; всѣ данныя для этого рода дѣлъ находятся въ рукахъ юстиціи, и потому отсутствіе рубрики самоубійствъ могутъ отнести къ числу недостатковъ „Свода“.

ВСЕМІРНЫЙ
ТОРГОВЫЙ РЫНОКЪ
ВЪ 1877 ГОДУ.

— Commercial History and Review of 1877, въ приложеніи къ „The Economist", 9 марта, 1878.
— L'Economiste français, 1877 и 1878 гг.
— Russland's Handel und Industrie und der Krieg von 1877, von Wilhelm von Lindheim. Wien, 1877.
— Отчетъ о таможенныхъ сборахъ и о результатахъ внѣшней торговли за 1877 г.

Глубокое потрясеніе всемірнаго торговаго рынка, начавшееся въ 1873 г., и вызванное чрезмѣрнымъ развитіемъ производства, далеко превышающимъ наличныя средства потребителей, а также и нѣкоторыми другими причинами, которыя мы подробнѣе изложили въ минувшемъ году [1]), не прекратилось и до настоящаго времени. Недостатокъ спроса по выгоднымъ цѣнамъ на всѣ почти товары, въ особенности же на желѣзо, уголь и желѣзныя издѣлія, продолжается уже около 4-хъ лѣтъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, въ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, и около 2-хъ лѣтъ во Франціи. Съ половины 1876 г. этотъ упадокъ торговли усилился подъ вліяніемъ политическихъ опасеній, внушенныхъ столкновеніемъ на юго-востокѣ Европы; въ теченіи же 1877 г. ненормальное положеніе рынка осложнилось — въ Англіи подъ вліяніемъ полнаго неурожая во всемъ королевствѣ, плохого урожая вообще въ Европѣ, голода въ южной Индіи, и упадка желѣзно-дорожныхъ и

[1]) См. іюль, 1877 г., стр. 156: „Всемірный торговый рынокъ, и его современное положеніе".

фондовыхъ цѣнностей;—во Франціи — вслѣдствіе продолжительнаго столкновенія между президентомъ республики и конституціонною партіею; вообще же во всей Европѣ—подъ вліяніемъ войны между Россіею и Турціею и чрезвычайной шаткости всей европейской политики.

Въ виду такого положенія дѣлъ никогда, можетъ быть, не слѣдили съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за движеніемъ торговыхъ оборотовъ, какъ въ эти послѣдніе годы, особенно въ странахъ, въ которыхъ наиболѣе далъ себя почувствовать экономическій кризисъ 1873 г. Подвергая тщательному анализу цифры привоза и вывоза той или другой страны, экономисты стараются объяснить болѣе или менѣе благопріятнымъ образомъ для изучаемой страны причины уменьшенія тѣхъ или другихъ оборотовъ и часто увлекаются или преувеличенно пессимистическими опасеніями, или черезъ-чуръ розовыми надеждами. Во всякомъ случаѣ общее впечатлѣніе, производимое сравненіемъ суммы торговыхъ оборотовъ наиболѣе производительныхъ и наиболѣе коммерческихъ странъ, въ 1877 г., въ 1876 и въ 1873 г., когда напряженіе производительности достигло своего апогея, обнаруживаетъ положительный упадокъ и застой въ торговлѣ.

Сумма международныхъ торговыхъ оборотовъ составляла:

	1873 г.	1876 г.	1877 г.	Въ 1877 г. болѣе или менѣе 1876 г.	1873 г.
	Милліоновъ франковъ:				
Англія	17,506	14,393	14,817	+ 424	—3,239
Германія.	7,572	8,286	—	—	+ 714
Франція	7,341	7,563	7,241	— 322	— 100
Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	6,342	5,400	5,506	+ 106	— 836
Австро-Венгрія	2,517	2.812	3,076	+ 264	+ 559
Россія	2,421	2,634	—	—	+ 213
Италія	2,420	2,544	2,120	— 424	— 300

Такимъ образомъ, цѣнность торговыхъ оборотовъ уменьшилась сравнительно съ 1876 г. во Франціи и Италіи, увеличилась же въ Англіи, въ Соединенныхъ-Штатахъ и въ Австро-Венгріи; но сравнительно съ 1873 г. всѣ эти страны, за исключеніемъ Австро-Венгріи, представляютъ уменьшеніе. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Россіи и Германіи за 1877 г. еще не приведена въ извѣстность, но судя по оживленію отпускной торговли обѣихъ странъ въ 1877 г., по высокимъ цѣнамъ, бывшимъ въ этомъ году, нужно предполагать, что результатъ выйдетъ не меньшій 1876 г., въ которомъ торговля была также выше 1873 г.

Болѣе подробное знакомство съ отдѣльными итогами, по оборо-

тамъ привозной или вывозной торговли, по разнымъ странамъ приводитъ къ нѣсколько инымъ выводамъ и даетъ поводъ нерѣдко къ менѣе благопріятнымъ заключеніямъ, нежели вышеприведенныя. Несовершенство пріемовъ, употребляемыхъ бо́льшею частію таможенныхъ вѣдомствъ, для полученія данныхъ о цѣнности привоза и вывоза товаровъ, а главное—несходство этихъ пріемовъ между собою по различнымъ странамъ, дѣлаютъ вообще сравненіе цѣнности торговыхъ оборотовъ по странамъ лишь весьма приблизительнымъ. При однообразіи же методовъ вычисленія, употребляемыхъ изъ года въ годъ въ каждой странѣ, отдѣльные итоги привоза и вывоза въ разные годы по каждой странѣ представляются величинами весьма удобосравнимыми и даютъ возможность приходить къ довольно положительнымъ выводамъ о дѣйствительномъ возвышеніи или паденіи той или другой группы итоговъ.

Поэтому мы обратимся теперь къ такому изученію въ главныхъ существенныхъ чертахъ оборотовъ международной торговли семи выше названныхъ странъ за минувшій годъ, и постараемся при этомъ отмѣтить выдающіяся явленія и указать тѣ причины, которыя вліяли на ихъ возникновеніе или существованіе.

Начнемъ съ Англіи.

I.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія о ходѣ внѣшней торговли, какъ въ Англіи, такъ во Франціи и Италіи, публикуются съ такою полнотою и аккуратностію, какой только можно желать. Ежемѣсячно печатаются подробныя свѣдѣнія не только о количествѣ, но и о цѣнности каждаго товара, а по окончаніи года, уже въ началѣ января появляется полный сводъ подобныхъ же свѣдѣній за весь предыдущій годъ. Хотя общій оборотъ по внѣшней торговлѣ 1877 г. выражается для Англіи увеличеніемъ на 423 милл. франковъ или на 17 милл. фунт. стерл., т.-е. на 3%, но все это увеличеніе падаетъ исключительно на одну привозную торговлю. Перевѣсъ цѣнности ввоза товаровъ надъ цѣнностію вывоза обнаружился въ Англіи въ 1877 г. съ несравненно бо́льшею еще силою, нежели во всѣ предыдущіе годы, и явленіе это подало поводъ къ весьма оживленнымъ спорамъ на страницахъ лучшихъ англійскихъ экономическихъ журналовъ, между людьми не только теоріи, но и практики. Одни видятъ въ этомъ признакъ близкаго экономическаго разстройства Англіи, другіе же, хотя и не раздѣляютъ такого рѣзкаго вывода, но не отрицаютъ, что все-таки это явленіе свидѣтельствуетъ

о временномъ сокращеніи сберегательной и капитализирующей способности англійскаго народа. Уже въ концѣ 1876 г. Стефанъ Борнъ (M. Stephen Bourne) въ мемуарѣ, читанномъ имъ въ Лондонскомъ статистическомъ обществѣ [1]), формулировалъ вопросъ о возрастающемъ перевѣсѣ ввоза товаровъ въ Англію надъ вывозомъ и о средствахъ покрытія цѣнности этого перевѣса, а затѣмъ въ 1877 г. онъ же представилъ манчестерскому статистическому обществу соображенія свои о продовольствіи Англіи и о возрастающей зависимости ея въ этомъ отношеніи отъ иностранцевъ [2]). Но какъ ни интересны и замѣчательны были соображенія Борна, они все-таки не произвели того эффекта, какой имѣла статья Уильяма Ратбона (M. William Rathbone), члена парламента отъ города Ливерпуля, помѣщенная въ „Экономистѣ" 1877 г. подъ заглавіемъ: „Waste not, Want not" (нѣтъ расточительности, нѣтъ и нужды).

Быстрое возвышеніе цифръ привоза и вывоза въ 1871, 1872 и 1873 годахъ, по отзыву Ратбона, уже обращало на себя общее вниманіе и вызывало одни выраженія удовольствія. Но между тѣмъ какъ цѣнность привоза продолжала возрастать въ невиданныхъ размѣрахъ, цѣнность вывоза начала уменьшаться. Возбуждаемый этимъ явленіемъ вопросъ не имѣетъ ничего общаго, по мнѣнію автора, съ старымъ экономическимъ софизмомъ, котораго онъ и не думаетъ воскрешать, будто бы вся выгода въ международной торговлѣ принадлежитъ только странамъ съ вывозомъ, преобладающимъ надъ привозомъ.

Въ теченіи 15 лѣтъ, съ 1860 по 1874 г. включительно, по оффиціальнымъ даннымъ министерства торговли (Board of trade), избытокъ привоза товаровъ надъ вывозомъ колебался между 40 и 72 милліонами фунтовъ стерлинговъ, равняясь среднимъ числомъ 56 милліонамъ. Но такъ какъ почти во всѣ эти годы Англія постоянно давала много денегъ взаймы заграницу, то поэтому цифры эти и считались признакомъ богатства и благосостоянія страны. Легкое увеличеніе этихъ цифръ могло бы означать развѣ только то, что страна сама поглощала свои сбереженія и пріостановила приращать свой накопленный уже капиталъ. Но когда избытокъ привоза достигнулъ въ 1874 г.—72 милліоновъ фунт. стерл., въ 1875—92 мил., въ 1876 — 118, а въ 1877 г., по соображеніямъ автора, долженъ былъ дойти до 142 милл., въ дѣйствительности же дошелъ до 196 милл. фунт. стерл., то подобное чрезвычайное увеличеніе на 120

[1]) Growing Preponderance of Imports over Exports, въ Journal of the Statistical Society, мартъ, 1877.

[2]) Increasing Dependence of the Country enforeign countries for Supplies of food.

слишкомъ милліоновъ въ 3 года невольно породило вопросъ, есть ли это признакъ нормальнаго порядка вещей, или же это указываетъ на чрезмѣрные расходы населенія, и какія въ такомъ случаѣ могутъ быть вѣроятныя послѣдствія отъ продолженія подобныхъ расходовъ?

Отрицая возможность точнаго числового опредѣленія, во что можетъ обойтись въ дѣйствительности странѣ покрытіе избытка привоза надъ вывозомъ, принимая въ соображеніе относительно того и другого не только первоначальную стоимость товаровъ на мѣстѣ, но и всѣ накладные расходы по отправкѣ и перевозкѣ ихъ, авторъ старается разрѣшить этотъ вопросъ инымъ путемъ. Онъ пытается выяснить, увеличились ли въ Англіи съ 1874 г. тѣ средства, которыми она располагаетъ для покрытія стоимости всѣхъ привозныхъ товаровъ, и если увеличились, то соразмѣрно ли это увеличеніе съ увеличеніемъ цѣнности самаго ввоза.

Авторъ полагаетъ, что цѣнность всей привозной торговли, за вычетомъ фрахтовъ и барышей судохозяевъ и купцовъ, представляетъ долгъ въ отношеніи къ иностранцамъ, для покрытія котораго существуетъ пять главныхъ источниковъ:

1) чистый барышъ по отпускной торговлѣ, а также фрахтовыя суммы и перевозочные барыши судохозяевъ;

2) барыши по транзитной и перевозочной торговлѣ, которую Англія ведетъ для снабженія иностранныхъ земель;

3) доходы, получаемые Англіею по капиталамъ, отдаваемымъ въ займы другимъ странамъ или затрачиваемымъ на иностранныя предпріятія;

4) заграничныя операціи англійскаго денежнаго рынка;

5) вывозъ звонкой монеты за границу.

Рессурсы трехъ первыхъ категорій авторъ разсматриваетъ какъ составныя части народнаго дохода, послѣднія же двѣ категоріи относитъ къ самому народному капиталу, и, задавшись вопросомъ, достаточно ли однихъ рессурсовъ перваго рода, т.-е. однихъ доходовъ для покрытія возрастающей разности между цѣнностію привоза и вывоза, приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ этихъ источниковъ дохода не представляетъ въ послѣдніе годы, т.-е. послѣ 1873—1874 г., видимыхъ признаковъ возрастанія, и потому Англія находится въ слѣдующей дилеммѣ: или въ годы, предшествовавшіе 1873—1874 г., доходы этого рода настолько превосходили перевѣсъ цѣнности привоза надъ вывозомъ, что оставляли для приращенія народнаго капитала избытокъ суммъ, превышавшій 70 милл. фунт. стерл., т.-е. вышеозначенную разность; или же для покрытія отчасти, по крайней мѣрѣ, увеличившейся стоимости ввоза необходимо прибѣгать къ двумъ остальнымъ рессурсамъ, т.-е. къ продажѣ за гра-

ницей процентныхъ бумахъ и къ вывозу звонкой монеты. Другими словами, практически вопросъ сводится къ тому: пріостановилось ли прогрессивное возрастаніе народнаго богатства, вслѣдствіе возрастающаго потребленія иностранныхъ продуктовъ, или же потребовалось для этого тронуть уже накопленныя прежде сбереженія? Авторъ приходитъ къ заключенію, что вслѣдствіе стеченія разныхъ чрезвычайныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, особенно же вслѣдствіе несоразмѣрнаго съ дѣйствительнымъ спросомъ развитія производительности, вслѣдствіе измѣненія путей торговли, особенно съ открытіемъ Суэзскаго канала, и, наконецъ, вслѣдствіе увеличенія соперничества другихъ странъ, явилось громадное, чрезмѣрное предложеніе капиталовъ. Въ этомъ избыткѣ праздныхъ капиталовъ лежитъ источникъ упадка народнаго богатства. Хотя эта масса свободныхъ денегъ повидимому могла бы отчасти пополнить разность между цѣнностью привоза и вывоза, но она не могла бы предупредить давленіе этой разности на денежный рынокъ, если бы не явился на помощь еще новый рессурсъ, именно продажа за границей англійскими капиталистами разныхъ иностранныхъ фондовъ. Фактъ подобнаго сбыта англійскими капиталистами въ новѣйшее время русскихъ, американскихъ, турецкихъ и другихъ бумагъ не подлежитъ сомнѣнію. Выручка отъ этой продажи послужила для уплаты части расхода по избытку привоза; но очевидно, что эта уплата произведена на счетъ растраты народнаго капитала. Подтвержденіе этого авторъ видитъ и въ состояніи англійскаго денежнаго рынка за послѣднее время. Въ теченіе одного года, съ 1 ноября 1876 по 30 октября 1877 г., количество звонкой монеты и слитковъ уменьшилось въ англійскомъ банкѣ на 10 милл. фунт. ст. и въ то же время резервный фондъ уменьшился почти на половину, т.-е. также на 10 милл. ф. ст. Сближая это двойное уменьшеніе съ другими цифрами балансовъ англійскаго банка, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что безъ этого вывоза звонкой монеты и слитковъ невозможно было покрыть перевѣсъ цѣнности привоза надъ вывозомъ.

Авторъ кончаетъ свою статью тремя крупными и мало утѣшительными выводами:

1) Страна, взятая въ цѣломъ, не выказала достаточнаго благоразумія; она растрачивала свои капиталы и свои прежнія сбереженія; 2) эта расточительность должна въ скоромъ времени вызвать значительное усиленіе бережливости, которая должна сопровождаться большими личными стѣсненіями и значительнымъ сокращеніемъ оборотовъ денежнаго рынка; 3) такъ какъ послѣ длиннаго періода, когда деньги были въ изобиліи, стѣсненный денежный рынокъ можетъ развить разныя скрытныя болѣзни и создать періодъ денежнаго недовѣрія,

то банкиры и купцы, считающіе себя благоразумными, хорошо сдѣлаютъ, если удержатъ свои рессурсы у себя подъ руками и ограничатся только надежными операціями.

Такой рѣзкій и мало утѣшительный взглядъ на экономическое положеніе Англіи, выраженный лицомъ вполнѣ серьёзнымъ и очевидно близко знакомымъ съ положеніемъ торговли и промышленности, не могъ не задѣть національнаго самолюбія и не вызвать возраженій. Печатая на страницахъ своего журнала статью Ратбона, редакція „Экономиста" сдѣлала оговорку, что хотя она съ удовольствіемъ помѣщаетъ ее у себя, но не раздѣляетъ во всемъ взглядовъ автора, и тѣмъ не менѣе не можетъ не признать всей важности двухъ послѣднихъ его заключительныхъ выводовъ. Вслѣдъ за тѣмъ редакція „Экономиста" посвятила двѣ большія статьи разбору и опроверженію нѣкоторыхъ изъ соображеній автора. Кромѣ того, отвѣтомъ автору послужила записка Роберта Джиффена (M. Robert Giffen), автора одного весьма почтеннаго сочиненія о биржевыхъ операціяхъ, читанная имъ въ Лондонскомъ статистическомъ обществѣ: „О приращеніи въ новѣйшее время народнаго капитала въ Англіи" [1]). Не отрицая всѣхъ трудностей, избранной имъ задачи, не сомнѣваясь въ невозможности ея точнаго разрѣшенія, безъ подробной одновременной оффиціальной переписи всего народнаго имущества, подобно тому какъ это дѣлается, хотя и весьма несовершеннымъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ при народныхъ переписяхъ, авторъ беретъ въ основаніе своихъ исчисленій тѣ данныя, которыя представляютъ окладныя книги подоходнаго налога (Assessments of Incometax). Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ во всѣхъ его вычисленіяхъ и ограничимся одними общими выводами:

Валовой доходъ, облагаемый подоходною податью, составлялъ для одной Великобританіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія 115 мил. фунт. стерл.; въ 1815 г.—130 милл.; въ 1843—251 милл.; 1853—262 милл.; для всего же Соединеннаго королевства—въ 1855 г.—308 милл.; въ 1865—396 милл., и въ 1875 г.—571 милл. Что же касается самаго капитала, приносившаго этотъ доходъ и частію подлежавшаго, частію же не подлежавшаго обложенію подоходнымъ налогомъ, то онъ простирался въ 1865 г. до 6,113 мил. ф. стерл.; въ 1875 же году—до 8,538 мил. ф. ст., т.-е. увеличился въ 10 лѣтъ на 2,425 мил. фунт. стерл. или на 40 процентовъ, т.-е. на $242^1/_2$ мил. ф. стер. или на 4% ежегодно. Цифры эти слѣдуетъ притомъ прини-

---

[1]) Записка эта подъ заглавіемъ: Recent accumulations of Capital in England, должна была появиться въ апрѣльской книжкѣ Общества, но ранѣе того была напечатана въ извлеченіи въ „Economiste français" №№ 5 и 7—подъ заглавіемъ: La Richesse publique en Angleterre et sa récente augmentation.

мать во всякомъ случаѣ гораздо ниже дѣйствительности. Приведя эти цифры и сдѣлавъ имъ повѣрку разными путями, авторъ останавливается на вопросѣ, какъ онъ говоритъ, недавно возникшемъ: тронутъ ли въ настоящее время капиталъ? *Если это дѣйствительно такъ*,—отвѣчаетъ онъ, то *во всякомъ случаѣ это началось весьма недавно*. Приведенныя цифры возрастанія народнаго капитала достаточно доказываютъ, по мнѣнію автора, что единственный фактъ, приводимый въ подкрѣпленіе такого мнѣнія, т.-е. перевѣсъ цѣнности привоза надъ вывозомъ, недостаточенъ для его оправданія. Въ опровержeніе того, будто бы для покрытія этого избытка привоза страна вынуждена возвращать изъ-за границы часть затраченныхъ тамъ своихъ капиталовъ, Джиффенъ ссылается на приводимыя имъ цифры о значительности затраченныхъ за границею англійскихъ капиталовъ и приносимыхъ ими процентовъ. По окладнымъ книгамъ подоходнаго налога 1875 г., капиталы, затраченные на иностранныхъ фондахъ, равнялись 519 милліонамъ фунт. стерл. и приносили дохода своимъ владѣльцамъ болѣе 20 милл. фунт. стерл. Поэтому для извлеченія капитальной суммы изъ-за границы, въ видахъ покрытія разности между привозомъ и вывозомъ, требовался бы несравненно высшій еще привозъ, нежели нынѣшній. При томъ самое извлеченіе части капиталовъ, затраченныхъ за границею, нисколько не означаетъ, чтобы страна перестала дѣлать сбереженія или же тронула свой народный капиталъ. Это предположеніе требуетъ, по мнѣнію автора, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ. Есть полное основаніе предполагать, говоритъ авторъ, что народныя сбереженія никогда не останавливаются, и въ самые тяжелые годы затраты на желѣзныя дороги, на улучшеніе земледѣлія, на развитіе промышленности продолжаются. Такъ, во время хлопковаго кризиса число веретенъ и ткацкихъ станковъ въ Ланкаширѣ не только не уменьшилось, а даже увеличилось. Авторъ не отрицаетъ впрочемъ, что помѣщеніе капиталовъ въ заграничныхъ предпріятіяхъ нѣсколько ослабло въ послѣдніе годы. Авторъ не чуждъ вообще нѣкоторыхъ опасеній за близкое будущее, но выражаетъ надежду, что треволненія промышленности скоро получатъ свой исходъ и она приметъ свое обычное теченіе, хотя и не безъ нѣкоторыхъ индивидуальныхъ стѣсненій, но безъ особенно чувствительныхъ потерь и безъ разрушенія народнаго капитала.

Оканчивая свою записку, г-нъ Джиффенъ высказалъ, что такъ какъ жизненные интересы Англіи ничѣмъ еще не нарушены и ничто, повидимому, не угрожаетъ имъ въ настоящую минуту, то и промышленная будущность Великобританіи и ея старое, и торговое, и промышленное, преобладаніе находится въ ея рукахъ. Ту же тэму развивалъ вслѣдъ за Джиффеномъ, въ засѣданіи 19-го февраля, въ

Лондонскомъ статистическомъ обществѣ, и Мунделла [1]), также членъ парламента, какъ и Ратбонъ. Авторъ послѣдовательно разбираетъ какъ естественныя причины торговаго и промышленнаго преобладанія Англіи, такъ и тѣ выгоды, которыя вытекаютъ вполнѣ или отчасти изъ этого преобладанія. Къ выгодамъ перваго рода авторъ относитъ: 1) естественныя богатства запасовъ каменнаго угля и желѣза; 2) превосходное географическое положеніе страны; 3) умѣренность климата, столь благопріятную для усидчиваго труда. Ко второй категоріи преимуществъ Мунделла относитъ: 1) изобиліе и дешевизну капиталовъ; 2) высшую производительность англійскаго рабочаго, сравнительно съ рабочими другихъ націй; 3) обширное развитіе англійской перевозочной торговли; 4) обладаніе обширными колоніями, — и 5) превосходную торговую политику, т.-е. свободную торговлю. Мы не слѣдуемъ за авторомъ въ его подробномъ разборѣ каждаго изъ этихъ преимуществъ промышленно-торговаго положенія Англіи и приведемъ только его заключительная слова: „всѣ предыдущія соображенія, — говоритъ Мунделла, — приводятъ насъ къ заключенію, что всѣ условія нашего (т.-е. англійскаго) торговаго и промышленнаго преобладанія остаются неприкосновенными и ничто не угрожаетъ въ близкомъ будущемъ этому преобладанію. Противники этого воззрѣнія указываютъ на современный кризисъ, на уменьшеніе нашего вывоза, на смѣлость и энергію иностранной конкурренціи, на относительно возвышенную цѣну рабочей силы въ Англіи. Мнѣ не трудно было бы возражать на это, что настоящій кризисъ охватилъ весь міръ, что въ другихъ странахъ онъ былъ даже продолжительнѣе и сильнѣе, нежели въ Англіи, особенно въ странахъ съ охранительной торговой политикой. Я приведу только одинъ примѣръ. Изъ 190 компаній, котирующихъ свои акціи на берлинской биржѣ, болѣе половины не дали никакого дивиденда въ минувшемъ году, а изъ остальныхъ ни одна не получила дивиденда свыше 2%. Двѣ трети компаній горныхъ, каменноугольныхъ и желѣзныхъ не принесли никакихъ барышей. Уменьшеніе нашего вывоза относится не столько къ количеству, сколько къ цѣнности, и если замѣчается въ количествѣ, то преимущественно въ такихъ отрасляхъ промышленности, производительность которыхъ, вслѣдствіе исключительно усиленнаго спроса и высокихъ цѣнъ, получила чрезмѣрное развитіе; безъ сомнѣнія, иностранное соперничество усилилось, но это и естественно при такихъ условіяхъ. Для насъ доста-

[1]) Записка г-на Мунделла была напечатана до появленія ея въ журналѣ Лондонскаго статистическаго общества — въ „Французскомъ Экономистѣ": №№ 11 и 12 за 1878 годъ, подъ заглавіемъ: „La Suprématie industrielle et commerciale de la Grande Bretagne".

точно, что наше собственное производство осталось неприкосновеннымъ и не возбуждаетъ никакихъ опасеній, въ чемъ убѣждаетъ, между прочимъ, положеніе англійской хлопчато-бумажной промышленности. Изъ послѣдняго циркуляра гг. Эллизенъ и Ко за минувшій годъ видно, что хлопчато-бумажное производство Англіи превосходитъ болѣе чѣмъ вдвое все континентальное производство; въ Англіи считалось въ 1877 году 39½ милл. веретенъ, на материкѣ же Европы—19.680,000. Наконецъ, несмотря на превосходство своего механическаго инвентаря, свою превосходную рабочую силу и выгоды, проистекающія отъ того, что они имѣютъ сырой матеріалъ у себя подъ руками, американцы вывозятъ всякаго рода хлопчато-бумажной пряжи и тканей только на 2 милл. фунт. стерлинговъ,— вывозъ же этихъ самыхъ продуктовъ изъ Англіи достигнулъ въ 1877 году цифры 69 милл. фунт. стерлинговъ и былъ на 2 милл. выше вывоза 1876 года. Поэтому будемъ же, — говоритъ Мунделла, обращаясь къ хозяевамъ и рабочимъ, — вѣрить могуществу принципа свободной торговли; постараемся, каждый въ своей сферѣ, расширить свои научныя познанія и свое профессіональное искусство, будемъ болѣе интеллигентны, болѣе экономны, болѣе трезвы,—и я не вижу, почему бы наша страна не могла достигнуть такой степени матеріальнаго процвѣтанія и соціальнаго благосостоянія, какого она еще не знала до сихъ поръ".

Кромѣ этихъ косвенныхъ отвѣтовъ со стороны Джиффена и Мунделла, пессимистическія воззрѣнія Ратбона нашли прямой отпоръ на страницахъ того самаго журнала, въ которомъ они были помѣщены. Редакція „Экономиста" посвятила имъ двѣ статьи еще въ декабрѣ минувшаго года, и искуснымъ сближеніемъ цифръ, которыми пользовался и самъ г-нъ Ратбонъ, старалась доказать всю преувеличенность его мнѣній. Такъ, сравнивая изъ года въ годъ постоянное колебаніе цифръ привоза и вывоза, „Экономистъ" старался доказать, что наиболѣе значительныя возвышенія тѣхъ и другихъ уже начались въ 1867—1870 годахъ, и что, въ сравненіи съ средней величиной привоза и вывоза за эти годы, отдѣльныя цифры того и другого за послѣдующіе годы, т.-е. за 1871—1877, хотя и представляютъ постоянное увеличеніе въ отношеніи къ привозу и постоянное паденіе въ отношеніи къ вывозу, но, тѣмъ не менѣе, все же цифры вывоза 1877 года на 20 милл. фунт. стерлинговъ выше средней цифры вывоза 1867—1870 гг. Притомъ, по замѣчанію „Экономиста", цифры привоза представляютъ цѣнность товаровъ со включеніемъ всѣхъ расходовъ ихъ перевозки,—цифры же отпуска—безъ этихъ расходовъ; сверхъ того, цѣны товаровъ отпускныхъ — по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы — были самыя низкія, вслѣдствіе

торговаго кризиса,—цѣны же многихъ товаровъ привозныхъ, напротивъ, были самыя высокія, вслѣдствіе большого на нихъ спроса. Цѣнность ввоза сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ въ послѣдніе 3 года уменьшилась на 7%, съ 146 на 136 милл. фунт. стерлинговъ, — цѣнность же привоза питательныхъ продуктовъ въ то же время, въ свою очередь, возвысилась на $7^1/_2$%, съ 152 до 163 милл. фунт. стерлинговъ; но это послѣднее обстоятельство было результатомъ повторяющагося въ Англіи уже нѣсколько лѣтъ къ-ряду неурожая; притомъ, расходъ — хотя и усиленный — на продовольствіе того трудового населенія, которымъ держится большая мастерская, именуемая Англіею, не можетъ быть признаваемъ ею непроизводительнымъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ „Экономистъ" заключаетъ, что хотя въ теченіи послѣднихъ 15 или 20 лѣтъ, повидимому, торговый балансъ былъ не въ пользу Англіи, но въ сущности этого не могло быть, потому что столь продолжительное дренированіе народныхъ средствъ должно было бы давно обнаружиться и сопровождаться самыми пагубными послѣдствіями. Громадную разность между привозомъ и вывозомъ англійскій народъ долженъ былъ бы покрыть или соотвѣтственнымъ вывозомъ драгоцѣнныхъ металловъ, или же продажей своихъ заграничныхъ бумажныхъ цѣнностей. Между тѣмъ оказывается, что количество звонкой монеты въ обращеніи не уменьшилось, а даже увеличилось; металлическій фондъ англійскаго банка также не уменьшился до послѣдняго года, а рядъ цифръ о ввозѣ и вывозѣ звонкой монеты и драгоцѣнныхъ металловъ показываетъ, что въ 11-ти-лѣтній періодъ 1867—1877 годовъ балансъ былъ въ пользу Англіи: противъ 334 милл. фунт. стерлинговъ привоза драгоцѣнныхъ металловъ оказалось вывезенныхъ 280 милл. фунт. стерлинговъ, т.-е. оказался избытокъ привоза въ 53 милл. фунт. стерлинговъ или около 5 милл. фунт. стерлинговъ въ годъ. Только въ 1877 году перевѣсъ былъ на сторонѣ вывоза драгоцѣнныхъ металловъ на 4 милл. фунт. стерлинговъ. Тѣмъ не менѣе, „Экономистъ", не сомнѣваясь въ свободномъ покрытіи разности между цѣнностью привоза и вывоза доходами отъ капиталовъ, затраченныхъ въ иностранныхъ займахъ и предпріятіяхъ, допускаетъ однако, что страна понесла не малыя потери, по случаю обезцѣненія нѣкоторыхъ изъ подобныхъ цѣнностей, и даже опредѣляетъ, что сумма этихъ потерь за послѣдніе три года должна быть не менѣе суммы народныхъ сбереженій за одинъ годъ. Кромѣ того, „Экономистъ" самъ указываетъ на нѣкоторые случайные признаки уменьшенія народнаго капитала. Такъ, послѣднія статистическія свѣдѣнія 1877 года о количествѣ крупнаго и мелкаго скота обнаруживаютъ уменьшеніе противъ 1874 года на 400,000 штукъ крупнаго рогатаго скота и на 2 милл. овецъ, — всего цѣн-

ностью, по крайней мѣрѣ, въ 12 милл. фунт. стерлинговъ. Вообще „Экономистъ“ признаетъ, что хотя страна и не живетъ еще на-счетъ своихъ капиталовъ, но приращеніе народнаго богатства значительно сократилось въ послѣдніе годы, сравнительно съ прежнимъ, и обстоятельство это приписываетъ главнымъ образомъ укоренившейся въ цвѣтущіе годы привычкѣ, какъ высшихъ классовъ, такъ и низшихъ рабочихъ классовъ, въ эпоху высокихъ заработковъ, дѣлать непроизводительныя траты. Одна строгая бережливость можетъ предотвратить дальнѣйшее сокращеніе народныхъ сбереженій.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ затрудненій 1877 года, особенно въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, было необыкновенное развитіе стачекъ или забастовокъ (strikes, grèves). Едва ли какая-нибудь отрасль промышленности въ Англіи избѣгла стачки въ теченіи 1877 г. Всего насчитываютъ 190 стачекъ, въ томъ числѣ 70 между каменьщиками, 21 въ каменноугольномъ производствѣ, 23 въ желѣзномъ, 22 въ проволочномъ и печномъ, 18 въ прядильныхъ и 37 въ остальныхъ. Результатомъ ихъ была потеря 977 недѣль или 5,862 рабочихъ дней, чтó равняется потерѣ рабочими 29,300,000 франковъ заработной платы. Пять только большихъ стачекъ обошлись ихъ участникамъ въ 18 милліоновъ франковъ, въ томъ числѣ 2 милл. франк. стоила стачка на судостроительной верфи Клайда, 2½ милл. фр.—стачка 10,000 бостонскихъ прядильщиковъ, столько же —10,000 лондонскихъ каменьщиковъ; $4^3/_4$ милл. франк.—6,000 шотландскихъ рудокоповъ, 6¼ милл. франк.—12,000 западно-ланкастерскихъ рудокоповъ.

Всѣ эти стачки поддерживались, такъ-называемыми, рабочими союзами (Trades-unions), которые располагаютъ нерѣдко значительными средствами, собираемыми съ рабочихъ, членовъ тѣхъ союзовъ (unionists). Когда возникаютъ столкновенія между хозяевами и рабочими или вслѣдствіе несогласія первыхъ на требованіе рабочихъ о сохраненіи прежней платы, или о сокращеніи рабочихъ часовъ, или вслѣдствіе несогласія вторыхъ на предлагаемое хозяевами сокращеніе рабочей платы, тогда члены рабочихъ союзовъ производятъ забастовку и во все время ея продолженія получаютъ отъ рабочаго союза извѣстную плату, обыкновенно около 3 шиллинговъ въ сутки, взамѣнъ потерянной заработной платы. Обыкновенно забастовка прекращается лишь тогда, когда рабочіе убѣждаются въ непреклонности хозяевъ и въ истощеніи капиталовъ союза, собранныхъ изъ мелочныхъ взносовъ въ теченіи болѣе благопріятныхъ годовъ. Такимъ образомъ, большая часть стачекъ въ концѣ-концовъ обращается противъ самихъ рабочихъ и наноситъ существенный ущербъ не только хозяевамъ и самому производству, но и самому рабочему

классу, истощая безполезно тѣ общественныя сбереженія, которыя съ несравненно большею пользою могли бы идти на поддержаніе рабочихъ и ихъ семействъ, во время ихъ болѣзней, неспособности къ работѣ и другихъ случаевъ разстройства. Иногда рабочіе являются тутъ жертвами постороннихъ агитаторовъ, которые внушаютъ имъ совершенно ложное понятіе объ ихъ истинныхъ интересахъ и объ экономическихъ условіяхъ производства. Обыкновенно предложенія хозяевъ о пониженіи рабочей платы являются вслѣдствіе положительной невозможности для данной отрасли промышленности выдержать свои издержки производства и необходимости пониженія цѣны товара, для открытія ему сбыта, особенно въ эпоху коммерческаго кризиса. Между тѣмъ, рабочіе являются въ то же время съ своими предложеніями о возвышеніи платы или о сохраненіи прежней, но подъ условіемъ сокращенія числа рабочихъ часовъ. Такимъ образомъ, они не понимаютъ, что принятіе ихъ предложенія должно вызвать возвышеніе и цѣны продуктовъ въ то самое время, когда все должно быть направлено къ пониженію этой цѣны. Искусные агитаторы стараются раздуть страсти рабочихъ, проповѣдуя имъ о борьбѣ между капиталомъ и трудомъ, о противорѣчіи интересовъ нанимателей и нанимаемыхъ и, наконецъ, увлекаютъ ихъ къ тѣмъ печальнымъ столкновеніямъ, послѣдствія которыхъ такъ краснорѣчиво выражаются вышеприведенными цифрами.

Чтобы избѣжать по возможности подобныхъ столкновеній и затрудненій, многіе хозяева-фабриканты рѣшаются не принимать къ себѣ въ работу членовъ рабочихъ союзовъ и, въ случаѣ недостатка туземныхъ рабочихъ, выписываютъ ихъ изъ другихъ странъ, изъ Франціи, Германіи, даже изъ Соединенныхъ Штатовъ. Мѣра эта отчасти приноситъ свой плодъ, и рабочіе нерѣдко возвращаются къ работамъ, отказываясь отъ участія въ рабочихъ союзахъ.

Ни въ чемъ не выражается такъ ясно послѣдствіе критическаго положенія промышленности и испытываемыхъ ею затрудненій, какъ въ развитія банкротствъ. Въ 1877 году насчитывали въ Англіи всего 11,022 банкротства, въ томъ числѣ 2,172 въ предпріятіяхъ финансовыхъ, въ оптовой торговлѣ и крупной промышленности, и 8,850 въ мелочной торговлѣ. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ столь значительное число крупныхъ банкротствъ было только въ 1868 г.—2,145, и въ 1869 г.—2,315; въ послѣдующіе затѣмъ годы 1870—1872 число ихъ было около 1,400, а въ 1873—75 по 1,700; въ 1876 же году увеличилось до 2,087. Изъ 2,172 крупныхъ банкротствъ 1877 года приходилось на Лондонъ 456, на Бирмингамъ—189, на Манчестеръ—134, на Ливерпуль—81, на Іоркширъ, не включая Миддльсбора и Гулла—324, на Ньюкестль, Гуллъ и ихъ округа 129, на Бристоль,

Кардифъ, Ньюкортъ и Суэкси—86, на остальныя провинціи 457, на Шотландію—139, на Ирландію—33. Хотя и принято говорить, что число банкротствъ обыкновенно пропорціонально количеству дѣлъ, но если приведенныя цифры свидѣтельствуютъ о развитіи промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ въ Англіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же свидѣтельствуютъ и о томъ, что въ числѣ такихъ оборотовъ не мало было и неудачныхъ оборотовъ.

II.

Германіи принадлежитъ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, второе мѣсто во всемірной торговлѣ. Результаты ея торговыхъ оборотовъ за 1877 г. еще не опубликованы, и потому пока можно опираться только на данныя 1876 г., но, къ сожалѣнію, и тѣ представляютъ не мало затрудненій для сравненія, потому что германское таможенное вѣдомство, обсуждая уже въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ средства для исправленія системы своихъ таможенныхъ записей, все еще остается при старой, весьма неудовлетворительной системѣ, по которой привозные товары регистрируются и въ отношеніи цѣнности, и въ отношеніи количества; вывозные же товары отмѣчаются только въ количествахъ. Такимъ образомъ, недовѣріе германскаго таможеннаго вѣдомства къ показаніямъ экспертовъ отнимаетъ возможность сравненія цѣнности привоза и вывоза; возможность эта является лишь благодаря трудолюбивымъ вычисленіямъ извѣстнаго экономиста Ласпейреса. Изъ сравненія оффиціальныхъ цифръ привоза за 1876 г. съ среднимъ привозомъ 1872—73 годовъ, видно, что привозъ какъ по цѣнности, такъ и по количеству увеличился на 9%. Наибольшее увеличеніе замѣчается по привозу драгоцѣнныхъ металловъ (143%), хлѣба и муки (42%), удобреній (32%), животныхъ и животной пищи (26%), жировъ, маслъ (25%), сѣмянъ, фруктовъ и растеній (18%), предметовъ украшенія и разныхъ искусствъ (15%). Наибольшее уменьшеніе—по части металловъ не въ дѣлѣ, а также металлическихъ издѣлій и машинъ. Значительный привозъ драгоцѣнныхъ металловъ объясняется перечеканкой въ настоящее время въ Германіи звонкой монеты, вслѣдствіе измѣненія монетной единицы; уменьшеніе же привоза желѣза—отчасти избыткомъ внутренняго производства, отчасти ожиданіемъ пошлинъ съ привознаго желѣза.

Вывозъ 1876 г., въ сравненіи съ вывозомъ 1872—75 г., по вычисленіямъ Ласпейреса, увеличился весьма незначительно, всего на 0,15 процента. Увеличеніе замѣчается преимущественно по тѣмъ же

рубрикамъ, по которымъ увеличился привозъ, а уменьшеніе по части машинъ и судовъ, хлѣба и муки, тканей и драгоцѣнныхъ металловъ. Но по замѣчанію Ласпейреса, большею частію избытокъ вывоза надъ привозомъ замѣчается въ сырыхъ матеріалахъ и питательныхъ продуктахъ; избытокъ же вывоза въ фабричныхъ продуктахъ доказываетъ только, что для нѣмецкой промышленности далеко не такъ опасно иностранное соперничество, какъ думаютъ многіе, хотя нѣмецкая промышленность и ограничивается преимущественно выдѣлкою издѣлій сомнительнаго вкуса, посредственныхъ и дешевыхъ, или, какъ ихъ охарактеризовалъ генеральный коммиссаръ филадельфійской выставки—billig und schlecht, дешево да гнило.

Признаки экономическаго кризиса чувствуются и въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, и по этому поводу даже учреждены въ нѣкоторыхъ городахъ особые Nothstand-Commissionen, а нѣкоторыми журналами открыты у себя отдѣлы Nothstand-Berichte. Виртембергское правительство произвело даже особенное по этому поводу изслѣдованіе (enquête), а съѣздъ представителей германскихъ торговыхъ палатъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи подобнаго изслѣдованія во всей имперіи. Обнаруженные до сихъ поръ факты свидѣтельствуютъ о томъ, что кризисъ, хотя и существуетъ въ Германіи, но далеко не охватываетъ всѣхъ отраслей промышленности и преимущественно отзывается на нѣкоторыхъ крупныхъ. Этимъ можетъ отчасти объясниться постоянное возрастаніе въ Германіи средняго потребленія сахару, табаку, кофе и другихъ продуктовъ.

1877-й годъ ознаменованъ въ Германіи, между прочимъ, введеніемъ новаго закона о привилегіяхъ на изобрѣтенія (Patentgesetz), которымъ предполагается вызвать и охранять нѣмецкую изобрѣтательность. Сверхъ того, проектируются законы для болѣе яснаго опредѣленія отношеній между хозяевами и рабочими и для огражденія работы малолѣтнихъ на фабрикахъ. Эти законы вызываются силою того движенія въ рабочемъ классѣ, которое поддерживается обширною агитаціею, идущею отъ прочно организованной соціалистической партіи, располагающей обширною прессою, разсчитанною для разныхъ уровней интеллигенціи.

III.

Обороты французской внѣшней торговли 1877 года представляютъ въ сравненіи съ 1876 г. уменьшеніе на 232 милл. франковъ по привозу и на 91 милл. фр. по вывозу, т.-е. въ общемъ итогѣ уменьшеніе въ 323 милл. франк.; но не слѣдуетъ забывать, что 1876 годъ

былъ самымъ благопріятнымъ во все послѣднее десятилѣтіе, при возраставшемъ прогрессивно развитіи внѣшней торговли Франціи. Сокращеніе оборотовъ по привозу было относительно незначительное, по статьѣ питательныхъ припасовъ—15 милл. франк. и фабричныхъ издѣлій—13 милл. фр.; но за то привозъ сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ уменьшился на 213 милл. фр., что произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго сбора коконовъ въ минувшемъ году и меньшаго привоза шелка во Францію. Разница между ввозомъ шелка въ 1877 и 1876 г. простирается до 273 милл. фр. Увеличился привозъ лишь слѣдующихъ товаровъ: сахару, скота, мяса, сала, сырыхъ кожъ, шерсти, льна, лѣса, рудъ, плетеной соломы и масличныхъ сѣмянъ. На уменьшеніе отпуска товаровъ изъ Франціи преимущественно повліялъ неурожай свекловицы и плохой сборъ коконовъ, вслѣдствіе чего вывозъ сахара и шелковыхъ товаровъ сократился на 40 милл. франковъ.

Первые три мѣсяца 1878 г. представляютъ болѣе утѣшительную картину сравнительно съ соотвѣтствующими мѣсяцами 1877 г. Привозъ увеличился на 130 милл. фр., а вывозъ сократился на 60 милл., слѣдовательно, общій оборотъ поднялся на 70 милл. фр.

Несмотря на уменьшеніе суммы оборотовъ по внѣшней торговлѣ Франціи въ 1877 г., судоходство дало результаты болѣе благопріятные, нежели два предшествующіе года. Это объясняется тѣмъ, что вліяніе кризиса обнаружилось преимущественно на такихъ отрасляхъ промышленности, которыя производятъ предметы, имѣющіе высокую цѣнность въ маломъ объемѣ, какъ, напр., коконы, шелкъ-сырецъ, шелковыя ткани; между тѣмъ, какъ увеличеніе перевозки предметовъ громоздкихъ, какъ: скотъ, шерсть, кожи, ленъ, лѣсъ, руды, потребовало и усиленія перевозочныхъ средствъ. Равнымъ образомъ и для обратныхъ рейсовъ своихъ суда нашли грузъ въ увеличившемся количествѣ нѣкоторыхъ отпускныхъ товаровъ. Такимъ образомъ, хотя цѣнность мѣновыхъ оборотовъ Франціи и уменьшилась въ 1877 г., но вѣсъ и объемъ мѣновыхъ товаровъ усилились, а отъ вѣса и объема перевозимыхъ товаровъ собственно и проистекаетъ оживленіе морского судоходства. Всего въ приходѣ было во Франціи въ 1877 г. 30,288 судовъ съ грузомъ въ 8.570,288 тоннъ, въ отходѣ же было 21,868 судовъ, вмѣстимостью 5.830,357 тоннъ; всего же 52,156 судовъ, вмѣстимостью 14.400,645 тоннъ. Противъ 1876 г. число судовъ уменьшилось почти на 2,000; вмѣстимость же ихъ была на 267,140 тоннъ болѣе. Притомъ, очевидно, что между перевозочными средствами по привозу и отпуску во Франціи нѣтъ равновѣсія, потому что изъ 30 тысячъ судовъ, приходящихъ съ грузомъ, очевидно, около

8 тысячъ остаются безъ возвратнаго груза и должны уходить съ балластомъ.

Что касается участія французскихъ и иностранныхъ судовъ, то подъ французскимъ флагомъ привозится едва треть всѣхъ привозимыхъ моремъ товаровъ, отвозится же около половины. Такимъ образомъ, участіе французскихъ судовъ сильнѣе въ отпускѣ, нежели въ привозѣ. Не останавливаясь на деталяхъ по движенію судоходства въ разныхъ портахъ, отмѣтимъ здѣсь только одинъ фактъ, что судовъ въ марсельскомъ портѣ въ 1877 г. было въ приходѣ менѣе на 500 сравнительно съ 1876 г., именно 4,754 корабля, вмѣстимостью 2 милл. тоннъ, т.-е. почти то же количество тоннъ, какъ и въ 1876 г. Разница въ числѣ судовъ была прямымъ послѣдствіемъ закрытія черноморскихъ портовъ. Въ 1876 г. въ марсельскомъ портѣ было въ приходѣ изъ русскихъ черноморскихъ портовъ 512 кораблей съ грузомъ въ 269,900 тоннъ; въ 1877 же году только 188, вмѣстимостью 94,902 тонны. Вообще здѣсь кстати замѣтить, что Франція до сихъ поръ находилась гораздо въ бо́льшей зависимости отъ Россіи въ отношеніи къ своему продовольствію, нежели Англія. Въ то время, какъ ввозъ пшеницы изъ Россіи въ Англію составляетъ около 15% всего ввоза, ввозъ во Францію — около 27%. И потому, хотя Поль Леруа Болье предъ началомъ войны Россіи съ Турціею, разсматривая въ „Economiste français" вопросъ о продовольствіи западной Европы, и возлагалъ надежду, что Америка и Остъ-Индія наполнятъ тѣ пробѣлы въ привозѣ пшеницы, которые оставитъ закрытіе черноморскихъ портовъ, и хотя онъ высказывалъ при этомъ, что Россіи не легко будетъ возвратить себѣ потомъ утраченные рынки, но не могло быть сомнѣнія, что, съ возстановленіемъ мира и возобновленіемъ торговыхъ сношеній, Одесса и другіе черноморскіе порты по-прежнему останутся одними изъ главныхъ поставщиковъ Европы. Свѣдѣнія о ходѣ отпускной торговли въ нынѣшнемъ году вполнѣ оправдываютъ такое предположеніе. По 1-е марта нынѣшняго года уже отпущено 545,000 четвертей изъ одесскаго и севастопольскаго портовъ, т.-е. на 10,000 четвертей только менѣе соотвѣтствующихъ мѣсяцевъ 1877 года.

Не останавливаясь на положеніи той или другой отрасли промышленности во Франціи, нельзя не замѣтить, что, со времени своего разгрома, французы удвоили энергію въ трудѣ и, благодаря этому, конечно, успѣли заживить тѣ раны, которыя нанесены были ихъ матеріальному благосостоянію иноземнымъ вторженіемъ, коммуной, пятимилліардной контрибуціей и отторженіемъ Эльзаса и Лотарингіи. Несмотря на вліяніе общаго экономическаго кризиса, Франція могла продолжать свою внутреннюю производительную работу національнаго возрожденія и готовиться среди громовъ войны къ

мирному международному состоянію. Рабочій классъ въ теченіи 7 лѣтъ почти не проявлялъ, за самыми ничтожными и рѣдкими исключеніями, никакихъ поползновеній нарушить свои правильныя трудовыя занятія. Отсутствіе такихъ рабочихъ союзовъ, какіе существуютъ въ Англіи и о которыхъ мы говорили выше, благопріятствовало мирному настроенію рабочихъ и воздерживало ихъ отъ стачекъ. Лишь въ началѣ нынѣшняго года обнаружилось нѣсколько болѣе крупныхъ забастовокъ, въ Деказвалѣ и Монсо-ле-Минь, между кружевницами въ Тарарѣ, между булочными подмастерьями въ Безансонѣ, между парижскими наборщиками, между марсельскими кочегарами. Большая часть этихъ стачекъ, впрочемъ, кончилась благополучно, отозвавшись, конечно, весьма чувствительно на судьбѣ самихъ рабочихъ.

Забота о возможно бо̀льшемъ развитіи производительныхъ силъ Франціи составляетъ, повидимому, въ настоящее время главную заботу французскаго правительства, и однимъ изъ лучшихъ тому доказательствъ служитъ грандіозный проектъ министра публичныхъ работъ, Фрейсинэ (M. Freycinet), объ увеличеніи сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 21,000 километровъ до 57,000 километровъ, съ раздѣленіемъ ихъ на дороги *общаго интереса*, около 37,000 километровъ, и *мѣстнаго интереса* около 20,000 километровъ. Одно увеличеніе сѣти первой категоріи на 16,000 километровъ потребуетъ, по соображеніямъ министра путей сообщенія, около 3 милліардовъ 200 милліоновъ франковъ и могло бы быть исполнено въ теченіи десяти лѣтъ; постройка около 6,000 километровъ уже сдана разнымъ компаніямъ, и потому средства на нихъ отчасти уже имѣются, и такимъ образомъ предстоящій расходъ казны сокращается до 2 милліардовъ. Для опредѣленія, какимъ дорогамъ слѣдуетъ присвоить значеніе имѣющихъ общій интересъ, и какимъ мѣстный, учреждены министромъ 6 техническо-административныхъ коммиссій по 6 географическимъ полосамъ Франціи, сѣверной, восточной, западной, центральной и юго-восточной, центрально юго-западной и южной. Бюджетъ французскаго министерства путей сообщенія на 1878 г., въ виду предстоящихъ новыхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, увеличенъ уже на 256 милл. франковъ. Исполненіе грандіознаго плана г. Фрейсинэ въ 10-лѣтній періодъ, удвоивъ во Франціи количество усовершенствованныхъ путей, по исчисленію нѣкоторыхъ техниковъ, должно доставить ежегодное приращеніе доходовъ всѣмъ отраслямъ народнаго труда, а именно до 50 милл. франк. земледѣлію, 96 милл. горному дѣлу, 37½ милл. металлическому производству, 30 милл. каменноугольному, 96 милл. строительному, 125 милл. личному труду. Какъ ни смѣлы и, можетъ быть, гадательны всѣ эти предположенія, но,

при энергіи и трудолюбіи французскаго народа, мы можемъ еще быть свидѣтелями черезъ 10 лѣтъ осуществленія благихъ начинаній ихъ нынѣшняго министра путей сообщенія, если никакія политическія затрудненія не воспрепятствуютъ странѣ продолжать свои мирные труды и не вовлекутъ ее въ какія-нибудь неожиданныя войны.

IV.

Ни въ одной странѣ, кажется, экономическія послѣдствія современнаго торговаго кризиса не были печальнѣе, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Хотя обороты 1877 г. по внѣшней торговлѣ были нѣсколько благопріятнѣе, нежели въ 1876 году, именно на 106 милл. фр. выше оборотовъ этого года, но сравнительно съ 1873 г. уменьшеніе равнялось 836 милл. фр. Такой результатъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ того чрезмѣрнаго развитія, которое обнаружилось во всѣхъ отрасляхъ производства подъ вліяніемъ значительныхъ тарифовъ, господствующихъ съ начала 60-хъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Привозъ въ Соединенные Штаты иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, хлопчато-бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ, а также желѣза и стали, въ теченіи послѣднихъ 5-ти лѣтъ, уменьшился болѣе чѣмъ вдвое, съ 220 до 93 милл. долларовъ; но за то и вывозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Америки почти совсѣмъ не увеличился, потому что выращенная подъ покровомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ промышленность не въ состояніи была соперничать на иностранныхъ рынкахъ съ произведеніями странъ, пользующихся либеральными тарифами. Такимъ образомъ, не смотря на то, что въ послѣднее десятилѣтіе общій вывозъ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ увеличился на 70%, вывозъ мануфактурныхъ товаровъ увеличился только на 24%. Притомъ, 10 лѣтъ тому назадъ вывозъ мануфактурныхъ товаровъ составлялъ болѣе 17% общей цѣнности вывоза, въ 1877 г. же уменьшился до 12%.

Такіе весьма печальные результаты покровительственной системы заставили уже въ послѣднее время американцевъ подумать о пониженіи своего высокаго таможеннаго тарифа; открылась пропаганда въ пользу болѣе либеральнаго пересмотра таможеннаго законодательства, учредились для этого особые комитеты: Council, International free-trade Alliance, и основались спеціальные для этого органы и изданія. Однимъ изъ такихъ популярныхъ изданій была брошюра I. С. Мура (Y. S. Moore): „Friendly Sermons to the protectionist manufacturers“ (Дружественныя бесѣды съ фабрикантами протекціо-

нистами). Изъ этой брошюры, равно какъ и изъ отчета ея автора, читаннаго имъ въ сентябрѣ минувшаго года на конгрессѣ общества соціальныхъ наукъ въ Саратогѣ, можно ознакомиться съ исторіей развитія таможеннаго законодательства Соединенныхъ Штатовъ и съ печальными результатами, къ которымъ оно привело страну. До 1860 г. въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствовалъ тарифъ относительно довольно умѣренный, по которому всѣ привозные товары раздѣлялись на 6 категорій, причемъ пошлины взимались съ цѣны (ad valorem) по 4%, 8%, 15%, 19%, 24% и 30%. Низшая пошлина была съ сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ, высшая въ 19% и 24% съ мануфактурныхъ издѣлій, а 30% только съ трехъ предметовъ: вина, спиртныхъ напитковъ и табака. Когда открылась междоусобная война и въ экономической системѣ союза наступили, по выраженію Мура, настоящія сатурналіи, тогда введенъ былъ новый тарифъ, извѣстный подъ именемъ тарифа Морриль, съ повышеніемъ почти всѣхъ пошлинъ. Но его слѣдуетъ считать еще весьма умѣреннымъ въ сравненіи съ дѣйствующимъ теперь. Съ 1861 г. было издано 18 новыхъ тарифовъ, бо́льшею частію по частнымъ ходатайствамъ разныхъ фабрикантовъ объ ограждeніи ихъ производствъ отъ иностраннаго соперничества. Такимъ образомъ, въ настоящее время нѣкоторыя пошлины достигаютъ отъ 90 до 100 процентовъ съ цѣны, бо́льшею же частію не ниже 60, 70 и 80 процентовъ. Такія чрезмѣрно высокія пошлины вызвали столь же неумѣренную спекуляцію, какъ нѣкогда открытіе калифорнскаго золота въ 1849—1851 годахъ.

Громадные барыши, которые доставили американскимъ фабрикантамъ высокія таможенныя пошлины—отъ 80 до 100%, скоро увлекли всѣхъ, кто располагалъ только капиталомъ или кредитомъ, къ учрежденію новыхъ фабрикъ и заводовъ всякаго рода. Въ то же время началась лихорадочная постройка желѣзныхъ дорогъ, доходившая до 10,000 километровъ въ годъ; дѣятельность въ странѣ была необычайная, заработная плата росла; переселенцы прибывали въ возрастающемъ числѣ; страна, казалось, процвѣтала и благоденствовала. Съ 1860 г. по 1870 г. по оцѣнкѣ народнаго имущества, сопровождающей каждую десятилѣтнюю народную перепись, цѣнность всего промышленнаго производства возрасла съ 9 до 20 милліардовъ франковъ, или съ 220 до 555 фр. на душу. Но все это богатство, вся эта промышленность оказались не прочнѣе карточнаго домика. Достаточно было одного легкаго дуновенія, чтобы опрокинуть все это зданіе, построенное безъ прочнаго фундамента. Такимъ дуновеніемъ было знаменитое банкротство частнаго банка Джэ-Кука (Jay-Cooke) въ сентябрѣ 1873 года. Это банкротство разомъ остановило и разстроило всю эту необыкновенную дѣятельность. Американскія желѣзно-дорож-

ныя цѣнности потеряли кредитъ на иностранныхъ рынкахъ; никто не давалъ болѣе за границею капиталовъ подъ акціи и облигаціи американскихъ компаній; пришлось сократить постройку желѣзныхъ дорогъ, а вслѣдствіе этого пришлось остановить работы во многихъ рудникахъ и на заводахъ, приготовлявшихъ рельсы и другія желѣзно-дорожныя принадлежности, началось уменьшеніе заработной платы. Это, въ свою очередь, отразилось на разныхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ; вслѣдствіе сокращенія спроса на рабочія руки сократился приливъ переселенцевъ, и даже началось выселеніе изъ страны. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было чрезвычайное увеличеніе числа частныхъ банкротствъ, переходъ въ другія руки значительной части, по крайней мѣрѣ на 1 милліардъ франковъ, промышленныхъ заведеній со всѣмъ ихъ имуществомъ за четверть цѣны, и, наконецъ, упадокъ благосостоянія рабочихъ классовъ.

Что касается банкротствъ, то вотъ въ какихъ цифрахъ выражается это прискорбное явленіе въ теченіи послѣднихъ 5-ти лѣтъ въ Соединенныхъ-Штатахъ: въ 1873—1876 годахъ было всего 27,284 банкротства на 143 милл. фунт. стерлинговъ, т.-е. по 6,321 банкротству въ годъ на 35,7 милл. фунт. стерлинговъ; — въ 1877 же году было 8,872 банкротства на 38 милл. фунт. стерлинговъ, т.-е. на такую же сумму, какъ и въ 1876 году, но по числу фирмъ менѣе; въ 1876 году одно банкротство приходилось на 63 торговыя фирмы,— въ 1877 же году одно на 73. Во всякомъ случаѣ, сумма банкротствъ въ 181 милл. фунт. стерлинговъ или 7 милліард. франковъ представляетъ подавляющую величину. Это значитъ, что сумма всего промышленнаго производства, оцѣненная въ 4 милліарда франковъ, подверглась дважды почти полному уничтоженію.

Положеніе рабочихъ классовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ считалось блестящимъ и, при возрастающемъ спросѣ на рабочія руки, съ возникновеніемъ постоянно новыхъ фабрикъ и заводовъ, привлекало массы переселенцевъ изъ другихъ странъ. Въ теченіи 50-ти лѣтъ, съ 1820 по 1870 годъ, прибыло въ порты Соединенныхъ-Штатовъ $7^1/_2$ милл. переселенцевъ, причемъ въ два послѣднія только десятилѣтія, съ 1851—1860 гг. и 1861—1870 гг., переселилось въ каждомъ по $2^1/_2$ милліона. Франко-германская война пріостановила нѣсколько этотъ приливъ. Рядомъ съ этимъ переселеніемъ, идетъ весьма значительное переселеніе китайскихъ рабочихъ, преимущественно въ Калифорнію и бассейнъ Тихаго океана. До 1873 года рабочіе не только легко находили себѣ занятіе, но и могли быть нѣсколько требовательны. Съ открытіемъ же кризиса 1873 года, съ закрытіемъ многихъ фабрикъ и заводовъ, съ сокра-

щеніемъ производства другихъ, съ уменьшеніемъ сбыта товаровъ, явилась необходимость увольненія многихъ рабочихъ или сокращенія имъ рабочей платы до размѣра, едва достаточнаго для удовлетворенія самыхъ скромныхъ потребностей; между тѣмъ рабочіе привыкли къ нѣкоторому комфорту въ жизни для себя и своего семейства, а цѣна многихъ предметовъ этой потребности росла, въ особенности плата за квартиры и предметы одѣянія. Въ прежнее время рабочій могъ содержать своей заработной платой и себя, и всю свою семью,—теперь же едва и холостой можетъ покрыть всѣ свои расходы, и потому изъ 100 семейныхъ, по крайней мѣрѣ, 65 вынуждены заставлять работать своихъ женъ и дѣтей.

Такимъ образомъ, положеніе рабочихъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вообще ухудшилось замѣтно въ послѣдніе годы, и масса оставалась совсѣмъ безъ работы, скитаясь, нищенствуя и нерѣдко ища даже добровольнаго пріюта въ тюрьмахъ, какъ это было въ 1876 году въ Нью-Іоркѣ, когда въ теченіи первыхъ только 6-ти мѣсяцевъ тамъ обнаружилось 4,600 банкротствъ, и 10,000 несчастныхъ остались безъ крова. Такимъ положеніемъ воспользовались разные агитаторы, чтобы произвести въ 1877 году въ Соединенныхъ-Штатахъ цѣлый рядъ стачекъ между желѣзно-дорожными служащими, а также между рудокопами, углекопами и рабочими на желѣзныхъ заводахъ. Эти печальныя явленія, находившія себѣ, впрочемъ, оправданіе въ жесткой, безсердечной непреклонности директоровъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ хозяевъ, повели однако къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Недовольствуясь однимъ заявленіемъ о нежеланіи продолжать работу на предлагаемыхъ условіяхъ и забастовкою, американскіе рабочіе предались самымъ неистовымъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Такъ, въ Питтсбургѣ (въ Пенсильваніи) въ ночь съ 21-го на 22-е іюля желѣзно-дорожные рабочіе, въ числѣ 3,000 чел., овладѣли ружьями и пушками, направили свою артиллерію противъ вагоновъ, мастерскихъ, магазиновъ, вступили въ открытый бой съ мѣстными войсками, явившимися для водворенія порядка, убили городского шерифа, ранили начальника милиціи, подожгли станцію и нѣсколько другихъ зданій, уничтожили 125 машинъ, 250 вагоновъ, и причинили всего убытку компаніи на 2 милліона долларовъ. Это возмущеніе распространилось почти на всѣ другія дороги. Пассажирское и товарное движеніе было прервано. Благодаря энергіи и благоразумію мѣстныхъ властей и трезвому отношенію большинства населенія къ печальнымъ явленіямъ этого возмущенія, мало-по-малу порядокъ былъ возстановленъ. Впрочемъ, болѣе спокойное изученіе этихъ насильственныхъ забастовокъ привело многихъ экономистовъ къ убѣжденію, что тѣ грубыя насилія, которыми озна-

менованы были эти стачки, исходили не столько изъ среды истинно трудящагося класса, сколько изъ среды того развращеннаго и неспособнаго ни къ какому труду подонка населенія, который поанглійски зовутъ „mob" и которымъ всегда изобилуютъ всѣ большіе промышленные города. Большой митингъ, собранный за этими печальными іюльскими днями въ Нью-Іоркѣ, для составленія программы дѣйствій на будущее время, явно показалъ, что онъ имѣетъ источникомъ своимъ разныя коммунистическія и соціалистическія общества, служащія, въ свою очередь, орудіемъ въ рукахъ людей, ищущихъ личныхъ выгодъ и возвышенія. Полнѣйшій неуспѣхъ этого митинга ясно доказалъ всю несостоятельность этой агитаціи и отсутствіе для нея истинной почвы въ американскомъ рабочемъ населеніи, тѣмъ болѣе, что всякій рабочій, который бы захотѣлъ промѣнять фабричный трудъ на сельско-хозяйственный, легко можетъ на весьма дешевыхъ условіяхъ сдѣлаться собственникомъ въ одномъ изъ богатыхъ еще свободными землями западныхъ штатовъ.

V.

Насколько послѣдствія запретительной таможенной системы были гибельны для Соединенныхъ Штатовъ, настолько же примѣненіе либеральныхъ таможенныхъ началъ принесло пользы Австріи. По отзыву одного изъ лучшихъ австрійскихъ экономистовъ, неутомимо трудящихся надъ разработкою торгово-промышленной статистики, Неймана-Спалларта, помѣщающаго постоянно свои корреспонденціи по этому предмету въ „Economiste français", экономическое возрожденіе Австріи началось съ 1851 г., когда сдѣланъ былъ первый шагъ къ болѣе раціональному таможенному законодательству. Въ 1853 г. послѣдовало заключеніе торговыхъ трактатовъ между Австріею и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ, въ 1865 г. возобновленіе этого трактата, въ 1866 г. заключеніе подобнаго же трактата съ Великобританіею, въ 1866 г. съ Франціею и Италіею, въ 1868 г. съ Швейцаріею, Испаніею и Португаліею, Румыніею и Скандинавіею. Благодаря тѣмъ улучшеніямъ, которыя вносились вмѣстѣ съ тѣмъ въ австрійскій таможенный тарифъ и установленію прямыхъ сношеній съ дальнимъ Востокомъ, внѣшняя торговля Австріи росла и развивалась. Съ 317 милл. гульденовъ въ 1851 г., она дошла до 520 милл. въ 1861, до 1 милліарда въ 1871, и до 1,230 милл. въ 1877 г. Несмотря на общій экономическій кризисъ и на знаменитый „крахъ" 1873 г., торговля Австріи продолжала развиваться, какъ по привозу, такъ и по вывозу. Въ 1877 г. это увеличеніе для перваго

выражалось 40 процентами, для второго же—66. Ввозъ увеличился—преимущественно прядильныхъ матеріаловъ, тканей, хлѣба, масла, керосина, машинъ и проч.; вывозъ же усилился—преимущественно пшеницы, муки, каменнаго угля, лѣса, издѣлій ткацкой промышленности.

Оживленію австрійской торговли въ 1877 г. много содѣйствовалъ хорошій урожай этого года, нѣсколько значительныхъ заказовъ по случаю восточной войны и закрытіе черноморскихъ портовъ; не малая часть русскихъ хлѣбныхъ грузовъ направилась въ Европу черезъ Австрію, и большая часть каменнаго угля для южно-русскихъ желѣзныхъ дорогъ и городовъ шла также изъ Австріи. Несмотря на все это, общее экономическое положеніе Австріи далеко не поправилось послѣ 1873 г., но это относится болѣе къ денежному рынку, котораго мы не касаемся въ настоящемъ нашемъ обзорѣ.

VI.

Въ Италіи послѣдствія экономическаго кризиса 1873 года продолжаются, хотя вообще дѣйствія его были менѣе чувствительны, нежели въ другихъ болѣе промышленно развитыхъ странахъ. 1877-й годъ былъ для Италіи неблагопріятенъ по неурожаю кукурузы, оливы и фруктовъ и меньшей добычѣ вина. Не болѣе благопріятны были и условія мануфактурной промышленности. Шелкопряденіе напоминало самые бѣдственные годы. Почти половина шелкопрядильныхъ и четверть ткацкихъ станковъ оставались безъ дѣла, и такъ какъ цѣны шелковыхъ тканей не соотвѣтствовали цѣнѣ сырого матеріала, то фабриканты несли болѣе или менѣе значительныя потери или должны были увеличивать свои склады товара въ ожиданіи лучшаго сбыта. Шерстяная промышленность, развитіе которой шло довольно быстро, также страдала отъ паденія цѣны на шерстяные товары и отъ стачки рабочихъ, впервые происходившей въ Италіи, въ минувшемъ году, въ Біеллѣ (въ Пьемонтѣ), главномъ центрѣ шерстяного производства. Существовавшее тамъ общество рабочихъ, на подобіе англійскихъ Trades unions, частію силою, частію убѣжденіемъ, наложило на своихъ членовъ обязательство извѣстныхъ требованій. Около 850 рабочихъ приняли участіе въ этой стачкѣ. Хозяева фабрикъ вызвали около 200 рабочихъ изъ Ломбардіи, когда же большая часть послѣднихъ была также вынуждена мѣстными рабочими отказаться отъ работъ, тогда фабриканты закрыли мастерскія; но для водворенія порядка пришлось призвать содѣйствіе военной силы, арестовать зачинщиковъ стачки и закрыть общество ткачей Валь де-Моссо,

какъ главный источникъ происшедшихъ безпорядковъ. Къ сожалѣнію, факты эти перестали быть одиночными, и на нѣкоторыхъ стеклянныхъ заводахъ въ Венеціи были также случаи забастовокъ.

Бумагопрядильное производство находилось въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, нежели прочія отрасли промышленности и даже число веретенъ увеличилось, хотя и не успѣваетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ страны. Менѣе успѣшно было производство ткацкое и набивное, по причинѣ ограниченности спроса и увеличивающейся конкурренціи нѣмецкихъ фабрикъ.

Горная и желѣзная промышленность, получившая болѣе значительное развитіе со времени войны 1870—1871 г., подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на желѣзо, въ настоящее время вынуждена ограничить производство однимъ желѣзомъ высокаго качества, которому неопасна конкурренція низшихъ сортовъ по дешевымъ цѣнамъ. Судостроительная дѣятельность Италіи, нѣкогда очень цвѣтущая, также теперь въ упадкѣ, и лигурійскія верфи, строившія до 90,000 тоннъ, теперь сократили свое производство до 50,000 тоннъ: причина этого лежитъ въ распространеніи желѣзныхъ пароходовъ, которые строются и продаются въ громадномъ числѣ во всѣхъ портахъ Англіи по весьма дешевымъ цѣнамъ. Понятно, что вслѣдствіе совокупности всѣхъ этихъ причинъ, внѣшняя торговля Италіи въ 1877 г. сократилась на 423 милл. фр. или на 17%, привозъ уменьшился на 13%, а вывозъ на 20%.

VII.

Обращаясь къ Россіи, мы не можемъ, къ сожалѣнію, выразить въ точныхъ цифрахъ, какъ то сдѣлали относительно Англіи, Франціи, Австріи и Италіи, результаты торговыхъ оборотовъ 1877 г., потому что свѣдѣнія о ходѣ нашей внѣшней торговли, публикуемыя ежемѣсячно, ограничиваются только количествами, цѣнность же товаровъ вычисляется лишь по окончаніи отчетнаго года, и потому подробный отчетъ о торговлѣ 1877 г. появится въ печати лишь въ концѣ нынѣшняго, 1878 г. Но тѣмъ не менѣе, отчасти о выгодности или невыгодности оборотовъ 1877 г. сравнительно съ предшествующимъ годомъ можно судить уже и теперь, если взять примѣрно цѣнность товаровъ по среднимъ цѣнамъ 1876 г., если сравнить даже однѣ цифры количественнаго вывоза или привоза главнѣйшихъ товаровъ.

Въ обзорѣ внѣшней торговли Россіи за 1876 годъ и въ краткомъ отчетѣ о результатахъ внѣшней торговли за 1877 годъ показаны слѣдующія данныя объ отпускѣ и привозѣ товаровъ:

	По дѣйствительнымъ цѣнамъ.			По прежнимъ постояннымъ цѣнамъ.		
	Отпущено.	Привезено.	Всего.	Отпущено.	Привезено.	Всего.
Въ 1876 г. .	400	477	877	376	432	808
		По среднимъ цѣнамъ 1876 г.				
„ 1877 г. .	457	330	787	457	330	787
Въ 1877 болѣе (+) или менѣе (—)	+ 57	— 147	— 90	+ 81	— 102	— 21

Въ краткомъ же отчетѣ таможеннаго вѣдомства за 1877 г., гдѣ сравниваются итоги этого года, вычисленные по среднимъ цѣнамъ 1876 г., съ итогами 1876 г., выводится разность въ пользу отпуска въ 78 милл. руб. и уменьшеніе привоза на 112 милл., и опредѣляется торговый балансъ въ пользу нашей отпускной торговли 1877 г. въ 127 милл., между тѣмъ какъ въ 1876 г. привозъ превышалъ отпускъ болѣе чѣмъ на 60 милл. руб. Судя по этой цифрѣ, надо полагать, что вычисленнная по среднимъ цѣнамъ 1876 г. стоимость товаровъ 1877 г. сравнивается съ итогами 1876 г. по постояннымъ цѣнамъ; непонятно только, почему разность, нами выведенная, 81 и 102 милл. руб., не сходится съ разностью таможеннаго вѣдомства (78 и 112 милл. руб.). Во всякомъ случаѣ цифры эти довольно близки, и конечный результатъ, какихъ бы итоговъ ни держаться, показываетъ, что̀ сумма оборотовъ была, вѣроятно, по цѣнности въ 1877 г. нѣсколько ниже, нежели въ 1876 году. Впрочемъ, нельзя признавать безусловно торговый балансъ 1877 года столь выгоднымъ, какъ многіе предполагаютъ, потому что оказавшееся значительное уменьшеніе ввоза передъ вывозомъ въ 1877 г. было совершенно случайное и фиктивное, и проистекало отъ установленнаго въ концѣ 1876 г. взиманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ. Вслѣдствіе предоставленнаго торгующимъ лицамъ права вносить до 1-го января 1877 года пошлины кредитными рублями, лица эти поспѣшили еще въ концѣ 1876 г. очистить пошлиною всѣ товары, находившіеся на складѣ въ таможняхъ, и такимъ образомъ въ число общей суммы пошлинъ, 69 милл. руб., поступило, по показанію самого таможеннаго вѣдомства, свыше 12 милл. руб., которые собственно должны бы быть внесены торгующими въ 1877 г. Такимъ образомъ, чтобы получить дѣйствительную цѣнность привоза 1877 г., слѣдуетъ принятую выше цифру 330 милл. увеличить на всю ту сумму, которую представлялъ избытокъ ввоза въ ноябрѣ и декабрѣ 1876 г., и съ котораго уплачено лишнихъ 12 милліоновъ пошлинъ. Принимая во вниманіе, что 69 милл. руб. пошлинъ было выплачено съ товаровъ, представлявшихъ цѣнность въ 477 милл. руб., мы можемъ вывести, приблизительно, конечно, что 12 милл. руб. излишнихъ пошлинъ 1876 года соотвѣтствуютъ товарамъ на 80 милл. руб. Это подтверждается со-

вершенно тѣмъ, что дѣйствительный таможенный доходъ 1877 года въ январѣ и февралѣ былъ на 17%, а въ мартѣ и апрѣлѣ на 40% ниже, нежели въ соотвѣтствующіе мѣсяцы 1876 г., очевидно, вслѣдствіе меньшаго привоза по случаю не только возвышенія пошлинъ отъ взиманія ихъ золотомъ, но и вслѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска товаровъ изъ таможень въ концѣ 1876 г. Такимъ образомъ, можно принять фактически отпускъ 1877 г. равнымъ 457 милл., а привозъ—410 милл., и тогда, очевидно, всѣ разсчеты измѣнятся. Придется уменьшить цифру привоза 1876 г. до 397 милл. Слѣдовательно, привозъ 1877 г. сократится лишь на 13 милл., и торговый балансъ въ пользу отпускной торговли уменьшится съ 127 до 47 милліоновъ.

Хотя, вслѣдствіе упадка курса нашего кредитнаго рубля, спросъ на наши товары былъ въ 1877 г. за-границею гораздо значительнѣе, нежели въ 1876 г., но такъ какъ и привозъ къ намъ товаровъ значительно сократился, а привезенные покупались нами также по возвышеннымъ цѣнамъ, то, поэтому, выгоды одного должны были значительно уравновѣситься невыгодами другого. Во всякомъ случаѣ, всѣ соображенія и сравненія о цѣнности привоза и отпуска будутъ пока, до появленія подробнаго отчета о всѣхъ оборотахъ торговли 1877 года, гадательны. И потому мы обратимся къ сравненію этихъ оборотовъ по количествамъ привоза или отпуска тѣхъ или другихъ товаровъ.

Въ 1877 году привозъ всѣхъ товаровъ уменьшился значительно противъ 1876 года, особенно же слѣдующихъ:

	Въ 1877 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г. болѣе (+) или менѣе (—)
	Въ тысячахъ.		
Соли пуд.	6178	17,279	—11,101
Вина виноград. . . .	296	1544	— 1248
„ „ въ бут.	148	557	— 408
Шампанскаго	189	1570	— 1381
Чая пуд.	374	942	— 568
Табака листов. . . .	82	509	— 427
Шерстяныхъ издѣлій. .	76	154	— 77
Бумажныхъ „ . .	28	81	— 52
Шелковыхъ „ . .	3	10	— 7
Льняныхъ (по цѣнн. руб.).	915	2372	— 1456

Увеличеніе, и то не особенно значительное, оказалось по привозу:

Стальныхъ рельсовъ пуд.	10,388		+712
Чугуна не въ дѣлѣ „	3239		+274
Шерсти не праденой „			
„ крашеной „	53		+ 6

Отпускъ бо́льшей части нашихъ товаровъ въ 1877 г. былъ несравненно выше, чѣмъ въ 1876 г. Такъ, вывезено было:

	Въ 1877 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г. болѣе (+) или менѣе (—)
	В ъ	т ы с я ч а	х ъ.
Хлѣба	30,690 четв.	25,404 четв.	+ 5286 четв.
Льна.	11,210 пуд.	6821 пуд.	+ 4388 пуд.
Сахарнаго песка. . . .	3594 „	496 „	+ 3098 „
Пеньки.	3391 „	2673 „	+ 718 „
Сала скотскаго	1109 „	666 „	+ 443 „
Спирта и вина	1760 „	1367 „	+ 392 „
Шерсти сырца	1452 „	1179 „	+ 272 „

Уменьшился вывозъ преимущественно:

Желѣза.	69 пуд.	858 пуд.	— 788 пуд.
Пшеницы	8657 четв.	9236 четв.	— 579 четв.
Сѣмяни льнян. и конопл.	1816 „	2230 „	— 413 „
Сѣмянъ масличныхъ . .	192	315	— 123
Выжимокъ изъ сѣмянъ. .	1420 пуд.	1541 пуд.	— 121 пуд.
Кожъ выдѣланныхъ. . .	29	38	— 8
Лошадей	1	42	— 41

Такимъ образомъ, фактъ усилившагося въ 1877 г. отпуска нашихъ произведеній и сократившагося болѣе или менѣе привоза иностранныхъ товаровъ остается несомнѣннымъ; нельзя, конечно, принимать фактъ сокращенія привоза за признакъ особеннаго благосостоянія страны, такъ какъ въ этомъ все-таки выражается сокращеніе ея покупныхъ средствъ и ограниченіе ея потребительной способности; но нельзя и не радоваться, безъ сомнѣнія, отпуску нашихъ товаровъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о спросѣ на нихъ иностранцевъ, не слѣдуетъ только забывать, что при невыгодности для насъ денежнаго курса, покупка у насъ товаровъ была операціею весьма выгодною для иностранцевъ. Во всякомъ случаѣ, весьма оживленная, несмотря на закрытіе даже черноморскихъ портовъ, отпускная торговля 1877 г. положительно поддержала нашу внутреннюю производительность и отразилась весьма благопріятно и на нѣкоторыхъ отрасляхъ внутренней мануфактурной производительности. Выгодный сбытъ хлѣба, особенно въ южной Россіи, доставилъ хорошіе барыши производителямъ и имѣлъ послѣдствіемъ удачный ходъ украинскихъ ярмарокъ. Удачнымъ исходомъ въ торговомъ отношеніи 1877 года Россія обязана преимущественно существованію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ въ теченіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ. Между тѣмъ какъ во время крымской кампаніи вывозъ всѣхъ товаровъ чрезъ сухопутную границу простирался, въ 1853 г., до 14 милл. руб., въ 1854 г. до 25 милл., и въ 1855 г. до 23 милл. руб.; въ 1877 г. вывозъ одного хлѣба по сухопутной границѣ состав-

лялъ болѣе 10 милл. четвертей, т.-е. треть всего отпуска 1876 года, равнявшагося цѣнности 202 милл. руб.; слѣдовательно сухопутный отпускъ одного хлѣба былъ, въ 1877 г., не ниже 70 милл. руб., вывозъ лѣсныхъ товаровъ равнялся 18 милл. руб. и т. д.

Вообще однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ явленій былъ громадный отпускъ хлѣба въ 1877 г., особенно въ виду тѣхъ пессимистическихъ взглядовъ на нашу хлѣбную торговлю, которые выражались въ заграничной печати при обсужденіи вопроса о продовольствіи Европы въ 1877—78 году, въ случаѣ закрытія черноморскихъ портовъ. Значеніе русскаго хлѣба на европейскомъ рынкѣ выразилось и въ тѣхъ давно неслыханныхъ повышеніяхъ на хлѣбъ, которыя обнаружились при первомъ слухѣ о неизбѣжности войны и въ тѣхъ громадныхъ заказахъ, которые сдѣланы были въ Россіи въ 1877 г. и въ тѣхъ громадныхъ количествахъ, которыя она выпустила за границу. До 1877 г. наибольшимъ отпускомъ отличался 1874 годъ, когда вывезено было 27 милл. четвертей; но въ 1877 г. было вывезено 30½ милл., т.-е. болѣе на 3½ милл., чѣмъ въ 1874, и на 5 милл. болѣе, чѣмъ въ 1876 г., несмотря на то, что по случаю войны вывозъ хлѣба изъ южныхъ портовъ былъ въ половинѣ года запрещенъ, и потому вывозъ южныхъ портовъ составлялъ всего 8 милл. четвертей,—на 6 милл. менѣе, чѣмъ въ 1876 году. Благодаря обильному урожаю на югѣ и неурожаю въ бóльшей части западной Европы, отпускъ хлѣба 1877 г. вѣроятно надолго останется памятнымъ въ лѣтописяхъ нашей торговли; безъ сомнѣнія, онъ былъ бы еще значительнѣе, если бы военныя обстоятельства и провозоспособность нашихъ дорогъ не положили преграды бóльшему вывозу; извѣстно, что скопленіе хлѣбныхъ грузовъ во второй половинѣ 1877 г. достигало баснословныхъ размѣровъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, идущимъ къ границѣ. Не только всѣ станціи съ ихъ дворами, но и прилегающія къ нимъ мѣста были завалены хлѣбными грузами; безъ сомнѣнія, тутъ произошло не мало потерь, отъ поврежденія грузовъ и медленной ихъ отправки, но нужно надѣяться, что и 1878 г. будетъ не безвыгоднымъ въ отпускной торговлѣ. Въ первые два мѣсяца нынѣшняго года отправлено уже болѣе 3-хъ милл. четвертей, т.-е. на 770 тыс. болѣе, чѣмъ въ тѣ же мѣсяцы 1877 г., причемъ въ эти два мѣсяца вывезено пшеницы на 687 тыс. четвертей больше, чѣмъ въ 1877 г., тогда какъ въ теченіи всего 1877 г. вывезено было одной пшеницы противъ 1876 г. менѣе на 579 тыс. четвертей.

Что касается мануфактурной промышленности, то она находилась въ началѣ 1877 г. подъ гнетомъ всеобщаго кризиса, осложненнаго въ Россіи болѣе нежели гдѣ-либо военными и политическими затрудненіями. Недостатокъ кредита, отсутствіе спроса при громадномъ

предложенія привели многія промышленныя предпріятія къ ликвидаціи и значительно сократили производство остальныхъ. Если мало-по-малу затруднительное положеніе миновало или по крайней мѣрѣ уменьшилось, то только нѣкоторыхъ отраслей промышленности, преимущественно вслѣдствіе заказовъ правительства на военныя надобности. Такимъ образомъ, кожевенные, льняные, суконные, желѣзные заводы успѣли нѣсколько поправиться, благодаря усиленнымъ заказамъ правительства; возникли и новыя обширныя предпріятія, потребовавшія не мало капиталовъ, но всѣ въ одномъ родѣ, какъ-то: приготовленіе консервовъ, сухарей и заготовленіе другихъ продовольственныхъ предметовъ для арміи. Свеклосахарная промышленность оживилась вслѣдствіе усиленнаго спроса сахара за границу, по случаю тамошняго неурожая свекловицы; механическіе заводы получили значительные заказы для изготовленія подвижного состава для русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Было бы, конечно, болѣе, чѣмъ парадоксомъ, сказать, что экономическія условія—въ торгово-промышленномъ преимущественно отношеніи—были для Россіи вполнѣ благопріятны, и что она можетъ занести 1877-й годъ въ число удачныхъ годовъ. Но несомнѣнно одно, что 1877-й г. могъ бы быть для насъ несравненно болѣе тяжелымъ, при всей совокупности своихъ неблагопріятныхъ условій, если бы урожай нашъ былъ менѣе обиленъ и спросъ на наши товары менѣе оживленъ. Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что съ водвореніемъ прочнаго мира одною изъ первыхъ заботъ правительства будетъ возможно бо́льшее развитіе нашей производительности и устраненіе тѣхъ многочисленныхъ преградъ, которыя лежатъ на ея пути, потому что и въ жизни народа, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, полная независимость и сила можетъ опираться только на матеріальномъ благосостояніи.

Мы ограничиваемъ нашъ обзоръ всемірнаго торговаго рынка въ минувшемъ году шестью первоклассными европейскими державами и Соединенными-Штатами Сѣверной Америки, потому что этимъ семи странамъ принадлежитъ болѣе половины всѣхъ торговыхъ оборотовъ, и на всѣхъ прочихъ рынкахъ отражаются съ бо́льшею или меньшею силою всѣ колебанія этихъ первоклассныхъ рынковъ. Общее впечатлѣніе, производимое результатами промышленно-торговой дѣятельности 1877 г., столь же неутѣшительно, какъ представленное нами въ минувшемъ году. Тотъ же застой промышленности, то же сокращеніе торговыхъ сдѣлокъ, то же развитіе банкротствъ, и—что̀ печальнѣе всего—то же отсутствіе надежды на скорое улучшеніе.

W.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 іюня, 1878.

XXXVIII.

Французская школа живописи на выставкѣ 1878 года.

I.

Я писалъ вамъ о выставкѣ вообще; остановимся нынѣшній разъ на французской школѣ живописи, представляемой выставкою 1878 года.

Надо припомнить, прежде всего, на чемъ мы остановились въ 1867 году, на тогдашней выставкѣ въ Парижѣ. Величайшіе художники новѣйшаго времени: Эженъ Делакруа и Энгръ, умерли, оставивъ по себѣ только искусныхъ учениковъ. Я не стану разбирать ихъ, но только указываю на нихъ, какъ на художественныхъ представителей первой половины нашего вѣка, съ ихъ двумя формулами, — ихъ характеристической передачей искусства: въ красках и въ рисункѣ. Умирая, они оставили въ школѣ громадный пробѣлъ.

Со всѣмъ тѣмъ, послѣ нихъ оставались еще художники, явившіеся позже. Во-первыхъ, назову Курбé. Онъ былъ имъ по-плечу. Затѣмъ шла цѣлая и великая школа пейзажистовъ: Теодоръ Руссó, Добиньи, Корó, не говоря уже о Діазѣ и о Миллé. Съ 1867 по 1878 годъ эти художники шли все впередъ и составляли силу и украшеніе нашей школы. Но всѣ они умерли одинъ за другимъ, и пустота, оставленная Делакруа и Энгромъ, стала еще ощутительнѣе. Въ настоящее время, изучивъ выставку на Марсовомъ полѣ, можно судить о послѣдней десятилѣтней дѣятельности нашихъ художниковъ, и мы увидимъ, каковы потомки покойныхъ великихъ талантовъ. Настоящая статья будетъ посвящена живымъ. Я желаю ясно обрисовать настоящее, идущее за такимъ славнымъ прошлымъ, и указать на то, чего слѣдуетъ ждать отъ будущаго.

II.

Но прежде чѣмъ говорить о живыхъ, напомню о крупномъ дарованіи тѣхъ, кого не стало въ послѣдніе годы и чьи произведенія выставлены на Марсовомъ полѣ.

И прежде всего займусь Курбе. Я сказалъ, что до сихъ поръ было три великихъ таланта во французской школѣ девятнадцатаго столѣтія: Эженъ Делакруа, Энгръ и Курбе́, и что этотъ послѣдній такъ же великъ, какъ и первые два. Всѣ трое внесли съ собой переворотъ въ наше искусство: Энгръ связалъ современную формулу съ античной традиціей; Делакруа былъ представителемъ разгула страстей, романтическаго невроза 1830 года; Курбе́ выражаетъ стремленіе къ правдѣ, — художникъ-труженикъ, прочно водворившій новую формулу натуральной школы. У насъ нѣтъ болѣе откровеннаго, болѣе здороваго, болѣе французскаго живописца. Онъ усвоилъ себѣ широкую кисть художниковъ возрожденія, и пользовался ею только затѣмъ, чтобы изображать наше современное общество. Замѣтьте, что въ этомъ заключалась истинная традиція: подобно тому, какъ талантливый работникъ Веронезъ рисовалъ только вельможъ своего времени — даже тогда, когда ему приходилось представлять религіозные сюжеты — такъ и талантливый работникъ Курбе́ бралъ свои модели изъ окружающей его повседневной жизни. Это не то, что живописцы, которые, желая быть вѣрными традиціи, списываютъ архитектуру и костюмы итальянскихъ художниковъ шестнадцатаго столѣтія.

На Марсовомъ полѣ есть только одна картина Курбе́: „La Vague“, да и то эта картина красуется здѣсь только потому, что принадлежитъ люксанбургскому музею, откуда администрація des Beaux-Arts не могла ее не взять. Да, отъ этого геніальнаго художника, чьи произведенія будутъ со временемъ считаться славой націи, наши національные музеи пріобрѣли только одну картину — и картину второстепеннаго достоинства. И эту-то одинокую картину мы показываемъ Европѣ, тогда какъ Жеромъ въ сосѣдней залѣ насчитываетъ не менѣе десяти картинъ, а Бугро даже цѣлыхъ двѣнадцать. Вотъ что́ позорно. Курбе́ слѣдовало отвести на всемірной выставкѣ 1878 года цѣлую залу, подобно тому, какъ это сдѣлали для Делакруа и Энгра на всемірной выставкѣ 1855 года.

Но вѣдь извѣстно въ чемъ дѣло. Курбе́ участвовалъ въ коммунѣ 1871 года. Отъ этого послѣднія семь лѣтъ его жизни были долгимъ мученичествомъ. Его сначала засадили въ тюрьму. Затѣмъ, по выходѣ изъ тюрьмы, онъ чуть не умеръ отъ болѣзни, усилившейся

отъ недостатка движенія. Послѣ того, обвиненный въ томъ, что подстрекалъ свалить Вандомскую колонну, онъ былъ присужденъ къ уплатѣ издержекъ по возстановленію этого монумента. Съ него взыскивали что-то въ родѣ трехъ-сотъ съ чѣмъ-то тысячъ франковъ. Судебные пристава стали гоняться за нимъ по пятамъ, и его картины были секвестрованы; онъ вынужденъ былъ жить въ изгнаніи и умеръ въ немъ въ прошломъ году, изгнанный изъ Франціи, которой будетъ служить славой. Представьте себѣ государство, секвеструющее картины этого художника, чтобы уплатить счеты по реставраціи Вандомской колонны! Я бы скорѣе понялъ, если бы ихъ секвестровали для того, чтобы выставить на Марсовомъ полѣ. Это принесло бы больше чести Франціи.

Впрочемъ, съ Курбé всегда обращались какъ съ паріей. Въ 1867 году, когда академическая посредственность Кабанеля уже красовалась передъ иностранцами, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, Курбé долженъ былъ сдѣлать отдѣльную выставку, чтобы показать свои произведенія. Его больше нѣтъ въ живыхъ. Понятно, почему ему нанесено послѣднее и самое тяжкое оскорбленіе выставкой на Марсовомъ полѣ его картины „La Vague". Крошечное мѣстечко, удѣленное художнику, полно ироніи и неприлично. Пусть уберутъ „La Vague", потому что она наводитъ на размышленіе всѣхъ великодушныхъ и независимыхъ художниковъ, останавливающихся передъ ней. Они раздумываются о великомъ покойникѣ, котораго стараются схоронить подъ горстью земли.

„La Vague" была на выставкѣ 1870 года. Не ждите чего-нибудь символическаго, во вкусѣ Кабанеля или Бодри,—какую-нибудь голую женщину, съ перламутровымъ тѣломъ, какъ у раковинъ, купающуюся въ агатовомъ морѣ. Курбé просто нарисовалъ волну, — настоящую волну, ударившуюся о берегъ, гдѣ прикрѣплены двѣ барки. По небу бродятъ большія темныя облака, зеленоватое море покрыто бѣлой пѣной. Это прекрасно въ техническомъ отношеніи. Но, повторяю, это произведеніе не имѣетъ большого значенія и никого не компрометтируетъ,—и это, быть можетъ, и объясняетъ смѣлость, съ какою администрація рискнула купить его для люксанбургскаго музея.

Настанетъ день возмездія и для Курбé. Политическія страсти улягутся, наступитъ оцѣнка потомства, которое всякой вещи отводитъ свое мѣсто. Многія изъ лицъ, занимающихъ нынѣ первенствующее мѣсто въ нашемъ управленіи или въ нашихъ собраніяхъ, давно уже будутъ позабыты, когда Курбé оживетъ и будетъ цвѣсти вѣчной юностью таланта. Ему отворятъ двери Лувра, наступитъ часъ его апоѳеоза. Вотъ чтó сообщаетъ безмятежную ясность духа художникамъ и писателямъ. Событія могутъ ихъ задѣвать, но не могутъ

ихъ стереть съ лица земли Голосъ ихъ заглушаютъ, пока они живы, ихъ преслѣдуютъ, ими пренебрегаютъ и превозносятъ властелиновъ дня; но они съ улыбкой и пожимая плечами относятся ко всему этому, потому что за нихъ вѣка. Шумъ затихаетъ, наступаетъ слава. Политическій дѣятель весь умираетъ, какъ комедіантъ, послѣ котораго остается лишь одно имя, занесенное въ какомъ-нибудь закоулкѣ исторіи, между тѣмъ какъ произведеніе пера или кисти вѣчно живетъ, какъ свидѣтельство его генія — даже и тогда, когда общественные перевороты сотрутъ съ лица земли народы, ихъ нравы, ихъ законы и ихъ языкъ — и Курбé будетъ жить.

Перехожу къ покойнымъ художникамъ нашей великой школы пейзажа. Послѣ Руссó, послѣ Миллé, мы лишились Корó и Добиньи. Въ настоящее время всѣ свѣтила пейзажа угасли, остались только ученики. На Марсовомъ полѣ фигурируютъ только Корó и Добиньи, — и довольно пышно. Корó насчитываетъ десять картинъ, а Добиньи—девять.

Всѣмъ извѣстна исторія Корó; онъ провелъ сорокъ лѣтъ въ неизвѣстности и въ борьбѣ, затѣмъ его озарила запоздалая, но яркая слава. Онъ работалъ, не унывая, несмотря на смѣхъ, который возбуждали его картины, несмотря на ироническое пренебреженіе аматёровъ. Надъ нимъ потѣшались, его называли туманнымъ живописцемъ, — притворялись, что не понимаютъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать его картины. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день спохватились, что эти мнимые эскизы отличаются самой изящной отдѣлкой; что въ картинахъ его много воздуха; что онѣ передаютъ природу во всей правдѣ. И заказчики толпой хлынули въ мастерскую художника,—они завалили его подъ конецъ такимъ количествомъ работы, что ему приходилось зачастую давать посредственныя произведенія. Не знаю болѣе характернаго примѣра, который бы лучше показывалъ испугъ, внушаемый публикѣ каждымъ новымъ оригинальнымъ талантомъ, и неизбѣжное торжество этого оригинальнаго таланта, если онъ будетъ настойчиво преслѣдовать свою цѣль.

Мое вниманіе было особенно привлечено двумя картинами на выставкѣ. Первая появилась на картинной выставкѣ 1875 года: „Les plaisirs du soir“,—одна изъ тѣхъ картинъ, которыя особенно любилъ рисовать Корó. Сумерки спускаются на высокія деревья, листва которыхъ потемнѣла. На травѣ, подернутой голубоватымъ туманомъ, порхаютъ смутныя фигуры—быть можетъ, нимфы,—а на горизонтѣ, сквозь просѣку въ чащѣ лѣса, виднѣется красное зарево уже потухающаго солнечнаго заката. Впечатлѣніе эта картина производитъ глубокое. Подъ миѳологической маской, передъ нами встаетъ одинъ

изъ лѣсовъ парижскихъ окрестностей, въ тотъ меланхолическій часъ, когда звѣзды зажигаются въ небѣ.

Сознаюсь однако, что изъ произведеній Коро предпочитаю тѣ, въ которыхъ прямо и просто передается природа. Вторая замѣченная мною картина, это:—„Le chemin près de l'étang, à Ville-d'Avray". По опушкѣ лѣса бѣжитъ дорога—и въ этомъ вся картина. Когда Коро рисовалъ для аматёровъ, онъ не скупился на маленькія фигурки, одѣтыя въ античныя одежды, онъ одѣвалъ деревья дымкой, прелесть которой была, наконецъ, всѣми понята. Но онъ писалъ также болѣе откровенныя и солидныя картины, которыя, на мой взглядъ, безконечно выше. Онъ не выпускалъ эти этюды изъ своей мастерской. Развѣ по особенной удачѣ только попадется изрѣдка одинъ изъ такихъ этюдовъ въ продажѣ. Я видалъ проселочныя дороги, мосты, селенія, расположенныя на холмахъ, изумительныя по своей энергіи и правдѣ.

Ни одинъ еще живописецъ не передавалъ точнѣе и правдивѣе природу.

Добиньи былъ не такъ глубокъ—быть можетъ, но за то у него больше отчетливости. Онъ изобразилъ другую сторону окрестностей Парижа. Онъ открылъ глубокую прелесть береговъ Сены. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, онъ рисовалъ оба ея берега, отъ Анвера до Манта, прихватывая мѣстечки вдоль Уазы до Иль-Аданъ. Онъ обожалъ эту мѣстность, обильно орошаемую водою, съ яркой зеленью, смягчаемой серебристой дымкой тумановъ, поднимающихся съ рѣки. Если Коро все еще сохранялъ какъ-бы блѣдный отголосокъ старинныхъ историческихъ пейзажей, то Добиньи своимъ буржуазнымъ добродушіемъ, своимъ невниманіемъ къ композиціи, ускорилъ реалистическій переворотъ въ нашей школѣ. Однимъ изъ первыхъ, послѣ Поля Гюэ, все еще отчасти удерживавшаго романтическую обстановку, онъ шелъ въ поле и снималъ первый попавшійся ландшафтъ. Уголокъ рѣки, линія тополей, яблони въ цвѣту,—все было ему хорошо. И онъ не плутовалъ, онъ рисовалъ то, что̀ видѣлъ, не пріискивая сюжетовъ внѣ того, что̀ ему давала дѣйствительность. Въ этомъ состоитъ переворотъ, совершившійся въ нашей школѣ. Добиньи былъ новаторомъ, учителемъ.

Результаты этой новой методы должны были изумить людей и измѣнить всѣ существующія понятія. Природу исправляли, чтобы придать ей величіе, дѣйствительность находили слишкомъ пошлой, если не смягчить и не украсить ее. Между тѣмъ оказалось, что пейзажи, гдѣ изображается неподкрашенная природа, полны чувства, силы и прелести, какихъ никогда не имѣли историческіе пейзажи. Нельзя представить себѣ ничего холоднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ тяже-

лѣе и суше сочиненныхъ пейзажей, гдѣ деревья расставлены какъ театральныя кулисы и сквозь нихъ виднѣются развалины какого-нибудь греческаго храма на холмѣ, условной формы. Напротивъ того, взгляните на пейзажъ Добиньи: душа природы заговоритъ съ вами. Есть на выставкѣ великолѣпная картина „Lever de la lune, à Anvers (Seine et Oise)". Ночь только-что спустилась, прозрачная тѣнь окутываетъ поля, между тѣмъ какъ на ясномъ небѣ встаетъ широкая луна. Чуется въ этомъ трепетное безмолвіе вечера, послѣдніе звуки засыпающихъ полей. Это производитъ впечатлѣніе яснаго величія, спокойствія, полнаго жизни. Вотъ реальный стиль, передающій то, чтó есть. Мы далеки отъ классическаго стиля, изыскивавшаго сверхъестественный идеалъ, въ которомъ не проявляется ничего личнаго, и риторика беретъ верхъ надъ жизнью. Укажу на другую картину Добиньи: „La Neige", бывшую на картинной выставкѣ 1872 г. Нельзя представить себѣ ничего проще и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего шире. Поля побѣлѣли отъ снѣга; дорога пересѣкаетъ поля, окаймленная справа и слѣва яблонями съ ихъ сучковатыми вѣтвями. А подъ этимъ бѣлымъ пространствомъ, надъ полями и надъ деревьями спустилась цѣлая громадная стая воронъ, черныхъ точекъ, неподвижныхъ и кружащихся. Вся зима встаетъ передъ нами. Въ жизнь свою не видывалъ ничего печальнѣе: кисть Добиньи, скорѣе изящная, чѣмъ мощная, получила на этотъ разъ какую-то особую силу, чтобы передать унылый видъ нашихъ равнинъ въ декабрѣ.

Вотъ три художника, похищенные смертью: Курбѐ, Корó и Добиньи. Но для полноты я позову послѣ нихъ Анри Реньó и Шентрёйля; обоихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Они занимали второстепенное мѣсто, но въ настоящее время перешли бы на первый планъ, если бы оставались въ живыхъ.

Всѣмъ памятны всеобщія сожалѣнія, которыя возбудила смерть Анри Реньо, убитаго непріятелемъ во время осады Парижа въ 1871 г. Въ настоящее время можно сказать, что солдатъ заставилъ оплакивать живописца. Тогда патріотизмъ заставлялъ превозносить талантъ молодого героя, и говорить, что французская школа утратила въ немъ будущее свѣтило. На различныхъ картинныхъ выставкахъ очень восхищались его произведеніями. Въ настоящее время мы находимъ нѣсколько его картинъ на Марсовомъ полѣ, и надо сознаться, что если они и бросаются въ глаза яркостью красокъ, то содержаніе ихъ самое пошлое, а техника скорѣе искусная, нежели сильная. Делакруа прошелъ черезъ это, но Делакруа, просмотрѣнный и исправленный Жерономъ. Такъ, „L'éxécution sans jugement, sous les rois Maures de Grenade", эта мелодраматическая сцена, этотъ палачъ, только-что отсѣкшій голову и вытирающій саблю театральнымъ

жестомъ, тогда какъ казненный валяется у его ногъ въ крови, напоминаетъ нѣкоторыя картины великаго романтическаго живописца. Но блескъ кисти потускнѣлъ, тоны отличаются грубостью раскрашеннаго стекла, вся картина въ цѣломъ рѣзка и груба. Я предпочитаю небольшой портретъ женщины, одѣтой испанкой, да и тотъ, впрочемъ, не болѣе какъ удачный эскизъ.

Шентрёйль былъ, кажется, ученикомъ Коро́, интересовавшимся особыми моментами въ природѣ. Онъ пытался передать впечатлѣнія, отчасти ускользающія отъ кисти: напримѣръ зарю, смоченную росой, или грозу, или лучъ солнца, прорѣзывающійся сквозь дождь, или порывъ вѣтра въ лѣсу. Его талантъ долго оспаривали и отрицали, но въ сущности онъ очень значителенъ. Нѣкоторыя изъ его картинъ великолѣпны; природа оживаетъ въ нихъ съ своими звуками, запахами, переливами свѣта и тѣней. Къ несчастію, двѣ картины, попавшія на выставку, не могутъ быть причислены къ наилучшимъ. Одна изъ нихъ „L'Espace", громадная равнина, верстъ десять въ окружности—съ селеніями, позолоченными солнцемъ, лѣсами, холмами, безконечными полями, тѣмъ не менѣе отличается нѣкоторой ширью. Чувствуешь въ этомъ живописца, стремящагося перещеголять свѣтилъ натуральной школы пейзажа и который, оставаясь вѣрнымъ копіистомъ природы, стремился схватить ее въ одинъ изъ своеобразныхъ и трудно передаваемыхъ моментовъ.

III.

Итакъ, вотъ всѣ знаменитые покойники. Они произвели переворотъ въ искусствѣ, и уже всѣ почти сошли въ могилу въ то время, какъ представители классической живописи, ихъ соперники, всѣ еще живы. Но Энгра больше нѣтъ въ живыхъ, и его преемники, похваляющіеся своей вѣрностью традиціямъ, представляются теперь слишкомъ ничтожными для того, чтобы бороться съ медленнымъ и неотразимымъ наплывомъ реализма.

Надо видѣть на Марсовомъ-полѣ картины Кабанеля и Жерома, и если припомнишь, что эти два живописца не давали ходу Курбѐ всю его жизнь, то станетъ очень грустно. Хоть и говоришь себѣ, что великій успѣхъ посредственности мимолетенъ, что истина рано или поздно торжествуетъ, что въ грядущемъ всякій займетъ должное ему мѣсто, художникъ съ творческимъ талантомъ—на вершинѣ, а терпѣливые и ловкіе школьные учителя у подошвы; но тѣмъ не менѣе слѣпое пристрастіе толпы заставляетъ страдать, начинаешь

сомнѣваться въ самой истинѣ, въ виду глупыхъ восторговъ толпы, раздающихся вокругъ узурпированныхъ репутацій.

Ретроспективный и общій обзоръ—страшная вещь для такого живописца, какъ Кабанель, который вѣчно повторяетъ одинъ и тотъ же портретъ или одну и ту же историческую сцену, съ тѣмъ же безцвѣтномъ колоритомъ, и никогда не пытается на что-нибудь оригинальное. Пытливый художникъ заглядываетъ направо и налѣво, безпрерывно обновляя свое искусство. Но живописецъ съ академическимъ рецептомъ, воображающій, что монополизировалъ формулу порядочной живописи, естественно осужденъ на вѣчныя повторенія. Онъ написалъ одну посредственную картину и напишетъ ихъ десять, сто. Ему и въ голову не приходитъ написать что-нибудь новое. Поэтому, если уже видъ одной его картины повергаетъ васъ въ тоску, то представьте, какое уныніе овладѣваетъ вами при видѣ восьми, десяти, двадцати картинъ. Это также несносно, какъ дождливый день. Сами поклонники смущаются, ихъ слишкомъ усердно угощаютъ. Когда я представлю себѣ большую залу, наполненную произведеніями, вышедшими изъ-подъ кисти Кабанеля, то дрожь пробѣгаетъ у меня по спинѣ. Это просто какой-то кошмаръ; цѣлый рядъ произведеній безцвѣтныхъ, монотонныхъ, повторяющихъ другъ друга безъ конца и измѣненія. Вотъ почему я говорю: пусть-ка почитатели Кабанеля устроятъ выставку его произведеній послѣ его смерти, — публика заболѣетъ отъ такой выставки. Когда выставили произведенія Делакруа, то зрѣлище его творчества, дѣятельнаго и всесторонняго, было какъ-бы откровеніемъ, изъ котораго художникъ вышелъ съ неувядаемой славой. Кабанеля же навѣки раздавили бы его произведенія и схоронили бы его, какъ глыбы земли, бросаемыя лопатой могильщика.

Мы встрѣчаемъ на Марсовомъ-полѣ однѣ только старыя картины, и тѣмъ не менѣе дивимся имъ. Возможно ли, чтобы онѣ были до такой степени плохи и банальны. Вотъ „La Mort de Francesca de Rimini et de Paolo Malatesta“. Нельзя вообразить себѣ что-нибудь болѣе плоское и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе претенціозное. Это классикъ, хладнокровно устраивающій романтическую оргію, à la Казиміръ Делавинь. Франческа лежитъ распростертая и бездыханная; Паоло умираетъ у ней на груди. Но всего удивительнѣе костюмъ Паоло, его панталоны въ обтяжку и его плащъ, застегнутый на плечѣ. А краски! Тѣло какое-то черное, матеріи подернуты какой-то сѣрой дымкой. Нужды нѣтъ, это прилично, это бонтонно! Вотъ еще „Thamar et Absalom“, которая, пожалуй, еще поразительнѣе. На этотъ разъ мы видимъ Библію, приправленную академическимъ соусомъ, салонную Библію въ стилѣ comme-il-faut.

Тамара, оскорбленная Амнономъ, приходитъ горевать въ домъ своего брата Авессалома: онъ сидитъ, а женщина, обнаженная до пояса, плачетъ у него на колѣняхъ. Во-первыхъ, спрашиваешь себя, къ чему живописецъ выбралъ этотъ сюжетъ. Я понимаю, что онъ искалъ предлога для того, чтобы написать обнаженный женскій торсъ, хотя эта нагота имѣетъ очень мало смысла. Я вижу, что онъ ухватился за случай пощеголять дешевой эрудиціей, изобразивъ внутренность еврейскаго дома, хотя, впрочемъ, всѣ библейскіе сюжеты позволили бы ему сдѣлать то же самое. Но, право, трудно представить себѣ что-нибудь темнѣе, холоднѣе этой сцены. Изъ ста проходящихъ человѣкъ, девяносто-девять по-крайней-мѣрѣ не знаютъ, отъ какой обиды рыдаетъ Тамара. Объясненія указателя недостаточно. Посѣтители останавливаются немного удивленные и уходятъ невозмутимые. Я уже не говорю про техническую сторону дѣла; мы видимъ все тотъ же драблый рисунокъ и безцвѣтный колоритъ.

Кабанель слыветъ великимъ портретистомъ въ модномъ свѣтѣ. Онъ рисуетъ только герцогинь и графинь. Имѣть портретъ, нарисованный Кабанелемъ, мечта каждой разбогатѣвшей буржуазки. Онъ беретъ очень дорого, чтб отчасти объясняетъ уваженіе, какимъ онъ пользуется. Но слѣдуетъ прибавить, что его живопись создана на то, чтобы украшать бонтонный салонъ. Представьте себѣ большую, прилично-раскрашенную картину надъ диваномъ, между двумя портьерами. Вы можете зажечь всѣ люстры, картина останется скромной; она не засверкаетъ, какъ какая-нибудь картина Делакруа, — чтб было бы неприлично. Она не поразитъ мощью и реализмомъ Курбе́ — чтб было бы совсѣмъ непристойно. Нѣтъ, она не многимъ будетъ отличаться отъ обоевъ, которыми обтянута комната. При этомъ Кабанель умѣетъ придавать дамамъ „un air distingué". Съ нимъ онѣ могутъ декольтироваться сколько имъ угодно; онѣ не перестанутъ быть цѣломудренными, потому-что онъ превращаетъ тѣло въ мечту; онъ рисуетъ его взбитыми яйцами съ легкимъ оттѣнкомъ кармина. Это—не женщины, это—существа безполыя, неприступныя, неуловимыя, какая-то тѣнь натуры. Понятно поэтому, почему Кабанель сдѣлался живописцемъ аристократіи. Онъ очаровываетъ, но не скандализируетъ. Поглядите на Марсовомъ-полѣ на портреты графини T*** и герцогини V***. Въ особенности я рекомендую портретъ герцогини L*** и ея дѣтей. Герцогиня, одѣтая въ черный бархатъ, облокотившаяся на красную атласную подушку, сидитъ на очень богатомъ креслѣ. Двое дѣтей играютъ у ея ногъ. Уголокъ салона, гдѣ происходитъ, блещетъ роскошью; драпировки, украшенія. По мнѣнію свѣта, это очень distingué, а въ отношеніи живописи—крайне банально. Красивый экранъ для камина.

Жеромъ не такъ грандіозенъ, но тѣмъ не менѣе пользуется большимъ успѣхомъ. Это тоже классикъ и академикъ, котораго осыпали почестями и наградами, въ то время какъ преслѣдовали Курбé и заставляли его платить за колонну. Выставка даетъ полное понятіе объ его искусствѣ. Мы видимъ десять картинъ одинаково хорошихъ или одинаково плохихъ, какъ хотите. Размышленія, высказанныя по поводу Кабанеля, точно также умѣстны и тутъ. Кто видѣлъ одну картину, тотъ видѣлъ ихъ всѣ; это такое же точно производство, какъ издѣлія изъ кокосоваго орѣха каторжниковъ; тутъ пріемы неизмѣнны, а потому и результаты одинаковы. Но только у Жерома еще болѣе диковинный рецептъ. Слѣды кисти исчезаютъ. Посѣтители дивятся его картинамъ, какъ какимъ-нибудь дверцамъ кареты. Надо умѣть выбрать мѣсто, съ какого глядѣть на картину, а то можешь глядѣться въ нее, какъ въ зеркало. Это торжество лака, отчетливая отдѣлка всѣхъ подробностей, которыя живописецъ точно покрылъ стекломъ. Уже не закаливаетъ ли Жеромъ свои картины, подобно тому, какъ закаливаютъ рисунки на фарфорѣ? Весьма возможно. Мѣщане восторгаются. Боже мой! какъ это мило и какъ это чисто!

Къ довершенію торжества, Жеромъ чуждъ приличной скуки Кабанеля. Онъ разсказываетъ анекдоты. Каждое изъ его произведеній— небольшой разсказъ, и нѣкоторые очень пикантны и даже рискованны. Я говорю рискованны, но все-таки бонтонны, та́къ—чуть только игривы. Всѣмъ памятна его „Phryné devant l'Aréopage", маленькую голую фигурку изъ леденца, которую пожираютъ глазами старики; леденецъ спасалъ приличія. На Марсовомъ-полѣ мы видимъ „Les Femmes au bain", нѣсколько женщинъ безъ рубашекъ, невинное развлеченіе для аматёровъ, которые любятъ разсматривать картины въ лупу. Что касается живописныхъ анекдотовъ, то имъ нѣтъ конца. Вотъ „L'Arabe et son coursier", арабъ, обнимающій мертвую лошадь, растянувшуюся на пескѣ пустыни; это сантиментальная нотка. Вотъ „Garde du camp", три собаки, сидящія впереди нѣсколькихъ палатокъ,—это путевой анекдотъ. Вотъ „L'Eminence grise", кардиналъ Дюбуа, спускающійся съ лѣстницы и привѣтствуемый царедворцами, которыхъ онъ прикидывается, что и не видитъ,—это историческій анекдотъ. Пропускаю множество другихъ и самыхъ разнообразныхъ. Извѣстно вѣдь, что эти картины рисуются затѣмъ, чтобы быть потомъ воспроизведенными фотографіями и украсить собой тысячи буржуазныхъ салоновъ.

Но я упомяну про нѣкоего *льва*, выставленнаго Жеромомъ. Этотъ *левъ* лежитъ, скрываемый сумракомъ, и отчетливо видны только его глаза, горящіе фосфорическимъ блескомъ. Я вижу въ этомъ характеристику таланта Жерома. Делакруа тоже рисовалъ львовъ, но онъ рисовалъ ихъ страшными, свирѣпыми, съ ощетинившейся гривой и

окровавленной мордой; но ему никогда въ голову не приходило зажигать у львовъ глаза, точно фонари. Явился Жеромъ и, соперничая съ Делакруа, онъ придумываетъ одно только: вставить свѣтляковъ въ глаза своего льва. Самъ левъ изъ картона, но глаза его блестятъ. Вотъ въ чемъ новость и геніальная выдумка. Замѣтьте, что весьма возможно, что Жеромъ правъ: что глаза льва, въ самомъ дѣлѣ, такъ сверкаютъ ночью. Но кто не пойметъ ничтожества этой выдумки, этого жалкаго, смѣшного усилія—вставить двѣ свѣчки въ двухкопеечную игрушку. Вѣчно анекдотическія подробности, мелкая наблюдательность, которой дивится и восхищается буржуа. Я слышалъ, какъ восторгались „львомъ". Женщины стояли, какъ прикованныя, мужчины пускались въ объясненія. Делакруа не было надобности прибѣгать къ этимъ ребяческимъ уловкамъ, чтобы создавать живыхъ и великолѣпныхъ звѣрей. Правда, что публика не понимала и проходила мимо.

Послѣ Кабанеля и Жерома безполезно разбирать другихъ художниковъ, представляющихъ въ настоящую минуту нашу школу и нашу академію художествъ. Эти два живописца ихъ воплощеніе, они въ нихъ священнодѣйствуютъ. Молодые академическіе живописцы проходятъ черезъ ихъ руки, и это обѣщаетъ намъ цѣлое поколѣніе посредственностей. Къ тому же, я былъ бы затрудненъ только числомъ ихъ. Могу назвать Бугро, соединяющаго Кабанеля съ Жеромомъ, отдѣлку перваго съ чопорностью второго. Это торжество граціи; восхитительный живописецъ, рисующій неземныхъ созданій, сладкія конфетки, тающія подъ взорами. Много таланта, если подъ талантомъ подразумѣвать ловкость, какая нужна для того, чтобы приправлять природу такимъ соусомъ; но это искусство безсильное, безжизненное, это миніатюрная живопись, принявшая колоссальные и чудовищные размѣры, лишенныя всякой правды. Я могъ бы привести еще кучу именъ, но это безполезно, потому что отличительная черта этихъ художниковъ та, что всѣ они похожи другъ на друга. Я кончу, указавъ на картины Эмиля Синьоля. Это, если хотите знать, ученикъ Гро, получившій римскую премію въ 1830 году, назначенъ членомъ академіи въ 1860 г., награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона въ 1865 г. Поглядите на его картины, и вы подумаете, что это шутка. Это просто невѣроятно что такое. Молодая дѣвушка, раскрашивающая картинки въ промежуткѣ между своими уроками, вѣроятно создаетъ болѣе живыхъ и менѣе ребяческихъ человѣчковъ. Въ особенности одна картина „Le soldat de Marathon", маленькая фигурка, бѣгущая съ лавровой вѣткой въ рукѣ, представляетъ верхъ нелѣпости со стороны рисунка и красокъ. Деревянная маріонетка, оловянный солдатикъ, все, что только можно себѣ представить ни-

ничтожнаго и мизернаго произвело бы, разумѣется, менѣе дикое впечатлѣніе. Я догадываюсь, что́ Синьоль уже не молодъ. Но, Боже мой! какое наказаніе, если академическая живопись доводитъ человѣка до такого идіотизма! Да, это настоящій Шарантонъ искусства.

IV.

Академія, къ счастію, пользуется у насъ крайне ограниченнымъ вліяніемъ. Большинство нашихъ художниковъ живетъ внѣ ея и нисколько отъ того не въ убыткѣ. Можно даже сказать, что покойные таланты находятъ достойныхъ преемниковъ лишь среди этихъ независимыхъ художниковъ. Они дѣлаютъ честь нашей живописи, даже послѣ Делакруа и Курбе́.

Упомяну прежде всего про Бонна́. Въ настоящую минуту онъ, конечно, самый мощный и самый трезвый изъ живописцевъ. У него на выставкѣ не менѣе семнадцати картинъ. Онъ, также какъ и Кабанель, пишетъ портреты, которые очень цѣнятся; но только онъ рисуетъ больше буржуазокъ, а не герцогинь, и это уже характеризуетъ его талантъ. Портретъ Паска, появившійся на картинной выставкѣ 1875 г., очень хорошая вещь. Сознаюсь, впрочемъ, что предпочитаю портреты Бонна́ другимъ его картинамъ. Такъ его „Barbier nègre à Suez", брѣющій другого негра, сидящаго на землѣ, напоминаетъ композиціи Жерома. Что касается его итальянскихъ сценъ: „Scherzo" и „Tenerezza", всѣхъ этихъ играющихъ женщинъ и дѣтей, то онѣ кажутся мнѣ крайне банальными. Итальянцами и итальянками до такой степени злоупотребляли, что глухое бѣшенство закипаетъ во мнѣ при видѣ этихъ вѣчныхъ красныхъ собакъ и вѣчного куска полотна, наверченнаго на голову. У Бонна́ есть нѣсколько картинъ на спеціальной выставкѣ города Парижа. Это декоративныя картины, украшающія залу уголовнаго суда въ Palais de Justice. Онѣ, какъ и все, что́ выходитъ изъ подъ кисти этого художника, отличаются большой простотой композиціи и солидностью техники.

Я не могу въ подробности разобрать всѣ семнадцать картинъ Бонна́. Я лучше выскажу сужденіе о его талантѣ вообще. Какъ я уже говорилъ, послѣ Курбе́ у насъ не было такого мощнаго работника, какъ Бонна́. Но только ему не хватаетъ изящества, у него бываютъ порою грязные, мертвенные или мѣловые тоны. Кисть его обезображиваетъ природу. Собратья, завидующіе ему, грубо и несправедливо говорятъ о немъ: „это каменьщикъ". Это характеризуетъ его кисть, которую признаешь среди толпы всякихъ другихъ. Издали она не такъ поражаетъ, какъ вблизи. Онъ, впрочемъ, еще молодъ и

съ каждымъ годомъ совершенствуетъ свою манеру. Отъ итальянокъ, набившихъ оскомину, онъ перешелъ къ „Христу“, украшающему залу уголовнаго суда, и это одно изъ самыхъ удачныхъ произведеній нашей школы, за послѣднія десять лѣтъ. Это талантъ развивающійся и могучій.

Перехожу къ Каролюсу Дюрану, и тутъ исторія совсѣмъ другая. Рѣдкимъ художникамъ такъ везло, какъ ему. Съ первыхъ же его картинъ, успѣхъ выпалъ ему на долю, успѣхъ шумный и все растущій. Онъ явился съ претензіей на великаго колориста, на дерзкаго новатора, дерзость котораго простиралась ровно настолько, насколько это нужно, чтобы подзадорить публику. Онъ принадлежалъ къ тому разряду счастливыхъ темпераментовъ, которые на видъ собираются все перевернуть вверхъ дномъ, а на дѣлѣ ведутъ себя очень благоразумно; ихъ причисляютъ къ новаторамъ, но очень любятъ ихъ за то, что они, въ сущности, не оскорбляютъ ни одного изъ установленныхъ понятій. Слыть оригиналомъ, не будучи имъ—да это верхъ торжества! Публика говоритъ: — слава Богу! вотъ смѣлый и индивидуальный художникъ, но мы все-таки его понимаемъ. Вотъ оригинальность, которая намъ по душѣ. И для истинно оригинальныхъ художниковъ ничто такъ не вредитъ какъ эта мнимая оригинальность, потому что публика убѣждается, что можно быть Эженомъ Делакруа, не отказываясь отъ пріятности г. Бугро.

Замѣтьте, что Каролюсъ Дюранъ очень ловкій живописецъ. Какъ это часто бываетъ, онъ съумѣлъ заимствовать у художниковъ, болѣе оригинальныхъ, нежели онъ самъ, но которые осмѣиваются толпой, частицу новизны и употребилъ все свое искусство на то, чтобы примирить толпу съ этой новинкой, предложить ее въ такой блестящей оправѣ, что самые щепетильные буржуа не узнаютъ ее и превозносятъ. Я могъ бы назвать живописцевъ, которымъ подражаетъ Дюранъ. Но, повторяю, онъ розыгрываетъ бравурныя аріи на ихъ тэмы, заливается руладами, и топитъ истину, принесенную ими, подъ всякого рода украшеніями. А публика, озадаченная, восхищенная, очарованная талантомъ виртуоза, разражается неистовыми аплодисментами, не подозрѣвая, что если талантъ у него и есть, за то геній отсутствуетъ.

Было бы, однако, несправедливо не признать, что Каролюсъ Дюранъ очень хорошо умѣетъ рисовать. Я нападаю только на его мнимую оригинальность. Особенно хорошо выходятъ у него неодушевленные предметы, матеріи. Въ его женскихъ портретахъ, платья сдѣланы удивительно и всѣ аксесуары тоже очень хороши. Тѣло уже гораздо хуже, какое-то твердое и блестящее, точно подъ нимъ скрывается картонный или деревянный маннекенъ. Но на первый взглядъ

его произведенія ослѣпительны и опьяняютъ зрителя, несмотря на фальшь, которая въ нихъ ощущается.

Хуже всего то, что эти произведенія скоро старѣются. Я особенно настаиваю на этомъ пунктѣ, потому что онъ поразилъ меня. Увидя вновь на Марсовомъ Полѣ картины Каролюса Дюрана, уже знакомыя мнѣ и видѣнныя мною на различныхъ картинныхъ выставкахъ, я изумился. Неужели это тѣ же самыя произведенія? Я помнилъ настоящіе фейерверки, а передо мною были потускнѣвшія, полинявшія картины, словно ихъ уже съѣла пыль вѣковъ. Фактъ для меня теперь несомнѣненъ. Нѣкоторыя картины, напримѣръ, картины Каролюса Дюрана отличаются, когда онѣ только-что вышли изъ мастерской, особенной свѣжестью, тѣмъ, что у насъ зовется „la beauté du diable“. Но вскорѣ яркость красокъ пропадаетъ, красота улетучивается и въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ мимолетная молодость произведенія отживаетъ и въ немъ проступаютъ старческія черты. Талантъ Каролюса Дюрана блеститъ какъ стекло и хрупокъ такъ же, какъ стекло.

Фактъ яркости иныхъ произведеній при ихъ появленіи и ихъ быстрое отцвѣтаніе поражаетъ меня тѣмъ сильнѣе, что я часто наблюдалъ противное. Бываютъ картины, которыя кажутся грубыми и непріятными по выходѣ изъ мастерской. У нихъ нѣтъ свѣжести только-что раскрашенной куклы. Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, и вы поражены ихъ неувядающей молодостью, когда снова ихъ видите. Онѣ выиграли въ красотѣ, онѣ все живы и стали эффектнѣе и выразительнѣе. Каждый истекшій годъ надѣляетъ ихъ новой прелестью. Онѣ безсмертны, тогда какъ другія, тѣ, у которыхъ одна только внѣшность жизни, совершенно отцвѣтаютъ. Это, по-моему, справедливо. Успѣхъ, основанный на минутномъ увлеченіи, недолговѣченъ. Надо исподволь завоевать публику, чтобы она оставалась вѣрна; надо не бояться жизни и ея угловатостей—для того, чтобы вѣчно жить.

Общій крикъ на Марсовомъ полѣ, что картины Каролюса Дюрана поблѣднѣли. Приведу, напримѣръ, „L'enfant bleu“, портретъ ребенка, одѣтаго въ голубомъ и выдѣляющагося на голубомъ фонѣ. Тѣни посвѣтлѣли, а свѣтовыя части запачкались. Голова, въ особенности, приняла безжизненный оттѣнокъ куклы. Картина стала неудачной эксцентричностью. Только одинъ портретъ сохранилъ нѣкоторый характеръ: портретъ г-жи Каролюсъ Дюранъ въ черномъ—на зеленомъ фонѣ. Прибавлю, что Каролюсъ Дюранъ—очень модный портретистъ и беретъ такъ же дорого, какъ и Кабанель и Бонна́. Наши живописцы всѣ избираютъ своей спеціальностью портреты и въ особенности женскіе, потому что этого рода живопись самая прибыльная.

Впрочемъ, жанръ никогда не удавался Каролюсу Дюрану. На выставкѣ есть его картина: „Dans la rosée",—голая женщина, съ очень бѣлой кожей, окружена нѣжной зеленью. Художникъ думалъ изобразить въ ней олицетвореніе зари. Ни одна изъ его картинъ такъ не пострадала, какъ эта.

Мнѣ не хочется быть строгимъ, я желалъ бы быть только справедливымъ. Надо подумать сперва о великихъ художникахъ, прежде нежели признать первостепенный талантъ въ Каролюсѣ Дюранѣ, котораго не въ мѣру превознесли въ послѣдніе годы. Великіе художники всѣ приносятъ съ собой особую творческую силу, вдохновляющую ихъ творенія. Въ картинахъ ихъ ощущается присутствіе сильной оригинальности, глубокаго чувства, какая-то мощь, которую легче почувствовать, нежели опредѣлить. У Эжена Делакруа мы видимъ пламенную натуру, громадный умъ, никогда недремлющій, необыкновенное пониманіе жизни. У Курбé преобладаетъ пониманіе дѣйствительности и правды, такая мощная и вѣрная передача природы, что человѣческое творчество, безъ сомнѣнія, не можетъ пойти дальше. Теперь взгляните на Каролюса Дюрана и спросите его: какое новое слово сказалъ онъ своими произведеніями. Изучите его, разберите его, не по каждой картинѣ въ отдѣльности, но въ общей сложности его произведеній. Вы придете къ такому заключенію: у него много ловкости, поддѣльнаго блеска, лживая оригинальность, крикливая и жеманная. Разумѣется, онъ умѣетъ рисовать; въ этомъ его извиненіе. Но я предсказываю, что талантъ будетъ все болѣе и болѣе погасать и что онъ переживетъ самого себя.

Геннеръ пробилъ себѣ дорогу съ меньшимъ шумомъ. Это мягкій и задумчивый художникъ, питающій особенное пристрастіе къ извѣстнымъ тонамъ, къ извѣстнымъ контрастамъ. Справедливо говорили, что онъ проявилъ весь свой талантъ въ своей картинѣ: „La Femme au divan noir" (1869 г.). Передъ нами просто-на-просто голая женщина, распростертая на черной матеріи; бѣлое пятно на чернильномъ фонѣ. Но Геннеръ написалъ цѣлую градацію тоновъ въ черномъ и бѣломъ цвѣтахъ. Тѣло женщины переходитъ отъ блѣдно-золотистаго оттѣнка въ красновато-золотистый, между тѣмъ какъ черный цвѣтъ измѣняется отъ прозрачнаго сумрака до непроглядного мрака бурной ночи. Но эффектъ тѣмъ не менѣе поразительный. Разъ открывъ секретъ, Геннеръ повторяетъ его на всѣ лады. Почти всѣ женщины, которыхъ онъ рисуетъ, одѣты въ черномъ. Его „Christ mort" выдѣляется изъ густого мрака. Его картина: „Le Soir" изображаетъ бѣлый женскій силуэтъ среди очень темнаго лѣса. „Наяды" повторяютъ тотъ же сюжетъ, но въ увеличенномъ размѣрѣ: шесть женщинъ, только-что выкупавшихся, сгруппированы возлѣ рѣки;

трава черная, деревья черныя. И я вовсе не порицаю Геннера, потому что въ этой предвзятой идеѣ много откровенности, весьма глубокое пониманіе гармоніи тоновъ и оригинальной передачи природы.

Теперь мнѣ пришлось бы перечислить много именъ. Рибо, такъ же какъ и Геннеръ, видитъ въ природѣ только два тона: бѣлый и черный, и еще съ бо̀льшимъ упорствомъ. Но у него нѣтъ изящества и теплоты Геннера. Бѣлый тонъ отдаетъ у него мѣломъ, а черный—углемъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, быть искуснымъ живописцемъ. Онъ съ самаго начала выбралъ себѣ спеціальность; онъ рисовалъ однихъ только поваренковъ и между его первыми картинами есть настоящія маленькія chef-d'oeuvre. Позднѣе, когда онъ расширилъ свои рамки, его не безъ основанія упрекали въ томъ, что онъ видитъ природу слишкомъ въ черномъ свѣтѣ. Его „Cabaret Normand" очень солидная вещь, какъ и все, что̀ выходитъ изъ-подъ его кисти. Мнѣ меньше нравится его „Bon Samaritain". Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ художникъ очень дурно представленъ на выставкѣ, гдѣ у него только три картины.

Валлонъ представляетъ прекрасный примѣръ того, какое высокое мѣсто можетъ занять художникъ, благодаря силѣ воли и труду. Онъ пережилъ очень трудныя минуты. Сначала онъ рисовалъ только неодушевленные предметы и выбиралъ самыя простыя вещи,—кухонную посуду. Его котлы, великолѣпные котлы, были знамениты. Затѣмъ, когда имя его прославилось, онъ сталъ рисовать художественные предметы: оружіе, эмали, драгоцѣнныя матеріи. На Марсовомъ полѣ можно видѣть его двѣ лучшихъ natures-mortes: „Curiosités" и „Poissons de mer", замѣчательныхъ по своей техникѣ. Наконецъ, онъ дошелъ и до человѣческихъ фигуръ и выставилъ, въ 1876 г., картину: „Femme du Pollet, à Dieppe", которая была настоящимъ артистическимъ событіемъ. Это родъ Бобелины, одѣтой въ лохмотья, съ ношей на спинѣ, шагающей вдоль морского берега. Я упрекнулъ бы главнымъ образомъ эту картину въ идеализаціи модели: подумаешь, что это сама Венера Милосская, переодѣтая нищенкой, до такой степени великолѣпно тѣло, прикрываемое лохмотьями, грудь, бедра—какъ у настоящей богини. Но техническая сторона дѣла заслуживаетъ большой похвалы и впечатлѣніе получается сильное. Насколько я его понимаю, Валлонъ трудолюбивый художникъ и отлично знаетъ свое дѣло. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы онъ написалъ что-нибудь болѣе совершенное, чѣмъ его первыя natures mortes.

Въ числѣ художниковъ, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть въ обзорѣ современной французской школы живописи, находится Жюль Бретонъ. Я сейчасъ упрекалъ Валлона въ томъ, что онъ идеализи-

ровалъ свою діеппскую рыбачку. Жюль Бретонъ, съ своей стороны, составилъ себѣ имя, рисуя идеальныхъ крестьянокъ. Надо видѣть на Марсовомъ полѣ красавицъ, которыхъ онъ одѣваетъ въ крашенину и снабжаетъ походкой богинь. Толпа восторгается и зоветъ это avoir du style. Но это просто-на-просто лганье и ничего больше. Я предпочитаю крестьянокъ Курбé—не только потому, что онѣ лучше нарисованы въ техническомъ отношеніи, но и потому еще, что онѣ вѣрны дѣйствительности. Замѣтьте, повторяю, что Жюль Бретонъ былъ осыпанъ наградами съ 1855 года, что медали и кресты сыпались на него дождемъ, тогда какъ Курбé умеръ въ изгнаніи, преслѣдуемый судебными приставами, которыхъ французская администрація отрядила по его пятамъ.

У насъ есть еще Геберъ, болѣзненный живописецъ маленькихъ задумчивыхъ итальянокъ, чудакъ-художникъ, ухитрившійся изобрѣсти сплинъ подъ плѣнительнымъ небомъ Флоренціи и Неаполя. У насъ есть Изабей, пережившій романтическую баталію. У насъ есть художники всякаго ремесла и всякаго подражанія, но я лучше остановлюсь на одномъ новичкѣ, Лоренсѣ, на котораго „Ecole des Beaux-Arts" возлагала большія надежды. Одну минуту въ немъ видѣли художника, который долженъ обновить великое искусство, а подъ великимъ искусствомъ надо понимать историческую живопись. И несомнѣнно, что Лоренсъ рисовалъ историческія сцены въ большихъ размѣрахъ. Мы встрѣчаемъ на Марсовомъ полѣ четырнадцать его картинъ; заглавія покажутъ, къ какому роду принадлежатъ его картины: „Св. Бруно отказывается отъ подарковъ Рожé, графа Калабрійскаго", „Папа Формозъ и Стефанъ VII", „Отлученіе отъ церкви Роберта благочестиваго", „Франческо Борджіа передъ гробомъ Изабеллы Португальской", „Австрійскій генеральный штабъ передъ тѣломъ Марсо". Эта послѣдняя картина имѣла особенно большой успѣхъ на картинной выставкѣ прошлаго года. Марсо, мертвый, лежитъ на кровати, а австрійскіе генералы проходятъ передъ нимъ. О произведеніяхъ Лоренса можно сказать, что это красивые эстампы, хорошо задуманные; въ нихъ есть пониманіе драмы, техника à la Деларошъ, очень чистое выполненіе. Но не болѣе того. Я ищу художника въ обширномъ смыслѣ этого слова. Живописецъ не вноситъ ни одной новой ноты, ничего оригинальнаго въ передачѣ природы; онъ не продолжаетъ и не вызываетъ переворота въ искусствѣ. Я предпочитаю большимъ махинамъ, которыя онъ сочиняетъ на историческіе тексты, послѣдняго изъ пейзажистовъ, который спокойно усаживается передъ деревомъ и списываетъ его, вѣрно передаетъ впечатлѣніе, производимое имъ.

Кончаю: я назвалъ тѣхъ изъ нашихъ художниковъ, которые

стоятъ во главѣ теперешняго движенія. И легко было заключить, что великіе таланты: Энгръ, Делакруа, Курбе никѣмъ не замѣнены. Великихъ талантовъ не стало, остались одни только ученики, болѣе или менѣе искусно замаскированные. Это хвостъ. Конечно, въ талантѣ нѣтъ недостатка. Есть солидная техника Бонна, яркая кисть Каролюса Дюрана, изящество тоновъ Геннера, ограниченный реализмъ Рибо и Валлона. Но всѣ эти художники только продолжаютъ своихъ предшественниковъ, ослабляя ихъ. Ни у одного нѣтъ личной иниціативы, настолько опредѣленной, настолько энергической, чтобы расширить движеніе и придать ему новую силу. Въ литературѣ, какъ и въ искусствѣ, важны одни творцы. Чтобъ быть замѣтнымъ, надо произвести переворотъ въ человѣческой производительности. Въ противномъ случаѣ наилучше одаренные люди остаются простыми забавниками, искусными и почтенными работниками, которымъ рукоплещетъ польщенная и забавляющаяся толпа, но которые не существуютъ для потомства.

V.

Но живъ еще одинъ мастеръ, о которомъ я еще не говорилъ. Это—Мейсонье. Я называю его мастеромъ, потому, что онъ дѣйствительно создалъ жанръ во Франціи, т.-е. тѣ маленькія анекдотическія картинки, рамки которыхъ позднѣе расширилъ Жеромъ, и которымъ подражали сотни живописцевъ.

Мнѣ не нравится талантъ Мейсонье; сейчасъ скажу почему; но было бы несправедливо не признать его рѣдкихъ качествъ. Онъ несомнѣнно единственный, съумѣвшій сообщить жизнь своимъ фигурамъ, ихъ позамъ, ихъ платью, выраженію ихъ лицъ. Это не жизнь дѣйствительная, потому что живопись его стекловидная и угловатая, и подъ платьемъ и кожей чувствуется деревянный маннекенъ; но это очень тонкое и остроумное воспроизведеніе жизни, которымъ легко увлечься. Чтобы оцѣнить всѣ достоинства Мейсонье, надо сравнить его съ однимъ изъ его учениковъ, и тогда судить объ изяществѣ его кисти, естественности рисунка, совершенствѣ отдѣлки. Повторяю, это мастеръ въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія онъ себѣ избралъ.

Мейсонье пользовался большимъ успѣхомъ. Онъ—членъ академіи, командоръ Почетнаго Легіона, заваленъ наградами; ему нечего больше желать для славы. Кромѣ того, онъ продаетъ свои картины, можно сказать, на вѣсъ золота, и я думаю даже, что одна изъ его картинъ, проданная за сто тысячъ франковъ, далеко не вѣсила пять тысячъ луидоровъ. Мельчайшія изъ его произведеній продаются по безум-

нымъ цѣнамъ. А подумать только, что Делакруа при жизни продавалъ свои мастерскія произведенія за двѣ, за три тысячи франковъ, и что даже въ настоящее время, несмотря на полное торжество его генія, за картины Делакруа далеко не платятъ такъ дорого, какъ за картины Мейсонье. Вотъ когда я начинаю сердиться. Пристрастіе толпы всегда объясняется дрянными причинами.

Почему же публика съ такимъ азартомъ набрасывается на картины Мейсонье? Очевидно, что не художественное достоинство его произведеній вызываетъ этотъ азартъ. Истина въ томъ, что публика просто-на-просто восхищается фокусами художника. Онъ отдѣлываетъ пуговицы на жилетѣ, перья на шляпѣ, брелоки на цѣпочкѣ отъ часовъ такъ, что ни одна подробность не пропадаетъ—вотъ что возбуждаетъ этотъ неописанный восторгъ. А что̀ еще важнѣе, что онъ рисуетъ человѣчковъ четырехъ-пяти сантиметровъ величины, которыхъ надо разсматривать въ лупу, если хочешь хорошенько разглядѣть—вотъ что̀ доводитъ восторгъ до крайности, заставляетъ безумствовать самыхъ хладнокровныхъ почитателей. Толпѣ льстятъ въ ея ребяческихъ инстинктахъ, въ ея поклоненіи побѣжденнымъ трудностямъ, въ ея любви къ хорошо нарисованнымъ и, главное, къ хорошо отдѣланнымъ картинкамъ. Она только это и понимаетъ въ искусствѣ; новизна, оригинальность пріемовъ, своеобразная передача природы оскорбляетъ и отталкиваетъ ее, между тѣмъ ее вполнѣ удовлетворяютъ миніатюрныя картинки, отдѣланныя какъ драгоцѣнный уборъ. Вотъ объясненіе торжества Мейсонье, превозносимаго цѣлой толпой почитателей. Онъ богъ буржуазіи, которая не любитъ сильныхъ ощущеній, доставляемыхъ истинными художественными произведеніями. Ни одинъ художникъ въ нашемъ столѣтіи не былъ такъ избалованъ публикой.

Итакъ, я сержусь на него за эти несоразмѣрные успѣхи, когда припоминаю мученическую жизнь, какую вели наши великіе художники. Ихъ отрицали, ихъ смѣшивали съ грязью, тогда какъ передъ нимъ возносились кадила критиковъ. И, быть можетъ, по тому самому я склоненъ строже относиться къ нему, въ видѣ отместки.

Во-первыхъ, я уже сказалъ, что техника у него самая непріятная, какая только можетъ быть у живописца. Онъ рисуетъ очень свѣтлыми тонами, что́ было бы не бѣда; но въ его тонахъ прозрачность агата, сухость и угловатость стекловиднаго вещества: точно живопись на фарфорѣ. Тутъ нѣтъ убійственной политуры Жерома, но все же это бѣдно, жидко, рѣзко. Вообще живыя фигуры болѣе отдѣланы. Чтобы увидѣть всѣ недостатки техники, надо обратить вниманіе на фонъ, главное—на обрывки пейзажа. Тамъ чувствуется вся бѣдность этой кисти, которая свободна только тогда, когда она

расписываетъ маленькихъ человѣчковъ, любимыхъ живописцемъ. Деревья точно зеленыя щетки, дома похожи на раскрашенные деревянные игрушечные кубики и т. д.

Наконецъ, рамки его естественно весьма ограниченны. Онъ избралъ небольшую тропинку въ искусствѣ. Я знаю, что одного живого лица, перенесеннаго на полотно, достаточно для вѣчной славы художника и что не слѣдуетъ мѣрять геній живописца величиной его картинъ. Но надо же принимать во вниманіе ширину творчества, грандіозность усилія, замысла какого-нибудь сложнаго произведенія. Сравните картину Эжена Делакруа съ картиной Мейсонье. Въ сущности этотъ этотъ послѣдній вѣчно рисуетъ одну и ту же лошадь, одну и ту же фигуру восемнадцатаго столѣтія, одѣтую въ одинъ и тотъ же костюмъ, одного и того же солдата, въ одной и той же позѣ. Онъ пробавляется нѣсколькими неизмѣнными типами, онъ не затрогиваетъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Я хочу сказать, что онъ не олицетворяетъ во всей его полнотѣ понятіе о великомъ художникѣ, какое мы себѣ составили въ настоящее время.

Отведите ему должное мѣсто, и я первый стану восхищаться имъ.

У Мейсонье выставлено не менѣе шестнадцати картинъ на Марсовомъ полѣ. Хуже всего то, что эти картины не изъ лучшихъ. Я увидѣлъ здѣсь одну изъ самыхъ большихъ картинъ, какія только онъ рисовалъ: „Les Cuirassiers, 1805". Это—кирасирскій полкъ, выстроенный въ боевомъ порядкѣ и готовящійся идти въ атаку. Есть интересныя головы, лошади, нарисованныя съ такой отчетливостью, что волосокъ подобранъ къ волоску и видны всѣ жилки. Но почитатели Мейсонье не безъ основанія предпочитаютъ менѣе обширныя картины его, напр., „Portrait du sergent", сцену, гдѣ французскій гвардеецъ снимаетъ портретъ съ своего сержанта у дверей кордегардіи; или опять „Le Peintre d'Enseignes", гдѣ маляръ и его заказчикъ представлены въ костюмахъ директоріи. Обѣ эти картины замѣчательны правдой и жизненностью фигуръ. Меня очень удивилъ одинъ пейзажъ „Видъ Антильскихъ острововъ". Два всадника ѣдутъ по дорогѣ, залитой солнцемъ. Вотъ гдѣ можно судить о жалкой техникѣ Мейсонье, когда онъ удаляется отъ своихъ маленькихъ человѣчковъ. Горизонтъ у него точно высѣченъ изъ крѣпкаго камня. Полдень имѣетъ этотъ блескъ, но онъ полонъ воздуха, онъ горитъ, отражаясь въ глубокой синевѣ небесъ. Воздуха совсѣмъ нѣтъ въ картинахъ Мейсонье. Онъ напоминаетъ первобытныхъ живописцевъ. Онъ сухъ и рѣзокъ. Наконецъ, тріумфомъ выставки, картиной, передъ которой тѣснится публика, является воспроизведеніе, величиной въ ладонь: „Les Joueurs de boules". Сцена опять происходитъ на большой дорогѣ, близъ Антиба, бѣлѣющагося вдали. Солнечные лучи падаютъ вертикально и

ни одна почти стѣна не даетъ тѣни. На первомъ планѣ сгруппированы игроки; одни обращены къ публикѣ спиной, двое видны въ профиль, а третій отошелъ въ сторону и раскуриваетъ трубку. Живописецъ, питающій слабость къ костюмамъ прошлаго столѣтія, нарядилъ по своему вкусу крестьянъ, которыхъ видѣлъ играющими въ мячъ въ Провансѣ. Но чудомъ въ картинѣ, подробностью, вызывающей крики восторга у зрителей, являются двѣ фигурки въ глубинѣ картины: игрокъ, собирающійся пустить мячъ, и одинъ изъ его товарищей, стоящій рядомъ съ нимъ. Игрокъ въ особенности восхищаетъ. Разставивъ ноги, выгнувъ руки, онъ приготовился бросить шаръ; вся его фигурка величиной не болѣе какъ въ сантиметръ. И, о чудо! отчетливо видны простымъ глазомъ разныя подробности, характеризующія его какъ насѣкомое человѣческаго рода. Что же было бы, если бы поглядѣть на него въ лупу! У него руки и ноги тонкія, какъ лапы саранчи. Что касается шляпы двухуголки, то я отказываюсь описать энтузіазмъ, возбуждаемый ею. Вотъ на чемъ остановилось воспитаніе публики въ дѣлѣ искусства: толпы народа съ утра до ночи толкаются у картины, чтобы видѣть этотъ зародышъ живописи и ахать надъ шляпой величиной съ мушиный слѣдъ.

Это, конечно, не ослабляетъ таланта Мейсонье. Я хотѣлъ только объяснить причины его успѣха, совсѣмъ несоразмѣрнаго. И этотъ разборъ привелъ меня къ двумъ результатамъ: къ тому, что я опредѣлилъ мѣсто, какого онъ заслуживаетъ въ нашей школѣ, и роль, какую онъ въ ней играетъ, затѣмъ доказалъ извращеніе общественнаго вкуса, и какъ могутъ быть преувеличиваемы иныя репутаціи, тогда какъ успѣхъ столь трудно достается истинно оригинальнымъ художникамъ.

Въ чемъ нельзя отказать Мейсонье, это въ томъ, что онъ породилъ безчисленное множество учениковъ и подражателей. Такая плодовитость неудивительна, когда припомнишь, какую нѣжность питаетъ публика къ хорошенькимъ картинкамъ, занимающимъ мало мѣста. Наши буржуазные салоны такъ тѣсны, что на стѣнахъ можно вѣшать очень маленькія картины. Отъ этого рынокъ заваленъ такими картинами. Каждый изъ живописцевъ избралъ себѣ спеціальность; въ продолженіи многихъ лѣтъ, напримѣръ, Тульмушъ рисовалъ все одну и ту же очень нарядную даму, которая стоитъ посреди будуара, а Сентинъ не отступилъ отъ субретокъ, отъ сценъ à la Pompadour съ участіемъ одного или двухъ лицъ. Но всего больше успѣха имѣли въ послѣдніе годы маленькія военныя картинки. Въ числѣ наиболѣе счастливыхъ подражателей Мейсонье надо назвать Нёвилля и Бернъ-Бельвура.

У Нёвилля ничего не выставлено на Марсовомъ полѣ. И подъ

этимъ отсутствіемъ скрывается цѣлая исторія, надѣлавшая нѣкотораго шума въ Парижѣ. Администрація, руководимая духомъ примиренія и вѣжливости, быть можетъ, преувеличеннымъ, рѣшила, что всѣ военныя сцены, относящіяся къ послѣдней франко-прусской войнѣ, не будутъ допущены на выставку. Само собой разумѣется, что Нёвилль, у котораго ничего нѣтъ, кромѣ военныхъ сценъ, долженъ былъ воздержаться отъ присылки картинъ на выставку. Бернъ-Бельвиль былъ счастливѣе; у него нашлось три картины, между прочимъ его знаменитая картина: „Un coup de canon", положившая начало его репутаціи на картинной выставкѣ 1872 г., и лучше которой онъ съ тѣхъ поръ ничего не нарисовалъ. На картинѣ представлена часть парижскихъ укрѣпленій, пушка заряжена и одинъ изъ артиллеристовъ только-что поджегъ фитиль, а другіе солдаты, приподнявшись на цыпочкахъ разсчитываютъ, куда должно попасть ядро. Главнымъ достоинствомъ этой сцены является правда положеній, тонкая наблюдательность, проявляющаяся во всѣхъ деталяхъ, простота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательность композиціи.

Я кончу назвавъ Вибера и Лелуара, маленькія картинки которыхъ, не пользуясь такимъ успѣхомъ, какъ картины Мейсонье, особенно нравятся толпѣ. Виберъ въ особенности пользуется славой остроумнаго живописца, съ легкой и изящной кистью. Съ удовольствіемъ смотришь на многія изъ его произведеній, прославленныхъ фотографіей. Толпа непрерывно толпится передъ „La Cigale et la Fourmi", въ образѣ тощаго фокусника и жирнаго монаха, повстрѣчавшихся на дорогѣ, и передъ „Départ des mariés", веселой и оживленной картинкой, на которой молодые отъѣзжаютъ на одномъ мулѣ, сопровождаемые поздравленіями и привѣтствіями поѣзжанъ. „Un baptême", Лелуара, нарисованъ въ томъ же духѣ и такъ же нравится.

Я знаю, что вся эта жанровая живопись не имѣетъ никакого значенія. Это анекдотическая сторона искусства, веселая забава для нашей буржуазіи. Но надо прибавить, что это чисто французская живопись. Она родилась у насъ такъ же, какъ и водевиль. Она родная сестра куплета и каламбура.

VI.

Увы! наша школа пейзажа тоже обѣднѣла въ настоящую минуту. Какъ я уже говорилъ, мастеровъ не стало, остались одни только ученики. Правда, что эти ученики люди стойкіе и пейзажъ все-таки составляетъ нашу славу въ дѣлѣ искусства.

Я часто повторялъ, что великій переворотъ въ живописи начался

съ пейзажа. Такъ и должно было быть. Логика требовала, чтобы правдивое изображеніе природы началось съ деревьевъ, води, земли. Позднѣе дойдетъ чередъ и до человѣка. Поль Гюэ, нынѣ умершій, но котораго три картины выставлены на Марсовомъ полѣ, былъ однимъ изъ первыхъ поворотовъ. Посмотрите на „Le Léta", „à marée haute", „dans la forêt de Quimperlé". Любовь и уваженіе къ природѣ уже свѣтятся въ ней сквозь какое-то романтическое преувеличеніе. Надо знать, что Поль Гюэ былъ ученикомъ Гро и Герена. Но явились Коро и Добиньи, о которыхъ я говорилъ выше, и отреклись отъ академическихъ пріемовъ. Въ настоящее время эти два мастера одержали такую полную побѣду, что никто больше и не помышляетъ объ историческомъ пейзажѣ. Если еще гоняются за идеализаціей въ портретѣ, въ историческихъ и жанровыхъ картинахъ, то всѣ допускаютъ, что пейзажъ долженъ быть вѣренъ природѣ. Это громадный успѣхъ, первый фазисъ, въ какой вступаетъ наша школа, чтобы придти къ точному анализу одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ.

Со всѣмъ тѣмъ остаются еще два живописца, притворяющіеся, что вѣрятъ въ историческій пейзажъ. Не слѣдуетъ жалѣть объ ихъ упорствѣ; надо сказать себѣ, что Поль Фландренъ и де-Кюрзонъ оказываютъ намъ большую услугу, показывая намъ, къ какимъ дикимъ уклоненіямъ пришли классическіе пейзажисты, когда реалисты предприняли свое революціонное движеніе. Словомъ, картины этихъ господъ служатъ отличнымъ мѣриломъ для сравненія. Всего изумительнѣе, что оба претендуютъ на то, что они рисуютъ прямо съ природы. Такъ де-Кюрзонъ выставилъ: „Vue de la rade de Toulon" и „Une vue, prise à Ostie pendant la crue de Tibre"; тогда какъ съ своей стороны Поль Фландренъ показываетъ намъ „Un vallon dans les montagnes du Bugey" и „Un groupe de chênes verts (Provence)". Подумаешь, что они вскинули свой дорожный ранецъ на плечи, какъ простые пейзажисты-реалисты. Правда, что Поль Фландренъ менѣе компрометтируетъ себя, чѣмъ де-Кюрзонъ. Онъ рисуетъ „Un vallon", онъ рисуетъ „Un groupe de chênes verts". Это неопредѣленно и отзывается Пуссеномъ. Надо прибавить, что эти господа не списываютъ природу, не мудрствуя лукаво; нѣтъ, они отдѣлываютъ каждый листочекъ на деревѣ, располагаютъ линіи горъ, согласно извѣстнымъ правиламъ, словомъ—сочиняютъ свои пейзажи, какъ Кабанель сочиняетъ свои картины. И я почти готовъ проникнуться къ нимъ чувствомъ уваженія, какъ къ фанатическимъ служителямъ умершаго искусства; а публика проходитъ мимо нихъ, не удостоивая ихъ ни однимъ взглядомъ. Успѣха они не имѣютъ никакого. Напримѣръ, Поль Фландренъ—ученикъ Энгра, шутка сказать—получилъ

орденъ въ 1852 г. и съ тѣхъ поръ не получалъ ни одной награды. Итакъ, отъ историческаго пейзажа отвернулась не только публика, но и сама администрація.

Я буду краток, говоря о молодыхъ пейзажистахъ, занимающихъ мѣсто своихъ учителей, къ сожалѣнію, не наполняя его. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть о Пелузѣ и Грильеме. Первый рисуетъ чудесно лѣса. Его „Vallée de Cernay" великолѣпна, а „La coupe de bois à Leulisse" живо передаетъ глухую, но мощную жизнь лѣса. У Грильеме есть отличные по техникѣ морскіе виды. „Villerville" и „La Plage de Pays près de Dieppe". Но мнѣ еще больше нравятся его парижскіе виды. Я могъ бы послѣ этихъ двухъ художниковъ назвать нѣсколькихъ другихъ, почти равнаго таланта. Но достаточно и этихъ двухъ именъ, чтобы показать, на чемъ остановился нашъ пейзажъ. На нашихъ ежегодныхъ картинныхъ выставкахъ пейзажисты идутъ во главѣ. Между тѣмъ, ходячее мнѣніе все еще относится къ нимъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ Такъ, жюри награждаютъ ихъ гораздо неохотнѣе. Никогда почетная медаль не будетъ присуждена пейзажисту. Это пренебреженіе основано на идеѣ, что человѣкъ, конечно, занимаетъ болѣе крупное мѣсто въ природѣ, нежели деревья, долины и рѣки. Всѣ великіе живописцы занимались человѣкомъ. Но въ переходную эпоху, переживаемую нами, когда, съ одной стороны, мы видимъ пейзажистовъ-реалистовъ, шествующихъ во главѣ движенія нашего вѣка, а съ другой—историческихъ живописцевъ, застывшихъ на академическихъ подражаніяхъ, на лживости условнаго идеала, то, по моему мнѣнію, нельзя, казалось бы, колебаться: слѣдовало бы осыпать первыхъ почестями и деньгами, потому что они подготовляютъ будущее и насколько возможно обезкураживаютъ послѣднихъ, потому что въ нихъ преграда, о которую разбивается новое искусство.

Я бы остановился на этомъ, если бы мнѣ не нужно было исправить одинъ пропускъ. То-есть это не то, чтобы пропускъ, потому что, писавъ эту статью, я часто думалъ о Гюставѣ Моро, талантъ котораго сбиваетъ съ толку, такъ что не знаешь, куда его отнести. Онъ не подходитъ ни къ одному изъ разрядовъ, перечисленныхъ здѣсь; его нельзя ни съ кѣмъ сравнить; нельзя причислить ни къ какой школѣ; у него не было учителя и не будетъ учениковъ. Я обязанъ поэтому поставить его особнякомъ и послѣ всѣхъ.

И, во-первыхъ, объявляю, что художественные взгляды Гюстава Морò діаметрально противоположны моимъ взглядамъ. Они мнѣ досаждаютъ и раздражаютъ меня. Это символическій и архаическій талантъ, который, не довольствуясь презрѣніемъ къ дѣйствительной жизни, задаетъ самыя диковинныя загадки. Я уже говорилъ вамъ

въ 1876 г. объ его странной „Salomé", являющейся къ царю Ироду съ мистическимъ цвѣткомъ въ рукахъ и объ его „Hercule et l'Hydre de Lerne". Но мы находимъ на Марсовомъ полѣ еще болѣе диковинныя картины: „Jacob et l'Ange", на которой голова этого послѣдняго окружена солнцемъ, лучи котораго занимаютъ всю картину; „Moïse exposé sur le Nil", плетеная корзинка, гдѣ спитъ ребенокъ съ золотыми рогами, и которая плыветъ среди удивительныхъ цвѣтовъ, а фонъ занимаетъ египетская архитектура; „David"—еврейская греза, великій король грезитъ на престолѣ, окруженный восточной роскошью, а у ногъ его дожидается женщина. Я приберегъ къ концу „Le Sphinx deviné"; тутъ символика доведена до своихъ крайнихъ предѣловъ и греческая басня толкуется настоящимъ ясновидящимъ. У бездны стоитъ Эдипъ побѣдитель, а Сфинксъ бросился въ бездну. Надо видѣть этого Сфинкса, съ его львинымъ туловищемъ и орлиными крыльями, которыя живописецъ, не знаю почему, нарисовалъ голубыми. Хотите ли знать, какое впечатлѣніе унесъ я отъ этой картины? Сначала меня раздосадовало, какъ можетъ художникъ намѣренно замыкаться въ такое толкованіе природы. Я объясняю это себѣ только сильной потребностью реагировать противъ современнаго реализма. Ужъ человѣческій полонъ противорѣчій. „Ахъ! вы списываете съ природы, вы гоняетесь за точнымъ анализомъ!—такъ вотъ же вамъ! смотрите, чѣмъ я занимаюсь и дивитесь. Я одинъ въ своемъ родѣ и горжусь своимъ одиночествомъ". Мнѣ казалось, что такъ разсуждаетъ Гюставъ Моро. Но со всѣмъ тѣмъ тѣмъ я ушелъ отъ картины раздосадованный. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени вернулся. Меня привлекала странность замысла и въ особенности меня заинтересовалъ Сфинксъ. У него типичная голова, круглая и злая женская голова, а ротъ нѣсколько скривленъ на бокъ, чтобы испустить громкій вопль. И я долго глядѣлъ и чувствовалъ, что почти увлеченъ картиной.

Вотъ моя исповѣдь. Она служитъ къ чести Гюстава Моро. Конечно, интересъ, который мнѣ внушаетъ его произведеніе, сходенъ съ тѣмъ интересомъ, который заставляетъ меня долго вертѣть въ рукахъ старинную игрушку, искусно сработанную. Наконецъ, это произведеніе по сравненію придаетъ еще больше солидности и ширины нашимъ реальнымъ произведеніямъ. Реакція совершается въ обратную сторону. Наглядѣвшись на картины Гюстава Моро, даже до того, что онѣ заинтересовали васъ и почти понравились вамъ, вы уходите съ неодолимымъ желаніемъ нарисовать первую попавшуюся замарашку, которая вамъ попадется на улицѣ.

VII.

Въ заключеніе этой статьи считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько статистическихъ данныхъ, которыя нашелъ во главѣ оффиціальнаго каталога.

„Оффиціальныя выставки происходили въ Парижѣ ежегодно (кромѣ 1871 г). и постоянно оказывалось на нихъ, что художники прибываютъ, а публика все охотнѣе и охотнѣе посѣщаетъ выставки. Число картинъ, представленныхъ во дворецъ Елисейскихъ полей (каждый художникъ могъ доставить только двѣ картины) доходило среднимъ числомъ ежегодно до четырехъ тысячъ; число допущенныхъ на выставку картинъ никогда не спускалось ниже двухъ тысячъ и даже достигало цифры двухъ тысячъ девятисотъ. Число посѣтителей тоже быстро увеличивалось, и это позволяетъ заключить о правильномъ развитіи во всѣхъ слояхъ общества любви къ художественнымъ произведеніямъ. Несмотря на даровой пропускъ публики по воскресеньямъ и по четвергамъ, число платящей публики въ продолженіи шести недѣль, доходившее въ 1867 г. только до 58,102, достигло 119,086 въ 1868, 165,344 въ 1869 и наконецъ 185,000 въ 1876“.

Вотъ цифры, передъ которыми слѣдуетъ преклониться. Въ десять лѣтъ, какъ мы видимъ, число посѣтителей почти утроилось. Безъ сомнѣнія, нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ бы публика охотнѣе посѣщала картинныя выставки. Но, къ несчастію, необходимо прибавить, что выставка вошла въ парижскіе нравы. Тутъ уже играетъ роль мода. Толпа ходитъ смотрѣть на картины въ видѣ развлеченія, искусство тутъ не при чемъ. Но и это имѣетъ свою хорошую сторону. Глядя на картины, масса, быть можетъ, воспитаетъ свой художественный вкусъ. Итакъ, что касается количества, то мы имѣемъ живописцевъ и публику многочисленныхъ. Но посмотримъ—каково качество? Каталогъ присовокупляетъ: „прогрессъ, совершившійся въ произведеніи картинъ, былъ не однимъ только численнымъ прогрессомъ. Въ послѣдніе годы мы можемъ прослѣдить замѣтный возвратъ къ серьезнымъ трудамъ, къ исторической и монументальной живописи, упадокъ которой былъ засвидѣтельствованъ международнымъ жюри въ 1867 г. во Франціи, равно какъ и въ другихъ странахъ Европы“. Тутъ каталогъ напрасно удаляется отъ статистическихъ данныхъ. Цифры тѣмъ хороши, что неоспоримы. Но нельзя сказать того же самаго объ оффиціальныхъ сужденіяхъ. Утверждать, будто бы наша французская школа пошла впередъ съ 1867 г.—нелѣпая вещь, когда мы припомнимъ, сколько она утратила съ той эпохи крупныхъ талантовъ.

Что несомнѣнно — и это будетъ моимъ заключеніемъ — это что наша школа переживаетъ важный моментъ. Мастеровъ не стало, ученики истощаются подъ устарѣвшими формулами. Для каждаго вѣка наступаетъ такимъ образомъ часъ, когда великіе художники какъ будто бы все видѣли и все передали. Энгръ, Делакруа, Курбè оставили по себѣ поле, кажущееся истощеннымъ потому, что они съ своими учениками распахали его во всѣхъ направленіяхъ. Итакъ, слѣдуетъ ждать переворота. Будьте увѣрены, что наша школа будетъ влачить жалкое существованіе и пробавляться подражаніемъ до тѣхъ поръ, пока не явится оригинальный талантъ, который принесетъ съ собой новую формулу искусства.

На этомъ самомъ мѣстѣ я говорилъ объ импрессіонистахъ, объ этихъ молодыхъ живописцахъ, надѣлавшихъ нѣкотораго шума въ Парижѣ въ послѣдніе годы. Можно надѣяться, что будущее принадлежитъ имъ. Я только что прочиталъ брошюру Теодора Дюрè, гдѣ эти новаторы разобраны очень тонко. Приведу изъ нея страницу или двѣ.

„Импрессіонисты,—говоритъ Дюрè,—явились не сами собой. Они результатъ постепеннаго переворота въ современной французской школѣ... Имъ мы обязаны свѣтлыми тонами живописи, окончательно отдѣлавшейся отъ охры, сажи, смолы и пр. Имъ мы обязаны изученіемъ вольнаго воздуха, передачей не только цвѣтовъ, но и ихъ различныхъ оттѣнковъ, наконецъ наблюденіемъ отношенія между состояніемъ атмосферы, наполняющей картину и общимъ тономъ нарисованныхъ на ней предметовъ... Когда вы гуляете на берегахъ Сены, въ Анверѣ, напримѣръ, вы можете обнять однимъ взглядомъ и красную крышу и бѣлыя стѣны какой-нибудь дачи, нѣжную зелень тополя, желтизну дороги и синеву рѣки. Ну, вотъ,—страннымъ покажется, а между тѣмъ это такъ, что нужно было появиться у насъ японскимъ альбомамъ, для того, чтобы нашъ живописецъ осмѣлился сопоставить въ одной картинѣ крышу, откровенно красную, бѣлую стѣну, зеленый тополь, желтую дорогу и синюю рѣку. До появленія японскихъ альбомовъ нашъ живописецъ всегда лгалъ. Природа съ ея яркими тонами рѣзала ему глаза и онъ передавалъ только смягченныя краски, сливавшіяся въ одномъ общемъ полутонѣ".

Дюрé, объяснивъ намъ, что импрессіонисты происходятъ прямо отъ пейзажистовъ - реалистовъ и употребляютъ смѣлые и новые пріемы японскихъ художниковъ, остроумно замѣчаетъ:—

„Небо пасмурно,—импрессіонистъ рисуетъ воду свинцовой и тяжелой. Солнце блеститъ,—онъ рисуетъ воду лазурной и сверкающей. Солнце заходитъ,—онъ кладетъ на картинѣ желтыя и красныя пятна. Тутъ публика начинаетъ смѣяться.—Наступила зима,—импрессіонистъ

рисуетъ снѣгъ. Онъ видѣлъ, что на солнцѣ тѣни, ложащіяся на снѣгъ, имѣютъ синеватый отливъ, и онъ рисуетъ тѣни синеватыми. Тутъ публика хохочетъ.—Нѣкоторыя глинистыя почвы полей отливаютъ лиловатымъ,—импрессіонистъ рисуетъ лиловые пейзажи. Тогда публика негодуетъ.—На лѣтнемъ солнцѣ подъ зеленой листвой, кожа и одежда принимаетъ фіолетовый оттѣнокъ,—импрессіонистъ рисуетъ фіолетовыхъ людей. Тутъ ужъ публика негодуетъ, критики показываютъ живописцу кулакъ и зовутъ его мерзавцемъ".

Дюрé правъ. Публика всегда одинаково судила объ оригинальныхъ произведеніяхъ: эти произведенія отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ она привыкла, значитъ они дурны. Но я прибавлю, что если переворотъ, вызванный импрессіонистами, и превосходенъ, то все же приходится ждать геніальнаго живописца, который осуществитъ новую формулу. Будущее нашей французской школы, разумѣется, тамъ, пусть придетъ геній, и тогда начнется новый вѣкъ въ искусствѣ!

Эмиль Зола.

ЗАМѢТКА.

Русская грамматика въ Англіи.

— How to learn Russian. A Manual for students of Russian. By Henry Riola, teacher of the russian language. With a preface by W. R. S. Ralston, M. A. London. 1878.
— Key to the exercises of the Manual for students of Russian. By Henry Riola. London. 1878.

Эти двѣ книги (567 и 125 стр.) заключаютъ въ себѣ учебникъ, а также и самоучитель русскаго языка для англичанъ, по системѣ Оллендорфа. На содержаніи ихъ мы останавливаться не имѣемъ надобности: довольно сказать, что составитель очень здраво изложилъ правила русской грамматики, и аккуратно распредѣлилъ упражненія по извѣстной Оллендорфовой системѣ; нѣкоторыя нововведенія сдѣланы имъ очень практично,—между прочимъ по всей книгѣ русскія слова поставлены съ удареніями, разнообразіе которыхъ обыкновенно затрудняетъ иностранцевъ; относительно выговора русскихъ буквъ и словъ авторъ даетъ вѣрные совѣты. „Ключъ" долженъ служить для тѣхъ, кто будетъ заниматься русскимъ языкомъ безъ помощи учи-

теля. Но любопытно то, что говорятъ два предисловія о распространяющемся у англичанъ желаніи изучать русскій языкъ. Г. Рольстонъ замѣчаетъ, что до-сихъ-поръ англичане, желавшіе изучать русскій языкъ и не имѣвшіе учителей, бывали очень затруднены именно недостаткомъ хорошей грамматики: они пользовались обыкновенно старой англійско-русской грамматикой Рейфа, которая дѣйствительно крайне устарѣла, да и вообще русскій языкъ, въ рукахъ Рейфа, былъ какой-то особенный, временъ Греча и Россійской Академіи. Рольстонъ не считаетъ системы Оллендорфа наилучшей, но все-таки находитъ ее полезной, и рекомендуетъ грамматику г. Ріола, которая должна удовлетворить „возрастающему интересу къ русскому языку, который до-сихъ-поръ оставался въ трудно-объяснимомъ небреженіи, но которому политическія событія дали теперь новую важность". Указавши достоинство новой книги, г. Рольстонъ продолжаетъ: „авторъ успѣлъ сдѣлать сравнительно легкимъ трудъ изученія, который обыкновенно считался тяжелымъ. Я буду радъ, если книга достигнетъ своей цѣли и поможетъ читателямъ, принимающимъ разумный интересъ въ языкѣ, которымъ говоритъ народъ въ сорокъ милліоновъ, языкѣ богатомъ, благозвучномъ и ясномъ, и который служитъ ключомъ къ сильной молодой литературѣ — этой литературѣ, я увѣренъ, предназначено заставить далеко услышать ея голосъ Чѣмъ больше будетъ въ Англіи людей, знающихъ русскій языкъ, тѣмъ больше англичане будутъ свободны отъ удивительнаго невѣжества обо всемъ русскомъ, которое теперь такъ далеко даетъ себя чувствовать".

Мнѣнія г. Рольстона могутъ быть тѣмъ болѣе любопытны, что онъ принадлежитъ къ числу пока еще очень немногихъ иностранцевъ, хорошо знакомыхъ съ русской литературой. Итакъ, нашу литературу начинаютъ цѣнить, отъ нея очень многаго ждутъ; надо полагать, что въ ней дѣйствительно есть силы, если видятъ ихъ со стороны, хотя у себя дома онѣ еще и не вполнѣ пользуются правами гражданства и не наслаждаются особымъ благополучіемъ.

Д.

ПАРИЖЪ И ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

I.

Я ѣздилъ въ Парижъ, чтобы побывать на литературномъ конгрессѣ и взглянуть на выставку. Черезъ четыре дня по возвращеніи я сдаю замѣтки въ наборъ. Говорю это для того, чтобы читатель не предъявлялъ къ нимъ никакихъ строгихъ требованій. Характеристику конгресса я отложу до другого раза, а выставку я вовсе не осматривалъ; я только „смотрѣлъ" на нее, ходилъ по ней какъ всѣ тѣ счастливцы, которые не обязаны заручаться всевозможными точными справками, каталогами, статистическими данными и составлять по нимъ описанія. Спеціальныя описанія, составленныя знатоками, явятся послѣ; описанія хотя не спеціальныя, но болѣе или менѣе точныя и подробныя, появляются уже въ газетахъ. Я же совсѣмъ не буду объяснять вамъ, что если вы возьмете направо отъ такой-то галереи или двери, или такого-то предмета, то увидите передъ собой такую-то галерею, дверь или такой-то предметъ. Я предполагаю, что вы не возьмете направо и налѣво на выставкѣ, сидите на родинѣ, и остаетесь совершенно равнодушны къ тому, въ какихъ направленіяхъ ходятъ обозрѣватели этой Exposition. Но вы, можетъ быть, захотите пробѣжать нѣсколько простыхъ замѣтокъ о томъ впечатлѣніи, какое производитъ выставка, случайныхъ замѣтокъ о томъ, другомъ и третьемъ изъ имѣющагося на ней, а также о физіономіи Парижа въ это время. Я и не обѣщаю вамъ ничего иного.

II.

На пути въ Парижъ.

Для большинства русскихъ путешественниковъ Берлинъ есть большая станція на пути въ Парижъ, станція, на которой можно остановиться не на двадцать минутъ и не на два часа, но на день, на три дня, для отдыха, а кстати посмотрѣть и Берлинъ. Посмотримъ.

Кто не бывалъ въ Берлинѣ послѣ войны, найдетъ, что городъ много измѣнился. Побѣды, упоеніе, Berlin wird Weltstadt, потомъ—крахъ, потомъ нѣкоторое долготерпѣніе, наконецъ, нѣкоторое уныніе —вотъ въ двухъ словахъ новѣйшая исторія германской столицы.

Дома удивительно какъ подросли; огромное большинство ихъ поднялись этажа на два и очень многіе принарядились снаружи въ псевдопарижскую моду, ту самую, по которой передѣлываются теперь старые дома въ Петербургѣ. Мода эта, собственно говоря, изобрѣтена въ Вѣнѣ. Вѣна, для своего Ring, кольца новыхъ улицъ вокругъ стараго центра, первая изобрѣла примѣненіе стиля каменныхъ pavillons de Flore и de Marsan къ потребностямъ кирпича и штукатурки. Можно было перенять крышу мансардой, широкіе плоскіе или круглые углы домовъ, однообразіе краски, нельзя было передать кирпичомъ и штукатуркой прямизну линій, чистоту контуровъ. Вотъ почему потребовалось больше украшеній: изъ кирпича сложили выдающіеся фонарики и колонки, изъ штукатурки создали для разнообразія фасада— „дикій камень"; появилась даже позолота. Этотъ вѣнскій стиль послужилъ образцомъ для новаго Берлина и теперь на Unter den Linden только-что оконченъ домъ совершенно вѣнскій—не только съ мансардами, но даже съ позолотой.

Итакъ, дома стали выше. Акціонерныя строительныя общества построили цѣлые ряды домовъ, цѣлыя новыя улицы, но крахъ не далъ имъ достроить всего предпринятаго и въ разныхъ мѣстахъ зіяютъ, обнесенныя унылыми заборами, язвы строительнаго краха—мѣста, на которыхъ исполнена только ломка, но не создано новыхъ красотъ для Weltstadt'a. Вдоль Тиргартена идетъ рядъ красивыхъ небольшихъ домовъ, напоминающихъ отчасти отели денежной аристократіи въ Champs Elysées, отчасти богатые дома лондонской Belgravia, въ маломъ видѣ: на балкончикахъ снаружи оконъ цвѣты. Это теперь самая красивая улица Берлина.

Движеніе больше, чѣмъ въ былые годы, но „собственныхъ" экипажей по-прежнему очень мало, безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, и генералъ, въ лентѣ и звѣздахъ, все еще идетъ во дворецъ пѣшкомъ. Бѣдность въ Берлинѣ примѣтнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, несмотря на разность въ числахъ населенія. Въ Берлинѣ вы часто встрѣтите босыхъ дѣтей; въ Парижѣ — никогда. Но то, что у насъ часто разсказываютъ о совершенномъ исчезновеніи изъ Берлина золота—неправда. Двадцати и десяти-марковыя монеты вовсе не рѣдки и ходятъ наравнѣ съ бумажками. Не поздравляю, однако, бывшаго прусскаго министра финансовъ Кампгаузена съ придуманной имъ системой размѣнной монеты изъ никкеля и серебра. На каждой вы должны прочесть цифру, иначе вы впадете въ ошибки, такъ какъ 10 пфеннигомъ больше чѣмъ 20 пфеннигомъ, и равны по величинѣ 50-ти пфеннигамъ. Ужъ если хотѣлось придумать что-нибудь непремѣнно національное, а не ввесть просто французскую систему, то можно было выдумать нѣчто болѣе удобное. Пред-

ставьте себѣ, что для составленія изъ мелочи цѣнности талера вы можете взять тридцать монетъ величиною съ нашъ пятиалтынный (10 pfennige), или же взять шесть монетъ такой же величины (50 pf.).

Я сказалъ выше—уныніе. Да, уныніе сперва оттого, что политическія дѣла рѣшительно не подвигались впередъ. Правда, все относительно—и въ умѣ всегда слѣдуетъ носить нѣкоторую мѣрку для сравненій. Печать свободна, право собранія существуетъ, хотя и безъ достаточныхъ обезпеченій. Всякая партія можетъ говорить, даже протестовать. Бываетъ множество процессовъ по дѣламъ печати, но только процессовъ.

Но вѣдь мѣрка для сравненій должна быть двоякая: кромѣ мѣрки для того, что̀ уже совершено, нужна еще мѣрка для потребностей. Что̀ въ одномъ мѣстѣ представляется еще желательнымъ, въ другомъ давно уже недостаточно. Вотъ это-та недостаточность и порождала уныніе, существовавшее доселѣ.

Теперь же наступило еще уныніе особаго рода. Два покушенія на жизнь почтеннаго старца, объединителя Германіи, привели берлинцевъ въ тяжкое смущеніе. Я пріѣхалъ въ Берлинъ чрезъ нѣсколько дней послѣ второго покушенія, и по виду города было тотчасъ замѣтно, что въ немъ случилось что-то нехорошее. Мимо дворца не пускаютъ экипажей; конные стражи машутъ рукой и экипажи сворачиваютъ на окольный путь. Передъ дворцомъ множество полицейскихъ, чего никогда не бывало въ Берлинѣ, и посматриваютъ съ недовѣріемъ на всякаго останавливающагося. У статуи Фридриха Великаго просто не позволяютъ стоять—проходите. Правда, не было еще принято никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ; отъ пріѣзжаго не спрашивалось еще паспорта. Но какъ-то все-таки для Берлина необычно и чувствуется нѣчто неладное. У всѣхъ одинъ разговоръ—das Attentat. „Подъ Липами", противъ окна, изъ котораго стрѣлялъ Нобилингъ, стоитъ кучка и осматриваетъ дерево противъ лавки Шеффера; на этомъ деревѣ видны еще свѣжіе слѣды мѣтокъ отъ нѣсколькихъ дробинокъ. Образованные классы очень раздражены. Я слышалъ такіе разговоры, что хоть бы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" печатать и просто не узнавалъ берлинскихъ либераловъ. Въ газетахъ консервативныхъ преступленія Гёделя и Нобилинга комментируются въ ущербъ самому парламентаризму. Національно-либеральные органы путаются въ той непроходимой сѣти, какая охватываетъ всякаго, кто хочетъ говорить противъ исключительныхъ мѣръ по принципу, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ „особо строгаго примѣненія" законовъ исключительно къ одной партіи, допускаетъ борьбу посредствомъ мѣръ съ мнѣніями, какія бы они тамъ ни были.

Я сказалъ, что при мнѣ еще никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ принято не было, но долженъ прибавить, что весьма строго примѣнялся законъ объ оскорбленіи величества. Ежедневно нѣсколько десятковъ человѣкъ подвергались аресту за какіе-нибудь неблаговидныя замѣчанія по поводу печальныхъ событій послѣдняго времени и потомъ приговаривались къ годамъ тюрьмы.

Въ заключеніе о Берлинѣ: онъ сталъ красивѣе; но все еще не стеръ съ себя нѣкоторыхъ, такъ сказать „мескинныхъ" чертъ. Напримѣръ, большинство дѣтей идутъ въ народныя школы безъ шапокъ, —экономія. Собаки по прежнему возятъ всѣ телѣжки; несчастныя съ опущенными хвостами, высунутыми языками, насколько позволяетъ намордникъ, такъ какъ всѣ собаки въ намордникахъ. Все вообще стало подороже прежняго или похуже за ту же цѣну.

Кстати, по поводу новаго берлинскаго строительства, замѣчу, что самъ Кёльнъ, древній, почтенный Кёльнъ, и тотъ сталъ примазываться, бѣлиться известкою, подравнивать ряды своихъ домовъ, снесъ такія строенія, которыя служили диковинками; напримѣръ: домъ въ три этажа, по одному окну въ каждомъ, причемъ верхній этажъ составлялъ навѣсъ. Домовъ, похожихъ на тѣ, которые рисуются на театральныхъ декораціяхъ, когда представлено сходбище, поющее въ ожиданіи чьего либо прибытія — уже почти незамѣтно теперь въ Кёльнѣ. Съ точки зрѣнія декоративной это жаль: прямолинейностью Кёльнъ все-таки не сравнится съ Берлиномъ, но живописность онъ утрачиваетъ.

III.

Улицы Парижа.

Парижъ. Онъ самъ по себѣ такъ великъ, жизнь его такъ разнообразна и пульсъ его такъ силенъ, что въ немъ всемірная выставка составляетъ только одну лишнюю диковину, добавочную примѣчательность. Когда выставка была въ Вѣнѣ, то милый Kaiserstadt, говорятъ, стушевывался передъ нею, служилъ ей дополненіемъ, былъ нѣчто въ родѣ австрійскаго отдѣла выставки. Здѣсь не то. Существованіе выставки въ Парижѣ сказывается собственно въ четырехъ вещахъ: въ трудности найти помѣщеніе въ отелѣ, достать мѣсто въ театрѣ, отыскать свободнаго фіакра, и въ нѣсколько усиленномъ движеніи на улицахъ. Придется перебывать въ десяткѣ отелей, прежде чѣмъ найдешь нумеръ, даже по 15 франковъ въ день. Естественно, что наплывъ пріѣзжихъ сказывается и на театрахъ: они биткомъ набиты, несмотря на іюньскую температуру,—и на извозщи-

кахъ, такъ какъ пріѣзжіе, не зная направленія омнибусовъ, по неволѣ гоняются за фіакрами.

Но интересно бы опредѣлить, насколько улицы Парижа сдѣлались многолюднѣе вслѣдствіе выставки. По всей вѣроятности не на много.

Когда вы видите громадное движеніе на бульварахъ, толпы въ садахъ и театрахъ, то первой вашей мыслью будетъ: какая масса иностранцевъ съѣхалась въ Парижъ! Но прислушайтесь поближе къ тому гулу, въ какой сливается неумолкаемое щебетанье этой толпы, — и убѣдитесь, что иностранцы составляютъ въ ней незамѣтный, ничтожный процентъ. Услышать нефранцузское слово, это—рѣдкость: развѣ въ отеляхъ, въ оперѣ или въ итальянскомъ театрѣ, куда иностранцы стремятся. Нѣтъ сомнѣнія, что выставка увеличила населеніе Парижа. Впрочемъ, достаточно взглянуть на часто встрѣчающіяся курьёзныя физіономіи и костюмы наивнаго свойства, чтобы примѣтить въ уличной и театральной массѣ значительную примѣсь не-парижскаго элемента. Но это — провинціалы. Еще прежде чѣмъ вы услышите ихъ рѣчь, вы ихъ узнаете: эти типы знакомы вамъ по театру. Говорятъ, будто въ Парижѣ—сто-тысячъ иностранцевъ. Очень можетъ быть; но, въ такомъ случаѣ, въ Парижѣ еще втрое болѣе провинціаловъ, такъ какъ присутствіе послѣднихъ гораздо примѣтнѣе, чѣмъ присутствіе первыхъ. Иностранцы совершенно тонутъ въ массѣ французовъ—парижанъ и провинціаловъ. И въ самомъ дѣлѣ, что́ значатъ сто-тысячъ въ сравненіи съ двумя-милліонами? Но, наблюдая толпу на улицѣ и въ такихъ театрахъ, какъ Variétés, Vaudeville, Gymnase—наконецъ, на самой выставкѣ,—вы должны будете сказать себѣ, что процентъ иностранцевъ еще меньше; далеко не одинъ человѣкъ изъ двадцати говоритъ на иностранномъ языкѣ, а скорѣй—одинъ изъ пятидесяти. Однимъ словомъ, впечатлѣніе такое, что французы устроили выставку для собственнаго увеселенія: осаждаютъ ѣдущіе къ ней вагоны, омнибусы и пароходы, сами наполняютъ ее и сами оплачиваютъ всѣ ея издержки.

Если же возможно было бы сдѣлать статистику иного рода: опредѣлить число ежедневно произносимыхъ въ Парижѣ словъ, то, при непостижимой способности французовъ каждое мимолетное впечатлѣніе тотчасъ передавать словомъ, оказалось бы, что и на тысячу словъ французскихъ едва ли пришлось бы одно иностранное. Если бы можно было утилизировать ту вибрацію воздуха, которая происходитъ въ этой громадной говорильнѣ, уловить эти волны въ резервуаръ и подвесть къ нему какой-нибудь механическій приборъ, то явилась бы такая сила, которою и безъ архимедова рычага можно было бы перевернуть свѣтъ.

Да оно въ сущности такъ и выходитъ. Половина всего кодекса европейскихъ понятій — а особенно обычаевъ, формъ общежитія — и всѣ формы литературнаго языка выработаны этой исполинской лабораторіею,—говоромъ Парижа.

Никакихъ слѣдовъ коммуны не видно, за исключеніемъ разрушенныхъ галерей Тюльери и обгорѣлаго зданія государственнаго совѣта на набережной д'Орсè. Республика заявлена на всѣхъ монументальныхъ зданіяхъ. Даже на церквахъ XIII, XIV столѣтій красуются три завѣтныхъ слова, высѣченныя на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Подворье аббатовъ Клюни, примкнутое къ остаткамъ римскихъ Термъ, носитъ эту надпись: „Liberté, égalité, fraternité". Церковь св. Германа Оксеррскаго, съ которой раздался набатъ Варѳоломеевской ночи, и всякая иная церковь отмѣчены тѣми же словами. Политическія перемѣны послѣднихъ восьми лѣтъ сказываются и въ множествѣ новыхъ названій улицъ.

Что касается перестройки Парижа, начатой при Наполеонѣ III, то ее теперь можно считать оконченной. Послѣдними крупными созданіями этой перестройки были: проведеніе Avenue de l'Opéra, идущей прямо отъ Новой Оперы къ Французскому Театру, прокладка улицы 4-го сентября отъ Avenue de l'Opéra къ биржѣ и окончаніе бульвара Сенъ-Жерменъ, на лѣвомъ берегу Сены. Avenue de l'Opéra еще только-что окончена, такъ что на ней многіе дома еще не заняты, а въ нижнемъ этажѣ до окончательной отдѣлки магазиновъ торгуютъ разными мелочами. Avenue de l'Opéra освѣщается теперь не только газомъ, но еще электрическимъ свѣтомъ, по системѣ нашего соотечественника г-на Яблочкова, въ высокихъ матовыхъ фонаряхъ. Ихъ стоитъ нѣсколько у Оперы и на площади передъ нею; потомъ они идутъ до самаго конца Avenue. Съ балкона Оперы это представляетъ великолѣпную иллюминацію. Вообще уголъ бульвара des Capucines и площади Оперы, когда въ ней идетъ представленіе и она сама освѣщена, имѣетъ характеръ довольно-таки необычайный. Нѣсколько электрическихъ фонарей находятся еще на Place de la Concorde и въ другихъ мѣстахъ.

Парижане вообще большіе охотники до огней. Такъ, площадь de la Concorde и теперь залита ими; но этого кажется еще мало, — и теперь городскія власти разсматриваютъ проектъ, по которому на названной площади и въ Елисейскихъ-поляхъ число газовыхъ рожковъ должно быть увеличено еще на 25 тысячъ. Кстати о слѣдахъ послѣднихъ историческихъ событій: статуя города Страсбурга, на площади Согласія, близъ террассы des Feuillants, принадлежащей къ Тюльерійскому саду, продолжаетъ украшаться траурнымъ вѣнкомъ.

Удачное совпаденіе: расположеніе выставки таково, что она про-

стирается отъ Марсова поля до высоты Трокадеро, т.-е. переходитъ чрезъ Сену. Мостъ, соединяющій павильоны Трокадеро съ галереями всемірной выставки, это—pont d'Iéna. Тріумфъ международнаго согласія, мирное соперничество въ плодотворномъ развитіи, въ успѣхахъ искусствъ полезныхъ — какою угодно изъ этихъ фразъ назовите выставку. Но на площади Согласія—траурные вѣнки Страсбурга, а выставку перерѣзываетъ мостъ Іены.

IV.

На выставкѣ.

Выставкою пользуются въ Парижѣ трояким способомъ. Первый способъ—это извлеченіе изъ нея прямыхъ выгодъ экспонентами, продающими свои издѣлія, и парижскою промышленностью вообще, а также отелями, ресторанами, театрами и т. п. Второй—это употребленіе выставки въ видѣ похвальнаго аттестата республикѣ. Иностранныя государства откликнулись на приглашеніе французской республики; иностранцы убѣждаются, что республика, обезпечивъ миръ, дала развитіе французской промышленности; что Франція удерживаетъ за собой первенство въ тѣхъ отрасляхъ производительности, которыя издавна составляли ея спеціальность, что Франція богата, несмотря на уплаченные милліарды и еще богатѣетъ, что раны, нанесенныя внѣшней и внутренней войнами, зажили и т. д. Все это вѣрно, хотя не безъ нѣкоторой натяжки относится либеральными газетами именно къ республиканскому правленію, такъ какъ результаты эти были обусловлены болѣе всего, конечно, самой природой Франціи, страны, за которую работаетъ солнце, давнимъ совершенствомъ французской фабрикаціи, необыкновеннымъ развитіемъ вкуса и прирожденнымъ трудолюбіемъ населенія, наконецъ, болѣе равномѣрнымъ, чѣмъ гдѣ-либо, распредѣленіемъ богатства во Франціи. Ни одна страна не имѣетъ такого колоссальнаго капиталиста, какъ Франція. Этотъ капиталистъ—французское крестьянство и мелкая буржуазія.

При той спеціальной цѣли, которая только-что указана, понятно, что французская либеральная печать вообще склонна прославлять нынѣшнюю выставку и гордиться ея успѣхомъ. Все это идетъ въ пользу R. F. Только „Pays“ и другіе реакціонерные органы слегка лягаются, но и то не особенно сильно, такъ какъ это было бы слишкомъ непопулярно. Они доказываютъ, напр., что на выставкѣ 1867 г. было веселѣе; были иностранные рестораны, павильоны съ разными музыками, ѣда и питье на каждомъ шагу; а теперь надо сдѣлать

двѣ версты, чтобы получить *un bock* отъ терзаемаго на части гарсона. Они говорятъ, что на нынѣшней выставкѣ скучно. И это уже принято г. Кранцомъ въ разсчетъ: отводятся новыя помѣщенія для ресторановъ, предоставлено кажется 200 ежедневныхъ даровыхъ билетовъ для солдатъ, и за это получено отъ военнаго губернатора обѣщаніе военнаго оркестра. До сихъ же поръ концерты бывали только въ особыхъ залахъ на Трокадеро, въ томъ числѣ и „концерты" нашихъ цыганъ.

Либеральныя газеты въ сущности говорятъ правду. Выставка 1878 года, по англійскому выраженію, „есть успѣхъ", успѣхъ несомнѣнный. Входныхъ билетовъ продается ежедневно, въ среднемъ размѣрѣ, на 70 тысячъ франковъ, но бывали дни, когда ихъ продавалось на 100, на 150 тысячъ франковъ. Билетъ стóитъ франкъ, и такимъ образомъ вырученная сумма представляетъ число посѣтителей. Этотъ доходъ превышаетъ почти вдвое сборы выставки 1867 г. То же самое слѣдуетъ сказать о количествѣ привезенныхъ на выставку вещей. Въ первыя недѣли существованія выставки 1867 года, на Марсово поле вошло вагоновъ 2090, съ товарнымъ вѣсомъ всего въ 9630 тоннъ; нынѣ за то же время вошло на Марсово поле и на Трокадеро вагоновъ 4558, съ товарами вѣсомъ въ болѣе 20 тысячъ тоннъ. Итакъ, нынѣшній результатъ вообще вдвое превосходитъ прежній.

Расположеніе выставки очень просто, и при всей ея громадности, заблудиться на ней невозможно, если будешь помнить направленіе, въ которомъ вошелъ. Она составляетъ продолговатый прямоугольникъ, верхнее основаніе котораго упирается въ Сену; это—часть, находящаяся на Марсовомъ полѣ. Къ Сенѣ она оканчивается партеромъ, на которомъ разбросаны небольшіе павильоны. Далѣе, черезъ мостъ—еще партеръ, съ лужайками, бассейномъ, фонтанами и павильонами разнаго рода, и въ концѣ его, на сильномъ подъемѣ къ Трокадеро—„круглая зала празднествъ", съ галереями въ обѣ стороны, въ формѣ подковы. Надъ ними и находятся тѣ двѣ башни, которыя видны изъ бóльшей части Парижа, благодаря возвышенности мѣста. Съ балконовъ этихъ галерей или „залы празднествъ" видна вся выставка. Этотъ coup d'oeil разсчитанъ необыкновенно эффектно. Передъ вами разстилаются лужайки и бассейны партеровъ, затѣйливой постройки павильоны, золоченыя большія фигуры разныхъ животныхъ, Сена, наконецъ—цѣлые кварталы главныхъ корпусовъ, составляющихъ прямоугольникъ Марсова-поля.

Чтобы дать понятіе о массѣ отдѣленій и выставленныхъ въ нихъ предметовъ, скажу, что для того, чтобы просто обойти всю выставку, останавливаясь кое-гдѣ, безъ цѣли изученія, необходимо десять дней,

по два часа въ каждомъ. И тогда вы узнаете эту выставку такъ, какъ узнаете наши мануфактурныя выставки при единичномъ двухъ-часовомъ обходѣ.

Главная часть выставки — корпуса, такъ-называемаго, „дворца" Марсова поля. Прямоугольникъ имѣетъ видъ продолговатой шахматной доски, представляющей, вмѣсто квадратиковъ, прямоугольники, подобные тому, который вмѣщаетъ ихъ всѣ. Эти клѣтки образуются пересѣченіемъ около 15-ти длинныхъ галерей, идущихъ къ Сенѣ, съ перпендикулярными къ нимъ, болѣе короткими галереями, числомъ около 12-ти. Около половины всего пространства занято отдѣленіями французскими. Другая половина распредѣлена между иностранцами, причемъ англійская выставка занимаетъ примѣрно цѣлую четверть всего мѣста, отведеннаго иностранцамъ. Нѣкоторыя иностранныя отдѣленія имѣютъ нѣсколько зданій. На центральный ходъ по направленію къ Сенѣ иностранныя отдѣленія представляютъ самые разнообразные фасады: готическіе, классическіе, романскій, японскій, русскій и т. д., изображающіе фасадъ какого-нибудь дѣйствительно существующаго зданія или фантазію на національно-архитектурную тэму. Для примѣра, укажу на Бельгію: фасадъ городской ратуши XVI вѣка; на Португалію: фасадъ церкви въ одномъ Лиссабонскомъ монастырѣ; на Италію: фасадъ одного миланскаго палаццо. Англійская выставка представляетъ цѣлыхъ шесть такихъ орнаментальныхъ фасадовъ. Русское отдѣленіе украшено фасадомъ довольно оригинальнымъ и красивымъ, въ псевдо-русскомъ вкусѣ. Онъ представляетъ не то теремъ, не то избу, съ низкими колонками и рѣзьбою по окнамъ въ родѣ тѣхъ узоровъ, которыми украшаются у насъ дачныя постройки въ русскомъ вкусѣ. Но надъ тремя павильонами русскаго фасада возвышается такая крыша, которая напоминаетъ скорѣе мансарды домовъ на Вандомской площади, чѣмъ наши родныя кровли. Сверхъ того, русскій фасадъ слишкомъ высокъ для избы и хотя бы для фермы, которую онъ изображаетъ. Однимъ словомъ, это нѣчто красивое, но слишкомъ „дѣланное", непохожее на ни одну изъ дѣйствительно существующихъ у насъ построекъ. Не проще ли было взять, напр., фасадъ Спасскихъ воротъ?

V.

Что смотрятъ на выставкѣ.

Читатель можетъ мнѣ напомнить, что я упомянулъ о *трехъ* способахъ пользованія выставкой, а сказалъ до-сихъ-поръ только о двухъ: о наживѣ торговцевъ и прославленіи республики успѣхомъ выставки. Но третій способъ разумѣется самъ собой — смотрѣть на выставку и поучаться или развлекаться. Къ этому мы теперь и перейдемъ. Чтобы поучаться, надо мѣсяцъ времени, я его не имѣлъ; чтобы поучать, надо самому знать и имѣть въ своемъ распоряженіи всю іюльскую книгу „Вѣстника Европы", я имѣю всего 1½ листа. Итакъ, мы будемъ развлекаться. Впрочемъ, изъ ста тысячъ посѣтителей 99 т. такъ именно и дѣлаютъ.

Куда же, главнымъ образомъ, устремляется толпа—вотъ главный вопросъ,—не правда ли? Отвѣчу: на галерею диковинъ, гдѣ находится громадный павильонъ принца уэльскаго, изображающій индійскую пагоду и содержащій разныя произведенія Индіи, витрина съ индійскими драгоцѣнностями: коронами, богато-убранными саблями, сѣдлами и т. д.,—витрина, въ которой выставлены алмазы и брилліанты французской „короны"; наконецъ, павильонъ съ издѣліями національныхъ (казенныхъ) мануфактуръ: Гобеленовъ и севрской фарфоровой фабрики. Этой галереей диковинъ оканчиваются корпуса Марсова-поля; за нею идетъ къ Сенѣ уже партеръ. Затѣмъ, болѣе всего смотрятъ отдѣленія изящныхъ искусствъ, считаютъ долгомъ взойти на галерею Трокадеро, чтобы имѣть общій coup d'oeil, толпятся въ рядахъ обойныхъ издѣлій и въ особенности — издѣлій парижскихъ модъ; наконецъ, любятъ сидѣть въ голландскомъ ресторанѣ и слушать трезвонъ колокольнаго отдѣленія, а также подходить къ такимъ мелкимъ бесѣдкамъ, въ которыхъ сидятъ люди въ костюмахъ марокканцовъ, аннамитовъ и т. д. и продаютъ пустѣйшія штучки за 3, 5 франковъ. Постоявъ у нихъ, добрые французы обыкновенно отходятъ, говоря объ аннамитѣ:—il est Turc comme moi,—чтó означаетъ нѣкоторое разочарованіе. Дѣйствительно, не всѣ эти „турки" достовѣрны. Жители дальнихъ странъ поняли, что для продажи вещи въ 50 сант. за 3 франка надо искусство заговариванья, которымъ они владѣть не могутъ. Вслѣдствіе того, иногда подъ видомъ аннамита сидитъ просто Эрнестъ, который сегодня же ночью будетъ откалывать такія необычайныя пà, что поѣзжай онъ дѣйствительно въ аннамскую или иную восточную имперію, онъ сдѣлалъ бы тамъ свое счастіе.

Читатель легко повѣритъ, что на всемірной выставкѣ удивительныхъ вещей очень много, а потому уволитъ меня отъ всѣхъ выраженій удивленія, въ родѣ: великолѣпный рисунокъ, изящная отдѣлка, чудный колоритъ, которые мнѣ пришлось бы повторять при обозрѣніи не только отдѣленія изящныхъ искусствъ (оно занимаетъ средину корпусовъ Марсова-поля), но даже такихъ отдѣленій, какъ обойное, дамскихъ туалетовъ, мебели и проч. Всѣ такія выраженія слѣдуетъ подразумѣвать.

Вотъ длинные ряды машинъ, приводимыхъ въ движеніе громадными цилиндрами. Вотъ ряды экипажей, налакированныхъ такъ, что, смотря на нихъ, дамамъ весьма удобно поправить прическу или галстучекъ. Вотъ павильонъ города Парижа: здѣсь выставлены разныя модели городского устройства: модели парижскихъ домовъ высотою съ аршинъ, модели городскихъ школъ, съ ихъ скамейками, досками, умывальниками и т. д., и съ главными цифровыми свѣдѣніями; пріютовъ, водопроводовъ, церквей.

Въ обойномъ отдѣленіи толпа любуется цѣлыми спальнями, въ которыхъ выставлены роскошныя кровати, на коврахъ, съ драпри, однимъ или двумя стульями, туалетомъ и т. д. Далѣе этихъ образцовъ обойнаго искусства, кажется, уже не могутъ идти ни красота тканей, ни вкусъ въ ихъ сборѣ. То же—т.-е. въ сущности ничего, кромѣ знака восклицанія—могу сказать о многихъ вещахъ отдѣленія мебели и даже отдѣленія дамскихъ нарядовъ. Очень много такихъ мебельныхъ предметовъ и такихъ платьевъ, которые составляютъ въ дѣйствительности художественныя произведенія.

Войдемъ однако въ отдѣленіе настоящихъ beaux-arts. При обзорѣ галерей живописи не только французской, но и иностранной, нельзя не замѣтить, что за-границею гораздо менѣе, чѣмъ у насъ, процвѣтаетъ тотъ особаго рода жанръ, въ которомъ иные видятъ сущность реализма. Возьмемъ французское отдѣленіе. Миѳологическія тэмы еще не оставлены—что, впрочемъ, зависитъ, вѣроятно, отъ тэмъ, задаваемыхъ на конкурсы (какъ и у насъ). Но живопись историческая, въ сущности—настоящая живопись, la grande peinture, та живопись, которая наиболѣе требуетъ отъ артиста, повидимому, процвѣтаетъ просто потому, что у художниковъ есть влеченіе къ ней, а въ публикѣ есть на нее спросъ. Довольно пейзажей и, разумѣется, портретовъ. Послѣднее неизбѣжно съ тѣхъ поръ, какъ художники живутъ не пенсіями, а продажею своихъ произведеній. Въ промежуткѣ между двумя созданіями болѣе значительными, которыя могутъ дать артисту славу и одновременныя крупныя суммы, онъ принужденъ кормиться приниженіемъ своего искусства къ носамъ, лысинамъ и бородавкамъ случайной формы.

Французская художественная выставка содержитъ 2071 предметъ, считая картины, скульптурныя произведенія и гравюры. Такъ какъ наибольшія за нею выставки—итальянская и англійская—представляютъ каждая около 400 нумеровъ, то уже изъ этого сравненія усматривается примѣрно, каково численное преобладаніе французскихъ произведеній. На англійской выставкѣ замѣтно значительнѣе, чѣмъ на другихъ, процентъ акварелей. Между ними есть очень замѣчательныя. Германія, какъ извѣстно, и представлена на выставкѣ только художественнымъ отдѣломъ. Отказъ Германіи отъ участія въ выставкѣ составляетъ безпримѣрный образчикъ спѣси, смѣшанной съ завистью; обстоятельство же, что въ концѣ-концовъ нѣмцы даже не выдержали характера и все-таки приняли участіе въ выставкѣ, приславъ свои художественныя произведенія, довершаетъ неловкость всего ихъ поведенія въ этомъ дѣлѣ.

Вотъ мы вышли на ту галерею или vestibule, гдѣ выставлены „коронные бриллiанты". Подойти къ нимъ близко стоитъ большого труда. Вокругъ витрины сдѣланъ ходъ, обнесенный рѣшеткою. Передъ нимъ, съ утра до 6 часовъ вечера, образуется такъ-называемый „хвостъ", и нужно потерпѣть нѣкоторую давку въ продолженіи получаса, чтобы подойти къ самой витринѣ, гдѣ опять становится свободно, такъ какъ впускаютъ разомъ не болѣе четырехъ-пяти человѣкъ. Здѣсь выставлены діадемы французскихъ королевъ, ожерелья, рукоятка шпаги и пр.; отдѣльно выставленъ „регентъ", большой алмазъ бывшей французской короны. Я уже замѣтилъ, что эта коллекція драгоцѣнныхъ камней (кромѣ алмазовъ есть большіе рубины, сафиры, и т. д.), есть great attraction на выставкѣ. Такъ было и на лондонской выставкѣ, когда показывался „кохинуръ". Толпа идетъ, смотритъ на чудеса мануфактурной и художественной производительности, но останавливается болѣе передъ тѣмъ, что эффектно. Однако, если бы выставить эти драгоцѣнные камни отдѣльно отъ Exposition universelle, то, пожалуй, ходили бы мало смотрѣть ихъ. Такъ, я видалъ англійскія короны въ лондонскомъ Тоуэрѣ, но вокругъ меня было всего человѣкъ десять. Интересъ толпы собственно къ исторической сторонѣ предметовъ всегда довольно слабъ. Такъ, въ Луврскомъ музеѣ вы найдете мечъ, приписываемый Карлу-Великому, въ музеѣ Клюни увидите подлинную челюсть Мольера, но передъ такими предметами стоятъ два-три человѣка. Только въ dôme отеля Инвалидовъ, гдѣ гробница Наполеона, каждый день является толпа провинціаловъ. Какъ хотите, для современнаго француза исторія начинается съ революціи, продолжается Наполеономъ, дѣлаетъ скачокъ чрезъ реставрацію и іюльскую монархію, которыя массою забыты, и повѣствуетъ дальше о революціи 1848 г., о Наполеонѣ III, войнѣ 1870 и

коммунѣ. До-революціонныхъ преданій въ массѣ—по крайней мѣрѣ, парижской—совершенно нѣтъ. Зданія Palais de Justice и полицейской префектуры (гдѣ есть части дворца королей до Франциска I), Notre-Dame, старый Луврь, Cluny, Pont Neuf съ статуей Генриха IV, даже Place des Victoires съ статуей Людовика XIV, и двѣ его побѣдныя арки на бульварахъ, фонтанъ Медичисовъ въ люксанбургскомъ саду,— всѣ эти древности ничего не говорятъ массѣ парижанъ, и гораздо менѣе популярны, чѣмъ любой театръ.

Взглянемъ теперь на русскую мануфактурную выставку. Находится она между отдѣленіями Австріи и Швейцаріи. Художественная же выставка наша расположена между отдѣлами искусствъ Испаніи и Бельгіи. Замѣчу здѣсь, что общее расположеніе всей выставки дѣлаетъ честь организаторамъ и соотвѣтствуетъ синтетическому свойству французскаго ума. Галереи, идущія къ Сенѣ, то-есть продольныя, и галереи къ нимъ перпендикулярныя, то-есть поперечныя, распредѣлены между странами и группами предметовъ такъ, что если вы будете ходить вдоль выставки, то увидите произведенія всѣхъ странъ въ порядкѣ различныхъ группъ производства; если же будете ходить поперекъ выставки, то увидите всѣ группы въ порядкѣ странъ, то-есть увидите все, что прислала каждая страна въ отдѣльности. Выше замѣчено, что собственно для обхода всей выставки необходимо часовъ двадцать. Имѣются кресла на колесахъ, въ которыхъ особые служители возятъ желающихъ; это удовольствіе стоитъ 2½ франка въ часъ. Движеніе этихъ экипажей довольно стѣснительно для пѣшеходовъ, хотя желающихъ кататься и оказывается не особенно много. Въ отдѣленія искусствъ эти экипажи не допускаются.

Итакъ, о русской мануфактурной выставкѣ. Она бѣдна. Насколько ее отдѣлывали сами русскіе экспоненты, она сильно напоминаетъ витрины гостиннаго двора. Вотъ мѣховыя вещи г. Одноушевскаго, лутугинскія табакерки и портсигары; вотъ сапоги гг. Өедора Цѣлибѣева и Богданова, размѣщенные совершенно такъ, какъ въ окнахъ ихъ магазиновъ; вотъ шапки и шляпы: гусарская фуражка, фуражка такого-то драгунскаго полка, — совершенно какъ въ магазинѣ офицерскихъ вещей. Насколько нашу выставку отдѣлывали по совѣтамъ французскихъ распорядителей, она еще представляетъ нѣкоторый эффектъ, но эффектъ довольно фальшиваго свойства. Только-что вы вошли въ русскій отдѣлъ, какъ вамъ попадаются на глаза огромные медвѣди, показываемые въ особой витринѣ мѣховщикомъ. Это — самая эффектная штука на нашей выставкѣ. На глазъ французовъ это совершенно естественно: вошелъ въ русскій отдѣлъ, ну, и встрѣтился сейчасъ съ медвѣдями; иначе и быть не могло. Кстати вотъ

большой, красивый павильонъ съ каучуковыми и резинковыми издѣліями россійско-американской компаніи. Шубы и галоши — понятно; nous sommes en Russie. А тутъ же, въ двухъ шагахъ, еще эффектъ, еще русскій „мѣстный колоритъ“: восковыя куклы изображаютъ боярина и боярыню въ парадныхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями. Это,—очевидно, образцы тѣхъ людей, которые обитаютъ страну медвѣдей, лутугинскихъ табакерокъ и фуражекъ съ кокардами, околышами и кантами. Не доставало самовара.

Да вотъ и онъ, и не одинъ; но одинъ огромный, настоящій, какому слѣдовало быть для довершенія couleur locale. Медвѣди, бояре, самоваръ и фуражки съ кокардами — хороша производительность страны.—А экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ,—можете вы спросить:—развѣ не прислала своихъ произведеній, чтобы ещё дополнить мѣстный колоритъ? Прислала. Но замѣчательный фактъ: въ ея витринѣ вы видите образцы всевозможныхъ акцій, облигацій и бланковъ, но тщетно будете искать одного—образца кредитныхъ билетовъ. Неловко, что ли, показалось, я этого не могу знать. Но выходитъ такъ, какъ будто въ Россіи государство содержитъ особую экспедицію для заготовленія бумагъ частныхъ компаній.

Слѣдуя постепенно по поперечнымъ ходамъ, видимъ машины и проекты, выставленные московскимъ техническимъ училищемъ и петербургскимъ технологическимъ институтомъ (машинъ вообще мало), очень хорошо сдѣланную пирамиду льна и пеньки нѣсколькихъ русскихъ именъ: наверху ея ленъ растетъ, ниже расположены волокна, еще ниже — веревки. Далѣе — цѣлую стѣну, занятую чугунными и стальными издѣліями и образцами металловъ нижнетагильскаго завода г. Демидова, его же три огромныя малахитовыя вазы (до сажени высотой). Судя по числу присланныхъ изъ Россіи предметовъ, иностранцы должны предположить, что финляндское княжество, польскія и балтійскія губерніи составляютъ чуть ли не половину Россіи. Дѣйствительно, участіе этихъ областей въ русской выставкѣ внѣ всякаго сравненія съ территоріальнымъ отношеніемъ ихъ.

Не буду перечислять, конечно, выставленныхъ образцовъ стеариновыхъ свѣчъ и мыла, духовъ и даже перчатокъ. Насладившись при самомъ началѣ „мѣстнымъ колоритомъ“, приданнымъ русскому отдѣлу, я, признаюсь, нѣсколько спѣшилъ впередъ. Меня интриговалъ вопросъ — будутъ ли тутъ какіе-либо слѣды русской письменности. Согласитесь, что въ стеариновыхъ свѣчахъ и полосахъ чугуна не можетъ выразиться существованіе на нашей родинѣ жизни нравственной. Медвѣди, бояре и фуражки съ кокардами,—конечно, представляютъ до нѣкоторой степени національность. Но неужели же за ними не будетъ русскихъ книгъ?

Я обрадовался —вотъ онѣ. На небольшомъ столѣ собраны: атласъ г. Тимирязева—для обзора развитія отраслей промышленности и торговли въ Россіи, атласъ, вовсе не отличающійся ни полнотою, ни разработкою данныхъ, но имѣющій красивый переплетъ; г. Весина—историческій обзоръ учебниковъ географіи, годъ журнала „Нивы", повѣсти г. Всеволода Крестовскаго, еще двѣ, три неважныя русскія книги, сочиненія г. Качковскаго (польскія), Шайнохи, годъ журнала „Klosy" альбомъ Яна Матейки, кажется—все. Русской газеты—ни одной. Между тѣмъ, рядомъ—цѣлая стѣна съ книгами, изданными въ Финляндіи, и съ газетами, издаваемыми тамъ же. Книги размѣщены систематически, поставленъ бюстъ шведскаго поэта Рунеберга (финляндца, если не ошибаюсь), экземпляръ каждой газеты развернутъ, такъ что онѣ составляютъ родъ вѣера. А русская мысль, русская литература? Обзоръ учебниковъ географіи! Повѣсти г. Всеволода Крестовскаго!

Non ragioniam di lor,
Ma guarda — e passa

говоритъ Данту Виргилій.

Впрочемъ, спѣшу прибавить, что въ перечисленномъ еще не заключаются всѣ продукты русской мысли, представленные на всемірной выставкѣ. Самостоятельную русскую мысль, русскую литературу и „прессу" дѣйствительно представляютъ упомянутые: обзоръ учебниковъ географіи, иллюстрированный журналъ и повѣсти г. Всеволода Крестовскаго. Но есть еще особые столы, на которыхъ выставлены продукты русской мысли несамостоятельной—учебной и педагогической. Это—выставка министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь собраны уставы нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденій и училищъ. Есть, конечно, уставъ гимназій 1871 года, даже на французскомъ языкѣ (со всѣми соображеніями) и циркуляръ министерства о примѣненіи этого устава, но нѣтъ устава университетовъ (кромѣ дерптскаго), вѣроятно потому, что онъ еще не подвергся преобразованію и потому образцовымъ служить не можетъ. По части университетовъ есть только правила, установленныя для студентовъ петербургскаго и харьковскаго университетовъ. Во всякомъ случаѣ для иностранцевъ тутъ много поучительнаго. Есть программы разныхъ школъ, изданія св. синода, каталоги, изданные петербургскою Публичной библіотекою, изданія казанскаго братства св. Гурія, т.-е. духовныя книги на языкахъ татарскомъ, черемисскомъ, бурятскомъ, чувашскомъ и вотяцкомъ, фасады и планы нѣкоторыхъ школъ, книги для слѣпыхъ и для глухонѣмыхъ, тетрадки учениковъ разныхъ школъ, наконецъ—фотографическія картины группъ учениковъ разныхъ такихъ училищъ, въ которыхъ много инородцевъ, съ надписами надъ каждымъ типомъ,

какую національность онъ изображаетъ. Такъ какъ для этихъ снимковъ выбраны преимущественно такія училища, въ которыхъ есть типы уральско-финскихъ племенъ, то иностранные живописцы получаютъ превосходный матеріалъ для изображенія русской жизни. Взять типы учениковъ (калмыка, чувашки и самоѣда), нарядить ихъ въ русскіе костюмы по образцу восковаго боярина и боярыни (см. выше), на переднемъ фонѣ изобразить пару русскихъ медвѣдей, а на заднемъ—огромный тульскій самоваръ; поставить возлѣ самовара человѣка въ фуражкѣ съ кокардой и цвѣтнымъ околышкомъ—вотъ и будетъ русская картина; вдали можно еще представить домá, какъ они бываютъ въ Россіи, то-есть съ низенькими колонками, въ три этажа, съ мансардою, согласно фасаду русской выставки. По крайней мѣрѣ, невозможно будетъ сказать, что картина составлена по невѣрнымъ даннымъ: таковы данныя самой русской выставки. Для оживленія картины можно бы человѣку въ кокардѣ, опирающемуся на самоваръ, дать въ руки повѣсти г. Всеволода Крестовскаго, съ надписью. Тогда была бы и мысль.

Министерство народнаго просвѣщенія составило для всемірной выставки и представило на нее даже особую книгу на французскомъ языкѣ подъ названіемъ „Каталога". Но изъ 72-хъ страницъ этого каталога, только 17 заняты собственно каталогомъ вещей, выставленныхъ министерствомъ. Остальныя представляютъ разныя свѣдѣнія объ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ и именной списокъ начальствующихъ лицъ (напр. предсѣдатель ученаго комитета: тайный совѣтникъ Александръ Георгіевскій). Изъ этихъ свѣдѣній я увидѣлъ нѣчто для меня новое, именно, что въ лицеѣ г. Каткова, состоящемъ изъ 11 классовъ, въ трехъ высшихъ классахъ, такъ называемыхъ университетскихъ, имѣется учениковъ всего—3, т.-е. по одному на классъ. Считаю долгомъ замѣтить, что свѣдѣнія о нашихъ училищахъ, составленныя министерствомъ для выставки, по отчетамъ, излагаютъ просто и обстоятельно устройство, назначеніе и статистику школъ, безъ всякаго слѣда тѣхъ полемическихъ пріемовъ, которыми отличаются годичные отчеты министерства.

VI.

Русское искусство.

Всю общую часть русской выставки я назвалъ „мануфактурною", собственно въ отличіе отъ художественной. Послѣдняя выкупаетъ первую; наша художественная выставка хороша и много посѣщается. Достаточно назвать гг. Айвазовскаго, Антокольскаго, Боголюбова,

Верещагина, Гэ, Гуна, Куинджи, Крамского, Лаверецкаго, Маковскаго, Перова, Рицциони, Семирадскаго, прибавивъ, что нѣкоторые изъ этихъ художниковъ прислали по нѣскольку произведеній, и читатель убѣдится, что для художественной выставки мы постарались. Здѣсь есть не мало вещей и другихъ русскихъ художниковъ, заслуживших въ свое время и заслуживающихъ вниманіе.

Я долженъ замѣтить, что вниманіе посѣтителей всемірной выставки распредѣляется между художественными произведеніями разнаго рода совсѣмъ не въ такомъ отношеніи, какъ на нашихъ, домашнихъ выставкахъ. У насъ историческія картины и статуи (когда онѣ бываютъ) смотрятся по обязанности, пейзажи—разсѣянно, затѣмъ портреты смотрятся съ удовольствіемъ, а съ дѣйствительнымъ пристрастіемъ созерцаются собственно произведенія бытового жанра: городовые поздравляющіе купца, и другія подобныя вещи.

Здѣсь совсѣмъ не то. Бытовой жанръ смотрится разсѣянно, портреты довольно равнодушно. На французской выставкѣ есть, напр., превосходные портреты Тьера и г-жи Паска́, сдѣланные г. Вонна̀; есть хорошіе бюсты маршала-президента и парижскаго архіепископа, однимъ словомъ—лицъ, хорошо знакомыхъ всему Парижу; передъ ними не останавливается почти никто. За то пейзажи въ гораздо бо́льшей почести, чѣмъ у насъ. Ихъ смотрятъ почти столько же, сколько разныя женскія nudités, бывающія на всѣхъ выставкахъ. Но обозрѣвъ залу, французы и иностранцы садятся на скамейку, если она есть, и разбираютъ какую-нибудь историческую картину. Онѣ занимаютъ посѣтителей болѣе, чѣмъ всякія иныя. Такъ какъ каталогъ художественныхъ произведеній составляетъ книгу въ 337 страницъ большого формата, то рѣдко кто ходитъ съ нимъ, а такъ себѣ сидятъ и догадываются. Догадки иногда бываютъ курьёзныя, но кто-нибудь поправитъ и тогда всѣ: ah! и давай смотрѣть снова.

Понятно, что при обозрѣніи нашего художественнаго отдѣла, иностранцы смотрятъ на портреты еще менѣе. Такъ, напр., есть прекрасные портреты министра народнаго просвѣщенія графа Толстого—кисти г. Крамского и директора государственнаго банка г. Ламанскаго—кисти г. Келлера. Но иностранцы не знаютъ, чьи это портреты, и не смотрятъ на нихъ. Образцы нашего бытового жанра есть очень хорошіе, напр. „Птицеловъ“ г. Перова. Проходятъ равнодушно мимо нихъ. Пейзажи привлекаютъ больше. Отмѣчу кстати „Лѣтнюю ночь въ Петербургѣ“ г. Боголюбова, которую кто-то въ шутку назвалъ—портретъ биржевого маяка. Я не умѣю говорить жаргономъ, употребительнымъ для художественной критики: бойкость кисти, прозрачность воздуха, и т. п. Могу только сказать, что лунное освѣщеніе и вода здѣсь превосходны. Укажу еще на „Лунную ночь въ Украйнѣ“ г. Куинджи.

На первый взглядъ эта ночь—слишкомъ зеленая; но присмотрѣвшись, вы убѣждаетесь, что именно оттѣнокъ зелени, какъ она кажется при лунномъ свѣтѣ, здѣсь переданъ совершенно вѣрно. Отмѣчу мимоходомъ хорошенькую картинку г. П. Брюлова „Весна", и поспѣшу къ „Живымъ факеламъ Нерона" г. Семирадскаго. Она здѣсь освѣщена не только безъ той заботливости, какъ была освѣщена у насъ въ Петербургѣ, но просто—дурно. А это для картины, въ которой играетъ большую роль эффектъ свѣта, особенно вредно. Великолѣпная по композиціи и по нѣкоторымъ типамъ, она, по-моему, слишкомъ пестра. Эта картина наиболѣе привлекаетъ зрителей. Менѣе счастливы въ этомъ отношеніи „Христосъ въ пустынѣ" г. Крамского и „Болгарскіе мученики" г. Маковскаго, хотя въ этой послѣдней прекрасна фигура убійцы, смотрящаго на женщину, еще живую.

Произведеній г. Антокольскаго на выставкѣ шесть, между ними: „Христосъ передъ народомъ", „Смерть Сократа" и „Голова Христа Распятаго". Статуя Спасителя, выражающая величіе и долготерпѣніе—одна изъ лучшихъ, какія я когда либо видалъ. Но о „Смерти Сократа" не могу сказать ничего сочувственнаго. Эта колоссальная фигура съ отвернутыми ступнями и такимъ наклоненіемъ головы, при которомъ традиціонный носъ мудреца представляется просто шишкой — мнѣ не понравилась. Правда, взгляните на отдѣлку руки — и увидите большого художника; но цѣлое, по-моему, неудачно. И что за реализмъ такой? Почему у курносаго Сократа носъ былъ именно до такой степени „крайне курносый", картофелеобразный? Недалеко отъ „Сократа" стоитъ бюстъ одного извѣстнаго русскаго негоціанта. Тоже курносый, но ужъ совсѣмъ не такъ преувеличенно, „Сократъ" г. Антокольскаго охотно бы помѣнялся съ нимъ носами, и все-таки бы остался исторически вѣренъ.

Какой же общій выводъ о Россіи должны сдѣлать себѣ иностранцы на точномъ основаніи обоихъ отдѣленій русской выставки? Быть можетъ, такой, что Россія есть страна преимущественно художественная, что эстетическое чувство въ ея народѣ весьма развито, несмотря на уральскіе типы этого народа, выставленные тѣмъ министерствомъ, которое его обучаетъ; что хотя самоваръ—выдумка весьма оригинальная, но строютъ въ Россіи домà въ стилѣ не менѣе оригинальномъ; наконецъ, что у насъ, кромѣ медвѣдей, и обыкновенныхъ людей, есть уже и беллетристъ—г. Всеволодъ Крестовскій, такъ что начало русской литературѣ уже положено. L'avenir fera le reste.

VII.

Театры.

A tout seigneur—tout honneur, какъ сказалъ г. Эдмондъ Абу г. Тургеневу, привѣтствуя его въ качествѣ президента русскихъ членовъ литературнаго конгресса, и уступая ему свое мѣсто предсѣдателя въ общемъ собраніи. Говоря о театрахъ, слѣдуетъ начинать съ Оперы. Подъ этимъ именемъ разумѣется, какъ извѣстно, опера французская, итальянская же опера называется Théâtre italien.

Опера выбрала на время выставки самыя любимыя пьесы: „Вильгельмъ Телль", „Гугеноты", „Робертъ", „Фаустъ", „Фаворитка" — „Королева Кипрская", и даетъ ихъ поочередно. Я, разумѣется, выбралъ „парижскую" пьесу—„Гугеноты". Изъ артистовъ европейской извѣстности въ ней участвовала только г-жа Крауссъ (Валентина). Она — очень искусная пѣвица, съ богатымъ и мягкимъ, но слегка потертымъ уже голосомъ. Теноръ Вилларѐ (Рауль) имѣетъ голосъ нѣсколько грубоватый, басъ Меню́ (Марсель) хотя не обладаетъ художественной отдѣлкой нашего Уэтама, но низкія ноты у него полнѣе, баритонъ Манури́ (Неверъ) напоминаетъ г. Броджи. Второстепенная, но очень важная для ансамблей партія Сенъ-Бриса поручена также артисту съ пріятнымъ голосомъ—Гальяру, между тѣмъ какъ у нашихъ итальянцевъ она почти всегда предоставляется какому-нибудь рѣжущему ухо голосу; не знаю почему, но такъ ужъ у насъ заведено. Вообще объ исполненіи могу сказать, что въ Opéra у солистовъ нѣтъ ни тѣхъ средствъ, какія имѣются у Нильсонъ, Мазини, Уэтама, ни блеска и огня ихъ дикціи, но за то весь ансамбль лучше, чѣмъ у нашихъ итальянцевъ. Мнѣ казалось, какъ будто солисты нарочно умѣряютъ себя, воздерживаются отъ порывистыхъ жестовъ и энергическихъ ударенiй въ речитативѣ. Быть можетъ, такова дѣйствительно манера, принятая въ парижской Opéra; не даромъ она называется Académie nationale de musique. Въ сдержанности, мною замѣченной, пожалуй выражается нѣкоторая „академичность", та же самая, которая умѣряетъ, закругляетъ и отчасти стушевываетъ рѣчи, произносимыя при пріемѣ членовъ во „французскую академію". Но, талантъ, въ самомъ дѣлѣ необыкновенный, все-таки восторжествовалъ бы надъ условной формой и избѣгъ бы холодности. Таковъ талантъ Фо̀ра, котораго я слыхалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ французской же (старой) оперѣ и въ Друриленскомъ театрѣ—въ Лондонѣ. При всей „академичности", онъ увлекаетъ, поражаетъ слушателей. По драматичности и вмѣстѣ красотѣ дикціи, по моему мнѣнію, Форъ — первый въ ряду современныхъ пѣвцовъ. Его я теперь не слыхалъ: онъ былъ въ Вѣнѣ. Ансамбль парижской оперы лучше

чѣмъ въ нашей итальянской, въ томъ смыслѣ, что въ Парижѣ второстепенныя роли раздаются все-таки пѣвцамъ съ пріятными и достаточными для ихъ партіи голосами, такъ что все прилично, никто ничего не портитъ; затѣмъ—оркестръ и хоры хотя, пожалуй, нѣсколько и поменьше нашихъ, но превосходно срепетованы, притомъ въ хорѣ—болѣе жизни, и въ исполненіи его болѣе оттѣнковъ; у насъ же бываетъ замѣтно, что большинство хористовъ не понимаютъ словъ, которыя произносятъ (кромѣ корифеевъ, конечно, которые—итальянцы).

Зала Оперы гораздо шире, чѣмъ зала нашего Большого театра, но не особенно велика; впрочемъ, вотъ ея размѣры (выписываю изъ статьи г. Вебера въ „Temps"): ширина 20½ метровъ, глубина 25½ метровъ, средняя высота купола надъ оркестромъ — 20 метровъ. Это равномѣрное распредѣленіе производитъ то, что изъ боковыхъ ложъ лучше видно, чѣмъ у насъ (хотя все-таки вторые и третьи ряды нѣсколько обижены). И вообще во всѣхъ театрахъ Парижа, форма залъ болѣе приближается къ полукругу, чѣмъ къ той „лирѣ", которая принята у насъ; поэтому въ парижскихъ театрахъ гораздо меньше мѣстъ, съ которыхъ видно худо, или ничего не видно, если не стоять. Правда, что при парижской системѣ залы оказываются менѣе помѣстительными. Такъ, въ Оперѣ всего 2200 мѣстъ, гораздо меньше, чѣмъ въ театрѣ Шателе (3500), и особенно чѣмъ въ большой концертной залѣ дворца Трокадеро, на выставкѣ (болѣе 5000 мѣстъ). Даже циркъ Елисейскихъ-полей вмѣщаетъ болѣе зрителей, чѣмъ Опера (3500). Но слишкомъ большая зала—исключая для concerts-monstres—столь же невыгодна для резонанса, какъ и слишкомъ малая. А въ Оперѣ резонансъ превосходенъ.

Зала Оперы очень красива и богата, но она нѣсколько страдаетъ отъ соперничества великолѣпной лѣстницы и необыкновенно-роскошнаго foyer. Не стану ихъ описывать, такъ какъ это дѣлалось не разъ. Напомню только въ двухъ словахъ, что лѣстница Оперы, вся мраморная, украшена колоннами, пьедесталами и баллюстрадами изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ, превосходными статуями, золочеными карнизами и потолкомъ; каждый канделябръ здѣсь въ своемъ родѣ примѣчательность. Зала фойе—очень большая, вся залита золотомъ, съ красными драпри, фресками, зеркалами. Поднимаясь въ залу Оперы по такой лѣстницѣ или возвращаясь въ нее изъ такого фойе, невольно ожидаешь чего-то еще болѣе необыкновеннаго, и это ожиданіе, разумѣется, не оправдывается.

Не худо будетъ прервать на минуту театральную бесѣду, сдѣлать мимоходомъ вставку о чемъ-нибудь другомъ. О русскомъ элементѣ въ Парижѣ, напримѣръ. Онъ себя все-таки теперь заявляетъ болѣе, чѣмъ въ

былое время. Несмотря на невыгодность курса, русскихъ пріѣхало-таки довольно въ Парижъ, и въ любомъ отелѣ встрѣтишь русскаго. Правда, въ давнее время, какъ и теперь, стоило зайти въ магазинъ rue de la Paix, Rivoli или Пале-Рояля, чтобы услыхать отъ торговца имена нѣсколькихъ богатыхъ русскихъ. Но теперь есть нѣчто болѣе. Электрическое освѣщеніе, которымъ любуется Парижъ, устроено по системѣ нашего соотечественника, и его аппараты, съ особой при нихъ конторой, находятся на одной изъ наружныхъ площадокъ выставки. Въ Комической оперѣ исполняетъ первыя роли г-жа Engally (Енгалычева), въ rue Scribe имѣется русская читальня, случается иногда встрѣчать русскія надписи на вывѣскахъ. Такъ, на самомъ бойкомъ мѣстѣ Парижа, на углу Итальянскаго бульвара и улицы Chaussée d'Antin, у двери театра Vaudeville читаете на доскѣ: „цѣна мѣстамъ" и слѣдуетъ далѣе грамотно написанное по-русски распредѣленіе мѣстъ; такія же надписи имѣются на языкахъ англійскомъ, итальянскомъ испанскомъ; но нѣмецкой—*нѣтъ*. Пошелъ я въ Jardin des Plantes съ живущимъ въ Парижѣ молодымъ русскимъ ученымъ, г. Хорватомъ. Смотрю: на клѣткахъ нѣкоторыхъ нашихъ южныхъ звѣрковъ надписи: donné par M. le D-r Horwath. Наконецъ, на двухъ большихъ театрахъ держатся уже давно и даются каждый день двѣ „русскія" пьесы: въ Odéon—les Danichef и въ Variétés—Niniche.

О первой говорить не буду, потому что о ней у насъ писали довольно, но о второй упомяну, такъ какъ самъ доселѣ не слыхалъ о ней. Нинишъ (г-жа Жюдикъ)—это кокотка, вышедшая замужъ за важнаго дипломата...... „польскаго". Во всей пьесѣ о Польшѣ говорится какъ о существующей державѣ: о королѣ, о варшавскомъ дворѣ, давшемъ посланнику особое порученіе, о князѣ Владиславѣ и т. д. Эта фантастическая ширма придумана, конечно, для того, чтобы изобразить каррикатурнаго дипломата графа Корнискаго (отъ corne) sans éveiller de susceptibilités. Графъ Корнискій женился на прелестной кокоткѣ, вовсе не подозрѣвая, кто она, и его, разумѣется, дурачатъ, а онъ—роздаетъ ордена. Самъ онъ постоянно ими обвѣшанъ; раздѣваясь, снимаетъ прежде нижнее платье, а уже впослѣдствіи ордена. Мало того,—подъ бортомъ фрака у него нашпилено нѣсколько экземпляровъ какого-то несуществующаго ордена. Какъ только сниметъ онъ орденъ съ своей груди и украситъ имъ кого-либо, тотчасъ, отвернувшись, поднимаетъ бортъ фрака и замѣняетъ пожалованный имъ орденъ запаснымъ. Этотъ пустякъ, при бойкой игрѣ Дюпюи (не нашего), Барона (Корнискій), Лассуша, и, въ особенности, при остроумно-эротической граціи Жюдикъ, довольно забавенъ.

Парижскіе театры въ іюнѣ обыкновенно закрываются. Нынѣ они остались открыты по случаю выставки и играютъ для провинціаловъ

и иностранцевъ такія пьесы, которыя парижанамъ давно знакомы. Каждый театръ избралъ какую-нибудь одну пьесу, имѣвшую когда-нибудь большой успѣхъ, и играетъ ее каждый вечеръ, изрѣдка разнообразя ее другою. Такъ, Французская Комедія даетъ „les Fourchambault" Ожьѐ, Gymnase — „Une Innocente", несчастнаго г. Шери Монтиньи, который двѣ недѣли тому назадъ умеръ отъ укушенія бѣшеной собаки; Vaudeville — „Les bourgeois de Pont-Arcy" Сарду; Variétés — „Niniche"; Bouffes Parisiens — „la Timbale d'Argent" — музыка Вассёра; Folies dramatiques — „les Cloches de Corneville"; Historique — „Marceau"; Porte St. Martin — „Le Tour du Monde en 80 jours"; Renaissance — „le Petit Duc"; Gaîté — „Le Chat Botté"; Châtelet — „Les sept Châteaux du diable" и т. д. Съ нумеромъ газеты прошлой недѣли вы смѣло можете выбирать любую пьесу: ее навѣрное даютъ и сегодня.

Болѣе разнообразія въ оперѣ, какъ уже сказано. Opéra Comique попеременно даетъ „Diamants de la couronne" Обера и „Psyché" Тома́, итальянцы — „Аиду". За исключеніемъ Оперы и Итальянскаго театра, въ залахъ которыхъ очень часто слышна иностранная рѣчь, во всѣхъ прочихъ театрахъ иностранцевъ вовсе не примѣтно: они исчезаютъ въ массѣ провинціаловъ и парижанъ. Не надо думать, что парижане отказались ходить слушать старыя пьесы. Театръ—главное ихъ удовольствіе; театръ принимается ими въ такихъ дозахъ, которыя для меня лично совершенно непонятны. Можно, пожалуй, сказать, что для парижанина существуютъ двѣ жизни—одна реальная, рабочая, другая—праздная и почти столько же реальная—въ театрѣ. Тамъ онъ находитъ себя же, свои интересы и вкусы, но получаетъ нѣсколько болѣе того, чѣмъ пользуется въ будничной обстановкѣ. Въ Парижѣ—45 театровъ, т.-е. залъ, въ которыхъ даются драматическія представленія и которыя носятъ названіе „театровъ". Но газеты сообщаютъ о спектакляхъ только (!) 27-ми театровъ; остальные слишкомъ малы и о нихъ упоминается только въ случаѣ особаго успѣха. Существуютъ три или четыре газеты-афишки: „Entracte", „Bulletin Théâtral"' „Orchestre". Всѣ эти театры полны, при іюньской жарѣ. Въ Оперѣ разбираются мѣста за недѣлю, а въ агентствахъ за нихъ платятъ вдвое, и то надо взять дня за два. Почти также трудно попасть въ „Comédie Française" на „Fourchambault". Затѣмъ, наиболѣе смотрятъ: „Niniche", „Les Bourgeois de Pont-Arcy" и „le Petit Duc". Въ Ипподромѣ въ день представленія билетъ можно достать только у барышниковъ, которые всегда передъ нимъ ходятъ. Концертные кафе Елисейскихъ-полей: „Alcazar", „Café des Ambassadeurs" и др. набиты биткомъ: входъ 3 франка съ правомъ на одну consommation; но билетовъ не берутъ; просто садятся и „консоммируютъ", потомъ платятъ 3 франка гарсону. У Арбана на береговой террасѣ

Тюльерійскаго сада, тамъ, гдѣ оранжерея, билеты: 3 франка входъ и еще 2 за мѣсто (здѣсь поютъ вечеромъ цыгане).

Вездѣ полно, на все спросъ. Когда посмотришь на эту тѣсноту въ театрахъ, то приходитъ въ мысль: вотъ сумасшедшій народъ! Но не будемъ, однако, преувеличивать. Въ 8 главныхъ парижскихъ театрахъ 19 тысячъ мѣстъ; допустимъ, что во всѣхъ остальныхъ театрахъ, вмѣстѣ взятыхъ, мѣстъ еще столько же. Но что же значатъ 38 тысячъ мѣстъ для города, въ которомъ теперь однихъ пріѣзжихъ тысячъ 200, иностранцевъ тысячъ 100, да постояннаго населенія 1 м. 800 т. душъ?

Надо мнѣ покончить съ театрами. Итакъ, соотечественница наша, г-жа Ангалли, поетъ въ Opéra Comique. Въ „Psyché“ она была Амуромъ (Eros), а Психеей — г-жа Гейльброннъ, хорошо извѣстная Петербургу. У г-жи Ангалли довольно большой голосъ и поетъ она очень отчетливо, не безъ блеска. Сама опера довольно мила. Она написана совершенно въ родѣ французскихъ opéras comiques, которыя, къ сожалѣнію, прежнюю большую свою популярность во Франціи должны были уступить опереттамъ Оффенбаха, Лекока, Гервѐ и Вассёра. Вкусъ театральной массы вездѣ — какъ и у насъ — постепенно принижается именно потому, что масса эта постоянно расширяется, воспринимая въ себя элементы менѣе развитые въ эстетическомъ отношеніи.

Въ Итальянскомъ театрѣ есть очень интересная пѣвица, г-жа Санцъ (Sanz), испанка. У нея — контральто, съ нотами почти теноровыми, но голосъ ея такъ обширенъ, что она можетъ считаться и медзо-сопрано. Въ ея бенефисъ давали актъ „Аиды“, актъ „Ромео и Юліи“ Беллини и актъ неважной оперы „Зиліа“. Въ послѣдней сценѣ „Ромео“, г-жа Санцъ пѣла съ такой страстностью, что навѣрное никто изъ современныхъ пѣвицъ не сравнился бы въ этой роли съ нею. Очень недуренъ итальянскій теноръ Нувелли, а баритонъ Пандольфини (Амоназро, въ „Аидѣ“) въ своей роли не многимъ уступаетъ нашему Котоньи. Но наиболѣе примѣчательна все-таки — Санцъ. Давали еще сцену изъ „Севильскаго цирюльника“, собственно для того, чтобы Санцъ могла пропѣть нѣсколько испанскихъ пѣсенъ; пѣсни эти, на мой вкусъ, были довольно цыганскаго свойства. Но испанцы, которыхъ было много въ залѣ (въ Парижѣ убѣждаешься, что Испанія существуетъ не только на картѣ, но и въ дѣйствительности), приходили въ восторгъ. Пѣвицу осыпàли цвѣтами. Было все, чтó бывало у насъ для Патти и Нильсонъ: двадцать большихъ букетовъ и корзинъ, дождь цвѣтовъ, многочисленные вызовы. Но надо замѣтить, что въ Парижѣ теперь большой букетъ изъ розъ стóитъ два франка, — а у насъ лѣтомъ *одна* роза стóитъ 25 коп. Только что возвратясь въ Петербургъ, я прочелъ во французской газетѣ, что

г-жа Санцъ опрокинулась съ экипажемъ въ Bois de Boulogne и сильно ушиблась.

Г-жа Делапортъ, перешедшая на роли „матерей“, играетъ въ „Bourgeois de Pont-Arcy“. Главныя роли превосходно исполняются Карре́, Бертономъ-сыномъ (нѣсколько жеманенъ), отличною комическою старухой, г-жей Алексисъ, и хорошенькой г-жей Барте́. Другая, очень миловидная, молодая актриса, г-жа Легѐ — въ Gymnase (Une Innocente). Въ „Bouffes“ отличается Тео́. Ее слишкомъ расхвалили. Жюдикъ гораздо граціознѣе и голосъ ея пріятнѣе.

VIII.

Годичныя празднества.

Сюда относились въ іюнѣ: ска́чки въ Лоншанъ, ежегодный большой смотръ, тамъ же, и „національный праздникъ“, въ первый разъ вводимый республикой. Скачка 16-го — главная скачка во Франціи. Она ведется на „большой призъ города Парижа“—100,000 франковъ. Здѣсь происходитъ главное состязаніе французскихъ лошадей (рожденныхъ во Франціи, но англійской крови) съ англійскими. Доселѣ французы однимъ разомъ выиграли больше, чѣмъ англичане, но теперь англичане (т.-е. англійскія лошади) сравнялись съ французами. По всеобщему ожиданію, долженъ былъ выиграть „Insulaire“ графа де-Лагранжа, но первымъ пришелъ „Thurio“ (англійская лошадь) князя Салтыкова. Лоншанскія ска́чки,—это, главнымъ образомъ, — выставка экипажей и туалетовъ. Цѣны за входъ примѣрно наши: 20, 10, 5, 3 и 1 франкъ. Масса народа невообразимая. Разъѣздъ — часа два. Полиція едва примѣтна, но порядокъ не нарушается. Какъ только кучеръ попробуетъ выѣхать изъ ряда, всѣ товарищи его закричатъ: „suivez donc la file!“ На Елисейскихъ-поляхъ съ полудня всѣ мѣста (за стулья платятъ) заняты, чтобы смотрѣть на „возвращеніе со скачекъ“. Нынче порядочный дождь окатилъ эту картину.

Смотръ или парадъ—для публики то же самое, что ска́чки. Онъ на этотъ разъ даже и происходилъ тамъ же въ Лоншанѣ, т.-е. въ Bois de Boulogne, такъ какъ Марсово-поле занято выставкой. Разница въ томъ, что смотръ эксплуатировался либеральными газетами въ пользу R. F., точно также какъ выставка. „Блестящій видъ нашихъ войскъ“, „уваженіе къ арміи“, „достигнутые успѣхи“, „все это ручается“ и т. д. Съ гордостью указывали эти газеты, что въ свитѣ маршала-президента находились: герцогъ Аостскій (бывшій король испанскій), донъ-Фернандъ португальскій, принцъ датскій и др. Я видѣлъ маршала близко, когда онъ ѣхалъ въ Bois — домой, въ Ели-

сейскій дворецъ, шагомъ, со свитою. Въ свитѣ его были два нашихъ офицера: одинъ—кавалергардъ, другой генеральнаго штаба. Никакихъ привѣтственныхъ криковъ публики я не слыхалъ, развѣ ближе къ городу были—не знаю. Маршалъ смотритъ очень бодро; сидитъ на лошади по-англійски. Относительно верховой ѣзды вообще, не только „партикулярной", но и кавалерійской, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Парижѣ, я долженъ сказать, что наша кавалерія много лучше. Особенно солдаты за границей—мало обучены; офицеры лучше. У насъ же—наоборотъ.

„Національнаго праздника" я уже не видалъ; онъ былъ назначенъ на 30 іюня; видѣлъ только приготовленія и читалъ о нихъ: иллюминація въ большихъ размѣрахъ, концертъ 400 пѣвцовъ и 300 музыкантовъ въ Тюльерійскомъ саду, и т. д. На площади Согласія я видѣлъ уже газовыя трубы, перетянутыя въ видѣ тесемокъ отъ обелиска къ угламъ; усѣянныя бѣлыми матовыми стеклянными шарами, онѣ имѣли видъ нитокъ жемчуга; рожки наставлены такъ часто, что между двумя стеклянными шарами не могъ бы помѣститься третій такой же шаръ.

Вообще—городъ веселья и роскоши. Но я не могу не вспомнить, въ заключеніе, одной замѣчательной черты, которая отличаетъ Парижъ отъ Лондона, и даже отъ Берлина: на самыхъ отдаленныхъ улицахъ Парижа я не видалъ *ни одного* ребенка босикомъ. А этотъ фактъ стóитъ, пожалуй, всей всемірной выставки.

Наблюдатель.

НЕКРОЛОГЪ

Дж. А. Макъ-Гаханъ.

Въ нашихъ газетахъ помѣщено было недавно печальное извѣстіе о смерти Макъ-Гахана, который умеръ отъ тифа въ Константинополѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи своей дѣятельности. Русская печать не должна пропустить этого имени, не отдавши высокой похвалы замѣчательному писателю.

Онъ умеръ, какъ говорятъ, всего тридцати-трехъ лѣтъ,—не многимъ писателямъ удавалось пройти въ эти годы такое необыкновенное поприще, какое имѣлъ Макъ-Гаханъ. Его отецъ былъ ирландецъ, мать — американка, но нѣмецкаго происхожденія. Какъ извѣстно, Макъ-Гаханъ началъ свое литературное поприще во время франко-

прусской войны. Когда война вспыхнула, онъ жилъ въ Брюсселѣ, встрѣтился здѣсь съ д-ромъ Госмеромъ, который былъ тогда представителемъ газеты „New York Herald" въ Европѣ, и предложилъ Госмеру свои услуги въ качествѣ спеціальнаго корреспондента. Предложеніе было принято, и Макъ-Гаханъ сдѣлалъ всю кампанію, то съ однимъ генераломъ, то съ другимъ. Когда началось возстаніе коммуны, онъ бросился въ Парижъ, и, сошедшись съ нѣкоторыми изъ предводителей, едва избѣжалъ казни при вступленіи версальцевъ. Слѣдующимъ подвигомъ его, въ качествѣ корреспондента „New York Herald", было путешествіе въ Хиву. Макъ-Гаханъ не поспѣлъ къ выступленію генерала Кауфмана и въ теченіи двадцати-девяти дней долженъ былъ догонять армію въ степи. Съ нимъ было только двое или трое слугъ, небольшой запасъ провизіи, и онъ зналъ лишь по нѣскольку словъ изъ языка тѣхъ племенъ, среди которыхъ ему нужно было странствовать; но онъ достигъ своей цѣли. Макъ-Гаханъ разсказалъ это удивительное путешествіе въ своей книгѣ „Campaigning on Oxus", которая имѣла по-англійски четыре изданія и была переведена также на русскій языкъ. Затѣмъ, Макъ-Гаханъ посланъ былъ въ лагерь Донъ-Карлоса. Въ этотъ разъ онъ опять едва не подвергся поголовной казни. Онъ попался въ руки альфонсистовъ и принятъ былъ за карлистскаго полковника и шпіона, причемъ одной изъ главныхъ уликъ противъ него было то, что онъ хорошо говорилъ по-испански. Въ теченіи нѣсколькихъ дней надъ нимъ висѣлъ смертный приговоръ. О характерѣ Макъ-Гахана можно судить по тому, что онъ сохранилъ все свое хладнокровіе въ теченіи этого страшнаго промежутка. Дѣйствительно, вечеромъ наканунѣ дня, который онъ считалъ днемъ своей казни, онъ написалъ нѣсколько писемъ своимъ роднымъ, — и, затѣмъ, спокойно спалъ. Изъ Испаніи онъ былъ вызванъ, чтобы сопровождать сэра Юнга въ полярную экспедицію. Наконецъ, его послѣднимъ дѣломъ была, въ историческомъ отношеніи наиболѣе замѣчательная, въ высокой степени благородная дѣятельность его въ теченіи послѣдней войны, въ качествѣ корреспондента газеты „Daily News", которая черезъ него стала такъ знакома русскому читателю и оказала столь великія услуги дѣлу болгарскаго освобожденія. Въ то время, когда европейская печать такъ мало расположена была говорить правду о положеніи вещей въ Турціи, Макъ-Гаханъ раскрылъ во всемъ ужасѣ батакскія убійства, далъ неопровержимые факты страшныхъ жестокостей и наглаго обмана турецкихъ властей, и отнялъ у оффиціальныхъ туркофильскихъ докладчиковъ всякую возможность скрывать и отрицать ихъ. Въ теченіи войны, онъ былъ лучшимъ разсказчикомъ ея событій, правдивѣйшимъ историкомъ. По его корреспонденціямъ уже можно было дивиться быстротѣ и вѣрности его взгляда, точности въ опредѣленіи фактовъ, а также оцѣнить его

мягкое гуманное чувство. „Чтó сдѣлалъ Макъ-Гаханъ въ своей послѣдней миссіи, — говоритъ его англійскій біографъ (О'Коннoръ), — это принадлежитъ теперь исторіи. Надо надѣяться, что болгары выскажутъ теперь въ какой-либо формѣ свой взглядъ на этого человѣка, который, почти столько же, какъ русская власть, былъ ихъ освободителемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одно перо Макъ-Гахана привело къ кризису восточный вопросъ". Съ намѣреніемъ приводимъ эти слова; они покажутся преувеличенными, но преувеличеніе даетъ понятіе о впечатлѣніи, какое дѣйствительно произвелъ Макъ-Гаханъ своимъ первымъ энергическимъ вмѣшательствомъ въ событія и послѣдующими замѣчательными письмами.

Приводимъ еще нѣсколько словъ изъ разсказа О'Коннора. „Г-нъ Форбсъ описывалъ въ „Daily News" тѣ трудности, при которыхъ Макъ-Гаханъ исполнялъ свое дѣло во время войны; кáкъ онъ принимался за работу, несмотря на повторявшіеся пароксизмы лихорадки, и хотя онъ три раза сломалъ себѣ ногу; и Форбсъ вѣрно замѣчаетъ, что въ письмахъ Макъ-Гахана нѣтъ ни одного слова объ его страданіяхъ. Къ примѣрамъ мужества, приведеннымъ у Форбса, я могу прибавить еще одинъ. Скобелевъ, въ одной изъ своихъ смѣлыхъ экскурсій, встрѣтилъ рѣку, черезъ которую не было моста и гдѣ не видно было ни одной лодки. Какъ переправить солдатъ? Скобелевъ и Макъ-Гаханъ держали военный совѣтъ о томъ, какъ преодолѣть затрудненіе,—и рѣшено было, что они оба должны броситься въ рѣку вплавь, и показать солдатамъ, чтò имъ надо дѣлать! Вспомнимъ, притомъ, что въ то время Макъ-Гаханъ былъ съ костылемъ, и одна нога была въ повязкѣ. Такова была дѣятельность; еще два слова о характерѣ. Къ его непоколебимому мужеству и блестящимъ дарованіямъ ума присоединялась величайшая скромность. Довольно трудно было услышать отъ него о немъ самомъ. Если онъ когда-нибудь упоминалъ о своихъ подвигахъ, онъ дѣлалъ это, точно подшучивая надъ собой". О привлекательности и мягкости его характера, соединявшейся съ такой энергіей дѣятельности, говорили и другіе.

Имя Макъ-Гахана останется однимъ изъ самыхъ почетныхъ именъ въ послѣднемъ фазисѣ восточнаго вопроса. По своей послѣдней дѣятельности, онъ приближался къ идеалу „международнаго писателя": между другими „спеціальными корреспондентами" могли быть люди (хотя очень немногіе), которые не уступали ему въ подвижности, въ быстротѣ соображенія и работы, но ни у кого изъ нихъ не нашлось столько способности понять широко цѣлый вопросъ, устранить въ обсужденіи его предвзятыя тенденціи и взглянуть на факты смѣлымъ и свободнымъ взглядомъ истинно-цивилизованнаго человѣка. Свои дарованія и свои физическія силы онъ положилъ на защиту человѣческихъ правъ угнетеннаго народа, — и

эту достойную задачу онъ исполнилъ: поворотъ, наступившій въ общественномъ мнѣніи Европы, въ большой мѣрѣ принадлежитъ дѣйствительно ему. Его дѣятельность должна бы послужить примѣромъ— не для одной русской печати.

А. П.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.

Составъ комитета управляющаго дѣлами общества. (Съ 9 апрѣля 1878 года). Предсѣдатель комитета—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (Сергіевская, 24). Товарищъ предсѣдателя — Николай Николаевичъ Тютчевъ (Невскій проспектъ, 96, кв. 18). Казначей — Профессоръ Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (Зданіе Медико-Хирургической Академіи). Секретарь—Павелъ Александровичъ Брюлловъ (Васильевскій островъ, 7-я линія, 60).

Члены комитета: Ольга Александровна Мордвинова (У Спаса Преображенія, Церковный переулокъ, 2). Анна Петровна Мунтъ (Невскій проспектъ, 44, кв. 40). Надежда Терентьевна Рудкова (Кузнечный переулокъ, 20, кв. 6). Прасковья Николаевна Тарновская (Мойка, 102). Дмитрій Васильевичъ Стасовъ (Малая Морская, 8, кв. 6).

Замѣтка для просительницъ, Членовъ Общества и жертвователей. *Прошенія и заявленія*, касающіяся Общества, слѣдуетъ подавать или присылать на имя Предсѣдателя Общества,' по вышеуказанному адресу.

Предложенія объ избраніи лицъ, изъявившихъ желаніе поступить *въ Члены* Общества, съ точнымъ означеніемъ имени, отчества, фамиліи и адреса предлагаемаго лица, могутъ быть доставлены Комитету каждымъ Членомъ Общества или непосредственно, или чрезъ одного изъ Членовъ Комитета.

Членскіе взносы и другія пожертвованія принимаютъ всѣ Члены Комитета, съ выдачею квитанцій, преимущественно же Казначей Общества. Независимо отъ того, жителями С.-Петербурга годовые платежи и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы въ *Книжный магазинъ для иногородныхъ* (Невскій проспектъ, 44) и въ контору Общества „*Дружина*", Невскій проспектъ, 68, у Аничкина моста, входъ съ Фонтанки). Для избѣжанія недоразумѣній, въ магазинѣ и конторѣ имѣются особыя сборныя книжки, въ которыя Члены Общества и жертвователи записываютъ *собственноручно* вносимую ими сумму и свой адресъ. По передачѣ денегъ Казначею Общества, послѣднимъ доставляются надлежащія квитанціи.

Выдача ссудъ и пособій, разрѣшенныхъ опредѣленіями Комитета, производится Казначеемъ, со взятіемъ росписокъ.

Доводя о всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнія Членовъ Общества, Комитетъ съ своей стороны проситъ:

1) *Доставлять своевременно годовые членскіе взносы и уплатить недоимки* за прежніе годы.

2) *По мѣрѣ возможности содѣйствовать усиленію средствъ Общества сборомъ пожертвованій.*

и 3) *Доставить* нынѣ же Комитету свои *адресы* и *увѣдомлять своевременно о перемѣнѣ мѣста жительства.*

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ
за 1877 годъ.

(Читанъ въ Общемъ Собраніи 9 апрѣля 1878 года)

I. Личный составъ Общества.

Общимъ Собраніемъ 20 марта 1877 года были избраны въ Члены Общества 164 кандидата. Со включеніемъ вновь избранныхъ, числилось Членовъ всего 654.

Въ теченіи отчетнаго года изъ среды Общества выбыло 58 членовъ. Въ томъ числѣ: 8-мь за смертію (С. К. Брюллова, Н. В. Генъ-Купріянова, В. А. Давыдова, С. М. Жуковскій, Н. А. Некрасовъ, В. С. Некрасова, Ф. З. Сафоновъ и Е. Д. Шемякина).

20-ть—заявившихъ о своемъ желаніи сложить съ себя званіе членовъ, и

30-ть — не вносившіе членскихъ взносовъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, т.-е. со времени учрежденія Общества, признаны тоже сложившими съ себя званіе членовъ.

Затѣмъ, нынѣ числится 596 членовъ.

II. Составъ Комитета.

До марта 1877 года въ составъ Комитета входили Предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, Товарищъ Предсѣдателя Н. Н. Тютчевъ, члены: О. К. Граве, М. Ф. Павловская, В. П. Тарновская, П. Н. Тарновская и И. А. Павловъ, Казначей А. П. Бородинъ и Секретарь А. П. Доброславинъ.

Въ Общемъ Собраніи 20 марта 1877 года на мѣсто выбывшихъ изъ Комитета на основаніи § 12 устава Общества г-жъ О. К. Граве, М. Ф. Павловской и г-на Павлова, были избраны въ члены Комитета г-жи О. А. Мордвинова, Н. Т. Рудкова и Д. В. Стасовъ.

Послѣ выборовъ составъ Комитета, оставшійся въ теченіи всего 1877 года безъ измѣненій, былъ слѣдующій:

Предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, Товарищъ Предсѣдателя Н. Н. Тютчевъ, члены: О. А. Мордвинова, В. П. Тарновская, П. Н. Тарновская, Н. Т. Рудкова, Д. В. Стасовъ, Казначей А. П. Бородинъ и Секретарь А. П. Доброславинъ.

Въ теченіи 1877 года Комитетъ имѣлъ 19-ть засѣданій.

На лѣтнее время, вслѣдствіе выѣзда изъ Петербурга всѣхъ Членовъ Комитета, веденіе всѣхъ его дѣлъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, было поручено одному изъ членовъ, остававшемуся все лѣтнее время въ окрестностяхъ столицы—Д. В. Стасову. 9-го октября, въ первомъ засѣданіи Комитета послѣ лѣтнихъ его вакацій, Д. В. Стасовымъ былъ представленъ подробный отчетъ о всемъ времени его дѣятельности отъ мая до октября.

III. Занятія Комитета.

По сбору средствъ.

Размѣръ нуждъ, за покрытіемъ которыхъ обращаются къ Комитету, съ каждымъ годомъ возрастаетъ по мѣрѣ постояннаго увеличенія числа слушательницъ на врачебныхъ и педагогическихъ курсахъ. Въ 1876 году на врачебныхъ курсахъ слушательницъ состояло 427, а въ 1877 году — 505; на педагогическихъ курсахъ въ 1876 году было 241 слушательница, а въ 1877 году—350.

Такъ какъ Общество не получаетъ никакихъ постоянныхъ субсидій, то единственные источники доходовъ Общества въ теченіи отчетнаго года составили: членскіе взносы, единовременныя пожертвованія частныхъ лицъ, выручка отъ концерта и дѣтскаго праздника, возвратъ ссудъ и проценты съ запаснаго капитала.

а) Членскіе взносы:

Ежегодныхъ членскихъ взносовъ въ 1877 году поступило 2460 р.
Пожизненныхъ взносовъ въ 1877 году не поступало.
Въ 1876 году было принято взносовъ:

пожизненныхъ отъ 4-хъ лицъ по сту руб . . .	400 р.
ежегодныхъ за разные годы отъ 357 лицъ на .	2211 „
Итого. . . .	2611 „

По сравненію съ 1876 годомъ въ 1877 году взносовъ поступило менѣе на 151 руб.

При ближайшемъ разсмотрѣніи взносовъ, поступившихъ въ 1877 году, оказывается, что уплаты сдѣланы за разные годы, а именно:

5	членовъ внесли недоимку за	1875 годъ.	36 р.
45	„ „ „ „	1876 „ .	247 „
353	члена внесли за отчетный	1877 „ .	2072 „
11	членовъ внесли впередъ за	1878 „ .	105 „
		Итого . .	2460 р.

Изъ этого видно, что собственно за 1877 годъ изъ числа 654 членовъ, числившихся до 20 марта 1877 года, сдѣлали взносы только 353, къ которымъ слѣдуетъ причислить 18 лицъ, сдѣлавшихъ пожизненные взносы въ предшествовавшіе годы, и не обязанныхъ дѣлать ежегодныхъ взносовъ.

Желая обратить вниманіе тѣхъ членовъ Общества, которые не исполнили своевременно взятаго ими на себя обязательства содѣйствовать Обществу ежегодными членскими взносами, Комитетъ, по примѣру прошедшаго года, дважды посылалъ означеннымъ членамъ личныя напоминанія и, независимо отъ того, неоднократно сообщалъ въ газетахъ объ адресахъ лицъ, коимъ можно было передавать взносы и пожертвованія.

б) Пожертвованія.

Пожертвованій поступило:

а) личныхъ.	3034 р.	— к.
б) по сборнымъ книжкамъ. . .	117 „	20 „
Всего .	3151 р.	20 к.

Въ теченіи 1876 года поступило пожертвованій всего 2890 р. 50 к.

Изъ сличенія этихъ цифръ видно, что пожертвованія 1877 года превышаютъ пожертвованія 1876 года на 260 руб. 70 к., но такъ какъ лицо, пожертвовавшее 1500 руб. въ неприкосновенный капиталъ

Общества, предоставило Обществу пользоваться процентами съ этой суммы только послѣ кончины жертвователя, то эта сумма, принятая Обществомъ съ благодарностью, составляетъ лишь, какъ-бы запасный фондъ для будущаго времени.

Затѣмъ, пожертвованій, которыя въ настоящее время могли находиться въ распоряженіи Общества, поступило въ 1877 году собственно 1651 р. 20 к. или на 1239 руб. 30 к. менѣе сравнительно съ 1876 годомъ, что̀ вполнѣ объясняется инымъ направленіемъ благотворительности Общества, вызваннымъ военными обстоятельствами.

Особенно рѣзко уменьшеніе сказывается въ сборахъ по книжкамъ изъ разныхъ губерній. Тогда какъ въ 1876 году эта статья дохода доставила 919 руб. 50 коп., въ отчетномъ году поступило всего только 117 руб. 20 к.

В. Сборъ съ дѣтскаго праздника и концерта.

Въ теченіи 1877 года Комитетомъ былъ устроенъ 3 апрѣля въ залахъ благороднаго Собранія дѣтскій праздникъ, давшій чистой выручки 137 руб. и 18 декабря концертъ — доставившій 1049 руб., итого получено 1186 руб.

Доходъ этой статьи превышаетъ доходъ 1876 года (1103 р.) на 83 р.

Г. Остальныхъ поступленій.

а) возвращено ссудъ: 2 слушательницами педагогическихъ курсовъ	50 р.	— к.
16 слушательницами врачебныхъ курсовъ	421 „	— „
б) проценты съ запаснаго капитала	176 „	78 „
Въ общей сложности поступило въ 1877 году. . . .	7444 „	98 „

Независимо отъ указанныхъ выше денежныхъ пожертвованій, оказано Обществу содѣйствіе нижепоименованными лицами и редакціями:

Отчетъ Общества за 1876 годъ былъ напечатанъ безвозмездно, по предложенію М. М. Стасюлевича, въ его типографіи, которая пожертвовала и бумагу на 800 экземпляровъ.

Редакціи: „Вѣстника Европы", „Голоса", „Новаго Времени" и „Сѣвернаго Вѣстника" печатали безвозмездно извѣстія, касающіяся Общества. Музыкальные магазины Бесселя и Юргенсона продавали безвозмездно билеты на концертъ, данный въ пользу Общества и Контора Общества „*Дружина*" продолжала принимать и передавать въ Комитетъ взносы и пожертвованія въ пользу Общества.

I. О запасномъ капиталѣ.

Въ § 9-мъ устава нашего Общества, утвержденнаго 23 ноября 1874 года, сказано: „изъ ежегодныхъ доходовъ Общества отдѣляется извѣстная часть въ его запасный капиталъ, расходованіе котораго производится не иначе, какъ съ разрѣшенія Общаго Собранія.

Въ развитіе этого § Общее Собраніе 4 мая 1875 года утвердило инструкцію, во 2-мъ отдѣлѣ которой постановлено:

1) Единовременные взносы Членовъ Общества, установленные § 5 устава (т.-е. пожизненные вмѣсто ежегодныхъ) и денежныя пожертвованія, дѣлаемыя подъ условіемъ расходованія только процентовъ съ пожертвованной суммы, обращаются въ неприкосновенный капиталъ Общества.

2) Пожертвованія, дѣлаемыя на опредѣленный предметъ, употребляются согласно съ волею жертвователя.

3) Со всѣхъ остальныхъ денежныхъ пожертвованій, а также съ суммъ, выручаемыхъ Обществомъ отъ концертовъ, спектаклей и т. п. отчисляется 10 процентовъ въ запасный капиталъ Общества, согласно § 9 устава.

На основаніи этихъ правилъ, числилось къ 1-му января 1877 года запаснаго капитала 3891 р., въ томъ числѣ 3000 р., поступившіе на основаніи 1 и 2 пунктовъ инструкціи, утвержденной 4 мая 1875 года, были своевременно обращены въ процентныя бумаги.

Что же касается 891 рубля, которые должны были быть отчислены на основаніи 3 пункта означенной инструкціи, то отчисленіе ихъ и въ 1875 и въ 1876 году оказалось невозможнымъ въ виду недостаточности доходовъ для удовлетворенія самыхъ законныхъ и уважительныхъ просьбъ слушательницъ о вспомоществованіи

Въ теченіи 1877 года, какъ подробно изложено выше, доходы не только не увеличились, но еще сократились, между тѣмъ, какъ число нуждающихся постепенно возрастаетъ. Поэтому Комитетъ не счелъ себя въ правѣ обратить значительную часть дохода на пополненіе числившейся по запасному капиталу недоимки, но призналъ болѣе цѣлесообразнымъ употребить всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства на удовлетвореніе поступающихъ просьбъ. Средства оказались столь ограниченными, что во многихъ случаяхъ Комитетъ вынужденъ былъ урѣзывать даже размѣръ пособій на уплату за слушаніе лекцій и ассигновалъ многимъ слушательницамъ вмѣсто полнаго, только половинный размѣръ платы, положенный за слушаніе лекцій.

При такомъ положеніи дѣла, Комитетъ считаетъ долгомъ представить Общему Собранію объ отмѣнѣ обязательности 3-го пункта 2-го отдѣла инструкціи, утвержденной Общимъ Собраніемъ 4 мая 1875 года, оказавшагося на практикѣ неисполнимымъ, впредь до болѣе благопріятнаго положенія кассы Общества.

Затѣмъ, въ отчетномъ году на основаніи 1 и 2 пунктовъ означенной инструкціи причислены къ запасному капиталу пожертвованные однимъ Членомъ Общества 1500 р. и П. А. Брюлловымъ 100 руб., такъ что нынѣ запаснаго капитала состоитъ 4600 руб., въ томъ числѣ процентными бумагами 4500 руб. и наличными деньгами 100 руб.

II. Дѣйствія Комитета по распредѣленію ссудъ.

Какъ и въ прошедшіе годы, Комитетъ попреимуществу помогалъ слушательницамъ, выдавая безсрочныя ссуды на уплату взносовъ за слушаніе лекцій. Помощь, удовлетворявшая другія нужды слушательницъ, выражалась въ сравнительно малой цифрѣ срочныхъ и безсрочныхъ ссудъ.

Въ течении года выдано:

1) По просьбамъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ:

а) уплачено за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 44 и во второмъ—за 73 лица . . . . 2325 р.

б) выдано безсрочныхъ ссудъ 35 лицамъ . . . . . . 683 р.

в) выдано срочныхъ ссудъ 16 лицамъ . . . . 466 р.

Итого по врачебнымъ курсамъ . . 3474 р.

Выданныя 35 слушательницамъ въ безсрочную ссуду 683 р. распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

2	слушательницамъ	выдано	по	35	р.,	итого	70 р.
5	„	„	„	30	„	„	150 „
1	„	„	„	28	„	„	28 „
6	„	„	„	25	„	„	150 „
3	„	„	„	20	„	„	60 „
10	„	„	„	15	„	„	150 „
7	„	„	„	10	„	„	70 „
1	„	„	„	5	„	„	5 „
35	слушательницамъ.						683 р.

Въ счетъ срочныхъ ссудъ ассигнованныхъ 16 слушательницамъ 466 руб.

выдано	2	слушательницамъ	по	60	р.	итого	120 р.
„	1	„	„	40	„	„	40 „
„	2	„	„	35	„	„	70 „
„	2	„	„	30	„	„	60 „
„	5	„	„	25	„	„	125 „
„	3	„	„	15	„	„	45 „
„		„	„	6	„	„	6 „
	Всего 16 слушательницамъ. . . .						466 р.

2) По просьбамъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ:

а) уплачено за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 33, а во второмъ за 36 лицъ . . . . 1620 р.

б) выдано безсрочныхъ ссудъ 4 лицамъ. . . . . 50 „

в) врачу, за пользованіе заболѣвающихъ слушательницъ за 2 мѣсяца 1876 года и за весь 1877 г. уплачено . . . 210 „

Итого по педагогическимъ курсамъ. . . 1880 р.

Въ счетъ ассигнованныхъ 4 слушательницамъ безсрочныхъ ссудъ на 50 руб.

Выдано	2	слушательницамъ	по	15	р.	итого	30 р.
„	2	„	„	10	„	„	20 „
		Итого 4 слушательницамъ. . .					50 р.

Срочныхъ ссудъ въ 1877 году выдаваемо не было.

Изъ подробностей, приведенныхъ въ этомъ отчетѣ, видно, что Комитетъ употребилъ на вспомоществованіе слушательницамъ курсовъ ссудами и врачебнымъ пособіемъ всѣ средства, находившіяся въ его распоряженіи, но итогъ этихъ расходовъ составляетъ только 5354 р., сравнительно съ 1876 годомъ (7205 р.), менѣе на 1851 р., т.-е., не смотря на увеличившееся, по сравненію съ прошедшими годами, число просьбъ о пособіи, Комитетъ могъ удовлетворить лишь часть ихъ и притомъ далеко не вполнѣ. Желая оказать помощь возможно бо́льшему числу слушательницъ и имѣя въ виду съ другой стороны скудость средствъ, Комитетъ былъ вынужденъ, какъ выше сказано, во второмъ полугодіи выдавать нѣкоторымъ слушательницамъ для уплаты за лекціи лишь половину требующейся суммы, т.-е. 12 р. 50 коп. слушательницамъ врачебныхъ курсовъ и 15 р. слушательницамъ педагогическихъ.

Комитетъ считаетъ долгомъ представить свое объясненіе по частному вопросу, возбужденному Коммиссіею, ревизовавшею отчетъ за 1876 годъ.

Коммиссія, въ виду необходимости, съ одной стороны, оказанія

врачебной помощи слушательницамъ педагогическихъ курсовъ, а съ другой—недостаточности средствъ Общества, признавала полезнымъ рекомендовать Комитету озаботиться пріисканіемъ врачей, которые согласились бы оказывать безвозмездно врачебную помощь слушательницамъ педагогическихъ курсовъ. Комитетъ входилъ въ сношеніе съ инспекторомъ педагогическихъ курсовъ, который сообщилъ Комитету, что услуги врача, которому по условію, установленному еще въ 1875 году, уплачивается по 15 руб. въ мѣсяцъ за пользованіе заболѣвающихъ слушательницъ, въ теченіи круглаго года, крайне необходимы слушательницамъ педагогическихъ курсовъ и что весьма желательно воспользоваться его помощію и въ будущемъ. Основываясь на этомъ удостовѣреніи, Комитетъ удержалъ и на 1877 г. существовавшее между нимъ и означеннымъ врачомъ условіе.

Перечисливъ выше пожертвованія, поступившія въ теченіи отчетнаго года, Комитетъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность довести до свѣдѣнія Общаго Собранія объ устройствѣ въ концѣ 1877 года 8-ми помѣщеній для 15-ти слушательницъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ въ домѣ Общества дешевыхъ квартиръ, чему Общество обязано просвѣщенной благотворительности барона Г. О. Гинцбурга.

Эти помѣщенія учреждены въ память его покойной супруги, и названныя по ея имени *Анненскими*, предоставляются слушательницамъ съ отопленіемъ, съ холодною и теплою водою, съ кроватью и матрацомъ, за скромную плату 2 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго лица.

Комитетъ, который съ перваго года учрежденія Общества стремился къ открытію дешевыхъ помѣщеній, но, по ограниченности собственныхъ средствъ, не былъ въ состояніи осуществить это предложеніе—вполнѣ увѣренъ, что Общее Собраніе выразитъ свою признательность барону Г. О. Гинцбургу за починъ въ столь полезномъ дѣлѣ, которому нельзя не желать дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ не можетъ не указать съ благодарностью на плодотворную дѣятельность Члена Общества Н. В. Стасовой, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коей находятся эти помѣщенія и которая приняла на себя увѣдомлять слушательницъ объ освобождающихся помѣщеніяхъ, предоставляемыхъ желающимъ, на вышеупомянутыхъ льготныхъ условіяхъ.

До сего времени, по случаю отдаленности зданія дешевыхъ квартиръ отъ врачебныхъ курсовъ, помѣщеніями этими изъявляли желаніе пользоваться исключительно слушательницы педагогическихъ курсовъ.

ОТЧЕТЪ КАЗНАЧЕЯ
за 1877 годъ.

А. Состояніе кассы въ началѣ года:

Къ 1 января 1877 года состояло въ кассѣ. . . . . 3172 р. 1 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами	3000 р. — к.
Наличными деньгами.	172 „ 1 „
Итого	3172 р. 1 к.

В. Приходъ.

Въ теченіи года поступило въ кассу. . . . . 7444 р. 98 к.

А именно:

I. Ежегодныхъ членскихъ взносовъ:

отъ	5 лицъ	недоимки за 1875	годъ	36 р.
„	45 „	„ „ 1876	„	247 „
„	353 „	за отчетный 1877	„	2072 „
„	11 „	впередъ за 1878	„	105 „
		Итого ежегодныхъ взносовъ	. . .	2460 р.

II. Пожертвованія:

а) Личныя пожертвованія 38 лицъ. . 3034 р. — к.
б) Собрано по книжкамъ 6 лицами . . 117 „ 20 „
Итого пожертвованій. . . 3151 р. 20 к.

III. Сборъ съ дѣтскаго праздника и концерта.

а) Съ дѣткаго праздника 3 апрѣля 1877 года. . . . . 137 р. — к.
б) съ концерта 18 декабря 1877 г. . 1049 „ — „
Итого . . . . 1186 р. — к.

IV. Возвращено по ссудамъ:

а) 2 слушательницами педагогическихъ курсовъ. . . . . 50 р. — к.
б) 16 слушательницами врачебныхъ курсовъ. . . . . 421 „ — „
Итого. . . . . 471 р. — к.

V. Проценты съ капитала.

а) по текущему счету за 1876 годъ. . 13 р. 3 к.
б) съ запаснаго капитала за 1877 г. . 163 „ 75 „
Итого. . . . . 176 р. 78 к.

Всего поступило. . . . . 7444 р. 98 к.

Въ общей сложности, съ наличностью кассы въ началѣ года 3172 р. 1 к., составляютъ . . . . 10616 „ 99 к.

В. Расходъ.

Въ теченіи года израсходовано . . . . 5459 р. 58 к.

А именно:

I. По просьбамъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ:

а) Внесена плата за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 44 и во второмъ—за 73, на . . . . . . 2325 р. — к.
б) Выдано безсрочныхъ ссудъ 35 лицамъ на . . . . 683 р. — к.
в) Выдано срочныхъ ссудъ 16 лицамъ на . . . . 466 „ — к.
Итого въ пользу слушательницъ врачебныхъ курсовъ. . 3474 р. — к.

II. По просьбамъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ.

а) Внесена плата за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 33, а во второмъ за 36 слушательницъ, на . 1620 р. — к.

б) Выдано безсрочныхъ ссудъ 4 лицамъ, на	50 р. — к.
в) Врачу, за пользованіе заболѣвающихъ педагогическихъ слушательницъ уплачено за 2 мѣсяца 1876 и за весь 1877 годъ.	210 „ — „
Итого въ пользу слушательницъ педагогическихъ курсовъ. .	1880 р. — к.

III. По дѣлопроизводству.

а) На типографію и книги.	51 р. 75 к.
б) Почтовые и мелкіе расходы . . .	18 „ 90 „
в) Разсыльному, за доставленіе членамъ напоминаній о взносахъ.	23 „ 93 „
г) Лицу, пожертвовавшему 1500 р., согласно установленному имъ условію, переданы полученные по купонамъ проценты.	11 „ — „
Итого. . .	105 р. 58 к.
Всего израсходовано . .	5459 р. 58 к.

Г. Состояніе кассы къ концу года.

По 31 декабря 1877 г. записано на приходъ . . .	10616 р. 99 к.
По 31 декабря 1877 г. израсходовано.	5459 „ 58 „
Къ 1-му января 1878 г. состоитъ въ кассѣ.	5157 р. 51 к.

Въ томъ числѣ:

а) Запаснаго капитала въ процентныхъ бумагахъ 4500 р. и деньгами 100 р.	4600 р. — к.
б) Расходнаго капитала наличными деньгами	557 „ 41 „
Итого . .	5157 р. 41 к.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія Ревизіонной Коммиссіи Общества для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, избранной въ Общемъ Собраніи 20 марта 1877 года.

12 марта 1878 года Ревизіонная Коммисія, повѣривъ приходо-расходную книгу Комитета съ квитанціонною книгой, ассигновками, росписками и другими документами, нашла все счетоводство Комитета въ надлежащемъ порядкѣ. Затѣмъ, Коммисія убѣдилась, что процентныя бумаги, на сумму 4500 р., входящія въ составъ неприкосновеннаго капитала Общества, коего числится 4600 руб., находятся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, а деньгами на-лицо состоитъ неприкосновеннаго капитала 100 руб. и расходнаго 557 р. 41 коп., т.-е., въ сложности, та самая сумма, которая показана въ отчетѣ Казначея,—657 руб. 41 коп.

По вопросу о наилучшемъ устройствѣ медицинской помощи для слушательницъ педагогическихъ курсовъ, возбужденному прошлогоднею Ревизіонною Коммиссіею, Комитетъ, независимо отъ объясненій,

изложенныхъ въ его отчетѣ, сообщилъ Коммиссіи, что обойтись безъ оплачиваемыхъ услугъ врача не представляется возможности, такъ какъ безвозмездное леченіе слушательницъ педагогическихъ курсовъ могло бы быть организовано, и то не безъ труда, развѣ въ зимнее время, а теперь онѣ пользуются медицинскою помощью постоянно, причемъ врачъ не только бываетъ въ опредѣленные дни и часы въ помѣщеніи курсовъ, но и посѣщаетъ больныхъ, въ случаѣ надобности, на дому. Въ виду этихъ объясненій, Коммиссія не признаетъ возможнымъ настаивать на осуществленіи мѣры, предложенной прошлогоднею Ревизіонною Коммиссіею.

Разсмотрѣніе протоколовъ засѣданій Комитета привело Коммиссію къ убѣжденію, что недостаточность средствъ Общества нерѣдко заставляетъ Комитетъ отказывать въ помощи лицамъ, имѣющимъ на нее полное право, или помогать имъ въ размѣрѣ меньшемъ необходимаго. Изъ числа 172 просьбъ, поданныхъ Комитету въ 1877 году слушательницами врачебныхъ курсовъ (не считая 10 просьбъ, по разнымъ причинамъ не требовавшимъ исполненія), вполнѣ удовлетворены только 102; 65 просьбъ удовлетворено не вполнѣ, причемъ причиною неполнаго удовлетворенія въ большинствѣ случаевъ былъ недостатокъ средствъ. Въ одномъ засѣданіи 27 ноября 1877 года Комитетъ былъ вынужденъ отказать 40 нуждающимся слушательницамъ во взносѣ за нихъ сполна платы за слушаніе лекцій и ограничиться уплатою за каждую изъ нихъ половины требуемой суммы, а именно по 12½ р.; 3 лицамъ, просившимъ о назначеніи стипендіи по 20 руб. въ мѣсяцъ, Комитетъ могъ выдать только по 10 руб. единовременно, хотя крайняя бѣдность ихъ не подлежала никакому сомнѣнію (протоколъ засѣданія 30 января). Наконецъ 5 просьбъ было отклонено совершенно,— въ томъ числѣ 4 просьбы объ уплатѣ за слушаніе лекцій,— исключительно вслѣдствіе недостаточности средствъ Общества (протоколъ засѣданія 9 января). Изъ числа 77 просьбъ, поданныхъ въ 1877 году слушательницами педагогическихъ курсовъ (не считая 9 просьбъ, по разнымъ причинамъ не требовавшихъ исполненія) удовлетворено вполнѣ только 43, не вполнѣ—30 и совершенно отклонено—4. При такомъ положеніи дѣлъ Комитетъ, по убѣжденію Коммиссіи, поступилъ совершенно правильно, не отчисливъ въ неприкосновенный капиталъ, какъ это слѣдовало бы по § 3 второго отдѣла инструкціи 4 мая 1875 года, 10% съ полученныхъ имъ въ 1875, 1876 и 1877 годахъ доходовъ, подходящихъ подъ дѣйствіе этого §.

Въ виду постоянно возрастающаго числа лицъ, нуждающихся въ помощи Общества, и крайне медленнаго увеличенія средствъ его, Коммиссія вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Комитета о необходимости отмѣнить вышеупомянутый § второго отдѣла инструкціи 4 мая 1877 г.

М. Стасюлевичъ.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ

ВЪ

ОБШИРНОМЪ СМЫСЛѢ.

Окончаніе.

IV *)

Сложность борьбы за существованіе между человѣческими группами.—Вліяніе соматическихъ причинъ.—Роль интеллектуальнаго и нравственнаго момента.—Отступленіе съ цѣлью показать на примѣрѣ невозможность объективнаго рѣшенія нѣкоторыхъ крупныхъ вопросовъ общественной этики. — Провѣрка полученныхъ выводовъ на отдѣльныхъ примѣрахъ борьбы за существованіе малайскихъ народовъ и въ Америкѣ.—Китайцы, какъ сильнѣйшій народъ въ борьбѣ за существованіе.—Заключеніе.

У человѣка, подобно другимъ общественнымъ животнымъ, соединеніе въ общества оказываетъ значительное вліяніе на процессъ борьбы за существованіе. При извѣстныхъ условіяхъ общественности, конкурренція между отдѣльными недѣлимыми можетъ значительно ослабѣвать или вовсе прекращаться, но тогда она вся направляется на соревнованіе между общественными группами. Фактъ, что человѣкъ есть во всякомъ случаѣ общественное существо, что онъ, во что бы то ни стало, долженъ соединяться въ бо́льшія или меньшія общества, выработалъ въ немъ нѣкоторую уступчивость, способность до извѣстной степени жертвовать своими личными интересами ради общей пользы. Въ

*) См. выше: іюль, 9 стр.

этомъ нѣтъ ничего исключительно свойственнаго человѣку, какъ думаетъ Шэффле. У многихъ животныхъ общественность развита въ несравненно бо́льшей степени. Не говоря уже о насѣкомыхъ, у которыхъ образовались особые органы ради общественныхъ цѣлей и у которыхъ особь нерѣдко приносится въ жертву обществу, существуетъ много низшихъ животныхъ, гдѣ особь цѣликомъ поглощается обществомъ и низводится на степень простого органа. Въ человѣчествѣ же нынѣшняго времени и въ идеалахъ его на будущее, особь всегда сохраняетъ свою индивидуальность и только до извѣстной степени подчиняется обществу. Цѣлый рядъ нравственныхъ принциповъ (между прочимъ и выше цитированныя положенія Шлейермахера и Ланге) стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія. Но въ то время, какъ у всѣхъ животныхъ «общественные инстинкты никогда не распространяются на всѣхъ особей даннаго вида» (Дарвинъ), у людей существуетъ по крайней мѣрѣ стремленіе соединить все человѣчество въ одно большое общество. Какое бы направленіе приняла борьба за существованіе въ случаѣ достиженія этой цѣли, мы пока не знаемъ. Я думаю, что мы въ правѣ обойти теперь этотъ вопросъ и воздержаться отъ изложенія соображеній по его поводу, такъ какъ наша главная цѣль заключается въ томъ, чтобы по возможности изучить нѣкоторыя общія стороны совершающейся нынѣ конкурренціи между общественными группами. Что эта конкурренція есть явленіе чрезвычайно глубоко заложенное, явствуетъ само собою. По отношенію къ производительнымъ обществамъ это высказано Маурусомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Если бы трудъ, по предложенію Лассаля, ассоціаціонно организовался въ опредѣленные круги и притомъ по отдѣльнымъ отраслямъ, то мѣсто конкурренціи отдѣльныхъ фабрикъ заступила бы конкурренція отдѣльныхъ ассоціацій. Развѣ не можетъ случиться, что какая-нибудь ассоціація, вслѣдствіе лучшихъ качествъ или лучшей группировки рабочей силы, или вслѣдствіе другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, будетъ производить дешевле, чѣмъ другія, и слѣдовательно, будетъ имѣть возможность доставить на рынокъ свои продукты по болѣе низкимъ цѣнамъ? И развѣ та ассоціація, которая ведетъ производство при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, не можетъ въ этомъ случаѣ пострадать, даже погибнуть, оставивъ своимъ членамъ только полнѣйшее разореніе?» (О свободѣ, 274). Та же мысль была высказана и на послѣднемъ конгрессѣ въ Гентѣ членами, доказывавшими, что «извѣстныя группы производителей, болѣе благопріятно обставленныя, могутъ вытѣснять остальныя и создать своего рода монополію».

При изученіи борьбы за существованіе между человѣческими обществами, намъ естественно приходится сосредоточить наше вниманіе на антропологическихъ и этническихъ группахъ, какъ такихъ, о которыхъ наука обладаетъ всего бо́льшими данными. Такимъ образомъ, мы переходимъ къ вопросу о соперничествѣ между народами и вытѣсненіи однихъ изъ нихъ другими.

Въ своей рѣчи о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ родѣ Эккеръ распространяетъ свое воззрѣніе и на борьбу между народами. «Какъ бы ни было велико наше сожалѣніе (относительно слабѣйшихъ расъ),—говоритъ онъ,—мы должны тѣмъ не менѣе констатировать законъ природы, примѣняемый съ роковой необходимостью, законъ, по которому раса, высшая съ интеллектуальной точки зрѣнія, въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ и вытѣсняетъ низшую расу» (l. c. 819). Еще рѣзче высказывается онъ въ заключительныхъ словахъ: «Послѣдняя (франко-прусская) война указываетъ намъ, что исторія народовъ также опирается на естественные законы и состоитъ изъ ряда безусловныхъ необходимостей, изъ ряда, въ которомъ *всегда перевѣшиваетъ нравственный и умственный прогрессъ*. Такимъ образомъ нельзя не признать существованія нравственной системы въ судьбѣ народовъ» (822). Я привелъ здѣсь эти двѣ цитаты, такъ какъ онѣ отчетливо и сжато выражаютъ взглядъ, раздѣляемый многими, высказывавшимися о занимающемъ насъ вопросѣ. То же самое заключено и въ слѣдующихъ словахъ Шэффле, новѣйшаго автора по этому вопросу. «Прогрессирующая цивилизація, — говоритъ онъ,—даетъ высшую степень силы какъ для самосохраненія, такъ и для побѣды въ борьбѣ съ природою и врагами изъ среды самого человѣческаго рода».

Дарвинъ, обстоятельно занявшійся вопросомъ о борьбѣ за существованіе расъ и народовъ, пришелъ къ заключенію, что «степень цивилизаціи есть, повидимому, въ высшей степени важный элементъ въ дѣлѣ успѣха конкуррирующихъ народовъ». Относительно же самаго содержанія этого элемента, онъ высказываетъ слѣдующее: «Какъ ни темна задача прогресса цивилизаціи, тѣмъ не менѣе мы можемъ замѣтить, что нація, произведшая въ теченіи долгаго времени наибольшее число высоко развитыхъ въ умственномъ отношеніи, энергичныхъ, храбрыхъ, патріотическихъ и добродѣтельныхъ людей, вообще должна получить преобладаніе надъ менѣе одаренными націями». Еще общѣе онъ формулируетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «Увеличеніе числа хорошо ода-

ренныхъ людей и прогрессъ въ общемъ мѣрилѣ нравственности даютъ несомнѣнно безконечное преимущество одному племени передъ другимъ». Отсюда у него вытекаетъ, что «такъ какъ во всѣ времена и на всей землѣ одни племена вытѣсняли другія, и такъ какъ въ дѣлѣ успѣха нравственность играла существенную роль, то мѣрило нравственности всюду имѣетъ стремленіе къ повышенію и число хорошо одаренныхъ людей должно постепенно увеличиваться».

Рядомъ съ такими психическими мотивами, Дарвинъ признаетъ и усиленное вліяніе чисто-соматическаго момента, и потому объясняетъ вымираніе многихъ первобытныхъ народовъ, главнымъ образомъ, уменьшеніемъ плодовитости и усиленіемъ дѣтскихъ болѣзней, вслѣдствіе измѣненія окружающихъ жизненныхъ условій, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія сами-по-себѣ нисколько не вредны.

Гельвальдъ, соглашающійся съ Дарвиномъ относительно роли соматическаго момента, не раздѣляетъ вполнѣ ни его воззрѣній, ни взгляда Эккера (противъ котораго онъ особенно выступаетъ) на участіе умственнаго и нравственнаго элементовъ въ дѣлѣ борьбы. «Вообще, — говоритъ онъ, — высшая раса есть дѣйствительно та, которая выше и въ духовномъ отношеніи, но это не составляетъ неизбѣжнаго правила, какъ думаетъ профессоръ Эккеръ». Въ подтвержденіе этого ограниченія, онъ ссылается на фактъ, что индійцы центральной и южной Америки побѣждаютъ испанскихъ креоловъ, — на то, что въ Венгріи нѣмцы легко поглощаются «несомнѣнно низшими мадьярами» и т. д. «Такимъ образомъ, — выводитъ онъ, — въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ не всегда высшая въ духовномъ отношеніи раса, но такая, которая всего лучше приспособлена къ этой борьбѣ, причемъ дѣло рѣшается иногда чисто-физіологическими свойствами» [1]).

Для того, чтобы, по возможности, рѣшить главные вопросы о борьбѣ за существованіе человѣческихъ расъ, необходимо строго раздѣлять различные моменты этой борьбы, въ большинствѣ случаевъ представляющейся чрезвычайно сложною.

Можно положительно утверждать, что въ побѣдѣ европейцевъ надъ многими первобытными народами весьма важную роль играли и играютъ чисто-соматическія явленія. Во многихъ мѣстахъ замѣчено, что европейцы чрезвычайно легко заражаютъ дикарей эпидемическими болѣзнями, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами они не заболѣваютъ. Тутъ, слѣдовательно, европейцы

---

[1]) „Ausland“, 1872, стр. 141.

являются невольными переносителями заразы, подобно тому, какъ это въ меньшихъ размѣрахъ замѣчено относительно докторовъ. Въ самыхъ различныхъ странахъ сложилось твердое убѣжденіе, что посѣщеніе иностранныхъ кораблей служитъ источникомъ распространенія болѣзней. Изъ числа эпидемій, особенно важную роль играетъ оспа, отнимающая у многихъ нецивилизованныхъ народовъ огромное число людей. Въ Америкѣ отъ нея погибла, по крайней мѣрѣ, половина всего туземнаго населенія. Столь же гибельна она и для народовъ полинезійской и австралійской расъ. На Сандвичевыхъ островахъ въ теченіи одного 1853 года отъ нея умерло отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. На полинезійскій островъ Понапè оспа была завезена однимъ англійскимъ матросомъ и въ короткое время унесла три-пятыхъ всего населенія. Извѣстно, какъ ужасно она свирѣпствовала на островахъ Фиджи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вымираніе камчадаловъ въ значительной степени объясняется также ихъ смертностью отъ той же болѣзни. Появленіе оспенной эпидеміи нерѣдко возбуждаетъ паническій страхъ среди нецивилизованнаго населенія. Такъ, напримѣръ, патагонцы разбѣгаются, бросая больныхъ, передъ которыми они ставятъ воду и пищу; но, несмотря на это, болѣзнь слѣдуетъ имъ по пятамъ. То же много разъ было замѣчено и у калмыковъ, оставляющихъ въ большинствѣ случаевъ больныхъ безъ всякаго присмотра. Нѣкоторые приписываютъ именно этой мѣрѣ сильную смертность калмыковъ отъ оспы. Но помимо этой причины есть и другія, быть можетъ, еще сильнѣе вліяющія въ томъ же направленіи. Во время моего пребыванія среди калмыковъ, я много разъ слышалъ увѣреніе, что они несравненно сильнѣе подвержены заболѣванію и смертности отъ оспы, чѣмъ русскіе при тѣхъ же условіяхъ. Ни оспопрививаніе, къ которому они нерѣдко прибѣгаютъ, ни уходъ за больными, который обыкновенно выполняется лицами, уже перенесшими болѣзнь, не представляютъ серьёзной гарантіи. Чтобы составить себѣ понятіе объ интенсивности эпидеміи, скажу фактъ, что въ одномъ мѣстѣ, на приволжской окраинѣ степи (въ хошоутовскомъ улусѣ), въ теченіи одной зимы 1874 года, изъ пятидесяти семействъ въ живыхъ осталось только одно. Нѣкоторыя лица увѣряли меня, что въ одинъ этотъ (1874) годъ вымерло около трети всего калмыцкаго населенія. Цифру эту слѣдуетъ считать преувеличенной относительно цѣлаго населенія калмыцкой степи, но она можетъ быть справедлива относительно окраинъ, гдѣ болѣзнь, вслѣдствіе сосѣдства съ русскими, свирѣпствуетъ обыкновенно въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ глубинѣ

степи. Есть основаніе думать, что самый организмъ калмыковъ (и другихъ народовъ, въ такой же степени подверженныхъ оспенной заразѣ) болѣе чувствителенъ къ воспринятію оспеннаго яда, такъ какъ у сосѣдей ихъ, киргизовъ, ведущихъ вообще довольно сходный съ ними образъ жизни, но несравненно болѣе приближающихся къ кавказской расѣ, оспа никогда не производитъ такихъ значительныхъ опустошеній.

При перемѣнѣ образа жизни, первобытные народы въ высшей степени подвержены бугорчаткѣ. Отъ нея преждевременно умираетъ большинство людей, переходящихъ отъ первобытнаго образа жизни и легко перенимающихъ европейскіе нравы,—напримѣръ, у калмыцкихъ князей (нойоновъ), учащихся и проч. Смертность послѣднихъ, при этихъ условіяхъ, такъ велика, что изъ 164 учениковъ австралійцевъ, содержавшихся въ заведеніи Трелькельда, «одного изъ первыхъ благодѣтелей австралійской расы», черезъ четыре года, въ живыхъ осталось только три. Негры, отличающіеся удивительной нечувствительностью къ лихорадочнымъ заразамъ, чрезвычайно легко заболѣваютъ чахоткой. Одинъ негритянскій полкъ, изъ 1,800 человѣкъ, переведенный съ Антильскихъ острововъ на Гибралтаръ, почти вымеръ отъ этой болѣзни, въ теченіи всего пятнадцати мѣсяцевъ.

Кромѣ вліянія на смертность, соприкосновеніе первобытныхъ людей съ цивилизованными отражается также — и нерѣдко въ значительной степени — и на плодовитости первыхъ. Съ давнихъ поръ и у самыхъ различныхъ первобытныхъ народовъ была замѣчена сравнительно незначительная плодовитость. Нѣкоторые авторы объясняютъ вымираніе сандвичанъ, маорисовъ, индійцевъ и многихъ другихъ «дикарей» именно безплодіемъ ихъ женщинъ. Въ существованіи самаго факта не можетъ быть сомнѣнія; достаточнаго же объясненія для него и до сихъ поръ не найдено. Одни видятъ въ немъ просто доказательство предположенія, что «низшія» человѣческія расы вообще наименѣе плодовиты; другіе же объясняютъ его слишкомъ подавленнымъ положеніемъ женщинъ, легкостью ихъ поведенія и т. п. Грасіолè провелъ параллель между безплодіемъ первобытныхъ женщинъ и многихъ животныхъ, содержимыхъ въ неволѣ. Онъ это объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Дикарь, страна котораго занята европейцами, уже болѣе не чувствуетъ себя дома, — и хотя и остается на родной ему землѣ, но ощущаетъ тоску по родинѣ; онъ заглушаетъ ее виномъ, но затѣмъ снова впадаетъ въ нее; онъ грустенъ и обезкураженъ, и тоскуетъ, какъ заключенное въ неволю животное. Тоски же отъ неволи достаточно для того,

чтобы произвести безплодіе у большаго числа животныхъ; собаки, постоянно выдерживаемыя въ клѣткѣ, теряютъ всякое половое влеченіе. Такая же причина легко можетъ объяснить и безплодіе дикарей Полинезіи и Австраліи» [1]). Въ новѣйшее время сходную мысль сталъ развивать Дарвинъ, который, какъ мы видѣли выше, считаетъ безплодіе одной изъ главнѣйшихъ причинъ вымиранія первобытныхъ народовъ. Онъ, правда, не объясняетъ его тѣми психическими мотивами, къ которымъ прибѣгаетъ Грасіолэ, но ограничивается только подробными указаніями на сходное безплодіе многихъ животныхъ, которыхъ пытались обратить въ домашнее состояніе. Причины, вліяющія на слабую степень плодовитости при измѣненныхъ условіяхъ существованія, Дарвинъ считаетъ достаточными и для объясненія слабой комплекціи дѣтей, рожденныхъ при такихъ условіяхъ, а слѣдовательно — ихъ усиленной смертности.

Чтобы достаточно оцѣнить значеніе указываемыхъ здѣсь соматическихъ явленій на ходъ борьбы за существованіе, необходимо обратить вниманіе на ихъ участіе въ дѣлѣ распространенія европейскихъ народовъ, отличающихся вообще особенной выносливостью и къ тому же имѣющихъ подъ руками обширныя, доставляемыя культурой, средства для охраненія отъ вредныхъ внѣшнихъ условій. На Мадагаскарѣ и въ Сенегамбіи, напр., ни одинъ европейскій народъ не обнаружилъ способности къ акклиматизированію. На Явѣ и вообще на островахъ Малайскаго архипелага, несмотря на всѣ старанія голландцевъ, имъ не удалось приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ. Даже въ Алжиріи, несмотря на ея значительное сходство съ южной Европой, большинство европейцевъ вымираетъ и только нѣкоторымъ, какъ, напр., мальтійцамъ и испанцамъ удается полное акклиматизированіе.

При разсужденіяхъ о вытѣсненіи и вымираніи народовъ необходимо, слѣдовательно, имѣть въ виду на первомъ планѣ физіологическій моментъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. При его помощи объясняются, во-первыхъ, явленія вымиранія такихъ народовъ, которые съ другихъ точекъ зрѣнія обнаруживаютъ признаки значительной живучести, какъ, напр., маорисовъ, народа, отличающагося замѣчательной способностью къ воспріятію культуры и сообразованію съ обстоятельствами. Съ другой стороны, тотъ же моментъ можетъ помочь объяснить намъ и нерѣдко парадоксальныя явленія переживанія народовъ. Беджотъ

[1]) „Bulletin de la Société d'anthropologie“, 1862, стр. 298.

обратилъ вниманіе на то, что въ древнія времена дикари не вымирали, несмотря на свои многочисленныя сношенія съ классическими народами. И онъ, и Дарвинъ видятъ въ этомъ доказательство усиленнаго вліянія нынѣшней степени цивилизаціи, между тѣмъ какъ этотъ фактъ объясняется проще тѣмъ, что дикари, приходившіе въ столкновеніе съ древними цивилизованными народами, принадлежали большей частью къ одной съ ними антропологической группѣ, и потому въ меньшей степени подвергались болѣзненнымъ зараженіямъ. Тѣмъ же (по крайней мѣрѣ, отчасти) можетъ быть объяснено и отсутствіе явленій вымиранія среди народовъ Кавказа, несмотря на зависимое ихъ положеніе и мѣстами значительную бѣдность и вообще дурныя, нерѣдко примитивныя жизненныя условія; между тѣмъ какъ нѣкоторые народы чистокровнаго монгольскаго племени, какъ, напр., калмыки, отъ соприкосновенія съ тѣми же русскими несомнѣнно вымираютъ [1]).

Теперь всѣ пришли къ убѣжденію, что такое сложное и крупное явленіе, какъ вымираніе народовъ, зависитъ не отъ одной какой-нибудь причины и даже не отъ одной сложной категоріи причинъ (какъ, напр., вышеупомянутый физіологическій моментъ), но отъ суммы нѣсколькихъ нерѣдко весьма разнородныхъ обстоятельствъ. Какъ ни велико болѣзненное расположеніе многихъ народовъ и ихъ способность къ безплодію при измѣненіи внѣшнихъ условій, но эти явленія сами по себѣ не неизмѣнны. Поэтому народъ, не находящійся подъ вліяніемъ другихъ поводовъ къ вымиранію, можетъ еще оправиться и впослѣдствіи окрѣпнуть. Такимъ образомъ, нѣкоторые первобытные народы, какъ, напр., тонганцы, не вымираютъ, другіе же хотя и продол-

[1]) Отсутствіе вымиранія народовъ Кавказа я принимаю на основаніи справокъ, которыя сдѣлалъ во время пребыванія моего въ кавказскомъ краѣ. Нѣкоторые народы Кавказа, какъ мнѣ обязательно сообщилъ г. Вороновъ, по имѣющимся у него числовымъ даннымъ, напротивъ, обнаруживаютъ увеличеніе населенія за послѣдніе годы.— О вымираніи калмыковъ см. въ „Извѣстіяхъ рус. Географ. Общества“ 1873 г., октябрь. Съ тѣхъ поръ мнѣ удалось получить несомнѣнное подтвержденіе нѣкоторыхъ, высказанныхъ тамъ положеній. Такъ, подати въ яндыковскомъ улусѣ въ 1873 г. пришлось съ 7 р. 58 к. увеличить до 8 р. 80 к. на кибитку, вслѣдствіе того, что изъ общаго числа „окладныхъ кибитокъ выбыло 433 кибитки за умершихъ, старыхъ, больныхъ, бездомныхъ и малолѣтнихъ“. Совершенно вымершихъ кибитокъ въ улусѣ было 148. Въ 1874 г. это количество, вслѣдствіе сильной оспенной эпидеміи, должно было еще значительно сократиться. Такіе рѣзкіе признаки вымиранія мнѣ случилось примѣтить только въ пограничныхъ улусахъ, гдѣ сосредоточены главнѣйшія причины, какъ-то: жизнь при наиболѣе измѣненныхъ условіяхъ, большее число шансовъ заразы вслѣдствіе ближайшаго сосѣдства съ русскими, большее распространеніе пьянства и пр.

жають вымирать, но въ слабѣйшей противъ прежняго степени, что̀ подаетъ поводъ Герланду высказывать самыя розовыя надежды относительно будущности полинезійцевъ. Европейскіе народы быстро оправлялись послѣ сильнѣйшихъ и многочисленныхъ эпидемій. Возможно, что и выносливость негровъ, малайцевъ и другихъ народовъ, съ давнихъ поръ находившихся въ общеніи съ многочисленными другими народами, была пріобрѣтена ими не сразу, а постепенно и притомъ цѣною большихъ жертвъ.

Итакъ, помимо физіологической борьбы за существованіе между народами ведется и другая, совершающаяся на болѣе сознательной почвѣ. При этомъ одинъ народъ стремится или совершенно вытѣснить другой, или же поставить его въ бо̀льшую или меньшую зависимость отъ себя. Чѣмъ болѣе сходны два конкуррирующіе народа, тѣмъ чаще бываетъ первое; чѣмъ менѣе между ними общаго, тѣмъ скорѣе можетъ быть второе.

Результатъ, долженствующій произойти отъ соперничества между первобытнымъ и культурнымъ народомъ, удачно выраженъ въ общей формѣ Мишле въ его диссертаціи «о Гвіанѣ и ея пенитенціарныхъ учрежденіяхъ».—«Жизнь цивилизованная и жизнь дикая—говоритъ онъ—настолько несовмѣстимы другъ съ другомъ, что одновременно онѣ не могутъ существовать на одной почвѣ, и въ ихъ борьбѣ побѣда не подлежитъ сомнѣнію. *Это—борьба между зрѣлымъ человѣкомъ и ребенкомъ*». Недальновидность и непрактичность первобытныхъ людей въ самомъ дѣлѣ носятъ на себѣ такой дѣтскій характеръ и составляютъ явленіе настолько распространенное, что на него не могли не обратить вниманія въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ. Понятно, что это свойство ихъ сдѣлалось обильнымъ поводомъ для эксплуатаціи болѣе практическими и ловкими народами. Вотъ какимъ образомъ это дѣлается, судя по словамъ одного китайскаго купца, обращеннымъ къ миссіонеру и путешественнику Гюку: «Развѣ вы не замѣтили, что всѣ монголы точно дѣти? Когда имъ случится попасть въ городъ, то у нихъ тотчасъ является желаніе получить все, что̀ имъ попадется на глаза. Но обыкновенно у нихъ не бываетъ денегъ и мы являемся имъ на помощь; мы имъ отпускаемъ товаръ въ долгъ и поэтому, по справедливости, беремъ съ нихъ дороже. Давая товаръ безъ денегъ, нельзя не наложить небольшой процентъ — отъ тридцати до сорока на сто. Не правда ли, что это совершенно справедливо? Мало-по-малу проценты накопляются и тогда уже идутъ проценты на проценты. Это, впрочемъ, дѣлается только съ монголами, такъ какъ въ Китаѣ это запрещено императорскимъ закономъ. Но мы, принужденные без-

престанно рыскать по «странѣ травъ», конечно, можемъ требовать процентовъ на проценты. Не правда-ли, вѣдь это совершенно справедливо? Монгольскій долгъ никогда не погашается; онъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ежегодно мы отправляемся за процентами, которые выплачиваются баранами, быками, верблюдами, лошадьми и пр. Это несравненно выгоднѣе, чѣмъ деньги. Монгольскій скотъ намъ обходится дешево, а на рынкѣ мы его сбываемъ очень дорого. О, монгольскій долгъ, это отличная вещь! Это истинный золотой источникъ» [1]. — Я выбралъ этотъ случай какъ одинъ характерный изъ множества примѣровъ совершенно подобной же непрактичности некультурныхъ народовъ. Тѣмъ же способомъ, какимъ монголы обираются китайцами, совершается и эксплуатація калмыковъ, башкиръ и многихъ другихъ народовъ русскими, малороссовъ и поляковъ — евреями, и т. п. Даже такой способный народъ, какъ маорисы, въ первое время сношеній съ англичанами далъ себя въ обманъ, подписывая контракты и векселя, смыслъ которыхъ былъ совершенно непонятенъ этимъ «дикарямъ».

Такимъ образомъ, незнаніе и непрактичность находятся въ числѣ главнѣйшихъ причинъ слабости въ борьбѣ за существованіе. Вообще можно сказать, что интеллектуальныя свойства народа играютъ въ этомъ дѣлѣ первостепенную роль. То, что Поль Брока высказалъ (во время извѣстныхъ преній въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ по вопросу о вымираніи и совершенствованіи расъ) по поводу австралійцевъ, можетъ быть съ нѣкоторыми ограниченіями признано общимъ правиломъ. «Нѣтъ никакого отношенія—говоритъ онъ—между добротой, мягкостью, благодарностью, любовью къ семейству и другими *нравственными* качествами съ одной стороны,—и предусмотрительностью, порядкомъ, духомъ изобрѣтательности, настойчивостью, расчетливостью, зависящими отъ *интеллектуальныхъ* способностей въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. способностей, дѣлающихъ одну расу способной къ цивилизованію, къ пониманію выгоды въ пожертвованіи частью личной свободы для того, чтобы жить въ правильно устроенномъ обществѣ—въ работѣ съ цѣлію пожать плоды ея не тотчасъ, а черезъ полгода и, наконецъ,—въ подчиненіи законамъ для того, чтобы самому пользоваться ихъ покровительствомъ. Расы, понимающія эти общественныя основы, могутъ цивилизоваться въ большей или меньшей степени; однѣ могутъ это дѣлать самостоятельно, другія же путемъ подражанія, убѣжденія или наси-

[1] *Huc*, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie. 1853. I, стр. 216.

лія, смотря по свойствамъ и степени ихъ ума; расы же, не понимающія этихъ выгодъ, остаются въ дикомъ состояніи. Это однакоже вовсе не означаетъ, чтобы онѣ были лишены нравственныхъ качествъ и даже умственныхъ способностей; это значитъ только, что у нихъ вовсе нѣтъ или недостаточно нѣкоторыхъ интеллектуальныхъ качествъ» [1]). Выводъ этотъ однакоже не долженъ вести къ отрицанію всякаго значенія въ борьбѣ за существованіе и притомъ вообще всякихъ нравственныхъ качествъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., независимая отъ разсчета извѣстная степень солидарности между членами борющейся стороны, играетъ нерѣдко важную роль въ дѣлѣ побѣды. Что же касается храбрости, на которую ссылается Дарвинъ (см. выше стр. *15 bis*), какъ на одинъ изъ существенныхъ моментовъ побѣдности, то ея значеніе должно быть отодвинуто вообще на очень задній планъ. Безспорно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказала немалую услугу, но въ цѣломъ, развивая въ народѣ особенно воинственный духъ, она чаще вела къ гибели. Мирная форма борьбы за существованіе даетъ вообще несравненно болѣе прочные результаты, чѣмъ военный успѣхъ. Всѣмъ извѣстная храбрость, неразрывно соединенная, какъ это обыкновенно бываетъ, съ духомъ независимости, очень сильно повліяла на исчезновеніе антильскихъ индійцевъ и на процессъ вымиранія многихъ народовъ. Маорисы, самый воинственный и свободолюбивый изъ полинезійскихъ народовъ, восстали противъ англійскаго господства, выставивъ девизомъ, что «лучше умереть всѣмъ за отечество, чѣмъ жить подъ чужимъ владычествомъ». Конечно, такое рѣшеніе, нѣсколько разъ побуждавшее маорисовъ къ открытію военныхъ дѣйствій, повліяло на уменьшеніе ихъ численности, а, слѣдовательно, оказало вліяніе и на ихъ вымираніе. «Народъ воинственный и энергичный, не желающій подчиниться національному рабству на своей родинѣ,—говоритъ Уоллесъ по поводу папуасовъ Новой-Гвинеи,—долженъ исчезнуть передъ бѣлымъ человѣкомъ такъ же неизбѣжно, какъ волкъ и тигръ» (Мал. арх. 619). Нужно думать, что знаменитая храбрость и духъ независимости многихъ народовъ Кавказа принесли имъ больше вреда, чѣмъ пользы; можно предсказать (если только въ подобнаго рода вопросахъ можно рѣшаться предсказывать), что эти качества приведутъ ихъ къ окончательной гибели, между тѣмъ какъ болѣе миролюбивые, хотя, вообще говоря, вовсе не болѣе нравственные народы Закавказья (главнымъ образомъ, армяне) окажутся не-

---

[1]) Bulletin de la Soc. d'anthr. 1860, стр. 875.

сравненно долговѣчнѣе. Даже народы, достигшіе высокой степени цивилизаціи, какъ, напр., римляне и французы, жестоко поплатились за свою воинственность,—качество, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ значительной храбростью. Изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ одни французы обнаруживаютъ нѣкоторые признаки приближающагося упадка и, пожалуй, даже вымиранія расы, признаки, безспорно связанные причинно съ ихъ чрезмѣрной воинственностью.

Дарвинъ ссылается еще на «энергію» и «добродѣтель», какъ на качества, развитіе которыхъ должно способствовать въ борьбѣ за существованіе народовъ. Что касается перваго изъ этихъ свойствъ, то оно получаетъ нравственный характеръ только тогда, если энергія направляется не на личное благо, а на общественное. Во всѣхъ случаяхъ она оказывается важнымъ элементомъ побѣдности и живучести, но лишь подъ условіемъ подчиненія ея знанію и разсчету. Что же касается добродѣтели, то роль ея, какъ условіе побѣды въ борьбѣ за существованіе народовъ, крайне сомнительна. Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, самъ Дарвинъ указываетъ на «несомнѣнный вредъ», происходящій для физическаго состоянія расы отъ упражненія добродѣтельныхъ чувствъ. Если же мы мысленно представимъ себѣ еще сильнѣйшую степень охраненія слабыхъ, то легко увидимъ, какіе результаты могутъ послѣдовать отъ этого. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что упражненіе симпатіи, развивая чувствительность, дѣлаетъ людей мало пригодными къ участію въ борьбѣ за существованіе, которая даже въ самой высшей своей формѣ соединена съ причиненіемъ страданія. Извѣстно, что сочувствіе вообще болѣе свойственно женщинамъ, т.-е. лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ и не принимающимъ непосредственнаго участія въ народной борьбѣ за существованіе. На этотъ психологическій моментъ обратилъ вниманіе Гербертъ Спенсеръ, который приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Близкое знакомство съ внѣшними выраженіями бѣдности и несчастія, — говоритъ онъ, — необходимо производитъ (или, скорѣе, поддерживаетъ) пропорціональное ему равнодушіе; и это равнодушіе есть неизбѣжный спутникъ безкровной борьбы между членами каждаго отдѣльнаго общества, точно также какъ оно есть неизбѣжный спутникъ кровавой борьбы между различными обществами» [1]).

---

[1]) Основанія Психологіи, IV, 314. Само собою разумѣется, что равнодушіе на столько же должно сопутствовать и безкровной борьбѣ между народами, о которой у насъ, главнымъ образомъ, и идетъ рѣчь.

Что въ дѣлѣ столь неравной борьбы между европейцами и первобытными народами, со стороны первыхъ были въ большинствѣ случаевъ проявляемы не только безнравственныя, но нерѣдко безчеловѣчныя чувства, это слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было долго останавливаться на этомъ. Герландъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «Пусть не говорятъ, что обнаруженныя европейцами низости исходили только отъ отдѣльныхъ лицъ и что поэтому только они и должны нести за то отвѣтственность: такіе поступки совершались, приблизительно, въ одинаковой степени всѣми колонистами и во всякомъ случаѣ получали отъ нихъ высшую степень одобренія». «Изъ этихъ соображеній вытекаетъ,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—какъ необычайно медленно совершается нравственное совершенствованіе человѣчества и какъ мало обусловливается оно умственнымъ развитіемъ» [1]). «Всюду, куда только ни проникнетъ Орангъ-Путти (то-есть бѣлый человѣкъ, или христіанинъ)—говорилъ одинъ яванецъ въ бесѣдѣ съ голландскимъ офицеромъ—пропадаетъ вѣрность и довѣріе, а пьянство, наглость, безнравственность, жадность, лицемѣріе и насиліе идутъ за нимъ по пятамъ, чтобы утвердиться всюду, гдѣ онъ ни остановится» (Бастіанъ). Какъ ни рѣзко такое сужденіе, но въ немъ заключена значительная доля правды. «Честность, вѣрность, порядочность, гостепріимство, человѣчность, чистая религіозность, лучшія нравственныя качества встрѣчаются бóльшей частью не на сторонѣ европейцевъ (т.-е. европейскихъ колонистовъ), но на сторонѣ столь презираемыхъ первобытныхъ народовъ», говоритъ Герландъ, одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ этнографовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство и нѣкоторыя миссіи дѣлали все возможное для улучшенія участи подчиненныхъ народовъ, это имъ бóльшей частью не удавалось, вслѣдствіе діаметрально противоположныхъ стремленій колонистовъ и чиновниковъ, т.-е. лицъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ «дикарями». Въ самыхъ различныхъ частяхъ земного шара, напримѣръ, существуетъ запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ въ мѣста, заселенныя различными первобытными народами, очень падкими до нихъ; но нигдѣ это постановленіе не соблюдается мѣстными купцами-европейцами. Занявъ Новую-Зеландію, англійское правительство, въ своихъ попыткахъ поддержать и развить туземное населеніе, встрѣтило главное препятствіе со стороны «новозеландской компаніи», т.-е. общества, составившагося подъ руководствомъ богатыхъ и влія-

[1]) Ueber das Aussterben der Naturvölker, 1868, стр. 186.

тельныхъ англичанъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплуатировавшаго тогда еще совершенно неопытныхъ маорисовъ. Можно бы было привести большое количество аналогичныхъ фактовъ. Наше правительство, въ видахъ блага калмыцкаго народа, задумало цѣлый рядъ мѣръ съ цѣлію пріучить ихъ къ земледѣлію и къ болѣе правильному экономическому устройству. Для этого было предположено пересѣчь всю приволжскую калмыцкую степь проѣзжими дорогами и устроить по нимъ поселки. Въ результатѣ многихъ дорогъ не оказалось, всѣ поселки попали цѣликомъ въ русскія руки, и такимъ образомъ на окраинахъ появилось довольно многочисленное русское населеніе, враждебное во всѣхъ отношеніяхъ калмыкамъ, которые, въ концѣ-концовъ, потеряли только значительную часть своей лучшей земли и вообще приблизились къ полному разоренію.

Коснувшись здѣсь этой стороны вопроса объ отношеніяхъ между народами слабыми и сильными въ борьбѣ за существованіе, я не могу не сдѣлать нѣкотораго отступленія, не имѣющаго прямого отношенія къ обсуждаемому теперь вопросу о роли различныхъ моментовъ въ этой борьбѣ, но за то могущаго иллюстрировать болѣе общее положеніе, развитое въ предыдущей главѣ. Мнѣнія о дѣятельности правительствъ по отношенію къ опекаемымъ первобытнымъ народамъ весьма различны. Ихъ можно вообще раздѣлить на двѣ категоріи. Одни считаютъ необходимымъ, во что бы ни стало, поддерживать эти народы, дѣлать всевозможныя затраты для того, чтобы хотя сколько-нибудь поднять и цивилизовать ихъ. Этнографы, наиболѣе близко знакомые съ первобытными народами, вполнѣ придерживаются подобнаго мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, какъ высказывается по этому поводу Герландъ въ заключительныхъ строкахъ своего сочиненія «О вымираніи первобытныхъ народовъ». «Пусть сохранится отъ этихъ народовъ то, что̀ еще можетъ быть сохранено. До сихъ же поръ развитіе человѣчества и въ этомъ отношеніи вполнѣ зависитъ отъ натуралистическаго закона. Борьба за существованіе, въ которой сильнѣйшій тотъ, кто побѣждаетъ, обнаруживается въ полнѣйшей степени. Окрѣпнувшія расы распространяются съ силою и (въ отличіе отъ неразумной природы) съ удовольствіемъ, безъ всякой надобности, разрушая побѣждаемыя ими слабѣйшія расы. Но человѣкъ способенъ разсуждать и любить; а именно въ томъ и долженъ сильнѣйшій членъ разумной породы высказывать свою силу, чтобы стараться съ любовью возвысить до себя побѣжденныхъ имъ членовъ. Въ такомъ случаѣ наступило бы владычество духа и нравственнаго выбора, и цѣлое человѣчество сдѣлало бы

большой шагъ впередъ по тому пути, по которому оно должно слѣдовать, т.-е. по пути освобожденія духа отъ грубыхъ оковъ внѣшней природы». Герландъ и вообще та категорія мнѣній, которой онъ служитъ выразителемъ, ссылается, въ концѣ-концовъ, на благо цѣлаго, ради котораго необходимо охранять и поддерживать весь человѣческій родъ. Уничтоженіе же такой большой его части, какъ первобытные народы, гибельно еще и потому, что оно легко ведетъ къ огрубѣнію сильнѣйшихъ, вопреки человѣколюбивой цѣли цивилизація.

Мнѣнія другой категоріи, совершенно противоположнаго характера, также имѣютъ въ виду общее благо. Но съ ихъ точки зрѣнія споспѣшествованіе ему невозможно при помощи, стоющихъ огромной затраты, искусственныхъ мѣръ для охраненія первобытныхъ народовъ. Могутъ ли многіе представители послѣднихъ возвыситься до уровня современной культуры, это еще не доказано и въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма сомнительно. Между тѣмъ, оставляя бóльшею частью очень богато одаренныя земли въ рукахъ первобытныхъ туземцевъ и сдерживая наплывъ туда европейскихъ колонистовъ, мы содѣйствуемъ благу первыхъ въ ущербъ послѣднимъ. Простой же разсчетъ показываетъ, что эти земли въ состояніи прокормить несравненно бóльшее число цивилизованныхъ европейцевъ, чѣмъ, нерѣдко даже не дошедшихъ до земледѣльческой ступени, первобытныхъ народовъ. Отсюда вытекаетъ, что искусственное охраненіе нынѣшнихъ дикарей можетъ совершиться не иначе какъ на счетъ живущихъ или будущихъ европейцевъ и притомъ, что это будетъ охраненіе меньшинства на счетъ большинства; а поэтому слѣдуетъ предоставить борьбу за существованіе ея естественному теченію и не тормазить вытѣсненія первобытныхъ туземцевъ цивилизованными европейцами. Изъ числа современныхъ научныхъ писателей, такого рода воззрѣнія придерживается, напримѣръ, Гельвальдъ, какъ это видно изъ слѣдующаго его замѣчанія по поводу вымиранія негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ: «констатированіе этого фіаско якобы человѣколюбивой идеи—говоритъ онъ—ничуть не заключаетъ въ себѣ порицанія совершившагося факта и не заставляетъ желать его отмѣны, но, напротивъ, показываетъ только, что вымираніе свободныхъ негровъ составляетъ отнынѣ только вопросъ времени и даетъ самый основательный и наиболѣе благопріятный изъ всѣхъ возможныхъ исходовъ. Между тѣмъ какъ союзъ разъ навсегда освободится, такимъ образомъ, отъ заботы о «черныхъ братьяхъ», культура будетъ праздновать побѣду, всегда соеди-

венную съ исчезновенiемъ иноплеменнаго элемента» (Kulturgeschichte, стр. 756).

Научнаго рѣшенiя разсматриваемаго вопроса не можетъ быть дано, въ виду слишкомъ большой сложности и неопредѣленности входящихъ въ него факторовъ и неясности опредѣленiя «общаго блага». Имѣть ли въ виду общее благо нынѣ живущихъ поколѣнiй, или слѣдуетъ принимать въ разсчетъ и благо будущихъ? Какъ взвѣсить сумму благъ матерiальныхъ и нравственныхъ, сопровождающихъ вытѣсненiе дикарей европейцами при противовѣсѣ нравственнаго огрубѣнiя, неизбѣжнаго при этомъ? Имѣть ли опять въ виду только огрубѣнiе и жестокость поколѣнiя, непосредственно участвующаго въ процессѣ вытѣсненiя, или же принимать въ разсчетъ и возможное смягченiе нравовъ у послѣдующихъ поколѣнiй, которыя уже не будутъ личными свидѣтелями процесса расовой борьбы? Можно ли принимать въ соображенiе охраненiе первобытныхъ народовъ ради интересовъ науки, которая только теперь начала изучать ихъ серьёзно, или же эти интересы слѣдуетъ счесть роскошью и потому пренебречь ими ради непосредственныхъ экономическихъ интересовъ цивилизованнаго населенiя? Подобныхъ вопросовъ, тормозящихъ объективный отвѣтъ, можно поставить цѣлый длинный рядъ. Поэтому, при постановленiи рѣшенiя, требуемаго искусствомъ государственной политики, остается обширное поле для чисто-субъективнаго выбора, направленiе котораго можетъ быть, по крайней мѣрѣ отчасти, предсказано. Оно будетъ во всѣхъ случаяхъ окрашено характеромъ бóльшаго знакомства съ той или другой стороною дѣла. Этнографъ, ближе всего знающiй природу и нравы первобытныхъ народовъ, будетъ настаивать на ихъ охраненiи и вообще будетъ склоненъ къ пристрастiю въ ихъ пользу. Экономистъ же, наиболѣе освоенный съ интересами и нуждами колонистовъ, придавленныхъ въ своемъ густо населенномъ отечествѣ тяжкими условiями конкурренцiи, будетъ скорѣе стоять за предоставленiе свободы поселенiя и ратовать за вытѣсненiе коснѣющихъ въ невѣжествѣ дикарей. Миссiонеръ присоединится скорѣе къ мнѣнiю этнографа, а практическiй человѣкъ станетъ на сторону экономиста. Натуралистъ же, я думаю, вовсе устранится отъ рѣшенiя затруднительнаго вопроса, подобно тому, какъ патолого-анатомъ или физiологъ бóльшею частью отказывается лечить больныхъ. Преобладанiе того или другого элемента въ правительствѣ можетъ сильно влiять на принимаемыя имъ мѣропрiятiя; дѣйствительность же подчинится имъ или обойдетъ ихъ, смотря по надобности, и борьба за существованiе прямымъ или

окольнымъ путемъ доведетъ дѣло до преобладанія сильнѣйшихъ надъ слабыми, и народы, неспособные выдержать натискъ конкурренціи, погибнуть.

Возвращаясь снова къ вопросу о роли различныхъ моментовъ въ борьбѣ за существованіе, я считаю нужнымъ напомнить общее для всей живой природы правило, по которому побѣдность измѣряется приспособляемостью къ даннымъ условіямъ борьбы. «Если мы съумѣемъ,—сказалъ Маккіавелли,—измѣнять нашъ образъ дѣйствій сообразно съ временемъ и обстоятельствами, то счастіе намъ не измѣнитъ» (107). При этомъ на первомъ планѣ является знаніе этихъ обстоятельствъ и умѣніе примѣняться къ нимъ и пользоваться ими. Это вѣрно какъ для случаевъ борьбы между отдѣльными особями, такъ и въ дѣлѣ соперничества между народами и расами. Поэтому можно предположить, что группы, наиболѣе закаленныя внутренней борьбой, окажутся наиболѣе сильными и при столкновеніи съ другими группами. Если это справедливо, то положенія, высказанныя въ предыдущей главѣ относительно индивидуальнаго соперничества, должны быть распространены и на явленія борьбы между народами и расами.

Возьмемъ, съ цѣлью провѣрки высказанныхъ положеній, нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ такой борьбы.

Фридрихъ Мюллеръ, въ своей этнографіи, предсказываетъ, что изъ борьбы за существованіе расъ побѣдительницами выйдутъ кавказская, монгольская и негритянская. Онъ упустилъ изъ виду, что существуетъ еще одна раса, отличающаяся вообще большими способностями къ переживанію; я имѣю въ виду такъ-называемую малайскую расу (т.-е. малайскую въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, слѣдовательно, безъ полинезійскихъ и микронезійскихъ народовъ). Уже одинъ предѣлъ ея распространенія—отъ Малакки и Зондскихъ острововъ до Формозы и Мадагаскара—указываетъ на эту способность ея. Встрѣтившись съ другими племенами, эта раса частію вытѣснила ихъ, частію слилась съ ними, частію же сама подчинилась, но во всякомъ случаѣ сохранилась болѣе или менѣе цѣльно, что само по себѣ уже очень важно, если принять въ соображеніе, что ей приходилось имѣть дѣло съ самыми сильными народами Стараго Свѣта. На обширномъ Малайскомъ архипелагѣ разлилась эта раса, двигаясь съ сѣвера на югъ и востокъ, все болѣе и болѣе оттѣсняя черноножую расу, которую Уоллесъ означаетъ собирательнымъ названіемъ папуанской. Общую характеристику малайской расы, дающую возможность судить о

ея силѣ въ борьбѣ за существованіе, даетъ намъ Пешель. «Азіатскій малаецъ (подъ этимъ названіемъ Пешель разумѣетъ именно то, что̀ у насъ обозначено названіемъ малайской расы),—говоритъ онъ,—своей замкнутостью и скрытностью, своимъ рабскимъ чувствомъ по отношенію къ высшимъ и строгостью къ низшимъ, своей жестокостью, мстительностью и обидчивостью не производитъ пріятнаго впечатлѣнія, но за то выигрываетъ своей мягкостью къ дѣтямъ и умѣніемъ держать себя съ достоинствомъ и вѣжливостью» (Völkerkunde, 380). Характеристика эта тотчасъ же вызываетъ въ насъ представленіе о выносливости и удобопримѣняемости малайской расы, что̀ подтверждается какъ свидѣтельствомъ путешественниковъ, такъ и историческими данными. Малайцы легко подчинялись индійской культурѣ и браманизму, но потомъ обмѣняли его на мусульманство. На Явѣ голландское правительство запретило миссіонерамъ проповѣдывать христіанство, боясь, вѣроятно, что и оно легко можетъ быть ими принято. Примѣняющійся и легко подчиняющійся характеръ особенно рѣзокъ именно у яванцевъ, самаго многочисленнаго изъ малайскихъ народовъ; это-то свойство и составляетъ золотой источникъ, изъ котораго черпаютъ голландцы. Одинъ французскій путешественникъ былъ очень пораженъ при видѣ рабскихъ отношеній, въ которыхъ находятся яванцы къ европейцамъ. «Чуть только покажется бѣлый,—говоритъ графъ Бовоаръ,—какъ всѣ туземцы присаживаются на корточки въ знакъ уваженія и благоговѣнія. На многолюдной дорогѣ, по которой мы ѣхали съ величайшей скоростью, ни одинъ туземецъ не остался стоять. По мѣрѣ того, какъ наши лошади поднимали пыль, яванцы по обѣимъ сторонамъ дороги падали ницъ, какъ карточные солдатики». Знаменитая колоніальная система голландцевъ зиждется именно на способности яванцевъ къ рабскому подчиненію. Правительство до мелочей опекаетъ ихъ, налагаетъ на нихъ обязательный трудъ, само опредѣляя за него вознагражденіе и монополизируя торговлю добытыми продуктами. Туземное населеніе при этихъ условіяхъ обнаруживаетъ замѣчательное возрастаніе. Съ трехъ съ половиною милліоновъ въ началѣ столѣтія, оно въ 1865 году дошло до 14.168,416, а въ 1874—до 17.882,396 (Бэмъ и Вагнеръ); въ продолженіи двадцати-шести лѣтъ населеніе почти удвоилось (Уоллесъ).

Малайскіе народы, столь легко дающіе себя эксплуатировать, и сами дѣлаютъ то же, гдѣ это имъ доступно. Въ сношеніяхъ съ первобытными даяками острова Борнео, малайскіе купцы выказали себя обманщиками, а малайскіе начальники — грабите-

лями. Во многихъ мѣстахъ они подавили и вытѣснили слабѣйшую въ борьбѣ за существованіе папуанскую расу. Интересна сравнительная характеристика обѣихъ расъ Малайскаго архипелага, представленная Уоллесомъ. Я выписываю изъ нея слѣдующее: «Нравственныя черты папуанца настолько же отличаютъ его отъ малайца, какъ и физическія. Онъ живъ и выразителенъ въ разговорѣ и въ дѣйствіяхъ. Ощущенія и страсти свои онъ высказываетъ восклицаніями, смѣхомъ, крикомъ и неистовыми прыжками. Женщины и дѣти принимаютъ участіе во всякомъ разговорѣ и, повидимому, мало смущаются при видѣ иностранца или европейца. Объ умственныхъ способностяхъ этого племени судить очень трудно, но я склоненъ думать, что оно въ этомъ отношеніи стоитъ выше малайскаго, несмотря на то, что до настоящаго времени папуанцы не сдѣлали еще ни одного шага къ цивилизаціи. Но тутъ не должно забывать, что малайцы въ теченіи вѣковъ подвергались вліянію иммигрирующихъ индусовъ, китайцевъ и арабовъ, между тѣмъ какъ папуанцы подвергались лишь весьма незначительному и частному вліянію малайскихъ торговцевъ. У папуанца гораздо болѣе жизненной энергіи, которая несомнѣнно значительно помогла бы ему на пути къ умственному развитію». «Папуанцы болѣе любятъ искусство, нежели малайцы. Они украшаютъ свои лодки, дома и почти каждую домашнюю утварь тщательно сдѣланными изваяніями—обычай, весьма рѣдко встрѣчающійся между племенами малайской расы. Страсти и нравственныя чувства, напротивъ того, кажется, мало развиты у папуанцевъ. Въ обращеніи съ дѣтьми они часто бываютъ жестоки, между тѣмъ какъ малайцы почти всегда мягки и ласковы, едва ли когда вмѣшиваются въ ихъ занятія и забавы, даютъ имъ полную свободу, до какихъ бы лѣтъ это ни продолжалось. Но эти крайне мирныя отношенія между дѣтьми и родителями въ значительной степени происходятъ отъ нерадивости и апатичности характера расы, отчего младшіе члены никогда не противятся серьёзно старшимъ; между тѣмъ какъ болѣе суровая дисциплина папуанцевъ главнымъ образомъ есть слѣдствіе болѣе значительной силы и энергіи ума, рано или поздно ведущей къ тому, что слабый возстаетъ наконецъ противъ сильнаго, народъ противъ своихъ управителей, рабъ противъ своего господина, дитя противъ своихъ родителей» (Мал. арх. 612). Изо всего этого видно, что папуанцы гораздо болѣе нравятся Уоллесу, чѣмъ малайцы, что они болѣе склонны къ высшимъ духовнымъ проявленіямъ (искусство, любовь къ независимости); но, несмотря на то, они менѣе сильны въ борьбѣ за существо-

ваніе и должны уступать малайцамъ. То же, только въ сильнѣйшей степени, вытекаетъ и изъ сравненія малайцевъ съ даяками, т.-е. одного изъ самыхъ сильныхъ въ борьбѣ за существованіе съ чуть ли не слабѣйшимъ въ этомъ отношеніи народомъ малайской расы. «Я склоненъ,—говоритъ Уоллесъ,—поставить даяковъ выше малайцевъ въ умственномъ отношеніи, тогда какъ въ нравственномъ они, безъ всякаго сомнѣнія, далеко превосходятъ ихъ». На основаніи двадцатилѣтняго знакомства Штольцъ утверждаетъ, что даяки въ сношеніяхъ между собою отличаются вѣрностью и честностью, и говоритъ, что въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены въ примѣръ всѣмъ націямъ (Бастіанъ). Изъ того, что малайцы кажутся Уоллесу не особенно отличающимися въ умственномъ отношеніи, еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы умственныя способности не играли первостепенной роли въ ихъ борьбѣ за существованіе съ даяками и папуанцами, такъ какъ, перенявъ готовыя культурныя формы отъ болѣе зрѣлыхъ народовъ, малайцы тѣмъ самымъ уже получили въ свои руки могущественное орудіе борьбы. Притомъ же очевидно, что, говоря объ умственныхъ способностяхъ, Уоллесъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду тѣ высшія ихъ проявленія, которыя не имѣютъ непосредственнаго значенія въ борьбѣ. Что же касается практичности, т.-е. свойства особенно важнаго въ этомъ отношеніи, то несомнѣнно, что малайцы съ своими коммерческими наклонностями стоятъ выше какъ даяковъ, такъ и папуанцевъ. Что же касается собственно нравственной стороны, то она въ представленномъ примѣрѣ не играетъ выдающейся роли, какъ орудіе побѣды. Я говорю это въ увѣренности, что приспособляемость и способность къ рабскому подчиненію яванцевъ никѣмъ не будутъ причислены къ разряду настоящихъ нравственныхъ качествъ.

Сильные въ сравненіи съ первобытными народами, малайцы, однако же, и сами должны во многихъ мѣстностяхъ (какъ, напр., на Филиппинскихъ островахъ) уступить свою роль во всѣхъ отношеніяхъ сильнѣйшимъ китайцамъ, которые въ послѣднее время стали твердой ногой почти на всей территоріи, занятой малайскою расой.

Какъ примѣръ интенсивной и сложной борьбы за существованіе можетъ быть приведена, обратившая на себя всеобщее вниманіе, борьба расъ въ Америкѣ. Населенная первоначально сравнительно однороднымъ племенемъ, Америка сдѣлалась въ короткое время театромъ великаго народнаго переселенія, результаты котораго еще далеко не вполнѣ опредѣлились. Туземная раса оказалась при этомъ вообще недостаточно сильной, и хотя въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ она и удержалась, но за то въ другихъ исчезла съ удивительной быстротою. Почти съ самаго начала европейскаго переселенія въ Америку, между пришельцами и туземцами возгорѣлась борьба—мѣстами вслѣдствіе того, что послѣднимъ сдѣлалось тѣсно отъ наплыва новаго населенія; бóльшею же частью вслѣдствіе стремленія европейцевъ къ преобладанію. Извѣстно, что въ общій ходъ этой борьбы замѣшались и чисто-соматическія вліянія, какъ, напр., сильныя эпидеміи, заведенныя и распространенныя европейцами; но не подлежитъ сомнѣнію, что роль ихъ была второстепенная (Вайцъ). На первый планъ выступило превосходство европейцевъ въ дѣлѣ подготовки и веденія войны, превосходство, зависѣвшее, быть-можетъ, не столько отъ силы ума, сколько отъ характера внѣшнихъ условій (домашнія животныя и пр.). Нравственный моментъ, какъ извѣстно, ни въ одномъ случаѣ не обусловилъ побѣды. Говоря вообще, уровень нравственности какъ побѣдителей-испанцевъ, такъ и побѣжденныхъ туземцевъ не отличался особенной высотою, но скорѣе пальму первенства въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать послѣднимъ. Если сужденіе Иммана, который говоритъ, что, «при взаимныхъ сношеніяхъ между испанцами и перуанцами, американцы превосходили первыхъ какъ въ отношеніи братской любви, такъ и религіознаго чувства, послѣдовательной заботливости о ближнемъ, воспитанія и хорошаго управленія», и можетъ быть заподозрѣно въ нѣкоторомъ преувеличеніи, то не подлежитъ сомнѣнію, что со стороны индійцевъ были не разъ обнаруживаемы такія качества, которыя бы сдѣлали честь ихъ просвѣтителямъ, опутывавшимъ другъ друга самыми коварными интригами. Весь характеръ туземцевъ, съ его храбростью и военной честью, со всѣми его доблестями и пороками (характеръ, діаметрально-противоположный тому, который мы видѣли у яванцевъ), дѣлалъ ихъ неспособными къ легкому и скорому приспособленію и мѣшалъ имъ переносить чуждое владычество. Многіе индійцы предпочитали смерть рабству. Туземцы Антильскихъ острововъ, съ цѣлію недопущенія своего потомства до рабскаго и приниженнаго состоянія, въ усиленной степени прибѣгали къ искусственному плодоизгнанію, а затѣмъ и сами лишали себя жизни. На Кубѣ распространилась эпидемія самоубійства и нерѣдко цѣлыя семейства и даже населенія цѣлыхъ деревень собирались вмѣстѣ съ цѣлію лишить себя жизни (Пешель).

Нечего и говорить, что, не отличавшіеся высокой нравственностью въ сношеніяхъ между собою, побѣдители вели себя относительно враждебныхъ имъ туземцевъ по правиламъ, которыя не

могли быть одобрены и съ точки зрѣнія нравственныхъ понятій того времени. Это видно по мѣропріятіямъ испанскаго правительства и католическихъ миссіонеровъ, которые стремились, хотя и безуспѣшно, ввести человѣческое обращеніе съ побѣжденными туземцами. До чего доходила изобрѣтательность европейцевъ въ ихъ стремленіи къ искорененію индійцевъ, можно судить, напримѣръ, потому, что еще въ очень недавнее время португальцы раздавали имъ одежду, снятую съ умершихъ отъ оспы, для того, чтобы усилить распространеніе столь гибельной для индійцевъ эпидеміи (Вайцъ).

Неудивительно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ вымираніе туземцевъ Америки совершалось съ быстротою, не имѣющей ничего подобнаго себѣ. На Гаити окончательно вымерло уже второе поколѣніе по приходѣ европейцевъ; вскорѣ та же судьба постигла и другихъ антильеносовъ. Наиболѣе цивилизованные и, слѣдовательно, наиболѣе испытанные во внутренней борьбѣ индійцы средней и отчасти южной Америки оказались и въ этомъ случаѣ болѣе живучими. Они не только не вымерли, но мѣстами даже вытѣснили бѣлокожее населеніе, причемъ имъ, главнымъ образомъ, помогла недостаточная способность послѣдняго къ акклиматизированію въ тропическомъ поясѣ. Что нравственный моментъ не оказалъ имъ сколько-нибудь значительной помощи, видно уже изъ общераспространеннаго убѣжденія, что со времени европейскаго нашествія нравственность туземцевъ вообще ухудшилась. «Повсюду,—говоритъ Вайцъ объ индійцахъ вообще,—мы наталкиваемся на признаки быстро-увеличившейся деморализаціи со времени появленія бѣлыхъ, подъ ихъ вліяніемъ; и мы встрѣчаемъ даже показанія, что позднѣйшій характеръ индійцевъ не имѣетъ болѣе никакого сходства съ прежнимъ» [1]). Не только въ нравственномъ, но и въ культурномъ отношеніи уровень «цивилизованныхъ» индійцевъ въ настоящее время очень невысокъ, такъ-что, несмотря на то, что они удачно перенесли столь тяжелый кризисъ борьбы за существованіе, ничто не предвѣщаетъ ихъ дальнѣйшей живучести. Хотя мѣстами (какъ, напр., въ Лосъ-Альтосъ) они и обнаруживаютъ значительную энергію въ промышленной дѣятельности, но вообще они склонны къ лѣни, невѣжественны, легко опускаются и даются въ руки болѣе предпріимчивымъ людямъ. Даже сравнительно столь высоко стоящіе индійцы, какъ туземцы Гватемалы, склонные къ занятіямъ ремеслами и промыш-

[1]) О характерѣ нынѣшнихъ перуанцевъ, ихъ лживости и низости см. у Вайца, Anthropologie d. Naturvölker, IV, стр. 500.

ленностью, находятся въ полной зависимости отъ ладиновъ (смѣшаннаго племени), въ рукахъ которыхъ сосредоточены всѣ предпріятія и торговля. «Хотя ладины, — говоритъ Морле́, — и выше индійцевъ въ умственномъ отношеніи, но ихъ трудолюбіе и даже нравственность ниже, чѣмъ у индійцевъ, съ которыми ладины не имѣютъ никакихъ сношеній и къ которымъ они относятся съ величайшимъ пренебреженіемъ».

Удерживаясь въ тропической Америкѣ только вслѣдствіе своей большей приспособленности къ перенесенію мѣстныхъ климатическихъ условій, индійцы естественно должны будутъ уступить натиску другой расы, которая окажется въ состояніи соединить физическую выносливость съ достаточнымъ уровнемъ умственнаго культурнаго развитія. Негры выполнить этой роли, очевидно, не въ состояніи. Перевезенные въ Америку съ начала шестнадцатаго столѣтія, они достаточно обнаружили свою способность уживаться съ тяжелыми физическими и нравственными условіями; но въ то же время они показали себя неспособными къ сколько-нибудь самостоятельной политической жизни и къ поддержанію необходимаго въ борьбѣ за существованіе уровня культуры. Замѣчательно, что доставленіе ихъ въ Америку, сдѣлавшееся вскорѣ источникомъ большихъ бѣдствій, было результатомъ одной изъ немногихъ мѣръ, вызванныхъ чистыми нравственными мотивами. Ласъ-Казасъ, соболѣзнуя о жалкой судьбѣ индійцевъ, предложилъ, для облегченія ихъ участи, перевезти взамѣнъ ихъ негровъ, народъ, особенно способный къ самой тяжелой работѣ. Но вскорѣ, когда уже было поздно, онъ увидѣлъ, что отъ этого положеніе индійцевъ нимало не облегчилось, тогда какъ негры подпали подъ иго гнетущаго рабства, и подъ конецъ своей жизни онъ горько разочаровался, извиняя свое заблужденіе невозможностью предугадать насилій и презрѣнія къ человѣческой жизни, обнаруженныхъ торговцами невольниковъ. Какъ ни тяжело рабское положеніе негровъ, но оно въ концѣ-концовъ оказалось для нихъ менѣе пагубнымъ, чѣмъ значительная степень самостоятельности и свободы. Это всего лучше доказывается примѣрами независимыхъ негритянскихъ государствъ, какъ, напр., республики Гаити. Ограничивъ, елико возможно, европейцевъ, отнявъ у нихъ право гражданства и владѣнія землею, гаитянскіе негры пріобрѣли возможно-полную степень независимости, но въ то же время опустились настолько, что всѣ дѣла пришли въ самое печальное положеніе. По словамъ одного члена коммиссіи, назначенной правительствомъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для изслѣдованія вопроса о присоединеніи Санъ-Доминго, въ республикѣ

Гаити «не существуетъ мануфактуръ, и правительство обанкротилось; дороги и мосты разрушены, города переполнены развалинами, мужчины живутъ трудомъ своихъ женъ, какъ въ ихъ первоначальномъ отечествѣ, Африкѣ» (Globus, t. XXIII, 312). Извѣстно также, въ какое печальное положеніе пришли освобожденные негры южныхъ штатовъ. Извѣстія объ ихъ вымираніи подтверждаются многими авторами и самый фактъ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію.

Все сказанное свидѣтельствуетъ, что будущность чернокожаго племени въ Новомъ Свѣтѣ далеко не обезпечена, тѣмъ болѣе, что оно и не можетъ достаточно приспособиться къ климатическимъ условіямъ многихъ частей тропической Америки. Такъ, напр., извѣстны данныя о вымираніи негровъ на Антильскихъ островахъ (Будѐнъ). Вѣроятнѣе всего предположеніе, высказанное не разъ уже людьми, хорошо знакомыми съ дѣломъ, что въ будущей исторіи тропической Америки самое выдающееся мѣсто будетъ занято китайцами. Способность этого народа къ приспособленію въ этой части Новаго Свѣта доказывается многочисленными рабочими, ежегодно переселяющимися туда въ значительномъ числѣ. Число ихъ на Кубѣ доходило въ 1861 году до 35,000. «Китаецъ какъ бы созданъ для того, чтобы тутъ процвѣтать», говоритъ Рацель, авторъ самаго лучшаго сочиненія о китайскомъ переселеніи [1]).

Общее положеніе расовой борьбы въ сѣверной Америкѣ слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ слѣдовало подробно говорить въ этомъ бѣгломъ очеркѣ. Европейцы, поселившіеся тамъ, безусловно сильнѣе испанцевъ, тогда какъ туземное населеніе, наоборотъ, несравненно слабѣе индійцевъ испанской Америки. Цѣлая треть его до сихъ поръ не обнаружила никакой способности къ осѣдлой жизни, а такъ какъ она занимаетъ хорошія плодородныя земли, привлекающія бѣлокожихъ поселенцевъ, то судьба его уже теперь можетъ считаться рѣшенною; дикія племена индійцевъ (ихъ считается болѣе 80,000 человѣкъ) должны вскорѣ совершенно исчезнуть. Какія бы мѣры ни были принимаемы свыше, но, какъ уже это бывало сотни разъ, слабое въ борьбѣ за существованіе населеніе не можетъ быть поддержано искусственно противъ самыхъ неразборчивыхъ, часто жестокихъ средствъ, приводимыхъ въ дѣйствіе поселенцами. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ вашингтонское правительство, проникнутое самыми гуманными намѣреніями, дало нѣсколькимъ квакерамъ полномочіе всту-

---

[1]) *Ratzel*, Die chinesische Auswanderung. Breslau, 1876, стр. 289.

пить въ сношеніе съ индійскими племенами и предпринять все, что только могло принести имъ пользу. Но эти миролюбивые люди тотчасъ же встрѣтили непреодолимое препятствіе со стороны поселенцевъ, которымъ было выгодно, чтобы поддерживались распри съ туземцами, такъ какъ это давало имъ возможность дѣлать поставки для войскъ и обманывать правительство (Globus, XVIII,315).—Тѣми или иными способами, во всякомъ случаѣ не сообразующимися съ правилами даже самой снисходительной нравственности, бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ быстро подвигается на Западъ, оттѣсняя и уничтожая неподдающіяся культурѣ краснокожія племена, и все болѣе и болѣе упрочиваетъ свое положеніе на материкѣ Новаго Свѣта.

Изумительно быстрое развитіе Соединенныхъ Штатовъ можетъ служить лучшимъ и нагляднѣйшимъ примѣромъ несовпаденія успѣховъ практической, матеріальной культуры съ преуспѣяніемъ высшихъ проявленій человѣческаго духа. Рядомъ съ неимѣющимъ ничего равнаго прогрессомъ прикладного знанія, промышленности и торговли, Соединенные Штаты представляютъ сравнительно ничтожное движеніе въ области искусства и теоретической науки. По мнѣнію многихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ страною, нравственность американцевъ стоитъ также на очень невысокомъ уровнѣ. Я не стану приводить здѣсь, конечно, всѣмъ извѣстные сенсаціонные разсказы о частью дѣйствительныхъ, частью преувеличенныхъ злоупотребленіяхъ чиновниковъ, печати и проч. [1]), но нахожу не лишнимъ указать на слѣдующіе, точно констатированные факты, могущіе пролить нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. По послѣднему ценву оказалось, что въ теченіи десяти лѣтъ (1860—1870) общее населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на $22^1/_2{}^0/_0$; разсматривая увеличеніе по роду занятія, мы видимъ крайне неравномѣрное распредѣленіе. Успѣхъ земледѣлія выражается при этомъ $18^0/_0$, промышленности —28, торговли и доставки товаровъ—44, такъ-называемыхъ свободныхъ профессій, прислуги и поденщиковъ—$5^1/_2{}^0/_0$. Здѣсь особенно кидается въ глаза черезчуръ большое увеличеніе людей, занимающихся торговлей и перевозкой товаровъ, т.-е. именно дѣломъ, нравственная сторона котораго (какъ было показано въ предыдущей главѣ) не отличается особенной высотою. Констатируя усиленный переходъ молодыхъ американцевъ въ города, оффиціальный отчетъ статистическаго бюро въ Массачуэетсѣ (за 1871)

---

[1]) Указаніями этого рода переполнены статьи объ Америкѣ въ журналахъ Ausland и Globus.

приписываетъ его между прочимъ стремленію разбогатѣть во что бы то ни стало (tu put money in their pockets by fair means if the can, but at all events to put it there). При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что на торговыя предпріятія бросаются главнѣйшимъ образомъ природные янки, считающіе себя привилегированными сравнительно съ пришельцами изъ Европы. «Безъ являющихся извнѣ рабочихъ, американская почва не могла бы давать тѣ богатыя жатвы, которыя необходимы для насъ», говоритъ одинъ изъ компетентныхъ судей по части американской жизни [1]). Что касается увеличенія свободныхъ профессій, то въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаютъ (составляющіе 23%) юристы и главнымъ образомъ адвокаты, число которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ доходитъ до 33,000, т.-е. слишкомъ въ шесть разъ больше чѣмъ въ Германіи (въ послѣдней одинъ адвокатъ приходится на 8000 душъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ — на 1180).

Какъ ни высока и прочна культура Соединенныхъ Штатовъ и какъ ни сильны поэтому ея представители—янки, тѣмъ не менѣе и имъ приходится сталкиваться на Западѣ съ элементомъ въ высшей степени приспособленнымъ къ борьбѣ за существованіе, и иногда даже уступать ему. Я имѣю здѣсь въ виду тотъ же народъ, который обнаружилъ, какъ было сказано выше, свою силу въ борьбѣ съ малайской расой и которому предсказываютъ блестящую будущность въ тропической Америкѣ. Китайскій вопросъ занимаетъ въ настоящее время не только непосредственно заинтересованные штаты Америки, но о немъ серьёзно говорятъ и въ Вашингтонѣ и даже въ Европѣ. Начавшееся съ первыхъ пятидесятыхъ годовъ переселеніе китайскихъ рабочихъ постепенно увеличивается (за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ колебаній) до настоящаго времени, такъ что теперь ихъ прибываетъ ежегодно около двадцати тысячъ. Обратное теченіе значительно слабѣе и потому въ результатѣ получается остатокъ болѣе чѣмъ въ сто тысячъ, поселившійся главнымъ образомъ въ Калифорніи и преимущественно въ Санъ-Франциско. Сначала китайцы были приняты очень дружелюбно, какъ рабочіе, незамѣнимые при постройкѣ тихо-океанской желѣзной дороги и при другихъ большихъ предпріятіяхъ. Но мало-по-малу они стали обнаруживать способность и не къ одной черной работѣ и обратились къ занятію ремеслами и торговлей и вообще выказали такую силу въ

[1]) Цитировано у Блока, въ Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft, 1874, III, 176. У этого же автора заимствованы и предыдущія данныя.

борьбѣ за существованіе, что переполошили все населеніе западной Америки. Вскорѣ въ Калифорніи образовалась анти-китайская партія, настаивавшая и продолжающая настаивать на вмѣшательствѣ правительства съ цѣлію ограниченія китайской эмиграціи и принятія самыхъ строгихъ мѣръ противъ китайцевъ. Послушаемъ, какъ формулируетъ свое оппозиціонное мнѣніе эта партія словами одной калифорнійской газеты («San-Francisco Chronicle», отъ 17 и 21 марта 1876). «Мы столько разъ уже приводили доказательства того, что американская работа не можетъ существовать рядомъ съ китайской, такъ какъ китаецъ живетъ какъ свинья, а американецъ хочетъ жить по-человѣчески. Китайскій рабочій удовлетворяется ежедневно чашей риса и двумя чашками чаю, тогда какъ американцу время-отъ-времени нужна говядина и баранина и ему тяжело оставаться безъ хлѣба и масла. Китаецъ можетъ спать во всякой дырѣ, американцу же необходима постель. Китайцу не мѣшаетъ, если вмѣстѣ съ нимъ спитъ еще двѣнадцать человѣкъ, американецъ же долженъ имѣть такое же помѣщеніе для себя одного или, въ крайнемъ случаѣ, еще для одного только товарища. Китайскій рабочій не думаетъ о женитьбѣ и основаніи семейства, тогда какъ американцу черезъ-чуръ тяжело лишиться этого. По этому поводу и возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли желать дешевой работы, если она можетъ быть получена не иначе, какъ цѣною приниженія нашего рабочаго до уровня этихъ животныхъ язычниковъ?» По поводу извѣстія о прибытіи парохода съ новой тысячью китайскихъ переселенцевъ та же газета говоритъ: «Что означаетъ прибытіе этихъ 1017 монголовъ? Это означаетъ оттѣсненіе 1017 бѣлыхъ мужчинъ и женщинъ отъ занятія, которымъ они теперь живутъ, такъ какъ доказано, что бѣлая работа не можетъ конкуррировать съ китайской» и т. д. [1]). Притѣсненія, вызванныя подобнаго рода мнѣніями, должны были естественно вступить въ коллизію съ свободолюбивыми принципами законодательства Соединенныхъ Штатовъ и потому принятыя калифорнійскимъ правительствомъ мѣры бóльшей частію были отвергнуты въ Вашингтонѣ. Къ тому же, выгоды, доставляемыя китайцами въ качествѣ дешевыхъ и хорошихъ рабочихъ, ремесленниковъ и прислуги, должны были заставить стать на ихъ сторону большинство капиталистовъ и вообще многихъ вліятельныхъ людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпри-

---

[1]) Цитаты эти взяты изъ книги Рацеля, стр. 236. Главнымъ же образомъ при изложеніи китайскаго вопроса въ Америкѣ я пользовался сочиненіемъ Гибсона: „The Chinese in America“. Cincinnati, 1877.

ниматели, замѣнившіе китайскихъ рабочихъ американскими, должны были снова обратиться къ нимъ, такъ какъ они лучше выполняли принятыя на себя обязательства. Въ результатѣ, несмотря на всѣ стѣсненія и анти-китайскія агитаціи, китайцамъ удалось утвердиться на американской почвѣ и забрать въ свои руки нѣкоторыя ремесла, какъ, напр., башмачное, прачешное и др. Изъ западныхъ штатовъ они частью потянулись и въ восточные, гдѣ, при усиленной фабричной дѣятельности, имъ, быть можетъ, предстоитъ сыграть немаловажную роль.

До сихъ поръ переселенцами изъ Китая являются почти исключительно мужчины. Въ Америкѣ насчитывается всего отъ пяти до шести тысячъ китаянокъ, изъ которыхъ значительное большинство проститутокъ; въ новѣйшее время однакоже у нихъ замѣчается стремленіе къ правильной семейной жизни; такъ, одинъ только миссіонеръ Гибсонъ въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ перевѣнчалъ около сорока паръ по христіанскому обычаю. Это явленіе безспорно указываетъ на процессъ усиленнаго приспособленія и укорененія китайцевъ въ Сѣверной Америкѣ, процессъ, окончательный результатъ котораго едва ли можетъ быть съ точностью предсказанъ въ настоящую минуту. Опасенія массивнаго переселенія китайцевъ въ Америку высказывались бόльшей частью съ практической цѣлью—побудить правительство къ принятію стѣснительныхъ мѣръ, и вообще безъ достаточнаго числа доводовъ. Невозможно допустить, чтобы, въ случаѣ дѣйствительной опасности такого наплыва, американцами не были вб-время приняты надлежащія охранительныя мѣры; къ тому же, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что американцы и теперь обнаруживаютъ значительную силу въ борьбѣ за существованіе; при усиленіи же ея, хотя бы подъ вліяніемъ китайской конкурренціи, они могутъ еще болѣе приспособиться. На это указываетъ, напр., ихъ изобрѣтательность въ дѣлѣ придумыванія средствъ, которыя, не нарушая основъ американской конституціи, могли бы сколь возможно стѣснять китайцевъ и дѣлать имъ горькою жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ, напр., городское управленіе Санъ-Франциско, въ виду привычки китайцевъ къ скученной жизни, издало постановленіе, обязывающее, чтобы на каждаго жителя приходилось въ квартирѣ не менѣе пяти-сотъ кубическихъ футовъ пространства. Для надзора за этимъ оно нарядило ночные обходы, и китайцевъ, не исполнившихъ предписанія, велѣло препроводить въ тюрьму, гдѣ помѣщеніе оказалось вдвое тѣснѣе. Съ тою же цѣлью и то же управленіе издало постановленіе, извѣстное подъ названіемъ «предписанія о свиныхъ хвостахъ»

(Pig-tail ordinance), по которому всѣ арестанты мужского пола должны быть острижены почти подъ гребенку. Сдѣлано это было въ виду важнаго религіознаго значенія, которое китайцы придають своимъ косамъ.

Если, съ одной стороны, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о нашествіи китайскихъ массъ въ Америку, то, съ другой стороны, неправы и тѣ, которые не придаютъ китайскому переселенію въ Соединенные Штаты никакого общаго значенія. Во-первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякое приращеніе китайскихъ рабочихъ препятствуетъ соотвѣтствующему наплыву европейцевъ и, слѣдовательно, удерживаетъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ, увеличивая тѣмъ предложеніе труда на европейскихъ рынкахъ. Во-вторыхъ, усиленная конкурренція съ китайцами должна вліять на измѣненіе склада бѣлыхъ рабочихъ. Даже умѣренныя партіи стоятъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія свободы конкурренціи. Вотъ какъ, напр., высказывается по этому поводу «New-York Times», стоящая вообще въ сторонѣ отъ непосредственныхъ столкновеній съ китайскимъ вопросомъ. «Хорошо извѣстно,—говоритъ эта газета,—что главнѣйшія возраженія противъ китайскаго переселенія исходятъ отъ ирландскаго населенія. Непонятно однакоже, почему бы слѣдовало запретить Китаю, ближайшему сосѣду нашихъ западныхъ штатовъ, облегчать тамошнее отсутствіе рабочихъ рукъ. Чуть только это переселеніе перестанетъ приносить пользу государству, то оно само собою прекратится вслѣдствіе недостаточной поддержки». Еще рѣзче высказывается въ томъ же смыслѣ Рацель. «Оппозиція бѣлаго чернорабочаго люда противъ желтаго переселенія—говоритъ онъ—до сихъ поръ есть не что иное, какъ зависть. Она только тогда могла бы имѣть нѣкоторое оправданіе, если бы оппоненты обязались работать такъ же дешево и прилежно, какъ тѣ конкурренты, вытѣсненіе которыхъ они проповѣдуютъ столь громкими фразами. Но въ такомъ случаѣ китайское переселеніе должно бы было прекратиться само собою. Ихъ привлекаетъ именно требованіе болѣе дешевой работы, чѣмъ та, къ которой привыкли американцы и европейцы» (стр. 234). Выходъ изъ этого положенія можетъ состоять или въ искусственномъ задержаніи китайской эмиграціи, что—въ виду напора ея съ одной стороны и настоящаго экономическаго положенія страны съ другой—крайне затруднительно, или же въ оказаніи бо́льшаго противодѣйствія со стороны самихъ рабочихъ, которымъ такъ или иначе пришлось бы развить въ себѣ тѣ свойства, благодаря которымъ китайцы оказались столь сильными въ промышленной борьбѣ. Во всякомъ слу-

чаѣ сближеніе западныхъ народовъ съ китайцами, обусловленное отчасти усиленіемъ міровой торговли и сношеній, отчасти же — прекращеніемъ китайской замкнутости, должно усилить конкурренцію и, въ виду очевидной силы китайцевъ, вліять на бо̀льшее или меньшее окитаизированіе бѣлыхъ соперниковъ, т.-е. на развитіе въ нихъ тѣхъ именно сторонъ, которыя и у китайцевъ образовались подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій борьбы за существованіе въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Встрѣтившись съ народомъ, обнаружившимъ особенную силу въ борьбѣ за существованіе, мы, въ интересахъ изученія этого явленія, должны нѣсколько долѣе остановиться и попытаться отвѣтить на вопросъ: чѣмъ именно обязаны китайцы тому, что они такъ успѣшно ведутъ конкурренцію съ самыми различными народами и при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ? — Прежде чѣмъ приступить къ этому, нужно еще нѣсколько обстоятельнѣе изобразить картину китайской борьбы, такъ какъ только тогда мы составимъ себѣ надлежащее понятіе о степени силы этого замѣчательнаго народа.

Болѣе четырехъ-тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ сѣверо-западной части нынѣшней китайской имперіи, возникъ небольшой — быть можетъ всего изъ ста семействъ состоявшій — черноволосый народъ — «пе-зингъ», начавшій съ того времени постепенно разростаться и расширять свои владѣнія, которыя черезъ тысячу лѣтъ дошли до Янъ-це-Кіанга, а еще черезъ тысячу лѣтъ — проникли до береговъ Южно-Китайскаго моря. Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка до Р. Х. Срединное царство занимало еще только четвертую долю своего нынѣшняго пространства. Внутри имперіи, рядомъ съ китайцами, жило еще множество варварскихъ народовъ, номинально признававшихъ китайскую власть и только мало-по-малу терявшихъ свою самобытность. Китайцы дѣйствовали противъ нихъ не вооруженною силою: они никогда не были воинственнымъ народомъ, не отвоевывали земель и не порабощали своихъ противниковъ, а постепенно, такъ-сказать, всасывали ихъ въ себя, побуждали ихъ мирными средствами безвозвратно сливаться съ собою [1]). Увеличеніе китайскихъ владѣній продолжалось и въ болѣе новыя времена: такъ, они въ половинѣ тринадцатаго вѣка послѣ Р. Х. пріобрѣли самую южную провинцію — Юнъ-нань, а Формозой завладѣли только въ концѣ

---

[1]) Платъ, въ Abhandl. K. Münch. Akad. 1866, 457, 458, 463, 469.

семнадцатаго столѣтія. Способъ, посредствомъ котораго китайцы упрочиваются на этомъ островѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе и о ходѣ ихъ мирнаго завоевательнаго процесса вообще. Они начали съ того, что построились на обращенной къ материку части западнаго берега, и отсюда стали понемногу распространяться въ другія стороны. Во внутреннюю часть острова они рискуютъ проникать съ чрезвычайной осторожностью; вполнѣ же владѣютъ они и теперь только западной половиной острова, гдѣ они упрочиваются, главнѣйшимъ образомъ, при помощи терпѣнія и хитрости, и только въ случаяхъ, когда условія представляются особенно благопріятными, они по временамъ оттягиваютъ новый кусокъ земли у дикихъ туземцевъ [1]). Такъ какъ равнины уже заняты прежними переселенцами, то новые китайскіе піонеры стараются прежде всего купить себѣ клочокъ земли, причемъ «дѣйствіе убѣжденіемъ есть ихъ любимый пріемъ». Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ китайцы сами прибѣгаютъ къ насиліямъ; они предпочитаютъ нанимать дружественныя имъ племена для защиты отъ враждебныхъ, и нерѣдко женятся на туземныхъ женщинахъ для того, чтобы онѣ могли выполнять роль мирныхъ посредницъ. Такимъ образомъ китайцы достигли того, что населеніе ихъ на Формозѣ дошло до трехъ-милліоновъ и что туземцы стали отодвигаться все глубже и глубже.

Китайцы подпадали подъ власть монголовъ и теперь ими управляетъ манджурская династія, но и Монголія, и Манджурія постепенно все болѣе и болѣе китаизируются. Завоеваніе Китая манджурами тотчасъ же послужило поводомъ къ переселенію китайцевъ въ Манджурію, — и въ результатѣ получилось быстрое вымираніе манджуровъ и переполненіе страны китайцами. Въ Монголіи китайцы значительно подвигаются впередъ, постепенно завладѣвая плодородными землями, и уже теперь легко предвидѣть, что «не въ очень отдаленномъ будущемъ вся способная къ воздѣлыванію земля Монголіи перейдетъ въ китайскія руки» (Рацель).

Далеко перейдя за предѣлы пресловутой китайской стѣны и сплачивая все болѣе и болѣе всю Небесную имперію въ одно цѣлое, китайцы, какъ мы отчасти уже видѣли выше, легко уходятъ изъ своего отечества и вступаютъ въ борьбу за существованіе нерѣдко съ совершенно для нихъ новыми народами. Значительная часть Азіи съ давнихъ поръ сдѣлалась такимъ поприщемъ китайской дѣятельности. Западная часть индо-китайскаго

---

[1]) Ratzel, 122.

полуострова въ короткое время наводнилась китайцами, такъ что древнія буддійскія колоніи, Сіамъ и Камбоджа, вскорѣ превратились въ полу-китайскія государства. Японія и Малайскій архипелагъ привлекли къ себѣ также значительное число китайскихъ торгашей, прочно утвердившихся даже въ такихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Явѣ. Они успѣли проникнуть и въ столь густо населенныя мѣста, какъ, напримѣръ, Остъ-Индія, гдѣ они завладѣли уже нѣкоторыми ремеслами; такъ, напримѣръ, въ Калькуттѣ около девяноста процентовъ сапожниковъ — китайцы. На Филиппинскихъ островахъ они утвердились, несмотря на всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны испанцевъ, и все предсказываетъ имъ тамъ блестящую будущность. Извѣстный путешественникъ, Ягоръ, думаетъ, «что они со временемъ, какъ на Филиппинскихъ островахъ, такъ и въ другихъ странахъ Великаго океана, вытѣснятъ всѣ посторонніе элементы—или же образуютъ плодовитыя расы метисовъ, которымъ они все-таки передадутъ свои особенности» (цит. у Рацеля, 134). Особенно важная роль выпала на долю китайцевъ въ Сингапурѣ, гдѣ девять-десятыхъ всѣхъ торговыхъ операцій находятся въ ихъ рукахъ и гдѣ они завладѣли не только мелкой, но и крупной торговлей — и, кромѣ того, самыми разнообразными ремеслами.

Какъ банкиры и мѣнялы, они не имѣютъ себѣ равныхъ. Китайская колонія въ Сингапурѣ замѣчательна еще потому, что въ ней китайцы обнаруживаютъ всего меньшую охоту къ возвращенію на родину.

Многіе изъ нихъ женятся или на пріѣзжающихъ китаянкахъ, или же на малайскихъ женщинахъ. Въ 1859 году, изъ пятидесяти-тысячъ китайскихъ колонистовъ, было уже 3,248 китаянокъ (Рацель, 202). Хотя главное китайское движеніе въ Азіи, за предѣлами своей имперіи, и направлено по преимуществу на югъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторая часть китайцевъ переселяется и на сѣверъ, — въ наши азіатскія владѣнія. Такъ, напримѣръ, они частью поселились въ амурскомъ краѣ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ (между прочимъ, разведеніемъ джинъ-шеня) и, разумѣется, торговлей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они утвердились столь прочно, что, по словамъ полковника Венюкова, «присутствіе манджуровъ и китайцевъ на лѣвомъ берегу Амура, близъ Благовѣщенска, вѣроятно, на долгое время будетъ задерживать руссофикацію въ этой мѣстности» [1]). Съ нѣкоторыхъ поръ въ амурскомъ краѣ появились и

1) „Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи", 1873, 136.

китайскіе рабочіе, нанятые въ самомъ Китаѣ; въ забайкальскую же область стали приходить китайскіе торгаши, расплодившіеся, между прочимъ, и въ Иркутскѣ.

Изъ внѣ-азіатскихъ странъ, китайское переселеніе, кромѣ Америки, совершается въ значительной степени еще въ Австралію и въ меньшихъ размѣрахъ—въ Полинезію. Въ Австраліи они расходятся изъ трехъ пунктовъ—южнаго (Викторія), восточнаго (Квинслэндъ) и сѣвернаго (портъ-Дарвинъ). За послѣдніе годы особенно усилился наплывъ ихъ въ золотыя розсыпи Квинслэнда, гдѣ изъ 15,000 рабочихъ—14,000 китайцевъ. Европейскіе колонисты пришли въ ужасъ отъ такого быстраго увеличенія китайской эмиграціи и настояли на принятіи стѣснительныхъ мѣръ. Мѣстный парламентъ съ этой цѣлью значительно увеличилъ пошлину на рисъ, главную пищу китайцевъ, и кромѣ того, увеличилъ плату за право высаживаться на берегъ для китайскихъ пріисковыхъ рабочихъ и купцовъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, была отвергнута англійскимъ правительствомъ, чтò вызвало въ колоніяхъ большое неудовольствіе и формальный протестъ [1]).

Изъ полинезійскихъ острововъ, Таити и Сандвичевы острова главнымъ образомъ привлекаютъ къ себѣ китайцевъ [2]). На Таити они появились впервые въ 1856 году. Это были пріисковые рабочіе и различные ремесленники, бѣжавшіе изъ Австраліи вслѣдствіе дурного обращенія съ ними. Получивъ право высадиться на островѣ, они скоро уже образовали маленькую китайскую колонію, занявшись главнымъ образомъ и мелочной торговлей. Кромѣ того, были выписаны китайскіе кули для работъ на плантаціяхъ, чтó у нихъ, по обыкновенію, пошло вполнѣ удовлетворительно [3]).

О привлеченіи китайскихъ рабочихъ въ Англію и Германію, какъ о средствѣ къ прекращенію стачекъ, уже не разъ поговаривали предприниматели въ Лондонѣ и Берлинѣ, но, разумѣется, врядъ ли когда имъ удалось бы исполнить это предположеніе. Теперь и наука (по крайней мѣрѣ, въ Германіи катедеръ-соціалисты) начала возставать противъ расовой равноправности и противъ неограниченной свободы эмиграціи чуждыхъ европейцамъ племенъ [4]). Несравненно вѣроятнѣе наплывъ, въ ближайшемъ

---

1) Ausland, 1877, № 42, p. 839.

2) Кромѣ того, они появились въ Новой-Каледоніи, на Салиганскихъ островахъ и въ Новой-Зеландіи, гдѣ число ихъ въ 1874 г. составляло 4828 (Behm und Wagner, Bevölkerung der Erde, № 14, 1876, p. 53).

3) Globus, 1873, XXIV, 229.

4) Rau-Wagner, Polit. Oecon. T. I. 1876. § 250.

будущемъ, китайцевъ въ Африку. Въ 1875 году была сдѣлана первая попытка добыть китайскихъ рабочихъ на Мысъ Доброй Надежды, и Франсисъ Гальтонъ высказываетъ убѣжденіе въ необходимости заселенія Африки китайцами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, только этимъ путемъ можно сдѣлать эту большую страну вполнѣ доступной разумной культурѣ [1]. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ путешественниковъ по Китаю, аббатъ Давидъ, смотритъ чрезвычайно серьёзно на силу китайцевъ въ конкурренціи. Онъ считаетъ невыгоднымъ для европейцевъ усиленное распространеніе знаній между китайцами, такъ какъ, вооруженные ими, китайцы сдѣлаются еще болѣе опасными; онъ думаетъ, что «этому неисчерпаемому муравейнику» слѣдуетъ предоставить Азію, Малайскій архипелагъ и Африку, но что, по крайней мѣрѣ, теперь съ тѣмъ бóльшей энергіей необходимо воспрепятствовать его наплыву въ Европу и Америку [2].

Необходимо имѣть въ виду удивительную способность китайскихъ переселенцевъ, несмотря на изумительную приспособляемость къ новымъ условіямъ, сохранять тѣмъ не менѣе свои характерныя особенности. Всѣ путешественники въ одинъ голосъ утверждаютъ это и говорятъ, что китайскіе кварталы въ Санъ-Франциско, Мельбёрнѣ, Батавіи и др. городахъ представляютъ совершенно типъ городовъ Небесной имперіи. Нѣкоторые китайцы начинаютъ въ Калифорніи перенимать европейскіе обычаи, т.-е. мѣняютъ одежду и нѣкоторыя формы, но въ сущности остаются тѣми же китайцами. Хотя они вообще весьма несклонны допускать крупныя перемѣны подъ вліяніемъ иностранцевъ и не имѣютъ никакого поползновенія къ пріобрѣтенію чисто-научныхъ познаній, тѣмъ не менѣе они съ большой охотой и легкостью перенимаютъ многія практическія свѣдѣнія и пріемы и только благодаря этой способности становятся въ короткое время опасными конкуррентами для европейскихъ ремесленниковъ. (Нѣсколько характерныхъ примѣровъ этого было описано Диксономъ въ его книгѣ о борьбѣ расъ въ Америкѣ). Императоръ Юнъ-Чангъ, допуская европейскихъ миссіонеровъ въ Китай, объявилъ, что онъ это дѣлаетъ не потому, чтобы считалъ ихъ религію хорошей, а только потому, что они знаютъ астрономію и математику и полезны правительству для исправленія календаря [3]. За

---

[1]) Ratzel, VIII и 266.

[2]) Petermann's Mittheilungen. 1876. XXII, p. 32.

[3]) *Huc*, L'empire chinois. 1857. II, 225.

послѣдніе годы китайцы сдѣлали большіе успѣхи въ военномъ отношеніи, пригласивъ европейскихъ офицеровъ для устройства арміи и укрѣпленій, которыя у нихъ буквально переполнены крупповскими пушками (Globus, 1873. 105).

Переходя теперь къ причинамъ, вслѣдствіе которыхъ китайцы такъ сильны въ борьбѣ за существованіе, необходимо сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ соматическаго момента. Хотя въ наукѣ еще не существуетъ удовлетворительнаго матеріала для сужденія о физической приспособляемости китайцевъ, но, судя по всему, что извѣстно въ этомъ отношеніи, способность эта у нихъ чрезвычайно высока. Какъ мы видѣли выше, они распространились на огромномъ пространствѣ, включающемъ и суровое въ климатическомъ отношеніи Забайкалье, и тропическія, и экваторіальныя страны. Относительно физической, т.-е. мускульной силы, они оказались не особенно одаренными [1]), но за то они выигрываютъ вслѣдствіе способности къ очень продолжительной работѣ. Въ многихъ мѣстностяхъ, куда переселяются китайцы, была замѣчена ихъ чрезвычайная «сила крови», т.-е. усиленная наслѣдственная передача ихъ физическихъ и душевныхъ особенностей при скрещиваніи съ другими расами. Дѣти отъ китайскихъ отцовъ съ малайскими, манджурскими, испанскими и др. женщинами, гораздо болѣе похожи на китайцевъ, чѣмъ на своихъ матерей (Рацель, стр. 71, 135 и 262).

Рядомъ съ такой физической одаренностью, китайцы представляютъ цѣлый рядъ душевныхъ свойствъ, вліяющихъ на ихъ силу въ борьбѣ. Во-первыхъ, они отличаются, какъ уже было упомянуто нѣсколько разъ, чрезвычайной умѣренностью въ пищѣ и другихъ потребностяхъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Они работаютъ долго и усидчиво и не брезгаютъ никакой работой, лишь бы она была оплачиваема. Въ Калифорніи они монополизировали нѣкоторыя женскія спеціальности, какъ, напр., мытье бѣлья и уходъ въ домѣ и за дѣтьми. Во-вторыхъ, китайцы въ высшей степени уживчивы и потому легче многихъ другихъ народовъ переносятъ притѣсненія и нарушенія правъ. Эти качества слѣдуетъ безспорно отнести къ числу нравственныхъ, хотя въ ихъ ряду трудолюбіе, умѣренность и выносливость занимаютъ одно изъ низшихъ мѣстъ, такъ какъ они (особенно въ данномъ случаѣ) направляются для цѣлей личной жизни. Къ числу болѣе

---

[1]) Измѣренія ручной силы, произведенныя антропологами фрегата „Новары", показали, что китайцы въ этомъ отношеніи занимаютъ предпослѣднее мѣсто. См. Reise der öst. Freg. Novara. Anthrop. Theil. II, 1867. p. 219.

высокихъ нравственныхъ качествъ должна быть отнесена солидарность китайскихъ переселенцевъ, вслѣдствіе которой они, въ случаѣ нужды или несчастія, оказываютъ другъ другу помощь [1]).

Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ борьбѣ за существованіе они очень неразборчивы на средства и постоянно прибѣгаютъ къ такимъ, которыя, какъ въ глазахъ европейской, такъ и китайской морали, признаются безнравственными. Выше я имѣлъ уже случай сослаться на примѣръ опутыванія монголовъ долгами со стороны китайскихъ купцовъ; подобныхъ примѣровъ можно бы привести цѣлый рядъ. Говоря о противозаконной иммиграціи китайцевъ въ Монголію, Рацель, ссылаясь на Вильямсона, говоритъ: «эти простодушные люди (монголы) не доросли до китайской хитрости» (стр. 88). И далѣе: «эта борьба хитрости съ наивной, несознающей самую себя первобытной силой дикаря, можетъ показаться не особенно утѣшительнымъ зрѣлищемъ, но на результаты ея нельзя не смотрѣть какъ на прогрессъ» (89). Съ помощью такихъ же пріемовъ борятся китайцы и въ Манджуріи съ ея «простодушными и добродушными» туземцами.—«Какъ всюду, гдѣ господствуетъ миръ,—говоритъ Рацель,—такъ и въ Манджуріи китайцы находятся въ сильной степени процвѣтанія, вытѣсняя прежнихъ обладателей съ помощью хитрости и трудолюбія» (стр. 80). Вотъ какъ описываетъ испанскій историкъ Суньига китайскихъ переселенцевъ на Филиппинскихъ островахъ: «На одного посвящающаго себя земледѣлію появлялась тысяча всевозможныхъ купцовъ, торговавшихъ чрезвычайно ловко. Они употребляли фальшивыя мѣры и вѣсы и до неузнаваемости фальсифировали всевозможные товары, какъ, напримѣръ — воскъ, сахаръ и др. Они вели себя настоящими ростовщиками, слѣдя внимательно за потребностями народа и спросомъ на различные товары, которые они удерживали до тѣхъ поръ, пока имъ не давали требуемую ими высокую цѣну» (цит. у Рацеля, 134.) Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по островамъ Тихаго Океана, графъ Пемброкъ, указываетъ на эксплуатацію таитянъ китайцами и замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «обѣ расы представляютъ рѣзкій контрастъ: азіатецъ всегда перехитритъ простодушнаго полинезійца» [2]). Самой собой разумѣется, что качества, оказывающіяся столь пригодными для борьбы китайцевъ съ другими народами, были выработаны и развиты первыми во время ихъ многовѣковой борьбы

---

[1]) Reise der Freg. Novara. Volksausgabe, II, 545.

[2]) Globus, 1873. XXIV, 229.

у себя дома. «Невѣроятная бережливость времени, мѣста и матеріала, — говоритъ Ягоръ, — которая могла развиться только у такого перенаселеннаго народа какъ китайцы, постоянно съ новой силой кидается въ глаза путешественнику» [1]). И въ самомъ дѣлѣ характеръ китайца, всю жизнь остающагося въ Небесной имперіи, совершенно такой же, какъ и у эмигранта. Вотъ какъ описываетъ перваго Пешель: «китаецъ соединяетъ въ себѣ все, что нужно, чтобы, при условіяхъ безпрепятственнаго развитія, привести къ быстрому перенаселенію: онъ нѣжный отецъ, считающій благословеніе дѣтьми за величайшую радость [2]), умѣренъ до излишества, образцово бережливъ, неутомимъ какъ работникъ, не знаетъ праздника, но въ торговомъ дѣлѣ хитрѣе грека. Уже дѣти занимаются коммерческими дѣлами; торгашество и отдача денегъ подъ залогъ—ихъ любимыя игры» [3]). По словамъ знаменитаго путешественника Гюка, отзывъ котораго былъ много разъ подтверждаемъ различными наблюдателями, китаецъ совершенно поглощенъ временными интересами и матеріалистиченъ въ обычномъ смыслѣ слова. «Нажива составляетъ единственную цѣль, къ которой постоянно устремленъ его взоръ. Жгучая жажда къ полученію прибыли, какой бы то ни было, поглощаетъ всѣ его способности и всю энергію» [4]). Коммерческій духъ развитъ у него въ сильнѣйшей степени. Капитала въ нѣсколько копѣекъ уже бываетъ достаточно для него, чтобы начать какое-нибудь маленькое дѣло, причемъ обыкновенно пускается въ ходъ ловкое плутовство, столь свойственное китайцу. Все это указываетъ на то, что китайскій характеръ есть прототипъ практическаго характера, а это уже достаточно объясняетъ, почему китайцы оказались столь сильными въ борьбѣ за существованіе. Перевѣсъ какъ въ индивидуальности, такъ и въ общественной борьбѣ долженъ выпадать именно въ пользу болѣе практической стороны, такъ какъ практичность и есть не что иное, какъ способность, во что бы то ни стало, достигнуть желаемаго результата. Отсюда понятно, что у китайца умственная сторона должна представляться наиболѣе выдающейся чертой характера. Дрэперъ приписываетъ прочность Китая тому, что «политическая система его стремится достичь соотвѣтствія съ тѣмъ физіологическимъ условіемъ, которое руководитъ всѣмъ соціальнымъ усовер-

1) Цит. у Рацеля, 205.

2) Съ перваго взгляда это можетъ казаться ошибочнымъ въ виду нерѣдкаго дѣтоубійства въ Китаѣ.

3) Völkerkunde, 392.

4) L'empire chinois, I, 174; II, 171, 174.

шенствованіемъ: она стремится дать господствующій контроль уму» [1]). Нѣкоторая степень умственнаго образованія, какъ извѣстно, составляетъ достояніе каждаго китайца, при столь распространенномъ элементарномъ обученіи.—Нравственный уровень стоитъ у нихъ безспорно на болѣе низкой степени. По мѣткому выраженію извѣстнаго государственнаго человѣка Америки, Сьюарда, «китайская нравственность обращается не къ суду совѣсти, а къ правиламъ приличія» [2]). Рацель, не имѣвшій, правда, случая наблюдать китайцевъ въ ихъ отечествѣ, но добросовѣстно изучившій литературу о нихъ, жалуется на отсутствіе у нихъ идеаловъ и говоритъ, что «они лишены того высокаго нравственнаго стремленія, которое переходитъ за предѣлы соображеній минутной пользы и ищетъ правды ради нея самой» [3]). Китайцы самостоятельно выработали очень развитое нравственное ученіе, которое во многихъ отношеніяхъ не ниже нашихъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ взглядовъ, но которое въ то же время заключаетъ и корни практичности, столь свойственной китайскому міросозерцанію. Такъ, напр., во второй изъ четырехъ основныхъ книгъ китайской философіи и морали (Тчунгъ-Юнгъ, или неизмѣнность въ срединѣ, книгѣ, приписываемой внуку и ученику Конфуція — Тесу-ссе) проводится принципъ, что человѣкъ высшаго достоинства «сообразуется съ обстоятельствами, чтобы оставаться на срединѣ» [4]) и проповѣдуется, что будутъ ли всемірныя заповѣди исполняться по естественному побужденію и безъ усилій, или же въ виду извлечь изъ того личную пользу и выгоды, или же онѣ будутъ исполняться съ трудомъ и усиліями, но, если разъ человѣкъ выполняетъ похвальныя дѣла, то результатъ во всѣхъ случаяхъ одинаковъ». Не слѣдуетъ забывать, разумѣется, что между нравственнымъ ученіемъ и нравственностью, т.-е. нравственнымъ поведеніемъ еще существуетъ большая разница, которая именно и замѣчается такъ часто среди китайцевъ. По словамъ Гюка, если китаецъ и читаетъ книги нравственнаго и религіознаго содержанія, то не иначе какъ въ видѣ отдыха и развлеченія съ цѣлью препровожденія времени» (I, 174).

Религіозный индифферентизмъ китайцевъ есть фактъ общеизвѣстный и проявляется въ ихъ жизни на каждомъ шагу. Когда испанцы, въ видахъ противодѣйствія китайскимъ эмигрантамъ на Филиппинскихъ островахъ, издали постановленіе, что только хри-

[1]) Исторія умственнаго развитія Европы, II, 242.

[2]) Цит. у *Gibson*, Chinese in America, p. 43.

[3]) Ratzel, 53.

[4]) Я цитирую по переводу *Потье*, изд. въ 1858 г., въ Парижѣ, стр. 68 и 84.

стіане могутъ жениться на туземныхъ женщинахъ, то китайцы безъ малѣйшаго труда принимали христіанство, но, разумѣется, номинально.

Китайскій императоръ Юнгъ-Чингъ (начала прошлаго столѣтія) издалъ комментаріи на рѣчи своего отца, въ которыхъ онъ предостерегаетъ отъ ложныхъ сектъ и осуждаетъ всѣ разбираемыя имъ религіи. Онъ шутитъ надъ безпрерывнымъ повтореніемъ молитвъ буддистами и говоритъ по этому поводу: если вы, провинившись, будете тысячи разъ кричать передъ судьей «ваше превосходительство», то нежели вы думаете, что онъ васъ за это проститъ? Вашъ богъ Фо—презрѣнный, если онъ осуждаетъ за то, что ему не подносятъ взятокъ на алтари и не жгутъ въ честь его бумаги и пр. [1]). Нашъ знаменитый синологъ, проф. Васильевъ, высказывается слѣдующимъ образомъ: «на востокѣ (т.-е. собственно въ Китаѣ) вовсе не имѣютъ того понятія о привязанности къ религіи, которое мы встрѣчаемъ на западѣ — *тамъ люди живутъ не сердцемъ, а житейскими нуждами*» [2]).

Неудивительно, что при такомъ исключительно практическомъ направленіи искусство въ Китаѣ не могло подняться на высокій уровень развитія. Послушаемъ въ этомъ отношеніи спеціалиста по исторіи искусства. «Вкусъ китайцевъ,—говоритъ Шнаазе,— не имѣя возвышеннаго направленія, производитъ главнымъ образомъ работы, отличающіяся внѣшней искусственностью. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ художественной техники китайцамъ принадлежитъ заслуга, какъ авторамъ важныхъ техническихъ изобрѣтеній (изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣланы ими въ незапамятныя времена) и какъ искуснѣйшимъ и до настоящаго времени исполнителямъ: уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. X. они занимались отливкой металловъ, обработкой шелка и различными видами тонкихъ глиняныхъ издѣлій. Но рядомъ съ этими и другими возбуждающими удивленіе техническими искусствами, тѣмъ рѣзче выступаетъ недостатокъ истинно художественнаго дарованія. Въ

---

[1]) Huc, II, 224.

[2]) О движеніи магометанства въ Китаѣ, въ годичномъ Актѣ Петербургскаго универс. 1367, 24. Проф. Васильевъ здѣсь высказываетъ предположеніе, что китайцы, сдѣлавшись магометанами, потеряютъ и свой индифферентизмъ. Но предположенія эти до сихъ поръ не оправдываются. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, аббатъ Давидъ, говоритъ въ 1875: „китайскіе магометане вовсе не заражены фанатизмомъ западныхъ мусульманъ; ихъ религія сводится къ небольшому числу догматическихъ положеній, къ обычаю обрѣзанія и воздержанія отъ свинины“. „Они читаютъ коранъ по-арабски, ничего въ немъ не понимая“. Journal de mon troisième voyage dans l'empire Chinois. I, 136.

ихъ постройкахъ мы видимъ принципъ декоративной обойной пестроты, внѣшнимъ образомъ примыкающій къ свайнымъ постройкамъ и шатрамъ первобытныхъ народовъ; въ скульптурѣ и живописи окостенѣніе ихъ фантазіи допускаетъ только тощія копіи съ натуры или безобразныя отклоненія отъ нея. Изслѣдованіе этого явленія, само по себѣ очень интересное, относится поэтому скорѣе къ этнографіи, чѣмъ къ исторіи искусства; да и для исторіи культуры въ обширномъ смыслѣ оно далеко не необходимо, такъ какъ, вращаясь главнымъ образомъ въ сферѣ технической и матеріальной цивилизаціи, нося на себѣ характеръ законченный и эгоистическій, оно осталось безъ замѣтнаго духовнаго вліянія на другіе народы» [1]).

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ китайскимъ характеромъ, необходимо взглянуть и на внѣшнія условія, при которыхъ онъ складывался и развивался. Какъ ни разнорѣчивы показанія о величинѣ китайскаго населенія, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что оно мѣстами очень густо. Этимъ объясняется цѣлый рядъ явленій китайской жизни, какъ, напр., дѣтоубійство, переселеніе, множество кули, отдающихъ себя почти въ рабство за возможность заработать кусокъ хлѣба и т. п. [2]). Къ тому же, фактъ густого населенія крайне вяжется съ нѣкоторыми сторонами народнаго характера, какъ, напр., съ крайней бережливостью и умѣренностью. Китай можетъ считаться страною съ сравнительно равномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Въ немъ мы не встрѣчаемъ сосредоточенія крупныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ, равно какъ и особенно крупныхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ предпріятій (Рацель, 49). Земля также распредѣлена сравнительно очень равномѣрно. Она, какъ извѣстно, раздроблена на чрезвычайно маленькіе участки, составляющіе достояніе множества мелкихъ собственниковъ. Хотя законъ и не ограничиваетъ количества скупаемой земли, тѣмъ не менѣе большихъ землевладѣльцевъ очень мало, да и тѣ владѣютъ мелкими участками въ разныхъ мѣстахъ, потому что наибольшая часть такихъ владѣльцевъ пріобрѣла земли покупкою у частныхъ людей (*Іакинѳъ*, Китай, I, 43). На раздробленіе земель въ Китаѣ

---

[1]) Geschichte der bildenden Künste. 1866, I, стр. 60, 61.

[2]) Авторъ одной интересной экономической статьи о Китаѣ, д-ръ *Маронъ* (Vierteljahrs. f. Volkswirthsch. 1863, I, 28) считаетъ мнѣніе о перенаселеніи Китая чистой выдумкой. Но доводы его не подтверждаютъ этого отрицанія. Онъ говоритъ, напр., объ отсутствіи въ Китаѣ излишка рабочей силы, въ то время, какъ оттуда ежегодно выселяется отъ 90 до 120 тысячъ взрослыхъ работниковъ. См. *Ratzel*, стр. 257.

имѣлъ въ значительной степени вліяніе, съ давнихъ поръ вошедшій въ употребленіе, обычай дѣлить землю по-ровну между всѣми сыновьями [1]). Вообще, аграрный вопросъ въ Китаѣ представляется въ высшей степени интереснымъ, какъ моментъ, игравшій существенную роль въ развитіи того практическаго характера, который оказался столь сильнымъ въ борьбѣ за существованіе. При династіи Чжеу (въ XII столѣтіи до Р. Х.) была сдѣлана со стороны правительства крупная попытка къ равному распредѣленію земель, которыя были еще (ранѣе того) раздѣлены на хорошія, среднія и дурныя. Первой давали каждому семейству по сто, второй—по двѣсти, третей—по триста му. «Существенная цѣль такого раздѣла земель,—говоритъ отецъ Іакинѳъ,—кромѣ уравненія поземельнаго налога и земельныхъ повинностей, состояла въ томъ, чтобы не было въ государствѣ ни чрезмѣрно богатыхъ, ни чрезмѣрно бѣдныхъ, т.-е. нищихъ и бродягъ; чтобы жители, привязанные къ осѣдлости закономъ, безъ крайней необходимости не могли оставлять своего мѣстопребыванія и чтобы, работая подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства, не могли предаваться лѣности и праздности» (Китай, III, 97, 98). Но эти учрежденія стали мало-по-малу расшатываться, такъ что при слѣдующей династіи Цинь они могли уже быть вовсе устранены и взамѣнъ ихъ впервые возникла въ Китаѣ частная собственность. При этомъ, разумѣется, болѣе богатые и вліятельные люди захватили множество лучшихъ земель, тогда какъ бѣдняки, лишившись послѣдняго клочка, должны были разбрестись въ разныя стороны. «Отсюда родилось бродяжничество, праздность, лѣность, воровство, обманы, разорительныя тяжбы о земляхъ, разные пороки въ народѣ, разные безпорядки въ правленіи, и это зло въ короткое время столь умножилось, что самый виновникъ онаго государь Цынъ-Шыхуанъ принужденъ былъ изъ бродягъ и негодяевъ составить огромное ополченіе и отправить для завоеванія нынѣшней губерніи Гуанъ-дунъ» (Іакинѳъ, III, 99). Подати при такихъ условіяхъ сдѣлались въ высшей степени обременительны и во всѣхъ концахъ государства стали раздаваться жалобы. Многіе государственные люди и писатели начали обдумывать мѣры къ устраненію зла и съ этой цѣлью стали требовать возстановленія прежней формы землевладѣнія, т.-е. новаго, основаннаго на равноправности передѣла земель. Впрочемъ, нашлись и противники подобнаго мнѣнія: защищая богатыхъ указаніемъ на ихъ

---

[1]) Объ этомъ, равно какъ о сравнительномъ равенствѣ въ Китаѣ вообще смот. Girard, France et Chine. 1869, I, 127—129, 210 и слѣд.

разнообразныя заслуги, одинъ изъ такихъ противниковъ старался выдвинуть на первый планъ положеніе, что «зло заключается не въ существованіи общественныхъ или частныхъ полей, а въ томъ, что нѣтъ никакой возможности устранить бѣдность». Между крайними партіями возвысила свой голосъ и примирительная, соглашавшаяся на сохраненіе частной собственности, но требовавшая ограниченія ея расширенія опредѣленіемъ максимума поземельной собственности и, кромѣ того, настаивавшая на необходимости принять мѣры противъ усиленнаго раздробленія. Въ этомъ смыслѣ было дважды сдѣлано представленіе (въ 122 и 20 г. до Р. X.), и правительство оба раза оказывалось вынужденнымъ уступить общему сопротивленію землевладѣльцевъ. Зло тѣмъ временемъ сильно возрасло и привело, наконецъ, къ крупному государственному перевороту. Министръ послѣдняго императора первой ганской династіи Вангъ-Мангъ, человѣкъ въ высшей степени рѣшительный и энергичный, велѣлъ отравить малолѣтняго государя, посадилъ вмѣсто него на престолъ двухлѣтнее дитя, но вскорѣ свергнулъ его и объявилъ себя императоромъ въ 9-мъ году нашей эры. Онъ велѣлъ сдѣлать опись имуществу богатыхъ, начиная съ мандариновъ, у которыхъ оказалось несравненно бо́льшее состояніе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ оставилъ имъ только пятую долю, а остальныя четыре—продалъ, для того, чтобы вырученныя деньги могли быть употреблены на государственныя нужды [1]. Кромѣ того, Вангъ-Мангъ издалъ слѣдующее постановленіе: «вся земельная собственность страны принадлежитъ императору; ни одинъ подданный не имѣетъ права на землю свыше одного цина (около 6-ти десятинъ); продажа земли воспрещается для того, чтобы каждый могъ сохранить источникъ для пропитанія; земли, которыхъ, послѣ этого закона, окажется слишкомъ много, отойдутъ въ казну и будутъ раздѣлены по деревнямъ, смотря по надобности. Тотъ, кто усумнится въ мудрости этихъ правилъ, буденъ изгнанъ; того же, кто ихъ нарушитъ—постигнетъ смертная казнь» [2]. Вангъ-Мангъ не отступалъ передъ крайностями. Щедрый по отношенію къ народу, онъ не щадилъ жизни людей, не слѣдовавшихъ его политикѣ. Были дни, когда онъ казнилъ по нѣскольку сотъ человѣкъ за то, что они не оправдывали его узурпаторства (Du Mailla, III, 231). Учрежденія, введенныя такъ внезапно и притомъ въ сопровожденіи такихъ насилій, оказались

[1]) Du Mailla. Histoire générale de la Chine. T. III, 1777, стр. 245.

[2]) См. интересную статью Сахарова о землевладѣніи въ Китаѣ, напечатанную въ I-мъ томѣ „Трудовъ русской миссіи въ Пекинѣ“.

недолговѣчными: черезъ три года послѣ изданія своего постановленія Вангъ-Мангъ долженъ былъ взять его обратно. Для того, чтобы утвердить свою власть и съ цѣлью подавленія племенъ, возставшихъ при извѣстіи о низложеніи ганской династіи, онъ снарядилъ военныя экспедиціи, высосавшія множество денегъ и отразившіяся крайне тяжело на благосостояніи народа. Увеличеніе налоговъ и пошлинъ возбудило всеобщее неудовольствіе, выразившееся въ возстаніяхъ, которыя быстро разрослись и привели къ возстановленію прежней династіи. Вангъ-Мангъ былъ задушенъ и разрѣзанъ на куски; голова его, выставленная на площади, сдѣлалась цѣлью для метанія стрѣлъ со стороны черни.

При послѣдующихъ династіяхъ аграрный вопросъ сосредоточился исключительно на прінсканіи гарантій къ ограниченію расширенія частной земельной собственности, и притомъ безъ требованія безденежной отдачи излишка; объ уничтоженіи личнаго владѣнія уже не было и рѣчи. Въ 485 году нашей эры «Сяовынь-ди первый имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ возстановленіи уравненія въ сѣверномъ Китаѣ. Не отнимая земель у владѣльцевъ, онъ положилъ земли, оставшіяся безъ наслѣдниковъ, и земли конфискованныя превращать въ государственное имущество и раздавать землепашцамъ въ пожизненное владѣніе, и касательно владѣльческихъ земель ограничилъ закономъ количество, которымъ каждому можно владѣть по его состоянію. Съ сею цѣлью допустилъ продажу излишнихъ земель; а покупку излишнихъ противъ законнаго количества и продажу казенной земли, въ надѣлъ данной, безусловно запретилъ» (Іакинѳъ, III, 101). Такъ какъ главная цѣль этихъ постановленій состояла въ устраненіи нищенства, то прежде всѣхъ землею надѣляли бѣдныхъ, а потомъ уже давали ее богатымъ. Но эта мѣра не пережила своего основателя и дѣйствіе ея прекратилось послѣ смерти Сяо-вынь-ди. Послѣ того было еще нѣсколько попытокъ въ томъ же родѣ. Въ первой половинѣ седьмого столѣтія императоръ Тхай-цзунъ ввелъ уложеніе о надѣленіи крестьянъ подушными и потомственными землями. «Бѣднымъ и отправляющимъ земскія повинности давали землю прежде другихъ. Но не въ продолжительномъ времени тотъ же государь принужденъ былъ уничтожить свой законъ». Въ 954 году еще государь Ши-цзунъ пытался ввести уравнительное раздѣленіе земель, но землевладѣльцы сильно воспротивились его установленію. Такимъ образомъ,—замѣчаетъ отецъ Іакинѳъ,—въ продолженіи десяти вѣковъ всѣ усилія правительства утвердить ограничивающій законъ были тщетны. Почему домъ Гинь, вступившій на престолъ имперіи въ 1115 году, произвелъ только измѣреніе зе-

мель и опредѣлилъ поземельный налогъ по качествамъ почвы, не входя въ разборъ, кто владѣлъ землями (стр. 104). Около полъ-вѣка до этого послѣдняго постановленія совершилось явленіе, само-по-себѣ очень интересное въ исторіи соціальнаго движенія въ Китаѣ. Я имѣю въ виду попытку реформы со стороны Вангъ-нганъ-шé, государственнаго человѣка, достигшаго почти неограниченной власти, сдѣлавшагося самымъ приближеннымъ лицомъ императора Шенъ-цунга. Умный, образованный, краснорѣчивый, Вангъ-нганъ-шé умѣлъ придать вѣсъ каждому своему слову и вербовать партизановъ въ свой лагерь. Но въ то же время онъ былъ крайне честолюбивъ и считалъ всѣ средства законными, когда дѣло шло объ исполненіи его намѣреній; человѣкъ гордый и полный чувства собственнаго достоинства, онъ относился съ уваженіемъ только къ тѣмъ, кто раздѣлялъ его взгляды [1]). Добившись власти, онъ возстановилъ бывшія еще во времена династіи Чжеу учрежденія для контроля надъ торговыми сдѣлками, для назначенія таксъ въ широкихъ размѣрахъ и пошлинъ, которыя взимались только съ богатыхъ. Деньги, выручаемыя изъ этого источника, шли въ сохранную кассу императора, который распредѣлялъ ихъ между безпомощными стариками, бѣдными, рабочими, не имѣвшими работы и пр. Кромѣ того, Вангъ-нганъ-шé учредилъ особыя инстанціи, на которыхъ лежала обязанность распредѣлять сѣмена для засѣванія пустопорожнихъ земель и раздавать эти земли поселянамъ, съ условіемъ, чтобы послѣдніе возвращали въ видѣ сѣмянъ или другихъ продуктовъ стоимость выданныхъ имъ цѣнностей. Для того же, чтобы всѣ земли въ государствахъ приносили доходъ, смотря по ихъ качеству, чиновники этого учрежденія рѣшали, какими именно сортами растеній слѣдовало засѣвать данную землю и сообразно съ этимъ они выдавали сѣмена, которыя должны были быть возвращаемы только по снятіи жатвы. Эти реформы вызвали уже нѣкоторое неудовольствіе въ имперіи, но оно приняло серьёзные размѣры, когда Вангъ-нганъ-шè измѣнилъ форму экзаменовъ и для объясненія книгъ (пяти священныхъ книгъ) велѣлъ принять написанные имъ самимъ комментаріи, а для объясненія знаковъ—держаться смысла, приданнаго имъ въ составленномъ имъ всеобщемъ словарѣ. Противъ этихъ нововведеній поднялась цѣлая буря со стороны министровъ, мандариновъ и прочихъ сильныхъ людей; но ничто не могло поколебать довѣрія со стороны императора и умалить власти,

---

[1]) Такимъ изображаетъ его Аміо въ Mémoires concernant les Chinois. T. X, 1784, стр. 33.

которой пользовался Вангъ-нганъ-шé. Послѣдній настойчиво преслѣдовалъ свои планы реформъ и съ этой цѣлью удалилъ многихъ сановниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отправилъ въ ссылку; вмѣсто нихъ, онъ выдвинулъ своихъ приверженцевъ, бóльшей частью людей совершенно новыхъ на служебномъ поприщѣ. Такъ шло дѣло до смерти Шенъ-цунга. Послѣ него реакція немедленно восторжествовала: императрица-регентша вполнѣ довѣрилась одному изъ самыхъ энергическихъ и талантливыхъ противниковъ реформъ прежняго царствованія — знаменитому писателю Сéé-ма-куангу, который въ короткое время разрушилъ неупрочившіяся еще нововведенія Вангъ-нганъ-шé. Смѣщенные и сосланные чиновники снова вернулись на свои мѣста, и дѣла вошли въ свою прежнюю колею [1]).

Выводъ, къ которому приводитъ сообщенное въ главныхъ чертахъ изслѣдованіе о борьбѣ за существованіе въ человѣчествѣ, имѣетъ, особенно съ перваго взгляда, много общаго съ извѣстнымъ положеніемъ Бокля, что въ дѣлѣ цивилизаціи рѣшающимъ и главнымъ моментомъ является всегда интеллектуальное развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, подходя къ вопросу съ двухъ сторонъ, мы должны были убѣдиться, что роль нравственнаго момента въ борьбѣ за существованіе несравненно ограниченнѣе и подчиненнѣе, нежели умственнаго. На это прямо указываютъ и факты человѣческой борьбы, и соображенія о непрочности этическихъ основаній.—Этотъ второй аргументъ діаметрально противоположенъ главному доказательству, приводимому Боклемъ въ пользу его положенія. Доказательство это, какъ, конечно, помнитъ читатель, состоитъ въ признаніи за нравственными началами полной неподвижности. Противъ этого возстали историки нравственности и вообще цѣлая школа писателей, доказавшихъ вполнѣ, что нравственныя начала различны у различныхъ народовъ и что если нѣкоторыя наиболѣе элементарныя нравственныя положенія и неподвижны, то этого никоимъ образомъ нельзя распространять на всю мораль вообще. «Дѣлать добро другимъ, жертвовать для ихъ пользы своими желаніями и т. д.,—говоритъ Бокль,—въ этомъ и немногомъ другомъ состоятъ существенныя начала нравственности, но они были извѣстны много тысячъ лѣтъ тому назадъ и ни одной йоты, ни одного параграфа не прибавили къ

---

[1]) Въ высшей степени интересное изложеніе этихъ событій находится у Аміо, къ которому я и отсылаю читателя. Я не счелъ умѣстнымъ останавливаться подробнѣе на этой страницѣ китайской соціальной исторіи, такъ какъ это не соотвѣтствовало бы общему характеру статьи.

нимъ всѣ проповѣди, поученія и афоризмы, какіе только могли произвести теологи-моралисты» (I, 135). Но развѣ рѣшеніе вопроса о томъ, кто эти «другіе», которымъ нужно дѣлать добро, не составляетъ подвижного элемента въ морали и точно все равно, будемъ ли мы распространять добро только на своихъ соплеменниковъ, или же и на чужихъ людей, на представителей другого народа, другой расы и, наконецъ, на животныхъ? Слѣдовательно, развитіе нравственнаго чувства есть фактъ, замѣтный какъ въ исторіи народовъ, такъ и въ исторіи отдѣльныхъ людей. Невѣрно также, будто въ историческомъ процессѣ цивилизаціи не замѣтно вліяніе нравственнаго момента. Если бы Бокль взялъ примѣръ изъ области литературы, искусства и чистой науки, то онъ увидѣлъ бы, какимъ двигателемъ являлось въ нихъ нравственное чувство. Съ этой стороны ему также были приведены довольно вѣскія возраженія.—Различіе между основнымъ положеніемъ Бокля и главнымъ выводомъ, вытекающимъ изъ представленнаго читателю матеріала, заключается въ томъ, что ограниченную роль нравственнаго момента слѣдуетъ признать только какъ орудіе побѣдности въ дѣлѣ борьбы за существованіе, которая въ крупныхъ формахъ выражается въ видѣ промышленной конкурренціи и соперничества народовъ, а не во всемъ процессѣ цивилизаціи. Литература и искусство, составляющія столь существенную сторону цивилизаціи и такъ тѣсно связанныя съ нравственнымъ развитіемъ, отступаютъ на задній планъ въ обыкновенныхъ формахъ борьбы за существованіе. Отсюда понятно, что народы, крайне неразвитые съ этихъ точекъ зрѣнія, могутъ оказаться несравненно сильнѣе, чѣмъ народы, стоящіе гораздо выше ихъ въ этомъ отношеніи.—Мы приходимъ такимъ образомъ къ необходимости расчленить то сложное цѣлое, которое называется цивилизаціей, на двѣ большія группы, слѣдуя въ этомъ отношеніи Гизо. «Въ цивилизаціи,—говоритъ онъ,—заключены два главные факта,—она существуетъ при двухъ условіяхъ и обусловливается двумя признаками: развитіемъ общественной дѣятельности и развитіемъ дѣятельности личной, прогрессомъ общества и прогрессомъ человѣка» [1]). Первый изъ этихъ элементовъ обнимаетъ собою гражданина, и экономическое развитіе и вообще то, чтó называютъ часто терминомъ «матеріальная культура»; второй же заключаетъ «развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей» и выражается въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Хотя Гизо и указываетъ на то, что есть «много го-

---

[1]) Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Переводъ Арсеньева. Стр. 16.

сударствъ, гдѣ благосостояніе растетъ быстрѣе и лучше распредѣляется между гражданами, и гдѣ между тѣмъ цивилизація находится на низшей степени развитія, нежели въ другихъ государствахъ, не такъ богато надѣленныхъ собственно въ соціальномъ отношеніи», тѣмъ не менѣе онъ строго держится принципа, что оба составные элемента цивилизаціи неразрывно связаны между собою. Предполагаемая неразрывность этой связи опровергается приведенными выше фактами существованія народовъ, крайне сильныхъ въ борьбѣ за существованіе, какъ, напримѣръ, янки, китайцы, малайцы, и въ то же время стоящихъ не высоко ни въ дѣлѣ нравственности, ни въ дѣлѣ искусства, литературы и науки. Первенствующее положеніе эллиновъ въ этихъ высшихъ областяхъ цивилизаціи не сдѣлало ихъ живучими и не дало имъ силы пережить неизмѣримо ниже стоящихъ китайцевъ, также точно, какъ неразвитость послѣднихъ съ этихъ точекъ зрѣнія не помѣшала имъ сдѣлаться сильнѣйшимъ народомъ въ борьбѣ за существованіе, надолго пережить греческую и римскую цивилизаціи и занять отчасти даже угрожающее положеніе по отношенію къ современному европейскому міру. Рацель и другіе писатели о китайцахъ много разъ ссылаются на отсутствіе у этого народа «идеальныхъ стремленій», но именно это отсутствіе, замѣняемое удивительной практичностью, послужило имъ не во вредъ, а въ пользу на аренѣ борьбы.

Ил. Мечниковъ.

ПОСЛѢДНІЯ

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ

П.-Ж. ПРУДОНА.

XII *).

Побѣды французской арміи, какъ мы сказали, не особенно воодушевляли Прудона: онъ высчитываетъ потери людьми и деньгами—въ письмѣ къ Гувернэ, отъ 1-го іюля—и не уступаетъ ничего изъ своихъ взглядовъ, въ увѣренности, что событія оправдаютъ ихъ. Работая надъ своимъ политическимъ этюдомъ, Прудонъ, по привычкѣ прежнихъ лѣтъ, заноситъ въ письма къ пріятелямъ всѣ главные выводы, повторяя одну мысль нѣсколько разъ, въ различныхъ письмахъ. Въ личной своей судьбѣ онъ не предвидитъ пока ничего новаго, и въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 20-го іюля, говоритъ, что рѣшился твердо вернуться во Францію *только со свободой.* Но на эту свободу у него тогда не было надежды, прежде чѣмъ не рухнутъ Наполеоновскіе порядки. Прошелъ мѣсяцъ. Въ Парижѣ была объявлена амнистія по всѣмъ политическимъ проступкамъ и преступленіямъ. Прудонъ прочелъ въ газетѣ «Nord» свое имя въ числѣ лицъ, на которыхъ амнистія будто бы распространилась. Онъ принялъ это извѣстіе за чистую монету нѣсколько торопливо, и пишетъ къ

---

*) См. выше: іюль, 163 стр.

Гувернэ, отъ 20-го августа, что намѣренъ тотчасъ же вернуться во Францію,—даетъ ему даже хозяйственное порученіе, на-счетъ найма прежней ихъ квартиры, и находитъ, что ему не выгодно соглашаться на редижированіе журнала въ Брюсселѣ, которое ему только-что передъ тѣмъ предлагали. Фактъ амнистіи Прудонъ и въ слѣдующіе затѣмъ дни принимаетъ, какъ нѣчто положительное. Онъ говоритъ: «Не знаю, право, что придумать объ этой амнистіи, удивившей всѣхъ такъ же, какъ виллафранкскій миръ. Есть ли это разсчетъ—или фантазія? Быть можетъ, нашъ великодушный императоръ пожелалъ соединить героизмъ Цезаря съ милосердіемъ Августа; быть можетъ, также, хотѣлъ погладить по головкѣ демократію, которая своими криками была такъ полезна предпріятію въ Ломбардіи и можетъ оказаться еще полезнѣе, если дѣло осложнится? Всего можно ждать отъ пустой головы. Но, какъ бы то ни было, надо воздерживаться отъ всякой демонстраціи противъ человѣка и режима: только бы моя совѣсть и свобода мысли остались неприкосновенными, я легко поплыву за общественнымъ мнѣніемъ, — и такъ какъ мнѣ отворяютъ двери, то я и войду, не воображая вовсе, что въ состояніи буду разбудить Францію отъ летаргіи: вѣдь и оставаясь за границей, я не имѣлъ бы претензіи держать въ рукахъ свѣтильникъ французской мысли. Прежде всего, не будемъ поддаваться обману ни нашего собственнаго тщеславія, ни маккіавелизма другихъ лицъ».

Предполагаемая перемѣна въ его судьбѣ не мѣшаетъ ему отдаваться умомъ политическому интересу минуты и, въ томъ же письмѣ, обсуждать тогдашній моментъ съ своей точки зрѣнія. Но черезъ день Прудонъ уже увидалъ ошибку, въ какую ввела его газета «Nord». Въ оффиціальномъ «Монитёрѣ» онъ нашелъ, что амнистія не распространяется на людей, *осужденныхъ по процессамъ печати*. Тотчасъ же пишетъ онъ объ этомъ Гувернэ, отъ 24-го августа, и, вслѣдъ за тѣмъ, извѣщаетъ на ту же тэму остальныхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, — сначала братьевъ Гарнье, а потомъ Альфреда Даримона, который, повидимому, предложилъ ему хлопотать въ Парижѣ, чтобъ амнистія была распространена и на него. Онъ соглашается на то, чтобъ появилось письмо въ «Монитёрѣ», гдѣ, не называя его по имени, Даримонъ поставилъ бы вопросъ о существѣ процессовъ печати, которые съ 1852 года были отнесены къ обыкновеннымъ преступленіямъ, судимымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Прудона осудили за его послѣднюю книгу, мотивируя приговоръ оскорбленіемъ *религіозной и общественной морали*, между тѣмъ

какъ весь процессъ былъ исключительно политическаго характера; но формально доказывать это онъ не считалъ возможнымъ при тогдашнемъ настроеніи французской магистратуры. Съ 1-го сентября онъ уже пишетъ Гуверню: «теперь дѣло ясно, — я исключенъ изъ амнистіи», и тотчасъ же онъ даетъ ему разныя порученія, не расплываясь нисколько въ сѣтованіяхъ и огорченныхъ возгласахъ. Мало того, въ тотъ же день пишетъ онъ дѣловое письмо къ братьямъ Гарнье о предположенной имъ серіи брошюръ, извѣщая, что больше двѣнадцати этюдовъ онъ уже заготовилъ. Только въ письмѣ къ Феликсу Деляссу, отъ 7-го сентября, говоритъ онъ съ нѣкоторымъ личнымъ чувствомъ о той придиркѣ, съ помощью которой магистратура не допустила его возвращенія во Францію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оправдывается передъ своимъ корреспондентомъ (по всѣмъ признакамъ, — бельгійцемъ) въ томъ быстромъ желаніи вернуться въ Парижъ, какое овладѣло имъ при полученіи фальшиваго извѣстія объ амнистіи:

«У меня нѣтъ, — говоритъ онъ, — обезпеченныхъ средствъ къ существованію, какъ у многихъ другихъ, которымъ ничего не стоитъ отказаться отъ амнистіи. Надо по необходимости, чтобъ я, служа принципу *справедливости*, извлекалъ изъ этого служенія немного денегъ, — а какая среда даетъ мнѣ всего больше ресурсовъ? Это — Парижъ. Болѣе того: если я желаю служить дѣлу общей свободы, французской эмансипаціи, — опять-таки мнѣ слѣдуетъ отправиться къ своимъ, еслибъ даже положеніе было въ сто разъ болѣе тяжелое и унизительное. Вѣдь нѣтъ никакого большого стоицизма въ восклицаніи: «я вернусь во Францію, когда Франція будетъ свободна!» Было бы гораздо лучше, по-моему, возвратиться въ нее, какъ возвратился на родину Тимолеонъ, Тразибулъ, чтобъ добиться свободы, — или, какъ Сократъ, чтобъ просвѣщать свою страну.

«Но оставимъ эти пренія.

«Исключеніе меня изъ амнистіи побудило меня тотчасъ же принять категорическое рѣшеніе. Мою личность отталкиваютъ, съ помощью оскорбительной придирки прокурора. Нужды нѣтъ: моя мысль выйдетъ вмѣсто меня; я все-таки буду печататься въ Парижѣ. Я рѣшился сдѣлать все для того, чтобы мой трудъ появился тамъ. Когда мнѣ случится высказать что-либо очень рѣзкое, я оставлю это для Брюсселя. Я посрамлю тартюфовъ, добивавшихся моего изгнанія, и покажу пуританамъ, какъ истинный гражданинъ служитъ своей странѣ. Первый выпускъ моихъ трудовъ появится въ теченіи ноября, второй — къ новому году,

третій — въ февралѣ. Каждый годъ я ихъ бу́ду выпускать отъ 5-ти до 6-ти, а потомъ мы увидимъ».

Вопросъ личной совѣсти эмигрантовъ, которая многимъ не позволяла воспользоваться амнистіей Наполеона III, Прудонъ рѣшаетъ по-своему, въ письмѣ отъ 8-го сентября: «Я понимаю, что тотъ или иной человѣкъ слишкомъ бы страдалъ въ своемъ самолюбіи, вернувшись во Францію во время царствованія Наполеона III; но это чисто-личное дѣло, — я же вижу въ имперіи не что иное, какъ императора, потому что меня лично, подъ прикрытіемъ императорской власти, гонитъ реакція; поэтому, я бы и не позволилъ себѣ такой глупости: оставаться дольше въ изгнаніи, въ угоду реакціи—тогда, когда ея вождь въ припадкѣ великодушія или — чего вамъ угодно — разрѣшилъ мнѣ возвратиться. Въ сущности, соперниками императора въ этомъ дѣлѣ являются сначала якобинцы, потомъ генералъ Шангарнье. Поэтому, пускай они и жалуются на то, что онъ ихъ обманулъ и мистифицировалъ. Это ихъ дѣло. Но Луи-Бланъ осужденъ былъ въ Буржѣ, Піа̀ осужденъ по дѣлу 13-го іюня, т.-е. ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого отношенія къ Наполеону III, и я рѣшительно не понимаю ихъ протеста. Они изгнанники учредительнаго и законодательнаго собранія, которыхъ императоръ возвращаетъ на родину; — во что́ же они теперь вмѣшиваются?»

Въ этихъ словахъ Прудона сказывается его здравый смыслъ, всегда возмущающійся личными претензіями и преувеличенной погоней за популярностью, какія видѣлъ въ демократическомъ лагерѣ. Для него, дѣйствительно, императорское правительство, *какъ правительство*, ничего не значило. Онъ очень хорошо зналъ, что съ провозглашеніемъ республики Франція будетъ переполнена его врагами, — людьми, неспособными понять его безкорыстнаго стремленія и оцѣнить ту долю истины, какая заключалась въ его трудахъ. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ такими изгнанниками, какъ Викторъ Гюго, сосредоточившій всю свою циническую страсть на личности Наполеона III, связавшій съ нею исторію своего изгнанничества. Конечно, Гюго выигралъ въ мнѣніи массы оттого, что дождался паденія Бонапартова режима, но его взгляды на внутреннюю свободу держались и держатся за извѣстныя фразы и символы, между тѣмъ какъ въ Прудонѣ не переставало жить настоящее здоровое чувство гражданскаго прогресса, не мирящагося ни съ какими чисто-внѣшними приманками. На каждое дѣло въ вопросахъ личнаго поведенія Прудонъ способенъ былъ посмотрѣть, прежде всего, здраво, безъ претензіи, безъ фразы. Еслибъ амнистія прямо относилась къ нему,

онъ сейчасъ бы отправился въ Парижъ. Случилось по другому; онъ мирится съ необходимостью и спокойно разсуждаетъ на тэму амнистіи, показывая и въ этомъ случаѣ, что общій вопросъ всегда былъ для него дороже личнаго интереса. Отвѣчая Ланглуа, отъ 21-го сентября, онъ пишетъ:

«Чтò же нужно было сдѣлать, по вашему мнѣнію? Писать, дѣлать запросы, совѣтоваться? Кому, о чемъ, какимъ образомъ? Законодатель сказалъ свое слово, — остаются генеральные прокуроры, обязанные примѣнять законы. Я уже вамъ сообщилъ, каково было ихъ мнѣніе — справьтесь, если желаете.

«Конечно, я вполнѣ увѣренъ, что еслибъ 18-го августа я сѣлъ въ вагонъ и очутился прямо въ Парижѣ, то очень бы позадумались схватить меня. Я убѣжденъ, что процессъ, затѣянный по поводу амнистіи, заставилъ бы императора уклониться отъ скандала; онъ не потерпѣлъ бы, чтобъ обрушился на человѣка, возвратившагося повѣря его слову, ригоризмъ толкователей закона. Я и думалъ о такой комбинаціи, исходъ которой былъ бы несомнѣненъ. Но отчего же я не остановился на ней? Судите сами:

«Конечно, никогда, въ сущности, не было болѣе политическаго приговора, какъ тотъ, который поразилъ меня. Но по формѣ дѣло выходитъ совсѣмъ иное. Я осужденъ *за оскорбленіе общества и религіозной морали*, а слова имѣютъ такую силу, что хотя преступленіе, вмѣненное мнѣ, и есть не что иное, какъ фикція, но, все-таки, оно не можетъ быть разсматриваемо какъ *преступленіе политическое*. То, чтó оно совершено путемъ печати, ничему не помогаетъ: ясно, что проступки печати, точно также какъ и оскорбленіе морали, не заключаютъ въ себѣ по существу ничего политическаго».

Вотъ главный его аргументъ, и онъ продолжаетъ доказывать, что, въ силу существующихъ узаконеній, нельзя иначе толковать амнистію, хотя приговоръ, произнесенный надъ нимъ, и заключалъ въ себѣ завѣдомо лживые мотивы. Что же ему оставалось дѣлать? Подавать прошеніе императору? На это онъ отвѣчаетъ, что еслибъ у него была когда-нибудь такая мысль, то онъ и не думалъ бы оставлять Францію, а попытался бы прибѣгнуть къ этому средству тотчасъ послѣ того, какъ проигралъ процессъ.

«Я отвергнулъ это средство,—говоритъ онъ дальше:—я былъ того мнѣнія, что написавши книгу *О Справедливости*, затѣявъ тяжбу съ церковью, мнѣ не прилично бы было явиться въ роли просителя; такъ я построилъ и систему дальнѣйшей защиты;

я протестовалъ противъ того, чтó сдѣлалось въ моемъ отсутствіи, и до сихъ поръ жду. Стало быть, я въ настоящую минуту нахожусь въ полнѣйшемъ согласіи съ самимъ собою: я охотно бы воспользовался общей амнистіей и не желаю вовсе милости, компрометтирующей все мое предыдущее поведеніе».

Онъ очень хорошо понимаетъ, что его друзья возмущены исключеніемъ его изъ амнистіи на томъ основаніи, что онъ совершилъ проступокъ противъ общественной морали; но онъ указываетъ на примѣръ Ледрю-Роллена, который тоже не подпалъ подъ амнистію на томъ основаніи, что его обвиняли въ сообществѣ въ дѣлѣ Орсини и приговорили заочно къ смертной казни, приравнявъ его мнимое преступленіе не къ числу политическихъ, а къ обыкновеннымъ. Онъ можетъ только протестовать противъ бездушнаго коварства императорской магистратуры, пожелавшей приравнять его къ самымъ гнуснымъ преступникамъ, дѣйствительно оскорблявшимъ общественную нравственность. Обращаясь къ Ланглуа, во второй половинѣ письма, онъ повторяетъ ему то же самое, чтó говорилъ и въ одномъ изъ писемъ къ Даримону, т.-е. предлагаетъ ему напечатать письмо въ «Монитёрѣ» или въ другихъ журналахъ, и поставить вопросъ такъ, какъ слѣдуетъ, пока стóитъ еще этимъ заниматься. И пускай «Монитёръ», какъ оффиціальный органъ, рѣшитъ дѣло и разъяснитъ два пункта этого вопроса: 1) подходятъ или не подходятъ подъ амнистію авторы философскихъ, религіозныхъ, экономическихъ произведеній, не заключающихъ въ себѣ ничего грязнаго, но осужденныхъ за посягательство на законъ, публичную и религіозную мораль и т. д.? 2) Подходятъ ли подъ нее зачинщики и исполнители заговоровъ, направленныхъ на личность государя и на безопасность государства? Изложивши все это, Прудонъ кончаетъ такой общей тирадой, гдѣ слышится глубокое убѣжденіе, свободное отъ всякой личной раздражительности и мелкой тревожности: «Любезный другъ, вы видите во всемъ этомъ прямое дѣйствіе деспотизма. Одинъ человѣкъ рѣшаетъ какъ ему угодно, но онъ самъ не знаетъ хорошенько законовъ; онъ ничего не различаетъ, онъ судитъ огуломъ; послѣ же него его агенты объясняютъ, примѣняютъ и приводятъ въ исполненіе, и выходитъ, что служатъ ему очень плохо. Законъ слишкомъ широкъ и судьямъ предоставлено слишкомъ много простора; вездѣ все такъ приноровлено, что власть сохраняетъ за собой наибольшій произволъ, продолжая безпрестанно издавать законы и постановленія. То же самое произошло и съ амнистіей, хотя вы этого и не видите. А вниманіе публики слишкомъ слабо, совѣсть ея слишкомъ распущена, мозгъ разжи-

женъ: никто не хочетъ ни на чемъ хорошенько остановиться и углубиться во что-нибудь. Идеи брызжутъ какъ искры изъ-подъ кузнечнаго молотка, но никто ихъ не собираетъ, никто не приводитъ въ синтезъ, никто не думаетъ; наконецъ, нигдѣ нѣтъ на это силы. И заграницей видно то же самое, что́ и во Франціи: самые сильные люди поражены равнодушіемъ, а масса слабыхъ слѣдуетъ ихъ примѣру. Все опротивѣло: и амнистія, и министерскій маккіавелизмъ, и протестаціи изгнанниковъ; это чувство и диктовало мнѣ письмо 27-го августа (въ этотъ день Прудонъ обратился съ письмомъ къ редактору Бельгійскаго журнала «Revue de Namur» по вопросу своей амнистіи). Бываютъ минуты, что я очень недалекъ отъ полнаго отвращенія къ людямъ и народамъ. Никто не умѣетъ ни думать, ни дѣйствовать, ни выражаться: распущенность полнѣйшая! Все дѣлается кое-какъ; пришла минута смерти для правдивыхъ умовъ, для людей съ чистой совѣстью. Поэтому-то я все больше и больше удаляюсь отъ толпы, остаюсь одинокъ и ухожу въ чтеніе, размышленіе и трудъ. Книгъ у меня довольно и сюжетовъ также. Я вижу, какъ все перепуталось вокругъ меня, но вовсе не надѣюсь помочь въ чемъ либо моимъ ближнимъ. *Я рѣшительно не принадлежу къ числу людей, угодныхъ массъ, еще менѣе правительствамъ!* «Отвѣчая пріятелю своему, итальянцу Феррари, отъ 24-го сентября, Прудонъ не желаетъ, конечно, его раздражить; но доказываетъ ему, что Италія, вопреки освободительной войнѣ, остается папской и императорской, и что итальянское королевство оттѣснено теперь въ глубь вѣковъ, ко временамъ остъ-готовъ, ломбардовъ, франковъ и т. д. Онъ не хочетъ согласиться и съ тѣмъ, что въ итальянскихъ массахъ происходитъ какое-нибудь серьёзное броженіе, а на Кавура смотритъ онъ какъ на «большого *плута*, поджигающаго Европу, чтобъ избавиться отъ собственнаго банкротства».

«Я не особенно бодръ,—заканчиваетъ онъ это письмо,—но, все-таки, работаю... Я такъ копался въ книгахъ въ теченіи моей трехлѣтней тюремной неволи, что, конечно, не могу превратиться въ кретина и въ Бельгіи. Боюсь одного: вліянія старости, сильно подвинувшейся впередъ».

Большое письмо къ Ланглуа отъ 27-го сентября начинается замѣчаніемъ Прудона о томъ, что онъ чувствуетъ себя съ нѣкотораго времени чрезвычайно лѣнивымъ по части корреспонденціи, что сталъ даже ненавидѣть писанье; но, не смотря на это, онъ весьма подробно разбираетъ вопросъ отношеній французскаго государства къ церкви и законы о печати, являвшіеся въ разныя

времена подъ бо́льшимъ или меньшимъ клерикальнымъ вліяніемъ. Все это—по поводу амнистіи, подъ которую ему нельзя никакъ было подойти. Онъ же успокоиваетъ своего молодого пріятеля, говоря ему, что нечего попустому горячиться, не слѣдуетъ ему ни въ какомъ случаѣ хлопотать о помилованіи, потому что этимъ онъ какъ-бы призналъ дѣйствительность и настоящую законность приговора, между тѣмъ какъ этотъ приговоръ заключалъ въ себѣ извращеніе настоящей сути дѣла.

«Просмотрите мое послѣднее письмо,—продолжаетъ онъ,—и проникнитесь вы его духомъ. Какъ я уже говорилъ вамъ, приговоръ мой вызванъ политикой; ничего не можетъ быть болѣе политическаго. Вотъ поэтому-то я и думалъ одно время, что могъ подпасть подъ амнистію. Но эта проклятая политика воспользовалась, для того, чтобъ приговорить меня,—принципомъ, который я ни подъ какимъ видомъ не хочу колебать, а именно, что *оскорбленіе нравственности не имѣетъ съ политикой ничего общаго*. Все, что̀ я могу сдѣлать для своей защиты, это,—признавъ *большую* посылку,—оспаривать *меньшую*, заключающуюся въ томъ, что г. Прудонъ напалъ на религіозную нравственность; но законъ не различаетъ этихъ двухъ видовъ морали, поэтому Прудонъ виновенъ и находится внѣ амнистіи. — На что я возражаю: да, но это вы, т.-е. іезуитская имперія, произвели такое смѣшеніе двухъ понятій; это вы, ренегаты и отступники, выдали принципы 89-го г. ихъ врагамъ и т. д. и т. д. При Бурбонахъ я былъ бы, конечно, *политическимъ преступникомъ*, потому что Бурбоны ограничивались только половиной дѣла; съ вами же, врагами всякой морали и всякой свободы, я только безнравственникъ».

Поэтому, онъ еще разъ проситъ своего молодого пріятеля не волноваться больше изъ-за его амнистіи и кончаетъ такимъ практическимъ соображеніемъ:

«Въ концѣ-концовъ, не Богъ знаетъ какое несчастье: пробыть еще *четыре года* за границей, прежде чѣмъ вернуться во Францію! Займемся, друзья, менѣе серьёзными вещами! Еслибъ не моя жена, чистая парижанка, которой изгнаніе совсѣмъ ужъ не на руку, еслибъ не друзья мои, не французское вино, стоющее здѣсь слишкомъ дорого, я ни одной бы копѣйки не далъ за житье въ Парижѣ предпочтительно передъ жизнью въ Брюсселѣ, въ Кёльнѣ, въ Цюрихѣ, въ Женевѣ или Туринѣ. Позаботимся о томъ, чтобъ хорошенько подготовиться къ новому появленію предъ парижской публикой. Забудемъ себя самихъ передъ этой публикой и отдадимся вполнѣ нашему святому и не-

побѣдимому дѣлу. Съ нами ничего не могутъ сдѣлать. Развѣ вы не видите, что всѣ сбились съ пути, что правительства дѣлаются одно другого безумнѣе, а партіи поражены еще бóльшей слѣпотой? Про народныя массы я и не говорю: онѣ идутъ куда ихъ тащатъ».

И въ тотъ же день, онъ извѣщаетъ книгопродавцевъ—братьевъ Гарнье о возможности скораго своего появленія передъ парижской публикой черезъ посредство ихъ издательскаго дома. На другой день, въ письмѣ къ другу своему Бергману, онъ опять подробно разбираетъ французское законодательство по проступкамъ печати и повторяетъ почти то же, чтó и въ письмѣ къ Ланглуа на счетъ своего тогдашняго положенія, прибавляя, однако, что съ лѣтами дѣлается нѣсколько тяжеле и медленнѣе и не чувствуетъ больше прямого удовольствія отъ писанья. «Но,—замѣчаетъ онъ,—если лѣта не позволяютъ мнѣ придавать моему стилю ту энергію и блескъ, какіе были пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мнѣ остается дѣльность содержанія, за которую я могу постоять». Онъ даже извиняется, въ другомъ письмѣ, что его корреспонденція стала вообще слабѣть, такъ какъ онъ не можетъ уже по прежнему урывать время отъ писательскихъ трудовъ; силы у него не тѣ. И все-таки не проходитъ дня, чтобъ онъ не написалъ кому-нибудь довольно большого письма, и только болѣзнь или очень спѣшная работа производятъ пробѣлы, какъ, напр., двухнедѣльное отсутствіе писемъ отъ 30-го сентября до 16-го октября. Послѣднее сентябрьское письмо, помѣченное 30-мъ числомъ, адресовано Гюставу Шодэ и равняется цѣлой докладной запискѣ. Его тэма: опять амнистія, возможность и умѣстность дальнѣйшихъ хлопотъ, а затѣмъ планъ новыхъ трудовъ и взгляды на текущую политику. Слѣдующее характерное мѣсто показываетъ, какъ умственный складъ Прудона туго поддавался общему настроенію публики во Франціи и Европѣ и какъ его своеобразный пессимизмъ привелъ всѣ взгляды и подробности къ одному публицистическому центру.

«Свѣтъ не знаетъ куда онъ идетъ, но нужно, чтобъ онъ шелъ. Маршъ, маршъ! Англійская нація, слушаясь только одного своего эгоизма, дѣлаетъ ошибку за ошибкой и, какъ всегда, обожаетъ въ Пальмерстонѣ своего злого генія. Англія первая, вопреки всякой нравственности и всякому разуму, рукоплескала 2-му декабря и признала узурпатора; она добивалась, во что бы то ни стало, восточной войны, она отказалась противопоставить свое veto ломбардской кампаніи. И вотъ она теперь варварски истребляетъ индійцевъ и приготовляется принудить китайцевъ

получать отъ нея опіумъ. Я сильно побаиваюсь, чтобъ судьба Англіи не кончилась такъ же, какъ и судьба Кароагена и древняго Египта. А между тѣмъ, въ этой націи есть не мало жизненной силы, патріотизма; но гордость и скупость портятъ все. Скажу даже болѣе, въ Англіи, какъ и въ Германіи, Бельгіи, Франціи, вездѣ, родъ человѣческій, какъ кажется мнѣ, пораженъ извѣстнаго рода размягченіемъ мозга. Никто больше не думаетъ, не имѣетъ силы думать, идея производитъ отвращеніе, она кажется возмутительной, нарушающей всякое право; только и занимаются что музыкой, куреніемъ табаку, услажденіемъ своего грѣшнаго тѣла и свободной любовью. Журналы вполнѣ достойны такой публики: мужчинамъ они доставляютъ пошлыя сплетни, выходящія изъ канцелярій и конторъ, гдѣ фабрикуютъ публичное остроуміе; женщинамъ — романы, поддерживающіе въ нихъ постоянный эротизмъ».

Сообщая о своемъ этюдѣ, посвященномъ вопросу войны, который онъ готовилъ въ эту минуту, Прудонъ говоритъ, что не нашелъ еще ни у древнихъ, ни у новѣйшихъ писателей даже перваго слова, разрѣшающаго вопросъ войны и мира.

«А между тѣмъ,—замѣчаетъ онъ,—война, это—исторія, политика, международное право, это — все. Какъ только будетъ отгадана ея загадка, можно будетъ все вывести и пророчествовать въ исторіи. У меня есть уже много курьёзныхъ вещей, которыя произвели бы самое страшное впечатлѣніе, еслибъ онѣ были высказаны человѣкомъ, пользующимся бо́льшимъ кредитомъ, чѣмъ я. Но прежде чѣмъ обработать свою рукопись, я желалъ бы узнать кое-что, что вы можете мнѣ очень хорошо сообщить».

И тутъ Прудонъ задаетъ своему пріятелю нѣсколько вопросовъ по источникамъ международнаго права и спрашиваетъ его даже: какіе вообще, въ ту минуту, имѣются принципы, теоріи и доктрины? «Вы знаете,—добавляетъ онъ, — что я люблю брать вопросы съ того момента, на какомъ оставили ихъ предшественники и мнѣ хотѣлось бы знать: могу ли я считать авторовъ, прочитанныхъ мною (а выше онъ упоминалъ о классическихъ авторахъ, каковы: Гроціусъ, Ватель, Лейбницъ, Вольфъ, Пуффендорфъ) какъ за непосредственныхъ предшественниковъ? И чтобъ лучше усвоить дѣло, я довольно хорошо изучилъ военное искусство, стратегію, тактику, фортификацію и т. д., чего ни одинъ легистъ не дѣлалъ, и за что́ я себя поздравляю. Выскажите мнѣ ваше мнѣніе объ этихъ занятіяхъ и помогите мнѣ. Вы оказали бы большую услугу бѣдному воюющему и страждущему человѣчеству, и я вамъ буду за это очень признателенъ».

При обычной правдивости Прудона трудно усомниться, чтобъ онъ сталъ по-пусту хвастать своими военно-теоретическими занятіями. А если это такъ, то нельзя не изумляться той искренности, съ какой онъ отдавался каждому вопросу, той тратѣ силъ, времени и труда, съ какой онъ обработывалъ каждую брошюру, вызванную въ немъ текущей дѣйствительностью. Но его искренность даже съ пріятелями была часто не такъ понимаема, какъ слѣдуетъ, и въ письмѣ къ Ланглуа, отъ 16-го октября, мы видимъ, что онъ долженъ возстановлять настоящій смыслъ своего предыдущаго письма, успокоить обидѣвшагося пріятеля, упрекающаго его и въ эгоизмѣ и въ надменности, и въ претензіяхъ на непогрѣшимость: все это по тому поводу, что Прудонъ гораздо спокойнѣе, дѣльнѣе и толковѣе взглянулъ на вопросъ амнистіи. Надо видѣть, съ какой мягкостью, добротой и терпимостью Прудонъ обращается къ молодому человѣку, стоявшему гораздо ниже его по развитію и не имѣвшему на него никакихъ особыхъ дружественныхъ правъ. Мало того, что онъ успокоиваетъ его, но онъ берется снова за перо, чтобъ показать ему основательность своихъ взглядовъ: пишетъ ему цѣлую почти диссертацію, въ сжатомъ видѣ, о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественной морали и о тѣхъ ошибкахъ и умышленныхъ смѣшеніяхъ понятій, какія закрались во французское законодательство, подъ различными вліяніями. Мы очень жалѣемъ, что не можемъ, въ интересахъ экономіи мѣста, привести цѣликомъ все это длинное посланіе, показывающее, какъ Прудонъ къ каждому моменту своей мыслительной и нравственной жизни, къ каждому вопросу, задѣвающему общіе интересы, относился съ необычайной правдивостью, серьёзностью и цѣльностью. Онъ понималъ также, что его молодой пріятель волновался, желая, во что бы то ни стало, добиться для него амнистіи; почему онъ и не препятствуетъ ему совѣтоваться съ адвокатами и вникнуть хорошенько въ это дѣло. За себя же онъ говоритъ: «мое рѣшеніе еще больше закрѣпилось; я не вернусь никогда этимъ путемъ, т.-е. поднимая вопросъ о своей простой уголовной виновности, я положительно отказываюсь отъ всякаго подобнаго разбирательства. Оно противъ моихъ убѣжденій, противъ моей совѣсти». Онъ проситъ также Ланглуа, если тотъ дѣйствительно собирается въ печати обработать вопросъ амнистіи по поводу процесса Прудона, сдѣлать это по программѣ, какую онъ ему предложилъ, настаивая на томъ, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не доказывалъ, *что оскорбленіе морали есть политическій*

проступокъ и не приравнивалъ бы проступковъ прессы къ государственнымъ преступленіямъ.

Къ новому корреспонденту, еще не встрѣчавшемуся ни въ этомъ, ни въ предыдущихъ томахъ, д-ру Дюпа, Прудонъ обращается съ небольшимъ пріятельскимъ письмомъ, отъ 16-го же декабря, и такъ успокоиваетъ его на счетъ себя самого:

«Вы, конечно, правы: Франція остается до сихъ поръ вожакомъ цивилизаціи. Въ этомъ всего лучше убѣждаешься, когда попадаешь за границу. Но не бойтесь, однако, что я потерялъ діапазонъ. Вамъ извѣстны мои силы абстракціи и сосредоточенія. Въ Брюсселѣ я остался тѣмъ же, какимъ былъ когда-то въ Rue d'Enfer. Впрочемъ, вы сами это вскорѣ увидите». А въ дополненіе къ этимъ словамъ мы находимъ еще нѣсколько строкъ въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отправленномъ въ тотъ же день: «я работаю покойно и весело, хотя и нахожусь въ настоящую минуту подъ холерическимъ вліяніемъ». Тутъ же онъ жалуется Эдмону на то, что пріятели непомѣрно пристаютъ къ нему по поводу амнистіи и хотятъ заставить надѣлать безцѣльныхъ глупостей. Но не проходитъ и десяти дней, какъ новая бѣда стряслась надъ Прудономъ. Письмо отъ 26-го октября на имя Гувернэ начинается такой фразой: «я рожденъ на горе!» Только что его дочери стали немного поправляться, какъ жена опять заболѣла, да и меньшая дочь далеко еще не поправилась, такъ что Прудонъ долженъ былъ самъ ходить за больными и заниматься хозяйствомъ. А пріятели продолжали безпокоить его изъ Парижа письмами все о той же амнистіи. Онъ почти съ сердцемъ требуетъ въ письмѣ къ Даримону, отъ того же 26-го октября, чтобъ ему перестали, наконецъ, жужжать въ уши объ этой злосчастной амнистіи и объявляетъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ доказывать, что проступки противъ общественной морали (какова бы ни была правдивость приговора) относятся къ разряду политическихъ. «Да чего вы, наконецъ, отъ меня хотите?» восклицаетъ онъ, и снова приводитъ дѣловыя доказательства того, что онъ поступалъ вполнѣ послѣдовательно. «Полиція, прокуратура на сторожѣ»,—заключаетъ онъ. Меня не подведутъ подъ амнистію, скорѣе меня простятъ; но я самъ ничего не хочу двойственнаго въ этомъ дѣлѣ. Какъ ни сильно желаю я увидать Францію и моихъ друзей, *пить вино въ пятнадцать су*, вмѣсто здѣшняго фаро, я предпочитаю лучше остаться за границей до конца моихъ дней, чѣмъ вернуться позорнымъ путемъ прощенія».

«Довольно объ этомъ,—обрѣзываетъ Прудонъ,—умоляю васъ: бросьте объ этомъ думать! Меня вовсе не пугаютъ четыре года

внѣ Франціи. Что касается до самолюбія писателя и политическаго человѣка, то я давно отъ него освободился и пускай меня забудутъ: я объ этомъ не сокрушаюсь, а если наши общіе враги радуются тому, что я удаленъ, я очень доволенъ тѣмъ, что могу доставить имъ подобное удовольствіе. Сила, правящая европейскимъ міромъ, до сихъ поръ и, быть можетъ, больше чѣмъ когда либо: съ одной стороны—стремленіе впередъ, съ другой—общественный страхъ. Гдѣ бы я ни находился, я всегда стою въ первомъ ряду революціи, но революціи далеко еще не до торжества, и мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть сначала, какъ реакція пройдетъ черезъ всѣ фазисы и еще не разъ пропляшетъ свою карманьолу».

Тотъ же взглядъ на свое положеніе высказываетъ онъ и въ письмѣ къ Туринэ, своему старому пріятелю и товарищу, отъ 7-го ноября, съ прибавкой такого соображенія, что если ему нельзя будетъ дѣйствовать въ печати какъ экономисту, политику, моралисту—онъ попробуетъ литературной критики.

Не забудемъ, что въ это время его публицистическая мысль была сильнѣе всего прикована къ вопросу мира и войны по поводу итальянской кампаніи. Въ перепискѣ съ Феррари мы продолжаемъ находить самые характерные его взгляды, которые онъ, въ то же время, развивалъ въ своихъ этюдахъ. Фрондерство Прудона въ дѣлѣ итальянскаго движенія было бы лишено послѣдовательности, еслибы онъ не взглянулъ на этотъ вопросъ съ извѣстной революціонной глубиной. Онъ продолжалъ доказывать, что, несмотря на вспышку освободительнаго движенія и на результаты кампаніи, Италія все-таки закрѣпощена императору и папѣ, и что настоящее ея освобожденіе можетъ состояться только подъ вліяніемъ такихъ революціонныхъ идей, которыми самъ Прудонъ желалъ всегда обновить государственный и соціальный строй Европы. Поэтому-то національное освободительное движеніе и казалось ему фиктивнымъ, лживымъ, безпорядочнымъ. Обращаясь къ своему пріятелю—итальянцу—онъ спрашиваетъ его: что̀ можно сказать про большинство итальянскаго народа, освободилось ли оно отъ всякаго вліянія церкви и традицій священнаго права и всего, что̀ сколько-нибудь напоминаетъ феодальную систему? И если это рѣшительное *отрицаніе* уже совершилось въ итальянской совѣсти,—продолжаетъ Прудонъ,—то на какой формулѣ остановился итальянскій умъ? *Конституціонный ли онъ, или имперіалистскій, или республиканскій*, принимая эти слова въ современномъ ихъ значеніи. Стоитъ ли онъ за единство и *централизацію* или за *либерализмъ?* Однимъ словомъ, если Ита-

лія освободится мало-по-малу изъ-подъ давленія имперія и церкви, чѣмъ она сдѣлается по вашему, если вообще она можетъ чѣмъ-нибудь сдѣлаться? Пойдемъ дальше, до самой сути, и скажемъ такъ: Италія можетъ ли стать *чѣмъ-нибудь сама собой?*» Дальнѣйшія событія дали отвѣтъ на вопросъ Прудона, хотя далеко не вполнѣ, и его характеристика, которую мы сейчасъ увидимъ, при всей своей рѣзкости и апріоричности, заключаетъ, какъ читатель согласится, нѣсколько мѣткихъ обобщеній:

«Я думаю,—пишетъ онъ дальше,—что итальянское большинство состоитъ безразлично изъ народа, духовенства, даже буржуазіи, рабочихъ, крестьянъ; я считаю это большинство до сихъ поръ христіанскимъ и католическимъ. Я думаю, что протестантизмъ: педантичный, лицемѣрный, ханжеской, антиполитическій, иконоборческій—долженъ приводить въ ужасъ натуру итальянцевъ.

«Признавши это, я признаю, также какъ и вы, что итальянское большинство, даже отдѣлываясь отъ папскаго и императорскаго главенства, роковымъ образомъ приходитъ все къ той же двойной категоріи.

«Я думаю, что такъ-называемая либеральная партія состоитъ лишь изъ *атеистовъ*—буржуа, изъ дѣльцовъ, изъ людей жаждущихъ власти и пріобрѣтенія церковныхъ имѣній, словомъ, изъ личностей совершенно одного покроя съ буржуа Франціи, Англіи, Бельгіи, Германіи. Это такая же раса эксплуататоровъ, людоѣдовъ, преобладаніе которыхъ составляетъ въ XIX-мъ вѣкѣ главный источникъ порчи и повело бы къ окончательному паденію рода человѣческаго, еслибы не мѣшали этому люди революція!

«Поэтому-то я и смотрю съ полной искренностью на *теперешнюю* эмансипацію Италіи посредствомъ Кавуровъ, Викторовъ Эммануиловъ, Бонапартовъ, сенъ-симонистовъ, разныхъ Гарибальди и Маццини, какъ на грустную мистификацію. Я объявляю, что подобный сбродъ биржевыхъ игроковъ, сводниковъ, интригановъ, публичныхъ женщинъ, авантюристовъ, безнравственныхъ и жадныхъ буржуа, на мой взглядъ, въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ добрѣйшій католическо-императорскій народъ полуострова, чѣмъ какой-нибудь мужикъ Церковной области, искренно ставящій свѣчку своей Мадоннѣ; онъ для меня неизмѣримо почтеннѣе, чѣмъ всякій либералъ школы Кавура и Гарибальди. Я полагаю, что этимъ-то (т.-е. наивной вѣрой и старыми традиціями) Италія и проявляетъ еще свою жизненность, оригинальность; этимъ-то она плодотворнѣе, почтеннѣе, достойнѣе вниманія философа и государственнаго человѣка. А въ заключеніе я скажу,

что если Италія можетъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь, она достигнетъ этого лишь *окончательной* революціей, рѣшительнымъ переворотомъ во всемъ: революціей *экономической*, правовой и, главнѣе всего, нравственной. Что касается до политической, то я вамъ ее предоставляю: можете изъ нея дѣлать, что вамъ угодно».

Тутъ—весь Прудонъ. По крайней мѣрѣ, нельзя уже сказать, что онъ ничѣмъ не мотивировалъ свой пессимистическій взглядъ на тогдашнюю, а, слѣдовательно, и на теперешнюю Италію. Въ особенности возмущали его два документа: письмо Маццини къ сардинскому королю и адресъ Гарибальди къ неаполитанцамъ. Про обоихъ итальянскихъ патріотовъ онъ не стѣсняется отзываться съ явнымъ презрѣніемъ, а Гарибальди такъ прямо и называетъ *паяцемъ*. Въ концѣ же, резюмируя всѣ свои филиппики, онъ пишетъ: «Могу ли я видѣть во всемъ, что вотъ уже цѣлый годъ происходитъ въ Италіи, что-нибудь иное, какъ дѣйствіе интриги, затѣянной заговорщиками, доктринерами, спекулянтами, самолюбивыми государями и министрами, совершенно запутавшимися въ своихъ дѣлахъ, и все это вопреки и въ противность настоящей, неподдѣльной національности?

«Нужно ли теперь прибавить въ видѣ окончательнаго слова, что я нисколько не вѣрю въ дѣйствительность всего этого переполоха».

Онъ удерживаетъ своего пріятеля отъ дѣятельной роли на родинѣ и совѣтуетъ ему остаться въ Парижѣ, откуда и дѣйствовать путемъ печати.

Переходя къ своимъ личнымъ дѣламъ и разсказавъ вкратцѣ испытанія послѣднихъ мѣсяцевъ, онъ повторяетъ, что ему работается вообще хорошо, и находитъ, что *отечество писателя тамъ, гдѣ его печатаютъ*.

Мы уже видѣли, что Прудонъ остановился на мысли литературной критики, если его публицистическіе труды не будутъ имѣть никакого доступа во Францію. Изъ письма къ братьямъ Гарнье, отъ 14-го ноября, оказывается, что одинъ изъ членовъ этой фамиліи, проѣздомъ черезъ Брюссель, видѣлся съ Прудономъ и передалъ ему разговоръ съ критикомъ Сентъ-Бёвомъ, который съ удовольствіемъ говорилъ о возможности для Прудона занятій по литературной критикѣ. Братья Гарнье раздѣляли это мнѣніе, но самъ онъ, хотя ему уже и приходила та же мысль, не рѣшался еще приступить прямо къ подобной работѣ, не считая себя достаточно компетентнымъ въ литературныхъ вопросахъ. Онъ приступилъ бы къ подобной работѣ съ двумя условіями: если Сентъ-Бёвъ поможетъ ему своими указаніями, и если его

издатель позволитъ ему мѣшать чисто-литературную критику съ публицистической и философской. И тутъ же онъ упоминаетъ о той массѣ матеріаловъ, которую собралъ въ теченіи десяти мѣсяцевъ, надѣясь на возможность бесѣдовать съ публикой черезъ своихъ парижскихъ издателей. Къ новому, 1860 году, онъ собирался выступить снова передъ французской публикой. О своихъ домашнихъ испытаніяхъ онъ говоритъ вскользь и только въ письмѣ къ Гуверне, отъ 14-го ноября, вырываются у него слѣдующіе возгласы: «вы видите, что дьяволъ преслѣдуетъ меня. Иногда мнѣ кажется, что моя житейская роль еще не кончена, потому что я обреченъ проходить черезъ мытарства. Я и сопротивляюсь, и даю вамъ слово, что сдамся только въ минуту смерти».

Болѣзнь младшей дочери все еще продолжается и грозитъ перейти въ водянку головы. Прудонъ долженъ въ это время безпрестанно отрывать себя отъ занятій; а въ перепискѣ съ пріятелями отводитъ немного душу на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, кромѣ вопроса о своей амнистіи, которую все еще долженъ разбирать, благодаря настойчивости парижскихъ друзей, старавшихся заставить его выхлопотать себѣ возвратъ во Францію. Онъ пишетъ Бутвиллю, отъ 20-го ноября, на ту же тэму и говоритъ ему, что болѣзнь, разразившаяся на его семействѣ, помѣшала ему выпустить въ свѣтъ въ концѣ текущаго года ту вещь, которой онъ желалъ бы заново зарекомендовать себя передъ французской публикой. Онъ крѣпится, но не скрываетъ, что заграничная его жизнь поддерживается одной внутренней связью съ французской интеллигенціей.

«Нечего спорить, любезный другъ,—замѣчаетъ онъ,—французская нація стоитъ всякой другой. Я это говорю и думаю теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Опытъ, черезъ какой я прошелъ за-границей, заставляетъ меня съ каждымъ днемъ все больше уважать мое отечество. Я не думаю однако же, чтобъ Франція могла одна совершить дѣло революціи: въ одиночку это недоступно и ни для какой другой націи. Европа въ своей совокупности больна: буржуазія, магистратура, духовенство, правительство и дворы—все попорчено; народъ ничего не знаетъ и ничего не можетъ и уже зараженъ гангреной, идущей сверху. Революція будетъ результатомъ необходимости: ее произведетъ меньшинство всякихъ странъ и національностей. Сегодня движеніе разражается въ Италіи, завтра—въ Венгріи, послѣзавтра—въ Германіи, послѣ явится въ Англіи, почему я и смотрю на ея паденіе, какъ на дѣло неизбѣжное. Поэтому-то, оставаясь

французомъ, я все больше и больше склоняюсь въ сторону космополитизма. Поэтому-то главное посрамленіе Франціи въ моихъ глазахъ: не столько лишеніе свободы, сколько та пошлость, съ какой ея шовинизмъ хватается за всѣ приманки, бросаемыя ему правительствомъ. Франціи крикнутъ: «ура на Англію!» —и она повторитъ: «ура!» ей скажутъ: «ура на австралійцевъ!» —и она будетъ кричать: «ура!» завтра науськаютъ ее на пруссаковъ, о которыхъ въ настоящее время никто и не думаетъ, и она опять завопитъ: «ура!» Наше дорогое отечество—гнусно. Такимъ оно представляется мнѣ и, откровенно говоря, я сожалѣю въ немъ объ одномъ—о моихъ старыхъ друзьяхъ».

Эта тирада можетъ показаться очень противорѣчивой, если сопоставить ея начало съ концомъ; но противорѣчіе это только кажущееся: Прудонъ хотѣлъ сказать, что и другія страны, начиная съ Бельгіи, куда онъ попалъ, не лучше Франціи, а даже хуже ея. Но и Франція черезъ-чуръ низко стоитъ въ глазахъ каждаго, кто, какъ онъ, носилъ въ своей душѣ неумирающій идеалъ гражданской правды и гармоніи.

А тѣмъ временемъ болѣзнь его дочери все развивалась. Какъ истинно чадолюбивый отецъ, описываетъ Прудонъ пріятелю своему, Гувернэ, всѣ перипетіи болѣзни и даже ведетъ родъ дневника, отмѣчая малѣйшіе симптомы; его желѣзная натура начала склоняться подъ тяжестью безпрестанныхъ ударовъ.

«Въ настоящую минуту, пишетъ онъ Бутвиллю отъ 27-го ноября, я просто подавленъ, разбитъ, ошеломленъ. Вотъ уже шесть недѣль, какъ я очень мало сплю, или совсѣмъ не сплю, ничего не работаю, всѣ мои занятія стали, дѣла перепутались, публика въ это время забываетъ меня и мѣняетъ свое настроеніе, а мои идеи, казавшіяся недавно слишкомъ радикальными, старѣютъ и могутъ превратиться въ какія-то антикварныя утопіи. Но нравственное мое состояніе превосходно, только надо было-бы его поддержать тремя или четырьмя тысячами франковъ дохода, которые бы позволили мнѣ не нуждаться постоянно въ работѣ». Къ первому декабря, какъ видно изъ записки къ тому же Гувернэ, дочь Прудона уже значительно поправилась, но онъ все еще не можетъ надѣяться на полное ея выздоровленіе. Въ большомъ письмѣ къ д-ру Кретену отъ того же 1-го декабря излагаетъ онъ свои соображенія объ этомъ болѣзненномъ процессѣ и опять какъ-бы извиняется въ томъ, что не лечилъ своей дочери гомеопатіей. Снова говоритъ онъ и объ амнистіи, оправдывая свое поведеніе, указывая на необходимость держаться одного принципа, но не запрещая нисколько друзьямъ разрабо-

тать этотъ вопросъ въ печати и добиться отъ правительства категорическаго отвѣта: подходитъ ли г. Прудонъ подъ амнистію или нѣтъ. «Ясно,—добавляетъ онъ,—что оставить нерѣшеннымъ подобный вопросъ—неблаговидно и пошло; совершенно беззаконно удалить изъ страны человѣка, имѣющаго право вернуться въ нее, если декретъ можетъ быть къ нему примѣнимъ; если же нѣтъ, то хотятъ поставить ему западню, продолжая молчать. Вотъ чего я не могу растолковать ни Ланглуа, ни Даримону. Вотъ въ какомъ смыслѣ я предложилъ имъ дѣйствовать тогда, когда они горячо схватились за дѣло. Они отказались; имъ желательно добиться для меня помилованія, а я требовалъ только одного разъясненія».

Послѣдовательность и честность Прудона, не поддававшаяся никакимъ ударамъ судьбы, не позволяли ему гладить по головкѣ своихъ пріятелей, когда ихъ взгляды и мнѣнія слишкомъ расходились съ его собственными. Такъ, Шарлю Белэ онъ дѣлаетъ сильную головомойку въ письмѣ отъ 3-го декабря по поводу итальянской кампаніи и надеждъ, возбужденныхъ тогдашнимъ бонапартизмомъ.

«Два слова изъ вашего письма,—говоритъ онъ,—показываютъ мнѣ, что вашъ околотокъ со всѣмъ его населеніемъ также глупъ и простъ, какъ и всегда. Чего ему соваться судить объ экспедиціи, въ которой онъ ничего не смыслитъ, толковать о расѣ, ему непонятной, о такъ называемомъ героѣ, между тѣмъ какъ онъ просто авантюристъ, служащій интригѣ». (Читатель пойметъ, что дѣло идетъ о Гарибальди). — «Неужели такъ трудно всей этой кучкѣ вбить себѣ въ голову, что ничего подъ реакціоннымъ и деспотическимъ правительствомъ не можетъ быть дѣлаемо съ иной цѣлью, какъ развить повсюду деспотизмъ, реакцію или же служить личнымъ фантазіямъ? Неужели такъ трудно понять, что въ настоящую минуту въ Италіи эта такъ называемая національная партія состоитъ изъ интригующихъ буржуа или дворянъ, дѣйствующихъ, конечно, противъ теперешнихъ правительствъ, но не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ въ Парижѣ разумѣютъ подъ именемъ *демократіи*? Наконецъ, неужели такъ трудно понять и то, что тамъ, гдѣ не существуетъ свободы преній, можетъ быть распространяема одна ложь и что объ Италіи говорено до сихъ поръ, вотъ уже въ теченіи года, только то, что̀ императорская аристократія позволяла говорить? Ваши Фобу́ры чистые простофили, одного сорта съ ихъ великимъ человѣкомъ—Гарибальди».

Упорный характеръ Прудона заставляетъ его относиться такъ

рѣзко къ итальянскому герою, въ которомъ онъ не видитъ пока никакихъ свойствъ, проявляющихъ истинно демократическій духъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Прудона губитъ излишняя систематичность мнѣній и отрѣшенность отъ живой жизни, книжникъ беретъ почти верхъ надъ наблюдателемъ. Этотъ книжникъ будетъ все больше и больше овладѣвать имъ по мѣрѣ того, какъ жизнь въ изгнаніи станетъ очерчивать вокругъ него слишкомъ тѣсный кругъ.

Конецъ филиппики Прудона изъ того же письма, обращенный на императора французовъ, гораздо замѣчательнѣе по своей рѣзкой правдѣ и оригинальности выраженій: «Вы мнѣ толкуете, что его величество не сдается передъ епископами.—Это, просто, еще новая наивность закоренѣлаго бонапартиста, желающаго награждать собственными идеями своего императора. Его величество, запомните это хорошенько, по слабости своей головы ни передъ кѣмъ не можетъ держать ее высоко (тутъ французскій каламбуръ: ne tient tête à personne attendu qu'elle n'a point de tête). Его величество по части идей взламывало только открытыя двери; у него никогда не было и никогда не будетъ другихъ рѣшеній, кромѣ принципа контръ-революціи, а то, чтó его величество позволитъ себѣ хотѣть, какъ выраженіе личной воли—менѣе чѣмъ ничтожно. А когда это что-нибудь—стоющее и противорѣчащее реакціонной волѣ, то его величество сейчасъ же покидаетъ это. Такъ поступило оно въ Виллафранкѣ, также поступаетъ и въ виду притязаній епископовъ, также поступаетъ оно и съ Англіей, испугавшись *veto* всей финансовой феодальной системы.

«Словомъ, его величество находится въ полной *измѣнѣ* противъ французскаго народа: оно отрицаетъ его традиціи, стремленія, принципы, стремится къ его заклятымъ врагамъ, къ вѣнскому Цезарю, представителю абсолютизма, къ папѣ, представителю католицизма, къ іезуитамъ, мальтузіанцамъ, ко всему, чтó мы ненавидимъ, не можемъ выносить, проклинаемъ во Франціи съ эпохи клятвы въ Jeu de Paume». И въ самомъ концѣ письма стоятъ еще слѣдующія страстныя строки: «сожгите вы этотъ старый бонапартистскій идеалъ, къ которому сохранили еще слабость, подкиньте къ костру и кусочки, оставшіеся отъ идеаловъ орлеанизма и бурбонства: на здоровье, только жгите, жгите, жгите!»

Вопросъ объ амнистіи все еще не прекращается въ перепискѣ съ пріятелями, и въ письмѣ отъ 4-го декабря къ Ланглуа Прудонъ предлагаетъ черезъ посредство газетъ поставить такъ вопросъ: г. Прудонъ, приговоренный за оскорбленіе общественной

и религіозной морали, *признается ли правительствомъ политическимъ преступникомъ, а слѣдовательно, имѣетъ-ли онъ право или нѣтъ на амнистію*? И опять онъ убѣждаетъ Ланглуа стать на свою точку зрѣнія и не заставлять его впадать въ непослѣдовательность, въ нелѣпость, допуская, что преступленія и проступки противъ нравственности—политическаго характера. Ланглуа долженъ былъ составить объ этомъ цѣлый мемуаръ, и Прудонъ спрашиваетъ Гувернэ въ письмѣ отъ 11-го декабря, въ какомъ положеніи находится дѣло. Онъ проситъ также Гувернэ передать младшему изъ братьевъ Гарнье письмо съ просьбой о займѣ въ тысячу франковъ и не скрываетъ той назойливой нужды, въ которую впалъ въ послѣднее время, совершенно разстроенный въ дѣлахъ цѣлымъ рядомъ болѣзней жены и дѣтей. Ему до крайности необходимо обзавестись бѣльемъ, купить вина, кое-какой мебели и заплатить за визиты докторовъ, а кромѣ того,—разбитый и неимущій братъ его постоянно требуетъ денежной поддержки.

Крайняя нужда заставляетъ Прудона обратиться къ издателямъ братьямъ Гарнье, прося ихъ дать ему въ счетъ будущаго гонорара тысячу франковъ. Видно, какъ ему горько обращаться къ нимъ съ этой просьбой, и онъ даже прямо говоритъ, что ему стыдно распространяться о своихъ нуждахъ; но невзгоды слишкомъ тяжелы, и онъ начинаетъ находить, что ему отпущено черезъ край. Прочитывая это письмо, видишь во-очію: какъ высоко-даровитый труженикъ, не смотря на свою желѣзную энергію, не могъ даже настолько обезпечить себя, чтобъ въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній имѣть ничтожную копѣйку на черный день. А въ это время онъ долженъ былъ прочитать цѣлую массу томовъ для своего этюда о войнѣ. Каждый вопросъ Прудонъ всегда желалъ изучить какъ можно разностороннѣе, насколько позволяло ему его незнаніе языковъ. Такъ и литературу международнаго права поглощаетъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, о чемъ говоритъ пріятелю своему Шодэ въ письмѣ отъ 15-го декабря. Какъ и всегда, Прудонъ находитъ, что его предшественники, за исключеніемъ на этотъ разъ Гуго Гроція и отчасти Вольфа, ничего не сдѣлали мало-мальски стоющаго; а между тѣмъ Прудонъ находитъ, что вопросъ войны въ международномъ правѣ—грандіозный предметъ. Онъ обѣщаетъ, что покажетъ всю силу *права* и въ этой области, представлявшей до него сбродъ произвольныхъ положеній, нелѣпыхъ традицій и возгласовъ шовинизма. Онъ все еще вѣритъ въ то, что французская публика ждетъ отъ него новаго слова, что ему можно будетъ даже зна-

чительно улучшить свое матеріальное положеніе. Но нужда была такъ сильна, что, получивъ отъ братьевъ Гарнье вексель на тысячу франковъ, Прудонъ разражается въ благодарностяхъ, увѣряетъ ихъ, что безъ устали будетъ работать для того только, чтобъ показать имъ всю свою признательность, обѣщая въ скоромъ времени доставить манускриптъ для перваго выпуска цѣлой серіи брошюръ. Такъ какъ жена и младшая дочь въ это время выздоровѣли, то Прудонъ и могъ опять засѣсть вплотную за книги, и только переписка съ пріятелями отрываетъ его отчасти отъ этой новой усиленной работы, проданной имъ, такъ сказать, на корню. Вопросъ объ амнистіи долженъ онъ снова разбирать въ письмѣ къ Ланглуа, который въ это время собирается выпустить на эту тэму цѣлую брошюру въ Парижѣ. Прудонъ предлагаетъ ему свой планъ обработки и настаиваетъ на томъ, чтобъ онъ, все-таки, не смѣшивалъ проступковъ печати по оскорбленію публичной нравственности съ чисто-политическими процессами, а съ другой стороны, чтобъ онъ установилъ глубокую разницу между сочиненіями, имѣющими цѣлью дѣйствовать на чувственность читателей грязными картинами и описаніями, и такими, гдѣ развивается серьёзная и убѣжденная теорія, которую въ данную минуту правосудіе страны можетъ считать вредною. Этимъ письмомъ отъ 25-го декабря и заканчивается переписка 1859 г.

XIII.

Весь истекшій годъ представлялъ, такимъ образомъ, для Прудона цѣлый рядъ непріятностей и ударовъ: процессъ, приговоръ, денежная пеня, арестъ изданія, огромныя потери труда, бѣгство, необходимость поселиться въ чужомъ городѣ, стѣсненная дѣятельность и трудность сбывать продукты своего писательства. Къ новому, 1860-му, году онъ не могъ записать на приходъ никакого дѣйствительно цѣннаго результата, въ смыслѣ обезпеченія матеріальнаго довольства, трудовой гарантіи. Но діапазонъ его переписки все-таки не падаетъ, и въ самый день 1-го января онъ спокойно разсуждаетъ о дальнѣйшихъ трудахъ, и та́къ начерчиваетъ свою писательскую программу, обращаясь къ г-ну Вердо:

«Все, что̀ было болѣе крупнаго и опаснаго, я уже сказалъ; критическій мой періодъ поконченъ: теперь мнѣ слѣдуетъ развивать мои положенія и взгляды, — по мѣрѣ того, какъ будутъ идти событія. Я предстану передъ публикой съ тѣмъ двойнымъ преимуществомъ, что въ моемъ лицѣ она найдетъ и одного изъ

самыхъ передовыхъ людей революціи, — и писателя, наиболѣе спокойнаго въ изложеніи своихъ желаній, наиболѣе безкорыстнаго по личнымъ домогательствамъ».

Программа осталась, стало-быть, въ общихъ чертахъ та же, какую онъ намѣчалъ въ теченіи предыдущаго года. Спокойствіе не оставляетъ его, и, говоря Даримону въ письмѣ, написанномъ на другой день, все о той же безконечной амнистіи, о своемъ твердомъ намѣреніи держаться того же взгляда, онъ прибавляетъ, что амнистія его мало прельщаетъ, но что виновниковъ той незаслуженной кары, какая была задумана противъ него, онъ всегда будетъ преслѣдовать. Съ такимъ же самообладаніемъ, хотя и съ горькимъ чувствомъ, обозрѣваетъ онъ истекшій 1859 годъ, въ письмѣ къ Морису отъ 8-го января, и не умаляетъ нисколько тяжести ударовъ, поражавшихъ его одинъ за другимъ. Съ особой бодростью говоритъ онъ, что его невзгоды похожи на болѣзнь младшей дочери: если онъ не падетъ подъ ея тяжестью —подобно тому, какъ она выздоровѣла—то «непремѣнно поднимется съ честью».

Черезъ недѣлю, т.-е. 15-го числа того же мѣсяца, пишетъ онъ въ томъ же тонѣ: «Мнѣ минетъ ровно 50 лѣтъ. Повѣрите ли, еслибъ не потеря легкости тѣла, я бы никакъ не сказалъ, что я старѣюсь. Для меня это новый опытъ: человѣкъ видитъ, какъ разстраивается его машина, но, въ сущности, головой и сердцемъ онъ вовсе не старѣетъ. Только глупцы, старѣясь и увеличивая свою нелѣпость, лѣнь и порочную жизнь, могутъ впадать въ старческое прозябаніе. Мнѣ это напоминаетъ то, что и вы вовсе не старѣете. У насъ тѣло изнашивается, любезный другъ, но пламя жизни, духъ—не падаютъ. Когда я былъ 20-ти лѣтъ отъ роду, я совсѣмъ не любилъ вина, а теперь я его обожаю. Вотъ и все. Но это физика, а вовсе не настоящее измѣненіе жизненности».

И въ самомъ дѣлѣ, кто бы ни заглянулъ въ дальнѣйшія письма Прудона, никакъ не повѣрилъ бы, что ихъ пишетъ человѣкъ, которому минуло 50 лѣтъ, въ изгнаніи, на чужбинѣ, — почти безъ копѣйки денегъ, въ постоянныхъ тяжелыхъ трудахъ: до такой степени искренно отдается онъ всѣмъ крупнымъ интересамъ минуты. Ближайшее затѣмъ письмо, отъ 11-го января, все почти посвящено политическимъ вопросамъ, и въ немъ Прудонъ съ юношескимъ негодованіемъ говоритъ о безсмысліи, по его мнѣнію, политики Наполеоновскаго правительства, которая не имѣетъ въ себѣ никакой идеи, не слѣдуетъ ни одной изъ традицій, получившихъ право гражданства во Франціи, т.-е. ни

революціонной, ни католической. Кромѣ новыхъ брошюръ и этюдовъ, онъ началъ приготовлять ко второму изданію свою книгу «О Справедливости», продолжаетъ переписку, горячо откликается на всѣ противорѣчія и безобразія императорской политики. Онъ находитъ время бесѣдовать объ итальянскомъ движеніи съ другимъ своимъ пріятелемъ Феррари, и въ письмѣ отъ 6-го февраля пространно излагаетъ ему свои идеи о федеративной будущности Италіи, возмущаясь поведеніемъ пьемонтскаго правительства, которое измѣнило своей родинѣ, уступивъ всю савойскую территорію Франціи. Это письмо даетъ еще разъ довольно ясное понятіе о томъ, почему Прудонъ такъ яростно нападалъ на тогдашнее движеніе въ Италіи. Передъ нимъ носился другой идеалъ, который дѣйствительно отвѣчаетъ гораздо болѣе историческому и культурному развитію Апеннинскаго полуострова, и такъ какъ онъ никогда не переставалъ быть врагомъ притязательнаго абсолютизма, никогда не любилъ шумихи и фразъ, съ чѣмъ бы онѣ ни были связаны, то и не могъ помириться съ тѣми противорѣчіями, какія заключались въ тогдашнемъ итальянскомъ либерализмѣ.

«Да,—пишетъ онъ,—чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ больше я нахожу, что не слѣдуетъ пока поддерживать и идею федерализма въ Италіи ежедневной полемикой... Я же, съ своей стороны, собираюсь дѣйствовать относительно Франціи въ томъ самомъ духѣ. Въ настоящую минуту французская демократія на половину побѣждена императорской политикой. Всѣ рукоплещутъ жертвѣ, принесенной его величествомъ въ видѣ папства: рукоплещутъ идеямъ *свободнаго обмѣна*, т.-е. двумъ мистификаціямъ, которымъ слѣдуетъ погибнуть къ концу 1860 года.

«Со стороны власти безъ принципа, принесеніе папства въ жертву Англіи—не что иное, какъ увеличеніе общей кутерьмы, шагъ впередъ на пути къ распаденію Европы, потеря французскаго вліянія на 130 милліоновъ католиковъ—средство устранить революцію.

«Что же до свободнаго обмѣна, то я уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ повѣдалъ, что это шутовство, которое, посредствомъ принципа *laissez faire—laissez passer* и свободнаго ажіотажа, доведетъ непремѣнно до увеличенія нищеты въ рабочемъ классѣ.

«Отвѣчаю вамъ за то, что императорское правительство дорого заплатитъ за свой минутный успѣхъ. Теперь же пускай все идетъ, какъ можетъ: обязательное молчаніе, налагаемое на Францію, не позволитъ схватиться съ актами правительства. Въ Италіи у насъ народное увлеченіе, не способное ни на какое серьез-

ное дѣло, — во Франціи же насъ давятъ полиція и преслѣдованіе прессы. Поэтому и нужно ждать».

Увѣренность въ томъ, что будущность не принадлежитъ бонапартизму, высказываетъ онъ съ новой силой въ письмѣ отъ 6-го февраля къ Шарлю Белэ. То, чѣмъ онъ въ это время занимался, естественно переходитъ въ переписку, и онъ все сильнѣе и сильнѣе втягивается въ вопросъ о непослѣдовательности императорской политики, временно оттолкнувшей отъ себя католицизмъ. Онъ пользуется, какъ ловкій противникъ, такимъ переходомъ бонапартизма въ лагерь противниковъ папы и говоритъ нѣсколько позднѣе, отъ 20-го февраля, что теперь, выпуская въ свѣтъ второе изданіе своей книги «О Справедливости», онъ можетъ построить слѣдующій силлогизмъ: «если нѣтъ папы, — нѣтъ и церкви, если нѣтъ церкви, — нѣтъ религіи, а безъ религіи нѣтъ нравственности, безъ нравственности нѣтъ общества». Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и письмо къ русскому другу Г***, которое мы, по обстоятельствамъ независящимъ, не можемъ привести здѣсь ни цѣликомъ, ни въ извлеченіи. Развитіе идей по внѣшней политикѣ и международному праву идетъ у него crescendo, и онъ въ особенности возмущается той легкостью, тѣмъ легкомысліемъ, съ которыми Франція увлекалась результатами итальянской кампаніи. Въ письмѣ къ Шарлю Белэ отъ 25-го марта есть горячая діатриба, точно-будто вылившаяся изъ-подъ пера 25-ти-лѣтняго человѣка, полнаго жизненнаго пыла:

«Его величество съумѣло задѣть струну *побѣды*. И мы кичимся въ нашемъ глупомъ тщеславіи, какъ-разъ въ такой моментъ, когда дошли до послѣдняго предѣла безумія. Чему служатъ эти побѣды? Ровно ничему. Увеличенію территоріи? — Нисколько. Возстановленію границъ? — Не больше того. Все это старо, ретроградно, абсолютно безплодно. Это все равно, какъ еслибъ вы вернулись къ алебардамъ, щитамъ и боевымъ таранамъ. Къ счастью, все нынче проходитъ очень скоро. Послѣ воинственнаго конька, мы осѣдлали конекъ свободнаго обмѣна; послѣ свободнаго обмѣна — побѣду; послѣ побѣды, что́ у насъ остается? О, глупая раса, неблагодарная и недостойная! Обезглавить Людовика XVI, выгнать Карла X, сдѣлать изгнанникомъ Людовика-Филиппа, проклясть республику — и все затѣмъ, чтобъ пресмыкаться передъ булонскимъ авантюристомъ!»

Въ тотъ же день онъ извѣщаетъ братьевъ Гарнье, что первый выпускъ изданія его книги «О Справедливости» уже вышелъ, и спрашиваетъ ихъ на-счетъ этюда «О войнѣ и мирѣ»:

желаютъ ли они печатать его въ Парижѣ, или предоставятъ ему надзоръ за изданіемъ въ Брюсселѣ?

Къ веснѣ 1860 г. въ писательскомъ положеніи Прудона не произошло ничего такого, что̀ бы дало новый толчокъ его дѣятельности. Онъ продолжаетъ заниматься вторымъ изданіемъ своей книги «О Справедливости» и работаетъ очень много, надѣясь въ скоромъ времени занять особое мѣсто въ глазахъ международной публики, читающей по-французски. Онъ не скрываетъ того (въ письмѣ къ Шарлю Белэ отъ 7-го апрѣля), что долженъ поневолѣ мечтать о золотѣ и серебрѣ, такъ какъ обстоятельствами доведенъ до слишкомъ большой нужды. Съ положеніемъ эмигранта онъ вполнѣ помирился и ему не только не жалко Франціи (за исключеніемъ нѣсколькихъ друзей), но онъ все болѣе и болѣе возмущается состояніемъ умовъ и характеровъ на своей родинѣ; восклицаетъ даже въ концѣ того же письма, что еслибъ ему было всего 25 лѣтъ, онъ сейчасъ же переселился бы въ Америку. Но свои труды находитъ онъ всего удобнѣе выпускать въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и говоритъ въ письмѣ къ Бергману отъ 9-го апрѣля, что еслибъ ему удалось привить этотъ способъ бесѣды съ публикой во Франціи, онъ добился бы очень хорошихъ доходовъ. О своей жизни въ изгнаніи онъ повторяетъ изреченіе: *гдѣ справедливость, тамъ и родина.* И Бергману говоритъ онъ, что пора закончить критическій періодъ и заняться подведеніемъ итоговъ; но если и въ Бельгіи его постигнетъ преслѣдованіе, онъ принужденъ будетъ превратиться опять въ какого-нибудь торговаго приказчика и намекаетъ даже, что у него есть кое-что въ виду въ Англіи. Взглядъ на свои 50 лѣтъ и на приближающійся конецъ жизни вырываетъ у него нѣсколько строкъ, проникнутыхъ глубокой грустью, показывающихъ, какъ эта могучая натура была уже тогда утомлена до такой степени, что и самую смерть началъ онъ ждать какъ пріятнаго успокоенія. И какъ онъ ни уходилъ въ работу, въ личные интересы, въ необходимость составить себѣ какую-нибудь собственность, все-таки гражданинъ и сынъ своей родины сказывались въ немъ, и почти въ каждомъ письмѣ вы находите горькій взглядъ на существующіе порядки во Франціи, на нравы и направленіе идей его соотечественниковъ.

Въ числѣ новыхъ корреспондентовъ Прудона является въ эту пору и критикъ Сентъ-Бёвъ. Мы уже видѣли, какъ завязались ихъ сношенія. Сентъ-Бёвъ прислалъ Прудону экземпляръ своего сочиненія «Исторія Поръ-Рояля». Въ отвѣтственномъ благодарственномъ письмѣ Прудонъ очень объективно относится къ этому

труду и высказываетъ очень широкую терпимость взглядовъ по религіознымъ вопросамъ, которая всегда его характеризовала. О книгѣ Сентъ-Бёва говоритъ онъ и въ письмѣ къ Гюставу Шодэ, посланномъ въ тотъ же день—25-го апрѣля, замѣчая по поводу одной ругательной статьи, направленной на Сентъ-Бёва, что на него нападаютъ такъ сильно потому только, что онъ присталъ къ бонапартизму, но, по мнѣнію Прудона, онъ, все-таки, стоитъ неизмѣримо выше своего «патрона», т.-е. императора. Въ умѣ Прудона происходилъ всегда такой процессъ: по вопросу, которымъ онъ въ данную минуту всего горячѣе занимался, онъ способенъ былъ доходить до парадоксальныхъ воззрѣній вслѣдствіе страстности натуры; и въ то же время ко всему остальному относился неизмѣримо спокойнѣе, послѣдовательнѣе, шире, терпимѣе. Но никогда его не покидало убѣжденіе въ правотѣ тѣхъ идей, до которыхъ онъ доработался. И въ эпоху, разбираемую нами, положеніе эмигранта заставило его еще сильнѣе опираться на свое исповѣданіе вѣры. Принужденный бесѣдовать съ международной публикой, читающей по-французски, Прудонъ незамѣтно дѣлался все больше и больше космополитомъ. Въ письмѣ къ одному изъ друзей, отъ 26-го апрѣля, онъ пишетъ слѣдующее:

«Пришла минута для всѣхъ свободныхъ людей соединиться, къ какой бы они ни принадлежали націи, какимъ бы языкомъ ни говорили. У нашихъ враговъ есть общественное богатство, военная сила, правительственный организмъ, за нихъ стоитъ высшая буржуазія и духовенство. У насъ же нѣтъ ничего, кромѣ нашихъ идей, нашего права,—за насъ однѣ рабочія массы, находящіяся, къ несчастью, въ невѣжествѣ и способныя, при случаѣ, вести себя такъ, какъ повелъ себя въ 1851 году народъ Парижа, а теперь савойскій народъ.

«Любезный другъ, мы находимся въ процессѣ *революціонной разработки;* борьба будетъ долгая,—она, вѣроятно, переживетъ насъ, но все-таки надо исполнить свой долгъ. Я разсчитываю на свою долю хорошо работать еще лѣтъ пятнадцать: этого довольно будетъ, чтобъ высказать все, чтó у меня лежитъ на душѣ, и принести больше пользы, чѣмъ принесъ до сихъ поръ». Увы! этому разсчету суждено было осуществиться только на одну треть. Но воспріимчивость ума и натуры была такъ сильна у Прудона, что ходъ событій въ Европѣ продолжалъ непосредственно вліять на него—въ чемъ онъ самъ сознается—и приводилъ къ существеннымъ измѣненіямъ въ направленіи, въ общемъ тонѣ его изслѣдованій. На эту тэму говоритъ онъ Шарлю Белэ, отъ 3-го мая, высказывая съ нѣсколько новымъ освѣщеніемъ свой отри-

цательный взглядъ на тогдашнюю Европу. При этомъ онъ позволяетъ себѣ нѣсколько общихъ соображеній и какъ-бы предсказаній, уже теперь значительно сбывшихся. — Вотъ это мѣсто:

«Кампанія въ Ломбардію дала всѣмъ толчокъ. Италія хочетъ быть единой, сдѣлаться большимъ государствомъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого для насъ: необходимость еще больше закрѣпить наши границы и пріобрѣсти двѣ маленькія провинціи; Россія этому не препятствуетъ, но задумываетъ вознаградить себя на востокѣ; Австрія сдѣлаетъ то же самое на Дунаѣ; Англія *idem* гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; *Пруссія сложится въ Германскую имперію.*

«Мы придемъ къ образованію пяти или шести большихъ имперій; каждая изъ нихъ поставитъ себѣ цѣлью защищать и возстановлять божественное право и эксплуатировать подлую чернь. Мелкія государства будутъ теперь пожертвованы совершенно такъ, какъ когда-то Польша.

«И не будетъ тогда въ Европѣ ни права, ни свободы, ни принциповъ, ни нравовъ. Тогда же начнется великая война шести имперій между собою.

«Но чего добивалась революція?

«Чего хотѣла республика?

«Отвратить эту эру несчастья и униженія, и обезпечить — вмѣстѣ съ правомъ, свободой, съ миромъ — плодотворную идею труда и нравственности. Преступная Европа будетъ казнена Европой вооруженной. Пускай же кара приходитъ поскорѣе и быстрѣе промчится!»

Въ такомъ же точно духѣ пишетъ онъ и другимъ пріятелямъ, какъ, напримѣръ, Гувернэ, отъ 3-го мая, давая имъ понятіе о томъ, чтó онъ развиваетъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ въ этюдѣ по международному праву. Его кабинетные труды были опять разстроены извѣстіемъ о смерти его брата, которому онъ, въ послѣдніе годы, постоянно помогалъ. Онъ обращается къ своему земляку и пріятелю Морису, прося его оградить кое-какія крохи, оставшіяся послѣ покойнаго, отъ нападенія кредиторовъ, такъ какъ самъ Морисъ былъ главный изъ этихъ кредиторовъ. Прудонъ въ этомъ письмѣ такъ же искрененъ, какъ и во всѣхъ проявленіяхъ своего прочнаго родственнаго чувства, безъ сантиментальности, безъ фразъ, но съ настоящимъ желаніемъ сдѣлать то, чтó можетъ. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, послѣ полученія извѣстія о смерти брата, онъ говоритъ про свое ежедневное житье-бытье другому пріятелю — Бутвиллю: весь его день наполненъ работой; онъ совсѣмъ не скучаетъ и если страдаетъ отъ

порядка дѣлъ во Франціи, то теперь вовсе не больше, чѣмъ бывало, живя въ Парижѣ. Еще разъ и съ новой силой повторяетъ онъ, что не будь у него во Франціи друзей, онъ ничего бы не сталъ жалѣть. Ему остается еще три года до срока его приговора, и онъ надѣется, что эти три года пройдутъ какъ три дня. Другой бы, конечно, на его мѣстѣ не преминулъ и порисоваться, и поболтать о себѣ лишній разъ; онъ же въ письмѣ къ пріятелю посвящаетъ себѣ самому десять строкъ, а общимъ вопросамъ — нѣсколько страницъ, написанныхъ горячо и убѣжденно. А между тѣмъ денежное его положеніе было куда некрасиво, и не дальше какъ черезъ десять дней, отъ 13-го іюня, онъ проситъ парижскаго своего пріятеля, Шарля Белэ, ссудить ему 500 или 600 франковъ и шутливо приводитъ даже три стиха изъ басни:

Je vous rendrai, lui dit-elle,
Avant l'août, foi d'animal,
Intérêt et principal...

Онъ въ это время былъ такъ бѣденъ, что долженъ былъ даже отказываться отъ пріема нефранкированныхъ писемъ, и случилось, что не принялъ письма другого своего пріятеля, предъ которымъ и извиняется. Но еслибъ развернуть 10-й томъ его корреспонденціи (къ нему относится 1860 годъ), гдѣ въ любомъ письмѣ его трактуется о политическихъ интересахъ той эпохи, то, конечно, никто бы не подумалъ, что такъ можетъ бесѣдовать въ своихъ интимныхъ письмахъ человѣкъ, до такой степени необезпеченный въ своихъ средствахъ. Отчаяваться вообще не было въ натурѣ Прудона. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что чрезъ каждыя три-четыре письма мы находимъ гдѣ-нибудь тирады съ ободрительными соображеніями и надеждами. Такъ и въ письмѣ отъ 2-го іюля, къ г-ну Пенэ, онъ все еще надѣется извлечь матеріальную выгоду изъ своихъ новыхъ трудовъ, и тутъ же прибавляетъ, что единственная вещь гложетъ его, это — нравственное разложеніе, какое онъ замѣчаетъ во французской націи. Онъ возмущается даже тѣмъ, что 2,000 пѣвцовъ-орфеонистовъ отправились изъ Парижа въ Лондонъ распѣвать и давать праздники. «Развѣ въ этой расѣ,—восклицаетъ онъ,—есть хотя какое-нибудь ядро гражданина?» А тѣмъ временемъ его личныя надежды сбывались очень плохо. Онъ убѣждался, что иностраннаго рынка для его сочиненій недостаточно, о чемъ и говоритъ въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 23-го іюля. Ему необходимо было явиться опять передъ французской публикой въ Парижѣ, но его издатели, братья Гарнье, были такъ напуганы императорской прокурату-

рой и полиціей, что отказывались издать у себя что-либо, исходящее изъ-подъ его пера. Поэтому онъ и долженъ былъ обратиться къ Шодэ съ вопросомъ: можно ли будетъ напечатать книгу, не прибѣгая къ издательской фирмѣ, и какія на это еще есть узаконенія? Къ самимъ же братьямъ Гарнье онъ пишетъ особое письмо и, съ нѣкоторой горечью, показываетъ имъ, что на нихъ какъ-бы лежала нравственная обязанность издать то, надъ чѣмъ онъ началъ работать, прежде чѣмъ они ему дали мысль заняться болѣе безопасной литературной критикой, по совѣту Сентъ-Бёва. Онъ имъ предложилъ даже такую комбинацію: подвергнуть рукопись просмотру лица, которому они вполнѣ довѣряютъ. Они на это согласились, и выбрали адвоката Аллу. Прудонъ, въ письмѣ отъ 4-го августа, принимаетъ этотъ видъ цензуры, и дѣло устроилось такъ, что онъ будетъ получать изъ Парижа корректуры, дѣлать поправки—и потомъ уже отдавать ихъ на просмотръ. Объ этой комбинаціи сообщаетъ онъ Шодэ, отъ 22-го августа, благодаря его за мысль присоединиться къ Аллу, въ качествѣ второго цензора. Въ тотъ же день пишетъ онъ и братьямъ Гарнье благодарственное письмо; но сообщаетъ имъ, что встрѣтилась новая помѣха къ немедленному печатанію его этюдовъ, и уже помѣха съ его стороны. Пока онъ съ ними переписывался, совѣтъ кантона *Вó*, въ Швейцаріи, объявилъ конкурсъ на сочиненіе о налогѣ. Конкурсъ этотъ открытъ былъ до 17-го сентября,—и Прудонъ рѣшился писать; но онъ успокоиваетъ своихъ издателей, говоря, что чрезъ три недѣли онъ опять къ ихъ услугамъ. Уже въ одномъ письмѣ отъ 10-го сентября рѣчь идетъ объ этомъ сочиненіи на конкурсъ. Прудонъ разсчитываетъ, если оно удостоится преміи, напечатать его въ Брюсселѣ, а потомъ распространять во Франціи; но желаетъ предварительно еще разъ пересмотрѣть его, такъ какъ многое изъ того, что̀ онъ говорилъ, имѣя въ виду своихъ швейцарскихъ судей, не прошло бы передъ императорской полиціей.

Безъ мелкаго авторскаго тщеславія, но съ чувствомъ нѣкотораго нравственнаго удовлетворенія сообщаетъ Прудонъ Бергману отъ 15-го сентября, что его книгу «О Справедливости» начинаютъ переводить на разные европейскіе языки, что ее читаютъ даже въ Россіи и Сибири, поэтому онъ и выражаетъ старому своему другу надежду въ скоромъ времени улучшить свое положеніе, до такой степени скомпрометтированное въ послѣдніе два года. Кромѣ новыхъ вещей, какія онъ въ это время готовилъ, и 2-го изданія книги «О Справедливости», Прудонъ собирался участвовать въ редакціи какого-то новаго бельгійскаго ежемѣсячнаго

журнала, о чемъ впервые сообщаетъ Матёю отъ 18-го сентября, указывая опять съ удовольствіемъ на тотъ фактъ, что даже въ Сибири читаютъ его книги: къ нему являлся какой-то русскій офицеръ съ выраженіемъ сочувствія разныхъ его читателей въ г. Томскѣ. Въ это же самое время посѣтилъ его изъ Парижа пріятель Шодэ, съ которымъ у него установились вполнѣ прочныя отношенія, не прекращавшіяся до смерти. Видно также изъ письма къ Белэ, отправленнаго въ тотъ же день, что работа по 2-му изданію книги «О Справедливости» начинаетъ тяготить его. А изъ Лозанны онъ еще не имѣетъ никакого отвѣта по сочиненію, представленному имъ на конкурсъ. И позднѣе пишетъ онъ Морису отъ 7-го октября, что какъ только получится рѣшеніе конкурсныхъ судей, онъ пересмотритъ свой этюдъ и пошлетъ въ Парижъ къ братьямъ Гарнье, надѣясь, что они съумѣютъ извлечь въ его пользу нѣсколько банковыхъ билетовъ. Черезъ недѣлю онъ уже разсчитываетъ очень скоро покончить съ вторымъ изданіемъ книги «О Справедливости» и говоритъ въ письмѣ къ Гувернэ отъ 14-го октября, что этотъ трудъ пришелся ему чрезвычайно дорого, но онъ все-таки еще надѣется, что книга будетъ со временемъ продаваться во Франціи. Въ концѣ октября послалъ онъ свою рукопись въ Парижъ къ братьямъ Гарнье, и проситъ Шодэ отъ 27-го числа приступить вмѣстѣ съ адвокатомъ Аллу, избраннымъ отъ братьевъ Гарнье, къ просмотру и цензорскимъ помаркамъ. «Поймите,—пишетъ онъ,—что вы будете не цензурировать только, а спасать эту вещь. Дѣло идетъ о моемъ новомъ появленіи передъ французской публикой, такъ какъ книгу «О Справедливости» нечего и считать. Стало-быть, тутъ сидитъ моя будущность, жизнь, мысль, душа: все это я вамъ поручаю. *In manus tuas commendo spiritum meum*». Въ томъ же письмѣ онъ хвалитъ направленіе журнала «Courrier du dimanche», въ которомъ Шодэ принималъ участіе въ качествѣ одного изъ главныхъ редакторовъ. Посылая свою рукопись въ Парижъ, онъ поручаетъ ее также попеченіямъ пріятеля своего Гувернэ, прося его передать манускриптъ въ руки старшему брату Гарнье и боится, чтобъ рукопись не провалялась зря и, пожалуй, не затерялась бы, такъ какъ у него не было второго экземпляра. А изъ Лозанны онъ не получилъ еще отвѣта и къ концу октября, что видно изъ письма къ Шарлю Белэ отъ того же 27-го числа. И только-что онъ отправилъ рукопись въ Парижъ, какъ пишетъ Морису, что черезъ полгода можетъ выпустить еще четыре такихъ этюда.

Вводя, по необходимости, въ свою переписку личныя заботы,

Прудонъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ развить тому или другому изъ своихъ друзей и пріятелей цѣлый рядъ соображеній, проникнутыхъ все тѣмъ же отрицательнымъ взглядомъ на тогдашній режимъ лживаго либерализма, въ который сталъ облекаться бонапартизмъ. Только онъ измѣняетъ свою точку зрѣнія на общее движеніе въ Европѣ, говоря въ письмѣ къ г. Деларажасъ отъ 28-го октября, что нужно всѣми силами поддерживать это внѣшнее движеніе, которое, быть можетъ, дастъ толчокъ и Франціи, приходящей въ совершенный нравственно-политическій маразмъ. Всего рельефнѣе выражаются его тогдашніе взгляды на культуру и политическое положеніе Франціи въ письмѣ къ Матею отъ 29-го октября, откуда мы возьмемъ большой отрывокъ:

«Не хотѣлось бы мнѣ показывать вамъ слишкомъ мрачную картину современнаго общества, но нужно же разъ навсегда заявить, какъ я смотрю на теперешній порядокъ вещей.

«При Людовикѣ-Филиппѣ уже началось общественное разложеніе, и философскіе умы не могли больше сомнѣваться въ томъ, что пришла пора для огромной соціальной революціи. Но оппозиція, возбуждаемая правительствомъ и Гизо, потомъ блескъ февральскихъ событій нѣсколько отвели глаза. Можно было тогда еще вѣрить тому, что въ націи живетъ нѣкоторая доля жизненной энергіи. Доказательствомъ служила даже реакція къ соціализму. Государственный переворотъ можно было очень легко предвидѣть, почему онъ въ извѣстной степени и былъ объяснимъ, но теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что цивилизація находится дѣйствительно въ состояніи кризиса, и подобный ему кризисъ находимъ мы въ тотъ періодъ исторіи, который предшествовалъ появленію христіанства. Всѣ традиціи износились, всѣ вѣрованія исчезли; взамѣнъ того нѣтъ никакой новой программы, т.-е. я хочу сказать, что въ сознаніе массы не вошло еще никакой программы,—отсюда и происходитъ то, чтó я называю *разложеніемъ*. Это самый ужасный моментъ существованія общества. Все глубоко огорчаетъ честныхъ людей: и развращеніе нравственности, и торжество посредственности, и смѣшеніе правды и лжи, и ажіотажъ принциповъ, и низость страстей, и всеобщее малодушіе, и угнетеніе истины, и награды, выдаваемыя лжи, распутству, шарлатанству, пороку. Недугъ этотъ заразилъ не одну Францію, онъ распространяется повсюду, такъ что въ общемъ я не нахожу, напримѣръ, чтобъ Бельгія, пользуясь всѣми возможными видами свободы, находилась, въ сущности, въ меньшемъ рабствѣ, чѣмъ Франція.

«Стало-быть, любезный другъ, мнѣ нельзя заблуждаться, и я вовсе не ожидаю скораго возрожденія въ моей странѣ — по щучьему велѣнью—свободы, уваженія правъ, общественной честности, откровенности мнѣній, добросовѣстности журналовъ, нравственности правительства, разума у буржуа и здраваго смысла у народной массы. Нѣтъ, нѣтъ,—происходитъ паденіе и на такой срокъ, какой я опредѣлить не могу. По меньшей мѣрѣ на одну или двѣ генераціи. Вотъ нашъ удѣлъ. Еслибъ мнѣ было всего 30 лѣтъ, то, конечно, такой періодъ было бы интересно и пережить и изучить. Если я проживу до 80 лѣтъ, то, быть можетъ, мнѣ удастся присутствовать при концѣ всей этой перипетіи, но мнѣ уже минуло 50, я буду свидѣтелемъ одного зла, я умру среди полнаго мрака, заклейменный печатью всеобщаго неодобренія, среди соціальной гнили. Я не могу претендовать ни на какое положительное вліяніе, и *все мое самолюбіе заключается въ томъ, чтобъ честно проиграть до конца мою роль Кассандры.* Нѣсколько хорошихъ людей одобряютъ мои труды, быть можетъ, удастся сгруппировать нѣсколько умовъ, создать избранный кружокъ посреди всей этой громадной распущенности; дальше этого не идутъ мои честолюбивые замыслы. Быть можетъ, тогда только воздадутъ справедливость моему слову, если вспомнятъ обо мнѣ, когда настанетъ минута всеобщаго возрожденія общественной мысли, когда вернутся къ прошедшему и осмыслятъ его».

И далѣе, черезъ двѣ страницы, онъ изливается еще въ такой заключительной филиппикѣ:

«Французское общество похоже на домъ въ развалинахъ. Чтобъ его поправить, надобенъ даровитый инженеръ; а теперь употребляютъ на это дѣло простыхъ каменьщиковъ: они валятъ цѣлыя стѣны, желая перемѣнить одинъ какой-нибудь камень. Положеніе превосходное для писателя, который захочетъ освѣтить всѣ эти безобразія и освистать теперешнихъ дѣльцовъ; и я, съ своей стороны, не премину сдѣлать это».

Въ Парижѣ тѣмъ временемъ рукопись, высланная Прудономъ, начала проходить черезъ мытарства, унизительныя для него. Книгопродавцы, братья Гарнье, дѣйствуя очень трусливо, не ограничились тѣмъ, что выбрали, какъ мы уже знаемъ, адвоката Аллу въ цензоры и медлили отвѣчать Прудону. Онъ началъ бояться, какъ бы они не отдали его рукописи на полицейскій просмотръ. Эта мысль такъ возмущала его, что онъ, совершенно разстроенный, пишетъ Гувернэ отъ 27-го ноября о томъ униженіи, какое можетъ ему предстоять.

Ни за что на свѣтѣ не желаетъ онъ подчиниться подобной

опекѣ, и въ концѣ письма говоритъ, что чувство унынія, отвращенія къ жизни начинаетъ имъ овладѣвать и что, не будь у него на рукахъ двухъ малолѣтнихъ дочерей, онъ бы «охотно уступилъ свое мѣсто». Въ письмѣ къ братьямъ Гарнье, написанномъ въ тотъ же день, онъ высказывается съ неменьшей энергіей, прося ихъ не оставлять его дальше въ полной неизвѣстности, протестуетъ противъ отдачи своей рукописи въ полицейскія руки, предпочитая лучше сжечь всѣ свои рукописи. Также горячо говоритъ онъ объ этомъ дѣлѣ и Шодэ, отъ 2-го декабря. Предвидя, что съ братьями Гарнье дѣло не сладится, онъ проситъ Шодэ переговорить съ другимъ книгопродавцемъ, Мишелемъ Леви, и устроить печатаніе его книги. Братья Гарнье сначала пишутъ ему въ первыхъ же числахъ декабря, что рукопись найдена неопасной, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ по поводу войнъ Наполеона І-го, а потомъ извѣстили его, что ихъ совѣтникъ, г. Аллу, находитъ вообще все сочиненіе *неудобнымъ къ печати*. Прудону не оставалось теперь ничего другого, какъ просить опять Шодэ (чтò онъ и дѣлаетъ въ письмѣ отъ 5-го декабря) обратиться снова къ Мишелю Леви. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 12-го декабря, Прудонъ благодаритъ Шодэ за обѣщаніе пріискать ему издателя, и кончаетъ заявленіемъ того, что его новый трудъ хорошъ, полезенъ, необходимъ, но въ то же время онъ охотно подчинится всѣмъ замѣчаніямъ, какія его пріятель сдѣлаетъ ему о различныхъ частностяхъ, какъ въ цензурномъ, такъ и въ общемъ смыслѣ. Братьямъ же Гарнье онъ пишетъ, что отъ страха, обуявшаго ихъ, никакихъ лекарствъ нѣтъ и находитъ совѣтъ адвоката Аллу не дѣлающимъ много чести ни его познаніямъ, ни его уму. На новый совѣтъ ихъ заняться литературной критикой и прислать имъ что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ отвѣчаетъ, что ему необходима же извѣстная послѣдовательность въ трудахъ, и что не можетъ онъ прямо перескочить къ литературѣ, которою до того времени занимался мало. Письмо это кончается неожиданной просьбой одолжить ему 300 франковъ, въ виду предстоящихъ невыгодныхъ расходовъ. Онъ желаетъ, во всякомъ случаѣ, сохранить свои дѣловыя отношенія къ этому дому, упирая на то, что онъ небольшой охотникъ мѣнять пріятелей и людей, съ которыми находился въ какихъ-нибудь дѣлахъ. Письмо это — отъ 12-го декабря, а черезъ недѣлю онъ уже пишетъ Шодэ, что императорское правительство его помиловало, какъ разъ 12-го же числа, о чемъ онъ извѣщенъ черезъ посольство. Эта новость, судя по письму къ Шодэ, не особенно поразила его радостью. Въ тотъ же день пишетъ

онъ братьямъ Гарнье объ этой перемѣнѣ въ своей судьбѣ и хочетъ придать имъ больше храбрости. Тутъ уже онъ предлагаетъ имъ издать небольшую вещицу: отвѣтъ защитникамъ свободной любви и эмансипаціи женщинъ, напавшимъ на него за извѣстную главу въ сочиненіи «О Справедливости». Видя, что и теперь, послѣ его прощенія, дѣло съ братьями Гарнье по изданію посланнаго имъ манускрипта не устраивается, онъ проситъ Шодэ, отъ 23-го декабря, передать рукопись другому пріятелю, Гувернэ, для обратной высылки въ Брюссель. Онъ даже съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ее, предполагая напечатать въ Бельгіи и ввезти потомъ во Францію. Издать эту вещь предложилъ ему Шарль Белэ, но онъ еще не рѣшается воспользоваться этимъ предложеніемъ. Въ письмѣ къ нему, отъ 24-го декабря, Прудонъ говоритъ, что помилованіе совершенно измѣняетъ его положеніе и какъ человѣка, и какъ писателя, и не придирается къ тому, что его помиловали *отдѣльно*, а не подвели подъ общую политическую амнистію, которой не желаетъ; онъ видитъ въ этомъ актѣ правительства нѣкоторую перемѣну во взглядѣ на него, какъ бы первый шагъ къ переговорамъ. «Что же,—восклицаетъ онъ,—я принимаю это парламентерство. Я готовъ войти съ нимъ въ пренія безъ ѣдкихъ нападокъ, безъ желчи, не употребляя другого орудія, кромѣ права и истины, не имѣя другой цѣли, кромѣ ихъ торжества. Впрочемъ, отъ меня правительству и нельзя ничего ожидать. Поэтому, я принимаю его предложеніе серьёзно, а черезъ шесть мѣсяцевъ мы узнаемъ, что было дѣйствительно на душѣ у императорскаго правительства. Тѣмъ хуже для него, если оно хочетъ только обмануть націю, тѣмъ лучше, если дѣйствительно оно желаетъ загладить свои прегрѣшенія». Эта тирада показываетъ, что Прудонъ, подъ вліяніемъ прощенія, нѣсколько подался, началъ смотрѣть на дѣйствія правительства Наполеона III-го — какъ на выполненіе новой программы. «Что же до меня касается,—продолжаетъ онъ нѣсколько ниже,—то я подожду здѣсь послѣдняго отказа, подожду, пока мнѣ объявятъ невозможность издать мою книгу въ Парижѣ; я увѣренъ въ достоинствѣ ея, знаю, въ чемъ заключаются мои намѣренія и рѣшился не оставить ни одного двусмысленнаго слова въ моемъ текстѣ. Если же я принужденъ буду печатать здѣсь, въ Брюсселѣ, тогда вся Европа увидитъ, какова императорская терпимость и каково приниженіе всей нашей націи».

Объясненіе довольно рѣзкой перемѣны, какая произошла во взглядахъ Прудона на бонапартовъ режимъ со дня его переѣзда въ Бельгію, находимъ мы въ письмѣ къ его парижскому сосѣду, Реми Валладó, отъ 25-го декабря. Тутъ онъ очень откровенно

говоритъ, что вначалѣ, послѣ государственнаго переворота (что читатель хорошо помнитъ), онъ находился относительно императорскаго правительства въ положеніи *обязательнаго равнодушія*, такъ какъ со всѣхъ сторонъ видѣлъ ненависть, обращенную на него, сознавалъ, что старыя партіи желали бы уничтожить его, стереть съ лица земли. Поэтому, не примыкая къ бонапартизму, онъ не могъ быть особенно ему враждебенъ: онъ чувствовалъ тогда всю безполезность и безсмысленность подобной оппозиціи. «Но мой процессъ,—пишетъ онъ,—осужденіе, отказъ принять мой мемуаръ, исключеніе меня изъ амнистіи доказали мнѣ, что со мной обращаются какъ со врагомъ, и я тогда, въ свою очередь, повелъ себя точно также». Въ гражданскомъ смыслѣ это, конечно, не особенно доблестно, но, по крайней мѣрѣ, Прудонъ выступаетъ и тутъ съ искренностью мотивовъ даже въ письмѣ къ человѣку, съ которымъ онъ вовсе не связанъ дружескими узами.

Мы уже видѣли, что изгнаніе, жизнь въ Брюсселѣ были тяжелы для Прудона потому, главнымъ образомъ, что онъ не могъ печатать своихъ книгъ во Франціи, удалялся все больше и больше отъ французской публики и лишенъ былъ общества друзей; въ остальномъ онъ велъ точно такую же жизнь, какъ и въ Парижѣ. Поэтому, тотчасъ послѣ полученія извѣстія о своемъ помилованіи, онъ ни въ одномъ письмѣ не высказываетъ порывистой радости и не торопится вовсе переѣздомъ въ Парижъ. Ему пріятно прежде всего то, что правительство затѣяло съ нимъ *парламентерство*, какъ онъ выражается. Онъ опять напираетъ на это, въ письмѣ къ г. Ларрамá, отъ 28-го декабря, и говоритъ, что намѣренъ воспользоваться такимъ оборотомъ въ поведеніи правительства, готовъ занять относительно него другое положеніе, воздерживаться отъ всякихъ нападковъ, слѣдовать добрымъ совѣтамъ осторожныхъ друзей. Отъѣздъ свой во Францію онъ откладываетъ до конца будущаго—61 года. «Довольно того,—пишетъ онъ,—что я могу вернуться. Не все ли, въ сущности, мнѣ равно: сидѣть въ Фобурѣ, Монмартрѣ или въ Брюсселѣ?» Съ братьями Гарнье онъ продолжаетъ сноситься и убѣждаетъ ихъ дѣйствовать похрабрѣе. Время идетъ, рукопись его не печатается, а у него уже приготовлены къ печати еще три брошюры, о которыхъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 28-го декабря. Самимъ же братьямъ Гарнье онъ пишетъ на другой день, что, несмотря на его помилованіе, онъ не вернется во Францію иначе, какъ съ военными почестями, т.-е. съ новой книгой и со вторымъ изданіемъ сочиненія «О Справедливости», опираясь на поддержку общественнаго мнѣнія и на почтительное

отношеніе къ прокуратурѣ. «Къ чему мнѣ возвратъ на родину,—спрашиваетъ онъ,—если мои мысли остаются по-прежнему въ Парижѣ подверженными остракизму? Я во сто разъ предпочитаю лучше Бельгію, Швейцарію, Италію или Германію».

Въ самомъ концѣ 1860 года попадается большое письмо Прудона къ какому-то Дюлье, который прислалъ ему экземпляръ романа изъ американской жизни. Впервые, въ теченіи всей своей многолѣтней переписки, Прудонъ имѣлъ случай высказаться о характерѣ и культурѣ сѣверо-американской націи и притомъ въ такомъ трезвомъ тонѣ, съ такими смѣлыми и вѣрными соображеніями, которыя только въ самое послѣднее время начали проникать въ западную публицистику, а также и въ нашу, послѣ того, какъ сами американцы похлопотали о разоблаченіи своихъ собственныхъ общественныхъ недуговъ, болячекъ и недостатковъ. Все это мѣсто такъ хорошо, что мы приведемъ его цѣликомъ:

«Позволительно сожалѣть о томъ,—говоритъ Прудонъ, согласившись съ авторомъ въ разныхъ хорошихъ сторонахъ американской жизни,—что американцы не всегда имѣютъ ясное сознаніе своего положенія, и что они черезъ-чуръ увлекаются иногда гордостью. Развѣ американскій народъ другой крови, чѣмъ нашъ? Нѣтъ, это сборище эмигрантовъ, явившихся изъ всѣхъ частей Стараго Свѣта.

«Можетъ ли онъ назваться молодымъ? Нѣтъ, это отпрыски старой Европы, и онъ до такой степени сохранилъ всякіе предразсудки, что, послѣ удивленія политической и промышленной свободѣ Америки, чувствуешь потребность возвратиться въ Европу, чтобъ насладиться тамъ свободой ума.

«Произвелъ ли хотя какой-нибудь американецъ хотя подобіе какой-нибудь философской мысли? Нѣтъ; онъ гораздо болѣе протестантъ, гораздо болѣе церковникъ, болѣе вѣрующій, чѣмъ мы и наши отцы въ XVIII-мъ столѣтіи; вся его свобода послужила ему затѣмъ, чтобы развести безконечное количество сектъ, одна смѣшнѣе другой.

«Американецъ понимаетъ ли что-нибудь въ движеніи исторіи? Нисколько,—и доказательство видимъ мы въ томъ, что всѣ волненія тамошнихъ партій открываютъ тѣ же самыя колебанія, тѣ же самыя мысли, какія замѣчаются въ Старомъ Свѣтѣ эпохи Перикла, грековъ и римлянъ, временъ Гракховъ вплоть до англичанъ и французовъ 1860 года.

«Американецъ поставилъ ли передъ собой великія задачи общественной экономіи, которыя такъ осаждаютъ текущее столѣтіе? Нимало; напротивъ того, американцы, быть можетъ, изъ всѣхъ наро-

довъ самые жадные къ наживѣ, всего менѣе щекотливые въ дѣлѣ банкротства. Одна половина этой націи библейскимъ образомъ пробавляется рабствомъ, а другая создаетъ уже себѣ пролетаріатъ.

«Словомъ, американецъ, чуждый по своей традиціи нравственному и политическому развитію Стараго Свѣта, удаленный отъ этого движенія своими нравами и колоніальными заботами, неимѣющій никакого другого чувства, кромѣ сознанія огромнаго богатства и независимости — начинаетъ пріобрѣтать всѣ пороки, пожирающіе насъ, и онъ бы непремѣнно погрязъ все въ той же древней тинѣ общественнаго разложенія, если бы идея цивилизаціи не выработалась въ другомъ мѣстѣ, въ той помойной ямѣ разныхъ видовъ рабства, отъ котораго онъ только на половину освобожденъ, укрѣпляя въ себѣ свободу и развивая огромную трудовую силу.

«Конечно, трудовой человѣкъ долженъ быть прославленъ, и я вотъ уже 20 лѣтъ ничего иного не дѣлаю, какъ толкаю массу, среди которой рожденъ, къ тому, чтобы она дѣйствовала какъ сборище свободныхъ людей, по примѣру Америки. Но надо же сознаться, что производство богатства есть лишь основа общественнаго зданія, что этимъ не живутъ націи, что поверхъ сферы полезнаго есть другія, болѣе высокія сферы: философія, наука, искусство, право и мораль. Человѣческое достоинство можетъ обойтись и безъ богатства. Это доказала намъ школа пиѳагорейцевъ. Но что же такое народъ безъ философіи, безъ искусства, безъ раціональныхъ понятій о правѣ и нравственности? Вотъ это-то, какъ мнѣ кажется, и забываютъ американцы, вотъ это-то, несмотря на ихъ доллары и ихъ гордость, отодвигаетъ ихъ до сихъ поръ въ послѣдній рядъ цивилизованныхъ націй».

Также живо написано довольно большое письмо къ Бутвиллю, на другой день, на тэму текущей политики. Прудонъ высказывается въ немъ все такимъ же радикальнымъ отрицателемъ какихъ бы то ни было двигательныхъ результатовъ европейской политики, подчиняющейся затѣямъ бонапартизма. За себя же лично онъ доволенъ тѣмъ, что можетъ вернуться во Францію, не измѣняя своему достоинству, что онъ не долженъ былъ прибѣгать ни къ какимъ просьбамъ и хлопотать объ амнистіи. Въ послѣднемъ письмѣ 1860 года, отъ 31-го декабря, оглядываясь на свою жизнь въ Брюсселѣ, онъ находитъ, что въ чужой странѣ, даже и при общности языка, нельзя уже завязать настоящихъ дружескихъ отношеній, а надо возвращаться къ своимъ первымъ привязанностямъ и связямъ. Съ этой надеждой онъ и кончаетъ годъ.

Д—въ.

ГОСПОДА ДЕПУТАТЫ

Очерки и разсказы съ натуры.

I.

На отлетѣ отъ деревянной церковки села Паутиновки выглядывалъ изъ густой зелени маленькій, крытый соломой, домикъ. Въ уютной комнаткѣ этого домика сидѣли за самоваромъ хозяинъ отецъ Филиппъ и его супруга Арина Петровна.

— Что ты сидишь все дома, никуда не ѣздишь, нигдѣ не служишь, —корила матушка Арина Петровна своего супруга, отца Филиппа.—Оглянись кругомъ: кто депутатъ, кто полномочный, кто наблюдатель, кто членъ, кто конторщикъ, кто управитель. А ты присохъ къ своему приходу, какъ блинъ къ сковородѣ!

Отецъ Филиппъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ только-что вернулся пѣшкомъ изъ прихода и задумчиво сидѣлъ надъ стаканомъ жиденькаго чая. Супруги пили чай вдвоемъ, семья уѣхала въ лѣсъ за ягодами и грибами, почему Арина Петровна чувствовала полнѣйшій просторъ, чтобы высказать свои взгляды на образъ жизни своего супруга—и сравнить его жизнь съ другими.

— Выбрался бы во что-нибудь — ты хоть проѣхался бы, просушился бы на людяхъ, и себя бы показалъ и людей бы посмотрѣлъ,—продолжала матушка, суетясь съ камфоркой вокругъ самовара:—ты тутъ съ мужиками опалѣешь. И мнѣ ужъ надоѣлъ: пятнадцатый годъ ни съ мѣста, все вертится на глазахъ. А то бы, примѣрно, ты отъѣзжаешь, я-бъ тебя собрала, ватрушечекъ напекла, честь честью присѣли бы, помолились Богу, простились. А тамъ я ждала бы тебя, обрадовалась, повидалась, ты свѣженькій пріѣхалъ бы, а то все то же, да то же. Или меня бы съ со-

бою взялъ. Не все-то скресть, да месть по дому, хорошо и на людей посмотрѣть. Свои-то стѣны мнѣ всѣ глаза промозолили. Такъ-то досидишься до того, что въ городѣ моста будешь бояться. Намедни подъѣзжаю съ Кондрашкой къ городу, такъ оторопь и забираетъ. Взъѣхала на мостъ, солдатъ стоитъ, насилу проѣхала, такъ и думается, что будто кто тебя хватаетъ за ребра. А по городу ѣду: ну, думаю, вотъ тебя придавятъ дома высокіе. Нѣтъ-то-нѣтъ осмотрѣлась, ужъ въ третьей лавкѣ очнулась, стала молочникъ торговать.

Отецъ Филиппъ все молчалъ. Облокотившись на столъ, онъ запускалъ пальцы въ густые волоса на головѣ и глубоко вздыхалъ. Матушка не переставала:

— Положимъ, мое дѣло женское, такъ и быть, а ты вѣдь досидишься до того, что на чучелу будешь походить. Ужъ былъ бы ты тюлюлюй какой-нибудь, такъ и быть—сиди, а то проповѣди говоришь не писавши, выйдешь и говоришь каждое воскресенье, каждый праздникъ, народъ бѣжитъ къ тебѣ за совѣтомъ день и ночь, и всѣхъ ты наставляешь: какъ скажешь, такъ и будетъ, ребятъ обучаешь читать по всѣмъ книгамъ въ три недѣли, пѣвчихъ изъ ребятъ завелъ. Хозяйствомъ не занимаешься, совсѣмъ забросилъ. Еслибъ не я, ты безо щей насидѣлся бы. Спроси у тебя добрый человѣкъ:—сколько убрали копенъ хлѣба? ты не скажешь. Овецъ, не знаешь сколько у тебя есть на дворѣ. А что̀ получилъ за презрѣніе всего домашняго ради прихода? Ничего. Хоть бы набедренничекъ повѣсили...

— Ну-ка, наливай, да покрѣпче нельзя ли, — проговорилъ отецъ Филиппъ, подавая супругѣ пустой стаканъ. — А на что тебѣ нуженъ набедренничекъ?

— Какъ на что, да помилуй, прошедшую осень хоронили генеральшу, собирали по округѣ поповъ, кто стоитъ направо, налѣво вокругъ благочиннаго, а ты пришолся къ самымъ ногамъ генеральши, послѣднимъ. А отчего?—оттого, что кто въ скуфьѣ, кто набедренникъ топыритъ впередъ на показъ. Да развѣ ты хуже какого-нибудь отца Силантія, который въ праздникъ церковь припретъ и шатается по ярмаркѣ, подоткнувши за поясъ кнутъ. Купитъ жеребеночка за два пятиалтынныхъ, зиму прокормитъ—анъ пять цѣлковыхъ. И хозяйство наблюдаетъ, и набедренничекъ добылъ. Или возьмемъ — отецъ Парфенъ: вѣдь ужъ какой, а нашелъ ходъ, въ скуфьѣ даже по гумну щеголяетъ. Отецъ Филиппъ, вообще рѣдко улыбавшійся, улыбнулся и проговорилъ:

— Пусть это такъ, душа моя, да я то не хочу жить такъ.

Мою голову, мою душу награждаетъ и покрываетъ моя совѣсть пока, а тамъ... я вѣрую, что за Богомъ молитва не пропадетъ. Мы съ тобою не богаты, кусокъ хлѣба имѣемъ, нужды не терпимъ, но душевно живемъ счастливѣй любого богача. Скирдочки у насъ накрыты, ветчина на потолкѣ есть, блиновъ, яицъ, пироговъ прихожане нанесутъ на нашу душу, на чай, на сахаръ добуду, чего тебѣ еще надо?

— Мало мнѣ твоихъ блиновъ и пироговъ, мнѣ нужна жизнь... какъ тебѣ сказать—задушевная жизнь.

— Такъ вотъ давай съ тобой работать вмѣстѣ: я буду лечить, а ты приготовляй пластырь, капли, порошки. Мы оба поможемъ страждущему человѣчеству и намъ обоимъ будетъ отрадно, что мы не даромъ тяготимъ собою землю. Ты думаешь, набедренникъ можетъ доставить тебѣ настоящее удовольствіе?—нѣтъ, ты приложи мушку къ ногѣ страдальца, онъ поздоровѣетъ, и тебѣ больше будетъ удовольствія, чѣмъ отъ набедренниковъ, хоть обвѣшайся ими вся кругомъ.

— А когда бы я стала съ тобою работать? Оба возьмемся за пластырь, а по хозяйству кто? Я, кажется, круглый годъ такъ и сижу въ капустѣ. Тебѣ хорошо: проснешься, напьешься чаю— и пошелъ съ палочкой по приходу. Придешь, тутъ все убрано и готово, садись и кушай.

Дѣйствительно, отецъ Филиппъ совершенно не занимался своимъ домомъ и хозяйствомъ. Все это лежало на его супругѣ. А онъ, когда нѣтъ по церкви службы, съ утра отправляется въ приходъ. Придетъ въ деревню, видитъ гдѣ-нибудь у кузницы, на крыльцѣ, или просто на улицѣ стоятъ двое-трое, онъ къ нимъ: Здорово, что́ и ка́къ поживаете? Мужики разскажутъ ему про свое горе и радость. Отецъ Филиппъ утѣшитъ, посовѣтуетъ, потолкуетъ, разберетъ жалобу, наведетъ справку и проч.

Попадется ему мѣщанинъ, скупающій тряпье и надувающій деревенскихъ простяковъ, мѣняя гнилыя груши на свѣжія яйца,— отецъ Филиппъ наговорится вдоволь съ нимъ. Встрѣтится ему странникъ, бродяга, офицеръ, чиновникъ-запивоха—онъ и этихъ не оставитъ безъ утѣшенія, или назиданія. А то сядетъ на завалинку, къ нему соберутся бѣгающіе по улицѣ самые мелкіе ребятишки, которые очень любили его за гостинцы. Отецъ Филиппъ съ ними шутитъ, учитъ креститься, снимать шапки предъ старшими, причесывать голову, не рвать платье, крѣпче подвязывать оборки на лаптяхъ, чтобы не мотались. Гдѣ идетъ постройка, отецъ Филиппъ укажетъ, гдѣ сложить печку, куда вывести трубу съ форточкой, какъ перегородить избу. Провѣдаетъ больныхъ

глубокою старостію и разными болѣзнями. Какихъ пріобщитъ св. таинъ, какимъ дастъ лекарства, какимъ дастъ записку къ лекарю — всѣхъ утѣшитъ. При немъ всегда была дароносица, ящикъ съ гомеопатическими крупинками и подсолнухи, жамки, гостинцы для дѣтей. Дѣйствуя на вѣру, онъ успѣшно лечилъ своими крупинками. Словомъ, въ продолженіи всего лѣта, когда училища бываютъ закрыты, онъ, какъ ясное солнышко, блуждаетъ по своему приходу. Не всегда онъ приходилъ къ своей семьѣ обѣдать, а обѣдалъ часто на деревнѣ, гдѣ изъ уваженія къ нему старались угостить его самымъ лучшимъ блюдомъ. Къ вечеру онъ являлся домой, и глубокіе карманы его почти всегда были набиты калачами, яблоками, кренделями, а подъ мышкой пирогъ, другой. Онъ отказывался отъ выраженій любви прихожанъ въ видѣ головки жаренаго поросенка, куринаго крылушка и подобное, но не могъ отказаться — все это несъ домой, какъ трофеи побѣдъ. Въ зимнее время онъ проводилъ въ школѣ, гдѣ, помимо обыкновенныхъ занятій, со скрипкою училъ мальчиковъ церковному пѣнію. Басомъ пѣть, по субботамъ, къ нему приходили лакеи, сапожники, кузнецы. Отецъ Филиппъ очень былъ доволенъ своимъ положеніемъ и своего профессіею, скорбѣлъ только о томъ, что въ приходѣ изстари заведено много обрядностей, которыя отвлекаютъ священника отъ существенно-полезныхъ его занятій, какъ-то: ѣздить для прочтенія молитвы надъ какимъ-нибудь ушатомъ или кадушкой съ капустою, куда попала мышь и т. п.

Арина Петровна сознавала, что мужъ ея, хотя и плохой хозяинъ, но, сравнительно съ сосѣдними священниками, которые ѣздятъ по приходу лишь для поборовъ, самый лучшій священникъ, а наградъ ему нѣтъ никакихъ. Вотъ она и старалась выдвинуть его изъ темной колеи, уговаривая *выбираться* въ должности. Она завела этотъ разговоръ съ супругомъ по поводу предписанія благочиннаго, которое развозилось по уѣзду въ отсутствіе отца Филиппа, и списано матушкою: въ предписаніи говорилось о назначеніи, по желанію духовенства, времени и мѣста для баллотировки полномочнаго.

Арина Петровна передала супругу свою выписку изъ предписанія благочиннаго и настаивала на томъ, чтобы *выборка* была у нихъ въ селѣ Паутиновкѣ.

— Ты напиши благочинному, — говорила она, — что предоставлю всѣмъ ночлегъ, пусть выборка будетъ у насъ. Повѣрь, всѣ пріѣдутъ, будутъ довольны и тебя выберутъ.

— Куда мнѣ еще выбираться, когда и вокругъ меня жатвы

много, а дѣлателей мало,—нехотя и капризно проговорилъ отецъ Филиппъ.

— Что ты такой растревоженный нынѣ?—спросила матушка. Не можешь слова сказать равнодушно.

— Не приставай ко мнѣ, меня горе беретъ, и не знаю какъ дѣлу помочь.

— Что такое?

— Помилуй, красавица Аксинья Сверчкова умираетъ—роды тамъ какъ-то неладны. Я посылаю за акушеркой. Она не поѣхала, принимаетъ у какой-то барыни. Я посылаю мужика за докторомъ земскимъ, онъ не ѣдетъ, — говоритъ, въ телѣгѣ не могу. Мужикъ ему обѣщаетъ пару цѣлковыхъ, только поѣзжай, и соломы обѣщалъ наслать, хоть выше головы. Докторъ сѣлъ въ коляску и ускакалъ къ кому-то. Красавица женщина погибаетъ, погибаетъ и ребенокъ въ утробѣ ея. А, быть можетъ, все дѣло въ пустякахъ; на что-жъ наука?!... Мы ѣздимъ же на рыдванахъ, въ грозу и непогоду за десять верстъ, и получаемъ за это гривну, или пирогъ...

— Объ чемъ же тутъ думать и задумываться, какой же ты чудакъ: сядетъ тебѣ докторъ въ телѣгу, на солому, когда пріѣхали за нимъ въ коляскѣ? Вонъ отецъ Григорій намедни, у праздника, хвалится своимъ сынкомъ—земскимъ докторомъ: онъ, говоритъ, отъ земства получаетъ полторы тысячи и квартиру, барскій домъ съ погребами и конюшнями, до по визитамъ съ господъ наберетъ тысячи три. Эти доктора вовсе не для мужиковъ заведены. А акушерокъ наши бабы какъ боятся. Она, говорятъ, зарѣжетъ. Потому они являются къ мужику съ ножами, крючками, щипцами. Поговори-ка съ ними; наша Акулька говоритъ: я легче умру, а акушеркѣ не дамся. А ты свои бредни-то выкинь изъ головы, да выберись во что-нибудь, послужи; быть можетъ, въ городъ попадешь,—тамъ чище житье.

— Да я за великое наказаніе сочту, если переведутъ меня въ городъ.

— Засѣлъ, совсѣмъ засѣлъ въ глуши. Только ходитъ по деревнямъ, крендели собираетъ. Ужъ когда такое дѣло: жить въ деревнѣ, я-бъ на твоемъ мѣстѣ пристроилась бы къ барынѣ какой, заправлять имѣніемъ, какъ вонъ отецъ Гаврилъ. Пролетка—не пролетка, лошади барскія, подарки и чаемъ, и сахаромъ, и мантильями. Это почище нашего.

— Ну, матушка, не согласенъ я тратить свой мозгъ и чернила, какъ твой отецъ Гаврилъ, на составленіе ежемѣсячныхъ

вѣдомостей, сколько яицъ подсыпано подъ насѣдокъ, или сколько украдено изъ хозяйскихъ овчинъ, отданныхъ въ дубку...

— А тебѣ что за дѣло? барыня сама хозяйничать не можетъ, настоящаго управителя нанять не на что, вотъ и выходитъ обоимъ хорошо: она живетъ въ столицѣ и хвалится *своимъ* попомъ. И отцу Гаврилу хорошо: онъ никакъ но десятинѣ въ полѣ безплатно сѣетъ хлѣбъ себѣ, да экипажами барскими щеголяетъ, мётелъ въ лѣсу любыхъ нарѣжетъ. Это не твоимъ кренделямъ чета. Онъ на ярмарку пріѣхалъ — тарантасища-то, небось, вонъ какой, колёса аршинъ на пять сзади вертятся. А ты что? запряжешь кобылу-куропатку въ крашеную телѣжку, накроешься измятой шляпенкой, сядешь и ѣдешь, какъ завалявшійся черепенникъ.

— Чтó дѣлать, — всякому свое. Мы оба, какъ корни копаемся, такъ-сказать, въ землѣ: онъ хлопочетъ, чтобы побольше было хлѣба, цыплятъ на Руси и поменьше болтней, а я — чтобы больше было у народа довольства и поменьше нравственныхъ болтней.

— Ужъ и много выигралъ изъ-за этого. Ему барыня охлопотала набедренникъ, а ты все въ эпитрахили щеголяешь.

— Что же теперь прикажешь дѣлать?

— Выбирайся въ какіе-нибудь члены. Пиши благочинному, что согласенъ выборъ открыть у себя — и тебя полномочнымъ выберутъ. Я ужъ знаю кáкъ сдѣлать.

— Изволь, попробуемъ.

Въ эту минуту къ дому отца Филиппа подъѣхала телѣга. Въ ней сидѣло штукъ до восьми поповскихъ дѣвушекъ, съ корзинами грибовъ и ягодъ въ рукахъ. Всѣ онѣ хохотали, понукая и подгоняя лѣнивую и понимающую сѣдоковъ лошадь-куропатку, которая, не обращая вниманія на ихъ хохотъ, какъ-будто нáсмѣхъ, шла къ дому съ ноги на ногу. Дочка отца Филиппа бережно держала букетъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ. А ея бабушка — тётка отца Филиппа — съ пукомъ лекарственныхъ травъ въ рукахъ, кропоталась на бойкую внучку.

II.

Матушка Арина Петровна очень была довольна, что уговорила своего супруга баллотироваться въ уполномоченные по училищнымъ дѣламъ духовнаго вѣдомства. Отецъ Филиппъ заявилъ благочинному, что желаетъ открыть выборъ въ селѣ Паутиновкѣ. А матушка Арина Петровна заранѣе соображала: сколько нужно

отбаллотировать куръ на супъ, для священниковъ; сколько убить поросятъ для дьячковъ; какое устроить холодное, соусъ; лимончику, что-ль, припустить, или черносливцу съ медкомъ, или картошечки тёртыя сойдутъ?—какъ кучеровъ угостить; не нужно ли предложить хоть сѣна и для лошадей. Словомъ: ей, во что бы то ни стало, хотѣлось выдвинуть своего супруга изъ той среды, въ которой онъ вращается. Она была очень не дурна собой, чему много способствовала бездѣтность. Родивши лишь одну дѣвочку, она, въ пятнадцать лѣтъ супружеской, скромной жизни, очень сохранилась. Въ-попыхахъ сдвинуть съ мѣста засидѣвшагося супруга она даже задумывалась: «не заказать ли къ баллотировкѣ шиньонъ? Выберутъ, — все равно заказывать, ѣхать въ губернію: я ужъ ни за что не останусь—поѣду съ нимъ. А не выберутъ, — дочери въ приданое годится».

Отецъ Филиппъ, пріученный старымъ семинарскимъ воспитаніемъ къ труду и полюбившій свою полезную жизнь среди народа, и не думалъ о баллотировкѣ. Онъ рѣшился баллотироваться лишь въ угоду женѣ, а Арина Петровна думала: не будетъ ли лучше ей жить, когда супругъ ея, хоть на время, будетъ отрываться отъ своихъ скучныхъ и тяжелыхъ занятій по приходу.

Село Паутиновка было центральное въ томъ десяткѣ селъ, гдѣ должна быть баллотировка уполномоченнаго—депутата. Отецъ благочинный оповѣстилъ о мѣстѣ и времени баллотировки и, въ одинъ прекрасный *понедѣльникъ*, въ село Паутиновку съѣзжалось окрестное духовенство. Ѣхали самодѣльные тарантасы, на деревянныхъ осяхъ, парами разношерстныхъ коней; ѣхали одиночки въ крашеныхъ телѣжкахъ, въ хозяйственной сбруѣ, на лошадкѣ, съ мордой, подтянутой высоко подъ росписанную дугу; — трепыхались и въ рыдванахъ, опираясь на грядки, чтобы не вытрясть душу по колчеватой дорогѣ. Кучера были бо́льшею частью изъ церковныхъ старостъ-мужичковъ и церковныхъ сторожей, которые употребляются въ эти и подобныя, по дому священниковъ, должности, какъ служители храма. Одинъ священникъ, чтобы не тревожить своихъ ни работника, ни лошади, ѣхалъ на баллотировку съ запасными дарами, убѣдивъ мужичка, что по казенной надобности онъ, мужичокъ, приглашавшій священника въ домъ къ больному, обязанъ свозить батюшку на баллотировку и привезти домой. Слово *«баллотировка»*, крупно произнесенное пастыремъ церкви, вполнѣ убѣждало мужиковъ въ неизбѣжности возить батюшку.

— Ты понимаешь? балло...тировка!—уговариваетъ батюшка мужика, ударяя указательнымъ пальцемъ себѣ въ лобъ.

— Съ чаго-жъ не понимать,—вешшъ, должно, казенная.

— Ну, да! н-да!

И пастырь церкви, опустившись на солому въ рыдванѣ, дорогой разъясняетъ мужику сущность баллотировокъ вообще, обѣщая выпросить тамъ ему стаканчикъ водки. Многіе ѣхали въ складчину: пристяжная священникова, а коренной—пономаревъ; хомутъ дьячковъ, а дуга—священникова; телѣга священникова, а передки—дьяконовы. Относительно сбруи души путниковъ были покойны, но относительно лошадей—возмущались иногда. Кучеръ-пономарь жестоко настёгивалъ коренную дьяконову, придерживая свою пристяжную и т. п. Пассажиры толковали:

— А что, отецъ Иванъ, къ чему приведутъ всѣ эти съѣзды?

— Ка̀къ къ чему? помилуйте... все-таки мы... понимаете, съѣдемся, сообщимся вкупѣ, такъ-сказать, и прочее. Но что̀ добро и что̀ красно, еже братія... значи́тъ... вкупѣ.

— Оно положимъ, но...

Другіе обдумывали и шептались о томъ, кого выбрать. Третьи толковали о сокращеніи сбора на проѣздъ, объ уничтоженіи уполномоченныхъ. И приводили тоже резонные аргументы: нѣтъ средствъ платить,—сами нищіе, побирашки.

«Заплати на проѣздъ, да еще въ самый съѣздъ, что они тамъ положатъ, анъ и того...—толковали они:—зачешешь затылокъ. Хорошо, гдѣ Мать-Споручница выручаетъ, а поди-ко у нашего старосты—возьми! онъ тебѣ огарка не дастъ—правило вычитать».

Утромъ, въ день выбора уполномоченнаго, въ домѣ отца Филиппа происходило настоящее столпотвореніе вавилонское. Работники, работницы и двѣ приглашенныя престарѣлыя пономарихи высунули языки, бѣгая изъ горницы въ избу, изъ избы—на чердакъ за ветчиной, за вѣникомъ, на улицу—къ бочкѣ за водой. По двору работники шастали за курами, подшибая ихъ полѣньями. Въ сѣняхъ тѣснились, пронося собранные по селу громоздкіе стулья, кресла, столы. Все это пересыпалось крикомъ взаимныхъ упрековъ:

— Куда ты ножки-то таращишь? ай те выломило: не вишь — притолка. Эка, олухъ малый зародился!

— Поди-ка самъ, — вишь, стуло-то съ пузомъ: чортъ его проволокё.

— Родимцы, что́ васъ тутъ сперло?—кричала работница на

мужиковъ, застрявшихъ съ мебелью въ сѣняхъ,—пропустите: чугуны вскипѣли, а капусты нѣтъ.

— Нехристи, что вы бѣгаете съ дубьемъ за курами,—кропоталась на работниковъ старуха нянька:—вы бы зёрнушка имъ кинули, въ приклѣть закликали, — ну, и лови. Дай-ка я тебя подшибу, — что ты скажешь? о...о...охъ!..

Работники ругались на куръ, продолжая свою работу и не слушая няньку.

Старикъ подъ сараемъ свѣжевалъ барана. Вокругъ его, въ ожиданіи подачки, облизывались три большія собаки.

Матушка, въ чепчикѣ, подвязанномъ на затылокъ, съ ногъ до головы въ мукѣ, не исключая и физіономіи, съ засученными по локоть руками, и мѣсила, и катала, и валяла, и пришлепывала въ избѣ на столѣ, такъ что столъ дрожалъ подъ ея работой. Въ печкѣ полымя накаливало своды.

Отецъ Филиппъ, приказавши дьячкамъ подместь церковь, а дьякону осмотрѣть паутину въ царскихъ дверяхъ—чего не любилъ благочинный—погрузился въ чтеніе «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Матушка, не-разъ прибѣгая въ горницу—за вилкой, за ситомъ, за тарелкой, просила супруга заняться разстановкою мебели: софу пододвинуть подъ часы, крылья у стола опустить, книги со столика въ укладку убрать, — тамъ закуска будетъ. Отецъ Филиппъ, углубившись въ чей-то некрологъ, не трогался съ мѣста. Работники загромоздили приносною мебелью всю небольшую гостиную. Матушка прибѣжала въ горницу за ключомъ отъ амбара, чтобы имъ разузоривать ватрушки для пирожнаго, и, увидавши безпорядокъ, такъ и ахнула:

— Побойся ты Бога: я задохнулась отъ работы, а ты себѣ посиживаешь бариномъ, — ну, чего ты въ книгахъ не видалъ? —брось.

Не успѣлъ отецъ Филиппъ бросить тетрадку и опустить, для простора, у стола крылья, къ дому стали подъѣзжать гости. Началась встрѣча, расцѣловыванье и обычные разговоры о здоровьѣ, о поживаньѣ, о погодѣ. Гости доставали изъ узелковъ помятыя суконныя, ластиковыя и сатиновыя раскы, и развѣшивали ихъ на отдушникахъ и по гвоздямъ, на которыхъ висѣли картины и портреты, обращаясь къ хозяину: «можно? я на время повѣшу, пока обвиснетъ». Оправившись, они снюхивались табакомъ, опускали руки въ свои глубокіе карманы, доставали оттуда широкіе гребешки и расчесывали ими свои длинные, свалявшіеся въ дорогѣ волоса. Одинъ досталъ изъ кармана скуфью, надѣлъ на

себя и важно сталъ расхаживаться по комнатѣ, басисто покряхтывая.

— Эко заведеніе — носить намъ такіе волосы, — замѣтилъ одинъ, сердито выдирая что-то изъ косы.

— Погоди, облысѣешь, — отвѣтилъ ему товарищъ.

— А забыли отцы: да не взыдетъ постризало на главу, — съ разстановкою замѣтила скуфья.

— Въ Питерѣ вонъ не смотрятъ на это постризало, отлично подстригаютъ и волоса и бороды.

— Ну, да то въ Питерѣ, а то здѣсь!..

Между молодыми и старыми священниками завязался о волосахъ жаркій споръ, доходившій даже до сарказмовъ:

— Вамъ хорошо, вы лысый, почешитесь-ка по-моему, гребешковъ не накупишься. Тамъ благовѣстъ идетъ, къ больному пріѣхали — зовутъ, а ты скородишься.

Діаконы, одѣвшись въ передней въ ряски, жались въ гостиной около стѣнъ, покрехтывали и, не пускаясь въ споръ, потирали руки у груди. О. Филиппъ приглашалъ ихъ садиться.

— Спроси, — шепталъ одинъ діаконъ на ухо другому, — о чемъ мы съ тобой дорогой-то толковали.

— Погоди, дай благочинный пріѣдетъ, тогда.

— Тогда еще можно спросить.

Діаконы захолустныхъ селъ, свободные отъ заботъ и занятій, какъ по церкви, такъ и по приходу, и исключительно занимаясь хозяйствомъ, дичаютъ въ деревняхъ, дѣлаясь какими-то межеумками. По рясѣ онъ считаетъ себя чуть не священникомъ, а по должности чувствуетъ не пристающимъ ни къ священству, ни къ причетничеству. Подметать церковь, читать часы онъ не станетъ — низко, проскомидію совершать — нельзя, высоко, такъ и стоитъ въ алтарѣ, охорашиваясь ораремъ. Долго упражняясь въ этой борьбѣ, они не наладятъ никакъ быть священниками, какъ слѣдуетъ, когда ихъ произведутъ. Все имъ представляется: то низко, то высоко. Нашимъ діаконамъ, въ силу ихъ заглохлости въ степяхъ, настоящій съѣздъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ собора помѣстнаго, гдѣ можно что-нибудь рѣшать или что-нибудь развѣдать. Они и шептались объ этомъ.

— А что, отцы святіи, смѣю васъ спросить, — одинъ діаконъ перебилъ споръ о длинноволосіи, — если примѣрно я теперича прослужу тридцать-пять лѣтъ, будетъ мнѣ пенсія?

— Едва ли... — протянулъ одинъ батюшка.

— Не будетъ, — рѣшилъ другой, — прочтите, тамъ о нихъ ни строки.

— Да за чтó, скажите Бога ради?—люди—нигдѣ не нужные: ни въ церкви, ни въ приходѣ, пятое колесо въ телѣгѣ. Вы не обижайтесь, отцы діаконы, вы не виноваты, что попали въ такую должность. На колокольню звонить вы не полѣзете, къ больному въ полночь, соборовать горячешныхъ,—не ваше дѣло, писать книги метрики вы не умѣете, а за одно лишь—«паки» да «паки»—едва ли можно ожидать пенсіи.

— Я-бъ не то что далъ пенсію имъ, а съ нихъ бы взыскалъ, что даромъ прокормились, — тихонько проговорила скуфья.

Закуска была подана. Гости выпили по одной. Передъ окнами прокатилъ пузатый тарантасъ, когда-то составлявшій роскошь и наслажденіе какой-нибудь барыни-провинціалки. Тройка заводскихъ коней быстро поднесла его къ крыльцу, и кучеръ, въ шляпѣ черепенникомъ, осадилъ лошадей. Это пріѣхалъ благочинный. Его всѣ выбѣжали встрѣчать. О. благочинный пользовался заслуженнымъ почетомъ въ округѣ. Уважая его заслуги и сѣдины, многіе изъ молодыхъ священниковъ, безъ лести, помогали ему идти по ступенькамъ крыльца, поддерживая подъ рукава рясы.

Мѣрными поклонами помолившись на иконы, о. благочинный повидался съ хозяиномъ и священниками, переблагословилъ діаконовъ и причетниковъ и устало опустился въ кресло. Хозяинъ предложилъ ему выпить вхожую.

— Не за что, еще ничего не сдѣлалъ у васъ хорошаго, сдѣлаю — выпью, — такъ же устало проговорилъ онъ въ отвѣтъ хозяину.

Всѣ молчали.

— Святитель Тихонъ, садясь за трапезу, думалъ:—стòю ли я этой пищи, чтò стоитъ предо мною? Сдѣлалъ ли я что-нибудь добренькаго до обѣда, чтобы безукоризненно вкусить Божьяго дара?

— А мы такъ вотъ слегка начали въ ожиданіи вашего благословенія,—перебилъ одинъ батюшка.

— И прекрасно: вы все-таки нынѣ дѣлали—ѣхали на съѣздъ, ждали, скучали ожиданіемъ... А я измучился, ѣздивши по округу. Вездѣ сироты, описи, опеки. Мнѣ кажется, еще два-три года, все духовенство превратится въ какой-то опекунскій институтъ. Почти нѣтъ села, гдѣ бы не было двухъ-трехъ опекуновъ и пяти-десяти сиротъ, ищущихъ, гдѣ преклонити главу свою. Потому: умираетъ лицо, мѣсто закрывается, семья остается на вѣтру. Ты вотъ и ѣзди — разбирай, какъ дѣлить блинъ между сиротами и налич-

нымъ причтомъ? А тамъ лозину разбери, что просвирня срубила у пономаря на топку—просто лошадей загонялъ.

— А что намъ, діаконамъ, будетъ пенсіонъ, ваше высокоблагословеніе? — возразилъ діаконъ, недовольный рѣшеніемъ неполнаго помѣстнаго собора.

— Не будетъ.

— За что же я ежегодно плачу пенсіонныхъ по рублевкѣ?

— Это не на пенсіонъ, а на вспоможеніе нуждающемуся духовенству, —объяснялъ о. благочинный.—Суммы эти собираются; положимъ, вотъ ты нуждаешься, и заявляй—тебѣ дадутъ единовременное пособіе.

— А сколько такихъ денегъ собирается у насъ въ губерніи? —спросилъ одинъ изъ священниковъ.

— Тысячъ пять, около этого.

— А выдается нуждающимся?

— Ну, это, смотря по нуждѣ—не знаю.

Пока духовенство разсуждало въ горницѣ, въ избѣ шли свои дѣла: матушка, въ виду спорости дѣла, засадила церковныхъ старостъ и причетниковъ-кучеровъ щипать куръ, цыплятъ, обваривать въ вару поросятъ, скоблить ножомъ сковороды и проч. Дѣло кипѣло какъ на пожарѣ.

— У насъ тоже была баллотировка,—истово выщипывая ногтями поросенка, говорилъ церковный староста-крестьянинъ:—выбирали старшину, онъ и подговори крестника: пересыпь, говоритъ. Пріѣхали, эвто, посредникъ, принесли ящикъ, шары, стали класть. Енъ и возьми да пересыпь шары. Запустилъ, значитъ, руки подъ сукно, захватилъ изъ лѣвой кануры горсть шаровъ и перевали въ правую,—ну, и вышелъ старшина. Такъ и звали пересыпнымъ.

Пока въ избѣ все щипалось, варилось, жарилось, въ горницѣ собирались въ церковь открывать баллотировку. Между священниками завязалось преніе на счетъ того, какой и кому служить молебенъ передъ баллотировкою, такъ какъ, по новости дѣла, *чина* баллотировки нѣтъ въ требникѣ.

— Конечно, Святому Духу, снисшедшему на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, — порѣшилъ о. благочинный, сдвигая очки на лобъ.—Мы выбираемъ депутата въ собраніе, гдѣ именно нуженъ, такъ-сказать, языкъ, чтобы говорить за насъ.

Аргументъ показался собранію столь вѣскимъ, что никто и не подумалъ возражать.

— Не прикажете ли передъ баллотировкой поблаговѣстить,

ваше высокоблагословеніе?—обратился о. Филиппъ къ своему начальнику.

— Пожалуй... для пышности, а впрочемъ, не нужно, напугаешь народъ; подумаютъ, пожаръ.

Собрались, вышли изъ дома на лужокъ, и, массой, человѣкъ въ сорокъ, тронулись по направленію къ церкви. Къ духовенству пристало много ребятишекъ и праздныхъ зѣвакъ. На церковной паперти ужъ стояло много любопытныхъ изъ дворни и съ деревни, въ праздничныхъ нарядахъ. Всѣмъ хотѣлось поглядѣть, что за штука такая *баллотировка?* на манеръ свадьбы, что-ль... На пути къ о. благочинному подошла престарѣлая просвирня, приняла благословеніе и ударилась въ ноги.

— Что ты, что́ тебѣ нужно, голубушка? встань, не кланяйся, въ ногахъ правды нѣтъ.

— Ваше высокоблагословеніе, защитите! — слезно вопила просвирня.

— Въ чемъ дѣло? говори.

— Разберите мою ярку.

— Какую ярку?

— Пономарь Городецкій отбилъ у меня ярку. Мои овцы мѣчены—правое ухо одно, а его обои—развилочками. Ярка-то лѣтошняя переярье и повадься къ нему на дворъ: какъ изъ стада, такъ къ нему. Дѣло сосѣдское, ночь махонькая, думаю себѣ: незымай ночуетъ. А онъ возьми, да отхвати ей лѣвое ухо, и говоритъ теперь, что ярка его. Заступитесь, ваше высокоблагословеніе...

— Городецкій? слышишь—жалоба,—обратился о. благочинный къ пономарю.

— Все пустякъ, ваше высокоблагословеніе, ярка моя,—грубо отвѣчалъ Городецкій,—это одна кляуза.

— Ну, хорошо. Послѣ баллотировки разберу.

— Ваше высокоблагословеніе, не угодно ли мимоходомъ кстати зайти посмотрѣть, какъ нашъ о. діаконъ прорылъ канаву и меня подтопилъ, — обратился къ начальнику дьячокъ: — великимъ постомъ въ погребѣ всѣ кадушки поплыли съ капустой, въ огурцы залило. Я давно васъ ожидалъ.

— Хорошо, послѣ баллотировки.

— Слушаю-съ.

Причетникъ съ униженнымъ поклономъ отошелъ.

— Диковина! — возразилъ о. благочинный, плавно шагая по дорогѣ къ церкви:—сидишь дома, все смирно тихо; какъ тронулся по селамъ, куда ни пріѣдешь, вездѣ жалобы: тамъ оби-

дѣлъ, тамъ обсчиталъ, тамъ не знаютъ, на сколько частей пироги дѣлить,—просто бѣда.

— Что дѣлать, средства скудныя, ну, и тянутъ другъ отъ друга,—замѣтилъ одинъ изъ священниковъ.—Духовенства развелось много, а прихожане обѣднѣли, да и вѣра, къ тому-жъ, оскудѣваетъ. Прихожанинъ нынѣ поучился ариѳметикѣ въ школѣ, узналъ, что семь гривенъ и пудъ муки—одно и то же, пріѣдешь къ нему, онъ, вмѣсто мѣрки ржицы, суетъ тебѣ гривенникъ серебряный. Чтó съ нимъ подѣлаешь, не скажешь: обчелъ, мало. Хорошо, у кого есть мѣстныя, свои средства, дышешь, а то вѣдь моркотно.

— Вотъ подождемте, скоро распредѣленіе приходовъ будетъ и новые штаты утвердятся, тогда заживемъ,—утѣшалъ о. благочинный.

— Когда этого дождемся, длинна пѣсня.

Пришли въ церковь. Священники всѣ облачились. Діаконъ вооружился кадиломъ и свѣчой. Начался молебенъ, съ громогласнымъ пѣніемъ и многолѣтіемъ въ концѣ. Послѣ молебна, среди церкви, поставили столъ и два стула. За неимѣніемъ урны и ящика для баллотированія, на столъ поставили двѣ водосвятныхъ кандеи и накрыли ихъ шелковою пеленою. Отецъ Филиппъ досталъ изъ кармана фунтъ грецкихъ орѣховъ и звонко ихъ высыпалъ на металлическое просфорное блюдо. Подъ предсѣдательствомъ благочиннаго приступили къ баллотировкѣ, сначала записками. Разобравъ записки, духовенство задумчиво стало расходиться по церкви. Діаконы съ діаконами толпились около клироса; причетники жались у окна въ трапезной, а священники разошлись всѣ врозь. Многіе ушли даже въ алтарь. Благочинный сидѣлъ у столика въ ожиданіи записокъ.

Записки собрались въ одну кандею; стали ихъ разбирать. Между ними нашлась одна, въ которой записанъ пономарь. Какъ тутъ быть! Стало-быть, снова надо раздавать записки? Это и конца не будетъ. Большинствомъ голосовъ рѣшили: опросить виновника, записавшаго въ депутаты пономаря. Опросили:

— Кто внесъ въ записку пономаря?—признавайтесь.

— Виноватъ, ваше высокоблагословеніе, я,—признался одинъ престарѣлый причетникъ, скрестивъ руки на груди.

— Развѣ ты не слыхалъ, что изъ среды священниковъ....

— Вѣдь онъ мнѣ кумъ и человѣкъ оченно хорошій! ему не токмо въ причетникахъ, въ протодіаконахъ не грѣхъ быть.

— Нельзя, возьми, перепиши.

— Ну, ладно, я васъ запишу.

По выборкѣ указаній изъ записокъ, приступили къ баллотировкѣ на грецкихъ орѣхахъ, по порядку, и отбаллотировали, кого слѣдуетъ.

На пути изъ церкви иные спокойно грызли болѣе ненужные орѣхи, а иные съ досадой бросали въ стороны скорлупу. О. благочинный, пригласивъ двухъ депутатовъ, зашелъ къ просвирнѣ—разбирать ярку.

III.

По епархіи объявляется, что такого-то числа и мѣсяца въ губернскомъ городѣ открывается епархіальный съѣздъ. Въ семьяхъ избранныхъ уполномоченныхъ начинаются сборы на съѣздъ и оживленные разговоры: одному ли депутату ѣхать, или захватить съ собою матушку-супругу, для покупки ситца, платка, воротника, что̀ въ губернскомъ городѣ непремѣнно должно быть дешевле.— Не захватить ли съ собою дочку-невѣсту? не навернется ли женишокъ, да и такъ-себѣ прокатиться, чтобы она не совсѣмъ одурѣла, сидя за пяльцами въ деревнѣ. Нынѣ-де вѣкъ движенія и просвѣщенія. Какое забрать платье съ собою, нужно ли брать подушки, неудобныя въ перевозкѣ, нельзя ли замѣнить ихъ свернутымъ вчетверо тулупомъ, а сверху окутать полукафтаньемъ. Брать ли хлѣбъ изъ двора, сколько взять ветчины, и нужно ли зажарить на дорогу курицу, утку или поросенка.—Кромѣ шляпы, не захватить ли и шапку, ибо сентябрьское время обманчиво. Или же прямо ѣхать въ шапкѣ; дорогой никто не осудитъ, подумаютъ—боленъ, а шляпу купить новую въ губерніи, такъ какъ старая очень истрепалась. Если нѣтъ желѣзной дороги, то обдумываютъ, на чемъ ѣхать, какихъ запречь лошадей, сколько забрать изъ двора корму и куда дѣвать лошадей, если съѣздъ будетъ продолжителенъ, иначе онѣ слопаютъ совсѣмъ.

Рѣшеніемъ всѣхъ этихъ житейскихъ вопросовъ семья уполномоченнаго занимается день и ночь, со времени объявленія указа о съѣздѣ до отъѣзда.

Самъ уполномоченный соображаетъ про себя: на двадцать рублей, что̀ духовенство назначило мнѣ на проѣздъ въ съѣздъ, впору одному съѣздить безбѣдно, а если захватить жену съ собой, да дочь, это полѣзетъ вонъ-куда!... Жеребчика-то, что̀ стои́тъ на стойлѣ, мало. А дома-то онѣ просидятъ, я еще, пожалуй, изъ двадцати рублей выгадаю имъ на гостинцы—оно и слюбится.

Супруга уполномоченнаго соображаетъ: не покуда сидѣть въ

засадѣ, поѣду съ нимъ и я. А главное—въ губерніи не то-что въ нашемъ ярыжномъ городишкѣ: тамъ я и шаль куплю—мое почтеніе, и бурнусъ модный и шарфъ-мантилью прикрашу. Ситчику, ситчику и то здѣсь недобудешь настоящаго, все пробитый, да линючій. Знать есть ужъ особенныя фабрики для такихъ городишковъ....

Дочка уполномоченнаго, не видавшая передъ собой, кромѣ своихъ пяльцевъ, полей, мужиковъ и за рѣдкость сельскаго учителя, въ свою очередь тоже размышляла: ну, если правда—меня возьмутъ, какъ я буду счастлива! Въ губерніи должно быть и люди и домà не такіе, чтó у насъ. Какъ бы я посмотрѣла на все это!...

Одни изъ уполномоченныхъ порѣшили всѣ свои вопросы, забрали съ собою всякой живности и двинулись въ губернію — гужомъ, въ кибиткахъ, въ тарантасахъ, въ повозкахъ, и дорогой, лаясь съ дворникомъ на счетъ цѣны за нумеръ, за мѣру овса, за пудъ сѣна, за хлебово работнику, — обдумывали: гдѣ остановиться въ губерніи, чтобы и лошадямъ, и пассажирамъ, и кучеру было не убыточно и терпимо? А другіе рѣшились ѣхать по машинѣ, что и дешевле, и скорѣй, а главное—благородно.

Въ домѣ одного уполномоченнаго, не выѣзжавшаго никуда, кромѣ и прихода и торга, со времени своего посвященія, происходили сборы его въ дорогу—на чугунку. Онъ отправился одинъ. На все его семейство легла печать унынія. Даже работники, работницы и старухи печально глядѣли изъ передней сквозь трещины переборки и въ отворенную дверь въ гостиную, гдѣ путникъ передавалъ своей семьѣ завѣщаніе, усѣвшись подальше отъ печки [1]).

— Ну, стало-быть, вы займитесь безъ меня молотьбой, домолотите одонушекъ. Барбоску на-ночь привязывайте къ закутѣ, у лошадей; Мухтарку спускайте съ цѣпи. Кирюху-старика зовите ночевать. По вечерамъ работники пусть ковыряютъ лапти. А ты, Ванюша, чтобы къ моему пріѣзду латинскія склоненія были готовы. Духовное завѣщаніе я написалъ, вонъ подъ божницей,—потому машина,—самъ не знаешь, придется ли вернуться.

— Охота тебѣ выбираться, насъ покидать, — сквозь слезы проговорила пріунывшая матушка.

— Нельзя, кому-нибудь надо.

Въ комнату, бóкомъ пробрался сквозь работницъ и работниковъ, діаконъ съ огромною шапкою въ рукахъ. Батюшка снялъ съ отдушника ключи отъ церкви и передалъ ихъ діакону.

---

[1] Уѣзжая, присадиться близъ печки—неблагополучно, по народному повѣрью.

— Скажите на милость, ваше благословеніе, что такая, значить, за должность, куда вы ѣдете?—спросилъ діаконъ.

— И самъ не знаю,—тамъ увидимъ.

— Ну, дай Богъ счастливо возвратиться и благополучно, во славу Божію совершить путь-шествіе. Чтб бы вы купили тамъ кропильцо, кропило все истрепалось, да еще кануннацу?

— Пожалуй, спасибо, что напомнили.

— То-то, а то все больше вѣникъ въ употребленіи. Въ мужицкомъ быту ничего, сойдетъ, а у господъ маханешь вѣникомъ-то, оно и какъ-то, кабысь, не ладно.

Слезно распростившись съ семьей и домочадцами, уполномоченный сталъ усаживаться въ свою тарантасъ-телѣжку.

Пока оканчивались сборы, тарантасъ-телѣжку обступили кругомъ домочадцы и сосѣди уполномоченнаго, и всякій, въ силу убѣжденія, что батюшка ѣдетъ въ губернію, гдѣ все дешевле, поручалъ ему разныя покупки. Кто просилъ купить рукомойникъ, кто ворвани (рыбій жиръ) для смазки сапогъ, кто подсинки для бѣлья, а старуха-нянька горевала, что корыто лопнуло: нельзя ли въ губерніи купить корыто для стирки бѣлья. Тутъ подоспѣлъ причтъ съ письмами къ сыновьямъ-семинаристамъ и съ узелочками, гдѣ зашиты яблоки, жилетки, перчатки. А матушка-просвирня, задыхаясь, тащила къ путнику огромный узелъ съ тулупомъ и пышками.

Уполномоченный, сидя въ тарантасѣ среди улицы, не радъ былъ уполномоченію въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Онъ иное принималъ, а иное возвращалъ. Завязывались споры, умиленныя прошенія. Уполномоченный увидалъ, что пономариха тащитъ къ экипажу громадный мѣшокъ на плечахъ и крикнулъ:

— Трогай, пошелъ, Гордѣй! Это конца не будетъ.

Гордѣй свиснулъ на сытыхъ, пузатыхъ пару лошадей и укатилъ. Проѣзжая мимо церкви, крестились и молились, какъ кучеръ, такъ и пассажиръ. Снимая шапку, Гордѣй уронилъ кнутъ и, доставая его изъ-подъ колесъ, проговорилъ:

— Ну, какъ хошь, батька, а подпояску мнѣ привези изъ губерніи...

IV.

Въ одинъ дождливый день, къ вокзалу одной желѣзной дороги подъѣзжало духовенство. Таща съ собою мѣшки, кулечки, чемоданчики и какіе-то короба, духовные столпились въ багажномъ отдѣленіи. Одни изъ нихъ безъ раздумья прямо проходили

въ залу третьяго класса, усаживались на лавкѣ, по срединѣ своего багажа, и преспокойно сидѣли, прикрывши по бокамъ широкими рукавами багажъ. Другіе, слегка приподнимая шляпы, заглядывали въ залу перваго класса и, оглядываясь на свои узлы и калоши, сомнѣвались: идти или нѣтъ? Многіе не шли ни туда, ни сюда, а собравшись гурьбой, въ багажномъ отдѣленіи, вполголоса, толковали между собой о грязи въ дорогѣ и о блаженствѣ ѣхать въ вагонѣ. Свистки паровиковъ, скрипъ ящиковъ по каменному полу въ багажномъ отдѣленіи, повелительный возгласъ начальника станціи — все это тревожно вліяло на духовныхъ, такъ что они, разговаривая, постоянно оглядывались. Они до того засидѣлись въ своихъ степныхъ селеньяхъ, что на желѣзной дорогѣ чувствовали себя какъ будто въ иномъ царствѣ, на другой планетѣ. Такому ощущенію помогало и то, что кто бы ни проходилъ мимо, непремѣнно посмотритъ на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ. А иной даже спроситъ о причинѣ появленія на станціи такого количества духовныхъ, съ прибавленіемъ саркастическаго словца.

— Отцы, проходите, разбирайтесь по заламъ, здѣсь багажъ, стало тѣсно, — предлагалъ духовнымъ усатый жандармъ.

Духовные заколыхались и не знали куда идти.

— Пойдемъ въ первый — приглашалъ одинъ другого: — я видѣлъ, отецъ Николай тамъ сидитъ.

Большинство направилось въ залу третьяго класса, гдѣ уже много сидѣло и ходило духовныхъ, съ семействомъ и безъ семей. Одинъ указательнымъ пальцемъ приторговывалъ вильку въ буфетѣ и, удивляясь дороговизнѣ, качалъ головой. Другой, заложа руки въ карманы, осматривалъ партію арестантовъ, гремѣвшихъ цѣпями, между которыми были и женщины. Арестанты исподлобья бросали свои недовольные плутовскіе взгляды на любопытнаго священника. Вокругъ арестантовъ стояли солдаты, со штыками на-голо.

— Служивый, скажи, за что попалъ въ цѣпи вонъ тотъ черноватый, вострорлазый? — спросилъ батюшка солдата на ушко.

Солдатъ молчалъ.

— Что же ты, скажи?..

— А что́ во время херувимской разговариваете вы въ обѣднѣ? — басомъ переспросилъ конвойный.

Священникъ понялъ, что конвойный какъ-бы совершаетъ таинство, и отошелъ въ сторону. Но любопытство страшно забирало его: за что́ попалъ въ цѣпи востроглазый? Бо́комъ, бо́комъ,

между народа онъ пробрался сзади до вострoглазаго и потихоньку спросилъ его:

— За что ты, братъ, попалъ въ цѣпи?

— За кражу,—грубо отвѣтилъ тотъ.

— Плохо, плохо...—качалъ головою батюшка.

— Не то плохо, что воровалъ, а что попался.

— Какъ же такъ?

— Да такъ... Спроси-ко всякаго по душѣ, анъ узнаешь—ка̀къ. Вы только спрашиваете, за что въ цѣпи попалъ. Нѣтъ того кинуть семерку на калачъ, на̀, дискать, съѣшь, ты и за мои грѣхи тутъ же терпишь.

Батюшка далъ ему пятачокъ.

За вокзаломъ на платформѣ шипѣніе, скрипъ, свистки, звонокъ—пріѣхалъ поѣздъ. Въ залу перваго класса набѣжало съ поѣзда много пассажировъ, заспанныхъ, усталыхъ, вообще помятыхъ дорогой. Всѣ они спѣшили закусить. На станціи былъ роскошный буфетъ и 20 минутъ стоянки. Франты въ плэдахъ, барыни подъ вуалями, генералы въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, евреи съ жирными сумками черезъ плечо,—всѣ толпились, суетились, усаживались за роскошно сервированный столъ, выбирали и требовали кушанье. Звонъ рюмокъ, ножей, тарелокъ слился съ шумнымъ говоромъ и пуканіемъ пробокъ изъ бутылокъ. Въ толпѣ пассажировъ плавно расхаживался по залѣ широкоплечій, уполномоченный отецъ Николай. Всеобщая закуска раззадорила его аппетитъ. Онъ подошелъ къ буфету и сталъ присматриваться къ разнымъ яствамъ. Какой-то франтъ забѣгалъ и съ той и съ другой стороны отца Николая, чтобы указать, какую именно подать ему котлетку.

— Проходите, отецъ святой, не мѣшайтесь,—грубо проговорилъ изъ-за стола блѣдный поваръ въ бумажномъ колпакѣ.

— Это почему?—баритономъ возразилъ изъ-подъ измятой шляпы о. Николай.

— А потому, что для васъ здѣсь кушанья нѣтъ.

— Это почему?—уже густымъ басомъ возразилъ о. Николай.

— А потому-съ, что нонича пятница.

— А вотъ этотъ осетръ?

— Осетръ не по вашему карману, девять гривенъ пластиночка. Потому онъ привезенъ живой-съ, прямо съ Волги-съ и при публикѣ даже живой зарѣзанъ-съ.

— Подавай!...

Рядомъ съ о. Николаемъ усѣлся тотъ франтъ, который ходилъ вокругъ его ширины, чтобы выбрать котлетку.

— А я васъ, батюшка, научу выбирать котлеты по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ.

— Что такое?

— Вы всегда укажите на самую заднюю котлету по порядку, какъ онѣ лежать — это свѣжая, а чѣмъ ближе, это сто разъ разогрѣтыя.

— Отлично, буду имѣть въ виду, въ скоромные дни. Сидѣвшій противъ отца Николая генералъ въ замшевыхъ перчаткахъ потребовалъ зельтерской воды. Послѣ осетра захотѣлось пить и о. Николаю.

— Подай и мнѣ,—сказалъ онъ вѣжливому лакею.

— У насъ вода двадцать-пять копѣекъ бутылочка,—вѣжливо шепнулъ на ухо о. Николаю лакей.

— Подавай!..

Ни генералъ, ни о. Николай не успѣли допить воды. Они только успѣли выкинуть на столъ мелочь серебра. На дорогѣ звучалъ уже третій звонокъ. Публика оставила много недопитаго, недоѣденаго и гужомъ потянулась къ поѣзду, въ двери вокзала. На платформѣ, въ народѣ, суетилось духовенство, раздутое узлами, подушками, чемоданами. Всѣмъ депутатамъ уполномоченнымъ хотѣлось сѣсть въ одномъ вагонѣ. Съ этою цѣлью они группировались на платформѣ и обратились о томъ съ просьбою къ носильщику, съ ясной бляхой на лбу. Носильщикъ передалъ ихъ просьбу кондуктору, который и указалъ имъ дорогу.

Усѣвшись въ купе вагона, духовенство благодушествовало, но молчало, какъ-будто приговоренное къ смерти. Засвиристѣлъ послѣдній свистокъ въ губахъ оберъ-кондуктора, ему въ отвѣтъ бойко свиснула машина—поѣздъ тронулся. Шибче и шибче шла машина, замелькали телеграфные столбы въ окнахъ вагоновъ. Стало темнѣть. Надивившись быстротѣ движенія поѣзда, духовенство обратилось къ своимъ сумкамъ, сакъ-вояжамъ и чемоданамъ, за домашнею закуской. Былъ моментъ, когда казалось, что депутаты защищались отъ вѣтра своими широкими рукавами. Но такъ какъ вѣтра въ вагонѣ не было, то это явленіе должно было означать что-нибудь другое. И это другое было то, что всякъ старался передъ закуской выпить изъ бутылочки, спрятанной въ помѣстительномъ рукавѣ.

Выпили, стали закусывать. Начался разговоръ и взаимное угощеніе: кто передавалъ крыло утятины черезъ голову сосѣда, кто пластинку копченой ветчины, кто—ножку на дорогу завяленной поросятины, и всѣ хвалились доморощенной настойкой, пред-

лагая отвѣдать. Купе вагона превратилось въ гостиную на праздникѣ у сельскаго священника. Разъединенные и рѣдко видающіеся священники ради были взаимной встрѣчѣ. Нѣкоторые депутаты ѣхали съ супругами, которыя между собою познакомились, перецѣловались и, отдѣлившись отъ мужчинъ, вели рѣчь о выкройкахъ, горевали, что, вмѣсто десяти, надобно покупать двадцать аршинъ на платье, и проклинали новую моду съ хорохорами сзади и по бокамъ. Депутаты вспоминали семинарскую жизнь, толковали о доходахъ, о хозяйствѣ, и о томъ, нельзя ли на съѣздѣ подвести идейку о преобразованіи положенія духовенства въ разношерстномъ обществѣ. Всѣ желали свободныхъ отношеній съ прихожанами, всѣмъ хотѣлось свергнуть съ себя рабство, въ какомъ они находятся у прихожанъ.

— Какіе вѣдь есть плуты: закажетъ обѣдню, отслужи ему большую панихиду, справь богомолье съ пятью акаѳистами, цѣлковыхъ на три заслужишь, спросишь возмездія:—послѣ, говоритъ, гдѣ-жъ я тебѣ возьму.

— Просто потѣшаются надъ нами.—Зачѣмъ-же такъ много служилъ?—замѣтимъ ему. Отъ сосѣдей стыдно, скажетъ. Ты и слушай его; конечно, денегъ не отдастъ и искать ихъ негдѣ.

Разговоръ былъ неистощимый, но депутаты, отъ стука колесъ и дребезжанія желѣзной печки, крича во всю глотку, устали и разсѣлись по своимъ мѣстамъ. Молчаніе недолго длилось. Въ одномъ углѣ здоровеннымъ басищемъ затянулъ кто-то: *слава въ вышнихъ Богу*... Ему стали слегка подтягивать другіе и вскорѣ купе вагона огласилось стройнымъ пѣніемъ этой длинной церковной пѣсни.

Пѣніе заинтересовало сосѣдніе купе, откуда, въ отворенной двери, показалось до десяти любопытныхъ, одна на другую нанизанныхъ физіономій, между которыми одна была жидовская, съ козлиной бородкой.

— Эко мнѣ раздолье, прервалъ пѣніе веселый, молодой кондукторъ: тутъ поютъ, тамъ поютъ, тамъ играютъ въ карты, тамъ пробуютъ силу—борятся, тамъ ругань—на чемъ-свѣтъ стоитъ—тѣ дерутся. Молодецъ, этотъ третій классъ! Ваши билеты, господа?..

Всѣ засуетились, разыскивая билеты; кондукторъ, щелкая щипцами, продолжалъ:

— Придешь вонъ въ первый, во второй классъ — сидятъ, дуются другъ на друга, слова живого не услышишь. А тутъ и выпьешь, и закусишь и вдоволь нахохочешься.

— И подзатыльникъ иногда получишь, гдѣ дерутся,—замѣтилъ одинъ депутатъ въ слѣдъ уходившему кондуктору.

V.

Утренніе, ночные и дневные поѣзды разныхъ желѣзныхъ дорогъ навезутъ депутатовъ въ губернію со всѣхъ сторонъ. Ихъ полусонныхъ и усталыхъ везутъ извощики, бóльшею частію туда, гдѣ нумера опустѣли, вслѣдствіе разныхъ неудобствъ и гдѣ ихъ содержатели, такъ сказать, покупаютъ гостей у извощиковъ по пятиалтынному за штуку. Прикованное къ деревнѣ, духовенство рѣдко бываетъ въ губернскомъ городѣ. Иной съ самаго посвященія въ санъ не былъ въ немъ. Ночною порою, качаясь въ чуть живой пролеткѣ, по вывороченнымъ камнямъ мостовой, они робко крестятся не только передъ каждою церковью въ городѣ, но даже передъ каланчою съ фонаремъ, думая, что это часовня съ кружкой и неугасаемой лампадкой.

Первая ночка трудно достается многимъ депутатамъ. Иной попадетъ въ нумеръ надъ аркою воротъ, сквозь которую свищетъ вѣтеръ; иной въ нумеръ надъ адскою кухнею трактира, откуда идетъ, сквозь трещины пола, нестерпимый жаръ, со всѣми кухонными міазмами; иного завезутъ, за полтинникъ въ сутки, въ такую трущобу, въ какой еще не спасался ни одинъ подземный подвижникъ: ни лечь, ни сѣсть, ни повернуться на узенькомъ ложѣ. А ляжешь, такъ читаешь на шпалерахъ надписи самаго отъёмно-циническаго содержанія. Нѣкоторые поселяются у знакомыхъ благочестивыхъ дворниковъ постоялыхъ дворовъ, которые, изъ уваженія къ священному сану, уступаютъ имъ свои двухспальныя кровати, подъ тремя неугасаемыми лампадками. У многихъ депутатовъ бываютъ и родственники въ губерніи, но депутаты у нихъ не останавливаются, чтобы не слушать отъ нихъ завистливыхъ воплей: у васъ и баранинка своя, и картошечки, и крупицы свои, а у насъ все съ копѣечки: какъ проснулся, такъ и лѣзь въ кошелекъ. Кому охота доказывать, что вовсе не свое, а окупленное наймомъ земли, своимъ и наемнымъ трудомъ, и что каждая картошечка въ деревнѣ выстрадана заботою и опасеніемъ хозяина: не убилъ-бы градъ, не унесъ-бы воръ, не заплатить-бы штрафа за потраву. Кому охота кушать у родного его хлѣбъ-соль подъ такой разговоръ—и все-таки, со временемъ, привезть ему мѣрочку картошечекъ, пшенца...

Рано утромъ, когда проснулись лишь кухарки, дворники, черепенщики, да скрипятъ по улицамъ одни лишь водовозки,—депутаты, принарядившись въ рясы, уже расхаживаютъ по улицамъ,

разыскивая и другъ у друга безполезно спрашивая о мѣстѣ собранія.

Находившись по городу, въ напрасныхъ поискахъ мѣста собранія, депутаты на площадяхъ скучивались въ группы, дружелюбно другъ друга обнимали широкими рукавами и расцѣловывались, причемъ одинъ даже плюнулъ въ сторону, по ошибкѣ начавши цѣловать товарища во второй разъ, и стояли, какъ-бы ожидая наитія свыше: вотъ тутъ-то зала для собранія.

Депутаты, наконецъ, узнали, что владыко благосклонно принялъ импровизированнаго предсѣдателя собранія, мѣстнаго протоіерея губернскаго города, и назначилъ мѣсто собранія въ рекреаціонномъ залѣ училища. Пришли, собрались. Тамъ уже все готово: и чернила, и бумага, и карандаши на огромномъ столѣ, подъ зеленымъ сукномъ. Появился импровизированный предсѣдатель, въ крестахъ и камилавкѣ; за нимъ давно бритый, губернскій пономарь несъ баллотировальный ящикъ и трое счетовъ подъ мышкой. Пономарь поставилъ на столъ ящикъ и принялся ломать счеты, вытаскивая проволоку и собирая въ карманъ костяшки счетъ—это онъ готовилъ шары.

— Ну-съ, отцы святіи, обратился къ смолкшему собранію предсѣдатель, я, хотя украшенъ разными регаліями и много изъ васъ, навѣрное, есть мои ученики...

— Которыхъ ты поролъ безпощадно въ училищѣ и гналъ въ семинаріи,—подсказывали ему голоса вполголоса.

— Но, — продолжалъ предсѣдатель, — я здѣсь равный вамъ, какъ всякій изъ васъ — уполномоченный. Вы можете относиться ко мнѣ соравно. Владыко благословилъ собраніе здѣсь, приступимъ къ дѣлу; я думаю, надобно отслужить молебенъ.

— Молебенъ! молебенъ!—послышались голоса.

— А то пропоемъ *Достойно есть*... и къ дѣлу.

Долго препирались, рѣшая вопросъ, служить-ли молебенъ или ограничиться пѣніемъ одной церковной пѣсни. Въ одномъ углѣ залы передавали другъ другу ризы, предлагая и упрашивая облачиться для служенія молебна,—де-вы постарше и были благочиннымъ,—но по смиренію всѣ отказываются отъ этой чести. Наконецъ, въ углу залы, предъ иконою апостола Павла съ мечомъ, показалась въ воздухѣ надъ головами риза. Риза опустилась и послышалось дребезжаще-умилительное начало молебна. Сотня искусныхъ голосовъ запѣла «Царю Небесный»... и, казалось, само небо приникло къ этой залѣ съ своимъ благословеніемъ на благія начинанія. Музыка стройнаго многогласнаго пѣнія растрогала религіозное чувство депутатовъ, слушавшихъ,

на своихъ клиросахъ, лишь однихъ своихъ пономарей, нехотя плетущихъ службу. Всѣмъ жаль было разстаться съ такимъ величественнымъ молебномъ, почему тянули его очень долго. Апостолъ и многолѣтіе читалъ басомъ депутатъ изъ каѳедральныхъ діаконовъ.

Послѣ молебна начались пренія, споры, увѣщеванія со взаимнымъ охватываніемъ за плечи. Одни желали заняться баллотировкой предсѣдателя собранія и секретаря, другіе предлагали безъ всякой баллотировки просить принять на себя эти обязанности вотъ того-то, третьи уговаривали оставить выборъ до вечера, помолились—и слава Богу, а теперь-де пора обѣдать—и никто не подходилъ къ столу съ канцелярскими принадлежностями и разломанными счетами.

Одиноко, въ сторонѣ, заложа руки въ широкіе рукава, ходилъ заслуженный депутатъ, искоса посматривая на волнующуюся публику.

По корридору расхаживался кошачьимъ шагомъ курносый, краснощокій малый лѣтъ двадцати. Это былъ *служка*, подосланный слѣдить за ходомъ дѣла въ собраніи депутатовъ. Его скоро узнали и по духовенству разнеслось:

— Служка! отцы, тутъ, служка! тише!...

Собраніе смолкло и приступило къ баллотировкѣ. Прежде всего уговорили баллотироваться въ предсѣдатели украшеннаго регаліями губернскаго протоіерея—и изъ девяносто-девяти шаровъ положили ему направо только семь. Обиженный о. протоіерей тотчасъ же ушелъ и болѣе уже не являлся въ собраніе. Предсѣдателемъ избранъ молодой депутатъ, безъ всякихъ регалій, но слывшій въ духовенствѣ за умницу и труженника.

Не успѣли еще кончить выборы, какъ въ залѣ появился келейникъ архіерея и объявилъ, что владыка проситъ всѣхъ депутатовъ къ себѣ.

Такое неожиданное извѣстіе произвело въ собраніи полнѣйшій переполохъ. Со страхомъ и трепетомъ, какъ приговоренное къ казни, дышало захолустное сельское духовенство въ пріемной залѣ архіерейскаго дома. Иные, посмѣлѣй, пробовали присѣсть на стулъ, но, какъ только прикасались стула, мгновенно вскакивали, какъ обожженные. Иные щупали шпалеры на стѣнахъ: не бархатныя ли.

Послышался тихій топотъ. Двери пріемной залы распахнулись и въ нихъ показался маститый владыка. Духовенство все сразу преклонило предъ нимъ свои выи, владыка обѣими руками благословилъ ихъ, окинулъ всѣхъ ласковой любезной улыбкой и

пригласилъ въ большую залу, гдѣ было подковкой разставлено болѣе ста креселъ и стульевъ.

Усѣвшись самъ въ роскошное кресло, за столикъ, подъ широкимъ листомъ тропической пальмы, владыка пригласилъ сѣсть депутатовъ. Депутаты робко усѣлись и всѣ до единаго уставили свои бороды къ одному центру—подъ пальму.

— Очень радъ васъ видѣть у себя, мои други, — началъ рѣчь маститый старецъ, — въ лицѣ вашемъ мнѣ пріятно поговорить со всею моею епархіею. Вы не смотрите на меня теперь какъ на вашего начальника, у котораго въ рукахъ власть вязать и рѣшать вашу судьбу, а смотрите, какъ на друга вашего и сообщника въ стремленіи къ благимъ цѣлямъ. Духовенство есть узелъ, связующій государство въ одно цѣлое. Всѣ тайны души большинства нашего народонаселенія суть не тайны вамъ, духовные отцы народа. Я знаю искреннюю преданность къ вамъ народа, который въ васъ видитъ и отъ васъ только хочетъ слышать правду. Поймите вы свое положеніе въ обществѣ—вы соль земли русской. Положимъ, вы бѣдны, нерѣдко служите предметомъ посмѣянія дикихъ и неразумныхъ, но не забывайте, что тайны души некому ввѣрить никому, кромѣ васъ, отцы. Въ минуты скорби всякъ бѣжитъ къ вамъ, тяжелую ношу совѣсти всякъ спѣшитъ сложить съ поклономъ у вашего сапога. Вы и крестите, и хороните, вѣнчаете, давая совѣты жить благочестно въ супружествѣ, и провожаете людей на тотъ свѣтъ, оставленныхъ и жизнію и людьми, съ напутствіемъ, благими надеждами на блаженство вѣчное людямъ, потрудившимся въ жизни на благо общее, въ борьбѣ за правду, за добро, за любовь евангельскую... Въ вашихъ рукахъ жизнь и старцевъ, и юношей, въ вашихъ рукахъ и школы для воспитанія новаго поколѣнія. Вы истинные подвижники на поприщѣ охраненія и развитія народной нравственности. Я долженъ смиренно сознаться, что менѣе васъ работаю въ этомъ виноградникѣ Христовомъ, ибо стою далеко отъ народа, а вы стоите къ нему лицомъ къ лицу. На васъ полагаю всѣ свои надежды по отношенію къ ввѣренной мнѣ паствѣ. Знаю вашу бѣдность, которая, сокрушая вашъ духъ, заставляетъ иногда опускать руки въ дѣлѣ пастырскаго служенія. Но не скорбите. Истинное богатство въ душѣ—«*Царствіе Божіе внутрь насъ есть*». Знайте, что и въ палатахъ богато-украшенныхъ живутъ люди, отъ горя, тоски и муки ненаходящіе себѣ мѣста. Не забывайте, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, не имый гдѣ главы преклонити, въ душѣ былъ Царь неба и земли. Не богатство, а стремленіе къ совершенству даетъ счастіе лю-

дямъ. А вы кàкъ можете быть счастливы, двигая къ совершенству не только себя, но и цѣлыя тысячи вашихъ пасомыхъ! Скажите мнѣ правду: какъ идетъ у васъ дѣло пастырскаго служенія?

Сельскіе депутаты переглядывались, переминались и молчали. Поднялся губернскій депутатъ.

— Владыко святый! дѣло нашего...

— Замолчите вы. Надоѣла мнѣ ваша лесть,—перебилъ его владыка:—говорите деревенскіе.

Поднялся деревенскій.

— Сидите, Бога ради, и говорите правду. Ну, скажите сначала, какъ поживаетъ духовенство вообще?

— Правда глаза колетъ, преосвященнѣйшій,—есть пословица.

— Колите. За то правда—свѣтъ, освѣщающій каждому путь.

— Духовенство молитъ Бога, чтобы поскорѣе умереть,—свободно докладывалъ сельскій широкобородый депутатъ.

— Кáкъ умереть?—вотъ новость!—встрепенулся бархатной рясой старецъ.

— А вотъ чтó: если у живого священника, будемъ говорить, есть три-четыре сына, да двѣ-три дочери, онъ сокрушается: чтó съ ними дѣлать? Пока дѣти малы—еще ничего, подростутъ—арестъ. Всѣмъ дать воспитаніе и образованіе, въ силу котораго они могли бы впослѣдствіи не погибнуть съ голода, у него нѣтъ средствъ. Воспитать Ваню, и совсѣмъ обидѣть Мишу, Катю, Варю — рука не налегаетъ. Вотъ онъ, въ отчаяніи, и молитъ Бога о ускореніи своей кончины, когда всѣ его дѣти будутъ приняты на казенное содержаніе въ учебныя заведенія. Ему пріятно лежать въ гробу, сознавая, что его потомство, получившее наслѣдство умственнаго развитія отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, за нѣсколько столѣтій пономарей, учившихъ дворянскихъ дѣтей для чина,— не будетъ въ кучерахъ, въ конторщикахъ, въ содержанкахъ, въ прачкахъ, на чтó обстоятельствами жизни иногда бываютъ присуждены дѣти остающихся въ живыхъ многосемейныхъ духовныхъ. Умри отецъ — всѣ приняты на казенное содержаніе, учатся и становятся въ жизни на дорогу.

Владыка задумался и, подумавши, произнесъ:

— Охъ-охо-хо!.. Скажите мнѣ пожалуйста: отъ чего вы, сельскіе, не идете ко мнѣ въ губернію? Многихъ я просилъ къ любой доходной церкви—отказываются. Чтò скажутъ на это сельскіе?—говорите откровенно.

— Не знаю, какъ другіе, а я не возьму Богъ знаетъ чего оставить свой бѣдный, но радушный приходъ. У насъ въ деревнѣ

простота отношеній, любовь, взаимность безхитростная, а здѣсь, послышу, церковному старостѣ угоди, богатому купцу подкури, какому-нибудь зажиточному шорнику—покади, той вынеси просвирку, къ тому приди со крестомъ именно въ восемь часовъ и прокропи его домъ до потолка, иначе получишь отказъ отъ рублевки, которую преслѣдуешь, шагая по грязнымъ улицамъ, а мало —отказъ отъ мѣста—онъ-де не угождаетъ... У насъ все просто и по-Божью: прихожане благоговѣютъ передъ нами и ждутъ насъ не дождутся, хоть цѣлую недѣлю къ нимъ не ходи послѣ праздника. Я знаю, какую бѣготню поднимаютъ градскіе духовные со крестомъ по приходу, чтобы попасть ко всѣмъ такъ-сказать сразу. Нужно родиться въ городѣ, чтобы любить жизнь среди камней. Въ деревнѣ я вѣкъ свой проживу, а здѣсь живо подставятъ ногу.

Долго бесѣдовалъ архипастырь съ представителями епархіи о школахъ, о церковной проповѣди, о таинствахъ и вообще объ отношеніяхъ духовенства къ народу, давая мудрые совѣты — и ознакомляясь съ душою и матеріальнымъ положеніемъ всѣхъ сословій. Бесѣда такъ была проста, любезна, радушна, что рядъ бывшихъ въ епархіи епископовъ, казалось, дивились съ портретовъ, которыми были увѣшаны цѣлыхъ двѣ стѣны залы. А на депутатовъ эта бесѣда такъ подѣйствовала, что они, трепетно пришедшіе сюда, въ заднихъ рядахъ стульевъ, начали уже разнюхивать табачокъ, одинъ даже уронилъ табакерку.

VI.

Депутаты духовенства на съѣздахъ отличаются особеннымъ дружелюбіемъ. Разставшись съ своими семействами, они какъ бы хотятъ найти ихъ другъ въ другѣ. Помимо любезныхъ расцѣловываній среди улицъ, они выражаютъ свое дружелюбіе общежитіемъ. Избравши предсѣдателя съѣзда и сваливши на его плечи всю заботу и работу по дѣламъ съѣзда, депутаты за непремѣнное считаютъ узнать другъ у друга, кто гдѣ остановился и какова у кого квартира. Начинаются приглашенія жить вмѣстѣ и просьбы принять въ общежитіе. Одинъ зоветъ товарища къ себѣ въ нумеръ, потому что ночью попалъ въ рублевый нумеръ, а это одному — накладно. Другой сговаривается жить вмѣстѣ потому, что въ его нумеръ можно носить пищу съ торга. Третій хвалитъ свои нумера какъ центральные: и къ владыкѣ, и къ съѣзду, и къ торгу, и къ консисторіи. Иной просится: примите Бога-ради куда-

нибудь въ общежитіе,—ночью завезли его въ такой нумеръ, гдѣ ни сѣсть, ни лечь, ни пить, ни ѣсть, а полтинникъ въ сутки отдай. Да еще однимъ ключомъ всѣ нумера отпираются. Обобрали жида съ желѣзной дороги, не ломая замка. Вмѣсто того, чтобы быть у владыки, онъ попалъ въ часть на допросъ. Такимъ образомъ депутаты разбираются свои по своимъ и заполоняютъ собою три-четыре подходящія гостинницы.

На утро предсѣдатель давно пришелъ въ собраніе и ждетъ депутатовъ, а у депутатовъ идетъ переселеніе. По городу ѣдутъ и идутъ духовные съ чемоданами, кульками, узлами, мѣшками.

Отъ нечего дѣлать предсѣдатель, съ немногими, прибывшими въ собраніе, сочиняетъ на́-черно протоколы, по предположенію, что оные всѣми будутъ подписаны. А между прочимъ депутаты, въ своихъ квартирахъ, обзаводятся хозяйствомъ—и вообще удобствами жизни. Разбившись на партіи человѣкъ по-двадцати, они берутъ два-три нумера, гдѣ и спятъ, не пренебрегая мѣстомъ на полу, а днемъ—обѣдать, и ночью—ужинать собираются въ одинъ нумеръ.

Въ залѣ собранія пять-шесть депутатовъ, *предварительно*, обсуждаютъ вопросъ о распространеніи корпуса и о средствахъ на оное распространеніе, а въ нумерахъ депутаты выбираютъ изъ среды себя эконома, для веденія нумерного хозяйства и нумерной канцеляріи.

Избранному эконому партія сдаетъ на руки: жареныхъ куръ, привезенныхъ изъ дома, гусей, утокъ, окороковъ копченой ветчины и барскимъ поваромъ завяленныхъ на дорогу поросятъ. Депутатъ-экономъ, принимая на руки всю эту жарено-вяленую живность, недоумѣваетъ: какъ уравновѣсить между членами партіи приходъ и расходъ, и возражаетъ:

— Отцы! вотъ утка, а вотъ окорокъ—это вѣдь разница, — какъ же мнѣ ихъ писать на приходъ и расходъ?

— Чудакъ человѣкъ, а еще въ первомъ пяткѣ кончилъ курсъ, ты пойми: тебя избрали записывать только то, что кто купитъ на свои деньги къ столу, ну, селедку тамъ примѣрно, — сайку, колбасу, и вести общій расходъ изъ своего кармана на всѣхъ, а послѣ разложимъ, кому сколько придется внести за ѣду. Домашнее—это пойдетъ безъ разсчету—съѣдимъ вкупѣ. Ты только займись этимъ дѣломъ, мы тебя освободимъ отъ необходимости ходить въ съѣздъ.

Экономъ радъ и хлопочетъ, вяжетъ ниткой тетрадку для записи прихода и расхода по содержанію партіи. Для каждаго члена партіи онъ назначаетъ страничку въ тетрадкѣ и пишетъ на ней имя, отчество и фамилію собрата. Въ нумерѣ идетъ шумный говоръ о раз-

ныхъ предметахъ. Въ одномъ углу завязался даже споръ о каждени во время чтенія ефимоновъ.

— Позвольте, господа, — остановилъ говоръ и споръ экономъ: — чью мы селедку ѣли?

— Это моя, — отвѣтилъ одинъ.

— Сколько заплатили?

— Семь копѣекъ.

Экономъ, прижавшись къ окну, пишетъ: сельдь одна — семь копѣекъ, — и про себя проговариваетъ: — хороша, но дорога.

— А рыба ваша, отецъ Иванъ? — спрашиваетъ экономъ.

— Моя. Это не рыба, а стежка называется — копченая.

— Все равно, изъ рыбы же она выстегнута. Цѣна?

— Тридцать копѣекъ фунтъ, — полфунта отвѣсили.

— Фу, какъ дорога! — дивится экономъ: — это нужно трехъ ребятъ окрестить, чтобы собрать съ прихода денегъ на фунтъ стежки, и пишетъ: «стежки на пятнадцать коп.». Спросивши про булки къ чаю, про лимонъ, про клюкву и все это аккуратно записавши, экономъ возразилъ:

— Господа! намъ нужно подумать и сговориться на счетъ обѣда — какія порціи заказывать?

— Это дѣло твое, на то ты и экономъ есть: «не бо безъ ума мечъ носишь».

— Помилуйте, господа, я назначу щи, а другому захочется супу. Эти вещи нужно рѣшать большинствомъ голосовъ по общему вкусу.

— Послушайте, отцы, — умиленно заговорилъ одинъ пожилой депутатъ, — вспомните, что̀ мы ѣдимъ до́ма и чѣмъ насъ кормятъ въ приходѣ, на поминкахъ, на богомольяхъ; къ чему прихоти: что̀ отецъ экономъ закажетъ, то и ладно.

— Нѣтъ, позвольте, то поминки, а то нумера — это разница. Я за свои деньги что́ хочу, то и съѣмъ. Нужно карточку спросить.

— Такъ, такъ — карточку, лакея, — заговорило большинство.

Рѣшивши дѣло съ обѣдами, рѣшили также перебраться въ другіе нумера, окнами не на дворъ, а на улицу, почище, и только на четвертакъ подороже. Поднялся шумъ — задвигались по корридору изъ дверей въ двери чемоданы, кульки, мѣшки. Лакей, перенося вещи, работалъ какъ на пожарѣ.

Устроившись въ новомъ помѣщеніи, депутаты пили, ѣли и ходили въ собраніе. Въ залѣ собранія, хотя были порядкомъ разставлены скамьи, но на нихъ депутаты сидѣли безъ порядка. Депутатовъ пятнадцать обступили кругомъ столъ и, облокотившись,

смотрѣли на что-то пишущаго предсѣдателя, который нерѣдко обращался къ обступившей его группѣ съ вопросами: объ этомъ ка̀къ думаете написать? На счетъ того-то я думаю вотъ такъ-то написать?—Пишите какъ получше,—отвѣчали одни.

— Не спросить ли владыку?—сомнѣвались другіе.

— Владыка ничего не скажетъ. Онъ далъ намъ волю—что̀ хотимъ, то и пишемъ, а послѣ, говоритъ, что̀ утвержу, а что̀ не утвержу.

— А это всего лучше, значитъ, мы безъ сомнѣнія можемъ писать, что угодно,—успокоивались обступившіе столъ депутаты.

Большинство депутатовъ стояло, ходило, сидѣло на окнахъ и на скамьяхъ, спина со спиной и протянувши ноги. Всѣ они вполголоса говорили между собой о житьѣ-бытьѣ въ полной увѣренности, что предсѣдатель плохого протокола не напишетъ. Изъ корридора въ слегка отворенную дверь былъ слышенъ въ залѣ какой-то гулъ. Зала походила болѣе на сильный улей, въ которомъ гудѣли пчелы, чѣмъ на залу, гдѣ идетъ собраніе. Отворишь дверь, взойдешь, прислушаешься, ничего не разберешь, о чемъ всѣ говорятъ. А пойдешь по рядамъ прогуливающихся, и между скамеекъ услышишь отрывочныя фразы: «какъ мой кумъ поживаетъ?—А мельничиха жива?—Онъ, братъ, тарантасъ у барыни купилъ... — Я слышалъ, вы дочку пристроили?..—Кропитъ! если видишь: благородный человѣкъ, то надобно на руку и онъ самъ помажется водой, а мужиковъ и прочій народъ просто махай кропиломъ по головамъ.— Уставъ объ этомъ умалчиваетъ... — Ужъ и кобыла же была!.. страсть!»

Собраніе длится день, другой, третій. Протоколы пишутся, депутаты ведутъ свои бесѣды смирно, но только до наступленія времени обѣда и вечеромъ—ужина. Какъ наступитъ этотъ часъ, тутъ никакая сила ихъ не удержитъ. Заявятъ между собой: пора, господа, обѣдать, за шапки—и идутъ. Вяжетъ въ платокъ бумаги и предсѣдатель, оставленный всѣми.

Болѣе практичные депутаты покажутся утромъ въ собраніе и исчезнутъ: разгуливаютъ по торгу, по лавкамъ; присматриваются, не попадетъ ли чего дешоваго, приторговываются, берутъ образчики ситца, шерстяныхъ матерій, замываютъ эти образчики въ нумерахъ съ мыломъ, изъ-подъ крана самовара — не линючи-ли. Отдаютъ въ краску женины вѣнчальныя шелковыя платья, кофточки, шали, по которымъ отъ лежанія въ укладкѣ пошли пятна, или краска вышла изъ моды. Иногда идутъ они по улицѣ съ раздутой рясой, какъ въ кринолинѣ, и едва протискиваются въ растворенныя двери нумера, гдѣ услужливый лакей спѣшитъ

повытаскать изъ-подъ рясы начинку депутата: сапоги, самоваръ, свертки матерій въ бумагѣ, подсвѣчникъ, пепельницу, чай, панталоны, ременныя постромки... и прочія домашнія принадлежности.

Можно подумать, что девяносто-девять депутатовъ, за исключеніемъ пятнадцати, осаждающихъ столъ предсѣдателя, составляютъ изъ себя ширму, за которою эти пятнадцать работаютъ; но нельзя сказать, чтобы нѣкоторые изъ бесѣдующихъ въ залѣ собранія про житье-бытье и бродящихъ по городу съ образчиками, были въ совершенномъ невѣдѣніи содержанія протоколовъ. Въ важныхъ случаяхъ предсѣдатель обращается ко всѣмъ и написанные безъ голосованія протоколы, въ сообществѣ пятнадцати, всегда прочитываются бесѣдующимъ о породѣ лошадей депутатамъ, передъ рукоприкладствомъ.

Предсѣдатель позвонитъ, всѣ смолкнутъ, и прочтетъ написанные протоколы.

— Такъ?—спроситъ, кончивши чтеніе.

— Такъ! такъ! отовсюду слышатся голоса.

— Стало быть, единогласно рѣшенъ вопросъ?

— Единогласно!—загудятъ депутаты, обращаясь къ своимъ разговорамъ.

И предсѣдатель, оставивши въ сторонѣ мѣстечко, приписываетъ: *единогласно*.

— Еще бы не такъ, на то мы и выбрали тебя, голубчика,— слышится изъ угла басъ, какъ камень, подмытый въ горѣ водопадомъ и катящійся въ бездну...

Бываетъ иногда спрашиваютъ другъ друга:

— Ты къ сколькимъ подписался протоколамъ?

— Вчера—къ тремъ, а нынѣ—къ пяти.

— Ахъ ты, братъ ты мой, а я только нынѣ къ тремъ, вчера вовсе не подписывался—проходилъ къ свояку. Живетъ далеко....

— Это ничего, завтра подпишешься. Ихъ сдавать на утвержденіе будутъ сразу всѣ—понимаешь. Свяжутъ и сдадутъ.

— Ну, слава Богу, а я думалъ...

Съѣздъ могъ бы кончиться такъ скоро, что даже самые практичные депутаты, устроившись въ гостинницахъ, не успѣли бы накупить себѣ постромокъ, но его задерживалъ дефицитъ. Утвердивши смѣту, раскладку и рѣшивши другія обыденныя задачи, вопросы, съѣздъ цѣлыхъ пять дней мучился надъ рѣшеніемъ вопроса о способѣ покрытія дефицита. Это былъ важный вопросъ, который рѣшить не рѣшался даже самъ предсѣдатель, хотя послѣ и потужилъ.

— Господа, прошу вниманія,—звонитъ предсѣдатель.

Бурное собраніе стихло.

— Прошу всѣхъ сѣсть, потому предметъ нашего обсужденія настолько важенъ, что....

Всѣ сѣли.

— Въ теченіи года, при устройствѣ и при введеніи благообразія въ наши учебныя заведенія, образовался дефицитъ въ три тысячи семьсотъ одиннадцать рублей и сорокъ три и три четверти копѣйки... Стало быть, его надобно покрыть, предложилъ предсѣдатель.

— Изъ чего же выходитъ это *стало быть?*—возразилъ одинъ плотный басистый депутатъ:—имъ ассигновано семь тысячъ, какое они имѣли право расходовать сверхъ ассигновки?

— Позвольте, мы здѣсь собраны не судить виновныхъ, а хозяйничать и покрывать дефициты,—остановилъ рьянаго депутата предсѣдатель:—предлагаю вамъ избрать способъ покрытія означеннаго дефицита. Разумѣется, безъ налога на духовенство нельзя обойтись, но какъ уравновѣсить налогъ? Съ душъ, что-ль, приходскихъ, съ земли церковной, или еще какъ?

Зашумѣло собраніе: кто говоритъ съ душъ, кто съ земли, кто съ приходскихъ дворовъ или трубъ, кто съ крестинъ, поминокъ и другихъ требъ, а кто и вовсе не желалъ покрывать дефицита. Обсуждая этотъ вопросъ, депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ. Предсѣдатель звонилъ, звонилъ, и колокольчикъ бросилъ. Члены коммиссіи, творцы дефицита, были тутъ же. Сидя въ уголкѣ, они выглядывали, какъ мыши изъ дрожжей. Нѣкоторые депутаты, сидя у стѣнки на заднихъ скамьяхъ, подъ шумокъ собранія, пересчитывали на колѣняхъ деньжонки. Одни соображали: сколько придется заплатить за порціи, за нумера и не останется ли, изъ данныхъ духовенствомъ денегъ на проѣздъ въ съѣздъ, малая толика—на платочекъ женѣ. Другіе тужили, что много истратили денегъ на покупку разной домашней рухляди. Третьи убѣждались, что если съѣздъ продолжится еще дня два-три, придется изъ нумеровъ бѣжать на постоялый дворъ. Собраніе долго бы прошумѣло, еслибъ не наступилъ роковой часъ обѣда. Наступилъ этотъ часъ и всѣ разошлись, продолжая ораторствовать о дефицитѣ даже по улицамъ, къ удивленію торговокъ съ лотками селедокъ и лимоновъ. Но голодъ не тётка. Разобравшись по нумерамъ и собравшись въ гостинницѣ въ одинъ общій нумеръ, партія депутатовъ забыла дефицитъ и приступила къ обсужденію вопросовъ о нумерныхъ порціяхъ. Пока лакей гремѣлъ приборами, собирая обѣдъ, партія потребовала отъ эконома приблизительный от-

четъ. Экономъ смекнулъ и объявилъ такую цифру расхода, что многіе депутаты разинули рты.

— Господа, это невозможно,—возразилъ одинъ,—этакъ мы проѣдимся всѣ насквозь и попремъ домой пѣшкомъ. Помилуйте! угощають насъ здѣсь почти одними тарелками, наносятъ ихъ сюда цѣлые вороха, грому что̀ одного, а ѣсть нечего — и извольте отдать ему полтинникъ за порцію, которою размажь по тарелкѣ и ничего не останется. Отецъ экономъ, нельзя ли намъ покупать въ обжорномъ ряду вареное мясо, самое лучшее и взять горчички тамъ, сушоного хрѣну, оно бы замѣнило намъ цѣлое холодное блюдо, которое въ формѣ трактирной порціи вчетверо дороже?

— Отчего-жъ,—можно.

— Нѣтъ, позвольте, отцы, выслушайте мою рѣчь,—началъ другой депутатъ:—пьемъ мы здѣсь, ѣдимъ, вотъ ужъ пятый день, а толку вижу мало: и дорого и тонко.—Нельзя-ли этакъ устроить окрошечки?

Мысль объ окрошкѣ была всѣми одобрена, но по справкѣ оказалась опять очень дорога; депутаты вошли было въ переговоры съ лакеемъ объ устройствѣ ея экономическимъ образомъ, независимо отъ гостинницы, въ чемъ и онъ брался имъ помочь; но многіе, по соображенію дороговизны гостинницы, склонялись на то, чтобы оставить нумера и перейти въ болѣе подходящія мѣстожительства.

Преніе на-счетъ окрошки было громогласное. Не успѣли наши депутаты это преніе покончить какъ-бы должно, — явился въ общій нумеръ депутатъ изъ съѣзда:

— Господа, что̀ же вы дѣлаете? — предсѣдатель васъ ждетъ часа три.—Вопросъ поднятъ важный, а рѣшать нѣкому.

Депутаты на̀-скоро одѣлись и отправились на съѣздъ, гдѣ въ сущности никакого важнаго вопроса не рѣшалось, а все толковали о способѣ покрытія дефицита полу-копѣечнымъ съ души сборомъ. Училищный экономъ шепталъ предсѣдателю на̀-ухо о прибавкѣ жалованья и о кусочкахъ, остающихся отъ стола пансіонеровъ, чтобы журнальнымъ постановленіемъ обратить ихъ въ его пользу, чтобы люди глаза не кололи, но предсѣдатель посовѣтовалъ заявленіе о кусочкахъ отложить къ концу собранія, когда депутатовъ заберетъ настоящая скука и они рѣшатъ этотъ вопросъ, безъ преній, въ его пользу. Учитель просилъ помѣстить сына на казенное содержаніе, въ виду поощренія его педагогическихъ способностей, — сторожа готовились у двери собранія съ заявленіемъ о прибавкѣ на харчи. Но все это мелочь. Толковали и заносили въ протоколы о поднятіи забора на

улицу на три доски, въ виду охраненія нравственности воспитанниковъ, о покрытіи бѣлилами стеколъ зданія, выходящихъ на улицу, съ тою же цѣлью, объ исправленіи повисшихъ воротъ, о способѣ сбыта на торгу изношеннаго ученическаго платья и сапогъ — и прочее. Всѣ эти вопросы рѣшались скоро, безъ особенныхъ преній.

— Стало-быть, замазать стекла, отцы? — спроситъ предсѣдатель.

— Замазать,—оно покойнѣй.

— Та́къ прикажете и въ протоколѣ изобразить?

— Та́къ и изобразить.

Предсѣдатель предложилъ еще вопросъ на рѣшеніе. Одни, желая скорѣй отдѣлаться отъ съѣзда, согласились поднять преніе и рѣшить, но другіе желали идти обѣдать, ибо часъ обѣда прозвонилъ. Произошло преніе уже не о предложенномъ предсѣдателемъ вопросѣ, а о томъ: до обѣда рѣшать этотъ вопросъ, или послѣ? Предлагали даже рѣшить этотъ вопросъ на шарахъ. Но въ продолженіи спора аппетитъ охватилъ желудки даже и тѣхъ, кто былъ противъ обѣда,—и всѣ разошлись.

Депутаты пообѣдали, соснули,—собрались въ общій нумеръ къ чаю. За чаемъ шла рѣчь—и спорная рѣчь—о непогрѣшимости папы. Не успѣли рѣшить вопроса: дѣйствительно ли папа непогрѣшимъ, или это утка, какъ за окномъ, на колокольнѣ, бухнулъ семисотъ-пудовый колоколъ.

— Чтó это значитъ??! — почти въ одинъ голосъ удивились депутаты, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ.

— Ка́къ чтó?—а Воздвиженье-то?

— Ужъ Воздвиженье на дворѣ! вотъ тебѣ разъ, — дожили до чего!

— Съ этимъ съѣздомъ и дни-то позабудешь.

— Нѣтъ, надо просить предсѣдателя, чтобы закрыть съѣздъ. Мы здѣсь проживемся всѣ,—дóма и собаки не узнаютъ.

Колоколъ такъ взревѣлся на колокольнѣ, что дрожали стѣны гостинницы и плясали стаканы на столѣ. Депутаты забыли папу и соображали: куда идти ко всенощной? Кто собирался въ крестовую, послушать архіерейскихъ пѣвчихъ; кто — въ мужской монастырь, послушать монаховъ; кто — въ женскій—монахинь. Одинъ—въ семинарскую церковь, гдѣ онъ шесть лѣтъ молился о полученіи хорошихъ балловъ и о переводѣ изъ класса въ классъ, а одинъ говоритъ:

— Нѣтъ, господа, я пойду къ Казанской Божіей Матери. Она, Мать Пресвятая Богородица, выручила меня: кончаемъ это

мы курсъ, во время оно, подошли экзамены,—наукъ пропасть! сами знаете: и догматика, и герменевтика, и медицина—страсть. Лежу это я подъ яблоней въ саду, на квартирѣ, съ догматикой. Зажмурился, загадалъ: вотъ объ этомъ возьму билетъ? развертываю книгу, — о вездѣсущіи! Развертываю еще разъ—о злыхъ духахъ. Ничего не могу прочитать. Шабашъ! — голову повѣсилъ. А на что ужъ всегда твердилъ,—вотъ какъ твердилъ: бывало, въ ушахъ зазвенитъ! Хорошо-съ... вижу мое дѣло плохо. Взмолился я на небо: Господи, не погуби четырнадцати-лѣтнихъ истязаній и трудовъ въ училищѣ и семинаріи! и съ этими-то чувствами бѣгу въ Казанскую церковь, — молюсь, слезно молюсь — съ сокрушеніемъ, все свое отчаяніе принесъ къ иконѣ Богоматери. Что-жъ вы думаете?..—шабашъ,—вся забота объ экзаменѣ съ-разу отпала:—что будетъ, то будетъ. Другіе ночей не спятъ: все твердятъ—то тетрадку, то книжку, сердитые такіе—не подходи, а я, братъ, прикрылъ всѣ науки, связалъ веревочками, уложилъ въ сундукъ—и похаживаю себѣ, какъ квартальный по кварталу, во время экзаменовъ, руки въ карманъ. Вызовутъ — жарю на четыре да на пять. Что-жъ вы думаете? — въ первый разрядъ забрался, гдѣ отъ роду небылъ, — вѣкъ свой не забуду.

— Вами надежда сильно овладѣла,—замѣтилъ одинъ.

— Это все такъ, а вы, отцы, подумайте, чѣмъ мы завтра будемъ питаться, какія порціи заказывать?—возразилъ одинъ депутатъ.

— Н-да, это вопросъ,—протянулъ другой.

— Вы, отецъ Егоръ, дерзнете на рыбное?

— Какъ общество благословитъ, я отъ общества не прочь.

Экономъ всѣхъ переспросилъ и переписалъ. Оказалось, что всѣ персоны—рыбныя, одинъ только отецъ Сидоръ—свекольный. Позвали лакея.

— Ну, братецъ ты мой, ты слышишь гулъ колоколовъ по губерніи?—обратился къ лакею экономъ.

— Слышу-съ.

— Понимаешь, что это означаетъ?

— Какъ не понимать,—завтра само Вздвиженье.

— Ну, вотъ. Значитъ, ты для насъ закажи на девятнадцать персонъ обѣдъ и ужинъ рыбный, а на одного безрыбный: свеколки тамъ, морковки вели покрошить, рѣдечки потереть.

— У насъ постнаго ничего не готовится,—объявилъ лакей:— потому—гостинница у насъ портовая, можно сказать: останавли-

вается баринъ, къ примѣру, и зажиточный купецъ, который посты потерялъ, можно сказать.

Депутаты, слушая такой вердиктъ лакея, буквально разинули ротики.

— Ну, нельзя ли устроить хозяйственнымъ образомъ, — въ родѣ окрошки?

— Невозможно-съ. Потому, то одно блюдо скрасть, а то — всѣ: ефто разница.

Потребовали хозяина. Пришелъ пузатенькій, приземистый, съ просѣдью купчикъ. Принимая отъ всѣхъ благословеніе и чмокая руки депутатовъ, онъ говорилъ.

— Я знаю, по какому случаю позвали вы меня. Ефто насчетъ рыбнаго-съ. Но доложу вамъ: держалъ я допрежде рыбное, когда былъ у меня трахтеръ, куда всякъ валился. А какъ изъ трахтера передѣлалъ нумера и постное кушанье закрылъ, потому требованія не стало — посты всѣ побросали. Бывалыча купецъ, какъ онъ ни будь богатъ, все давай ему рыбу по середамъ, по пятницамъ, а нонѣ всѣ сровнялись съ господами по ефтой части. Съ великимъ удовольствіемъ поѣду самъ завтра на торгъ и куплю для васъ рыбы. Потому барышокъ останется отъ васъ, все-таки не одному, а партіи, можно сказать, устрою я ефту прихоть.

Для одного о. Сидора готовить безрыбный столъ хозяинъ отказался. Всѣ депутаты остались довольны хозяиномъ, кромѣ о. Сидора, который, качая головой, разсуждалъ о развращеніи нравовъ и свое разсужденіе подтверждалъ текстами: «Вси развратишася, вси до единаго»...

На утро, отстоявши въ разныхъ церквахъ раннія обѣдни, депутаты ликовали за чаемъ въ *сходнѣ*, — такъ прозвали общій нумеръ. Собранія не было, — праздникъ — грѣшно. А о. Сидоръ, обуреваемый заботою о пищѣ, блуждалъ по торгу и, наконецъ, придумалъ: онъ купилъ бутылку квасу, фунтъ кислой капусты, пару огурцовъ соленыхъ и рѣдьку. Засунувъ въ карманы рѣдьку и бутылку, онъ бережно несъ въ рукахъ, завернутые въ указъ палаты 1800 года, капусту и огурцы и отдалъ въ гостинницѣ приготовить два блюда: окрошку и ломтиками рѣдьку. Лакей отправилъ продукты въ кухню, гдѣ вылили изъ бутылки въ капусту квасъ, покрошили огурчиковъ, приправили лучкомъ, нарѣзали красивыми зубчатыми ломтиками рѣдьку, приправили уксусомъ, то и другое присыпали сверху зеленцой и подали. А въ книжку записали на о. Сидора полтинникъ за приготовленіе

двухъ блюдъ и этотъ полтинникъ взяли-таки, какъ ни доказывалъ о. Сидоръ незаконность такого взиманія.

— Я, отецъ святой, въ вашу церковь не хожу съ своимъ уставомъ,—придерживая на счетахъ пять костяшекъ и взмахивая волосами, при разсчетѣ говорилъ хозяинъ, — у насъ положеніе такое. Мы васъ насильно не тащили къ себѣ.

— Такъ его и надо,—вполголоса замѣтилъ депутатъ одного съ о. Сидоромъ уѣзда другому депутату.

— За что же, жалко, онъ вѣдь, сердечный, дороже нашего заплатилъ, сочтите-ко его карманную провизію, — отвѣтилъ баскомъ депутатъ другого уѣзда:—Богъ съ нимъ, пусть постится.

— А вы знаете, чтó это за человѣкъ?—это чортъ, который ни пьетъ, ни ѣстъ, а зла въ мірѣ много творитъ, — объяснялъ знакомый ему депутатъ, когда о. Сидоръ, поблѣднѣвшій отъ озлобленія, что дорого и напрасно отдалъ полтинникъ хозяину, вышелъ изъ нумера въ корридоръ.—Онъ не пьетъ ни водки, ни вина, посты соблюдаетъ строго, однажды въ годъ ходитъ въ баню, носитъ на груди складень — иконы,— на спинѣ вериги изъ старыхъ подковъ, но гордъ, какъ діаволъ, лукавъ и постоянно кипитъ злобою на ближнихъ. Вы вглядитесь въ его физіономію хорошенько: постоянно щурится, передергиваетъ губами, щиплетъ бороденку. Все это — выраженіе хитрости, зависти, злобы, насмѣшки. Причетниковъ своихъ онъ замучилъ, такъ и стоятъ въ сѣняхъ съ трехъ часовъ утра, ожидая повелѣнія благовѣстить. Доходами ихъ обсчитываетъ, постоянно пишетъ на нихъ доносы. Слѣдователи постоянно живутъ у него въ селѣ. Прихожанъ притѣсняетъ, а ужъ служитъ имъ, Боже упаси!

— Да это просто съумасшедшій и злой къ тому же,—какъ же онъ служитъ? Что-жъ, его не зарѣшатъ въ дьячки?

— Должно быть, считаютъ помѣшаннымъ, признаютъ невмѣняемость преступленій.

— Какъ же въ депутаты онъ попалъ?

— А пусто его знаетъ, шаръ-то вѣдь дуракъ. Вѣроятно въ ихъ десяткѣ не оказалось желающихъ выбираться въ депутаты.

— Что-жъ не сказали прежде, мы-бъ его не приняли въ партію. Это человѣкъ опасный, онъ не пишетъ ли на насъ доноса. Что-то онъ писалъ вчера, прижавшись къ окну...

— Давайте-ка лучше его уволимъ отъ себя съ Божіею помощію. О. экономъ, сочтите-ко, сколько слѣдуетъ денегъ за кушанье и нумера съ лица, по настоящее число. Здѣсь не домъ умалишенныхъ.

Экономъ живой рукой учелъ, чтó слѣдовало получить съ

о. Сидора и объявилъ: двѣнадцать рублей пятьдесять копѣекъ съ персоны—тутъ и ѣда и нумера.

Никто не ожидалъ, чтобы составилась такая крупная цифра расхода на лицо, и эта неожиданность навела на многихъ панику. Нѣкоторые депутаты рефлективно защупали свои карманы, вытаскивали портъ-моне, кошельки, считали деньги и что-то вычисляли карандашами на крошечныхъ, карманныхъ записочкахъ. Пришелъ въ нумеръ и о. Сидоръ.

— О. Сидоръ, доставайте-ко двѣнадцать съ полтинкой, у насъ идетъ разсчетъ по сіе число,—предложили ему.

— За что̀ такъ много?

— За порціи, за нумера, развѣ не знаете за что̀.

— Ну, это еще нужно провѣрить.

— Извольте, повѣряйте, смотрите запись...

— Мало-ли что̀ можно написать.

— Такъ, стало-быть, вы эконому не вѣрите и сами не помните, что̀ изволили кушать, въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ вы со мною ничего не можете сдѣлать, если я захочу не отдать вамъ ни копѣйки, я всѣ законы знаю: пожалуйте подписку, что я добровольно согласился съ вами трапезовать.

— Какая-жъ тутъ подписка?!..

— Вотъ то-то и есть... Я скажу, что вы пригласили меня съ собою обѣдать, какъ гостя, за сообщенныя вамъ мною тайны судопроизводства и правъ, а вы хотите меня обобрать. Я жалобу напишу. Я трехъ поповъ засудилъ, діакона упекъ подъ началъ, дьячка—въ родъ жизни...

— Вотъ оказія! дивитесь депутаты. Въ тихомъ омутѣ черти водятся.

— Какъ! во мнѣ злые духи водятся! — воскликнулъ о. Сидоръ. — Хотѣлъ-было дать три рубля, теперь не дамъ и уйду.

— Господа! всего по шесть гривенъ намъ сложиться, чтобы заплатить за него, пусть убирается, провались онъ пропадомъ отъ насъ—согласны?

— Согласны, согласны!.. вонъ!

Не одному о. Сидору, а и многимъ показалось, что денегъ прожито много. Но эти многіе признавали счетъ эконома вѣрнымъ, не хотѣли увертываться и лукавить, какъ о. Сидоръ, а только соображали: какъ бы пресѣчь теченіе расходовъ не по карману.

— Это вы, о. Игнатъ, соблазнили перейти въ рублевые ну-

мера, на улицу окнами. А что здѣсь особеннаго? ничего. Извольте-ка вамъ двѣнадцать съ полтиной и—прощайте.

— Какъ, куда, зачѣмъ, милый человѣкъ? мы васъ не пустимъ.

— Истинно вамъ говорю: осталось только три рубля на машину. Грѣхъ догадалъ накупиться по городу того-сего — истратился. А тамъ сынъ присталъ: купи шарфъ на шею, мода вышла. Дѣлать нечего, далъ рублевку на шарфъ. А ужъ какъ это вредно, по опыту знаю: я отродясь не носилъ ваточной манишки, бывало идешь въ классъ, сугробъ снѣга нанесетъ за пазуху, еще лизнешь снѣжку, очищая пазуху, ну, и здоровъ. А товарищи, бывало, надвинутъ манишку во всю грудь, съ разными карманчиками для карандашиковъ сызнанки,—что-жъ вы думаете: всѣ манишники примерли, а я живъ и здравствую. У меня, вѣдь, списки товарищей. Какъ умретъ, отмѣчу и молюсь за него.

— Ну, видно, жена осталась безъ мантильи,—горевалъ одинъ депутатъ, развалившись по дивану,—а ужъ какъ приказывала купить,—теперь не на что.

— Примите-ка двѣнадцать съ полтиной, о. экономъ,—выкладывалъ на столъ деньги еще депутатъ,—и прощайте. Нога моя не будетъ на съѣздѣ.

— Стой, стой! и вы бѣжать? а съѣздъ-то?

— Богъ съ нимъ, съѣздъ. У меня всего осталось семь гривенъ на дорогу, и за машину нечѣмъ заплатить. Принужденъ или пѣшкомъ идти, или пробиваться по роднымъ—просить подвезти отъ родного до родного...

— Позвольте, господа, мы не допустимъ, чтобы кто-либо изъ насъ бѣдствовалъ на съѣздѣ и шелъ пѣшкомъ со съѣзда,—вступился депутатъ, землевладѣлецъ семи десятинъ безъ купчей крѣпости. Мы сербовъ, черногорцевъ выручали, а уполномоченнаго покинемъ? Складчину, господа, складчину. Ради кляузника сложились на двѣнадцать рублей, а для милѣйшаго о. Егора откажемся? Намъ и придется всего по гривеннику какому-нибудь, чтобы додержать его на съѣздѣ и доправить домой по машинѣ.

— Что же это все складчина, да складчина; не бросить ли намъ эти проклятые рублевые нумера?—замѣтилъ одинъ.—Доживемъ, что всѣ понуждаемся въ складчинѣ и складаться будетъ некому—ступай домой на Христово имя.

— Изъ рублевыхъ нумеровъ да на постоялый дворъ не ловко, а мы вотъ что устроимъ: переселимся всѣ въ одинъ нумеръ. Какъ здѣсь не убраться, живали же мы по двадцати человѣкъ въ одной комнатѣ, когда учились. Вотъ уже сразу у насъ бу-

детъ четыре рубля экономіи въ сутки. Порціи будемъ брать пожиже, такъ сказать, безъ капорцевъ, ну, и обойдемся.

Минутъ черезъ десять совершилось новое переселеніе депутатовъ изъ четырехъ нумеровъ въ одинъ пятый. Стѣсненные и пристигнутые нуждой, они занялись составленіемъ заявленія въ собраніи, чтобы въ съѣздѣ былъ порядокъ и напрасно не тратилось бы время.

Партія, о которой мы говоримъ, хотя и стѣснилась, но удержалась въ нумерахъ до конца съѣзда. Но были партіи, которыя, усматривая дефициты въ своихъ карманахъ, какъ израильтяне по бѣлу свѣту, разсыпались по дешовымъ квартирамъ города.

Что же мы забыли знакомаго намъ отца Филипа Паутиновскаго? Онъ также здѣсь. Матушкины куры, для угощенія духовенства на выборѣ, не пропали даромъ. Отецъ Филиппъ сначала попалъ въ партію—въ нумера. Не понравилась ему нумерная жизнь. Проживши сутки, онъ разсчелся и переселился на знакомый ему постоялый дворъ, куда ежедневно пріѣзжало много извозчиковъ и разныхъ мужиковъ. Привычка проводить время съ своими прихожанами-мужиками такъ и тянула его къ мужикамъ. Здѣсь жилъ онъ въ общей огромной, но чистой избѣ. Спалъ на лавкѣ подъ святыми. За квартиру платилъ пятачокъ въ сутки, обѣдалъ за общимъ столомъ съ проѣзжающими. Обѣдъ состоялъ изъ самыхъ жирныхъ и просторныхъ блюдъ — *пѣшь до отвалу*, и стоилъ всего четвертакъ съ лица. Мужики его любили за его простоту и общительность съ ними, а всего болѣе за разныя наставленія, которыя щедро лились изъ устъ депутата, и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и съ лавки, и съ печки. Мужики разъ хотѣли сложиться и заплатить за его обѣдъ, но о. Филиппъ не согласился. Мужики купили ему черепенниковъ, меду и угостили его послѣ обѣда. Когда въ избѣ пили водку, первая рюмка предлагалась о. Филиппу. Если это случалось передъ обѣдомъ, о. Филиппъ благословитъ и полрюмочки выпьетъ, въ другое время только благословитъ.

— Да ты хоть пригубь, отецъ родной,—просятъ его.

И онъ пригубитъ.

Влѣзетъ въ избу извощикъ или пьяный мужикъ съ торга и грохнетъ крупное словечко, всѣ его сдерживаютъ:

— Замолчи: батька лежитъ на печи.

И дерзкій пьяный съ извиненіемъ лѣзетъ къ о. Филиппу на печку, откуда о. Филиппъ читаетъ всѣмъ увѣщаніе:

— Эхъ, вы, братцы, что вамъ за охота быть хуже лошадей, которыхъ вы дергаете возжами? Ну, скажите на милость: выругается такъ лошадь, какъ выругалъ ты неизвѣстно кого?

И беретъ съ мужика клятву впередъ такъ не браниться.

— Ничего не подѣлаешь,—оправдывается мужикъ,—кнутъ, разбойники, украли на торгу. Лошадь кляча, на ней безъ кнута къ свѣту домой не доѣдешь.

Отца Филиппа безпокоилъ болѣзненный крикъ ребенка изъ хозяйской комнаты. Онъ проникъ и туда. На рукахъ у матери онъ увидалъ ребенка съ тоненькими ножками, большимъ животикомъ и худенькимъ страдальческимъ личикомъ.

— Чѣмъ это страдаетъ ребеночекъ?—спросилъ о. Филиппъ у матери.

— И сама не знаю; съ самыхъ Петровокъ сдѣлалось,—кричитъ, ни дня, ни ночи нѣтъ отдоху. Петровки большущіе случились, цѣлыхъ шесть недѣль,—у самихъ лукъ да селедки въ брюхѣ щель проѣли, а ребенокъ-отъ селедку не можетъ ѣсть, ну, и вотъ, должно, отъ Петровокъ заболѣлъ.

— Да ты бы молокомъ, кашкой молочной его кормила.

— И-и, что ты это говоришь, ему ужъ три поста прошло.

Дворникъ былъ мужикъ, а у мужиковъ повѣрье: ребенокъ послѣ рожденія можетъ только три поста питаться скоромнымъ, а въ четвертый постъ его кормятъ тюрей и кашей на водѣ. И бѣда родиться ребенку въ крестьянскомъ быту въ іюлѣ мѣсяцѣ—непремѣнно въ іюлѣ на другой годъ сойдетъ въ могилку; ибо, послѣ іюля наступаетъ постъ предъ Успеніемъ, второй—предъ Рождествомъ, третій—передъ Пасхой, и—конецъ ребенку скоромная пища. Наступаетъ четвертый постъ, Петровъ,—ну, и пошли страданія. Къ счастію, что этотъ постъ не всякій годъ бываетъ великъ, мѣняется: то шесть-пять недѣль, а то недѣля.

Отецъ Филиппъ засталъ ребенка, когда мать желала накормить его тюрею изъ квасу съ хлѣбомъ: была середа. Ребенокъ не хотѣлъ ѣсть, морщился, кричалъ и отпихивалъ отъ себя кушанье. Отецъ Филиппъ уговорилъ бабу кормить дитя скоромнымъ и при себѣ же приказалъ дать ему молока. Надобно было видѣть, съ какою радостью ребенокъ схватилъ ручонками стаканъ молока и сталъ пить, роняя въ молоко съ рѣсницъ свои слезки.

Платя пятачекъ за ночлегъ и очень недорого за просторный простой обѣдъ, о. Филиппъ не только не бѣдствовалъ, живя на съѣздѣ, а даже съэкономилъ деньжонокъ на платочекъ женѣ и на гостинцы дѣтямъ. Не оставляя своего проповѣдничества на постояломъ дворѣ, онъ усердно ходилъ въ собраніе, какъ при-

казный въ судъ — и всегда торчалъ въ группѣ облокотившихся на столѣ, вокругъ предсѣдателя.

Въ нумеръ, куда переселились девятнадцать депутатовъ и гдѣ шелъ оживленный говоръ, по поводу составленія заявленія на съѣздъ, распахнулись двери. Въ нихъ показался востроносый, худощавый депутатъ. Не снимая собольей шапки, съ насмѣшливой улыбкой, онъ воскликнулъ:

— Вы здѣсь, господа?

— Здѣсь, — отвѣтили депутаты, усаживаясь за ужинъ, съ сокрушеніемъ сердца о дороговизнѣ порцій и, за недостаткомъ стульевъ, подгораживая къ столу чемоданы, мѣшки.

— Ходилъ, ходилъ по нумерамъ, какой ни отворю, все пустой. Я ужъ думалъ, что вы исчезли.

— Помилуйте, а съѣздъ-то?

— Что съѣздъ! Я тамъ только два раза былъ, и то лишь для подписи къ протоколамъ. Тамъ выбранъ предсѣдатель, ну — и ворочай. По-моему, нашъ съѣздъ — просто излишняя ширма. Тамъ ужъ давно рѣшено, какъ нужно рѣшить. Наше дѣло — руку приложить и ногу протянуть, чтобы достать изъ кармана денежки — вотъ и вся. И я съ удовольствіемъ дѣлаю то и другое, ибо искренно сознаю, что цѣль нашего владыки: не прокормить лѣнтяевъ ни къ чему негодныхъ, посредствомъ нашихъ съѣздовъ, какъ это бываетъ иногда на другихъ съѣздахъ, училищныхъ тамъ, земскихъ, думскихъ, коммерческихъ и прочее, а прокормить голодныхъ, которые, имѣя дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, осаждаютъ собою архіерейскій домъ съ прошеніями.

— Ну, все-таки... по крайней мѣрѣ, мы добровольно такъ-сказать и фо́рменно, можно сказать, приносимъ на съѣздахъ жертвы бѣдствующему человѣчеству.

— Кому? Содержателямъ гостинницъ? Калачникамъ? Они не стоютъ того.

— Да вы раздѣвайтесь, не хотите ли съ нами поужинать.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я та́къ пришелъ, отъ тоски. Не-радъ, что попалъ въ аристократическіе нумера. Тамъ стоитъ генералъ, тутъ предводитель, лакеи во фракахъ. Пробовалъ выходить въ общую залу, въ билліардную, заведу рѣчь, все какъ-то не ладится. Я заговорю объ умолотѣ, а онъ норовитъ въ клубъ. Самъ бы пошелъ въ клубъ посмотрѣть, что́ тамъ дѣлается, но не позволяетъ костюмъ.

Гость депутатъ ловко сбросилъ съ плечъ шелковую рясу и

запустивъ пальцы въ жирную золотую цѣпочку на груди, заходилъ по нумеру гусинымъ шагомъ и продолжалъ:

— А славная штука эти наши съѣзды! Все-таки развлеченіе. Сколько ни сиди въ деревнѣ безъ выѣзда, сколько ни трясись на рыдванкахъ по приходу, поневолѣ захочешь развлечься.

— Хорошо вамъ жить, когда у васъ бабушка ворожитъ, да еще вдовый, бездѣтный—замѣтили депутаты:—попробовали бы по нашему здѣсь пожить, заглянешь въ карманъ, а оттуда выглядываетъ дефицитъ.

— Не завидуйте. Плохо нашему брату безъ жены. Въ клубъ нельзя, въ театръ нельзя, остается.....

— По-моему, съѣзды вотъ еще въ какомъ отношеніи полезны: — сказалъ одинъ изъ депутатовъ: — здѣсь мы, сталкиваясь, обобщаемся опытностію въ пастырской дѣятельности, въ хозяйствѣ и вообще въ жизни. Я, напримѣръ, двадцать лѣтъ напрасно прокадилъ народъ во всенощныхъ. Здѣсь только узналъ, что это не необходимо, а устроено въ городахъ для сбора денегъ: покадятъ купца, онъ и дастъ семерку. А я задаромъ прокадилъ.

— Это вѣрно,—подтвердилъ другой:—я, напримѣръ, здѣсь узналъ, что нашъ пискарь, оголецъ, если его заморить, повалять въ мукѣ, пересыпать сахаромъ и положить въ уксусъ—вкуснѣй сардинки, которая семь гривенъ коробка. Опытомъ дознано: одинъ депутатъ на съѣздъ привезъ. Такая, я вамъ скажу, роскошь...

Дня черезъ два съѣздъ наскучилъ даже и тѣмъ депутатамъ, которые ѣхали на съѣздъ съ цѣлію лишь *поболтаться*. Депутаты стали ужъ упрашивать предсѣдателя, чтобы кáкъ ни кончить, только бы поскорѣй кончить съѣздъ—всѣ-де почти *проѣлись*, а многіе улепетнули домой, безъ подписи къ протоколамъ, чтобы не заложить рясы на ѣду. Протоколы быстро писались, еще быстрѣй читались и предлагались къ рукоприкладству. Всѣ молча ждутъ не дождутся подписи къ послѣднему протоколу.

Среди этой тишины поднялся одинъ депутатъ и обратился къ собранію.

— Отцы святіи и собратіе боголюбивые! послушайте мою рѣчь на прощаніи. Не первый я съѣздъ здѣсь живу. Опытомъ познавъ, что много насъ здѣсь лишнихъ. Работаютъ девять, а всѣхъ насъ девяносто девять. Всѣ мы прожились,—проѣлись, прокутились. Мы только губернію ѣздимъ сюда кормить. Она и безъ насъ, матушка, будетъ сыта. На проѣздъ въ съѣздъ съ духовенства бѣднаго мы собрали по пятнадцати рублей—это составитъ полторы тысячи серебра!.. Да столько же, если не больше, всякъ изъ насъ прибавилъ къ нимъ своихъ. Потому невольный

соблазнъ: чего бы не купилъ,—всюду носятъ, навязываютъ, ну, и купишь такую штуку, какая вовсе дома не нужна.

— Такъ, такъ! вѣрно!—апплодировала оратору публика.

— Стало быть, уже не полторы, а три тысячи изъ кармановъ духовенства вонъ—непроизводительнаго расхода для него. А сколько дома убытка, по причинѣ отсутствія хозяина? Будь я дома, адоній овса-то былъ бы обмолоченъ, сухой, съ постати, я бы взялъ хорошія денежки, продавши вб-время и сухой хлѣбъ, а онъ сердешный стоитъ, его телята кругомъ обчесали,—что̀ ни копна, мѣры нѣтъ, да и зерно-то со снѣжкомъ. Опять на всѣхъ не менѣе полутора тысячъ найдемъ убытка въ хозяйствахъ нашихъ.

— Вѣрно! Вѣрно!—кричала заскучавшая публика.—Работники безъ хозяина чешутся, какъ бы день прошелъ, тащатъ подкову, уздечку въ кабакъ, а жалованье за эту работу ему дай, и прокорми его. Тутъ опять полторы тысячи! молодецъ, отецъ Геннадій! Отецъ Геннадій продолжалъ:

— Смотря лишь съ матеріальной точки зрѣнія на наши собранія, я умалчиваю о тѣхъ нравственныхъ потеряхъ, какія непремѣнно должны быть, по случаю отсутствія всѣхъ насъ изъ своихъ домовъ и приходовъ на такое долгое время. Я самъ готовлю сына въ училище—онъ въ ладышки играетъ безъ меня. Вонъ отецъ Филиппъ ни одной обѣдни не оставляетъ безъ задушевной проповѣди, прямо изо устъ,—его каѳедра смолкла. А тамъ воры залѣзли въ кладовую, пользуясь отсутствіемъ домовладыки,—да что́ толковать: ни по какой ариѳметикѣ не высчитать намъ всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ убытковъ. А все изъ-за чего? замазать бѣлилами окна, покрыть дефицитъ. Ужели для этого нужно собрать девяносто-девять человѣкъ? Могутъ и девять съ этимъ управиться. Давайте на-послѣдяхъ составимъ такой протоколъ:

Всѣ съѣзды, какіе совершаются въ настоящемъ видѣ—прикрыть. Вмѣсто девяносто девяти, по депутату отъ десяти приходовъ, пусть займутся всѣми этими дѣлами выборные по человѣку съ уѣзда, или съ вѣдомства, а всего лучше тѣ же благочинные. Они люди выборные, имъ все извѣстно по округу. А полторы-то тысячки, что̀ духовенство тратитъ на проѣздъ насъ въ съѣздъ, пожертвуемъ на нужды нашихъ училищъ. А мы избавимся отъ укоризнъ со стороны избравшаго насъ въ депутаты духовенства: безбожники, вы суму тянете съ нищаго: дай вамъ на проѣздъ, да еще вы на съѣздѣ обложите насъ разными налогами: съ души, съ земли, съ требъ.

— Позвольте, а куда же мы отодвинемъ идею самоуправленія? — возразилъ пухленькій губернскій депутатъ, поправляя крестъ на груди.

— Это гдѣ? въ нумерахъ-то самоуправленіе, на счетъ порцій?—отвѣтилъ ему деревенскій депутатъ, жмурясь однимъ глазомъ. Губернскій депутатъ сѣлъ.

— Такъ, такъ, вѣрно!..—зашумѣли депутаты.—У насъ одинъ поплатился за эту комедію.

Предсѣдатель зазвонилъ, и когда всѣ смолкли, началъ:

— Отцы, быть можетъ, мнѣніе отца Геннадія и справедливо, но мы должны не забывать, что собрались здѣсь не для того, чтобы законы писать, а лишь ихъ исполнять. Всѣ высказанныя мнѣнія отца Геннадія не могутъ быть занесены въ протоколъ нашихъ засѣданій, какъ не входящія въ кругъ нашихъ занятій, а потому прошу приступить къ подпису уже подготовленныхъ протоколовъ, отслужимъ благодарственный молебенъ, что Господь сподобилъ насъ совершить во благѣ дѣло, помолимся и—по домамъ.

— Ну, на словахъ хоть передайте владыкѣ мою мысль, — просилъ отецъ Геннадій.

— На словахъ владыкѣ скажу.

— Написать, въ протоколъ записать!—требовали депутаты:— на словахъ все равно, что на водѣ.

Но все-таки не написали, а подписались и приступили къ громогласному молебну.

Купе вагоновъ третьяго класса разныхъ желѣзныхъ дорогъ снова населились духовенствомъ. На полкахъ и изъ-подъ лавокъ виднѣлись: самовары, свертки, коробки съ покупками и разныя дѣтскія игрушки. Многихъ забирало любопытство о содержаніи написанныхъ и подписанныхъ на съѣздѣ протоколовъ, чтобы было что̀ разсказать дома. Одинъ изъ постоянно пребывавшихъ у стола предсѣдателя, откладая на ладонь пальцы, пересчитывалъ протоколы и объяснялъ ихъ содержаніе.

А одинъ, сидя въ уголкѣ, вертѣлъ игрушку—плавающихъ по ленточкѣ уточекъ, съ гусельками, и горевалъ, что своему Гришѣ такой же штуки не купилъ.

А. И. Краснопольскій.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА

ВЪ

ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

«Если бы человѣкъ питался водою и воздухомъ, то не было бы ни господъ, ни слугъ, ни властителей, ни подданныхъ, ни враговъ, ни друзей, ни ненависти, ни любви, ни добродѣтели, ни порока, ни права, ни безправія. Эта мысль составляетъ такую общеизвѣстную, ходячую истину, что едва рѣшаешься ее высказать».

Такъ говоритъ Либихъ на одной изъ страницъ своей знаменитой книги: «Химія въ приложеніи къ земледѣлію» [1]). Крупными чертами изобразилъ онъ вліяніе плодородія почвы на исторію человѣчества, стараясь показать, что исторія эта, въ сущности, зависитъ отъ колебаній въ производительности различныхъ странъ.

Либихъ, можетъ-быть, заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ сужденіяхъ; но каждый естествоиспытатель, вдумываясь въ послѣдовательность историческихъ событій и сопоставляя ихъ съ выводами своей науки, дѣйствительно принужденъ считать естественное стремленіе человѣка къ утоленію жажды и голода главнѣйшею причиною всякаго историческаго движенія, даже всякаго прогресса въ человѣчествѣ.

Самосохраненіе и сохраненіе своего рода—вотъ тѣ ближай-

---

[1]) Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній, Ю. Либиха. Переводъ профессора Ильенкова. Второе изданіе. Москва. 1870, стр. 65.

шія, чисто-матеріальныя цѣли, къ достиженію которыхъ стремится все живое на землѣ, въ томъ числѣ и человѣкъ. Но одинъ онъ одаренъ стремленіемъ къ лучшей жизни, къ самосовершенству. Въ этомъ стремленіи проявляется то, чтó называется божественною, духовною стороною человѣка, находящеюся въ постоянной борьбѣ съ его животностью.

Высшая задача человѣка состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы облегчить до наименьшаго тяжесть давящей его животности. Но если матерія не удовлетворена, то вопль ея раздается немолчно, въ крайнихъ случаяхъ онъ заглушаетъ все остальное; тогда остаются лишь звѣрскіе инстинкты обезумѣвшаго отъ голода человѣка, пожирающаго собственное свое дитя, пьющаго кровь изъ собственныхъ жилъ.

Такимъ образомъ, задача о питаніи человѣка касается высшаго изъ вопросовъ, предстоящихъ разрѣшенію науки,—вопроса о подчиненіи матеріальной стороны человѣка его духовной сторонѣ. Въ необходимости этого подчиненія согласны нравственно-развитые люди всѣхъ школъ. Считать ли матерію и духъ отдѣльными существами, или только противоположными полюсами одного единаго *моноса*—въ борьбѣ между этими двумя крайностями каждый становится на сторонѣ полюса психическаго.

Не имѣя намѣренія развивать затронутую мною тэму, я коснулся ея только для того, чтобы съ-разу указать на ту точку зрѣнія, на которую я желаю стать при изложеніи избраннаго мною предмета.

Мнѣ бы хотѣлось возбудить интересъ къ вопросу о питаніи человѣка, какъ объ одной изъ основныхъ причинъ, опредѣляющихъ ходъ физическаго и интеллектуальнаго развитія всего людского рода. Нѣсколько мыслей, высказанныхъ по этому поводу, способны, какъ мнѣ кажется, разъяснить, хотя въ нѣкоторой степени, состояніе важнаго вопроса о настоящемъ и будущемъ питаніи человѣчества.

Для того, чтобы правильно поставить, а слѣдовательно, и правильно разрѣшить вопросъ о питаніи человѣка, прежде всего должно стараться обнять его во всей его полнотѣ, должно стать на самую возвышенную точку зрѣнія.

Во-первыхъ, вопросъ этотъ касается всего человѣчества. Всякій выводъ, добытый изъ наблюденій надъ одною только частью населенія земного шара, хотя бы и значительной, будетъ ошибоченъ.

Во-вторыхъ, мы не можемъ ограничиться настоящимъ, но должны имѣть въ виду и прошедшее и будущее. Прошедшее

ради правильности умозаключеній о настоящемъ, будущее уже потому, что само настоящее есть только переходъ отъ прошедшаго къ будущему.

Кромѣ того, передъ нами возстаетъ страшный вопросъ объ отношеніи населенія земного шара къ его поверхности. Эта поверхность ограничена, а между тѣмъ человѣчество возрастаетъ безостановочно. Простой здравый смыслъ убѣждаетъ насъ непреложно, что, при сохраненіи настоящихъ условій земного бытія, должно наступить время, когда земля не въ состояніи будетъ не только прокармливать, но даже и помѣщать на себѣ чрезмѣрно-размножившихся людей.

Не мало грозныхъ, зловѣщихъ предсказаній, не мало отчаянныхъ рѣчей слышалось по этому поводу и отъ естествоиспытателей, и отъ экономистовъ.

Приходится, повидимому, согласиться, по меньшей мѣрѣ, съ тѣмъ, что истребленіе людей повальными болѣзнями, продолжительными войнами, землетрясеніями и всякаго рода катастрофами, составляетъ страшную, но роковую необходимость.

Къ счастію, это заключеніе вѣрно лишь до тѣхъ поръ, пока мы остаемся на почвѣ настоящаго. Прошедшее ясно показываетъ намъ, что человѣкъ измѣняется, какъ и все во вселенной. Измѣненіе это проявляется даже на страницахъ исторіи, представляющей намъ только отрывочное повѣствованіе объ одномъ изъ кратчайшихъ періодовъ жизни нѣкоторой части человѣчества. Естествоиспытателю новѣйшаго времени представляется оно съ необыкновенною ясностью. Громадные ряды тысячелѣтій были потребны для достиженія того развитія, до котораго достигла часть теперь живущаго человѣчества; но велико и различіе между пещерными обитателями до-исторической старины и между тѣми людьми, которые въ наше время созидаютъ храмы и библіотеки.

Человѣчеству предстоитъ, по всей вѣроятности, пройти еще болѣе длинный рядъ тысячелѣтій, чѣмъ оно прошло до-сихъ-поръ, и мы имѣемъ положительное право, данное намъ наукою, утверждать, что человѣкъ способенъ еще на бóльшія измѣненія, чѣмъ тѣ, которымъ онъ подвергся со времени отдаленныхъ пращуровъ своихъ, жившихъ въ пещерахъ третичнаго періода.

Въ этой-то способности измѣняться заключается утѣшительная будущность, надежда на лучшія времена, въ противоположность зловѣщимъ предсказаніямъ, основаннымъ на признаніи неподвижности человѣческой природы, на отрицаніи прогресса, т.-е. физическаго и нравственнаго совершенствованія человѣка.

Принявъ все это во вниманіе, мы и должны признать, что

вопросъ о питаніи долженъ быть разрѣшенъ именно съ точки зрѣнія будущности человѣчества; такъ мы его и ставимъ.

Какая пища всего болѣе способствуетъ правильному развитію и усовершенствованію человѣческой природы?

На вопросъ, поставленный такимъ образомъ, мы не находимъ нигдѣ прямого отвѣта. Поэтому для разрѣшенія его приходится обращаться не только къ физіологіи, но еще къ сравнительной анатоміи и къ самому человѣчеству, т.-е. къ статистикѣ питанія.

Обращаемся прежде всего къ физіологіи. Въ новое время физіологи занимались питаніемъ животныхъ и человѣка съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Опыты по этому предмету производились съ величайшею, вполнѣ научною точностью.

Прежде всего мы находимъ въ физіологіи, или, вѣрнѣе сказать, въ физіологической химіи, весьма важную оцѣнку самой пищи. Наука ясно доказала, что между животною и растительною пищею рѣзкаго химическаго различія не существуетъ. Такой результатъ явствуетъ прямо изъ химическаго анализа питательныхъ веществъ и изъ отношенія ихъ къ организму. Дѣло въ томъ, что всякая пища содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ только четыре простыхъ тѣла, а именно углеродъ, водородъ, азотъ и кислородъ. Остальныя простыя тѣла, заключающіяся въ пищѣ, находятся въ ней въ ничтожныхъ количествахъ, таковы, напр., сѣра, фосфоръ и пр.—Кромѣ того, четыре главныя тѣла, въ каждой пищѣ, находятся въ видѣ такихъ соединеній, которыя если не тождественны, то весьма близки другъ къ другу, а именно въ видѣ воды, бѣлковыхъ веществъ, жировъ и углеводовъ. Растительные бѣлки по химическому составу не отличаются отъ животныхъ, а углеводы способны переходить въ жиры. Человѣкъ или животное, поглощая, напр., мясо или хлѣбъ, получаетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ всѣ четыре главныя простыя тѣла. Существенная же разница между растительною и животною пищею заключается въ относительномъ количествѣ бѣлковъ къ углеводородамъ, а затѣмъ этихъ двухъ веществъ къ водѣ.

Задача физіологіи касательно питанія человѣка заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы опредѣлить, какое количество пищи вообще и какое отношеніе между составными ея частями необходимы для поддержанія тѣла въ нормальномъ состояніи, и притомъ такъ, чтобы цѣль эта достигалась кратчайшимъ путемъ.

Самый лучшій способъ получить на этотъ вопросъ точный отвѣтъ заключается въ произведеніи опытовъ надъ самимъ человѣкомъ. Такъ и поступаютъ новѣйшіе физіологи. Одни произво-

дять эти опыты сами надъ собой, другіе надъ посторонними. Знаменитый Петтенкоферъ, не жалѣя денежныхъ средствъ и изобрѣтательности, построилъ для этого цѣлую камеру, со всѣми приспособленіями и предосторожностями [1]). Въ эту комнатку впускался нанятой для опытовъ человѣкъ, котораго предварительно взвѣшивали, и держали въ продолженіи сутокъ, доставляя ему необходимую пищу и питье. Онъ жилъ въ этой камерѣ болѣе или менѣе спокойно, но все, чтб онъ принималъ или выдѣлялъ, было тщательно взвѣшиваемо и анализировано, не исключая и воздуха, который онъ вдыхалъ и выдыхалъ. Температура его тѣла, вѣсъ, состояніе его пульса, все методически наблюдалось и записывалось въ особую, такъ-сказать приходо-расходную книгу.

Такіе и подобные опыты дали слѣдующіе важные результаты. Во-первыхъ, человѣкъ, питающійся веществами, не содержащими бѣлковъ (слѣд. азота), теряетъ въ своемъ вѣсѣ. Во-вторыхъ, въ пищѣ взрослаго, работающаго человѣка сухія бѣлковыя вещества составляютъ менѣе $^1/_5$ всей пищи [2]), и при этомъ человѣкъ не только не теряетъ въ своемъ вѣсѣ, но еще слегка увеличивается. Послѣднее замѣтно было въ концѣ опыта. Изъ этого прямо и совершенно правильно выводится то заключеніе, что удобнѣйшая для человѣка пища есть пища смѣшанная, подразумѣвая пищу, содержащую бѣлки, углеводы и примѣсь жира.

На этомъ собственно останавливаются физіологическіе выводы, вытекающіе прямо изъ опыта. Но для насъ этого еще далеко не достаточно. Природа не даетъ прямо сухихъ бѣлковъ, углеводовъ и жировъ. Намъ еще необходимо знать, чтò выбрать изъ предлагаемаго природою—для того, чтобы удовлетворить человѣка въ той мѣрѣ, въ какой это найдено физіологіею. Тутъ-то начинаются всевозможныя затрудненія и колебанія. Мы находимъ у физіологовъ слѣдующее разсужденіе. Взрослый рабочій человѣкъ долженъ потреблять въ сутки около $^1/_5$ фунта сухихъ бѣлковыхъ веществъ и около одного фунта углеводовъ съ примѣсью жира. Этого можно достигнуть питаясь однимъ хлѣбомъ и однимъ мясомъ. Но такъ какъ пропорція бѣлковыхъ веществъ къ углеводамъ не одинакова въ хлѣбѣ и мясѣ, то выходитъ слѣдую-

---

[1]) Описаніе камеры со всѣми ея снарядами находится въ слѣдующей работѣ: Ueber die Respiration von d-r Max Pettenkofer. Annalen der Chemie und Pharmacie von Wöhler, Liebig u. Kopp. II Supplementband, 1862 и 1863. Тутъ же и три объяснительныя таблицы. Снарядъ назначенъ спеціально для изслѣдованій надъ дыханіемъ. Онъ и называется дыхательнымъ снарядомъ.

[2]) Опыты надъ питаніемъ человѣка произведены съ помощью названнаго снаряда Петтенкоферомъ вмѣстѣ съ Фойтомъ и изложены въ Zeitschr. f. Biologie Bd. II.

щее. Питаясь однимъ хлѣбомъ, человѣку приходится, для извлеченія потребнаго количества бѣлка, принимать въ сутки не $3^1/_4$ фунта пищи, а гораздо больше, именно около 7 фунтовъ. Точно также, питаясь однимъ мясомъ, для извлеченія необходимаго количества углеводовъ, приходится потреблять ежедневно еще больше чѣмъ одного хлѣба, а именно около $7^1/_2$ ф. Въ обоихъ случаяхъ въ организмъ вводился бы излишекъ пищи, отягчающій органы пищеваренія. Отсюда выходитъ, что лучшая пища для человѣка есть пища смѣшанная, состоящая, по разсчету на содержаніе основныхъ веществъ, изъ $^3/_4$ фунта мяса и $2^1/_2$ фунтовъ хлѣба въ сутки.

Это послѣднее заключеніе выводится ужъ не на основаніи точныхъ опытовъ, а соображеніемъ, основаннымъ, впрочемъ, на опытѣ и подтверждаемымъ обыденными наблюденіями.

Считать ли высказанное заключеніе вполнѣ установленнымъ физіологическимъ закономъ?

Пока физіологія остается на почвѣ строго научной, она остерегается отъ всякихъ рѣзко выраженныхъ практическихъ формулъ. Но лишь только выступаетъ она въ практическую жизнь, или въ область прикладного знанія, какъ ей приходится отвѣчать совершенно инымъ, далеко не научнымъ языкомъ. Гигіенисту или врачу нельзя отдѣлываться бѣлками и углеводами. Ихъ спрашиваютъ категорически: чтó нужно ѣсть, хлѣбъ или мясо, или и то и другое вмѣстѣ? Частные люди требуютъ, чтобы для нихъ былъ составленъ общій планъ ихъ трапезъ, на основаніи науки; правительства требуютъ отъ той же науки указаній насчетъ того, чѣмъ и въ какомъ именно количествѣ должны они кормить своихъ солдатъ, матросовъ и пр.

Все это понятно и совершенно естественно. Вотъ въ видѣ отвѣта на всѣ эти вопросы, такъ сказать, и изданъ тотъ физіологическій законъ питанія, по которому человѣкъ долженъ ежедневно потреблять $^3/_4$ фунта мяса (безъ костей) и $2^1/_2$ фунта хлѣба.

Таковъ идеалъ пищи западно-европейской буржуазіи. Можно довести количество пищи и до 4, даже и до 5 фунтовъ въ сутки, но пропорцію мяса и хлѣба нужно сохранить непремѣнно. Меньше $^3/_4$ фунта говядины, баранины или тому подобнаго,—нельзя.

Въ извѣстныхъ и, какъ мы увидимъ, довольно тѣсныхъ предѣлахъ, этимъ правиломъ можно руководиться; но для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса можно основываться только на томъ общемъ научномъ выводѣ, который гласитъ, что въ пищѣ человѣка должны заключаться бѣлковыя вещества и углеводы, и притомъ такъ, чтобы первыя составляли приблизительно отъ $^1/_5$

до $^1/_6$ всего количества пищи, но безъ обозначенія формы самыхъ питательныхъ веществъ.

Становясь на точку зрѣнія тѣхъ практиковъ-физіологовъ, которые такъ рѣшительно предписываютъ всему человѣчеству одну и ту же карту обѣда, мы замѣчаемъ слѣдующее. Издавая свой законъ, они не обратили никакого вниманія на экономическое состояніе земного шара, не вникли даже въ пищевыя средства земной поверхности въ настоящемъ, и еще менѣе въ будущемъ. Вращаясь преимущественно среди западно-европейской буржуазіи, они всѣ свои идеалы, а въ томъ числѣ и идеалъ пищи, черпаютъ изъ среды этой буржуазіи.

Мы видимъ, слѣдовательно, что физіологія собственно вовсе не берется разрѣшать вопроса въ томъ видѣ, въ какомъ мы его поставили. Съ другой стороны, физіологи-практики, правда, вознамѣрились издать питательный законъ, но о сколько-нибудь обширномъ примѣненіи его имъ довольно мало дѣла. Можетъ ли земная поверхность въ настоящемъ и будущемъ доставлять ежедневно каждому человѣку по $^3/_4$ фунта мяса и по 2 или по 3 фунта хлѣба—этого физіологія, разумѣется, не касается, а между тѣмъ именно это-то и существенно для человѣка.

Добрый король Генрихъ IV (французскій) говаривалъ, что вся его претензія заключается въ томъ, чтобы у каждаго изъ его подданныхъ была ежедневно курица въ супѣ. Но со времени Генриха IV прошло больше двухъ столѣтій, Франція развилась и разбогатѣла, а большинство французовъ и до сихъ поръ не имѣютъ на каждый день не только цѣлой курицы, но даже и одного ея крылышка.

Обращаясь опять къ точнымъ физіологическимъ опытамъ, мы находимъ слѣдующее, въ высшей степени важное для насъ заключеніе. Результаты этихъ опытовъ весьма замѣтно разнятся не только въ томъ случаѣ, если они производятся надъ разными людьми, но и въ томъ, если опыты касаются одного и того же человѣка со дня на день. Едва замѣтныя измѣненія въ состояніи организма имѣютъ уже чувствительное вліяніе на окончательный выводъ.

Это оказалось при опытахъ надъ людьми, не только одной и той же народности, но даже одного и того же класса, а между тѣмъ люди столько различны между собою, сколько различны условія, среди которыхъ они живутъ. То, что́ справедливо относительно одного человѣка касательно питанія, того никакъ нельзя считать непремѣнно вѣрнымъ не только для всего человѣчества, но и для всей той группы, къ которой принадлежитъ

человѣкъ, подвергшійся опыту. Строго говоря, выводы каждаго физіолога вѣрны только относительно его самого, если онъ производилъ опыты самъ надъ собою, или, напримѣръ, относительно того крѣпкаго, здороваго малаго, надъ которымъ приходилось экспериментировать Петтенкоферу.

Несомнѣнно, что организмъ каждаго человѣка приспособленъ къ той пищѣ, которую онъ употребляетъ во всю свою жизнь и которую употребляли его отцы, дѣды и прадѣды. Это не есть простая формальная привычка, которую легко бросить, каковы, напримѣръ, привычки читать передъ сномъ, носить то или другое платье, и т. п. Даже мелкія привычки, въ родѣ куренія табаку, питья чая, обѣда въ опредѣленный часъ, связаны съ болѣе или менѣе глубокимъ измѣненіемъ организма. Отвыканіе отъ этихъ, сравнительно, ничтожныхъ привычекъ часто сопряжено съ временнымъ, или даже постояннымъ разстройствомъ организма, какъ то показали прямыя наблюденія. Безконечно важнѣе свойство питанія, коему подвергался организмъ отъ самаго дѣтства и коему подвергались всѣ предшествовавшія поколѣнія даннаго человѣка. Можно съ большою вѣроятностью утверждать, что если бы были произведены опыты, съ одной стороны, надъ русскимъ пахаремъ, питающимся почти исключительно ржанымъ хлѣбомъ, а съ другой — надъ степнымъ киргизомъ, кормящимся только бараниной и кониной, то результаты получились бы совершенно различные. Подобныхъ опытовъ, однакоже, произведено не было. Поэтому мы имѣемъ, по меньшей мѣрѣ, право утверждать, что питательное правило физіологовъ-практиковъ вѣрно только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Тотъ, кто сказалъ бы, на основаніи этого правила, что человѣкъ есть существо всеядное, какъ то многіе теперь утверждаютъ, рисковалъ бы жестоко ошибиться.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать непреложною истиной, что привычки европейской буржуазіи, хотя бы касательно пищи, составляютъ законъ для всего человѣчества; сперва нужно, по крайней мѣрѣ, произвесть нѣсколько опытовъ надъ людьми, принадлежащими къ числу остальныхъ девяти-десятыхъ всего населенія земного шара.

Несомнѣнно, однакоже, что въ средней Европѣ идеаломъ пищи считаютъ ту, на которую указываютъ физіологи-практики. Мало того, пища эта давно уже усвоена зажиточными классами Европы. Зажиточный европеецъ до того приспособился къ смѣшанной животно-растительной пищѣ, что внезапная перемѣна этой пищи на чисто-животную или чисто-растительную была бы для него вредна. Это подтверждаютъ и точные опыты. А такъ

какъ Европа и отрогъ ея, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, стоятъ теперь во главѣ прогресса всего человѣчества, то можно сказать, что мы живемъ въ эпоху стремленія къ смѣшанной животно-растительной пищѣ.

Не будучи вегетаріанцемъ, я даже прибавлю, что въ наше время, при существующихъ условіяхъ, пища эта, дѣйствительно, въ высшей степени удобна для обитателей средней и сѣверной Европы.

Указавъ на данныя физіологіи, бросимъ теперь хотя самый бѣглый взглядъ на строеніе органовъ пищеваренія человѣка; это дастъ намъ возможность уяснить себѣ, къ какой пищѣ приспособленъ организмъ человѣка самою природою.

У человѣка, какъ извѣстно, 32 зуба, изъ которыхъ коренные снабжены тупыми буграми, весьма удобными для перетиранія мягкой или полумягкой растительной пищи. Его четыре клыка такъ коротки, что они не выходятъ изъ ряда другихъ зубовъ, и не могутъ служить не только для задержанія или разрыванія живой добычи, но даже и для разрыванія сырого мяса. Кишечный каналъ человѣка въ шесть разъ превосходитъ длиною своею его тѣло, указывая тѣмъ на пищу, менѣе легко варимую, чѣмъ мясо, но болѣе удобоваримую, чѣмъ трава.

Изъ этихъ данныхъ нельзя, однакоже, сдѣлать прямого вывода касательно того, къ какой именно пищѣ приспособлены органы пищеваренія человѣка. Только зубы его прямо указываютъ на сочныя и мясистыя, или мучнистыя части растеній.

Мы имѣемъ возможность сравнить органы пищеваренія человѣка съ тѣми же органами ближайшихъ къ человѣку животныхъ.

Но тутъ мы встрѣчаемся съ страннымъ явленіемъ въ наукѣ, или, вѣрнѣе, въ ученомъ мірѣ. Подъ давленіемъ того обстоятельства, что пища европейскихъ буржуа есть наилучшая пища для всего человѣчества вообще, нѣкоторымъ господамъ пришло въ голову сравнивать человѣка со свиньею, т.-е. перескочить, въ ряду системы животнаго царства, отъ человѣка къ толстокожимъ. Господа эти даже отыскали несомнѣнное сходство между зубами человѣка и свиньи, приводя этотъ фактъ въ видѣ доказательства всеядности человѣка. Если же сравнить, безъ предвзятой мысли, зубную систему человѣка и свиньи, то сходство окажется весьма отдаленнымъ. Во-первыхъ, у свиньи 44 зуба; во-вторыхъ, чрезвычайно большіе, острые клыки выставляются изо рта и загибаются вверхъ. Между этими зубами и коренными большой пере-

рывъ. Жевательная поверхность коренныхъ усажена и острыми, и тупыми шипами. Вотъ эти-то тупые бугры и подавали поводъ утверждать, что зубы свиньи необыкновенно сходны съ зубами человѣка.

Кишечный каналъ свиньи въ 10 разъ длиннѣе ея тѣла, о чемъ умалчиваютъ тѣ господа, которые такъ охотно отыскиваютъ признаки бестіальности человѣка.

Зубная система свиньи представляетъ намъ, однакоже, дѣйствительно типъ зубной системы, приспособленной къ всеядности: онъ выражается въ томъ, что вся жевательная поверхность представляетъ крайнюю неровность, складчатость бугровъ и перемежку тупыхъ возвышеній съ острыми. Этою-то комбинаціею тупыхъ и острыхъ отростковъ именно и отличается зубная поверхность свиньи отъ человѣческой.

Совершенно другое представляютъ намъ органы пищеваренія животныхъ, ближайшихъ по тѣлу къ человѣку, т.-е., человѣкоподобныхъ обезьянъ: оранга, чимпанзе и гориллы.

Число зубовъ ихъ такое же, какъ у человѣка; всѣ зубы ихъ сомкнуты,—опять какъ у человѣка; клыки, однакоже, значительно болѣе развиты и являются страшнымъ оружіемъ защиты и нападенія. Жевательная поверхность представляется какъ-бы сколкомъ съ человѣческой. Такіе же тупые бугры, въ томъ же почти числѣ и распредѣленіи, нерѣдко только крупнѣе и крѣпче. Кишечный каналъ, какъ у человѣка,—въ 6 разъ длиннѣе тѣла.

Всѣ эти существа, столь близкія къ человѣку по всѣмъ деталямъ организаціи своего тѣла, напримѣръ, мозгъ которыхъ до того похожъ, что Кювье говорилъ объ орангѣ: «мозгъ его безнадежно сходенъ съ человѣческимъ»,—всѣ они питаются исключительно растительною, сочною или мучнистою пищею: плодами, древесными почками, даже цвѣтами.

Эти большія и необыкновенно-сильныя обезьяны, изъ которыхъ, напримѣръ, горилла вчетверо сильнѣе человѣка, даже и не пытаются нападать на другихъ животныхъ, для добыванія животной пищи въ прибавленіе къ растительной. Несмотря на свою ловкость и проворство, онѣ вовсе лишены охотничьихъ инстинктовъ.

Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ, и его давно высказали зоологи, въ томъ числѣ и Кювье: человѣкъ приспособленъ къ пищѣ растительной, но только къ мягкой или полумягкой.

Но,—прибавляетъ Кювье,—открытіе употребленія огня дало человѣку возможность питаться и животною пищею. Прибавимъ еще, что употребленіе огня дало намъ возможность питаться та-

кими растительными продуктами, которые безъ него не имѣли бы для насъ совсѣмъ никакого значенія. Что стали бы мы дѣлать съ картофелемъ, бататами, земляными грушами, если бы не было огня? Даже зерновые хлѣба наши не имѣли бы для человѣчества такого значенія, такъ какъ безъ огня и хлѣбъ невозможенъ.

Если же человѣкъ дѣйствительно приспособленъ природою къ растительной пищѣ, то врядъ ли мясо можно считать столь необходимою примѣсью въ пищѣ человѣка, какъ то считаютъ многіе изъ физіологовъ-практиковъ.

За отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратимся къ самому человѣку, посмотримъ, какъ онъ самъ фактически рѣшаетъ задачу о своемъ питаніи. Прежде всего мы займемся статистикою. Въ ней, правда, мы не найдемъ такихъ точныхъ цифръ, какъ въ физіологіи, но, на наше счастье, дѣло это находится въ такомъ положеніи, что для уясненія его вовсе и не нужны точныя цифры. За исходный пунктъ примемъ Европу, такъ какъ касательно этой части свѣта имѣются наиболѣе полныя свѣдѣнія.

Европейское населеніе потребляетъ больше мяса, чѣмъ всякое другое населеніе Стараго Свѣта. Больше всего потребляется мяса въ Великобританіи, а именно: въ день приходится около 24 золотниковъ, т.-е. по $^1/_4$ фунта на человѣка [1]). — Во Франціи на каждаго человѣка приходится не много больше 8 золотниковъ, т.-е. $^1/_{12}$ фунта въ день. Приблизительно столько же въ Россіи.

Въ другихъ европейскихъ странахъ потребленіе мяса еще меньше.

Но эти данныя еще не даютъ вполнѣ правильнаго понятія о дѣлѣ. Необходимо принять во вниманіе, что во всѣхъ европейскихъ,—да вѣроятно и во всѣхъ остальныхъ странахъ міра, бóльшая часть мяса потребляется населеніемъ городовъ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ приходится на человѣка по 60 золотниковъ въ день, въ Москвѣ почти также, въ Петербургѣ 50 золотниковъ, въ Парижѣ не много меньше, во французскихъ городахъ, съ населеніемъ свыше 10,000, приходится на каждаго человѣка около 34 золотниковъ въ день. Такимъ образомъ на главную массу населенія, живущаго внѣ городовъ, нигдѣ не придется и тѣхъ 8—24 золотниковъ, которые выпадаютъ на долю каждаго жителя по общему разсчету.

Слѣдовательно, наиболѣе цивилизованная часть свѣта, въ кото-

---

1) См. И. С. Бліохъ. Изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ производству торговли и передвиженію скота и скотскихъ продуктовъ въ Россіи и за-границею. Спб. 1876, стран. 47 и слѣд. Данныя заимствованы изъ оффиціальныхъ источниковъ или у надежныхъ писателей.

рой многія правительства сознательно стремятся достигнуть, въ вопросѣ о питаніи, цѣли, поставленной физіологами-практиками, даже и эта часть свѣта успѣла добиться только того, что мясо не совершенно исключено изъ домашняго обихода народовъ, ее населяющихъ.

Этотъ результатъ можно еще нагляднѣе выразить такъ: если бы во всей Европѣ зарѣзали всѣхъ имѣющихся теперь быковъ, коровъ, овецъ и свиней [1]) и раздѣлили бы мясо ихъ поровну между всѣми 280.000,000 жителей Европы, то каждому досталось бы на одинъ годъ около 308 фунтовъ, т.-е. немногимъ больше 3/4 фунта на день [2]).

Таково положеніе дѣлъ въ Европѣ. Объ остальныхъ странахъ свѣта точныхъ свѣдѣній не имѣется, но для нашей цѣли ихъ и не нужно. Несомнѣнно то, что въ самыхъ населенныхъ странахъ Азіи, т.-е. въ Индіи, въ Китаѣ собственно, въ Японіи, заключающихъ въ себѣ бóльшую часть населенія Азіи [3]), скотоводство совершенно ничтожно въ сравненіи съ европейскимъ. Въ Японіи оно, можно сказать, вовсе не существуетъ; въ Китаѣ почти также; а въ Индіи многимъ милліонамъ индусовъ употребленіе мяса даже формально воспрещено религіею. Слѣдовательно, мы въ правѣ утверждать, что въ этихъ странахъ не можетъ быть и рѣчи о мясѣ, какъ о народной пищѣ.

Тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ разныхъ сочиненій о народной пищѣ различныхъ африканскихъ народовъ, не только очень скудны, но и крайне не точны; сколько-нибудь благонадежныхъ числовыхъ данныхъ касательно тѣхъ странъ

---

[1]) См. Neumann und Spallart. Uebersichten über Production, Verkehrsmittel und Welthandel, въ Behm's Geographisches Jahrbuch, B. VI, 1876, стран. 608 и слѣд.

[2]) Этотъ разсчетъ основанъ на данныхъ вышеприведенной работы Неймана. Кромѣ того, средній вѣсъ чистаго мяса быка или коровы принятъ въ 10 пудовъ, а барана и свиньи въ 5 пудовъ, чтó скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительности, потому-что средній вѣсъ живого убойнаго скота, именно быка или коровы, въ Парижѣ не выше 324 килограммовъ, т.-е. около 20 пудовъ (19 пуд. 30 ф. и 62 золотника). Среднее количество мяса, ежедневно выпадающее на долю каждаго европейца, еще уменьшится, если принять въ разсчетъ неизбѣжную потерю при распредѣленіи въ торговлѣ, а также потерю отъ порчи и чрезъ кормленіе хищныхъ домашнихъ животныхъ (собакъ и кошекъ), столь многочисленныхъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Впрочемъ, эта потеря вѣроятно возмѣщается птичьимъ мясомъ, яйцами, сыромъ и молокомъ, которые не приняты въ разсчетъ въ текстѣ, но которые также, однакоже, довольно распространены. На производство яицъ, впрочемъ, уже потребляется часть мяса; такъ, напр., около Парижа куры, усиленно производящія яйца, кормятся мясомъ.

[3]) Всего въ Азіи—798.600,000 жителей; въ Китаѣ собственно—450 милліоновъ; въ Индіи—137.694,000; въ Японіи—35 милліоновъ; всего—612,694,000 (по Бему).

ожидать нечего. Все, что̀ намъ извѣстно о пищѣ африканцевъ, показываетъ, однакоже, что она попреимуществу растительная. Крупный скотъ служитъ тамъ почти единственнымъ перевозочнымъ средствомъ. Притомъ Африка, по своему убійственному для европейцевъ климату и по низкой степени развитія своихъ народовъ, останется еще въ теченіи многихъ столѣтій безъ замѣтнаго вліянія на судьбы остальнаго человѣчества.

Совершенно иную картину питанія представляетъ намъ Новый Свѣтъ, т.-е. Америка и Новая-Голландія. Въ Соединенныхъ Штатахъ на каждую тысячу жителей [1]) приходится вдвое больше рогатаго скота, чѣмъ въ Европѣ, овецъ почти втрое, а свиней впятеро.

Въ Южной Америкѣ эти числа еще выше; особеннымъ обиліемъ скота отличаются, какъ извѣстно, Аргентинская республика, Уругвай и сопредѣльныя имъ страны [2]). Новая-Голландія превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ остальныя страны. Тамъ на каждую тысячу человѣкъ приходится рогатаго скота въ восемь разъ больше, а овецъ въ 39 разъ больше, чѣмъ въ Европѣ [3]). Если бы въ Америкѣ и въ Австраліи, вмѣстѣ взятыхъ, мясная пища могла быть распредѣлена равномѣрно, то тамъ навѣрное каждый человѣкъ могъ бы быть надѣленъ этою пищей согласно требованіямъ физіологовъ-практиковъ.

Однакоже, общее абсолютное число скота во всемъ Новомъ Свѣтѣ (въ Америкѣ и въ Австраліи) еще далеко меньше, чѣмъ въ Европѣ, такъ что если разложить избытокъ мяса, производимый Новымъ Свѣтомъ, хотя бы только на европейцевъ (не говоря уже о жителяхъ остальныхъ частей свѣта), то ежедневная примѣсь мяса къ пищѣ большинства европейскаго населенія не увеличилась бы чувствительнымъ образомъ. При томъ же, торговля за-океанійскимъ, привознымъ мясомъ, до-сихъ-поръ еще незначительна.

Итакъ, само человѣчество разрѣшаетъ вопросъ о своемъ питаніи совершенно иначе, чѣмъ того требуютъ физіологи-практики. *Огромное большинство людей питается не мясною, и не смѣшанною животно-растительною пищею, а чисто растительною.*

Выводъ этотъ подтверждается также тѣми фактами, которые извѣстны намъ касательно распространенія питательныхъ расте-

---

[1]) Neumann-Spallart, стр. 609.
[2]) Тамъ же, стр. 610.
[3]) Тамъ же, стр. 610, 611.

ній, быстраго усиленія ихъ производства и необыкновеннаго развитія хлѣбной торговли.

Всѣмъ извѣстно, что цѣлые народы до того исключительно питаются тѣмъ или другимъ растеніемъ, что отъ его неурожая наступаетъ голодъ, стоющій милліоновъ жертвъ. Достаточно напомнить о гибели десятковъ и сотенъ тысячъ индусовъ отъ неурожая одного только риса. Существованіе человѣчества до того тѣсно связано съ тѣмъ или другимъ зерновымъ хлѣбомъ, что главнѣйшую массу всего населенія земного шара можно раздѣлить на четыре большихъ отдѣла, по роду пищи, а именно на существующихъ рисомъ, кукурузою, пшеницею и рожью. Мясоядныя составляютъ ничтожную группу.

Европа, съ присоединеніемъ къ ней Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Египта, Австраліи и Чили, производитъ ежегодно 2,423 милліона гектолитровъ (т.-е. около 1,160 милліоновъ четвериковъ) зернового хлѣба, чтó даетъ на каждаго жителя вышеназванныхъ странъ до 4-хъ фунтовъ зернового хлѣба въ день; слѣдовательно, печенаго хлѣба отъ 5 до 6 фунтовъ. Такъ какъ при этомъ не считаются ни картофель, ни овощи, ни плоды, то мы въ правѣ сказать, что населеніе—по-крайней-мѣрѣ перечисленныхъ странъ —снабжено растительною пищею въ избыткѣ, а бѣдствія, проистекающія отъ недостатка въ ней, зависятъ лишь отъ неравномѣрности ея распредѣленія. Хлѣбная торговля нашего времени далеко превосходитъ по капиталу, ею представляемому, всякую другую торговлю. Капиталъ этотъ составляетъ уже полтора милліарда металлическихъ рублей. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ онъ увеличился на 40 процентовъ [1]).

Всѣ приведенные факты и соображенія указываютъ на два противоположныхъ явленія. Съ одной стороны, практическая физіологія утверждаетъ, что лучшею пищею для человѣка должно считать смѣшанную животно-растительную. Благоденствующее и просвѣщенное меньшинство дѣйствительно этою пищею и пользуется, и стремится надѣлить ею весь родъ человѣческій. Съ другой стороны, мы видимъ, что пищевой законъ физіологовъ-практиковъ представляетъ для человѣчества, взятаго въ цѣлости, лишь идеалъ,—быть можетъ и желанный, но далеко не осуществленный. Если такъ, то человѣчество находится въ бѣдственномъ положеніи и должно всѣми силами стремиться къ дости-

---

[1]) Neumann-Spallart, стр. 605 и 606.

женію этого желаннаго идеала. Очевидно, оно должно приложить всѣ старанія для усиленія скотоводства, ради достиженія тѣхъ ежедневныхъ $^3/_4$ фунта мяса, которыя будто бы такъ ужъ необходимы каждому смертному.

Посмотримъ же, насколько достижима физіологическая норма питанія человѣка въ будущемъ.

Мы видѣли, что въ Новомъ Свѣтѣ мясо производится въ избыткѣ. Поэтому, прежде всего Европѣ—и Старому Свѣту вообще — приходится организовать мясную за-океанскую торговлю въ обширныхъ размѣрахъ. Это отлично понято въ Европѣ, въ Америкѣ и въ Австраліи; образовалось множество промышленныхъ компаній для переработки и вызова мясного товара изъ Новаго Свѣта въ Старый. Я уже указалъ, однакоже, что торговля этимъ товаромъ до-сихъ-поръ ничтожна; притомъ же большая часть ввозимаго въ Европу мясного товара является въ видѣ либиховскаго экстракта, который самъ-по-себѣ лишенъ питательныхъ свойствъ, имѣя значеніе только въ соединеніи съ растительною пищею [1]. Кромѣ того, оказалось, что почти всѣ компаніи, основанныя для торговли мясными консервами, лопнули, а съ возвышеніемъ цѣнъ на шерсть стало выгоднѣе овцеводство, ради шерсти, чѣмъ производство мяса [2].

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Европѣ выяснилось обстоятельство, подающее поводъ—какъ говоритъ Нейманъ-Спаллартъ—къ печальному раздумью. Дѣло въ томъ, что изъ шестнадцати европейскихъ государствъ, въ десяти оказалось весьма замѣтное уменьшеніе относительнаго числа домашнихъ животныхъ, такъ-называемая экспекторація. Это особенно замѣтно въ наиболѣе промышленныхъ государствахъ.

Это явленіе, а главное избытокъ мяса въ Новомъ Свѣтѣ, особенно въ Новой-Голландіи, гдѣ даже не знаютъ, куда его дѣвать, ясно показываютъ, что все неудобство происходитъ отъ неравномѣрности въ распредѣленіи убойнаго скота.

Если сравнить между собою сходныя по обширности и при-

---

[1]) Всякіе мясные бульоны, въ томъ числѣ и либиховскій, представляющій лишь обыкновенный сгущенный бульонъ, почти вовсе не питательны, заключая въ себѣ только самое незначительное количество растворенныхъ въ водѣ азотистыхъ веществъ. Но въ бульонѣ есть особое вещество, называемое креатиномъ. Креатинъ способенъ кристаллизоваться и давать начало другому веществу, называемому креатининомъ, которое имѣетъ драгоцѣнное свойство способствовать пищеваренію и возбуждать нервную систему подобно тѣмъ веществамъ, которыя заключаются въ чаѣ, кофе и шоколадѣ, т.-е. теину, кофеину и теобромину.

[2]) Neumann-Spallart, стран. 612.

томъ значительныя по протяженію страны, то можно придти къ слѣдующему заключенію: населенность людьми обратно пропорціональна населенности домашними животными. Такъ, въ Старомъ Свѣтѣ относительное число домашнихъ животныхъ самыхъ населенныхъ странъ—Китая, Японіи, Индіи, Европы,—ничтожно или слабо по сравненію съ едва-населенными частями степной Азіи.

Въ Африкѣ скотоводство распространено преимущественно въ пустыняхъ и степяхъ, на сѣверѣ по окраинамъ Сахары, на югѣ въ Калагари и ея окрестностяхъ. Въ Америкѣ—слабо населенная южная часть материка несравненно богаче стадами, нежели сѣверная. Наконецъ, Новая-Голландія, будучи наименѣе населенною изъ всѣхъ странъ, представляетъ и самое высокое относительное число домашнихъ животныхъ.

Правило это менѣе очевидно, если сравнивать не столь обширныя страны, такъ какъ при этомъ приходится принимать во вниманіе политическія границы государствъ, бо́льшею частію не соотвѣтствующія ихъ естественнымъ предѣламъ. Главная причина упомянутаго соотношенія между населенностью людьми и домашними животными, заключается именно въ степени распространенія земледѣлія и въ развитіи промышленности. Слѣдовательно, въ странахъ цивилизованныхъ уровень образованія имѣетъ большое вліяніе на распространеніе скотоводства, дѣйствуя въ ту или другую сторону, смотря по спросу на ближайшихъ рынкахъ и проч.

Однако же, несмотря на затемняющее вліяніе этого условія (цивилизаціи) въ данномъ вопросѣ, даже въ самой Европѣ можно все-таки усмотрѣть то обратное отношеніе, на которое указано выше. Оно очень рѣзко проявляется, напримѣръ, тѣмъ, что самое большое относительно число скота приходится на Придунайскія княжества, а также тѣмъ, что Великобританія, Франція и Бельгія по относительному числу домашнихъ животныхъ стоя́тъ ниже Россіи. Тотъ же законъ проявляется и въ указанномъ выше явленіи экспекторація западной Европы.

Соображая сказанное, мы неминуемо придемъ къ тому заключенію, что съ распространеніемъ земледѣлія, промышленности и цивилизаціи, при соотвѣтствующемъ увеличеніи народонаселенія, будетъ уменьшаться сначала относительное, а потомъ и абсолютное число домашнихъ животныхъ.

Пастушескими, по преимуществу мясо-производящими странами, уже и теперь должно считать тѣ, которыя не поддаются земледѣлію. Но съ увеличеніемъ населенія, когда замѣтно возвысится цѣнность растительныхъ продуктовъ, обширность эти́хъ странъ будетъ замѣтно уменьшаться, какъ это и теперь уже за-

мѣтно [1]). Придетъ время, когда выгодно будетъ прилагать къ разработкѣ пустынныхъ пастушескихъ странъ паровой плугъ и дорогую систему поливныхъ или осушающихъ каналовъ, какъ это происходитъ теперь, напримѣръ, въ Италіи и въ Голландіи [2]). Придетъ время, когда человѣчеству недостанетъ мѣста даже для произведенія того ничтожнаго количества мясной пищи, которое оно производитъ въ настоящую эпоху.

Эти соображенія уже указываютъ на то, въ какомъ направленіи должно разрѣшать вопросъ о будущемъ питаніи человѣка; но дѣло выкажется еще съ полнѣйшею ясностью, если представить его во всей простотѣ, сведя весь вопросъ къ сравненію цѣнности хлѣба и мяса. Для этого даже нѣтъ надобности справляться съ рыночными цѣнами, столь измѣнчивыми въ разное время и въ разныхъ странахъ, а главное—такъ мало извѣстными. Мы только обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: какъ растенія, такъ и животныя получаются чрезъ переработку минеральныхъ веществъ; это не что иное, какъ машины, выработывающія органическое вещество изъ почвы (съ ея водою) и изъ воздуха. Растеніе черпаетъ сырой матеріалъ, имъ переработываемый, изъ первыхъ источниковъ,—животное же получаетъ себѣ въ работу матеріалъ, однажды уже переработанный (растеніемъ). Такъ какъ продуктъ, дважды переработанный, очевидно, всегда дороже продукта переработаннаго одинъ разъ, то въ земледѣльческихъ странахъ мясо всегда будетъ дороже хлѣба.

Впрочемъ, если кто пожелаетъ провѣрить этотъ выводъ сравненіемъ цѣнъ на хлѣбъ и на мясо въ разныя времена, тому можно указать на слѣдующія любопытныя данныя [3]). Во-первыхъ,

---

[1]) Венгерскія степи—такъ-называемыя „пусты" или „пушты"—и южно-русскія степныя страны представляютъ отличный примѣръ постепеннаго превращенія пастушескихъ странъ въ земледѣльческія. Венгрія начала соперничать съ Россіею въ хлѣбной торговлѣ именно вслѣдствіе распространенія земледѣлія среди ея степной равнины, омываемой Тиссою. Русскія же степи хотя медленно, но все-таки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распахиваются.

[2]) Земледѣліе Голландіи, хотя и основано на принципѣ, совершенно противоположномъ тому, который служитъ основаніемъ культуры, напримѣръ, въ хивинскомъ оазисѣ и въ другихъ странахъ съ континентальнымъ климатомъ, но оба принципа сходятся въ томъ, что для приложенія ихъ требуется значительная затрата капиталовъ. Осушеніе, производимое голландцами, и орошеніе, практикуемое въ Хивѣ или въ долинѣ Заравшана, могутъ происходить только при сравнительно густомъ населеніи и при легкости сбыта. Голландія отличается какъ густотою населенія, такъ и удобствами сбыта; средне-азіатскія земледѣльческія страны окружены громадными пастушескими странами, и уже по одному этому спросъ на каждое хлѣбное зерно—а слѣдовательно, и постоянный сбытъ его—вполнѣ обезпечены.

[3]) Бліохъ, стран. 169 и слѣд.

цѣны на всѣ жизненные припасы постоянно возрастали во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, касательно которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія. Если взять сколько-нибудь длинный періодъ времени — напримѣръ, отъ начала нашего столѣтія приблизительно до настоящаго времени — то окажется, что это возвышеніе цѣнъ шло неравномѣрно; что мясо и вообще продукты скота въ большинствѣ странъ быстрѣе дорожали, нежели хлѣбъ. Такъ, напримѣръ, за десять пудовъ мяса, въ періодъ съ 1816 до 1820 года, получалось въ Берлинѣ сорокъ-пять пудовъ пшеницы, а въ періодъ съ 1861 до 1865 года уже шестьдесятъ пудовъ; въ Данцигѣ — сначала (1815—1820) сорокъ-восемь, а въ концѣ (1861—1865) семьдесятъ-семь; въ Кёльнѣ—сначала тридцать-девять, а въ концѣ шестьдесятъ-два; въ Вѣнѣ—между 1812 и 1815 годами за то же количество мяса получалось двадцать-пять пудовъ пшеницы, а между 1856 и 1860 годами—тридцать-шесть; въ Парижѣ — сначала (1826—1830) тридцать-шесть пудовъ, а въ концѣ (1866—1870) сорокъ-одинъ пудъ. Касательно Петербурга подобныя данныя имѣются только съ 1841 года, когда за 10 пудовъ мяса получалось 39 пудовъ пшеницы. Съ тѣхъ поръ цѣны на пшеницу повышались въ Петербургѣ быстрѣе, чѣмъ цѣны на мясо, такъ что въ 1860 году за 10 пудовъ мяса получалось только 29 пудовъ пшеницы, но за тѣмъ мясо опять стало быстрѣе подниматься въ цѣнѣ и, въ періодъ между 1871 и 1875 годами, десять пудовъ мяса соотвѣтствовали тридцати пудамъ пшеницы. Въ Варшавѣ замѣчается подобное же явленіе.

То же самое явленіе быстраго возвышенія цѣнъ на мясо оказывается и при сравненіи этихъ цѣнъ съ цѣнами на рожь, овесъ и ячмень. Можно ожидать, что эта неравномѣрность въ будущемъ станетъ еще значительнѣе, такъ какъ земли все дальше распахиваются, а относительное число скота въ Европѣ уменьшается.

Всѣ приведенные факты и соображенія заставляютъ насъ признать за несомнѣнную ту истину, что въ будущемъ мясной элементъ человѣческой пищи не только уменьшится противъ настоящаго, но даже и вовсе исчезнетъ.

Человѣкъ самыми обстоятельствами влечется къ растительной пищѣ.

Такимъ образомъ, если согласиться съ физіологами-практиками, что безъ мяса человѣческая пища не можетъ считаться нормальною, то человѣчество оказывается въ безвыходномъ положеніи: съ каждымъ поколѣніемъ оно все болѣе и болѣе будетъ

удаляться отъ своего пищевого идеала—и, слѣдовательно, человѣческія племена будутъ постепенно ухудшаться.

Изъ этого можно бы заключить, что бóльшая часть человѣчества навсегда останется плохо или посредственно прокормленною массой, которою будетъ руководить горсть людей, хорошо питающихся, интеллигентныхъ. Меньшинство, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ «десяти-тысячъ англичанъ верхняго слоя» (upper ten thousands), станетъ разработывать науки и искусства, заботиться о лучшемъ продовольствіи массъ и, въ то же время, постоянно сознавать, что надѣлить всѣхъ нормальною пищею—несбыточная мечта.

Такъ дѣйствительно думаетъ западно-европейская буржуазія. Находясь во главѣ наиболѣе процвѣтающихъ массъ, она вполнѣ довольна своею дѣятельностью, ибо довела своего средняго человѣка до небывалаго довольства, и надѣется поддержать это довольство еще въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній. Четыре, пять сотенъ тысячъ, можетъ быть, милліонъ нищихъ оборванцевъ всегда будутъ существовать между берегомъ Атлантическаго океана и балтійско-адріатическою линіею; но это все жертвы случайностей, жизненныхъ неудачъ, нерѣдко даже лѣности и другихъ дурныхъ качествъ самихъ субъектовъ: они ничто, капли въ морѣ житейской посредственности, которая и должна удовлетворять насъ отнынѣ и во-вѣки.

Англія—идеалъ новѣйшаго и будущаго человѣчества; слѣдовательно, къ достиженію этого идеала всѣ и должны стремиться.

Но если въ наше время бóльшая часть человѣчества дѣйствительно можетъ ставить себѣ практическимъ идеаломъ достиженіе англійскаго благосостоянія, то нравственный идеалъ всего людского рода не можетъ удовлетвориться мѣщанскою философіей зажиточныхъ классовъ западной Европы. Этою философіею не довольствуются и правительства, стремящіяся доставить полное благосостояніе и высшія блага цивилизаціи не одному какому-нибудь классу, а всей массѣ общества.

Не будемъ однако же останавливаться на затронутыхъ здѣсь вопросахъ, хотя они потому и затронуты, что находятся въ тѣсной связи съ вопросомъ о будущемъ питаніи человѣка.

Для насъ, во всякомъ случаѣ, на какую бы точку мы ни становились, несомнѣнно, что формула питанія, выработанная физіологами-практиками, должна измѣниться. Наука и техническая практика должны приняться за выработку формулы смѣшанной, но чисто-растительной пищи, не дожидаясь того вре-

мени, когда на землѣ исчезнетъ—или почти исчезнетъ—возможность примѣшивать къ ней животные продукты.

Къ счастью, элементы пищи будущаго уже и теперь намѣчены наукою. Въ Европѣ существуетъ даже общество, поставившее себѣ задачею не только исключительно питаться растительною пищею, но и распространять то убѣжденіе, что пища эта есть единственно естественная и согласная съ природою человѣка. Члены этого общества называютъ себя «вегетаріанцами» и, очевидно, вѣрно оцѣнили дѣло.

Мною уже указано, что между растительною и животною пищею не существуетъ основного различія. Если обратиться къ таблицамъ состава питательныхъ веществъ, то окажется, что многія растительныя вещества содержатъ бѣлковины больше, чѣмъ мясо — даже больше, чѣмъ самъ яичный бѣлокъ [1]) — а между тѣмъ вся задача заключается именно въ томъ, чтобы отыскать такой растительный продуктъ, или такую смѣсь растительныхъ продуктовъ, въ которой отношеніе бѣлковинныхъ веществъ къ веществамъ безъ-азотистымъ было бы такое же, какъ въ смѣшанной растительно-животной пищѣ.

Тотъ, кто изобрѣтетъ хлѣбъ, или другую растительную смѣсь, въ которой было бы, напримѣръ, вдвое меньше воды, чѣмъ въ теперешнемъ хлѣбѣ, и вдвое больше бѣлковыхъ веществъ, тотъ окажетъ человѣчеству услугу, превышающую всевозможныя техническія изобрѣтенія.

Представлю нѣкоторыя соображенія, способныя показать, что въ предлагаемомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Для этого, прежде всего, не лишнее бросить взглядъ на прилагаемую таблицу состава нѣкоторыхъ животныхъ и растительныхъ веществъ, заимствованную мною у Фохта [2]).

На 1,000 частей по вѣсу приходится.	Воды.	Бѣлковыхъ веществъ.	Жира.	Жиръ образующихъ крахмалистыхъ вещ.
Животные продукты:				
Сыръ	368,59	334,65	242,63	—
Куриный желтокъ	523,83	163,62	291,58	—
Яичный бѣлокъ	841,04	117,60	—	—
Баранье мясо	727,00	220,00	27,49	—
Бычачье мясо	733,93	174,63	28,69	—
Сёмга	763,69	153,02	47,88	—
Коровье молоко	857,05	54,04	43,05	40,37
Женское молоко	885,66	28,11	35,64	48,17
Куриное мясо	762,19	196,29	14,23	—

[1]) См. ниже таблицу.

[2]) C. Vogt, Physiologische Briefe. 4 Auflage. 1873, p. 98.

Растительные продукты:				
Чечевица	113,18	264,94	24,01	559,05
Горохъ	145,04	223,52	19,66	526,63
Пшеница	129,94	135,37	18,54	663,80
Пшеничная мука	124,81	127,07	12,24	723,13
Пшеничный хлѣбъ	431,91	89,88	18,54	470,05
Рожь	138,73	107,49	21,09	668,45
Овесъ	108,81	90,43	39,90	618,43
Ячмень	144,82	122,65	26,31	582,19
Кукуруза	120,14	79,14	48,37	679,75
Гречиха	146,31	77,77	1,02	507,28
Каштаны	537,14	44,61	8,73	356,51
Картофель	727,46	13,23	1,56	173,30

Сравнивая содержаніе бѣлковыхъ веществъ (вторая графа) въ животныхъ и растительныхъ продуктахъ, легко усмотрѣть, какіе изъ послѣднихъ выгоднѣе для питанія, заключая въ себѣ много бѣлковъ,—а какіе, напротивъ, менѣе выгодны, представляя слишкомъ мало этихъ веществъ. При этомъ однако же необходимо имѣть въ виду, что при питаніи имѣетъ значеніе не только количество бѣлковъ, но и отношеніе ихъ къ водѣ и къ остальнымъ веществамъ пищи. Кромѣ того, удобоваримость и степень усвояемости, т.-е. способность переходить въ кровь и плоть, зависитъ въ сильной степени отъ того состоянія, въ которомъ находятся вещества въ той или другой пищѣ. Таблицы, подобныя предложенной, могутъ, слѣдовательно, только руководить при первомъ выборѣ продукта для питанія. Остальное можетъ быть опредѣлено лишь опытомъ и достигнуто практикой.

Изъ таблицы видно, что между растительными продуктами особенно высокимъ содержаніемъ бѣлковины отличаются чечевица и горохъ. Въ нихъ бѣлковыхъ веществъ значительно больше, чѣмъ въ бычачьемъ мясѣ. Прибавлю къ этому, что сѣмена бобовыхъ растеній — къ числу которыхъ относятся и чечевица, и горохъ — вообще очень богаты бѣлкáми. До введенія картофеля въ Европу, бобовыя растенія составляли одну изъ главныхъ статей пищи бѣдныхъ, трудящихся классовъ. До сихъ поръ еще во многихъ странахъ, такъ-называемые, русскіе и турецкіе бобы, горохъ, чечевица, даже грубыя лупины разводятся въ большомъ количествѣ. У насъ за Кавказомъ—напримѣръ, въ Имеретіи и Гуріи—турецкіе бобы (лоба) составляютъ главную пищу бѣднаго народа. Въ коренной Россіи горохъ въ большомъ ходу.

Въ виду всего этого понятно, какой высокій интересъ представляетъ для насъ прекрасное изслѣдованіе доктора Ворошп-

лова [1]), поставившаго себѣ задачею «опредѣлить сравнительно питательную способность мяса и гороха». «Почти вся масса трудящагося крестьянскаго сословія,—говорилъ названный ученый,—принуждена довольствоваться чуть не круглый годъ растительными продуктами. Въ виду этого обстоятельства, крайне желательно опредѣленіе питательныхъ свойствъ этихъ продуктовъ, какъ сравнительно съ мясомъ, такъ и сравнительно другъ съ другомъ».

Докторъ Ворошиловъ производилъ опыты надъ самимъ собою, употребляя при этомъ постоянно одно и то же количество хлѣба и сахара. Только въ одномъ рядѣ опытовъ къ хлѣбу и сахару придавалось мясо, а въ другомъ горохъ. Результатъ этихъ опытовъ слѣдующій. Какъ та, такъ и другая пищевая смѣсь «служатъ къ полному достиженію цѣлей питанія, чтó выражается сохраненіемъ постоянства вѣса и поддержаніемъ силъ на одномъ неизмѣнномъ уровнѣ, какъ при той, такъ и при другой діетѣ».

Но мясная пища легче усвояется, чѣмъ гороховая, а потому послѣдней приходится употреблять больше, чѣмъ первой» [2]).

Итакъ, первая попытка точной сравнительной оцѣнки питательныхъ свойствъ мясного и растительнаго продукта (говорю, первая потому, что дѣйствительно подобныхъ опытовъ еще не было произведено), указываетъ на одинъ изъ способовъ отысканія той формулы смѣшанной растительной пищи, въ которой, какъ мы видѣли, такъ будетъ нуждаться человѣчество, въ которой нуждается оно и теперь.

Позволительно думать, что съ помощью муки, гороха или другихъ бобовыхъ растеній, техника можетъ отыскать болѣе удобную формулу чисто-растительной пищи, чѣмъ предложенная докторомъ Ворошиловымъ; но, во всякомъ случаѣ, его опыты и выводы будутъ служить основою для практической обработки вопроса.

Приведу еще слѣдующее соображеніе касательно пшеницы. Въ пшеничномъ зернѣ бѣлковыхъ веществъ заключается 135 на 1,000. Въ пшеничной мукѣ, вслѣдствіе отброса на мельницахъ, это количество падаетъ до 127, наконецъ, въ хлѣбѣ до 90. Та-

---

[1]) Изслѣдованія о питательныхъ свойствахъ мяса и гороха. Спб. 1871.

[2]) Вотъ приблизительныя величины суточной порціи той и другой пищи, при усиленной мышечной дѣятельности. Мясная порція: 400 гр. (93 з. 74 д. русскаго фунта) хлѣба, 100 гр. (23 з. 42 д.) сахара и 140 (33 з.) сухого мяса (около 525 гр. или 1 ф. 27 з. сырого); гороховая порція: 400 гр. (93 з. 74 д. русскаго фунта) хлѣба, 100 гр. (23 з. 42 д.) сахара и 400 гр. (94 з. 74 д. русск. ф.) гороха, принимавшагося въ видѣ киселя.

кимъ образомъ, разными нецѣлесообразными пріемами приготовленія, мы теряемъ изъ пшеницы 45 частей на 1000 бѣлковыхъ веществъ, столь необходимыхъ организму. Все дѣло можно однако же поправить оковкою мукомольныхъ жерноновъ. Извѣстно, что наружный слой хлѣбнаго зерна заключаетъ въ себѣ главную часть его бѣлковины. На мукомольныхъ мельницахъ, а именно на крупчаткахъ, этотъ слой отбрасывается, а на муку идетъ бѣлая масса, содержащая въ излишествѣ крахмалъ. Если производить оковку жерноновъ такъ, чтобы они снимали съ зерна гораздо больше, чѣмъ то дѣлается на крупчаткахъ, и эту наружную часть обращать въ муку, а центральную, содержащую мало бѣлковины, отбрасывать, то мука, а затѣмъ и хлѣбъ, содержали бы въ себѣ больше азотистыхъ веществъ, чѣмъ въ нашемъ теперешнемъ пшеничномъ хлѣбѣ.

Часть, не вошедшая въ составъ муки, ни въ какомъ случаѣ не пропала бы; техника нашла бы ей многоразличныя употребленія.

Мука, полученная такимъ образомъ, можетъ содержать весьма большое количество бѣлковины. Притомъ же, количество это можно измѣнять по желанію, оно должно быть опредѣлено практикою при печеніи хлѣба.

Той же обработкѣ можетъ подвергнуться рожь, овесъ и всѣ зерновые хлѣба.

При всѣхъ этихъ соображеніяхъ невольно представляется уму одно странное явленіе. Все въ техникѣ, кажется, двигается впередъ, и притомъ съ необыкновенною быстротою, одна только пища человѣческая остается въ томъ же, почти первобытномъ состояніи. Болѣе или менѣе удобныя комбинаціи разныхъ продуктовъ питанія отыскиваются какъ-то сами собою, или помощью поваровъ, метръ-д'отелей и такъ-называемыхъ гастрономовъ, т.-е., по-просту и по-русски, обжоръ. Наука мало или вовсе не заботится объ улучшеніи пищи на раціональныхъ основаніяхъ. Она только объясняетъ различныя явленія, происходящія во время приготовленія пищи и питья, указываетъ, какъ удобнѣе, проще и выгоднѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ; но принципы, основы питанія, вовсе не трогаетъ, признавая ихъ какъ-бы непогрѣшимыми.

Трюфованныя индѣйки, такъ же, какъ разныя sauce soubise, remoulade и пр., и пр., имѣютъ, очевидно, для человѣчества значеніе меньше выѣденнаго яйца, а хлѣбъ остается тотъ же самый, которымъ питались не только первые фараоны, но даже и нѣкоторыя племена до-историческаго человѣчества: прѣсный и кислый, и притомъ изъ той же самой муки.

Открытію кислаго тѣста нельзя не придавать огромнаго значенія въ исторіи питанія человѣка; но можно утверждать безъ преувеличенія, что до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано для усиленія питательности и удобоваримости хлѣба вообще, а между тѣмъ это-то и составляетъ главнѣйшую задачу относительно питанія массъ народонаселенія, особенно въ будущемъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, представленныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ возможности отыскать такую растительную пищу, которая, по своимъ свойствамъ, вполнѣ отвѣчала бы смѣшанной животно-растительной. Задача эта должна быть и, безъ сомнѣнія, будетъ разрѣшена химіею и физіологіею.

Мы видѣли, что человѣчество влечется самою необходимостью къ растительной пищѣ; мы только-что вывели, что нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ возможности отыскать формулу растительной пищи, соотвѣтствующую основному положенію физіологіи. Но самый важный вопросъ состоитъ въ томъ, будетъ ли растительная пища въ состояніи способствовать дальнѣйшему интеллектуальному развитію человѣчества. Въ состояніи ли эта, тяжелая, по мнѣнію практиковъ, пища содержать нашу матеріальную машину въ такомъ видѣ, чтобы духовныя силы, ее оживляющія, могли рости и совершенствоваться, воздѣйствуя и на усовершенствованіе самой машины?

Теперь въ Европѣ сдѣлалось модою утверждать, что люди, занятые интеллектуальною работою, должны непремѣнно питаться смѣшанною, животно-растительною пищею.

Англійскій народъ, давшій столько превосходныхъ ученыхъ

---

[1]) См. von Bibra, Die Getreidearten und das Brod. Nürenberg. 1860. Въ этомъ сочиненіи собрано главное изъ того, чтó было до 1860 года предпринято для улучшенія способовъ приготовленія хлѣба. Не разъ обращали вниманіе на уменьшеніе питательности хлѣба отъ выдѣленія изъ муки отрубей, содержащихъ главную часть отрубей (стр. 196 и сл.). Предлагались даже способы печенія хлѣба съ отрубями (стр. 381 и сл.), но все это еще далеко не выработано. Точныхъ опытовъ касательно усвояемости отрубей человѣкомъ еще не произведено; удобныхъ механическихъ приспособленій для отдѣленія неудобоваримой части отрубей (клѣтковины) отъ питательной и легко варимой еще не придумано. Больше всего обращено вниманія на замѣну ручной работы машинною, на уменьшеніе потери при выдѣлкѣ муки и хлѣба, словомъ, на удешевленіе производства. Много также стараются объ улучшеніи высокихъ сортовъ муки, чтó достигается на счетъ питательности самаго хлѣба, ибо самый высшій сортъ пшеничной муки, называвшейся еще у римлянъ pollen и flos farinae, fleur de farine и Kaisermehl (въ Вѣнѣ), заключаетъ всего меньше бѣлковины. Въ послѣднія 17—18 лѣтъ ничего рѣзко выдающагося не придумано.

и литераторовъ, пользующійся сравнительно лучшею организаціею, облагодѣтельствовавшій человѣчество столькими изобрѣтеніями, наконецъ, богатѣйшій изъ всѣхъ народовъ, употребляетъ мяса больше всѣхъ остальныхъ европейскихъ народовъ. Это обстоятельство всего сильнѣе дѣйствуетъ не только на массы, но и на людей просвѣщенныхъ.

Спрашивается однако же, нѣтъ ли тутъ совпаденія обстоятельствъ, не заключаютъ ли тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, на основаніи ошибочнаго правила cum hoc ergo propter hoc.

Точныхъ и прочныхъ основъ для приведеннаго мнѣнія дѣйствительно не существуетъ. По этому поводу не только не произведено никакихъ опытовъ, но не имѣется даже наблюденій.

Мы еще можемъ отыскать въ книгахъ перечни блюдъ великихъ или сильныхъ владыкъ земныхъ, завоевателей, или тонкихъ, хотя бы и неудачныхъ, дипломатовъ; но о пищѣ людей, дѣйствительно заслужившихъ передъ человѣчествомъ, мы или вовсе ничего не знаемъ, или имѣемъ самыя жалкія указанія.

Мы знаемъ, напримѣръ, что̀ ѣли Аттила и Наполеонъ I, какъ одинъ поглощалъ полусырую конину, а другой любилъ особенно зажаренныхъ цыплятъ (poulets à la Marengo). Мы знаемъ, чѣмъ отягчалъ свой желудокъ Лукуллъ, можемъ прочесть подробное описаніе пиршества какого-то отвратительнаго римскаго отпущенника Трималхіона [1]); но о скромныхъ трапезахъ Сократа можемъ только догадываться, и не имѣемъ понятія о томъ, какой именно обѣдъ забывалъ съѣдать Ньютонъ, вѣчно погруженный въ свои высокія мысли и соображенія.

Мы позволяемъ себѣ, однако же, предполагать, что въ странѣ огромныхъ ростбифовъ и бараньихъ котлетъ, этими благами пользуются и пользовались преимущественно не мыслители, не члены лондонскаго королевскаго общества, а герои биржи и обитатели Сити.

Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, приходится обращаться къ соображеніямъ, основаннымъ на фактахъ другого рода, къ исторіи и топографіи человѣческаго питанія.

Если мы сравнимъ, въ отношеніи образа жизни и цивилизаціи, народы, смѣнявшіе другъ друга въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій, съ нынѣ живущими, то настоящее положеніе человѣ-

---

[1]) См. отрывокъ изъ Петронія, помѣщенный въ сочиненіи: „as Leben der Griechen und Römer v. E. Guhl u. W. Koner. Часть 2, стр. 260 и слѣд.

чества представится намъ какъ-бы неподвижною картиною того, чтó представляетъ намъ вся исторія развитія человѣчества.

Образъ жизни нѣкоторыхъ изъ теперь живущихъ дикихъ племенъ во многихъ отношеніяхъ такъ сходствуетъ съ тѣмъ, чтò извѣстно объ образѣ жизни иныхъ до-историческихъ народовъ, что мы по быту первыхъ можемъ заключать о бытѣ вторыхъ. Переходы отъ одного состоянія къ другому, отъ дикости къ варварству, отъ варварства къ быту патріархальному и къ состоянію бóльшей или меньшей цивилизаціи, происходившіе въ теченіи вѣковъ, совершаются на тѣхъ же началахъ и теперь, на нашихъ глазахъ.

Эта параллельность между послѣдовательными степенями развитія человѣческаго рода и между тѣми степенями совершенства, на которыхъ находятся и теперь разныя племена, даетъ намъ возможность не только прослѣдить вліяніе матеріальнаго быта народовъ на ихъ относительное развитіе, но заключать и о будущемъ.

Страны, представляющія до сихъ поръ природу въ ея первобытномъ состояніи, каковы, напримѣръ, дремучіе лѣса сибирской тайги, живописуютъ намъ картину того, какова была Европа въ древнѣйшія времена, напримѣръ, при Германцахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящее положеніе Европы дозволяетъ намъ составить себѣ въ общихъ чертахъ представленіе и о будущемъ лѣсной сибирской области.

Такъ точно и касательно самого человѣка.

Еще не прошло и десяти лѣтъ съ того времени, какъ ученый міръ призналъ окончательно доказаннымъ тотъ фактъ громадной важности, что человѣкъ существовалъ въ Европѣ вмѣстѣ съ отжившими животными потретичнаго періода. Кости его, вмѣстѣ съ костями мамонтовъ, на которыхъ его рукою иногда нацарапаны изображенія этихъ чудовищъ, найдены тамъ и сямъ въ глубокихъ слояхъ земныхъ. При нихъ находятся и остатки грубыхъ издѣлій самыхъ отдаленныхъ изъ нашихъ предковъ.

До сихъ поръ еще не удалось опредѣлить, хотя съ нѣкоторою точностью, время, истекшее отъ эпохи перваго появленія этихъ людей, оставившихъ хотя рѣдкіе, но неизгладимые слѣды своего существованія. Не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что до-историческій періодъ жизни европейскаго человѣчества далеко превосходитъ своею продолжительностью самый длинный изъ историческихъ періодовъ теперь живущихъ народовъ, не исключая и китайскаго.

Несмотря на то, что изученіе до-исторической старины, нача-

лось такъ недавно, наука успѣла уже собрать множество драгоцѣнныхъ фактовъ и возстановить главнѣйшія черты быта тѣхъ дикарей, которые находились въ борьбѣ со слонами, покрытыми шерстью, бегемотами, носорогами, львами и другими звѣрями, или вовсе исчезнувшими съ лица земли или, по крайней мѣрѣ, изъ Европы, но бродившими въ тѣ времена по мѣстамъ, занимаемымъ теперь Парижемъ, Мадритомъ и проч. Люди эти выдѣлывали изъ кремнистаго крѣпкаго камня до того грубыя орудія нападенія и защиты, что для непривычнаго глаза это просто куски камня, случайно разбившіеся и надломавшіеся. Но дѣло въ томъ, что такіе кремни, обитые по краямъ все на одинъ и тотъ же ладъ, находятся тысячами, и что дикари многихъ океанійскихъ островов и до сихъ поръ употребляють подобные же, обитые по краямъ камни, въ видѣ оружія. Тѣ же до-историческіе дикари пробуравливали камешки для навѣшиванія ихъ на себя въ видѣ украшеній, какъ то дѣлаютъ и по сей часъ нынѣ живущіе. Они же грубо обдѣлывали кости тѣхъ звѣрей, которыхъ имъ удавалось умерщвлять, и опять на тотъ же самый ладъ, какъ многіе изъ живущихъ теперь дикарей.

Въ такомъ-то положеніи застала наука до-историческаго европейскаго человѣка тѣхъ временъ, которыя, по всей вѣроятности, были близки къ первоначальному его появленію. Человѣкъ тогда уже зналъ употребленіе огня и питался всевозможными животными, обильно населявшими дремучіе лѣса, горныя ущелья, рѣки и озера того времени. Домашнихъ животныхъ при немъ не было, о земледѣліи не было и помину. Присоединялъ ли онъ къ своей пищѣ какія-нибудь растенія — неизвѣстно, такъ какъ никакихъ слѣдовъ отъ этого не осталось.

Съ того отдаленнаго времени, въ которое въ разныхъ мѣстностяхъ Европы бродили дикари древнѣйшаго каменнаго вѣка и до перваго появленія римскихъ легіоновъ въ теперешней Франціи, прошелъ неисчислимый рядъ тысячелѣтій. Средства, употребляемыя геологами для хронологическихъ выводовъ, правда, въ высшей степени недостаточны; но онѣ во всякомъ случаѣ даютъ несомнѣнное право сказать, что указанный нами періодъ времени долженъ измѣряться не тысячами, а десятками тысячъ лѣтъ.

Въ продолженіи всего этого громаднаго періода времени, земная поверхность измѣняла не разъ свой видъ, измѣнялась конфигурація материковъ, британскіе острова, напримѣръ, успѣли отдѣлиться отъ материка, климатъ два раза переходилъ отъ суроваго, холоднаго къ болѣе умѣренному; вмѣстѣ съ тѣмъ, очевид-

но, измѣнялся и растительный покровъ; царство животныхъ успѣло лишиться многихъ изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей, а прогрессъ человѣческаго рода подвигался такъ медленно, что требуется величайшее вниманіе, чтобы его замѣтить. Каменныя орудія стали выдѣлывать не простою оковкою, ударяя камень о камень, а отшлифовывать подобно тому, какъ дѣлають и до сихъ поръ нѣкоторые дикари; грубая глиняная посуда, обломки которой находять вмѣстѣ съ костями отжившихъ звѣрей, постепенно получаетъ лучшія формы,—словомъ, прогрессъ выражается въ такихъ сравнительно легкихъ признакахъ, что его скорѣе можно назвать застоемъ, чѣмъ движеніемъ.

Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы слѣды до-исторической старины изобличаютъ болѣе высокую степень развитія, чѣмъ та, на которой вообще находились люди каменнаго вѣка. Таковы остатки озерныхъ жилищъ, воздвигавшихся въ Швейцаріи. Сваи, на которыхъ стояли цѣлыя деревни, мѣстами сохранились и до сихъ поръ. На днѣ озеръ, тамъ, гдѣ стоятъ эти сваи, найдены многочисленные остатки разныхъ издѣлій и пищи до-историческихъ швейцарцевъ. Остатки эти состоятъ преимущественно изъ каменныхъ орудій, но вмѣстѣ съ ними погребены уже кости такихъ животныхъ, которыя и теперь живутъ въ Европѣ. Многія изъ тѣхъ костей принадлежали несомнѣнно звѣрямъ уже одомашненнымъ: быкамъ, козамъ, овцамъ, собакѣ, лошади. Вмѣстѣ съ ними попадаются тамъ и сямъ зерна пшеницы, ячменя, цѣлые ячменные колосья, обуглившіеся плоды, даже печеный хлѣбъ, тоже въ обугленномъ состояніи. При остаткахъ болѣе древнихъ свайныхъ сооруженій, находятъ только отбросы животной пищи, свидѣтельствующіе о пастушеской жизни ихъ обитателей; при подобныхъ же сооруженіяхъ позднѣйшаго времени отысканы и остатки воздѣлывавшихся растеній. Озерные швейцарцы были, очевидно, уже пастухами, а затѣмъ и земледѣльцами; они стояли по своему развитію гораздо выше дикарей, обитавшихъ, напр., въ пещерахъ Франціи и Бельгіи; но за то они и появились на своихъ мѣстахъ несравненно позже пещерныхъ жителей, потому что при ихъ остаткахъ не находятъ не только костей мамонта или другихъ слоновъ, а нѣтъ никакихъ слѣдовъ даже львовъ, гіенъ и другихъ, теперь живущихъ, но ушедшихъ далеко на югъ дикихъ животныхъ; нѣтъ также остатковъ сѣвернаго оленя, доходившаго когда-то до самыхъ Пиреней.

За каменнымъ вѣкомъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, вѣкъ бронзовыхъ орудій, и многія озерныя жилища принадлежатъ къ этому времени. Земледѣльческая жизнь въ нихъ была еще болѣе раз-

вита; очевидно, начали развиваться и ремесла, такъ какъ найдены тутъ остатки пряжи и льняныхъ тканей.

Таковы крупнѣйшія черты постепеннаго развитія европейскаго человѣчества въ до-историческія времена [1]). Сказаннаго достаточно, чтобы обратить вниманіе читателя на необыкновенную медлительность этого развитія, которое притомъ только тогда оживляется, когда, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, животная пища начинаетъ замѣняться растительною.

Давно доказано, что земледѣліе есть необходимое условіе дальнѣйшаго развитія человѣка. При этомъ, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ не свойство пищи, а сама земледѣльческая промышленность, требующая большого напряженія ума, и обезпечивающая человѣка отъ заботъ о вседневномъ пропитаніи несравненно лучше и полнѣе, чѣмъ звѣроловство и скотоводство. Во всякомъ случаѣ, и по меньшей мѣрѣ, мы имѣемъ право сказать, что мясная пища и сопряженный съ нею образъ жизни не имѣли ни малѣйшаго вліянія на прогрессъ до-историческаго человѣка. Если бы люди не открыли возможности питаться плодами искусственно возрощенныхъ растеній, то они навѣрное бродили бы и до сихъ поръ, подобно американскимъ дикарямъ, или кочующимъ ордамъ центральной Азіи. Вотъ заключеніе, къ которому приводитъ насъ то, что̀ извѣстно о бытѣ и необыкновенно продолжительномъ застоѣ, въ которомъ пребывалъ человѣкъ во времена своего древнѣйшаго существованія.

Топографія питанія, или распредѣленіе человѣческихъ племенъ по пищѣ и по образу жизни, ею опредѣляемому, наглядно указываютъ на пребываніе въ дикости до-историческихъ людей и приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ.

Нѣкоторые писатели любятъ представлять людей каменнаго вѣка, даже временъ нешлифованныхъ кремней, въ какомъ-то гомерическомъ свѣтѣ. По ихъ словамъ, это какіе-то эпическіе герои, вступавшіе въ бой съ чудовищными мамонтами, побивавшіе страшнаго пещернаго льва и медвѣдя, гонявшіеся за быстроногими гигантскими оленями, огромные рога которыхъ покоятся до сихъ поръ въ глубокихъ слояхъ нашихъ торфяниковъ. Погребальныя норы ихъ представляются какимъ-то разумнымъ, величавымъ культомъ усопшихъ. Но тщательное изученіе остат-

---

[1]) Теперь въ русскомъ переводѣ имѣется нѣсколько хорошихъ книгъ, по которымъ можно хорошо познакомиться съ изслѣдованіями о до-историческомъ періодѣ жизни человѣка. См., напр., Ч. Ляйэля, Древность человѣка. Пер. В. Ковалевскаго. Спб. 1864. — Лёббока, Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества. 1876 и пр.

ковъ жалкихъ ремеслъ этихъ отдаленныхъ прадѣдовъ нашихъ, обломковъ ихъ пищи, состоящей изъ костей, расколотыхъ вдоль, для высасыванія мозга, костей, между которыми находили и человѣческія, несомнѣнно, убѣждаютъ насъ, какъ уже не разъ сказано, что тѣ люди находились на самой низкой степени развитія.

Описывая группу пешересовъ, Дарвинъ невольно восклицаетъ [1]), что «при видѣ этихъ людей едва можно вѣрить, что это наши ближніе, и живутъ въ одномъ мірѣ съ нами. Нерѣдко спрашиваютъ, чѣмъ наслаждаются нѣкоторыя изъ низшихъ животныхъ; не естественнѣе ли поставить тотъ же вопросъ относительно этихъ варваровъ!» Слова эти гораздо болѣе подходятъ къ до-историческимъ людямъ, чѣмъ мечты нѣкоторыхъ археологовъ. Эти самые огнеземляне, описываемые Дарвиномъ, живутъ, вѣроятно, очень близко къ тому, какъ, напримѣръ, жили до-историческія племена, накопившія на датскихъ берегахъ, такъ-называемыя, сорныя или кухонныя кучи (кьёккенмоддинги), состоящія, преимущественно, изъ раковинъ устрицъ и двухъ другихъ видовъ съѣдобныхъ моллюсковъ. Они также живутъ почти исключительно моллюсками и накопляютъ большія кучи ихъ раковинъ.

Въ виду всего этого, бытъ теперь живущихъ дикарей и варваровъ представляетъ огромный интересъ. Они сохранили часто привычки, утварь, оружіе, мѣстами, вѣроятно, и утлыя лодки, употреблявшіяся задолго до древнѣйшихъ цивилизованныхъ народовъ Египта и Индіи.

Не вдаваясь въ подробности, напомню уже прежде выведенное мною правило, что населенность людьми бываетъ обратна населенности домашними животными. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить, что въ средѣ двухъ главнѣйшихъ и самыхъ многочисленныхъ человѣческихъ породъ,—кавказской и монгольской,—наименѣе интеллектуальными являются тѣ народы, которые всего болѣе придерживаются мясной пищи. Всѣ страны ледовитаго прибрежья, не поддающіяся земледѣлію, населены рыболовными народами, стоящими на самой низкой степени развитія. Близко подходятъ къ нимъ, по развитію, племена, занимающіяся звѣриною ловлею въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ обоихъ материковъ. Степи и пустыни повсюду прокармливаютъ мясомъ и молокомъ сравнительно-рѣдкое, кочующее или пастушеское населе-

---

[1]) Ч. Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль. Спб. 1865. Т. I, стр. 428 и слѣд.

ніе, состоящее опять изъ дикарей или изъ варваровъ. Даже отрасли цивилизованныхъ націй мѣстами стали возвращаться къ варварству, подъ вліяніемъ пастушеской жизни; таковы, напримѣръ, гаучосы южной Америки.

Даже западная Европа представляетъ до сихъ поръ явленіе, сходное съ только-что указаннымъ: наименѣе культурный изъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ—венгерцы, сохраняютъ до сихъ поръ, среди своихъ пустъ, характеръ пастушескихъ народовъ.

Словомъ сказать, мы и теперь замѣчаемъ въ средѣ мясоядныхъ племенъ тотъ же застой, ту же дикость и варварство, въ которое были погружены такъ долго племена до-историческихъ временъ. Не приписывая этого прямому, непосредственному вліянію пищи, мы и здѣсь можемъ, однакоже, утверждать, что питаніе животными продуктами не при чемъ относительно человѣческаго прогресса.

Послѣдній періодъ европейской жизни, со включеніемъ варварства и полуварварства среднихъ вѣковъ, ничтоженъ по сравненію съ періодомъ дикаго звѣроловства и пастушества. Историкъ, не принимающій во вниманіе временъ, о которыхъ не существуетъ писанныхъ или хотя бы изустныхъ преданій, можетъ поражаться трудностью и медлительностью поступательнаго движенія человѣчества; но для геолога должна казаться удивительнѣе та быстрота, съ которою человѣкъ прошелъ послѣднюю изъ ступеней своего развитія, то необыкновенное совершенство, до котораго онъ дошелъ въ такое короткое время.

Изъ всего, что̀ можно видѣть въ западной Европѣ, самое сильное впечатлѣніе производитъ на многихъ Помпея. Никакія описанія или картины не могутъ возбудить того неизъяснимаго трепета, который овладѣваетъ душою мыслящаго человѣка, ступающаго на камни, истертые людьми, жившими тутъ полною, своеобразною жизнью какъ-бы вчера, а между тѣмъ исчезнувшими съ лица земли тому назадъ около двухъ тысячъ лѣтъ. Вотъ-вотъ ждешь, что они явятся — эти люди, что брызнетъ водяная струя изъ фонтановъ, истертыхъ по краямъ ихъ амфорами, ихъ руками, ихъ пылающими отъ дневного зноя губами, что сейчасъ все тутъ зашевелится прежнею жизнію. Еще мгновеніе задумчивости, еще одно напряженное усиліе воли—и фантазія, кажется, готова превратиться въ дѣйствительность.

Такое живое чувство, возбуждаемое римскою стариною въ человѣкѣ XIX столѣтія, возможно не только потому, что онъ собственно живетъ тою же жизнію, которою жили древніе, но

и потому, что онъ отдѣленъ отъ нихъ такимъ ничтожнымъ промежуткомъ времени.

Проникая и мыслію, и чувствомъ, и фантазіею въ эту юность нашей цивилизаціи, сравнительно съ почти неисчислимою продолжительностью мрака, въ который было погружено до-историческое человѣчество, можно проникнуться и надеждою, что бѣдствія современныхъ намъ народовъ мало-по-малу исчезнутъ — такъ же, какъ исчезло, наконецъ, величайшее изъ бѣдствій, когда либо тяготѣвшихъ надъ людьми, а именно поголовное варварство.

Но для этого прежде всего необходимо полное замиреніе и исчезновеніе мясоядныхъ дикарей, ибо, съ точки зрѣнія естествоиспытателя, сама исторія, въ крупнѣйшихъ чертахъ своихъ, есть не что иное, какъ борьба мясоядныхъ варваровъ съ земледѣльческими хлѣбоядными народами. Она состоитъ именно изъ постепеннаго совершенствованія земледѣльческихъ племенъ, при вытѣсненіи пастушескихъ, пребывающихъ на степени дикаго невѣжества. Величайшія историческія катастрофы опредѣлены огромными переселеніями мясоядныхъ варваровъ; величайшія эпохи прогресса совпадаютъ съ переходомъ этихъ варваровъ отъ исключительно мясной пищи къ растительной и къ земледѣлію. Можно утверждать, что и въ новѣйшее время главнѣйшую причину борьбы между человѣческими племенами составляетъ до сихъ поръ существующая противоположность между темными массами, которыя живутъ стадами, и осѣдлыми народами, питающимися хлѣбными растеніями. Частныя войны между европейцами, или борьба китайцевъ съ ихъ западными подданными, являются, съ самой общей точки зрѣнія, второстепенными моментами великаго движенія и столкновенія народовъ, подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ.

Въ Старомъ Свѣтѣ ключомъ къ дальнѣйшему развитію человѣчества, очевидно, служитъ наше отечество. Его полуцивилизованное состояніе зависитъ прямо оттого, что оно все еще продолжаетъ бороться съ мясоядными варварами, или съ ихъ потомками, не потерявшими еще привычекъ своихъ предковъ. Громадныя земли русской имперіи до тѣхъ поръ не могутъ и не будутъ служить человѣчеству сообразно гигантскимъ силамъ, скрытымъ въ ихъ нѣдрахъ, пока эта борьба съ варварами не минуетъ окончательно. Западная Европа, населеніе которой чрезмѣрно уплотнилось, до тѣхъ поръ не перестанетъ угрожать Россіи, осуждая ее въ запущеніи столь огромныхъ плодородныхъ земель, пока Русь не будетъ въ состояніи, мирно воздѣлывая свои поля,

засыпать всѣ страны, отъ Карпатъ до Океана, избыткомъ своего хлѣбнаго зерна.

Другое движеніе, происходящее на крайнемъ востокѣ нашего Стараго Свѣта, также представляетъ непрерывную борьбу, вызываемую мясоядными ордами степной Азіи, съ хлѣбоядными китайцами. Весь этотъ хаосъ, такъ долго царствующій во внутренней Азіи, не есть-ли это слѣдствіе дикости мясоядныхъ толпищъ, не успѣвшихъ или не съумѣвшихъ сѣсть на растительную пищу, среди трудныхъ условій занимаемыхъ ими странъ.

Наконецъ, Индія, эта страна, издревле отвергнувшая всякое животное питаніе, не обязана ли и она жалкимъ состояніемъ своихъ народовъ тюркскимъ и монгольскимъ мясояднымъ завоевателямъ.

Итакъ, широкій взглядъ на развитіе человѣчества, отъ отдаленныхъ временъ каменнаго вѣка до нашихъ дней, равно какъ оцѣнка, въ крупнѣйшихъ чертахъ, настоящаго положенія населенія земного шара показываютъ, что родъ людской всѣми силами стремится къ превращенію поверхности своей земли въ пахатныя поля и сады. Задержкою въ этомъ стремленіи именно служатъ мясоядные народы, которые и являются основною причиною той борьбы въ средѣ человѣчества, которая столь цинически выражается войнами и всякими взаимными притѣсненіями.

Послѣ всего этого мы въ правѣ заключить, что преобладаніе мяса въ пищѣ, а тѣмъ болѣе исключительно мясная пища свойственны лишь дикому и варварскому человѣку.

Здѣсь было-бы умѣстно представить изслѣдованіе о пищѣ цивилизованныхъ народовъ древности, начиная съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ; но, не будучи достаточно знакомъ съ этимъ предметомъ, я рѣшаюсь указать только на нѣсколько, болѣе или менѣе извѣстныхъ фактовъ, какъ это сдѣлано мною въ предшествующихъ строкахъ касательно отношенія варваровъ къ цивилизованнымъ народамъ.

Укажу именно на то обстоятельство, что самая древняя цивилизація дальняго востока возникла среди народовъ, питавшихся преимущественно или даже исключительно растеніями, среди фитофаговъ. Какъ ни низка намъ кажется цивилизація Китая, но она, во всякомъ случаѣ, безконечно выше той степени развитія, на которой остановились степныя орды, подвластныя той же Небесной имперіи.

Еще выше стояла образованность древней Индіи, развившаяся среди племенъ, отказавшихся отъ всякой животной пищи.

Наконецъ, самые греки, философія, наука и искусство кото-

рыхъ послужили основою нашей образованности, отличались, въ лучшія времена своей исторіи, величайшею умѣренностью, питаясь преимущественно растеніями. За это они даже получили прозвища малопищихъ (μικροτράπεζοι) и листоѣдовъ (φυλλοτρῶγες).

Я не думаю, чтобы изъ всѣхъ приведенныхъ соображеній можно было заключить, что растительная пища лучше всякой другой способствуетъ интеллектуальному развитію человѣка; но изъ нихъ однакоже несомнѣнно явствуетъ, что пища чисто мясная опредѣляетъ образъ жизни, совершенно не совмѣстимый съ прогрессомъ. Что же касается до смѣшанной животно-растительной пищи, то на основаніи перечисленныхъ фактовъ можно только утверждать, что не она подвинула человѣческій родъ на пути цивилизаціи, ибо отцы самыхъ высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, самой возвышенной философіи и науки, нерѣдко черпали физическія свои силы только изъ царства растеній.

Сущность дѣла, очевидно, не въ томъ, чѣмъ именно питается человѣкъ, а въ томъ образѣ жизни, который опредѣляется этою пищею.

Предразсудокъ о безусловной необходимости смѣшанной животно-растительной пищи зародился исторически, вслѣдствіе долговременной привычки зажиточныхъ классовъ европейскаго населенія, а также вслѣдствіе удобствъ, представляемыхъ этою пищею. Болѣе или менѣе подходящая смѣсь мяса съ хлѣбомъ или съ овощами отыскалась, такъ-сказать, сама собою: каждый человѣкъ инстинктивно и весьма удобно можетъ измѣнять, согласно потребностямъ своего организма, балансъ между бѣлковыми и безбѣлковыми веществами своей пищи, посредствомъ усиленія или ослабленія того или другого изъ двухъ ея элементовъ. Такъ какъ въ извѣстныхъ слояхъ европейскаго общества смѣшанная животно-растительная пища передавалась изъ рода въ родъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, то понятно, что самый организмъ европейца приспособился къ этого рода пищѣ.

Указанный предразсудокъ исчезнетъ, однакоже, самъ собою. Если бы, напримѣръ, какое-нибудь семейство нѣмецкихъ бароновъ посредственнаго состоянія — а такихъ теперь очень много — могло возстановить не только всю свою генеалогію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и составъ трапезъ всего длиннаго ряда своихъ предковъ, то оно навѣрное было-бы поражено скудостью мясъ своего теперешняго стола, по сравненію со столомъ древнѣйшаго изъ своихъ родоначальниковъ. Оно увидѣло бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта скудость наступала постепенно, — сначала исчезла дичина, замѣнившись говядиной и бараниной; затѣмъ и говядина стала

рѣже появляться; наконецъ картофель, браунколь и грюнколь, кольрабія, фасоль и множество другихъ овощей начали преобладать, а теперь въ иной день за столомъ появляется мясо только въ видѣ сока, въ видѣ приправы къ разнообразнымъ произведеніямъ растительнаго царства.

Обѣднѣвшіе бароны наши принуждены были-бы сознаться, что въ будущемъ за столомъ ихъ потомковъ исчезнетъ, пожалуй, даже всякій слѣдъ мясныхъ кушаній.

Предразсудокъ, о которомъ идетъ рѣчь, поддерживается въ Европѣ также весьма сильно обаяніемъ Англіи. Страна эта служитъ предметомъ зависти и подражанія всѣмъ остальнымъ, сознательно живущимъ народамъ. Странно было-бы сомнѣваться въ ея относительно высокомъ процвѣтаніи и въ ея преобладаніи касательно всего, что́ можно считать практически полезнымъ для человѣчества; а гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, сытнѣе и цѣлесообразнѣе прокормлены самыя массы населенія, гдѣ же въ Европѣ такъ обильно мясо, какъ въ Англіи?

Я уже указывалъ на это сопоставленіе; но здѣсь приходится спросить, можно-ли дѣйствительно считать Великобританію типомъ и образцомъ культурнаго государства?

Одинъ ученый и извѣстный писатель [1]) до того, повидимому, убѣжденъ во всеобщемъ преобладаніи Англіи, что предсказываетъ будущее первенство англійскаго языка надъ всѣми остальными. Въ виду всеміринаго его распространенія, онъ даже совѣтуетъ англичанамъ позаботиться объ измѣненіи ихъ неудобной орѳографіи.

Но, несмотря на блестящія стороны англійской культуры и жизни, всякій согласится, что и она страдаетъ своими, и притомъ очень крупными недостатками.

Если вникнуть въ эти недостатки, то чуть ли не всѣ они окажутся слѣдствіемъ излишней сытости. Атлетизмъ, порожденный обильною мясною пищею и всякими гимнастическими упражненіями, черезчуръ распространяется въ Англіи; въ нѣкоторыхъ классахъ ея населенія онъ сталъ даже идеаломъ. Вотъ это-то стремленіе къ развитію мускуловъ, всегда отличавшее сыновъ Британіи, составляетъ основу всѣхъ ихъ недостатковъ и пороковъ. Нашелся же тамъ недавно такой моралистъ, который провозгласилъ во всеуслышаніе, что счастіе разумнаго человѣка

---

[1]) *Alphonse de Candolle*. 1873. Avantage pour les sciences d'une langue dominante, et laquelle des langues modernes sera nécéssairement dominante au XX-me siècle.

должно заключаться въ достиженіи умѣреннаго богатства и комфортабельной обстановки.

Главнѣйшее достоинство англійскаго ума и образованности заключается въ необыкновенной практичности. Въ Англіи все имѣетъ отпечатокъ утилитаризма. Искусства стояли всегда, и теперь находятся, на необыкновенно низкой степени развитія сравнительно съ общимъ политическимъ и общественнымъ развитіемъ страны. Въ самой литературѣ напрасно ищешь возвышенныхъ, отвлеченныхъ идеаловъ. Математика, механика, особенно же прикладныя науки, техническія знанія, — вотъ на что̀ всего больше способенъ англійскій народъ. Все это вмѣстѣ составляетъ драгоцѣнное цѣлое, безъ котораго образованное человѣчество не можетъ обойтись, но такъ какъ утилитаризмъ всегда узокъ, то англійская цивилизація приспособлена исключительно для англичанъ. Внѣшняя политика умна, благоразумна, и все, что́ угодно въ томъ же родѣ, но руководится исключительно матеріальными выгодами заправляющихъ классовъ одной Англіи. То же можно сказать о внутренней политикѣ этой страны, гдѣ, при величайшей политической свободѣ, съумѣли поработить все населеніе нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ богачей, содержа притомъ массы на такой степени матеріальнаго довольства, что онѣ остаются въ покоѣ.

Все это однакоже могло быть достигнуто и достигается насчетъ остальныхъ народовъ. Невольно припоминается мнѣ при этомъ одно явленіе, возникшее въ сѣверной Германіи въ недавнее время, а именно превращеніе хлѣбныхъ полей въ луга, ради откармливанія скота. Такъ какъ нѣмецкая пшеница и рожь не могутъ соперничать съ русскимъ и американскимъ хлѣбомъ, а въ Англію требуется мясо, то сѣверные нѣмцы и стали производить изъ своей земли мясо для англичанъ. Если это будетъ распространяться, то хлѣбъ въ той части Германіи по всей вѣроятности вздорожаетъ, и тогда можно будетъ безъ парадокса утверждать, что часть британскаго населенія питается кровью и мясомъ нѣмецкихъ обывателей.

Къ счастію, въ Россіи, которая кормитъ своимъ хлѣбомъ значительную часть англійскаго населенія, возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ выгодно именно для крестьянъ, которые производятъ большую часть нашего хлѣба. По крайней мѣрѣ, оно такъ должно бы быть, если бы наше крестьянство могло повсюду получать за свои продукты настоящую цѣну.

Не вдаваясь, однакоже, въ подробности, мы здѣсь должны указать только на то, что англійскій утилитаризмъ, находясь въ

связи съ атлетизмомъ, а слѣдовательно—съ мясною пищею, совершенно лишаетъ англійскую цивилизацію мірового значенія. Пересадить ее на континентъ невозможно уже потому, что тутъ она тотчасъ потеряетъ свой главный характеръ, практическую узкость интересовъ, а главное—потому, что если, сравнительно, маленькій англійскій народъ можетъ жить насчетъ остальныхъ, то это совершенно немыслимо относительно большихъ народовъ континента, не отдѣленныхъ другъ отъ друга морскими проливами.

Великая польза, извлекаемая человѣчествомъ изъ англійской цивилизаціи, была бы ничтожна безъ идеалистическаго глубокомыслія и пылкаго остроумія германскихъ и романскихъ народовъ, которыхъ, по сравненію съ англійскимъ, можно называть, пожалуй, и микротрапезами и филлотрогами, такъ какъ они дѣйствительно ѣдятъ гораздо меньше, чѣмъ англичане, особенно мяса.

Если, мысленно остановившись на всѣхъ затронутыхъ нами вопросахъ, вдуматься еще разъ въ кратковременность, въ относительную новизну нашей образованности, то мы придемъ къ тому убѣжденію, что родъ человѣческій находится только въ началѣ своего истинно-интеллектуальнаго развитія.

Для того, чтобы выступить изъ періода дикаго варварства, человѣчеству потребовался весь четверной періодъ геологовъ. Въ продолженіи всего этого длиннаго ряда тысячелѣтій, человѣкъ, оставаясь звѣроловомъ, мясоѣдомъ и даже людоѣдомъ, подобно звѣрямъ, заботился только объ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей, о сохраненіи себя самого. Этотъ періодъ можно называть поэтому періодомъ *самосохраненія*.

Только съ переходомъ къ земледѣлію начался постепенно тотъ періодъ, который можетъ называться періодомъ *сохраненія рода*. Люди стали заботиться о семьѣ, о своихъ соплеменникахъ, наконецъ, о соотечественникахъ; но и до сихъ поръ еще не дошли до полнаго сознанія необходимости заботиться въ равной степени о сохраненіи всего своего рода въ цѣлости. Называющіе себя космополитами почти всегда оказываются себялюбцами, относящимися съ одинаковымъ равнодушіемъ какъ къ судьбамъ своихъ соотечественниковъ, такъ и къ судьбамъ какихъ-нибудь орочонъ, папуасовъ, китайцевъ и т. д. Изреченіе: для мудраго весь міръ—отечество, остается и теперь, какъ въ древности, отвлеченнымъ понятіемъ.

Находясь въ началѣ этой эры, мы еще долго будемъ свидѣ-

телями остатковъ перваго періода, къ несчастію, еще очень значительныхъ.

Наступитъ ли когда-нибудь третій вѣкъ, вѣкъ *самосовершенствованія*, когда заботы о самосохраненіи и сохраненіи рода войдутъ въ плоть и кровь каждаго человѣка, а высшею заботою и высшимъ наслажденіемъ будетъ выработка и осуществленіе нравственныхъ идеаловъ?

Въ виду необыкновенной продолжительности перваго періода, въ виду юности нашей цивилизаціи, наконецъ, въ виду того, что отъ времени до времени появляются люди, принадлежащіе какъ-бы къ тому желанному будущему, мы, съ своей стороны, не сомнѣваемся, что оно наступитъ—это желанное будущее.

Не берусь развивать здѣсь этой утопіи, какъ ее назовутъ многіе, а можетъ быть и большинство моихъ читателей. Попрошу, однако же, перенестись фантазіею въ глубь каменнаго вѣка и представить себѣ одного изъ швейцарскихъ дикарей, времени озерныхъ жилищъ, спящаго, напримѣръ, на берегу Констанцскаго озера.

Ему снится чудный сонъ. Онъ видитъ обширныя воды своего родного водоема, но нѣтъ на немъ болѣе признаковъ приземистыхъ хижинъ его деревни. Повсюду, на прибрежныхъ пышныхъ лугахъ, въ долинахъ и на окрестныхъ горахъ, пасутся или лѣниво лежатъ, жуя свою жвачку, сытыя стада. Не видно даже пастуховъ, но не видно нигдѣ и желтаго длиннаго тѣла съ косматою головою, осторожно пробирающагося въ кустахъ. Тамъ, гдѣ еще вчера вопили стаи гіенъ, раздирая вонючее мясо, возвышаются фантастическія зданія, узорчатыя башни и шпили. Воды озера бороздятся огромными, дымящими и шумящими лодками, съ толпами веселыхъ людей. Въ воздухѣ слышится, невѣдомый нашему сонному звѣролову, металлическій звонъ колоколовъ. Всего же болѣе онъ пораженъ огромными, на его глазъ, толпами людей и тѣмъ миромъ и согласіемъ, которые между ними царствуютъ... Этому человѣку, очевидно, грезится его родное озеро въ томъ видѣ, въ которомъ оно теперь. Что, если бы, проснувшись, онъ съумѣлъ разсказать своимъ соплеменникамъ хоть частицу того, чтб ему приснилось, утверждая притомъ, что все это со временемъ совершится, что все это не пустая фантазія, а нѣчто вполнѣ возможное, хотя и въ далекомъ будущемъ. Нашелся ли бы въ тѣ времена хоть одинъ человѣкъ, способный не только повѣрить, но даже и внимать сумасброднымъ рѣчамъ бѣдняка?

Подобными же дикарями по отношенію къ будущему являемся

и мы, когда не можемъ даже представить себѣ, что можетъ наступить время, когда люди перестанутъ предаваться самоистребленію, и даже того, что когда-нибудь люди будутъ всѣ поголовно и ежедневно сыты, одѣты и прикрыты отъ непогоды.

Какъ бы то ни было, если даже считать высказанныя надежды за пустыя мечты, все же въ исторіи человѣчества наступитъ періодъ болѣе возвышенной и болѣе распространенной цивилизаціи, чѣмъ цивилизація нашего времени. И этотъ вѣкъ несомнѣнно совпадетъ съ такими временами, когда человѣкъ будетъ черпать свои силы исключительно изъ царства растеній.

Можетъ быть, на далекихъ полярныхъ окраинахъ, на иныхъ океанскихъ островахъ или негостепріимныхъ берегахъ, останутся племена ихтіофаговъ; но они не будутъ способны слѣдовать за общимъ прогрессомъ человѣчества, оставаясь навсегда какъ-бы неподвижнымъ изображеніемъ того, чѣмъ былъ человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія.

Итакъ, повторяемъ, будущность за вегетаріанцами, а наукѣ предстоитъ великая обязанность—выработать формулу растительной пищи, вполнѣ соотвѣтственную основнымъ выводамъ физіологіи.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ животная пища согласуется съ высшимъ проявленіемъ человѣческой природы, съ тѣмъ, что̀ мы называемъ гуманностью. Слѣды ея замѣтны и въ самыхъ звѣроподобныхъ дикаряхъ, но высшей напряженности достигла она въ средѣ цивилизованныхъ христіанскихъ обществъ.

Любовь не только къ одному человѣчеству, но и ко всему живому, даже ко всему, что̀ входитъ въ составъ вселенной — вотъ высшее проявленіе этого благороднѣйшаго аттрибута нравственно-развитаго человѣка.

Такая характеристика, очевидно, не вяжется съ убійствомъ, хотя бы и безсловеснаго животнаго, и отвращеніе ко всякому кровопролитію будетъ всегда первѣйшимъ признакомъ гуманности.

Многіе при этомъ, можетъ быть, готовы разразиться сардоническимъ смѣхомъ надъ сантиментальностью, разстройствомъ нервовъ и т. п.; но я желалъ бы знать, согласился ли бы хоть кто-нибудь увидѣть весь свѣтъ населеннымъ одними мясниками, живодерами и тому подобными ремесленниками, необходимыми въ нашъ просвѣщенный вѣкъ?

Въ Европѣ давно существуютъ общества покровительства животнымъ, но искусственно созданная потребность нѣкоторой части

человѣчества къ мясу считается достаточной причиной для отнятія жизни у этихъ, заботливо охраняемыхъ существъ.

Мы всѣ до того привыкли ѣсть или видѣть, какъ другіе ѣдятъ мясо, что намъ при этомъ и въ голову не приходитъ мысль объ убійствѣ тѣхъ животныхъ, куски которыхъ лежатъ передъ нами на блюдѣ. Тамъ, гдѣ-то за городомъ, есть бойня, отвратительное, смрадное и кровавое мѣсто, гдѣ рѣжутъ, дерутъ, рубятъ и цѣдятъ кровь изъ жилъ; но кто же туда заглядываетъ!

Тамъ, гдѣ-то за Дунаемъ, думалось, можетъ быть, инымъ легковѣрнымъ, валяются тысячи мертвыхъ и полумертвыхъ человѣческихъ тѣлъ, растерзанныхъ и всячески изможденныхъ; но что же дѣлать,—война, необходимое зло, имѣющее и свою хорошую сторону, ибо оно освѣжаетъ общественную атмосферу, подобно грозѣ, какъ говоритъ знаменитый фельдмаршалъ Мольтке.

Мнѣ кажется, что эти двѣ бойни находятся въ несравненно болѣе тѣсной связи, чѣмъ то думаютъ обыкновенно; что мясническое и пушечное мясо (la chair de boucherie et la chair à canon) представляютъ два явленія, другъ друга опредѣляющія или, по крайней мѣрѣ, другъ друга поддерживающія.

Дѣло тутъ вовсе не въ сантиментальности, не въ ложной чувствительности, а въ томъ, что грубость ремесла непремѣнно опредѣляетъ и грубость чувствъ. Такъ какъ необходимость въ атлетахъ уже почти миновала, теперь и стальныя пушки выковываются паровыми молотами, то нечего и жалѣть о будущемъ исчезновеніи такой примѣси къ человѣческой пищѣ, которая всего болѣе способствуетъ грубости нравовъ и развитію мускуловъ.

А. Бекетовъ.

ДРУГУ

„Кто посѣялъ со слезами—
пожнетъ съ радостью“.
Болгарская поговорка.

I.

Давно-ли я покинулъ васъ
Въ тяжелый день, въ угрюмый часъ?
Съ какой усталостью во взорѣ
Въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ
Роптали вы на свой удѣлъ:

«Не тьма заботъ, не груда дѣлъ
Меня тревожатъ и смущаютъ,—
Мнѣ силы сердца измѣняютъ
И въ усыпленьи стынетъ умъ.
Противенъ мнѣ столицы шумъ,
Ея бездушное приличье
И это прѣсное безличье,
Которымъ славенъ здѣшній людъ..
Смотрите, какъ они снуютъ,
Рабы мишурнаго стремленья,
Толпы больного населенья!
Какой ихъ праздникъ оживитъ?
Какая встрѣча—изумитъ?
И гдѣ тутъ чернь, и гдѣ—особы?
Не всѣ-ль задѣланные гробы
Межъ ними холодно плывутъ?
Какія драмы потрясутъ

Ихъ души, чуждыя тревогѣ?..
Плетясь по избранной дорогѣ,
Ни негодуя, ни любя,
Живетъ здѣсь каждый для себя...
И стынетъ кровь: былая вѣра
Безъ ободренья и примѣра
Тупѣетъ въ сердцѣ молодомъ,
И въ дуновеньи ледяномъ
Цвѣты надежды увядаютъ...
Безслѣдно годы протекаютъ,
А сколько силъ и свѣтлыхъ грезъ
Сюда я нѣкогда принесъ!!..
Пускай иной, не зная боли,
Убьетъ мечомъ желѣзной воли
Порывы сердца—и найдетъ
Призванье, чуждое заботъ,
И обаянье славы громкой:—
Такой безжалостною ломкой
Не всякій можетъ заплатить
За право временно царить
Въ глазахъ толпы неприхотливой...
Есть судъ иной—и судъ правдивый!
Его награда не въ одномъ
Благополучіи земномъ;
Практичный вѣкъ ему не внемлетъ,
Его законъ лѣниво дремлетъ;
Не многимъ страшенъ, какъ топоръ,
Его суровый приговоръ,—
И, право, здѣсь, въ стѣнахъ столицы,
Съ невиннымъ сердцемъ голубицы
Какъ разъ окажешься глупцомъ...
Что̀ дѣлать! Видно, наглецомъ
И аферистомъ въ новомъ родѣ
Я быть безсиленъ по природѣ.
Работать я готовъ и радъ,
Но тяжекъ внутренній разладъ
Безъ облегчающаго вздоха,
А этихъ улицъ суматоха
Мнѣ сколько лѣтъ ужъ не даетъ
Душевный выслушать отчетъ
И свѣрить прошлаго итоги.—
Возню и мелкія тревоги

Желалъ-бы кинуть я на срокъ,
Укрывшись въ тихій уголокъ!
Я каюсь вамъ: мечтой ревнивой
Берегъ я долго мигъ счастливый,
Когда безъ горькаго стыда,
Со славой виднаго труда,
Я могъ-бы, бодрый и довольный,
Подъ небо родины привольной
Отсюда вырваться на югъ,
И въ этотъ радостный досугъ
Въ обмѣнѣ дружескихъ сужденій
Набраться новыхъ поощреній...
И вотъ, какъ видите: увы!
Я все у берега Невы
Теряю волосы и годы
И жду привѣтливой погоды...
Ушелъ сейчасъ-бы: да—бѣда!
Грозится издали нужда,—
Совсѣмъ заѣли неудачи...
Теперь—весна... Убогой дачи—
И той не въ правѣ я имѣть;
Да и не хочется смотрѣть
На эти жалкія картины:
Туманъ, безтравныя равнины,
Дождливо-сѣрый небосклонъ
И, можетъ, я предубѣжденъ,—
Но мнѣ мучительно-несносны
Вездѣ чернѣющія сосны...
А самый городъ! Боже мой!—
Отъ передѣлокъ мостовой,
Отъ вѣчно мокрыхъ троттуаровъ,
Мундировъ, вывѣсокъ, швейцаровъ—
О, какъ желалъ-бы я отсель
Бѣжать за тридевять земель!»...

II.

И мы простились... Другъ коварный—
Спѣшилъ я, трижды благодарный,
На Николаевскій вокзалъ,
Гдѣ скорый поѣздъ поджидалъ
Больныхъ искателей свободы.
Чрезъ мигъ—рѣшетчатые своды
Свистокъ прощальный огласилъ—
И паръ вагоны покатилъ.

Не стану вамъ писать отчета
О впечатлѣньяхъ перелета
Отъ Петербурга до Москвы,—
Его не разъ свершали вы.
Скажу лишь вамъ: въ столицѣ древней
Уже повѣяло деревней—
Встрѣчались съ кучей узелковъ
Фигуры смуглыхъ толстяковъ;
У всѣхъ—цвѣтистѣе наряды,
Теплѣе лица, проще взгляды,
И вы, при видѣ москвичей,
Невольно смотрите бодрѣй.
Но дальше, дальше... Воздухъ новый
Сгоняетъ съ сердца мракъ суровый;
Неся на крыльяхъ отъ заботъ,
Машина мчитъ меня впередъ
И ужъ готовитъ въ отдаленьи
Давно желанныя видѣнья.

Какая ночь!—Волшебный мракъ
И запахъ лѣса: вѣрный знакъ,
Что близокъ югъ и скрыто далью
Южанъ томящее печалью
Мерцанье сѣверныхъ ночей...
При свѣтѣ утреннихъ лучей
Открылись степи... Хороши
Онѣ въ простой своей тиши!
Какъ ихъ коверъ пушистъ и зеленъ,
Просторъ—могучъ и безпредѣленъ!
Прохладой нѣжится лицо;

Одно, какъ точка, деревцо
Вдали, кудрявое, чернѣетъ;
А тамъ, какъ парусъ, конь бѣлѣетъ
Иль ниткой тянется обозъ!..
О, вы бы тронулись до слезъ,
Когда-бъ, нужды покинувъ цѣпи,
Могли опять увидѣть степи!
Все чище, ярче цвѣтъ небесъ...
Привѣтъ тебѣ, знакомый лѣсъ!
Ужъ нѣтъ растительности хвойной:
Сосну смѣняетъ тополь стройный,
И вотъ—раскинулась, видна
Благословенная страна,
Гдѣ наша юность протекала.
Вотъ милый городъ... Ты слетала
Не разъ, далекая мечта,
Ласкать любимыя мѣста!..

III.

Я отдохнулъ.—Въ тѣни акацій
Досугъ студенческихъ вакацій
Я будто снова пережилъ,
И съ вами мысленно дѣлилъ
Отраду новыхъ впечатлѣній.
Какую смѣну наслажденій
Даетъ провинція тому,
Кто кинетъ давящую тьму
И гулъ столичнаго хаоса,
Гдѣ неумолчныя колеса
Гремятъ о вѣчной суетѣ!—
Какъ, долго стиснутый въ бинтѣ,
Зѣваетъ маленькій ребенокъ,
Освободившись отъ пеленокъ,
И хочетъ ручки потянуть—
Такъ радъ бываешь отдохнуть
Въ средѣ затишья и привѣта.
И думалъ я:—зачѣмъ безъ свѣта,
Безъ этихъ рощей и долинъ,
Мы доживаемъ до сѣдинъ
На нашемъ сумрачномъ болотѣ

Въ борьбѣ, лишеньяхъ и работѣ?
Зачѣмъ стремимся мы туда,
Гдѣ гибнуть силы безъ слѣда?
Здѣсь чище нравы, лучше — люди,
У всѣхъ вольнѣе дышать груди, —
Къ чему страдать! Нельзя-ли тутъ
Найти спасительный пріютъ?..

Но, видно, юное похмѣлье
Еще горитъ во мнѣ. Бездѣлье
Не тѣшитъ жизни молодой:
Мнѣ здѣшній тягостенъ застой...
Здѣсь мало бодрыхъ, много спящихъ,
И нѣтъ умовъ руководящихъ.
Легко здѣсь можно пріобрѣсть
Значенье видное, но честь —
Не въ этой славѣ, а въ заслугѣ:
Куда-жъ у васъ, въ обширномъ кругѣ
И силъ, и поприщъ всѣхъ родовъ, —
Возможно болѣе плодовъ
Принесть полезныхъ и отрадныхъ!
Условій много неприглядныхъ
У васъ для сердца и души, —
За то задачи хороши!..

Въ покоѣ вольномъ, безъ завѣта,
Провелъ я мирный праздникъ лѣта
Подъ лаской радужныхъ лучей,
Среди привѣтливыхъ полей,
Залитыхъ блескомъ изумруда, —
И что-жъ? — Повѣрите-ль? — Отсюда
Опять болѣзненно манитъ
Меня вашъ сѣверный гранитъ!

С. Андреевскій.

Село Заваловка. 6 іюня 1878.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ

съ

ФИНАНСОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

L'homme est de glace aux verités,
Il est de feu pour le mensonge.
La Fontaine.

I.

Общія соображенія и ближайшіе выводы.—Цифровыя данныя поступленія подоходнаго налога въ различныхъ странахъ и въ разное время.

Событія пережитаго нами 1877 года, вызвавшія чрезвычайныя затраты на войну съ Турціею, весьма естественно должны были возбудить и вопросъ: какими путями покрыть, какъ временные, чрезвычайные по случаю войны, расходы, такъ и ту долю увеличенія послѣднихъ, которая упадетъ на проценты по займамъ, совершённымъ для покрытія потребностей войны, только-что окончившейся? При обсужденіи этого вопроса, многіе указывали на подоходный налогъ, какъ одинъ изъ самыхъ раціональныхъ способовъ возвышенія государственнаго дохода. Мысль эту они подкрѣпляли примѣрами другихъ странъ,—Пруссіи, Австріи, Англіи,—опередившихъ насъ на этомъ пути. Указывали, что, напримѣръ, Пруссія, благодаря подоходному налогу, при отсутствіи недоборовъ и дефицитовъ (?) имѣетъ въ бюджетѣ лишнихъ около 70 милліоновъ марокъ (21 милл. рубл. металл.). Но особенно вразумительнымъ могло представляться то обстоятельство, что въ Англіи подоходный налогъ, введенный въ 1798 году

ради увеличенія средствъ на войну, доставлялъ до 15 милл. ф. стерл. въ годъ (около 95 милл. металлич. рублей) во время борьбы съ Наполеономъ, и до 16 милл. ф. стерл. во время крымской войны 1854 — 1856 г., которая потому и обошлась безъ увеличенія англійскаго государственнаго долга. Въ виду такихъ почтенныхъ цифръ, какъ только-что приведенныя и связанныя съ прусскимъ и англійскимъ подоходнымъ налогомъ; въ виду неизбѣжности увеличенія расходовъ по многимъ статьямъ бюджета, а преимущественно по той, которая упадаетъ на долю платежа процентовъ по учиненнымъ займамъ; въ виду, наконецъ, не могущихъ не увеличиться недоборовъ въ доходахъ, чему не мало способствуетъ злосчастная золотая пошлина, — въ виду такой совокупности основаній, весьма естественъ тотъ интересъ, который должно соединять съ собою предположеніе осуществить у насъ подоходный налогъ—property and income tax—какъ его называютъ англичане, или—Classensteuer и Classificirte Eincommensteuer—у пруссаковъ. Опредѣленнаго размѣра сборъ съ избытка дохода, получаемаго гражданиномъ отъ его многообразныхъ предпріятій или занятій, того избытка, который можетъ обнаружиться за вычетомъ расхода по предпріятію или занятію—такова простѣйшая формула опредѣленія понятія о подоходномъ налогѣ. Это же понятіе можно выразить еще проще—это есть сборъ съ чистаго дохода. По классификаціямъ учебниковъ, его относятъ къ категоріи прямыхъ налоговъ.

Мы должны предупредить также, что въ дѣлѣ условности или умѣстности введенія подоходнаго налога мы будемъ имѣть въ виду одно изъ слѣдующихъ руководящихъ началъ:

1) Какъ дополненіе къ существующимъ уже источникамъ государственнаго дохода, въ виду недостаточности послѣднихъ, для удовлетворенія потребностей государственнаго казначейства. При этомъ условіи предполагается, что податныя силы общества или далеко неисчерпаны, или, что не всѣ равномѣрно привлечены къ несенію налоговъ, уже существующихъ и, слѣдовательно, допускается возможность увеличенія средствъ казны путемъ этого новаго источника.

2) Когда подоходный налогъ, будучи разсматриваемъ, какъ одинъ изъ самыхъ раціональныхъ источниковъ дохода, вводится во имя реформы существующей системы податей и сборовъ. При этомъ онъ является замѣняющимъ или одинъ, или совмѣстно нѣсколько изъ существующихъ налоговъ, признанныхъ наукою или практикою неудовлетворительными въ томъ или другомъ отношеніи.

При разсмотрѣніи вопроса, насъ интересующаго, мы постараемся указать, насколько подоходный налогъ удовлетворяетъ каждому изъ этихъ двухъ началъ, т.-е. какъ непосредственному увеличенію средствъ казны, такъ и дѣлу реформы податной системы вообще.

Замѣтимъ при этомъ, что подоходный налогъ въ Англіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ введенъ въ 1798 году Вилльямомъ Питтомъ, является отвѣчающимъ первому началу. Съ этой же точки зрѣнія можно разсматривать подоходные сборы въ Пруссіи, Австріи, Италіи, равно какъ и тотъ опытъ введенія его у насъ, который былъ сдѣланъ въ 1812 году, причемъ дѣйствіе его ограничивалось только сборомъ съ помѣщичьихъ имѣній, приносящихъ болѣе 500 руб. годового дохода.

Возстановленный въ Англіи Р. Пилемъ въ 1842 году, послѣ 27-лѣтняго перерыва, во имя реформы существующей системы сборовъ, подоходный налогъ соотвѣтствуетъ второму началу.

Въ виду послѣдняго значенія его, въ виду сознанной всѣми неудовлетворительности нашей системы податей и сборовъ, въ виду, наконецъ, того обстоятельства, что у насъ болѣе 15 лѣтъ существуетъ спеціальная податная коммиссія, издавшая не одинъ томъ трудовъ своихъ,—въ виду всего этого, вопросъ о подоходномъ налогѣ является вопросомъ глубокой важности и съ этой послѣдней точки зрѣнія.

Но, спрашивается: потребность въ увеличеніи государственныхъ доходовъ явилась ли только въ данную, ближайшую къ намъ минуту, слѣдовательно вызвана послѣдними событіями, или эта потребность сознавалась и прежде, въ болѣе отдаленное отъ насъ время?

Я ставлю этотъ вопросъ, такъ какъ возможно допустить предположеніе, что чрезвычайный расходъ, имѣющій характеръ временнаго, случайнаго, покрытый путемъ займа или инымъ способомъ, хотя и вызываетъ увеличеніе расхода по статьѣ государственнаго кредита, но это увеличеніе расхода можетъ быть покрыто естественнымъ возрастаніемъ дохода, вслѣдствіе прогрессивнаго развитія матеріальнаго благосостоянія общества.

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, приведемъ слѣдующія цифровыя данныя, выражающія собою ту часть расходной статьи бюджета, которая упадаетъ на государственный кредитъ, т.-е. на проценты по займамъ, учиненнымъ въ разное время для покрытія дефицитовъ и недоборовъ. Возьмемъ среднія величины этихъ

цифръ, по пятилѣтіямъ и десятилѣтіямъ, начиная съ 1832 года по 1877 г. включительно, т.-е. за періодъ времени въ 46 лѣтъ [1]).

ГОДЫ.	Среднія: за 5 лѣтъ руб.	за 10 лѣтъ руб.
Съ 1832—1836	24.728,000	24.763,000
„ 1837—1841	24.798,000	
„ 1842—1846	31.560,000	37.708,000
„ 1847—1851	39.857,000	
„ 1852—1856	56.447,000	64.421,000
„ 1857—1861	72.395,000	
„ 1862—1866	60.855,000	72.620,000
„ 1867—1871	85.973,000	
„ 1872—1876	102.731,000	
въ 1877	по бюджету	108.264.871

Эти данныя, обнаруживающія возрастаніе расхода по статьѣ государственныхъ долговъ почти въ геометрической прогрессіи, ясно указываютъ, что вопросъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ имѣетъ нисколько не бо́льшее значеніе теперь чѣмъ 10, 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Извѣстно также, что передъ 1832 годомъ сумма нашего государственнаго долга составляла свыше 400 милл. рублей, не считая кредитныхъ билетовъ. Извѣстно, что бывшій министръ финансовъ гр. Канкринъ, для возвышенія государственныхъ доходовъ, ввелъ извѣстный покровительственный тарифъ, возвысивъ таможенныя пошлины едва-ли не въ бо́льшей еще пропорціи, чѣмъ это же достигнуто недавно посредствомъ введенія обязательства оплаты ихъ золотомъ. Мѣры гр. Канкрина, какъ извѣстно, вызвали явленіе, которое едва-ли представитъ исторія финансовъ какой либо страны: государственные доходы въ теченіи многолѣтняго періода его управленія, за исключеніемъ таможеннаго, представляли замѣчательный примѣръ не только неподвижности и застоя, но даже упадка, т.-е уменьшенія. Цифра государственнаго сбора, которую онъ засталъ при вступленіи въ завѣдываніе министерствомъ, была наивысшею за все его управленіе. Такое уменьшеніе доходовъ, вызванное искусственными мѣропріятіями, повлекло за собою изысканіе средствъ къ покрытію недоборовъ и увеличенію дохода или путемъ возвышенія другихъ налоговъ и податей вообще, или посредствомъ займовъ и усиленнаго выпуска кредитныхъ билетовъ съ прину-

[1]) Источниками для составленія этихъ данныхъ послужили слѣдующія правительственныя изданія: Статистическій Временникъ 1866 г., Финансовый Ежегодникъ и Отчеты Государственнаго Контроля.

дительнымъ курсомъ, что̀ естественно выразилось въ общемъ застоѣ и упадкѣ народнаго хозяйства, и остановило ходъ прогрессивнаго развитія народнаго благосостоянія. Вслѣдствіе упадка и невозрастанія доходовъ, небывалаго прежде, выпускъ кредитныхъ билетовъ достигъ и размѣровъ до того небывалыхъ. Хотя вслѣдъ за гр. Канкринымъ начали поправлять начавшееся зло, но оно и до сихъ поръ не устранено, можетъ быть и потому, что послѣдующія мѣры были только смягчающими, а не вырывающими зло съ корнемъ. Тарифъ 1857 г. хотя и является болѣе радикальнымъ, чѣмъ предыдущіе, слѣдующіе одинъ за другимъ почти черезъ каждыя 10 лѣтъ, но опять только въ смыслѣ смягченія зла, а не искорененія. Что̀ самъ Канкринъ сознавалъ плоды своей системы, видно изъ слѣдующаго его выраженія въ одномъ изъ его сочиненій, гласящаго такъ: «Финансы суть постоянное и большое зло (Uebel) не потому, что они необходимы, а по причинѣ ихъ естественнаго несовершенства и потому что почти на каждомъ шагу они стѣсняютъ свободное движеніе общества» [1].

Возрастаніе государственныхъ долговъ, выказывающееся въ цифрахъ процентовъ по займамъ, которыя я привелъ выше, указываетъ, какъ я уже разъ замѣтилъ, что вопросъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ не составляетъ исключительной и неожиданной принадлежности данной минуты. Если въ такъ-называемые «мирные періоды» развитія, какъ въ 1842—1846, 1857—1861, 1862—1866, мы видимъ возрастающія прогрессіи потребности заключенія займовъ, то что̀ же можно ожидать въ періоды военнаго времени? Отсылая читателя къ разсмотрѣнію этихъ цифръ, я попрошу остановить вниманіе на цифрѣ періода 1862—1866—времени, слѣдующаго за уничтоженіемъ крѣпостного права. Замѣтивъ, что въ этотъ періодъ нѣтъ возрастанія, а, напротивъ, уменьшеніе, весьма умѣстенъ и вопросъ о причинѣ такого рѣзкаго и знаменательнаго явленія, такъ какъ оно, можетъ быть, единственное въ нашей исторіи финансовъ? Нужно ли пояснять, что это явленіе есть результатъ того духа, того характера, которые начали высказываться вслѣдъ за крымскою войною. Тарифъ 1857 года былъ однимъ изъ первыхъ такихъ проявленій; затѣмъ, уничтоженіе военныхъ поселеній, мѣстныхъ управленій министерства государственныхъ имуществъ, крѣпостного права, винныхъ откуповъ и проч. Хотя на первый взглядъ нѣкоторыя изъ этихъ реформъ имѣютъ характеръ скорѣе

---

[1]) Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Stuttgart, 1845, стр. 216.

бытовой, чѣмъ финансовый, но это только на первый взглядъ. Напротивъ, нужно сказать, что едва ли когда-нибудь какая-либо реформа, имѣющая спеціально-финансовый характеръ, вызвала такіе благотворные результаты въ строго-финансовомъ отношеніи, какъ крестьянская реформа. Можно даже принять, что уничтоженіе винныхъ откуповъ имѣетъ меньшее значеніе по отношенію къ возвышенію доходовъ, чѣмъ уничтоженіе крѣпостного права, вызвавшее увеличеніе по всѣмъ источникамъ государственнаго сбора, можетъ быть, на 20, даже 30%. А такъ какъ, къ тому же, эта реформа вызвала самыя незначительныя затраты со стороны государственнаго казначейства, то нельзя не придти къ заключенію, что крестьянская реформа была одною изъ самыхъ плодотворныхъ въ строго-финансовомъ отношеніи.

Но если послѣдній выводъ можетъ показаться противорѣчащимъ тѣмъ даннымъ, которыя обнаруживаются въ періоды, слѣдующіе за 1866 годомъ, когда возрастаніе платежей по займамъ снова идетъ въ геометрической прогрессіи и, напримѣръ, въ 1877 г. выразилось цифрою 108 милл. руб., то это противорѣчіе есть только кажущееся. Въ сущности, это явленіе есть прямой результатъ тѣхъ спеціально-финансовыхъ мѣропріятій, которыя получаютъ примѣненіе въ годы, слѣдующіе за періодомъ 1862—67 г. Эти мѣры, носящія на себѣ характеръ мѣропріятій гр. Канкрина, противорѣчатъ тому духу реформъ, тому характеру отмѣненій и уничтоженій, которымъ повѣяло вслѣдъ за крымскою войною.

Едва-ли слѣдуетъ обойти молчаніемъ то обстоятельство, что въ послѣдніе годы и характеръ литературы, на первый взглядъ (но только на первый взглядъ,—прибавляю я), не имѣющій отношенія къ финансамъ, не тотъ, чтó былъ въ періодъ 1856 — 1865 г. Примѣняя талантливую характеристику Щедрина, скажемъ, что тогда не было Подхалимовыхъ и органовъ печати въ родѣ «Красы Демидрона».

Допуская, что недоборъ въ доходахъ долженъ выражаться въ той суммѣ, которая соотвѣтствуетъ величинѣ полученныхъ по займу капиталовъ, замѣчая, по таблицѣ, что въ періодъ десятилѣтія 1862 — 1871 г. средняя величина платежей процентовъ по долгамъ составляла 72 милл. рублей, тогда какъ въ десятилѣтіе 1852—1861 г. около 64 милл. рубл., мы должны вывести, что разность этихъ величинъ въ 8 милл. рубл., будучи капитализирована изъ 5%, даетъ 160 милл. рублей, которые и выражаютъ собою недостаточность въ доходахъ за 10 лѣтъ, или 16 милл. рублей ежегодно.

Но если сравнивать результаты этого же десятилѣтія (1862—1871 г.) со вторымъ (1842—1851)—въ 37 милл. рублей, то, при разности въ 35 милл. рублей, на ежегодные недоборы упадаетъ величина въ 70 милл. рублей. Другими словами, въ теченіи двадцати лѣтъ съ 1852—1871 г. займовъ совершено на сумму 700 милл. рублей, т.-е. по 35 милл. рублей ежегодно. Продолжая въ этомъ же направленіи, мы видимъ, что за 5 лѣтъ съ 1872 по 1876 годъ, сравнительно съ предшествующимъ ему пятилѣтіемъ, расходъ по статьѣ государственнаго кредита увеличился на $3^1/_2$ милл. рубл. ежегодно, что̀ соотвѣтствуетъ величинѣ недобора въ 70 милл. рублей въ годъ. На тѣхъ же основаніяхъ недоборъ въ 1877 г. (по бюджету), очевидно, вызванный «чрезвычайными событіями», по сравненію съ среднею цифрою предыдущаго пятилѣтія, представляетъ увеличеніе на 110 милл. рублей, а увеличеніе по статьѣ платежа процентовъ—на $5^1/_2$ милл. рублей.

Взявъ въ соображеніе всѣ эти данныя, ясно, что цифра ожиданія отъ проектируемаго подоходнаго налога должна быть не маловажна для того, чтобы содѣйствовать равновѣсію статей бюджета, какъ видимъ, хронически страдающаго отсутствіемъ этого свойства.

Задавшись цѣлью изслѣдовать, насколько послѣднее достижимо помощію подоходнаго налога, я постараюсь въ моемъ изложеніи привести мнѣнія и отзывы какъ государственныхъ людей, соприкасавшихся съ практикою этого дѣла, такъ и народныхъ представителей, высказывавшихся, при обсужденіи его, въ народныхъ собраніяхъ. Приведу тѣ данныя, которыя обнаружились въ Индіи, Пруссіи и Англіи на опытѣ приложенія подоходнаго налога и изложу собственный взглядъ, какъ результатъ вывода изъ этихъ данныхъ.

При этомъ предпошлю оговорку, что если выводы мои могутъ показаться апріористическими и недостаточно подтвержденными и доказанными, то это не отъ недостатка или отсутствія данныхъ, которыми бы можно было дополнить пробѣлъ или недосказанное, а оттого, что ограничивая себя рамкою журнальной статьи, я долженъ довольствоваться наиболѣе выдающимися и многозначущими фактами для достиженія заданной себѣ цѣли.

Прежде всего обратимъ вниманіе на цифровыя величины поступленія въ бюджетъ отъ подоходнаго сбора въ различныхъ странахъ и въ различное время.

Въ Англіи сборъ подоходнаго налога отъ цифры въ 1.600,000 ф. стерл. въ первый годъ (1798 г.), возрастая сообразно съ

измѣненіями въ размѣрахъ обложенія, достигъ до 15.600,000 ф. стерл. въ 1815 году, т.-е. отъ 5 до 20% всей суммы сборовъ отъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Послѣ 1842 года, отъ $5^1/_2$ милл. ф. стерл. (средняя за 12 лѣтъ) возросъ въ 1856 году до 16 милл. ф. ст. (около 22% всей суммы), вслѣдствіе увеличенія размѣра обложенія; затѣмъ, сообразно уменьшенію послѣдняго, упадалъ до 4 милл. ф. ст. (около 6% всей суммы) — въ 1876 г.

Въ Индіи подоходный налогъ доставлялъ отъ 200,000 до 1 милл. ф. ст., т.-е. до 2% всей суммы государственнаго дохода.

Въ Пруссіи—отъ 10 милл. талеровъ въ 1852 г. возвысился до 23 милл. талеровъ въ 1876 г., т.-е. около 12% всей суммы слагаемыхъ бюджета.

Въ Австріи, безъ Венгріи, въ 1874 г. 23 милл. флор. — около $5^1/_2$%.

Въ Италіи подоходный сборъ, по бюджету 1876 г., предполагался въ 175 милл. лиръ, около 12% всего дохода.

Въ Финляндіи до 800,000 марокъ (около $2^1/_2$%) въ 1876 г. Здѣсь онъ является временнымъ, чрезвычайнымъ, разрѣшаемымъ сеймомъ на періодъ до слѣдующаго собранія народныхъ представителей.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить цифровыхъ данныхъ относительно подоходнаго налога съ помѣщичьихъ имѣній, установленнаго у насъ въ 1812 году. На основаніи нашихъ законовъ о печати, сочиненіе «La Russie et les Russes» Тургенева не выдается изъ Публичной Библіотеки; а потому мы воспользуемся только тѣми данными, на которыя ссылается Парье [1]) и которыя заимствованы имъ у того же Тургенева.

По этимъ даннымъ оказывается, что «налогъ 1812 г. не имѣлъ серьёзныхъ финансовыхъ послѣдствій. Правительство разсчитывало получить отъ него 12 милл. рублей; на самомъ же дѣлѣ поступило только 2 милл. рублей». Размѣръ дохода опредѣлялся самими помѣщиками, «по вѣрѣ и чести», безъ вмѣшательства со стороны администраціи. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому опыту, скажемъ, что получающіе доходъ:

въ	500—2,000 р.	вносили	налогъ	въ	1%
»	2,000—4,000 »	»	»	»	2%
»	4,000—6,000 »	»	»	»	3%
отъ	18,000 и выше	»	»	»	10%

---

[1]) Esquirou de Parieu, Traité des impots. Paris, 1863, t. 2, стр. 48 и 49. Его же: Histoire des impots sur la propriété et le revenu. Paris, 1852.

Слѣдовательно, это прогрессивный налогъ. Въ 1820 г. онъ былъ отмѣненъ; а въ виду того, что въ манифестѣ о сложеніи недоимокъ, по случаю торжества заключенія мира, упоминается и объ этомъ налогѣ, нужно допустить, что и добровольный сборъ не обошелся безъ недоимокъ.

Останавливая вниманіе на величинахъ поступленія дохода, осуществлявшихся въ Англіи, Пруссіи и Италіи, нельзя не сознавать причины предрасположенія въ пользу подоходнаго налога. Если же присоединить къ этому то обстоятельство, что сумма слагаемыхъ, составляющихъ нашъ бюджетъ, не покрываетъ расходовъ и въ «мирное» время, что недоимки по сборамъ, уже установленнымъ, несмотря на періодическія ихъ сложенія со счетовъ (въ 1856 г. прощено 56 милл. руб.), постепенно и правильно возрастая, переходятъ изъ года въ годъ, и, несмотря на усиленіе строгости и энергіи взысканія со стороны полиціи, достигли въ 1875 г. по окладнымъ сборамъ цифры далеко свыше 40 милл. руб.,—въ виду всего этого — нельзя отрицать всей важности и того значенія, которое можетъ соединять съ собою подоходный налогъ, хотя и осуществившійся въ нѣкоторыхъ странахъ, но у насъ еще не введенный. Имѣя, въ назиданіе себѣ, опыты другихъ странъ, мы можемъ относиться къ нему или примѣнить его на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже сказались тамъ.

Мы можемъ, мы должны воспользоваться уроками опыта другихъ—для того, чтобы обойти и предотвратить тѣ отрицательныя стороны, которыя неизбѣжны во всякомъ опытѣ, во всякомъ примѣненіи той или другой истины, какъ бы послѣдняя ни была непреложно вѣрна. По теоріи, этотъ источникъ сбора, затрогивая избытки дохода, остающіеся за удовлетвореніемъ гражданиномъ его нуждъ и потребностей, представляется и правомѣрнымъ, и соотвѣтствующимъ чувству справедливости, слѣдовательно, долженъ казаться и самымъ раціональнымъ способомъ обложенія. Таковъ апріористическій выводъ о налогѣ, составляющемъ предметъ настоящей статьи. Наша цѣль—изложить, насколько этотъ выводъ подкрѣпляется практикою и опытомъ странъ, примѣнявшихъ его.

II.

Постановка вопроса о подоходномъ налогѣ въ Швеціи, Индіи и Франціи.

Я начну мое изложеніе ссылкою на документъ, ясно выражающій, насколько господствуетъ предрасположеніе къ этому налогу. Я говорю о рѣчи шведскаго короля, произнесенной имъ (4 февраля 1878 г.) при открытіи норвежскаго стортинга, передъ народными представителями: «Хотя насъ и не затронули,— говоритъ король въ этой рѣчи, — политическія усложненія настоящей минуты, *стѣсненность положенія промышленности и торговли*, которая даетъ себя чувствовать во всей остальной Европѣ, не могли, однако, не остаться безъ вліянія на многія изъ отраслей нашей промышленности, дѣятельность которыхъ была поставлена въ неблагопріятныя условія. Кромѣ того, *урожай былъ менѣе удовлетворителенъ*, чѣмъ въ прошломъ году почти во всей странѣ. Правда, цифра государственныхъ доходовъ *удержалась на обычной нормѣ;* но въ виду того, что особенно значительныя суммы требуются для *окончанія линіи желѣзныхъ дорогъ*, строющихся на счетъ государства, потребность въ увеличеніи средствъ бюджета настоятельно давала себя чувствовать. Помимо законопроекта, имѣющаго цѣлью удовлетворить этой потребности и предложеннаго мною стортингу еще въ прошлую сессію, вамъ будетъ представленъ законопроектъ и *о подоходномъ налогѣ.* Въ виду возникающаго вопроса о томъ, слѣдуетъ ли странѣ послѣ 40-лѣтняго перерыва *снова возложить на себя бремя прямого налога*, мы должны признать за собою благодѣяніе божественнаго промысла въ томъ обстоятельствѣ, что *необходимость* такого налога представляется *не вслѣдствіе какого-либо перерыва въ ходѣ мирнаго развитія*, которымъ намъ дано было пользоваться въ теченіи столь долгихъ лѣтъ, *но* что она *обусловливается единственно стремленіемъ обезпечить нашему отечеству, въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ, подобающую долю участія въ прогрессѣ, характеризующемъ нашъ вѣкъ»* (Сѣв. Вѣстн. 1878 г. № 38).

Нельзя не остановиться на подробномъ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ мѣстъ этой рѣчи (которыя напечатаны курсивомъ), такъ какъ въ ней довольно ясно проведены мотивъ и постановка интересующаго насъ вопроса. Въ этой рѣчи слышимъ, что подоходный налогъ есть «бремя», отъ котораго, «благодаря божественному промыслу», страна была свободна въ теченіи 40 лѣтъ, и

потому развивалась счастливо, чтó видно изъ того, что, несмотря на внѣшнія «политическія усложненія», несмотря на неурожай почти во всей странѣ, «государственные доходы удержались на обычной нормѣ». На основаніи этого нужно ожидать въ слѣдующемъ же году, въ случаѣ общаго умиротворенія, въ случаѣ хорошаго урожая, возвышенія государственныхъ доходовъ, слѣдовательно и средствъ хотя бы «для окончанія линіи желѣзныхъ дорогъ». Но, во имя «участія въ прогрессѣ, характеризующемъ нашъ вѣкъ», признается нужнымъ «испытанное уже бремя прямого налога» возстановить, и когда же?—въ то время, когда общество несетъ уже на себѣ тягости и внѣшнихъ замѣшательствъ, и неурожая? И для какой цѣли? Для «окончанія линіи желѣзныхъ дорогъ!» Не странно ли, что изъ-за чисто-коммерческаго предпріятія, не могущаго не принести выгодъ, особенно въ виду того, что шведскія государственныя бумаги пользуются исключительно высокимъ довѣріемъ на иностранныхъ биржахъ, не странно ли,—говорю я, изъ-за выгодъ нѣсколькихъ лицъ, возрождать *испытанное уже*, по мнѣнію тронной рѣчи, «бремя?» Это «бремя», будучи возрождено, не вызоветъ ли уменьшенія средствъ государственнаго бюджета въ будущемъ, чего не было даже въ годъ съ «политическими усложненіями» и неурожаемъ, какъ въ 1877 году? Если же послѣднее во имя «прогресса, характеризующаго нашъ вѣкъ», то спрашивается, не есть ли недоразумѣніе относить возрожденіе «бремени» къ прогрессу?

Далеко не такъ отнеслись въ другомъ парламентѣ, гдѣ также зашла рѣчь о бюджетѣ, гдѣ также затронутъ былъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, а именно въ англійскомъ, по поводу предложенія возстановить этотъ налогъ въ Индіи, въ виду усилившейся потребности въ финансовыхъ средствахъ, вызванной также неурожаемъ, и даже голодомъ въ нѣкоторой части Индіи. Я говорю о засѣданіи англійской палаты общинъ 25 января 1878 года.

Лэнъ, бывшій министръ финансовъ въ Индіи, проводилъ въ своей рѣчи, что «каждый вновь назначенный вице-король, каждый новый министръ финансовъ, отправляясь въ Индію, ѣхалъ туда вполнѣ предрасположеннымъ въ пользу подоходнаго налога; но послѣ самаго кратковременнаго пребыванія, какъ тотъ, такъ и другой, приходили къ сознанію, что въ Индіи этотъ налогъ представляетъ великое зло и примѣненіе его возможно развѣ въ крайнемъ, непредвидѣнномъ случаѣ. Онъ (Лэнъ) испыталъ на себѣ ту же участь, будучи также предубѣжденъ въ пользу того прямого налога, который для Роберта Пиля послужилъ средствомъ вызвать развитіе промышленности въ Великобританіи; но доста-

точно было шести мѣсяцевъ его пребыванія въ Индіи, чтобы придти къ сознанію, на основаніи вѣскихъ и солидныхъ доказательствъ, въ неумѣстности тамъ этого налога. Лордъ Каннингъ также пришелъ къ заключенію, что между туземцами подоходный налогъ настолько непопуляренъ, что представляетъ собою даже источникъ политической опасности. Лично ему (Лэну) послѣдній высказывалъ, что скорѣе можно согласиться управлять Индіею съ 40,000 арміею европейцевъ, но безъ подоходнаго налога, чѣмъ съ арміею въ 80,000 при этомъ налогѣ. Лордъ Норсбрукъ приходилъ къ тому же заключенію. Такой взглядъ главнымъ образомъ вытекаетъ изъ отличія англійскаго общества отъ индійскаго. Въ Индіи обстоятельства каждаго туземца мало извѣстны. Тамъ на улицѣ нерѣдко можно встрѣтить господина, имѣющаго видъ нищаго, тогда какъ молва гласитъ, что онъ милліонеръ съ огромнымъ состояніемъ. Въ большинствѣ случаевъ нѣтъ возможности опредѣлить состояніе или доходъ безъ примѣненія системы строгаго разслѣдованія. А для жителя Востока ничего нѣтъ болѣе ненавистнаго, какъ розысканія подобнаго рода. Были случаи, что индіецъ вѣшался, во избѣжаніе подобнаго разслѣдованія его домашнихъ дѣлъ. Далѣе, такъ какъ взысканіе подоходнаго налога нужно было-бы довѣрить большому числу чиновниковъ изъ туземцевъ, то послѣдніе не преминули бы сдѣлать изъ налога предметъ вымогательства и взятки. Но самое убѣдительное доказательство не въ пользу подоходнаго налога въ Индіи—то, что послѣдній доставлялъ всегда самую ничтожную цифру сбора, такъ какъ никогда тамъ не получалось болѣе 1 милл. ф. стерл.»

Таково сужденіе людей, имѣвшихъ дѣло съ интересующимъ насъ предметомъ, въ странѣ, имѣющей 190-милліонное населеніе, въ странѣ, какъ увидимъ ниже, далеко не бѣдной и весьма производительной. Для полноты свѣдѣній объ Индіи приведемъ нѣкоторыя оффиціальныя данныя изъ отчета о финансахъ ея за 1873 годъ [1]), въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Подоходный налогъ постепенно болѣе и болѣе утрачивалъ свой предосудительный характеръ, вслѣдствіе распространенія его только на большіе доходы. Такъ, въ 1871 году норму дохода, подлежащаго налогу, составляли 50 ф. стер., въ 1872 г.—75 ф. стерл., въ 1873 году 100 ф., а затѣмъ этотъ налогъ вовсе отмѣненъ. Въ Бенгалѣ доходъ, подлежащій обложенію, исчислялся въ 21.000,000 ф. стер., изъ которыхъ 8 приходилось на торговлю, а 7 на землю. Въ 1871 г. около 32,000 мелкихъ земледѣль-

---

1) Moral and material progress and condition of India, 1874 г.

цевъ были въ спискѣ подлежащихъ сбору; но въ 1872 году не оказалось ни одного. Это показываетъ, что въ Бенгалѣ ни одинъ земледѣлецъ не имѣетъ ежегоднаго дохода въ 75 ф. стерл. Въ сѣверо-западной провинціи размѣръ подоходнаго сбора былъ 79,174 ф. ст.; весь облагаемый доходъ составлялъ 8.229,510 ф. ст.»

«По мнѣнію сэра Мюра, наибольшая доля осужденія идеи подоходнаго сбора относится къ тому обстоятельству, что уменьшается значеніе и популярность правительства между достаточными классами общества, порождается недовѣріе и скрытность. Въ Мадрасѣ подоходный налогъ упалъ съ 161,896 до 52,165 ф. стерл., изъ которыхъ большую часть составилъ сборъ съ жалованья правительственныхъ чиновниковъ. Правительство мадрасскаго президентства разсматриваетъ подоходный налогъ, какъ совершенно несвойственный странѣ и хотя удержало его въ пользу общинъ, но результаты его совершенно не гармонируютъ съ его финансовымъ значеніемъ».

«Полная отмѣна подоходнаго налога, теперь объявленная, вызоветъ всеобщее удовольствіе, хотя возвышеніе нормы обложенія до 100 ф. отстранило все предубѣжденіе къ нему, вслѣдствіе крайней его тягости для бѣдныхъ классовъ народа».

Но эти сужденія не находятъ себѣ оправданія, если мы обратимъ вниманіе на экономическій прогрессъ Индіи въ послѣдніе годы. Для этого возьмемъ цифры вывоза и привоза нѣкоторыхъ продуктовъ, какъ выражающія, съ одной стороны, избытокъ производительности, съ другой — степень экономическаго благосостоянія.

Начнемъ съ хлопчатой бумаги. Количество вывоза послѣдней съ 150.000,000 ф., цѣнностію въ 3.000,000 ф. стерл., въ 1851 г., постепенно возрастая, достигло въ 1875 г. до 600—800.000,000 фун., цѣнностію въ 15—20.000,000 фун. стерл. Слѣдовательно, увеличеніе почти въ 4—5 разъ. Вывозъ пшеницы—отъ 200,000 центн. въ 1871 году, до 1.700,000 ц. въ 1875 году. Вывозъ кофе отъ 7—8 милл. фунтовъ 1851 года, цѣнностію въ 130,000 ф. ст., возросъ до 40.000,000 ф., цѣнностію въ 1.300,000 ф. ст. въ 1875 г.; слѣдовательно, увеличился въ 5 разъ. Количество вывоза чая отъ 1.473,000 ф., цѣнностію въ 130,000 ф. стерл., въ 1862 году, возросло до 21.000,000 фунтовъ, по цѣнѣ въ 1.900,000 ф. ст., въ 1875 г.,—увеличеніе по этой статьѣ въ 14 лѣтъ почти въ 15 разъ. Табакъ по вывозу, отъ 4 милл. ф. въ 1870 г. до 33 милл. ф. въ 1875 г.—въ 8 разъ. Шерсть отъ 14 милл. ф. въ 1870 г. до 21.000,000 ф. с. въ 1875 г.; въ 1847 г. послѣдней выво-

вилось около 4.000,000 ф., а въ 1836 г. только 1 милл. фун. Шкуръ домашнихъ животныхъ отъ 9.000,000 штукъ въ 1867 г. до 18.000,000 въ 1875 году. Для насъ, европейцевъ континента, эти цифры должны казаться грандіозными, особенно въ смыслѣ постепеннаго возрастанія, такъ какъ сравнительная статистика европейскихъ странъ не обнаруживаетъ такихъ данныхъ.

Для полноты этихъ цифръ, я приведу количества привоза кофе, чтобы показать, какъ недавно возникло и какъ быстро возрастало разведеніе этого продукта. Въ 1872 году, послѣдняго привозилось въ Индію около 1.300,000 ф., а затѣмъ этотъ привозъ постепенно уменьшался и въ 1875 году составлялъ только 160,000 ф.

Другой продуктъ, интересный для насъ,—пшеница, обнаруживаетъ, насколько для насъ можетъ быть опасна конкурренція также Индіи, такъ какъ мы до сихъ поръ считали своимъ конкуррентомъ только Соединенные Штаты.

Хотя «не въ деньгахъ счастіе», но тяжело и безъ нихъ, и нельзя не привести цифръ привоза въ Индію золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ. Такъ, съ 1848 г. по 1875 годъ перевѣсъ привоза золота составлялъ отъ 1 до 6 милл. ф. ст. въ годъ, серебра отъ 2 до 6 милл. ф. ст. въ годъ; въ нѣкоторые же годы, даже цѣлое десятилѣтіе, перевѣсъ привоза составлялъ свыше 10 милл. ф. ст. ежегодно.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, выражающихъ богатство и способность Индіи къ производительности, нельзя не согласиться съ вышеприведенными мнѣніями, что только вслѣдствіе предубѣжденія индійскаго общества подоходный налогъ не прививается и не находитъ себѣ тамъ права гражданства, какъ въ Пруссіи, Англіи или Италіи, напримѣръ. Примѣняя тамъ наши обычаи, наши міровоззрѣнія, мы бы рѣшили, что это отъ «несовершенства полицейскаго устройства». Въ самомъ дѣлѣ, если въ Великобританіи, при 32 милл. населенія, содержится около 100,000 постояннаго войска, а въ Пруссіи, при 25 милл. населенія, несмотря на «единство», около 330,000 солдатъ; во Франціи, при 36 милл. населенія, около 430,000 человѣкъ, а въ Россіи, при 85—90 милл., около 900,000, легко доводимыхъ до 1½ милл. воиновъ, то не можетъ не показаться страннымъ, что въ Индіи, при населеніи въ 190 милл. вѣрноподданныхъ подъ властію англичанъ, и 50 милл. условно подданныхъ, слѣдовательно 240 милл., армія состоитъ всего изъ 190,000 человѣкъ, изъ коихъ только 60,000 британцевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, при 40 милл. населенія, войска 25,000,—соотношеніе почти одина-

ковое съ тѣмъ, какое находимъ въ Индіи. Неудивительно потому, что нѣтъ тамъ сочувствія подоходному налогу, неудивительно, что едва въ лондонскомъ парламентѣ заговорили о реформѣ налоговъ въ Индіи, въ послѣдней стали созывать митинги, на которыхъ проводили весьма краткую резолюцію: «никакихъ болѣе налоговъ».

На основаніи положенія Адама Смита—этого исполина человѣческой мудрости—положенія, высказаннаго 100 лѣтъ тому назадъ и на первой же страницѣ его знаменитаго творенія «О причинѣ богатства народовъ», положенія, гласящаго, что «годовая производительность каждой страны, каждаго народа прямо соотвѣтствуетъ относительному числу лицъ, употребляемыхъ на полезный трудъ», слѣдуетъ вывести, что въ Индіи, въ виду наименьшаго числа лицъ употребляемыхъ для военной цѣли, должна быть и наибольшая величина годовой производительности, а слѣдовательно и годового дохода. А на основаніи данныхъ, приведенныхъ выше,—также, какъ и изъ Смитовскаго положенія—можно бы вывести, что въ Индіи легче было бы внести подоходный налогъ чѣмъ въ Пруссіи, напримѣръ.

Если мы теперь знаемъ, что міровоззрѣніе индійца исторически выработалось не въ пользу подоходнаго налога, то не безъинтересно указать на то, какъ относились къ этому вопросу во Франціи, гдѣ, несмотря на многократныя попытки ввести его, ради увеличенія средствъ казны, какъ это было въ 1848, 1863 и 1871 годахъ, эти попытки всякій разъ сопровождались отпоромъ со стороны народныхъ представителей. Замѣчательнѣе и поучительнѣе всего въ этомъ отношеніи 1871 годъ. Въ этотъ годъ, къ несчастію для человѣчества, Франція была разгромлена: она должна была внести неслыханную въ исторіи сумму въ 5 милліардовъ франковъ контрибуціи.

Обычное теченіе дѣлъ, обычное поступленіе доходовъ, очевидно, не могло восполнить этого непредвидѣннаго и чрезвычайнаго расхода. Понятно, что явились прожектеры, которые не забыли и подоходнаго налога—income tax—того самаго, которому такъ много всеисцѣляющей силы приписывалось всегда у сосѣдей по ту сторону Канала.

Нужно также оговорить, что во Франціи большинство экономистовъ не сочувствуетъ идеѣ подоходнаго налога, и между ними де-Парье—авторъ сочиненія «О налогахъ»—едва ли не единственный поборникъ и распространитель идеи этого налога. Понятно, что по поводу одного изъ проектовъ этого налога, Парье привѣтствовалъ его «если не какъ свѣтлый день, то, по крайней мѣрѣ, какъ зарю новой жизни». По поводу чего дру-

гой экономистъ, Бодрильяръ, высказалъ слѣдующее замѣчаніе: «Зачѣмъ подниматься зарѣ, на нашъ взглядъ, мало свѣтящей, если небо такъ страшно заволочено тучами?» («Revue des Deux Mondes», 1871 г.). Какъ Адамъ Смитъ, хотя онъ прямо и не упоминаетъ объ income tax, такъ какъ это названіе введено послѣ него, такъ и почти всѣ французскіе и другіе экономисты уподобляютъ подоходный налогъ существовавшимъ до революціи во Франціи и извѣстнымъ подъ именемъ la taille [1])—десятины, двадцатины. Смитъ за много лѣтъ передъ революціею указывалъ на необходимость отмѣны la taille, какъ на средство увеличить государственные доходы. Гораздо позднѣе, въ 1871 г., Тьеръ въ національномъ собраніи, при обсужденіи бюджета и средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вслѣдствіе прусскаго нашествія, высказывалъ слѣдующее: «Разверните эту удивительную книгу, которой нельзя читать безъ чувства глубокаго уваженія къ автору ея — Вобану, котораго я часто называлъ Аристидомъ монархіи, прочтите тамъ о королевской десятинѣ, и вы увидите, что подоходный налогъ есть та же десятина — та ненавистная подать, которую революція, во славу себѣ, навсегда уничтожила». Далѣе онъ продолжаетъ: «Кто же, по-вашему, будетъ разрѣшать слѣдующій страшный вопросъ: у васъ, м. г., 20,000 фр. дохода; у васъ—10,000; у васъ—5,000? А кого вы назначите въ оцѣнщики? Согласитесь ли вы дать правительству или чиновникамъ его право вездѣ разглашать, у кого сколько есть? Если чиновники не будутъ имѣть никакихъ другихъ основаній въ дѣлѣ своего рѣшенія, кромѣ того сужденія, которое они сами успѣютъ составить о состояніи каждаго изъ васъ, развѣ вы допустите, чтобы они назначались правительствомъ? Никогда, никогда вы не позволите подводить ваше достояніе подъ ту или другую норму обложенія. Кому же, въ такомъ случаѣ, вы предоставите это право? Выборамъ? Выборными, разумѣется, оказались бы чины муниципальныхъ совѣтовъ (гласные думы и земства), и я заклинаю васъ останавливаться на другихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, облагающими на одинъ срокъ были бы одни, на другой—другіе, а самое обложеніе было бы не на основаніи положительнаго закона, какъ по отношенію къ другимъ налогамъ, — нѣтъ, руководствомъ послужило бы личное мнѣніе, личное сужденіе того вашего политическаго противника, который въ одно и то же

---

[1]) Эту подать можно считать соотвѣтствующею нашимъ подушной и оброчной податямъ, но взимаемымъ по душамъ, а не соразмѣрно доходамъ, что̀ было въ основаніи французской la taille. Послѣдняя потому ближе къ прусскому Classensteuer.

время и оцѣниваетъ и установляетъ размѣръ налога». При этомъ Тьеръ грозилъ оставить свой постъ главы государства, если бы проектъ подоходнаго налога былъ принятъ. Но проектъ былъ единогласно отвергнутъ. Посмотримъ же на результаты, обнаружившіеся тамъ черезъ семь лѣтъ. Мы видимъ, что въ январѣ 1878 г., въ бюджетной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Гамбетты, было заявлено, что доходы превышаютъ расходы почти на 40.000,000 фр. Вслѣдствіе этого коммиссія находила возможнымъ, несмотря на увеличеніе чрезвычайныхъ расходовъ на 15.000,000 фр., отмѣнить слѣдующіе налоги: на мыло съ 1 мая 1878 г., доставлявшее около $4^1/_2$ милл. фр.; на товары малой скорости, съ 1 іюня—въ размѣрѣ 11 милл. фр.,—уменьшеніе, которымъ далеко не исчерпывается весь избытокъ дохода. И это, несмотря на событіе 16 мая, подаренное Франціи Макъ-Магономъ.

Въ виду страшнаго пораженія Франціи пруссаками, страшной контрибуціи въ 5 милліардовъ, искалѣченія ея въ территоріальномъ отношеніи, это явленіе представляетъ, по истинѣ, величественное зрѣлище, тѣмъ болѣе величественное, что у разгромившаго Францію, у ограбившаго ее, обнаружилось совершенно противоположное зрѣлище.

III.

Система податей и подоходный налогъ въ Пруссіи.

Въ то время, какъ Франція, пораженная скорѣе случайными неуспѣхами, занята рѣшеніемъ вопроса, какъ распорядиться съ избыткомъ дохода, въ то же самое время Пруссія оказывается также пораженною, но собственными, случайными, воинскими успѣхами и, повидимому, не пришедшею еще въ себя отъ изумленія за свои подвиги, такъ какъ обязана обсуждать вопросъ о прінсканіи средствъ на покрытіе дефицита также въ 40 милл. франковъ (около), несмотря на милліарды, полученные отъ Франціи. Удивительнѣе всего то, что «желѣзный канцлеръ», совмѣстно съ министромъ финансовъ, нашли возможнымъ покрыть дефицитъ посредствомъ табачной реформы! При этомъ нельзя умолчать о томъ, что г. Кампгаузенъ, поддержанный княземъ ф.-Бисмаркъ, утверждалъ, что возможно увеличеніе дохода съ табаку на 400 милл. марокъ! Невольно при этомъ зарождается вопросъ: къ чему же послужило пресловутое «объединеніе», къ чему послужили присоединенныя территоріи, куда скрылись 5,000,000,000 франковъ? Отвѣтъ, напрашивающійся на это, дол-

женъ быть таковъ: для гражданскаго и экономическаго благосостоянія народа нужны не «желѣзные» канцлеры и не Макъ-Магоны, нужны Тьеры, Гамбетты, Жюль-Фавры, нужны не пріобрѣтенія территорій, не объединенія, а мирное развитіе гражданственности.

Еще Адамъ Смитъ въ своемъ безсмертномъ твореніи [1]) высказалъ, что «нѣтъ науки, которую правительства различныхъ странъ перенимали другъ отъ друга скорѣе, чѣмъ искусство выжимать у народа деньги». Насколько это замѣчаніе справедливо, мы особенно ясно видимъ при ознакомленіи съ бюджетомъ, напримѣръ, Пруссіи. Если самому пылкому воображенію можетъ представляться возможность примѣнить совокупность самыхъ разнообразныхъ налоговъ, когда-либо и гдѣ-либо существовавшихъ, то такая возможность, къ удивленію нашему, нашла почти полное примѣненіе въ Пруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ въ бюджетѣ мы встрѣчаемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 32 названія всевозможныхъ налоговъ: тутъ мы знакомимся съ подушною податью, единогласно всѣми отвергаемою и являющеюся въ низшихъ разрядахъ Classensteuer; и съ французскою «la taille», которую еще Адамъ Смитъ, за 15 лѣтъ до французской революціи, предлагалъ отмѣнить и которая находитъ себѣ примѣненіе теперь въ Пруссіи въ среднихъ и высшихъ разрядахъ того же Classensteuer; и подоходную подать, которую такъ энергически отвергалъ и В. Питтъ, и Фоксъ, и Робертъ Пиль, и Джонъ Россель, пока они были народными представителями, и Тьеръ, когда онъ былъ главою государства и грозилъ оставить постъ, въ случаѣ принятія подоходнаго налога. Здѣсь имѣютъ мѣсто такіе налоги, которые рѣдко гдѣ примѣнялись—на помолъ муки и налогъ на убой скота; лоттереи составляютъ въ Пруссіи «постоянный и обыкновенный», такъ сказать, узаконенный источникъ государственнаго дохода. Выпуски бумажныхъ денегъ, хотя и съ распредѣленіемъ «сообразно съ населеніемъ» различныхъ государствъ, составляющихъ новую Германскую Имперію, равно какъ и низкопробность монеты—пагубность которыхъ такъ ясно напророчествовалъ великій Адамъ Смитъ,—хотя не имѣютъ характера «постояннаго и обыкновеннаго» источника, а только временнаго; но въ виду того, что тамъ не могутъ же оправдаться ожиданія проекта министра Кампгаузена совокупно съ княземъ Бисмаркомъ, покрыть дефицитъ, несмотря

[1]) О причинахъ богатства народовъ.

на 5.000.000.000 франковъ контрибуціи, посредствомъ увеличенія табачнаго дохода, въ виду этого нельзя не предвидѣть неизбѣжности повторенія и такихъ временныхъ мѣръ, какъ выпускъ бумажныхъ денегъ. И послѣднее—вотъ почему. Начнемъ съ ежедневно потребляемыхъ каждымъ пруссакомъ хлѣба и мяса. Прослѣдимъ, какія мытарства претерпѣваютъ эти два продукта, неизбѣжно нужные для каждаго. Прежде чѣмъ удовлетворить естественное чувство голода, пруссакъ долженъ припасти излишекъ возвышенія цѣны, возникающій изъ земельнаго налога (Grundsteuer) и изъ налога на помолъ, на убой скота (Mahlsteuer и Schlachtsteuer), изъ налога на промыселъ булочника и мясника (Gewerbsteuer) и изъ налога на помѣщеніе тѣхъ же булочника и мясника (Gebäudesteuer), и изъ налога на доходъ (Classensteuer), въ томъ случаѣ, если обнаруживается, что у земледѣльца 2—3 моргена земли, а у булочника и мясника 2—3 рабочихъ. Не упущено также обложеніе того дохода (Classificirte Einkommensteuer), который объявляется земледѣльцемъ въ 100—1,000 и болѣе моргеновъ, или булочникомъ и мясникомъ съ 10 и болѣе рабочими, когда у нихъ доходъ превышаетъ 1,000 талеровъ. Но это далеко не все. Такъ какъ хлѣба безъ соли ѣсть нельзя, то въ Пруссіи въ видѣ акциза на соль (Salzsteuer), возвышающаго естественную цѣнность послѣдней въ 20 разъ, узаконенъ еще сборъ въ размѣрѣ около одной марки (30 коп.) съ живой души, безразлично по отношенію къ полу и возрасту,—что въ свою очередь есть тотъ же подушный окладъ, который потому можно разсматривать какъ непосредственный придатокъ къ стоимости того же хлѣба. Но возвышеніе цѣнъ на эти продукты происходитъ не только отъ совокупности долей различныхъ налоговъ, оно является также и оттого, что великобританецъ, рѣшивъ, что питательны только пшеница и мясо, забираетъ у пруссаковъ эти продукты, а будучи богаче, платитъ за нихъ дороже, отчего цѣны на лондонской биржѣ служатъ мѣриломъ и на прусской. Въ результатѣ всего этого вышло то, что пшеница и мясо сдѣлались почти недоступными большинству населенія, которое обратилось потому къ другимъ источникамъ питанія. На помощь къ нимъ въ этомъ отношеніи подоспѣли агрономическіе академіи и институты, доказавшіе путемъ своихъ опытовъ, что моргенъ картофеля дастъ больше эквивалентовъ питанія въ количественномъ отношеніи, чѣмъ моргенъ пшеницы. И вотъ уже многія поколѣнія выростаютъ при условіи, что пшеница вывозится въ болѣе богатыя страны, а населеніе питается картофелемъ, къ которому наши крестьяне отнес-

лись такъ враждебно по какому-то инстинктивному предубѣжденію. Что-жъ удивительнаго въ виду всего этого, что потребленіе разныхъ предметовъ достигаетъ тамъ замѣчательно ничтожныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, сахаръ, который въ Великобританіи потребляется поголовно въ размѣрѣ 60 фунт. каждымъ, въ Пруссіи—только 12 ф. Въ то время, когда въ 30 лѣтъ потребленія его въ первой возросло съ 26 ф. до 60 ф., во второй съ $5^1/_2$ ф. до 12 ф. только. Но и этимъ слабымъ возрастаніемъ страна обязана въ немалой степени разведенію другого корнеплода—свекловицы, указавшей на возможность добычи изъ нея сахара, замѣнившаго тростниковый, и давшей средство возвысить поземельные доходы и тѣмъ возможность вынести извѣстную степень тягости налоговъ, упадающихъ на земледѣліе. По изслѣдованіямъ Дитерици, потребленіе тамъ мяса въ теченіи весьма долгаго періода времени, около 40 лѣтъ, оставалось безъ измѣненія.

Основанія, послужившія къ изобрѣтенію возможности замѣнить пшеницу картофелемъ, а мясо—горохомъ, были тѣ же самыя, какія имѣли мѣсто въ замѣнѣ кофе—цикоріемъ, а именно: тягость налоговъ и послѣдствіе ихъ—бѣдность! Всѣ эти условія весьма естественно привели финансовыхъ дѣятелей къ соображенію, что, въ виду дефицита и недоборовъ дохода въ 1877 году, не остается, кромѣ табаку, никакого другого источника для увеличенія государственнаго дохода. Къ такому заключенію должны были привести слѣдующія соображенія: табаку въ Пруссіи курятъ много — больше, чѣмъ гдѣ-либо; налогъ же на табакъ незначителенъ, въ сравненіи съ размѣромъ его въ другихъ странахъ; къ тому же, табакъ—предметъ роскоши, предметъ далеко не неизбѣжной потребности, и если примѣнить французскія условія постановки табачнаго дѣла, то, пожалуй, табакъ доставитъ до 400 милл. марокъ, вмѣсто нынѣшнихъ 8-ми — 9-ти милл.! Но возможно ли послѣднее и вѣрно ли то, что табакъ не неизбѣжно нуженъ?

Въ виду поднятія вопроса о табакѣ въ Пруссіи, невольно возникаетъ вопросъ: почему же забытъ классный или классифицированный подоходный налогъ, который такъ часто выручалъ Великобританію въ подобныхъ случаяхъ? Почему, если всѣ профессора университетовъ, самъ министръ Кампгаузенъ всегда развивали, что это одинъ изъ самыхъ раціональныхъ, одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ—а на основаніи опытовъ другихъ странъ, могущій быть увеличиваемъ вдвое и втрое—почему, спрашиваю я, забытъ этотъ источникъ, а остановились на весьма сомнитель-

ныхъ свойствахъ табака, та́къ нужнаго — въ особенности для бѣдняка, въ особенности для голодающаго, въ особенности для питающагося картофелемъ, капустою, горохомъ?

Что касается подоходной подати, — вотъ какъ отвѣчаетъ на это бывшій прусскій министръ финансовъ, фонъ-деръ-Гейдтъ, при обсужденіи 8-го октября 1869 года въ палатѣ уполномоченныхъ проекта измѣненій, касающихся классной и классифицированной подати [1]):

«Подоходная подать, какъ уже признано всѣми и какъ замѣчено уже было многократно въ обѣихъ палатахъ ландтага, *въ высшей степени неравномѣрно и несправедливо распредѣляется.* Можно утвердительно сказать, что подоходный налогъ, исчисляемый на самыхъ разнообразныхъ началахъ, упадаетъ на плательщиковъ, по сравненію ихъ другъ съ другомъ, *чрезвычайно неравномѣрнымъ образомъ.*

«Несмотря на постоянныя старанія правительственныхъ органовъ, завѣдывающихъ обложеніемъ, *подоходный налогъ постоянно исчисляется пропорціонально ниже обложенія классною податью и, сверхъ того, не малая часть дохода, долженствующаго подлежать обложенію, совершенно ускользаетъ отъ него.* На все это статистическія свѣдѣнія даютъ богатыя цифровыя доказательства. При обложеніи мелкихъ промышленниковъ классною податью, чистый доходъ ихъ облагался налогомъ несравненно въ бо́льшихъ размѣрахъ противъ тѣхъ промышленниковъ, которые подлежали подоходному налогу. Въ то время, какъ классифицированная *подоходная подать беретъ съ крупныхъ промышленниковъ не болѣе* $1^1/_2{}^0/_0$ *чистаго дохода,* получаемаго ими отъ промысловъ, *мелкіе промышленники,* получающіе никакъ не болѣе 300 — 500 талеровъ, *платятъ часто отъ 12—16⁰/о классной подати (!!).* Всего же явственнѣе представляется неравномѣрность обложенія при тѣхъ видахъ дохода, которые, подобно доходу съ капитала, ускользаютъ вполнѣ или частію отъ возможности точнаго опредѣленія. Обстоятельныя изслѣдованія этого вопроса доказываютъ, что, *рядомъ съ невозможностью точно опредѣлить подлежащій налогу доходъ,* главная причина неправильности заключается въ составѣ органовъ обложенія, въ устраненіи правительственнаго вліянія на обложеніе податью и въ ве-

---

[1]) А. Заблоцкій-Десятовскій, „Финансовое управленіе и финансы Пруссіи". Спб., 1871, т. 1-й, стр. 225 (Труды податной коммиссіи). — Мѣста рѣчи, имѣющія значеніе для нашей цѣли, напечатаны курсивомъ.

достаточности правилъ для опредѣленія дохода, подлежащаго обложенію.

«Если ежедневный опытъ доказываетъ, что значительное число гражданъ, пользующихся доходомъ свыше 1,000 талеровъ, не привлекаются къ налогу, то слѣдуетъ изъ этого заключить, что *рядомъ съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ податныхъ тягостей возникаетъ и абсолютная несправедливость (!!)*».

Привожу это извлеченіе изъ рѣчи бывшаго прусскаго министра финансовъ, чтобы показать, насколько выводы его аналогичны съ заключеніемъ Бэкона, Роберта Пиля (въ составѣ оппозиціи), Фокса, Брума и Гладстона, съ которыми мы ниже ознакомимся, а также съ выводами относительно Индіи. — Можно подумать также, что и Тьеръ, такъ энергически отстаивавшій, при обсужденіи проекта реализаціи займа въ 2,000 милл. франковъ 20-го іюня 1870 года, неумѣстность и невозможность подоходной подати во Франціи, основывался на выводахъ г. фонъ-деръ-Гейдта, какъ практически изучившаго вопросъ.

Слѣдовательно, на основаніи собственныхъ словъ фонъ-деръ-Гейдта, имя его увеличиваетъ собою контингентъ авторитетовъ, не могущихъ и не долженствующихъ сочувствовать осуществленію подоходной подати. Но послѣднее вѣрно только по теоріи. Въ дѣйствительности же выводъ г. фонъ-деръ-Гейдта, изъ его собственныхъ словъ, исторически замѣчателенъ, такъ какъ выразился въ слѣдующемъ его предложеніи: «*увеличить на 25°/₀ для покрытія дефицита на 1870 годъ оклады подоходной и классной подати, а равно и налоговъ на помолъ хлѣба и на убой скота (?!)*.

Какъ сужденіе г. фонъ-деръ-Гейдта, такъ и заключеніе его должны послужить намъ объясненіемъ причины, почему въ Пруссіи въ имперскомъ рейхстагѣ въ мартѣ 1878 года Кампгаузенъ въ совокупности съ княземъ Бисмаркомъ не остановились на подоходной подати, а обращаются къ табаку. Напоминая снова, что, если несмотря на присоединеніе новыхъ областей, несмотря на безпримѣрное и случайное пособіе, полученное въ контрибуціи, все-таки въ результатѣ обнаруживаются дефициты, то очевидно, что прусская система налоговъ выказываетъ какъ экономическую, такъ и финансовую несостоятельность. Если при этомъ вспомнить исторію Пруссіи и припомнить событія всего XIX столѣтія, то выводъ о несостоятельности еще яснѣе подтверждается. Можно также предположить, что благополучіе объединенныхъ голштинца, ганноверца, эльзасца

скорѣе выражается отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ характеромъ. Вывести можно также, что идея объ единствѣ и т. п. представляется одною изъ несомнѣнныхъ несообразностей, могущихъ зародиться только въ головѣ отставного юнкера или недоучившагося кадета, подобно тому, какъ идея о подоходномъ налогѣ выработалась между членами парламента неучей, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Л. Черняевъ.

РЕМЕСЛЕННЫЕ СОЮЗЫ

ВЪ

АНГЛІИ

The Conflicts of Capital and Labour historically and economically considered, being a history and review of the trade unions of Great Britain, by George Howell. London. 1878.

Англійское общество занято и увлечено теперь внѣшними дѣлами; берлинскій договоръ и конвенція 4-го іюня естественно привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Но рядомъ съ этими новостями и заботами дня, и параллельно съ ними, идетъ въ Англіи серьёзная внутренняя работа, обусловленная и духомъ времени, и исключительными условіями англійской жизни. Чрезвычайное развитіе промышленной дѣятельности, постоянно возроставшее въ теченіи текущаго столѣтія въ двухъ первенствующихъ государствахъ западной Европы, естественно привело эти народы къ рѣзкому антагонизму между интересами капитала и труда, между рабочимъ классомъ и хозяевами промышленныхъ предпріятій. Столкновеніе и борьба этихъ, повидимому, совершенно различныхъ интересовъ начались не со вчерашняго дня; на материкѣ они породили цѣлыя соціальныя теоріи, крупные перевороты и потрясенія, до сихъ поръ приводившія обыкновенно къ трагической развязкѣ. Великая задача—согласовать условія даннаго экономическаго строя съ требованіями человѣколюбія и справедливости, постоянно оказывалась гораздо болѣе трудною, чѣмъ это представлялось многимъ въ самомъ началѣ, и сложившійся

вѣками экономическій строй постоянно выходилъ побѣдителемъ изъ отчаянной борьбы, которую отъ времени до времени открывали противъ него рабочіе классы. Причины этихъ трагическихъ неудачъ не разъ подвергались тщательному изслѣдованію сторонниковъ и противниковъ даннаго строя, и въ то время, какъ одни приходили къ мысли о необходимости предварительной широкой политической свободы для дальнѣйшаго движенія соціальныхъ задачъ, другіе видѣли именно въ политической свободѣ условіе, противодѣйствующее этому движенію.

Иначе ставился тотъ же вопросъ въ Англіи, и настоящее положеніе его въ этой странѣ, особенный характеръ и преданія которой исключаютъ возможность одностороннихъ теоретическихъ увлеченій, въ высшей степени своеобразно и поучительно. Давно уже подвергнутое основательной критикѣ и разбитое лучшими мыслителями начало laissez faire, laissez passer, нигдѣ не находитъ себѣ такого широкаго примѣненія въ разнообразныхъ отраслахъ общественной жизни, какъ въ Англіи. Казалось бы, она представляетъ крайне неудобную почву для соціальныхъ реформъ въ интересѣ рабочихъ классовъ. И, дѣйствительно, о подобныхъ реформахъ тамъ нѣтъ и рѣчи... сверху. Но широкая политическая свобода, умѣряемая лишь судебными приговорами, даетъ полную возможность низшимъ классамъ стремиться къ улучшенію своего положенія самостоятельно, снизу, опираясь на собственные интересы, права и средства. То, что̀ было нѣкогда предпринято политически безправною частью среднихъ классовъ въ видахъ избирательной реформы, дѣлается теперь такъ же самостоятельно и послѣдовательно рабочимъ классомъ съ цѣлью улучшить свое трудное положеніе. Законодательство сначала противодѣйствуетъ такому движенію; въ данномъ случаѣ противодѣйствіе было тѣмъ энергичнѣе, что движеніе, о которомъ мы говоримъ, затрогивало интересы сословія, представители котораго почти безраздѣльно господствовали въ палатѣ общинъ. Но оно тѣмъ не менѣе настойчиво продолжалось, принимая все болѣе и болѣе серьёзные и обширные размѣры, вызывая петиціи съ десятками и сотнями тысячъ подписей, склоняя въ свою пользу общественное мнѣніе и власти; дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ всегда кончается въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи: движеніе, оказавшееся практическимъ отвѣтомъ на исторически выработанныя потребности народной жизни, признано и регулировано законодательною властью, составъ которой не переставалъ существенно измѣняться въ прогрессивномъ смыслѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Такимъ образомъ возникли въ Англіи, такъ-называемые,

ремесленные союзы (trade unions), не разъ обращавшіе на себя пытливое вниманіе европейскихъ писателей. Одно изъ лучшихъ сочиненій по этому предмету—сочиненіе, которому отдаютъ полную справедливость въ самой Англіи—принадлежитъ, какъ извѣстно, члену Орлеанскаго дома, графу Парижскому, и вышло въ свѣтъ еще въ 1869 году. Въ Англіи эти ремесленные союзы вызвали цѣлую литературу памфлетовъ и журнальныхъ статей, брошюръ и цѣлыхъ сочиненій, къ которымъ присоединился недавно, можно сказать на-дняхъ, почтенный и крайне любопытный трудъ Джорджа Гоуэлля, извѣстнаго своимъ сборникомъ законовъ, относящихся къ труду («The Handy-Book of the labour laws»). Авторъ во всѣхъ подробностяхъ знакомъ съ интереснымъ предметомъ, которому посвящена его книга, и сообщаетъ новѣйшія свѣдѣнія о состояніи и дѣлахъ ремесленныхъ союзовъ. Свѣдѣнія эти доходятъ до нынѣшняго года. Но онъ не ограничивается ими. Онъ предпосылаетъ имъ весьма обстоятельное историческое изслѣдованіе о происхожденіи ремесленныхъ союзовъ въ Англіи и освѣщаетъ передаваемыя имъ свѣдѣнія критикой ошибочныхъ представленій о дѣятельности описываемыхъ союзовъ и тѣхъ предубѣжденій и предразсудковъ, которые еще продолжаютъ вредить ихъ нравственному кредиту въ нѣкоторой части англійскаго общества, въ особенности между сторонниками узкихъ и окаменѣлыхъ экономическихъ теорій. Книга написана живо, умно, съ большимъ знаніемъ дѣла, съ просвѣщеннымъ и сочувственнымъ къ нему отношеніемъ. Вотъ почему мы останавливаемъ на ней вниманіе нашихъ читателей и считаемъ не лишнимъ познакомить ихъ, въ общихъ чертахъ, съ ея содержаніемъ.

Разумѣется, крупныя общественныя явленія вездѣ возникаютъ исторически, изъ живыхъ потребностей народной жизни; но нигдѣ эта историческая связь явленій, ихъ преемственное наслоеніе, не выдается такъ осязательно, наглядно и ярко, какъ въ Англіи. Ремесленные союзы возникли тамъ совсѣмъ не такъ, какъ, напримѣръ, народились у насъ, конечно, полезныя, но бѣдныя средствами и результатами ссудо-сберегательныя товарищества. Они не были привиты народу сверху, не явились результатомъ удачныхъ теоретическихъ соображеній, а произошли преемственно изъ тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ корпорацій, которыя имѣли огромное значеніе въ средніе вѣка подъ названіемъ «гильдій». Въ русской народной промышленности артель была и еще остается такимъ же естественнымъ историческимъ явленіемъ, какъ гильдія или ремесленный союзъ въ Англіи. Средневѣковая западно-европейская «гильдія», не въ смыслѣ, конечно, нашихъ тепе-

решнихъ купеческихъ гильдій, возникшихъ искусственно и ничѣмъ не связанныхъ съ народною жизнію, была долгое время господствующимъ типомъ, по которому слагались общественныя отношенія въ средневѣковыхъ городахъ Англіи и остальной Европы. Люди соединялись въ гильдіи для извѣстныхъ общихъ цѣлей. Существовали гильдіи религіозныя, торговыя, муниципальныя, ремесленныя, и нынѣшніе рабочіе союзы—говоритъ Гоуэлль, ссылаясь на историческіе памятники—не что иное, какъ преемники этихъ послѣднихъ, ремесленныхъ гильдій, но преемники иного типа, отвѣчающіе экономическимъ и соціальнымъ условіямъ настоящаго времени. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка торговцы и ремесленники группировались въ гильдіи для огражденія своихъ правъ и интересовъ отъ посягательствъ городской олигархіи и дворянства, такъ въ новое время, въ виду господствующей мануфактурной системы (Factory System) и практической необходимости оградить себя отъ возможныхъ злоупотребленій и бѣдствій, возникли новые ремесленные союзы. Средневѣковыя гильдіи, какъ показываютъ сохранившіеся ихъ уставы, всегда имѣли цѣлью братское соединеніе людей въ союзы, закрѣпленные клятвой, для взаимной помощи и поддержки. Таковъ общій характеръ всѣхъ прежнихъ гильдій и современныхъ ремесленныхъ союзовъ. Правила и частности этихъ братствъ видоизмѣнялись согласно нуждамъ, интересамъ и требованіямъ даннаго времени и данныхъ обстоятельствъ, но существенныя черты взаимной самопомощи неизмѣнно сохранялись въ нихъ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время. Періодическія собранія «братьевъ» на общихъ праздникахъ гильдій были точно такимъ же обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка, какъ и ежегодные съѣзды англійскихъ ремесленныхъ союзовъ въ наше время. Суммы, необходимыя для достиженія цѣлей каждой гильдіи, пріобрѣтались также посредствомъ братскихъ взносовъ и приношеній. Высшей степени своего развитія торговыя и городскія гильдіи достигли въ Лондонѣ, который можно назвать ихъ колыбелью, если не ихъ родиной. Все средневѣковое устройство лондонскаго Сити было основано на гильдейскихъ началахъ, и служило образцомъ для другихъ городовъ Англіи. При Ательстанѣ лондонскія гильдіи вступили въ союзъ между собою, и образовавшаяся такимъ образомъ гильдія управляла съ тѣхъ поръ всѣмъ городомъ. Рядомъ со старыми, древнѣйшими гильдіями, присвоивавшими себѣ привилегированное положеніе, въ городахъ возникали новыя, преимущественно ремесленныя, пытавшіяся вырвать городское управленіе изъ рукъ привилегированныхъ корпорацій, или во

крайней мѣрѣ получить наравнѣ съ ними участіе въ городскомъ управленіи. Въ XIV и XV столѣтіяхъ эти новыя гильдіи пріобрѣли большую силу. Короли пользовались ими для усиленія своихъ доходовъ, и въ этихъ видахъ подтверждали ихъ уставы. Гильдіи, разумѣется, избирали сами свои должностныя лица, и каждая регулировала условія избраннаго ею ремесла.

Новѣйшіе ремесленные союзы, смѣнившіе собой прежнія гильдіи, также группируются по отдѣльнымъ ремесламъ: въ Англіи существуютъ союзы каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ и т. д. Но, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и промышленности, регулированіе ремеслъ уже не входитъ теперь въ кругъ ихъ дѣятельности. Свобода ремеслъ признана закономъ, и всѣ усилія современныхъ ремесленныхъ союзовъ точно такъ же направлены къ огражденію интересовъ и правъ своихъ членовъ отъ ограниченій и убытковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ и компаній, стоящихъ во главѣ промышленныхъ предпріятій, какъ всѣ усилія средневѣковыхъ ремесленныхъ гильдій клонились къ достиженію равноправности между ними и старыми гильдіями, занявшими привилегированное положеніе.

«Всякій, кто близко познакомился съ устройствомъ и уставами ремесленныхъ обществъ и съ устройствомъ старыхъ гильдій—говоритъ Гоуэлль—тотчасъ замѣтитъ сходство первыхъ съ ремесленными гильдіями, которыхъ дѣйствительными преемниками они являются. По мѣрѣ того, какъ болѣе бѣдные члены гильдій вытѣснялись болѣе зажиточными, вытѣсняемые вскорѣ ощущали необходимость сплотиться между собою, и отсюда возникли въ новое время ремесленные союзы, которые въ существѣ были точно такими же гильдіями, какъ городскія и ремесленныя гильдіи прежнихъ временъ. Новые союзы не были однако простымъ продолженіемъ этихъ, нынѣ устарѣвшихъ обществъ, но законными ихъ наслѣдниками, плодомъ новыхъ общественныхъ и промышленныхъ условій народной жизни. Древность происхожденія, конечно, еще не оправдываетъ ихъ существованія; но, прежде чѣмъ рѣзко осуждать ихъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, подвергнуть ихъ искреннему и тщательному разбору.

«Всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ въ какомъ-нибудь ремеслѣ возникновеніе этихъ союзовъ, мы, въ то же время, видимъ, что они сложились при одинхъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и съ тѣми же цѣлями, что̀ и средневѣковые ремесленные союзы, то-есть при крушеніи какой-нибудь старой системы и между людьми, наиболѣе терпѣвшими отъ этого разложенія, сложились съ

цѣлью оградить свою независимость и свои интересы. Это обстоятельство, въ связи съ тожествомъ ихъ устройства, прямо даетъ право называть ихъ преемниками старыхъ гильдій и достаточно оправдываетъ ихъ существованіе, такъ какъ послѣдствія разложенія, не сдерживаемаго строгими ограниченіями, неизбѣжно вызывали, во всѣ времена, образованіе подобныхъ гильдій. Это можно назвать «историческимъ закономъ».

«Союзы и общества, сходныя съ нынѣшними ремесленными союзами, существовали въ Англіи еще до 1862 года, но они были исключеніями, встрѣчаемыми, главнымъ образомъ, въ строительныхъ ремеслахъ. Причина этого явленія очевидна: въ средніе вѣка эти ремесла наиболѣе походили на наши новѣйшія мануфактуры съ ихъ малымъ числомъ хозяевъ, множествомъ рабочихъ, съ ихъ подрядчиками и вычетами изъ заработной платы».

Правда, мысль о происхожденіи современныхъ ремесленныхъ союзовъ въ Англіи изъ существовавшихъ въ этой странѣ ремесленныхъ гильдій принадлежитъ не нашему автору. Она уже не разъ была высказана и сторонниками, и противниками нынѣшнихъ союзовъ. Сторонники искали и находили имъ въ этой мысли полное историческое оправданіе; противники, съ своей стороны, приводили ее какъ аргументъ въ пользу ихъ отсталости и ненужности. Но Гоуэллю принадлежитъ указаніе на то, насколько новые союзы дѣйствительно сходны съ старыми и отжившими учрежденіями этого рода въ Англіи, и насколько они отвѣчаютъ насущнымъ требованіямъ именно новѣйшаго времени.

Новые союзы образовались и явились на свѣтъ божій не въ одинъ день. Имъ надо было выдержать сначала тяжкую борьбу съ прежними условіями жизни въ странѣ, гдѣ не было ничего похожаго на единоличную диктатуру государственной власти и гдѣ все законодательство постоянно исходило отъ аристократіи и наиболѣе богатой части средняго сословія. Англійское законодательство до двадцатыхъ годовъ строжайшимъ образомъ запрещало всякіе союзы между ремесленниками, за исключеніемъ старыхъ гильдейскихъ. Суды безпощадно примѣняли эти законы къ нарушителямъ, и исторія первыхъ ремесленныхъ союзовъ представляетъ непрерывную цѣпь судебныхъ разбирательствъ, неизмѣнно оканчивавшихся обвинительными приговорами къ денежнымъ штрафамъ и тюремному заключенію. Постепенная отмѣна этихъ жестокихъ законовъ, начавшаяся съ 1824 года, дала, наконецъ, возможность новымъ союзамъ вздохнуть свободнѣе, и въ настоящее время можно сказать, что Англія покрыта сѣтью этихъ союзовъ. Не съ-разу была признана за ними и гражданская право-

способность. Законъ 1824 года допустилъ ихъ существованіе на основаніи правила: «laissez faire, laissez passer», но онъ ничѣмъ не оградилъ правъ ихъ, какъ юридическихъ лицъ. Строго говоря, полная эмансипація новыхъ союзовъ состоялась всего три года назадъ, въ 1875 году, когда прошелъ законъ о ремесленномъ трудѣ (Labour Laws), окончательно сравнявшій юридическое положеніе хозяина съ юридическимъ положеніемъ ремесленника. «Нынѣ,—говоритъ нашъ авторъ,—передъ нами ремесленные союзы въ полной силѣ, прочные и свободные, съ долгою исторіей, съ огромнымъ числомъ членовъ и большими капиталами,—вооруженные всѣми средствами, чтобъ успѣшно выдерживать великія битвы промышленности».

По своей сущности, ремесленные союзы въ Англіи не что иное, какъ составленныя по добровольному соглашенію общества съ цѣлью взаимной помощи для поддержанія наиболѣе благопріятныхъ условій труда. Такова ихъ первая и главная основа; сюда же относятся и всѣ ихъ законныя усилія, направленныя къ возвышенію заработной платы и противъ ея пониженія, къ уменьшенію числа рабочихъ часовъ и противъ его увеличенія, а также регулированіе всѣхъ дѣлъ, относящихся къ способамъ найма и увольненія и къ самому характеру работъ. Авторъ вводитъ насъ во внутреннюю жизнь этихъ союзовъ, знакомитъ съ ихъ финансами и управленіемъ, и мы послѣдуемъ за нимъ въ эту интересную, но мало извѣстную область англійской народной жизни.

Каждый союзъ имѣетъ свой общій фондъ, составленный изъ членскихъ взносовъ, которые колеблятся между 2-мя пенсами (около 6-ти коп.) въ недѣлю въ обществахъ сравнительно бѣдныхъ, и 1-мъ шиллингомъ (около 40 коп.)—въ наиболѣе богатыхъ. Главные расходы, производимые изъ составляющагося такимъ образомъ общаго фонда, падаютъ на пособія членамъ во время ихъ болѣзни и ихъ семействамъ въ случаѣ ихъ смерти, на вознагражденія послѣ несчастныхъ случаевъ на работѣ, на пенсіи старикамъ, на помощь въ случаяхъ случайной безработицы и во время стачекъ. Размѣры этихъ выдачъ различны въ разныхъ обществахъ и видоизмѣняются въ слѣдующихъ наибольшихъ и наименьшихъ предѣлахъ. Союзы выдаютъ ремесленникамъ: въ случаѣ болѣзни—отъ 5-ти до 12-ти шиллинговъ въ недѣлю; въ случаѣ смерти мужа—отъ 6-ти до 12-ти шиллинговъ, и отъ 4-хъ до 10-ти шиллинговъ—въ случаѣ смерти жены, на погребеніе; въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій на работѣ — отъ 50-ти до 150-ти фунт. стерл. единовременно; пенсіи старикамъ выдаются въ размѣрѣ отъ $2^1/_2$ до 7-ми шиллинговъ въ недѣлю;

при случайной безработицѣ—отъ 8-ми до 10-ти шиллинговъ въ недѣлю; при стачкахъ—отъ 10-ти до 15-ти шиллинговъ. Многіе союзы выдаютъ еще по 6-ти фунт. стерл. въ случаѣ эмиграціи или утраты рабочихъ инструментовъ. О томъ, какъ велики эти расходы въ ихъ сложности можно судить по тому, что ремесленный союзъ механиковъ израсходовалъ такимъ образомъ съ 1851 года—659,516 фунт. стерл. (по нынѣшнему курсу, около 6-ти милл. рублей), союзъ чугунно-литейщиковъ, съ 1848 года,—365,316 фунт., союзъ котельниковъ, съ 1867 года,—61,000 фунт., союзъ плотниковъ, съ 1860 года,—54,325 фунт., что̀ составляетъ капиталъ въ 1.140,157 фунт., или около 10-ти милл. рублей для однихъ только четырехъ названныхъ союзовъ.

Союзомъ всегда управляетъ комитетъ, избираемый общимъ собраніемъ членовъ на три мѣсяца—въ союзахъ съ однимъ только мѣстнымъ кругомъ дѣятельности, и на годъ—въ центральныхъ, или окружныхъ союзахъ. Управленіе дѣлами распредѣляется бо̀льшею частью между четырьмя лицами—предсѣдателемъ, помощникомъ предсѣдателя, казначеемъ и секретаремъ, которые могутъ быть смѣняемы лишь въ случаѣ злоупотребленій. Суммами союзовъ завѣдываютъ особые коммиссары—trustees—отвѣчающіе за ихъ цѣлость. Трудъ этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ оплачивается умѣреннымъ жалованьемъ. Въ самыхъ крупныхъ союзахъ секретарь получаетъ не болѣе 240 фунт., въ другихъ всего 130 фунт., хотя онъ долженъ быть заваленъ дѣломъ. Предсѣдатели получаютъ или по одному шиллингу за каждое собраніе, или по 40 фунт. въ годъ, казначеи почти столько же. Но все это только въ союзахъ болѣе богатыхъ и съ большимъ райономъ дѣятельности. Въ союзахъ чисто-мѣстныхъ должностныя лица получаютъ почти ничтожное вознагражденіе.

Каждое ремесло, каждая значительная въ торговомъ или промышленномъ отношеніи мѣстность имѣетъ свой союзъ. Сначала въ этомъ дѣлѣ участвовали одни только фабричные и городскіе ремесленники,—земледѣльческій классъ оставался въ сторонѣ, но съ 1872 года и онъ присоединился къ общему движенію, присоединился съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ. Нынѣ союзъ земледѣльцевъ—«The Agricultural Labourers' Union»—распространился по всему королевству, подраздѣленный на три большія общества и 1,771 отрасль, съ 78,000 членовъ, ежегоднымъ приходомъ въ 22,055 фунт. (около 200,000 руб.) и своими газетами, сильно распространенными въ сельскомъ быту и обсуждающими не только вопросы о заработной платѣ и числѣ рабочихъ часовъ, но и вопросы политическіе—о дарованіи избирательнаго

права земледѣльцамъ, о кандидатахъ въ члены парламента, о мѣстномъ управленіи, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д.

Въ настоящее время ремесленные союзы Соединеннаго Королевства насчитываютъ до 1.250,000 членовъ и располагаютъ годовымъ приходомъ приблизительно въ 2 милл. фунт. и почти такимъ же резервнымъ фондомъ. При сильной и прочной организаціи, союзы имѣютъ свои общіе совѣты, свои съѣзды, или конгрессы, на которыхъ обсуждаются экономическіе и политическіе вопросы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ условіямъ ремесленнаго труда и къ интересамъ ремесленниковъ. Мы не имѣемъ въ виду исчерпать сочиненіе Гоуэлля, и отсылаемъ къ нему нашихъ читателей, интересующихся этимъ живымъ и насущнѣйшимъ вопросомъ современной Европы. Авторъ, конечно, излагаетъ исторію гильдій и ремесленныхъ союзовъ съ бо́льшею подробностью и обстоятельностью, чѣмъ мы могли это сдѣлать въ короткой замѣткѣ. Онъ говоритъ также о технической подготовкѣ ремесленниковъ, о поштучной работѣ, о числѣ часовъ работы, о разнообразныхъ проявленіяхъ дѣятельности союзовъ, въ особенности о стачкахъ, о вліяніи союзовъ на внѣшнюю торговлю Англіи, и разбиваетъ однимъ прикосновеніемъ здраваго смысла тѣ странныя предубѣжденія, которыя еще сохранились въ Англіи противъ этого новаго явленія въ ея промышленной жизни. Но, изложивъ въ общихъ чертахъ устройство и характеръ отдѣльныхъ ремесленныхъ союзовъ въ Англіи, мы не можемъ не остановиться и на состоявшихся уже попыткахъ къ объединенію этихъ отдѣльныхъ союзовъ.

Въ англійской публикѣ живетъ смутное опасеніе—undefined dread, какъ выражается нашъ авторъ — что ремесленные союзы могутъ слиться въ одну обширную и постоянную организацію, съ оборонительными и наступательными цѣлями, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предпринимателямъ промышленныхъ предпріятій придется имѣть дѣло уже не съ отдѣльными союзами, представляющими различныя ремесла, а съ могущественной федераціей всѣхъ союзовъ королевства. Опасеніе это уже вызвало, пять лѣтъ тому назадъ, учрежденіе «союза хозяевъ» (The Federation of Associated Employers of Labour), съ собственнымъ органомъ подъ названіемъ: «Capital and Labour». Въ мотивахъ этого учрежденія было высказано, что оно вызвано чрезвычайнымъ развитіемъ, притѣснительною дѣятельностью, опасными замыслами и тщательной организаціей ремесленныхъ союзовъ. Но авторъ не раздѣляетъ этихъ опасеній. Паника, овладѣвшая нѣкоторыми умами—говоритъ онъ—заста-

вила ихъ преувеличить мнимыя и дѣйствительныя опасности, вытекающія изъ существованія ремесленныхъ союзовъ. Мысль о сліяніи ихъ въ одну федерацію, дѣйствительно, высказывалась не разъ, но была отвергаема самими союзами. Пять лѣтъ тому назадъ она была предложена на съѣздѣ ремесленныхъ союзовъ въ Лидсѣ, затѣмъ на слѣдующемъ съѣздѣ въ Шеффильдѣ, но вызвала сильныя возраженія. Точно также не посчастливилось ей и на съѣздѣ 1875 года, въ Ливерпулѣ. Напрасно хозяева и печать предсказывали, что если подобная федерація состоится, то англійской промышленности грозитъ неизбѣжная гибель. Это предсказаніе—остроумно замѣчаетъ авторъ—дѣлалось такъ часто, что оно утратило свое дѣйствіе, какъ въ баснѣ о волкѣ и овцахъ. и еслибъ предвѣщаемое бѣдствіе дѣйствительно случилось, то, за недовѣріемъ къ этимъ Кассандрамъ, стадо было бы расхищено, прежде чѣмъ подоспѣетъ помощь. Дѣло въ томъ, что столь страшная въ глазахъ многихъ федерація союзовъ представляетъ большія практическія затрудненія, и самое бо́льшее, что́ пока только возможно въ этомъ направленіи, заключается, по мнѣнію нашего автора, въ сліяніи нѣсколькихъ однородныхъ союзовъ въ одно центральное общество. Но и такое сліяніе требуетъ еще предварительнаго соглашенія разнообразныхъ практическихъ интересовъ, преслѣдуемыхъ отдѣльными союзами.

Дѣло объединенія и сліянія ограничивается пока скромными размѣрами ремесленныхъ совѣтовъ (Trades' Council). Цѣль ихъ — служить посредниками въ сношеніяхъ между отдѣльными мѣстными союзами одного города и обсуждать сообща дѣла общаго интереса; но кругъ ихъ дѣятельности не переходитъ за предѣлы нѣсколькихъ союзовъ въ городѣ или округѣ. Они учреждаются по добровольному соглашенію союзовъ, которые вольны имѣть свои совѣты или совсѣмъ не имѣть ихъ. Совѣты эти не обязательны для союзовъ. Расходы на нихъ также добровольны и совершенно ничтожны. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ совѣтовъ— обсуждать тѣ политическіе вопросы, которые не касаются отдѣльныхъ союзовъ, а всей ихъ совокупности. Такова была ихъ роль во время агитаціи въ пользу отмѣны старыхъ уголовныхъ законовъ, направленныхъ противъ полной свободы труда, и утвержденія законовъ, ограждающихъ фонды союзовъ. Во все это время, ремесленные совѣты были центрами политической жизни въ городахъ, созывали митинги, приготовляли петиціи и поддерживали сношенія съ своими доброжелателями въ парламентѣ. Ими были устроены крупныя демонстраціи во многихъ большихъ

промышленныхъ центрахъ, и вообще они много способствовали успѣху тогдашняго движенія.

Но не они ведутъ къ объединенію всѣхъ ремесленныхъ союзовъ королевства. Въ этомъ отношеніи ближе всего подходятъ къ цѣли ежегодные съѣзды, или конгрессы, союзовъ, имѣющіе съ 1871 года постоянный выборный комитетъ, называемый «парламентскимъ комитетомъ». Обязанность комитета—слѣдить за всѣми законодательными вопросами, имѣющими прямое или косвенное отношеніе къ союзамъ, и принимать мѣры къ пересмотру или полной отмѣнѣ законовъ, и предложенію новыхъ, отвѣчающихъ интересамъ ремесленнаго труда. Съѣзды начались съ 1868 года, и съ тѣхъ поръ повторяются ежегодно. Они высказываютъ желанія и надежды союзовъ, имѣя постоянно въ виду законодательную дѣятельность парламента, и охотно отдаютъ справедливость тѣмъ актамъ законодательства, которыми укрѣпляются или расширяются права ремесленнаго класса. Глазговскій съѣздъ 1875 года, соединившій 139 делегатовъ, которые явились представителями 109 союзовъ и 539,823 членовъ, привѣтствовали принятые парламентомъ Labour Laws, о которыхъ мы упомянули выше. Докладъ такъ-называемаго «парламентскаго комитета» высказался такъ объ этихъ законахъ: «Въ виду этихъ новыхъ законовъ, комитетъ признаётъ ихъ великое значеніе и цѣну; рабочіе отнынѣ не подлежатъ болѣе дѣйствію исключительнаго уголовнаго кодекса; дѣло эмансипаціи отнынѣ дополнено и закончено». Комитетъ отдалъ справедливость образу дѣйствій министерства и палаты общинъ, въ которой, по его выраженію, «ни кѣмъ не было произнесено ни одного такого слова, которымъ могъ бы оскорбиться самый щекотливый изъ рабочихъ». Въ видѣ приложенія къ этому докладу, комитетъ напечаталъ старательно составленное Кромптономъ «Объясненіе новыхъ законовъ о трудѣ», изъ котораго каждый делегатъ могъ вполнѣ ознакомиться съ ихъ характеромъ и содержаніемъ.

Прошлогодній, десятый конгрессъ ремесленныхъ союзовъ состоялся въ сентябрѣ въ Лейстерѣ, изъ 141 делегата, представлявшихъ 112 союзовъ и 691,089 членовъ. Докладъ «парламентскаго комитета» обнималъ на этотъ разъ двадцать-два различныхъ вопроса, въ томъ числѣ вопросъ о кодификаціи уголовныхъ законовъ и объ отмѣнѣ тюремнаго заключенія за долги. На съѣздѣ обсуждались и другіе вопросы, не особенно интересные для нашихъ читателей. Замѣчательно, что только съ этого, десятаго, съѣзда сказалась замѣтная перемѣна въ тонѣ англійской печати—этого могущественнаго органа среднихъ классовъ—

относительно ремесленныхъ союзовъ. Гоуэллъ удостовѣряетъ это, припоминая, что до тѣхъ поръ печать вообще относилась къ нимъ недовѣрчиво и недоброжелательно. «Насколько будетъ умѣренна англійская печать въ обсужденіи вопросовъ, касающихся труда и движенія рабочаго класса, настолько усилится и ея вліяніе на этотъ классъ» — заключаетъ онъ свое замѣчаніе о нѣкоторомъ примиреніи печати съ союзами.

Сессія съѣзда ремесленныхъ союзовъ обыкновенно продолжается шесть дней, съ 9 часовъ утра до 5 пополудни. Вечеръ посвящается большому митингу въ самой большой изъ городскихъ залъ, для объясненія и защиты началъ, на которыхъ основаны союзы. Предсѣдатель съѣзда избирается въ первый день собравшимися делегатами, обыкновенно изъ гражданъ того города, гдѣ происходитъ съѣздъ. Пренія идутъ правильно, съ соблюденіемъ парламентскихъ порядковъ и приличій. Ораторы иногда обнаруживаютъ скудное знакомство съ исторіей или современными событіями, но это обстоятельство не составляетъ исключительной особенности однихъ только ремесленныхъ съѣздовъ. Расходы на съѣздъ весьма умѣренны, и покрываются взносами делегатовъ; сторонняя помощь не разъ была предлагаема съѣздамъ, но они всегда отклоняли ее. Суммы на «парламентскій комитетъ» составлялись всегда изъ взносовъ, добровольно дѣлаемыхъ союзами, приславшими своихъ делегатовъ.

Въ виду изложенныхъ фактовъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что «четвертое сословіе» народилось въ западной Европѣ. Существованіе его давно уже ощутительно и на материкѣ, особенно во Франціи и Германіи. Но нигдѣ еще это сословіе не приняло такого правильнаго склада, не получило такой стройной организаціи и не располагаетъ такими матеріальными средствами, какъ въ странѣ вѣковой политической свободы и громадной промышленной дѣятельности. Интересы капитала и труда естественно должны были получить свое наибольшее развитіе въ Англіи, которую можно было бы назвать сплошною мануфактурой колоссальныхъ размѣровъ, еслибъ въ ней не было еще и глубоко укоренившейся науки, и богатой литературы, и многого другого, еслибъ въ настоящую минуту ея граждане, недовольные торжествующею политикой торійскаго министерства, не могли громко заявлять свое неудовольствіе, въ виду общихъ ликованій и всѣхъ прелестей берлинскаго конгресса....

В. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
ПИСАТЕЛЯ

Histoires des uns et des autres, silhouettes et anecdotes par Elie Berthet.

Литература и печать вообще—самое дорогое достояніе каждаго народа, который уже началъ жить отвлеченной, умственной жизнью, а потому и самая судьба литературы и ея дѣятелей представляетъ, даже въ самыхъ частностяхъ, любопытнѣйшій матеріалъ для исторіи общества.

Литература Франціи особенно богата мемуарами и воспоминаніями всякаго рода, и этотъ отдѣлъ ея безпрестанно пополняется новымъ матеріаломъ. Эли Бертѐ, романистъ третьестепенный, врядъ ли даже знакомый современнымъ любителямъ романа на Руси, хотя его и переводили въ свое время на русскій языкъ, также издалъ недавно свои воспоминанія.

Добродушный и болтливый старичокъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пустить въ обращеніе нѣсколько довольно плохихъ разсказовъ и повѣстей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ интересныя данныя о французской печати и ея дѣятеляхъ въ любопытную и памятную эпоху тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Эти данныя мы и предлагаемъ читателямъ въ настоящей статьѣ.

Литературная собственность въ прежнее время не признавалась во Франціи такъ, какъ теперь. Журналисты и нѣкоторые

издатели не только самовольно перепечатывали романы, не платя за это никакого гонорара авторамъ, но чаще всего зачеркивали ихъ имена и ставили новыя подъ ихъ произведеніями.

«La société des gens de lettres» было основано съ цѣлью прекратить эти злоупотребленія.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, т.-е. около 1837 г., французскимъ писателямъ надоѣлъ непрерывный грабежъ, которому они подвергались. Журналы, гонявшіеся за литературными новинками, также спохватились, что имъ вовсе не разсчетъ платить дорого за произведеніе, которое любой журналъ перепечатывалъ на другой же день даромъ. Необходимо было придумать такую комбинацію, которая бы удовлетворяла требованіямъ гласности и интересамъ писателей.

Такую комбинацію придумалъ Луи Денойе, редакторъ литературнаго отдѣла въ газетѣ «Siècle». Онъ придумалъ организовать общество литераторовъ и учредить синдикатъ, на обязанности котораго лежала бы защита ихъ интересовъ въ дѣлѣ перепечатыванія литературныхъ произведеній. За извѣстное ежегодное вознагражденіе, уплачиваемое агенту или делегату общества, и распредѣляемое затѣмъ между писателями, чьи произведенія перепечатывались, каждый журналъ могъ свободно пользоваться произведеніями членовъ литературнаго общества; всякая же перепечатка, совершённая помимо этого взаимнаго согласія, должна была преслѣдоваться судомъ.

Вотъ въ чемъ заключалась первоначальная цѣль этого общества; основатели его имѣли главнымъ образомъ въ виду оградить литературную собственность; мысль сдѣлать изъ него также общество пособія нуждающимся литераторамъ явилась позже.

Луи Денойе, обдумавъ свой проектъ, собралъ у себя человѣкъ двадцать литераторовъ, бо̀льшею частію сотрудниковъ по литературному отдѣлу газеты «Siècle». Вотъ ихъ имена: Эженъ Пенб, Шарль де-Бернаръ, Эммануэль Гонзалесъ, Александръ де-Лавернь, Ипполитъ Люкасъ, Луи Віардо, Эмиль Пажесъ, Андре Дельрьё, Теодоръ Леклеркъ, Марко де-Сентъ-Илеръ, Луи Рейбо, Альтарошъ и, наконецъ, авторъ этихъ замѣтокъ—Эли Берте. Денойе указалъ на безцеремонный образъ дѣйствія нѣкоторыхъ журналовъ и издателей, и предложилъ способъ положить этому конецъ. Собравшіеся писатели вполнѣ одобрили его проектъ и каждый обѣщалъ свое содѣйствіе.

Немного времени спустя произошло вторичное собраніе у Поммье,—стряпчаго, удалившагося отъ дѣлъ и будущаго агента организующагося общества. Это собраніе, гораздо болѣе много-

численное, чѣмъ первое, состояло слишкомъ изъ двадцати-пяти человѣкъ; кромѣ вышеназванныхъ писателей, на немъ присутствовали: Фредерикъ Сулье, Бальзакъ, Эженъ Сю, Огюстъ Барбье и Викторъ Гюгό. Проектъ Денойе и тутъ вызвалъ всеобщее одобреніе и рѣшено было тотчасъ приступить къ его осуществленію. Необходимо было прежде всего заключить контрактъ у нотаріуса, пріискать помѣщеніе для собраній, меблировать его и набрать административный персоналъ. Надо было, кромѣ того, начать процессы съ различными періодическими изданіями, нахально задиравшими новую ассоціацію. Требовалась на все это довольно значительная сравнительно сумма денегъ.

Этихъ денегъ не было. Поммье согласился ссудить ими съ условіемъ, что на уплату ихъ пойдутъ первые барыши, которые получатся отъ гонорара за перепечатанныя произведенія; кромѣ того, его должны были признать безсмѣннымъ *центральнымъ агентомъ* общества, съ правомъ передать за извѣстное денежное вознагражденіе свою должность преемнику, котораго признаетъ общее собраніе. Сдѣлавъ эти распоряженія, рѣшили приступить къ дѣлу. Бальзакъ отправился въ Руанъ, чтобы лично повести процессъ противъ «Journal de Rouen», перепечатавшаго безъ разрѣшенія «Le capitaine bleu» Франсиса Вей, «Les Briseurs d'images» Эмануэля Гонзалеса, «Les Contrebandiers de Penmarck» Феликса Деріежа. «Journal de Rouen» былъ присужденъ къ уплатѣ весьма значительныхъ проторей и убытковъ. Точно также добились осужденія многихъ другихъ журналовъ, и юрисдикція, дотолѣ неопредѣленная относительно принциповъ литературной собственности, окончательно установилась. Права писателей стали неоспоримы, и грабительскіе листки поняли, что отнынѣ необходимо считаться съ этими правами.

Но этого было еще недостаточно. Обществу, вызванному къ жизни, необходимо было выработать себѣ уставъ. Луи Денойе, которому принадлежитъ весь починъ въ этомъ дѣлѣ, написалъ при содѣйствіи компетентныхъ лицъ проектъ устава, и онъ обсуждался на общемъ собраніи въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ. На этихъ собраніяхъ предсѣдательствовали: Викторъ Гюгό, Виллыменъ, Сальванди, Франсуа Араго, Вьенне́. Самые выдающіеся писатели принимали участіе въ преніяхъ. Бальзакъ много разъ въ этихъ собраніяхъ говорилъ и съ истиннымъ краснорѣчіемъ; но нѣсколько эксцентричныя мнѣнія, высказанныя имъ, встрѣтили сильный отпоръ, и онъ отдалился отъ общества.

Уставъ былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями, назначили «комитетъ» или постоянную коммиссію, которой поручено

было вѣдаться съ агентомъ общества и направлять общественныя дѣла; послѣ того старательно составленная машина пошла своимъ ходомъ.

Первые шаги были затруднительны и, главное, очень убыточны для романистовъ, произведенія которыхъ подвергались перепечаткѣ. Мы уже знаемъ, что Поммье ссудилъ значительную сумму денегъ какъ на судебныя издержки, такъ и на покупку мебели и различные общественные расходы. Всѣ доходы шли на покрытіе этого долга. Въ продолженіи многихъ лѣтъ писатели не получали ни одного сантима изъ гонорара, который шелъ за перепечатку ихъ произведеній. Затѣмъ наступилъ второй періодъ, длившійся тоже нѣсколько лѣтъ, когда общество получало *шестьдесятъ процентовъ со ста*, т.-е. болѣе половины, со всѣхъ суммъ, поступившихъ въ него. Если мы скажемъ, что перепечатка произведеній нѣкоторыхъ изъ писателей, состоявшихъ членами общества, доставляла десятки тысячъ франковъ въ годъ, то понятно станетъ, какъ велики были ихъ жертвы.

Итакъ, матеріальное благосостояніе общества долго оставалось сомнительнымъ. Общество неоднократно бывало поставлено въ очень затруднительное положеніе, и обремененная касса его не могла удовлетворять самыя законныя требованія.

Около этого времени произошелъ злополучный эпизодъ съ Жоржъ-Сандъ, который мы передадимъ безъ комментаріевъ.

Въ силу договора съ обществомъ періодическія изданія имѣли право перепечатывать всякую повѣсть, въ которой было *менње ста тысячъ буквъ*, даже безъ позволенія автора.

Въ силу этого постановленія «L'Echo des feuilletons», редактируемое въ то время Дюфуромъ, сочло себя въ правѣ перепечатать «La Mare au Diable» Жоржъ-Сандъ.

Этотъ сборникъ былъ неправъ, потому что оказалось, что «La Mare au Diable» превышаетъ на нѣсколько сотенъ буквъ условныя сто тысячъ. Поэтому Жоржъ-Сандъ завела съ обществомъ процессъ, выиграла его, и литераторовъ присудили уплатить ей три тысячи франковъ проторей и убытковъ.

Этихъ трехъ тысячъ франковъ, увы! не было у общества. Но судебное преслѣдованіе шло своимъ чередомъ, выданъ былъ исполнительный листъ, и судебные пристава уже готовились секвестровать мебель конторы.

Жалкая мебель, продажа которой не выручила бы и ста франковъ!—но это было единственное достояніе общества. Что тутъ дѣлать?

Обратились къ барону Тэйлору. Центральный агентъ поѣхалъ

къ нему, объяснилъ ему, въ какое затруднительное положеніе поставлено общество, и вернулся отъ него съ тремя тысячами франковъ, которыя и были немедленно отосланы къ повѣренному Жоржъ-Сандъ.

Впрочемъ, эта первая щедрость разохотила, повидимому, барона къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ. Нѣсколько времени спустя, онъ доставилъ комитету общества сто тысячъ франковъ, вырученныя съ какой-то лоттереи. Немного спустя обществу сдѣлано было еще нѣсколько пожертвованій. И оно собрало такимъ образомъ небольшой капиталъ, который старалось пріумножить различными средствами, и, кромѣ того, ежегодныя субсидіи правительства даютъ ему возможность въ настоящее время дѣлать много добра и помогать истинно-нуждающимся.

Но уже въ этотъ первый періодъ существованія общества важная перемѣна совершилась въ администраціи. Такъ какъ центральный агентъ Поммье передалъ свою должность другому, то возникли затрудненія, вслѣдствіе которыхъ агентство было совсѣмъ упразднено. Рѣшено было, что общество будетъ отнынѣ управляться посредствомъ комитета изъ двадцати-четырехъ членовъ и делегата, избраннаго изъ его среды. Вскорѣ эта организація, признанная наилучшею, стала окончательной. Первымъ делегатомъ былъ Мишель Массонъ, соединявшій съ литературнымъ талантомъ практическій и солидный умъ. Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ делегатомъ общества служитъ Эммануэль Гонзалесъ, остроумный и популярный романистъ, и, благодаря его отличному управленію и умѣнью ладить съ людьми, дѣла общества, котораго онъ былъ однимъ изъ учредителей, процвѣтаютъ.

Таково происхожденіе учрежденія, оказавшаго и продолжающаго оказывать столько услугъ литературѣ. Въ прежнее время литераторъ былъ изолированъ и подвергался эксплуатаціи, которую терпѣлъ по слабости характера или по безпечности. Въ настоящее время солидарность придаетъ ему силу..

Комитетъ общества литераторовъ былъ особенно блестящимъ въ 1864 г. Литературныя знаменитости романтической школы 1830 г. участвовали въ немъ на ряду съ начинающими литераторами, долженствовавшими пріобрѣсти впослѣдствіи извѣстность. Перечисляя тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ живыхъ, назовемъ Сентина, автора «Picciola», Мери́, Леона Гозлана, Амедея Ашара и Понсона-дю-Террайля. Комитетъ собирался каждый понедѣльникъ, и по окончаніи засѣданій, наступала непринужденная

и веселая бесѣда. Каждый изъ присутствующихъ давалъ волю своему остроумію и *bons mots* сыпались градомъ.

Въ этихъ бесѣдахъ всего болѣе отличался Мери́, *le causeur sans rival*, какъ его называетъ Эли Бертѐ. Кто знаетъ Мери́,— говоритъ онъ,—только по его сочиненіямъ, тотъ не можетъ себѣ представить воодушевленіе, грацію, остроту, приправленную добродушіемъ, которыми отличался его разговоръ. Отстаивалъ ли онъ веселые парадоксы, до которыхъ былъ такой охотникъ, или же повѣствовалъ пикантные анекдоты, прелесть его рѣчи была неотразима. Члены комитета охотно заслушивались пріятнаго говоруна, и время летѣло незамѣтно.

Въ подобныхъ случаяхъ важно было предоставить ему полную свободу увлекаться своей фантазіей. Малѣйшаго противорѣчія, простого слова достаточно было, чтобы заставить его умолкчуть. Онъ бралъ шляпу, и уходилъ.

Забубенная голова Анри Мюрже́ хорошо зналъ эту особенность характера и привычекъ Мери́. Когда увидитъ, бывало, его окруженнымъ внимательными слушателями, то шепчетъ имъ:— Погодите! я сейчасъ окачу водой его фейерверкъ. И при первомъ удобномъ случаѣ перебьетъ Мери́ какимъ-нибудь дикимъ замѣчаніемъ. Мери́ немедленно замолчитъ.

Мери́ былъ остроуменъ не только на словахъ, но и въ дѣйствіяхъ, и его поколѣніе хорошо помнитъ шутки, которыя онъ игралъ въ молодости надъ смѣшными буржуа. Ему приписываютъ множество выходокъ, въ которыхъ онъ неповиненъ; что же касается тѣхъ, въ которыхъ онъ сознавался, то самъ говорилъ при этомъ, подмигивая глазомъ:—Ахъ! съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ при свободномъ правленіи, за такія шутки привлекли бы къ суду исправительной полиціи. Анри Монье, которому приписываютъ тоже много шалостей подобнаго рода, говорилъ то же самое.

Какъ бы то ни было, Мери́ всю жизнь оставался чудакомъ и дѣйствовалъ своеобразно.

Однажды онъ выигралъ четыре тысячи франковъ сорокафранковыми монетами, потому что надо сознаться, что онъ былъ отчасти игрокъ, и этимъ, быть-можетъ, объясняется то обстоятельство, что онъ умеръ бѣднякомъ, несмотря на то, что зарабатывалъ при жизни много денегъ. Унося свой выигрышъ, онъ сказалъ себѣ:

— Съ этими деньгами я могу спокойно прожить зиму, если съумѣю быть благоразумнымъ. Да! но вѣдь я себя знаю, я не буду благоразумнымъ. Или я опять стану играть и проиграюсь, или же

подвернется какой-нибудь пріятель и стибритъ у меня мои четыре тысячи франковъ.... Какъ быть?

Поразмысливъ хорошенько, вотъ что́ онъ придумалъ: онъ приказалъ очистить темный чуланъ, запиравшійся на ключъ и примыкавшій къ его квартирѣ; затѣмъ, отправился на ближайшій дровяной дворъ.

— Мнѣ нужно,—сказалъ онъ,—два воза толстыхъ полѣньевъ.

Ему показали самые толстые, какіе только имѣлись.

— Мнѣ надобно еще толще!—замѣтилъ Мери́.

Его подвели, наконецъ, къ громаднымъ пнямъ, изъ которыхъ легчайшіе вѣсили сто килограммовъ.

— Вотъ это мнѣ годится,—сказалъ поэтъ;—нагрузите два воза этими полѣньями и поскорѣе пришлите ихъ ко мнѣ.

Когда портье увидѣлъ эти гигантскія полѣнья, то завопилъ, что они разрушатъ домъ.

— Я выстрою вамъ новый,—отвѣчалъ Мери́.

И велѣлъ перетаскать полѣнья въ темный чуланъ, расположенный возлѣ его рабочей комнаты. Чуланъ завалили ими до самаго потолка. Отпустивъ рабочихъ, онъ взялъ выигранныя деньги и началъ швырять ихъ за сложенныя полѣнья. Перебросавъ всѣ монеты до единой, онъ заперъ дверь чулана на ключъ. Чтобы достать золотую монету, надо было сдвинуть пять или шесть изъ этихъ тяжеловѣсныхъ пней. Лѣнивый Мери́ до послѣдней возможности отступалъ передъ такой работой, и такимъ образомъ лѣнь служила уздой для его расточительности.

Мы не можемъ сказать, провелъ ли онъ спокойную зиму, благодаря этому способу, но какъ бы то ни было, а должно быть въ импровизированной копилкѣ денегъ было не особенно много, когда въ одинъ прекрасный день къ Мери́ явился за милостыней попрошайка, изъ породы тѣхъ, что врываются въ дома и составляютъ истинный бичъ литераторовъ. Остроумный писатель работалъ, и эта помѣха досаждала ему. Онъ заглянулъ, однако, въ ящикъ, куда обыкновенно пряталъ деньги: въ ящикѣ оказалось пусто. Но такъ какъ проситель приставалъ къ нему, то Мери́ сказалъ, вставая съ нетерпѣніемъ:

— Ну! ступайте сюда.... Поищите сами.

И повелъ попрошайку въ темный чуланъ.

Возьмите себѣ *одну* монету, а остальныя принесите мнѣ, потому что я безъ гроша.

И вернулся къ работѣ.

Человѣкъ въ прорванныхъ сапогахъ стоялъ разиня ротъ передъ гигантскими полѣньями. Но видно мелькнувшее сквозь нихъ

золото раскрыло ему глаза, потому что онъ принялся съ жаромъ переворачивать полѣнья. Мери́, дивясь, что онъ долго не возвращается, самъ, наконецъ, отправился въ чуланъ. Нищій, весь красный, запыхавшійся, въ поту, собирался уходить.

— Ну, чтожъ?—спросилъ Мери́.

— Я нашелъ только одну, сударь, ей-Богу только одну!

И убѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Мери́ и не подумалъ его преслѣдовать.

— Чортъ бы его побралъ!—проворчалъ онъ:—болванъ опять поставилъ полѣнья на мѣсто!

Мери́ любилъ отстаивать тезисы, которые пріятели его звали его «коньками». Одинъ изъ такихъ «коньковъ» состоялъ въ томъ, что онъ утверждалъ въ противность общепринятому мнѣнію, что Аннибалъ, послѣ сраженія при Каннахъ, имѣлъ основательныя причины не идти немедленно на Римъ и забыться среди Капуйской нѣги. Для Мери́ было истиннымъ наслажденіемъ отстаивать парадоксъ. Онъ ѣздилъ въ Римъ, чтобы изучить мѣстность и разстояніе, и его увлекательное краснорѣчіе служило прикрытіемъ для нелѣпости самой тэмы. Поэтому онъ предложилъ обществу литераторовъ прочитать публичную лекцію объ этомъ предметѣ, и общество съ большой охотой приняло его предложеніе.

Со всѣмъ тѣмъ онъ не могъ за-разъ защищать и опровергать свой тезисъ; ему нуженъ былъ оппонентъ, подобно тому, какъ на соборахъ, созываемыхъ, когда дѣло идетъ о причисленіи кого-либо къ лику святыхъ, бываетъ адвокатъ Бога и адвокатъ дьявола. Въ оппоненты избрали Фредерика Тома̀, литератора и вмѣстѣ съ тѣмъ адвоката, достойнаго соперничать въ остроуміи и воодушевленіи съ Мери́.

Но этого было мало; предстояло учредить родъ шутовского трибунала, который бы произнесъ приговоръ объ этомъ мнимо историческомъ диспутѣ. Безмолвная роль члена этого трибунала была весьма щекотлива и всѣ это хорошо сознавали; но какъ отказать просьбамъ Мери́, котораго вся эта исторія радовала, какъ ребенка? Итакъ, трибуналъ учредился; онъ состоялъ изъ Жоржа Бель, вѣрнаго Пилада лектора, изъ Шанфлёри, Альберика второго и Бертѐ.

Наступилъ день диспута. Зала Валентино наполнилась лицами, явившимися поглядѣть на Мери́ и послушать его; никогда еще въ кассу литераторовъ не приливало столько денегъ; толпа ломилась въ двери. Въ ожиданіи часа засѣданія, будущія дѣйствующія лица столпились въ узенькомъ коридорѣ, служившемъ кулисами. Они были очень взволнованы; нѣкоторые дрожали при

мысли о томъ, какъ они предстанутъ предъ публикой. Одинъ Мерй не переставалъ улыбаться.

— Я играю главную роль,—говорилъ онъ,—а между тѣмъ я спокоенъ... Пощупайте мой пульсъ; онъ бьется такъ же ровно, какъ всегда.

Успѣхъ былъ громадный; правда, что значительная доля его выпала Фредерику Тома̀. Блестящій адвокатъ достойно сражался съ Мерй на аренѣ остроумія, веселости, краснорѣчія и заслужилъ такіе же громы рукоплесканій, какъ и Мерй. Все шло какъ по маслу и безмолвный ареопагъ могъ успокоиться. Впрочемъ, его опасенія были не совсѣмъ напрасны, потому что уже на другой день нѣкоторые сердитые журналисты закричали ему съ страницъ своего журнала:

— Все это прекрасно, господа, но просимъ покорно, чтобы впередъ этого не было.

Любопытнѣе всего то, что эта столь невинная лекція объ Аннибалѣ въ Капуѣ вызвала нѣкоторую тревогу въ Тюльери. Нашлись люди, которые представили рѣчи обоихъ остроумныхъ ораторовъ какъ политическую демонстрацію, исполненную возмутительныхъ намековъ и направленную къ низверженію императорскаго правительства въ возможно скорѣйшемъ времени. Къ счастію, Викторъ Дюрюи, одинъ изъ самыхъ литературныхъ и образованныхъ министровъ, какіе только перебывали въ министерствѣ просвѣщенія, взялъ предосторожность стенографировать то, что̀ было сказано въ Валентино, и могъ разъяснить дѣло.

Въ числѣ обстоятельствъ, особенно способствовавшихъ популяризаціи романа во Франціи, было основаніе газеты «Siècle» въ 1836 г. Впервые романъ признанъ былъ главнымъ элементомъ успѣха. Два редактора, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга, приняли на себя одинъ—литературный, другой—политическій отдѣлъ газеты. Эта двойственность дала наилучшіе результаты. Многія лица, не раздѣлявшія политическихъ взглядовъ «Siècle», получали его, однако, ради фельетоновъ, и такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ громкую популярность.

Условія гласности въ то время были совсѣмъ иныя, чѣмъ теперь. Число парижскихъ газетъ было сравнительно ничтожно; каждая изъ нихъ была родъ трибуны, съ которой слово раздавалось на всю Францію, по крайней мѣрѣ на всю грамотную Францію. Въ наши дни газеты размножились; поэтому дѣйствіе ихъ ограничивается узкими рамками извѣстныхъ политическихъ

мнѣній, и можно со славой подвизаться на страницахъ котораго-нибудь изъ нихъ и быть совершенно неизвѣстнымъ для читателей всѣхъ остальныхъ. Въ былое время читатель обращался ко всей читающей публикѣ; въ наши дни онъ говоритъ только съ подписчиками своей газеты. Поэтому новичкамъ труднѣе составить себѣ имя въ настоящее время, и трудности будутъ постоянно рости.

Со времени блестящей эры, начатой газетою «Siècle», успѣхъ романовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній, выходящихъ изъ ряда вонъ и издаваемыхъ отдѣльными изданіями, постоянно ослабѣвалъ. Быть можетъ, этотъ упадокъ начался уже въ тотъ день, когда банкиръ Деламаръ, тогдашній редакторъ «Patrie», написалъ обществу литераторовъ: «присылайте мнѣ романистовъ; но, ради Бога, увольте отъ талантливыхъ людей; съ меня достаточно простыхъ *faiseurs*». Въ былое время писатель ставилъ законъ; теперь онъ ему подчиняется. Съ другой стороны, романъ, изданный отдѣльной книгой, еще не перешелъ въ привычки и потребность буржуазіи. Иной господинъ истратитъ сравнительно большую сумму на ложу въ спектакль, но ни за что не рѣшится бросить три франка на покупку книги. Дѣло въ томъ, что въ театръ ходятъ людей посмотрѣть и себя показать; туда привлекаетъ блестящее освѣщеніе, пѣніе, танцы, музыка, а чтеніемъ приходится наслаждаться въ одиночествѣ и безмолвіи. Театръ говоритъ глазамъ и чувствамъ; чтеніе только уму.

Возвращаясь къ «Siècle», слѣдуетъ замѣтить, что эта газета, хотя политика ея и не была особенно смѣлая, пріобрѣла большое значеніе въ глазахъ правительства. Вотъ небольшой анекдотъ, который дастъ о томъ понятіе.

Тьеръ, бывшій тогда президентомъ совѣта министровъ, находился въ замкѣ Нейльи, гдѣ долго занимался съ королемъ Луи-Филиппомъ. По окончаніи засѣданія король сказалъ ему:

— Обѣдайте со мной, любезный Тьеръ... Послѣ обѣда мы окончимъ важное дѣло, занимающее насъ.

— Ваше величество, очень вамъ благодаренъ, но г-жа Тьеръ дожидается меня.

— Я пошлю предупредить г-жу Тьеръ,—отвѣчалъ король.

— Мнѣ право совѣстно... но у меня сегодня гости.

— Ваши гости, кто бы они ни были, поймутъ, что васъ задержала у меня государственная служба.

— Вотъ что, государь, признаюсь вамъ, что у меня обѣдаетъ сегодня Шамболь, редакторъ газеты «Siècle».

— Шамболь!—вскричалъ король, перемѣняя тонъ:—о! тогда это другое дѣло; я васъ больше не удерживаю.

И президентъ совѣта оставилъ короля, чтобы отобѣдать на площади Сенъ-Жоржъ съ Шамболемъ.

Позднѣе, послѣ революціи 1848 г., это уваженіе правительства къ газетѣ «Siècle» не ослабѣвало, хотя составъ его и былъ иной. Генералъ Каваньякъ, тогдашній глава исполнительной власти, не разъ присутствовалъ на вечерахъ, которые давалъ Луи-Перре́, редакторъ газеты «Siècle», въ своей квартирѣ, въ улицѣ «des Jeûneurs». Онъ пріѣзжалъ за-просто, въ черномъ фракѣ.

Однажды онъ прибылъ такимъ образомъ *incognito* довольно поздно. Гостей набралось уже цѣлая толпа, и Левассоръ, знакомый и петербургской публикѣ, исполнялъ какую-то забавную шансонетку. Генералъ не велѣлъ докладывать о себѣ, прошелъ черезъ переднюю и попытался проникнуть въ первый салонъ; но въ дверяхъ толпились гости, слушавшіе веселаго комика и не думали посторониться. Генералъ скромно помѣстился позади ихъ и ждалъ.

Въ эту минуту редакторъ одной газеты, тоже запоздавшій, вошелъ и узналъ въ немъ главу исполнительной власти.

— Генералъ,—сказалъ онъ ему почтительно,—позвольте мнѣ расчистить вамъ мѣсто, предупредить....

— Ради Бога не надо,—поспѣшно возразилъ Каваньякъ,—всѣмъ такъ весело, я не хочу мѣшать!.. пѣсенка сейчасъ будетъ окончена.

Каваньякъ и новый посѣтитель удалились въ уголъ передней и занялись бесѣдой. Редакторъ принадлежалъ къ національной гвардіи, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ происходила раздача крестовъ гражданской милиціи.

— Правильно ли были розданы награды въ вашемъ батальонѣ?—спросилъ Каваньякъ.

— Генералъ, позволите ли вы мнѣ высказаться съ полной откровенностью?

— Разумѣется.

— Онѣ розданы были наперекоръ здравому смыслу.

— Ну, вотъ! вездѣ одно и то же, — отвѣчалъ Каваньякъ, смѣясь.

Но тутъ разговоръ былъ прерванъ; хозяинъ дома, предупрежденный, наконецъ, о прибытіи генерала, увелъ его въ салоны, гдѣ его встрѣтили оваціей.

Въ наше время политическіе органы обвиняютъ въ томъ, что они искажаютъ самые простые факты для проведенія своихъ взглядовъ и дѣйствительно часто бываетъ, что газета, упразднивъ детали, для нея неудобныя, и подчеркнувъ детали, для нея пріятныя, передаетъ фактъ такимъ образомъ, что будучи справедливымъ по сущности, онъ равняется неправдѣ.

Этотъ упрекъ, который дѣлаютъ теперешнимъ газетамъ, не новъ, и въ правленіе Луи-Филиппа его также дѣлали многимъ органамъ, ухитрявшимся въ самыхъ незначительныхъ фактахъ находить предлогъ для страстной критики, затѣйливыхъ шутокъ или гиперболическихъ похвалъ. Одному усердному читателю политическихъ газетъ пришла тогда фантазія написать нѣсколько статей на одну и ту же тэму въ духѣ различныхъ органовъ, наиболѣе въ то время распространенныхъ. Тэмой служило слѣдующее: «король Луи-Филиппъ прогуливался въ своемъ саду». Объ этой тэмѣ, которая, повидимому, даетъ такъ мало пищи хвалѣ или порицанію, вотъ какъ должны были разсуждать различныя газеты.

Оппозиціонная радикальная газета:

«Вредный человѣкъ, который вопреки желаніямъ народа захватилъ бразды правленія, прогуливался въ своемъ саду. И какую минуту выбираетъ онъ для того, чтобы предаваться постыдной и преступной праздности?—Ту минуту, когда вооруженная Европа ставнулась противъ насъ,—ту минуту, когда народъ страдаетъ, когда торговля въ застоѣ, а промышленность гибнетъ. Да! это вполнѣ достойно главы разжирѣвшихъ депутатовъ золотой середины, которые, подобно хищнымъ птицамъ, набросились на нашъ несчастный край!.. Франція! Франція! Франція! тебя продали!.. Къ оружію! насталъ часъ пасть или побѣдить!»

Иллюстрированный сатирическій журналъ:

«Голова его походила на грушу и онъ гулялъ въ своемъ саду. Онъ глядѣлъ... на чтó глядѣлъ онъ?—на то, кáкъ летаютъ мухи. Онъ слушалъ... чтó слушалъ онъ?—кáкъ жужжатъ комары... Онъ обонялъ... чтó обонялъ онъ?—не знаю, но надо полагать, что не особенно пріятные ароматы, если онъ нюхалъ произведенія своихъ министровъ. Гуляя, онъ размышлялъ... о чемъ размышлялъ онъ?—о томъ, какъ бы опустошить наши карманы и наполнить свои собственные. Въ то время, какъ онъ глядѣлъ, слушалъ, обонялъ и размышлялъ, оса, летавшая кругомъ, замѣтила его остроконечную голову и приняла ее за большую сочную грушу. Она бросилась къ ней, но очень обманулась: оказалось, что это пустая тыква».

За то министерскій листокъ восклицалъ въ диѳирамбическомъ тонѣ:

«Нашъ любимый король, избранникъ Провидѣнія, спасшій Францію отъ ужасовъ анархіи, доставилъ вчера городу и цѣлому міру чудесное и трогательное зрѣлище: онъ прогуливался въ своемъ саду. Невольно проникаешься восхищеніемъ и почтеніемъ при видѣ государя, который, послѣ долгихъ и тяжелыхъ часовъ, посвященныхъ государственнымъ заботамъ, отдыхаетъ подъ сѣнью деревъ, мечтая о славѣ и счастьи французовъ...»

Нѣсколько другихъ журналовъ, среднихъ оттѣнковъ, тоже расшивали по этой — казалось бы, вовсе не политической — канвѣ.

Формы устарѣли, люди и вещи измѣнились, — со всѣмъ тѣмъ, и въ наше время можно найти такую же точно оцѣнку событій.

Король Луи-Филиппъ, о которомъ шла выше рѣчь, любилъ искусство и художниковъ; но такъ какъ онъ любилъ также и деньги, то старался, по возможности, экономно поощрять искусство.

Одинъ знаменитый живописецъ, которому отведена была квартира и мастерская въ Луврѣ, часто принималъ у себя короля по-утру. Онъ приходилъ чрезъ галерею, соединяющую Тюльери съ Лувромъ, и зá-просто бесѣдовалъ съ живописцемъ. Нерѣдко, послѣ такого визита, этотъ послѣдній говорилъ своимъ ученикамъ: «король желаетъ пріобрѣсти картину за двѣ-тысячи франковъ; посмотримъ, чтó можно ему дать за эти деньги».

Онъ обходилъ всѣ мольберты, выбиралъ какой-нибудь этюдъ и уносилъ въ свою мастерскую. Тамъ онъ работалъ надъ нимъ и превращалъ въ картину, стоющую, по его мнѣнію, такой суммы. Затѣмъ картину отправляли къ королю... который не стѣснялся торговаться до послѣдней возможности.

Скульпторъ Д*.... выставилъ на художественной выставкѣ мраморный бюстъ, который король пожелалъ купить. Директору академіи художествъ поручено было освѣдомиться о цѣнѣ этого бюста, не называя того, кто желаетъ его пріобрѣсти, и художникъ назначилъ четыре-тысячи франковъ. Д*.... приглашенъ былъ къ директору въ Лувръ, для окончательныхъ переговоровъ, и прибылъ въ назначенный часъ. Онъ прождалъ довольно долго въ передней, и когда его ввели къ директору, у того былъ довольно смущенный видъ. Со всѣмъ тѣмъ, онъ очень радушно принялъ художника, наговорилъ ему много лестныхъ вещей, съ

очевидной цѣлью задобрить его, и, наконецъ, объявилъ, что «особа», желавшая купить бюстъ, даетъ за него всего лишь двѣ-тысячи-пятьсотъ франковъ.

Д*.... пришелъ въ негодованіе: мраморъ сталъ ему очень дорого; онъ затратилъ большія деньги на приготовительную работу; по этой цѣнѣ талантъ его пойдетъ ни во что. Директоръ академіи самъ, повидимому, признавалъ справедливость этихъ замѣчаній, но молчалъ и частенько взглядывалъ на дверь, находившуюся напротивъ него.

Вдругъ онъ всталъ и, подъ предлогомъ, что ему необходимо о чемъ-то распорядиться, исчезъ за этой дверью. За ней послышался шопотъ. Спустя довольно долгое время, директоръ академіи художествъ, смущеніе котораго все усиливалось, вернулся въ залу.

— Любезный Д*...., — началъ онъ, по зрѣломъ размышленіи, — я могу набавить сто франковъ, но больше не могу дать ни полушки.

— Господи!—вскричалъ негодующій скульпторъ:—кто этотъ Гарпагонъ, способный къ такому скряжничеству?

— Шшш!.. шшш!.. — перебилъ испуганный директоръ, поглядывая на дверь: — это особа, пользующаяся большимъ кредитомъ,—продолжалъ онъ,—и впослѣдствіи доставитъ вамъ новые заказы, которые могутъ вознаградить васъ... Но кончимъ однако... Какая ваша послѣдняя цѣна?

— Три-тысячи-пятьсотъ франковъ.

— Попытаюсь еще.

Директоръ академіи художествъ вышелъ, и шопотъ за дверью возобновился. Вернувшись, онъ сказалъ съ смущеніемъ:

— Двѣ-тысячи-восемьсотъ франковъ... Ни копѣйки болѣе не даютъ...

— Ну, такъ не будемъ говорить объ этомъ! — закричалъ Д*.... съ досадой, и собрался уходить: — вашъ пріятель знатная скряга!

Директоръ торопливо зажалъ ему ротъ рукой и въ третій разъ вышелъ изъ комнаты.

На этотъ разъ онъ забылъ припереть дверь и Д*...., желая узнать, кто это торгуется такъ немилосердно, заглянулъ въ нее. Лицо, оживленно бесѣдовавшее съ директоромъ, отвернулось, но не настолько поспѣшно, чтобы Д*.... не успѣлъ узнать пару всѣмъ извѣстныхъ бакенбардъ.

Впрочемъ, любопытство художника было наказано. Сдѣлка

не состоялась и Д*.... удержалъ при себѣ свой бюстъ, который продалъ позднѣе простому аматеру за пять тысячъ франковъ.

Контора и редакція газеты «Siècle» въ эпоху ея основанія помѣщались въ улицѣ и въ домѣ Лафитъ, но вскорѣ ихъ перенесли въ отель Кольберъ, въ улицѣ du Croissant. Этотъ локаль былъ занятъ раньше, въ 1830 году, газетой «National», редактируемой Арманомъ Каррелемъ. Въ то время, да и теперь еще, можно было видѣть въ комнатѣ перваго этажа небольшой траппъ, черезъ который Арманъ Каррель бросалъ матеріалъ наборщикамъ, помѣщавшимся въ антресолѣ. Самъ же онъ, запершись въ комнатѣ верхняго этажа, никого не пускалъ къ себѣ и работалъ, не покладывая рукъ.

Когда матеріалу не хватало, въ траппъ стучали, — онъ открывался и журналистъ бросалъ въ него что-нибудь изъ тѣхъ жгучихъ страницъ, какія заставляли содрогаться іюльскую монархію.

Но случалось, что стучали и напрасно: у Карреля не было матеріалу.

— Чтó вамъ нужно?—съ досадой спрашивалъ онъ.

— Не хватаетъ десяти строкъ, чтобы наполнить газету.

— Ну, такъ вывалите изъ шестого этажа какую-нибудь старуху... и ступайте къ чорту.

И траппъ закрывался.

Въ этихъ конторахъ отеля Кольберъ можно было постоянно встрѣтить писателей, личности которыхъ слишкомъ извѣстны въ настоящее время, чтобы можно было сообщить о нихъ что-либо новое. Назовемъ лишь нѣсколько именъ.

На первомъ планѣ выступалъ Александръ Дюма̀, которому фельетонъ «Siècle» былъ главнымъ образомъ обязанъ своей литературной славой. Со всѣмъ тѣмъ, успѣхъ наступилъ не съ-разу. Когда Дюма̀ печаталъ нѣкоторыя изъ своихъ повѣстей, какъ, напримѣръ, «Othon l'Archer», «le Demon familier du sire de Corasse» (извлеченную изъ Фруассара) и проч., публика оставалась довольно холодна. Лишь съ «Capitaine Paul» открылся его блестящій періодъ въ «Siècle». Затѣмъ появились «Le Chevalier d'Harmental»; но въ особенности «Les trois Mousquetaires» и «Les suites» пріобрѣли ему громадную популярность.

Несмотря на высокую плату, которую платили ему за его произведенія (эта плата доходила иногда до *одного франка за строчку*, а строчка часто состояла изъ двухъ-трехъ словъ), Дюма̀ въ эту эпоху не былъ, повидимому, богатъ.

Въ администраціи газеты служилъ нѣкій le père P***, который исключительно занимался приведеніемъ въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ романиста. P*** не зналъ, какъ ему справиться съ векселями, росписками, исполнительными листами, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и не разъ восклицалъ съ отчаяніемъ: — если газета будетъ продолжать печатать произведенія Дюма́, я брошу все къ чорту и выйду изъ администраціи!

Въ эту же эпоху вошло въ обыкновеніе спрашивать: — кто написалъ послѣдній романъ Дюма́? У знаменитаго романиста было̀, какъ извѣстно, нѣсколько сотрудниковъ, и его обвиняли въ томъ, что онъ доставляетъ редакціи произведенія, подписанныя его именемъ, но которыхъ онъ даже не читалъ. Поэтому редакція газеты «Siècle» всегда справлялась, были ли рукописи, представляемыя имъ, написаны его рукой; когда почеркъ оказывался чужимъ, она безжалостно отказывалась отъ нихъ. Долгое время это казалось достаточной гарантіей; но въ одинъ прекрасный день узнали, что у Дюма́ есть секретарь, который подписывается подъ его руку. Редакція разсердилась, но дѣло уладилось, потому что съ добродушнымъ толстякомъ Дюма̀ никакъ нельзя было серьёзно поссориться.

Фредерикъ Сулье тоже появлялся иногда въ салонахъ редакціи. Одно время онъ собирался даже жениться на родственницѣ редакціи, но по зрѣломъ размышленіи объявилъ, что «папенька не позволяетъ»; ему было тогда сорокъ-пять лѣтъ. Его романъ «La Conspiration de la Rouarie» не встрѣтилъ благопріятнаго пріема у публики, также какъ и «Пикильо Алліага» Скриба, за который однако автору было заплачено шестьдесять тысячъ франковъ. Сулье посвятилъ себя въ эту эпоху исключительно театру; онъ поставилъ тогда «L'Ouvrier», «Le Maître d'Ecole» и свою лучшую пьесу: «La Closerie des Genêts».

Теофиль Готье говаривалъ про Бальзака, что «когда онъ пронюхаетъ гдѣ-нибудь туго набитый кошелекъ, то усаживается передъ нимъ точно кошка, увидѣвшая, что мышь вошла въ дыру и дожидающаяся, пока она изъ нея выйдетъ». Такъ какъ кошелекъ газеты «Siècle» всегда бывалъ туго набитъ, то великій аналитикъ не пренебрегалъ сторожить его. Бальзака встрѣчали иногда въ конторѣ редакціи въ его короткомъ черномъ сюртукѣ, кашне изъ красноватаго кашмира и съ знаменитой тростью, сдѣлавшейся легендарной. Хотя благодаря своимъ безчисленнымъ корректурамъ онъ иногда изъ своихъ денегъ платилъ за одинъ или за два набора, онъ тѣмъ не менѣе былъ бичомъ для наборщиковъ газеты, которые страшились его, какъ P*** страшился Александра Дюма́.

За то Эженъ Сю, напечатавшій нѣсколько романовъ въ газетѣ «Siècle», держался въ сторонѣ, и такъ какъ онъ совсѣмъ не умѣлъ вести свои дѣла, то два пріятеля его, Губо и Плейель, управляли его имуществомъ. Ему приходили въ голову очень дорогія фантазіи, приводившія въ отчаяніе его добровольныхъ опекуновъ.

Сю былъ избалованный художникъ, съ подкладкой демократа. Послѣ декабрьскаго переворота, онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе и поселился въ Верхней Савойѣ, гдѣ продолжалъ работать, но упалъ духомъ. Несмотря на его громадный талантъ публика отвернулась отъ него. Добродушные буржуа, невинно восторгавшіеся извѣстными соціалистическими теоріями въ «Mystères de Paris» и въ «Juif-Errant», испугались, когда эти самыя теоріи появились на баррикадахъ, въ складкахъ краснаго знамени. Наступила сильная реакція и его бывшіе почитатели никакъ не могли простить ему того, что они имъ увлекались.

Понсонъ-дю-Террайль, умершій въ Бордо во время франко-прусской войны, работалъ съ необыкновенной быстротой. Однажды онъ приходитъ въ контору редакціи, гдѣ одинъ изъ его собратій держалъ корректуру своего фельетона. Понсонъ принялся беззаботно болтать, какъ вдругъ прибѣгаетъ метранпажъ другой газеты.

— А гдѣ же вашъ матеріалъ, monsieur Ponson-du-Terrail,— восклицаетъ онъ? мы и то уже опоздали!

— Мой матеріалъ? Чортъ возьми, онъ еще не готовъ... Да, признаться, и не знаю, что написать въ слѣдующей главѣ.

— Но если такъ, то мы останемся сегодня безъ фельетона?

— Дайте мнѣ однако бумаги и перо... Увидимъ, что выйдетъ!

Виконтъ усѣлся за столъ и принялся быстро писать, не переставая разговаривать съ сотрудникомъ.

Тотъ, любопытствуя, какимъ образомъ плодовитый романистъ вывернется изъ затрудненія, продолжалъ держать свою корректуру. Но вотъ онъ кончилъ ее и собрался уходить.

— Подождите меня минутку,—сказалъ Понсонъ,—мы вмѣстѣ выйдемъ.

— А вашъ фельетонъ?

— Мой фельетонъ!.. да онъ готовъ... Дайте поставить точку и подписаться.

Пока собратъ его держалъ корректуру своего фельетона, Понсонъ написалъ свой.

Но по правдѣ сказать, послѣ такихъ импровизацій въ романѣ автора «Рокамболя» попадалась непонятная дичь.

Разъ Понсонъ-дю-Террайль придалъ одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ шести-футовый ростъ. Слишкомъ разсѣянный наборщикъ поставилъ вмѣсто шести футовъ *десять* и типографскую ошибку повторили въ слѣдующихъ фельетонахъ, а авторъ этимъ нисколько не смутился. Человѣкъ десяти футъ ростомъ всегда былъ рѣдкимъ феноменомъ, даже въ баснословныя времена, и можно было опасаться насмѣшекъ. Ничуть не бывало: ни одинъ читатель не протестовалъ; мало того, въ послѣдующихъ изданіяхъ этого романа никто не замѣтилъ этой опечатки, и надо думать, что до тѣхъ поръ, пока сочиненія Понсона-дю-Террайля будутъ читаться, будетъ допущено, что существуютъ люди десяти футовъ ростомъ!

Этотъ популярный романистъ доказалъ однако въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ, что когда онъ бралъ трудъ обдумать свой планъ и выработать свой слогъ, то могъ, какъ и всякій другой, написать произведенія сравнительно порядочныя и достойныя человѣка со вкусомъ. Но демонъ импровизаціи почти всегда увлекалъ его въ непроходимыя дебри и Понсонъ отнюдь не держался пріемовъ Жюля-Жанена.

Одинъ литераторъ, писавшій медленно и съ трудомъ, говорилъ знаменитому фельетонисту «Débats»:

— Какъ вы счастливы, любезный Жаненъ! вы пишете съ-разу, безъ труда и усилія. Вашъ слогъ правиленъ, легокъ, точенъ, а между тѣмъ вы даже не даете себѣ труда перечитывать написаннаго.

— Вы очень ошибаетесь!—возразилъ Жюль-Жаненъ.—Когда я пишу свой театральный фельетонъ, который выходитъ по понедѣльникамъ, то я дѣйствительно не церемонюсь и пишу какъ вздумается: въ два часа фельетонъ бываетъ готовъ. Но когда я займусь болѣе солидными статьями, когда я пишу «книгу», я потѣю и тружусь болѣе, чѣмъ кто либо... Saepe stylum vertas... Вотъ поглядите.

И онъ показалъ нѣсколько листковъ, дотого перемаранныхъ и перечеркнанныхъ, что самъ Бальзакъ не могъ бы сдѣлать лучше.

— Я исправляю такимъ образомъ,—продолжалъ онъ,—три или четыре листка въ день, работая въ продолженіи шести или семи часовъ... И при такомъ способѣ труда могу заработать *двадцать су* въ день!

Понсонъ-дю-Террайль, благодаря своей быстрой манерѣ пи-

сать, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, заработывалъ гораздо больше денегъ, чѣмъ Жюль-Жаненъ. Но въ литературѣ доходность не всегда соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству сочиненій, и изъ этихъ сочиненій самыя прибыльныя не всегда бываютъ лучшія.

При этомъ популярный романистъ, въ виду спѣшности своихъ импровизацій, охотно заимствовалъ идеи изъ произведеній своихъ собратовъ. Онъ производилъ эти невинные плагіаты съ величайшимъ добродушіемъ и самой полной откровенностью, и самъ сообщалъ о нихъ тѣмъ, кто становился ихъ жертвой. Сколько разъ говаривалъ онъ одному фельетонисту, своему пріятелю:

— Знаете? Я передѣлываю *такой-то* изъ вашихъ романовъ.

И если пріятель протестовалъ:

— О!—прибавлялъ онъ,—я могъ бы и не сообщать вамъ объ этомъ, потому что публика ничего не замѣтитъ, да и вы сами не догадались бы въ чемъ дѣло.

И, дѣйствительно, если какой-нибудь романъ имѣлъ успѣхъ, то Понсонъ-дю-Террайль бралъ общую идею и ходъ драмы; но тамъ, гдѣ у первоначальнаго автора дѣйствовалъ старикъ, онъ выставлялъ ребенка, гдѣ играла роль монахиня, тамъ онъ выводилъ куртизанку. Онъ не смущаясь передѣлывалъ все по-своему, и, случалось, имѣлъ бóльшій успѣхъ, нежели его собратъ.

Этотъ пріемъ, впрочемъ, не новъ, и, повидимому, особенно часто практиковался музыкальными композиторами. Кастиль-Блазъ, одинъ изъ самыхъ ученыхъ музыкальныхъ критиковъ, когда-либо существовавшихъ, утверждалъ, что нѣкоторыя изъ модныхъ арій, находящихся въ новѣйшихъ операхъ, списаны нота въ ноту изъ сочиненій болѣе старинныхъ авторовъ съ той единственной разницей, что въ нихъ измѣненъ ритмъ и размѣръ. Онъ всего болѣе упрекалъ въ такихъ заимствованіяхъ Берліоза, Обера и Россини.

Но вернемся къ Понсонъ-дю-Террайлю и его писательской манерѣ.

Однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ другимъ романистомъ.

— Любезный другъ,—сказалъ онъ ему,—сейчасъ я придумалъ, пока курилъ сигару, отличную первую главу роману.

— Въ самомъ дѣлѣ! разскажите-ка.

— Вотъ: мнѣ представляется, что молодой человѣкъ таинственнаго вида, но съ симпатичной наружностью пріѣзжаетъ въ Парижъ изъ Индіи. Выйдя изъ вагона, онъ нанимаетъ карету и велитъ скакать въ одну уединенную улицу Монмартрскаго предмѣстья.

Въ концѣ этой улицы стоитъ старый домъ, частію обрушившійся и который, какъ домъ Реннонъ въ «Juif Errant», кажется необитаемымъ уже нѣсколько лѣтъ. Позади дома находится дворъ, поросшій травой и окруженный высокими стѣнами. По срединѣ этого двора есть колодезь во сто футовъ глубиной, и надъ нимъ возвышается черепичная кровля, тоже полу-обвалившаяся, какъ и всѣ окружающія зданія.

Подъѣхавъ къ дому, путешественникъ отпускаетъ кучера, щедро расплатившись съ нимъ. Карета отъѣзжаетъ, онъ идетъ къ двери дома и стучитъ въ него извѣстнымъ манеромъ, опредѣленное число разъ и съ извѣстными промежутками. Дверь тяжело отворяется, скрипя петлями, и путешественникъ входитъ въ темныя и безмолвныя сѣни.

Дверь сама затворяется за нимъ, хотя онъ никого не видитъ; это его нисколько не смущаетъ, онъ проходитъ черезъ сѣни и входитъ во дворъ, гдѣ нѣсколько столѣтнихъ орѣховыхъ деревьевъ бросаютъ густую тѣнь. Равнодушный ко всему окружающему, путешественникъ поспѣшно направляется къ колодцу, наклоняется надъ нимъ и издаетъ родъ свиста:

— Псссссс!

Затѣмъ прислушивается съ замираніемъ сердца.

Ничего.

Незнакомецъ блѣднѣетъ.

Послѣ минуты мучительнаго ожиданія, онъ выпрямляется и смотритъ на часы—великолѣпный хронометръ, цѣной въ тысячу франковъ.

— Какъ я глупъ!—говоритъ онъ, съ усиліемъ переводя духъ:—время еще не настало.... Я пріѣхалъ десятью минутами раньше.

И начинаетъ расхаживать подъ деревьями, все съ возрастающимъ волненіемъ, съ глазами, устремленными на часы.

Черезъ десять минутъ онъ подходитъ снова къ колодцу, снова наклоняется надъ нимъ и опять издаетъ:

— Псссссс!

Тогда на днѣ колодца, на страшной глубинѣ, послышались...

Понсонъ остановился.

— Ради Бога, другъ мой, что онъ услышалъ?—спросилъ торопливо другой романистъ, вы право совсѣмъ заинтриговали меня.... Чтó же услышалъ путешественникъ?

— Право, самъ еще не знаю,—отвѣчалъ Понсонъ, смѣясь; — непремѣнно надобно, чтобы онъ что-нибудь услышалъ, но я еще не рѣшилъ, чтò именно.

— Какъ!—замѣтилъ разочарованный пріятель,—вы сами не знаете... Но вы можете по-крайней-мѣрѣ сообщить мнѣ, зачѣмъ вашъ путешественникъ, вернувшись изъ Индіи, пріѣзжаетъ въ Парижъ, какую тайну скрываетъ этотъ колодезь въ Монмартрѣ, какая драма происходитъ въ этомъ необитаемомъ домѣ?

— Представьте,—нѣтъ, отвѣчалъ Понсонъ, продолжая смѣяться, —и я вамъ буду очень обязанъ, если вы что-нибудь присовѣтуете мнѣ на этотъ счетъ... Какую ассоціацію долженъ скрывать колодезь? Будутъ ли то заговорщики или фальшивые монетчики? Будутъ ли то итальянскіе «carbonari», или остиндскіе «thugs», или ирландскіе *феніи?* подайте мысль мнѣ, пора засѣсть за работу.

— Да у меня ровно нѣтъ никакихъ мыслей объ этомъ! — возразилъ тотъ: надо еще подумать надъ этимъ...

— Ну! придумаю что-нибудь,—отвѣчалъ Понсонъ дю-Террайль.

И придумалъ, разумѣется, такъ какъ приведенная сцена служитъ прологомъ къ одному изъ его романовъ, и его читатели безъ труда назовутъ этотъ романъ.

У Понсона дю-Террайля была изумительная память, и такъ какъ онъ прочиталъ невѣроятное количество романовъ въ дѣтствѣ и въ юности, то нерѣдко онъ только повторялъ, полагая, что придумываетъ. Говорятъ, что то же самое случается иногда съ композиторами музыки, которымъ въ самомъ дѣлѣ кажется, что они придумали мелодію, когда они только повторили слышанное нѣкогда. Всякая фантазія должна истощиться, когда приходится ежедневно писать четыре или пять романовъ для четырехъ или пяти различныхъ журналовъ. Романистъ, бьющій на то, чтобы угодить толпѣ, вращается въ очень узкой сферѣ понятій и поминутно натыкается на избитыя тэмы. Все дѣло его заключается только въ томъ, чтобы подновить ихъ новыми украшеніями, замаскировать подражаніе. Понсонъ очень ловко справлялся со всѣмъ этимъ.

Понятно, какую важную роль играетъ память въ подобныхъ случаяхъ. Однако, принимая во вниманіе существующіе нынѣ законы о литературной собственности, для романиста было бы неудобно имѣть такую феноменальную память, какою отличался Созе, министръ юстиціи при Луи-Филиппѣ.

Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, Созе былъ представленъ своимъ другомъ Ламартиномъ аббату С...., слывшему тогда однимъ изъ талантливѣйшихъ проповѣдниковъ Франціи. Послѣ одной проповѣди аббата С....., проповѣди, возбуждавшей,

по обыкновенію, большой восторгъ, Ламартинъ, Созе и нѣсколько другихъ лицъ присутствовали на завтракѣ въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ аббатомъ. За завтракомъ проповѣдника осыпали похвалами и комплиментами, которые, повидимому, были ему очень пріятны. Одинъ Созе упорно молчалъ.

Аббатъ сначала былъ удивленъ, а затѣмъ и обиженъ его молчаніемъ.

— А вы, молодой человѣкъ,—вдругъ сказалъ онъ,—не хотите, должно быть, высказать своего мнѣнія. Вѣрно, проповѣдь моя не имѣла счастія вамъ понравиться!

— Г. аббатъ,—отвѣчалъ Созе съ смущеннымъ видомъ,— у меня есть мнѣніе, но вамъ оно можетъ не понравиться и я желаю лучше оставить его при себѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ проповѣдникъ, задѣтый за-живое:—напротивъ, скажите ваше мнѣніе... Я умѣю переносить критику... Говорите откровенно: и я, и эти господа, мы васъ настоятельно о томъ просимъ.

— Когда такъ, г. аббатъ, и вы этого желаете, то я скажу всю правду... Я нашелъ проповѣдь великолѣпной, но только она напечатана слово въ слово въ «Sermons inédits» Бурдалу́.

— Что вы говорите?—вскричалъ, смѣясь, аббатъ С....—я ниоткуда ея не заимствовалъ; я самъ сочинилъ ее.

— Мнѣ жаль, г. аббатъ, что вы настаиваете на этомъ... Я увѣренъ, что эта превосходная проповѣдь принадлежитъ Бурдалу́. Доказательствомъ тому служитъ то, что она мнѣ такъ понравилась, что я выучилъ ее наизусть и могу сказать вамъ ее отъ слова до слова.

— Желалъ бы я это слышать!—сказалъ аббатъ.

Тутъ Созе проговорилъ всю проповѣдь отъ начала до конца, не измѣняя ни одного слова.

Бѣдный аббатъ былъ сраженъ; лицо его то краснѣло, то зеленѣло.

— Боже мой, — говорилъ онъ,—ударяя себя въ лобъ, неужели я схожу съ-ума! Я былъ такъ увѣренъ... Можетъ ли это быть, что я не самъ сочинилъ свою проповѣдь?

Ужасъ и огорченіе его были такъ велики, что юный шутникъ, наконецъ, сжалился надъ нимъ. Созе расхохотался, и объяснилъ, что природа одарила его сверхъ-естественной памятью. Ему достаточно было разъ прослушать проповѣдь, чтобы запомнить ее отъ слова до слова, и онъ тѣмъ охотнѣе запомнилъ ее, что она показалась ему прекрасной и вполнѣ достойной Бурдалу́.

Аббатъ С..... разсмѣялся, какъ и всѣ присутствующіе, но Созе задалъ-таки ему порядочнаго страха.

Въ другомъ случаѣ Созе самъ попался на удочку, благодаря своей памяти.

Будучи министромъ юстиціи, онъ объѣзжалъ департаментъ Сены и Луары, и написалъ Ламартину, что намѣренъ остановиться въ Сенъ-Пуанѣ и провести тамъ ночь. Въ назначенный часъ Ламартинъ и нѣсколько его гостей, находившихся въ его зàмкѣ, выѣхали на-встрѣчу министру. Дорогою Ламартинъ сказалъ одному изъ своихъ гостей, Ф***, бывшему когда-то секретаремъ Созе:

— Не можете ли вы, любезный Ф***, придумать какой-нибудь способъ помѣшать министру говорить со мной о политикѣ? Я боюсь, что мы не сойдемся во взглядахъ, а мнѣ не хотѣлось бы спорить съ нимъ въ тѣ немногіе часы, какіе мы проведемъ вмѣстѣ.

— Ничего нѣтъ проще,—отвѣчалъ Ф***, человѣкъ остроумный и тонкій,—разсчитывайте на меня... Увидите!

Созе увозятъ въ Сенъ-Пуанъ, гдѣ оказываютъ ему самый радушный, самый любезный пріемъ. За столомъ министръ дѣлаетъ Ламартину нѣсколько замѣчаній о палатахъ и о правительствѣ. Лукавый Ф*** на-сторожѣ и ловко отвлекаетъ разговоръ, но, предвидя новую попытку въ этомъ родѣ, вдругъ говоритъ по поводу одного судебнаго факта, про который напомнилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Ахъ, г. министръ, помните ли вы прекрасную рѣчь, произнесенную вами по этому дѣлу, когда вы были простымъ адвокатомъ? Какой успѣхъ одержали вы и въ публикѣ, и въ печати. Никогда еще не находили вы такихъ патетическихъ словъ, такихъ непобѣдимыхъ аргументовъ!.. Вы всѣхъ убѣдили и растрогали... Какъ я жалѣю, что г. Ламартинъ, который такъ любитъ красивую рѣчь и великія мысли, васъ не слышалъ.

— Да,—отвѣчалъ Созе, замѣтно польщенный,—этой защитѣ обязанъ я своей репутаціей... Помните ли вы вотъ этотъ ораторскій пріемъ, который сокрушилъ моихъ противниковъ?

И онъ привелъ это мѣсто изъ своей рѣчи. Ф*** такъ искусно подстрекалъ его, что Созе, пользуясь своей изумительной памятью, произнесъ отъ начала до конца всю знаменитую защитительную рѣчь.

Это длилось весь остатокъ обѣда, весь вечеръ и до того са-

маго часа, какъ пришлось лечь спать. И на другой день еще Созе говорилъ до самой минуты отъѣзда.

Такимъ образомъ, Созе выѣхалъ изъ Сенъ-Пуана, не обмѣнявшись съ Ламартиномъ ни единымъ словомъ о политикѣ.

Такъ какъ мы упомянули о Сенъ-Пуанѣ, то не можемъ не разсказать одну черту изъ жизни великаго поэта, который такъ дурно управлялся съ своими дѣлами.

Въ эту эпоху онъ уже былъ по-уши въ долгахъ; въ особенности былъ онъ очень много долженъ по мелочамъ различнымъ обывателямъ своего околотка, бо̀льшею частію людямъ недостаточнымъ. При всемъ уваженіи къ нему, его-таки порядочно теребили и приставали къ нему съ требованіями, которыхъ онъ не могъ удовлетворить.

Въ числѣ этихъ мелкихъ заимодавцевъ была одна старая крестьянка изъ окрестной деревни; Ламартинъ долженъ былъ ей сотню франковъ за бочку вина.

Когда онъ проживалъ въ за̀мкѣ, добрая женщина являлась съ корзиной въ рукѣ и приносила ему въ подарокъ вафли, нарочно для него испеченныя ею. Великій поэтъ принималъ вафли, дарилъ крестьянкѣ двадцать франковъ и разсыпался въ благодарностяхъ.

— Ахъ, любезный баринъ,—начинала тогда ныть старуха,— я говорю это не затѣмъ, чтобы обидѣть вашу милость, но жизнь такъ дорога̀, а годъ былъ такой неурожайный... Вотъ и приходится напомнить вамъ про тотъ должокъ, помните... Я, знаете, не тороплю васъ, а только такъ, къ слову пришлось.

— Милая тетушка Боннишонъ,—отвѣчалъ Ламартинъ,—у меня сердце болитъ оттого, что я не могу расплатиться со всѣми добрыми людьми, которые—вотъ какъ и вы тоже—оказали мнѣ довѣріе... Но я тружусь и надѣюсь, что скоро, очень скоро...

— Вы не сокрушайтесь объ этомъ, милый баринъ,—возражала тетушка Боннишонъ, поднимаясь съ мѣста:—это я такъ сказала, потому къ слову пришлось... А я все-таки буду носить вамъ по-прежнему вафли, такъ какъ вы ихъ любите.

И носила ихъ; носила каждый мѣсяцъ и каждый разъ получала двадцать франковъ за вафли, которыя стоили пять су.

Много лѣтъ протекло такимъ образомъ.

Во время каждаго посѣщенія заимодавецъ и должникъ печалились, что никакъ не могутъ развязаться съ мизернымъ долгомъ въ сто франковъ.

Этотъ долгъ существуетъ и понынѣ, и ни Ламартину, ни старой крестьянкѣ никогда не приходило въ голову, что онъ уже давнымъ-давно уплаченъ.

Послѣднее слово о Понсонъ-дю-Террайлѣ, котораго мы оставили, заговоривъ о Ламартинѣ и Созе.

Онъ былъ очень милъ въ своихъ сношеніяхъ съ собратьями. Онъ зналъ истинную цѣну своимъ успѣхамъ и не только не хвастался ими, но даже какъ будто извинялся въ нихъ. Никогда не выказывалъ онъ низкой зависти къ успѣху другихъ (качество весьма рѣдкое, по мнѣнію Эли Берте, на котораго мы и сваливаемъ всю отвѣтственность за него у писателей), напротивъ того, онъ искренно радовался ему. Поэтому у него было много друзей и онъ очень дорожилъ ихъ добрымъ мнѣніемъ.

Разъ онъ говоритъ одному изъ нихъ:

— Обѣщайте мнѣ прочитать фельетонъ, который я буду писать въ газетѣ ***; мнѣ хочется знать ваше мнѣніе объ этомъ моемъ трудѣ.

— Хорошо; хотя я самъ очень занятъ, но я его стану читать... до тѣхъ поръ, пока буду понимать.

— Прекрасно.

Недѣлю спустя, Понсонъ спросилъ:

— Читали ли вы мой фельетонъ?

— Разумѣется... Я прочиталъ три главы.

— Ну, и какого вы о немъ мнѣнія?

— Первая глава прелестна.

— Благодарю васъ... А вторая?

— Тоже хороша; но только въ ней уже попадаются усложненія, шокирующія меня.

— А третья?

— Усложненія усиливаются, и мнѣ нужно для того, чтобы понимать ихъ, напрягать умъ, а это для меня тягостно.

— Слѣдовательно, вы не читали четвертой главы?

— Пытался, но откровенно сознаюсь, что ничего не понялъ и... не могъ долѣе читать.

Понсонъ сдѣлалъ гримасу.

— А между тѣмъ, публика, должно быть, понимаетъ,—возразилъ онъ,—потому что романъ очень читается и редакція газеты заказала мнѣ новый... Чортъ возьми, любезный другъ,—продолжалъ онъ,—не моя вина, если содержаніе романа становится все запутаннѣе, если усложненія, путаница, даже нелѣпости въ модѣ. Я ей покоряюсь—и только. Что это означаетъ

упадокъ литературнаго вкуса — съ этимъ я не спорю; но не я издаю законы, я только имъ подчиняюсь. Если бы Бернарденъ де-Сенъ-Пьерръ, Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ снова ожили и явились одинъ съ «Paul et Virginie», другой съ «Gil Blas», а третій съ «Quentin Durward»,— предполагая, разумѣется, что эти мастерскія произведенія еще не были написаны, — то я вамъ ручаюсь, что эти три великихъ человѣка не нашли бы въ настоящую минуту въ Парижѣ журнала, который бы согласился ихъ напечатать. Ихъ безсмертныя творенія показались бы современному поколѣнію длинными, холодными и скучными... Еще разъ, кто въ этомъ виноватъ?—всѣ виноваты, не правда ли? Въ былое время любили вино тонкое, мягкое, слегка душистое; теперь любятъ такое, которое съ-разу бьетъ въ голову и ошеломляетъ; надо давать публикѣ то, чего она требуетъ... Это результатъ общей подачи голосовъ въ литературѣ, а общая подача голосовъ—это, какъ вы знаете, ковчегъ завѣта.

— Ну, такъ и пишите, любезный Понсонъ, та́къ, ка́къ вы пишете, и не стѣсняйтесь мнѣніями такого отсталаго человѣка, какъ я... Да и сомнительно, чтобы поколѣніе, привыкшее къ алкоголю, вернулось къ виноградному вину, которое кажется слишкомъ прѣснымъ для его огрубѣвшаго вкуса. Но, быть можетъ, родится новое поколѣніе, которое...

— Новыя поколѣнія пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Въ настоящую минуту дѣло идетъ о томъ, какъ бы вытащить побольше денегъ изъ очень грязныхъ кармановъ, потому что успѣхъ—это деньги. Будемъ, насколько можно, гоняться за успѣхомъ!

И потомокъ рыцарей, потому что виконтъ претендовалъ на то, что происходитъ отъ Баярда, сеньора дю-Террайля, продолжалъ свою дѣятельную карьеру, когда смерть захватила его въ цвѣтѣ силъ и таланта. Какова бы ни была судьба его произведеній, всѣ тѣ, кто знавалъ его лично, сохранятъ о немъ наилучшее воспоминаніе.

Прежде чѣмъ заключить эти литературныя воспоминанія, очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ интересную личность одного остроумнаго журналиста, Эжена Гинó, который въ продолженіи многихъ лѣтъ велъ «Парижское обозрѣніе» въ фельетонѣ газеты «Siècle». Гинó, хотя и писалъ очень живо и пикантно, въ жизни былъ спокоенъ, холоденъ, почти угрюмъ.

Каждую недѣлю онъ приноситъ свое *обозрѣніе* Луи Денойе, редактору литературнаго отдѣла въ газетѣ, который тоже былъ очень остроумный человѣкъ. Бывшій редакторъ «Charivari» и «Ca-

ricature», юмористическій авторъ «Jean-Paul Chopart» и «Robert-Robert», онъ отличался языкомъ острымъ, какъ бритва.

Можно было бы думать, слѣдовательно, что когда два такихъ человѣка, какъ Денойе и Гинó, сойдутся другъ съ другомъ, то бесѣда ихъ должна отличаться искрометной веселостью.

Между тѣмъ вотъ чтó обыкновенно происходило.

Гино приходилъ въ опредѣленный часъ и обмѣнявшись молчаливымъ пожатіемъ руки съ Денойе, клалъ свой фельетонъ ему на конторку. Затѣмъ усаживался напротивъ редактора. Оба пристально и въ величайшемъ безмолвіи глядѣли другъ на друга въ продолженіи пяти-шести минутъ. Наконецъ Гинó вставалъ, проговоривъ дружескимъ тономъ:—Farceur!

И уходилъ.

Вотъ два умныхъ человѣка, не подвергавшихъ себя опасности сказать глупость!

Гинó былъ со стороны аккуратности образцовымъ журналистомъ. Никогда статья его не запоздала минутой, и онъ умеръ, какъ и жилъ.

Онъ разстался съ «Siècle» и поступилъ въ «Constitutionnel», гдѣ также доставлялъ еженедѣльно «Парижское обозрѣніе».

Однажды редакторъ спросилъ у метранпажа статью Гинó.

— Корректуры еще не вернулись,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ! уже полдень, а Гинò не вернулъ корректуръ!.. Ахъ! онъ, значитъ, умеръ!...

Пошли за справками, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что Гинó испустилъ духъ съ перомъ въ рукахъ.

Какой труженикъ печати не пожелаетъ умереть такимъ образомъ!

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ

ПАРИЖѢ

Письма въ редакцію.

I.

Прежде всего считаю себя обязаннымъ коснуться двухъ вопросовъ: первый—какое главное побужденіе могло руководить тѣмъ кружкомъ французскихъ писателей, который взялъ на себя починъ созванія въ Парижѣ международнаго литературнаго конгресса? Второй вопросъ—какое соображеніе побудило нѣсколькихъ русскихъ писателей явиться на международное литературное собраніе въ качествѣ равноправныхъ его членовъ, между тѣмъ какъ съѣздъ русскихъ литераторовъ, хотя бы для обсужденія вопроса о литературной собственности, очевидно не осуществился бы въ Петербургѣ или Москвѣ?

Вопросовъ этихъ я долженъ коснуться вотъ почему. Для всѣхъ ясно, что существенный, серьёзный интересъ русской литературы въ наше время заключается вовсе не въ огражденіи литературной собственности отъ перепечатокъ, свободнаго перевода или компиляціи. При такомъ положеніи дѣла многимъ можетъ показаться страннымъ, что русскіе литераторы, не будучи въ состояніи даже формулировать съ полной откровенностью главной потребности нашей печати, отправились въ Парижъ трактовать о предметѣ довольно второстепенномъ, о такой потребности, которая изъ всѣхъ потребностей нашей литературы, именно удовлетворена нашимъ законодательствомъ въ наиболѣе достаточной мѣрѣ. Могутъ найтись въ обществѣ и даже въ

литературной средѣ голоса, которые скажутъ, что мы ѣздили въ Парижъ разыгрывать роль, льстившую нашему тщеславію, что мы поѣхали играть тамъ комедію, провозглашая принципы, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла, и молчать о главномъ нашемъ интересѣ, какъ будто онъ совершенно удовлетворенъ, какъ будто русскій писатель, дѣйствительно, находится въ условіяхъ равныхъ съ французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ и германскимъ.

Слишкомъ извѣстно, что эта манера притворяться полноправными и играть передъ Европой роль дѣйствительной національной силы, совершенно умалчивая о томъ или другомъ, какъ бы о несуществующемъ — частенько-таки практиковалась у насъ нѣкоторыми органами и потому подозрѣніе, только-что указанное, представлялось бы довольно естественнымъ. „Господа,—сказалъ Викторъ Гюго членамъ конгресса:—вы имѣете высокую задачу. Вы составляете какъ бы учредительное собраніе литературы. У васъ есть власть если не для утвержденія законовъ, то для предписанія ихъ“. Что скажемъ мы, русскіе литераторы, явившіеся на этотъ конгрессъ, когда насъ спросятъ дома, съ усмѣшкой: „итакъ, вы были депутатами Россіи въ учредительномъ собраніи литературы; обезпечивъ ея положеніе у себя, наравнѣ съ представителями другихъ націй, вы являлись принять участіе съ ними въ соглашеніяхъ международныхъ, въ предписаніи законовъ?“

Признаюсь, когда я рѣшился ѣхать въ Парижъ, когда слушалъ В. Гюго и когда пустился въ обратный путь, меня постоянно конфузила мысль о возможности этого ироническаго вопроса, о возможности подозрѣнія, что русскіе появленіемъ своимъ и своими рѣчами на конгрессѣ поддерживали какую-то фальшь.

И вотъ для того, чтобы отстранить отъ насъ это обвиненіе, я и начинаю съ уясненія двухъ вопросовъ: каково было главное побужденіе французскихъ организаторовъ конгресса и каково было то соображеніе, въ силу котораго мы рѣшились въ немъ участвовать. На второй изъ этихъ вопросовъ нельзя отвѣчать, не выяснивъ сперва перваго.

Уже изъ програмы, разосланной французскимъ „обществомъ литераторовъ“ весною, можно было убѣдиться, что задуманный имъ конгрессъ вовсе не будетъ „учредительнымъ собраніемъ литературы“, созывается не для провозглашенія какихъ-либо общихъ политическихъ или гуманитарныхъ принциповъ, но съ цѣлью менѣе притязательною и въ то же время менѣе платоническою. Впрочемъ, догадаться о чисто-практическомъ, просто экономическомъ назначеніи конгресса было легко уже по самому созыву его — въ Парижѣ, французскимъ литературнымъ обществомъ, котораго прямая цѣль — обезпечивать

французскимъ авторамъ пользованіе тѣми имущественными правами, какія признаны закономъ. Изъ литературныхъ произведеній всѣхъ странъ, произведенія литературы французской наиболѣе подвергаются въ иныхъ странахъ перепечаткѣ, переводу и передѣлкѣ. Театръ всѣхъ странъ въ значительной степени живетъ произведеніями современныхъ французскихъ авторовъ, представляемыми какъ въ оригиналѣ, такъ — въ особенности — въ переводахъ и передѣлкахъ съ „примѣненіемъ къ мѣстнымъ нравамъ".

Понятно, что когда французы пригласили литераторовъ иныхъ странъ собраться въ Парижъ для обсужденія вопросовъ о литературной собственности и когда приглашеніе это исходило именно отъ Société des gens de lettres, имѣющей спеціальной задачей охранять доходъ французскихъ авторовъ, то самое приглашеніе это, въ сущности, означало слѣдующее: пожалуйте переговорить съ нами о томъ, какъ бы вамъ меньше „обирать" насъ, какъ бы намъ увеличить доходъ съ своихъ произведеній, подѣйствовавъ на васъ неоспоримыми принципами справедливости и международной солидарности.

Говоря, что таково было назначеніе конгресса по мысли его организаторовъ, я вовсе не думаю ставить это имъ въ упрекъ. Французскіе писатели были въ своемъ правѣ; я только говорю, что такова была дѣйствительная цѣль конгресса. Правда, въ программу внесены были еще вопросы, касающіеся всѣхъ въ равной мѣрѣ: о свойствѣ литературной собственности и срокахъ пользованія ею, о положеніи литераторовъ. Конгрессъ призналъ вѣчность права литературной собственности, и выразилъ желаніе, чтобы учреждались общества для огражденія авторскихъ правъ и оказанія пособій. Но не для провозглашенія этихъ рѣшеній созывали, главнымъ образомъ, конгрессъ. Литературная собственность во Франціи и теперь обезпечена пожизненностью и пятидесятилѣтнимъ срокомъ, какъ и у насъ, а это для огромнаго большинства произведеній составляетъ такъ сказать болѣе, чѣмъ вѣчность. Что касается учрежденія обществъ для охраненія авторскихъ правъ, то общество, созывавшее конгрессъ, имѣло въ самомъ себѣ живое рѣшеніе этого вопроса, и, конечно, не обсужденіе его могло главнымъ образомъ интересовать организаторовъ конгресса.

Главный интересъ ихъ, главное назначеніе конгресса, по ихъ мысли, было, разумѣется, установленіе международной дани для французскихъ писателей съ такого пользованія ихъ произведеніями, которое теперь пропадаетъ для нихъ безслѣдно. Рѣшенія конгресса, конечно, должны были быть общи для всѣхъ, но наиболѣе выиграть и наименѣе терять отъ нихъ должны были именно французскіе авторы и издатели. Наиболѣе выиграть—потому, что, какъ ужъ сказано, французскія произведенія наиболѣе подвергаются позаимствованію

въ другихъ странахъ. Наименѣе терять — потому, что во Франціи, еслибъ даже нынѣшніе законы въ ней дозволяли перепечатку или свободный переводъ иностранныхъ произведеній — гораздо меньшій спросъ на произведенія любой страны, чѣмъ въ той странѣ на произведенія французскія. А такъ какъ по закону 1852 года, перепечатка иностраннаго произведенія во Франціи,—хотя бы даже и не существовало литературной конвенціи съ государствомъ, въ которомъ то произведеніе впервые явилось въ свѣтъ,—безусловно запрещена, и такъ какъ иностранные авторы имѣютъ даже право возбуждать во Франціи судебное дѣло о вознагражденіи за переводъ ихъ сочиненій [1]),—то очевидно, что Франція могла только выиграть отъ рѣшеній конгресса въ охраненіе авторскихъ правъ, а терять ничего не могла. Организаторы конгресса, конечно, знали, что каждое ограничительное постановленіе конгресса для Франціи могло представлять только уступку въ ея пользу, а съ ея стороны никакихъ уступокъ не потребуетъ. Почему? Потому что—къ чести литературнаго значенія французской націи — всѣ такія уступки могли уже ранѣе быть сдѣланы законодательствомъ ея, безъ всякаго для нея ущерба.

Итакъ, Франція, по отношенію къ предполагаемымъ рѣшеніямъ международнаго литературнаго конгресса, находилась въ самомъ благопріятномъ положеніи: всякое новое огражденіе международныхъ литературныхъ правъ могло быть ей только въ пользу, ни одно не могло требовать отъ нея новой уступки. За то положеніе Россіи по отношенію къ конгрессу было какъ разъ противоположное. Ни одна европейская страна не нуждается въ иностранной литературѣ въ такой мѣрѣ, какъ Россія. Мы много заимствуемъ, у насъ заимствуютъ мало, мы много переводимъ, съ насъ переводятъ очень мало. Итакъ, всякое новое огражденіе международныхъ правъ литературной собственности для Россіи представлялось бы прежде всего уступкой съ ея стороны, а не уступкой въ ея пользу.

Существующими литературными конвенціями Россія уже обязалась не допускать у себя перепечатокъ, контрафакціи иностранныхъ книгъ, музыкальныхъ нотъ и т. д. Здѣсь, по отношенію къ самымъ оригиналамъ, авторское право столь ясно и несомнѣнно, что принципъ справедливости долженъ былъ прямо устранить соображенія утилитарныя. Пусть тотъ же принципъ будетъ примѣненъ къ представленію въ оригиналѣ пьесъ иностранныхъ авторовъ на нашихъ сценахъ французской и нѣмецкой. Это было бы опять-таки совер-

[1]) Въ нашей конвенціи съ Франціею ничего подобнаго не постановлено, ни въ пользу переводимыхъ у насъ французскихъ авторовъ, ни въ пользу русскихъ авторовъ, переводимыхъ въ Россіи, но на конгрессѣ мнѣ возражали, что по французскому закону (?) это право существуетъ.

шенно односторонней уступкой съ нашей стороны, такъ какъ пьесъ на русскомъ языкѣ нигдѣ за границею не представляютъ. Но представленіе иностранныхъ пьесъ въ оригиналѣ у насъ во всякомъ случаѣ — роскошь, и если бы оно было поставлено въ зависимость отъ дозволенія иностранныхъ авторовъ, то-есть обусловлено уплатою имъ гонорара, то и это, во-первыхъ, соотвѣтствовало бы совершенно ясному праву авторовъ на вознагражденіе за ихъ личный трудъ, а, во-вторыхъ, не нарушало бы никакого серьёзнаго интереса Россіи.

Но какъ только мы переходимъ къ переводамъ, — дѣло тотчасъ представляется въ иномъ видѣ. Авторское право тутъ уже не безусловно: французская комедія или французскій романъ не имѣютъ никакой цѣны для той части русской публики, которая стала бы смотрѣть на эту комедію или читать этотъ романъ въ русскомъ переводѣ. По отношенію къ этой публикѣ цѣнность комедіи или роману придается только русскимъ переводомъ,—не будь его, и вся эта часть русской публики для французскаго автора все равно не существовала бы. Итакъ, деньги, которыя платитъ эта публика за созданную для нея цѣнность, очевидно, должны принадлежать болѣе переводчику, чѣмъ автору оригинала. Правда, легче перевесть готовую пьесу, или романъ, чѣмъ сочинить ихъ самому. Итакъ, тутъ естественно возникаетъ вопросъ, не должна ли доля вознагражденія переводчика относиться и къ автору оригинала? Но во всякомъ случаѣ право перваго автора здѣсь уже не такъ безусловно, какъ въ тѣхъ случаяхъ (перепечатка, представленіе пьесъ въ оригиналѣ), когда онъ является авторомъ *единственнымъ*, исключительнымъ творцомъ той цѣнности, которая и составляетъ его собственность.

Допустимъ однако, что не желая становиться въ исключительное положеніе, Россія и по отношенію къ переводамъ признала необходимымъ согласіе иностранныхъ авторовъ, то-есть уплату имъ вознагражденія за право перевода ихъ беллетристическихъ произведеній на русскій языкъ. Это было бы съ ея стороны опять-таки односторонней уступкой, уступкой безъ взаимности, такъ какъ, за весьма рѣдкими исключеніями, русскія беллетристическія произведенія переводятся на иностранные языки только по иниціативѣ самихъ авторовъ и при ихъ помощи. Исключеніе составляютъ главнымъ образомъ произведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Крылова и Гоголя. Но пусть, повторяю, Россія сдѣлала еще и эту одностороннюю уступку; хотя право автора на вознагражденіе за переводъ его сочиненія другимъ лицомъ уже далеко не такъ безусловно, какъ его право на оригиналъ, пусть и оно было бы признано у насъ хоть въ силу такого соображенія, что нѣкоторое вздорожаніе переводныхъ

беллетристическихъ произведеній еще не нарушило бы никакого серьёзнаго интереса нашего умственнаго развитія.

Но что мы скажемъ, если намъ придется платить вдвойнѣ, то-есть переводчику и автору оригинала, за труды ученые и учебные? При недостаточномъ развитіи нашей собственной учебной литературы, при совершенной необходимости для нашей учащейся молодежи пріобрѣтать труды иностранныхъ ученыхъ въ русскомъ переводѣ, и вмѣстѣ, при сравнительно-маломъ числѣ покупщиковъ, на которое каждый такой переводъ можетъ разсчитывать въ Россіи,—вопросъ о вознагражденіи иностранныхъ авторовъ за переводы ученыхъ и учебныхъ трудовъ, является весьма серьёзнымъ вопросомъ объ обезпеченіи нашего умственнаго развитія. Ученыя книги и безъ того дороги въ Россіи, что зависитъ отъ высоты заработной платы въ типографіяхъ, отъ дороговизны бумаги, и затѣмъ—отъ рискованности издательскихъ предпріятій вообще въ такой странѣ, гдѣ спросъ на книги еще не великъ, гдѣ невозможно разсчитать, пойдетъ ли успѣшно даже такое изданіе, которое имѣло большой успѣхъ за границею, гдѣ вслѣдствіе того непомѣрно высокъ процентъ барыша, разсчитываемый издателями. Наложивъ на издательство переводовъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій еще налогъ въ пользу иностранныхъ авторовъ, на все время существованія ихъ права собственности, мы тѣмъ самымъ сдѣлаемъ эти книги еще дороже, еще недоступнѣе для учащихся или же побудимъ издателей усчитывать этотъ процентъ изъ того нерѣдко просто-нищенскаго вознагражденія за переводъ, какое они теперь предоставляютъ переводчикамъ, по большей части—студентамъ, ищущимъ поддержать свое существованіе тяжелымъ трудомъ перевода за какихъ-нибудь десять рублей съ печатнаго листа.

Интересъ этотъ весьма серьёзенъ; это одинъ изъ интересовъ нашего умственнаго развитія. Неужели же изъ одного желанія не отставать отъ другихъ народовъ въ признаніи новаго принципа—безусловной литературной собственности, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ—какъ именно въ переводахъ—она по самой сущности вовсе не представляется безусловною, мы бы принесли въ жертву интересъ столь реальный? Неужели изъ желанія не отстать отъ опередившихъ насъ народовъ собственно на словахъ, въ провозглашеніи принципа, мы будемъ игнорировать тотъ несомнѣнный фактъ, что мы все-таки отстали отъ нихъ на дѣлѣ, и нуждаемся болѣе въ покровительствѣ своимъ потребителямъ, чѣмъ въ протекціи иностраннымъ авторамъ?

Нѣтъ, мы не можемъ сдѣлать этого; мы, очевидно, должны охранить именно тотъ важный интересъ, который представляется у насъ переводной учебной и ученой литературой. Но если таково было всегда наше личное убѣжденіе, то теперь спрашивалось, какъ же

мы должны были поступить, когда Société des gens de lettres прислала намъ приглашеніе на международный литературный конгрессъ, имѣвшій собраться въ Парижѣ?

Существующія нынѣ литературныя конвенціи Россіи съ другими странами не упоминаютъ о вознагражденіи авторовъ за переводъ или о необходимости согласія со стороны авторовъ на изданіе переводовъ. Но конгрессъ и созывался-то прямо съ цѣлью подготовить пересмотръ литературныхъ конвенцій, для пополненія въ нихъ „пробѣловъ". Первая объяснительная фраза въ созывной программѣ такъ прямо и гласила о „недостаточности (insuffisance) дипломатическихъ конвенцій, нынѣ существующихъ". Какъ я уже объяснилъ выше, мы очень хорошо понимали, что конгрессъ созывается вовсе не для провозглашенія какихъ-либо общихъ либеральныхъ и гуманитарныхъ принциповъ, а просто съ цѣлями экономическими. Невозможно было и сомнѣваться, что отъ русскихъ писателей, явившихся на съѣздъ, потребуютъ признанія безусловнаго права авторовъ на вознагражденіе за переводы.

Конечно, русскіе литераторы могли просто уклониться отъ вызова, не поѣхать на конгрессъ, предпочитая втихомолку status quo нынѣшнихъ конвенцій всякому „пополненію пробѣловъ" на нашъ счетъ. Но, во-первыхъ, это было бы не совсѣмъ красивою увърткою: не пойдемъ-молъ, а то съ насъ тамъ денегъ потребуютъ. Société des gens de lettres, конечно, и объяснила бы себѣ дѣло такъ, что никакого серьёзнаго резона русскіе въ охраненіе перевода привесть не могли, а потому и побоялись явиться. Дѣло обсуждалось бы безъ нихъ, и было бы рѣшено въ смыслѣ безусловнаго права авторовъ. Положимъ, рѣшенія конгресса вовсе не обязательны для правительствъ. Однако, въ случаѣ начатія переговоровъ французскимъ, германскимъ или англійскимъ правительствами объ измѣненіи существующихъ литературныхъ конвенцій съ Россіею, наше правительство не имѣло бы на что опереться для охраненія нашихъ правъ, и, въ виду общаго согласія литераторовъ другихъ странъ на общую формулу безусловнаго права авторовъ, легко могло ввесть въ новую конвенцію эту формулу, считая ее за всѣми признанное выраженіе современнаго научнаго взгляда на вопросъ о литературной собственности.

Не было ли болѣе сообразно съ нашимъ достоинствомъ не уклоняться изъ робости и не отмалчиваться съ лукавствомъ, но принять приглашеніе, явиться на конгрессъ и откровенно объяснить свой особый взглядъ на нѣкоторые пункты, взглядъ, обусловленный прямымъ интересомъ Россіи? Никакой пищи тщеславію при этомъ предлежать не могло, такъ какъ мы знали, что ѣдемъ вовсе не на „учредительное собраніе литературы" (какъ выразился послѣ В. Гюго), но—

въ дѣйствительности—на чисто-экономическій съѣздъ литераторовъ. Мало того, было очевидно, что намъ предстояла роль вовсе не блестящая. Намъ предстояло не пѣть въ униссонъ съ французскими писателями, заслуживая ихъ одобреніе и похвалы, но противорѣчить по существенному пункту — ихъ интересу и даже — признаюсь безъ церемоніи—принципу абсолютной справедливости, противорѣчить ему въ виду особенностей нашего положенія. Итакъ, намъ предстояла роль весьма не блестящая; тѣ нѣсколько русскихъ литераторовъ, которые собрались въ Парижъ, были увѣрены, что на конгрессѣ „насъ отдѣлаютъ", что „намъ достанется". Если этого не случилось, если насъ не стыдили тѣмъ эгоизмомъ и той отсталостью, какіе мы должны были выказать, то это зависѣло отъ двухъ причинъ: прежде всего—отъ любезности французовъ, которые слишкомъ хорошо сознавали обязанности, налагаемыя на нихъ ролью хозяевъ конгресса; затѣмъ—отъ появленія среди насъ И. С. Тургенева, котораго имя пользуется въ Парижѣ большимъ уваженіемъ, скажу даже—бо́льшимъ, чѣмъ въ нашей современной литературной средѣ, если судить по тому тону, съ которымъ нѣкоторые изъ нашихъ собратовъ привыкли относиться къ нему въ послѣдніе годы. Уже однимъ своимъ появленіемъ среди насъ, г. Тургеневъ оказалъ намъ лично большую услугу. Онъ принялъ живое участіе въ конгрессѣ, онъ предсѣдательствовалъ въ бо́льшей части общихъ засѣданій, и, по всей вѣроятности, благодаря именно его участію, французы слушали насъ терпѣливѣе и не обрушились на насъ съ либеральнымъ негодованіемъ за то, что мы дерзнули противорѣчить абсолютному принципу литературной собственности, въ видахъ русскаго интереса.

Теперь спрашивается, чего же мы достигли своимъ участіемъ въ конгрессѣ? Разумѣется, мы не могли убѣдить большинство, состоявшее изъ французовъ, сдѣлать отступленіе отъ положеній общихъ въ пользу русскихъ переводчиковъ. Но мнѣ кажется, что тотъ выводъ, къ которому пришла редакція „Вѣстника Европы", обсуждая присланное ей приглашеніе, былъ все-таки вѣренъ: русскимъ литераторамъ не слѣдовало уклоняться и отмалчиваться, а лучше было откровенно объясниться на конгрессѣ. Въ одномъ изъ общихъ засѣданій его, одинъ французскій ораторъ заявилъ намъ даже свое сочувствіе за открытый образъ дѣйствій. Съ другой стороны, теперь, въ случаѣ если возникнутъ переговоры объ измѣненіи литературныхъ конвенцій, наше правительство, получивъ отчетъ парижскаго литературнаго конгресса, найдетъ, что если мы могли, въ лицо иностраннымъ авторамъ, настаивать на необходимости охраненія русскаго интереса въ переводахъ, то ему еще легче указать на этотъ интересъ въ дипломатическихъ переговорахъ, сославшись притомъ на фактъ, что и въ между-

народномъ литературномъ собраніи о немъ было заявлено съ полной опредѣлительностью, съ указаніемъ, какія уступки могли бы быть нами сдѣланы и какія не могли бы быть допущены безъ ущерба успѣхамъ умственнаго развитія въ Россіи.

II.

Очертивъ истинное значеніе конгресса, русскій интересъ въ вопросѣ о международныхъ правахъ литературной собственности и ту цѣль, съ которой нѣсколько русскихъ литераторовъ рѣшились принять участіе въ парижскомъ конгрессѣ, я перейду къ разсказу о самомъ конгрессѣ и къ скромному нашему участію въ его преніяхъ.

Открытіе конгресса первоначально было предположено на 4 іюня (23 мая), потомъ было отсрочено на недѣлю. Какъ въ первой, такъ и во второй программѣ, предположено было семь публичныхъ засѣданій, съ распредѣленіемъ на каждое изъ нихъ вопросовъ для обсужденія. Но все это было совершенно перевернуто при исполненіи. Публичное засѣданіе было собственно только одно: то, въ которомъ В. Гюго „открылъ конгрессъ". Затѣмъ происходили общія собранія; въ теченіи 18 дней ихъ было 8; но они не были публичными. Сверхъ того, и по бо̀льшей части—въ тѣ же дни, происходили засѣданія коммиссій. Выше уже сказано, что весь починъ созванія конгресса принадлежалъ „Société des gens de lettres". Президентъ этого общества—г. Эдмондъ Абу̀; вице-президентъ его, спеціально занимавшійся подготовкою конгресса—г. Пьеръ Закконе. Эти же господа̀ и секретари общества приняли на себя всѣ хлопоты по пріисканію залъ, по печатанію и разсылкѣ приглашеній и нѣсколькихъ докладныхъ записокъ, а затѣмъ—и подробнаго отчета о „трудахъ" конгресса. Издержки по этому изданію и по самому собранію приняты на счетъ той же „Société des gens de lettres".

Согласно приглашенію, мы явились 11 іюня (н. с.) въ залу главной французской масонской ложи—le Grand Orient, въ улицѣ Кадé. Масоны предоставили эту залу въ распоряженіе конгресса на все время его засѣданій. Собралось около 150 человѣкъ, т.-е. около ста французовъ и пятидесяти иностранцевъ. Изъ наиболѣе извѣстныхъ французскихъ писателей участвовали въ конгрессѣ слѣдующіе: гг. В. Гюго̀, Анрѝ Мартенъ, Эдмондъ Абу̀, Массонъ, Бело̀, Мало̀, Гонзалесъ, Молинари, Тёрье́, Ратисбоннъ; изъ иностранцевъ: гг. Тургеневъ, Боборыкинъ, Молесвёртъ, Томъ-Тэйлоръ, Лавелѐ, Мауро-Макки. Кромѣ гг. Тургенева и Боборыкина было еще нѣсколько русскихъ: про-

фессоръ Ковалевскій, гг. Чуйко, Шарановъ, Чивилевъ, Шимановскій и др.

Что иностранцевъ не пріѣхало больше, что не явились на конгрессъ иностранные писатели съ именами, равными имени Тургенева, въ этомъ я не вижу ничего удивительнаго. Одни не были расположены жертвовать временемъ на дальнюю поѣздку, другихъ могла удерживать неувѣренность въ своей французской рѣчи; третьихъ могло удерживать національное предубѣжденіе. Но, признаюсь, меня очень удивило, что такъ много людей съ самыми громкими литературными именами среди самихъ французовъ не приняли участія въ конгрессѣ. Гг. Эмиль Ожье́, Александръ Дюма́, Октавъ Фёллье́, Викторьенъ Сарду́, Жюль Сандо́ отсутствовали. Но, положимъ, ихъ отсутствіе еще объясняется тѣмъ, что между „Société des gens de lettres", которое организовало конгрессъ, и „Société des auteurs dramatiques" произошло по этому поводу какое-то недоразумѣніе. Меня вовсе не интересовала причина этого разногласія, такъ какъ въ такомъ дѣлѣ она, разумѣется, могла представляться только личностями. Но о разногласіи этомъ или „недостаткѣ согласія" было заявлено оффиціально. Г. Эдмондъ Абу́ прочелъ посланное „Обществу драматическихъ писателей" приглашеніе прислать его делегатовъ на конгрессъ и полученный на это отвѣтъ, который содержалъ въ себѣ только слѣдующее: „Имѣемъ честь извѣстить о полученіи письма" отъ такого-то числа. Такимъ образомъ, вышло нѣчто странное: одной изъ главныхъ (даже, просто, главной) цѣлью конгресса, по мысли французовъ, какъ то высказывалось изъ рѣчей, было—охранить интересъ французскихъ авторовъ театральныхъ пьесъ, которыя представляются, передѣлываются и переводятся въ другихъ странахъ безъ вознагражденія авторовъ, что́ и составляетъ въ сущности главный видъ даровой эксплуатаціи за-границею труда французскихъ писателей; между тѣмъ, французскіе драматурги не явились защищать своего интереса, а защищали его какъ будто противъ воли или, по крайней мѣрѣ, безъ полномочія отъ „Société des auteurs dramatiques"— члены „Société des gens de lettres".

Итакъ, драматическіе писатели не явились на конгрессъ вслѣдствіе недоразумѣній между двумя литературными обществами. Но не одни они не явились: отсутствовали и такіе ученые, какъ Литтре́, Тэнъ, Ренанъ, Луи Бланъ, Минье, Каро, и такіе публицисты, какъ гг. Джонъ Лемуаннъ, Жюль Фавръ, Сенъ-Рене́-Талльяндье́, д'Оссонвилль. Не былъ и Огюстъ Барбье́. Объясненія ихъ отсутствія слѣдуетъ искать опять-таки въ несогласіяхъ корпоративныхъ или личныхъ. Большинство названныхъ мною писателей принадлежатъ къ французской академіи. Стало быть, нежеланіе ихъ участвовать въ

конгрессѣ должно объясняться отношеніями большинства членовъ академіи къ предсѣдателю конгресса—Виктору Гюго́.

Какъ бы то ни было, но вышло нѣчто не совсѣмъ ловкое. Французы созвали конгрессъ, они же сами доказывали, что наиболѣе заинтересованы въ международномъ охраненіи литературной собственности, доказывали это тѣмъ, что исключительно они одни и жаловались на эксплуатацію ихъ произведеній въ другихъ странахъ; иностранцы же такихъ жалобъ съ своей стороны не предъявляли и только выслушивали ихъ. Но между тѣмъ, какъ многіе иностранцы пріѣхали изъ-за „тридевяти земель" собственно для участія въ конгрессѣ, огромное большинство замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей не потрудились взять фіакра и явиться въ улицу Кадѐ.

Итакъ, мы—въ залѣ Grand Orient. Аллегорическіе фигуры и значки вдоль стѣнъ, напоминающіе о союзѣ наукъ, свободы, человѣчности. За кресломъ президента—таинственный треугольникъ. Засѣданіе 11 іюля было открыто рѣчью г. Э. Абу́, который пояснилъ въ краткихъ словахъ цѣль конгресса и предполагаемый порядокъ его работъ. Абу́ уже давно превратился изъ романиста въ журналиста; какъ извѣстно, онъ—редакторъ газеты „XIX Siècle", которой спеціальность—борьба съ клерикализмомъ, борьба очень оживленная, иногда нѣсколько мелочная, но всегда остроумная. Кто-то на конгрессѣ недаромъ називалъ Абу́ однимъ изъ внуковъ Вольтера. Авторъ „Grèce contemporaine" и „Lettres d'un bon jeune homme" сохранилъ свой бойкій юморъ, часто блестящій, порою ѣдкій, но всегда направленный съ замѣчательной ясностью и логичностью къ какой-нибудь чисто-практической цѣли. Хотя Абу́ принадлежитъ къ числу преданныхъ и восторженныхъ поклонниковъ Виктора Гюго̀, но по литературному характеру онъ не имѣетъ ничего общаго съ романтизмомъ, воспитавшимъ „фразу", также какъ и съ тѣмъ патологическимъ и весьма произвольнымъ „реализмомъ", который господствуетъ теперь во Франціи. Онъ скорѣе — дитя старой, классической школы,—той самой, которая воспитала и Вольтера, и Поля-Луи́ Курьѐ, и самого Беранжѐ: умѣренность порыва, гладкость формы, чистота и правильность языка, здравый смыслъ — прежде всего, полемическая ѣдкость и вмѣстѣ съ нею нѣкоторое, такъ-сказать, простонародное добродушіе (bonhomie), съ большимъ запасомъ веселости,—того, однимъ словомъ, что̀ называется l'esprit gaulois.

Вступительная рѣчь г. Абу́ не имѣла никакой торжественности; она не была подготовлена, и тонъ ея былъ скорѣе фамильярный, товарищескій. Абу́—природный ораторъ, но ораторъ скорѣе въ англійскомъ вкусѣ, чѣмъ во французскомъ, съ тою только разницей, что никогда англичанину не достигнуть до этой изящности, округленно-

ности и законченности въ постепенномъ развитіи мысли; это уже свойства французскія, и въ свободной, ни на моментъ не колеблющейся импровизаціи Э. Абу они являются въ замѣчательной степени. Спеціально для насъ,—народа, мало привыкшаго къ публичной рѣчи,—совершенно непонятно, ка̀къ можетъ человѣкъ говорить такимъ образомъ, что̀ рѣчь его, полная остроумныхъ сравненій, всегда вѣрныхъ эпитетовъ и совершенно точныхъ разграниченій, выходитъ при импровизаціи еще гораздо лучше, чѣмъ если бы она была написана.

Организаторъ конгресса г. Закконе прочелъ затѣмъ еще краткій докладъ о цѣли конгресса и послѣ переклички лицамъ, взявшимъ билеты на званіе членовъ, Э. Абу предложилъ собранію образовать новое бюро̀ посредствомъ избранія членами каждой націи особыхъ президентовъ и вице-президентовъ, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и вице-предсѣдателемъ французскаго „литературнаго общества" и должны были образовать составъ новаго бюро̀. Съ этой цѣлью общее засѣданіе было прервано.

Въ промежуткѣ проявились довольно забавныя недоразумѣнія: нѣкоторыя „націи" имѣли только по одному представителю, который, понятно, не могъ выбирать самъ себя. Одинъ шведъ искалъ для составленія „національной" группы — представителей другихъ скандинавскихъ государствъ; но, не зная ихъ лично, не могъ ихъ найти. Нѣсколько присутствовавшихъ русскихъ литераторовъ избрали своимъ президентомъ И. С. Тургенева, а вице-президентомъ—П. Д. Боборыкина. Англичане, итальянцы, имперскіе нѣмцы, австрійскіе нѣмцы, американцы избрали президентами: гг. Тома-Тэйлора, Мауро-Макки, Швейбеля, Виттмана, Уайта. Э. Абу пригласилъ въ составъ новаго бюро́ еще г. Ашетта, предсѣдателя корпораціи книгопродавцевъ. Провозглашеніе имени Тургенева было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ, а когда новое бюро́ заняло свое мѣсто и Э. Абу уступилъ русскому писателю мѣсто предсѣдателя, то знаки одобренія повторились съ еще бо̀льшей силою.

Послѣ этого, французскіе и иностранные члены конгресса, по предложенію Э. Абу, распредѣлились по отдѣленіямъ или коммиссіямъ, посредствомъ заявленія, при новой перекличкѣ,—той коммиссіи, къ которой каждый изъ нихъ хотѣлъ принадлежать. Этихъ коммиссій или отдѣленій было три; каждая должна была спеціально обсудить часть вопросовъ, включенныхъ въ программу конгресса. Первой коммиссіи подлежали вопросы юридической теоріи: о правѣ литературной собственности, его условіяхъ и срокѣ, о томъ, должно ли это право быть приравнено къ имущественному праву вообще или же опредѣляться особымъ закономъ; о воспроизведеніи, переводѣ и передѣлкѣ (adaptation). Второй коммиссіи, которая была прозвана

„дипломатическою“, подлежали вопросы юридическіе положительные: о международныхъ соглашеніяхъ для охраненія литературной собственности; о недостаточности конвенцій, нынѣ существующихъ, и тѣхъ затрудненіяхъ, какія представляютъ установленныя въ нихъ формальности; объ установленіи точной формулы для замѣны ею прежнихъ, разнообразныхъ формулъ, включавшихся въ конвенціи по этому предмету. Третья коммиссія должна была обсуждать вопросы характера преимущественно соціальнаго: о современномъ положеніи литературнаго труда и литераторовъ въ разныхъ странахъ, учрежденіяхъ и мѣрахъ для улучшенія ихъ быта. Такъ какъ наиболѣе практическаго значенія могло представлять обсужденіе вопросовъ, предоставленныхъ второй коммиссіи, то я записался въ нее. Впрочемъ, при самомъ образованіи коммиссій вновь выяснилось, что главной цѣлью конгресса, по мысли его организаторовъ, было охраненіе правъ французскихъ авторовъ за-границей: вторая коммиссія была многочисленнѣе другихъ, и самъ президентъ Société des gens de lettres Э. Абу принялъ участіе во второй коммиссіи.

Коммиссіи избрали себѣ президентовъ и вице-президентовъ. Первая избрала президентомъ г. Мишеля Массона, вице-президентомъ— г. Гэ (Guay); вторая—президентомъ самого Э. Абу, вице-президентами—гг. Тургенева и Молесвёрта; третья—президентомъ—г. Мауро-Макки, вице-президентами — гг. Одебранда и Швейбеля.

Всѣ эти предварительныя дѣйствія: составленіе новаго бюро́, раздѣленіе вопросовъ между коммиссіями и распредѣленіе по нимъ членовъ конгресса, наконецъ, выборы въ коммиссіяхъ велись съ такой правильностью и практичностью, что любо было смотрѣть: въ этомъ сказывалась парламентская привычка. Но самое обсужденіе вопросовъ, т.-е. пренія, съ самаго начала стали идти въ розпь и затягиваться. Цѣлыхъ два общихъ собранія были заняты организаціею; третье все было посвящено разсужденіямъ о томъ, ка́къ распредѣлить мѣста́ въ театрѣ Châtelet для перваго публичнаго засѣданія,— того, въ которомъ Викторъ Гюго̀ долженъ былъ формально открыть сессію конгресса. Э. Абу, на сдѣланный ему запросъ, объяснилъ, что правительство предоставило конгрессу выборъ между залами нѣсколькихъ государственныхъ зданій, но что предпочтеніе отдано театру Châtelet, такъ какъ въ немъ 3,500 мѣстъ. Казалось бы, при такой обширности залы, полтораста членовъ конгресса, даже ихъ семейства и пріятели могли размѣститься въ ней безъ всякаго затрудненія. Но нѣтъ; этотъ „вопросъ“ вызвалъ весьма оживленныя и продолжительныя пренія. Г. Абу сообщилъ, что члены конгресса, если они на это согласны, будутъ занимать партерръ, ложи будутъ предоставлены ихъ близкимъ, а верхнія галереи — студентамъ. Но спра-

шивалось, будутъ ли билеты для всѣхъ или только для гостей, гдѣ будутъ раздаваться эти билеты и т. д. Заявлялось даже, что такъ какъ члены конгресса будутъ сидѣть всѣ вмѣстѣ, отдѣльно отъ своихъ женъ, то въ залѣ будетъ много „вдовъ", и спрашивалось, куда же посадить ихъ? На это возражалось, что „даму все-таки будетъ сопровождать кавалеръ" и т. п. Къ довершенію многосложности задачи, подлежавшей обсужденію, тутъ же шла рѣчь и о банкетѣ, имѣвшемъ быть въ день того же, т.-е. перваго публичнаго засѣданія. Въ какомъ отелѣ будетъ банкетъ, сколько мѣстъ, гдѣ получать обѣденные билеты и проч. Все это, разумѣется, кончилось тѣмъ, съ чего слѣдовало начать: отказавшись отъ „выработки" всѣхъ этихъ подробностей въ засѣданіи, конгрессъ поручилъ ихъ устройство предсѣдателю и секретарямъ литературнаго комитета. Положимъ, парижанину могло казаться естественнымъ употребить два часа для того, чтобы увѣриться въ полученіи для своего семейства билетовъ на публичное засѣданіе „съ Викторомъ Гюго". Но иностранцу, пріѣхавшему на конгрессъ изъ-за $2^1/_2$ тысячъ верстъ, или хотя бы изъ-за 500 верстъ, чтобы присутствовать на конгрессѣ, было довольно странно видѣть, что изъ семи предположенныхъ засѣданій одно было цѣликомъ посвящено толкамъ о размѣщеніи въ театрѣ Châtelet. Вообще время сперва тратилось такъ, какъ-будто предстояла цѣлая парламентская сессія, а не какой-нибудь десятокъ засѣданій.

III.

Но возвратимся нѣсколько назадъ. Послѣ перваго же засѣданія, русскіе условились собраться особо, чтобы столковаться между собою. Такихъ сходокъ было двѣ. Мы пріѣхали въ Парижъ въ разное время, не всѣ даже были знакомы, и, конечно, не могли знать о каждомъ изъ своей среды, каковы его взгляды на самую сущность литературной собственности, не говоря уже о разнообразныхъ вопросахъ, изъ нея возникающихъ или ея касающихся. Но случилось такъ, что мы сговорились очень легко. Помня свойства разныхъ литературныхъ собраній въ Петербургѣ, мы даже сами нѣсколько удивились, придя такъ скоро къ соглашенію. Можетъ быть, земляки за границей все-таки сильнѣе чувствуютъ свою солидарность, можетъ быть, случайно нашлись люди сговорчивые, но только мы, повторяю, сговорились очень скоро.

Прежде всего было признано, что составъ нашего кружка совершенно случайный. Мы не были представители или „делегаты" русской печати, хотя въ спискахъ конгресса мы и числились какъ

délégués russes. Никто насъ не избиралъ, никакихъ полномочій у насъ не могло быть и никого мы въ дѣйствительности не представляли, кромѣ себя самихъ. А между тѣмъ, находясь въ чужой средѣ, мы все-таки не могли не представлять до нѣкоторой степени русскую печать, точно такъ какъ первый встрѣчный солдатъ, въ извѣстномъ смыслѣ, все-таки служитъ представителемъ своего полка. Въ глазахъ прочихъ членовъ конгресса, мы все-таки были les délégués de Russie. Отсутствіе всякаго права на представительство и вмѣстѣ необходимость согласиться между собою по-крайней-мѣрѣ насчетъ русскаго интереса въ этомъ дѣлѣ—эти два факта и опредѣляли наше положеніе. Мы раздѣлили предметы сужденій конгресса на два рода: вопросы общіе и специально русскій интересъ въ международныхъ литературныхъ соглашеніяхъ. По отношенію къ общимъ вопросамъ, не было никакой нужды, чтобы мы являлись съ какимъ-нибудь коллективнымъ мнѣніемъ. Такъ, одинъ могъ видѣть въ правѣ литературной собственности—видъ имущественнаго права, другой—только привилегію, даруемую закономъ; одинъ могъ отрицать всякіе сроки, другой могъ одобрять 50-ти-лѣтній срокъ, третій—25-ти-лѣтній и т. д. Точно также для сообщенія конгрессу свѣдѣній о цѣнахъ литературнаго труда въ Россіи и т. п. не было нужды, чтобы мы показывали согласно. Ко всѣмъ этимъ предметамъ мы должны были относиться просто какъ единичные члены конгресса, высказывая личныя мнѣнія и личныя наблюденія.

По отношенію же къ русскому интересу въ международныхъ литературныхъ конвенціяхъ мы не могли не явиться представителями русской печати, хотя и случайными, неуполномоченными. Такъ на насъ смотрѣли на конгрессѣ, да и не могли смотрѣть иначе. Стало быть, въ этомъ случаѣ мы уже должны были явиться солидарными, хотя бы для того, чтобы не разсмѣшить конгрессъ, толкуя интересъ Россіи каждый по-своему. Различивъ, такимъ образомъ, наше положеніе въ отношеніи разныхъ предметовъ сужденія, мы съ-разу освободились отъ обсужденія между собою всей программы конгресса, что̀ повело бы къ нескончаемымъ преніямъ. Сговориться надо было только о томъ, полагаемъ ли мы возможнымъ, чтобы въ Россіи иностранныя сочиненія не могли быть переводимы и передѣлываемы, а иностранныя пьесы представляемы иначе какъ съ платою иностраннымъ авторамъ за право такихъ перевода, передѣлки и представленія?

Оказалось, что всѣ мы были расположены охранить не иностраннаго автора, а русскаго переводчика. Но въ то же время мы всѣ признавали, въ томъ или иномъ смыслѣ, самый принципъ литературной собственности. Иначе, понятно, мы бы не явились на конгрессъ,

посвященный вопросамъ объ ея охраненіи. Какъ согласить такія двѣ вещи, какъ провозглашеніе литературной собственности и защиту нарушеній или исключеній изъ принципа въ пользу русскихъ переводчиковъ—вотъ чтó представляло затрудненіе. Поставить вопросъ такъ, что, признавая справедливость охраненія авторскихъ правъ, мы въ то же время, имѣя въ виду исключительность положенія Россіи, считаемъ необходимымъ, чтобы тѣ права иностранныхъ авторовъ, которыя не охранены въ Россіи нынѣшними литературными конвенціями, и впредь оставались не охраненными, было нелогично: это значило бы отрицать общій принципъ въ виду частныхъ потребностей. И почему именно для одной Россіи такое исключеніе?—возразили бы намъ: полнаго равенства между національными культурами все равно существовать не можетъ. И развѣ справедливо, чтобы недостаточный человѣкъ обиралъ богатаго потому только, что самъ нуждается? Возраженія эти легко было предвидѣть; они дѣйствительно и предъявлялись впослѣдствіи каждый разъ, какъ только съ нашей стороны упоминалось объ „исключительномъ положеніи Россіи".

Итакъ, очевидно, слѣдовало сдѣлать уступки, признать справедливымъ соглашеніе нашихъ литературныхъ конвенцій съ принципомъ литературной собственности во всѣхъ ея видахъ. На „исключительность" нашего положенія можно было ссылаться только какъ на второстепенный мотивъ, для опредѣленія размѣра уступокъ, но не какъ на основной мотивъ, чтобы ихъ вовсе не дѣлать, чтобы оставить нѣкоторыя права иностранныхъ авторовъ вовсе не охраненными въ Россіи. Короче: слѣдовало требовать не исключенія изъ общаго принципа въ пользу Россіи, но нѣкотораго смягченія въ примѣненіи общаго принципа къ ней.

Существующія литературныя конвенціи (или торговые трактаты) между Франціею и другими странами давали намъ средство потребовать такого смягченія, вовсе не прибѣгая къ нарушенію принципа, а тѣмъ болѣе къ отрицанію его. Такъ, въ силу конвенціи 3-го ноября 1851 года между Франціей и Англіей, авторы, издавшіе свои сочиненія въ одной изъ этихъ странъ, могутъ сохранить за собой право изданія перевода этихъ сочиненій въ другой странѣ, но не навсегда, а только на 5-ти-лѣтній срокъ, со дня изданія перевода, дозволеннаго авторомъ. Итакъ, здѣсь принципъ признанъ, но примѣненіе его смягчено тѣмъ, что охраненіе авторскаго права перевода дѣйствуетъ только въ теченіи пяти лѣтъ. Вотъ и была готовая для насъ почва, чтобы пріискать соглашеніе между полнымъ признаніемъ принципа литературной собственности, со всѣми его послѣдствіями, и огражденіемъ русскаго интереса въ переводахъ. Слѣдовало признать принципъ, но установить для иностранныхъ авторовъ такой

срокъ на право дозволять переводъ въ Россіи, который не наносилъ бы ущерба нашему серьёзному интересу.

Само собой разумѣлось, что этотъ срокъ не могъ бы быть пятилѣтній, равный тому, какой условленъ между Франціею и Англіею. Здѣсь собственно при опредѣленіи срока и умѣстно было сослаться на то, что наша культура далеко не можетъ равняться съ англійскою или французскою, что если англичане выговорили себѣ право переводить французскія книги и безъ согласія ихъ авторовъ черезъ пять лѣтъ по изданіи дозволеннаго перевода (который долженъ появиться въ годичный срокъ со дня изданія оригинала), то отъ насъ, русскихъ, будетъ уже большою уступкой, если мы опредѣлимъ этотъ срокъ въ пользу иностранныхъ авторовъ въ три или два года, вмѣсто существующаго нынѣ свободнаго права русскихъ переводчиковъ переводить иностранныя книги безъ всякаго согласія ихъ авторовъ.

Подобная уступка совершенно освобождала насъ отъ необходимости впадать въ логическое противорѣчіе и весть неловкую рѣчь на такую тэму, что то, что̀ можетъ быть хорошо для всѣхъ, не хорошо только для одной Россіи, просить въ ея пользу какого-то особеннаго исключенія, въ силу „исключительности ея положенія", въ родѣ того, какъ освобождаются отъ платы за ученіе представленіемъ свидѣтельства о бѣдности.

А между тѣмъ, уступка эта вовсе не нарушала бы нашего серьёзнаго интереса. Онъ представляется, собственно говоря, переводомъ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ. Для насъ важно, чтобы эти переводныя книги не вздорожали вслѣдствіе того налога, какой пришлось бы уплачивать въ пользу ихъ авторовъ. Но много ли ученыхъ сочиненій и учебниковъ переводятся у насъ въ первый годъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ за границею? Весьма рѣдко русскій переводъ является ранѣе двухъ-трехъ лѣтъ послѣ изданія оригинала. Теперь положимъ, что въ нашу литературную конвенцію съ Франціею, 6 апрѣля 1861 года, вводится сохраненіе за авторами обѣихъ странъ исключительнаго права на изданіе или дозволенія на изданіе перевода въ теченіи трехъ лѣтъ со времени изданія оригинала. Положеніе было бы тогда слѣдующее: во Франціи выходитъ книга, и привозится въ Россію. Знающіе французскій языкъ могутъ тотчасъ прочесть сочиненіе въ оригиналѣ. Затѣмъ, авторъ ея или оговорилъ себѣ право перевода, или не оговорилъ его. Въ первомъ случаѣ онъ обязанъ издать русскій переводъ ея или одобрить его изданіе въ теченіи годичнаго срока. Итакъ, не позже какъ черезъ годъ, русскіе, интересующіеся книгою, но незнающіе по-французски, получаютъ возможность пріобрѣсть русскій переводъ, дозволенный авторомъ, и

за это, конечно, платить нѣсколько дороже, чѣмъ стоилъ бы русскій переводъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Эта переплата и представляла бы ту премію, какую мы уплачивали бы каждому иностранному автору въ теченіи двухъ лѣтъ, въ видѣ дани его авторскому праву. Переплата эта, въ сущности, падала бы на тѣхъ русскихъ потребителей, которые находили бы удобнымъ или необходимымъ для себя купить новинку. По истеченіи этой двухлѣтней привилегіи автора, всякій имѣлъ бы право издавать новый переводъ книги, безъ согласія автора, какъ это дѣлается теперь. Это представляло бы достаточную гарантію противъ дороговизны или неудовлетворительности перваго перевода, дозволеннаго авторомъ. Если цѣна его слишкомъ высока или переводъ сдѣланъ дурно, изданъ съ чисто-спекулятивной цѣлью, а на книгу предвидится при иныхъ условіяхъ спросъ, то непремѣнно появятся новые переводы, болѣе удовлетворительные или болѣе дешевые, такіе переводы, которые сдѣланы безъ согласія автора и безъ уплаты ему гонорара. Правда, эти переводы могли бы появиться не ранѣе, какъ чрезъ два года по выходѣ въ свѣтъ перваго; но вѣдь это замедленіе вовсе не важно, особенно когда хоть какой-нибудь переводъ все-таки уже имѣлся и ранѣе.

Второй случай—тотъ, что авторъ не оговорилъ себѣ исключительнаго права на изданіе перевода (droit de traduction réservé). Тогда книга могла бы быть переведена тотчасъ же, на томъ же основаніи, какъ издаются русскіе переводы теперь. Наконецъ, третій случай—тотъ, что авторъ, оговоривъ себѣ привилегію перевода, тѣмъ не менѣе не удовлетворилъ условію, подъ которымъ она ему предоставлялась бы: не издалъ бы или не побудилъ бы издать одобреннаго имъ русскаго перевода въ теченіи года со времени появленія въ свѣтъ оригинала. Въ этомъ случаѣ, право свободнаго перевода этой книги открылось бы для всѣхъ черезъ годъ послѣ изданія оригинала—промедленіе очень неважное.

Въ общемъ результатѣ, на практикѣ произошло бы слѣдующее: большинство иностранныхъ книгъ ученыхъ и учебныхъ тогда, какъ и теперь, издавалось бы въ русскомъ переводѣ не ранѣе трехъ лѣтъ со времени выхода ихъ оригиналовъ, и переводы эти не были бы дороже, чѣмъ теперь, такъ какъ они могли бы дѣлаться послѣ этого срока и безъ уплаты авторамъ вознагражденія. Затѣмъ, нѣкоторыя такія сочиненія издавались бы въ русскомъ переводѣ ранѣе, чѣмъ теперь, но стоили бы нѣсколько дороже; это была бы премія за новинку. Далѣе: произведенія иностранныхъ беллетристовъ и драматическихъ писателей уже въ гораздо бо̀льшемъ числѣ переводились бы на русскій языкъ съ согласія авторовъ и съ уплатою имъ вознагражденія. Но вѣдь, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ прямо не затронутъ

интересъ умственнаго развитія страны, надо же соблюдать полную справедливость. Можно ли утверждать, что умственные интересы Россіи пострадаютъ, если иностранные романы въ русскомъ переводѣ будутъ стóить нѣсколько дороже въ теченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ выхода въ свѣтъ въ оригиналѣ, хотя по истеченіи этого срока русскіе переводы ихъ будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и теперь, т.-е. независимо отъ согласія авторовъ и безъ вознагражденія ихъ? Почему читатель романа г. Белò въ русскомъ переводѣ ни въ какомъ случаѣ не долженъ заплатить извѣстный процентъ автору, если желаетъ прочесть его произведеніе вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ? Умственное развитіе Россіи, очевидно, вполнѣ мирится въ этомъ случаѣ съ отсрочкою на три года.

То же самое, но еще въ сильнѣйшей степени, примѣняется и къ переводамъ иностранныхъ драматическихъ пьесъ. Русскій переводчикъ французской комедіи или оперетты самъ получаетъ по-спектакльную плату; почему же онъ не можетъ заплатить французскому автору вознагражденіе за право немедленнаго перевода его пьесы? Вѣдь переводчикъ новой пьесы гоняется именно за новинкой,—пусть же платитъ за нее. Какъ бы высока ни была цѣна, которую потребовали бы съ переводчиковъ иностранныхъ комедій ихъ авторы, русскій репертуаръ переводныхъ пьесъ все-равно не могъ бы оскудѣть: черезъ три года по первомъ изданіи за границей всѣ лучшія пьесы могли бы быть переведены на русскій языкъ безъ всякой уплаты иностраннымъ авторамъ.

Еще менѣе казался намъ заслуживающимъ огражденія тотъ разсчетъ казенныхъ театровъ въ Петербургѣ и Москвѣ, который состоитъ въ томъ, чтобы пьесы французскія и нѣмецкія играть у насъ *въ оригиналѣ* безъ всякаго вознагражденія ихъ авторамъ. Представленіе оригинальной пьесы безъ вознагражденія автора приравнивается уже не къ даровому переводу, а къ даровому воспроизведенію оригинала. Оно, очевидно, нарушаетъ справедливость безъ ощутительной пользы для кого бы то ни было. Иностранныя сцены у насъ, какъ извѣстно, въ совокупности своей, приносятъ не доходъ, но дефицитъ. Дѣятельность ихъ не зависитъ отъ степени ихъ доходности. Почему же соблюдать при этомъ экономію именно въ такомъ пунктѣ, гдѣ она нарушаетъ справедливость? На нашей частной сходкѣ не оказалось ни одного голоса, который бы возражалъ противъ отмѣны этого страннаго обычая.

Такимъ образомъ, бесѣда наша очень скоро выяснила съ полной опредѣлительностью, въ какомъ смыслѣ было наиболѣе раціонально и наиболѣе удобно выставлять русскій интересъ на конгрессѣ: при-

знаніе принципа литературной собственности во всѣхъ ея видахъ, съ предоставленіемъ каждому изъ насъ высказывать свой личный взглядъ на сущность и теорію авторскаго права; признаніе возможности ввесть въ литературныя конвенціи, заключенныя или имѣющія быть заключенными Россіею, охраненіе и тѣхъ авторскихъ правъ, которыя доселѣ не охраняются, какъ-то именно: право не дозволять представленія иностранныхъ пьесъ въ оригиналѣ и исключительное право иностранныхъ авторовъ на изданіе и продажу одобренныхъ ими переводовъ въ Россіи въ продолженіи двухъ лѣтъ со времени изданія такихъ переводовъ, при условіи выпуска ихъ въ годичный срокъ со дня появленія оригиналовъ. Сверхъ того, намъ показалось необходимымъ оговорить безусловную свободу перевода (безъ всякаго срока) журнальныхъ статей въ объемѣ не болѣе двухъ печатныхъ листовъ.

Оставался вопросъ о передѣлкахъ (adaptation). Но за невозможностью опредѣлить сколько-нибудь точно, что̀ такое передѣлка: компиляція или самостоятельный трудъ съ ссылками на другихъ авторовъ, мы условились посмотрѣть — удастся ли кому-нибудь изъ членовъ конгресса опредѣлить съ точностью передѣлку, предоставляя себѣ согласиться съ распространеніемъ на нее положеній о переводѣ въ такомъ только случаѣ, если опредѣленіе передѣлки будетъ придумано удовлетворительное.

Содержаніе нашей бесѣды было передано И. С. Тургеневу, который пригласилъ насъ собраться у него, чтобы переговорить еще разъ. Здѣсь г-нъ Тургеневъ сильно настаивалъ на необходимости охранять право свободнаго перевода иностранныхъ книгъ въ Россіи, но совершенно согласился съ тѣмъ выводомъ изъ дилеммы, какой былъ условленъ между нами,—нашелъ, что предоставленіе авторамъ двухлѣтней привилегіи перевода является необходимой уступкою принципу литературной собственности, не нанося въ то же время сколько-нибудь чувствительнаго ущерба серьёзному интересу Россіи въ этомъ дѣлѣ. Онъ взялся сказать нѣсколько словъ по этому поводу въ общемъ собраніи конгресса. Одинъ изъ насъ рѣшился изложить во второй коммиссіи нашъ взглядъ на возможность измѣненій въ смыслѣ бо̀льшаго (противъ нынѣ существующаго) охраненія правъ иностранныхъ авторовъ въ Россіи, а другой выразилъ желаніе коснуться собственно вопроса о драматическихъ произведеніяхъ. Третій изъ нашей среды, ученый юристъ, объявилъ, что будетъ защищать въ первой коммиссіи ту теорію, по которой литературная собственность возникаетъ не изъ естественнаго права, но изъ опредѣленія положительнаго закона. Четвертый изъявилъ желаніе сообщить третьей коммиссіи нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи литераторовъ въ Россіи. Но, какъ уже сказано выше, всѣ такія мнѣнія и

сообщенія дѣлались безъ всякаго общаго сговора между нами; общее соглашеніе было нужно только по вопросу объ измѣненіяхъ въ литературныхъ конвенціяхъ Россіи съ другими государствами.

IV.

Публичное засѣданіе въ залѣ театра Châtelet происходило 17-го іюня. По программѣ предполагалось, что оно будетъ посвящено преніямъ, какъ всѣ общія засѣданія. Предполагалось, что вслѣдъ за рѣчью Виктора Гюго́, которая послужитъ формальнымъ открытіемъ конгресса, тотчасъ же приступлено будетъ къ общимъ преніямъ о правѣ литературной собственности, его условіяхъ и т. д.,—о вопросахъ, порученныхъ первой коммиссіи. Но, вмѣсто того, засѣданіе 17-го числа было просто, такъ-называемымъ, „торжествомъ" и нисколько не подвинуло дѣла впередъ.

По-утру мы всѣ завтракали съ г-мъ Тургеневымъ, и онъ сообщилъ намъ, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе своей рѣчи. Засѣданіе началось рѣчью президента „литературнаго общества"—Э. Абу̂. Рѣчи Виктора Гюго́ и г-на Тургенева были переведены въ русскихъ газетахъ, и потому я не обязанъ излагать ихъ, хотя считаю нелишнимъ сдѣлать краткую оцѣнку, для разъясненія того характера, какой онѣ имѣли среди данныхъ обстоятельствъ. Но рѣчь Э. Абу̂ была передана нашими газетами въ слишкомъ сжатомъ видѣ, и мнѣ хочется привесть изъ нея два мѣста. Одно изъ нихъ интересно потому, что выяснило самымъ рельефнымъ образомъ, каково было назначеніе международнаго литературнаго конгресса по мысли его организаторовъ. Другое интересно тàкъ, — само по-себѣ.

Указавъ на ту перемѣну, какая произошла въ экономическомъ положеніи людей, живущихъ литературнымъ трудомъ, въ послѣднее столѣтіе, г. Абу̂ перешелъ къ законамъ, обезпечивающимъ литературную собственность въ разныхъ странахъ, и призналъ, что почти во всѣхъ образованныхъ странахъ литературная собственность мѣстныхъ писателей обезпечена не менѣе удовлетворительно, чѣмъ во Франціи. Затѣмъ онъ продолжалъ: „но то, чего не достаетъ почти повсюду, это — удовлетворительное охраненіе правъ писателя иностраннаго. Остается редактировать такой международный законъ, въ силу котораго въ каждой странѣ писатель иностранный пользовался бы тѣми же преимуществами, какими пользуются писатели мѣстные, національные,—то-есть, чтобы произведенія его не могли быть ни перепечатываемы, ни переводимы, ни играемы на сценѣ безъ формальнаго его на то согласія". Я отмѣчаю и привожу эти слова по-

тому, что въ нихъ заключаются всѣ данныя для оцѣнки послѣдовавшихъ затѣмъ на конгрессѣ голосованій, то-есть рѣшеній, постановленныхъ литературнымъ конгрессомъ.

Итакъ, французское „литературное общество", организовавшее этотъ конгрессъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, оффиціально заявило, что оно созвало конгрессъ *для принятія* готоваго, вполнѣ опредѣленнаго положенія, въ силу котораго иностранный авторъ во всѣхъ правахъ приравнивается въ каждой странѣ къ авторамъ національнымъ. Итакъ, хотя въ программѣ этого перваго международнаго литературнаго конгресса было поставлено обсужденіе всѣхъ вопросовъ о литературной собственности, начиная съ опредѣленія самой ея сущности, но на дѣлѣ конгрессу, по мысли его организаторовъ, *оставалось* только провозгласить равенство правъ писателей иностранныхъ съ національными во всѣхъ странахъ. Наиболѣе заимствованій дѣлается у литературы французской, и естественно, что общество французскихъ литераторовъ наиболѣе заинтересовано въ провозглашеніи такого начала. А такъ какъ въ составѣ конгресса члены этого французскаго общества составляли сперва двѣ-трети, а подъ конецъ (когда многіе иностранцы уѣхали)—три-четверти, то принятіе готоваго предложенія, выработаннаго въ этомъ обществѣ, не могло подлежать сомнѣнію. Значитъ, постановленія, принятыя на конгрессѣ, представляютъ не результатъ самостоятельнаго обсужденія международнымъ собраніемъ всѣхъ вопросовъ литературной собственности, но результатъ *вотированія* французскимъ большинствомъ, при участіи иностранныхъ членовъ, готоваго предложенія, исходившаго отъ французскаго литературнаго комитета.

Другое мѣсто рѣчи г-на Абу интересно само по себѣ, такъ какъ оно напоминаетъ о значеніи, пріобрѣтенномъ литераторами среди народовъ, опередившихъ другіе на пути развитія. „Первый министръ Великобританіи—одинъ изъ наиболѣе остроумныхъ и изящныхъ романистовъ въ англійской литературѣ. Въ Испаніи и Италіи министромъ бываетъ, по бо́льшей части, публицистъ, пріобрѣвшій значеніе, и даже—какъ нашъ любезный Кастеляръ—поэтъ, снизошедшій къ политической прозѣ. Во Франціи осуществилось и даже превзойдено извѣстное изреченіе Наполеона — „если бы Корнель жилъ въ мое время, я бы сдѣлалъ его моимъ первымъ министромъ". Въ самомъ дѣлѣ, былъ день, въ 1848 году,—день, въ самомъ дѣлѣ прекрасный, когда царемъ Франціи явился Ламартинъ! И нынѣ ораторъ парламентскаго большинства, предсѣдатель бюджетной коммиссіи, leader нашей внутренней и внѣшней политики, есть писатель по профессіи, который, на моихъ глазахъ, прямо изъ парламентскаго огня являлся въ свою редакцію, брался за перо и работалъ до полу-

ночи, для газеты, между журналистомъ — депутатомъ Спюллеромъ и журналистомъ—сенаторомъ Шалльмель-Лакуромъ. Да и кто же былъ основателемъ нашей третьей, неразрушенной республики, послѣ того, какъ онъ же освободилъ родную территорію?—журналистъ, критикъ, историкъ, чьи литературныя заслуги, нынѣ заслоненныя его патріотическими подвигами, со временемъ создадутъ ему двойную славу. Важнѣйшіе ораторы сената — Жюль Симонъ, Литтрѐ, Эженъ Пелльтанъ, Шартонъ, Анри Мартенъ, Фуше де-Карейль — были и остались литераторами".

Перехожу къ оцѣнкѣ рѣчи Виктора Гюгó. У насъ принято подтрунивать надъ его краснорѣчіемъ, и у каждаго судьи, не умѣющаго сложить правильно и трехъ словъ, въ этомъ случаѣ тотчасъ является шаблонное слово „фраза". Но вѣдь это слово еще ничего не опредѣляетъ. „Фразой" можно, пожалуй, назвать всякое такое выраженіе мысли, въ которомъ есть какая-нибудь оригинальность, каждое остроумное сравненіе, каждый призывъ къ чувству читателя или слушателя. Тогда — конецъ литературной формѣ. Изложеніе мысли будетъ тò, какое встрѣчается въ казенныхъ бумагахъ, а ораторская сила будетъ заключаться въ возгласахъ: „вотъ вамъ и все! Судите сами! Зачѣмъ, къ чему?" — или въ той безпредѣльной водянистости нѣкоторыхъ нашихъ ораторовъ, которые полагаютъ краснорѣчіе въ нанизываніи цѣлыхъ періодовъ изъ словъ, значущихъ одно и то же.

Конечно, я не хочу сказать, что умно поступилъ бы тотъ, кто у насъ въ публичной рѣчи сталъ бы подражать Виктору Гюгó. Но слово оратора, какъ и комедія, какъ романъ, имѣетъ свои національныя свойства. Сверхъ того, ораторъ — не только литературный авторъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстномъ смыслѣ — артистъ, такъ какъ онъ самъ стоитъ лицомъ къ лицу съ той публикой, къ которой обращено его слово. Онъ долженъ не только правильно развивать мысль, какъ кабинетный писатель, но еще сообразоваться, какъ артистъ, съ свойствами аудиторіи, — угадывать даже ея минутное настроеніе. Онъ старается не только убѣдить слушателей резонами, но еще увлечь ихъ, подчинить ихъ на время себѣ, такъ-сказать, — подкупить ихъ въ пользу своего тезиса. Если не признавать за ораторомъ этихъ правъ, то ораторовъ вовсе не нужно; вмѣсто произнесенія рѣчей, слѣдуетъ просто читать дѣловыя бумаги. Въ нихъ не будетъ „фразъ".

Итакъ, оратора нельзя судить отдѣльно отъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ говорилъ. Итальянскій ораторъ намъ можетъ показаться слишкомъ „фразистымъ", но нашего оратора въ Италіи не станутъ слушать, — тáкъ онъ покажется скученъ, тяжелъ и даже тривіаленъ. Южный темпераментъ требуетъ блеска, требуетъ поэзіи.

И вотъ, Викторъ Гюго, вмѣстѣ съ Кастеляромъ, — представители того ораторства, которое увлекаетъ южанъ, — ораторства поэтическаго. Рѣчь Гюго или Кастеляра можно переложить въ стихи и она составитъ поэму. А стало-быть, и судить о формѣ ихъ рѣчей слѣдуетъ именно съ этой точки зрѣнія. Затѣмъ — достоинство содержанія рѣчи зависитъ уже, конечно, отъ вѣскости аргументовъ и логичности ихъ построенія.

Что́ долженъ былъ сказать при данныхъ обстоятельствахъ именно Викторъ Гюго? Разумѣется, прославить вліяніе литературы на человѣчество, привѣтствовать иностранцевъ, по поводу выставки и литературнаго съѣзда сдѣлать призывъ къ общему миру и разоруженію, заклеймить всякія бойни, наконецъ, по поводу празднества возрожденія силъ Франціи — потребовать политической амнистіи. Именно это долженъ былъ сказать человѣкъ съ убѣжденіями и съ положеніемъ В. Гюго; онъ это и сказалъ. Затѣмъ, *какъ* онъ это сказалъ— вопросъ національнаго вкуса. Онъ говорилъ: „обширный союзъ труда во всѣхъ его видахъ, величественное зданіе братства между людьми, имѣющее основаніемъ—крестьянъ и рабочихъ, вѣнцомъ—представителей разума.—Добро пожаловать, писатели, ораторы, поэты, философы, мыслители, борцы, васъ привѣтствуетъ Франція.—Литература даетъ мѣру народамъ: двухъ-милліонное войско проходитъ, Иліада остается. — Ненависть — ненависти, война — войнѣ! — Увѣнчаемъ Францію прощеніемъ. Празднество есть дѣло братства; праздникъ, который не приноситъ кому-либо прощенія, не есть праздникъ". Конечно, сѣверный ораторъ употребилъ бы иныя выраженія, болѣе умѣренныя, менѣе живописныя и рельефныя, однимъ словомъ—менѣе поэтическія. Но странно было бы осуждать южнаго оратора за то, что онъ, согласно вкусамъ своего народа, стоитъ ближе къ поэту, чѣмъ ораторъ сѣверный; въ особенности, не логично осуждать за это такого оратора, который самъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ всѣхъ литературъ, и спеціально въ лирической поэзіи едва ли даже имѣетъ равнаго себѣ.

„Дѣловая" часть рѣчи В. Гюго была та, въ которой онъ высказалъ свой взглядъ на литературную собственность. Онъ ставитъ на первомъ планѣ интересъ автора при его жизни, интересъ публики послѣ его смерти. Напомнивъ о своемъ проектѣ рѣшенія вопросовъ о литературной собственности, заявленномъ еще въ 1836 году, онъ предлагалъ признать безусловно право автора при его жизни, а затѣмъ право общества (domaine public), такъ чтобы по смерти автора всѣ издатели имѣли право издавать его сочиненія подъ единственнымъ условіемъ—уплаты прямымъ его наслѣдникамъ пяти или десяти процентовъ съ чистой прибыли отъ изданій.

Признаюсь, я не понимаю тѣхъ возраженій, какія были сдѣланы у насъ двумя-тремя писателями противъ рѣчи г. Тургенева. Говоря послѣ В. Гюго, среди собранія, въ которомъ на одного иностранца было пятьдесятъ французовъ, обращаясь къ хозяевамъ, пригласившимъ къ себѣ гостей, онъ не могъ не выразить сочувствія къ Франціи. Затѣмъ, что ему оставалось сказать о русской литературѣ, имѣвшей участниковъ на конгрессѣ: что литература наша еще молода, что мы учились у Европы, что въ сравнительно короткое время Россія произвела, однако, замѣчательныхъ писателей; что прежде мы были только учениками Европы, теперь же въ насъ признаютъ товарищей. Такова была его краткая рѣчь, и такова она должна была быть. Если при этомъ связь нашего литературнаго развитія съ европейскимъ онъ иллюстрировалъ именами французскихъ писателей, то это было естественно. Вѣдь онъ же вовсе не хотѣлъ сказать и не сказалъ, будто всѣмъ своимъ литературнымъ развитіемъ мы обязаны одной Франціи. Онъ только въ видѣ примѣровъ, наиболѣе знакомыхъ и дорогихъ французамъ, указалъ на имена Мольера, Вольтера, Виктора Гюго. Онъ вовсе не обязанъ былъ непремѣнно упоминать еще Шекспира, Шиллера, Гёте, Гегеля, а, пожалуй, Бокля и Дарвина, какъ не обязанъ былъ называть Руссо, Монтескьё, энциклопедистовъ, Канта, Ренана, Тэна, или живыхъ русскихъ писателей. Обращаясь къ французамъ, нашъ ораторъ назвалъ три французскихъ имени въ видѣ иллюстраціи. Не странно ли было бы требовать, чтобы онъ назвалъ пятьдесятъ именъ всѣхъ національностей, имѣвшихъ вліяніе на наше развитіе. Въ такомъ случаѣ однихъ именъ въ его рѣчи было бы столько же, сколько въ ней строкъ. Вѣдь его рѣчь не была трактатомъ. Она была просто привѣтствіемъ въ отвѣтъ на привѣтствіе.

Или не понравилось то, что г. Тургеневъ призналъ насъ учениками западной Европы, хотя тутъ же прибавилъ, что теперь иностранцы признаютъ въ русскихъ писателяхъ товарищей? Но вѣдь кто же отвергаетъ, что мы ученики Европы — этого не отвергаютъ сами славянофилы. Быть можетъ, наши рьяные націоналы хотѣли бы, чтобы Тургеневъ сказалъ въ торжественномъ засѣданіи международнаго литературнаго конгресса: „что вы сыплете фразы! Ну, куда вамъ тягаться съ нами; одна наша современная беллетристика (въ томъ числѣ и мои произведенія) стóятъ всѣхъ вашихъ нынѣшнихъ, взятыхъ вмѣстѣ“. Но сказать нѣчто подобное воленъ только начинающій литературный критикъ въ русскомъ журналѣ, желающій создать себѣ оригинальную физіономію. Этого не могъ сказать Тургеневъ на международномъ литературномъ съѣздѣ. Вообще, повторяю, чтобы вѣрно оцѣнить рѣчь, надо самому присутствовать при ея про-

изнесеніи, такъ сказать, дышать тѣмъ самымъ воздухомъ, въ которомъ она раздается. И я увѣренъ, что сами авторы возраженій, сдѣланныхъ г. Тургеневу на его рѣчь, если бы они присутствовали въ театрѣ Châtelet, не рѣшились бы произнесть рѣчь въ смыслѣ своихъ возраженій. То, что̀ имъ издали показалось умно, вблизи показалось бы имъ совсѣмъ иначе.

Рѣчь г. Тургенева была встрѣчена съ сочувствіемъ, и когда онъ поименовалъ пять славныхъ именъ нашей литературы, раздались голоса: „et vous! et vous!“ Этотъ эпизодъ извѣстенъ читателямъ; но я, какъ свидѣтель, долженъ прибавить что „голосо̀въ“, сдѣлавшихъ это заявленіе, было немалое число; можно сказать, что это былъ крикъ публики. Я былъ даже нѣсколько удивленъ. Переводы сочиненій г. Тургенева на иностранные языки, давнее пребываніе его въ Парижѣ, его связи съ мѣстными литераторами, конечно, приготовили меня къ тому, что онъ въ Парижѣ очень извѣстенъ. Но оказалось, что онъ не только извѣстенъ: онъ популяренъ. Каково бы ни было ваше уваженіе къ родному писателю, вамъ пріятно, когда вы видите, что его цѣнятъ и чужіе. И вотъ, я могу сказать, что на конгрессѣ никто, послѣ Виктора Гюго, не пользовался такой популярностью, какъ Тургеневъ.

Нѣмецкіе литераторы избрали себѣ ораторомъ въ торжественномъ засѣданіи г. Лёвенталя. Г. Лёвенталь написалъ пространную рѣчь, цѣлую тетрадь, рѣчь основательную, „безъ фразъ“, которую нѣкоторые наши критики, вѣроятно, поставили бы выше рѣчи В. Гюго, но крайне тяжелую и скучную. Въ залѣ стало распространяться уныніе и то непріятное чувство, которое ощущается, когда человѣкъ—въ неловкомъ положеніи, догадываясь притомъ, что онъ самъ начинаетъ чувствовать себя не комфортабельно, но не знаетъ, какой найти исходъ. Мало-по-малу послышались частные разговоры, а г. Лёвенталь все еще читалъ, выводилъ что-то о Лессингѣ, отъ котораго, повидимому, никакъ не могъ отстать. Мнѣ было его жаль. Онъ читалъ нѣчто въ родѣ толковой статьи для „Conversations' Lexicon'a“. Съ точки зрѣнія нѣмецкой, въ его рѣчи была та неловкость, что онъ формально настаивалъ на равенствѣ германской литературы съ французскою. „Nous sommes vos égaux, messieurs; nous pouvons traiter avec vous de puissance à puissance“ [1]). Не говоря уже о неудачности этого послѣдняго выраженія въ словахъ оратора націи, недавно побѣдившей другую оружіемъ, странно было видѣть, что нѣмецъ старается доказать равенство своей литературы съ литературою французскою или англійскою, какъ будто въ этомъ могло быть сомнѣніе, какъ

[1]) „Мы равны съ вами, господа; мы можемъ относиться къ вамъ какъ сила къ силѣ“.

будто это требовало доказательствъ и настойчиваго заявленія на конгрессѣ.

Впрочемъ, г. Лёвенталь говорилъ совсѣмъ не съ цѣлью высказать что-либо непріятное для французовъ; напротивъ, онъ говорилъ о примиреніи, согласіи и даже дружбѣ. Но говорилъ онъ такъ скучно, что отъ него ожидали только, чтобы онъ кончилъ. Вдругъ, при такомъ совершенно не торжественномъ настроеніи публики, г. Лёвенталь, въ заключеніе своихъ словъ о примиреніи, произнесъ: „Германія, въ лицѣ моемъ, подаетъ руку Франціи, въ лицѣ Виктора Гюго". Читая эти послѣднія слова, ораторъ протянулъ руку черезъ тетрадь и сталъ искать руки В. Гюго. Тотъ всталъ, подошелъ къ г. Лёвенталю, и пожалъ ему руку, при аплодисментахъ. Жаль было добросовѣстнаго, но неловкаго нѣмца. Мои сосѣди, французы, хотя поощрили рукоплесканіями конецъ этой сцены, видимо были довольны, что „нѣмецъ провалился". „Почему же тѣ двое говорили хорошо,—замѣтилъ кто-то, — а этотъ не могъ?" „Тѣ двое" — это были гг. Тургеневъ и Мауро-Макки.

Послѣдняя рѣчь принадлежала г. Жюлю Симону. Онъ говорилъ не въ качествѣ министра, но въ качествѣ литератора. Ж. Симонъ не поэтъ, какъ В. Гюго; онъ публицистъ и парламентскій вождь. Однако-же и его рѣчь, по формѣ, была гораздо болѣе похожа на рѣчь Гюго, чѣмъ на рѣчь г. Лёвенталя. Приведу нѣсколько строкъ въ видѣ образчика. „Обращаясь къ вамъ, явившимся отъ столькихъ народовъ,—какъ мнѣ назвать васъ?—иностранцами? Нѣтъ, я дамъ вамъ благословенное, священное имя гостей и друзей. Литераторъ долженъ идти во главѣ своей націи по пути прогресса. Создадимъ единство, но не однообразіе. Останемся всѣ тѣмъ, что̀ мы есть. Сохранимъ наши традиціи, которыя служатъ намъ догматами, сохранимъ наше знамя, которое для насъ—религія, сохранимъ нашихъ великихъ людей, которые намъ — предки; но соединимся всѣ въ стремленіи къ цѣли единой—къ общему благу человѣчества".

Вечеромъ того же дня былъ обѣдъ членовъ конгресса, въ „континентальномъ" отелѣ, въ улицѣ Кастильонъ. Роскошь парижскихъ отелей постоянно возрастаетъ. Зала, въ которой давался обѣдъ, была бы умѣстна въ любомъ дворцѣ. Въ menu, конечно, не обошлось безъ одного кушанья à la Congrès, и безъ чего-то, носившаго названіе internationales. Присутствовало человѣкъ до двухъ-сотъ. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ В. Гюго и произнесъ еще небольшую рѣчь. Онъ — еще бодрый старичокъ, съ коротко обстриженными сѣдыми волосами. Онъ теперь имѣетъ скорѣе видъ добродушнаго буржуа и нисколько не похожъ на тѣ давнишніе портреты, на которыхъ онъ изображался въ позѣ Іоанна Богослова Гвидо Рени, съ огромной, поэтически-всклоко-

ченной шевелюрой. По правую сторону отъ него сидѣли гг. Абу, бельгійскій делегатъ де-Лавеле́, Лабишъ, Фушѐ де-Карейль; по лѣвую —гг. баронъ де-Ваттевиль, директоръ департамента наукъ и литературы (sciences et lettres), Жюль Симонъ, германскій делегатъ Швейбель. Упомяну въ двухъ словахъ о главныхъ спичахъ.

Г. Швейбель едва ли не болѣе, чѣмъ какой-либо членъ конгресса имѣлъ право на названіе „делегата", потому что онъ былъ формально избранъ представителями германской печати въ Берлинѣ, какъ уполномоченный ихъ на парижскомъ съѣздѣ. Г. Швейбель загладилъ то неблагопріятное впечатлѣніе, какое было произведено рѣчью г. Лёвенталя въ публичномъ засѣданіи. Онъ говорилъ съ тактомъ, взывалъ къ согласію народовъ во имя общей ихъ свободы, упомянулъ о большомъ вліяніи, какое французская литература оказала въ извѣстномъ историческомъ періодѣ на германскую, напомнилъ, что Шиллеръ гордился званіемъ гражданина французской республики, которое было дано ему конвентомъ. Спичъ итальянскаго сенатора Массарини не былъ особенно замѣчателенъ самъ по себѣ, но онъ вызвалъ всеобщую демонстрацію сочувствія въ пользу Италіи. Въ честь Франціи было предложено иностранцами нѣсколько тостовъ, и всѣ они были приняты сочувственно. Г. де-Лавелѐ, какъ и всѣ бельгійцы, говорилъ съ той легкостью и округленностью, которые свойственны только французамъ. Онъ говорилъ въ тонѣ юмористическомъ, напомнивъ сперва, что Бельгія нѣкогда наиболѣе отличалась нарушеніемъ иностранной литературной собственности. „Если бы я явился въ то время среди васъ,—сказалъ онъ,—вы бы встрѣтили меня криками: mais vous êtes d'abominables voleurs! Но времена измѣнились и какъ почти все дурное на свѣтѣ имѣетъ и свою хорошую сторону, такъ и наша контрафакція, быть можетъ, принесла свою пользу: она показала первый примѣръ дешевизны книгъ, она доказала выгодность ихъ удешевленія. Между тѣмъ, дешевизна книги — одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ прогресса". Г. Боборыкинъ выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ сочувствіе, какое встрѣчаетъ въ Россіи новѣйшая французская школа реализма. Пусть бы тѣ наши писатели, которые увидѣли униженіе русской литературы въ словахъ г. Тургенева, который заявилъ, однако, о равноправности ея съ западно-европейскими, послушали, съ какимъ добродушнымъ юморомъ говорилъ австрійскій делегатъ г. Виттманъ о современномъ направленіи общественной мысли въ Австріи. „Мы не можемъ имѣть притязанія на какое-либо преобладаніе", замѣтилъ онъ: „сказать правду, мы, австрійцы, сами не совсѣмъ даже ясно видимъ, гдѣ теперь наше литературное отечество. Мы являемся какъ-бы кочевымъ народомъ, и среди европейскихъ литературъ представляемъ въ настоящее время

нѣчто въ родѣ цыганъ". Г. Виттманъ разсказалъ далѣе, какъ боялись нѣкогда директоры вѣнскихъ театровъ заключенія литературной конвенціи съ Франціею. При тѣхъ постоянныхъ заимствованіяхъ, какія въ Вѣнѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, дѣлались и дѣлаются у французской сцены, имъ казалось, что подобная конвенція послужитъ только въ пользу французовъ. „Но чтобы охранять свое право, необходимо научиться уважать и чужія права". Спичъ г. Виттмана имѣлъ наибо́льшій успѣхъ.

V.

Я долженъ еще разъ возвратиться къ замѣчанію, что организаторы конгресса созвали его для того, чтобы предложить ему готовую формулу. Эта формула была высказана президентомъ Société des gens de lettres г. Э. Абу́, въ его рѣчи на первомъ же общемъ собраніи. Вотъ ея сущность: „въ каждой образованной странѣ иностранецъ долженъ пользоваться, въ отношеніи собственности своихъ произведеній, тѣми же правами, какія имѣютъ писатели національные". Мы уже видѣли выше, что эту же формулу высказалъ г. Абу́ и въ публичномъ засѣданіи, прямо указавъ въ примѣненіи ея—главную цѣль конгресса.

Между тѣмъ, изъ семи предположенныхъ его засѣданій, четыре прошли, въ такъ называемыхъ „приготовительнихъ работахъ", т.-е. въ составленіи бюро́ и коммиссій, обсужденіи условій публичнаго засѣданія, наконецъ, въ торжественныхъ заявленіяхъ, бывшихъ на этомъ засѣданіи, а дѣло не подвигалось впередъ. Сдѣлано было только одно существенное: внесена была записка, составленная адвокатомъ „литературнаго общества", г. Селльé (Celliez), подъ заглавіемъ: „предложеніе о выраженіи конгрессомъ желанія относительно правъ авторовъ на произведенія ихъ, издаваемыя въ иностранныхъ земляхъ" [1]). Записка эта, прочтенная во второй коммиссіи и розданная членамъ конгресса, представляла собою въ дѣйствительности предложеніе, дѣлаемое конгрессу самими его организаторами, т.-е. бюро французскаго литературнаго общества, хотя по формѣ она и являлась только въ видѣ единичнаго предложенія одного изъ членовъ конгресса. Но ей дано было первое мѣсто на очереди разсужденій и она была рекомендована какъ докладъ, который представитъ матеріалъ и практическую почву для преній конгресса.

---

[1]) Proposition d'un voeu à exprimer par le congrès relativement au droit des auteurs sur leurs oeuvres publiées en pays étranger. Par M. Henry Celliez. Paris. 1878, Impression votée par la 2-e Section.

Въ этой запискѣ ставилось въ видѣ основного положенія, что авторское право или право литературной собственности есть *право естественное*, истекающее изъ того неотъемлемаго свойства человѣка, что онъ можетъ не сообщать своей мысли никому или сообщить ея выраженіе другимъ. Далѣе въ запискѣ содержится историческій обзоръ тѣхъ особыхъ, различныхъ и въ сущности посторонних мотивовъ, какими признаніе авторскаго права сопровождалось въ конвенціяхъ, заключенныхъ въ разное время Франціею съ другими государствами. Основнымъ мотивомъ конвенцій, заключенныхъ въ періодѣ 1843—1851 года, была „взаимность" въ признаніи авторскихъ правъ договаривающимися сторонами. Съ 1854 года въ конвенціяхъ является еще новый принципъ: кромѣ взаимности, договаривающіяся стороны вводятъ ограниченіе правъ иностранныхъ авторовъ въ томъ смыслѣ, чтобы эти авторы не могли пользоваться въ каждой странѣ не только бо́льшими правами, чѣмъ мѣстные писатели, но также бо́льшими правами, чѣмъ авторъ каждой страны пользуется въ ней самой. Напримѣръ, чтобы французскій авторъ пользовался въ великомъ герцогствѣ баденскомъ никакъ не бо́льшими правами, чѣмъ онъ пользуется въ самой Франціи, хотя бы баденскіе авторы, положимъ, пользовались, по мѣстнымъ законамъ, болѣе продолжительными сроками авторскаго права, чѣмъ тѣ, какіе установлены во Франціи.

Докладъ г. Селльé находилъ не раціональнымъ всѣ такіе посторонніе мотивы и истекающія изъ нихъ ограниченія; онъ признавалъ, сверхъ того, излишними всѣ разнообразныя формальности, какими обставлены въ отдѣльныхъ конвенціяхъ условія, дающія иностраннымъ авторамъ возможность воспользоваться и тѣми правами, которыя конвенціями признаются. Докладъ ссылается на французскій законъ 1852 года, который впервые провозгласилъ безусловно и независимо отъ всякой взаимности права иностранныхъ авторовъ на покровительство ихъ собственности во Франціи. Въ декретѣ 28 марта 1852 г. постановлено, что „контрафакція на французской территоріи сочиненій, изданныхъ за-границею и исчисленныхъ въ статьѣ 425-й уголовнаго кодекса, составляетъ проступокъ (délit)". „Итакъ,—сказано въ докладѣ,—французская территорія оказываетъ покровительство иностраннымъ авторамъ безусловно (т.-е. безъ условія взаимности). Произведеніе иностранца пользуется во Франціи тѣми же правами, какъ произведеніе французскаго автора".

Вотъ этотъ-то принципъ безусловнаго покровительства докладъ и ставитъ основнымъ принципомъ для всѣхъ будущихъ международныхъ литературныхъ соглашеній. По мнѣнію автора доклада, это и наиболѣе справедливо, и наиболѣе практично, такъ какъ при провозглашеніи такого принципа можно будетъ устранить всѣ тѣ раз-

нообразныя и стѣснительныя формальности, какими по настоящее время обставлено въ конвенціяхъ самое пользованіе иностранныхъ авторовъ и тѣми правами, какія признаются за ними каждой страною. Въ силу этого принципа въ каждой странѣ литературная собственность охранялась бы совершенно одинаково, кто бы ни былъ собственникъ: иностранецъ или мѣстный гражданинъ, подобно тому, какъ вездѣ охраняется совершенно одинаково всякая иная собственность, причемъ не дѣлается никакого различія между собственностью иностранца и собственностью гражданина.

По этимъ соображеніямъ, докладъ предлагалъ конгрессу принять слѣдующую формулу: „когда произведеніе литературное, ученое или артистическое будетъ сообщено публикѣ (издано) въ иной странѣ, чѣмъ та, въ которой оно первоначально появилось, то оно будетъ пользоваться покровительствомъ тѣхъ же законовъ, какъ и произведенія, имѣющія мѣстное, національное происхожденіе".

По прочтеніи доклада самимъ его авторомъ, г. Абу пояснилъ иностраннымъ членамъ конгресса, что такъ какъ конгрессъ не есть собраніе законодательное, то принятіе ими этой формулы будетъ имѣть только тотъ смыслъ, что они обязуются, возвратясь домой, поддерживать у себя этотъ принципъ, защищая его въ печати и стараясь склонить къ принятію его свои правительства.

Ясно было, что съ спеціальной точки зрѣнія русскаго интереса, мы, русскіе литераторы, не могли принять на себя обязательства поддерживать эту формулу, несмотря—признаюсь прямо—на всю ея справедливость въ смыслѣ отвлеченномъ. Если французъ, нѣмецъ и англичанинъ, издающіе свои сочиненія за-границею, получили бы въ Россіи права литературной собственности равныя тѣмъ, какими пользуются русскіе писатели, или иностранные подданные, издающіе свои произведенія въ Россіи, то право свободнаго перевода было бы тѣмъ самымъ уничтожено. Русская публика должна была бы платить иностраннымъ авторамъ уже не ту кратковременную премію, на которую мы готовы были согласиться, но вознагражденіе за все время существованія авторскаго права для русскихъ писателей по русскимъ законамъ, то-есть во все время жизни автора и еще 50 лѣтъ послѣ его смерти. Переводить, положимъ, хоть Тэна, безъ его согласія и безъ вознагражденія его, можно было бы не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти.

Итакъ, мы рѣшились говорить и подавать голоса противъ формулы Селльѐ, хотя это было тѣмъ труднѣе, что этой формулѣ нельзя было отказать въ раціональности и простотѣ.

VI.

Пренія, по предложенію Селльé, начались во второй коммиссіи послѣ пятаго общаго собранія. До тѣхъ поръ, пренія все какъ-то расходились въ разныя стороны, въ частности—представляли не что иное, какъ рядъ особыхъ случаевъ—incidents. Такъ, однажды итальянскій делегатъ Сонцоньо протестовалъ противъ словъ, дѣйствительно слишкомъ безцеремонныхъ, г. Эдмонда Абу относительно „кражи", какой подвергаются французскіе авторы за границею, причемъ въ числѣ другихъ странъ была поименована и Италія. Этотъ incident вызвалъ оживленныя препирательства, которыя, разумѣется, кончились ничѣмъ, кромѣ заявленія Эдмондомъ Абу его глубокаго сочувствія Италіи. Въ другой разъ французскій романистъ князь Любомирскій „поставилъ на судъ конгресса" тотъ фактъ, что въ одномъ силезскомъ городѣ появляются въ особомъ изданіи романы французскихъ авторовъ по мѣрѣ того, какъ оканчивается ихъ печатаніе въ фельетонахъ газетъ. Это изданіе производится безъ всякаго сношенія съ авторами, выходитъ гораздо раньше, чѣмъ изданіе ими дозволенное, и раскупается въ 3 тысячахъ экземпляровъ въ разныхъ странахъ. Оно исполнено опечатокъ, и, конечно, содержитъ въ себѣ всѣ тѣ случайныя ошибки, которыя устраняются авторами при пересмотрѣ ими произведеній для напечатанія книгою. Никакого вознагражденія издатели-воры авторамъ не платятъ, и когда кн. Любомирскій написалъ имъ однажды, просто прося прислать себѣ одинъ экземпляръ, то они съ него же потребовали продажную цѣну этого экземпляра.

Ближе къ главному предмету было заявленіе бразильскаго литератора Санта-Анна-Нери. Онъ объявилъ, что въ Бразиліи законы вовсе не признаютъ литературной собственности и ничѣмъ ее не обезпечиваютъ, такъ что если, по предложенію Селльé, французскіе авторы будутъ приравнены въ Бразиліи къ авторамъ національнымъ, то они отъ этого выиграютъ немного.

И. С. Тургеневъ въ предшествовавшихъ общихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ коммиссіи нѣсколько разъ заявлялъ, что русскіе литераторы, по исключительности положенія Россіи, не могутъ согласиться на безусловное охраненіе правъ иностранныхъ авторовъ въ Россіи по отношенію къ переводамъ, что мы еще не въ состояніи признать того равенства правъ, котораго требуетъ формула Селльé, что со временемъ и мы, конечно, приблизимся къ этому равенству; но что теперь оно хотя и признается нами справедливымъ, но только въ смыслѣ идеальномъ, а мы находимся еще въ необходимости отсрочить

осуществленіе этого идеала. Затѣмъ, г. Тургеневъ заявилъ, что тѣ уступки, какія могутъ быть нами сдѣланы, заключаются въ предоставленіи иностраннымъ авторамъ двухъ-лѣтняго срока послѣ изданія дозволеннаго ими русскаго перевода, въ теченіи каковаго срока никто не будетъ имѣть права издавать новый переводъ безъ ихъ дозволенія; онъ пояснилъ далѣе, что этотъ же двухлѣтній срокъ, по нашему мнѣнію, могъ бы быть распространенъ и на право перевода драматическихъ сочиненій. Что же касается представленія на русскихъ сценахъ пьесъ иностранныхъ авторовъ въ оригиналѣ, безъ ихъ согласія и безъ вознагражденія имъ, то г. Тургеневъ объявилъ, что онъ и его товарищи признаютъ это несправедливымъ, но не могутъ обѣщать конгрессу, что ихъ мнѣніе въ данномъ случаѣ будетъ для кого-либо не только обязательнымъ, но хотя бы уважительнымъ. Наконецъ, онъ прибавилъ, что мотивы нашего мнѣнія по вопросу о переводахъ будутъ изложены его соотечественниками.

Заявленіе г. Тургенева вызвало довольно оживленную бесѣду, въ которой, впрочемъ, преобладало недоразумѣніе. Въ числѣ другихъ, г. Белó выражалъ удивленіе, къ чему русскіе добиваются какого-то исключительнаго права и исключительнаго положенія. Другой французскій литераторъ, котораго имени я не упомнилъ, поставилъ намъ на видъ, что, покровительствуя переводчикамъ съ иностранныхъ языковъ, мы тѣмъ самымъ подрываемъ собственное, оригинальное литературное творчество. Это возраженіе имѣло, пожалуй, нѣкоторое основаніе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ русскому театру. Прочія же возраженія всѣ вертѣлись на томъ фальшивомъ представленіи, какъ будто мы, русскіе члены конгресса, добиваемся для русскихъ переводчиковъ правъ *новыхъ*, какъ будто право иностранныхъ авторовъ по отношенію къ переводамъ въ Россіи теперь обезпечено, а мы хотимъ, чтобы оно не было обезпечено, или обезпечивалось меньше, чѣмъ теперь. Г. Тургеневу пришлось вновь объяснять, что мы не требуемъ уступокъ, но сами предлагаемъ ихъ; что, по существующимъ конвенціямъ Россіи съ другими государствами, право иностранныхъ авторовъ по отношенію къ русскимъ переводамъ не обезпечено нисколько; что мы говоримъ объ уступкахъ, какія можемъ сдѣлать въ видѣ шага по направленію къ справедливости идеальной.

Приведу мимоходомъ одинъ довольно характеристическій случай, бывшій въ первыхъ засѣданіяхъ. Какой-то французскій литераторъ хотѣлъ поднять вопросъ о коммиссіи du colportage, то-есть о томъ комитетѣ по дѣламъ печати, который даетъ разрѣшеніе на разносъ газетъ и книгъ или отказываетъ въ этомъ разрѣшеніи на основаніи такихъ соображеній, которыя не могутъ быть съ точностью опредѣлены закономъ. Противъ этой попытки возстали другіе французы въ

томъ основаніи, что это—вопросъ чисто французскій, а не международный. Э. Абу, предсѣдатель второй коммиссіи, рѣшительно остановилъ говорившаго. „Я напомню оратору,—сказалъ онъ,—выраженіе Наполеона, что свое грязное бѣлье надо стирать промежъ себя. Чтó сказали бы мы, если бы одинъ изъ делегатовъ такой страны, въ которой существуетъ предварительная цензура, явился къ намъ съ жалобой на ея существованіе? Мы, конечно, нашли бы это неумѣстнымъ. По той же причинѣ считаю не подлежащимъ конгрессу и поднятый сейчасъ вопросъ". Этотъ „мотивъ", какъ увидимъ ниже, возвратился впослѣдствіи еще разъ.

VII.

Приведу теперь тѣ соображенія, которыя оправдывали нашу точку зрѣнія на предложеніе Селльé и на все наше отношеніе къ этому дѣлу. Они были заявлены въ запискѣ, составленной одним изъ русскихъ литераторовъ; записка эта, съ нѣкоторыми сокращеніями, была прочтена имъ въ конгрессѣ.

Формула, предложенная г. Селльé, представляла бы всѣ выгоды рѣшенія радикальнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы ее приняли, то второй коммиссіи не осталось бы ничего болѣе дѣлать. Иностранный авторъ былъ бы сравненъ во всѣхъ правахъ съ мѣстнымъ: болѣе ничего и не нужно бы включать въ конвенцію. Но формула г. Селльé вызываетъ также и тѣ затрудненія, которыя естественно возникаютъ, когда мы предпринимаемъ вмѣстить въ единичную, цѣльную формулу —вопросъ весьма сложный.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ данной формулѣ всѣ авторскія права смѣшаны, всѣ виды литературной собственности признаны въ одинаково-безусловной степени. Формула говоритъ только о „правахъ автора" вообще и требуетъ уравненія правъ автора иностраннаго съ правами автора мѣстнаго. Но между самими правами автора она не дѣлаетъ никакого различія. Она направлена къ сохраненію за авторомъ, въ равной мѣрѣ, и права перепечатыванія, и права перевода или передѣлки, и права представленія на сценѣ. Между тѣмъ такая простота формулы и однообразное признаніе ею правъ, по существу своему весьма различныхъ, на дѣлѣ можетъ не имѣть послѣдствіемъ ни простоты, ни однообразія. Тѣ различенія между видами литературной собственности, которыя вы упустили бы сдѣлать въ вашей формулѣ, могутъ быть установлены законодательствомъ отдѣльныхъ странъ. Положимъ, вы, согласно мотивамъ предложенія, устранили принципъ взаимности выгодъ и утвердили для

всѣхъ странъ общее начало, въ силу его раціональности и радикальности того рѣшенія, какое оно даетъ. Но законодатель каждой отдѣльной страны не можетъ упускать изъ виду положительной ея выгоды, и въ вопросахъ международныхъ соглашеній у него на первомъ планѣ всегда будетъ стоять вопросъ о взаимности выгодъ. И вотъ, съ точки зрѣнія этой взаимности выгодъ онъ и сдѣлаетъ различіе между видами международной литературной собственности. Вы устраняете принципъ взаимности выгодъ и провозглашаете только равенство правъ. Но вы не помѣшаете каждой отдѣльной странѣ возстановить принципъ взаимности выгодъ посредствомъ мѣстныхъ законодательныхъ различеній.

Тàкъ въ отношеніи права автора на переводъ. Положимъ, что вы приняли формулу г. Селльé и тѣмъ самымъ признали, что право автора оригинала на иностранный переводъ должно быть охраняемо въ иностранныхъ краяхъ точно такъ же, какъ и право перепечатыванія оригинала, то-есть наравнѣ съ тѣми же правами писателей мѣстныхъ. Допустимъ далѣе, что формула, вами принятая, вошла уже и въ литературныя конвенціи. Но это все-таки еще не повело бы къ дѣйствительному уравненію права автора на переводъ съ правомъ автора на перепечатаніе оригинала. Возьмемъ для примѣра двѣ страны, изъ которыхъ одна можетъ только выиграть, а другая— только проиграть отъ уравненія правъ автора на переводъ съ его правомъ на оригиналъ. Законодатель послѣдней страны, имѣя въ виду, что взаимности выгодъ въ данномъ случаѣ не существуетъ, можетъ постановить, что всякое произведеніе, будь оно иностранное или мѣстное, можетъ быть свободно переводимо на другой языкъ, безъ согласія автора, черезъ годъ послѣ его выхода въ свѣтъ. У насъ, въ Россіи, напримѣръ, мѣстныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ выходитъ такъ мало, что законъ легко могъ бы признать право свободнаго перевода книгъ на русскій языкъ, хотя бы тотчасъ послѣ ихъ изданія. Между тѣмъ перепечатка оригиналовъ оставалась бы безусловно запрещенною на весь срокъ, установленный для охраненія литературной собственности. Такимъ образомъ, различіе между правомъ автора на переводъ и правомъ его на оригиналъ было бы создано. Мы не перепечатывали бы вашихъ книгъ, но свободно переводили бы ихъ, и все это дѣлалось бы, нисколько не нарушая формулы г. Селльé. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь право авторовъ иностранныхъ на русскій переводъ было бы обезпечено или — точнѣе сказать — не обезпечено въ совершенно одинаковой степени, какъ и право мѣстныхъ, національныхъ писателей на иностранныхъ языкахъ.

Вотъ почему представляется необходимымъ и въ самой теоріи имѣть въ виду два принципа: принципъ международной взаимности

выгодъ и принципъ различія по существу между разными видами авторскихъ правъ. Между тѣмъ, формулою г. Селльé первый принципъ прямо устраняется, такъ какъ она требуетъ равенства правъ, независимо отъ взаимности выгодъ, а второй — игнорируется, такъ какъ названная формула не дѣлаетъ никакого различія между видами авторскихъ правъ или видами литературной собственности.

Виды эти слѣдующіе: право перепечатки или воспроизведенія оригинала; всѣ согласны, что это право должно быть обезпечено исключительно за авторомъ, и легко можно допустить принципъ, что это право иностранцовъ могло бы быть охраняемо въ каждой странѣ одинаково съ тѣмъ же правомъ мѣстныхъ гражданъ. Затѣмъ представляется право представленія театральныхъ пьесъ на заграничныхъ сценахъ въ оригиналѣ; мы совершенно согласны, чтобы это право было приравнено къ праву собственности автора на изданіе. Далѣе является — право перевода или передѣлки на иностранномъ языкѣ. Здѣсь уже является различіе съ правомъ на печатаніе оригинала, различіе вовсе не по формѣ только, но по существу, по самой природѣ права, и различіе это необходимо уяснить въ самой теоріи.

Г-нъ Селльé выводитъ сущность права автора на его произведеніе изъ того основного положенія, что человѣкъ воленъ сообщить его другимъ или не сообщить. Но вѣдь изъ самаго этого положенія нельзя вывесть, что монополія автора на изданіе иностраннаго перевода его сочиненія столь же безусловна, хотя бы въ теоріи, какъ его право на изданіе оригинала. Когда дѣлается переводъ, безъ согласія автора, то въ этотъ моментъ авторъ уже *не воленъ* издавать или не издавать оригиналъ; оригиналъ уже изданъ. Естественно, переводъ не могъ бы существовать, если бы оригиналъ не былъ изданъ; но все-таки переводъ представляетъ уже новый, хотя и менѣе важный, актъ творчества. Стифенсонъ не могъ бы пустить въ ходъ паровоза, если бы предварительно Уаттъ не изобрѣлъ паровой машины; изобрѣтеніе Стифенсона есть въ дѣйствительности только адаптація, передѣлка. Но оно тѣмъ не менѣе представляетъ новый актъ творчества, продуктъ котораго можетъ быть объектомъ новаго права. Въ переводчикѣ авторъ оригинала встрѣчаетъ сотрудника, хотя бы и явившагося безъ приглашенія; этого сотрудника невозможно безусловно приравнять къ похитителю, такъ какъ онъ вовсе не умаляетъ собственности автора на изданный оригиналъ, и вознагражденіе свое, свой барышъ сбираетъ съ совершенно новыхъ потребителей, съ такого рынка, который собственнику оригинала былъ недоступенъ. Правда, авторъ оригинала могъ найти переводчика и издать переводъ въ свою пользу. Но, значитъ, онъ все-таки нуж-

дался бы въ сотрудникѣ, и, заплативъ этому сотруднику заработную плату, удержалъ бы себѣ издательскій барышъ съ чужого труда.

Все это сказано единственно съ цѣлью показать, что монополія автора на переводъ не можетъ быть признана безусловно наравнѣ съ монополіею его на изданіе оригинала. Но коль скоро эти два права представляютъ различіе по самому существу, естественно, чтобы это различіе сказывалось и въ положительномъ законѣ. Коль скоро отъ права яснаго, несомнѣннаго и цѣльнаго—права на перепечатаніе оригинала—мы переходимъ къ праву менѣе ясному и несомнѣнному и, во всякомъ случаѣ, не цѣльному, то-есть не единичному (такъ какъ является творецъ новой цѣнности—переводчикъ), то тутъ и долженъ являться нѣкоторый просторъ для разнообразія, тутъ должны быть приняты во вниманіе и принципъ взаимности и различныя потребности разныхъ странъ.

Въ такомъ положеніи представляется дѣло даже тогда, когда мы разсматриваемъ право литературной собственности въ смыслѣ права естественнаго (droit naturel), если мы приравниваемъ его къ общему праву имущественному, напримѣръ,—къ праву земельнаго владѣнія. Но въ средѣ самаго конгресса находятся люди—какъ то удостовѣряется преніями первой коммиссіи—которые не допускаютъ тождества этихъ видовъ собственности. Они находятъ, что самый объектъ права литературной собственности, въ смыслѣ права естественнаго, не можетъ быть опредѣленъ съ достаточной несомнѣнностью и точностью. Чтó составляетъ объектъ собственности литературной: рукопись ли оригинала?—въ такомъ случаѣ собственность исчезаетъ съ первымъ изданіемъ; первое ли изданіе книги?—въ такомъ случаѣ дальнѣйшія изданія не подходятъ подъ опредѣленіе; текстъ ли оригинала вообще?—въ такомъ случаѣ иностранный переводъ уже не есть объектъ естественнаго права литературной собственности; переводъ составляетъ и новую рукопись, и новое изданіе, и новый текстъ; служитъ ли объектомъ самая форма литературнаго произведенія?—но она видоизмѣняется переводомъ или передѣлкою.

Люди, которые разсуждаютъ такъ, держатся того убѣжденія, что право собственности литературной не есть право естественное, что оно создается только посредствомъ привилегіи, создается положительнымъ закономъ (octroi par la loi), такъ какъ по отношенію къ собственности литературной нѣтъ права „перваго занявшаго" (premier occupant), которое служитъ основаніемъ естественному праву собственности земельной. До тѣхъ поръ, пока привилегія не дана, литературная собственность, по этому воззрѣнію, не существуетъ. Очевидно, что если бы конгрессъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ на ли-

тературную собственность, то формула, предложенная г. Селльé для международныхъ конвенцій, уже не истекала бы изъ права естественнаго; безусловное равенство правъ между писателемъ иностраннымъ и мѣстнымъ не явилось бы тогда даже и вопросомъ объ идеальной справедливости, а только вопросомъ объ удобствѣ, и каждая страна могла бы опредѣлять удобство для себя иначе.

Когда была внесена формула г. Селльé, конгрессъ еще не выслушалъ заключеній первой коммиссіи относительно опредѣленія права литературной собственности вообще. Стало быть, самое внесеніе формулы г. Селльé было преждевременно; она какъ-бы предрѣшала вопросъ о сущности литературной собственности, отправляясь прямо отъ принципа права естественнаго и затѣмъ устраняя всѣ вопросы о взаимной выгодѣ и мѣстныхъ потребностяхъ. Самыя пренія конгресса, въ общихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ второй коммиссіи, съ самаго начала предрѣшали вопросъ; они велись, какъ будто естественное право признано. Постоянно говорилось о безусловныхъ правахъ авторовъ, и всякое нарушеніе ихъ именовалось прямо „кражей". Между тѣмъ, если принять тотъ взглядъ, что источникомъ литературной собственности является только привилегія, даруемая положительнымъ закономъ, то слѣдуетъ допустить, что „воромъ" можетъ быть называемъ только тотъ, кто нарушилъ постановленія положительнаго закона. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда положительнаго закона не имѣется, не можетъ быть и факта его нарушенія, не можетъ быть рѣчи о кражѣ. Возьмемъ примѣръ. Въ отгороженномъ мѣстѣ играетъ оркестръ; вокругъ ограды собралась толпа. Она слушаетъ дáромъ, но не нарушаетъ ничьего права. Вы можете сказать: ей слѣдовало бы войти и заплатить за входъ. Но если она не хочетъ войти, можно ли сказать, что она состоитъ изъ воровъ? Совершенно естественно, что люди пользуются тѣмъ, чѣмъ пользоваться не запрещено.

Быть можетъ, право литературной собственности, по своей природѣ, всего ближе подходитъ къ праву изобрѣтателя на его изобрѣтеніе. Собственность—умственная, творческая въ обоихъ случаяхъ. Въ обоихъ же случаяхъ является и равная трудность охраненія и равная необходимость принимать въ соображеніе—кромѣ правъ автора или изобрѣтателя—право общества. Но вѣдь право изобрѣтателя основывается именно на привилегіи, а всякая привилегія имѣетъ срокъ. По отношенію же къ вопросу о переводѣ или передѣлкѣ литературныхъ произведеній посмотрите—въ какомъ положеніи находятся изобрѣтатели. Достаточно видоизмѣнить аппаратъ, добавить къ нему что-нибудь, даже хотя бы исказить, ухудшить его, и со-

здается уже новое право собственности, новая привилегія, на ряду съ признанною за первоначальнымъ изобрѣтателемъ.

Но какой бы ни былъ принятъ взглядъ на сущность литературной собственности, во всякомъ случаѣ, по соображеніямъ, уже изъясненнымъ выше, необходимо установить нѣкоторое принципіальное различіе между разными видами литературной собственности.

Первый видъ—право на перепечатаніе, воспроизведеніе и представленіе на сценѣ оригинала. Только это право и можетъ быть признано безусловнымъ. Только по отношенію къ нему русскіе литераторы не имѣли бы ничего предъявить противъ признанія этого права въ Россіи для иностранцевъ наравнѣ съ правомъ русскихъ писателей, т.-е. на всю жизнь въ пользу автора и на 50 лѣтъ въ пользу его наслѣдниковъ.

Второй видъ—право автора оригинала не дозволять иного перевода, кромѣ изданнаго съ его согласія, то-есть съ вознагражденіемъ ему. Здѣсь право литературной собственности уже перестаетъ быть безусловнымъ. Если мы станемъ разсматривать литературную собственность какъ право на продуктъ труда, то здѣсь—два труда, двѣ рукописи, два изданія, двоякая форма, два творца, двѣ публики, двѣ страны, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои потребности. Россія покупаетъ на 12 милл. франковъ въ годъ однѣхъ иностранныхъ книгъ; за-границей не покупается русскихъ книгъ и на 100 т. фр. Французскіе журналы и газеты выписываются въ Россію въ сотняхъ экземплярахъ, русскіе во Францію—въ десяткахъ. Уже все это само по себѣ составляетъ едва ли не достаточную премію, уплачиваемую нами иностранной литературѣ.

У насъ, однако, никто не думаетъ роптать на такое явленіе, естественно возникающее изъ нашей особой потребности. Никому у насъ не приходила и мысль о возможности допустить контрафакцію иностранныхъ книгъ въ Россіи. Тамъ, гдѣ право литературной собственности представляется совершенно яснымъ и цѣльнымъ, мы преклоняемся передъ очевидной справедливостью. Тамъ, гдѣ—какъ въ монополіи перевода—право собственности въ самой теоріи гораздо менѣе ясно и во всякомъ случаѣ не единично, мы все-таки полагаемъ возможнымъ сдѣлать шагъ впередъ, хотя и противный нашимъ интересамъ, но вынуждаемый справедливостью. Мы считаемъ возможнымъ предоставить иностраннымъ авторамъ въ Россіи нѣкоторую долю барыша отъ перевода ихъ произведеній, а именно—кратковременную монополію. Но едва ли было бы согласно съ справедливостью, если бы мы пошли еще дальше, если бы мы согласились, приравнивъ авторовъ иностранныхъ къ отечественнымъ въ отношеніи правъ на

переводы, прибавить къ той преміи, которую Россія уплачиваетъ за оригинальныя иностранныя сочиненія, еще—премію со всей нашей, весьма большой, переводной литературы, на весь срокъ, установленный для собственности оригинала. Какъ бы почтененъ ни былъ интересъ авторовъ, не слѣдуетъ при опредѣленіи границъ ихъ права упускать изъ виду и другіе интересы, и прежде всего, конечно,—интересъ всего общества. Иначе мы можемъ придти къ стѣснительности и даже къ абсурду. Напомню сравненіе, сдѣланное остроумнымъ французскимъ писателемъ, А. Карромъ, который всегда былъ горячимъ защитникомъ права собственности и которому принадлежитъ извѣстное изреченіе, что „литературная собственность есть—собственность". Онъ же однако предостерегалъ противъ крайностей слѣдующимъ сравненіемъ: вы идете по улицѣ и насвистываете мелодію современнаго композитора; справедливо ли будетъ, если, повстрѣчавшись съ вами въ этотъ моментъ, онъ возьметъ васъ за воротъ и скажетъ: „c'est trois francs!"

Чѣмъ менѣе ясно, чѣмъ болѣе слабо право автора оригинала въ отношеніи къ переводу, тѣмъ сильнѣе выступаетъ именно на первый планъ право публики. Нельзя осудить цѣлые народы на пользованіе плохимъ переводомъ иностраннаго мастерского произведенія въ продолженіи двухъ-трехъ поколѣній потому только, что къ автору оригинала подвернулся случайный спекулянтъ и купилъ у него исключительное право перевода, выгадалъ заплаченную ему премію на качествѣ самаго перевода, изъ 40 франковъ съ листа отдалъ 20 автору, а переводчика пріискалъ такого, который за остальные 20 франковъ съ листа сдѣлалъ уродливый переводъ, которымъ цѣлая страна и должна довольствоваться 80, 90, 100 лѣтъ. Наши законы 1828 и 1857 года установили именно право литературной собственности на всю жизнь автора и на 50 лѣтъ со дня смерти автора—въ пользу его наслѣдниковъ. Само собою разумѣется, что если литературная собственность была бы признана вѣчною—какъ того многіе, повидимому, желаютъ, то всѣ указанныя неудобства въ отношеніи права перевода выступили бы еще рельефнѣе. Первый плохой переводъ такъ и оставался бы на вѣчныя времена. А чѣмъ гарантированъ авторъ отъ дурныхъ качествъ русскаго перевода его сочиненій? Много ли есть иностранныхъ авторовъ, способныхъ оцѣнить русскій переводъ?

Итакъ, намъ кажется, что, признавая безусловное право авторовъ въ отношеніи къ воспроизведенію и представленію на сценѣ оригинала, слѣдуетъ изъять изъ общей формулы право перевода и опредѣлять его на иномъ основаніи, на соглашеніи принципа авторской собственности съ принципомъ взаимности выгодъ между двумя націями.

Только такимъ способомъ и можетъ быть соблюдена, въ этомъ случаѣ, дѣйствительная справедливость. Такимъ образомъ, въ то время, какъ право перепечатки, воспроизведеніе было бы выражено въ общей формулѣ, хотя бы въ формулѣ г. Селльé, условія собственности по отношенію къ праву перевода продолжали бы подлежать опредѣленію разнообразному, согласному съ измѣняющимися потребностями и интересами разныхъ странъ.

Остается теперь сказать, чѣмъ мы мотивируемъ тотъ двухлѣтній срокъ въ пользу иностранныхъ авторовъ, въ которомъ мы видимъ возможную со стороны Россіи уступку. Въ дѣйствующей конвенціи Франціи съ Англіей 1861 года, срокъ, послѣ котораго иностранная книга можетъ быть переводима безъ согласія автора, опредѣленъ въ пять лѣтъ. Въ Германіи переводъ дѣлается свободнымъ по прошествіи всего двухъ лѣтъ. Но число переводовъ, сравнительно съ числомъ мѣстныхъ оригинальныхъ произведеній, гораздо значительнѣе въ Россіи, чѣмъ въ Англіи и Германіи, или—что то же—наша потребность въ переводахъ больше, тягость налога въ пользу иностранныхъ авторовъ для насъ была бы гораздо чувствительнѣе. Вотъ почему мы не можемъ принять срока доселѣ существующаго въ Англіи, и если примемъ тотъ, какой существуетъ въ Германіи, то это будетъ уже весьма значительною уступкой со стороны Россіи,—жертвой, приносимой ею общему принципу охраненія литературной собственности. Итакъ, мы полагаемъ возможнымъ включеніе въ литературныя конвенціи Россіи такого правила, что иностраннымъ авторамъ предоставляется право дозволять или не дозволять изданіе въ Россіи перевода ихъ сочиненій въ теченіи двухъ лѣтъ, со времени выхода въ свѣтъ перваго одобреннаго ими русскаго перевода, если такой переводъ былъ изданъ не позже одного года, по выходѣ въ свѣтъ самаго оригинала въ той странѣ, гдѣ онъ былъ напечатанъ. По истеченіи же этого двухлѣтняго срока, книга можетъ быть переводима каждымъ независимо отъ согласія иностраннаго автора, также какъ и всѣ тѣ иностранныя книги, которыя не были изданы на русскомъ языкѣ въ теченіи одного года со дня опубликованія ихъ за-границею.

Вслѣдствіе того, отвергая формулу г. Селльé въ ея нынѣшнемъ объемѣ, мы согласились бы замѣнить ее слѣдующимъ предложеніемъ: провозглашая еще разъ необходимость охраненія литературной собственности, конгрессъ сдѣлаетъ различіе между воспроизведеніемъ оригинала, будь то книга или драматическая пьеса, и переводомъ или передѣлкой на иностранные языки. Перепечатаніе книгъ и представленіе пьесъ въ оригиналѣ будетъ подчинено дѣйствію формулы г. Селльé. Что же касается переводовъ и передѣлокъ, то они и впредь

имѣють быть предметомъ законодательныхъ различеній въ каждой странѣ между иностранными и мѣстными авторами, съ тѣмъ однако, чтобы каждое законодательство имѣло одною изъ цѣлей—обезпечить за авторомъ первоначальнаго сочиненія (оригинала) законную премію или барышъ, въ видѣ монополіи перевода на опредѣленное число лѣтъ, различное смотря по условіямъ разныхъ странъ, а также сообразно съ принципомъ взаимности выгодъ, и простирающееся отъ 2 до 5 лѣтъ.

Въ заключеніе нелишне сдѣлать еще одно замѣчаніе собственно о передѣлкахъ (adaptation) по отношенію ихъ къ переводамъ. Когда русскіе литераторы обсуждали въ своемъ кружкѣ вопросъ объ уступкѣ въ пользу иностранныхъ авторовъ относительно перевода, то одинъ изъ нихъ справедливо замѣтилъ, что всякое обложеніе перевода будетъ преміею въ пользу передѣлокъ и что могутъ явиться такія передѣлки, которыя, претендуя на значеніе самостоятельныхъ сочиненій, будутъ просто скрытыми переводами. Мы совершенно согласны были бы подчинить передѣлки дѣйствію одинакихъ условій съ переводами. Передѣлка гораздо менѣе заслуживаетъ покровительства, чѣмъ открытый переводъ, точно передающій подлинникъ. Но какъ опредѣлить границы между компиляціею и самостоятельнымъ трудомъ, между обзоромъ сочиненія и такимъ сборомъ выписокъ, который былъ бы въ дѣйствительности переводомъ, только неполнымъ? Даже если опредѣлить число строкъ текста переведеннаго безъ всякихъ измѣненій, то и это служить мѣриломъ не можетъ: въ совершенно-самостоятельномъ сочиненіи могутъ быть дословныя цитаты, а можно представить себѣ такую чисто-переводную передѣлку, въ которой не будетъ ни одного цѣльнаго періода изъ оригинала. Опредѣлять, къ какой категоріи сочиненій должна быть отнесена та или другая передѣлка, могъ бы, съ нѣкоторой вѣрностью, только третейскій судъ или литературное жюри, которое бы разсматривало каждый отдѣльный случай. Но возможно-ли дѣйствіе международнаго жюри для рѣшенія спорныхъ литературныхъ вопросовъ? Мы знаемъ, что былъ доселѣ только одинъ примѣръ рѣшенія важнаго политическаго спора международнымъ третейскимъ судомъ, и сомнительно, чтобы эта практика принялась съ успѣхомъ въ республикѣ литературной. Самымъ практичнымъ представлялось бы здѣсь, чтобы авторъ, который нашелъ, что передѣлка его сочиненія, изданная въ другой странѣ, во время дѣйствія его привилегіи на переводъ, есть не что иное, какъ прикрытый переводъ, обращался бы съ просьбой рѣшить этотъ вопросъ къ одному изъ мѣстныхъ литературныхъ обществъ. Впрочемъ, насъ останавливаетъ единственно трудность пріисканія сколько-ни-

будь точныхъ общихъ опредѣленій для распознанія компиляціи отъ критической работы и передѣлки отъ перевода. Если же конгрессу удалось бы выработать такія точныя опредѣленія, то мы охотно-бы на нихъ согласились.

Въ концѣ изложенія мотивовъ было напоминаніе, что присутствующіе на конгрессѣ русскіе литераторы не имѣютъ никакихъ полномочій, и что поэтому ихъ мнѣніе по вопросу о будущихъ литературныхъ конвенціяхъ Россіи можетъ быть принимаемо только въ видѣ справки (à titre de simple renseignement).

Л. Полонскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1878.

Первыя заботы послѣ мира. — Новыя назначенія. — Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ. — Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще. — Замѣтка о подоходномъ налогѣ. — Нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства. — Преобразованіе земледѣльческихъ училищъ. — Сибирскій университетъ. — Усиленіе уѣздной полиціи. — Крестьянское самоуправленіе.

Итакъ, Россія заключила миръ. На первый планъ вновь должны выступить наши внутренніе интересы и связанные съ ними вопросы, тѣ самые интересы и вопросы, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ органовъ печати, слѣдовало „отсрочить" для того, чтобы освободить всѣхъ турецкихъ славянъ, дать Россіи если не Царьградъ, то хотя бы иную крѣпкую позицію въ проливахъ и обезпечить свободу выхода изъ Чернаго моря въ море Средиземное. Достигнуты ли такія цѣли, на это отвѣчать очень легко. Не будемъ, однако, останавливаться на разочарованіи нашихъ шовинистовъ, такъ какъ разочарованіе коснулось не ихъ однихъ. Вѣдь и тѣ, кто сперва не желалъ этой войны, кто не накликалъ ея, кто имѣлъ въ виду интересы русскаго народа болѣе непосредственные и легче осуществимые, чѣмъ взятіе Константинополя, и тѣ — разъ война была объявлена, разъ поднято было русское военное знамя — ожидали отъ войны больше, чѣмъ она дала. Шовинисты же поступятъ теперь логично, если станутъ объяснять неуспѣхъ своихъ стремленій тѣмъ обстоятельствомъ, что внутренніе наши вопросы все-таки не были вполнѣ „отсрочены". И они были бы правы на этотъ разъ; ошибались они только тогда, когда думали, что можно хоть временно устранить эти вопросы. Можно откладывать рѣшеніе, но нельзя отсрочить дѣйствія, вліянія всѣхъ тѣхъ условій, изъ которыхъ тѣ вопросы возникаютъ, которыя въ тѣхъ вопросахъ сказываются.

Въ видѣ примѣра сошлемся только на внутренній вопросъ, пред-

ставляемый положеніемъ финансовъ. Намъ говорили—теперь не время заниматься финансами, Россія должна начать войну и Россія можетъ вести войну на кредитные билеты. Дѣйствительно, это отчасти и оправдалось. Мы издержали доселѣ на войну около 650 милл. рублей, и изъ этой суммы около 400 милліоновъ представляются вновь выпущенными бумажками. Само собою разумѣется, что цифра 650 милл. руб. далеко еще не обнимаетъ всего итога чрезвычайныхъ расходовъ, сдѣланныхъ Россіею за истекшіе 22 мѣсяца (со времени мобилизаціи). Она представляетъ собственно только издержки на войну. Но затѣмъ спрашивается, въ какомъ финансовомъ положеніи находимся мы теперь и не повліялъ ли нашъ внутренній финансовый вопросъ на самое рѣшеніе вопроса внѣшняго, на самый исходъ войны. Нынѣшнее финансовое положеніе можетъ быть охарактеризовано въ двухъ словахъ. Не уменьшивъ во время 20-ти-лѣтняго мира той массы кредитныхъ билетовъ, въ слишкомъ 700 милл. рублей, которая наросла вслѣдствіе крымской войны, мы нынѣ въ теченіи 15 послѣднихъ мѣсяцевъ увеличили ее еще на 400 милл. рублей. Бумажно-денежное обращеніе увеличилось нынѣ почти въ томъ же размѣрѣ, какъ во время крымской войны; разница лишь въ томъ, что теперь оно увеличилось на 400 милл. рублей въ теченіи 15 мѣсяцевъ, а тогда въ теченіе почти трехъ лѣтъ, и еще въ томъ, что это новое обремененіе прибавилось къ прежнему, которое не было сокращено во время мира. Затѣмъ, процентный долгъ нашъ увеличился въ 22 мѣсяца также на 400 милл. рублей, и соотвѣтственно тому возросъ ежегодный расходъ по системѣ кредита; общее вздорожаніе, зависѣвшее отчасти отъ чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажекъ, должно отразиться въ сильномъ возрастаніи всѣхъ бюджетныхъ расходовъ, а равновѣсіе бюджета, какъ показалъ 1876 годъ, было уже и безъ того нарушено.

Возможно ли сомнѣваться, что наше финансовое положеніе имѣло весьма значительное вліяніе на самый исходъ войны, что оно внушало болѣе смѣлости нашимъ противникамъ, давало менѣе увѣренности намъ самимъ? Та притязательность, съ одной стороны, и та уступчивость — съ другой, какія обнаружились на берлинскомъ конгрессѣ, не были ли обусловлены въ значительной степени именно однимъ изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ—вопросомъ финансовымъ?

Останемся еще на нѣкоторое время въ этой области, въ сферѣ финансовыхъ дѣлъ, и занесемъ въ нашу хронику прежде всего ту перемѣну, которая произошла недавно въ управленіи ими. Давно было извѣстно, что М. X. Рейтернъ оставался на своемъ постѣ, несмотря на разстроенное здоровье, только изъ чувства долга, до окончанія войны. Представлять полную оцѣнку дѣйствій современныхъ политическихъ дѣятелей не совсѣмъ согласно съ нашими условіями. Но и

не вдаваясь въ многостороннюю оцѣнку, какой требовала бы 16-ти-лѣтняя дѣятельность министра финансовъ, мы можемъ указать хоть на то, что въ дѣятельности этой была система, были ясно-сознанныя цѣли. Главнѣйшею цѣлью М. X. Рейтерна было уравновѣшеніе бюджета; онъ всегда твердо шелъ къ ней и уже приближался къ этой цѣли, когда неожиданная война отдалила на неопредѣленное время ея достиженіе. Новый министръ финансовъ занялъ этотъ постъ въ моментъ знаменательный, въ такой моментъ, когда очевидна необходимость рѣшительныхъ мѣръ для возвышенія дохода, между тѣмъ какъ экономическое состояніе рабочей массы должно внушать величайшую осторожность относительно новаго ея обремененія. Слишкомъ очевидно, что въ настоящее время нельзя ограничиться одной задачей возвышенія цифры налоговъ и что, рядомъ съ нею и даже согласно съ нею, представляется необходимость нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны государства въ пользу тѣхъ, для кого платежное бремя и нынѣ оказывалось уже непосильнымъ. Бывшій государственный контролеръ, нынѣшній министръ финансовъ, сколько извѣстно, раздѣляетъ убѣжденіе, что необходимо, не ожидая общей податной реформы, уменьшить тягость выкупныхъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цифра ихъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительной доходности земли.

Дѣйствительно, есть такія жертвы, которыя могутъ быть производительнѣе кратковременныхъ прибылей. Это—тѣ, которыя являются въ видѣ затратъ для поднятія производительныхъ силъ страны. Таковы были въ общемъ результатѣ громадныя затраты, сдѣланныя при г. Рейтернѣ на построеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Но вѣдь не одно сокращеніе пространства, не одно удобство перевозки продуктовъ могутъ способствовать производительности. Не менѣе раціональны были бы нѣкоторыя затраты и для того, чтобы вывесть изъ тяжкаго положенія значительное число самихъ производителей. Когда идетъ рѣчь о возвышеніи доходовъ государства, то-есть, на практикѣ, объ увеличеніи въ странѣ налоговъ, прежде всего необходимо имѣть въ виду основное положеніе Адама Смита, что налоги должны взиматься только съ чистаго дохода плательщиковъ. Иначе налогъ, хотя бы онъ и сказался временной прибылью казны, будетъ подкапывать экономическія силы страны и въ концѣ-концовъ принесетъ ущербъ. Соотвѣтствуетъ ли этому классическому правилу государственной экономіи такое положеніе значительнаго числа производителей, которое принуждаетъ ихъ уплачивать изъ постороннихъ земледѣлію заработковъ налогъ, падающій на орудіе ихъ производства, на отведенную имъ землю?

Итакъ, предстоящія финансовыя мѣры должны имѣть въ виду двѣ

цѣли, одинаково важныя: увеличить доходы государства и щадить тѣ платежныя силы, которыя уже теперь обложены непомѣрно. Рядомъ съ казенной прибылью необходимо даже нѣкоторое временное пожертвованіе. Въ чемъ выражалась въ послѣдніе годы заботливость государства по отношенію къ земледѣльческой массѣ? Она выражалась лишь въ разсмотрѣніи и разъясненіи, чтó изъ крестьянскаго инвентаря можетъ и чтó не можетъ быть описываемо и продаваемо для взысканія недоимокъ. Иными словами, законодательство въ послѣднее время ограничивалось какъ будто только изысканіемъ и точнѣйшимъ опредѣленіемъ того минимума, при которомъ плательщикъ еще будетъ въ состояніи жить и работать. Но кáкъ жить и кáкъ работать при такомъ минимумѣ, возможно ли поддержать, не только что улучшить хозяйство, возможно ли поддерживать силы почвы— такъ, чтобы случаи неурожаевъ не учащались, возможно ли, наконецъ, пережить неурожай, когда онъ явится—объ этихъ вопросахъ, конечно, не могло быть и рѣчи, когда заботливость имѣла не экономическій, но исключительно—фискальный характеръ, когда цѣлью ея было именно только óпредѣленіе *минимума*.

Тягость, а во многихъ мѣстностяхъ и положительная непосильность прямыхъ налоговъ, падающихъ на крестьянъ, не могла не представляться административной власти и доселѣ. Самое дѣлопроизводство низшихъ административныхъ мѣстъ, начиная отъ становыхъ приставовъ и до губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и казенныхъ палатъ, удостовѣряло этотъ общій фактъ, отражающійся въ массѣ частныхъ случаевъ накопленія недоимокъ, учащенія и бóльшей затруднительности взысканій. Такъ, о становыхъ приставахъ можно сказать, что они въ настоящее время изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ превратились въ дѣйствительности въ чиновниковъ вѣдомства финансовъ. Становые пристава это (по отношенію къ подушнымъ налогамъ) — наши сборщики податей, русскіе receveurs particuliers. Имъ нѣкогда заниматься своей прямой, полицейской обязанностью: они завалены перепиской по взысканію податей. Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и казенныя палаты также не могли не замѣтить, что дѣло взысканія затрудняется. Эти учрежденія, разумѣется, доводили объ этомъ до свѣдѣнія высшихъ административныхъ мѣстъ. Но всѣ эти инстанціи доселѣ не рѣшались взглянуть прямо въ лицо главному, коренному факту, а какъ-то ходили вокругъ него, придумывая такія мѣры, которыя, не уменьшая окладовъ, сдѣлали бы взысканіе платéжей въ одно время и болѣе успѣшнымъ и менѣе разорительнымъ. Самъ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, и министерство внутреннихъ дѣлъ, и министерство финансовъ уже сознавали, что продажа крестьянскаго

имущества, служа только къ пополненію той недоимки, какая въ данное время состоитъ на крестьянахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ состоятельность ихъ на будущее время, и, разстроивая такимъ образомъ окончательно бытъ крестьянъ, приводитъ къ еще болѣе значительнымъ недоимкамъ.

Но изъ этого до сихъ поръ не рѣшались сдѣлать общаго вывода: что, стало-быть, необходимо облегчить податную тягость или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать переоцѣнку крестьянскихъ земель въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сама практика указываетъ ихъ непомѣрность хроническимъ наростаніемъ недоимокъ. Вопросъ о необходимости нѣкоторыхъ пожертвованій казны въ этомъ отношеніи, въ видѣ производительныхъ затратъ, доселѣ не возникъ изъ приведенныхъ соображеній. Всѣ указанныя соображенія оставляли его въ сторонѣ и клонились только къ палліативамъ, относя все зло къ нѣкоторымъ подробностямъ: къ отдѣльнымъ случаямъ, когда мѣстныя власти ошибочно подвергали продажѣ тѣ „необходимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ предметы", которые указаны въ общемъ положеніи о крестьянахъ (ст. 188) и въ положеніи о выкупѣ (ст. 129 и 133), или же къ „несвоевременности" продажи крестьянскаго имущества.

Вслѣдствіе такой, по необходимости поверхностной, постановки вопроса, въ самое послѣднее время, вниманіе законодательныхъ учрежденій было обращено на измѣненіе сроковъ, установленныхъ для взноса крестьянами податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ. Итакъ, опредѣливъ тотъ „минимумъ", котораго не должно уже касаться казенное взысканіе, законодательство предпринимало еще облегчить податное бремя для крестьянъ—чѣмъ?—измѣненіемъ срока для уплаты податей, по тѣмъ же окладамъ. Согласно уставамъ о податяхъ, о земскихъ повинностяхъ и положенію о выкупѣ, подати — подушная и оброчная, — земскіе сборы и выкупные платежи вносятся въ казначейства въ два срока въ году. За первую половину года — съ начала января по 1 марта, а за вторую — съ октября по 1 января, въ двухъ равныхъ частяхъ; сверхъ того, плательщикамъ дается еще 15-ти-дневная льгота, считая съ 1 марта и съ 1 января; невнесенные въ эти сроки платежи считаются недоимкою, которая пополняется установленными мѣрами.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ губернскими присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ, министерство внутреннихъ дѣлъ считало полезнымъ узаконить, чтобы всякія „рѣшительныя" мѣры взысканія недоимокъ съ крестьянъ и особенно продажа ихъ имущества, откладывались до конца года, такъ какъ у крестьянъ обыкновенно только къ началу года бываютъ „нѣкоторые" запасы сельско-хозяйственныхъ произведеній, во все же остальное время приходилось бы продавать

на пополненіе недоимокъ ту часть хозяйственнаго инвентаря, которая составляетъ необходимую потребность въ крестьянскомъ хозяйствѣ *„и которой у большинства крестьянъ даже вовсе не имѣется“*.

Но не говоря уже о недостаточности одного измѣненія сроковъ, оказывается, что частную мѣру трудно осуществить, не измѣнивъ сколько-нибудь кореннымъ образомъ той системы, для поправленія которой она являлась бы. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, со стороны министерства финансовъ (вопросъ обсуждался прошлой весною) было сдѣлано слѣдующее возраженіе: вслѣдствіе предлагаемой мѣры самъ собою устроился бы такой порядокъ, что взносъ *всего* годового оклада распредѣлялся бы не въ теченіи цѣлаго года, но въ концѣ года, а это еще болѣе затруднило бы плательщиковъ, да и администраціи пришлось бы принимать для взысканія недоборовъ мѣры еще болѣе рѣшительныя, чѣмъ доселѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно предложенной имъ мѣрѣ, предполагало узаконить, чтобы до конца года, какъ сельскія общества и начальства, такъ и полиція ограничивались одвѣми „личными мѣрами“ взысканія съ неплательщиковъ. Министерство финансовъ возразило и на это, что неудобно стѣснять сельскія общества въ ихъ дѣйствіяхъ по взысканію недоимокъ съ отдѣльныхъ членовъ, такъ какъ общества отвѣчаютъ за ихъ исправность въ денежныхъ повинностяхъ круговою порукой. При этомъ, однако, вѣдомство финансовъ считало возможнымъ ограничить собственно мѣры полиціи по взысканію недоимокъ, за непополненіемъ ея мѣрами обществъ и волостныхъ начальствъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ рѣшено было, что сроки для взноса податей будутъ установляемы въ каждой губерніи отдѣльно губернскимъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы для первой половины окладовъ срокъ былъ не позже 30 іюня, а для второй 31 декабря; за выборными крестьянскими властями оставляется право употреблять всѣ установленныя доселѣ мѣры взысканія по истеченіи частныхъ сроковъ. Но затѣмъ продажа имущества крестьянъ полиціею будетъ производиться „по возможности“ въ такое время года, когда, по особымъ условіямъ каждой мѣстности, у крестьянъ бываютъ болѣе или менѣе свободныя для уплаты недоимокъ средства. Впрочемъ, примѣненіе этого послѣдняго правила должно быть еще выработано совокупнымъ обсужденіемъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Какое же улучшеніе окажется въ результатѣ? То, что въ разныхъ мѣстностяхъ будутъ установлены разные сроки для взноса годичныхъ платежей и для продажи крестьянскаго имущества на пополненіе недоимокъ. Эта децентрализація особаго рода и опредѣленіе „минимума“, неподлежащаго продажѣ,—вотъ все, что найдено было

возможнымъ до сихъ поръ для облегченія податной тягости. И это въ виду такого общаго факта, что, по сознанію самого министерства внутреннихъ дѣлъ, той части инвентаря, которая не составляетъ необходимой потребности въ хозяйствѣ „у большинства крестьянъ даже вовсе не имѣется". Вотъ и все.

Требуется нѣчто больше этого. Въ части нашихъ сѣверо-западныхъ, даже центральныхъ губерній и въ губерніяхъ сѣверныхъ вся крестьянская масса живетъ среди такой дѣйствительности, отъ которой пресловутый, беземельный, западно-европейскій пролетаріатъ поголовно убѣжалъ бы въ Америку. Вѣдь у насъ рѣчь не о 12 или 10 часахъ работы въ день, не о недостаткѣ мяса, картофеля, пива и чаю, но о недостаткѣ пушного хлѣба, въ которомъ зерно смѣшано съ соломой и съ землею; о недостаткѣ молока для дѣтей, о необходимости для хозяина, въ промежуткахъ между распахиваніемъ поля, ходить „по кусочкамъ" подъ окнами почти такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ самъ. Вѣдь если бы показать англійскому рабочему, какъ живетъ половина того народа, отъ котораго, нѣкоторые, чрезмѣрно рьяные патріоты требовали, чтобы онъ взялъ Константинополь, то британецъ сказалъ бы, что это—нищіе. Вотъ какова дѣйствительность. Вотъ что необходимо имѣть въ виду при изысканіи новыхъ средствъ для увеличенія доходовъ государства. Однимъ изъ такихъ средствъ первоначально должны явиться нѣкоторыя пожертвованія, и это вовсе не парадоксъ: взгляните на цифру недоимокъ въ податяхъ—она возрастаетъ.

Итакъ, новыя средства должны быть извлекаемы только изъ чистаго дохода. Какія формы могутъ быть пріисканы для ихъ извлеченія—вотъ второй вопросъ. Первое, чтó приходитъ на мысль для рѣшенія его, это—введеніе подоходнаго или поразряднаго налога. Податная коммиссія какъ нельзя болѣе кстати издала теперь свои труды по этому предмету. Впрочемъ, составленнаго ею проекта этого налога мы теперь разбирать не будемъ. Мы помѣщаемъ въ этой книгѣ журнала начало статьи г. Черняева, въ которой вопросъ о подоходномъ налогѣ поставленъ болѣе общимъ образомъ и налогъ этотъ разсматривается въ своей сущности и въ результатахъ, какіе онъ произвелъ въ иныхъ странахъ. То, чтò мы имѣемъ теперь сказать о подоходномъ налогѣ въ нашемъ обозрѣніи, и будетъ относиться собственно къ статьѣ г. Черняева. Мы не хотѣли стѣснять автора самостоятельнаго изслѣдованія требованіемъ отъ него какихъ-либо практическихъ оговорокъ, но мы оставили за собой право сдѣлать эти оговорки, нисколько не ослабляющія, впрочемъ, теоретическаго разсужденія автора упомянутой статьи.

Каждый видъ общаго налога имѣетъ свои невыгодныя свойства, и налогъ подоходный имѣетъ ихъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякій иной *общій* налогъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что самое требованіе о введеніи подоходнаго налога въ Россіи нераціонально. Вѣдь въ Россіи требованіе этого налога явилось съ цѣлями совершенно-специальными. Это двѣ цѣли: во-первыхъ,—отмѣна наименованія „подушныхъ податей", падающихъ на нѣкоторыя сословія и не падающихъ на другія; во-вторыхъ—привлеченіе къ участію въ податномъ бремени такихъ имуществъ и такихъ видовъ труда, которые доселѣ были недостаточно обложены или вовсе не обложены. Какъ средство къ достиженію первой цѣли, подоходный налогъ у насъ былъ проектированъ земствами въ смыслѣ преобразованія существующихъ прямыхъ налоговъ. Какъ средство къ достиженію второй цѣли, подоходный или поразрядный налогъ разумѣлся въ нашей публицистикѣ въ двоякомъ смыслѣ: для облегченія податного бремени, нынѣ лежащаго на рабочей массѣ, отнесеніемъ части его на движимый капиталъ и на высшій трудъ; затѣмъ—для увеличенія суммы государственныхъ доходовъ. Могутъ ли обѣ эти цѣли быть достигнуты совмѣстно, это еще—вопросъ. За неимѣніемъ экономической статистики его нельзя рѣшить a priori. Только опытъ можетъ показать, останется ли какое-либо приращеніе для государственныхъ доходовъ отъ обложенія движимыхъ капиталовъ и высшаго труда, если на счетъ этого новаго обложенія будетъ отнесена сколько-нибудь чувствительная для народа часть его подушныхъ сборовъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что требованіе подоходнаго налога возникло у насъ именно съ цѣлью преобразованія подушныхъ сборовъ и облегченія нынѣшнихъ „податныхъ сословій", а не съ цѣлью возвышенія суммы доходовъ казны, простой прибавкой подоходнаго налога ко всѣмъ налогамъ существующимъ, безъ всякаго ихъ измѣненія.

Если бы сдѣлано было послѣднее, то подоходный или поразрядный налогъ создалъ бы у насъ нѣчто совершенно нераціональное: тягость подушныхъ сборовъ осталась бы прежняя, въ пользу казны были бы обложены доходы съ движимаго капитала и съ высшаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ, были бы обложены вдвойнѣ доходы съ имуществъ недвижимыхъ и съ торговли, то-есть тѣ доходы, которые нынѣ уже несутъ на себѣ специальные налоги, а теперь были бы подвергнуты еще общему подоходному или поразрядному налогамъ. Не явилось бы ни облегченія, ни уравнительности; напротивъ, лица, пользующіяся доходомъ отъ движимыхъ капиталовъ, остались бы привилегированными въ государствѣ, но съ той разницею, что они были бы привилегированы не только по сравненію съ податными сословіями, а

еще по сравненію съ владѣльцами недвижимыхъ имуществъ и торговыхъ заведеній. Проектъ поразряднаго налога, нынѣ выработанный податною коммиссіей, въ сущности и представляетъ такое нераціональное сцѣпленіе неравномѣрностей: онъ оставляетъ нынѣшніе подушные платежи и предполагаетъ двойное обложеніе недвижимаго капитала.

Но возьмемъ требованіе о введеніи подоходнаго налога въ томъ смыслѣ, какой оно первоначально имѣло у насъ, въ томъ смыслѣ, какъ оно возникло въ земскихъ собраніяхъ. Оно имѣло цѣлью именно отмѣну неравномѣрности положенія; оно предполагало, что подоходный налогъ будетъ введенъ для отмѣны спеціальныхъ подушныхъ сборовъ съ податныхъ сословій; что различеніе въ финансовомъ законодательствѣ „податныхъ" сословій отъ неподатныхъ будетъ уничтожено; что даже въ случаѣ (почти неизбѣжномъ, какъ мы всегда предсказывали) если бы оказалось невозможнымъ установить теперь въ Россіи минимумъ дохода, освобождающій отъ обложенія, если на низшей своей ступени подоходный или поразрядный налогъ являлся бы въ дѣйствительности налогомъ на ручной трудъ,—тѣмъ не менѣе, часть общаго бремени нынѣшнихъ подушныхъ сборовъ могла бы быть снята съ народа и перенесена на доходы владѣльцевъ движимыхъ капиталовъ и на высшій профессіональный трудъ. При этомъ, частный вопросъ о размѣрѣ привлеченія къ подоходному налогу владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и торговыхъ заведеній опредѣлялся бы уравнительностью общаго ихъ затѣмъ обложенія, налогами спеціальными и подоходнымъ, съ обложеніемъ владѣльцевъ движимыхъ капиталовъ въ видѣ уплаты послѣдними одного подоходнаго налога, т.-е. въ такомъ размѣрѣ, чтобы та и другая собственность, въ общей суммѣ своихъ платежей, была обложена одинаково.

Пусть подоходный налогъ имѣетъ недостатки, какъ всякій иной; пусть его недостатки, по экономическимъ послѣдствіямъ этого вида обложенія, еще больше, чѣмъ невыгоды разныхъ другихъ налоговъ. Но вѣдь онъ все-таки представляетъ налогъ *общій*, а подушные подати—налогъ *частный*. Г. Черняевъ, конечно, согласится съ нами, что общій подоходный налогъ все-таки лучше, чѣмъ одна подушная подать. Вотъ почему мы должны оговориться, что требованіе о введеніи подоходнаго налога въ Россіи, въ томъ смыслѣ, какъ оно явилось, то-есть съ цѣлью отмѣны наименованія подушныхъ сборовъ, съ цѣлью облегченія податного бремени рабочей массы и привлеченія къ платежу налоговъ доходовъ отъ движимыхъ капиталовъ, само по себѣ было и остается раціональнымъ.

Вопросъ объ облегченіи податного бремени, лежащаго на русскомъ крестьянствѣ, становится болѣе и болѣе вопросомъ о будущности

русскаго земледѣлія и всего экономическаго положенія массы народа. Всѣ признаки согласно показываютъ, что крестьянское хозяйство съ году на годъ идетъ къ бóльшему упадку. Правда, существуетъ мнѣніе, которое оспариваетъ связь этого явленія съ тягостью и неравномѣрностью крестьянскихъ платежей. Это мнѣніе указываетъ на фактъ, что платежи въ нынѣшнемъ объемѣ вносятся крестьянами съ шестидесятыхъ годовъ, съ начала операціи выкупа и устройства нынѣшняго общественнаго крестьянскаго, а также земскаго управленія. Почему же именно теперь болѣе должна чувствоваться крестьянами тягость платежей, между тѣмъ, какъ вслѣдствіе обезцѣненія бумажныхъ денегъ, уплата податей стала легче? Если казна, вслѣдствіе этого явленія, теряетъ на суммѣ получаемыхъ ею податей, положимъ, хоть треть цѣнности, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, то, казалось бы, кто-нибудь долженъ же выигрывать въ равной мѣрѣ; то, чтó теряетъ получающій, долженъ выигрывать плательщикъ.

Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то. Доходъ крестьянина слагается изъ цѣны выручаемой имъ отъ продажи продуктовъ и изъ посторонняго заработка, если онъ возможенъ. Если крестьянинъ имѣетъ достаточно хорошей пахатной земли, выгона и лѣса, то возвышеніе цѣнъ отражается для него только на покупкѣ скота, орудій и одежды. Затѣмъ, возвышеніе цѣнъ на его продукты идетъ въ его пользу при уплатѣ податей. Въ этомъ случаѣ можно предположить, что та переплата, которую самъ крестьянинъ несетъ на покупкѣ нужныхъ ему предметовъ, покрывается той выгодою, которую онъ имѣетъ отъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ при взносѣ податей, значитъ, въ этомъ случаѣ, примѣнимомъ только къ меньшинству населенія,— крестьянинъ отъ обезцѣненія денегъ ничего не теряетъ и ничего не выигрываетъ.

Но если у крестьянина земли мало или она дурного качества, если у него недостаетъ выгона или лѣса, то онъ вовсе не пользуется дороговизною продуктовъ, такъ какъ продуктовъ у него на продажу остается мало; хлѣбомъ—только себя прокормить, сѣномъ и овсомъ— только свою корову и лошадь. Наоборотъ, ему приходится самому прикупать многое: участвовать въ наймѣ выгона, покупать лѣсъ, а иногда и кормъ для скота, по крайней мѣрѣ, овесъ къ веснѣ. Итакъ, удешевленіе денегъ для такого крестьянина въ хозяйственномъ отношеніи не существуетъ: онъ платитъ прежнія подати, но легкости ихъ уплаты вслѣдствіе болѣе выгодной продажной цѣны продуктовъ онъ не сознаетъ, такъ какъ продаетъ мало, и самъ многое прикупаетъ, переплачивая въ сравненіи съ прежними цѣнами. Для уплаты податей этотъ крестьянинъ прибѣгаетъ преимущественно къ постороннимъ заработкамъ. Но паденіе бумажныхъ денегъ сказалось го-

раздо менѣе на возвышеніи заработной платы, чѣмъ на вздорожаніи продуктовъ. Отсюда выходитъ, что хотя заработная плата и возросла, но все это возвышеніе исчезаетъ вслѣдствіе того, что рабочая артель платитъ дороже и за пищу, и за помѣщеніе, рабочій платитъ дороже за обувь и одежду; однимъ словомъ—„проѣдается" на заработкахъ противъ прежняго и приноситъ домой то же самое, чтб приносилъ прежде. Такому крестьянину, стало быть, обезцѣненіе денегъ приноситъ еще менѣе пользы, чѣмъ первому.

Итакъ, уплата подушныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей не стала легче для крестьянъ отъ пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ. Податное бремя остается теперь столь же тяжкимъ, какъ было 10, 12 лѣтъ тому назадъ. Но разница вотъ въ чемъ: насколько эти платежи чрезмѣрны, насколько они гонятъ крестьянина на отхожіе промыслы, запуская хозяйство, насколько они вызываютъ накопленіе недоимокъ, а затѣмъ—мѣры взысканія, продажу части инвентаря, сокращеніе числа скота, меньшее удобреніе почвы, меньшую ея производительность, настолько дѣйствіе этихъ платежей оказывается чувствительнѣе на 10-й и на 12-й годъ, чѣмъ въ первый годъ достиженія ими нынѣшней нормы. Послѣдній годъ носитъ на себѣ послѣдствія уже всѣхъ одиннадцати предшествовавшихъ. Если нынче у крестьянина неурожай, то онъ ощущаетъ не только этотъ неурожай, а также и два, три предшествовавшіе; если у него теперь описали корову за неплатежъ, то это тяжеле, чѣмъ было бы 10 лѣтъ тому назадъ, потому что въ то время у него скота было больше, а теперь и останется только пресловутый „минимумъ", котораго описывать уже будетъ нельзя, но при которомъ нельзя будетъ и поправиться.

Въ то время, когда на значительномъ пространствѣ русской территоріи уплата податей производится не изъ чистаго дохода отъ земли, а при помощи отхожихъ промысловъ, нѣсколько странно разсуждать объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства болѣе раціональными агрономическими пріемами. Слишкомъ очевидно, что сперва слѣдуетъ позаботиться о другомъ. Но изъ того, что первой потребностью въ настоящее время представлялось бы уравненіе выкупныхъ платежей, все-таки не слѣдуетъ, что рекомендованное коммиссіею сельскаго хозяйства, въ числѣ другихъ мѣръ—„распространеніе въ народѣ полезныхъ знаній"—должно быть затруднено. Вѣдь есть же и теперь мѣстности болѣе счастливыя, для которыхъ платежное бремя представляется не столь отяготительнымъ, есть такія сельскія общества, которыя, относительно говоря, живутъ хорошо, и которыя могли бы воспользоваться „полезными знаніями" для улучшенія своего хозяйства бо-

лѣе раціональными пріемами. Наконецъ, надо же надѣяться, что зависящія отъ законодательства мѣры для облегченія тѣхъ крестьянскихъ поселеній, которыя наиболѣе обременены, не будутъ откладываемы и что затѣмъ, для дальнѣйшаго улучшенія хозяйства всѣхъ крестьянъ, пригодится именно „распространеніе полезныхъ знаній".

Вотъ почему едва ли раціонально было бы затруднять крестьянамъ доступъ въ существующія сельско-хозяйственныя училища на томъ только основаніи, что доселѣ ученики изъ крестьянъ не составляютъ въ нихъ большинства. Во-первыхъ, въ этихъ училищахъ и нынѣ есть значительный процентъ крестьянъ, а во-вторыхъ, организація дается школамъ во всякомъ случаѣ на продолжительное время, и затруднять доступъ въ нихъ крестьянъ значило бы именно держаться той безотрадной увѣренности, что никакого существеннаго облегченія для крестьянской массы законодательствомъ вскорѣ сдѣлано быть не можетъ, а потому не стоитъ и заботиться о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній среди людей, для которыхъ сельское хозяйство есть, въ сущности, прикрѣпленіе къ бездоходной землѣ.

Между тѣмъ опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ положеніе о земледѣльческихъ училищахъ (утверждено 30 мая) можетъ имѣть, помимо предположеній, легшихъ въ его основаніе, такой результатъ— затруднить для молодыхъ людей изъ крестьянъ пользованіе этими училищами. Земледѣльческихъ училищъ существуетъ у насъ пять, въ городѣ Горкахъ, могилевской губерніи, близъ Харькова, близъ Саратова, близъ Казани и въ городѣ Умани, кіевской губерніи. Они состоятъ подъ управленіемъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Подъ его же наблюденіемъ состоитъ шестое сельско-хозяйственное училище—московская земледѣльческая школа, находящаяся въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго общества сельскаго хозяйства. Школы эти были предназначены для „помѣщичьихъ крестьянъ и лицъ другихъ сословій" и для поступленія требовалось первоначально только умѣнье читать по-русски, курсъ же въ училищахъ былъ 4-хълѣтній. Постепенно программа преподаванія въ этихъ училищахъ была расширена и курсъ продолженъ до $5^1/_2$ лѣтъ, изъ которыхъ послѣдній годъ, впрочемъ, посвящается практикѣ. Но требованія отъ вступающихъ учениковъ возвысились не много: доселѣ требовалось только знаніе грамоты, молитвъ и 4-хъ правилъ ариѳметики.

Теперь же, по новому положенію, курсъ въ училищахъ продолженъ до 6 лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ требованія для пріема учениковъ возвышены: безъ экзамена будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе курсъ въ уѣздныхъ, городскихъ и въ сельскихъ двуклассныхъ училищахъ, а сверхъ того, по экзамену, молодые люди, обладающіе

познаніями, соотвѣтствующими пріобрѣтаемымъ въ первыхъ двухъ классахъ реальныхъ училищъ. Естественно, что, съ возвышеніемъ уровня познаній у поступающихъ въ земледѣльческія училища и съ расширеніемъ курса, училища эти сдѣлаются совершеннѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ. Но они совершенно утратятъ тотъ характеръ, который имъ былъ приданъ первоначально и былъ узаконенъ всего 19 лѣтъ тому назадъ, въ 1859 году. Такъ какъ отъ устава 1859 года уже и доселѣ были сдѣланы въ объемѣ курса весьма значительныя отступленія, то нынѣшняя постановка этихъ училищъ дѣйствительно была нераціональна: въ нихъ преподавались ариѳметика и геометрія, физика, химія, ботаника, минералогія и зоологія, но исторія преподавалась только русская, а отъ поступающихъ требовалась только грамотность и знаніе четырехъ ариѳметическихъ правилъ. Понятно, что ученики не были достаточно подготовлены для успѣшнаго усвоенія такого курса въ теченіи 4 лѣтъ. Теперь положено расширить преподаваніе не только предметовъ спеціальныхъ, но и общеобразовательныхъ: вводятся всеобщая исторія и нѣмецкій языкъ. Нельзя не согласиться, что новая учебная программа полнѣе прежней, и что училища только выиграютъ отъ замѣны ею программы доселѣ существовавшей. Но вѣдь сама эта, существовавшая доселѣ программа была весьма важнымъ отступленіемъ (впрочемъ, разрѣшеннымъ въ законномъ порядкѣ) отъ устава 1859 года.

По уставу 1859 года въ земледѣльческихъ училищахъ не преподавалась даже и русская исторія, а только „главныя событія русской исторіи“; вмѣсто геометріи—только основныя правила геометріи; а вмѣсто физики, химіи, минералогіи, ботаники и зоологіи, вмѣстѣ взятыхъ, — только „нужнѣйшія свѣдѣнія по части естественныхъ наукъ“. Если мы сравнимъ эту первоначальную постановку курса съ вводимою нынѣшнимъ положеніемъ, которое включаетъ въ курсъ еще алгебру и даже „основанія механики“, то окажется, что земледѣльческія училища будутъ представлять впредь нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, чтò существовало въ 1859 году. Это будутъ просто реальныя училища, спеціализированныя по мысли министерства народнаго просвѣщенія, но спеціализированныя для потребностей сельскаго хозяйства, а не школы, служащія для распространенія въ народѣ „полезныхъ для хозяйства знаній“. По условіямъ пріема, по продолжительности ученія, аттестатъ новыхъ земледѣльческихъ училищъ будетъ недоступенъ для крестьянъ, и заведенія эти будутъ предназначены для приготовленія помѣщикамъ управляющихъ. Впрочемъ, эта цѣль земледѣльческихъ училищъ прямо и заявлялась въ соображеніяхъ: приготовленіе „дѣльныхъ управителей“; заявлялось даже, между прочимъ, что „землевладѣльцы изъ дворянъ, не рѣдко отвле-

ченные службою, какъ государственною, такъ и общественною, нуждаются въ распорядителяхъ, которые съ пользою могли бы замѣнять ихъ по управленію недвижимою ихъ собственностью". Интересъ этотъ уважителенъ,—только спрашивается: въ чемъ же болѣе нуждается Россія: въ приготовленіи управляющихъ для помѣщиковъ, отвлеченныхъ службою, или въ распространеніи хозяйственныхъ свѣдѣній въ народѣ?

Сообразно съ тѣмъ, каковъ будетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, придется и рѣшить, чтó было раціональнѣе: введеніе нынѣшняго положенія, или возвращеніе къ уставу 1859 года? Замѣтимъ еще, что хотя въ соображеніяхъ и пояснялось, что усовершенствованныя земледѣльческія училища будутъ приготовлять „недорогихъ" управителей для землевладѣльцевъ „среднихъ", но едва ли цѣль будетъ достигаема въ этомъ, точномъ ея опредѣленіи. Едва ли молодой человѣкъ, посвятившій два года на ученье въ реальномъ или сельскомъ двухклассномъ училищѣ, да шесть лѣтъ въ земледѣльческомъ, знающій естественныя науки, всю чистую математику, механику, сельское строительное искусство, геодезію, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, будетъ управителемъ „недорогимъ" для „средняго" землевладѣльца. Такому управителю надо будетъ дать жалованье въ 1,000 рублей, а чтобы платить такое жалованье управителю, землевладѣлецъ долженъ имѣть самъ не менѣе 10 тысячъ рублей чистаго дохода съ имѣнія, чтó едва ли у насъ, въ Россіи, означаетъ „средняго" землевладѣльца. Кажется, основательнѣе предположить, что люди, съ успѣхомъ окончившіе курсъ этихъ училищъ, въ ихъ преобразованномъ видѣ, въ случаѣ, если будутъ заниматься по своей спеціальности, будутъ именно служить управителями у тѣхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые „отвлекаются службою". Но спрашивается, соотвѣтствовало ли бы такой потребности, какъ доставленіе сотнѣ богатыхъ помѣщиковъ хорошихъ управляющихъ, существованіе въ Россіи цѣлыхъ пяти земледѣльческихъ училищъ, съ ежегоднымъ расходомъ для казны въ 182.950 рублей? Вѣдь на одну эту сумму казна могла бы содержать 182 хорошихъ управляющихъ изъ иностранцевъ,—такъ, чтобы они служили помѣщикамъ дáромъ.

Правда, что немалое число, а вѣроятно даже большинство учениковъ этихъ училищъ изберутъ путь государственной службы или поступленія въ высшія учебныя заведенія того же министерства, или иныхъ профессій, и расходъ, произведенный на нихъ казною, все-таки принесетъ пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что всякая лишняя затрата государства для цѣлей образованія полезна, особенно въ Россіи. Но странно, однако, устраивать училища спеціальныя такъ, чтобы большинство

оканчивающихъ въ нихъ курсъ занималось чѣмъ угодно, кромѣ своей спеціальности.

Мы уже замѣтили выше, что первоначальное отклоненіе земледѣльческихъ училищъ отъ ихъ прямого назначенія—распространять полезныя свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ—было осуществлено тѣми перемѣнами въ учебномъ курсѣ, которыя были уже сдѣланы доселѣ. Это создало ту неправильную постановку учебнаго курса, которая теперь подала поводъ къ окончательному удаленію земледѣльческихъ училищъ отъ ихъ первоначальнаго назначенія и вмѣстѣ съ тѣмъ—отъ земледѣльческой массы. Доселѣ въ нихъ все-таки былъ значительный процентъ учениковъ изъ крестьянъ и мѣщанъ: изъ 736 чел. (общаго числа учениковъ пяти училищъ въ 1877 году) 282 принадлежали къ состояніямъ сельскому и городскому. Итакъ, болѣе трети всего числа учениковъ принадлежали къ податнымъ сословіямъ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ въ отдѣльности даже болѣе половины. Стало-быть, несмотря на усложненіе курса, допущенное доселѣ, крестьяне все-таки не чуждались этихъ школъ.

Теперь же, вслѣдъ за преобразованіемъ, едва ли нельзя утверждать, что интересъ крестьянскаго сословія въ данномъ случаѣ принесенъ въ жертву интересу богатыхъ землевладѣльцевъ, нуждающихся въ „распорядителяхъ, которые съ пользою могли бы замѣнять ихъ по управленію недвижимою ихъ собственностью". Очень можетъ быть, что русскій управитель съ полнымъ техническимъ образованіемъ, хотя и не будетъ „недорогимъ", но все же будетъ подешевле ученаго нѣмца. За то ужъ для крестьянъ земледѣльческія училища станутъ рѣшительно недоступны. Разница будетъ такая: доселѣ крестьянскій мальчикъ, научившись грамотѣ и четыремъ ариѳметическимъ правиламъ въ сельской школѣ, могъ еще посвятить 5½ лѣтъ на ученье въ земледѣльческомъ училищѣ; но впредь онъ долженъ будетъ учиться 2 года въ двухклассной школѣ, въ реальномъ или городскомъ училищѣ, затѣмъ пробыть 6 лѣтъ въ училищѣ земледѣльческомъ, слушая курсъ, доведенный до такого уровня, который въ крестьянскомъ быту уже не можетъ имѣть практическаго примѣненія.

Такъ какъ оказывалось необходимымъ преобразованіе земледѣльческихъ училищъ для уравненія ихъ общеобразовательнаго курса съ курсомъ реальныхъ училищъ, то едва ли не болѣе раціонально было обратить эти училища въ совершенно спеціальныя, въ écoles d'application, которыя принимали бы учениковъ, окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ, и сообщали бы имъ въ двухлѣтнемъ чисто-спеціальномъ курсѣ дополнительныя техническія свѣдѣнія. Такія училища стоили бы казнѣ гораздо менѣе того, что̀ предположено по новому

штату. На сбереженіе же, оказавшееся такимъ образомъ, а затѣмъ на небольшія добавочныя пожертвованія со стороны государства, можно было бы положить начало устройству въ разныхъ губерніяхъ низшихъ земледѣльческихъ училищъ, болѣе приспособленныхъ къ нуждамъ именно крестьянъ, чѣмъ тѣ, какія существовали доселѣ.

О новомъ положеніи для земледѣльческихъ училищъ мы поговорили съ нѣкоторой подробностью, потому что въ этомъ преобразованіи, какъ оно ни скромно, само по себѣ, рельефно высказались взгляды на вопросы гораздо болѣе обширные и важные. Здѣсь не такъ важно то, что̀ сдѣлано, какъ то, почему это сдѣлано. Здѣсь высказались взгляды, во-первыхъ, на потребности и будущность развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи, во-вторыхъ, отчасти,—на направленіе училищнаго дѣла въ Россіи. Прослѣдимъ тотъ и другой отдѣльно.

Какъ ни скромень, повторяемъ, былъ вопросъ о направленіи земледѣльческихъ училищъ, но для того, чтобы онъ могъ быть рѣшенъ такъ или иначе, надо было, чтобы одержалъ верхъ такой или иной взглядъ на развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ. Если можно ожидать, что въ пользу громаднаго большинства русскихъ землевладѣльцевъ, лично обработывающихъ свои поля, то-есть въ пользу крестьянъ, состоятся въ скоромъ времени такія законодательныя облегченія (уравненіе выкупныхъ платежей, облегченіе переселенія въ связи съ отмѣной круговой поруки и кореннымъ измѣненіемъ паспортной системы), которыя дали бы крестьянству возможность взяться за улучшеніе хозяйства; если вѣрить въ возможность такого времени, когда и въ Россіи крестьяне станутъ питаться, какъ люди, и обзаводиться хозяйственнымъ инвентаремъ свыше того, который не можетъ быть продаваемъ на пополненіе недоимокъ; если вѣрить, что и въ Россіи можетъ постепенно нарождаться крестьянство не голодающее изъ года въ годъ, не теряющее половины своихъ дѣтей отъ недостатка пищи и удобнаго жилья, не пьянствующее въ безвыходномъ положеніи экономическомъ и среди полной запущенности нравственной, безъ школы, безъ духовнаго руководительства, съ мякиной и водкой въ животѣ, безъ возможности сбереженій, съ образко̀мъ на шеѣ, но безъ знанія догматовъ, съ тяжкимъ, но неблагодарнымъ трудомъ, съ аттестатомъ сердечной доброты отъ славянофиловъ, но съ истязаніями женъ и дѣтей на дѣлѣ; — если можетъ, говоримъ, и въ Россіи нарождаться крестьянство достаточное, даже богатое, какое мы видимъ во Франціи и въ Германіи; если допускать, что русское крестьянство, уже теперь угадывающее пользу школы, вскорѣ укрѣпится въ этомъ сознаніи и станетъ искать въ школѣ, между прочимъ, и „полезныхъ

знаній“ для улучшенія хозяйства, которое было бы уже сдѣлано возможнымъ—въ такомъ случаѣ логично было бы преобразовать земледѣльческія училища въ интересѣ крестьянства, сдѣлать ихъ еще болѣе доступными для крестьянъ, чѣмъ онѣ были доселѣ, увеличить ихъ число и приспособить ихъ къ потребностямъ хозяйства крестьянскаго, въ которомъ по меньшей мѣрѣ знаніе „основаній механики“ излишне.

Если же на общій вопросъ смотрѣть иначе, если думать, что всякому сословію положенъ свой неизмѣнный предѣлъ, что въ сей юдоли плача всякъ долженъ нести свой крестъ, кто — легкій, эмалевый на груди, кто тяжкій, дубовый на спинѣ, что скорыхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ ожидать нельзя именно потому, что для нихъ требовалось бы такое облегченіе въ платежахъ народа, которому противятся интересы государства,—въ такомъ случаѣ одни „полезныя знанія“, конечно, мало пособили бы крестьянству; ихъ лучше приберечь и специализировать для управителей большихъ имѣній, которыхъ развитіе и представляетъ весь хозяйственный успѣхъ въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ.

При обсужденіи проекта положенія о земледѣльческихъ училищахъ одержалъ верхъ такой взглядъ, что „крестьяне воздѣлываютъ свою землю почти самымъ первобытнымъ образомъ—по особымъ условіямъ нашего сельскаго быта“. Это, конечно, вѣрно, въ извѣстномъ смыслѣ. Но вѣдь нѣкоторыя, весьма существенныя, зависящія отъ законодательства условія этого быта могутъ же быть измѣнены, или же нельзя ожидать никакого измѣненія? Коренного улучшенія въ хозяйствѣ крестьянъ, по этому взгляду, нельзя ожидать въ ближайшемъ будущемъ; на первое время возможно желать введенія правильнаго удобренія полей, нѣсколько болѣе совершенныхъ пріемовъ и орудій воздѣлыванія почвы, лучшаго ухода за скотомъ и т. п. Но спрашивается: какъ же возможно желать этого при такихъ условіяхъ, когда лишняя лошадь или корова описываются на продажу за недоимки по платежамъ, превышающимъ ренту съ земли? Не только улучшенія ухода за скотомъ, но ни умноженія его, ни, стало быть, „правильнаго удобренія полей“ при этомъ условіи ожидать нельзя. Введеніе усовершенствованныхъ пріемовъ и орудій предполагаетъ сбереженія, а могутъ ли образоваться сбереженія, когда цифры контроля показываютъ, что растутъ недоимки въ подушныхъ платежахъ?

При изложенномъ сейчасъ взглядѣ, естественно было придти къ мысли, что успѣхъ въ хозяйствѣ крестьянъ можетъ быть достигнутъ не столько посредствомъ научнаго образованія, сколько посредствомъ „примѣра“; такъ, если крестьянинъ видитъ, что земля, постоянно хорошо удобренная, приноситъ несравненно лучшій урожай, нежели та же

почва плохо воздѣланная, если онъ наглядно убѣждается, что хорошій плугъ или борона также не мало способствуютъ успѣху дѣла, то подобные примѣры дѣйствуютъ на него всего убѣдительнѣе и онъ старается, „по мѣрѣ своихъ средствъ и возможности", завести и у себя нѣчто подобное. Отсюда истекло такое рѣшеніе вопроса, что даже для успѣха крестьянскаго хозяйства въ Россія всего важнѣе, чтобы помѣщики имѣли хорошихъ управляющихъ, „дѣльныхъ и недорогихъ".

Надо однако замѣтить, что для убѣжденія крестьянъ въ такихъ первоначальныхъ вещахъ, какъ, напр., что удобренная земля даетъ лучшій урожай, чѣмъ „плохо воздѣланная", едва ли нужны не только научныя знанія, но даже и самый примѣръ помѣщичьихъ управляющихъ. Такія истины слишкомъ очевидны и безъ примѣра. На глазахъ русскихъ крестьянъ издавна былъ примѣръ нѣмецкихъ колонистовъ, у которыхъ и скота было больше, и поля были лучше удобрены, и орудія совершеннѣе, и урожаи постояннѣе. Но вѣдь недостаточно примѣра: необходима еще возможность слѣдовать ему. Каковы были условія этихъ успѣховъ у колонистовъ? Колонисты сами выбрали себѣ мѣста для поселенія, колонисты были сперва свободны, а потомъ привилегированы по отношенію къ податямъ, и были гораздо развитѣе русскихъ крестьянъ. Итакъ, чтобы слѣдовать ихъ примѣру, чтó же было бы необходимо послѣднимъ: облегченіе переселенія, облегченіе подушныхъ платежей и—школа. Дайте крестьянамъ это, тогда и примѣра не надо,—ни примѣра колонистовъ, ни примѣра управляющихъ. Безъ этихъ условій, чтó они вынесутъ изъ лишняго примѣра, какія мысли можетъ онъ внушить имъ? Крестьянинъ вовсе не придетъ въ удивленіе видя, что на постоянно хорошо удобренной землѣ являются несравненно лучшіе урожаи и что хорошій плугъ не мало способствуетъ успѣху дѣла. Онъ просто подумаетъ: хорошо было бы, если бы я могъ такъ удобрить свой надѣлъ, кàкъ дѣлается у господина; хорошо бы, если бы у меня была лишняя корова; хорошо если бы я могъ купить плугъ и если бы моимъ лошаденкамъ было подъ силу тащить его; хорошо было бы, если бы я не платилъ подушныхъ, а мои помощники-сыновья отрывались бы для военной службы всего на годъ, какъ господскіе, а не на шесть лѣтъ. Вотъ и все поученіе, какое можетъ дать крестьянамъ примѣръ успѣховъ большого хозяйства.

Нѣтъ, мы хотимъ вѣрить, что нѣкоторыя существенныя „условія нашего сельскаго быта" могутъ быть измѣнены законодательствомъ, и что затѣмъ „коренного улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ *можно* ожидать въ близкомъ будущемъ", что, по крайней мѣрѣ, должно серьёзно, энергически позаботиться объ этомъ,—что облегче-

нію въ бытѣ народа не противорѣчать интересы государства, а прямо наоборотъ. Въ рескриптѣ, которымъ удостоенъ былъ М. Х. Рейтернъ, при увольненіи его отъ должности министра финансовъ, воздавалось высокое признаніе его заслугамъ и вмѣстѣ высказано было великое, плодотворное слово, что „благосостояніе государственнаго хозяйства *зиждется на богатствѣ народа* и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его". Какое же могло бы быть необходимѣйшее и ближайшее примѣненіе этой истины, какъ не всемѣрное усиліе улучшить законодательныя условія народнаго быта въ той странѣ, гдѣ, по оффиціальному сознанію, „инвентаря, не составляющаго необходимой потребности въ хозяйствѣ, у большинства крестьянъ даже вовсе не имѣется?" Утѣшительно было прочесть заявленіе глубокой экономической истины, утѣшительно слышать, что и личныя мнѣнія генералъ-адъютанта Грейга склоняются въ пользу неотлагательнаго пересмотра выкупныхъ платежей, независимо отъ выработки проекта общей податной реформы. Болѣе равномѣрное распредѣленіе подушно-платежной тягости, облегченіе переселенія, разсмотрѣніе вопросовъ о круговой порукѣ и паспортной системѣ, пріисканіе средствъ для развитія въ селеніяхъ дѣла ремесленнаго и умноженіе школъ всякихъ, начиная отъ одноклассной сельской до университета, — вотъ капитальные интересы Россіи. Пусть въ извѣстной рѣчи русскій народъ выставляется намъ такъ, какъ-будто вниманіе его совершенно поглощено внѣшней политикой, какъ-будто онъ волнуется, ропщетъ, негодуетъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о берлинскомъ конгрессѣ, и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше,—ждетъ и надѣется. Едва ли картина не будетъ болѣе вѣрна дѣйствительности, если мы скажемъ, что масса русскаго народа терпитъ, нуждается, и ждетъ облегченія своего собственнаго положенія, удовлетворенія самыхъ первоначальныхъ собственныхъ нуждъ. Ждетъ,—однако можно ли сказать — надѣется? Едва ли. Но позволительно надѣяться за нее и разумѣть, прежде всего, въ осуществленіи этой надежды и „великое святое русское дѣло", и „русскую славу", и „русскую совѣсть".

Итакъ, земледѣльческія училища отнынѣ будутъ средними учебными заведеніями, предназначенными для приготовленія спеціалистовъ-управителей. Это будутъ реальныя училища, съ такимъ же приспособленіемъ общеобразовательнаго курса къ технической спеціальности, какъ и реальныя училища, состоящія въ прямомъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, и новое положеніе объ училищахъ земледѣльческихъ составлено по соглашенію съ этимъ вѣдомствомъ. Съ конца прошлаго года установлено правило, что къ представленіямъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными

частями о новыхъ учебныхъ заведеніяхъ прилагаются проекты уставовъ для нихъ, составленные по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ томъ уставѣ, о которомъ мы говорили, выразился тотъ же основной взглядъ, который проведенъ въ учрежденіи реальныхъ училищъ. Согласно этому взгляду, должны существовать двѣ учебныя системы: одна — классическая, открывающая доступъ повсюду, такъ какъ только она способна дать полное умственное развитіе; другая — реальная, съ непремѣннымъ приспособленіемъ къ цѣли практической. Такъ какъ полнаго умственнаго развитія эта система, по принятому мнѣнію, давать не можетъ, то ей и поставлено прямой цѣлью не столько умственное развитіе человѣка, сколько приготовленіе „практическихъ дѣятелей" по разнымъ спеціальностямъ: коммерческой, механической и т. д. Вотъ къ этому типу и подведены теперь земледѣльческія училища. Существованіе ихъ въ первоначально-предположенномъ видѣ, какъ училищъ, доступныхъ для крестьянъ и служащихъ къ „распространенію полезныхъ свѣдѣній", признано излишнимъ. Школы съ значительнымъ крестьянскимъ элементомъ и изъ которыхъ могли выходить, пожалуй, ученые хозяева-крестьяне, замѣнены теперь такими, въ которыя крестьяне не пойдутъ и которыя будутъ приготовлять священническихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей въ управители къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ этомъ преобразованіи совершенно вѣрно отразился основной взглядъ, опредѣлившій значеніе реальныхъ училищъ.

Такъ какъ установленное въ прошломъ году правило относится только къ новымъ учебнымъ заведеніямъ, то вѣроятно поэтому, опубликованныя недавно (въ іюнѣ) правила о пріемѣ учениковъ въ военныя училища, утвержденныя 6-го мая, состоялись, повидимому, безъ соглашенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Иначе, какъ объяснить такое обстоятельство, что главное военно-учебное управленіе оговорило за собой право подвергать воспитанниковъ другихъ заведеній, желающихъ поступить въ военныя училища (не только спеціальныя, но и общія) повѣрочному экзамену изъ тѣхъ или иныхъ предметовъ, по усмотрѣнію главнаго военно-учебнаго начальства. Вѣдь при этомъ условіи даже ученикъ гражданской гимназіи, имѣющій „аттестатъ зрѣлости", при поступленіи въ пѣхотное военное училище, можетъ быть подвергнутъ повѣрочному испытанію не только изъ математики, но даже изъ русскаго языка — и, конечно, можетъ случиться, что онъ и не выдержитъ этого повѣрочнаго испытанія.

Съ удовольствіемъ заносимъ въ нашу хронику важный шагъ, сдѣланный министерствомъ народнаго просвѣщенія къ оживленію умственной жизни въ Сибири: 16-го мая послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе, въ городѣ Томскѣ, императорскаго сибирскаго универ-

ситета съ четырьмя факультетами. Заслуга министерства въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что оно рѣшилось не откладывать этого дѣла до составленія достаточнаго капитала изъ частныхъ пожертвованій. Весьма сомнительно, чтобы частныя пожертвованія могли составить сумму, необходимую какъ для осуществленія, такъ и для содержанія университета. Къ строительнымъ работамъ разрѣшено приступить немедленно и министру предоставлено войти съ представленіемъ о требующихся на учрежденіе университета расходахъ изъ казны.

Въ продолженіи лѣта опубликовываются тѣ новыя положенія, которыя являются результатами истекшей законодательной сессіи. Въ ряду такихъ новыхъ законодательныхъ актовъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ, имѣющемъ весьма важное значеніе, а именно объ учрежденіи уѣздной конной стражи. Положеніе о ней, разсмотрѣнное комитетомъ министровъ и затѣмъ утвержденное 9-го іюня, имѣетъ собственно характеръ закона временнаго, такъ какъ впослѣдствіи имѣютъ быть внесены въ государственный совѣтъ предположенія объ измѣненіяхъ законовъ о сотскихъ и десятскихъ, объ учрежденіи отдѣльной конно-полицейской стражи въ городахъ и общій проектъ объ устройствѣ полиціи, въ который должны войти всѣ отдѣльныя по этому предмету постановленія.

Сущность положенія 9 іюня состоитъ въ слѣдующемъ: въ 46-ти губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію, учреждаются полицейскіе урядники, въ помощь становымъ приставамъ и для надзора за дѣйствіями сотскихъ и десятскихъ; урядниковъ будетъ 5,000; они полагаются конные, но, по мѣстнымъ соображеніямъ, могутъ быть и пѣшіе. Эти урядники назначаются въ каждомъ уѣздѣ исправникомъ и получаютъ не свыше 250 р. въ годъ содержанія, лошадей должны имѣть собственныхъ, но на содержаніе ихъ получаютъ по 100 р. въ годъ. Урядники подчиняются въ губерніи губернатору, въ уѣздѣ—исправнику, въ станѣ—приставу, а сельскіе сотскіе и десятскіе, какъ уже сказано, подчиняются надзору и руководству урядниковъ.

Такимъ образомъ организуется цѣльное полицейское учрежденіе внѣ городовъ. Оно было необходимо. Можно сказать, что доселѣ безопасность въ уѣздѣ не была охранена у насъ ничѣмъ, кромѣ собственной силы проѣзжихъ или прохожихъ. Становой приставъ не могъ быть стражемъ; онъ являлся на мѣсто только чтобы констатировать преступленіе, да и то являлся не очень скоро. Не говоря о пространствѣ нашихъ уѣздовъ, напомнимъ еще разъ, что одна переписка по взысканію податей отнимала у становыхъ бо́льшую часть ихъ времени. Сотскіе и десятскіе служили скорѣе для исполненія многооб-

разныхъ порученій властей, особенно для доставленія конвертовъ, препровожденія арестантовъ, чѣмъ для охраненія безопасности. Сверхъ того, каждый изъ нихъ если и былъ стражемъ, то только для своего сельскаго околотка. Безопасность въ другихъ волостяхъ, безопасность на большой дорогѣ оставляла ихъ равнодушными: они служили данному селенію, а не всему уѣзду. Для станового пристава они были скорѣе посыльные и препроводители арестантовъ, чѣмъ помощники.

Нынѣшняя мѣра пополняетъ именно главный пробѣлъ полицейской организаціи въ уѣздѣ; необходимы были такіе помощники станового пристава, которые занимались бы охраненіемъ безопасности лично, а не посредствомъ одной переписки и составленія протоколовъ, составляли бы дѣятельную силу, которая представитъ собой связь между становыми приставами и сельскими стражами — сотскими и десятскими.

Нельзя не отнестись сочувственно къ тому обстоятельству, что министерство внутреннихъ дѣлъ признало возможнымъ весь новый расходъ по удовлетворенію этой важной потребности, то-есть содержанію урядниковъ и лошадей для нихъ, а также обзаведенію холоднымъ оружіемъ всего 976,125 р., принять на счетъ казны, не возлагая новаго бремени на слишкомъ уже обремененное и безъ того земство. Нѣсколько опасная сторона въ новомъ учрежденіи могла бы быть только одна: вмѣшательство урядниковъ въ сельское самоуправленіе. Но эта опасность устранена самымъ положеніемъ, насколько положеніе можетъ, впрочемъ, устранять произволъ должностныхъ лицъ. Волостные старшины и сельскіе старосты вовсе не подчиняются урядникамъ, а только обязываются „оказывать урядникамъ необходимое содѣйствіе, исполняя всѣ законныя требованія ихъ". „Но", говорится вслѣдъ затѣмъ, „урядники отнюдь не имѣютъ права принимать участіе въ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ сельскихъ обществъ и волостей и ни подъ какимъ видомъ не должны вмѣшиваться въ дѣйствія волостного суда". Замѣтимъ еще, что урядники не приравнены къ жандармамъ или военному караулу въ отношеніи послѣдствій ослушанія имъ или оскорбленія ихъ; такіе проступки противъ нихъ судятся на основаніи общихъ законовъ о неисполненіи законныхъ требованій или оскорбленіи чиновъ полиціи.

Что надзоръ высшихъ властей за невмѣшательствомъ полицейскихъ чиновъ вообще въ дѣла крестьянскаго самоуправленія долженъ быть усиленъ, это доказывается множествомъ частныхъ примѣровъ. Новѣйшій изъ такихъ примѣровъ представленъ разбирательствомъ въ новоладожскомъ съѣздѣ мировыхъ судей, бывшимъ 27 прошлаго іюня. Здѣсь удостовѣрились такіе факты, что полиція дѣйствовала совер-

шенно за-одно съ лѣсопромышленниками и притѣсняла крестьянъ въ ихъ интересѣ. Волостной старшина, заступившійся за крестьянъ, былъ „вытолкнутъ въ шею“ исправникомъ, а потомъ, по представленію его же губернатору, былъ смѣненъ. Одинъ сельскій староста далъ такое показаніе, что онъ—четыре года на службѣ, и въ первый годъ попробовалъ-было заступиться за крестьянъ при томъ, когда ихъ обмѣривали, но за это, по распоряженію исправника, высидѣлъ недѣлю подъ арестомъ, такъ-что теперь и рукой махнулъ — „а то, того и гляди, какъ бунтовщикъ попадешь въ острогъ“. У насъ часто слышны жалобы, что лучшіе крестьяне не идутъ въ старшины и старосты, что эти должности нерѣдко занимаются такими лицами, которыя растрачиваютъ общественныя деньги. Но спрашивается, какая охота порядочному крестьянину идти на эти должности при такихъ условіяхъ, когда за добросовѣстное исполненіе ихъ его могутъ „вытолкать въ шею“, смѣнить, или еще объявить „бунтовщикомъ“ и засадить въ острогъ.

Много, много дѣла на Руси, дѣла самаго необходимаго! Даже независимо отъ рѣшенія вопросовъ сложныхъ, — рѣшенія, требующаго большихъ средствъ, есть множество такихъ, очевидно, необходимыхъ мѣръ, хозяйственныхъ, юридическихъ и воспитательныхъ, въ которыхъ маловажное пожертвованіе со стороны государства могло бы произвесть результаты истинно-плодотворные. Была бы охота заниматься этою „маленькою“ политикой, которая въ дѣйствительности можетъ приносить народу наиболѣе пользы.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Берлинскій трактатъ.

Берлинскій трактатъ $^1/_{13}$ іюля не удовлетворилъ никого, кромѣ Англіи и Австріи. Въ Россіи онъ вызвалъ разочарованіе; во Франціи и Италіи—неудовольствіе; въ Турціи—только покорность, съ болѣзненнымъ ощущеніемъ приносимыхъ жертвъ, которыя составляютъ нѣчто похожее на „первый раздѣлъ" оттоманской имперіи. Естественно, что насколько нынѣшнимъ рѣшеніемъ довольны Англія и Австрія, настолько оно вызвало нѣкоторое разочарованіе въ Россіи. Но эквивалентность этихъ противоположныхъ впечатлѣній въ странахъ, имѣющихъ противоположные интересы, можетъ представить со временемъ нѣсколько иные результаты. При наступленіи періода болѣе хладнокровнаго разсужденія, русское общество будетъ сравнивать то, чего достигла Россія, не съ тѣмъ, чего она фактически требовала, а съ тѣмъ, чего она могла достигнуть при данныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, общественное мнѣніе въ Англіи и Австріи, въ первую пору прельщенное знатнымъ дипломатическимъ успѣхомъ, впослѣдствіи сравнитъ сдѣланныя пріобрѣтенія съ принятыми на себя обязательствами, и это значительно охладитъ восторженные порывы.

Въ предшествующихъ словахъ — вся программа тѣхъ замѣтокъ, которыя мы рѣшаемся представить читателямъ. Они найдутъ ниже самый текстъ берлинскаго трактата. Поэтому наши замѣтки предполагаютъ извѣстнымъ его содержаніе.

Прежде всего, повторимъ, что сужденіе о результатахъ, достигнутыхъ берлинскимъ договоромъ, должно быть относительное. Мы согласны допустить, что требованія, дѣйствительно заявленныя русскою дипломатіею, а тѣмъ болѣе той частью русской печати, которой иногда предоставляется „подхлестывать" патріотическую требовательность до той минуты, когда „подхлестыванье" оказывается излишнимъ и разрѣшеніе на него отмѣняется, далеко не удовлетворены трактатомъ, который наши дипломаты подписали; стало-быть, мы готовы (потому что не можемъ иначе) допустить, что дипломатія наша понесла въ берлинскомъ трактатѣ нѣкоторое пораженіе.

Того, чего потребовала наша дипломатія въ санъ-стефанскомъ договорѣ, а тѣмъ болѣе—разныхъ фантазій шовинистовъ, осуществить было невозможно. Это было невозможно вслѣдствіе двухъ причинъ:

во-первыхъ, потому что состояніе нашихъ дѣйствительныхъ, внутреннихъ силъ вовсе не соотвѣтствовало перспективѣ войны съ нѣсколькими державами; этотъ пунктъ не нуждается въ разъясненіи здѣсь; во-вторыхъ, потому что самый пріемъ, употребленный нашей дипломатіей для рѣшенія восточнаго вопроса, былъ таковъ, что при немъ сколько-нибудь радикальное рѣшеніе этого вопроса положительно немыслимо. Въ статьѣ „Русскій вопросъ на юго-востокѣ Европы", напечатанной въ концѣ 1876 года, мы доказывали, что никогда восточный вопросъ, въ смыслѣ земельныхъ пріобрѣтеній для Россіи въ Европѣ, или поставленія подъ ея вліяніе проливовъ, не можетъ быть рѣшенъ въ союзѣ съ Пруссіею и Австріею. Мы доказывали это историческимъ обзоромъ прежней политики Россіи на юго-востокѣ Европы. И что же: берлинскій миръ, дѣйствительно, вызвалъ въ нашей печати нѣкоторое разочарованіе въ добрыхъ услугахъ „честнаго маклера", князя Бисмарка, и почти враждебность къ Австріи, которой трактатъ предоставилъ болѣе, чѣмъ намъ.

Не будучи готовы къ большой европейской войнѣ, мы не должны были въ санъ-стефанскомъ трактатѣ простирать наши требованія до Эгейскаго моря. Легко было предвидѣть, что тѣ союзники, совмѣстно съ которыми вопросъ долженъ былъ рѣшиться окончательно, не дадутъ русскому вліянію утвердиться на Эгейскомъ морѣ. При меньшей требовательности, при ограниченіи Болгаріи на югъ примѣрно рѣкою Марицею, можно было придать санъ-стефанскому договору форму окончательнаго трактата. Въ этомъ случаѣ, можно было рѣшительно возстать противъ всякаго измѣненія этого трактата Европой. Можно было ставить затронутые въ немъ вопросы такъ же рѣшительно и безаппеляціонно, какъ Германія ставила пункты своего трактата съ Франціею, послѣ войны 1870—1871 годовъ. Вѣдь и тамъ шла рѣчь о важномъ европейскомъ интересѣ: для кого могло быть удобно ослабленіе и униженіе Франціи? При нѣкоторой умѣренности собственныхъ первоначальныхъ требованій, можно было не бояться, затѣмъ, угрозъ Англіи и Австро-Венгріи, въ той увѣренности, что онѣ не могли рѣшиться на войну изъ-за 100 лишнихъ линейныхъ верстъ болгарской территоріи къ югу отъ Балканъ, или, изъ-за вопроса, будетъ ли Батумъ объявленъ вольнымъ портомъ или не будетъ. Изъ-за такой разницы въ протяженіи болгарской территоріи не рѣшилась бы подвергнуться большому для нея риску войны Австро-Венгрія; изъ-за нѣсколькихъ формальныхъ словъ о Батумѣ, который и теперь все-равно можетъ быть сильно укрѣпленъ нами, не рѣшилась бы начать войну Англія. Еще одинъ изъ наиболѣе спорныхъ территоріальныхъ вопросовъ—вопросъ о возвращеніи намъ части Бессарабіи могъ быть оставленъ въ сторонѣ при заключеніи санъ-стефанскаго мира. Было ли безусловнымъ „вопросомъ че-

сти“ возвращеніе намъ клочка, отнятаго у Россіи трактатомъ 1856 года? Едва-ли, когда Россія получала такое удовлетвореніе, какъ созданіе новаго славянскаго государства, признаніе независимости прочихъ христіанскихъ вассаловъ султана и, наконецъ, обширную территорію въ Малой Азіи, въ сравненіи съ которою возстановленіе прежней бессарабской границы—довольно незначительно. Или наша внѣшняя политика поставила себѣ неизмѣннымъ принципомъ правило, что квадратная верста, однажды принадлежавшая Россіи, и хотя бы населенная національностью, которая тяготѣетъ къ иному государству, не можетъ уже никогда быть уступаема Россіею, а въ случаѣ уступки вынужденной, должна быть впослѣдствіи возвращаема всевозможными пожертвованіями со стороны русскаго народа, какъ бы ничтожна она ни была сама по себѣ? Но это правило противорѣчило бы политической практикѣ всего міра. Такъ, сама Англія вовсе не стремится къ покоренію вновь своихъ прежнихъ колоній въ Америкѣ, она же добровольно уступила Іоническіе острова Греціи, Сардинія уступила Франціи Ниццу и Савойю подъ условіемъ объединенія остальной Италіи. Сама Россія дѣлала не разъ территоріальныя уступки, и послѣднимъ такимъ примѣромъ была уступка ею Америкѣ русскихъ американскихъ колоній. Между тѣмъ, если послушать нѣкоторыхъ, то вопросъ объ исправленіи бессарабской границы представлялъ во всемъ этомъ дѣлѣ единственный безусловно-рѣшенный въ сознаніи Россіи вопросъ, — „вопросъ чести“. Слѣдуя этому разсужденію, должно, стало-быть, допустить, что Россія могла бы пожертвовать славянами, внявшими ея слову, возвратить, напр., Болгарію по Дунай и это не нарушало бы „чести“, а такимъ нарушеніемъ представлялся бы исключительно отказъ отъ возвращенія намъ ничтожной полосы иноплеменнаго населенія, которое вовсе не хотѣло принадлежать Россіи.

Все это—очевидное преувеличеніе. Мы могли пріобрѣсть по санъ-стефанскому миру, да пріобрѣтаемъ и по берлинскому такую территорію, въ сравненіи съ которой настойчиво выговоренная нами полоса Бессарабіи, повторяемъ,—ничтожна. Быть можетъ, именно изъ-за этого возвращенія мы упустили нѣчто гораздо болѣе серьёзное для самой Россіи, чего мы могли бы добиться въ пользу славянъ. А между тѣмъ, возстановляя бессарабскую границу, мы только возбуждаемъ противъ себя неудовольствіе румыновъ, точно такъ, какъ каждой лишней уступкой, сдѣланной нами на-счетъ славянъ, мы возбуждаемъ ихъ неудовольствіе на насъ, ихъ недовѣріе къ намъ въ будущемъ, ослабленіе ихъ вѣры въ авторитетъ Россіи.

Итакъ, по нашему мнѣнію, санъ-стефанскій договоръ могъ быть умѣреннѣе того, чѣмъ онъ былъ сдѣланъ, но за то долженъ былъ

явиться окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла, такимъ точно, какимъ явился французскій миръ для замиренія Германіи съ Франціею. Въ такомъ случаѣ, изъ двухъ державъ, бывшихъ намъ положительно враждебными (хотя одна изъ нихъ считалась нашей союзницей), по меньшей мѣрѣ одна не рѣшилась бы объявить намъ войну изъ-за пояса отъ Балканъ до Марицы и Филиппополя, и изъ-за обѣщаній, потребованныхъ отъ насъ теперь относительно Батума. Эта держава — Австро-Венгрія. Намъ могутъ возразить, что это — личное наше предположеніе. Нѣтъ, мы укажемъ на положительный фактъ, что на условіи о возвращеніи Портѣ забалканской Болгаріи настаивали въ Берлинѣ не австрійскіе уполномоченные, а только англійскіе. Послѣдними была придумана формула рѣшенія этого вопроса, а графъ Андраши, при обсужденіи ея, въ засѣданіи конгресса 22-го іюня, объявилъ только, что Австрія имѣетъ единственно въ виду прочность создаваемаго въ европейской Турціи порядка и „принимаетъ“ предложеніе Англіи относительно южной границы Болгаріи. Даже къ такому, умѣренному отзыву въ этомъ вопросѣ, гр. Андраши былъ непосредственно побужденъ прямымъ приглашеніемъ предсѣдателя конгресса—высказать мнѣніе Австріи; до тѣхъ поръ онъ молчалъ, когда въ засѣданіи 22-го іюня обсуждалось это дѣло. Чтó бы ни говорилъ теперь лордъ Биконсфильдъ съ цѣлью подготовленія парламентскихъ выборовъ въ своей странѣ, австро-венгерское правительство не могло не понимать, что серьёзнымъ оплотомъ противъ наступленія русскихъ войскъ можетъ быть только рѣка Дунай, а не „нижніе склоны Балкановъ“, особенно когда въ составъ болгарскаго княжества долженъ войти софійскій санджакъ, тотъ самый, который открылъ намъ дорогу къ Филиппополю.

Еще менѣе могла Австро-Венгрія рѣшиться на войну съ Россіей изъ-за нѣкоторыхъ условій, относящихся къ Батуму, къ судьбѣ котораго эта держава равнодушна. Вопросы для Австріи близкіе, это были—вопросы о расширеніи Сербіи и Черногоріи, о судьбѣ Босніи и Герцеговины. Между тѣмъ, въ отношеніи западныхъ областей Турціи санъ-стефанскій трактатъ и утверждалъ наиболѣе умѣренныя наши требованія: Сербіи мы предоставили мало, Черногоріи—больше, чѣмъ оказались въ силахъ дать ей, но и это, можетъ быть, было ошибкой. Противъ вступленія австрійскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину Россія съ самаго начала ничего не имѣла; передъ началомъ войны она даже сама приглашала Австрію къ такому шагу.

Итакъ, есть основанія предполагать, что если бы мы выказали болѣе умѣренности при заключеніи санъ-стефанскаго мира, если бы мы тѣмъ трактатомъ установили для княжества болгарскаго границу по р. Марицу и округъ Филиппополя, не преувеличивали бы возна-

гражденія для Черногоріи, отказались бы въ Азіи отъ Баязета, который намъ не нуженъ, и отъ саганлугскаго хребта, который могъ быть нуженъ намъ развѣ для новаго наступленія, но вовсе не для защиты,—то при этихъ условіяхъ мы могли дать санъ-стефанскому трактату смыслъ окончательнаго, и затѣмъ рѣшительно выжидать войны, которую бы объявила намъ Англія безъ участія Австро-Венгріи. Такой войны *не было бы* изъ-за вопроса о Марицѣ или объявленія Батума вольнымъ портомъ, какъ не было ея ранѣе, изъ-за вопросовъ гораздо болѣе важныхъ для Англіи: изъ за-тѣхъ фактовъ, что Россія объявила Турціи войну, что русскіе войска перешли Дунай, и потомъ Балканы и что предъ ними была открыта дорога въ Константинополь.

Но этого сдѣлано не было. Мы задались, къ сожалѣнію, такой мыслью, что санъ-стефанскій договоръ долженъ былъ представлять максимумъ нашихъ требованій, а не дѣйствительное рѣшеніе вопроса; что санъ-стефанскій трактатъ долженъ былъ только представлять цѣну, которую мы запросимъ; что впереди предстоитъ неизбѣжность торговаться, такъ какъ первоначальная умѣренность съ нашей стороны не предотвратила бы неизбѣжность войны съ Англіею и Австріею, если бы мы не сдѣлали впослѣдствіи уступокъ на непосредственныя ихъ требованія. Только при такомъ взглядѣ и могло возникнуть убѣжденіе, что въ Санъ-Стефано мы должны запросить возможно-много, столько, сколько мы не могли бы взять себѣ по положенію нашихъ внутреннихъ силъ, но столько, чтобы намъ можно было сдѣлать съ этой цѣны значительныя сбавки впослѣдствіи. Иначе, какъ объяснить то обстоятельство, что санъ-стефанскій договоръ давалъ доступъ вліянію Россіи до Эгейскаго моря и дробилъ Турцію на части, неимѣвшія одна съ другой сухопутнаго сообщенія? Намъ возразили впослѣдствіи, что это было бы равносильно фактическому уничтоженію турецкой имперіи въ Европѣ, и мы не могли не сознавать этого сами впередъ. По всей вѣроятности мы знали, что *этого* не допустятъ ни Англія, ни Австрія, хотя бы имъ пришлось стращать насъ неминуемой войной. Но, надо полагать, мы знали равномѣрно, что настаивать всѣми силами на осуществленіи условій санъ-стефанскаго мира мы не будемъ, и что эти условія и опредѣлены въ такомъ размѣрѣ, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать сходную уступку. Вотъ почему можно предполагать, что санъ-стефанскій договоръ въ данномъ ему видѣ не могъ быть окончательнымъ, а потому ему и придано было значеніе „предварительнаго", хотя на самомъ дѣлѣ предварительныя условія мира были уже подписаны гораздо раньше.

Но если таково было назначеніе санъ-стефанскаго трактата по мысли самой русской дипломатіи, то нечего удивляться, что изъ него сдѣланы впослѣдствіи уступки; въ такомъ предположеніи онъ и былъ предназначенъ къ тому, чтобы изъ него были сдѣланы уступки. Между тѣмъ такой планъ дѣйствій уже, стало-быть, велъ прямо къ нѣкоторому дипломатическому пораженію. Всякая уступка Россіи противъ трактата, ратификованнаго ея кабинетомъ, должна была, до нѣкоторой степени, представляться пораженіемъ. Чѣмъ больше была сознательно преувеличенная вначалѣ цѣна, чѣмъ существеннѣйшія должны были послѣдовать уступки, тѣмъ болѣе приносилось въ жертву самолюбіе Россіи, — тѣмъ бо̀льшій тріумфъ приготовлялся для ея враговъ.

Нельзя не пожалѣть, что избранъ былъ этотъ путь. Запрашивая слишкомъ много, мы тѣмъ самымъ, во-первыхъ, создавали неизбѣжность значительнаго измѣненія санъ-стефанскаго трактата, то-есть кажущагося неуспѣха для нашей дипломатіи, а во-вторыхъ,—такую солидарность между Англіею и Австріею, какой могло не быть, если бы первоначальныя требованія наши были умѣреннѣе. Австрія стала поддерживать Англію въ отказѣ отъ участія въ конгрессѣ, въ случаѣ если всѣ пункты санъ-стефанскаго договора не будутъ подвергнуты его обсужденію. Отсюда для насъ явилась необходимость какъ-бы „ухаживать" за державами, стараясь склонить ихъ къ участію въ конгрессѣ, — добиваться, чтобы осуществился конгрессъ, который долженъ былъ потребовать отъ насъ уступокъ. Естественно, что, при такой постановкѣ дѣла, мы могли быть побуждены въ Берлинѣ къ такимъ уступкамъ, которыя превзошли наши ожиданія. Запросивъ сперва болѣе того, что мы дѣйствительно могли получить, мы получили впослѣдствіи меньше, чѣмъ считали необходимымъ.

Итакъ, берлинскій трактатъ несомнѣнно представляетъ для насъ большой неуспѣхъ по сравненію съ тѣмъ, чего мы фактически потребовали санъ-стефанскимъ договоромъ. Но въ какой мѣрѣ онъ представляетъ неуспѣхъ для насъ по отношенію къ тому, чего мы могли достигнуть при дѣйствительномъ состояніи нашихъ силъ, во-первыхъ, и принятыхъ нами на себя обязательствъ по отношенію къ славянамъ,—во-вторыхъ? — вотъ въ сущности главный вопросъ, на который слѣдуетъ себѣ отвѣтить.

Пріобрѣтенія наши въ азіатской Турціи столь значительны, что Россія совершенно можетъ удовольствоваться ими. Очевидно, не стоило весть войны съ Англіею и Австріею (предполагая ихъ союзъ) для того, чтобы удержать Баязетъ, не давать Батуму условій вольнаго порта или утвердиться на Саганлугѣ, который намъ вовсе не

нуженъ для оборонительныхъ цѣлей. Затѣмъ — въ Европѣ. Черногорію мы увеличили не втрое почти, какъ предполагали, но почти вдвое; Сербіи мы доставили приращеніе не меньшее того, какое предполагали. Исправленія нашей бессарабской границы съ вознагражденіемъ Румыніи Добруджею мы добились. Дунайская линія крѣпостей противъ насъ болѣе не существуетъ: Виддинъ, Рущукъ и Силистрія входятъ въ составъ болгарскаго княжества, также какъ и Варна съ Шумлою. Затѣмъ, для обхода линіи Балканъ, въ случаѣ новой войны, мы имѣемъ путь, ведущій отъ Шумлы на Адріанополь (путь Дибича) и путь отъ Софіи на Филиппополь (путь Гурко). На этомъ пути даже Самако̀во въ рукахъ союзнаго намъ болгарскаго княжества. Недостаетъ здѣсь только Ихтимана. Турецкій уполномоченный, Мехеметъ-Али-паша, пытался объяснить уступку софійскаго санджака неважностью его въ стратегическомъ отношеніи, когда Ихтиманъ остается въ рукахъ турокъ и можетъ быть еще болѣе укрѣпленъ. Но это называется — „faire bonne mine au mauvais jeu". Конечно, дальній обходъ Балканъ съ запада, черезъ Софію, не можетъ достигнуть цѣли, если одновременно не производится наступленіе съ сѣвера — отъ Габрова или Шумлы — на Адріанополь. Но при совмѣстномъ движеніи чрезъ Софію и изъ Шумлы, въ обходъ Сливна и Шипки, турецкія позиціи на Ходжа-Балканѣ не защитятъ Адріанополя. Что касается въ частности Ихтимана, какъ преграды на софійско-филиппопольскомъ пути, то напомнимъ также, что взятіе Ихтимана было рѣшено въ минувшую войну аттакою съ тыла, то-есть обходомъ его.

Далѣе, мы создали самостоятельное княжество болгарское, которое больше Сербіи, даже послѣ увеличенія послѣдней. Независимость Сербіи, Румыніи, Черногоріи признана теперь Портою, а независимость Болгаріи составляетъ только вопросъ времени. Если вспомнимъ, что на константинопольской конференціи Россія соглашалась удовлетвориться одной административной автономіей для всей Болгаріи, то созданіе болгарскаго княжества представляетъ, конечно, большой успѣхъ. Но здѣсь мы и приблизились къ „больному мѣсту" послѣдовавшаго нынѣ рѣшенія вопроса. Половина Болгаріи—не освобождена. Часть ея осталась даже безъ всякихъ обезпеченій; другая часть, подъ названіемъ восточной Румеліи, получаетъ ту самую „административную автономію", съ христіанскими губернаторами, которою мы довольствовались на константинопольской конференціи для бо̀льшей части болгарской территоріи; разница та, что трактатъ указываетъ назначеніе христіанскаго „генералъ-губернатора" для восточной Румеліи. Эта провинція должна какъ-бы служить переходомъ къ самостоятельной Болгаріи, управляемой княземъ. Самое назначе-

ніе генералъ-губернатора обставлено условіями: онъ назначается Портою съ согласія державъ, на пять лѣтъ. Но все-таки мы не освободили значительную часть болгарской территоріи, занятой русскими войсками. Мы возвращаемъ подъ непосредственную власть султана такія мѣстности, какъ Казанлыкъ, Эски-Загра, Филиппополь, бывшія свидѣтельницами страшнѣйшихъ звѣрствъ турокъ и подвиговъ русскихъ войскъ. Хотя отмежеваніе Шипки къ восточной Румеліи и не опредѣлено трактатомъ, который назначаетъ границу въ этомъ мѣстѣ— „по главной цѣпи большого Балкана", но въ той же статьѣ (II) оговорено, что европейская коммиссія разграниченія „приметъ во вниманіе необходимость для е. в. султана быть въ состояніи защитить границы Балканъ въ восточной Румеліи"; стало быть, вѣроятно и фортъ св. Николая, прославившійся защитою Радецкаго и деревня Шипка, знаменитая плѣненіемъ цѣлой турецкой арміи, будутъ заняты турецкимъ гарнизономъ. Вотъ, повторяемъ, самое „больное мѣсто" берлинскаго трактата. Даже стратегическое значеніе нашего отказа отъ включенія восточной Румеліи въ болгарское княжество не такъ велико, какъ возможныя послѣдствія его для самихъ болгаръ и для нравственнаго авторитета Россіи среди славянъ вообще. Несмотря на административную автономію, повтореніе рѣзни въ болгарской области, доступной для турецкихъ хотя бы регулярныхъ войскъ, остается возможнымъ, даже вѣроятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ— является и вѣроятность новой войны. Не можетъ быть сомнѣнія, что восточная Румелія будетъ тяготѣть къ свободной Болгаріи, что въ болгарской провинціи, оставшейся подъ турецкимъ управленіемъ, будетъ развиваться сильная пропаганда для сверженія турецкаго ига. Досел для такой пропаганды не было центра, так какъ не существовало ни клочка свободной болгарской земли. Теперь будетъ иначе, а это обстоятельство можетъ подать поводъ къ возмущеніямъ и ихъ послѣдствіямъ: новой рѣзнѣ въ восточной Румеліи и новой войнѣ.

Что касается авторитета Россіи среди славянъ, то оставленіе половины болгарской земли въ рукахъ турокъ, въ видѣ уступки давленію со стороны прочихъ державъ, послѣ того, какъ мы вводили во всей Болгаріи гражданское управленіе „навсегда", не можетъ произвесть благопріятныхъ результатовъ. Положимъ, лордъ Биконсфильдъ преувеличивалъ размѣры болгарскихъ областей, оставленныхъ въ рукахъ турокъ, когда въ своей рѣчи 6/18 іюля въ палатѣ лордовъ утверждалъ, что „новое княжество по величинѣ территоріи и численности населенія, сокращено на цѣлыхъ двѣ-трети противъ того, что было предположено (contemplated) санъ-стефанскимъ трактатомъ". Но вѣдь если мы уступили и не двѣ-трети, а только половину, то уступка все-таки значительна. Между тѣмъ, если бы требованія санъ-

стефанскаго трактата не были преувеличены, если бы въ томъ трактатѣ границы болгарскаго княжества были проведены примѣрно такъ, какъ очерчены теперь границы княжества и восточной Румеліи, вмѣстѣ взятыхъ, и если бы возвращеніе турецкой Бессарабіи не было сдѣлано непремѣннымъ условіемъ, то очень могло быть, что Англія и Австрія не рѣшились бы на войну изъ-за санъ-стефанскаго трактата, который и осуществилъ бы главную, во всякомъ случаѣ, цѣль бывшей войны: созданіе свободной Болгаріи.

Другой пунктъ, чувствительный для нашего самолюбія, представляется предоставленіемъ острова Кипра—Англіи. Но, несмотря на огромное значеніе, какое придается занятію его англичанами въ рѣчахъ англійскихъ министровъ и въ западно-европейской печати вообще, конвенція 4 іюня между Турціею и Англіею чувствительнѣе для нашего самолюбія, чѣмъ для прямыхъ нашихъ интересовъ. Наше самолюбіе могло быть затронуто такимъ фактомъ, что въ то самое время, когда между нашими дипломатами и лордомъ Сольсбери заключено было соглашеніе относительно главныхъ пунктовъ, подлежавшихъ дальнѣйшему обсужденію на конгрессѣ, когда пренія конгресса облегчались такимъ образомъ посредствомъ откровенной сдѣлки между спорными интересами двухъ кабинетовъ, въ это самое время совершалась г. Лейярдомъ въ Константинополѣ продѣлка, совершенно помимо нашего вѣдѣнія, и продѣлка эта была обнаружена уже при концѣ конгресса, когда всѣ уступки были сдѣланы нами, безъ знанія о существованіи англо-турецкой конвенціи.

Но вопросы самолюбія—вопросы преходящіе. Сверхъ того, въ настоящемъ случаѣ еще болѣе русскаго самолюбія было задѣто самолюбіе Франціи и Италіи, союзницъ Англіи, береговыхъ державъ Средиземнаго моря,—державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ Суэзскомъ каналѣ, вблизи котораго лежитъ Кипръ. Къ тому же, сардинскій король, до избранія его королемъ Италіи, носилъ титулъ короля кипрскаго.

Но прочны только вопросы о реальныхъ интересахъ. Кипръ въ англійскихъ рукахъ вовсе не угрожаетъ реальнымъ интересамъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Если бы Батумъ имѣлъ обширный портъ или Россія имѣла бы финансовыя средства для созданія тамъ обширнаго порта, если бы, сверхъ того, русская промышленность и торговля были такъ могущественны, чтобы притянуть къ Россіи чрезъ Батумъ весь мало-азіатскій, персидскій и остъ-индскій транзитъ, въ такомъ случаѣ устройство на Кипрѣ англійскаго склада, вблизи котораго прошла бы желѣзная дорога по долинѣ Евфрата, наносило бы намъ ущербъ. Но ни мы изъ Батума не сдѣлаемъ ничего важнаго въ коммерческомъ отношеніи, ни англичане изъ Кипра, если только они не

рѣшатся на громаднѣйшія строительныя издержки на Кипрѣ и на правительственную гарантію евфратской желѣзной дороги. Батумскій портъ малъ, а на Кипрѣ и вовсе нѣтъ сколько-нибудь удобнаго порта. Въ военномъ же отношеніи что́ можетъ значить для насъ пребываніе англійскихъ войскъ на Кипрѣ? Отъ Мальты англійскій флотъ и англійскія войска могли явиться къ Дарданелламъ въ два дня; отъ Кипра, положимъ, менѣе чѣмъ въ сутки: разница не велика. Правда, занятіе Кипра выставляется лордомъ Биконсфильдомъ спеціально какъ преграда, поставленная дальнѣйшему расширенію русскихъ владѣній въ Малой Азіи, а лордомъ Сольсбери (въ рѣчи его въ верхней палатѣ, 6-го (18-го же) іюля—какъ обезпеченіе для Остъ-Индіи. Но у насъ никогда и рѣчи не было о пріобрѣтеніяхъ въ Малой Азіи далѣе Арменіи, далѣе Эрзерума; никогда мы не помышляли доходить до Стамбула малоазіатскимъ путемъ. Столь же мало англичане могутъ разсчитывать со Средиземнаго моря дѣйствовать противъ Карса. Что касается Индіи, то вѣдь не изъ Батума же мы можемъ пойти на Индію, и потому не понятно, почему занятіе Кипра англичанами выставляется какъ удачный противовѣсъ пріобрѣтенію нами Батума. Ближайшіе пути къ Индіи лежатъ отъ нашей южной среднеазіатской границы. Для нихъ Кипръ не имѣетъ значенія. Затѣмъ, есть еще путь чрезъ Персію, но онъ пролегаетъ не по долинѣ Евфрата, а отъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, и первый этапъ на немъ—Астрабадъ. Англичане всегда высказывали крайнюю щекотливость ко всякому движенію нашему въ этомъ направленіи, вблизи персидской границы. Но неужели же можно изъ Кипра, чрезъ пустыни Месопотаміи, пресѣкать намъ этотъ путь?

Между тѣмъ Англія приняла на себя обязательства весьма тяжелыя. Успѣхъ ея, насколько ей удалось уменьшить авторитетъ Россіи, несомнѣненъ. Но за то, вмѣсто возможно-прочнаго мира, годнаго лѣтъ на двадцать, она создала только перемиріе. Возстаніе въ восточной Румеліи едва ли отсрочится на 20 лѣтъ. Пріобрѣтеніе же Кипра и обязательство защищать малоазіатскую территорію Турціи слѣдуетъ признать важными ошибками. Для лишней военной станціи нужны лишнія войска, которыхъ у Англіи немного, для созданія на Кипрѣ обширнаго военнаго порта, укрѣпленій и складовъ, и для гарантіи по евфратской желѣзной дорогѣ нужны такія колоссальныя затраты, на которыя едва ли согласится парламентъ. Безъ нихъ же—занятіе Кипра ничего не даетъ, а обязательство защищать малоазіатскія владѣнія султана противъ Россіи покажется впослѣдствіи торговой Англіи—тяжкимъ дамокловымъ мечомъ, вѣчно висящимъ на волоскѣ, надъ ея головою. Доселѣ британская дипломатія избѣгала хотя бы однимъ словомъ связать себя въ отношеніи ка-

кого-либо шага къ поддержкѣ цѣлости турецкой имперіи. Теперь она вдругъ приняла на себя формальное, безусловное обязательство въ этомъ. Не трудно предвидѣть, что дѣловой Англіи вскорѣ надоѣстъ вѣчное сознаніе тягости того пріобрѣтенія и того опаснаго обязательства, которыя теперь представляются ей геніальнымъ дѣломъ лорда Биконсфильда. Гладстонъ сталъ непопуляренъ вслѣдствіе своей уступчивости; естественно, что лордъ Биконсфильдъ пріобрѣлъ большую популярность своей дипломатической побѣдой. Онъ воспользовался ею для распущенія парламента, разсчитывая на избраніе консервативной палаты, которая продлитъ господство тори еще на семь лѣтъ. Быть можетъ, это и удастся; но разочарованіе для англійскаго общества наступитъ ранѣе семи лѣтъ. Оно проявится, когда удовлетворенное самолюбіе замолчитъ, а на каждое Рождество торговые люди, заключая свои книги и считая свои барыши, должны будутъ спрашивать себя: въ наступающемъ году не обязаны ли мы будемъ весть войну съ Россіею гдѣ-нибудь въ глубинѣ Малой-Азіи? Лордъ Дёрби высказалъ даже увѣренность, что не далѣе какъ чрезъ два года, когда „придется платить по счету (when the bill comes in for payement) англійскій народъ сочтетъ глупымъ принятое отъ его имени обязательство.

Нѣчто въ томъ же родѣ слѣдуетъ сказать о занятіи Босніи и Герцеговины австро-венгерскими войсками. Если оно будетъ временное (хотя срокъ его не ограниченъ), то оно не доставитъ Австріи выгодъ. Если оно обратится въ завладѣніе, то это, конечно, будетъ пріобрѣтеніемъ для имперіи Габсбурговъ, но пріобрѣтеніе слишкомъ дорогое: пріобрѣтая двѣ славянскія области съ согласія князя Бисмарка, Австрія тѣмъ самымъ выдаетъ ему вексель на свои нѣмецкія области, а Венгрія идетъ къ паденію своей равноправности. Что касается Россіи, то, какъ объяснилъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Великобританіи, лордъ Дёрби, вступленіе австрійцевъ въ Боснію и Герцеговину было условлено между тремя имперіями еще три года тому назадъ. Стало быть, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго для Россіи, хотя онъ, конечно, не увеличитъ ея авторитета между славянами. Не этимъ Австрія выказала себя врагомъ Россіи, а тѣмъ образомъ дѣйствій, какому она слѣдовала во все время переговоровъ до конгресса и на немъ. Союзъ трехъ имперій уже не существуетъ, и этотъ результатъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ, о которомъ мы напомнили выше, именно, что въ союзѣ съ Германіею и Австріею Россія не можетъ достигнуть благопріятнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Берлинскимъ трактатомъ она достигла гораздо менѣе того, чего могла достигнуть безъ него; одна изъ участницъ союза не сдѣлала всего, что̀ могла сдѣлать, въ пользу

Россіи; другая сдѣлала все, что могла, противъ Россіи. Казалось бы, выводъ изъ этого для дальнѣйшей нашей политики довольно ясенъ: мы должны или отказаться отъ рѣшенія восточнаго вопроса, или имѣть въ виду рѣшеніе его при иной комбинаціи.

ТЕКСТЪ БЕРЛИНСКАГО ТРАКТАТА.

Во имя Бога Всемогущаго. Его величество Императоръ Всероссійскій, его величество Императоръ Германскій, Король Прусскій, его величество Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и пр. и Апостолическій Король Венгріи, Президентъ Французской республики, ея величество Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи, его величество Король Италіи и его величество Императоръ Оттомановъ, желая разрѣшить, въ смыслѣ европейскаго строя, согласно постановленіямъ парижскаго трактата 30-го марта 1856 года, вопросы, возбужденные на Востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войною, окончившеюся санъ-стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ, единодушно были того мнѣнія, что созваніе конгресса представляло бы наилучшій способъ для облегченія ихъ соглашенія.

Вслѣдствіе сего, вышепоименованныя величества и президентъ французской республики назначили своихъ уполномоченныхъ (слѣдуютъ полные титулы уполномоченныхъ. Уполномоченными были отъ Россіи: канцлеръ князь *Горчаковъ*, генералъ-адъютантъ графъ *Петръ Шуваловъ* и дѣйств. тайн. совѣтникъ *Убри;* отъ Германіи: князь *Бисмаркъ*, г. *Бюловъ* и князь *Гогенлоэ;* отъ Австро-Венгріи: графъ *Андраши*, графъ *Карольи* и баронъ *Хеймерле;* отъ Франціи: г. *Ваддингтонъ*, графъ *де-Сенъ-Валье* и г. *Депре;* отъ Великобританіи: графъ *Биконсфильдъ*, маркизъ *де-Сольсбери* и лордъ *Одо Россель;* отъ Италіи: графы *Корти* и *де-Лонне;* отъ Турціи: *Каратеодори-паша*, *Мегемедъ-Али-паша* и *Садулла-бей)* — кои, вслѣдствіе предложенія австро-венгерскаго двора и по приглашенію германскаго двора, собрались въ Берлинѣ, снабженные полномочіями, найденными въ надлежащей и установленной формѣ.

Вслѣдствіе счастливо-установившагося между ними согласія, они постановили нижеслѣдующія условія:

Статья I. Болгарія образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ его императорскаго величества Султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію.

Ст. II. Болгарское княжество будетъ заключать въ себѣ нижеслѣдующія территоріи:

Граница слѣдуетъ на сѣверѣ по правому берегу Дуная, начиная отъ старой границы Сербіи до пункта, который будетъ опредѣленъ европейскою коммиссіею къ востоку отъ Силистріи и оттуда направляется къ Черному морю, на югъ отъ Мангаліи, которая присоединяется къ румынской территоріи. Черное море образуетъ восточную границу Болгаріи. На югъ граница поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся деревни Ходжа-Кіой, Селамъ-Кіой, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ; пересѣкаетъ косвенно долину Дели-Камчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгалика и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ 2½ километрахъ выше Ченгея; достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа и слѣдуетъ по оному чрезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Граница эта продолжается по главной цѣпи Большого-Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица.

Здѣсь она оставляетъ хребетъ Балкана, спускается къ югу между деревнями Тиртопъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріею, а вторая—за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-Дере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до соединенія ея съ Смовскіо-Дере близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскіо-Дере и Каменица, слѣдуя по линіи водораздѣла; затѣмъ на высотѣ Войньяка поворачиваетъ къ юго-западу и достигаетъ по прямому направленію пункта 875, обозначеннаго на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи и верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ линіи водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы между Чамурлы и Гаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи, по вершинамъ Велика-Могилы чрезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатица и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадиръ-тепе.

Отъ Чадиръ-тепе граница, направляясь къ юго-западу, слѣдуетъ по линіи водораздѣла между бассейнами Места Карасу съ одной стороны и Струма Карасу—съ другой, пролегаетъ по гребнямъ Родопскихъ горъ, называемыхъ Демиръ-Капу, Искофтепе, Кадимесаръ-Балканъ и Аджи Гедюкъ до Капетникъ-Балкана и сливается такимъ образомъ съ прежнею административною границею Софійскаго санджака.

Отъ Капетникъ-Балкана граница обозначается линіею водораздѣла между долинами Рыльска-рѣка и Бистрица-рѣка и слѣдуетъ по отрогу, называемому Воденица-Планина, спускается въ долину Струмы при сліяніи этой рѣки съ Рыльска-рѣкою, оставляя деревню Баракли за Турціею. Она поднимается за симъ къ югу отъ деревни Іелешница, достигаетъ по кратчайшей линіи цѣпи горъ Голема-Планина у вершины Гитка и тутъ примыкаетъ къ прежней административной гра-

ницѣ Софійскаго санджака, оставляя, однако, за Турціею весь бассейнъ Сухой-рѣки.

Отъ горы Гитка западная граница направляется къ горѣ Црни-Врхъ по горамъ Карвена-Ябука, слѣдуя по старой административной границѣ Софійскаго санджака, въ верхнихъ частяхъ бассейновъ Егрису и Лепницы достигаетъ вмѣстѣ съ нею гребней Бабиной поляны и оттуда горы Црни-Врхъ.

Отъ горы Црни-Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмою и Моравою по вершинамъ Стрешера-Вилоголо и Машидъ-Планина, далѣе чрезъ Гасину, Црна-Трава, Дарковска и Драйница-Планина и чрезъ Дешчани-Кладанецъ достигаетъ водораздѣла Верхняго-Суково и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь оттуда, пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1,000 метровъ къ сѣверу-западу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину и оттуда на гору Радочина, въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкинци, а за Болгаріею деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина граница направляется къ западу по гребню Балканскихъ горъ чрезъ Чипровецъ-Балканъ и Стара-Планина до прежней восточной границы сербскаго княжества возлѣ Кулы-Смиліева-Чука и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Это разграниченіе будетъ установлено на мѣстѣ европейскою коммиссіею, въ которой державы, подписавшія трактатъ, будутъ имѣть своихъ представителей. Само-собою разумѣется:

1. Что эта коммиссія приметъ во вниманіе необходимость для его величества Султана быть въ состояніи защитить границы Балканъ въ Восточной Румеліи.

2. Что въ районѣ 10 километровъ вокругъ Самакова не могутъ быть воздвигаемы укрѣпленія.

Ст. III. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ не можетъ быть избираемъ княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется не замѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Ст. IV. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Терновѣ, выработаетъ, до избранія князя, органическій уставъ княжества.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгары перемѣшаны съ населеніями турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава.

Ст. V. Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала:

Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публич-

нымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Ст. VI. Временное управленіе Болгаріи до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи будетъ находиться подъ руководствомъ россійскаго императорскаго коммиссара. Для содѣйствія ему съ цѣлію наблюденія за ходомъ временнаго управленія будутъ призваны и императорскій оттоманскій коммиссаръ, консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ императорскимъ россійскимъ коммиссаромъ или съ императорскимъ оттоманскимъ коммиссаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе.

Ст. VII. Временное управленіе не можетъ быть продолжено долѣе срока девяти мѣсяцевъ со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата.

Когда органическій уставъ будетъ оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію князя Болгаріи. Какъ только князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе. Княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіею.

Ст. VIII. Трактаты о торговлѣ и судоходствѣ, а равно всѣ конвенціи и отдѣльныя соглашенія, заключенныя между иностранными державами и Портою и нынѣ дѣйствующія, сохраняютъ свою силу въ Княжествѣ Болгаріи и въ нихъ не будетъ сдѣлано никакого измѣненія по отношенію къ какой бы то ни было державѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія съ ея стороны.

Никакихъ транзитныхъ пошлинъ не будетъ взиматься въ Болгаріи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ княжество.

Подданные и торговля всѣхъ державъ будутъ пользоваться въ ней совершенно одинаковыми правами.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства, въ той мѣрѣ, какъ онѣ были установлены капитуляціями и обычаями, останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

Ст. IX. Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарское Княжество будетъ платить верховному правительству, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ въ послѣдствіи времени Блистательной Портой, будетъ опредѣленъ по соглашенію между державами, подписавшими настоящій трактатъ къ концу перваго года дѣйствія новаго управленія. Эта дань будетъ исчислена по разсчету средней доходности княжества.

Болгарія будетъ обязана нести на себѣ часть государственнаго долга имперіи; державы при опредѣленіи дани примутъ въ разсчетъ

ту часть долга, которая должна будетъ пасть на долю Княжества по справедливому распредѣленію.

Ст. X. Болгарія заступаетъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-варнской желѣзной дороги со времени обмѣна ратификацій настоящаго трактата. Сведеніе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ Княжества и управленіемъ этого общества.

Равнымъ образомъ Болгарское Княжество заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ, Блистательную Порту въ ея обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи по окончанію, соединенію и эксплуатаціи желѣзно-дорожныхъ линій, находящихся на его территоріи.

Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріею, Портою, Сербіею и Болгарскимъ Княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира.

Ст. XI. Оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ Княжества по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедленно мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ сооружать новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матеріаломъ и другими предметами, принадлежащими оттоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ войсками въ силу перемирія 31-го января, равно какъ и тѣми, которые найдутся въ крѣпостяхъ—Шумлѣ и Варнѣ.

Ст. XII. Собственники-мусульмане или другіе, которые поселятся внѣ Княжества, могутъ сохранить въ немъ свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или въ управленіе другимъ лицамъ.

На турецко-болгарскую коммиссію будетъ возложено окончательное рѣшеніе въ теченіи двухъ лѣтъ всѣхъ дѣлъ, касающихся способа отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты какъ государственными имуществами, такъ и принадлежащими духовнымъ учрежденіямъ (вакуфы), равно какъ и вопросовъ, касающихся до могущихъ быть замѣшанными въ нихъ интересовъ частныхъ лицъ.

Уроженцы Болгарскаго Княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ оттоманской имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ оттоманскимъ.

Ст. XIII. На югѣ отъ Балканъ образуется провинція, которая получитъ наименованіе „Восточной Румеліи“ и которая останется подъ непосредственною политическою и военною властью его императорскаго величества Султана на условіяхъ административной автономіи. Она будетъ имѣть генералъ-губернаторомъ христіанина.

Ст. XIV. Восточная Румелія граничитъ къ сѣверу и сѣверо-западу съ Болгаріею и вмѣщаетъ въ себѣ территоріи, заключающіяся въ слѣдующемъ очертаніи:

Начиная съ Чернаго моря пограничная линія поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся де-

ревни Хаджакіой, Селамъ-Кіёй, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ, непосредственно пересѣкаетъ долину Дели-Камчикъ, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемчаликъ и къ сѣверу отъ Хаджимахале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ 2½ километрахъ выше Ченгея, достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа, и слѣдуетъ по немъ черезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Она продолжается по главной цѣпи Большого Балкана и слѣдуетъ по всему протяженію до вершины Косица.

Въ этомъ мѣстѣ западная граница Румеліи оставляетъ гребень Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртопъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріею, а вторая за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-дере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до сліянія ея съ Смовскіо-Дере, близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскіо-Дере и Каменица, слѣдуя по водораздѣлу, затѣмъ на высотѣ Войньяка поворачиваетъ къ юго-западу и достигаетъ въ прямомъ направленіи пункта 875 карты австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Хаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи по вершинамъ Велика-Могилы, черезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы, и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадыръ-Тепе.

Граница Румеліи отдѣляется отъ границы Болгаріи у горы Чадыръ-Тепе, слѣдуя по водораздѣлу бассейновъ Марицы и ея притоковъ съ одной стороны и Места-Карасу и ея притоковъ—съ другой, и беретъ направленія юго-восточное и южное по гребню горъ Деспото-Дагъ къ горѣ Крушева (исходной точкѣ граничной черты санъ-стефанскаго договора).

Отъ горы Крушева граница совпадаетъ съ границей, опредѣленной санъ-стефанскимъ договоромъ, т.-е. идетъ по цѣпи Черныхъ-Балканъ (Кара-Балканы), по горамъ Кулачи-Дагъ, Эшекъ-Чепеллю, Караколасъ и Ишикларъ, откуда она спускается прямо къ юго-востоку на соединеніе съ рѣкою Ардою, по руслу которой идетъ до пункта, лежащаго близъ деревни Ада-Чали, которая остается за Турціею.

Отъ этого пункта граничная линія поднимается до гребня Бешъ-тепе-Дагъ, по которому тянется и спускается, пересѣкая Марицу въ пунктѣ, лежащемъ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паша; за симъ она направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли-Дере и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Баира, откуда идетъ на востокъ къ Сакаръ-Баиру, потомъ пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ, также какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дербента она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ, на высотѣ Кайбилара, которая остается за восточною Румеліею, проходитъ къ югу отъ В. Алмалы между бассейномъ Марицы на югѣ и

разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море, между деревнями Белевринъ и Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Восны и Сувака, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачъ-Су и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія.

Ст. XV. Его величеству Султану предоставляется право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и содержа въ нихъ войско.

Внутренній порядокъ охраняется въ Восточной Румеліи туземною стражею при содѣйствіи мѣстной милиціи.

При формированіи какъ стражи, такъ и милиціи, коихъ офицеры назначаются Султаномъ, будетъ принято во вниманіе, смотря по мѣстностямъ, вѣроисповѣданіе жителей.

Его императорское величество Султанъ обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ иррегулярныхъ войскъ, какъ-то: башибузуковъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ чрезъ область, войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ.

Ст. XVI. Генералъ-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаѣ, если бы внутреннему или внѣшнему спокойствію области угрожала какая-либо опасность. Въ данномъ случаѣ Блистательная Порта обязана поставить въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ, его вызвавшихъ.

Ст. XVII. Генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи будетъ назначаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ на пяти-годичный срокъ.

Ст. XVIII. Немедленно послѣ обмѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ назначена европейская коммиссія для разработки совмѣстно съ Портою оттоманскаго устройства Восточной Румеліи. На коммиссіи этой будетъ лежать обязанность опредѣлить въ трехъмѣсячный срокъ кругъ власти и аттрибуты генералъ-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія, внесенныя въ 8-е засѣданіе константинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румеліи послужитъ содержаніемъ для императорскаго фирмана, который будетъ обнародованъ Блистательною Портою и сообщенъ ею державамъ.

Ст. XIX. На европейскую коммиссію будетъ возложена обязанность завѣдывать вмѣстѣ съ Блистательною Портою финансами области впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Ст. XX. Трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какого бы они ни были свойства, заключенные или имѣющіе быть заключенными между Портою и иностранными державами, будутъ примѣняться въ Восточной Румеліи, какъ и во всей Оттоманской имперіи. Льготы и привилегіи, предоставленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Блистательная Порта принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области

надъ исполненіемъ общихъ законовъ имперіи относительно религіозной свободы въ примѣненіи во всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Ст. XXI. Права и обязательства Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румеліи остаются неизмѣнными.

Ст. XXII. Русскій оккупаціонный корпусъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи будетъ состоять изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій и не превзойдетъ 50,000 человѣкъ. Онъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Оккупаціонныя войска сохранятъ сообщенія съ Россіею, не только чрезъ Румынію, въ силу соглашенія, имѣющаго быть заключеннымъ между обоими государствами, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ, въ которыхъ имъ предоставлено будетъ право устроить на все продолженіе занятія необходимые склады.

Срокъ занятія Восточной Румеліи и Болгаріи императорскими россійскими войсками опредѣляется въ девять мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата.

Императорское россійское правительство обязуется окончить въ послѣдующій трехъ-мѣсячный срокъ проведеніе своихъ войскъ чрезъ Румынію и совершенное очищеніе этого Княжества.

Ст. XXIII. Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примѣненные къ мѣстнымъ потребностямъ, за исключеніемъ однако изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту, будутъ также введены и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ.

Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою въ каждой области особымъ коммиссіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе.

Проекты организацій, которые будутъ результатомъ этихъ трудовъ, будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты.

Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта посовѣтуется съ европейскою коммиссіею, назначенною для Восточной Румеліи.

Ст. XXIV. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между Блистательною Портою и Греціею не послѣдуетъ соглашенія относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ берлинскаго конгресса, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое посредничество для облегченія переговоровъ.

Ст. XXV. Провинціи Боснія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріею. Австро-венгерское правительство, не желая принять на себя управленіе Новобазарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіею и Черногоріею по направленію на юго-востокъ за Митровицу, оттоманское управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи по-прежнему. Но для того, чтобы обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать

гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части прежняго боснійскаго вилайета.

Съ этою цѣлью правительства Австро-Венгріи и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ.

Ст. XXVI. Независимость Черногоріи признается Блистательною Портою и всѣми тѣми высокими договаривающимися сторонами, которыя еще ея не признавали.

Ст. XXVII. Высокія договаривающіяся стороны условились о слѣдующемъ:

Въ Черногоріи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что̀ относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ черногорскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть дѣлаемы также какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ обществъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Ст. XXVIII. Новыя границы Черногоріи опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Граничная черта, начиная отъ Иливобрдо, къ сѣверу отъ Клобука, спускается по Требиньчицѣ къ Гранчарево, которое остается за Герцеговиною, потомъ поднимается вверхъ по теченію этой рѣки до пункта, находящагося въ разстояніи одного километра ниже сліянія Чепелицы, и оттуда достигаетъ по кратчайшей линіи высотъ, окаймляющихъ Требиньчицу. Далѣе она направляется къ Пилатову, оставляя эту деревню за Черногоріей, тянется по высотамъ въ сѣверномъ направленіи, по возможности не удаляясь больше, чѣмъ на 6 километровъ отъ дороги Билекъ-Корито-Гацко, до перевала, находящагося между Сомина-Планиною и горою Чурило; оттуда она идетъ на востокъ чрезъ Братковичи, оставляя эту деревню за Герцеговиной, до горы Орлинъ. Отъ этого мѣста граница, оставляя Равно Черногоріи, направляется прямо на сѣверо-востокъ, переходя чрезъ вершины Леберщника и Волуяка, потомъ спускается по кратчайшей линіи на Пиву, пересѣкаетъ ее и примыкаетъ къ р. Тарѣ, пройдя между Церквицею и Недвиною. Отъ этого пункта она поднимается вверхъ по Тарѣ до Мойковца, откуда тянется по гребню горнаго отрога до Шишкоезеро. Отъ этой мѣстности она сливается съ прежнею границею до дер. Шекуляре. Отсюда новая граница направляется по гребнямъ Мокрой-Планины, оставляя за Черногоріею деревню Мокра, и достигаетъ пункта 2,166 карты австрійскаго генеральнаго штаба, слѣдуя по главной цѣпи и по водораздѣлу между Лимомъ съ одной стороны и Дриномъ, а также Ціевною (Земъ), съ другой.

Далѣе пограничная черта сливается съ существующей нынѣ границею между племенемъ Кучей-Дрекаловичей съ одной стороны, Кучкою-Крайнею и племенами Клементи и Груди—съ другой, до равнины

Подгорицкой, откуда она направляется на Плавницу, оставляя за Албаніею племена Клементи, Груди и Хоти.

Отсюда новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топалъ и отъ Горица-Топалъ достигаетъ по прямому направленію вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ, оставляя Мрковичъ за Черногоріею и примыкая къ Адріатическому морю въ В. Кручи.

На сѣверо-западѣ границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шуманы и Зубцы и примыкающая къ крайнему юго-восточному пункту нынѣшней границы Черногоріи на Врмунской Планинѣ.

Ст. XXIX. Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согласно вышеизложенному разграниченію, до р. Бояны, включая Дульциньо, будутъ возвращены Турціи.

Община Спицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты Скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага.

Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибрежьемъ, на черногорской территоріи будутъ срыты, и никакія новыя не могутъ быть возводимы въ этой чертѣ.

Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ.

Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать чрезъ своихъ консуловъ покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногорія должна войти въ соглашеніе съ Австро-Венгріей касательно права постройки и содержанія дороги и рельсоваго пути чрезъ новую черногорскую территорію.

Полная свобода сообщеній будетъ обезпечена на этихъ путяхъ.

Ст. XXX. Мусульмане и другія лица, владѣющія недвижимою собственностью въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Черногоріи, которыя пожелали бы поселиться внѣ княжества, могутъ сохранить за собой свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или управляя ими при посредствѣ другихъ лицъ.

Ни у кого не можетъ быть отчуждена недвижимая собственность иначе какъ законнымъ порядкомъ, ради общественной пользы, и за предварительное вознагражденіе.

На турецко-черногорскую коммиссію будетъ возложено оконча-

тельное устройство въ трехъ-лѣтній срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи и пользованія, за счетъ Блистательной Порты, имуществъ, принадлежащихъ государству, богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфы), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ помянутыхъ дѣлахъ.

Ст. XXXI. Княжество Черногорія войдетъ въ прямое соглашеніе съ Блистательною Портою, касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополь и въ другія мѣстности Оттоманской имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ.

Черногорцы, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской имперіи, будутъ подчинены турецкимъ законамъ и властямъ, согласно общимъ принципамъ международнаго права и обычаямъ, установившимся относительно Черногорцевъ.

Ст. XXXII. Черногорскія войска будутъ обязаны очистить въ двадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата, или же прежде, буде возможно, территорію, занимаемую ими нынѣ внѣ новыхъ предѣловъ княжества.

Оттоманскія войска очистятъ уступленныя Черногоріи территоріи въ тотъ же двадцатидневный срокъ. Имъ, однако-же, будетъ данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Ст. XXXIII. Такъ какъ Черногорія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей мирнымъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ опредѣлятъ, вмѣстѣ съ Оттоманскою Портою, размѣръ этой части на справедливомъ основаніи.

Ст. XXXIV. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Сербскаго Княжества при условіяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Ст. XXXV. Въ Сербіи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что̀ относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми сербскими уроженцами, такъ и за иностранцами и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Ст. XXXVI. Сербія получаетъ территоріи, заключающіяся въ нижеслѣдующихъ границахъ:

Новая граница слѣдуетъ по нынѣшней пограничной чертѣ, поднимаясь вверхъ по руслу Дрины отъ сліянія ея съ Савой, и оставляя за княжествомъ Малый Зворникъ и Сахаръ и продолжается вдоль прежней границы Сербіи до Копаоника, отъ котораго отдѣляется на вершинѣ Канилуга. Оттуда она идетъ сначала вдоль западной границы

Подгорицкой, откуда она направляется на Плавницу, оставляя за Албаніею племена Клементи, Груди и Хоти.

Отсюда новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топалъ и отъ Горица-Топалъ достигаетъ по прямому направленію вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегу-редъ и Калимедъ, оставляя Мрковичъ за Черногоріею и примыка къ Адріатическому морю въ В. Кручи.

На сѣверо-западѣ границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шуманы и Зубцы и примыкающая къ крайнему юго-восточному пункту нынѣшней границы Черногоріи на Вршута Планинѣ.

Ст. XXIX. Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согласно вышеизложенному разграниченію, до р. Бояны, включая Дульциньо, будутъ возвращены Турціи.

Община Спицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты Скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни воен... флага.

Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи остану... крытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибреж... черногорской территоріи будутъ срыты, и никакія новыя ... быть возводимы въ этой чертѣ.

Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ ... такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ ... Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ.

Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ ... скія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны ... зывать чрезъ своихъ консуловъ покровительство чер... говому флагу.

Черно...

тельное [illegible] тью
поря[illegible] лали
тельной [illegible] во со-
[illegible] ихъ въ
[illegible]
[illegible] ательное
Ст. [illegible] порядка
съ [illegible] тательной
агент[illegible] угоднымъ
имперія [illegible] касающихся
[illegible] ми въ этихъ
имперіи [illegible]
общихъ [illegible] Сербіей, серб-
[illegible] Турецкой импе-
Ст. [illegible] вныиъ началамъ
[illegible]
[illegible] гить въ пятнадцати-
[illegible] настоящаго трактата
[illegible] Княжества.
[illegible] же пятнадцатидневный
[illegible] будетъ, однако-же, данъ
[illegible] какъ для очищенія укрѣп-
[illegible] ственныхъ и боевыхъ за-
[illegible] нарядовъ и предметовъ, не
[illegible]
Ст. [illegible] на нести на себѣ часть отто-
оттоманскаго [illegible] выя территоріи, присужденныя
[illegible] ставители державъ въ Констан-
[illegible] Портой, опредѣлять размѣръ
этой части [illegible] аніяхъ.
Ст. [illegible] щіяся стороны признаютъ незави-
[illegible] изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдую-
слѣдующихъ [illegible]
Ст. [illegible]
[illegible] іе религіозныхъ вѣрованій и испо-
либо [illegible] оводомъ къ исключенію кого-либо или
что [illegible] оспособности во всемъ томъ, что́ отно-
ми. [illegible] гражданскими и политическими, до-
отли[illegible] тіямъ, служебнымъ занятіямъ и отли-
мес[illegible] личныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ
[illegible] ости.
ва[illegible] равленіе всякаго богослуженія обезпечи-
п[illegible] енцами румынскаго государства, такъ и
[illegible] я стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ
[illegible] различныхъ религіозныхъ общинъ и въ
[illegible] ховными главами. Подданные всѣхъ дер-
[illegible], будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ
[illegible] полнымъ равенствомъ.
[illegible] умынія уступаетъ обратно Его Величеству
[illegible] му часть Бессарабской территоріи, отошед-
[illegible] жскому трактату 1856 года, ограниченную

Нишскаго санджака, по южному отрогу Капаоника, по гребнямъ Марицы и Мрдаръ-Планины, образующимъ водораздѣлъ бассейновъ Ибара и Ситницы съ одной стороны, и Топлицы—съ другой, оставляя Преполакъ за Турціей. Затѣмъ она поворачиваетъ къ югу, по водораздѣлу Брвеницы и Медведжи, оставляя весь бассейнъ Медведжи за Сербіей, идетъ по хребту Гольянъ Планины (образующему водораздѣлъ между Крива-Ріекою съ одной стороны, и Польяницей, Ветерницей и Моравой съ другой) до вершины Польяницы. Потомъ она направляется по отрогу Карнина-Планины до слiянія Коинска съ Моравой, переходитъ эту рѣку, поднимается по водораздѣлу между ручьемъ Коинска и ручьемъ, впадающимъ въ Мораву близъ Нерадовца, и достигаетъ Планины св. Иліи выше Тргвшиты. Отсюда она идетъ по гребню св. Иліи до горы Ключъ и, пройдя чрезъ означенные на картѣ пункты 1,516 и 1,547 и чрезъ Бабину Гору, примыкаетъ къ горѣ Черный Врхъ.

Начиная отъ горы Черный Врхъ новая пограничная черта сливается съ пограничною чертою Болгаріи, а именно:

Отъ горы Черный Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмой и Моравой по вершинамъ Стрешера, Вилоголо и Мешидъ-Планины чрезъ Гачину, Чрна Траву, Дарковску, Драницу-Планъ чрезъ Десхани-Кладенецъ, достигаетъ водораздѣла Верхней Суковы и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь, оттуда пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1,000 метровъ по сѣверо-западу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи, на Видличъ Планину и оттуда на гору Радочину въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкинчи, а за Болгаріей деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина, граница направляется къ сѣверо-западу по гребню балканскихъ горъ чрезъ Ципровецъ-Балканъ и Стару-Планину до прежней восточной границы сербскаго княжества, возлѣ Кулы-Смиліона-Чука, и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Ст. XXXVII. Впредь до заключенія новыхъ соглашеній въ Сербіи никакихъ измѣненій не послѣдуетъ въ нынѣ существующихъ условіяхъ коммерческихъ сношеній Княжества съ иностранными государствами.

Никакой транзитной пошлины не будетъ взиматься съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Сербію.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства останутся, какъ онѣ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія Княжества и заинтересованныхъ державъ.

Ст. XXXVIII. Княжество Сербія заступаетъ въ соотвѣтственной долѣ Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ европейской Турціи, по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными на вновь пріобрѣтенной Княжествомъ территоріи.

Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи будутъ заключены немедленно по подписаніи настоящаго трактата между Австро-Венгріею, Сербіей и Княжествомъ Болгаріей въ границахъ его компетентности.

Ст. XXXIX. Мусульмане, владѣющіе недвижимою собственностью въ присоединенныхъ къ Сербіи территоріяхъ, и которые пожелали бы избрать мѣстожительство внѣ Княжества, будутъ имѣть право сохранить въ Княжествѣ свои недвижимыя имущества, отдавая ихъ въ аренду, или же поручая управленіе ими другимъ лицамъ.

На турецко-сербскую коммиссію будетъ возложено окончательное устройство въ опредѣленный срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ государству и богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ этихъ дѣлахъ.

Ст. XL. До заключенія трактата между Турціей и Сербіей, сербскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Турецкой имперіи, будутъ пользоваться правами, согласно основнымъ началамъ международнаго права.

Ст. XLI. Сербскія войска будутъ обязаны очистить въ пятнадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата мѣстности, не включенныя въ новыя границы Княжества.

Оттоманскія войска очистятъ въ тотъ же пятнадцатидневный срокъ территоріи, уступленныя Сербіи. Имъ будетъ, однако-же, данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Ст. XLII. Такъ какъ Сербія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей настоящимъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Блистательной Портой, опредѣлятъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ.

Ст. LXIII. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Румыніи при условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Ст. XLIV. Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми уроженцами румынскаго государства, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ.

Ст. XLV. Княжество Румынія уступаетъ обратно Его Величеству Императору Всероссійскому часть Бессарабской территоріи, отошедшей отъ Россіи по парижскому трактату 1856 года, ограниченную

съ запада русломъ Прута, съ юга русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго Стамбула.

Ст. XLVI. Острова, составляющіе дельту Дуная, а также островъ Змѣиный, Тульчинскій санджакъ, вмѣщающій округа (казы) Килію, Сулину, Махмудіе, Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже, Меджидіе, присоединяются къ Румыніи. Княжество кромѣ того получаетъ территорію, лежащую на югъ отъ Добруджи до черты, начинающейся къ востоку отъ Силистріи и оканчивающейся у Чернаго моря къ югу отъ Мангаліи.

Очертаніе границы будетъ опредѣлено на мѣстѣ европейскою коммиссіею, установленною для разграниченія Болгаріи.

Ст. XLVII. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловляхъ будетъ предложенъ посредничеству европейской дунайской коммиссіи.

Ст. XLIII. Никакая транзитная пошлина не будетъ взимаема въ Румыніи съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Княжество.

Ст. XLIX. Конвенціи могутъ быть заключаемы Румыніей для установленія привилегій и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказыванія ими покровительства въ Княжествѣ. Пріобрѣтенныя права останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему согласію Княжества съ заинтересованными сторонами.

Ст. L. До заключенія трактата между Турціею и Румыніею, установляющаго привилегіи и кругъ дѣйствій консуловъ, румынскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской имперіи, оттоманскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Румыніи, будутъ пользоваться правами, обезпеченными за подданными прочихъ державъ.

Ст. LI. Во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румынія на всей уступленной ей территоріи заступитъ Блистательную Порту въ ея правахъ и обязанностяхъ.

Ст. LII. Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которой признается общеевропейскій интересъ, высокія договаривающіяся стороны постановляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ Воротъ до ея устья будутъ срыты и что новыхъ возводимо не будетъ. Никакое военное судно не можетъ впредь плавать по Дунаю внизъ отъ Желѣзныхъ Воротъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Стаціонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ однако подниматься до Галаца.

Ст. LIII. Европейская дунайская коммиссія, въ коей Румынія будетъ имѣть представителя, сохраняетъ свой кругъ дѣйствій, который отнынѣ распространяется до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей. Всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ подтверждаются.

Ст. LIV. За годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности европейской коммиссіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или касательно объ измѣненіяхъ, которыя они признаютъ необходимыми сдѣлать.

Ст. LV. Правила о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца будутъ выработаны европейскою ком-

миссіею при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ и будутъ согласованы съ тѣми, которыя были или будутъ изданы для участка рѣки внизъ отъ Галаца.

Ст. LVI. Европейская дунайская коммиссія войдетъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ соглашеніе для обезпеченія содержанія маяка на Змѣиномъ островѣ.

Ст. LVII. Выполненіе работъ къ устраненію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя Ворота и пороги, поручается Австро-Венгріи. Прибрежныя государства этой части рѣки окажутъ всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ.

Постановленія 6-й статьи лондонскаго договора 13-го марта 1871 года касательно права взиманія временной таксы для покрытія расходовъ по выполненію вышеозначенныхъ работъ остаются въ силѣ въ пользу Австро-Венгріи.

Ст. LVIII. Блистательная Порта уступаетъ Россійской имперіи въ Азіи территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ портомъ послѣдняго, равно какъ и всѣ территоріи, заключающіяся между прежнею русско-турецкою границею и слѣдующею пограничною чертою:

Новая граница, направляясь отъ Чернаго моря, согласно пограничной линіи, опредѣленной санъ-стефанскимъ договоромъ, до пункта къ сѣверо-западу отъ Хорды и къ югу отъ Артвина, продолжается по прямой линіи до рѣки Чоруха, пересѣкаетъ эту рѣку и проходитъ къ востоку отъ Ашмишена, слѣдуя по прямой линіи къ югу, на соединеніе съ русскою границею, обозначенною въ санъ-стефанскомъ договорѣ, въ пунктѣ на югъ отъ Наримана, оставляя городъ Ольти за Россіею. Отъ пункта, обозначеннаго близъ Наримана, граница поворачиваетъ къ востоку, проходитъ чрезъ Тебренекъ, остающійся за Россіей, и доходитъ до Пенекъ-Чая.

Она идетъ по этой рѣкѣ до Бардуза, потомъ направляется къ югу, оставляя Бардузъ и Іюникіёй за Россіею. Отъ пункта, находящагося на западъ отъ деревни Карауганъ, граница направляется на Меджингертъ, продолжается по прямому направленію до вершины горы Кассадагъ и слѣдуетъ по водораздѣлу притоковъ Аракса на сѣверѣ и Мурадъ-Су на югѣ, до прежней русской границы.

Ст. LIX. Его Величество Императоръ Всероссійскій объявляетъ, что Его намѣреніе сдѣлать Батумъ порто-франко по преимуществу коммерческимъ.

Ст. LX. Долина Алашкерта и городъ Баязетъ, уступленные Россіи статьею XIX санъ-стефанскаго договора, возвращаются Турціи.

Блистательная Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, соотвѣтственно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою коммиссіею по турецко-персидскому разграниченію.

Ст. LXI. Блистательная Порта обязуется осуществить, безъ дальнѣйшаго замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ. Она будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ.

Ст. LXII. Такъ какъ Блистательная Порта выразила твердое намѣреніе соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широ-

комъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

Ни въ какой части Оттоманской имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ подавать повода къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ.

Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ.

Свобода и внѣшнія отправленія всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ Европейской или Азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями.

Право оффиціальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами Державъ въ Турціи какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ, на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею, и само собою разумѣется, что statu quo на святыхъ мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

Иноки Аѳонской горы, изъ какой бы они ни были страны, сохранятъ свои имущества и будутъ пользоваться безъ всякихъ исключеній полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ.

Ст. LXIII. Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года, а также лондонскій договоръ 13-го марта 1871 года сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены вышеприведенными статьями.

Ст. LXIV. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Берлинѣ въ трехнедѣльный срокъ, а буде возможно—и ранѣе.

Въ силу чего всѣ уполномоченные подписали его, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Въ Берлинѣ, іюля тринадцатаго дня тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмого года.

Подписали: (М. П.) Горчаковъ, Шуваловъ, П. Убри.
(М. П.) Ф. Бисмаркъ, Б. Бюловъ, Гогенлоэ.
(М. П.) Андраши, Карольи, Геймерлэ.
(М. П.) Ваддингтонъ, Сенъ-Валлье, Г. Депре.
(М. П.) Биконсфильдъ, Салисбери, Одо-Россель.
(М. П.) Л. Корти, Лонэ.
(М. П.) Ал. Каратеодори, Мехемедъ-Али, Садуллахъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 іюля, 1878.

Отъ покушенія и до выборовъ.

Когда я писалъ вамъ въ послѣдній разъ, рейхстагъ былъ только-что распущенъ и я могъ включить это событіе въ кругъ моихъ соображеній. Вы знаете, въ какомъ разногласіи съ правительствомъ разошелся рейхстагъ; несмотря на то, казалось, что это разногласіе не будетъ продолжительно. Краткія слова, съ которыми былъ распущенъ рейхстагъ, были дружелюбны; въ нихъ высказывалась благодарность правительству за его дѣятельность и все, повидимому, обѣщало довольно мирное лѣто, чего такъ каждому желалось.

Мирное лѣто! вы знаете, обрѣли ли мы миръ нынѣшнимъ лѣтомъ. Развѣ только среди войны переживали мы такое множество великихъ событій, какъ въ нынѣшнее лѣто, и по сіе время страна все еще находится въ состояніи лихорадочнаго возбужденія. Послѣ 24-го мая либеральныя газеты праздновали великую побѣду, какую они, по ихъ мнѣнію, одержали надъ правительствомъ въ вопросѣ по соціалистическому закону. Въ самомъ-дѣлѣ, эта побѣда, по конституціоннымъ понятіямъ, была чрезвычайна; большинство имѣло на своей сторонѣ четыре-пятыхъ, а правительственная партія всего лишь одну-пятую. Нельзя также сказать, что настроеніе страны очень отличалось отъ настроенія собранія. Даже тѣ члены послѣдняго, которые поддерживали проектъ правительства, дѣлали это не отъ чистаго сердца; имъ также вовсе не нравился исключительный законъ и они, вѣроятно, въ душѣ были довольны, что онъ провалился.

Въ послѣднихъ числахъ мая распространилось здѣсь вдругъ извѣстіе—и я долженъ упомянуть о немъ потому, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ событій, которыя взволновали страну—что въ Ламаншѣ недалеко отъ Фолькстона два прусскихъ военныхъ корабля столкнулись другъ съ другомъ, и что одинъ изъ нихъ потонулъ. Въ такомъ видѣ пришло сюда первоначально это извѣстіе и всѣмъ оно показалось сомнительнымъ. Два часа спустя появилась депеша агентства Вольфа, которое, по всей вѣроятности, справлялось въ адмиралтействѣ на счетъ правдивости извѣстія, и послѣднее подтвердило несчастіе. Флотъ за день передъ тѣмъ вышелъ изъ Вильгельмсгафена; „Великій Курфюрстъ“ называлось судно, ставшее жертвой катастрофы, недавно выстроенное и одно изъ самыхъ большихъ, если не самое большое въ цѣломъ

флотѣ. Не успѣло еще улечься волненіе, возбужденное этимъ несчастіемъ, какъ въ полдень 2-го іюня, въ прекрасный воскресный день, съ быстротой электрическаго удара разнеслась по городу вѣсть, что на жизнь императора сдѣлано новое покушеніе и на этотъ разъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый. Человѣкъ, назвавшійся впослѣдствіи д-ромъ Нобилингомъ, выстрѣлилъ въ окно второго этажа дома „Подъ Липами“ въ проѣзжавшаго въ открытой коляскѣ императора и ранилъ его, такъ что императора увезли во дворецъ окровавленнаго и блѣднаго. Только это и узнали въ первую минуту. Вскорѣ обнаружилось, что покушеніе произведено посредствомъ крупной дроби, и что хотя раны и не представляютъ опасности для жизни, но все же очень серьёзны, принимая во вниманіе преклонный возрастъ императора. Вы легко повѣрите, когда я вамъ скажу, что волненіе было чрезвычайное. Впечатлѣніе, произведенное фактомъ, было въ десять, въ сто разъ сильнѣе, и нельзя отрицать, что такое повтореніе преступленія не есть простая случайность, но указываетъ и сильное поврежденіе нравовъ въ обществѣ. Говорятъ, что князь Бисмаркъ въ первый моментъ, какъ получилъ извѣстіе объ этомъ въ своемъ Ладенбургскомъ помѣстьѣ, телеграфировалъ сюда: „принять строгія мѣры“. Такъ же, какъ и князь, всѣ министры почти уже разъѣхались и самъ кронъ-принцъ находился въ Лондонѣ, гдѣ его такъ грубо оскорбили нѣмецкіе соціаль-демократы. Натурально, всѣхъ созвали сюда и министры прискакали немедленно, чтобы принять необходимыя мѣры. Возможно было, и многіе подумывали о томъ, что Берлинъ объявятъ въ осадномъ положеніи. Затѣмъ могли пріостановить права печати и сходокъ или по крайней мѣрѣ сильно ограничить ихъ. Однако, ничего такого не случилось и правительство доказало, что если оно и консервативнѣе націоналъ-либеральной партіи, но отнюдь не реакціонно въ томъ смыслѣ, въ какомъ его неоднократно обвиняли; потому что истинно реакціонные министры ни за что не захотѣли бы упустить такой благопріятный случай прибѣгнуть къ насилію. Предлагались ли правительству реакціонныя мѣры и кто собственно воспротивился имъ—этого доподлинно не знаютъ. Кронъ-принцъ вернулся изъ Лондона третьяго іюня, и четвертаго назначенъ представителемъ отца — подобно тому какъ въ 1857 г. теперешній императоръ Вильгельмъ назначенъ былъ представителемъ заболѣвшаго короля Фридриха-Вильгельма IV. Это совершилось самымъ печальнымъ образомъ, такъ какъ раненый императоръ не былъ въ состояніи подписаться подъ документомъ, и только словесно, въ присутствіи гражданскихъ и военнаго министровъ и князя Бисмарка, высказалъ свое согласіе. Представительство основывается въ силу прусскаго государственнаго права на томъ принципѣ, что представитель

управляетъ государствомъ въ томъ направленіи, въ какомъ имъ управлялъ тотъ, кого онъ представляетъ. Иное дѣло съ регентствомъ. Регентъ управляетъ по собственному усмотрѣнію. Пруссія, какъ извѣстно, испытала регентство. Когда душевная болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV не оставила никакой надежды на выздоровленіе, тогдашній принцъ прусскій былъ назначенъ регентомъ въ 1858 г. и измѣнилъ прежнюю правительственную систему, призвавъ либеральное министерство. Поэтому кронъ-принцу въ настоящее время ничего не остается, какъ управлять согласно идеямъ отца, оставляя свои въ сторонѣ. Объ немъ думали и до сихъ поръ думаютъ, что онъ либеральнѣе императора Вильгельма и сходится въ своихъ идеяхъ съ національ-либеральной партіей и, быть можетъ, даже съ умѣренной прогрессивной, и что онъ считаетъ наилучшей формой правленія строго-конституціонную систему, на манеръ англійской или бельгійской, тогда какъ императоръ Вильгельмъ, несмотря на все свое добросовѣстное отношеніе къ конституціи и несмотря на то, что онъ вовсе не автократъ, совсѣмъ не желаетъ переносить центръ государственной тяжести съ короны на парламентъ. Не знаю, достаточно ли я ясно выражаюсь для вашихъ читателей. По англійскимъ конституціоннымъ правиламъ, напр., правительство послѣ 24-го мая вышло бы въ отставку или же бы получило отъ короля разрѣшеніе распустить рейхстагъ. Сущность конституціоннаго управленія заключается въ томъ, что министерство должно опираться на большинство и естественнымъ послѣдствіемъ является, въ свою очередь, то, что министерство избирается изъ среды большинства.

Уже пятаго числа появились оффиціальныя извѣщенія о представительствѣ, и шестого внесено въ союзный совѣтъ предложеніе прусскаго правительства о распущеніи рейхстага. Сначала думали, что правительство созоветъ прежній рейхстагъ и снова предложитъ ему отвергнутый и, быть можетъ, еще болѣе строгій законъ. Этого мнѣнія держались также и многіе изъ министровъ, но князь Бисмаркъ высказался противъ созванія стараго рейхстага и категорически потребовалъ его распущенія. Это предложеніе Пруссіи союзному совѣту вызвало внутреннее волненіе, царствовавшее въ послѣднія недѣли, и совершенно необходимо ближе разсмотрѣть причины, которыя говорятъ за созваніе стараго рейхстага, и тѣ, которыя дѣлаютъ желательнымъ его распущеніе. Тѣ, кто стоитъ за созваніе стараго рейхстага, говорятъ, что если необходимы немедленныя мѣры противъ соціаль-демократіи, то онѣ всего скорѣе могутъ быть приняты, если созвать старый рейхстагъ. Выборы въ новый рейхстагъ займутъ два мѣсяца и болѣе, и правительство никакъ не можетъ сказать въ такомъ случаѣ, чтобы опасность, которую оно хочетъ устранить, была такая

настоятельная, если оно обойдется до тѣхъ поръ съ тѣми средствами, какія имѣются у него въ рукахъ. Всѣми было также признано, и члены стараго большинства утверждали это самое, что теперь большинство приметъ всѣ предложенные ему законы. Изъ оффиціальныхъ документовъ, указывающихъ причины, по которымъ правительство желаетъ распущенія, пока ничего не имѣется, кромѣ вышеупомянутаго предложенія прусскаго правительства отъ шестого іюня, въ которомъ говорится: „прусское королевское правительство всего болѣе настаиваетъ на распущеніи рейхстага потому, что оно не довѣряетъ въ принципѣ случайной поддержкѣ, которую могутъ оказать будущимъ законопроектамъ ораторы рейхстага. Оно не считаетъ, чтобы въ общемъ та свобода, какую доставляютъ существующіе законы, нуждалась въ ограниченіи. Оно не считаетъ полезнымъ и нужнымъ, чтобы путемъ тѣхъ мѣръ безопасности, какихъ оно домогается, парализовались какія-либо иныя стремленія, кромѣ тѣхъ, которыя угрожаютъ опасностью существующему порядку. Оно полагаетъ, что только стремленія соціальной демократіи требуютъ отпора и что поэтому противъ нихъ и долженъ быть направленъ этотъ отпоръ".

Этимъ указомъ данъ пароль для предстоящей избирательной борьбы. Партіи раздѣлились на два лагеря; одни желали исключительныхъ законовъ противъ демократіи; другіе—не желали никакихъ исключительныхъ законовъ, но скорѣе общаго, хотя, само собой разумѣется, временнаго, ограниченія свободы. Тѣ, кому не извѣстны здѣшнія отношенія, склонны думать, что именно либералы и прогрессисты гораздо охотнѣе примутъ временный, направленный къ одной какой-нибудь опредѣленной цѣли, исключительный законъ, нежели общее ограниченіе вольностей, а между тѣмъ выходитъ совсѣмъ наоборотъ или такъ кажется, потому что въ сущности либералы не желаютъ никакого ограниченія вольностей, и постараются такъ смягчить необходимыя ограниченія, чтобы сдѣлать ихъ совсѣмъ почти нечувствительными. Но это еще не все. Интимныя мысли князя Бисмарка никому неизвѣстны, быть-можетъ, даже и тѣмъ, кто всего ближе стоитъ къ нему. Но на основаніи оффиціальныхъ фактовъ можно предполагать, что, предлагая распущеніе рейхстага, онъ желалъ сокрушить большинство 24 мая. Черезъ это онъ всего сильнѣе задѣваетъ національ-либеральную партію, которая образовала въ томъ большинствѣ наибольшую фракцію. Князь Бисмаркъ не такой человѣкъ, чтобы два раза предлагать одно и то же. Всѣмъ еще памятно, съ какой рѣшимостью предложилъ онъ герцогу Аугустенбургскому тѣ условія, на какихъ Пруссія станетъ поддерживать его притязанія на герцогство Шлезвигъ-Голштинское. Наслѣдный принцъ отклонилъ эти предложенія, и съ того дня князь Бисмаркъ призналъ въ немъ со-

его врага и направилъ противъ него всѣ свои оружія. То же самое повторилось теперь между нимъ и національ-либеральной партіей. Онъ весьма опредѣленно высказалъ національ-либераламъ: на какихъ условіяхъ они могутъ вступить въ министерство. Національ-либералы не приняли его условій, и отнынѣ онъ видитъ въ нихъ своихъ противниковъ. Понятно, что національ-либералы не только признаютъ это, но еще и преувеличиваютъ. Поэтому вдоль всей боевой линіи, на другой же день послѣ шестого іюня, раздался кличъ: „правительство домогается не столько предохранительныхъ мѣръ противъ соціаль-демократовъ, сколько угнетенія всей либеральной партіи; реакція подвигается быстрыми шагами, необходимо обороняться отъ нея, и поэтому слѣдуетъ, чтобы двѣ большихъ фракціи либеральной партіи, прогрессисты и національ-либералы, снова тѣсно сплотились другъ съ другомъ и подъ однимъ знаменемъ сражались противъ общаго врага". Прогрессивная партія съ радостью приняла эту идею, съ тѣмъ лишь условіемъ, которое, впрочемъ, ей не понадобилось высказывать, что не она измѣнитъ своимъ принципамъ, но что національ-либеральная партія станетъ ихъ поддерживать. Такимъ образомъ вскорѣ пришли къ слѣдующему компромиссу, въ силу котораго національ-либералы обязались проводить кандидатовъ прогрессивной партіи и обратно. Лозунгомъ предстоящихъ выборовъ принято вторичное избраніе всѣхъ теперешнихъ депутатовъ, т.-е. сильнѣйшая форма оппозиціи противъ правительства, какую только можно себѣ представить, такъ какъ вторичнымъ избраніемъ заявляется, что распущеніе стараго собранія ничѣмъ не мотивировано. Но національ-либеральная партія проглядѣла при этомъ то обстоятельство, на которое я уже неоднократно указывалъ, а именно: что она, по самому существу своему и по своимъ традиціямъ,—вовсе не оппозиціонная партія. Когда она образовалась, то была строго прогрессивная партія, и объявила, что не будетъ держаться неуклонно принциповъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло зайдетъ о практическихъ вещахъ, какъ, напр., въ самое первое время конституціи сѣверо-германскаго союза и т. д., между тѣмъ какъ прогрессивная партія строго придерживается принциповъ, не заботясь о томъ, какія изъ того могутъ выдти послѣдствія. Но національ-либеральная партія никогда бы не разрослась такъ, если бы она не была въ самомъ дѣлѣ представительницей либеральнаго бюргерства, но это бюргерство отнюдь не воинственно и не желаетъ воевать съ правительствами, и хотя и желаетъ прогресса, но твердо разсчитываетъ на то, что его представители добьются этого прогресса лишь путемъ дружескаго соглашенія съ правительствомъ. Въ парламентской національ-либеральной партіи всегда существовали и до-сихъ-поръ существуютъ два направ-

ленія, изъ которыхъ одно—его представителемъ служитъ Ласкеръ—считаетъ либерализмъ за самое главное дѣло, другое же ставитъ выше всего практическую политику. Представителями послѣдняго направленія являются два профессора: Гнейстъ и Трейчке. Они уже 24 мая, какъ вы припомните, склонялись скорѣе вотировать за исключительный законъ, нежели противъ него, и если въ рейхстагѣ они не насчитываютъ особенно много приверженцевъ, за то нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ странѣ имъ симпатизируютъ весьма многіе. Итакъ, національ-либеральная партія подвергалась при самомъ началѣ избирательной борьбы великой опасности распасться. Съ одной стороны, она собиралась отражать удары правительства; съ другой стороны, внутри ея не было единодушія, и вполнѣ понятно, что она не захотѣла бороться еще и съ прогрессивной партіей, хотя образъ дѣйствія послѣдней ей не очень нравился. Къ этому присоединилось еще и то, что нѣкоторые правительственные органы печати стали очень сильно нападать на предводителей національ-либеральной партіи и въ особенности на тѣхъ, которые принадлежатъ къ лѣвой сторонѣ. Беннигсена тоже не пощадили, хотя, сравнительно говоря, ему оказывали больше уваженія, чѣмъ остальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не крайній человѣкъ, даже въ своей партіи, но на него все же падало подозрѣніе, со стороны правительства, что онъ, со времени неудачи Варцинскихъ переговоровъ, все сильнѣе и сильнѣе увлекалъ свою партію на путь оппозиціи, и что 24 мая онъ стоялъ во главѣ ея и боролся съ правительствомъ. Напротивъ того, вполнѣ очевидна антипатія правительства и въ особенности князя Бисмарка къ Ласкеру. Этотъ человѣкъ, по праву пользующійся большой извѣстностью, благодаря своему ораторскому таланту, своимъ честнымъ убѣжденіямъ, своей необыкновенной дѣятельности и добросовѣстности, и оказавшій большія услуги въ законодательствѣ послѣдняго десятилѣтія, имѣетъ, по мнѣнію князя Бисмарка, одинъ громадный недостатокъ, а именно: что онъ совсѣмъ не политическій дѣятель, т.-е. что вездѣ, гдѣ выдвигается на сцену политическій вопросъ, онъ дѣйствуетъ непрактично.

„Никто не причинялъ мнѣ столько затрудненій,—сказалъ (какъ говорятъ) однажды Бисмаркъ,—какъ Ласкеръ". Это соперничество двухъ лицъ, во всемъ другъ другу противоположныхъ, съ особенной силой проявляется въ настоящей избирательной борьбѣ, и выразилось даже въ томъ, что сынъ князя Бисмарка, графъ Гербертъ Бисмаркъ, выступилъ въ избирательномъ округѣ Мейнингенъ кандидатомъ-соперникомъ Ласкера. Ласкеръ вооружился съ головы до пятокъ: Мейнингенъ—его старый избирательный округъ, онъ—тамъ въ настоящее время и объѣзжаетъ всѣ мѣстечки, чтобы направить из-

бирателей, какъ слѣдуетъ. Поэтому тамошняя избирательная борьба будетъ одной изъ самыхъ интересныхъ, хотя и нельзя предвидѣть ея результатовъ. Графъ Гербертъ Бисмаркъ уступилъ свою кандидатуру другому консерватору, такъ какъ для него все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы хорошенько подчеркнуть соперничество его отца съ Ласкеромъ. Вы можете себѣ представить, какъ потѣшались юмористическіе листки, которые въ этой избирательной борьбѣ, какъ и вездѣ, стоятъ на сторонѣ прогрессивно-либеральной партіи, надъ кандидатурой юнаго графа. Они толковали про партію „Бисмаркзона", названную по аналогіи съ еврейскими именами, и при этомъ, разумѣется, досталось столько же „папашѣ" Бисмарку, сколько и „сынку" Бисмарку. Это, конечно, такія вещи, къ которымъ долженъ быть готовъ всякій, кто выступаетъ на арену общественной жизни. Но въ одномъ только пунктѣ либеральные листки неправы,— это когда они выставляютъ, какъ нѣчто необыкновенное, то обстоятельство, что князь Бисмаркъ выводитъ своего сына на арену общественной жизни. Стóитъ вспомнить про Англію, гдѣ такіе случаи чрезвычайно часты. Младшій Питтъ, при жизни своего отца и имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, былъ уже членомъ нижней палаты. Талантливъ ли молодой графъ Бисмаркъ или нѣтъ—это окажется со временемъ—и, во всякомъ случаѣ, можетъ оказаться лишь тогда, когда онъ вступитъ на арену общественной и парламентской жизни. Но величіе его отца всегда будетъ мѣшать правильной оцѣнкѣ его способностей.

Въ то время какъ національ-либеральная партія примкнула къ прогрессивной партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ начала разлагаться внутри самой-себя,—замѣчательныя явленія проявились въ другой, болѣе тяготѣющей къ правой сторонѣ, партіи. Такъ-называемыя, консервативныя партіи распадаются, какъ вамъ уже извѣстно, на двѣ большія фракціи. Самая умѣренная изъ нихъ называетъ себя двумя различными именами: въ прусской палатѣ депутатовъ — „свободными консерваторами", а въ германскомъ рейхстагѣ — „германской имперской партіей". Члены ея, само-собой разумѣется, одни и тѣ же, чтó въ рейхстагѣ, чтó въ ландтагѣ,—чтó и въ самой странѣ. Различіе въ имени имѣетъ лишь историческое значеніе, потому что въ рейхстагѣ партія находила основаніе избрать себѣ другое имя въ виду либеральныхъ южныхъ германцевъ, которые примкнули къ ней и приняли названіе „консерваторовъ". Консерваторы крайней правой стороны зовутъ себя въ палатѣ депутатовъ „новыми консерваторами", въ рейхстагѣ—„нѣмецкими консерваторами"; дальше, направо отъ нихъ, стоитъ группа „ультра-консерваторовъ",— дѣйствительныхъ, настоящихъ реакціонеровъ. Я не располагаю представить

здѣсь программу этихъ различныхъ партій. Новые консерваторы выдѣлились изъ старой большой консервативной партіи въ ту эпоху, когда князь Бисмаркъ не могъ провести законы о реформахъ, вслѣдствіе оппозиціи палаты господъ. Мои старѣйшіе читатели помнятъ еще, полагаю, ту оживленную борьбу по вопросамъ о гражданскомъ бракѣ, училищномъ надзорѣ и самоуправленіи, когда сопротивленіе палаты господъ было такъ упорно, что его пришлось сломить посредствомъ назначенія новыхъ пэровъ. Въ то время нѣкоторые консерваторы умѣреннаго оттѣнка нашли не совсѣмъ приличнымъ для консерваторовъ безпрерывно бороться съ правительствомъ и что имъ слѣдуетъ признать существующіе законы, если позднѣе они желаютъ дѣйствительно отстаивать консервативные принципы. Такимъ образомъ, образовалась новая консервативная партія, которая во многихъ, почти во всѣхъ вопросахъ, гдѣ національ-либералы шли рука объ руку съ свободными консерваторами и въ согласіи съ правительствомъ, также примыкала къ этой партіи, — и такимъ образомъ являлось умѣренное, дружелюбное къ правительству большинство.

Ультра-консерваторы въ ту же самую эпоху нѣсколько отстранились; они снова выступили впередъ лишь въ извѣстной борьбѣ съ княземъ Бисмаркомъ, которая окончилась войной князя Бисмарка съ „Крестовой Газетой", вслѣдствіе которой нѣсколько сотъ „юнкеровъ", отставныхъ офицеровъ, заявили, что будутъ по-прежнему придерживаться „Крестовой Газеты", вопреки Бисмарку. Изъ этой борьбы произошла нѣмецкая консервативная партія, которая, повидимому, была очень дружески расположена къ правительству, но приняла въ себя много строго-консервативныхъ элементовъ, въ томъ числѣ и такихъ, которые лично и по принципу враждебны князю Бисмарку; — но въ одномъ пунктѣ въ особенности эта партія должна оказаться стойкой, именно въ дѣлѣ церковной борьбы какъ внутри евангелической, такъ и внутри римско-католической церкви. До сихъ поръ князь Бисмаркъ неуклонно держался того, что борьба съ Римомъ должна окончиться лишь подчиненіемъ Рима; съ другой стороны, министръ Фалькъ занималъ весьма опредѣленное мѣсто въ дѣлахъ евангелической церкви между либералами и ортодоксальными членами, — и послѣдніе ненавидятъ его жгучей ненавистью, сильнѣе даже, чѣмъ католики. Изъ-за этой темной стѣны нѣмецкихъ консерваторовъ пробиваются, слѣдовательно, элементы, которые долго оставались скрытыми, — элементы, которые едва ли удерживаются на почвѣ конституціи, и въ этомъ отношеніи либералы правы, когда опасаются реакціи и предостерегаютъ на-счетъ ея. Но, по моему мнѣнію, они избрали ложный путь для того, и напрасно постоянно обвиняютъ само правительство въ реакціонныхъ мысляхъ и планахъ.

Безъ сомнѣнія, самъ Бисмаркъ признаетъ, что выборы привлекутъ въ рейхстагъ нѣсколько такихъ элементовъ, какіе ему отнюдь не желательны, но онъ, по всей вѣроятности, говоритъ себѣ, что эти элементы никакъ не будутъ имѣть на своей сторонѣ большинства и что онъ будетъ въ силахъ справиться съ ними. За то онъ имѣетъ то великое преимущество, что національ-либеральная партія, которая въ прошломъ рейхстагѣ господствовала надъ положеніемъ дѣлъ и думала предписывать законы Бисмарку, по всей вѣроятности, вернется въ рейхстагъ уже не въ прежней численности и будетъ гораздо сговорчивѣе. Нельзя сомнѣваться въ искренности его увѣреній, что онъ ничего иного не желаетъ, какъ правительственнаго большинства, которое бы состояло изъ умѣренно-либеральныхъ и умѣренно-консервативныхъ элементовъ. Это желаніе будетъ, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе удовлетворено путемъ распущенія рейхстага, нежели черезъ созваніе стараго рейхстага, потому что въ этомъ послѣднемъ національ-либеральная партія только исправила бы свою ошибку, принявъ законъ противъ соціаль-демократовъ, и снова заняла бы свое прежнее положеніе. Нельзя также отрицать, съ другой стороны, что партіи совсѣмъ поросли мохомъ и что обновить ихъ, вдохнуть въ нихъ новую жизнь необходимо. Когда партіи просуществуютъ нѣсколько лѣтъ рядомъ другъ съ другомъ въ неизмѣнномъ составѣ, то наступаетъ такой періодъ времени, когда ни одна не дѣлаетъ больше попытокъ привлечь на свою сторону новыхъ приверженцевъ. Обѣ стороны пробавляются старыми фразами и до того привыкаютъ къ существующему положенію, что всякая перемѣна кажется непріятной. Но ничто не можетъ быть вреднѣе для политической жизни, какъ такой застой — и уже поэтому настоящее избирательное движеніе является большимъ преимуществомъ для дальнѣйшаго развитія политической жизни въ Германіи вообще; оно впервые послѣ долгаго промежутка времени задѣваетъ политическія страсти той части населенія, которая до сихъ поръ оставалась равнодушной.

До сихъ поръ все, что̀ ни дѣлалъ князь Бисмаркъ, имѣло прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ лишь дальнѣйшее развитіе свободы, причемъ часто онъ заходилъ дальше крайнихъ либераловъ, и мы увидимъ, что и настоящая избирательная борьба приведетъ къ оживленію конституціонной жизни. Когда я говорю, что Бисмаркъ заходитъ порою дальше многихъ передовыхъ либераловъ, то само собой разумѣется, я имѣю при этомъ въ виду общую подачу голосовъ. Общая подача голосовъ, существующая лишь по выборамъ въ рейхстагѣ, введена княземъ Бисмаркомъ. Она нужна была ему, чтобы подавить партикуляристическіе элементы; для этого всего вѣрнѣе было при-

бѣгнуть къ массѣ нѣмецкаго народа. Либеральнымъ партіямъ никогда не была совсѣмъ по душѣ общая подача голосовъ, и даже теперь можно прочитать въ различныхъ, весьма либеральныхъ листкахъ упреки князю Бисмарку за введеніе общей подачи голосовъ, и соображенія, какъ ограничить ее такъ, чтобы это не было замѣтно. Все это не что иное, какъ заблужденіе общественнаго мнѣнія и служитъ лишь къ ослабленію либеральной партіи. Такихъ коренныхъ политическихъ правъ, какъ всеобщая подача голосовъ, нельзя отнимать у политически зрѣлаго народа, разъ они уже даны ему. Я вообще не особенно высокаго мнѣнія о политической зрѣлости нѣмецкаго народа, и если бы въ 1867 году у него отняли всеобщую подачу голосовъ, то, по всей вѣроятности, это прошло бы безъ худыхъ послѣдствій; но въ теченіи больше чѣмъ десятка лѣтъ вся масса народа убѣдилась въ томъ, какое громадное значеніе имѣетъ всеобщая подача голосовъ, и нельзя отрицать, что соціаль-демократы употребили всѣ усилія въ печати и на сходкахъ, чтобы объяснить народу все значеніе общей подачи голосовъ. Для каждаго государства всего важнѣе поступательное развитіе, и для Пруссіи великое счастіе въ томъ, что, несмотря на тяжелыя времена, пережитыя въ пятидесятыхъ годахъ, конституція не была ни разу нарушена. Она была измѣнена постепенно и въ болѣе консервативномъ духѣ, чѣмъ была составлена; но она никогда не была нарушена, пріостановлена или отмѣнена, между тѣмъ какъ соперничествующая Австрія, съ 1848 г. и по настоящее время—и какъ разъ до того момента, когда отношенія ея къ Пруссіи и Германіи снова стали дружественными, хотя и на новыхъ основаніяхъ,—прошла черезъ цѣлый рядъ перемѣнъ, причинившихъ ей страшный вредъ. Въ новѣйшей французской исторіи мы имѣемъ поучительный примѣръ того, какъ ограниченіе избирательнаго права реакціоннымъ національнымъ собраніемъ, въ 1849 г., разчистило принцу Наполеону путь къ французскому престолу. Я полагаю, что наши государственные люди подумають, прежде нежели уступить неразумнымъ требованіямъ либераловъ, къ которымъ, разумѣется, примыкають и консерваторы. Кажется, это такъ невинно, когда говорятъ: избиратель долженъ быть хоть годомъ или двумя старше, чѣмъ требуетъ теперешній законъ; когда требують отъ избирателя болѣе продолжительной осѣдлости, прежде нежели дать ему избирательныя права въ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ; или дѣлають другое подобное ограниченіе. Но если эти ограниченія будутъ введены, то они лишатъ избирательнаго права цѣлую толпу людей, у которыхъ останется болѣзненное ощущеніе того, что они утратили право, какимъ прежде владѣли. Стóитъ только припомнить то, чтó князь Бисмаркъ говорилъ въ 1867 году о всеобщей подачѣ голосовъ, чтобы заранѣе быть убѣж-

деннымъ, что онъ навѣрное пока и не думаетъ о какомъ бы то ни было ограниченіи его.

Приведу лишь нѣсколько словъ изъ его тогдашней рѣчи. Онъ произнесъ ее 28 марта 1867 года, когда говорилъ за общую подачу голосовъ.

„Общая подача голосовъ является въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ наслѣдіемъ въ дѣлѣ развитія,—сказалъ онъ,—для содѣйствія нѣмецкимъ стремленіямъ къ единству: она была внесена въ имперскую конституцію, выработанную во Франкфуртѣ въ 1848 и 1849 гг.; мы отстаивали ее въ 1863 г. во Франкфуртѣ отъ притязаній Австріи, и я могу сказать теперь, что я по крайней мѣрѣ не знаю лучшаго избирательнаго закона. Въ немъ, конечно, есть свои недостатки и союзныя правительства охотно приняли бы лучшій, но до сихъ поръ лучшаго имъ не было представлено. Ужъ не укажете ли вы на прусскую трехклассную систему? Да, кто знаетъ дѣйствія этой системы и условія, какія она создаетъ, тотъ долженъ сказать: болѣе безсмысленнаго, болѣе жалкаго избирательнаго закона не придумывало еще ни одно государство". Бисмаркъ сдѣлалъ въ той рѣчи еще два классическихъ заявленія: во-первыхъ, онъ высказалъ мнѣніе, что прямая подача голосовъ привлечетъ въ палату болѣе способныхъ людей, нежели косвенная подача голосовъ, и по той простой причинѣ, что человѣкъ, избранный черезъ прямую подачу голоса, долженъ пользоваться уваженіемъ болѣе значительнаго кружка людей; во-вторыхъ, онъ высказалъ то довольно удивительное положеніе, что въ общемъ каждый избирательный законъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и вліяніяхъ, даетъ довольно одинаковые результаты. Я полагаю, что до сихъ поръ опытъ говоритъ, что Бисмаркъ правъ. Если направленіе страны консервативное, то при каждой избирательной системѣ будетъ избрано консервативное представительство, если же направленіе либеральное, то выбраны будутъ и либеральные представители. Но въ одномъ только пунктѣ Бисмаркъ ошибся. Онъ могъ думать, когда давалъ нѣмецкому народу право общей подачи голосовъ,—т.-е. такое право, какое до сихъ поръ существуетъ только въ Америкѣ, во Франціи и въ Швейцаріи, да и то не въ такомъ объемѣ, какъ въ Германіи,—онъ могъ думать, что народъ, т.-е. образованные классы, признаютъ это право и воспользуются имъ. Вмѣсто того, случилось слѣдующее. Въ обладаніи этимъ правомъ либералы ничего лучшаго не усмотрѣли, какъ средство неотступно преслѣдовать правительство подозрѣніями въ томъ, что оно преслѣдуетъ реакціонныя цѣли, и по мѣрѣ того, какъ законодательство шло впередъ, нападки эти все усиливались, пока, наконецъ, не произошло, можно сказать, всеобщаго затмѣнія въ умахъ, причемъ, съ одной стороны, во всемъ но-

вѣйшемъ законодательствѣ, въ свободѣ переселенія, въ экономической свободѣ, въ торговой свободѣ и всякихъ другихъ вольностяхъ— усмотрѣли источникъ всего зла, тогда какъ, съ другой стороны, утверждаютъ, что Германія пребываетъ въ состояніи недостойнаго рабства и лишена всѣхъ политическихъ правъ. Этотъ хаосъ долженъ разсѣяться, и надо надѣяться, что слѣдующій рейхстагъ уже нѣсколько разъяснитъ положеніе дѣлъ. Въ извиненіе князя Висмарка, если онъ дѣйствительно нѣсколько ошибся въ своихъ соображеніяхъ о всеобщей подачѣ голосовъ, можно еще сказать и то, что въ 1867 г. онъ никакъ не могъ предвидѣть своей борьбы съ ультрамонтанствомъ. Римское духовенство пользуется какъ разъ такой организаціей, при которой особенно легко употребить въ свою пользу право прямой подачи голоса. Оно владѣетъ массами, а массы при общей подачѣ голосовъ рѣшаютъ дѣло. Но чтобы не показалось, что я противорѣчу самому себѣ, то я долженъ упомянуть, что и при трехклассной избирательной системѣ въ тѣхъ округахъ, гдѣ господствуютъ ультрамонтаны, они и выбираются избирателями. Необходимой поправкой общей подачи голосовъ должно служить несомнѣнно—и этого нельзя достаточно часто повторять — то обстоятельство, чтобы образованные классы не складывали рукъ, но были политически дѣятельны и въ согласіи съ правительствомъ работали въ томъ направленіи, чтобы прогрессъ совершался разумно и постепенно. Въ этомъ отношеніи образованные классы много виноваты. Они ни о чемъ не думали, какъ о томъ только, чтобы составлять вѣчную оппозицію правительству, и проглядѣли, что плоды этой борьбы достанутся соціаль-демократамъ. Недавно появившееся новое и превосходное сочиненіе о соціальной демократіи, вышедшее изъ-подъ пера человѣка, который тоже есть или былъ соціаль-демократъ и во всякомъ случаѣ большой радикалъ, но отъ души ненавидитъ прогрессивную партію, а именно Франца Меринга, превосходно излагаетъ развитіе соціальной демократіи. Еще въ 1867 г. эта партія въ Германіи была чрезвычайно слаба и ничтожна. Съ того времени она начала постоянно рости, и главнымъ образомъ вслѣдствіе ошибокъ прогрессивной партіи. Такъ, напр., основанный прогрессивной партіей союзъ нѣмецкихъ рабочихъ весь перешелъ на сторону соціаль-демократовъ, и такимъ образомъ вышло, что прогрессивная партія поработала на пользу соціальной демократіи. Съ двухъ депутатовъ соціаль-демократическаго направленія, засѣдавшихъ въ первомъ рейхстагѣ, число ихъ возросло до двѣнадцати въ послѣднемъ рейхстагѣ 1877 г. „Не было мрачнѣе дня,—говоритъ вышеупомянутый писатель,—во внутренней исторіи германской имперіи, какъ десятое января 1877 г. Когда обнародованъ былъ результатъ выборовъ, то всю нѣмецкую землю обуялъ

тотъ паническій ужасъ, какому могутъ поддаваться храбрѣйшіе народы. Къ сожалѣнію, спасительное впечатлѣніе не долго продержалось". Но соціальная демократія, какъ превосходно доказываетъ авторъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ это думаютъ, основываясь на числѣ ея представителей въ рейхстагѣ. Число правоспособныхъ гражданъ составляло въ 1877 году 8.943,028=20,9% населенія, изъ нихъ 5.401,021=60,2% подали свой голосъ. Болѣе, слѣдовательно, одной трети воздержались отъ подачи голоса. Что въ числѣ этихъ послѣднихъ число соціаль-демократовъ не велико—это можно съ увѣренностью заключить на основаніи агитаторской дѣятельности и строгой дисциплины партіи. Соціаль-демократы предоставляютъ политическій индифферентизмъ своимъ противникамъ. Изъ числа поданныхъ 5.401,021 голосовъ соціаль-демократы располагали 10 января 1877 г. надъ 493,288=9,1%. Эти голоса распредѣляются по всей имперіи. Въ книгѣ Меринга приведены весьма интересныя данныя объ этомъ распредѣленіи по округамъ, и изъ нихъ явствуетъ, что въ тринадцати избирательныхъ округахъ не были поданы соціаль-демократическіе голоса; затѣмъ процентное отношеніе соціаль-демократическихъ голосовъ постепенно возрастаетъ до 29% въ Шлезвигъ-Голштиніи, 31 въ Любекѣ, 32 въ Саксенъ-Кобургъ-Гота, 32 въ Брауншвейгѣ, 35 въ Бременѣ, 38 въ королевствѣ Саксонія, 39 въ городѣ Берлинѣ, 40 въ Гамбургѣ и 57 въ маленькой землькѣ Рейссъ, старшей линіи. Я отбросилъ при этомъ дробныя числа. Картина даетъ чрезвычайно интересные факты на счетъ того, какъ соціаль-демократическая партія внѣдрилась въ массы; что большіе центры торговли и промышленности, гдѣ накопляется пролетаріатъ, легко доступный приманкамъ демагогіи, доставляютъ самый большой контингентъ въ ряды воинствующей арміи государства будущаго — это такъ же мало требуетъ поясненія, какъ и то, что земледѣльческіе округа представляютъ наименѣе плодотворную почву для соціальной агитаціи. Но гораздо сложнѣе то явленіе, что соціальная демократія усиливается непропорціонально въ средне-германскихъ мелкихъ государствахъ, гдѣ населеніе преимущественно занимается земледѣліемъ. Въ вышеупомянутомъ Рейссѣ выборы 1871 г. не дали еще ни одного соціаль-демократическаго голоса,—въ 1874 г. уже были такіе голоса, а въ 1877 г. большинство голосовъ оказалось на сторонѣ принциповъ коммунизма. Эта землька—единственное до сихъ поръ изъ нѣмецкихъ государствъ, которое составило себѣ эту диковинную славу; тогда какъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, въ обширныхъ округахъ Силезіи, Вестфаліи и Рейнскихъ провинцій, соціальная демократія вовсе не преуспѣваетъ или же преуспѣваетъ спорадически. Тамъ ультрамонтаны очень сильны, а нельзя отрицать, что вездѣ, гдѣ

сильны ультрамонтаны, тамъ соціаль-демократы пасуютъ. Слава, какую извлекаютъ изъ этого обстоятельства для себя ультрамонтаны, нѣсколько ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще сильныя политическія партіи задерживаютъ ростъ соціальной демократіи. Это происходитъ отъ того, что соціальная демократія отнюдь не насчитываетъ въ рядахъ своихъ—приверженцевъ, проникнутыхъ соціаль-демократическими принципами, но скорѣе эти принципы извѣстны лишь весьма небольшому числу вожаковъ, вокругъ которыхъ и образуется ядро тѣхъ, которые хоть сколько-нибудь понимаютъ вообще, что̀ за вещь такая эта соціальная демократія. Главная же масса того полумильона избирателей есть просто-на-просто воинственная толпа, которой мила борьба и которой въ сущности все равно, подъ какими бы знаменами ни сражаться. Ультрамонтаны представляютъ отличное тому доказательство. Своими собраніями, своими празднествами, своей организаціей они наполняютъ своихъ послѣдователей гордымъ сознаніемъ, что они принадлежатъ къ большой, могущественной ассоціаціи и даютъ случай для примѣненія ихъ стремленія къ дѣятельности, ихъ желанія борьбы. Въ этомъ заключается коренное различіе между соціаль-демократами и ультрамонтанами и всѣми остальными партіями либеральнаго направленія. Эти послѣднія желали бы все передѣлать и преобразовать путемъ кротости и гуманности; онѣ вѣчно оплакиваютъ войны и завоеванія; онѣ желали бы установить нѣмецкое единство мирнымъ путемъ; онѣ желали бы надѣлить личность наиполнѣйшей свободой, и забываютъ при этомъ, что огромное большинство людей, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи вселенной, совсѣмъ не хотятъ быть свободными, а хотятъ повиноваться и хотятъ, чтобы ихъ руководили. Ультрамонтаны, также какъ и соціаль-демократы, опираются на лучшее знаніе человѣческаго сердца, человѣческихъ страстей, и этимъ объясняется ихъ успѣхъ. Замѣчательно, конечно, при этомъ то, что ультрамонтанская партія въ послѣдніе годы не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ побѣдъ, но это объясняется тѣмъ, что въ Германіи она вообще можетъ рости лишь въ католическихъ мѣстностяхъ, а тамъ она уже завоевала все населеніе. Въ Бельгіи дѣло шло иначе; тамъ, какъ извѣстно, либералы вели ожесточенную войну съ ультрамонтанами—и она окончилась побѣдой либераловъ.

Предстоящіе выборы покажутъ, увеличилась ли соціальная партія или ослабѣла, или же остается въ прежнемъ положеніи. Въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Что̀ могутъ только сдѣлать правительства, власти для того, чтобы ограничить соціальную агитацію — они дѣлаютъ въ обширныхъ размѣрахъ. Соціаль-демократамъ трудно найти локаль для своихъ сходокъ; содержатели погребковъ и трактировъ отказываютъ имъ въ томъ, а если

сходка и состоится, то полиція разгоняетъ ее при самомъ слабомъ политическомъ намекѣ. Только печать еще не ограничена и соціаль-демократическіе органы пользуются прежней свободой слова. Кажется даже, что въ послѣднее время процессы противъ нихъ уменьшились. Но весьма сомнительно, увѣнчаются ли всѣ эти мѣры успѣхомъ. Я вообще того мнѣнія, что съ теченіемъ времени сильныя репрессивныя мѣры могутъ подавить политическое движеніе, но весьма сомнительно, чтобы относительно предстоящихъ выборовъ удалось съ успѣхомъ ограничить агитаторскую дѣятельность соціаль-демократовъ. Напротивъ того, надо предположить, что когда репрессивныя мѣры слегка сдерживаютъ какое-нибудь движеніе, то озлобленіе противъ нихъ придастъ ему новую силу. Само собой разумѣется, что соціаль-демократы не въ силахъ были бы—если только отношеніе партій не измѣнилось съ 1867 г.—провести своихъ кандидатовъ ни въ одномъ избирательномъ округѣ, за исключеніемъ Рейсса, если бы только всѣ остальныя партіи дѣйствовали дружно. Но это врядъ ли возможно. Здѣсь въ Берлинѣ, напр., надежда на то, что удастся вновь отвоевать у нихъ два избирательныхъ округа, рушилась вслѣдствіе того, что соперничающія съ ними партіи не могли сговориться между собой, и каждая захотѣла выставить своего собственнаго кандидата. Быть можетъ, правительство вовсе не недовольно этимъ, потому что было бы ошибочно думать, что оно распустило рейхстагъ затѣмъ, чтобы избавиться отъ двѣнадцати соціаль-демократовъ, засѣдавшихъ въ немъ. Эти двѣнадцать человѣкъ не могли быть ему опасны, хотя надо принять во вниманіе то обстоятельство, что они могутъ безнаказанно говорить свои рѣчи, которыя затѣмъ распространяются въ милліонахъ экземпляровъ. Что правительство имѣетъ въ виду, такъ это помѣшать распространенію соціальной демократіи въ странѣ, для чего, конечно, потребуется цѣлая система репрессивныхъ мѣръ. Въ ожесточенной избирательной борьбѣ, подобной которой мы еще не переживали, замѣчательно слѣдующее явленіе: всѣ оппозиціонныя партіи оставляютъ въ сторонѣ соціаль-демократическій вопросъ и говорятъ: мнимая враждебность правительства—только предлогъ; на самомъ дѣлѣ правительство добивается послушнаго большинства, которое бы дозволило еще увеличить налоги. Не только прогрессивная, но и національ-либеральная партія придерживается этой не совсѣмъ честной тактики, и новѣйшіе летучіе листки ихъ, расходящіеся въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, почти исключительно разработываютъ тэму: „не надо новыхъ налоговъ“.

Я уже упоминалъ, что въ самой національ-либеральной партіи произошелъ расколъ, и дѣйствующими лицами въ немъ являются гг. Трейчке и Гнейстъ. Есть всѣ основанія думать, что эти господа

попытаются образовать въ рейхстагѣ новую, свою собственную партію. Главнымъ условіемъ для того является, конечно, то обстоятельство, чтобы они сами были снова выбраны, и затѣмъ, чтобы избрано было довольно значительное число единомыслящихъ съ ними людей; потому что только тогда и возможно дѣйствительное преобразованіе партій, если образуется довольно сильная фракція. Поэтому въ этомъ направленіи надо искать настоящій смыслъ теперешней избирательной борьбы, а не въ ослабленіи соціаль-демократическаго представительства. Что консервативный, т.-е. реакціонный, элементъ усилится, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но большинства онъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ.

Интересъ къ выборамъ до того наполняетъ каждаго, кто живетъ въ Берлинѣ, что я предпослалъ описаніе избирательной борьбы тому событію, которое гораздо сильнѣе занимаетъ весь міръ, а именно берлинскому конгрессу, засѣдавшему здѣсь, отъ 13-го іюня и до 13-го іюля. Ходъ и результаты его вамъ извѣстны, а также и о всѣхъ внѣшнихъ подробностяхъ такъ много говорилось, что я ничего не могу сообщить вамъ новаго, въ этомъ отношеніи. Долженъ засвидѣтельствовать только вполнѣ изумительный фактъ, что присутствіе конгресса въ Берлинѣ было почти незамѣтно, за исключеніемъ того небольшого пространства, какое лежитъ между дворцомъ имперскаго канцлера, на Вильгельмштрассе, и большой гостинницей „Kaiserhof“, гдѣ жили англійскіе уполномоченные. На этомъ пространствѣ, въ тѣ часы, когда происходили засѣданія конгресса, толпились сотни двѣ любопытныхъ. Вообще же городъ былъ такъ же тихъ, какъ и всегда, и даже еще тише, такъ какъ доступъ въ главную улицу, „Подъ Липами“, въ ея лучшей части бывалъ постоянно прегражденъ для публики, и такъ остается еще и по сіе время, чтобы доставить покой больному императору. Какой необыкновенный видъ представляетъ это пространство между университетомъ и королевскимъ дворцомъ, совершенно пустынное, за исключеніемъ нѣсколькихъ полицейскихъ, тихо расхаживающихъ взадъ и впередъ. Ни одного экипажа не видно тамъ, и только по троттуару сѣверной стороны проходитъ публика. Картину можно сравнить развѣ съ какимъ-нибудь городомъ или мѣстомъ на лунѣ, до того она фантастична.

Что касается событій на самомъ конгрессѣ, то, конечно, только незначительная часть ихъ дошла до всеобщаго свѣдѣнія. Но слѣдуетъ ожидать, что и этой тайнѣ скоро наступитъ конецъ, такъ какъ въ ней слишкомъ много участниковъ, которымъ такъ или иначе выгодно приподнять завѣсу, что̀ уже частію они и сдѣлали. Нѣмецкое правительство съ самаго начала высказалось за сохраненіе тайны,

и этимъ навлекло на себя не только гнѣвъ всѣхъ пребывающихъ здѣсь иностранныхъ журналистовъ, но позднѣе и насмѣшки, такъ какъ тайна все-таки не была соблюдена. Правда, что баснословно много сочиняли; нѣкоторыя газеты печатали цѣлые отчеты о засѣданіяхъ, точно будто они отрядили въ залу засѣданія своихъ репортеровъ. И всѣ эти отчеты оказались вымышленными. Но за то одновременно съ переговорами узнавались главныя черты ихъ, какіе предметы обсуждались на нихъ и въ какомъ направленіи слѣдуетъ ожидать рѣшенія. Иначе и не могло быть, такъ какъ участники, а ихъ было чрезвычайно много, старались повліять въ своихъ интересахъ на общественное мнѣніе. По этой причинѣ я полагаю, что къ князю Бисмарку особенно несправедливы, когда упрекаютъ его въ томъ, что онъ рекомендовалъ безусловное молчаніе нѣмецкимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ и что такимъ образомъ отечественная пресса была поставлена въ худшія условія, нежели иностранная. Причина этому весьма простая: князь Бисмаркъ былъ президентомъ конгресса, и если каждый уполномоченный могъ въ интересахъ своего отечества довести до свѣдѣнія публики какое-нибудь извѣстіе, то нѣтъ сомнѣнія, что президентъ не имѣлъ на это никакого права, такъ какъ его безпристрастіе было первымъ условіемъ оказаннаго ему довѣрія и успѣшнаго окончанія его труда. Кажущимся исключеніемъ является лишь то обстоятельство, что князь Бисмаркъ пригласилъ къ себѣ корреспондента газеты „Times" и сказалъ ему длинный спичъ. Вся либеральная печать въ Германіи—и на видъ какъ бы не безъ основанія — утверждала, что князь Бисмаркъ снова высказалъ и самымъ оскорбительнымъ образомъ свое презрѣніе къ нѣмецкой прессѣ и свое уваженіе къ англійской. Но и тутъ скажешь иное, если разсудишь безпристрастно. Англійскіе уполномоченные вдругъ оказались неподатливыми на счетъ батумскаго вопроса въ тотъ моментъ, какъ переговоры конгресса уже приходили къ концу, причемъ стали взывать къ общественному мнѣнію своей страны. Въ самомъ дѣлѣ, англійскія газеты вдругъ стали враждебно относиться къ этому вопросу, и весьма возможно, что ихъ поощряли къ этому отсюда.

Дѣло не терпѣло отлагательствъ; князь Бисмаркъ пригласилъ англійскаго корреспондента вечеромъ къ себѣ, а назавтра утромъ повторилъ слово въ слово ту рѣчь, какую онъ сказалъ ему наканунѣ, и какую телеграфъ снова разноситъ по всему свѣту. Дѣйствіе было непосредственное. Англичане снова увидѣли передъ собой возможность войны, тогда какъ они давно уже увѣрились въ мирѣ. Миролюбивое настроеніе большинства народа такъ ярко проявилось въ эту минуту, что затрудненіе тотчасъ же было устранено. Если бы

Бисмаркъ былъ всю жизнь свою издателемъ или редакторомъ газеты, онъ бы не могъ лучше распорядиться. Что онъ обратился къ „Times“, это какъ нельзя болѣе понятно, не только потому, что онъ желалъ говорить съ англійской публикой, но еще и потому, что „Times“—безспорно самая вліятельная газета въ мірѣ.

Если бы князь Бисмаркъ обратился съ подобными заявленіями къ нѣмецкимъ газетамъ, распространеніе ихъ совершилось бы гораздо медленнѣе. Но какъ бы то ни было, а князь Бисмаркъ снискалъ не много похвалъ въ Германіи. Лишь немногія газеты, заподозрѣнныя въ оффиціозности, привѣтствовали его. Оппозиція отмѣчаетъ каждый признакъ неудовольствія договоромъ въ странахъ, непосредственно въ немъ заинтересованныхъ, и распространяетъ воззрѣніе, что миръ заключенъ лишь съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени уступить мѣсто войнѣ. Я не раздѣляю этого воззрѣнія. Возбужденіе, сопровождавшее дѣятельность конгресса, имѣетъ свои весьма понятныя причины. Во-первыхъ, мирный договоръ опирается на всеобщій компромиссъ, а сущность компромисса въ томъ и заключается, что никто изъ участвующихъ въ немъ не достигаетъ своей цѣли вполнѣ. Поэтому каждый имѣетъ поводъ къ неудовольствію, а кто недоволенъ, тотъ за аргументами въ карманъ не полѣзетъ. За то очень скоро обнаруживается то, что всякій имѣетъ также основанія быть довольнымъ добытыми результатами, и послѣ нѣкоторой борьбы, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ заинтересованныхъ странахъ проснется сознаніе, что трудъ конгресса не потерянный. Всего болѣе обиженными чувствуютъ себя, повидимому, Италія и Франція. Италія до сихъ поръ умѣла пользоваться каждымъ политическимъ движеніемъ со времени крымской войны такъ, чтобы извлечь изъ него наиболѣе выгоды съ наименьшими пожертвованіями. Къ этому итальянцы, повидимому, такъ привыкли, что думаютъ, что иначе и быть не можетъ, и очень недовольны тѣмъ, что графъ Корти по возвращеніи съ конгресса не привезъ имъ въ видѣ подарка какого-нибудь клочка земли. Въ особенности сердятся на это съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ, что Австрія временно займетъ Боснію и Герцеговину, потому что не знаютъ, что́ изъ этого всего выйдетъ. Вдобавокъ въ Италіи внутреннія дѣла нѣсколько затруднительны въ настоящую минуту. Теперешнему либеральному министерству приходится, какъ извѣстно, бороться со старой партіей консортеріи, т.-е. ультрамонтанами и тяготѣющими къ французамъ элементами, и эта партія рѣшилась низвергнуть министерство какою бы то ни было цѣною.

Но реакціонная партія въ Италіи недостаточно сильна, чтобы

вести своими собственными силами реакціонную политику въ обширныхъ размѣрахъ. Для этой цѣли она должна призвать на помощь Францію, что она и сдѣлала. Здѣсь доподлинно извѣстно, что тотчасъ послѣ конгресса дѣлались попытки повліять на маршала Макъ-Магона и побудить его измѣнить свою политику. Ему выставляли при этомъ на видъ, что представитель Франціи на этомъ конгрессѣ игралъ очень скромную роль, и что совсѣмъ иное было бы дѣло, если бы правительство находилось не въ рукахъ республиканскаго большинства, но велось въ легитимно-ультрамонтанскомъ духѣ. Извѣстно также, что душа Макъ-Магона лежитъ къ ультрамонтанамъ и легитимистамъ, и что такія внушенія охотно выслушиваются имъ. Но тѣмъ не менѣе успѣха они не имѣли, и Франція поступила при этомъ весьма благоразумно, такъ какъ Германія во что бы то ни стало отстаивала бы миръ, и всѣми силами противодѣйствовала бы всѣмъ легкомысленнымъ попыткамъ скомпрометтировать добытые результаты ради эгоистическихъ интересовъ. Ей легко это сдѣлать и даже безъ особеннаго напряженія, такъ какъ великія державы—Россія, Англія и Австрія, одинаково склоняются къ миру. Что касается, собственно говоря, Англіи, то лордъ Биконсфильдъ ведетъ очень рискованную игру. Въ рѣчи, которою онъ защищалъ въ англійской верхней палатѣ договоръ насчетъ Кипра, выдаются нѣкоторыя весьма замѣчательныя мѣста, такъ какъ онъ предлагалъ въ нѣкоторомъ родѣ реформу всего англійскаго государственнаго склада въ видахъ болѣе мощной обороны необъятныхъ владѣній и міровового значенія Англіи. Это звучитъ прекрасно, но если посмотрѣть на это съ практической точки зрѣнія, то понятія англичанъ о свободѣ, всосанныя ими въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, и традиціи миролюбивой политики, существовавшей въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, окажутъ сильное сопротивленіе энергическому государственному человѣку, и врядъ ли ему удастся ихъ преодолѣть. Само собой разумѣется, что интересы различныхъ державъ такъ непримиримы, что всегда возможно столкновеніе, но если удалось устранить на конгрессѣ массу еще остававшихся разногласій, то можно надѣяться, что они не возникнутъ вновь и въ болѣе обостренной формѣ.

Бисмаркъ уѣхалъ на воды, и поэтому на слѣдующія недѣли нельзя ожидать ничего новаго въ области иностранной политики. Его представителемъ избранъ, какъ это давно уже предвидѣли, графъ Штольбергъ-Вернигероде, бывшій посланникъ въ Вѣнѣ и президентъ государственнаго министерства. Я уже раньше говорилъ вамъ о графѣ Штольбергѣ. Нельзя сказать, консервативнѣе онъ или либеральнѣе Бисмарка, потому что послѣдній не принадлежитъ ни къ какой партіи. Графъ Штольбергъ консервативенъ въ духѣ крайней правой

стороны національ-либеральной партіи; онъ будетъ лишь весьма медленными шагами вести дальнѣйшее развитіе либеральнаго законодательства, но не станетъ также ничего измѣнять въ конституціи, и даже, въ случаѣ пересмотра закона въ менѣе либеральномъ духѣ, вліяніе его будетъ умиротворяющее. Графъ Штольбергъ отнюдь не можетъ послужить орудіемъ реакціонной партіи.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 іюля, 1878.

„Coup de maitre“ лорда Биконсфильда.

Въ ту минуту, когда я пишу къ вамъ, вездѣ, въ салонахъ и клубахъ, въ public houses и мастерскихъ, только и рѣчи, что о „bold stroke“ перваго министра. Иные упорно называютъ театральнымъ эффектомъ оборонительный и наступательный союзъ между Англіею и Турціею: такова уже судьба д'Израэли, что въ самыхъ важныхъ его рѣшеніяхъ хотятъ видѣть дѣйствіе пружинъ драмы или романа.

Положимъ, это—театральный эффектъ. Но надо признаться, что онъ прекрасно удался, и, что для драмы или трагедіи это развязка и рѣшительная и непредвидѣнная. И наконецъ, скажемъ разъ навсегда, есть нѣчто до крайности дерзкое въ той манерѣ, съ какой иные стараются очернить политическаго человѣка, основываясь на его качествахъ какъ писателя. Правда, можно найти замѣчательныхъ дипломатовъ, совершенно лишенныхъ литературнаго таланта; но нелѣпо утверждать, что титулъ писателя несовмѣстимъ съ титуломъ государственнаго человѣка. Журналисты, которые говорятъ такимъ образомъ, не замѣчаютъ, что дѣлаютъ грубую ошибку противъ самихъ себя. Къ счастію, Старый Свѣтъ еще не дошелъ до нравовъ „молодой Америки“, гдѣ профессія „политика“ (politician) принимается также, какъ принимается профессія лавочника; пока, Старый Свѣтъ продолжаетъ думать, что человѣкъ со вкусомъ, умомъ и знаніями—качества, необходимыя писателю—имѣетъ столько же права участвовать въ управленіи дѣлами своей родины, какъ любой адвокатъ или дипломатъ по профессіи.

Но возвратимся къ предмету. На другой же день послѣ того какъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ (6/18 апрѣля), когда парламентъ только-что отсрочилъ свое засѣданіе по случаю Пасхи, стало извѣстно, что туземныя войска отправлены были изъ Индіи на Мальту. Это былъ своего рода театральный эффектъ: во-первыхъ, это была вещь доселѣ невиданная; потомъ нашли, что дѣло было совершенно просто; наконецъ увидѣли—съ удивленіемъ и благодарностью—что вещи самыя великія бываютъ часто и самыя простыя.

Я вовсе не преувеличиваю: „Spectator", газета либеральная, умѣренная и чрезвычайно нравственная, которая не любитъ театральнаго рода и д'Израэли, напечатала 4 мая сенсаціонную статью, начинавшуюся такъ: „съ дерзостью, въ которой по истинѣ есть нѣчто блистательное — мы должны это уступить его партизанамъ — лордъ Биконсфильдъ разорвалъ съ преданіями, идущими на цѣлое столѣтіе; онъ имѣлъ успѣхъ, и сразу измѣнилъ характеръ отношеній между Индіею и Соединеннымъ Королевствомъ. Онъ преобразовалъ Индію, эту далекую имперію, уединенную въ глубинахъ Азіи, въ непосредственное владѣніе, помѣщенное теперь на Средиземномъ морѣ — со всѣми удобствами, какія требуются для практической политики и спеціально для войны. Пусть говорятъ теперь о томъ, что Россія проникаетъ въ это море. Лордъ Биконсфильдъ ввелъ въ него Индію со всей ея арміей и со всѣми безконечными средствами ея населенія!"

Но преемникъ Аддисона тутъ останавливается, и статья, начавшая трубными звуками, кончается церковнымъ мотивомъ. Куда мы идемъ, великіе боги! Мы просто возвращаемся ко временамъ Гамилькара и Аннибала, и англичане—не что иное, какъ варіантъ кареагенянъ, наполнявшихъ свои арміи наемниками. И какую минуту мы выбрали для этого?—говоритъ „Spectator",—ту минуту, когда всѣ государства вводятъ у себя „благодѣянія всеобщаго военнаго воспитанія".

Бываютъ моменты, когда люди испытываютъ необходимость говорить нелѣпости: и дѣйствительно, эта необходимость никогда не была такъ явна и такъ всеобща, какъ въ эти послѣдніе три мѣсяца. Можно думать что̀ угодно о своевременности мѣры, о которой мы говоримъ: но, затѣмъ, надо быть ослѣпленнымъ самыми неисправимыми предразсудками, чтобы не признать въ этомъ призывѣ сипаевъ въ Европу идеи широкой, оригинальной и, быть можетъ, плодотворной для будущаго Англіи. Это такъ справедливо, что даже „Fortnightly Review", о̀рганъ либеральный и радикальный, не усумнился признать такого качества этой идеи, въ статьѣ Грега (іюльскій №). Люди восторгаются благодѣяніями всеобщаго военнаго воспитанія: отчего не отвести насъ прямо въ Лакедемонъ съ его системой гражданъ-солдатъ? Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ гражданинъ не исчезалъ за солдатомъ.

„Cedant arma togae!“ восклицалъ потомъ болтунъ Цицеронъ: и убійца Лентула и Цетега не замѣчалъ, что въ своей должности палача, не кстати смѣшанной съ должностью судьи, онъ подчинялъ гражданское начало военному духу. Нѣтъ, въ этой странѣ нѣтъ конскрипцій, нѣтъ всеобщаго военнаго воспитанія: ея особенное положеніе позволяетъ ей обойтись безъ нихъ, и надо поздравить ея жителей, что они могутъ избавиться отъ одного изъ самыхъ тягостныхъ видовъ новѣйшаго рабства.

Марта 15-го (27-го), правительство королевы рѣшило посылку на Мальту семи индійскихъ полковъ: это былъ послѣдній совѣтъ министровъ, въ которомъ участвовалъ лордъ Дёрби, и теперь извѣстно, что принятіе этой мѣры было окончательной причиной его отставки. Приказъ объ отправкѣ войскъ посланъ былъ 31-го марта (12-го апрѣля). Не должно, впрочемъ, воображать, чтобы туземная индійская армія была организована въ особенно страшномъ размѣрѣ: въ ней считается не болѣе 125.000 человѣкъ. Но только, если подумать о 200 милліонахъ „индійскихъ подданныхъ“, можно предвидѣть необычайные размѣры, какіе можетъ принять эта армія въ очень короткое время. Любопытно и достойно вниманія, что туземные феодальные владѣтели, „the protected Princes“, какъ ихъ называютъ, съ числомъ подданныхъ около 50 милліоновъ, содержатъ арміи, число которыхъ превышаетъ 300.000 человѣкъ. Вотъ подробный счетъ ихъ по интересной лекціи полковника Маллесона (Times, 10-го іюня). Круглымъ числомъ, туземныя государства могутъ поставить: 240.000 пѣхоты, 64.000 кавалеріи, съ 9.000 артиллеристовъ и 5.000 пушекъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти силы не въ состояніи побороть,—если бы вышелъ такой случай,—65.000 англійской арміи и даже упомянутыхъ 125.000 туземцевъ. Но можно утверждать, что такой случай не представится. Исторія Индіи показываетъ, что эта громадная страна всегда очень легко дѣлалась добычей разныхъ завоевателей [1]): и въ настоящее время меньше чѣмъ когда-нибудь маратты соединятся съ мусульманскими низамами Гейдерабада, съ сейками Пенджаба и раджпутами сѣверо-западной Индіи для подавленія общаго врага. Я не разъ это указывалъ, и еще болѣе утверждался въ своемъ мнѣніи, когда болѣе и болѣе изучалъ факты.

Недавно, я говорилъ объ этомъ съ однимъ значительнымъ индусомъ, настоящимъ арійцемъ, изъ тѣхъ, которые читаютъ Рамайяну, какъ мы читаемъ Гомера. Я спрашивалъ его, кáкъ просвѣщеннѣйшіе изъ его соотечественниковъ смотрятъ на англичанъ.—„Какъ на угне-

---

[1]) Въ настоящее время, должно замѣтить, *мѣсто уже занято*: теперь сопротивляться будетъ Англія, а Индія послѣдуетъ данному толчку.

тателей", отвѣчалъ онъ.—Значитъ, въ случаѣ войны съ Россіей, вы примете сторону...—„Противъ русскихъ, и за англичанъ", прервалъ онъ меня. „Это не подлежитъ сомнѣнію. Во-первыхъ, мы не испытываемъ потребности мѣнять господъ; во-вторыхъ, англичане болѣе симпатичны извѣстной долѣ населенія, вслѣдствіе ихъ извѣстныхъ отношеній къ Турціи. Съ другой стороны, мы очень хорошо видимъ невозможность, по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время, возстановить независимую Индію".

И въ подтвержденіе этихъ словъ, получено было въ то же время извѣстіе объ энтузіазмѣ, обнаруженномъ сипаями при отправленіи въ Европу. На островѣ Мальтѣ ихъ собрано было до семи тысячъ: два полка кавалеріи и шесть полковъ пѣхоты. Одинъ бывшій военный даетъ точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ „Contemporary" (іюль). Со времени возстанія 1857 г., англійское правительство приняло разныя мѣры при переустройствѣ туземныхъ войскъ. Самая серьёзная изъ этихъ мѣръ—или по крайней мѣрѣ считавшаяся за такую—состояла въ противоположеніи сектъ и племенъ другъ другу. Надо замѣтить, что эти полки составляются изъ восьми ротъ, каждая въ 75 человѣкъ. Штабъ состоитъ изъ восьми англійскихъ офицеровъ —не считая врача; каждая рота заключаетъ, кромѣ того, туземныхъ подчиненныхъ офицеровъ, именно одного капитана, поручика, пять сержантовъ и пять капраловъ. Напримѣръ, въ 5-мъ пѣхотномъ полку бенгальской арміи находится три роты сейковъ и четыре мусульманъ; восьмую роту составляютъ индусы изъ окрестностей Лагора.

Вотъ идеалъ системы: сейки, индусы-браманисты и мусульмане. И, однако, англичане должны были убѣдиться, что пошли ложнымъ путемъ. Духъ корпораціи былъ сильнѣе духа племени, касты и религіи; оказалось, что эти полки, которыхъ роты должны были уравновѣшивать другъ друга, представили совершенный образецъ единства. Если это опасно въ случаѣ возстанія, надо согласиться, что это—превосходный результатъ съ общей точки зрѣнія, которая и есть настоящая, потому что одно изъ двухъ: или не нужно утилизировать эти полки, и тогда къ чему составлять ихъ?—или желательно ими пользоваться, и въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы они были связаны и одушевлены однимъ чувствомъ: полкъ безъ корпоративнаго духа есть, конечно, тѣло безъ души и безъ силы.

Но не довольно было послать эти войска: надо было заплатить издержки перевоза. Одинъ парламентъ имѣетъ власть развязывать кошелекъ, и хотя рѣчь идетъ о дѣлѣ конченномъ, ему нужна была санкція представителей народа. Лордъ Биконсфильдъ, или, точнѣе, корона имѣла власть собрать эти войска; оппозиція имѣла власть

оспаривать это право: она и не пропустила воспользоваться своей прерогативой, по обычной рутинѣ.

По этому поводу въ континентальной печати опять появились самыя чудовищныя ошибки. Одна изъ самыхъ авторитетныхъ и наиболѣе распространенныхъ по всему міру парижскихъ газетъ представила намъ самую фантастическую теорію относительно постоянныхъ армій и того спасительнаго страха, какой онѣ всегда внушали англичанамъ. Этотъ страхъ произошелъ будто бы отъ „безпорядковъ ихъ революціи и отъ воспоминаній объ арміи Кромвеля". Совсѣмъ наоборотъ: этотъ страхъ идетъ отъ реставраціи и отъ воспоминанія объ опасностяхъ, какимъ подвергались политическія и религіозныя вольности отъ безцеремонныхъ манеръ Карла и Якова II. Дѣйствительно, послѣ революціи 1688 г. было формулировано Объявленіе Правъ, гдѣ 6-я статья перваго раздѣла гласитъ такъ: „Противно закону набирать или содержать постоянную армію *внутри Королевства*, въ мирное время, безъ разрѣшенія парламента".

Въ 1689 г., когда одинъ полкъ взбунтовался и высказался въ пользу Якова II, онъ былъ окруженъ и принужденъ положить оружіе. Но эта вооруженная сила была не утвержденная властью и этихъ взбунтовавшихся солдатъ можно было трактовать только какъ обыкновенныхъ гражданъ. Тогда изданъ былъ первый „Mutiny Act" (актъ о бунтѣ): онъ и донынѣ остается легальной фикціей, которая дозволяетъ и освящаетъ существованіе англійской арміи. Каждый годъ, въ началѣ сессіи, парламентъ публикуетъ „Mutiny Act", который подчиняетъ гражданъ, принятыхъ въ солдаты, необходимымъ условіямъ военной дисциплины и въ то же время опредѣляетъ число этихъ гражданъ, т.-е. число арміи, до слѣдующей сессіи. Къ этимъ даннымъ надо прибавить еще законъ 1838 г. „for the government of India", по которому вооруженная сила содержится и дозволяется для защиты этой важной части британской имперіи.

Теперь мы можемъ понять во всѣхъ подробностяхъ большой—или, вѣрнѣе, длинный, нескончаемый споръ, который открылся $^{8}/_{20}$ мая въ обѣихъ палатахъ парламента и продлился до конца этого мѣсяца. У лордовъ (in the Lords, по обыкновенному выраженію), лордъ Сельборнъ сдѣлалъ такое предложеніе: „Необходимо получить разрѣшеніе парламента, прежде чѣмъ какая-нибудь вооруженная сила имперіи, кромѣ 133,475 человѣкъ, назначенныхъ на годъ съ 1-го апрѣля 1878 и указанныхъ въ Mutiny Act этого года, могла быть употреблена въ мирное время гдѣ либо, кромѣ индійскихъ владѣній" (in Her Majesty's Indian possessions)". Подобное предложеніе сдѣлалъ лордъ Гартингтонъ, отъ имени оппозиціи, въ палатѣ общинъ. Я не буду разсказывать подробностей борьбы: въ самомъ дѣлѣ, уже два

года тотъ же споръ повторяется въ обѣихъ палатахъ, съ тѣми же перипетіями, съ тѣми же ораторами, тѣми же или почти тѣми же рѣчами, и особенно—съ тѣмъ же результатомъ. Читать это будетъ скучно; а писать еще скучнѣе.

Довольно сказать, что въ верхней палатѣ вопросъ былъ исчерпанъ, въ двухъ направленіяхъ, лордомъ Сельборномъ, прежнимъ членомъ кабинета Гладстона, и лордомъ Кэрнсомъ, нынѣшнимъ канцлеромъ, двумя кладязями юридической мудрости, которые оба говорили по два часа съ равнымъ успѣхомъ. Потомъ выступилъ лордъ Биконсфильдъ, положившій конецъ сраженію одною изъ тѣхъ тонкихъ и рѣшающихъ рѣчей, полу-ироническихъ и короткихъ, которыя составляютъ его тайну. Сначала онъ безъ труда установилъ, что здѣсь нѣтъ рѣчи о „Mutiny Act“, такъ какъ этотъ законъ прилагается исключительно къ войскамъ собственно англійскимъ, а не къ туземнымъ солдатамъ Индіи. Кромѣ того, онъ утверждалъ, что корона имѣла право повелѣть такое или другое движеніе войскъ, когда того требовалъ интересъ имперіи, и настаивалъ, что въ данномъ случаѣ необходимость была безотлагательная.

„Мы слышали,—прибавилъ онъ въ концѣ,—благороднаго и ученаго лорда оппозиціи и моего благороднаго друга на шерстяномъ мѣшкѣ, вступившихъ въ настоящій гладіаторскій бой. И этотъ замѣчательный поединокъ произошелъ, къ нашему великому удивленію, между двумя изъ нашихъ достойнѣйшихъ сотоварищей. Конечно, мы были восхищены, и однако мы предпочли бы или молчаніе, или рѣзкій результатъ (рукоплесканія). Я не думаю, чтобы подобные споры приносили какую-нибудь пользу общественному интересу. Надо было требовать голосованія парламента. Благородный лордъ не сдѣлалъ этого, потому что онъ и его партія не любятъ оказываться въ меньшинствѣ. Но вы никогда не будете въ большинствѣ, когда у васъ такіе воспріимчивые нервы (смѣхъ). Вашъ долгъ—заявлять ваше мнѣніе безъ страха, и если оно вѣрно и справедливо, страна поддержитъ васъ. Но въ дѣйствительности, я не считаю его ни вѣрнымъ, ни справедливымъ: таково мое общее мнѣніе о рѣчи благороднаго лорда“. Затѣмъ, послѣ этой выходки, сдѣланной съ бисмарковской откровенностью, лордъ Биконсфильдъ далъ понять, что когда придетъ время, онъ не преминетъ представить аргументы, оправдывающіе его способъ дѣйствій; „но теперь,—сказалъ онъ,—уста мои закрыты“.

У лордовъ голосованія не было. Въ общинахъ предложеніе маркиза Гартингтона было отвергнуто 347 голосами противъ 226, такъ что большинство въ пользу правительства было въ 121 голосъ. Но самые рьяные изъ оппозиціи не сочли себя побитыми. Когда черезъ

нѣсколько дней вопросъ былъ поднятъ снова по поводу голосованія о 400,000 фунт. стерл. за перевозку войскъ на Мальту, споръ возобновился въ нижней палатѣ. Фоусеттъ объявилъ эту мѣру противоконституціонной, незаконной, неприличной и неполитичной. Джемсъ Брайтъ воскликнулъ, что политическіе люди Англіи не испытываютъ никакого стыда—находиться въ меньшинствѣ: дѣло снова было пущено на голоса, и на этотъ разъ, при большомъ числѣ лицъ, воздержавшихся отъ подачи голоса, предложеніе оппозиціи было отвергнуто большинствомъ 214 противъ 40. Не бояться очутиться въ меньшинствѣ—прекрасно; но когда не увѣрены въ своей правотѣ, лучше, быть можетъ, не показывать этого слишкомъ часто,—какъ замѣтилъ „Times".

Въ сущности, кромѣ Фоусетта—экономиста à la Бастіа,—и его 40 приверженцевъ, во всемъ Соединенномъ Королевствѣ нѣтъ ни одного человѣка съ умомъ и искренностью, который не одобрилъ бы мѣры правительства или, по крайней мѣрѣ, не призналъ бы ея полной законности. Изъ этихъ фактовъ не слѣдуетъ, однако, извлекать аргументовъ противъ парламентской системы: каковы бы ни были злоупотребленія и смѣшныя стороны этой системы—а ихъ много—онѣ исчезаютъ, уничтожаются въ сравненіи съ громадными неудобствами противоположной системы правленія. Человѣкъ талантливый и дѣйствительно сильный всегда можетъ обойти трудности: и если онъ дѣйствительно правъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, пренія и неизбѣжная неудача оппозиціи только прибавляютъ силы и авторитета его дѣйствіямъ.

Въ настоящемъ случаѣ, дѣйствія кабинета могли стать предметомъ преній только съ точки зрѣнія того духа мелкаго соперничества, который иногда низводитъ парламентскихъ дѣятелей на уровень судейскихъ кляузниковъ. Правда, Англія не была въ настоящей войнѣ; но она была въ ея возможности, если не на дѣлѣ. Дѣйствительно, никогда отношенія между Лондономъ и Петербургомъ не были такъ натянуты; и было пора [1]), 30 апрѣля (12 мая), когда гр. Шуваловъ отправился въ свою столицу, унося съ собою примирительныя слова англійскаго кабинета. Этотъ государственный человѣкъ, болѣе быстрый, чѣмъ Меркурій,—у котораго, правда, не было въ распоряженіи пара,—возвратился уже $^{9}/_{21}$ мая; и, конечно, при его пріѣздѣ было бы кстати исполнить—для тенора—тотъ стихъ, который поется въ „Мессіи":

How beautiful are the feet, etc.

—т.-е. „какъ прекрасны на горѣ ноги тѣхъ, кто приноситъ вѣсти

---

[1]) Рѣчь идетъ съ англійской точки зрѣнія. *Ред.*

мира!" Въ дѣйствительности, графъ только привозилъ эти вѣсти назадъ: когда онъ отправился изъ Лондона, онѣ уже были въ его дорожномъ мѣшкѣ, какъ оказалось вскорѣ, когда консервативная газета „Globe" извѣстнымъ образомъ напечатала предварительное соглашеніе между Англіей и Россіей.

Нѣтъ надобности говорить, съ какимъ интересомъ слѣдили въ Англіи за переговорами дипломатовъ, собравшихся въ Берлинѣ Лордъ Биконсфильдъ представлялъ Англію, и послѣ того, что я разсказывалъ, читатель не удивится, если я скажу, что его отъѣздъ едва не сталъ предметомъ новаго безконечнаго спора въ парламентѣ. Къ счастію, дѣло кончилось однимъ страхомъ: когда одинъ членъ палаты спросилъ, былъ ли подобный прецедентъ, еврей, управляющій Англіей, отвѣчалъ, что прецедента не было, но что онъ создастъ его.

Извѣстно, какъ онъ держалъ себя на конгрессѣ, котораго мельчайшія перипетіи раскрывались намъ каждый день въ замѣчательныхъ корреспонденціяхъ газетъ „Times" и „Telegraph". Несмотря на первоначальныя заявленія, извѣстно, что секретъ этихъ высокихъ собраній всегда былъ тѣмъ, что называется „секретомъ Полишинеля". По мѣрѣ того, какъ подвигалось раздѣленіе Турціи, лица дѣлались все болѣе и болѣе мрачными: у всѣхъ была своя доля: у Австріи— Герцеговина и Боснія, у Сербіи и Черногоріи — независимость съ клочкомъ территоріи, у Россіи — часть Арменіи съ Батумомъ. Но Англія?

Тріумфаторы не могли долѣе воздержаться. „Daily Telegraph", 26 іюня (8 іюля), первый объявилъ, даже раньше чѣмъ „Times",— и безъ сомнѣнія по особенной благосклонности, — то „momentous event", капитальное и неожиданное событіе, какимъ былъ союзный договоръ между Англіей и Турціей, заключенный 4 іюня 1878.

Когда эта новость появилась на столбцахъ „Телеграфа", „Journal des Débats", — который также давалъ свое рѣшеніе восточнаго вопроса, — подшучивалъ надъ Англіей, которая такъ стушевалась, и смѣялся надъ Биконсфильдомъ по поводу его „плана", котораго нигдѣ не было видно, и который, по словамъ газеты, вѣроятно, отданъ былъ министромъ нотаріусу на храненіе. Но оказалось, что планъ отыскался, и когда первый моментъ прошелъ, французская газета признала его важность съ искренностью и самоотверженіемъ, которыя дѣлаютъ ей честь.

Если мы обратимся къ англійской печати, какъ въ провинціи, такъ и въ Лондонѣ, мы находимъ въ ней прежде всего выраженія глубокаго потрясенія. Такъ, напр., „Belfast Northern Whig" говоритъ, что ему „захватываетъ дыханіе". Manchester Guardian видитъ во всемъ этомъ дѣлѣ „что-то фантастическое". Впрочемъ, разныя га-

зеты обнаруживаютъ энтузіазмъ или остаются холодны, смотря по ихъ цвѣту, консервативному или либеральному. „Daily News" просто уподобилъ въ этомъ случаѣ лорда Биконсфильда Наполеону III. Но все негодованіе либеральныхъ газетъ—искусственное и притворное; чувствуется, что эти люди думаютъ не то, что̀ говорятъ, и что они хотятъ только выдержать свою тенденцію. Это видно противъ ихъ воли, и въ сущности, кромѣ одного „Daily News", у всѣхъ другихъ можно замѣтить извѣстное удовольствіе, выраженіе котораго проскальзываетъ иногда невольно. Повидайтесь и поговорите съ ними, и вы тотчасъ увидите самый всеобщій энтузіазмъ.

И съ англійской точки зрѣнія это совершенно понятно: если Россія — разсуждаютъ въ Англіи — потерпѣла заключеніе союзнаго трактата между Англіей и Турціей, она имѣла для этого хорошія основанія. Она позволила видоизмѣнить санъ-стефанскій договоръ — въ извѣстной мѣрѣ [1])—относительно европейской Турціи; но она не уступила ничего изъ своихъ завоеваній въ Азіи, и маркизъ Сольсбери, въ депешѣ къ Лэйярду отъ 18 (30) мая (напечатанной вмѣстѣ съ англо-турецкимъ договоромъ), такъ излагаетъ предметъ спора:

„Пораженіе, испытанное турецкими арміями, и извѣстныя затрудненія правительства, безъ сомнѣнія, породили всеобщее мнѣніе объ его упадкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе, что уже въ скоромъ времени надо ждать политическихъ перемѣнъ, что̀ на востокѣ было бы гораздо опаснѣе, чѣмъ дѣйствительное недовольство съ точки зрѣнія прочности правительства.

„Если населенія Сиріи, Малой-Азіи и Месопотаміи замѣтятъ, что Порта поддерживается только своими собственными силами, онѣ начнутъ разсчитывать на близкое паденіе оттоманской имперіи и будутъ обращать свои взгляды на ея преемника".

А этотъ вѣроятный, и даже несомнѣнный—если дѣла останутся въ томъ же положеніи — преемникъ есть русская имперія. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ маркизъ,—правительству ея величества невозможно не принять своихъ мѣръ, чтобы отвратить то дѣйствіе, какое при такомъ расположеніи умовъ будетъ произведено на области, политическое положеніе которыхъ такъ прямо касается интересовъ Великобританіи на востокѣ".

Здѣсь заключается, по англійскому выраженію, turning point политики сентъ-джемскаго кабинета. До какой же степени онъ поддерживается общественнымъ мнѣніемъ? На этотъ вопросъ достаточно отвѣчаютъ упомянутыя выше голосованія и общее направленіе умовъ въ настоящую минуту. „Въ ту минуту,—говоритъ „Times" (9 іюня)—

---

[1] См. ниже берлинскій договоръ. *Ред.*

когда стало ясно, что Россія рѣшилась воспользоваться своими военными успѣхами, чтобы утвердить свое преобладаніе въ Константинополѣ и въ Азіи, вся страна прижалась къ министерству, чтобы помѣшать этому результату. Точно по инстинкту, англійскій народъ рѣшилъ воспротивиться всякому пріобрѣтенію Россіи, которое могло бы угрожать азіатскимъ владѣніямъ Порты и пути въ Индію. Прочное мнѣніе страны относительно этого пункта рѣшаетъ вопросъ въ послѣдней инстанціи". И газета оканчиваетъ полнымъ и совершеннымъ одобреніемъ союзнаго договора и присоединенія Кипра.

Теперь, если разсуждать серьёзно и не увлекаться въ сторону отъ трезвой оцѣнки положенія, надо будетъ признать справедливость этого мнѣнія. Газеты, особенно за границей, возобновили по этому поводу старую манеру говорить о народѣ „лавочниковъ" (shopkeepers), о „коварномъ Альбіонѣ" и пр.: я не говорю о газетахъ англійской оппозиціи—по той достаточной причинѣ, что, если бы власть была въ рукахъ либераловъ, они говорили бы и дѣйствовали совершенно такъ же, какъ д'Израэли. Говорятъ: лордъ Сольсбери въ своемъ первомъ знаменитомъ циркулярѣ бралъ въ свои руки интересы всѣхъ и говорилъ во имя Европы; теперь, все для Англіи и ничего для другихъ.

Въ прошломъ письмѣ я говорилъ о финансовомъ процвѣтаніи Англіи. Это фактъ безспорный, но его надо разсматривать цѣликомъ и сразу: но если войти въ подробности, то громадность цѣлаго богатства тѣмъ сильнѣе обнаруживаетъ частную нищету, безсмысленное неравенство состояній. Это печальное положеніе вещей оказалось недавно, и притомъ особенно тягостнымъ образомъ, на сѣверѣ, въ Ланкаширѣ, по преимуществу краѣ хлопчато-бумажнаго производства.

Эта промышленность до самаго послѣдняго времени имѣла необычайные размѣры: рынокъ былъ переполненъ произведеніями, такъ что пришелъ моментъ, когда оказалось необходимымъ измѣнить или рабочую плату, или количество производства, или то и другое вмѣстѣ. Начало этой новой борьбы между трудомъ и капиталомъ было замѣчательно тѣмъ, что обѣ стороны совершенно искренно признавали необходимость реформы. Рабочіе видѣли очень хорошо критическое положеніе хозяевъ. „Мы знаемъ,—говорили они въ своемъ манифестѣ 18 апрѣля,— что хлопчато-бумажная промышленность давно страдаетъ. Банкрутства, ликвидаціи, полюбовныя сдѣлки, которыя бывали между фабрикантами такъ часто, составляютъ неоспоримое доказательство плачевнаго состоянія торговли. Иная вещь,—говоритъ манифестъ,—которую покупатель получаетъ за 6 шилл. 6 пенсовъ, приходится производителю въ 7 шилл. 1 пенсъ".

Совершенно точно и ясно, и казалось бы, что послѣ такого откры-

таго заявленія рабочихъ, надо бы найти основанія для соглашенія. Къ несчастію, произошли недоразумѣнія. Такъ, на одномъ собраніи хозяевъ, делегаты рабочихъ не отвѣчали формально на призывъ и во всякомъ случаѣ прибыли слишкомъ поздно. Раздраженные хозяева рѣшились на пониженіе платы въ 10 на сто; рабочіе принимали 5, можетъ быть 7½. Какъ бы то ни было, они не сошлись, переговоры были прерваны, и хозяева рѣшили закрытіе мастерскихъ и общій отпускъ рабочихъ.

Они колебались тѣмъ менѣе, что знали скудость средствъ у рабочихъ. Прядильщики бываютъ обыкновенно членами „рабочаго союза"; но ткачи, между которыми находится много женщинъ, пристаютъ къ „союзамъ" въ гораздо меньшемъ числѣ. Напримѣръ, въ Престонѣ на 12—13 тысячъ ткачей только десятая доля принадлежитъ къ союзу.

Здѣсь мы должны указать новую ошибку, въ которую впала иностранная печать и особенно экономистъ, излагающій подобные вопросы въ „Journal des Débats". Рабочіе, говорятъ, принимали пониженіе платы въ 10%, но подъ условіемъ работать только четыре дня въ недѣлю, вмѣсто шести. Они хотѣли выровнять производство, уменьшить объемъ продуктовъ такимъ образомъ, чтобы переполненный теперь рынокъ снова пріобрѣлъ свой уровень. Они довольствовались 14 шиллингами въ недѣлю, работая четыре дня, и отвергая 18 шилл., которые предлагались имъ хозяевами за шестидневную работу. И по этому поводу шли безконечныя тирады о планѣ рабочихъ, объ его глубинѣ, которая можетъ показаться немного притязательной и пр. Рабочіе—и ихъ не очень порицали за то—хотѣли встрѣтить хозяевъ на самой почвѣ дѣлъ и политической экономіи.

Но можно было бы обойтись безъ этихъ запутанностей и утонченностей, если бы посмотрѣть на дѣло проще. Хозяева вполнѣ согласны съ рабочими въ этомъ основномъ пунктѣ: въ необходимости уменьшить производство. Но, съ другой стороны, они прежде всего хотятъ значительнаго сокращенія рабочей платы,—такъ, чтобы, когда обыкновенный ходъ рынка возстановится, эта пониженная плата останется. Рабочіе, съ другой стороны, тоже смотрятъ дальше настоящей минуты: они знаютъ очень хорошо, что если они примутъ это громадное пониженіе платы, они ожидаютъ однако возвращенія нормальной платы. Вотъ почему они принимали пониженіе въ 5%, соглашаясь притомъ терять два дня въ недѣлю, и не хотѣли слышать о пониженіи въ 10%, хотя бы при шестидневной работѣ сумма платы *въ недѣлю* была выше. И чтобы совсѣмъ выяснить дѣло,—они отказывались принять пониженіе платы больше чѣмъ на 5%. Вотъ

простые факты, которые входятъ въ обыкновенный характеръ стачки: поддержка сколько возможно высокаго уровня рабочей платы.

Къ сожалѣнію, хозяева, раздраженные безъ сомнѣнія продолжительными потерями, показали крайнее высокомѣріе; съ другой стороны, головы разгорячились, въ округѣ произошли серьёзные безпорядки, и у главы общества хозяевъ, Джексона, былъ разграбленъ и сожженъ домъ. Ожесточенныя толпы ходили по странѣ, побивали и разгоняли цѣлые отряды полиціи: явились отряды регулярной арміи. Но скажемъ тотчасъ, къ чести нынѣшняго правительства и къ вѣчному стыду Америки за дикое укрощеніе прошлаго года, въ аналогическихъ обстоятельствахъ—войска только парадировали на улицахъ и не пускали въ ходъ своего оружія. Нѣсколько человѣкъ, которые были убиты, застрѣлены были частными людьми, владѣльцами ткацкихъ машинъ, которые полагали, что должны — съ безчеловѣчной поспѣшностью—„отражать силу силой". Хозяева находили, что правительство выказало слабость въ защитѣ ихъ собственности и ихъ личности; они одни были этого мнѣнія. Лордъ Биконсфильдъ, который всегда любилъ называть себя соціалистомъ въ извѣстной мѣрѣ, не хотѣлъ, чтобы его руки были запачканы кровью. Скажутъ, быть можетъ, что это дѣлалось по воспоминанію объ его романѣ „Сивилла, или двѣ націи", гдѣ эти націи были—богачи и бѣдняки: счастлива во всякомъ случаѣ страна, гдѣ государственные люди пишутъ романы, воспоминаніе о которыхъ можетъ удержать ихъ на чертѣ человѣколюбія и справедливости и внушать имъ отвращеніе къ насильственнымъ и кровавымъ расправамъ.

Нечего прибавлять, что стачка ланкаширскихъ прядильщиковъ и ткачей имѣла фатальный исходъ, необходимый по обстоятельствамъ борьбы: рабочіе должны были уступить голоду и принять, наконецъ, условія, поставленныя хозяевами.

Оставаясь въ ряду печальныхъ событій, хотя въ другомъ порядкѣ идей, мы должны упомянуть о смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей современной Англіи: лордъ Джонъ Россель умеръ въ своей обычной резиденціи, Ричмондѣ, 16 (28) мая, на 86-мъ году. Сынъ наслѣдника имени Бедфорда, онъ родился 18 августа 1792. Герцоги Бедфордъ принадлежали къ тому ряду знатныхъ фамилій виговъ, которыя послѣ революціи 1688 г. овладѣли государями Ганноверскаго дома и почти исключительно управляли Англіей въ теченіи XVIII вѣка. Французская революція разстроила эту партію; люди, какъ знаменитый Джемсъ Фоксъ, остались ей вѣрны, но они потеряли власть, которая перешла въ вигамъ-ренегатамъ, Боркамъ и Питтамъ, которые стали болѣе свирѣпыми реакціонерами, чѣмъ были тори.

Въ противорѣчіе этому и по необходимости, либерализмъ Фокса и виговъ вообще и становился близокъ къ радикализму. Лордъ Джонъ Россель воспитался въ этой болѣе горячей атмосферѣ, и въ 1813, сдѣлавшись членомъ парламента, онъ не замедлилъ явиться рѣшительнымъ защитникомъ народныхъ правъ и избирательной реформы. Когда пришли бурныя времена 1830 г., ему именно было поручено изготовить билль о реформѣ, и онъ поддерживалъ его съ неутомимой энергіей до дня окончательнаго торжества. Никто въ тѣ времена не былъ такъ популяренъ, какъ „лордъ Джонъ" или „Джонни", какъ фамильярно называли его. Но впослѣдствіи роль его не была такъ значительна. Слишкомъ часто, или по уступчивости, или по силѣ вещей, онъ вступалъ въ министерства, гдѣ не имѣлъ преобладанія, какое бы долженъ былъ имѣть. Въ спискѣ первыхъ министровъ Англіи онъ является только два раза, въ 1846 и въ 1863, и въ послѣдній разъ только на одинъ годъ, въ концѣ котораго онъ уступилъ мѣсто лорду Дёрби (отцу), а потомъ д'Израэли, и второй билль о реформѣ былъ снова поднятъ и проведенъ его противниками. Но вообще разсказывать подробно жизнь лорда Росселя значило бы разсказывать исторію Англіи въ продолженіи трехъ четвертей столѣтія. У него не было качествъ, необходимыхъ для того, чтобъ удержаться на первомъ мѣстѣ; тѣмъ не менѣе, его имя всегда останется связано съ великой парламентской реформой, которая измѣнила условія политической жизни въ Англіи и вырвала ее изъ рукъ олигархіи—виговъ или тори,—чтобы мало-по-малу перенести ее въ руки демократіи.

Въ настоящую минуту я могу только указать обширный и въ нѣкоторомъ родѣ замѣчательный докладъ, представленный парламенту королевскими коммиссарами, которымъ поручено было изучить важный вопросъ о литературной собственности, то, чтó называется по англійски „copyright". Извѣстно, какія правила опредѣляютъ теперь этотъ предметъ въ Великобританіи. Собственность своего произведенія принадлежитъ автору въ теченіи его жизни, и его наслѣдникамъ—въ теченіи семи лѣтъ по его смерти. Во всякомъ случаѣ обезпечивается 42 года отъ перваго изданія сочиненія. Коммиссары предлагаютъ продолжить право собственности на тридцать лѣтъ по смерти автора. Вопросъ заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія: этого должно требовать, когда вопросъ явится передъ парламентомъ...

Чтобы кончить письмо, возвратимся еще разъ къ лорду Биконсфильду. Вчера, 4 (16) іюля, онъ имѣлъ свой тріумфъ. Среди безчисленной толпы, среди восторженныхъ кликовъ населенія, которое казалось точно обезумѣвшимъ, онъ проѣхалъ пространство отъ станціи Черингъ-Кроссъ къ своему оффиціальному жилищу въ Доунингъ-

стритѣ. Прибывши туда, онъ долженъ былъ выдти на балконъ, и послѣ нескончаемаго взрыва виватовъ, криковъ „Cyprus for ever“ и другихъ подобныхъ, онъ могъ, наконецъ, сказать нѣсколько словъ привѣтствія и благодарности за выраженія сочувствія „въ эту минуту испытаній“, и высказать надежду, что миръ понравится королевѣ.

И дѣйствительно, страна довольна, потому что онъ приноситъ съ собой миръ,—„миръ,—говоритъ „Times“,—для пріобрѣтенія котораго не было пожертвовано ни честью, ни жизненными интересами націи“. Что касается королевы, какъ не будетъ она довольна министромъ—слугой—который, сдѣлавши ее императрицей Индіи, дѣлаетъ ее теперь „королевой Кипра“, т.-е. Идаліи, Аматонты и Пафоса!

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

¹²/₂₄ іюля, 1878.

XXXIX.

Парижскія окрестности.

I.

Въ настоящее время, когда улеглась горячка, произведенная выставкой, парижане вздыхаютъ по полямъ и лѣсамъ. Обыкновенно въ эту эпоху года всѣ тѣ, кто могъ бѣжать отъ раскаленныхъ троттуаровъ и домовъ Парижа, искали спасенія въ его окрестностяхъ и въ деревнѣ. Нынче все перемѣнилось; парижане остались въ Парижѣ, опутанные цѣлой сѣтью обстоятельствъ: во-первыхъ, любопытствомъ; во-вторыхъ, провинціальными родственниками и друзьями, въ одно прекрасное утро свалившимися имъ, какъ снѣгъ, на голову и которыхъ нужно пріютить и водить по Парижу. Но іюльское солнце немилосердно накаляетъ тѣсныя квартиры, и невольно грезятся дачи, выходящія въ паркъ, утреннія прогулки вдоль темныхъ аллей и вечерняя нѣга на скошенномъ сѣнѣ. Поэтому мало-по-малу, незамѣтно, Парижъ пустѣетъ.

Конечно, выставка — великое зрѣлище. Можно долгія недѣли осматривать ее и все-таки останется многое неосмотрѣннымъ. Это—

цѣлый міръ, и для обозрѣнія его мало и шести мѣсяцевъ. Но въ концѣ-концовъ выставка утомляетъ. Осмотрѣвъ нѣсколько уголковъ, особенно васъ интересующихъ, вы отступаете въ испугѣ передъ утомительностью подробнаго и общаго осмотра. Къ тому же, этотъ диковинный Парижъ, — Парижъ, биткомъ набитый иностранцами, съ его ярмарочной суетой,—его оркестрами, прибывшими со всѣхъ концовъ міра, — его пестрой толпой, въ которой персіяне сталкиваются съ китайцами, а арабы съ японцами, — его ресторанами, сіяющими огнемъ до глубокой ночи, какъ и зимой, — его оглушительнымъ шумомъ машины, пущенной полнымъ ходомъ ради какого-то колоссальнаго дѣла; этотъ Парижъ уже совсѣмъ не тотъ Парижъ, къ которому мы, парижане, привыкли, и мы не чувствуемъ больше себя въ немъ дома. Вообразите, что вы принимаете у себя новобрачныхъ съ ихъ поѣзжанами: первые часы прелестны; радость вашихъ гостей васъ восхищаетъ; но вскорѣ наступаетъ усталость; вы все еще веселы и любезны; но втайнѣ уже вздыхаете по томъ часѣ, когда всѣ эти добрые люди разойдутся, и вы снова найдете свой покой и свои любезныя привычки. Нашъ домъ наводнила волна, растущая не по днямъ, а по часамъ: понятно, что миролюбивые люди спасаются бѣгствомъ и ожидаютъ въ сторонкѣ, чтобы вторженію наступилъ конецъ.

Наконецъ, весело поступать не такъ, какъ всѣ остальные. Это не парадоксъ; это, въ самомъ дѣлѣ, очень весело. Когда видишь, что вся Европа устремляется на Марсово-поле, то говоришь себѣ: „А вотъ я такъ схоронюсь въ Буживалѣ или въ Шатонѣ и буду удить рыбу". Это, право, превесело. Я знаю многихъ людей, которые сбѣжали отсюда въ маѣ мѣсяцѣ, поклявшись, что вернутся въ Парижъ не ранѣе декабря. Они укрылись въ различныхъ закоулкахъ, гдѣ смѣются надъ толпами, устремляющимися на Трокадеро. Выдѣлиться изъ людского стада, говорить себѣ, что никому не подражаешь, жить, какъ живется, безъ программы — значитъ поступать мудро. Да! быть-можетъ, мудрость въ этомъ самомъ и заключается.

Ну, вотъ я поступлю отчасти такъ, какъ поступаютъ эти оригиналы. Въ то время, какъ людская волна нахлынула на Парижъ, я разстанусь съ нимъ и займусь его обезлюдѣвшими окрестностями. Давно уже мнѣ хочется поговорить съ вами объ окрестностяхъ нашей столицы; каждое лѣто я собирался поговорить о невыразимой прелести его полей: быть-можетъ, ни одинъ городъ въ мірѣ не можетъ похвалиться такой каймой деревъ, рѣкъ и долинъ. Но каждый разъ новыя идеи застилали эту первоначальную. Но теперь случай слишкомъ удобенъ. Такъ какъ въ Парижѣ стало тѣсно, то я спасаюсь бѣгствомъ въ поля; тамъ я найду всѣхъ истинныхъ парижанъ, всѣхъ тѣхъ, которые убѣжали изъ улицъ и бульваровъ, осаждаемыхъ иностранцами; я встрѣ-

чусь тамъ съ обществомъ поэтовъ, протестующихъ противъ гвалта всемірной выставки. Извѣстно, какъ сладко, по словамъ одного латинскаго поэта, слушать, какъ реветъ буря, сидя подъ теплымъ кровомъ. Никогда еще поля́ не казались мнѣ такими ясными, деревья такими спокойными въ своемъ величіи, во́ды такими плавными и безмятежными, какъ въ настоящее время, когда людскія волны бушуютъ въ Парижѣ. Подумать только, что триста тысячъ человѣкъ увлечены однимъ общимъ потокомъ любопытства и, оглянувшись на самого себя, увидѣть, что лежишь въ уединеніи, подъ тѣнью стѣны изъ тополей, межъ тѣмъ какъ Сена течетъ у ногъ, тихо журча своими свѣтлыми водами! Парижъ сверкаетъ на горизонтѣ, а вокругъ безмятежная природа тихо и съ улыбкой продолжаетъ свои грёзы.

Надо сказать, что парижане непомѣрно любятъ деревню. По мѣрѣ того, какъ Парижъ все расширялся, деревья все отступали, жителями, лишенными зелени, овладѣвала неотступная мечта пріобрѣсти гдѣ-нибудь свой собственный клочокъ земли. Надо видѣть, на что похожи скверы въ населенныхъ кварталахъ; они биткомъ набиты ребятишками окрестныхъ улицъ; матери сидятъ тутъ же; толпа такъ же густа, какъ и на перекресткѣ въ праздничный день. Къ тому же, бѣднѣйшіе ухитряются развести садъ на своихъ окнахъ: нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, укрѣпленныхъ доской; душистый горошекъ и испанскіе бобы тянутся вверхъ, образуя бесѣдку, и можно подумать, что за нѣсколько грошей заманилъ къ себѣ весну. У другихъ счастливцевъ есть террассы, которыя они превращаютъ въ настоящіе сады; ящики замѣняютъ гряды; вокругъ переплетенныхъ жердей вьется виноградная лоза и бородавникъ. Я видалъ такимъ образомъ на иныхъ крышахъ не только апельсинныя и лавровыя деревья, но и яблони и вишневыя деревья, на которыхъ красовались и плоды. Когда обитаешь въ шестомъ этажѣ высокаго дома и посмотришь кругомъ себя, то со всѣхъ сторонъ видишь висячіе сады. Жильцы вознаграждаютъ себя такимъ образомъ за отдаленность деревни и отсутствіе деревьевъ, которыхъ не видно даже и верхушекъ изъ-за океана крышъ. И какая радость въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда окна квартиры выходятъ на одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ садовъ, которые разрушительный заступъ еще пощадилъ въ Парижѣ! Мѣсто такъ дорого, что надо быть очень богатымъ, чтобы дозволить себѣ роскошь имѣть садъ. Въ богатыхъ кварталахъ еще попадаются деревья; но въ самыхъ населенныхъ кварталахъ дома̀ тѣснятся другъ возлѣ друга, и нѣтъ больше ни зелени, ни воздуха. По воскресеньямъ, задыхающіеся обыватели дѣлаютъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, чтобы поглядѣть на поля́ съ высоты укрѣпленій.

Прогулка на укрѣпленія является классической прогулкой рабо-

чаго населенія и мелкихъ буржуа. Я нахожу ее трогательной въ своей наивности; парижане не могли бы дать лучшаго доказательства своей несчастной страсти къ травѣ и къ обширному горизонту, раскрывающемуся передъ глазами. Они идутъ по застроеннымъ улицамъ и приходятъ усталые, обливаясь пóтомъ, въ облакѣ пыли, поднимаемой ногами гуляющихъ, и усаживаются семейнымъ кружкомъ на газонѣ, сожженномъ солнцемъ, подъ жидкой тѣнью чахлаго деревца, объѣденнаго гусеницами. Вотъ тотъ жалкій рай, о которомъ такъ много мечтали! Позади нихъ рычитъ Парижъ, залитый палящими лучами іюльскаго солнца; окружная желѣзная дорога яростно свиститъ, между тѣмъ какъ въ пустыряхъ зловонныя производства заражаютъ воздухъ. Предъ ними, у ногъ, разстилается военный поясъ, обнаженный, пустынный, тамъ и сямъ разнообразящійся досчатымъ кабачкомъ. Высокія кирпичныя трубы фабрикъ пересѣкаютъ пейзажъ и грязнятъ его длинными султанами чернаго дыма. Но что за дѣло! За трубами, за пустыремъ, окружающимъ Парижъ, гуляющіе видятъ дальніе холмы, луга, зеленѣющіе пятнами, кажущимися не больше ладони, деревья, похожія на тѣ, какія бываютъ въ игрушечныхъ деревняхъ. И этого съ нихъ достаточно; они довольны, потому что видятъ настоящую деревню въ одной или двухъ верстахъ передъ собою. Мужчины снимаютъ куртки, женщины садятся на разостланные платки; они проводятъ тамъ все послѣ-обѣда, дыша вѣтромъ, доносящимся изъ лѣсовъ; затѣмъ, вернувшись въ парижскую огненную печь, они говорятъ, что пришли изъ деревни. Добрые люди, они показались бы смѣшными, если бы не были такъ трогательны.

Не знаю ничего безобразнѣе и зловѣщѣе, чѣмъ этотъ первый поясъ, окружающій Парижъ. У всякаго большого города бываетъ такой поясъ, представляющій собой мерзость запустѣнія. По мѣрѣ того какъ мостовыя подвигаются,—поля отступаютъ, и между оканчивающимися улицами и начинающейся травой тянется опустошенная полоса земли, раны которой еще не прикрыты новыми кварталами. Тутъ мы видимъ груды развалинъ, ямы съ нечистотами и мусоромъ, полу-разрушенные заборы, огороды съ гніющей капустой, постройки, сдѣланныя на живую нитку изъ земли и изъ досокъ, и которыя не устоятъ передъ сильнымъ порывомъ вѣтра. Такимъ образомъ, великій городъ какъ-бы непрерывно извергаетъ свою пѣну на окраины. Тутъ гнѣздится вся грязь и весь развратъ Парижа. Нищета выставляетъ здѣсь на-показъ свои лохмотья. Нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ уцѣлѣли и подобны спокойнымъ и сильнымъ богамъ, позабытымъ среди чудовищныхъ очертаній города. Нѣкоторые закоулки въ поясѣ укрѣпленій особенно унылы. Приведу для примѣра равнину Монружъ, которая тянется отъ Армейля до Ванвра. Тутъ на-

ходятся старинныя каменоломни, взбудоражившія всю почву. Иныя изъ нихъ разработываются еще и по-нынѣ; а надъ этой голой равниной торчатъ гигантскіе вóроты, колеса, напоминающіе висѣлицы и гильотины. Ни одного дерева, — только эти неподвижные остовы. Почва мѣловая, пыль съѣла траву, идешь по размытой дорогѣ, съ глубокими выбоинами, среди ямъ, превращающихся въ дождливое время въ пруды стоячей воды. Не знаю мѣста болѣе печальнаго, болѣе унылаго въ тотъ часъ, какъ солнце заходитъ, вытягивая непомѣрно-жидкую тѣнь громаднаго вóрота. Это — пустыня, ставшая еще ужаснѣе оттого, что по ней прошелъ разрушителемъ человѣкъ; это — закинутая каменоломня, изъ которой извлекли весь камень Парижа и которая осталась у его воротъ съ зіяющими на-вѣки вѣчными ранами. По другую сторону города, къ сѣверу, есть также очень печальныя мѣста. Густо-заселенные кварталы: Монмартръ, Ла-Шапель, Ла-Вильетъ, заканчиваются здѣсь среди ужасающей нищеты. Это уже не голая равнина, не мрачное зрѣлище искалѣченной почвы; это, напротивъ того, грязь человѣческая, гдѣ кишмя-кишитъ населеніе голодающихъ бѣдняковъ. Жалкія лачуги образуютъ узкія улицы; грязное бѣлье виситъ у оконъ; дѣти въ лохмотьяхъ валяются въ грязи. Страшный порогъ Парижа, на которомъ скопляется вся грязь и передъ которымъ иностранецъ могъ бы въ ужасѣ отступить, не догадавшись даже о чудесахъ роскоши, скрывающихся внутри города. Впрочемъ, надо замѣтить, что если исключить тріумфальные въѣзды заставъ de l'Etoile и du Trône — да и то эта послѣдняя выставляетъ на-показъ много некрасиваго — то мы найдемъ, что окраины Парижа довольно жалки. Я помню, какъ, будучи ребенкомъ, пріѣхалъ въ Парижъ въ дилижансѣ и пережилъ тутъ одно изъ самыхъ жестокихъ разочарованій въ моей жизни. Я ожидалъ, что увижу рядъ дворцовъ, а между тѣмъ тяжелый рыдванъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ катился мимо жалкихъ лачугъ, кабаковъ, домовъ подозрительнаго вида,—цѣлой слободы, вольно раскинувшейся по обѣимъ сторонамъ дороги. Затѣмъ рыдванъ въѣзжалъ въ узкія, темныя улицы. Парижъ казался тѣснѣе и мрачнѣе того маленькаго городка, изъ котораго я только-что пріѣхалъ.

Одни бѣдняки считаютъ удовольствіемъ гулять по укрѣпленіямъ. Мелкіе чиновники и даже зажиточные работники забираются въ своихъ прогулкахъ далѣе. Они доходятъ до первыхъ лѣсовъ городской черты. Бомондъ, давка экипажей и тщательная чистота, поддерживаемая въ аллеяхъ, изгнали ихъ изъ Булонскаго лѣса, превращеннаго въ громадный, роскошный садъ. Но у нихъ остался Венсенскій лѣсъ, гдѣ еще можно затеряться. Къ тому же, они на этомъ не останавливаются: они добираются до настоящей городской черты,

— до настоящей деревни, благодаря безчисленнымъ средствамъ къ передвиженію, какія у нихъ имѣются теперь подъ руками. По мѣрѣ того какъ развивалась охота къ такимъ прогулкамъ, создавались и новые способы сообщенія. Мы далеко ушли со времени версальскихъ кукушекъ. Кромѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя отправляютъ поѣздъ каждые полчаса, есть еще сенскіе пароходы, омнибусы, желѣзно-конныя дороги, не считая извощиковъ. По воскресеньямъ вездѣ давка; въ нѣкоторыя солнечныя воскресенья высчитали, что почти одна четверть населенія—пятьсотъ тысячъ человѣкъ—наводняютъ кареты и вагоны и разливаются по окрестностямъ. Праздники, празднуемые въ окрестныхъ селахъ и размѣщающіеся отъ Пасхи до дня Всѣхъ Святыхъ, способствуютъ этому громадному переселенію, привлекая толпы любопытныхъ. Не существуетъ, безъ сомнѣнія, города, гдѣ бы жители питали такую страсть къ зелени. И удивительнѣе всего то́, что всѣ классы увлекаются этой страстью. Каждый, смотря по своему кошельку, забирается болѣе или менѣе далеко; одни останавливаются, какъ я уже сказалъ, на укрѣпленіяхъ; другіе доходятъ до ресторановъ первыхъ деревень; третьи — пускаются въ дальній путь, верстъ за семь, за восемь. Молодежь въ особенности наводняетъ всѣ лужайки; Латинскій кварталъ имѣетъ любимые кабачки близъ Со и Мёдона, любители которыхъ на лодкахъ плывутъ внизъ по Сенѣ въ Аньеръ, въ Аржантёйль, въ Буживаль; молодые прикащики забираются всюду въ разбродъ. Затѣмъ цѣлыя семьи разъѣзжаютъ по окрестностямъ, захвативъ съ собой обѣдъ, который съѣдаютъ на травѣ. Встрѣчаешь цѣлыя группы, или влюбленныя парочки, ищущія уединенія, — господъ, гуляющихъ въ одиночку, съ тросточкой въ рукахъ; подлѣ каждаго куста натыкаешься на цѣлое общество. По вечерамъ кабачки горятъ огнями, въ нихъ слышится смѣхъ, разносящійся въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

Я до сихъ поръ говорилъ только о гуляющихъ. Но владѣльцы — тѣ, у кого есть хоть самый небольшой клочокъ земли — волнуются иными чувствами. Имѣть дачу — излюбленная мечта всѣхъ парижанъ. Люди, живущіе взаперти, въ лавкѣ или въ конторѣ, откладываютъ по копѣйкамъ на покупку лачужки, куда они будутъ ѣздить по воскресеньямъ. Въ числѣ этихъ мономановъ сельской жизни, надо прежде всего упомянуть объ актерахъ. Почти у всѣхъ парижскихъ артистовъ — я говорю о богатыхъ — есть дача, хотя бы крошечная. Многіе живутъ за городской чертой; другіе—въ Аньерѣ; третьи забираются даже въ Мезонъ-Лафитъ. Они пріѣзжаютъ въ Парижъ послѣ полудня для репетицій и уѣзжаютъ послѣ вечерняго представленія съ послѣднимъ поѣздомъ. И ка́къ понятна эта чрезмѣрная любовь къ деревенской обстановкѣ у людей, проводящихъ

всю свою жизнь среди картоннаго міра и газовых рожков. Нѣт мѣста болѣе душнаго, болѣе зловоннаго, нежели театр. Каким сладким должен казаться свѣжій воздух по выходѣ из такого вертепа. За актерами идут коммерсанты, как самые страстные любители деревни. Эти тоже задыхаются за прилавком; они уѣзжают в субботу вечером и возвращаются в Париж только в понедѣльник утром. Они живут надеждой, что наступит время, когда они совсѣм удалятся от дѣл и станут безвыѣздно жить на своей милой дачѣ. Многіе дѣлают глупости, доказывают свою любовь к сельской жизни комическими и трогательными постройками. За городской чертой виднѣются швейцарскіе шалѐ, средневѣковые зàмки, дворцы эпохи возрожденія, — все это величиной с карточный домик и выстроенное на живую нитку. Люди смѣются—и совсѣм напрасно. У наших строителей, конечно, нѣт вкуса; конечно, смѣшна их претензія вмѣстить цѣлый парк,—с каскадами, бассейнами, горками, лѣстницами в садиках, гдѣ могут задохнуться двѣ курицы; но это лишь несчастное проявленіе их страсти к природѣ и ко всему животному. В душѣ их живет все тот же парижанин, который жаждет свѣжаго воздуха.

Вопль громаднаго города неизмѣнен,—то вопль о свободѣ. Он трещит в своем слишком узком поясѣ, он безпрестанно заглядывает на горизонт, задыхаясь, прося солнца и воздуха. Мечта его, повидимому, заключается в том, чтобы превратить обширную равнину в увеселительный сад, гдѣ бы он мог гулять вечером, по окончаніи трудов. Богатые рвут друг у друга малѣйшіе клочки земли; бѣдные приходят наслаждаться видом чужих деревьев. Это—всеобщее стремленіе, увеличивающееся с каждым годом, и оно, в концѣ-концов, превратит окраины Парижа в продолженіе его бульваров и скверов.

II.

Любопытно было бы изучить развитіе страсти к деревнѣ у парижан. Я только-что сказал, до какой степени она теперь сильна у них. Но она не всегда существовала. Не только не существовало способов передвиженія, что̀ естественно ограничивало число гуляющих; но и любовь к длинным прогулкам не развилась. Сто лѣт тому назад извѣстны были лишь весьма немногія из окраин города. Много прелестных закоулков, прелестныя деревни, утонувшія в зелени, спали сном невинности.

Начну издалека. При Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV деревня казалась не особенно привлекательной. Ее терпѣли припомаженную,

разукрашенную, обращенную въ декорацію вокругъ княжескихъ зàмковъ. Версаль, Сенъ-Жерменъ, Со—вотъ сельскія мѣстности, гдѣ въ великолѣпныхъ дворцахъ вели такой же шумный образъ жизни, какъ и въ Парижѣ. Вельможи слѣдовали примѣру короля, парки и великолѣпныя резиденціи создавались за городской чертой, грандіозные остатки которыхъ можно видѣть и въ настоящее время. Но маленькихъ помѣстій не существовало, нѣсколько разбогатѣвшихъ буржуа одни рѣшались строить себѣ дачи; большинство проживало въ городѣ. Тщетно стали бы искать искромсанныхъ полей нашего времени, клочковъ земли, распредѣленныхъ между тысячью рукъ, сотенъ небольшихъ домиковъ, изъ которыхъ каждый окруженъ садикомъ, обнесеннымъ стѣной. Должна была произойти революція для того, чтобы наступилъ раздѣлъ имуществъ и чтобы вокругъ Парижа выросли какъ грибы буржуазныя виллы, построенныя на отрѣзкахъ отъ обширныхъ парковъ прежнихъ временъ.

Наши отцы не любили деревни или по крайней мѣрѣ любили ее не по нашему. Литература, служащая отголоскомъ нравовъ, ни словомъ не обмолвилась въ семнадцатомъ столѣтіи о страсти къ природѣ, охватившей ихъ въ концѣ семнадцатаго вѣка и съ тѣхъ поръ постоянно возраставшей. Если мы станемъ искать въ книгахъ того времени какихъ-нибудь данныхъ о прелестяхъ парижскихъ окраинъ и объ удовольствіяхъ, какими пользовались парижане того времени—мы ничего объ этомъ не найдемъ. Приходится довольствоваться знаменитымъ стихомъ m-me Дезульеръ, толкующемъ про „des bords fleuris qu'arrose la Seine". Вотъ и все. Эти „bords fleuris"—единственное, чѣмъ почтилъ тотъ вѣкъ восхитительные берега рѣки, малѣйшіе закоулки которой прославляются въ настоящую минуту. Самъ Лафонтенъ, поэтъ наиболѣе отзывчивый на природу своего времени, не обмолвился ни однимъ стихомъ по поводу парижскихъ окрестностей, хотя довольно часто посѣщалъ ихъ; правда, въ его произведеніяхъ сохранился какъ-бы ароматъ отъ нихъ, но тщетно было бы искать хотя бы одного описанія. Правда, біографіи нѣкоторыхъ писателей сообщаютъ намъ нѣкоторыя подробности; мы знаемъ, что Буало жилъ въ Отёйлѣ и что его друзья: Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ по временамъ собирались у него; позднѣе мы узнаемъ, что Вольтеръ родился въ Шатнэ и что у Скаррона была дача въ Фонтнэ-О-Розъ. Но все это очень скудныя свѣдѣнія и помощью ихъ трудно воссоздать сельскую жизнь прошлыхъ вѣковъ.

Я думаю, что слѣдуетъ держаться того, чтò я говорилъ выше. Одно дворянство, обладатели колоссальныхъ состояній, владѣли всей землей и вели въ своихъ зàмкахъ ту же жизнь, чтó вели и въ Парижѣ въ своихъ отеляхъ. Позднѣе, финансисты, высшая буржуазія

тоже стали пріобрѣтать помѣстья. Дача, какъ мы ее понимаемъ, временное пристанище, куда пріѣзжают переночевать ночь, была неизвѣстна. О природѣ въ книгахъ не говорили, потому что она не была гуманизирована и потому что къ ней относились индифферентно, какъ къ чему-то низшему. Но это не значило, чтобы ее не любили; ее, конечно, любили, охотно пользовались ею, гуляли, не придавая деревьямъ столько значенія, чтобы о нихъ стоило говорить. Нужно было, чтобы явился Руссо для того, чтобы наступило всеобщее умиленіе и всѣ принялись обниматься съ дубами, какъ съ братьями. Въ настоящее время наша страсть къ полямъ родилась изъ великаго натуралистическаго движенія въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Мы уже больше не требуемъ разукрашенной природы; версальскій паркъ надоѣдаетъ намъ и ветшаетъ; обширныя королевскія резиденціи слишкомъ просторны для современныхъ королей и императоровъ, которые уже не придерживаются въ деревнѣ пышной обстановки Людовика XIV. Переворотъ полный и мы любимъ деревню такой, какой она есть; мы ищемъ въ ней убѣжища отъ города, а не перетаскиваемъ съ собой городъ.

Руссо, котораго я только-что назвалъ, одинъ изъ первыхъ сталъ умиляться передъ всякой былинкой. Воспоминаніе о немъ еще живетъ въ Эрменонвилѣ, прелестной долинѣ Монморанси, такой тѣнистой и орошаемой такими чистыми водами. Извѣстно, что маркизъ де-Жирарденъ предложилъ ему гостепріимство въ помѣстьѣ, купленномъ имъ въ 1763 г. Этотъ маркизъ де-Жирарденъ—любопытный типъ первыхъ поклонниковъ природы. Онъ безумствовалъ въ своемъ паркѣ, обработывалъ пески, осушалъ болота и, въ концѣ-концовъ, создалъ великолѣпнѣйшее помѣстье, какое только можно видѣть. У него были свои собственныя понятія о живописномъ. Тогдашній взглядъ на него казался ему слишкомъ симметричнымъ и слишкомъ тожественнымъ. Онъ мечталъ о томъ, чтобы вернуться къ природѣ, къ подражанію дикой природы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ желалъ ее и украсить, и пополнилъ свой паркъ искусственными развалинами, поддѣльными хижинами, поддѣльными гробницами и тамъ-и-сямъ на камняхъ стояли латинскія двустишія и французскія четверостишія. Это типично, въ этомъ выражаются пробуждающіеся вкусы той эпохи, лепетъ романтизма при его появленіи на свѣтъ Божій. Замокъ Эрменонвиль разрушенъ; но еще и по сіе время въ паркѣ можно видѣть гротъ, каскадъ, островъ по срединѣ озера, эрмитажъ, храмъ философіи и „памятникъ прежней любви". Въ павильонѣ, сосѣднемъ съ замкомъ,—павильонѣ, уже больше не существующемъ—умеръ Руссо. Онъ прожилъ въ немъ только шесть недѣль и былъ похороненъ на островѣ тополей, откуда въ 1794 г. его бренные останки перенесены въ Пантеонъ. Гробница его существуетъ и по-нынѣ на островѣ.

Я распространился о помѣстьѣ Эрменонвиль потому, что оно составляетъ эпоху въ исторіи нашей страсти къ деревнѣ. Романтизмъ готовился вдохнуть душу въ природу. Позднѣе съ Шатобріаномъ, съ Ламартиномъ, съ Викторомъ Гюго мы вступаемъ въ пору поэтическаго пантеизма, установившаго братство между людьми и неодушевленнымъ міромъ. Въ первыхъ стихотвореніяхъ Виктора Гюго находятся весьма умилительные стихи объ одномъ уголкѣ парижскихъ окраинъ. Поэтъ часто ѣздилъ къ Бертэнамъ, у которыхъ была усадьба въ Бьеврѣ, маленькомъ селеніи, расположенномъ въ прелестной долинѣ, между Мёдономъ и Верьеромъ. Впрочемъ, это единственный уголокъ, воспѣтый имъ. Ламартинъ говорилъ лишь о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился. Надо сказать, что окрестности Парижа, такія милыя и привѣтливыя, не созданы для лирической поэзіи.

Одинъ писатель очень популяризировалъ парижскія окрестности. Я говорю о Поль-де-Кокѣ. Несомнѣнно, что онъ наиболѣе содѣйствовалъ тому, чтобы вытолкнуть мелкій людъ за черту укрѣпленій. Безъ сомнѣнія, въ его время толчокъ уже былъ данъ и онъ разсказывалъ про деревенскіе пикники, на которыхъ участвовалъ. Но своими романами, которые такъ читались и такъ нравились буржуазному и рабочему классу, онъ ввелъ въ моду эти пикники, прославилъ нѣкоторые пункты парижскихъ окрестностей. Онъ одинъ изъ первыхъ писателей, у котораго окрестности Парижа играютъ значительную роль и описаны весьма точно и подробно. Конечно, литературное достоинство всего этого не велико, но сколько добродушія, и какъ ощутительно, что онъ описываетъ истинныя происшествія, приправляя ихъ комической шуткой! Это уже не лирическій поэтъ, колѣнопреклоненный предъ великими лѣсами; это самъ парижскій буржуа, относящійся къ деревнѣ съ добродушіемъ неприхотливой кумушки и требующій отъ нея прежде всего свободы и свѣжаго воздуха. Никто еще не описывалъ такъ вѣрно сельскую жизнь мелкихъ буржуа и мелкихъ торговцевъ. У него совершенно точно описаны парижскія окрестности при Луи-Филиппѣ.

Очень любопытно познакомиться по Поль-де-Коку съ тѣмъ, чѣмъ были Булонскій и Венсенскій лѣса пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Туда совершались прогулки на ослахъ, тамъ обѣдали на травѣ; гуляющимъ случалось взаправду заблудиться въ нихъ и ихъ приходилось разыскивать. Конечно, все перемѣнилось въ настоящее время. Ослы исчезли изъ Булонскаго лѣса, уступивъ мѣсто экипажамъ всего свѣтскаго Парижа. Можно, пожалуй, и теперь отобѣдать на травѣ, но сторожа будутъ косо смотрѣть на васъ. Что же касается до того, чтобы заблудиться, то это очень хитро, такъ какъ всѣ чащи расчищены, вездѣ проведены аллеи, лужайки превращены въ цвѣтники.

Поэтому я не совѣтую влюбленнымъ искать тамъ уединенія, потому что ихъ весьма легко накроетъ полиція. Знаменитый прудъ Отёйля, о которомъ Поль-де-Кокъ говоритъ какъ объ отдаленномъ и дикомъ мѣстѣ, въ настоящее время кажется ближайшимъ сосѣдомъ аристократическаго бассейна въ Тюльери.

Но любимая окрестность романиста, куда онъ безпрестанно возитъ своихъ героевъ—это Роменвиль. Тутъ мы остаемся у воротъ Парижа, туда можно дойти пѣшкомъ, слѣдуя по большой бельвильской дорогѣ, теряющейся среди полей съ земляникой и сиренями. Способы передвиженія были тогда не очень еще многочисленны и побывать въ Роменвилѣ было тогда гораздо труднѣе, чѣмъ теперь съѣздить въ Фонтенбло или въ Мантъ. Поль-де-Кокъ съ умиленіемъ говоритъ о Роменвильскомъ лѣсѣ, гдѣ были цѣлыя рощи сиреней. Въ настоящее время этотъ лѣсъ срубленъ, и надо усиліе воображенія, чтобы представить себѣ его былую прелесть. Парижъ подвинулся съ этой стороны, и теперь мы видимъ тамъ большую голую равнину, на которой вдоль дороги выросли пребезобразныя постройки. Это предмѣстье съ его труженичествомъ и нищетой. Прелестными остались лишь поля съ земляникой, о которыхъ я упоминалъ выше, поля, окруженныя живыми изгородями. Однако нѣсколько боскетовъ все еще сохранилось, но тщетно стали бы вы искать рощъ изъ сиреней, изъ которыхъ влюбленные возвращались, увѣнчанные цвѣтами. Кабачки закрылись, молодежь перекочевала на другое мѣсто.

И тутъ кстати будетъ замѣтить, что мода на увеселительныя сельскія мѣста измѣняется каждыя пятьдесятъ лѣтъ. Сколько пѣсенъ написано было на Роменвиль, нынѣ забытый и безлюдный! Робинзонъ, группа кабачковъ возлѣ Со, о которыхъ я поговорю дальше, смѣнили Роменвиль въ началѣ второй имперіи. А въ настоящую минуту и Робинзонъ отцвѣтаетъ: мода перебросилась въ другое мѣсто. Упомяну также объ Аньерѣ и Буживалѣ, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ у Поль-де-Кока, и которые въ такой модѣ въ настоящее время. Какъ я уже говорилъ, способы передвиженія, умножаясь, переносили гуляющихъ все дальше и дальше отъ Парижа. Со всѣхъ сторонъ выросли увеселительныя мѣста.

Здѣсь я долженъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что открытіе парижскихъ окрестностей принадлежитъ живописцамъ. Они еще болѣе, чѣмъ Поль-де-Кокъ, содѣйствовали тому, чтобы публика узнала ихъ и полюбила. Это цѣлая исторія, связанная съ исторіей нашей натуральной школы пейзажа. Когда Франсэ, Коро, Добиньи бросили классическую формулу и стали рисовать свои пейзажи съ натуры, они смѣло отправились, съ мѣшкомъ за спиной и тростью въ рукѣ, отыскивать новые виды. И имъ не пришлось забираться далеко: случилось, что они съ первыхъ же верстъ наткнулись на прелестныя

мѣста. Франсэ и нѣкоторые изъ его пріятелей открыли Мёдонъ. До тѣхъ поръ никто не подозрѣвалъ о прелести Сенскихъ береговъ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Парижа. Добиньи, позднѣе, изучилъ всю рѣку отъ Мёдона до Манта, и сколько открытій сдѣлалъ онъ на этомъ пути: Шатонъ, Буживаль, Мезонъ-Лафитъ, Конфланъ, Андрети! До того времени парижанамъ неизвѣстны были даже имена этихъ деревушекъ. Пятнадцать лѣтъ спустя такая толпа нахлынула на нихъ, что живописцамъ пришлось бѣжать дальше. Такимъ образомъ Добиньи, прогнанный толпой съ Сены, искалъ убѣжища на Уазѣ, въ Аньерѣ, между Понтуазомъ и Иль-Аданъ. Коро довольствовался Виль-д'Авре, гдѣ у него были пруды и высокія деревья. Толчокъ былъ данъ: окрестности Парижа все болѣе и болѣе становились извѣстны съ каждой выставкой картинъ! Тутъ совершался не только художественный переворотъ, но еще и выразился протестъ противъ туристовъ, которые ищутъ красивыхъ мѣстоположеній вдали, когда у нихъ есть подъ руками восхитительные. И какъ удивилась публика! Ка́къ, неужели у воротъ Парижа можно видѣть такіе прекрасные пейзажи! До тѣхъ поръ никто ихъ не видѣлъ. Всѣ устремились мало-по-малу въ этотъ новый міръ и на каждомъ шагу ждалъ новый сюрпризъ. Окрестности были завоеваны.

То было время дешевыхъ постоялыхъ дворовъ, уединенныхъ береговъ, долгихъ часовъ труда на лонѣ природы. Надо было слышать разсказы Добиньи объ этой эпохѣ, въ послѣдніе годы его жизни. Въ селеніяхъ вамъ отводили жилище и кормили васъ за три франка въ день; въ настоящее время то и другое обойдется въ восемь, девять франковъ. И при этомъ вы царили безусловно, безспорно надо всѣми островами Сены, гдѣ можно было проводить долгія недѣли, не встрѣтивъ ни души. Добиньи заказалъ себѣ разъ лодку съ палубой, на которой устроилъ комнату, служившую ему вмѣстѣ столовой, спальной и мастерской и въ этой лодкѣ онъ проживалъ на Сенѣ и Уазѣ, плавая вверхъ и внизъ по рѣкѣ, какъ ему вздумается, бросая якорь и берясь за кисть, когда ему понравится какой-нибудь пейзажъ. Въ настоящее время берега Сены срисованы со всѣхъ пунктовъ и я приведу, какъ курьёзъ, идею, которая пришла въ голову одному изъ нашихъ живописцевъ—Ниттису: онъ заказалъ себѣ экипажъ, напоминающій фуры фокусниковъ, которыя мы видимъ на ярмаркахъ, и устроилъ въ ней мастерскую, такъ что можетъ переноситься на всѣ пункты Парижа и снимать на мѣстѣ различныя мѣстоположенія города. Этотъ экипажъ—родная сестра лодки Добиньи. Но только реализмъ сталъ еще рѣшительнѣе; живописцы перешли отъ деревъ къ домамъ и отъ зеленыхъ аллей къ улицамъ, наполненныхъ шумомъ отъ пѣшеходовъ и экипажей.

Послѣ живописцевъ идутъ любители катаній на лодкахъ въ ряду

піонеровъ парижскихъ окрестностей. Страсть къ греблѣ—страсть новѣйшая. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ея не существовало и въ помннѣ. Этотъ родъ спорта пришелъ, должно быть, изъ Англіи, а любовь къ деревнѣ развила его чрезмѣрно. Начиная отъ Аньера и до Пуасси, по воскресеньямъ въ особенности, рѣка покрывается лодками. У каждаго гребца свой особенный костюмъ, своя куртка и беретъ; цѣлый день слышатся пѣсни, крики, а по вечерамъ прибрежные кабачки берутся приступомъ, гребцы напиваются и даже случается и подерутся. Нѣтъ бо́льшихъ буяновъ въ средѣ парижанъ, какъ гребцы; этотъ „genre" требуетъ грубости. Замѣчено, что люди самые вѣжливые, когда они находятся на сушѣ, дѣлаются нестерпимо грубыми, попавъ на воду. Впрочемъ, гребцы держатся воды, и ихъ не встрѣтишь ни одного, отступя на одинъ километръ отъ рѣки. Итакъ, они дѣйствуютъ въ довольно ограниченномъ районѣ парижскихъ окрестностей. Но они побѣдоносно завладѣли открытіями живописцевъ и прославили всѣ прибрежныя деревушки шумомъ, какой въ нихъ заводили. Аньеръ, Аржантёйль, Буживаль извѣстны теперь въ Европѣ, благодаря пѣснямъ, которыя обѣжали всѣ наши улицы, и благодаря шумнымъ пикникамъ, которые въ нихъ устраиваютъ всѣ гуляки и кутилы.

Вотъ вамъ историческій очеркъ страсти къ сельской жизни, которая мало по-малу овладѣла всѣмъ Парижемъ. Я помѣтилъ только главныя черты; но эти замѣтки могутъ дать достаточное понятіе о нашемъ отношеніи къ деревнѣ. Теперь приведу два примѣра, разскажу двѣ прогулки по этимъ зеленымъ и прелестнымъ окрестностямъ.

III.

Я помню, какія длинныя прогулки совершали мы, Поль и я, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Верьерскомъ лѣсу. Поль былъ живописецъ. Я уже служилъ въ то время приказчикомъ въ одномъ книжномъ магазинѣ, былъ очень бѣденъ, совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ имя мое еще ни разу не появлялось въ печати. Я писалъ стихи въ эту эпоху, очень дрянные стишки, которыя валяются у меня въ столѣ и пролежатъ тамъ до скончанія вѣка. Съ четверга я уже начиналъ мечтать о воскресеньѣ, со страстью двадцатилѣтняго малаго, выросшаго на югѣ, на свѣжемъ воздухѣ и съ отчаяніемъ выносившаго сидячую жизнь въ четырехъ стѣнахъ. Воскресенье было единственнымъ свободнымъ днемъ. Во время оно вмѣстѣ съ Полемъ мы избѣгали всю окрестность города Э, исколесили весь околотокъ во всѣхъ направленіяхъ и зачастую спали подъ открытымъ небомъ. Въ Парижѣ мы не могли возобновить этихъ длинныхъ

прогулокъ, потому что надо было помнить о понедѣльникѣ, о неумолимомъ срокѣ, когда открывался магазинъ. Мы уѣзжали съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ воскресенье, чтобы выбраться пораньше за черту городскихъ укрѣпленій.

Это было цѣлое путешествіе. Мы жили тогда въ кварталѣ Обсерваторіи и вотъ почему постоянно ѣздили въ Верьерскій лѣсъ: станція желѣзной дороги, идущей въ Со, была по сосѣдству, и намъ стоило только пройти часть улицы Enfer. Поль забиралъ съ собой всѣ принадлежности для рисованья. Я клалъ въ карманъ книгу. Поѣздъ шелъ вдоль рѣчки Бьевръ, этой вонючей рѣчонки, катящей ржавыя воды сосѣднихъ кожевенныхъ заводовъ, затѣмъ проѣзжалъ черезъ унылую равнину Монружъ, съ остовами воротовъ, пересѣкавшихъ горизонтъ. Затѣмъ показывался Бисетръ на холмѣ, напротивъ тополей. Эта удивительная желѣзная дорога въ Со была построена съ спеціальною цѣлью испытать такіе поѣзды, которые взбираются по очень крутымъ подъемамъ и описываютъ весьма замѣтныя дуги. Полагаю, что опытъ оказался неудачнымъ, потому что я больше нигдѣ не видѣлъ такихъ дорогъ. Такую дорогу можно устроить лишь для очень незначительныхъ разстояній и толчки на ней довольно ощутительны. Но какое намъ было дѣло до дорожныхъ удобствъ. Высунувши голову въ окно, мы съ наслажденіемъ вдыхали первый запахъ травы, доносившійся до насъ. Мы забывали при этомъ весь міръ, забывали Парижъ, оставшійся позади насъ, и радостно вступали въ тотъ рай, о которомъ мечтали цѣлую недѣлю.

Обыкновенно мы не доѣзжали до Со: мы предпочитали сойти на станціи Фонтнэ-О-Розъ. Тамъ есть великолѣпная аллея. Затѣмъ мы сворачивали въ поля, открывъ прелестную тропинку вдоль небольшого ручейка. Тамъ было прелестно. Направо и налѣво шли цвѣточныя поля, поля, засѣянныя геліотропами и главное—розами. Мѣстность населена садоводами, выращивающими на своихъ поляхъ цвѣтные кусты, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ крестьяне выращиваютъ хлѣбъ. Гуляешь среди ароматовъ, между тѣмъ какъ женщины собираютъ въ корзинки розы, анютины глазки, левкой, гвоздику, которыя въ телѣгахъ увозятся затѣмъ въ Парижъ.

Къ восьми часамъ мы приходили къ теткѣ Сансъ. Кажется, что въ настоящее время этой доброй женщины нѣтъ болѣе въ живыхъ. Тетка Сансъ держала просторный трактиръ на дорогѣ въ Фонтнэ-О-Розъ, въ Робинзонѣ, почти на полпути. Съ этимъ заведеніемъ была связана цѣлая легенда. Разсказывали, что цѣлая группа живописцевъ-реалистовъ пустила его въ ходъ въ 1845 г. Курбэ царилъ тамъ одно время; утверждали даже, что большая вывѣска на дверяхъ, изображающая груды говядины, живности и овощей, была частію произведеніемъ его кисти. Но несомнѣнно то, что вокругъ этого трактира

росли чудныя рощи, гдѣ распивали кисленькое винцо въ глиняныхъ кружкахъ и ѣли славившіеся своимъ вкусомъ похлебки изъ кроликовъ. Тамъ мы поѣдали свой первый завтракъ, подъ прохладной сѣнью деревъ, на столѣ, почернѣвшемъ отъ дождя и безъ скатерти. Въ этотъ часъ мы были единственными посѣтителями въ трактирѣ среди озабоченныхъ служанокъ, коловшихъ кроликовъ, щипавшихъ цыплятъ для предстоящаго дня. Мы завтракали яйцами, сыромъ и продолжали нашу прогулку, избѣгая большихъ дорогъ и шествуя полями. Я никогда не забуду, какъ я завтракалъ у тетки Сансъ въ чудные, весенніе, солнечные дни.

Однако становилось жарко. Мы спѣшили впередъ, оставляя Робинзонъ по правую руку отъ себя. Намъ приходилось проходить мимо громадныхъ полей съ земляникой, прежде нежели доберемся до Онэ. Послѣ розъ, земляника. Ее разводятъ въ околоткѣ, вмѣстѣ съ фіалками. Тамъ продаютъ фіалки на фунты, и отвѣшиваютъ ихъ на старыхъ, ржавыхъ вѣсахъ. Земляника очень велика, очень красна и по воскресеньямъ цѣлыя семьи являются съ саладниками въ рукахъ, и разсѣвшись по краямъ дороги, наѣдаются земляникой до отвала. Наконецъ, мы приходимъ въ Онэ, деревушку, гдѣ нѣсколько домиковъ столпилось на краю дороги. Тамъ начинался лѣсъ и мы вступали справа въ знаменитую Волчью Долину, прославленную пребываніемъ Шатобріана. Сначала приходится подниматься по довольно крутому скату между двумя палисадами; справа и слѣва растутъ великолѣпныя каштановыя деревья, и осенью подбираютъ ихъ плоды въ аллеѣ. Затѣмъ дорога поворачиваетъ налѣво и вступаешь въ настоящую пустыню, въ живописное ущелье, уносящее васъ за сто льё отъ Парижа. Дорога точно будто пробивается сквозь песчаную каменоломню; съ обѣихъ сторонъ возвышаются песчанистые скаты, и вы ступаете по желтому песку, тонкому какъ пыль. Затѣмъ ущелье расширяется, утесы возвышаются посреди рощъ, спускающихся уступами. Тамъ-то, въ глубинѣ узкой долины, находится прежнее помѣстье Шатобріана; его жилище носитъ романтическій характеръ, которому невольно дивишься; овальныя окна, готическія башенки, какъ будто налѣплены на самый буржуазный домъ. Паркъ очень обширенъ и очень красивъ, отличается неожиданными неровностями почвы, придающими ему живописность. Въ долинѣ есть еще другой домъ, который показываютъ туристамъ; это—домъ, гдѣ долго жилъ поэтъ Анри-де-Латушъ, мизантропъ, ненавидѣвшій людей. Но вотъ дорога идетъ въ гору и становится все болѣе дикой; слѣва виднѣются обрывы и овраги, кривыя сосны растутъ среди утесовъ; въ жаркіе іюльскіе и августовскіе дни можно вообразить, что очутился въ одномъ изъ уголковъ Прованса. Но вотъ вы доходите до горной площадки и внезапно передъ вами открывается обширный видъ; то

снова поля съ земляникой, но только они тянутся на безконечномъ разстояніи, а на горизонтѣ виднѣется черная линія Верьерскаго лѣса.

И вотъ, если вы пойдете по площадкѣ къ лѣсу, то будете наслаждаться самой обширной панорамой, какой только можете пожелать. Подъ ногами виднѣется вся долина Бьевра, затѣмъ безконечный рядъ холмовъ, теряющихся въ лиловатой и туманной дали. Ближе виднѣются селенія, ряды тополей, бѣлыя точки домовъ, обработанныя поля, раздѣленныя на небольшіе четырехъ-угольники, похожіе на куртку арлекина, раскрашенную всѣми оттѣнками зеленаго и желтаго цвѣтовъ. Никогда еще не чувствовалъ я такъ живо всю громадность пространства. Небо представляется какимъ-то безбрежнымъ океаномъ.

Девять часовъ, мы вступаемъ въ лѣсъ. Первое время, хотя лѣсъ и не особенно великъ, — мы легко могли въ немъ заблудиться, такъ какъ онъ очень густъ. Я помню, что разъ мы вздумали углубиться въ самую чащу, чтобы сократить дорогу—и два часа вертѣлись на одномъ мѣстѣ, пока не выбрались на дорогу. Поль вздумалъ было влѣсть на дерево какъ мальчикъ-съ-пальчикъ, чтобы разузнать дорогу; но оцарапалъ себѣ руки и увидѣлъ лишь море зеленыхъ верхушекъ, колеблемыхъ вѣтромъ и теряющихся вдали.

Не знаю болѣе очаровательнаго лѣса. Длинныя аллеи его поросли тонкой травой, и она стелется подъ ногами точно бархатный зеленый коверъ. Аллеи приводятъ къ круглымъ площадкамъ, къ зеленымъ заламъ, надъ которыми высокія деревья, похожія на колонны, раскидываютъ свои верхушки, точно зеленый шатеръ. Туда вступаешь точно въ какой-то храмъ. Но я еще больше любилъ небольшія тропинки, тѣсныя аллеи, которыя вели въ самую чащу. Онѣ походили на корридоры изъ зелени. На концѣ, когда они были прямые, виднѣлся дальній свѣтъ, круглая, свѣтлая точка, точно въ глубинѣ туннеля. Другіе шли извивами до безконечности въ зеленоватомъ полу-свѣтѣ. Тамъ были также прелестныя просѣки съ высокими, стройными березами, зеленыя лужайки съ царственными дубами.

Между всѣми этими убѣжищами одно насъ особенно плѣнило. Разъ, исходивъ весь лѣсъ, мы набрели на прудъ, вдали отъ всякой дороги. Этотъ прудъ весь заросъ тростникомъ, вода въ немъ заросла зеленой тиной, и мы прозвали этотъ прудъ „зеленымъ“, не зная его настоящаго названія, которое я узналъ впослѣдствіи. Этотъ прудъ называется „la mare à Chalot“. Рѣдко видалъ я болѣе уединенный уголокъ. Надъ прудомъ росли деревья съ самой разнообразной зеленью: одна была свѣтла и прозрачна, какъ кружево, другая—впадала почти въ черный цвѣтъ. И всѣ эти вершины отражались въ стальной поверхности пруда. Ни одна муха не рябила поверхности

воды. Глубокое безмолвіе, ненарушимый покой царствовали въ этомъ зеленомъ уголку. Таинственной прелестью дышали высокія деревья.

Зеленый прудъ сталъ подъ конецъ цѣлью всѣхъ нашихъ прогулокъ. Мы чувствовали къ нему любовь поэта и живописца. Мы просто влюбились въ него и проводили наши воскресные дни на тонкой муравѣ, окружавшей его. Поль началъ срисовывать его: на первомъ планѣ воду съ большими плавучими травами; деревья же отступали въ глубь, точно театральныя кулисы. Я же ложился на спину и клалъ возлѣ себя книгу; но я не читалъ, а глядѣлъ на небо, сквозившее голубыми кружечками сквозь чащу листвы, и исчезавшее, когда вѣтеръ колебалъ листву деревъ. Узкія, солнечныя полоски прорѣзывались сквозь листву, точно золотые мячики, и бросали на мураву яркіе блики, медленно перемѣщавшіеся. Я проводилъ здѣсь цѣлые часы безъ скуки, перекидываясь изрѣдка словомъ съ своимъ спутникомъ, и по временамъ, закрывъ глаза, мечталъ, облитый смутнымъ и розовымъ свѣтомъ.

Мы подолгу просиживали тутъ, завтракали, обѣдали и только сумерки прогоняли насъ. Мы дожидались, чтобы косые лучи солнца зажгли пожаръ въ лѣсу. Надъ верхушками деревъ загоралось пламя и, отражаясь въ пруду, заливало его кровавымъ отблескомъ. Ночь наступала, а стальная поверхность пруда продолжала свѣтиться; можно было бы подумать, что у него есть свой собственный блескъ, потому что онъ сверкалъ въ ночи, какъ бриллiантъ, и мы глядѣли на этотъ таинственный блескъ, напоминавшій намъ бѣлое тѣло богини, купающейся при лунѣ. Но надо было возвращаться въ Парижъ и мы проходили по засыпающему лѣсу. Туманъ окутывалъ его чащи; на просѣкахъ черные пни деревьевъ выдѣлялись на пурпурномъ небѣ; въ аллеяхъ уже стояла ночь, и ночь, поднимаясь отъ зелени, медленно окутывала верхушки высокихъ дубовъ. Въ этотъ торжественный вечерній часъ замирали послѣдніе лѣсные звуки, высокія деревья медленно раскачивались во снѣ, утомленныя травы засыпали.

Мы выбирали широкія дороги, чтобы не заблудиться. Шаги наши заглушались муравой и, въ концѣ-концовъ, мы не видѣли больше другъ друга. Затѣмъ, когда мы выходили изъ лѣса, то наступало какъ-бы пробужденіе. На площадкѣ было еще совсѣмъ свѣтло. Мы оборачивались, чтобы въ послѣдній разъ поглядѣть на темную массу, которую оставляли позади себя. Обширная равнина, у подошвы горной площадки, разстилалась, окутанная голубоватымъ туманомъ, сгущавшимся въ углубленіяхъ и переходившимъ въ лиловый цвѣтъ. Послѣдній солнечный лучъ озарялъ дальній холмъ, походившій на поле со зрѣлыми колосьями. Серебристая полоска Бьевра сверкала какъ галунъ между тополями. Минуя по правую руку Волчью-Долину, мы шли вдоль площадки до дороги въ Робинзонъ,

спускавшейся вдоль холма. И какъ только мы спускались, такъ до насъ долеталъ смѣхъ гуляющихъ, обѣдавшихъ подъ деревьями.

Тамъ, вдоль дороги, растутъ вѣковыя каштановыя деревья, силы и толщины необыкновенной. Одному антрепренеру пришло въ голову устроить ресторанъ подъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ изъ этихъ деревьевъ. Вѣтви послужили естественными стропилами. Настлали три пола, устроили три залы, одну надъ другой, соединенныхъ между собой винтообразными лѣстницами. Успѣхъ былъ громадный, весь Парижъ захотѣлъ отобѣдать въ деревѣ Робинзона. На него стали слагать куплеты, мода ухватилась за него. Послѣ того другіе рестораторы стали подражать первому; со всѣхъ сторонъ каштановыя деревья превращались въ залы ресторановъ; затѣмъ присоединились манежи для стрѣльбы въ цѣль, всякаго рода игры, непрерывная ярмарка, на которой по воскресеньямъ толкались толпы народа. Робинзонъ находился всего лишь на разстояніи четверти часа отъ Со, а станція желѣзной дороги въ Со, въ Парижѣ, примыкала къ Латинскому кварталу. Главнымъ образомъ молодежь Латинскаго квартала стала ѣздить сюда на пикники. Гуляки изъ окрестностей Пантеона и Сорбонны, Мими Пенсонъ изъ квартала Сенъ-Жакъ толпами стекались сюда, наводняя этотъ уголокъ и наполняя его страшнымъ гвалтомъ.

Всѣ влюбленныя студенческія парочки перебывали въ Робинзонѣ. До сихъ поръ еще онъ не вышелъ изъ моды. Дѣти ѣздятъ въ веселой компаніи туда, гдѣ пировали ихъ отцы.

Я помню нѣкоторые вечера. Мы проходили черезъ Робинзонъ, возвращаясь изъ Верьерскаго лѣса, изъ любопытства, какое намъ внушило это шумное веселье. Ночь сгущалась, въ деревьяхъ зажигались огни, и изъ нихъ доносился стукъ вилокъ; поднимешь, бывало, голову и ищешь того колоссальнаго гнѣзда, гдѣ такъ громко чокаются и заливаются такимъ продолжительнымъ хохотомъ. Сухой трескъ изъ винтовокъ минутами перебивалъ нескончаемые вальсы шарманокъ. Другіе, обѣдающіе внизу у дороги въ рощахъ, смѣялись подъ носъ прохожимъ. Порою мы останавливались тутъ, и дожидались послѣдняго поѣзда.

И какъ пріятенъ былъ обратный путь, свѣтлою ночью. Какъ только мы отдалялись отъ Робинзона, шумъ стихалъ. Парочки, идущія на станцію желѣзной дороги, медленно двигались. Подъ деревьями виднѣлись только бѣлыя платья женщинъ, легкія кисейныя платья, проносившіяся точно туманъ, поднимавшійся съ земли. Воздухъ былъ тепелъ и ароматенъ. Смѣхъ проносился порою въ воздухѣ трепетной нотой, и среди тишины звуки слышались съ необыкновенной отчетливостью и порой съ другихъ дорогъ доносились женскіе голоса, напѣвавшіе модныя пѣсенки, глупость которыхъ

смягчалась и получала невыразимую прелесть въ мягкомъ вечернемъ воздухѣ. Жуки летали и сообщали деревьямъ какое-то жужжаніе. Въ жаръ эти тяжеловѣсныя твари спали до самой ночи, а теперь стукались о головы прохожихъ и приставали къ ихъ шляпамъ. Въ одинъ вечеръ, я помню, ихъ было такъ много, что они застилали воздухъ, точно рой пчелъ; и женщины вскрикивали и быстро убѣгали, шумя юбками, а вдали, вѣроятно въ трактирѣ тётки Сансъ, кто-то наигрывалъ на трубѣ фанфару, какъ-бы доносившуюся изъ глубины легендарнаго лѣса и звучавшую тихой грустью.

Ночь становилась еще темнѣе, смѣхъ слышался рѣже, и только видны были въ темнотѣ газовые рожки на станціи Фонтнэ-О-Розъ.

На станціи происходила давка. То была маленькая станція съ очень тѣсной залой для публики. Въ тѣ дни, когда налетала гроза, что̀ часто бывало, усталые путники задыхались въ ней. Въ тѣ вечера, когда погода бывала хороша, дожидались поѣзда подъ открытымъ небомъ. Всѣ женщины увозили съ собой охабки цвѣтовъ. Въ ожиданіи поѣзда смѣхъ и говоръ возобновлялись. Затѣмъ, забившись въ вагоны, придумывали новую забаву: часто съ одного конца вагона и до другого путешественники затягивали одну и ту же пѣсню: устраивался концертъ, заглушавшій стукъ колесъ и пыхтѣніе локомотива. Цвѣты наполняли вагонъ, женщины, смѣясь, прислоняли голову къ плечу своихъ кавалеровъ; а пѣніе все не умолкало. То молодость, опьяненная весной, возвращалась въ Парижъ.

Ахъ! гдѣ вы чудные воскресные дни, которые я проводилъ въ окрестностяхъ Парижа, когда мнѣ было двадцать лѣтъ отъ роду! Вы остались однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Съ тѣхъ поръ я знавалъ другія радости, но нѣтъ выше счастія какъ быть молодымъ и вырваться на одинъ день на вольную волю среди высокихъ лѣсовъ.

IV.

Поль и я, мы гораздо позднѣе познакомились съ Сеной. Съ цѣлой толпой живописцевъ онъ открылъ, въ 1866 г., маленькій, прелестный уголокъ на самомъ берегу рѣки. Буживаль восхитителенъ, съ его лѣсистыми холмами и его островомъ, поросшимъ высокими деревьями. Въ Сенъ-Жерменѣ и съ его знаменитой терассы открываются самые прекрасные виды въ мірѣ; Пуасси—одинъ изъ самыхъ хорошенькихъ уголковъ рѣки, тамъ есть цѣлая группа островковъ и между ними уединенные и тѣнистые каналы; но Буживаль, Сенъ-Жерменъ и Пуасси и много другихъ извѣстныхъ мѣстностей имѣли то неудобство для насъ, что въ нихъ стекалась толпа народа, въ нихъ кишмя-

кишѣли буржуа. А намъ нужно было безопасное убѣжище, дѣвственный край, гдѣ бы рѣка принадлежала намъ однимъ.

То была маленькая деревушка, довольно отдаленная отъ желѣзной дороги и куда не ходилъ ни одинъ омнибусъ. Приходилось идти пѣшкомъ съ добрую милю, чтó и объясняло ея уединенность. Дома выстроены были какъ попало, на высокомъ берегу; однако, въ половодье часто случалось, что рѣка вторгалась къ жителямъ и они должны были посѣщать другъ друга въ лодкахъ. Лѣтомъ къ Сенѣ велъ скатъ, покрытый дерномъ, и гдѣ пересѣкалось много тропинокъ. Мы открыли тамъ тоже добродушнаго дворника, который отдавалъ въ наше распоряженіе весь свой постоялый дворъ. Посѣтители рѣдко заглядывали къ нему въ теченіи недѣли; только по воскресеньямъ у него останавливались кое-кто изъ крестьянъ; поэтому онъ былъ радъ толпѣ парижанъ, гостившихъ у него по цѣлымъ недѣлямъ. Я оставилъ должность приказчика и часто убѣгалъ изъ Парижа и проживалъ въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока спѣшныя дѣла не призывали меня обратно въ городъ. Мы были-таки порядочные буяны, но дворникъ былъ снисходителенъ; онъ сдѣлалъ только ту ошибку, что съ каждымъ годомъ увеличивалъ свои цѣны, и обратилъ насъ, наконецъ, этимъ въ бѣгство. Впрочемъ, фигуры буржуа показались на нашемъ горизонтѣ, а этого одного было достаточно, чтобы мы убѣжали безъ оглядки.

Но славная жизнь эта длилась три года; въ продолженіи трехъ лѣтъ мы были властелинами страны. Постоялый дворъ былъ маленькій; когда насъ являлась слишкомъ большая компанія, то приходилось нѣкоторымъ размѣщаться по крестьянскимъ избамъ. Я нашелъ себѣ комнату у кузнеца. Я до сихъ поръ помню эту просторную комнату, съ ея колоссальнымъ дубовымъ шкапомъ, ея выбѣленными стѣнами, на которыя старшая дочь кузнеца налѣпила картинки, съ каминомъ изъ гипса, на которомъ красовались предметы роскоши крестьянскаго быта: бумажные цвѣты подъ стеклянным колпакомъ, золоченыя коробки, выигранныя на ярмаркахъ, раковины, привезенныя изъ Гавра. Чтобы взобраться на кровать, надо было подставить лѣсенку. Въ комнатѣ пахло чистымъ бѣльемъ, убраннымъ послѣ послѣдней стирки въ шкапъ. Кузнецъ уступалъ мнѣ комнату своей старшей дочери, и въ ней висѣли еще на гвоздяхъ ситцевыя юбки и полотняныя кофточки. Пріятели подсмѣивались надо мной, говоря, что вожусь съ юбками. Сказать по правдѣ, гардеробъ этой крестьянки смущалъ меня немного. Я иногда изъ любопытства заглядывалъ въ шкапъ и разсматривалъ висѣвшіе тамъ предметы. Что за Бобелина! пояса ея платьевъ не были бы слишкомъ узки и для меня, и двухъ парижанокъ можно было завернуть въ ея кофточку. Разъ вечеромъ я нашелъ ея корсетъ подъ грудой салфетокъ: я былъ пораженъ: то

была настоящая кираса, сплошная стѣна изъ китоваго уса и такая большая, что свободно могла охватить торсъ Венеры Милосской. Впрочемъ, она вышла замужъ за мясника изъ Пуасси, на второй годъ нашего пребыванія и я больше ея не видѣлъ. По утрамъ, въ четыре часа, ласточки, свившія гнѣздо въ трубѣ, будили меня своимъ рѣзкимъ щебетаньемъ. Я снова засыпалъ однако, но съ шести часовъ меня оглушалъ страшный шумъ; внизу кузнецъ принимался за свою работу. Комната моя приходилась какъ разъ надъ кузницей. Мѣхи рычали, точно буря, молотъ мѣрно падалъ на наковальню, весь домъ дрожалъ подъ эту музыку. Въ первыя утра въ особенности я долженъ былъ вставать; но впослѣдствіи я привыкалъ къ шуму, и когда, бывало, очень устану, то стукъ молотовъ даже убаюкивалъ меня.

Жизнь мы вели самую простую. Мы ѣли три раза въ день. По утрамъ мы пожирали, набрасывались, какъ голодные волки, на хлѣбъ съ сыромъ. Въ полдень намъ давали мясо. Наконецъ, вечеромъ насъ угощали кушаньями изъ капусты, похлебками и соусами, такими густыми, что ложка стояла въ нихъ. Но вино въ особенности было оригинально. Это то вино, которое воздѣлывается въ окрестностяхъ Парижа, жидкое и отдающее запахомъ кремня. Проглотивъ первую рюмку, невольно сдѣлаешь гримасу; кажется, какъ будто глотаешь уксусъ. Затѣмъ привыкаешь и находишь его, наконецъ, очень вкуснымъ. Оно немножко деретъ горло, но къ этому скоро привыкаешь. На голодный желудокъ кусокъ домашняго хлѣба и стаканъ этого вина покажутся очень вкусными.

Хорошенько поѣсть за нашими тремя трапезами — составляло главную заботу дня. Въ остальное время мы ничего не дѣлали, предаваясь безусловной лѣни. Я валялся на спинѣ. Одно только занимало насъ: рѣка. Мы пріѣзжали сюда только для Сены и на Сенѣ проводили всѣ свои дни. Въ три года мы не совершили ни одной прогулки по окрестностямъ, тогда какъ не было ни одного островка, ни одного рукава, ни одного залива вдоль рѣки, которыхъ бы мы не знали.

У нашего хозяина была лодка и онъ предоставлялъ ее въ наше распоряженіе. То была лодка нѣсколько тяжеловѣсная, построенная, кажется, въ Гаврѣ, съ одной скамьей для гребцовъ, но въ ней могло помѣститься пять или шесть человѣкъ. Должно быть, она была крѣпка, если выдерживала тѣ жестокія испытанія, какимъ мы ее подвергали. Мы толкались ею о берега безъ всякой пощады, переплывали черезъ деревья, повалившіяся въ рѣку, заводили ее въ пески, да такъ глубоко, что намъ приходилось лѣзть въ воду и изо всей мочи отпихивать ее съ мели. Она только трещала на все это, и это насъ смѣшило.

Порою, чтобы испытать ее, какъ мы говорили, мы толкали ее на большіе каменья сильными ударами вёселъ. Мы падали навзничь, до того силенъ бывалъ ударъ; но лодка не сдавалась и мы были въ восторгѣ. Чудо, какъ это мы не опрокинулись двадцать разъ въ воду. Съ нами никогда ничего не случалось, мы даже ни разу не замочили себѣ ногъ. Не знаю, подозрѣвалъ ли хозяинъ, какимъ испытаніямъ подвергали мы его лодку, но я помню, что видалъ его задумчиво и усиленно разсматривавшимъ лодку въ такіе часы, когда онъ думалъ, что мы его не видимъ. Онъ нагибался, внимательно осматривалъ ее, ощупывалъ, какія поврежденія могла она претерпѣть. Впрочемъ, онъ никогда ни одного слова не проронилъ намъ объ этомъ, и довольствовался тѣмъ, что грустилъ про себя и увеличивалъ наши счеты въ отместку за испытанія, которымъ мы подвергали его лодку.

Такимъ образомъ, въ первые дни мы устраивали безумныя катанья и рисковали двадцать разъ потонуть. Мы выдѣлывали всяческія школьничества. Разъ Поль ухватился за вѣтку ивы, подъ которой мы плыли, гребецъ налегъ на вёсла, и Поль повисъ надъ водой. Его оставили въ такомъ положеніи на добрую четверть часа; ему удалось вскарабкаться и усѣсться на ивовой вѣткѣ. Въ другой разъ, когда намъ случилось проплывать вдоль берега, поросшаго тернистыми кустарниками, гребецъ, выбравъ самую непроходимую трущобу, со всего размаху направлялъ въ нее лодку; тогда всѣ принимались кричать; приходилось выпутываться изъ западни, что не всегда бывало легко. Я уже не говорю про классическія шалости, про товарищей, высаженныхъ и покинутыхъ на какомъ-нибудь островѣ, или про новичка-гребца, изо всѣхъ силъ старающагося отчалить отъ берега въ то время, какъ сзади него какой-нибудь шалунъ держится руками за вѣтку плакучей ивы, растущей на берегу. Такимъ образомъ, время проходило въ непрерывныхъ шуткахъ, на какія только способны парижане, вырвавшіеся на волю и ведущіе жизнь дикарей.

Мало-по-малу мы угомонимся, бывало, и тихо наслаждаемся мирной прелестью рѣки. Сена въ этомъ мѣстѣ просто прелестна. Оба берега раздвигаются и рѣка образуетъ обширный бассейнъ, — и на немъ красуются три острова; первый, слѣва, — очень длинный, тянется на разстояніи слишкомъ двухъ километровъ; второй образуетъ рукавъ въ триста метровъ, не болѣе, а третій — просто-на-просто круглая грядка земли, увѣнчанная боскетомъ изъ высокихъ деревъ. Впрочемъ, всѣ три острова поросли высокими деревьями. По правому берегу Сены тянутся громадныя, воздѣланныя поля; по лѣвому—идетъ холмъ, увѣнчанный косматымъ лѣсомъ.

Мы проплывали вверхъ по теченію за острова, вдоль берега, чтобы меньше уставать; затѣмъ, доплывъ до конца бассейна, вы-

плывали на середину рѣки, бросали весла и предоставляли теченію нести нашу лодку. Она медленно и безшумно спускалась. Мы же, лежа на лавкахъ, разговаривали, курили.

Спускаясь потихоньку, мы вступали, наконецъ, въ рукавъ рѣки, между двумя островами. Тамъ было еще уютнѣе. Высокія деревья, склоняя свои верхушки, превращали рѣку въ большую садовую аллею. Надъ головами виднѣлась узкая полоска неба, а вдали передъ собой мы видѣли серебристое теченіе Сены, отдаленные холмы, колокольню какой-нибудь глухой деревушки. По правую и по лѣвую руку, на островахъ, послѣ косьбы, зеленѣли лужайки, залитыя косыми лучами заходящаго солнца, пробивающимися сквозь стволы деревъ. Зимородокъ вскрикивалъ, пролетая надъ водой. Въ деревьяхъ щебетали горлинки и всякія другія пичужки.

Въ устьѣ одного изъ каналовъ мы обыкновенно купались. Тамъ было дно, покрытое тончайшимъ пескомъ, съ золотымъ отливомъ. Мы раздѣвались подъ деревьями безъ всякихъ церемоній, потому что прохожіе бывали очень рѣдки, и по цѣлымъ часамъ барахтались въ водѣ.

Что касается рыбной ловли, то она требовала слишкомъ много терпѣнія и неподвижности. Мы перепробовали всѣ снаряды. Удочка очень скоро утомила насъ; мы были слишкомъ неопытные рыбаки; мы воображали, что достаточно забросить крючокъ въ воду, чтобы поймать рыбу,—поэтому мы ничего не могли поймать. Разъ, помню, однако, я выудилъ нѣсколько пискарей — и очень гордился этимъ. Ловить рыбу сѣтями казалось намъ еще труднѣе. Поль выдумалъ болѣе удобную ловлю, но запрещенную и требовавшую нѣкоторой смѣлости. Купаясь, онъ отправлялся вдоль берега, гдѣ вода зачастую доходила ему по-горло, и когда натыкался на ямку, то смѣло запускалъ туда руку. Нерѣдко ему приходилось засовывать руку по самое плечо. Въ глубинѣ, при его приближеніи, укрывалась рыба. Такимъ образомъ нерѣдко случалось ему поймать какую-нибудь прекрасную рыбу. Долженъ прибавить, что его часто кусали при этомъ и что никто изъ насъ не рѣшался ему подражать, изъ боязни натолкнуться въ рѣкѣ на страшныхъ чудищъ.

По ночамъ—въ особенности въ лунныя ночи—мы любили также отправляться въ сосѣднюю деревню по водѣ, вверхъ по теченію, и возвращались поздно вечеромъ, около полуночи, отдаваясь теченію. Лодка плыла внизъ по теченію съ легкимъ плескомъ, среди глубокаго безмолвія. На блѣдно-голубое небо всплывала луна, озаряя поверхность воды передъ нами серебристымъ свѣтомъ. И ничего не было видно, — оба берега, съ ихъ полями, утопали во мракѣ, но съ этихъ темныхъ полей, которыхъ не было видно, долетали минутами

отдаленные голоса, крикъ ночной птицы, кваканье лягушки, трепетъ сонныхъ полей. И мы глядѣли, какъ луна серебрила слѣдъ нашей лодки, опустивъ горячія руки въ прохладную воду.

Когда я возвращался въ Парижъ, то во мнѣ оставалось ощущеніе колебаній лодки. По ночамъ я часто видѣлъ во снѣ, что гребу, что черная лодка уноситъ меня, среди мрака, внизъ по теченію. Я возвращался въ Парижъ очень грустный. Въ продолженіи двухъ дней я глухо досадовалъ, вспоминая про свободные часы, прожитые мной. Мостовая улицъ выводила меня изъ себя и, проходя по мостамъ, я бросалъ на Сену взглядъ ревниваго любовника, исполненнаго тревоги и страстной тоски. Затѣмъ жизнь брала свое,—надо было жить. Дѣло поглощало меня всего, и я снова вступалъ въ великую житейскую битву.

V.

Я не могу распространяться долѣе о своихъ прогулкахъ. Достаточно если я разсказалъ о двухъ. Но сколько есть еще другихъ прелестныхъ уголковъ вокругъ Парижа — и, говоря объ его окрестностяхъ, необходимо хотя вскользь упомянуть о нихъ.

Выше города, отъ Берси до Фонтенбло, берега рѣки не такіе лѣсистые. Она тутъ гораздо шире и течетъ между голыми равнинами; острова тоже рѣже попадаются на ней, — ровные берега покрыты хорошо обработанными полями. И все-таки мѣстность восхитительная! У воротъ Парижа, при сліяніи Сены и Марны, Шарантонъ выставилъ рядъ своихъ бѣленькихъ и веселыхъ домиковъ; затѣмъ Шуази-Леруа раскидывается среди зелени на холмистомъ лѣвомъ берегу. Но жемчужиной этого края является Вильневъ-Сенъ-Жоржъ — аристократическая мѣстность, гдѣ буржуазныя виллы необыкновенно кокетливы; улицы баснословной чистоты; тропинки всѣ посыпаны пескомъ, какъ садовыя аллеи; пропасть деревьевъ, берегъ рѣки поросъ шелковистой муравой, воздухъ чистый, точно въ паркѣ, и на немъ вырѣзываются красныя крыши изящныхъ павильоновъ. Съ своей стороны, я предпочитаю природу менѣе опрятную и менѣе приличную. Но понимаю, что тѣ буржуа, у которыхъ есть дача въ Вильневъ-Сенъ-Жоржъ, гордятся этимъ. Жювизи, въ нѣсколькихъ километрахъ оттуда, тоже очень тѣнистое и прохладное мѣсто. Но и тутъ царитъ буржуазія. Надо доѣхать до лѣса въ Фонтенбло, чтобы найти уединеніе. Прибавлю, что Сена вверхъ по теченію гораздо менѣе посѣщается гуляющими, нежели Сена внизъ по теченію. Это, очевидно, обусловливается отдаленностью станцій ліонской и орлеанской желѣзной дорогъ, которыя расположены такъ далеко отъ центра города. Надо три четверти часа времени, чтобы доѣхать въ экипажѣ

отъ Оперы до этихъ станцій; я говорю, конечно, про фіакры. Тогда какъ сенъ-лазаревая станція, которая поддерживаетъ сообщеніе со всей нижней Сеной, у всѣхъ подъ рукой.

Нельзя представить себѣ тоже ничего прелестнѣе береговъ Марны. Жуанвиль-Лепонъ по воскресеньямъ наводняется гребцами. Но въ Вареннъ-Сенъ-Моръ много тѣни и большое уединеніе. Паромъ перевозитъ гуляющихъ съ одного берега на другой. По ту сторону рѣки возвышается холмъ, пересѣченный весьма живописными тропинками. Марна — болѣе узкая, чѣмъ Сена, — очень красива. Она протекаетъ среди травъ и рощъ, которыя мѣстами такъ густы, что совершенно скрываютъ ее отъ глазъ.

Уаза, напротивъ того, катитъ свои свѣтлыя воды на просторѣ. Я упоминалъ про Аньеръ, маленькое мѣстечко, которое открылъ живописецъ Добиньи, между Понтуазомъ и Иль-Аданъ. Рѣчка очень мила въ этомъ мѣстѣ. Понтуазъ смахиваетъ на провинціальный городъ и гуляющіе туда не заглядываютъ. Не то слѣдуетъ сказать про Андрези, — селеніе, расположенное у слiянія Уазы и Сены. Это опять одинъ изъ пріятнѣйшихъ пунктовъ парижскихъ окрестностей, украшаемый сліяніемъ двухъ рѣкъ, образующихъ одинъ огромный бассейнъ, осѣненный великолѣпными деревьями, не считая великолѣпнѣйшихъ луговъ, какіе только можно видѣть, — не считая зеленыхъ островковъ, которые тянутся грядою отъ Конфлана-Сентъ-Онориnъ до Пуасси. Поэтому это исключительное положеніе привлекаетъ парижанъ. Тамъ настроили дачъ и придали всей мѣстности характеръ нарядности, который немного портитъ ее въ моихъ глазахъ. Скоро для того, чтобы найти уединенную трущобу, придется пробираться до Руана.

Но не одни только берега трехъ рѣчекъ посѣщаются публикой. Слѣдуетъ даже замѣтить, что толпа охотнѣе всего устремляется въ самыя безобразныя мѣста. Такимъ образомъ по воскресеньямъ равнина Сенъ-Дени, эта плоская равнина, гдѣ не встрѣчается ни одного дерева, наводняется гуляющими. Рабочіе преимущественно посѣщаютъ ее съ своими семьями, потому что она начинается у самаго предмѣстья того же имени. Равнина Сенъ-Дени знаменита въ увеселительныхъ лѣтописяхъ Парижа. Эта первая окраина, куда ходилъ веселиться средневѣковой Парижъ. Въ настоящее время ее предоставили для простонародья и послать кого-нибудь прогуляться на равнину Сенъ-Дени, значитъ отрицать въ немъ всякое художественное чувство и обозвать лавочникомъ.

Но шуткамъ нѣтъ конца, когда зайдетъ рѣчь объ охотникахъ. Мелкіе торговцы и лавочники, живущіе въ Парижѣ и питающіе несчастную страсть къ охотѣ, никакъ не могутъ забираться дальше па-

рижскихъ укрѣпленій; отъ этого они въ такомъ множествѣ попадались на равнинѣ Сенъ-Дени нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ настоящее время ихъ такъ просмѣяли, что они забираются дальше. Надо сказать, что рѣдкая дичь, водившаяся тамъ, не замедлила перевестись. Послѣдній заяцъ, убитый тамъ, обратился въ легенду. Можно цѣлый годъ ходить по всѣмъ тропинкамъ взадъ и впередъ, не увидѣвъ и признака кролика. Каррикатуры изображаютъ трехъ охотниковъ, которые спорятъ изъ-за несчастнаго жаворонка. Самые воробьи обратились въ бѣгство. Туристы проѣзжаютъ равнину Сенъ-Дени не иначе какъ по желѣзной дорогѣ, чтобы осмотрѣть соборъ Сенъ-Дени. Но я скажу, что, несмотря на свои голыя поля, Сенъ-Дени мнѣ довольно нравится. Давно тому назадъ мнѣ случалось отлично завтракать тамъ.

Далѣе, по той же линіи, находится Ангьенъ съ его озеромъ. Это мѣсто тоже очень посѣщается публикой. Вокругъ озера выстроили много хорошенькихъ дачъ; но я замѣтилъ, что владѣльцамъ ихъ, принадлежащимъ бо́льшею частію къ міру литературы и театра, очень скоро надоѣдаютъ ихъ жилища; черезъ два-три года они продаютъ ихъ. Тутъ есть воды, которыя славятся своей цѣлебностью отъ горловыхъ болѣзней. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть воды, населеніе постоянно мѣняется. Можетъ быть, владѣльцы, продающіе свои дачи, просто больные, которые выздоровѣли. Во всякомъ случаѣ Ангьенъ— одна изъ самыхъ тѣнистыхъ и аристократическихъ окрестностей Парижа, какъ и Сенъ-Жерменъ и Вильнёвъ-Сенъ-Жоржъ.

Я упоминалъ раньше о Буживалѣ, но ничего не сказалъ о томъ, какія прекрасныя помѣстья существуютъ тамъ вдоль Сены. Тамъ вашъ знаменитый романистъ, Тургеневъ, проводитъ часть лѣта въ домѣ, который онъ для себя выстроилъ нѣсколько времени тому назадъ. Дальше, въ Марли-Леруа находится за́мокъ Вердюронъ, построенный Мансаромъ, передѣланный при Людовикѣ XVI и который принадлежитъ въ настоящее время Викторьену Сарду́. Авторъ „La Famille Benoîton" круглый годъ живетъ въ немъ; въ Парижѣ у него только небольшой pied-à-terre. Въ Марли же у него царское помѣщеніе.

Возвращаюсь къ Буживалю, гдѣ въ воскресенье надо непремѣнно посѣтить Гренульеръ. Знаменитая Гренульеръ—одна изъ парижскихъ диковинокъ. Такъ называется кафе́ и вмѣстѣ съ тѣмъ заведеніе водъ, устроенное напротивъ Буживаля, на берегу острова Круаси. Кафе́ съ его стульями и столами помѣщается на большомъ плоту, крѣпко привязанномъ къ берегу. Каюты для купающихся устроены назади и въ воду бросаются съ двухъ платформъ, расположенныхъ по обѣ стороны плота. Иные фантазеры забираются на кровлю кафе́ и оттуда бросаются въ воду. Посѣтители кафе́ созерцаютъ этотъ прыжокъ и

брызги воды обдаютъ ихъ порою. Оригинальный характеръ этого мѣста заключается въ невѣроятной свободѣ рѣчи и манеръ, которую тамъ ввели въ моду при имперіи. И не слѣдуетъ думать, чтобы грязный порокъ ютился тамъ; нисколько: самыя модныя актрисы, самыя видныя львицы пріѣзжали туда въ колясках; разсказываютъ даже, что знатныя дамы и сама императрица пожелали видѣть заведеніе, о которомъ толковалъ весь Парижъ. Общій тонъ его посѣтителей былъ самый легкомысленный. Даже тѣ дамы, которыя претендовали на благовоспитанность, вели себя очень развязно „для шика". Въ настоящее время Гренульеръ нѣсколько опошлился, и камеліи, посѣщающія его, не имѣютъ своего экипажа.

Точно также отошли на задній планъ увеселительныя прогулки въ Мёдонъ. Десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, всѣ любовныя интриги по лѣвую сторону рѣки завязывались въ Мёдонѣ. Побѣда, начатая въ Парижа, довершалась тамъ, послѣ тонкаго обѣда въ эрмитажѣ Виллъбонъ. Мёдонскіе холмы возбуждаютъ самыя веселыя мысли. Великій образъ Раблэ какъ будто все еще носится надъ ними. Это по преимуществу парижскій лѣсъ, который видѣнъ съ набережныхъ и изъ нашихъ улицъ и куда легко дойти пѣшкомъ для мало-мальски хорошаго ходока. Онъ былъ прелестенъ, пока въ немъ не прорубили множество просѣкъ, но и по сіе время въ немъ есть тѣнистые уголки. Я часто обѣдалъ тамъ на травѣ, возлѣ свѣжихъ ручейковъ.

Таковы парижскія окрестности, милыя окрестности, которыя я исходилъ въ былое время пѣшкомъ и воспоминаніе о которыхъ неизгладимо въ моей душѣ. Послѣ полей Прованса, гдѣ я выросъ, эти лѣса, воды, луга вдохнули въ меня любовь къ природѣ. На югѣ мнѣ было привольнѣе, я былъ дикъ и суровъ среди сожженныхъ полей и скалъ, на которыхъ росли только тиміанъ да лавенда. Тамъ, безъ сомнѣнія, вселилась въ меня необузданная любовь къ свободѣ и упорство воли и фантазіи. Позднѣе зеленыя и мирныя окрестности Парижа укротили меня. Я умилился духомъ среди этой зелени, сверкающей каплями росы, этихъ прелестныхъ и веселыхъ видовъ, и тамъ, должно быть, научился тонкому анализу и передачѣ всѣхъ неуловимыхъ чертъ дѣйствительной жизни. Угрюмый и мечтательный ребенокъ сталъ методическимъ, спокойнымъ и разсудительнымъ малымъ. И вотъ какимъ образомъ меня воспитали двѣ природы, одинаково мной любимыя; вотъ какимъ образомъ я принадлежу и югу и сѣверу, югу — черезъ отца, уроженца Венеціи, и сѣверу — черезъ мать, явившуюся на свѣтъ божій близъ Версаля.

Эмиль Зола.

НАЧАТКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОЛИДАРНОСТИ.

Библiографическая замѣтка.

— *Новина.* Роман И. С. Тургеньева. С руского превео Пера Тодоровић. Свеска друга. У Новоме Саду. 1878. („Мала Библиотека". IV).

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы упоминали о первомъ выпускѣ сербскаго перевода „Нови". Въ настоящей книжкѣ переводъ оконченъ. Въ концѣ книги почтенный переводчикъ присоединилъ „Поговоръ", или послѣсловiе, гдѣ старался выяснить своимъ читателямъ общественное значенiе сюжета, выбраннаго Тургеневымъ, и качества исполненiя. Не по примѣру другихъ славянскихъ писателей, обыкновенно очень мало знающихъ русскую литературу, г. Тодоровичъ говоритъ видимо съ знанiемъ ея условiй и умѣлъ достаточно правильно понять и представить отношенiе автора къ сюжету его романа.

Правда, и здѣсь найдется слѣдъ той односторонности или исключительности въ точкѣ зрѣнiя автора, о которой мы упомянули въ прошлой замѣткѣ, по поводу перваго выпуска. Но вообще трудъ г. Тодоровича производитъ прiятное впечатлѣнiе,—именно какъ опытъ и начало серьёзнаго ознакомленiя сербскихъ читателей съ настоящей дѣйствительностью русской жизни и литературы.

Для насъ и для западныхъ славянъ взаимное знакомство подобнаго рода было до сихъ поръ только дѣломъ немногихъ дилеттантовъ и спецiалистовъ. Съ обѣихъ сторонъ много говорилось о нашемъ племенномъ единствѣ, объ исторической роли славянства, о его грядущемъ могущественномъ значенiи въ цѣлой человѣческой цивилизацiи—прекрасные сны, которымъ современность, увы, пока мало отвѣчала. Есть эти племенные инстинкты, есть религiозныя и историческiя связи,—но послѣднiя событiя, которыя совершались во имя этихъ инстинктовъ и связей и которыя, при извѣстныхъ условiяхъ, дѣйствительно могли бы стать великимъ историческимъ фактомъ,—показали, что этимъ связямъ чего-то недостаетъ, и недостаетъ чего-то крупнаго. Событiя принесли много прискорбныхъ разочарованiй, не только въ политическомъ ходѣ вещей, но даже въ самыхъ личныхъ встрѣчахъ людей родныхъ племенъ. Русскiе не понимали сербовъ и болгаръ, и недовольны ими; сербы и болгары не понимали русскихъ, и недовольны ими. Въ чемъ же дѣло, какъ этому помочь?

Оставляя въ сторонѣ ходъ военныхъ и политическихъ событій, въ которыхъ дѣйствовало множество различныхъ, общихъ и личныхъ, элементовъ,—въ пережитыхъ теперь между-славянскихъ отношеніяхъ было просто много взаимнаго непониманія. Сошлись два міра, хотя родственные, но слишкомъ раздѣленные своими нравами, хотя сочувствующіе другъ другу, но прошедшіе слишкомъ непохожую исторію, и теперь очень мало знающіе другъ друга. Очевидно, что тѣ понятія другъ о другѣ, съ какими встрѣчались люди разныхъ племенъ, въ концѣ-концовъ должны были отразиться и на практическихъ отношеніяхъ, не только частныхъ и мелкихъ, но и общихъ и самыхъ крупныхъ, какъ, напр., обнаружилось это на характерѣ русскаго гражданскаго управленія въ Болгаріи.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что славянство преувеличивало обширность и характеръ славянскихъ сочувствій въ Россіи,—и не только болгары, которымъ некогда было думать объ этомъ и которые искали какой-нибудь помощи, но и сербы, и остальные славяне, которые остались только зрителями борьбы. Славянство увлеклось словомъ „освобожденіе“ и облекло освободителей идеальными качествами, какія представляло себѣ въ теоріи свойственными освободителямъ. Походъ русскихъ добровольцевъ въ Сербію показалъ, что въ этотъ идеалъ слѣдуетъ добавить значительную долю прозы; но къ началу войны идеализмъ явился вновь—и нерѣдко въ формѣ той же довольно грубой самонадѣянности, какая явилась въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ, предавшихся мнимо-патріотическому самохвальству. Правда, дѣлались политическіе разсчеты: какъ взглянетъ Европа или что̀ сдѣлаетъ Англія, Австрія, Пруссія; но обыкновенно славянству (какъ и большинству нашихъ соотечественниковъ) не приходило въ голову разбирать, ка̀къ поставленъ вопросъ въ самой Россіи; насколько въ ней единогласны мнѣнія о славянскомъ вопросѣ и о войнѣ; какія эти мнѣнія; какіе взгляды и почему господствуютъ въ наиболѣе вліятельной сферѣ; наконецъ, не приходило въ голову разбирать, что дѣлается въ самой внутренней жизни русскаго государства и общества. Словомъ, упускались изъ виду очень существенные пункты для опредѣленія положенія вещей [1]).

[1]) Самые нелѣпые образчики неразумѣнія представило извѣстное львовское „Слово“. Намъ встрѣтилась недавно статья этой газеты по поводу объявленія войны („Воодушевленіе въ Россіи“, Слово, 1877, № 42): мнимо-славянскіе восторги рядомъ съ полицейскими доносами на „нигилизмъ“ (съ поименованіемъ лицъ), какихъ у насъ не позволила бы себѣ ни одна, наименѣе уважающая себя газета. Это—не только глупость, но и гадость. Этотъ же „органъ“, вычитавши или прослышавши о нѣкоторыхъ статьяхъ „Вѣстника Европы“ по поводу славянскаго вопроса, объявилъ, что „В. Е.“ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ турецко-польскій журналъ. Какіе нравы, какой сумбуръ въ понятіяхъ!

Берлинское рѣшеніе сербо-болгарскаго вопроса произвело въ славянскомъ мірѣ сильное недоумѣніе, огорченіе, раздраженіе. Въ Россіи берлинское рѣшеніе гораздо понятнѣе, чѣмъ въ славянскомъ мірѣ,— именно потому, что послѣдній не зналъ и еще не знаетъ нашихъ внутреннихъ отношеній, которыя дѣлали это рѣшеніе возможнымъ... Уже теперь слышатся голоса, и съ русской, и съ славянской стороны, что это рѣшеніе не можетъ, не должно остаться окончательнымъ, что балканское славянство имъ разорвано, отдано подъ власть иноземцевъ, что многимъ частямъ его грозитъ гибель...

Къ сожалѣнію, здѣсь есть большая правда. Многое въ судьбѣ славянства облегчено, но въ другомъ оно, еще не очнувшееся отъ турецкаго ига, поставлено лицомъ къ лицу съ врагомъ болѣе цивилизованнымъ, но не менѣе наглымъ, и гораздо болѣе хитрымъ. Передъ началомъ настоящей войны одинъ изъ нашихъ ученыхъ славистовъ доказывалъ мысль, которая на первый взглядъ кажется вопіющимъ, безсмысленнымъ парадоксомъ — что турецкое иго было полезно балканскимъ славянамъ. Чѣмъ же полезно? Тѣмъ, что, угнетая физически, не истребляло морально; что, давая хотя слабо дышать народному православію и народному обычаю, спасало отъ нѣмецкаго чиновничества и католичества. Теперь Боснія и Герцеговина отданы тому и другому. Болгарія подверглась неестественному дѣленію, и газеты уже приносятъ вѣсти о національно-болгарскомъ волненіи въ восточной Румеліи,—къ которой принадлежитъ тотъ самый Филиппополь, гдѣ, передъ войной, всего сильнѣе было болгарское освободительное движеніе, гдѣ совершились страшныя убійства, давшія толчокъ къ объявленію самой войны.

Надо думать, что новая борьба начнется для южнаго славянства, новыя тревоги и волненія въ остальномъ славянскомъ мірѣ. Всего лучше было бы, еслибъ силъ самого юго-западнаго славянства достало вынести эту борьбу и завоевать свою свободу. Но трудно предположить это. Оно опять должно ждать помощи отъ Россіи; въ его будущемъ Россія неизбѣжно опять будетъ играть большую роль; по всему вѣроятію народятся новые вопросы—для иныхъ племенъ, быть можетъ, вопросы послѣдней борьбы за существованіе.

Неужели, въ подобныхъ условіяхъ, можетъ оставаться между славянствомъ и русскимъ міромъ то странное отношеніе, какое было между ними до сихъ поръ — та слабая связь, основаніемъ которой были неясные, хотя иногда сильные инстинкты, тѣ мистическія или воинственныя мечты, которыя и прежде приводили и теперь снова привели къ разочарованію.

Много говорилось о необходимости славянскаго, хотя бы нравственнаго единства, солидарности; но, кажется, никогда еще эта не-

обходимость не доказывалась такъ сильно реальными фактами. Идти теперь только ощупью и наугадъ будетъ уже непростительно. Нужно, чтобы славянская „взаимность" была не однимъ громкимъ словомъ, но и дѣломъ. Нужно изученіе взаимныхъ отношеній,—и не столько для насъ (потому что, какъ ни ограниченны знанія нашего общества о славянствѣ, въ нашей литературѣ гораздо больше свѣдѣній о славянскихъ народахъ, чѣмъ въ какой-либо отдѣльной славянской литературѣ—о Россіи), сколько для славянъ. Для нихъ—необходимость настоятельнѣе, по разнымъ причинамъ: для нихъ изученіе русской жизни болѣе сложно,—знаніе ея представляетъ для нихъ политическую важность и интересъ, — наконецъ, это знаніе можетъ служить имъ коррективомъ при разнообразныхъ давленіяхъ германизаціи. Это послѣднее, кажется намъ, должно болѣе и болѣе чувствоваться. Въ самомъ дѣлѣ, мы хотя не считаемъ русской народности чистѣйшей водой славянскаго національнаго характера — такой абсолютно чистой національной воды нигдѣ не существуетъ, ни у славянъ, ни у другихъ европейскихъ народовъ сложной исторической жизни, — но думаемъ, что бо́льшее знакомство съ русскимъ народомъ, русской литературой дастъ западному и южному славянству такія черты „славянскаго духа", которыя могутъ вызвать въ нихъ собственныхъ національныхъ представленіяхъ симпатическіе элементы и извѣстнымъ образомъ обновить и освѣжить. Намъ кажется, что сопоставленіе русской литературы съ другими славянскими даетъ поводъ къ подобному ожиданію.

Въ „Вѣстникѣ Европы" не разъ говорилось о томъ, какія неполныя и часто странныя понятія о русской жизни господствуютъ въ западной славянской „интеллигенціи". Съ своей точки зрѣнія и очень слабо представляя себѣ факты, напр., чешскіе патріоты обыкновенно дѣлили русскія направленія въ литературѣ и общественной жизни на „славянское" и „не-славянское", или даже „западное", „нѣмецкое". Выходило такъ, что первое представляли десять московскихъ славянофиловъ, а второе—вся остальная русская литература. Эта литература, какъ „западная", не пользовалась благосклонностью у чеховъ,—они, разумѣется, не имѣли объ ней и понятія. Съ голоса славянофиловъ они обыкновенно говорили о „нѣмецкой партіи" въ Петербургѣ, хотя могли бы знать, что, напр., русскіе министры почти всѣ—самые русскіе, а образчикъ „московской" партіи показалъ въ Болгаріи кн. Черкасскій. Нашими внутренними дѣлами интересовались на славянскомъ западѣ не очень много, повторяли избитыя фразы о наступленіи новой эры, но какъ она обнаруживалась, это было очень мало извѣстно. Русская литература, которая—при отсутствіи всякихъ иныхъ выраженій обще-

ственнаго мнѣнія—должна бы интересовать ихъ какъ единственный способъ познакомиться съ настроеніемъ, стремленіями русскаго общества, извѣстна западному славянству крайне отрывочно. Напр. о Тургеневѣ услыхали, когда заговорили о немъ нѣмцы; о Некрасовѣ едва имѣютъ понятіе (у чеховъ есть переводы изъ него; въ сербской „Заставѣ", напечатавшей статью, присланную изъ Петербурга, о Некрасовѣ нынѣшней весной, мы читали, потомъ, печатный запросъ редакціи, существуютъ ли стихотворенія Некрасова въ отдѣльной книгѣ?); Щедрина знаютъ развѣ только по имени и т. п. Что переживала русская литература въ послѣднія три-четыре десятилѣтія, какой знаменательный процессъ совершался въ ней, какъ и въ цѣлой русской жизни,—все это было и есть нашимъ братьямъ очень темно. Взамѣнъ того, газеты много толковали (напр. чешскія и галицкія; сербо-хорватскія занимались нами всего меньше)—на этотъ разъ съ нѣмецкаго голоса—о Катковѣ, какъ представителѣ какой-то „старо-русской" партіи, о гибельномъ „нигилизмѣ",—никогда не потрудившись подумать, откуда же взялось это направленіе и чтó оно можетъ означать—потому что оно должно же что-нибудь означать. Отвыкши у себя дома или совсѣмъ непривыкши къ критикѣ, они не могли разумѣть и русскаго критическаго движенія: они не церемонились трактовать его какъ „западное", стало-быть, нерусское, вредное движеніе... Можно себѣ представить, какая выходила изъ всего этого путаница, какія жалкія qui pro quo, вредныя, конечно, всего больше для самой славянской интеллигенціи, лишавшей самое себя способовъ искомой „славянской взаимности". Во время польскаго возстанія, у чеховъ были партизаны и противники Польши; но они не съумѣли вѣрно понять дѣло ни тогда, когда защищали Польшу и бранили Россію, ни тогда, когда защищали Россію и бранили Польшу. Московскій съѣздъ 1867 г. довольно ясно показалъ западно-славянскимъ политикамъ, какъ смотритъ на вещи русское „славянское" направленіе; но, повидимому, это не подѣйствовало, потому что при началѣ войны г. Аксаковъ еще разъ давалъ урокъ г. Ригеру...

Если славянство разсчитываетъ на сочувствіе въ Россіи, оно не должно ограничиваться одними надеждами на племенной или религіозный инстинктъ,—онъ представляетъ только стихійную силу; или тонкими дипломатическими соображеніями,—эти соображенія слишкомъ легко обрываются: даже съ точки зрѣнія своего матеріально-политическаго интереса славянство должно заботиться о дѣйствительной солидарности образованія и общественныхъ идей. До сихъ поръ слишкомъ часто бывало, что славянская „интеллигенція" или оставалась совсѣмъ равнодушна къ самымъ жизненнымъ сторонамъ

нашего движенія, или даже становилась относительно его на точку зрѣнія чисто консервативную, или даже реакціонную. Можно положительно сказать, что это отталкиваетъ отъ славянства симпатіи многихъ лучшихъ людей общества и литературы; союзъ *такого* славянства кажется или лишней обузой, для насъ вовсе непривлекательной, или даже увеличивающей массу обскурантнаго груза, который у насъ и безъ того слишкомъ великъ; или кажется умственной ограниченностью, съ которой скучно имѣть дѣло. Но славянству не все равно — имѣть своимъ союзникомъ, или врагомъ, или равнодушнымъ русское общественное мнѣніе, а въ этомъ мнѣніи имѣютъ и будутъ имѣть не малое значеніе тѣ элементы русской литературы, о которыхъ славянство доселѣ такъ мало знало.

Уже сорокъ лѣтъ назадъ знаменитый Коллларъ заговорилъ впервые о славянской литературной взаимности. Съ тѣхъ поръ дѣло еще немного двинулось впередъ: она существуетъ въ извѣстной степени въ области научныхъ изслѣдованій славянства, но очень еще слаба въ области литературы художественной и общественной. Въ шестидесятыхъ годахъ эта слабая сторона, наконецъ, стала очевидна, и тогда, взамѣнъ четырехъ славянскихъ нарѣчій, которыя, по мнѣнію Коллара, должны были существовать въ славянской литературѣ на подобіе четырехъ діалектовъ древняго греческаго языка, предложенъ былъ русскій языкъ, который въ качествѣ общеславянскаго литературнаго языка долженъ былъ дать разбившимся славянскимъ литературамъ столь необходимое для нихъ звено соединенія и залогъ силы. Но и это предложеніе до сихъ поръ не имѣло почти никакого результата. Изученіе русскаго языка между славянами усилилось по естественному ходу вещей, но племена твердо стоятъ за необходимость своихъ частныхъ литературъ. И справедливо, потому что языка нельзя бросить какъ стараго платья, по желанію, и славянскія нарѣчія безъ сомнѣнія еще надолго останутся необходимыми органами своихъ литературъ. Если славянство приметъ когда-нибудь русскій языкъ, по-крайней-мѣрѣ для главнѣйшихъ произведеній литературы, имѣющихъ общеславянскій интересъ (что̀ было бы, безъ сомнѣнія, очень полезно), это произойдетъ естественнымъ путемъ, постепеннымъ ростомъ самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланіями; а теперь (даже для успѣха этого самаго единства) необходимо стараться не объ этомъ, пока сомнительномъ внѣшнемъ и *формальномъ* единствѣ, а объ единствѣ и солидарности *содержанія*: образованности, общественно-политическихъ понятій, о соглашеніи частныхъ національныхъ идей.

Чѣмъ скорѣе въ славянскихъ литературахъ возникнетъ такое сознаніе и двинется работа въ этомъ направленіи, тѣмъ лучше и для

насъ и для славянства. Событія не будутъ ждать нашихъ долгихъ сборовъ; враги западнаго и южнаго славянства владѣютъ достаточной энергіей и ни мало не наклонны къ сантиментальному мистицизму...

Съ этой точки зрѣнія мы и считаемъ трудъ г. Тодоровича пріятнымъ явленіемъ славянской литературы. Молодое поколѣніе сербскихъ писателей даетъ уже не первый примѣръ пониманія того, о чемъ мы говорили. Тотъ же г. Пера Тодоровичъ, какъ мы видѣли изъ газетныхъ объявленій, издалъ книжку „Русиjа и балканско питање“, заключающую переводъ съ русскаго нѣсколькихъ статей по балканскому вопросу, которыя должны быть любопытны для западно- и южнославянскихъ читателей, такъ мало знающихъ наши внутреннія отношенія. Въ рядѣ изданій, гдѣ явился переводъ „Нови“, обѣщается еще нѣсколько новѣйшихъ русскихъ произведеній, и съ біографіями авторовъ. Мы посовѣтовали бы редакторамъ этихъ изданій нѣкоторую осторожность въ обращеніи съ именами живыхъ авторовъ. Редакторы, кажется, довольно знакомы съ русской литературой, и вѣроятно поймутъ нашъ совѣтъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Наконецъ, пожелаемъ сербскому изданію всякаго успѣха, какого оно заслуживаетъ по своей основной мысли, и посовѣтуемъ, чтобы оно, не увлекаясь какой-либо односторонней тенденціей, передало сербской литературѣ наиболѣе характерныя произведенія нашей литературы, которыя способны были бы ближе познакомить славянскую публику съ внутренними процессами и борьбой русской жизни,—объясняя сербскимъ читателямъ то, что̀ можетъ быть имъ не вполнѣ понятно.

Д.

ИЗВѢСТІЯ

I. Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ 1874 году, бывшимъ Петербургскимъ Отдѣломъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета на соисканіе преміи, учрежденной въ память А. Ѳ. Гильфердинга, была объявлена тэма слѣдующаго содержанія:

Перевести по-русски и ближе держась подлинника, но съ соблюденіемъ требованій чистоты литературнаго языка, лѣтопись Яна Чарнковскаго, архидьякона Гнѣзненскаго, по изданію Бѣлевскаго. Переводъ снабдить примѣчаніями. Въ введеніи представить жизнеописаніе лѣтописца и критическую оцѣнку его труда. Необходимые источники: сборники Догѣлла, Мучковскаго, Рольшевскаго, Тейнера, Гельцеля и проч. Важнѣйшія пособія: статья редактора въ изданіи Бѣлевскаго, Цейсберга: d. Polnische Geschichtsschreiber d. Mittelalters, Leipzig, 1873, прочія изслѣдованія объ этомъ лѣтописцѣ, указанныя у Цейсберга; исторія Польши и Угріи этого періода Каро, Хорвата, Салая, Фесслера, въ переработкѣ Клейна, соч. Рачкаго: Pokret na jugu Slavenskom, Zagreb 1869 г. Срокомъ представленія сочиненій на эту тэму было назначено 25 декабря 1875 г. Автору сочиненія предполагалось выдать 14 февраля 1876 г. триста р. съ сохраненіемъ всѣхъ авторскихъ правъ на рукопись. Между тѣмъ къ назначенному сроку сочиненій на эту тэму въ бывшій С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета доставлено не было. Вслѣдствіе сего Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества имѣетъ честь извѣстить, что срокъ на представленіе сочиненій на означенную тэму продолженъ до 1 Апрѣля 1880 г., а выдача преміи до 11 мая того же года съ сохраненіемъ всѣхъ вышеупомянутыхъ условій, причемъ сочиненія на соисканіе преміи должны быть представлены въ Совѣтъ Общества у Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, безъ обозначенія имени автора, но съ нумеромъ и девизомъ или эпиграфомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны нумеръ, девизъ или эпиграфъ рукописи.

II. Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.

Въ теченіи перваго полугодія 1878 г. поступило на приходъ:

Членскихъ ежегодныхъ взносовъ. . . .	1263	р.	50 к.
Сборъ отъ концерта и 2-хъ публичныхъ лекцій Профессора Тарханова. . . .	417	„	70 „
Возвращено въ уплату ссудъ.	280	„	— „
Единовременныхъ пожертвованій. . . .	2431	„	— „
Итого дохода съ 1-го января по 1-е іюля.	4342	р.	20 к.

Наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣлали:

а) *въ неприкосновенный капиталъ:*

К. И. М. 1000 р., К. Д. и А. Ѳ. Кавелины и П. А. Брюлловъ въ память покойной С. К. Брюлловой, рожденной Кавелиной, 300 р.

б) *въ расходный капиталъ:*

Общество для распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи—300 руб., профессоръ К. А. Чербишевичъ 200 руб., госпожа Л. И. Стасюлевичъ, Н. К. Рутценъ, Н. Н. Т. и А. В. Станкевичъ по 100 руб.

За тотъ же періодъ произведенно расхода:

Внесено за слушаніе лекцій и выдано въ срочныя и безсрочныя ссуды слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ 3,245 руб.

Къ 1-му іюля 1878 года, со включеніемъ остатка отъ 1877 года, состоитъ на лицо капитала: неприкосновеннаго—5,900 руб. и расходнаго—319 руб. 75 к.

Въ теченіи предстоящихъ мѣсяцевъ, до октября, членскіе взносы и пожертвованія *иногороднихъ* лицъ адресуются на имя Товарища Предсѣдателя общества, Николая Николаевича Тютчева (С.-Петербургъ, Литейная, 39).

Для удобства *столичныхъ* жителей взносы и пожертвованія въ пользу общества принимаются *въ Книжномъ магазинѣ для иногороднихъ* (Невскій проспектъ, 44) и *въ конторѣ* общества „Дружина" (Невскій проспектъ, 68, входъ съ Фонтанки). Какъ въ магазинѣ, такъ и въ конторѣ вносимыя деньги записываются собственноручно жертвователями въ особыя шнуровыя книги. Впослѣдствіи казначеемъ Общества высылаются квитанціи.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1878.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая.—Августъ.